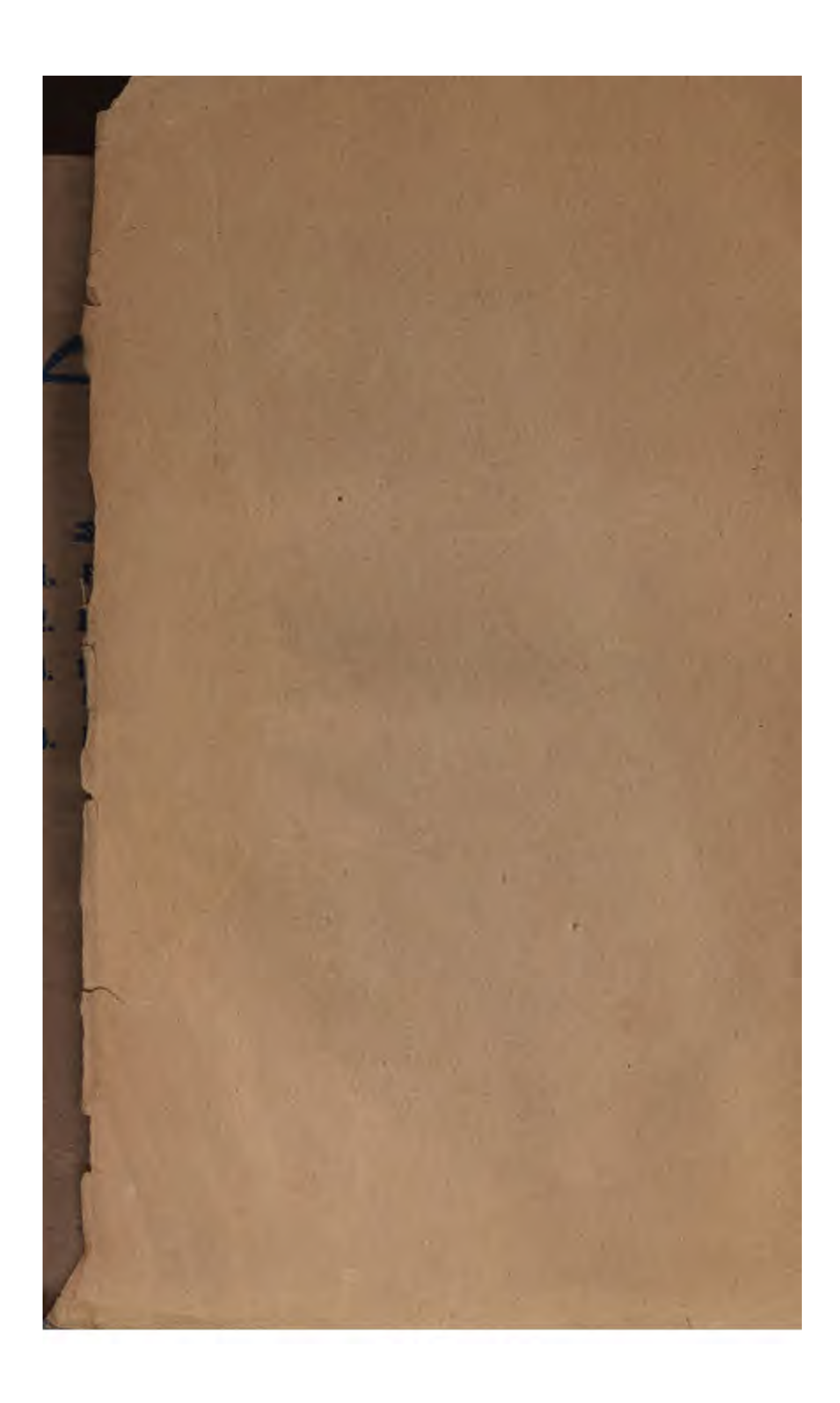
Максъ Виртъ.

ИСТОРІЯ
ТОРГОВЫХЪ КРИЗИСОВЪ
ВЪ
ЕВРОПѢ И АМЕРИКѢ

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Е. И. КОНРАДИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе редакціи журнала „Знаніе".
(Д. А. Коропчевскаго и И. А. Гольдсмита)
1877.



ОБЪЯВЛЕНІЯ

РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„ЗНАНІЕ“.

1. Объ изданіи журнала «ЗНАНІЕ» въ 1877 г.
2. Содержаніе вышедшихъ книжекъ журнала «ЗНАНІЕ» въ 1876 году.
3. Объ изданіи съ января 1877 г. «БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО УКАЗАТЕЛЯ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ».
4. О перемѣщеніи конторы и открытіи книжнаго магазина редакціи журнала «ЗНАНІЕ».
5. Каталогъ книгъ, изданныхъ редакціею журнала «ЗНАНІЕ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1876

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 декабря 1876 г.

Спб. Типографія В. Демакова. Новый пер. д. № 7.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ЗНАНІЕ"

въ 1877 году (годъ VII).

Журналъ «ЗНАНІЕ» будетъ издаваться въ 1877 году по прежней программѣ и въ прежнемъ объемѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА ВЪ ГОДЪ:

Безъ доставки и пересылки . . . . . 12 р.
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ. 13 »
Съ пересылкою въ другіе города . . . . 13 » 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи, Караванная, 8. Въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, домъ Алексѣева.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи журнала «ЗНАНІЕ», Спб., Караванная, 8.

NB. Редакція считаетъ себя отвѣтственною только передъ лицами, подписавшимися въ означенныхъ мѣстахъ.

Для подписавшихся въ редакціи допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 5 руб. 50 коп., къ 1-му мая—4 руб. и къ 1-му сентября—4 рубля.

IV

Содержаніе вышедшихъ книжекъ журнала „ЗНАНІЕ“ въ 1876 году.

Занимаясь до нынѣшняго года преимущественно установленіемъ и развитіемъ основныхъ положеній въ области космологіи, біологіи и антропологіи, журналъ „ЗНАНІЕ“ съ 1876 г. приступилъ къ дальнѣйшему развитію своей программы, а именно къ изслѣдованіямъ въ области науки объ обществѣ.

Въ одинадцати вышедшихъ книжкахъ нынѣшняго года были помѣщены по различнымъ отраслямъ положительнаго знанія слѣдующія статьи:

Философія. Современныя задачи философіи (*В. Вундта*). Мифическое міросозерцаніе и положительная философія. (*Н. Карѣева*).

Математика. О происхожденіи и значеніи геометрическихъ аксіомъ (*Г. Гельмгольца*).

Астрономія. Жизнь въ другихъ мірахъ (*Р. Проктора*).

Физическія науки. Вѣчное движеніе (по *С. Роберу*).—Ураганы и грозы (*Г. Гельмгольца*).—Механическое дѣйствіе свѣта (*У. Крукса*).

Біологія. Опредѣленіе жизни (*Кл. Бернара*). — Современная біологія и Эрнстъ Геккель (*В. Вольфсона*). — Новый методъ въ геологіи (*Г. Гербста*).

Психологія. Сравнительная психологія человѣка (*Г. Спенсера*).— О предѣлахъ чувственныхъ воспріятій (*В. Прейсра*). — Наблюденія надъ усвоеніемъ языка ребенкомъ (*И. Тэна*).

Антропологія. На Нантскомъ конгрессѣ и въ Бретани (*В. Майнова*). — Антропологія и университетъ (*Н. К—р—ва*). — Колонизація Россіи и сѣвера Скандинавіи и древнѣйшее состояніе ихъ цивилизаціи (по *Ворсоэ*). — Бракъ между близкими родственниками (по *Дж. Дарвичу* и *А. Гёту*). —Ордаліи и клятвы (*Э. Тэйлора*).—Бытовые фазисы народовъ (*Кл. Ройе*).

Медицина. Кавказскія минеральныя воды (д-ра *А. Григорьева*).

Общественныя науки. Законъ общественнаго развитія (*Дж. Фиска*). — Генезисъ общественности (Опытъ введенія въ соціологію) *Б. Л.*—Матеріалы для наблюденія надъ общественно-экономическою жизнью

русскаго города (*Н. Зибера*). — Размѣщеніе по квартирамъ представителей различныхъ профессій въ составѣ петербургскаго населенія (*Н. Зибера*). — Берлинскіе грюндеры и ихъ мошенничества (*Н. З*). — Экономическая теорія Маркса (*Н.*). — Выводы современной экономической науки (*В. Беджгота*).

Наука объ искусствѣ и научная критика литературныхъ произведеній. Искусство, какъ предметъ науки (*Дж. Сёлли*).—Драма (историко-культурный очеркъ) (*В. Г. Поллока*). — Спорные вопросы о значеніи музыки съ точки зрѣнія философіи (*Э. Гёрнея*).— Драмы Шекспира и современная психіатрія (*Е. Онимюса*).

Сельское хозяйство. О нѣкоторыхъ естественныхъ причинахъ неурожаевъ въ южной и юго-восточной Россіи и средствахъ къ ихъ устраненію (*П. Лохтина*).—Почва и ея назначеніе (*Г. Мёля*).

Исторія наукъ. Леонардо да Винчи, какъ ученый (*И. Л—аго*). — Адамъ Смитъ, какъ личность (*В. Беджгота*).—Историческое развитіе ученій о веществѣ (*В. Вундта*).

Исторія культуры. Исламъ въ XIX вѣкѣ (*Г. Вамбери*). — Теорія иллиризма и ея значеніе въ юго-славянскомъ мірѣ (*Л. Березина*).— Изъ исторіи отношеній между церковью и государствомъ въ западной Европѣ (*М. Драгоманова*). — О древней внутренней организаціи хорвато-сербовъ (*Л. Березина*).

Философія исторіи. Философія исторіи и теорія прогресса (*Н—К—ва*).

Въ отдѣлѣ «Критики и библіографіи» были помѣщены подробные разборы слѣдующихъ сочиненій: «Насѣкомоядныя растенія» и «Движенія и привычки ползучихъ растеній» Ч. Дарвина. — «Сборникъ въ память перваго русскаго статистическаго съѣзда 1870 г.» вып. II. — «О преподаваніи и изученіи медицинскихъ наукъ въ нѣмецкихъ университетахъ» д-ра Бильрота (ст. проф. *А. Якобія*).— «Очеркъ исторіи распаденія общиннаго землевладѣнія въ кантонѣ Ваадтъ» М. Ковалевскаго (ст. *Н. Карѣева*).—«Исторія климатовъ земнаго шара» Дж. Кролля.— «Зыряне и зырянскій край» М. Попова (ст. *Н. Камкина*).—О преподаваніи біологическихъ наукъ въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ (ст. *В. Вольфсона*). — «Біологія» д-ра Ш. Летурно (ст. *В. Вольфсона*).

Кромѣ того, въ этомъ отдѣлѣ были помѣщены рецензіи о 29 русскихъ и иностранныхъ сочиненіяхъ.

Въ отдѣлѣ «Разныхъ извѣстій» были представлены сообщенія о новѣйшихъ открытіяхъ и работахъ по всѣмъ отраслямъ естествознанія, въ видѣ 126 мелкихъ статей.

Къ журналу прилагался «Библіографическій указатель русскихъ и иностранныхъ книгъ», содержавшій въ себѣ перечень всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ и наиболѣе интересныхъ въ научномъ отношеніи иностранныхъ сочиненій.

Въ видѣ особыхъ приложеній, въ журналѣ были помѣщены слѣдующія сочиненія: «Измаилія, разсказъ объ экспедиціи въ среднюю Африку» *С. Бэкера-паши* (2-я половина).—«Исторія торговыхъ кризисовъ въ Европѣ и Америкѣ» *М. Вирта.* —«Происхожденіе семьи» *А. Жиро Тёлона.*

Въ 1877 г. журналъ „ЗНАНІЕ“ будетъ продолжать дальнѣйшее развитіе своей задачи, т. е. будетъ слѣдить за ходомъ научной мысли, преимущественно въ ея стремленіяхъ примѣниться къ требованіямъ современной жизни. Эти намѣренія журнала должны прежде всего выразиться въ изложеніи и критикѣ научной литературы, сообразно тому, чего мыслящая часть нашего общества требуетъ отъ науки въ данное время и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ примѣненіи къ пониманію общественныхъ явленій данныхъ науки, насколько эта послѣдняя даетъ къ тому возможности. Именно въ такой формѣ журналъ „ЗНАНІЕ“ видитъ связь между наукой и жизнью и ставитъ своимъ назначеніемъ служить поддержанію и укрѣпленію этой связи.

ОБЪ ИЗДАНІИ

съ января 1877 года

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО УКАЗАТЕЛЯ

РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ“.

Съ января 1877 года, «Библіографическій указатель русскихъ и иностранныхъ книгъ», прилагавшійся къ журналу «Знаніе», будетъ выходить отдѣльно въ значительно пополненномъ и расширенномъ видѣ. «Указатель» будетъ представлять собою ежемѣсячный систематическій каталогъ всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ книгъ. Къ «Указателю» будутъ прилагаться и частныя объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА «УКАЗАТЕЛЯ» ВЪ ГОДЪ:

Безъ доставки . . . . 1 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою въ другіе города . . . . 1 » 20 к.
Цѣна каждаго нумера отдѣльно. . . . . — » 10 »

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ конторѣ редакціи журнала «Знаніе», Караванная, 8.

ВЪ МОСКВѢ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, д. Алексѣева, и Н. И. Мамонтова, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова.

NB. «Библіографическій указатель» будетъ по прежнему прилагаться къ журналу «Знаніе».

КАТАЛОГЪ

КНИГЪ ИЗДАННЫХЪ РЕДАКЦІЕЙ ЖУРНАЛА

„Знаніе".

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА И ПОЛОВОЙ ПОДБОРЪ.

Соч. Чарльза Дарвина. Сокращ. переводъ съ англійскаго. Съ рисунками. [Ц. 2 р. 50 к.]

ПЕРВОБЫТНАЯ КУЛЬТУРА.

Изслѣдованія развитія миѳологіи, философіи, религіи, искусства и обычаевъ. Эдуарда Б. Тэйлора. Пер. съ англ. подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. 2 тома. [Ц. 6 руб.]

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Наука о культурѣ.—2) Развитіе культуры.—3) и 4) Переживаніе въ культурѣ.—5) и 6) Эмоціональный и подражательный языкъ.—7) Искусство счисленія.—8), 9) и 10) Миѳологія.—11 до 17) Анимизмъ.—18) Обряды и церемоніи.—19) Заключеніе.

НАЧАЛО ЦИВИЛИЗАЦІИ.

Умственное и общественное состояніе дикарей. Сэра Джона Лёббока. Пер. съ англ. подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Съ таблицами и рисунками въ текстѣ. [Ц. 2 р. 50 к.]

СОДЕРЖАНІЕ: Введеніе.—Искусства и украшенія.—Бракъ и родство.—Развитіе понятій о родствѣ.—Вѣрованія.—Характеръ и нравственность.—Языкъ.—Право.

О ПЕРЕМѢЩЕНІИ КОНТОРЫ.

и

ОТКРЫТІИ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ЗНАНІЕ»

Въ ноябрѣ настоящаго года контора редакціи журнала «Знаніе» переведена на *Караванную, д. № 8.*

Вмѣстѣ съ тѣмъ при конторѣ редакціи открытъ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ для продажи изданій редакціи журнала «Знаніе», а также и всѣхъ другихъ вновь выходящихъ книгъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ЗНАНІЕ» намѣренъ обратить **преимущественное** вниманіе на **научную** и **учебную** литературу.

Магазинъ принимаетъ заказы на доставленіе всѣхъ находящихся въ продажѣ книгъ.

Порученія иногородныхъ будутъ исполняться вполнѣ своевременно.

Въ **книжномъ магазинѣ редакціи журнала «Знаніе»** принимается подписка на всѣ русскіе журналы и газеты, причемъ подписныя деньги тотчасъ же передаются въ редакцію выписываемаго изданія, а подписчику высылается билетъ означенной редакціи по его желанію.

О всѣхъ изданіяхъ, поступающихъ въ книжный магазинъ редакціи журнала „ЗНАНІЕ“, будетъ публиковаться въ особыхъ катологахъ при журналѣ „ЗНАНІЕ“ и при „БИБЛІОГРАФИЧЕСКОМЪ УКАЗАТЕЛѢ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ“, издаваемомъ редакціей.

NB. Подписчики журнала „ЗНАНІЕ“ при покупкѣ изданій редакціи по прежнему пользуются уступкой 20%, а при покупкѣ другихъ книгъ за пересылку ничего не платятъ.

КАТАЛОГЪ

КНИГЪ ИЗДАННЫХЪ РЕДАКЦІЕЙ ЖУРНАЛА

„Знаніе".

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА И ПОЛОВОЙ ПОДБОРЪ.

Соч. Чарльза Дарвина. Сокращ. переводъ съ англійскаго. Съ рисунками. [Ц. 2 р. 50 к.]

ПЕРВОБЫТНАЯ КУЛЬТУРА.

Изслѣдованія развитія миѳологіи, философіи, религіи, искусства и обычаевъ. Эдуарда Б. Тэйлора. Пер. съ англ. подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. 2 тома. [Ц. 6 руб.]

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Наука о культурѣ.—2) Развитіе культуры.—3) и 4) Переживаніе въ культурѣ.—5) и 6) Эмоціональный и подражательный языкъ.—7) Искусство счисленія.—8), 9) и 10) Миѳологія.—11 до 17) Анимизмъ.—18) Обряды и церемоніи.—19) Заключеніе.

НАЧАЛО ЦИВИЛИЗАЦІИ.

Умственное и общественное состояніе дикарей. Сэра Джона Лёббока. Пер. съ англ. подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Съ таблицами и рисунками въ текстѣ. [Ц. 2 р. 50 к.]

СОДЕРЖАНІЕ: Введеніе.—Искусства и украшенія.—Бракъ и родство.—Развитіе понятій о родствѣ.—Вѣрованія.—Характеръ и нравственность.—Языкъ.—Право.

НАСЛѢДСТВЕННОСТЬ ТАЛАНТА.

Ея законы и послѣдствія. Френсиса Гальтона. Пер. съ англійскаго. [Ц. 2 р.]

СОДЕРЖАНІЕ: Вступительная глава.—Классификація людей по ихъ репутаціи.—Классификація людей по ихъ природнымъ дарованіямъ.—Англійскіе судьи.—Государственные люди.—Англійскія пэрства и ихъ вліяніе на потомство.—Полководцы.—Писатели.—Ученые.—Поэты.—Музыканты.—Живописцы.—Гребцы.—Сравненіе результатовъ.—Сравнительное достоинство различныхъ расъ.—Моменты, которые вліяютъ на естественныя силы народа.

ВОПРОСЫ О ЖИЗНИ И ДУХѢ.

Соч. Дж. Г. Льюиса. Томъ первый. Пер. съ англ. [Ц. 2 р. 50 к.]

СОДЕРЖАНІЕ: I. Научный методъ и его приложеніе къ метафизикѣ.—Мѣсто метафизики въ ряду наукъ.—Правила философскаго мышленія.—Психологическія начала.—Предѣлы знанія.

ВОПРОСЫ О ЖИЗНИ И ДУХѢ.

Соч. Дж. Г. Льюиса. Томъ второй. Пер. съ англ. [Ц. 3 р.]

СОДЕРЖАНІЕ: **Проблема II.** Основы достовѣрности. Опредѣленіе задачи. Есть и кажется. Что такое истина? Достовѣрность истинъ. Логическія основы. Законъ неизмѣнныхъ. **Проблема III.** Отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Природа отражающаяся въ чувствованіи и мысли. Сужденіе. Разсужденіе: силлогизмъ. Индукція, дедукція и редукція. О расширеніи знанія при посредствѣ разсужденія. **Проблема IV.** Матерія и сила. Постановка вопроса. Приложеніе нашего метода. Свойства матеріи. Рѣшеніе. **Проблема V.** Сила и причина. Понятіе о силѣ. Значенія причины. Тождество причины и эффекта. **Проблема VI.** Абсолютное въ соотношеніяхъ чувствованія съ движеніемъ. Постановка задачи. Вещи въ ихъ аттрибутахъ и сами по себѣ. Абсолютное, какъ непознаваемая сила. Движеніе, какъ видъ чувствованія. **Приложенія.** Мнимая геометрія и истины аксіомъ. Лагранжъ и Гегель: спекулятивный методъ. Дѣйствіе на разстояніи.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ АРАВІИ.

Соч. Джиффорда Пальгрэва. Пер. съ англ. [Ц. 2 р. 50 к.]

БАСНИ И СКАЗКИ ДИКИХЪ НАРОДОВЪ.

I. Животный эпосъ и легенды готтентотовъ. II. Дѣтскія сказки и преданія зулусовъ. Пер. съ англ. [Ц. 75 к.]

ОПЫТЪ ИСТОРІИ МЫСЛИ.

Выпускъ I-й. [Ц. 1 р. 25 к.]

СОДЕРЖАНІЕ: Задачи исторіи мысли.—Подготовленіе человѣка.—Космическая основа исторіи мысли.—Геологическая основа исторіи мысли.

ДРЕВНѢЙШАЯ ИСТОРІЯ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Соч. Сэра Генри С. Мэна. Пер. съ англ. А. П. Нахимова. [Ц. 2 р.]

СОДЕРЖАНІЕ: Новые матеріалы для древнѣйшей исторіи учрежденій.—Древнее ирландское право.—Родство, какъ основа общества.—Племя и земля.—Положеніе начальника.—Начальникъ и земля.—Древнѣйшія подраздѣленія семьи.—Развитіе и распространеніе первичныхъ понятій.—Первоначальные способы возстановленія правъ.—Древнѣйшая исторія права собственности замужнихъ женщинъ.—Верховная власть.—Верховная власть и государство.

ИЗМАИЛІЯ.

Разсказъ объ экспедиціи въ Среднюю Африку съ цѣлью прекращенія торговли невольниками. Сэра Сэмьюэля Бэкера-паши. Пер. съ англ. Съ гравированнымъ портретомъ автора, 50 рисунками и двумя картами. [Ц. 4 р.]

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

I. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПОЛИТИКА.

Мысли о примѣненіи началъ естественнаго подбора и наслѣдственности къ политическому обществу. Вальтера Беджгота. Пер. съ англ., подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. [Ц. 1 р. 50 к.]

II и III. ИЗУЧЕНІЕ СОЦІОЛОГІИ.

Соч. Герберта Спенсера. Пер. съ англ., подъ ред. И. А. Гольдсмита. 2 тома. [Ц. 3 р.]

СОДЕРЖАНІЕ: Изученіе соціологіи.—Почему оно намъ нужно.—Существуетъ ли соціальная наука?—Характеръ соціальной науки.—Трудность соціальной науки.—Объективныя затрудненія.—Субъективныя затрудненія: а) интеллектуальныя, b) со стороны чувства.—Затрудненія отъ недостатковъ воспитанія.—Патріотическая точка зрѣнія.—Сословные предразсудки.—Политическія воззрѣнія.—Догматическія воззрѣнія.—Умственная дисциплина.—Біологическая подготовка.—Психологическая подготовка.—Заключеніе.

IV. ХИМИЧЕСКІЯ ДѢЙСТВІЯ СВѢТА И ФОТОГРАФІЯ.

Въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности, проф. Германа Фогеля. Съ 94-мя политипажами и 5-ю фотографическими снимками. Пер. съ нѣм., подъ ред. Я. К Гутковскаго. [Ц. 3 р.]

СОДЕРЖАНІЕ: Развитіе фотохимическихъ знаній.—Свѣтъ, какъ химическій дѣятель.—Свѣтъ, тѣни и перспектива.—Примѣненіе фотографіи: портретная фотографія, ландшафтная фотографія.—Фотографическое землемѣрное искусство.—Астрономическая фотографія.—Фотографія и медицина.—Фотографія и микроскопъ.—Пирофотографія.—Волшебная фотографія.—Геліографическій способъ Скамони.—Фотографія и судебная практика.—Фотографія, промышленность и искусство.—Хромофотографія.—Геліографія.—Рельефное печатаніе.—Печатаніе свѣтомъ.—Фотолитографія.—Фотографія природными красками.—Фотографія, какъ предметъ преподаванія.

V. МЕХАНИКА ЖИВОТНАГО ОРГАНИЗМА.

Передвиженіе по землѣ и по воздуху. Э. Марея. Съ 117 политипажами. Пер. съ франц. [Ц. 2 р.]

СОДЕРЖАНІЕ: Силы и органы.—О силахъ въ мірѣ неорганическомъ и органическомъ.—Превращеніе физическихъ силъ.—О животной теплотѣ.—О движеніи у животныхъ.—Сокращеніе и работа мускуловъ.—Объ электричествѣ животныхъ.—Механика животнаго организма.—Гармонія между органомъ и его функціей.—Гипотеза превращенія видовъ.—Измѣняемость скелета.—Функціи: передвиженіе по землѣ.—О передвиженіи вообще.—Передвиженіе по землѣ.—Двуногіе.—О различныхъ аллюрахъ человѣка.—Передвиженія четвероногихъ, изученныя на лошади.—Опыты надъ аллюрами лошади.—Передвиженіе по воздуху.—Полетъ насѣкомыхъ.—Механизмъ полета насѣкомыхъ.—Полетъ птицъ.—Движеніе птичьяго крыла при полетѣ.

VI. СОХРАНЕНІЕ ЭНЕРГІИ.

Соч. Бальфура Стюарта. Пер. съ англійск., подъ редакціей П. А Хлѣбникова. Съ 14 политипажами.

[Изданіе распродано].

VII. ОТВѢТСТВЕННОСТЬ ПРИ ДУШЕВНЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ.

Соч. Генри Маудсли. Перев. съ англ., подъ редакц. и съ дополненіями д-ра О. А. Чечотта. [Ц. 2 р. 50 коп.]

СОДЕРЖАНІЕ: Пограничная область между душевнымъ здоровьемъ и душевнымъ разстройствомъ.—Различныя формы душевнаго разстройства. — Законодательство и душевныя болѣзни. — Русское законодательство и душевныя болѣзни. — Частное помѣшательство: 1) Чувственное помѣшательство; 2) Частное умственное или мыслительное помѣшательство. — Эпилептическое помѣшательство. — Старческое слабоуміе.—Предотвращеніе помѣшательства.

VIII. УЧЕНІЕ О РАЗВИТІИ ОРГАНИЧЕСКАГО МІРА.

Соч. Оскара Шмидта. Перев. съ нѣм. Съ 26-ю рисунками. [Ц. 2 р.]

СОДЕРЖАНІЕ: Вступленіе.—Указанія на выводы лингвистики.—Положительныя знанія, необходимыя при изученіи теоріи развитія.—Предѣлы естествознанія. — Міръ животныхъ въ его настоящемъ составѣ.—Явленія размноженія въ животномъ мірѣ.—Міръ животныхъ въ его историческомъ или палеонтологическомъ развитіи.—Естественное развитіе. Линней, Кювье, Агассицъ.—Разборъ понятія о видѣ.—Натурфилософія.—Гёте.—Предопредѣленныя превращенія по Ричарду Оуэну. Ламаркъ.—Лайэль и новѣйшая геологія. — Дарвинова теорія естественнаго подбора.—Начало жизни. — Наслѣдственность. — Возвратъ.—Измѣнчивость.—Приспособленіе.—Послѣдствія употребленія и неупотребленія органовъ. — Дифференцированіе ведетъ къ усовершенствованію.—Развитіе особи есть повтореніе историческаго развитія отдѣла.—Географическое распространеніе животныхъ съ точки зрѣнія теоріи развитія. — Родословная позвоночныхъ животныхъ.—Человѣкъ.

IX. ФИЗІОЛОГІЯ ОРГАНОВЪ ЧУВСТВЪ.

Соч. І. Бернштейна. Пер. съ нѣм. Съ 91 рис.

[Ц. 2 р.]

СОДЕРЖАНІЕ: Введеніе.—Виды чувствительности.—Чувство осязанія.—Чувство мѣстности. — Чувство давленія. — Термическое чув-

ство.—Строеніе глаза.—Аккомодація глаза. — Близорукость и дальнозоркость. — Ощущенія, вызываемыя внутри глаза. — Строеніе сѣтчатки.—Слѣпое пятно и желтое пятно.—Цвѣта спектра.—Три основныхъ цвѣта.—Цвѣтная слѣпота.—Свѣтовые слѣды. — Гармонія красокъ.—Движеніе глазъ. — Видѣніе обоими глазами.—Тѣлесное видѣніе.—Ощущеніе блеска.—Оптическіе обманы.—Цвѣточные обманы.—Строеніе слуховаго органа.—Тоны, звуки и шумы.—Музыкальные инструменты.—Проведеніе звука черезъ воздухъ и кости головы.—Ушная раковина и наружный слуховой проходъ.—Части уха и ихъ дѣятельность.—Звуковыя ощущенія.—Монохордъ.—Октава и ея дѣленіе.—Музыкальные звуки.—Графическое изображеніе тембра.—Разложеніе музыкальныхъ звуковъ по закону Фурье.—Теорія Гельмгольца.—Гармонія музыкальныхъ звуковъ.—Аккорды.—Ритмы. — Чувство обонянія.—Чувство вкуса.

X. НОВАЯ ХИМІЯ.

Соч. Джосіи Кука. Пер. съ англ. подъ ред. и съ предисловіемъ А. М. Бутлерова. Съ 31 рис. [Ц. 2 р.]

СОДЕРЖАНІЕ: Лекція I. Молекулы и законъ Авогадро.—II. Три молекулярныя состоянія матеріи: газообразное, жидкое и твердое.—III. Какъ взвѣшиваются молекулы?—IV. Химическій составъ.—Анализъ и синтезъ.—Атомистическая теорія.—V. Элементарныя вещества и количественныя отношенія, въ которыхъ они между собою соединяются.—VI. Атомные вѣса и химическіе знаки. — VII. Химическія реакціи.—VIII. Классификація химическихъ реакцій.—IX. Теорія горѣнія.—X. Порохъ и нитроглицеринъ. — XI. Эквивалентность и замѣщенія. —XII. Щелочи и кислоты. — Электрохимическая теорія.—XIII. Изомерія и синтезъ органическихъ соединеній.

XI. ФОРМЫ ВОДЫ.

Дождь, рѣки, ледъ и ледники. Джона Тиндаля. Пер. съ англ. подъ ред. К. А. Кирпичева. [Ц. 1 р. 25 к.]

XII. ИСТОРІЯ ОТНОШЕНІЙ МЕЖДУ КАТОЛИЦИЗМОМЪ И НАУКОЙ.

Соч. Уильяма Дрэпера. Пер. съ англ. подъ ред. А. Н. Пыпина. [Ц. 2 р.]

СОДЕРЖАНІЕ: Глава I. Происхожденіе науки.—II. Начало христіанской эпохи. —III. Метафизическіе споры. —IV. Возстановленіе науки на югѣ.—V. Столкновеніе относительно природы души.—Ученіе объ эманаціи и поглощеніи. — VI. Споръ относительно природы

міра.—VII. Споръ относительно древности земли.—VIII. Столкновеніе относительно критерія истины.—IX. Споръ отнотительно управленія вселенной. — X. Латинское христіанство въ отношеніи къ новѣйшей цивилизаціи.—XI. Наука въ отношенія къ новѣйшей цивилизаціи.—XII. Предстоящій кризисъ.

ОСНОВАНІЯ ФИЗІОЛОГІИ УМА.

Въ ея примѣненіяхъ къ воспитанію и образованію ума и изученію его болѣзненныхъ состояній. Уильяма Б. Карпентера. Т. I. Пер. со 2-го англ. изданія.

[Ц., съ билетомъ на II т., 4 р.]

СОДЕРЖАНІЕ: Книга I. Общая физіологія. Предисловіе.— Глава I. Общія отношенія между духомъ и тѣломъ. — II. Нервная система и ея дѣятельность. Отд. 1. Отношеніе нервной системы къ тѣлу вообще. Отд. 2. Строеніе нервной системы. Отд. 3. Различныя формы и свойства нервныхъ аппаратовъ. Отд. 4. Общій обзоръ; функціональныя отношенія узловыхъ центровъ спинно-мозговой системы у человѣка. — Симпатическая система. — III. Вниманіе. — IV. Ощущеніе. — V. Воспріятіе и инстинктъ. — VI. Образованіе идей и идеодвигательная дѣятельность. Отд. 1. Объ идеаціи вообще. Отд. 2. Послѣдователь идей. Законъ мышленія. Отд. 3. Идео-двигательныя явленія. — VII. Эмоціи. — VIII. Привычка.

Въ самомъ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ:

ОСНОВАНІЯ ФИЗІОЛОГІИ УМА.

Въ ея примѣненіяхъ къ воспитанію и образованію ума и изученію его болѣзненныхъ состояній. Уильяма Б. Карпентера. Т. II. Пер. со 2-го англ. изданія.

Издатели журнала «Знаніе»: **Д. Коропчевскій.**
И. А. Гольдсмитъ.

Въ книжномъ магазинѣ редакціи журнала „ЗНАНІЕ, Караванная, № 8 и въ другихъ книжныхъ магазинахъ поступила въ продажу
НОВАЯ КНИГА:

РИМСКІЙ КАТОЛИЦИЗМЪ ВЪ РОССІИ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Графа Дмитрія Андреевича ТОЛСТАГО,

Министра Народнаго Просвѣщенія и Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Цѣна за оба тома 6 р.

Лица духовнаго вѣдомства и учебныя заведенія, **обращающіяся непосредственно въ складъ изданія, платятъ 5 р. за оба тома.** Гг. иногородные благоволятъ прилагать на пересылку за 4 фунта.

Складъ изданія (Спб. Новый переулокъ, д. № 7. Типографія В. Ѳ. Демакова).

СОДЕРЖАНІЕ I ТОМА:—I. Покушенія римскаго двора совратить Россію въ римскій католицизмъ, съ десятаго до конца шестнадцатаго столѣтія. — II. Царь Іоаннъ IV Васильевичь и іезуитъ Поссевинъ.—III. Участіе римскаго католицизма въ смутахъ Россіи въ началѣ семнадцатаго столѣтія. — Посольство царя Алексѣя Михаиловича въ Римъ. — IV. Римскій католицизмъ въ Россіи отъ царствованія Іоанна и Петра Алексѣевичей до возсоединенія съ нею западнаго края. — V. Историческій обзоръ римскаго католицизма въ Литвѣ подъ владычествомъ Польши. — VI. Историческій обзоръ римско-католическихъ епархій въ Литвѣ. — Заключеніе первой части.—Приложенія 1—23.

СОДЕРЖАНІЕ II ТОМА:—VII. Состояніе латынской церкви въ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II. — VIII. Состояніе римско-католической церкви въ Россіи въ царствованіе императора Павла.—IX. Состояніе управленія латынскимъ духовенствомъ при императорѣ Александрѣ I. — X. Іезуиты при императорѣ Александрѣ I. — XI. Управленіе римско-католическимъ духовенствомъ по изгнаніи іезуитовъ. — Состояніе бѣлаго духовенства при Императорѣ Александрѣ I. — XII. Монашескіе ордена въ царствованіе императора Александра I. — XIII. Общій взглядъ на положеніе латынскаго духовенства въ царствованіе императора Александра I.— Пропаганда и ея способы.—Установленный порядокъ сношеній духовенства съ римскимъ дворомъ.—XIV. Состояніе армяно-католической и греко-уніатской церквей въ царствованіе императора Александра I. — XV. Сношенія русскаго кабинета съ римскимъ дворомъ при императорѣ Александрѣ I. — Заключеніе. — Приложенія 1—33. — Алфавитный списокъ лицъ, упоминаемыхъ въ обоихъ томахъ.

ИСТОРІЯ

ТОРГОВЫХЪ КРИЗИСОВЪ

ВЪ

ЕВРОПѢ И АМЕРИКѢ

Макса Вирта.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Е. И. КОНРАДИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе редакціи журнала „Знаніе".
(Д. А. Коропчевскаго и И. А. Гольдсмита)
1877.

Спб. Типографія В. Демакова. Нов пер., д. № 7.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Гл.		Стр.
I.	Любекскій торговый кризисъ въ началѣ XVII столѣтія	1
II.	Тюльпаноманія въ Нидерландахъ	4
III.	Англійскій денежный кризисъ 1696	7
IV.	Система Лау во Франціи	10
V.	Періодъ спекуляціи на южно-американскую торговлю въ Англіи	27
VI.	Гамбургскіе торговые кризисы въ 1763 и 1799 годахъ	45
VII.	Кризисы 1815 и 1825 въ Англіи	65
VIII.	Кризисы 1814, 1837 и 1839 гг. въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки	94
IX.	Англійскіе кризисы 1836, 1839 и 1847 г	132
X.	Кризисъ 1857 г.	170
XI.	Денежный кризисъ 1863 и 1864 гг. во Франціи	312
XII.	Кризисъ 1866 въ Лондонѣ	314
XIII.	Черная пятница 28-го сентября 1869 г. въ Нью-Іоркѣ	324
XIV.	Кризисъ 1873 г.	336

своемъ дневникѣ, веденномъ съ 1603 по 1620 г., въ слѣдующихъ внушительныхъ строкахъ:

„И въ оные дни моей жизни произошелъ неслыханный застой въ дѣлахъ и стали взиматься такіе нехристіанскіе проценты, и въ торговлѣ и въ денежномъ обращеніи настала такая черезмѣрная дороговизна, что съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, ничего подобнаго не бывало. И таковымъ ростовщичествомъ занимались именитѣйшіе бургомистры и члены магистрата; и граждане, и знатные господа въ Гольштейнѣ пускали такимъ образомъ свои деньги въ оборотъ; и вслѣдствіе этого, многіе граждане, по своей неосторожности, высокомѣрію и чванству, желая на чужія деньги пустить другимъ пыль въ глаза и вести большія торговыя дѣла, позабывъ Бога и навлекши на себя гнѣвъ Его, къ великому своему ущербу, не замѣчали, что платимые ими проценты поѣдали ихъ, пока разоренье не очутилось у нихъ на носу. Тогда оказалось, что они такъ запутались взаимными поручительствами другъ за друга и письменными обязательствами другъ передъ другомъ, что всѣ они черезъ это погибли и обѣднѣли, и вынуждены были бѣжать, оставляя обманутыми многихъ честныхъ людей, поручившихся за нихъ; между сказанными поручителями, кто могъ платить—платилъ, а кто не могъ—бѣжалъ заодно съ обманувшими его и между этими людьми, разоренными поручительствами, многіе, еще въ молодыхъ лѣтахъ, умирали съ горя... И вотъ почему, дѣти мои и наслѣдники, все сіе я записалъ въ примѣръ и поученіе вамъ, дабы вы боялись Бога, и придерживались смиренія и трудолюбія, и не гонялись за большими торговыми оборотами, прежде, чѣмъ то вамъ будетъ дано отъ Бога. Ибо желающіе разбогатѣть насильственно и скоро обыкновенно обрѣтаютъ лишь нищету и банкротство.“

Такъ какъ кризисъ этого времени былъ еще увеличенъ неурядицей монетной системы, то Любекъ старался помочь послѣдовавшему за кризисомъ застою въ дѣлахъ и вообще паденію своей торговли приведеніемъ въ порядокъ монетной системы. Такъ какъ около 1619 г. такъ называемые „кипперы“ и „випперы“ (обрѣзчики монетъ) пустили въ обращеніе отъ имени и подъ гербомъ города Любека много фальшивой монеты, то города Любекъ, Гамбургъ и Бременъ вступили 6-го апрѣля 1620 г. съ герцогами Мекленбургскими въ соглашеніе, имѣвшее цѣлью устранить это зло. Но соглашеніе оказалось столь недѣйствительнымъ, что на слѣдующій же годъ цѣнность рейхсталера поднялась до 54-хъ шиллинговъ. Вслѣдствіе этого въ 1622 г. отъ датскаго короля, выступавшаго тутъ въ качествѣ герцога Голштинскаго, а также отъ герцоговъ: Померанскаго, Мекленбургскаго и Саксенъ-Лауэнбургскаго, были посланы представители, которые съѣхались въ Любекѣ съ уполномоченными Любека, Бремена и Гамбурга и издали по общемъ соглашеніи монетный эдиктъ, назначавшій въ 1623 году извѣстный день, послѣ котораго рейхсталеръ, стоявшій въ ту пору въ 48 шиллингахъ, долженъ былъ считаться лишь въ 40 шиллинговъ. Публика

Нѣкоторое время Любекъ стремился оспаривать первенство у Гамбурга, но уже въ началѣ XVII столѣтія въ Любекѣ стали раздаваться жалобы на упадокъ торговли и на то, что Гамбургъ изъ года въ годъ все болѣе и болѣе опережаетъ своего соперника. Золотой вѣкъ любекской торговли приходится между половиною XIV и половиною XV столѣтій. Въ то время Любекъ былъ первостепеннымъ рынкомъ, не только для ближайшихъ своихъ сосѣдей—Гольштейна, Лауэнбурга и Мекленбурга, но и для болѣе отдаленныхъ мѣстностей Германіи,—для Люнебурга, Брауншвейга, Зальцведеля, Магдебурга, для всѣхъ городовъ Гарца и, даже, вплоть до Франконіи и до при-рейнскихъ мѣстностей; въ особенности значеніе его увеличилось послѣ того, какъ внутренняя торговля получила необычайное для того времени облегченіе черезъ соединеніе Эльбы съ Травою посредствомъ Штёкницкаго канала. Подъ покровительствомъ Ганзы образовались, кромѣ того, особыя торговыя и судоходныя компаніи, которыя, смотря по мѣсту своего назначенія, назывались Фландрскими, Бергенскими, Новгородскими, Стокгольмскими и Рижскими. Любекцы занимались непосредственною торговлею между различными мѣстностями, оставлявшею собственный ихъ городъ въ сторонѣ; такъ они поддерживали оживленныя прямыя сношенія между Англіей и Фландріей, и между Бергеномъ и Сканіей, и обратно; не одинъ корабль, снаряженный на ихъ счетъ въ Новгородѣ, перегружалъ помощью шкунъ свой фрахтъ на корабли, отходившіе въ Лондонъ или Брюгге, и, обратно, забиралъ ихъ грузы для доставки въ Новгородъ или Ригу. Но по мѣрѣ того, какъ появившееся вскорѣ за тѣмъ возрастаніе предпріимчивости въ англичанахъ и голландцахъ стало вытѣснять любекцевъ, они утрачивали одну торговую привиллегію за другою, и въ XVII столѣтіи торговля Любека пришла въ такой упадокъ, что ему, какъ было замѣчено выше, стало очень трудно выдерживать конкуренцію Гамбурга. Между тѣмъ, какъ разъ въ эту эпоху Любекъ, повидимому, сдѣлалъ отчаянное усиліе, чтобы снова завоевать себѣ свое прежнее положеніе; это усиліе повлекло за собою періодъ сумасшедшихъ спекуляцій и затѣмъ—денежный кризисъ, первый въ исторіи Германской имперіи, о которомъ имѣющіеся источники сообщаютъ намъ сколько нибудь опредѣленныя данныя. Торговыя спекуляціи, охватившія всѣ сѣверные города, сдѣлались такъ обширны, что наличнаго капитала на нихъ не хватало; пришлось обратиться къ кредиту, и тогда появились едва ли не первые случаи злоупотребленій вексельнымъ кредитомъ, о какихъ упоминается въ исторіи торговли. Необычайный спросъ на капиталы поднялъ обычный процентъ до такихъ громадныхъ даже для того времени размѣровъ, что весь барышъ даже съ неэфемерныхъ торговыхъ предпріятій поглощался имъ; такимъ образомъ, въ дѣлахъ наступилъ подъ конецъ полнѣйшій застой, а за тѣмъ разразилась паника, среди которой многіе лишились всего своего состоянія. Одинъ бургомистръ города Любека, по имени Брокесъ, описалъ этотъ эпизодъ въ

своемъ дневникѣ, веденномъ съ 1603 по 1620 г., въ слѣдующихъ внушительныхъ строкахъ:

„И въ оные дни моей жизни произошелъ неслыханный застой въ дѣлахъ и стали взиматься такіе нехристіанскіе проценты, и въ торговлѣ и въ денежномъ обращеніи настала такая черезмѣрная дороговизна, что съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, ничего подобнаго не бывало. И таковымъ ростовщичествомъ занимались именитѣйшіе бургомистры и члены магистрата; и граждане, и знатные господа въ Гольштейнѣ пускали такимъ образомъ свои деньги въ оборотъ; и вслѣдствіе этого, многіе граждане, по своей неосторожности, высокомѣрію и чванству, желая на чужія деньги пустить другимъ пыль въ глаза и вести большія торговыя дѣла, позабывъ Бога и навлекши на себя гнѣвъ Его, къ великому своему ущербу, не замѣчали, что платимые ими проценты поѣдали ихъ, пока разоренье не очутилось у нихъ на носу. Тогда оказалось, что они такъ запутались взаимными поручительствами другъ за друга и письменными обязательствами другъ передъ другомъ, что всѣ они черезъ это погибли и обѣднѣли, и вынуждены были бѣжать, оставляя обманутыми многихъ честныхъ людей, поручившихся за нихъ; между сказанными поручителями, кто могъ платить—платилъ, а кто не могъ—бѣжалъ заодно съ обманувшими его и между этими людьми, разоренными поручительствами, многіе, еще въ молодыхъ лѣтахъ, умирали съ горя... И вотъ почему, дѣти мои и наслѣдники, все сіе я записалъ въ примѣръ и поученіе вамъ, дабы вы боялись Бога, и придерживались смиренія и трудолюбія, и не гонялись за большими торговыми оборотами, прежде, чѣмъ то вамъ будетъ дано отъ Бога. Ибо желающіе разбогатѣть насильственно и скоро обыкновенно обрѣтаютъ лишь нищету и банкротство.“

Такъ какъ кризисъ этого времени былъ еще увеличенъ неурядицей монетной системы, то Любекъ старался помочь послѣдовавшему за кризисомъ застою въ дѣлахъ и вообще паденію своей торговли приведеніемъ въ порядокъ монетной системы. Такъ какъ около 1619 г. такъ называемые „кипперы“ и „випперы“ (обрѣзчики монетъ) пустили въ обращеніе отъ имени и подъ гербомъ города Любека много фальшивой монеты, то города Любекъ, Гамбургъ и Бременъ вступили 6-го апрѣля 1620 г. съ герцогами Мекленбургскими въ соглашеніе, имѣвшее цѣлью устранить это зло. Но соглашеніе оказалось столь недѣйствительнымъ, что на слѣдующій же годъ цѣнность рейхсталера поднялась до 54-хъ шиллинговъ. Вслѣдствіе этого въ 1622 г. отъ датскаго короля, выступавшаго тутъ въ качествѣ герцога Голштинскаго, а также отъ герцоговъ: Померанскаго, Мекленбургскаго и Саксенъ-Лауэнбургскаго, были посланы представители, которые съѣхались въ Любекѣ съ уполномоченными Любека, Бремена и Гамбурга и издали по общемъ соглашеніи монетный эдиктъ, назначавшій въ 1623 году извѣстный день, послѣ котораго рейхсталеръ, стоявшій въ ту пору въ 48 шиллингахъ, долженъ былъ считаться лишь въ 40 шиллинговъ. Публика

была, по свидѣтельству фонъ-Мелле, очень довольна этимъ эдиктомъ; тѣмъ не менѣе въ торговлѣ талеръ еще долгое время продолжалъ цѣниться въ 48 шиллинговъ, по причинѣ бо̀льшаго удобства этой послѣдней цифры для дѣленія и счета.

II.

Тюльпаноманія въ Нидерландахъ.

Вторымъ торговымъ кризисомъ, занесеннымъ въ лѣтописи исторіи, былъ кризисъ, вызванный въ Голландіи сумасшедшими спекуляціями на тюльпаны въ XVII столѣтіи.

Въ 1554 году тюльпанъ былъ привезенъ изъ Адріанополя въ западную Европу естествоиспытателемъ Бусбекомъ. Когда этотъ цвѣтокъ, постепенно распространяясь и размножаясь, былъ аклиматизированъ и въ Нидерландахъ, онъ сдѣлался предметомъ такого страстнаго любительскаго увлеченія, что въ 1634—1638 гг. увлеченіе это приняло характеръ настоящей маніи; а эта манія сдѣлалась богатымъ источникомъ наживы для спекулянтовъ, преимущественно въ городахъ: Амстердамѣ, Утрехтѣ, Роттердамѣ, Алькмарѣ, Лейденѣ, Гарлемѣ, Энкуизенѣ, Віаненѣ, Горнѣ и Меденбликѣ. Торговля тюльпанами велась также, какъ и всякая другая биржевая афера, при чемъ мѣриломъ цѣнности принимался вѣсъ луковицы. Деньги, помѣстья, дома, скотъ, домашняя утварь, одежда—все отдавалось и прозакладывалось за луковицы тюльпановъ.

Въ одномъ старинномъ сочиненіи (de opkomst en ondergang van Flora, Amsterdam 1643) разсказывается: дворяне, купцы, ремесленники, матросы, крестьяне, носильщики тяжестей, трубочисты, батраки, служанки, торговки тряпьемъ и т. д.—всѣ были одержимы одной и той же страстью. Сначала всѣ оставались въ барышахъ и многіе наживались оборотами, такъ что, употребляя выраженіе, бывшее послѣ крестьянской войны въ большомъ ходу въ Германіи и заимствованное оттуда голландцами,—становились настоящими „господами Ганзейцами". Во всѣхъ городахъ были избраны харчевни, замѣнявшія биржу, и въ этихъ харчевняхъ знатные люди и простолюдины покупали и продавали цвѣты и скрѣпляли заключенныя сдѣлки обильными угощеніями. Тутъ же, къ ихъ услугамъ, имѣлись нотаріусы и писцы.

„Исторія тюльпаноманіи въ Голландіи, говоритъ Джонъ Фрэнсисъ, въ поучительности не уступитъ исторіи любого другого подобнаго періода. Въ 1634 г. главнѣйшіе нидерландскіе города были вовлечены въ барышничество, которое, поощряя биржевую игру, губило солидную торговлю, служило приманкой для ненасытности богачей и для алчности бѣдняковъ, поднимало цѣну цвѣточной луковицы выше, чѣмъ собственный ея вѣсъ золотомъ, и кончилось, какъ кончаются всѣ подобные періоды, бѣдствіемъ и отчаяньемъ. Многіе разорились въ

III.

Англійскій денежный кризисъ 1696.

Эпидемически господствовавшее въ средніе вѣка по всей Европѣ ухудшеніе звонкой монеты,—ухудшеніе, которому отчасти содѣйствовала чрезмѣрная многочисленность монетныхъ дворовъ, не ограничивалось однимъ правительственнымъ пониженіемъ ихъ пробы. Обрѣзываніе и фальсификація монетъ успѣли возрасти до размѣровъ общественнаго бѣдствія. Въ Великобританіи зло это тоже было такъ распространено, что парламентъ нашелся вынужденнымъ изъять плохую монету изъ обращенія. Второе мая 1696 года было назначено послѣднимъ днемъ, въ который обрѣзанныя кроны, полкроны и шиллинги будутъ приниматься въ государственное казначейство при уплатѣ податей. Повидимому, правительство не приняло достаточныхъ мѣръ, чтобы заготовить необходимыя для правильнаго хода торговыхъ дѣлъ денежные знаки въ такомъ количествѣ, которое позволило бы, по мѣрѣ изъятія старой монеты изъ обращенія, замѣнять ее новой. Къ этому присоединилось еще, какъ это обыкновенно бываетъ, то обстоятельство, что публика откладывала возвращеніе обрѣзанныхъ серебряныхъ монетъ вплоть до послѣдней минуты. Черезъ это произошелъ настоящій денежный кризисъ, продолжавшійся три мѣсяца; за этотъ періодъ стѣсненіе было такъ велико, что даже богатые люди затруднялись при уплатѣ за предметы первой жизненной необходимости; масса же народа вынуждена была прибѣгать къ отмѣткамъ на биркахъ или же возвращаться къ первобытному способу—обмѣну продуктовъ на продукты.

Государственное казначейство, разсказываетъ Маколей, съ разсвѣта и до полуночи осаждалось толпами народа, такъ что принуждены были призывать войска для поддержанія порядка. Большая часть стараго серебра исчезла; между тѣмъ новое серебро едва начинало показываться. Въ подвалѣ казначейства лежало не болѣе четырехъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ слиткахъ и въ звонкой монетѣ, а монетный дворъ работалъ слишкомъ медленно для покрытія такой потребности. Правда, имѣлось еще нѣкоторое количество старыхъ необрѣзанныхъ кронъ и шестиненсовыхъ монетъ, но и старыхъ и новыхъ денегъ все-таки не хватало для обмѣна. Фабриканты были крайне затруднены при уплатѣ своимъ рабочимъ звонкою монетою. Между наиболѣе достаточными классами весьма многіе, повидимому, жили въ кредитъ. Даже богатый человѣкъ, говоритъ Маколей, рѣдко имѣлъ средства расплачиваться за недѣлю по счетамъ своего булочника и мясника. Но росписки такого человѣка обыкновенно охотно принимались въ томъ околоткѣ, гдѣ его знали. Росписки богатыхъ мѣнялъ Ломбардстрита обращались повсюду наравнѣ съ чистыми деньгами. Нѣкоторую помощь оказывали и билеты англійскáго банка, основаннаго всего за два года

ды, былъ тогда уже, въ XVII столѣтіи, въ полномъ ходу со всѣми своими продѣлками. Только акція называлась „тюльпаномъ“ и въ томъ была вся разница.

Изъ множества комическихъ анекдотовъ, сохранившихся отъ этого времени, мы сообщаемъ только два. Одинъ купецъ пріобрѣлъ луковицу тюльпана за 500 флориновъ. Вскорѣ послѣ того одинъ матросъ доставилъ ему на домъ товары, присланные изъ чужихъ странъ. Купецъ велѣлъ угостить матроса свѣжей селедкой и кружкою пива. Морякъ, увидѣвъ драгоцѣнную луковицу, лежавшую по близости отъ него, принялъ ее за обыкновенный лукъ, очистилъ ее отъ шелухи и съѣлъ съ селедкой. Эта ошибка обошлась купцу дороже, чѣмъ если бы онъ вздумалъ угостить завтракомъ самого принца Оранскаго.

Одинъ англичанинъ нашелъ въ саду двѣ луковицы и сунулъ ихъ себѣ въ карманъ, чтобы произвести надъ ними какія то естественнонаучныя наблюденія; но его за это обвинили въ воровствѣ и ему пришлось заплатить большіе протори и убытки.

Всѣ эти безумныя спекуляціи вскорѣ привели къ самой плачевной развязкѣ. Въ 1637 г. насталъ внезапный поворотъ въ общемъ настроеніи. Разразилась паника, довѣріе исчезло, заключенныя условія были нарушены. Во всѣхъ городахъ Голландіи стали появляться объявленія о продажахъ имуществъ за долги, мечты о несмѣтныхъ богатствахъ исчезли, и тѣ, которые еще недѣлю тому назадъ, были такъ счастливы обладаніемъ нѣсколькихъ луковицъ, долженствовавшихъ доставить имъ, по свой реализаціи, княжеское состояніе, теперь печально и растерянно смотрѣли на лежавшіе предъ ними жалкія клубни, не имѣвшіе сами по себѣ никакой цѣнности и которые уже болѣе нельзя было сбыть съ рукъ за что бы то ни было.

Чтобы предотвратить ударъ, торговцы тюльпанами созывали публичныя собранія и говорили великолѣпныя рѣчи, въ которыхъ доказывали, что ихъ товаръ отнюдь не утратилъ своей цѣнности и что паника безсмысленна и несправедлива. Рѣчи вызывали громкія рукоплесканія, но луковицъ никто не хотѣлъ покупать; пробовали грозить жалобами въ судъ за нарушеніе договора, но это ни къ чему не повело, такъ какъ суды отказывались давать ходъ дѣламъ, возникшимъ изъ азартной игры. Обращались даже къ мудрости генеральныхъ штатовъ въ Гаагѣ, но и тѣ ничего не могли сдѣлать, такъ какъ вообще не во власти правительства было найти лѣкарство для этой болѣзни.

Прошло много лѣтъ прежде, чѣмъ страна оправилась отъ этого удара и торговля излечилась отъ ранъ, нанесенныхъ ей тюльпаноманіей. Эта манія не ограничивалась одной Голландіей, но распространилась на Лондонъ и на Парижъ, придавъ тюльпану и въ этихъ двухъ первыхъ столицахъ цѣлаго міра искусственную цѣнность, которою онъ въ дѣйствительности никогда не обладалъ.

III.

Англійскій денежный кризисъ 1696.

Эпидемически господствовавшее въ средніе вѣка по всей Европѣ ухудшеніе звонкой монеты,—ухудшеніе, которому отчасти содѣйствовала чрезмѣрная многочисленность монетныхъ дворовъ, не ограничивалось однимъ правительственнымъ пониженіемъ ихъ пробы. Обрѣзываніе и фальсификація монетъ успѣли возрасти до размѣровъ общественнаго бѣдствія. Въ Великобританіи зло это тоже было такъ распространено, что парламентъ нашелся вынужденнымъ изъять плохую монету изъ обращенія. Второе мая 1696 года было назначено послѣднимъ днемъ, въ который обрѣзанныя кроны, полкроны и шиллинги будутъ приниматься въ государственное казначейство при уплатѣ податей. Повидимому, правительство не приняло достаточныхъ мѣръ, чтобы заготовить необходимыя для правильнаго хода торговыхъ дѣлъ денежные знаки въ такомъ количествѣ, которое позволило бы, по мѣрѣ изъятія старой монеты изъ обращенія, замѣнять ее новой. Къ этому присоединилось еще, какъ это обыкновенно бываетъ, то обстоятельство, что публика откладывала возвращеніе обрѣзанныхъ серебряныхъ монетъ вплоть до послѣдней минуты. Черезъ это произошелъ настоящій денежный кризисъ, продолжавшійся три мѣсяца; за этотъ періодъ стѣсненіе было такъ велико, что даже богатые люди затруднялись при уплатѣ за предметы первой жизненной необходимости; масса же народа вынуждена была прибѣгать къ отмѣткамъ на биркахъ или же возвращаться къ первобытному способу—обмѣну продуктовъ на продукты.

Государственное казначейство, разсказываетъ Маколей, съ разсвѣта и до полуночи осаждалось толпами народа, такъ что принуждены были призывать войска для поддержанія порядка. Бо́льшая часть стараго серебра исчезла; между тѣмъ новое серебро едва начинало показываться. Въ подвалѣ казначейства лежало не болѣе четырехъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ слиткахъ и въ звонкой монетѣ, а монетный дворъ работалъ слишкомъ медленно для покрытія такой потребности. Правда, имѣлось еще нѣкоторое количество старыхъ необрѣзанныхъ кронъ и шестипенсовыхъ монетъ, но и старыхъ и новыхъ денегъ все-таки не хватало для обмѣна. Фабриканты были крайне затруднены при уплатѣ своимъ рабочимъ звонкою монетою. Между наиболѣе достаточными классами весьма многіе, повидимому, жили въ кредитъ. Даже богатый человѣкъ, говоритъ Маколей, рѣдко имѣлъ средства расплачиваться за недѣлю по счетамъ своего булочника и мясника. Но росписки такого человѣка обыкновенно охотно принимались въ томъ околоткѣ, гдѣ его знали. Росписки богатыхъ мѣнялъ Ломбардстрита обращались повсюду наравнѣ съ чистыми деньгами. Нѣкоторую помощь оказывали и билеты англійскáго банка, основаннаго всего за два года

передъ тѣмъ, и помощь эта была бы, быть можетъ, еще значительнѣе, если бы незадолго до этого парламентъ не выдалъ концессіи соперничествующему учрежденію—„земельному банку“; вслѣдствіе этой концессіи довѣріе публики къ англійскому банку пошатнулось и акціи его пали со 110 на 88. Къ этому присоединился еще заговоръ золотыхъ дѣлъ мастеровъ Ломбардстрита, росписки которыхъ до этого обращались вмѣсто банковыхъ билетовъ и которые въ существованіи сказаннаго банка видѣли ущербъ своимъ интересамъ. Они позаботились стянуть къ себѣ со всѣхъ сторонъ бумаги этого учрежденія и представили ихъ въ него 4-го мая, какъ разъ въ ту минуту, когда бо̀льшая часть старыхъ денегъ была поглощена и начиналось замѣшательство вслѣдствіе недостатка новой монеты. Одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ представилъ требованіе на 30,000 фунт. стерл. Директоры банка однако не растерялись. Они отказались уплачивать по тѣмъ билетамъ, которые были представлены участниками этого заговора, и предоставили владѣльцамъ таковыхъ билетовъ обращаться за содѣйствіемъ къ суду, между тѣмъ какъ добросовѣстные кредиторы продолжали получать удовлетвореніе. Тогда стали появляться пасквили, въ которыхъ англійскій банкъ противупоставлялся въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ земельному банку, но директоры нѣкоторое время храбро выдерживали поднявшуюся противъ нихъ бурю. Вскорѣ, однако же, они увидѣли себя въ невозможности уплачивать звонкою монетою даже добросовѣстнымъ кредиторамъ. Тогда они придумали новое средство выпутаться изъ бѣды. Они потребовали отъ акціонеровъ двадцати-процентнаго добавочнаго взноса и такимъ образомъ составили сумму, позволившую имъ выдавать по каждому требованію по крайней мѣрѣ 18 проц. Билеты они возвращали при этомъ кредиторамъ, съ надписью, обозначавшею размѣръ произведенной въ счетъ ихъ уплаты. Мнѣ еще показывали въ подвалахъ англійскаго банка нѣсколько такихъ билетовъ съ надписями, вмѣстѣ съ рукописнымъ билетомъ въ милліонъ фунтовъ стерлинговъ, хранящимся отъ прошлаго столѣтія. Такимъ образомъ билеты банка продолжали обращаться, но цѣнность ихъ измѣнялась со дня на день, даже съ часу на часъ, потому что публика находилась въ такомъ возбужденіи, что самая пошлая выдумка какого нибудь биржевого плута встрѣчала вѣру и была достаточна для повышенія или для пониженія курса. Въ одно время лажъ составлялъ 6, въ другое 24%. Десятифунтовый билетъ, который по утру иногда стоилъ 9 фунтовъ, къ вечеру того же дня едва могъ быть проданъ за 8 фунтовъ.

Къ этому то времени относится изобрѣтенье текущаго долга министромъ финансовъ Вильгельма Оранскаго, Монтегью. Ему удалось провести добавочную статью къ закону о земельномъ банкѣ, уполномочивавшую правительство выпускать процентныя бумаги,—свидѣтельства казначейства,—которыя долженствовали быть погашены изъ налоговъ, ожидавшихся къ поступленію въ будущемъ году. Эти бумаги были ничто иное, какъ особая форма для взиманія на-

лога впередъ. Среди всеобщей нужды и замѣшательства появились первые выпуски этихъ билетовъ казначейства, представлявшіе различные размѣры стоимости, отъ 100 до 5 фунтовъ стерлинговъ. Они оказались немалымъ пособіемъ при тогдашней всеобщей нуждѣ въ деньгахъ и одно время служили даже орудіемъ обмѣна, такъ что министерство, не взирая на клеветы приверженцевъ Іакова, рѣшилось помочь и недостатку мелкой монеты выпускомъ билетовъ въ 20 и 15 шиллинговъ для уплаты жалованья войскамъ. Но это рѣшеніе не было приведено въ исполненіе, вѣроятно потому, что недостатокъ денежныхъ знаковъ мало по малу былъ устраненъ монетнымъ дворомъ. Маколей полагаетъ, что безъ этихъ билетовъ, ходъ правительственной машины долженъ бы былъ остановиться, такъ какъ отъ состоянія валюты пострадали всѣ другіе источники доходовъ.

Между тѣмъ проектъ земельнаго банка потерпѣлъ плачевное фіаско; даже подписка на его акціи не состоялась. Не взирая на то, что король, желая подать добрый примѣръ, подписался на 5,000 фунт. стерл., изъ требовавшихся 2,600,000 фунт. отъ публики получилось только 2,100 фунт. и предпріятіе пришлось бросить.

Такимъ образомъ опять пришлось обратиться къ англійскому банку для поддержанія правительства средствами, необходимыми для его потребностей. Такъ какъ банкъ лишь съ величайшимъ трудомъ могъ натянуть тѣ 200,000 фунт. стерл., которыя понадобились для отсылки арміи во Фландрію, то рѣшились наконецъ сдѣлать энергическія усилія для ускоренія чеканки новой монеты. Въ эту то эпоху знаменитый астрономъ Ньютонъ былъ назначенъ начальникомъ монетнаго двора. Дарованія, неутомимость и строгая честность знаменитаго ученаго вскорѣ произвели, по словамъ Маколея, полнѣйшій переворотъ въ отрасли управленія, состоявшей подъ его вѣдѣніемъ. Пока обширное дѣло не было доведено до конца, онъ отвѣчалъ непреклоннымъ и почти негодующимъ отказомъ на всѣ попытки его собратовъ ученыхъ въ Англіи и на материкѣ отвлечь его отъ исполненія этой обязанности. Прежніе чиновники монетнаго двора вмѣняли себѣ въ великую заслугу, что они успѣвали вычеканивать на 15,000 фунт. стерл. серебра въ недѣлю. Когда министръ финансовъ Монтегью заговорилъ о 30—40,000 въ недѣлю, они объявили это дѣло невозможнымъ. Но молодой канцлеръ казначейства вмѣстѣ съ своимъ другомъ, начальникомъ монетнаго двора, совершилъ еще и не такія чудеса. Вскорѣ 19 новыхъ прессовъ для тисненія монетъ работали въ лондонской башнѣ, новые монетные дворы были устроены въ Бристолѣ, Іоркѣ, Норвичѣ и Честерѣ. Еженедѣльно вычеканивалось монеты на 60,000, на 80,000 и подъ конецъ даже на 100,000 и на 120,000 фунт. стерл. Машины и рабочіе встрѣчались въ городахъ, гдѣ открывались новые монетные дворы, колокольнымъ звономъ и пушечными выстрѣлами.

Но эта усиленная чеканка монеты могла не вдругъ помочь бѣдѣ. Къ тому

же не вся новая серебряная монета попала въ обращеніе, такъ какъ существовала партія, требовавшая повышенія номинальной цѣны монеты, и многіе, считавшіе подобную мѣру возможной, удерживали у себя какъ можно больше денегъ въ ожиданіи этого момента. Такъ прошло три мѣсяца прежде, чѣмъ умноженіе звонкой монеты дало себя почувствовать, и кризисъ постепенно миновалъ. Раздраженіе народа во время этого кризиса еще болѣе усиливалось нелѣпымъ образомъ дѣйствій представителей администраціи, распоряженія которыхъ нерѣдко противорѣчили одно другому. Такъ, въ одномъ округѣ грозили всякому, кто откажется принимать обрѣзанную монету, а въ другомъ округѣ повелѣніе парламента строго соблюдалось. Въ одной мѣстности толпа народа, по наущенію патеровъ и приверженцевъ Іакова, осадила домъ одного вига, члена парламента, и съ шумомъ требовала, чтобы онъ обмѣнялъ имъ старыя деньги на новыя. Когда же джентльмэнъ согласился на это требованье, то во всей толпѣ нашлась только одна обрѣзанная монета въ полъ-соверэна. На неумолимаго кредитора, настаивавшаго на уплатѣ въ срокъ звонкою монетою, указывали пальцемъ и натравляли на него его же собственныхъ должниковъ.

Дѣйствіе кризиса давало себя чувствовать даже въ арміяхъ коалиціи.

IV.

Система Лау во Франціи.

Всего разительнѣе по своимъ проявленіямъ, всего тягостнѣе по своимъ послѣдствіямъ и всего поучительнѣе въ своихъ урокахъ былъ кризисъ, разразившійся во Франціи вслѣдствіе операцій знаменитаго Лау (1715—1720) [1].

Рѣдко представлялось финансисту болѣе подходящее поле для экспериментовъ, чѣмъ Франція во времена регентства. Съ одной стороны французы болѣе всякой другой націи падки на новизну и охотники до быстрой наживы. Съ другой стороны финансы Франціи были такъ расшатаны непрерывными войнами и расточительностью Людовика XIV, а также вымогательствами откупщиковъ податей, что во второй половинѣ царствованія этого короля страна лишилась почти половины своего національнаго богатства, что за тридцать лѣтъ общенародный годовой доходъ уменьшился на сумму 1,500 милліоновъ и что Фенелонъ имѣлъ право сказать: „мы продолжаемъ существовать лишь какимъ

[1] Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ періодѣ можно найти у Тьера, а также у доктора Геймана въ его «Law und sein System, ein Beitrag zur Finanzgeschichte», и у Горна въ его сочиненіи: Jean Law, eine finanzgeschichtliche Skizze.

то чудомъ; государство—дряхлая негодная машина, которая еще продолжаетъ раскачиваться въ силу прежняго сообщеннаго ей толчка, но при первомъ же ударѣ рухнетъ".

Палліативныя средства, къ которымъ прибѣгнулъ Людовикъ XIV въ послѣдніе годы своего царствованія для наполненія пустыхъ сундуковъ своего казначейства,—продажа дворянскихъ и другихъ титуловъ, продажа новосозданныхъ должностей, изъ которыхъ одна другой была смѣшнѣе и безполезнѣе, ухудшеніе монеты, выпускъ бумажныхъ денегъ, займы у генеральныхъ откупщиковъ податей, поглотившіе въ скоромъ времени бо̀льшую часть доходовъ слѣдующаго года впередъ,—всѣ эти палліативныя средства не могли предотвратить разоренія финансовъ, которые „великій король" оставилъ въ наслѣдство своему преемнику. Расточительность регента ничего не измѣнила въ этомъ печальномъ положеніи дѣлъ. Поэтому весьма естественно было ожидать, что человѣка, обѣщающаго устранить зло самыми простыми финансовыми операціями и сулящаго замѣнить нужду избыткомъ, примутъ съ распростертыми объятіями. Такимъ человѣкомъ явился Джонъ Лау.

Лау, родившійся въ Эдинбургѣ, въ 1671 году, былъ сынъ одного изъ тѣхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, которые въ то время въ Великобританіи заступали мѣсто банкировъ. При основаніи англійскаго банка (1694) Лау имѣлъ случай черезъ своего земляка, Уильяма Паттерсона, еще глубже проникнуть въ тайны финансовыхъ и банковыхъ операцій; но затѣмъ вслѣдствіе дуэли, въ которой онъ убилъ своего противника, былъ вынужденъ бѣжать на континентъ. Тутъ онъ жилъ нѣкоторое время попеременно то въ Амстердамѣ, то въ Италіи, то въ Брюсселѣ, и еще болѣе расширилъ свои финансовыя свѣдѣнія. Наконецъ, сдѣлавшись вторично, послѣ одной неудавшейся попытки, обладателемъ состоянія въ $2^1/_2$ милліона франковъ, онъ переселился въ Парижъ съ цѣлью предложить свои услуги герцогу Орлеанскому. „Обѣщанія Лау, говоритъ І. Э. Горнъ, имѣли тѣмъ болѣе вѣроятій успѣха во Франціи, что идеи его ослѣпляли блистательною новизною и, въ основѣ, заключали въ себѣ много вѣрнаго. Когда Лау возстаетъ противъ запрещенія вывозить золото и серебро, какъ мѣры, не достигающей своей цѣли; когда онъ ратуетъ противъ фальсификаціи монеты на томъ основаніи, что она повергаетъ страну въ бѣдность, а королю ни къ чему не служитъ; когда онъ цѣнность монеты полагаетъ въ ея внутреннемъ содержимомъ, а не въ томъ, что на ней отпечатано; когда онъ въ кредитѣ ищетъ средства для замѣны недостающихъ денежныхъ знаковъ; когда онъ стремится поднять мелкіе капиталы, черезъ соединеніе ихъ, на степень великой и плодотворной силы,—во всемъ этомъ онъ очевидно стоитъ далеко впереди своего времени и въ особенности воззрѣній, господствовавшихъ при тогдашнемъ уровнѣ экономическаго образованія во Франціи. Но онъ испортилъ дѣйствіе своего вѣрнаго по-

нимания частью тѣмъ, что допустилъ въ немъ примѣсь ложныхъ идей, частью же тѣмъ, что вѣрныя идеи довелъ до преувеличенія".

Онъ страдалъ тою же неясностію основныхъ политико-экономическихъ понятій, образчики которой намъ случалось видѣть еще и въ наши дни. О деньгахъ, правда, онъ имѣлъ довольно вѣрныя понятія, но онъ все таки смѣшивалъ деньги съ капиталомъ, и эта ошибка приводила созданныя имъ предпріятія и операціи, на зло совершенно вѣрной мысли, нерѣдко лежавшей въ ихъ основаніи, послѣ кажущихся блистательныхъ успѣховъ, къ конечному крушенію,—неизбѣжному слѣдствію ложнаго принципа. И такъ Лау смѣшивалъ, какъ мы уже сказали, деньги съ капиталомъ и такъ какъ онъ по опыту зналъ, что бумажные знаки черезъ кредитъ во многихъ случаяхъ совершенно замѣняютъ деньги, то онъ думалъ, создавая бумажные знаки, создать капиталъ и черезъ это простое средство обогатить страну.

Послѣ того, какъ съ помощью регента удалось одолѣть серьезное сопротивленіе парламента, Лау получилъ прежде всего разрѣшеніе основать частный банкъ (май, 1716), „капиталъ котораго,—таковы были его собственныя слова, онъ обязуется образовать изъ собственныхъ своихъ средствъ и изъ средствъ своей компаніи, и черезъ который онъ берется усилить обращеніе денегъ, положить конецъ ростовщичеству, замѣнить перевозку монеты между Парижемъ и провинціями, доставить иностранцамъ возможность вѣрнаго помѣщенія денегъ въ нашей странѣ, а населенію нашей страны—облегчить сбытъ его произведеній и уплату податей". Акціонерный капиталъ состоялъ изъ шести милліоновъ ливровъ, раздѣленныхъ на акціи по 500 ливровъ каждая. Кругъ дѣятельности банка обнималъ дисконтированіе векселей, пріемъ вкладовъ и выдачу билетовъ на предъявителя. Успѣхъ банка превзошелъ всѣ ожиданія, и этимъ онъ былъ всего болѣе обязанъ тому, что Лау надежные векселя дисконтировалъ за 6%, между тѣмъ какъ обычная норма роста возросла въ тѣ времена до 20—30 процентовъ. Такъ какъ правительство требовало отъ сборщиковъ и отъ генеральныхъ откупщиковъ податей, чтобы они присылали слѣдующіе съ нихъ взносы въ казначейство не иначе, какъ билетами банка, то послѣдній вскорѣ получилъ возможность выпустить билетовъ на сумму, въ пять разъ превышавшую наличный его капиталъ. Но Лау не довольствовался этою скромною дѣятельностью: ему хотѣлось стать во главѣ всего денежнаго и кредитнаго дѣла страны и онъ добился отъ герцога Орлеанскаго эдикта, которымъ существовавшій до сихъ поръ контроль надъ банкомъ упразднялся, выпускъ билетовъ переходилъ въ руки статсъ-секретаря и такимъ образомъ частный банкъ превращался въ королевскій банкъ. Если бы Лау остановился на этомъ, ему, по всѣмъ вѣроятіямъ, удалось бы провести во Франціи важную экономическую реформу, постепенно, черезъ поднятіе торговли и промышленности, поднять страну изъ ея глубокаго финансоваго упадка и предохранить свое твореніе отъ позд-

нѣйшей гибели. Но бѣда въ томъ, что проекты, безпрестанно зарождавшіеся въ богатой фантазіи Лау, владѣли человѣкомъ, а не человѣкъ владѣлъ проектами.

Лау задумалъ основать по примѣру Англіи и Голландіи большую, привилегированную промышленную компанію, которая сосредоточила бы въ своихъ рукахъ всѣ торговыя сношенія съ странами, лежащими за моремъ. Ему вскорѣ удалось получить концессію на образованіе торговаго общества, цѣлью котораго была—колонизація береговъ Миссисипи, незадолго передъ тѣмъ поступившихъ во владѣніе французовъ. Общество это было названо Compagnie d'Occident (западнымъ обществомъ). Капиталъ его былъ опредѣленъ въ весьма высокую для того времени сумму—въ 100 милліоновъ ливровъ, которые долженствовали быть раздѣлены на 200,000 акцій, по 500 ливровъ каждая. Компанія получила полное право собственности и верховной власти надъ всѣми открытыми уже въ то время или имѣющими быть открытыми впослѣдствіи землями въ Луизіанѣ которыя она разработаетъ сама, или же передастъ стороннимъ арендаторамъ и вассаламъ. Она пользовалась монополью канадской торговли бобрами, и за все это облагалась лишь слѣдующими обязательствами: при каждомъ восшествіи на престолъ она должна была подносить въ видѣ почетнаго дара золотую корону вѣсомъ въ 30 марокъ; она должна была ежегодно ввозить не менѣе 6,000 бѣлыхъ колонистовъ и 3,000 невольниковъ изъ негровъ (!!!); для индійцевъ, которыхъ она обратитъ въ христіанство, она должна была построить достаточное число церквей и содержать достаточное количество духовенства. Вся правительственная собственность въ колоніи, какъ-то: укрѣпленія, запасы оружія, провіанта и денегъ, уступалась компаніи безвозмездно; срокъ привилегіи компаніи былъ назначенъ въ 25 лѣтъ. Сначала публика, повидимому, какъ то туго принимала участіе въ дѣлахъ компаніи, не взирая на то, что взносы для образованія 100 милліоновъ основнаго капитала уплачивались исключительно свидѣтельствами государственнаго казначейства, которыя принимались по номинальной цѣнѣ, хотя курсъ ихъ въ то время (въ августѣ 1717) стоялъ на 6% ниже номинальной цѣны. Дѣло въ томъ, что вносимые билеты передавались государству, которое ихъ тотчасъ же уничтожало и такимъ образомъ поглощало весь акціонерный капиталъ, обязываясь ежегодной рентой въ 4 милліона ливровъ. Такимъ образомъ, не ранѣе іюля 1718 г. могъ быть собранъ весь основной капиталъ общества. Собственно эксплуатаціонный капиталъ общества состоялъ всего на всего изъ вышеупомянутой 4-хъ-милліонной ренты, причемъ акціонерамъ пришлось на первый годъ остаться безъ дивиденда. Даже для того, чтобы обезпечить за собою уплату этой ренты, Лау, отъ имени общества, добился уступки правительствомъ табачной монополіи на 9 лѣтъ, за ежегодную арендную плату въ 4,020,000 ливровъ. Такимъ образомъ онъ могъ въ случаѣ неисправности въ уплатѣ ренты, которую государство обязано было платить обществу, просто

удерживать 4 милліона за табачную монополію; кромѣ того онъ обезпечивалъ колоніямъ общества нѣкоторый сбытъ главнѣйшаго ихъ продукта. Въ добавокъ къ этому онъ пріобрѣлъ въ томъ же году за 1,600,000 ливровъ привиллегію и все имущество Сенегальской компаніи; черезъ это компанія Миссисипи получила по дешевой цѣнѣ значительный складъ товаровъ и одиннадцать вполнѣ снаряжонныхъ для плаванія кораблей. Одновременно съ этимъ, оборотный капиталъ былъ увеличенъ съ 4 милліоновъ на 7 и это было достигнуто тѣмъ, что государственная рента за слѣдующіе 9 мѣсяцевъ, вмѣсто того, чтобы распредѣлить ее между акціонерами, снова была удержана.

Весною 1719 года, западная компанія, находясь въ обладаніи 21 корабля и приблизительно 3 милліоновъ оборотнаго капитала наличными деньгами, отправила заразъ въ Луизіану десять кораблей, съ 500 колонистами, 700 солдатами и всѣмъ необходимымъ для основанія новой колоніи [1]). Когда Лау, избранный директоромъ новой компаніи, счелъ, что этимъ, сравнительно неторопливымъ и умѣреннымъ образомъ дѣйствія, достаточно упрочилъ за собою довѣріе публики, онъ началъ раздувать предпріятія всѣми искусственными средствами, какія только могла подсказать ему его творческая фантазія. Прежде всего были выпущены брошюры, въ которыхъ богатство странъ, лежавшихъ по берегамъ Миссисипи, изображалось въ самыхъ яркихъ краскахъ. Были выставлены публично гравюры, на которыхъ индійцы и индіянки Луизіачы со всѣми знаками благоговѣнія и восторга спѣшили на встрѣчу французамъ; подпись этихъ гравюръ, какъ разсказываетъ Горнъ, гласила: „Тамъ есть горы, наполненныя золотомъ, серебромъ, мѣдью, свинцомъ, ртутью. Такъ какъ эти металлы тамъ весьма обыкновенны и дикари не подозрѣваютъ ихъ цѣнности, то они вымѣниваютъ слитки золота и серебра на европейскіе товары, какъ то: кожи, котлы, копья, маленькія зеркала, или, даже, на глотокъ водки“. Набожнымъ людямъ протестантъ Лау показывалъ дикарей колѣнопреклоненно молящими іезуитовъ о кре-

---

[1]) Эта первая партія колонистовъ вербовалась способомъ, который ничѣмъ не отличается отъ простаго разбойничьяго набѣга. Разныхъ бездомныхъ бѣдняковъ хватали силою, заковывали въ цѣпи, сажали на телѣги и препровождали на корабли. Для ловли и охраненія этой живой добычи, посредствомъ которой пускалась пыль въ глаза публики и предпріятіе выставлялось дѣломъ серьезнымъ, правительство регента ссудило компанію своими солдатами. Эти послѣдніе не упускали случая и съ своей стороны понагрѣть руки около такого прибыльнаго предпріятія; пользуясь полнѣйшимъ просторомъ и безнаказанностью, которые самая суть дѣла обезпечивала всякому насилію, они, вмѣстѣ съ бѣдняками, поступившими въ распоряженіе компаніи ловили и людей со средствами, которые составляли уже ихъ собственный барышъ, такъ какъ, содравъ съ нихъ приличный выкупъ, они ихъ отпускали. (См. *Les manieurs d'argent* par Oscar de la Vallée, Avocat général à la cour impériale de Paris. 1859). *Пер.*

щеніи. „Компанія, говоритъ Горнъ, дѣлала видъ, что серьезно вѣритъ въ существованіе изумрудной скалы, находящейся гдѣ то на берегу рѣки Арканзаса, и за открытіе этой скалы предлагала премію".

Одновременно съ этимъ сферу дѣятельности компаніи удалось еще болѣе расширить: въ маѣ 1719 г. привиллегія Остъ-Индской и Китайской компаніи, пользовавшейся исключительнымъ правомъ торговли во всѣхъ гаваняхъ Тихаго Океана, отъ мыса Доброй Надежды и до Магелланова пролива, тоже перешла, не взирая на сопротивленіе сказанной компаніи, къ Западной компаніи, которая вмѣстѣ съ тѣмъ приняла отъ нея весь ея пассивъ и активъ; послѣдній состоялъ изъ кораблей и товаровъ. Вскорѣ послѣ того, Западная компанія получила также привиллегію Африканской компаніи, и такимъ образомъ въ октябрѣ 1719 г. очутилась въ обладаніи исключельнымъ правомъ торговли у мыса Доброй Надежды, вдоль восточнаго берега Африки, вдоль береговъ Краснаго Моря, на островахъ Тихаго Океана, въ Персіи, въ Монголіи, въ Сіамѣ, въ Китаѣ, въ Японіи, въ Южной Америкѣ и т. д. Все это было не болѣе, какъ блестящею рекламою, не имѣвшею никакой дѣйствительной стоимости, но какъ нельзя болѣе годилось для своей цѣли—служить приманкою для алчности публики.

Окончивъ всѣ эти приготовленія, Лау счелъ, что теперь пора дать предпріятію развернуться во всю его спекулятивную и прибыльную ширь. Для этого онъ ввелъ ажіотажъ во Франціи и сдѣлался основателемъ биржевой игры. Такъ, напримѣръ, онъ покупалъ партіи въ нѣсколько сотъ акцій на срокъ, съ обязательствомъ уплатить за нихъ звонкою монетою, не взирая на то, что въ день заключенія сдѣлки ихъ можно было имѣть за ту же цѣну, уплачивая бумажными деньгами, представлявшими потерю 5 процентовъ. Или же онъ покупалъ на срокъ 200 акцій al pari и обязывался уплатить разность въ 200 ливвровъ на акцію, если въ день срока она будетъ стоять ниже 500 ливровъ и онъ отъ нея откажется. Всю сумму этой разности, т. е. 40000 ливровъ, онъ тутъ же представлялъ въ обезпеченье чистыми деньгами. Этимъ была введена спекуляція преміями, и заманчивость азартной игры не замедлила привлечь къ этому дѣлу публику.

Почти одновременно появилось королевское повелѣніе, передававшее Западному Обществу монетную регалію на девять лѣтъ за 50 милліоновъ, которые долженствовали быть уплочены въ 15 мѣсячныхъ взносовъ. Съ этого момента Лау начинаетъ тотъ рядъ роковыхъ операцій, которыми онъ, казалось, перенесъ Эльдорадо во Францію и которыя между тѣмъ подготовили такой трагическій конецъ всѣмъ его предпріятіямъ. Лау уже болѣе не довольствовался эксплуатаціей всѣхъ вышеисчисленныхъ привиллегій; онъ задумалъ слить всю націю въ одну громадную торговую корпорацію, управленіемъ которой завѣдывала бы Западная компанія, т. е. самъ Лау, а кассою которой служилъ бы королевскій банкъ. „Лау, говоритъ Горнъ, понялъ сущность асо-

ціаціи въ духѣ и согласно съ практикой нашего времени. Онъ хотѣлъ по преимуществу соединить массу небольшихъ капиталовъ въ могущественную силу, и эту силу онъ не хотѣлъ ограничить однимъ какимъ нибудь промышленнымъ предпріятіемъ но стремился поднять ее на высоту какой то всеобъемлющей агентуры. Что идея эта имѣла за себя великое будущее и что она могла произвести во Франціи значительное улучшеніе въ плачевномъ положеніи государственной и экономической жизни, этого никто не станетъ отрицать, не взирая на крайности и злоупотребленія, къ которымъ эти идеи приводили именно въ наши дни. Но въ лихорадочномъ увлеченіи и въ безграничномъ довѣріи къ своему изобрѣтенью, которыя свойственны всѣмъ творцамъ или первымъ распространителямъ великихъ идей, Лау преувеличилъ силу принципа ассоціаціи и слишкомъ очертя голову поступилъ въ его примѣненіи, точно также, какъ онъ преувеличилъ силу принципа кредита и слишкомъ очертя голову дѣйствовалъ въ его примѣненіи".

Принятіемъ отъ казны монетной регаліи Лау прежде всего хотѣлъ поднять кредитъ билетовъ королевскаго банка. Противники и соперники Лау, въ особенности четыре брата Пари, сыновья бѣднаго трактирщика въ Дофинэ, которые, сдѣлавшись поставщиками въ армію, нажили значительное состояніе, и которымъ вліяніе шотландца было невыносимо, скупили билеты банка цѣлыми массами и представили ихъ разомъ въ банкъ для обмѣна на звонкую монету что причинило банку значительное затрудненіе. Лау тотчасъ выхлопоталъ декретъ о пониженіи цѣнности луидора съ 35 ливровъ на 34 и все имѣвшееся въ обращеніи количество звонкой монеты снова стало стекаться обратно въ банкъ, такъ какъ этотъ послѣдній въ теченіи нѣкотораго времени продолжалъ еще принимать золото по старому курсу. Буря такимъ образомъ была предотвращена простымъ, хотя конечно, весьма безцеремоннымъ средствомъ; въ этомъ выказался весь Лау,—и съ своей быстрой находчивостью и съ своей необдуманностью въ выборѣ средствъ.

Обстоятельство это послужило толчкомъ, подъ вліяніемъ котораго величавые, или, если хотите, безумные, замыслы Лоу окончательно созрѣли. Осенью 1712 г. откупъ общаго сбора податей остался за братьями Пари за $48^1/_2$ милліоновъ. Черезъ это и черезъ другія финансовыя предпріятія, они стали къ „Системѣ", какъ въ то время выражались про финансовые проэкты Лау, въ систематическую оппозицію, образовали такъ называемую „Антисистему." Теперь Лоу предложилъ за откупъ податей 52 милліона; при этомъ онъ брался отъ имени „Западнаго Общества" или „Компаніи обѣихъ Индій" какъ стали теперь называть это соединеніе всѣхъ торговыхъ компаній, дать правительству взаймы 1200 милліоновъ за три процента; сумма эта позволила бы правительству немедленно уплатить всѣ свои долги, ренты и другія обязательства; предложеніе это было слишкомъ соблазнительно и правительство самовластнымъ

распоряженіемъ уничтожило старый откупной контрактъ. Такимъ образомъ Лау разомъ очутился въ полномъ водоворотѣ своихъ всеобъемлющихъ предиріятій, которыя мѣтили не на что иное, какъ на полное преобразованіе всего государственнаго и народнаго хозяйства, всей промышленной, денежной, кредитной и финансовой организаціи въ странѣ. Проэктъ удался, быть можетъ, именно благодаря чудовищной громадности замысла; но успѣхъ этотъ не могъ быть продолжительный. Лѣтомъ 1719 года громадныя массы акцій были пущены въ страну, но, благодаря ажіотажу, онѣ не только не пали въ цѣнѣ, но въ скоромъ времени стали продаваться съ надбавкой. Всѣ планы Лау осуществлялись, повидимому, какимъ то колдовствомъ. Впродолженіе двухъ лѣтъ банкъ развивался, начавъ съ самой скромной точки отправленія, и вдругъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ сталъ силою, черезъ руки которой проходили всѣ деньги, требовавшіяся для государства, силою, которая одновременно освобождала государство отъ долговъ и водворяла въ странѣ царство такого благополучія, о какомъ прежде никому и во снѣ не снилось. Съ этой минуты Лау, повидимому, окончательно увѣровалъ въ свою теорію, что деньги—капиталъ и что бумага—деньги. Такъ какъ для него, при такомъ несмѣтномъ ботатствѣ, какой нибудь милліонъ ничего не значилъ, то онъ, желая снискать себѣ популярность, подарилъ правительству милліонъ, съ просьбою освободить за это народъ отъ налоговъ на сало, масло и карты. Между тѣмъ, продажа акцій продолжалась. Прежде всего компанія получила разрѣшеніе, для оплаты капитала Остъ-индскому и Китайскому Обществамъ, выпустить 50000 акцій, по 500 ливровъ каждая. Эти акціи, чтобы сравнять ихъ съ акціями прежняго выпуска, должны были оплачиваться Обществу съ надбавкою 10% противъ ихъ номинальной цѣны. Взносы производились не звонкой монетой, а билетами банка, которые стояли на биржѣ выше серебра. Такимъ образомъ уже при подпискѣ было выиграно компаніей 50 франковъ на акцію. Самый капиталъ долженствовалъ быть уплаченъ въ 20 ежемѣсячныхъ взносовъ; это облегченіе быстро пріобрѣло новымъ акціямъ расположеніе публики, такъ какъ онѣ благопріятствовали игрѣ, принявшей вскорѣ болѣе грандіозные размѣры. Такъ какъ черезъ это акціи прежняго выпуска потеряли для публики прежнее значеніе, то было издано постановленіе (20 Іюня 1719 г.), въ силу котораго акція новаго выпуска могла быть выдаваема лишь по предъявленіи 4-хъ старыхъ акцій. Черезъ это старыя акціи снова сдѣлались популярны. За „матерями" ухаживали, чтобы получить „дочерей;" —такъ окрестилъ биржевой жаргонъ старыя и новыя акціи, чему и въ новѣйшія времена были случаи подражанья, такъ какъ, вообще, въ дѣлахъ ажіотажа наше время отнюдь не можетъ претендовать на новизну изобрѣтеній. Уже въ то время третій выпускъ акцій, послѣдовавшій въ количествѣ 50000 экземпляровъ, 27 іюня 1719 г., былъ окрещенъ „внучками." Этимъ выпускомъ компанія должна была доставить себѣ средство для уплаты 50,000,000, слѣдовавшихъ съ нея за откупъ монетной регаліи. Въ

это время „бабушки" успѣли уже подняться на биржѣ на 100% своей номинальной цѣны и потому „внучки" были пущены по курсу въ 1000 ливровъ, благодаря чему вся сумма откупного платежа была покрыта 25-ю милліонами номинальнаго капитала. Взносы по акціямъ и на этотъ разъ были разсрочены на 20 мѣсяцевъ и было объявлено, что подписка на „внучку" допускается лишь по предъявленіи четырехъ „матерей" и одной „дочери". Тотъ излишекъ, который остался на рукахъ у компаніи былъ впослѣдствіи спущенъ на биржѣ, по текущимъ курсамъ. Маневръ удался какъ нельзя лучше: „Акціи, разсказываетъ Горнъ, съ изумительной быстротою поднимались въ гору. Втеченіе 1718 г. онѣ едва могли держаться al pari съ государственными кредитными билетами, пользовавшимися такой дурной славой. Въ началѣ 1719 онѣ уже стояли на равнѣ съ металлическими деньгами; шесть мѣсяцевъ спустя, онѣ поднялись на 150% противъ бумажныхъ денегъ или звонкой монеты. Переходъ монетной регаліи къ компаніи, сліяніе въ ея лицѣ всѣхъ компаній, торговавшихъ въ дальнихъ моряхъ, и ловко распущенные слухи о дальнѣйшихъ блистательныхъ успѣхахъ предстоявшихъ компаніи,—все это вызвало теперь бѣшеную гонку за акціями. Всѣ рвались получить старыя акціи; всѣ осаждали Hôtel de Nevres, чтобы получить новыя акціи. Дѣло въ томъ, что, благодаря Лау, публика еще ранѣе вошла во вкусъ этого дѣла; объ этомъ свидѣтельствовалъ даже, — и, быть можетъ, болѣе всего,—успѣхъ антисистемы. Понятно, что въ тотъ моментъ, когда Лау, перебивъ у послѣдней откупъ налоговъ, сдѣлалъ самый рѣшительный шагъ къ устраненію этой конкурренціи акцій,—публика стала тѣсниться въ его бюро. Акціи его сначала встрѣчали довольно холодный пріемъ, потому что въ глазахъ капиталиста сокровища, имѣвшія быть завоеванными на берегахъ дальняго Миссисипи, должны были казаться дѣломъ весьма гадательнымъ. Теперь же капиталисту было очень мало дѣла до Миссисипи; онъ могъ сразу разбогатѣть на акціяхъ, постоянно поднимавшихся въ цѣнѣ, — стоило ему только поиграть ими въ улицѣ Кенкампуа. Въ особенности должны были желать новаго помѣщенія своихъ денегъ владѣльцы ренты, кредиторы государства и обладатели купленныхъ должностей, такъ какъ всѣмъ этимъ лицамъ грозили возвращеніемъ ихъ капиталовъ. Старыя и новыя акціи быстро поднимались на 4, 5, 6, 7 и до 800% свой наминальной цѣны."

Таково было положеніе вещей въ тотъ моментъ, когда компанія взяла откупъ податей и ссудила государству 1200 милліоновъ ливровъ. Ажіотажъ успѣлъ уже сдѣлать такіе успѣхи, что новыя акціи, прозванныя „правнучками", были пущены на рынокъ по 5000 ливровъ. Чтобы не слишкомъ обременять рынокъ бумагами, общая сумма требовавшагося капитала была раздѣлена на нѣсколько выпусковъ; первый изъ этихъ выпусковъ состоялъ изъ 100,000 акцій, взносъ за которыя былъ опять разсроченъ на 9 мѣсяцевъ. Такъ какъ къ этой подпискѣ были допущены всѣ, то уже въ то время можно было видѣть отвра-

тительное зрѣлище, которому въ новѣйшія времена мы столько разъ становились свидѣтелями: старые и молодые, знать и простолюдины, мужчины и женщины, густыми толпами тѣснились день и ночь передъ бюро компаніи и, въ ожиданіи открытія подписки, терпѣливо выносили голодъ и жажду, ежеминутно рискуя быть задавленными или изувѣченными въ тѣснотѣ.

Самого Лау буквально осаждали въ его кабинетѣ. Самыя высокопоставленныя лица, не исключая и прекраснаго пола, не отступали ни передъ какой низостью, лишь бы снискать милость великаго финансоваго чудодѣя, — милость, отъ которой зависѣло полученіе акцій. Даже его слуги и лакеи обогащались, продавая желающимъ подписаться доступъ въ кабинетъ своего господина или въ бюро, гдѣ шла подписка. Наплывъ публики былъ такъ великъ, что перваго выпуска новой серіи акцій не хватило; таковъ былъ успѣхъ, увѣнчавшій это первое обращеніе ажіотажа къ алчности публики, въ широкомъ значеніи этого слова; французское же правительство походило въ то время на бездонную пропасть, которую ничѣмъ нельзя было наполнить. Чтобы удовлетворить этому голоду публики, было немедленно приступлено ко второму выпуску акцій въ томъ же количествѣ, а когда эта серія была разобрана на расхватъ, то сдѣланъ былъ третій выпускъ. Такимъ образомъ въ три только недѣли на рынокъ было пущено 300,000 акцій. И такъ велико было опьяненіе публики, что курсъ этой чудовищной массы акцій не только не падалъ, но еще поднялся до такой невѣроятной высоты, что 300,000 акцій, представлявшія номинальную стоимость 150 милліоновъ ливровъ, дали компаніи 1500 милліоновъ, а попавъ во вторыя руки, на биржѣ, по текущему курсу, представляли уже баснословную сумму въ 3000 милліоновъ. Публика, въ своей слѣпой жадности, такъ мало заботилась о доходности, о дѣйствительной цѣнности этихъ бумагъ, что за акцію, которая уже компаніи обѣихъ Индій была оплочена на 1000 процентовъ выше номинальной цѣны, надбавляла еще отъ 1000 до 1500 процентовъ. Дошло до того, что для покупки „правнуковъ“ стали сбывать во что бы то ни стало совершенно равноцѣнныя имъ старыя акціи, такъ что курсъ послѣднихъ въ нѣсколько дней съ 8000 палъ на 4000 ливровъ; за эту сравнительно дешевую цѣну болѣе тонкіе спекулянты скупили ихъ, а потомъ опять устроили имъ повышеніе и перепродали ихъ съ барышомъ въ 1000%. Такимъ образомъ въ эти дни бывали примѣры, что люди съ ничтожнымъ капиталомъ въ какія нибудь 10,000—20000 ливровъ наживали милліоны.

Зрѣлище этой биржевой наживы, фантастичные размѣры которой возрастали все болѣе и болѣе, вовлекло всю націю въ водоворотъ. Началась такая гонка за барышами, какой ни до этого, ни послѣ этого не бывало; никто не думалъ о томъ, чѣмъ можетъ отозваться эта гонка въ будущемъ, или, что выйдетъ изо всего этого черезъ мѣсяцъ, черезъ недѣлю, на слѣдующій же день; думали только о настоящей минутѣ. Что дѣло не могло такъ долго про-

должаться, это могъ сообразить самый ограниченный умъ въ минуты спокойнаго размышленія; что поворотъ неминуемъ—это было ясно и для слѣпого. Но, такъ какъ никто не знalъ, когда именно настанетъ этотъ поворотъ, то всякій разсуждалъ такъ: если акціи поднялись до 8000 ливровъ, то отчего же имъ не подняться и до 10,000, до 12,000, до 15,000, до 20,000 ливровъ? И каждый до наступленія послѣдняго часа думалъ обдѣлать свои дѣлишки и отретироваться, хотя большинство, въ попыхахъ этого обдѣлыванья, такъ и неразслышало, какъ пробилъ послѣдній часъ. Мы уже сказали выше, что никому не было никакого дѣла до дѣйствительной цѣнности акцій, опредѣляемой тѣмъ процентомъ, какой онѣ могли приносить. Всѣ помышляли только объ игрѣ. Между тѣмъ, стоило остановиться хотя на минуту на итогѣ различныхъ выпусковъ акцій, чтобы тотчасъ же убѣдиться въ томъ, что доходность ихъ — дѣло невозможное. Вмѣсто номинальнаго капитала въ 312 милліоновъ, представляемаго акціями различныхъ выпусковъ, было уплачено 1797 милліоновъ. Чтобы давать на этотъ капиталъ хотя бы только четыре процента, компанія должна была бы получать съ своихъ предпріятій 72 милліона чистаго дохода. Въ общемъ собраніи акціонеровъ, происходившемъ въ декабрѣ 1719 года Лау вычислилъ доходы, ожидаемые въ 1720 г. въ 91 милліонъ; оцѣнка эта была крайне преувеличенная, такъ какъ оборотный капиталъ компаніи, не взирая на значительныя выгоды, получавшіяся при выпускѣ акцій, былъ очень незначительный, вслѣдствіе того, что большая часть капитала компаніи была отдана правительству.

Между тѣмъ компанія, при подпискѣ на „внучекъ", обязалась уплачивать 12% дивиденда. Такъ какъ дивиденды, само собою разумѣется, расчитывались по номинальной цѣнѣ акціи, то это составило бы на дѣйствительно уплаченный капиталъ около 4%. Но при этомъ, надо помнить, что акціи перваго выпуска были оплачены al pari, акціи второго выпуска только по 550 ливровъ, акціи третьяго выпуска по 1000 ливр. и лишь слѣдующія за тѣмъ по 5000 ливровъ. Между тѣмъ сумасшедшій ажіотажъ уже въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1719 г. поднялъ курсъ акцій до 15,000 и до 18,000 ливровъ. При курсѣ въ 1000 ливровъ годовой доходъ компаніи, принимая даже преувеличенную оцѣнку его, сдѣланную самимъ Лау, составилъ бы лишь $1^1/_2$ процента; при вышеприведенномъ еще болѣе высокомъ курсѣ доходъ этотъ далъ бы не болѣе 1% или и того менѣе. Быть можетъ, въ дѣйствительности оказалось бы не болѣе $^1/_4$ процента. Уже одинъ этотъ простой разсчетъ долженъ бы былъ отрезвить публику. Но публика и не думала о немъ—до такой степени охватило ее головокруженіе биржевой игры. Правленіе компаніи, правда, начинало призадумываться надъ собственнымъ своимъ успѣхомъ. Его страшила мысль, что настанетъ поворотъ, и оно старалось напередъ успокоить публику обѣщаніемъ, что новаго выпуска акцій больше не будетъ. Чтобы доставить новыя облегченія торговлѣ акціями и имѣть подъ рукою необходимое количество денежныхъ знаковъ для совершавшихся гро-

мадныхъ оборотовъ было приступлено къ выпускамъ ассигнацій, быстро слѣдовавшимъ одинъ за другимъ: 10 іюня 1719 г. было выпущено ассигнацій на 50 милліоновъ ливровъ, 25 іюля—на 240 милліоновъ, въ сентябрѣ—на 120 м., въ октябрѣ опять на 120 м. и въ декабрѣ—на 360 м. При этихъ выпускахъ, такъ быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, не успѣвали даже какъ слѣдуетъ отпечатывать ассигнаціи по рисунку и выставлять на нихъ подпись. Подъ конецъ ограничивались простымъ печатаньемъ, что способствовало въ значительной мѣрѣ фабрикаціи фальшивыхъ ассигнацій, которыхъ, какъ увѣряютъ, очутилось въ обращеніи на 50,000,000.

Не взирая на это черезмѣрное умноженіе ассигнацій, на нихъ набрасывались и онѣ стояли на биржѣ выше звонкой монеты. Разсказываютъ даже, что бывали примѣры, что покупавшій акціи хотѣлъ уплатить золотомъ, а продавецъ требовалъ непремѣнно бумажки. Дошло до того, что бумажныя деньги почти вытѣснили металлъ изъ обращенія и что идеалъ, къ которому стремился Лау, осуществился, точно по мановенію волшебнаго жезла.

Одно особое обстоятельство способствовало тому, что акціи послѣдняго выпуска получили такую же популярность, какъ и предшествующія. Владѣльцы старыхъ рентъ, которыхъ утѣшали тѣмъ, что ихъ освободившіеся капиталы найдутъ себѣ еще болѣе выгодное помѣщеніе въ акціяхъ компаніи, опоздали на подписку, такъ какъ разборъ акцій шелъ быстрѣе, чѣмъ уплата правительствомъ по имѣвшимся у нихъ обязательствамъ. Чтобы не обидѣть ихъ, было издано постановленіе, по которому, при слѣдующемъ выпускѣ акцій, бывшіе кредиторы государства пользовались преимуществомъ. Вслѣдствіе этого, на „правнуковъ" былъ еще бо̀льшій спросъ, чѣмъ на „внуковъ".

Можно бы было наполнить цѣлые печатные листы описаніемъ необычайнаго возбужденія, господствовавшаго въ то время въ Парижѣ. Не только изъ провинцій, но и изъ за границы началось настоящее переселеніе народовъ, стремившееся на берега Сены. Всякій, кто только располагалъ хотя небольшой суммой денегъ, желалъ поживиться изъ неистощимаго золотого дна. Такимъ образомъ, впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, улица Кенкампуа, гдѣ сосредоточивалась торговля акціями, была сборнымъ пунктомъ для всей спекулирующей Европы, и такъ какъ среди этой пестрой толпы неизбѣжно должно было находиться множество людей, не имѣвшихъ ни малѣйшаго понятія о сущности этой торговли, то ажіотерамъ было раздолье. Вскорѣ возникла азартная игра, равной которой не бывало ни до этого, ни послѣ. „Перемѣны счастья, говоритъ Тьеръ, были такъ быстры, что биржевые плуты успѣвали наживать барыши лишь тѣмъ, что удерживали акціи въ своихъ рукахъ на одинъ день. Разсказываютъ про одного такого плута, который, получивъ порученіе купить акцій, цѣлые два дня пропадалъ. Думали, что онъ укралъ акціи; ничуть не бывало. Онъ честно

возвратилъ стоимость ихъ владѣльцу, только въ этотъ промежутокъ времени успѣлъ для самого себя нажить милліонъ".

Деньги давались взаймы на одинъ часъ и за это брались неслыханные проценты; но тѣ, которые занимали ихъ, могли уплачивать этотъ процентъ, да еще оставаться въ барышахъ. Поэтому не удивительно, что слуги внезапно дѣлались такъ же богаты, какъ ихъ господа. Разсказываютъ про одного лакея, который, встрѣтивъ на улицѣ въ ненастную погоду своего бывшаго господина, велѣлъ остановить свою карету и пригласилъ господина сѣсть въ нее.

Всего ужаснѣе была свалка у бюро компаніи въ дни подписки на акціи. Давка тамъ была такъ велика, что ежедневно оказывалось нѣсколько человѣкъ задавленными до смерти. Толпа людей изъ всѣхъ классовъ населенія, притекавшая въ эту улицу, была такъ громадна, что каждый уголокъ въ прилегавшихъ къ ней домахъ оплачивался на вѣсъ золота, и владѣльцы этихъ домовъ страшно разбогатѣли. Даже простые поденщики, стоявшіе на углахъ, наживали цѣлыя состоянія тѣмъ, что подставляли свою спину вмѣсто письменнаго стола [1]).

Само собою разумѣется, знатныя лица, близко стоявшія къ правленію, наживали огромныя деньги. Разсказываютъ, что герцогъ Бурбонскій нажилъ въ этотъ періодъ 60 милліоновъ, герцогъ Отенскій — 12 милліоновъ, принцъ Конти—$4^1/_2$ милліона. Равнымъ образомъ и другія лица, бывшія въ силѣ при дворѣ, считали свои барыши милліонами. Представители торговаго міра тоже не были позабыты. Банкиръ Лебланъ, какъ говорятъ, выигралъ около 100,000,000; Андре, разорившійся сынъ кожевника, нажилъ 50 милліоновъ; нѣкто Дюпенъ, слуга банкира Туртона—60 милліоновъ; одинъ савояръ, занимавшійся до этого чисткою сапогъ—40 милліоновъ; Габріель Бурдонъ, служившій лакеемъ въ гостинницѣ—30 милліоновъ; одна лавочница изъ Намюръ, по имени Шомонъ—100 милліоновъ. Счастливы были тѣ, которые нападали на благую мысль реализировать свои барыши и вымѣнять на нихъ что нибудь годное къ употребленію. Самъ Лау подалъ въ этомъ отношеніи добрый примѣръ, накупивъ множество помѣстій во Франціи. Другіе покупали дома, золотую и серебряную посуду, драгоцѣнные каменья; одинъ маклеръ купилъ цѣлое изданіе философскаго лексикона Бейля, а герцогъ де-Ла-Форсъ пріобрѣлъ даже цѣлые склады пряностей [2]). Въ тотъ моментъ, когда акціи достигли самой баснословной

---

[1]) Одинъ горбунъ нажилъ болѣе пятидесяти тысячъ ливровъ своимъ горбомъ, представлявшимъ чрезвычайно удобную покатость для желавшихъ писать или подписывать сдѣлки. Къ этому горбуну аббатъ Террасонъ, которому духовное его званіе не мѣшало быть въ числѣ самыхъ ревностныхъ посѣтителей улицы Кенкампуа, обратился однажды со словами: supra dorsum meum fabricaverunt pecatores.

[2]) Мемуары того времени приводятъ множество смѣхотворныхъ анекдотовъ о неловкости и тщеславіи лакеевъ и кучеровъ, внезапно получавшихъ,

высоты, такъ что дальнѣйшаго повышенія уже нельзя было ожидать, наиболѣе разсудительные люди стали расчитывать и принялись закупать всѣ цѣнные предметы, какіе только можно было найти, кромѣ бумаги. Такъ какъ въ это же время, вслѣдствіе легкости и быстроты наживы, роскошь приняла чрезвычай-

благодаря биржевой игрѣ, средство тягаться въ роскоши съ своими бывшими господами и разъѣзжать внутри тѣхъ каретъ, которыя еще недавно были имъ доступны лишь на козлахъ, да на запяткахъ. Это уравненіе, которое нарождающійся духъ капитализма вводилъ между общественными слоями, остававшимися до этого такъ строго разграниченными, повидимому, всего болѣе тревожило правящіе классы тогдашней Франціи, и они пытались противупоставить ему плотины эдиктовъ. Такъ былъ изданъ декретъ, запрещавшій выскочкамъ носить слишкомъ широкіе галуны на одеждѣ, а также употреблять шолкъ, бархатъ и пуговицы изъ литого серебра. Другимъ эдиктомъ вводились различныя ограниченія въ продажѣ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій частнымъ лицамъ и опредѣлялся maximum вѣса для каждаго изъ этихъ издѣлій. Но что могли сдѣлать подобные декреты тамъ, гдѣ роковой, неудержимый процессъ разложенія уже начался въ самой средѣ, вооружившейся ими? Тѣ идеалы, которыми жила старая, аристократическая, рыцарская Франція, отжили свое и умирали безславно, затопляемые тиною и пѣною нахлынувшаго новаго теченія. Напрасно тамъ и сямъ раздавался еще негодующій протестъ во имя этихъ отжившихъ и обреченныхъ на гибель идеаловъ. Герцогъ Бурбонскій, нажившій громадные барыши биржевою игрою, долженъ былъ выслушать упрекъ: всѣ ваши акціи, монсиньоръ, не стоятъ и одного дѣянія вашего дѣда! (Извѣстно, что action по французски имѣетъ двоякое значеніе: акція и дѣяніе). Одна знатная дама, не зная, чѣмъ обратить на себя вниманіе великаго раздавателя финансовыхъ благъ, велѣла опрокинуть свою карету, въ разсчетѣ, что онъ вынужденъ будетъ поспѣшить къ ней на помощь. Другая, проѣзжая мимо отеля одной дамы, у который обѣдалъ Лау, принялась кричать: «горимъ, горимъ!», чтобы какъ нибудь вызвать его изъ отеля. Нѣсколько аристократокъ, въ одно прекрасное утро, стали оспаривать другъ у друга честь усѣсться на передкѣ экипажа любовницы Лау. Знатныя, но бѣдныя дѣвицы только и мечтали о томъ, чтобы поймать на удочку фиктивнаго брака какого нибудь выскочку Миссисипіанца и, обезпечивъ себя его милліонами, гнушались носить его плебейское имя, возвращались въ большой свѣтъ посредствомъ какой нибудь аристократической прелюбодѣйной связи. Сыновья самыхъ знатныхъ семействъ искали поправить свои обстоятельства женитьбою на дочеряхъ разжившихся Миссиссипіанцевъ, и браки эти, заключавшіеся нерѣдко даже съ маленькими дѣвочками, носили характеръ самой беззастѣнчивой купли и продажи. Такъ, маркизъ д'Уазъ сдѣлалъ предложеніе *двухлѣтней* дочери того самаго Миссиссипіанца Андре, о которомъ упоминается въ текстѣ. Былъ заключенъ контрактъ, обезпечивавшій маркизу двадцать тысячъ годоваго дохода впредь до того времени, когда можно будетъ заключить бракъ; послѣ свадьбы онъ долженъ былъ получить 4 милліона приданаго.

Разложеніе коснулось и другого могущественнаго оплота старой Франціи. Католическое духовенство ничуть не менѣе аристократіи увлеклось поклоненіемъ золотому, или вѣрнѣе, бумажному тельцу. Шумъ распрей съ янсе-

ные размѣры, то цѣны всѣхъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, вслѣдствіе этого сильнаго спроса на нихъ, поднялись до небывалыхъ размѣровъ. Должно полагать, что въ этотъ самый моментъ произошелъ роковой поворотъ

нистами былъ заглушенъ тѣмъ шумомъ, который поднимался въ улицѣ Кенкампуа. «Безуміе финансовой системы, говоритъ Вольтеръ, способствовало болѣе, чѣмъ думаютъ, умиротворенію церкви». Теперь духовные католическіе писатели изощряли свое остроуміе на отраженіе тѣхъ нападокъ на ростовщичество, которыя еще раздавались тамъ и сямъ въ собственномъ ихъ лагерѣ; казуистическая софистика пускалась въ ходъ для установленія тонкихъ отличій между ростовщичествомъ и биржевою игрою. Исторія обращенія Лау въ лоно католической церкви тоже весьма характеристична. Лау задумалъ добиться должности генеральнаго контролера; но онъ не могъ получить ея, не будучи натурализованъ, а натурализаціи онъ не могъ получить, пока оставался протестантомъ. Знаменитая г-жа де-Тансенъ воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы вывести въ люди своего брата, аббата де-Тансенъ. Она пустила въ ходъ свое вліяніе на аббата Дюбуа и убѣдила его испробовать таланты ея брата, поручивъ ему обращеніе на путь истинный великаго финансиста. Обращеніе, конечно, удалось какъ нельзя лучше; Лау произнесъ свое отреченіе отъ протестантской ереси въ Меленѣ, изъ страха возбудить насмѣшки совершеніемъ этого обряда въ Парижѣ. Аббату де-Тансену это обращеніе принесло весьма изрядное количество акцій и банковыхъ билетовъ.

Картина этого разложенія была бы не полна, еслибы мы не упомянули о дѣлѣ графа Горна. Сынъ принцессы де-Линь, родственникъ регента и десяти другихъ владѣтельныхъ домовъ, графъ Горнъ прибылъ изъ Германіи въ Парижъ, чтобы попытать счастья вмѣстѣ съ другими въ биржевой игрѣ. Но счастье ему не повезло. Чтобы поправить свои обстоятельства, онъ задумалъ вмѣстѣ съ двумя своими пріятелями, дворянами, родомъ изъ Пьемонта и Фландріи, слѣдующую штуку: намѣтивъ себѣ нѣкоего Лакруа, бывшаго работника-обойщика, который сдѣлался биржевымъ маклеромъ для анонимныхъ игроковъ, они заманили его въ одинъ кабачокъ. Лакруа явился, имѣя при себѣ на полтораста тысячъ цѣнныхъ бумагъ. Пріятели сначала напоили его до безчувствія, потомъ набросили ему на голову салфетку и нанесли ему до десяти ранъ кинжалами. Порѣшивъ его, они обобрали находившіяся на немъ деньги и бросились бѣжать. Кровь, которою былъ замаранъ одинъ изъ нихъ, выдала убійцъ и они были схвачены. Участь, ожидавшая ихъ, произвела страшный переполохъ среди европейской знати. Всѣ лица, могущія имѣть вліяніе на эту участь, начиная отъ короля, и кончая префектомъ полиціи, осаждались ходатайствами въ пользу преступниковъ. Разсказываютъ, что въ парижскій почтамтъ изъ Германіи пришло до 8000 писемъ съ просьбами о предоставленіи Горну возможности бѣжать. Скандалъ, однако же, былъ слишкомъ великъ даже для этой утратившей стыдъ эпохи. Регентъ оказался неумолимъ и, говорятъ, на просьбы, опиравшіяся на кровныя узы его съ главнымъ преступникомъ, отвѣчалъ: «когда у меня заводится испорченная кровь, я выпускаю ее». Горнъ былъ четвертованъ вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ сообщниковъ. Другой успѣлъ бѣжать.

въ колесѣ счастья. Отъ Лау, повидимому, этотъ поворотъ не ускользнулъ, потому что онъ пустилъ теперь въ ходъ новое средство, изобрѣтенное его неистощимой фантазіей и завѣщанное имъ, какъ роковое наслѣдіе, и нашему времени. Чтобы возбудить охоту покупать акціи, онъ началъ искуственно повышать и понижать курсъ акцій попеременно; для этого онъ раздѣлилъ своихъ агентовъ на двѣ бригады, заставляя, смотря по обстоятельствамъ, однихъ покупать, а другихъ продавать; это дѣлалось съ цѣлью поддерживать страсть къ биржевой игрѣ въ непрерывномъ лихорадочномъ возбужденіи. Самъ онъ, повидимому, не понесъ отъ этого никакого ущерба, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленныя помѣстья, при покупкѣ которыхъ онъ сдѣлалъ только одну ошибку,—купивъ ихъ во Франціи, а не за границей; какъ видно, онъ слишкомъ твердо вѣрилъ въ прочность своей системы.

Самая безумная расточительность шла рука объ руку съ этими реализаціями, которыя, по наступленіи страшной, вызванной ими дороговизны, казалось бы, должны бы были раскрыть глаза наиболѣе ослѣпленнымъ. Регентъ и Лау не давали гулять станкамъ для печатанья бумагъ; они разбрасывали между своими любимцами пачки ассигнацій на цѣлые милліоны, такъ что, въ числѣ другихъ свидѣтелей, мать регента, дочь пфальцграфа Рейнскаго, пишетъ въ одномъ письмѣ: „Всюду только и рѣчи, что о милліонахъ. Сынъ мой подарилъ мнѣ два милліона въ акціяхъ, которые я раздала лицамъ, находящимся на моей службѣ. Король тоже взялъ нѣсколько милліоновъ для штата, состоящаго при его особѣ. Всѣ члены королевской фамиліи получили тоже свою долю“.

Такіе порядки, конечно, не могли долго продолжаться,—они должны были рухнуть. Быстрое наживанье и проживанье несмѣтныхъ богатствъ не могло не оказывать глубокаго деморализирующаго вліянія на всю націю. Тамъ, гдѣ стоило пойти въ улицу Кенкампуа, чтобы разомъ нажить милліоны, тамъ, конечно, солидный трудъ, дающій лишь скромное вознагражденіе, не имѣлъ ничего привлекательнаго. Мастерскія опустѣли, трактиры были переполнены посѣтителями, и рядомъ съ безпечною расточительностью шло уменьшеніе производительности страны.

Наконецъ настало требуемое уставомъ общее собраніе акціонеровъ 30-го сентября 1719 года. Какъ уже было выше объяснено, обѣщанный двѣнадцатипроцентный дивидендъ на номинальный капиталъ долженъ былъ составить не болѣе $^1/_2$% на дѣйствительно затраченный капиталъ. Лау, опасавшійся, что съ оглашеніемъ такого факта все возведенное имъ зданіе рухнетъ, счелъ за нужное обѣщать 40%. Откуда компанія могла взять эти 40 процентовъ, осталось необъясненнымъ; но и при нихъ на дѣйствительно затраченный капиталъ пришлось бы не болѣе $1^2/_3$ процента. Такой результатъ, конечно, долженъ бы былъ отрезвить публику, но опьяненіе ея было еще такъ сильно, что именно это то общее собраніе и вызвало повышеніе акцій, которыя въ слѣдующіе затѣмъ 8 дней достигли наивысшаго своего курса, именно 18,000 ливровъ.

Но впредь уже нельзя было удержать паденія акцій съ этой страшной высоты, на которую подняла ихъ спекуляція. Наиболѣе разсудительные были, конечно, наведены этимъ общимъ собраніемъ на мысль провѣрить разсчетъ самимъ, и итогъ, который они получили, могъ только побудить ихъ къ продажѣ акцій. Какъ только первое начало было положено, паденіе акцій пошло такъ же быстро, какъ прежде шло ихъ повышеніе. Опасенія продавцовъ сообщились другимъ; скоро опасенія перешли въ испугъ, который съ быстротою молніи распространился между владѣльцами акцій. Испугъ этотъ еще увеличивался тѣмъ, что большинство бросилось мѣнять свои акціи и свои бумажныя деньги на движимую и недвижимую собственность, и когда наконецъ Лау, видя, что маневры его агентовъ не оказываютъ уже болѣе никакого дѣйствія, сдѣлалъ попытку поддержать курсы насильственными мѣрами, среди встревоженной публики разразилась настоящая паника, и все бумажное зданіе рухнуло.

Лау началъ съ того, что, для поддержанія курса ассигнацій, выхлопоталъ запрещеніе перевозить звонкую монету; онъ добился пониженія цѣнности луидора, онъ добился декрета, повелѣвавшаго производить обыски по домамъ, и у всѣхъ, у кого окажется благородныхъ металловъ стоимостью больше, чѣмъ на 500 ливровъ, отбирать этотъ излишекъ. Но всѣ эти насильственныя мѣры повели лишь къ усиленію паники. Тогда Лау, пользуясь своимъ неограниченнымъ вліяніемъ на регента, устроилъ дѣло такъ, что 22 февраля 1720 года рѣшена была передача королевскаго банка компаніи. Но и это не помогло. Горнъ приводитъ между прочимъ тотъ фактъ, что съ конца 1719 года по декабрь 1720 года цѣнность золотой монеты была измѣняема 28 разъ, а цѣнность серебряной монеты 35 разъ. И это не помогло. Золото, не взирая на пониженіе его цѣнности правительствомъ, осталось въ цѣнѣ, потому что всѣ хотѣли, вочто бы то ни стало, сбыть свои бумаги. Торговля бумагами была запрещена и биржа закрыта. Но и это ни къ чему не повело; только курсъ акцій сталъ падать еще быстрѣе. Лау потерялъ голову. Онъ самъ распорядился понизить курсъ акцій: паника еще болѣе усилилась. Курсъ ассигнацій былъ спущенъ до половины ихъ номинальной стоимости; но и это не помогло. Правда, протестъ парламента и совѣта регентства вынудилъ взять назадъ это добровольное объявленіе себя банкротомъ; но когда банкъ снова открылъ свои бюро для размѣна денегъ, господствовавшая паника произвела такой наплывъ народа въ банкъ, что до 15,000 человѣкъ дожидались всю ночь у входа, чтобы воспользоваться открывшеюся возможностію обмѣнять свои бумажки въ десять ливровъ на звонкую монету. Наконецъ самъ регентъ оффиціально декретировалъ банкротство банка, издавъ повелѣніе, въ силу котораго лишь ассигнаціи въ 10, 50 и 100 ливровъ могли быть безусловно принимаемы при уплатахъ, между тѣмъ какъ билеты высшаго достоинства могли быть принимаемы лишь пополамъ съ соотвѣтствующимъ имъ количествомъ звонкой монеты. Вскорѣ послѣ того (10 октября 1720) банковые

билеты были совсѣмъ устранены изъ обращенія. Въ ту же пору можно было купить за 40 ливровъ акціи компаніи, за которыя нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ было заплачено 18,000 ливровъ.

И такъ, ликвидація была неизбѣжна. Истощивъ всѣ средства, Лау удалился. Въ началѣ своей карьеры онъ прибылъ въ Парижъ съ $2^1/_2$ милліонами; теперь онъ покидалъ его съ 800 луидорами въ карманѣ и съ пятью милліонами бумагъ, утратившихъ всякую цѣну. Онъ снова началъ свою скитальческую жизнь и окончилъ ее въ 1729 году въ Венеціи. „До послѣдней минуты, говоритъ Горнъ, онъ не переставалъ ворочать въ своей головѣ финансовые проекты и не терялъ надежды, что его снова призовутъ во Францію“. Помѣстья его были конфискованы.

Изслѣдованіе положенія банка обнаружило полнѣйшее банкротство. Въ немъ оказались на лицо: запасъ наличныхъ денегъ въ 21 милліонъ; металловъ въ слиткахъ на 28 милліоновъ и торговыхъ варрантовъ на 240 милліоновъ. Между тѣмъ, въ обращеніи имѣлось до 3 милліардовъ банковыхъ билетовъ; слѣдовательно, дефицитъ простирался свыше 2,500 милліоновъ, Таковъ былъ результатъ, до котораго довели дѣло регентъ и Лау. Ликвидація была поручена братьямъ Пари. Одно составленіе описи потребовало 800, а позднѣе 1,500 приказщиковъ, которые день и ночь работали втеченіе болѣе полугода; расходы ликвидаціи составили свыше 9 милліоновъ. Владѣльцы акцій должны были возвратить свои бумаги. Они были раздѣлены на пять разрядовъ, смотря по средствамъ, которыми они пріобрѣли свои акціи. Въ первомъ разрядѣ стояли прежніе владѣльцы ренты. Но и они спасли изъ своего капитала лишь немногіе проценты. Въ общей сложности, изъ всего капитала уцѣлѣлъ лишь одинъ процентъ. Такъ окончился этотъ первый финансовый кризисъ.

V.

Періодъ спекуляцій на южно-американскую торговлю въ Англіи.

Одновременно съ экспериментами Лау во Франціи, наступилъ совершенно тождественный періодъ сумасшедшихъ спекуляцій въ Англіи. Въ 1711 году, когда война съ Испаніей и Франціей ввела англійское правительство въ значительные долги, англійскій банкъ находился въ очень стѣсненномъ положеніи и дисконтъ векселей сильно поднялся,—тогдашній новый первый министръ, графъ Оксфордъ, задумалъ успокоить тревогу капиталистовъ новою финансовою операціею, которая состояла въ томъ, что былъ назначенъ фондъ для покрытія неуплаченныхъ процентовъ по государственнымъ долгамъ. Въ то же время, чтобы найти предлогъ для привлеченія новыхъ капиталовъ, было образовано торговое общество, къ которому участниковъ стали заманивать обѣщаніями

большихъ барышей. „Купцы, говоритъ лордъ Магонъ, не замедлили накинуться на позолоченую приманку и имъ уже казалось, что они видятъ передъ собой сверкающее Эльдорадо. Вспоминали успѣхи Дрэка и снова принялись за мечты Ралея. То же настроеніе охватило всю націю, и многіе, едва знавшіе, гдѣ находится Америка, были вполнѣ убѣждены, что она вся покрыта золотомъ и драгоцѣнными каменьями". Дѣло въ томъ, что еще въ царствованіе королевы Елисаветы, англійскіе мореплаватели, побывавшіе въ испанской Америкѣ, возбудили между своими соотечественниками преувеличенныя представленія о тамошнихъ богатствахъ и о выгодѣ торговли съ этими странами. Богатства, добытыя испанцами въ Вестъ-Индіи, давно кололи глаза англичанамъ. И вдругъ правительство пускаетъ въ публику предложенія извѣстнаго рода и доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что намѣревается вооруженными силами основать въ южной Америкѣ колоніи, такъ какъ тамъ будто бы находятся несмѣтныя количества золота, серебра и драгоцѣнныхъ пряностей, съ необыкновенною выгодою вымѣниваемыя на присылаемые туда изъ Европы мануфактурные товары; вдобавокъ, приверженцы правительства распускаютъ слухъ, что испанцы готовы уступить англичанамъ четыре гавани въ южныхъ моряхъ у береговъ Перу и Чили для огражденія тамошней торговли. При помощи всѣхъ этихъ маневровъ не трудно было провести въ парламентѣ рѣшеніе, которымъ декретировались слѣдующія мѣры: обезпеченье процентовъ государственнаго долга, устройство общества для торговли въ южныхъ моряхъ, поощреніе рыболовства, безпошлинная торговля невыдѣланнымъ желѣзомъ съ Испаніей и отмѣна закона о вербовкѣ матросовъ.

Въ этомъ же актѣ парламента заключался перечень текущихъ долговъ, сдѣланныхъ на веденіе войны, а также смѣта расходовъ, которые понадобятся на тотъ же предметъ въ будущемъ году. Все это вмѣстѣ составляло сумму въ 9,471,325 фунт. стерл.; проценты съ этой суммы, считая по 6% составляли 568,279 фунт. стерл. Какъ на источникъ для уплаты этихъ процентовъ, парламентское постановленіе указывало на пошлины съ винъ, уксуса, табаку, остъ-индскихъ товаровъ, выдѣланнаго шелку, китоваго уса и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, причемъ было оговорено, что въ случаѣ если пошлины эти не покроютъ сказанной суммы, дефицитъ долженъ быть пополненъ изъ суммъ морского министерства. Въ случаѣ же оказался бы излишекъ, онъ долженъ быть употребленъ на погашеніе вышеозначеннаго капитала. Парламентское постановленіе уполномочивало правительство включить своихъ кредиторовъ, т. е. владѣльцевъ государственныхъ обязательствъ на вышеназванныя суммы, въ составъ новообразуемаго общества, „дабы торговля съ южными морями, какъ гласило постановленіе, могла быть ведена къ чести, преуспѣянію и обогащенію нашей страны". Обществу даровалось тѣмъ же парламентскимъ актомъ 8,000 фунт. ежегодно на расходы управленія. Чтобы не подрывать привиллегіи англійскаго

банка, обществу запрещено было выдавать деньги подъ залогъ своихъ акцій и вообще дѣлать какія бы то ни было ссуды на сроки менѣе полугода; оно не должно было имѣть и не имѣло права дисконтировать векселей. За то общество, начиная съ 1 августа 1711 г., получило исключительное право торговли со всѣми государствами, странами, островами, городами, мѣстечками, гаванями, бухтами и мѣстностями Америки, лежащими на восточномъ ея берегу, отъ рѣки Ориноко и вплоть до южной части Огненной Земли, а также на западномъ ея берегу, отъ мыса Горна и до сѣверной части Америки; тоже право исключительной торговли присвоивалось сказанной компаніи относительно всѣхъ земель, лежащихъ въ предѣлахъ вышеозначенныхъ границъ и считающихся принадлежащими испанской коронѣ, а также и такихъ, которыя имѣютъ быть открыты въ предѣлахъ этихъ границъ въ будущемъ и не будутъ отстоять далѣе 300 французскихъ льё отъ материка Америки. Изъятыми остались лишь Суринамъ и Бразилія, т. е. земли, принадлежавшія Португаліи и Нидерландамъ и остававшіяся открытыми для торговли всѣхъ великобританскихъ подданныхъ, между тѣмъ, какъ право торговли въ вышеобозначенномъ раіонѣ присвоивалось исключительно лишь новообразуемому обществу, его агентамъ и факторіямъ. Обществу въ то же время, въ предѣлахъ, отмежеванныхъ для его дѣятельности, присвоивалась законодательная и судебная власть. Всякій, кто, не принадлежа къ обществу или не получивъ разрѣшенія отъ послѣдняго, позволялъ себѣ торговать въ этихъ странахъ, или хотя бы только посѣщать ихъ, лишался своего корабля, своихъ товаровъ и, кромѣ того, долженъ былъ заплатить сумму, представлявшую двойную стоимость того и другого. Изъ этого штрафа одна четверть поступала въ пользу правительства, одна четверть въ пользу доказчика и половина—въ пользу общества. Компанія становилась исключительной собственницей всѣхъ городовъ, фортовъ и острововъ, которые она впредь откроетъ, и должна была владѣть ими на правѣ леннаго владѣнія, полученнаго милостью правительства, и съ уплатою ежегодной подати въ одинъ унцъ золота, если таковая потребуется. Компанія имѣетъ право прибѣгать къ силѣ оружія для заарестованія всѣхъ лицъ, торгующихъ безъ ея разрѣшенія въ ея владѣніяхъ, а также для конфискаціи кораблей и товаровъ, принадлежащихъ сказаннымъ лицамъ. Всѣ призы, захваченные такимъ образомъ, поступаютъ цѣликомъ въ собственность общества.

Долговыя обязательства общества должны были писаться на имя того лица, которому они выдавались, но могли быть переуступлены и другому лицу посредствомъ передаточной надписи. Извѣстный процентъ основного капитала общества долженъ былъ отчисляться на образованіе особаго фонда, съ тѣмъ, чтобы фондъ этотъ употреблялся на споспѣшествованіе рыболовному промыслу. Директоры общества не могли одновременно занимать какую нибудь должность въ англійскомъ банкѣ или въ остъ-индской компаніи. Общество имѣло право вер-

бовать войска для защиты своихъ владѣній. Такова была, въ главныхъ чертахъ, сущность знаменитаго постановленія.

Тотчасъ же по образованіи общества акціи его значительно поднялись въ цѣнѣ. Уже въ слѣдующемъ году оно рѣшило отправить экспедицію съ грузомъ, стоимостью въ 200,000 фунт. стерл. Вслѣдствіе этого рѣшенія, въ іюлѣ 1712 года, общество выпустило облигацій на 200,000 фунт. стерл. Въ томъ же году были вновь организованы африканская и остъ-индская компаніи. Въ ноябрѣ 1711 года курсъ акцій привиллегированныхъ обществъ былъ слѣдующій:

Акція остъ-индской компаніи	$124^1/_2$ ф.
Акція англійскаго банка	$111^1/_4$ „
Акція южно-американской компаніи . . .	$77^1/_2$ „
Акція королевской африканской компаніи . .	$4^1/_2$ „

На общемъ собраніи южно-американскаго общества, происходившемъ 2-го іюня 1713 года, президентъ, графъ Оксфордъ, (онъ же—лордъ-канцлеръ казначейства) возвѣстилъ, что испанское правительство даровало обществу, съ изъятіемъ своихъ собственныхъ подданныхъ, монополію торговли неграми во всѣхъ испанскихъ владѣніяхъ въ южной Америкѣ (такъ называемый ассіентскій договоръ). Въ то же время обществу разрѣшалось, вмѣсто ежегодной отправки одного корабля въ 500 тоннъ, отправить въ первый годъ одинъ корабль въ 600 тоннъ съ товарами въ сѣверные порты испанской Вестъ-Индіи. Для этой цѣли англійское правительство ссудило общество двумя изъ своихъ собственныхъ кораблей, а общество сдѣлало новый выпускъ облигацій на 200,000 фунт. стерл. Правительство выговорило себѣ четвертую часть такъ называемой ассіентской торговли; впослѣдствіи, впрочемъ, оно предоставило ее обществу всецѣло, съ тѣмъ условіемъ, чтобы изъ части барышей, получавшихся ежегодно съ вышеупомянутаго корабля, $21^1/_4$ процентъ выплачивался обществомъ извѣстнымъ личностямъ, въ числѣ которыхъ называли лорда Болингброка, лэди Массау и Артура Мура—а также $7^1/_2$ процентовъ испанскому агенту при англійскомъ дворѣ, дону Мануэлю-Манассасъ-Гиллигану. Изъ этого мы можемъ видѣть, что и въ Англіи дѣла были не лучше, чѣмъ во Франціи. Въ 1714 году королева Анна къ двумъ вышеназваннымъ кораблямъ прибавила еще подарокъ двухъ военныхъ кораблей, и этотъ подарокъ былъ подтвержденъ королемъ Георгомъ I, вскорѣ послѣ того вступившимъ на престолъ. Въ началѣ 1715 года всѣ четыре корабля отплыли въ Америку. Гавани, въ которыхъ общества долженствовали прежде всего открыть свою торговлю и основать свои факторіи, были нижеслѣдующія: Панама, Портобелло, Картагена, Вера-Крузъ, Буэносъ-Айресъ и Гаванна. Въ этомъ же (1715) году главный капиталъ общества, который до этого состоялъ изъ 9,177,967 фунт. стерл., былъ увеличенъ на 822,033 фунт., такъ что онъ со-

ставилъ 10,000,000 фунт. стерл. Въ томъ же году отплылъ изъ Стэпеля первый ежегодный корабль общества. Въ 1717 году, рѣшеніемъ парламента, ежегодный фондъ общества былъ уменьшенъ съ 600,000 фунт. стерл. на 500,000, съ тѣмъ, чтобы излишекъ въ 100,000 фунт., получавшійся такимъ образомъ, употреблялся на образованіе фонда погашенія. При этомъ было оговорено, что общество, и по совершеніи этого погашенія, будетъ продолжать свое существованіе. Въ мартѣ 1712 года былъ отправленъ изъ Стэпеля второй корабль южно-американскаго общества. Въ этомъ году общество понесло большіе убытки вслѣдствіе возобновленія войны съ Испаніей. Въ 1719 году общество умножило свой основной капиталъ на 1,746,844 ф., которые за ежегодный процентъ въ 87,342 ф. были уступлены правительству, чтобы дать ему возможность выплачивать лотерейные выигрыши займа 1710 года (самый заемъ долженствовалъ быть погашенъ годичными рентами въ 32 года). Но операція эта почти совсѣмъ не удалась, вслѣдствіе противодѣйствія владѣльцевъ выигрышныхъ бумагъ.

Мы намѣренно прослѣдили, по возможности подробно, развитіе южно-американской компаніи съ самаго ея основанія, чтобы тѣмъ рѣзче выставить контрастъ съ финансовыми событіями 1720 г. Не взирая на предшествующій опытъ Франціи, который въ этомъ году уже закончился страшной финансовой катастрофой и могъ бы служить устрашающимъ примѣромъ, и для Англіи насталъ періодъ сумасшедшихъ спекуляцій, который развѣ только въ размѣрахъ суммъ уступалъ спекуляціонному опьяненію, овладѣвшему Франціей. Одинъ старинный историкъ называетъ 1720 годъ эпохою, до такой степени замѣчательною по тѣмъ необычайнымъ, романтическимъ проектамъ, предложеніямъ и предпріятіямъ, которыми увлекались и частныя лица и нація, что этотъ годъ слѣдовало бы постоянно сохранять въ памяти, и это не только потому, что подобнаго ему не было и, должно надѣяться, не будетъ, но и потому, что онъ долженъ служить вѣчнымъ предостереженіемъ законодателямъ и министрамъ Англіи, чтобы они никогда болѣе не предоставляли одному человѣку возможности эксплуатировать такимъ наглымъ и позорнымъ образомъ легковѣріе націи, отвлекая ее отъ правильной, трудовой дѣятельности.

Уплата долговъ государства компаніей Лау породила въ Англіи подобныя же стремленія и вызвала предложенія множества жадныхъ до наживы прожектеровъ, которые искали средствъ къ уплатѣ долговъ государства въ искусствѣ фокусника, вмѣсто того, чтобы искать ихъ въ дѣйствительныхъ сбереженіяхъ. Правительство, около этого времени, пришло къ рѣшенію выкупить всѣ ренты царствованія Вильгельма и Анны. Большинство этихъ рентъ было расчитано на 90-лѣтній срокъ погашенія, нѣкоторыя на 96 и 98 лѣтъ; общая сумма, уплачиваемая по нимъ ежегодно, составляла около 800,000 фунт. стерл. Такъ какъ въ 1710 году тогдашнимъ директорамъ южно-американскаго общества посчастливилось выкупить бо́льшую часть рентъ выигрышнаго займа, то и те-

перь министерство побудило директоровъ общества обратиться къ правительству съ предложеніями о выкупѣ остальныхъ рентъ. И точно, общество, разсыпаясь въ увѣреніяхъ своего усердія и своей готовности уменьшить бремя государственнаго долга,—ибо, Богъ былъ свидѣтелемъ, говоритъ Андерсонъ, что частный интересъ тутъ былъ ни при чемъ,—обратилось къ парламенту съ предложеніемъ уплатить на 3,500,000 фунт. стерл. государственнаго долга.

Предложеніе это возбудило соревнованіе англійскаго банка, который тотчасъ предложилъ двумя милліонами болѣе, чѣмъ южно-американское общество; но тогда послѣднее съ своей стороны надбавило еще 2 милліона. На это предложеніе 7,567,500 фунт., къ которому еще присовокуплялось предложеніе предоставить втеченіе одного года въ пользу публики покупную цѣну всѣхъ тѣхъ долгосрочныхъ рентъ, которыя не будутъ капитализированы, англійскій банкъ отвѣчалъ другимъ, еще болѣе выгоднымъ предложеніемъ,—выдавать за каждые 100 фунтовъ долгосрочныхъ рентъ—1,700 фунтовъ банковыми билетами. Но директоры южно-американскаго общества до такой степени утратили всякое чувство мѣры, что они стали носиться съ проектомъ о покупкѣ капиталовъ англійскаго банка, остъ-индской компаніи и всѣхъ государственныхъ фондовъ казначейства, съ цѣлью присоединить ихъ къ своему собственному капиталу.

Не взирая на то, что проектъ этотъ не встрѣтилъ сочувствія, уже одинъ слухъ о немъ поднялъ акціи общества до 126%.

Въ концѣ концовъ послѣднее предложеніе общества было принято парламентомъ, который утвердилъ билль, имѣвшій цѣлью: „доставить сказанному обществу средства увеличить свой настоящій основной капиталъ черезъ выкупъ нижепоименованныхъ государственныхъ займовъ, доставить ему денежныя суммы, которыя должны быть употреблены на уменьшеніе бремени государственныхъ долговъ, а также доставить ему возможность изъять изъ обращенія теперешнія свидѣтельства казначейства, оставшіяся невыкупленными (текущій долгъ) и замѣнить ихъ новыми бумагами, которыя въ самомъ казначействѣ, или по близости отъ него, могли бы, по мѣрѣ требованія, быть вымѣниваемы и пускаемы въ обращеніе“. Этотъ билль прошелъ въ нижней палатѣ. Во время преній о немъ, курсъ южно-американскихъ акцій подвергался сильнѣйшимъ колебаніямъ и доходилъ до 319 процентовъ. Въ верхней палатѣ билль встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Противъ него возражали, „что онъ способствуетъ обогащенію немногихъ личностей въ ущербъ интересамъ большинства; что онъ поощряетъ опасную и обманную торговлю акціями и что черезъ это народъ отвлекается отъ производительной торговли и отъ трудовой дѣятельности; что безумное повышеніе курсовъ на южно-американскія акціи въ то время, когда билль еще не принятъ, представляетъ опасную приманку для нелѣпыхъ и опрометчивыхъ людей, завлекая ихъ обманчивой надеждой обогащенія и побуждая ихъ черезъ это бросать

свои трудовыя деньги на пріобрѣтеніе воображаемаго богатства; что національная торговля должна быть организована болѣе въ видахъ обогащенія публики, нежели въ видахъ обогащенія отдѣльныхъ личностей; что планъ этотъ, между тѣмъ, клонится какъ разъ къ обратному, такъ какъ, въ случаѣ, если южно-американскія акціи удержатся на 300%, прежніе акціонеры выиграютъ 30 милліоновъ, между тѣмъ какъ публика должна будетъ довольствоваться одною четвертью этой суммы; что, хотя ни одно изъ предложеній обоихъ соперничествующихъ учрежденій не заслуживаетъ быть принятымъ, но что предложеніе англійскаго банка все же имѣетъ нѣкоторыя преимущества, такъ какъ банкъ, по крайней мѣрѣ, опредѣленно заявляетъ, во что онъ намѣревается оцѣнить долгосрочныя ренты въ своемъ фондѣ; что, наконецъ, если, не взирая на все это, предложенія южно-американскаго общества будутъ приняты, то слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, ограничить повышеніе акцій сказаннаго общества, чтобы предотвратить наиболѣе опасныя послѣдствія акціонерной спекуляціи".

Не взирая на эти возраженія, билль все таки прошелъ и въ верхней палатѣ. Въ видахъ осуществленія обширныхъ замысловъ, южно-американская компанія была уполномочена добавочнымъ рѣшеніемъ парламента, выпустить новыя свидѣтельства казначейства, на сумму до 1 милліона ф. ст, и собрать капиталъ для уплаты государственныхъ долговъ посредствомъ выпуска акцій въ 4 серіи. Далѣе, компанія уполномочивалась требовать отъ акціонеровъ добавочныхъ взносовъ, открывать подписки, выдавать годичныя ренты, подлежащія впослѣдствіи выкупу и, вообще, употреблять для доставленія себѣ необходимаго капитала всѣ мѣры, какія только будутъ утверждены ея общими собраніями.

Общество обязалось выплатить владѣльцамъ долгосрочныхъ рентъ стоимость послѣднихъ по разсчету 20-ти лѣтняго съ нихъ дохода, а владѣльцамъ краткосрочныхъ рентъ—стоимость, капитализированную изъ 15-ти лѣтняго дохода. Цѣна эта была выше той, которую владѣльцы рентъ могли бы получить на денежномъ рынкѣ; спекуляція состояла въ томъ, что общество, въ отношеніи бумагъ, которыя оно выдавало въ обмѣнъ рентъ, не было обязано держаться никакого опредѣленнаго курса. Вся сумма выкупа этихъ рентъ составляла 15,118,072 фунт. стерл. Пятипроцентные долги въ государственномъ казначействѣ и въ банкѣ простирались до 11,779,660 фунт, а четырехпроцентные до 4,766,821 ф. стерл., такъ что, если бы всѣ вышеупомянутые государственные долги, доходившіе до 31,664,554 фунт. стерл. были выплачены, основной капиталъ общества увеличился бы на 43,441,399 фунт. стерл.

Директоры южно-американской компаніи открыли подписку на 200,000 акцій новаго выпуска по курсу 300 процентовъ. Не смотря на то, что дѣло происходило въ 1720 г. и что плачевный конецъ французскаго общества колонизаціи береговъ Миссисипи могъ бы служить предостереженіемъ, акціи уже въ первый день подписки поднялись до 325%. Публика, и въ томъ числѣ лица

весьма высокаго общественнаго положенія, такъ рвались изъ за этой подписки, что выпускъ акцій увеличили на сумму 2,250,000 фунт. стерл. Между тѣмъ, какъ старыя акціи продавались по курсу 60, новыя уже теперь стали на 34%.

Но, повидимому, и эти несообразно высокіе курсы не удовлетворяли алчности ажіотирующихъ членовъ правленія. Начали устраивать дальнѣйшее повышеніе курсовъ другими искусственными средствами, и въ слѣдующемъ же общемъ собраніи полугодовой дивидендъ, какъ для старыхъ, такъ и для новыхъ акціонеровъ былъ опредѣленъ въ 10%. Въ томъ же общемъ собраніи, чтобы облегчить торговлю акціями на биржѣ, рѣшено было отпускать ихъ въ кредитъ на 4 мѣсяца за 4 процента. Количество акцій, могущихъ быть такимъ образомъ отпущеными въ кредитъ, было опредѣлено въ 500,000 фунт. стерл., но впослѣдствіи эта сумма была возвышена до 900,000 фунт. стерл. Въ то же время на лондонскую биржу введена была спекуляція на преміи, и, чтобы поднять акціи еще выше, агенты были снабжены значительными суммами. Черезъ эти и тому подобныя мѣры публика была возбуждена до такой степени, что она съ жаднымъ нетерпѣніемъ требовала новыхъ выпусковъ акцій. „Умопомраченіе,“ говоритъ Андерсонъ, было такъ велико, что одно рѣшеніе правленія присоединить къ своему капиталу ренты, оставшіяся неподлежащими выкупу, побудило многихъ изъ владѣльцевъ этихъ рентъ тотчасъ же довѣрить ихъ обществу и начать подписываться на акціи общества, не зная даже, какія условія будутъ имъ за это предложены. 30 апрѣля была открыта вторая подписка по курсу въ 400%. И этотъ выпускъ былъ тоже увеличенъ на 500,000 ф. ст. 19 мая были объявлены условія уплаты по долгосрочнымъ и краткосрочнымъ рентамъ, неподлежавшимъ первоначально выкупу. Эти условія, сравнительно съ общимъ безумно-спекулятивнымъ духомъ того времени, были бы еще довольно выгодны, еслибы подписчикамъ было предоставлено непосредственное участіе въ управленіи возвращаемымъ имъ фондомъ. Но это не входило въ намѣренія „Клики“ (the Cabale), какъ называли этотъ финансовый заговоръ министровъ и капиталистовъ, составленный съ цѣлью эксплуатировать публику. Подписчикамъ на акціи былъ данъ шестидневный срокъ, чтобы принять или отвергнуть предложенныя имъ условія.

Но такъ какъ 25 мая акціи уже успѣли подняться выше 500%, то всѣ владѣльцы акцій соблазнились и приняли условія. Безуміе начинало овладѣвать всѣми сословіями. Поддаваясь безмѣрной жаждѣ, люди, какъ это было и во Франціи, сами бросались на встрѣчу своей погибели. На лондонской биржѣ торговля южно-американскими акціями тоже превратилась въ игру, и такъ какъ всякій, въ надеждѣ выиграть, торопился купить, то курсы вскорѣ поднялись до баснословной высоты. Подобно тому какъ во Франціи Лау успѣлъ сдѣлаться самымъ вліятельнымъ и наиболѣе чтимымъ лицомъ послѣ главы государства, такъ и директоры и члены правленія южно-американскаго общества были окру-

жены сверху и снизу величайшимъ почетомъ и многіе изъ первыхъ были даже пожалованы титуломъ баронетовъ.

Чэнджъ-Элли, гдѣ помѣщалась лондонская биржа, вскорѣ приняла тотъ же видъ, какъ и парижская улица Кенкампуа. Происходившая въ ней давка людей всевозможныхъ званій, безъ различія возраста и пола, производила почти отвратительное впечатлѣніе. Возбужденное настроеніе, овладѣвшее публикой было такъ велико, что курсы акцій подвергались громаднымъ колебаніямъ. Поднявшись 2-го іюня 1720 года до 890, они, благодаря тому, что этотъ высокій курсъ привлекъ на слѣдующій день на биржу много продавцовъ, къ вечеру же упали до 640, а къ 6-му іюня снова поднялись до 820.

Хотя Арчибальдъ Гочсонъ и старался раскрыть публикѣ глаза своими вычисленіями и хотя курсъ акцій и палъ вслѣдствіе того, что многіе принуждены были продавать свои бумаги, чтобы имѣть средства уплатить второй взносъ, тѣмъ не менѣе, правленіе съ своей стороны энергично противодѣйствовало пониженію курса и съ этою цѣлью въ значительныхъ размѣрахъ ссужало акціи въ кредитъ по курсу 400.

Этимъ маневромъ, который въ новѣйшее время находилъ въ Германіи такъ часто подражателей, не только количество акцій было уменьшено, но и лица, получавшія эту ссуду, пріобрѣтали черезъ нее средства къ покупкѣ новыхъ акцій, и такимъ образомъ курсъ снова поднялся почти до 800. Тогда клика рискнула сдѣлать новый выпускъ акцій на 5,000,000 фунт. ст., по курсу въ 1,000%; уплата по всѣмъ акціямъ долженствовала быть произведена въ 10 сроковъ, взносами по 100 ф. ст. Изъ 5,000,000 этого выпуска, общество въ одинъ день роздало акцій въ кредитъ на сумму 3-хъ милліоновъ, чтобы снабдить торговлю акціями наличными деньгами. Влѣдствіе этой биржевой игры акціи Южно-американской компаніи поднялись до 1,050. „Въ доброй старой Англіи, говоритъ одинъ старый финансистъ, едва ли оставался хотя одинъ мозгъ, способный еще высчитывать и соображать вѣроятные результаты всего этого дѣла“. Безумныя спекуляціи Южно-Американской компаніи увлекли за собою и другія главнѣйшія общества, такъ что бумаги Остъ-Индской компаніи поднялись до 445, а акціи англійскаго банка до 260. Разсчитываютъ, что вслѣдствіе этого повышенія цѣнъ, общая цѣнность этихъ акцій, а также бумагъ множества другихъ крупныхъ и мелкихъ предпріятій, порожденныхъ этою эпохою спекуляцій, дошла къ концу іюня 1720 г. до 500 милліоновъ ф. ст., т. е. въ пять разъ превысила все количество наличныхъ денегъ, находившихся въ то время въ обращеніи въ Европѣ.

Одновременно съ этимъ, производительныя отрасли дѣятельности были вовсе оставлены или же находились въ пренебреженіи; торговля бумагами поглощала всѣ силы страны. Пока директоры Южно-американской компаніи, посредствомъ щедрой выдачи своихъ акцій въ кредитъ и другихъ средствъ, поощряли

обманную спекуляцію и поддерживали курсъ акцій на его искусственной высотѣ, возникло множество другихъ эфемерныхъ предпріятій, получившихъ названіе *bubbles* (мыльныхъ пузырей) и поддерживавшихъ публику въ постоянномъ возбужденіи. Подобно улицѣ Кэнкампуа въ Парижѣ, лондонская Чэнджъ-Элли и прилегавшія къ ней кофейни съ утра до ночи были набиты людьми, спекулировавшими на эти „мыльные пузыри". Многія изъ этихъ личностей пускали въ ходъ старыя, утратившія свою дѣйствительность, концессіи и собирали съ помощью ихъ подписки на предпріятія, осуществлять которыя они не имѣли права. Другіе, подъ ширмою своихъ старыхъ концессій, проводили совсѣмъ иные проэкты, не имѣвшіе ничего общаго съ тѣми предпріятіями, на которыя концессіи были выданы. Наконецъ, третьи обходились вовсе безъ концессій и эксплуатировали публику посредствомъ самовольно созданныхъ проэктовъ. Худшее въ этомъ было то, что подобные промышленные авантюристы обращались къ наиболѣе многочисленной и наименѣе достаточной части публики, для которой акціи Южно-Американской компаніи были недоступны по своей дороговизнѣ и которой, между тѣмъ, все таки хотѣлось принять участіе въ азартной игрѣ счастья. То появлялся проэктъ страхованія кораблей и товаровъ, дававшій по подпискѣ милліонъ ф. стерл., то возникалъ проэктъ Общества рыболовства въ большихъ размѣрахъ, и семь перовъ королевства, не считая многихъ купцовъ, оказывали ему поддержку своими именами; то вдругъ тѣ же имена фигурировали въ качествѣ учредителей подъ проэктомъ эксплуатаціи желѣзныхъ копей и подписки давали отъ 500,000 до 1 милліона и болѣе фунтовъ стерлинговъ. Въ то же время парламентъ осаждали ходатайствами о концессіяхъ. Такъ, напримѣръ, 8-го января 1720 г. три пера Англіи, одинъ ирландскій перъ и два епископа, вмѣстѣ со многими именитыми лицами дворянскаго и купеческаго сословій, просили концессію для покупки и улучшенія земель въ Англіи, для выдачи пожизненныхъ рентъ и для страхованія жизни. Проэктъ этотъ въ скоромъ времени далъ подписку въ 1,200,000 ф. ст. Такъ какъ предпріятіе встрѣтило сильное сопротивленіе, то основатели его купили за 7,000 ф. ст. старую концессію, выданную еще при Карлѣ II, „на повышеніе уровня водъ Темзы въ зданіяхъ Уоркгауза", и подъ этою фирмою старались провести свой проэктъ. Два страховыя общества, каждое съ капиталомъ въ $1^1/_2$ милліона, были разрѣшены за обѣщаніе доставить по 300,000 ф. ст. на покрытіе расходовъ личнаго бюджета короля.

Когда опасность отъ этого потопа эфемерныхъ предпріятій обратила на себя вниманіе вліятельныхъ патріотовъ, состоялось наконецъ постановленіе парламента, такъ называемое „постановленіе о мыльныхъ пузыряхъ", имѣвшее цѣлью ограничить размѣры спекуляціонныхъ плутней и объявлявшее недѣйствительными всѣ предпріятія, которыя возникли послѣ Иванова дня 1718 года подъ ложными фирмами и на основаніи устарѣвшихъ концессій. Въ постановленіи

этомъ сказано: „Такъ какъ съ 24-го іюня 1718 года въ Лондонѣ и другихъ мѣстностяхъ королевства, а также и въ Ирландіи, появились разнообразные проэкты, очевидно клонящіеся къ ущербу гражданъ, такъ какъ составители этихъ проэктовъ, подъ ложнымъ предлогомъ содѣйствовать общему благу, позволили себѣ открывать публичныя подписки и привлекать неосторожныхъ людей къ подписанію значительныхъ суммъ на таковыя предпріятія, при чемъ, хотя чистыми деньгами взносятся и незначительныя суммы, но въ общей сложности получается весьма крупный итогъ; во вниманіе къ тому, что многіе дѣйствуютъ въ качествѣ привиллегированныхъ обществъ, выпуская акціи и т. п.; во вниманіе къ тому, что многіе дѣйствуютъ, прикрывая себя концессіями, выданными совсѣмъ съ другими цѣлями или же старыми концессіями, утратившими, за неупотребленіемъ или за злоупотребленіемъ ими, свою дѣйствительность; во вниманіе къ тому, что всѣ эти проэкты наносятъ ущербъ ремесламъ, промышленности и благосостоянію населенія, для пресѣченія и предупрежденія всѣхъ таковыхъ опасныхъ посягательствъ постановляется: всѣ подобныя предпріятія и попытки, а также всѣ состоявшіяся въ интересѣ ихъ подписки, квитанціи, уплаты и передаточныя записи объявляются отнынѣ и навсегда недѣйствительными, и тѣ, которые будутъ торговать сказанными бумагами для себя или въ качествѣ маклеровъ, подвергаются штрафу въ 500 ф. ст.“.

Не взирая на то, что запрещеніе это было нѣсколько разъ энергически подтверждено, оно пріостановило бумажныя спекуляціи всего лишь на нѣсколько дней. На зло всевозможнымъ запрещеніямъ, ажіотажъ вскорѣ снова сталъ процвѣтать болѣе, чѣмъ когда-либо. Крушеніе общества колонизаціи береговъ Миссиссипи, происшедшее около этого времени въ Парижѣ, ни для кого не послужило предостерегающимъ примѣромъ. Такъ же, какъ и въ улицѣ Кенкампуа, курсы поднимались все выше и выше, и такъ какъ отъ этого нѣкоторое время всѣ выигрывали, наплывъ желающихъ поживиться акціями возрасталъ съ страшной быстротою. Трудовая и промышленная дѣятельность съ каждымъ днемъ приходила все въ бо́льшій и бо́льшій застой и въ то же время роскошь и расточительность ежедневно усиливались. Съ утра до вечера Чэнджъ-Элли кишѣла людьми, тѣснившимися и толкавшимися въ отчаянномъ безпорядкѣ и, среди непрерывнаго крика и перебранокъ, акціи Южно-Американской компаніи и бумаги „мыльныхъ пузырей“ брались на расхватъ. Ни одного дня не проходило безъ того, чтобы въ газетахъ не появлялось новыхъ проэктовъ, превозносимыхъ въ напыщенныхъ рекламахъ и служившихъ приманкою на новыя подписки. Въ однихъ требовался первоначальный взносъ всего только въ 6 пенсовъ чистыми деньгами, въ другихъ —только одинъ шиллингъ со ста, въ третьихъ — только одинъ шиллингъ съ 1,000. Нѣкоторые изъ безъимянныхъ бухгалтеровъ, состоявшихъ при этихъ подпискахъ, исчезали, по разсказу лѣтописца, тотчасъ же по полученіи перваго взноса, а съ ними вмѣстѣ исчезали и книги, въ которыя за-

носилась подписка; оказывалось, что мѣсто, гдѣ они производили свои операціи, было нанято ими всего на одинъ день. Тѣ проэкты, по которымъ вносился процентъ въ 10 шиллинговъ, уже пользовались покровительствомъ личностей, занимавшихъ видное общественное положеніе. Знатныя особы обоего пола были сильно замѣшаны въ эти спекуляціи на мыльные пузыри, такъ какъ ненасытная жажда наживы успѣла охватить всѣ общественные слои. Мужчины, разсказываетъ одинъ современникъ, являлись въ винные погреба и въ кофейни на свиданье съ своими маклерами, а дамы съ тою же цѣлью сходились у модистокъ и въ ювелирныхъ магазинахъ. Когда ослѣпленіе достигло своей высшей ступени, случалось зачастую, что какой нибудь наглый обманщикъ нанималъ всего лишь на нѣсколько часовъ комнату въ какомъ нибудь кафе или другомъ помѣщеніи близъ Чэнджъ-Элли и открывалъ подписку на какое нибудь предпріятіе, имѣвшее касательство къ торговлѣ, промышленности или какому нибудь мнимому изобрѣтенію; проэктъ предпріятія обыкновенно былъ состряпанъ на скорую руку въ собственномъ мозгу авантюриста, или же украденъ имъ у какого нибудь другого спеціалиста этого дѣла; если предпріятіе, за день передъ тѣмъ, было надлежащимъ образомъ рекламировано въ газетахъ, то можно было разсчитывать, что въ нѣсколько часовъ подписка дойдетъ до нѣсколькихъ милліоновъ фиктивнаго фонда. Между этими мыльными пузырями, во многихъ обманъ былъ до такой степени очевиденъ, что они не представляли ни малѣйшаго вѣроятія осуществимости. Но ослѣпленіе публики было такъ велико, что нашлись аферисты, которые не стѣснились публиковать въ газетахъ о своемъ проэктѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Подписка на капиталъ въ 2 милліона на одно предпріятіе, обѣщающее большія выгоды и цѣль котораго будетъ объяснена впослѣдствіи". Одинъ современникъ вспоминаетъ о такъ называемыхъ „свидѣтельствахъ Земного Шара", которыя продавались на биржѣ по 60 гиней и болѣе, и которыя между тѣмъ состояли просто на просто изъ квадрата, вырѣзаннаго изъ игральной карты; на этомъ квадратѣ былъ накапанъ сургучъ, съ печатью одного сосѣдняго погребка, торговавшаго подъ вывѣскою „Земного Шара". Никакого имени на этихъ свидѣтельствахъ выставлено не было; на нихъ просто стояла надпись: „Парусинныя свидѣтельства", что̀ означало, что обладателямъ ихъ дозволено будетъ впослѣдствіи подписаться на акціи парусинной фабрики, затѣянной человѣкомъ, о которомъ знали, что онъ нажилъ большія деньги, хотя впослѣдствіи онъ умеръ опозореннымъ и нищимъ. „Одна компанія для эксплуатаціи горнаго промысла, разсказываетъ Д. Фрэнсисъ, отличалась необычайнымъ благородствомъ своихъ стремленій. Въ уставѣ ея было оговорено, что ни одинъ изъ директоровъ не имѣетъ права оставлять за собою болѣе 200 акцій, что всѣ остальныя акціи должны быть предоставлены въ распоряженіе публики и что вообще во всемъ веденіи дѣла должна соблюдаться величайшая добросовѣстность. Но, къ сожалѣнію, добрыми намѣреніями вымощена дорога въ адъ.

Тысячи акцій были распредѣлены между членами правленія. Директоры и агенты компаніи уволили себя отъ обязанности дѣлать по нимъ взносы. Они просто поручили маклерамъ купить 1000 акцій, которыя оплачивались деньгами общества. Курсы поднялись; акціи были перепроданы съ барышомъ, между тѣмъ изслѣдованіе о стоимости копей, которыя были пріобрѣтены компаніей за 11,000 ф. ст., показало, что копи эти не стоили и 400 ф. За другія копи было заплочено свыше 100,000 ф. стерл., но онѣ впослѣдствіи оказались не имѣющими ровно никакой цѣны". Подобныя продѣлки повторялись на каждомъ шагу. Такъ, одно общество приглашало публику къ участію въ предпріятіи, обѣщавшемъ громадныя выгоды, хотя никому не говорилось, въ чемъ должно было состоять это предпріятіе. Каждый подписчикъ, внесшій 2 ф. на акцію, получалъ право на ежегодный доходъ въ 1,000 ф. Такимъ образомъ, въ какіе нибудь 5 часовъ въ рукахъ предпринимателей очутилось до 2,000 ф. ст. Другое общество приглашало къ подпискѣ на осуществленіе perpetuum mobile. Находились и шутники, потѣшавшіеся надъ сумасбродствомъ публики. Такъ, въ Чэнджъ-Элли было открыто мнимое бюро, для принятія подписки на 1 милліонъ фунтовъ стерлинговъ. Цѣль подписки не была объявлена. Тѣмъ не менѣе, нашлось множество охотниковъ, которые, въ полномъ убѣжденіи, что составятъ себѣ этимъ путемъ состояніе, повалили въ бюро вносить по 5 шиллинговъ на каждую тысячу ш., на которую они подписывались. Когда такимъ образомъ была собрана порядочная сумма, появилось объявленіе, приглашавшее подписчиковъ немедленно взять свои деньги назадъ, такъ какъ авторы проэкта хотѣли только посмотрѣть, сколькихъ дураковъ можно поймать въ одинъ день. Другой шутникъ посмѣялся надъ публикой въ слѣдующемъ газетномъ объявленіи:

„Въ нѣкоемъ (вымышленномъ) мѣстѣ въ слѣдующій четвергъ откроется подписка на предпріятіе, имѣющее цѣлью растапливать древесныя опилки и отливать изъ нихъ доски безъ щелей и безъ трещинъ".

Эти шутки очень мѣтко характеризовали тогдашнее безуміе, такъ какъ многія изъ затѣянныхъ въ то время спекуляцій отличались такою очевидною нелѣпостью, что, повидимому, ребенокъ не могъ бы имъ повѣрить. А между тѣмъ и эти предпріятія встрѣчали довѣріе и на нихъ наживалось и проживалось много денегъ. Многіе изъ подписчиковъ сами отлично понимали неосуществимость этихъ проэктовъ. Весь ихъ разсчетъ состоялъ въ томъ, чтобы добиться повышенія курса на пріобрѣтаемыя ими временныя свидѣтельства и затѣмъ перепродать ихъ болѣе легковѣрнымъ людямъ, чѣмъ они сами. Первые покупщики легко находили вторыхъ покупщиковъ, дававшихъ еще болѣе высокую цѣну, такъ какъ со всѣхъ концовъ страны прибывали все новые и новые простодушные охотники до наживы. Наплывъ публики въ Чэнджъ-Элли былъ такъ великъ, что одна и та же бумага продавалась на одномъ концѣ улицы на 10% дороже, чѣмъ на другомъ.

Этихъ немногихъ примѣровъ, взятыхъ изъ сотни имъ подобныхъ, достаточно, чтобы показать степень безумія, овладѣвшаго англійской публикой въ этотъ періодъ.

Одинъ изъ современниковъ, въ назиданіе потомства составилъ списокъ главнѣйшихъ эфемерныхъ предпріятій того времени. Въ спискѣ этомъ мы находимъ 202 „мыльныхъ пузырей“, фигурировавшихъ подъ различными наименованіями и выставлявшихъ въ своемъ заголовкѣ различныя промышленныя и даже филантропическія цѣли. (Такъ въ спискѣ мы встрѣчаемъ „общество для пособія трудолюбивымъ людямъ“ „общество для снабженія бѣдныхъ ремесленниковъ работою“, „общество для покупки и возвращенія кому слѣдуетъ незаконно отнятыхъ имуществъ“ и т. д.). Страсть къ спекуляціямъ такъ овладѣла всѣми, что даже наслѣдный принцъ далъ позволеніе выставить его имя во главѣ одного изъ этихъ предпріятій и, хотя Уольполь стыдилъ его тѣмъ, что „мыльный пузырь принца Уэльскаго“ будетъ продаваться въ Чэнджъ-Элли по сбавленной цѣнѣ, принцъ, тѣмъ не менѣе, не устранился отъ предпріятія, пока не нажилъ на немъ 40,000 ф. ст. Всеобщій крикъ, выражаясь словами поэта, былъ слѣдующій:

«Get money, money still
And then let virtue follow, if she will.
This, this the saving doctrine preached to all,
From low St. James's to high St. Paul;
From him whose quill stands quivered at his ear,
To him who notches sticks at Wesminster»

Пока дѣло шло на повышеніе, директоры самымъ усерднымъ образомъ участвовали въ торговлѣ бумагами и великодушно дѣлились своими барышами съ своими приверженцами. Герцоги и герцогини получали свои сотни тысячъ, и статсъ-секретари—свои десятки тысячъ фунтовъ. Всѣ спекулировали и всѣ ликовали.

Стоимость всѣхъ предметовъ потребленія возросла до баснословныхъ цѣнъ [1]). Въ то же время многими умами стали овладѣвать самыя эксцентричныя идеи. Двѣ личности—дама и господинъ,—объявили, что ни за что не согласятся нажить менѣе 3,000,000 ф. ст. Господинъ замышлялъ на эти деньги купить польскую корону; мечта дамы была не менѣе царственнаго свойства. Надъ ними обоими подсмѣялся въ стихахъ одинъ поэтъ. Когда „мыльный пузырь“ лопнулъ, не осуществивъ ихъ грандіозныхъ желаній, оба обратились къ

---

[1]) Такъ, за заднюю часть ветчины платилось отъ трехъ до пяти гиней.

астурійскимъ копямъ за тѣмъ, въ чемъ отказали имъ южно-американскія акціи. Маркизъ Чендосъ затратилъ на покупку акцій 300,000 ф. ст., и когда онъ реализировалъ скромный барышъ въ 100%, герцогъ Нью-Кэстль совѣтовалъ ему продать; но маркизъ былъ слишкомъ алченъ; онъ надѣялся нажить еще больше, а потому не послушался добраго совѣта; между тѣмъ пришла паника и всѣ его деньги пропали. Сэмюэль Чэндлеръ, всѣми уважаемый диссидентскій проповѣдникъ, рискнулъ всѣмъ своимъ состояніемъ на спекуляціи, потерялъ все и принужденъ былъ два или три года служить конторщикомъ въ одномъ книжномъ магазинѣ, при чемъ не переставалъ исполнять обязанности и духовнаго своего сана. Старшій Скрэгсъ подарилъ писателю Гею акцій Южно-Американской компаніи на тысячу ф. стерлинговъ; послѣдній сталъ очень ловко спекулировать на эту сумму, и барышъ его въ одно прекрасное утро возросъ до 20,000 ф. стерлиновъ. Онъ попросилъ совѣта у доктора Арбоутнота и тотъ настаивалъ, чтобы онъ реализировалъ свои бумаги. Поэтъ не рѣшился сразу послѣдовать этому совѣту, промедлилъ и потерялъ все. Самъ докторъ, умѣвшій такъ хорошо совѣтовать, былъ слишкомъ нерѣшителенъ, чтобы поступать согласно съ тѣми указаніями, которыя онъ давалъ другимъ, и такимъ образомъ потерялъ 2000 ф.; онъ впрочемъ утѣшился, замѣтивъ съ философскимъ равнодушіемъ, что это только означаетъ, что ему теперь нужно подняться на 2000 лишнихъ ступеней. Нѣкій Томасъ Гудсонъ потерялъ все свое состояніе, сошелъ съ ума и окончилъ свою жизнь, бродя по улицамъ Лондона, гдѣ онъ былъ извѣстенъ подъ прозвищемъ „десятитысячнаго Тома“, и существовалъ тѣмъ, что удѣляло ему состраданіе добрыхъ людей. Одинъ купецъ, помѣстившій все свое состояніе въ акціяхъ Южно-Американской компаніи, отправился въ Лондонъ продать ихъ въ то время, когда онѣ стояли на 1000 ф. ст. Но въ моментъ его пріѣзда курсъ ихъ упалъ до 900; онъ рѣшился повременить продажей; между тѣмъ, курсъ продолжалъ падать все ниже и ниже, купецъ продолжалъ удерживать ихъ за собою и очутился въ концѣ концовъ разореннымъ человѣкомъ.

Другіе были счастливѣе. Великолѣпный домъ сэра Грегори Пэджа въ Блэкгитѣ былъ выстроенъ на деньги, нажитыя посредствомъ акцій Южно-Американской компаніи. Двѣ сестры, которыя продали свои акціи по курсу 970, помѣстили вырученныя такимъ образомъ деньги въ бумагахъ Мореходной компаніи въ то время, когда эти бумаги стояли на 25% ниже пари; сестры нажили черезъ эту операцію большіе барыши, такъ какъ бумаги вскорѣ поднялись до номинальной своей цѣны. Однажды, поздно вечеромъ, передъ дверью банкирскаго дома Гэнки и K°, остановился какой то неизвѣстный человѣкъ и передалъ одному изъ представителей фирмы тщательно завернутый и запечатанный пакетъ на храненіе. Проходили дни, недѣли, мѣсяцы и годы, а между тѣмъ незнакомецъ больше не показывался. По истеченіи третьяго года пакетъ былъ вскрытъ въ присутствіи всѣхъ членовъ фирмы и, къ общему удивленію

присутствующихъ, въ немъ оказались 30,000 ф. ст. при письмѣ, въ которомъ говорилось, что деньги эти были выиграны на акціяхъ Южно-Американской компаніи и должны быть розданы бѣднымъ.

Такъ какъ всему подъ луною настаетъ конецъ, то и для спекулятивной горячки, вызванной Южно-Американскими акціями, пробилъ послѣдній часъ. По странному совпаденію обстоятельствъ случилось такъ, что сами директоры компаніи подали сигналъ къ крушенію, въ которомъ лопнули мыльные пузыри и все воздушное зданіе рушилось. Когда акціи общества достигли наивысшаго своего курса—безъ малаго 1100—и всѣ маневры ажіотажа оказались безсильными поднять ихъ еще выше, правленіе, которымъ овладѣла сумасбродная мысль, что причина этой остановки заключается во множествѣ другихъ эфемерныхъ частныхъ предпріятій, выхлопотало правительственное распоряженіе, которымъ, наконецъ, существованію мыльныхъ пузырей не на шутку полагался предѣлъ. Это распоряженіе, такъ называемое „scire facias" [1]) настаивавало на исполненіи вышеупомянутыхъ постановленій парламента, направленныхъ противъ мыльныхъ пузырей. Опубликованіе его по королевскому повелѣнію въ Лондонской Газетѣ повергло всѣхъ прожектеровъ и руководителей этихъ плутовскихъ предпріятій въ такую панику, что мыльные пузыри стали лопаться съ такою же быстротою, съ какою передъ этимъ раздувались до своихъ чудовищныхъ размѣровъ. Курсы падали съ неимовѣрною скоростью,—еще скорѣе, чѣмъ они повышались въ былыя времена, и по прошествіи нѣсколькихъ дней нельзя было найти покупщиковъ ни для одной изъ этихъ бумагъ. Наглыя спекуляціи возвратились въ первоначальное ничто, изъ котораго онѣ возникли. Изобрѣтатели ихъ попрятались, и Чэнджъ-Элли вскорѣ сдѣлалась такъ же тиха и пустынна, какъ она всего нѣсколько дней тому назадъ была шумна и многолюдна. Одни были въ конецъ разорены, другіе стыдились признаться въ своей наживѣ и притаились. Но это былъ лишь прологъ. Теперь настала очерель Южно-Американскихъ акцій. Послѣ опубликованія „scire facias" и во время общаго собранія, на которомъ опредѣленъ былъ дивидендъ, акціи стояли въ іюнѣ 1720 года, со включеніемъ дивиденда, на 850. Съ того времени онѣ начали падать; лишь съ помощью различныхъ ухищреній, къ которымъ прибѣгала клика заинтересованныхъ спекуляторовъ, удалось удержать ихъ до 22 августа на 820. Около этого времени посчастливилось осуществить по нимъ еще одинъ взносъ денегъ, но затѣмъ уже паденіе акцій возобновилось съ неудержимою силою. Директоры теперь сожалѣли объ опубликованіи Scire facias и, чтобы предотвратить гибельныя послѣдствія этой мѣры, по крайней мѣрѣ, для собственныхъ своихъ акцій,

---

[1]) Обыкновенно этимъ названіемъ обозначаютъ письменное приглашеніе суда данному лицу объяснить причину, по которой судебный приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе.

опредѣлили дивидендъ слѣдующаго полугодія въ 30% и дошли даже до того, что обѣщали втеченіе слѣдующихъ за тѣмъ 12 лѣтъ уплачивать не менѣе 50% дивиденда. Но всѣ эти продѣлки не могли уже болѣе удержать паденіе акцій. 2-го сентября 1720 г. акціи пали до 680, а 20 сентября—до 410. Тутъ общее собраніе повторило ту же ошибку, въ которую впалъ и Лау, и само понизизило цѣну акцій послѣдняго выпуска съ 1000 на 400. Не взирая на то, что при этомъ не переставали морочить публику разными благопріятными толкованіями, что Банкъ изъявилъ готовность взять на себя за 4,000,000 ф. ст. всѣ подлежащіе погашенію долги Общества, (такъ называемый Банковый компромиссъ) — дѣло было все таки безвозвратно проиграно. Правда, удалось на одну минуту поднять еще разъ курсъ акцій до 670, но на слѣдующій же день онѣ снова пали до 550. 29-го сентября пониженіе ихъ дошло до того, что онѣ стояли на 175.

Рука объ руку съ этимъ страшнымъ паденіемъ курсовъ шло банкротство торговаго люда и публики. Купцы и капиталисты такъ осаждали своими требованіями Англійскій Банкъ и частныя банкирскія конторы, что даже Англійскій Банкъ очутился въ опасности и ограничилъ свои операціи, а многіе купцы и банкиры нашлись вынужденными пріостановить свои платежи. Потери частныхъ лицъ были громадны, бѣдствіе—безпредѣльно, и многіе годы прошли прежде, чѣмъ публика оправилась отъ удара, который для многихъ поколѣній долженъ былъ служить предостерегающимъ примѣромъ. Многіе иностранцы, помѣстившіе свои деньги въ англійскихъ бумагахъ, также понесли черезъ крушеніе Южно-Американской спекуляціи значительные убытки. Одинъ только бернскій кантонъ, какъ утверждаютъ, остался въ большихъ барышахъ.

Парламентъ назначилъ тайную комиссію для разслѣдованья дѣлъ компаніи, и комиссія эта, какъ говорятъ, открыла самые поражающіе факты. Въ книгахъ, въ рубрику прихода, вписывались фальшивыя или вымышленныя суммы. Тамъ, гдѣ должны бы были стоять имена, оказывалась бѣлая бумага. Помарки и поправки попадались въ изобиліи. Изъ нѣкоторыхъ гросбуховъ были вырваны цѣлые листы. Нѣкоторые документы были уничтожены, другіе—скрыты. Секретарь показалъ, что „если бы онъ смѣлъ раскрыть все, что ему было извѣстно, вышла бы така картина, что цѣлый міръ изумился бы". 12 милліоновъ чистыми деньгами были выданы взаймы подъ залогъ 3-хъ милліоновъ акціями. Изъ важнѣйшихъ документовъ были вырваны имена.

Самому изслѣдованію старались воздвигать на каждомъ шагу всевозможныя препятствія. Одного писца осыпали проклятіями за то, что онъ случайно присутствовалъ при засѣданіи комиссіи; вышло наружу, что одинъ изъ директоровъ компаніи вцѣпился этому писцу въ лицо, изо всѣхъ силъ щипалъ ему щеки и грозилъ ему, что „если онъ только осмѣлится проболтаться о слышанномъ въ засѣданіи—тутъ ему и смерть". Хотя, по всѣмъ вѣроятіямъ, всѣ чле-

ны Палаты депутатовъ были замѣшаны въ продѣлки Компаніи, тѣмъ не менѣе они, какъ корпорація, сочли нужнымъ предать порицанію то, что каждый изъ нихъ дѣлалъ въ отдѣльности, и объявили всю эту процедуру продажной, постыдной и опасной.

Пренія въ обѣихъ палатахъ были очень бурныя; нѣкоторыхъ членовъ прогнали, другіе убѣжали сами. На помощь государству въ денежномъ его затрудненіи былъ призванъ Англійскій Банкъ. Такъ кончилась эта замѣчательная драма.

Состоялось соглашеніе, вслѣдствіе котораго удалось спасти существованіе Южно-Американской компаніи, но большая часть капитала акціонеровъ была промотана, расхищена и пропала безвозвратно. Самое общество продержалось еще до половины XVIII столѣтія. Оно старалось исправить причиненное зло посредствомъ промышленныхъ предпріятій, преимущественно устраивая китоловныя экспедиціи; но большинство этихъ предпріятій, за немногими лишь исключеніями, тоже оказывались неудачными, и наконецъ общество окончило свое существованіе, всѣми позабытое и ни кѣмъ не оплакиваемое.

Андерсонъ приводитъ очень мѣткое сравненіе, сдѣланное Арчибальдомъ Гётчсономъ относительно операцій Южно-Американской компаніи; по его словамъ, многіе были въ то время того мнѣнія, что, если бы сравненіе это сдѣлалось извѣстно публикѣ во время приглашеній къ подпискѣ на акціи, то послѣдующая бѣда была бы предотвращена. Въ этомъ мы позволимъ себѣ сомнѣваться, такъ какъ публика обыкновенно образумливается лишь тогда, когда понесетъ убытки. Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ нелишнимъ привести нижеслѣдующую схему разсчета:

Нѣкто *А.*, имѣющій въ торговомъ предпріятіи 100 ф. ст. капитала, увѣряетъ, что эти 100 фунтовъ, вслѣдствіе многихъ льготъ и преимуществъ, которыми онъ пользуется, стоятъ 300 ф. *В.*, полагаясь на великую мудрость и честность *А.*, проситъ его, чтобы онъ при этихъ условіяхъ принялъ его въ компаньоны и вноситъ на свой пай 300 ф. Такъ какъ вслѣдъ затѣмъ распространяется увѣренность въ чрезвычайной прибыльности торговли, то *С.* вступаетъ въ предпріятіе съ 500 ф. ст., а за нимъ слѣдуетъ *Д.*, который вноситъ 1100 ф. Такимъ образомъ весь капиталъ составляетъ ровно 2000 ф. Если бы товарищество ограничилось одними *А.* и *В.*, то первый выигралъ бы 100 ф., а второй потерялъ бы ту же сумму. Но, такъ какъ къ нимъ присоединяется *Д.*, то *А.* выигрываетъ 400 ф., *В.* — 200 ф., *С.* не теряетъ и не выигрываетъ ничего, а *Д.* теряетъ 600 ф. Конечно, еслибы *А.* могъ доказать, что вышеупомянутый капиталъ имѣетъ дѣйствительную стоимость въ 4400 ф., то *Д.* не потерпѣлъ бы никакой несправедливости, а *В.* и *С.* должны бы были считать, что имъ оказано одолженіе. Но, такъ какъ первоначальный капиталъ стоитъ только 100 ф., то надо сознаться, что *В.* и *С.* обмануты, а несчастный, неосмотрительный *Д.* расплачивается за всѣхъ и про все.

Сравненіе это такъ понятно, что не требуетъ поясненій. *A.* представляетъ первоначальный капиталъ Южно-Американской компаніи; *B.* и *C.* изображаютъ акціи перваго и второго выпуска, а *D.*—третью и четвертую подписку.

Во время самой сильной горячки акціи Южно-Американской компаніи достигали 1,050 процентовъ преміи; Остъ-Индскія акціи—345; акціи Англійскаго Банка—164, акціи Африканской компаніи—177, акціи Милліоннаго банка—340, акціи Компаніи для фабрикаціи лощеной тафты—115, акціи Англійской компаніи для фабрикаціи мѣдныхъ издѣлій—100, акціи компаніи Темпльскаго мѣднаго завода—240, еще прежде, чѣмъ взносы по акціямъ были уплочены. Бумаги компаніи сэра Ричарда Стиля для доставки живой рыбы въ Лондонъ стояли на 160% преміи, бумаги Оркнейскаго рыболовства—на 225, а свидѣтельства Земного Шара, о которыхъ было говорено выше, достигали преміи въ 70 ф. ст. Остальныя бумаги стояли на соотвѣтствующей высотѣ, и все это вмѣстѣ взятое являло примѣръ ослѣпленія, которому ничего подобнаго нельзя найти ни въ какомъ другомъ періодѣ исторіи.

VI.

Гамбургскіе торговые кризисы въ 1763 и 1799 годахъ.

Семилѣтняя война, которая нанесла большей части сѣверной и восточной Германіи такія глубокія раны, была для Гамбурга скорѣе источникомъ наживы, такъ какъ не только внѣшняя и морская торговля нисколько не пострадали отъ войны, но и сухопутная торговля внутри Германіи пользовалась, по свидѣтельству Бюша, гораздо большею обезпеченностью, чѣмъ то случалось въ другія войны. Всевозможные припасы и товары, лишь бы они не имѣли отношенія къ потребностямъ войны, доходили безпрепятственно до мѣста своего назначенія, и даже провіантъ и аммуниція могли во время позднѣйшихъ походовъ безпрепятственно доставляться воюющимъ арміямъ. Лейпцигскія ярмарки въ эти годы были очень оживлены. Къ тому же въ Германіи, такъ жестоко пострадавшей отъ войны въ другихъ отношеніяхъ, урожаи за все это время выпадали хорошіе, и хлѣбъ, не смотря на то, что на него въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ былъ большой спросъ, продавался на гамбургскомъ рынкѣ по сноснымъ цѣнамъ, да и нигдѣ не ощущалось черезмѣрнаго вздорожанія. Благодаря этимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, въ Гамбургѣ развилась хлѣбная торговля, которой въ немъ до этого собственно говоря не было. Гамбургскіе купцы, которые до этого назывались хлѣбными торговцами, не были крупными промышленниками и ограничивали свои обороты лишь тѣмъ количествомъ хлѣба, которое потреблялось въ собственномъ ихъ городѣ. Но теперь началась хлѣбная торговля въ обширномъ значеніи этого слова и достигла бы уже и въ то время еще большихъ раз-

мѣровъ, еслибы въ городѣ не ощущался недостатокъ магазиновъ для склада хлѣба.

Гамбургскіе сахароваренные заводы тоже выиграли отъ этого благопріятнаго стеченія обстоятельствъ, такъ какъ берлинскія сахароварни на нѣкоторое время были парализованы войною и гамбургскій сахаръ нашелъ себѣ по прежнему мѣсто сбыта въ Бранденбургѣ.

Торговля лѣсомъ внизъ по Эльбѣ тоже въ эти годы значительно расширилась, такъ какъ по приказанію короля Фридриха II прусскаго въ Саксоніи вырубались громадныя количества лѣса и, на правахъ военной добычи, сплавлялись по Эльбѣ. Черезъ это лѣсопромышленности былъ открытъ путь въ Саксонію, въ то время еще чрезвычайно богатую хорошимъ строевымъ лѣсомъ, а также въ неистощимые лѣса Богеміи. Гамбургскіе лѣсопромышленники завязали торговыя сношенія даже съ Польшей и начали сплавлять массу лѣса, преимущественно бочечныхъ досокъ, по Вартѣ, Одеру, Мюльрозенскому каналу, Шпрее, Гавелю и Эльбѣ въ Гамбургъ.

Такимъ образомъ промышленная дѣятельность Гамбурга, и безъ того уже очень значительная, еще болѣе усилилась вслѣдствіе этихъ особенныхъ обстоятельствъ. Съ другой стороны развитію духа предпріимчивости и спекуляціи способствовало множество денежныхъ и вексельныхъ оборотовъ, которые около того же времени значительно усилились по нижеслѣдующимъ причинамъ.

Англія въ то время не только уплачивала Пруссіи субсидію, но и была вынуждена пересылать моремъ значительныя суммы собственнымъ войскамъ, которыми она оказывала поддержку Пруссіи изъ Ганновера. Эти суммы не всѣ доставлялись въ Германію чистыми деньгами; часть ихъ переводилась посредствомъ векселей, по которымъ деньги выплачивались въ Голландіи и въ Гамбургѣ; обороты по этимъ векселямъ обезпечивали вѣрные барыши. Между тѣмъ, вексельныя дѣла имѣютъ то свойство, что легко увлекаютъ людей, ими занимающихся, но не обладающихъ достаточнымъ количествомъ собственнаго капитала, злоупотреблять кредитомъ. Въ особенности въ военное время, когда заключаются контракты на большія поставки, подрядчики нерѣдко находятъ себя вынужденными обращаться къ посредству большихъ банкирскихъ домовъ для пріисканія крупныхъ суммъ, которыя будутъ возвращены имъ по исполненіи подряда, но которыми они въ данную минуту не располагаютъ, такъ какъ собственные ихъ капиталы не свободны. Нерѣдко случается, что, въ надеждѣ на такую поддержку банкирскихъ домовъ, контрактъ на крупную поставку заключается такимъ подрядчикомъ, который не имѣетъ ни собственнаго капитала, ни достаточнаго личнаго кредита. Векселя выручаютъ его изъ затрудненія, и такимъ образомъ мало по малу развиваются вексельныя аферы, простирающіяся далеко за предѣлы того періода и тѣхъ цѣлей, которыми онѣ были первоначально обусловлены.

Въ тотъ періодъ, о которомъ мы говоримъ, существовали еще особыя обстоятельства, благопріятствовавшія подобнымъ манипуляціямъ. Большія контрибуціи, которыя Фридрихъ II налагалъ на курфюрста Саксонскаго, и, въ особенности, вымогалъ съ города Лейпцига, не могли, какъ говоритъ Бюшъ, выплачиваться немедленно чистыми деньгами. Приходилось обращаться къ содѣйствію лейпцигскихъ банковъ, которые напрягали свой кредитъ сколько возможно. При всемъ томъ, и не взирая на то, что король, при собираніи контрибуціи, принималъ трудности ея взноса во вниманіе, нѣкоторые банкирскіе дома, чтобы доставить требовавшіяся суммы, должны были пустить въ ходъ всѣ свои наличныя средства и весь свой кредитъ. Такъ, одинъ банкирскій домъ Госковскаго, пользовавшійся большою извѣстностью, принялъ на себя уплату громадныхъ суммъ; для покрытія этихъ суммъ собственныхъ его денежныхъ средствъ не хватало и онъ вынужденъ былъ воспользоваться своимъ кредитомъ, который, въ особенности въ Гамбургѣ, былъ очень значителенъ. Позднѣе, уплата значительныхъ суммъ была произведена, на этотъ разъ уже безъ вмѣшательства названнаго дома, черезъ посредство гамбургскихъ фирмъ. Все это послужило поводомъ къ развитію большихъ злоупотребленій векселями, продолжавшихся и по окончаніи войны.

Путаница, вызванная всѣми вышеупомянутыми обстоятельствами, усиливалась еще ухудшеніемъ звонкой монеты, принявшимъ въ то время большіе размѣры. Дѣло въ томъ, что Фридрихъ II, чтобы выпутаться изъ затрудненій, которыя причиняли ему громадные расходы затѣянныхъ имъ войнъ, нѣсколько разъ прибѣгалъ къ перечеканкѣ монеты, причемъ проба послѣдней ухудшалась вдвое, втрое, и даже вчетверо. Такъ какъ онъ при этомъ переплавлялъ нетолько отечественную монету, но и старался собрать для той же цѣли какъ можно больше денегъ изъ сосѣднихъ земель, то обстоятельство это, въ связи съ алчностью сосѣднихъ властителей, вызывало подражаніе и въ другихъ странахъ. Такъ какъ всегда проходитъ нѣсколько времени, прежде, чѣмъ манипуляціи подобнаго рода пошатнутъ довѣріе публики, то значительная масса ухудшенныхъ монетъ могла быть пущена въ обращеніе, не утрачивая своей валюты. Чтобы добыть матеріалъ для этой усиленной перечеканки, закупались золотые и серебряные слитки въ Голландіи и въ Гамбургѣ. Стоимость ихъ взносилась обыкновенно не чистыми деньгами, а векселями, по которымъ уплата долженствовала производиться по отчеканкѣ монеты изъ купленныхъ слитковъ. По векселямъ, которымъ истекалъ срокъ, уплата производилась ухудшенной монетой, и разность, получаемая такимъ образомъ, давала значительный барышъ.

Но наихудшія спекуляціи производились въ этой и въ другихъ формахъ въ Швеціи. Страна эта, впутавшись въ войну съ Пруссіей, не только превзошла послѣднюю въ ухудшеніи монеты, но еще обратилась и къ другому средству послѣ того, какъ война истощила всѣ регулярные источники дохода,—именно,

къ усиленному выпуску бумажныхъ денегъ. Мало по малу въ обращеніе была пущена такая масса этихъ денегъ, что курсъ ихъ палъ до одной трети номинальной ихъ цѣны мѣдною монетою. Такъ какъ Швеція въ то же время закупала за границей металлъ, требовавшійся для чеканки ея ухудшенной монеты, то и здѣсь возникло большое количество вексельныхъ аферъ между этою сѣверною державою съ одной стороны и Амстердамомъ и Гамбургомъ съ другой. Злоупотребленія векселями еще усиливались, по свидѣтельству Бюша, особою организаціею гамбургскаго мѣняльнаго банка. По уставу этого послѣдняго, каждому владѣльцу чековъ банка деньги его выдавались по предъявленіи съ вычетомъ, который, пока всѣ обороты производились на звонкую монету, не превышалъ $^{5}/_{8}$ per mille. Но, такъ какъ деньги банка постоянно колебались въ курсѣ по отношенію къ остальнымъ деньгамъ, находившимся въ обращеніи, и такъ какъ эта разница курса еще усилилась вслѣдствіе ухудшенія монеты, то черезъ это уже возникъ соблазнъ къ ажіотажу: извлеченіемъ серебряныхъ талеровъ изъ банка и размѣномъ ихъ на ходячую монету можно было осуществлять значительные барыши. Вслѣдствіе этого, банкъ неоднократно бывалъ вынужденъ закрывать свои кассы, чтобы положить предѣлъ ажіотажу. Но при размѣнномъ банкѣ существовалъ ссудный банкъ, который подъ залогъ невыдѣланнаго серебра и золота, а также и мѣди и даже, въ прежнія времена, драгоцѣнныхъ каменьевъ, выдавалъ ссуды по 2 процента въ годъ, или, по $^{1}/_{6}$ процента въ мѣсяцъ; при этомъ залоги оцѣнивались въ такую сумму, которую считали достаточной для обезпеченія уплаты. Такъ какъ банкъ принималъ также въ закладъ всевозможныя золотыя и серебряныя монеты, сообразно съ ихъ достоинствомъ и вѣсомъ, то это давало возможность повышать курсъ остальной монеты по сравненію съ деньгами банка: для этого стоило изъять первую изъ обращенія, заложивъ ее въ банкъ и затѣмъ, дождавшись ея повышенія, выкупать изъ банка и снова пустить съ прибылью въ обращеніе. Кромѣ того, вслѣдствіе усиленнаго обращенія векселей, такъ какъ стоимость каждаго векселя должна была записываться въ переводномъ банкѣ, почти каждый находилъ себя вынужденнымъ всѣ деньги, ненужныя ему для уплаты по векселямъ, а также все имѣвшееся у него количество невыдѣланнаго металла закладывать въ банкѣ, чтобы сосредоточить въ своихъ рукахъ возможно большее количество денегъ банка.

Благодаря этимъ-то обстоятельствамъ въ послѣдніе годы семилѣтней войны дошло до того, что звонкая монета, которая по номинальной цѣнѣ, должна бы была терять лажъ въ 23%, по сравненію съ ассигнаціями, теперь давала лишь 6%; даже находившійся въ обращеніи серебряный талеръ въ той же пропорціи превышалъ талеръ, расчитанный въ книгахъ банка, такъ что, если бы банкъ былъ открытъ, всякій поспѣшилъ бы, въ видахъ этой выгоды, взять назадъ свои серебряныя деньги, лежавшія въ банкѣ. По всему этому присоеди-

нялась еще неурядица въ Любской монетной нормѣ, обусловленная тѣмъ, что датскіе дукаты были отчеканены по слишкомъ высокой пробѣ.

Совокупное дѣйствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ: усиленія въ обращеніи товаровъ, чрезмѣрнаго усиленія спекуляцій по поставкамъ въ армію, торговли благородными металлами, громаднаго перемѣщенія денежныхъ цѣнностей, и вызваннаго ухудшеніемъ монеты необычайнаго колебанія денежныхъ курсовъ,— все это постепенно довело вексельные обороты до самыхъ рискованныхъ злоупотребленій, которыя мало по малу охватили всю сѣверную Германію и Скандинавію.

Вслѣдствіе этого дисконтъ въ 1763 году поднялся до 12%. Если бы въ основѣ векселей лежали лишь солидныя предпріятія, какъ это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то эти 12 процентовъ окупались бы съ другой стороны и потеря уравновѣшивалась бы прибылью. Но этого то и не было. Многіе пускались въ рискованныя спекуляціи, превышавшія въ десять или двадцать разъ ихъ дѣйствительный капиталъ, а иные пускались въ опасныя предпріятія, не имѣя даже никакого капитала, разсчитывая на одинъ только кредитъ.

Между тѣмъ какъ одни убаюкивали себя самыми радужными надеждами на ожидающіе ихъ въ будущемъ громадные барыши, другіе считали уже себя обладателями несмѣтныхъ богатствъ и предавались такой безумной роскоши, что возбуждали зависть и соревнованіе въ остальномъ населеніи, вызывая такимъ образомъ значительное вздорожаніе всѣхъ предметовъ жизненной необходимости. И при всемъ томъ, въ Гамбургѣ еще держались скромно, въ сравненіи съ тою неслыханною пышностью, которую позволялъ себѣ, напримѣръ, домъ братьевъ Нёфвиль въ Амстердамѣ, передъ тѣмъ какъ разразился кризисъ.

Цѣпь, растянутая обширными вексельными оборотами по всему коммерческому міру, пришла наконецъ, вслѣдствіе злоупотребленія кредитомъ, въ такое напряженное состояніе, что стоило одному изъ ея звѣньевъ лопнуть—и все должно было пойти прахомъ.

Чтобы составить себѣ понятіе о послѣдствіяхъ такого черезмѣрнаго напряженія кредита въ случаѣ удара, постигающаго его съ той или другой стороны, необходимо ясно представить себѣ сущность вексельныхъ оборотовъ. Изъ того обстоятельства, что всѣ лица, подпись которыхъ стоитъ на векселѣ, отвѣтственны за уплату по немъ, возникаетъ круговая порука между значительнымъ числомъ купцовъ, на которыхъ падаетъ обязательство платить, въ случаѣ, если векселедатель не уплатитъ. Между тѣмъ, хотя каждый купецъ и заботится о томъ, чтобы у него было въ запасѣ требующееся количество наличныхъ денегъ для уплаты по выданнымъ имъ векселямъ, когда имъ истекаетъ срокъ, лишнихъ денегъ онъ отнюдь у себя не держитъ, такъ какъ онѣ, будучи изъяты изъ оборота, не приносили бы ему процентовъ. Такимъ образомъ, какъ скоро векселедатель оказывается не въ состояніи уплатить и исполненіе обязательства па-

даетъ на бланконадписателя,—послѣдній попадаетъ въ затруднительное положеніе, изъ котораго онъ въ обыкновенное время можетъ безъ особеннаго ущерба выпутаться съ помощью кредита. Но когда такіе случаи происходятъ разомъ на нѣсколькихъ пунктахъ, когда цѣлый городъ видитъ себя пораженнымъ подобными ударами, тогда никто уже не ищетъ помощи у своего сосѣда. Взаимностѣсненное положеніе возбуждаетъ всеобщее недовѣріе, которое подъ конецъ разростается въ панику; даже солидные, непострадавшіе дома, ретируются, каждый старается припрятать свое движимое имущество, настаетъ недостатокъ въ деньгахъ и всѣ дѣла останавливаются. Само собою разумѣется, такой кризисъ принимаетъ еще бо̀льшіе размѣры тамъ, гдѣ значительное число комерсантовъ вмѣсто того, чтобы вести свои дѣла на наличный капиталъ, вели ихъ въ кредитъ и гдѣ количество заключенныхъ сдѣлокъ далеко превосходитъ дѣйствительно имѣющійся капиталъ.

Такимъ образомъ, переворотъ приближался. По заключеніи губертсбургскаго мира первою заботою Фридриха II было—возстановить дѣйствителькую валюту. Примѣръ его вынудилъ и другія нѣмецкія государства вступить на тотъ же путь и они это и сдѣлали, принявъ — одни 20 фл., другіе 25 фл. за монетну̀ю единицу. Вызванная этой реформой повсемѣстная переплавка и перечеканка монеты произвела, какъ и слѣдовало ожидать, весьма ощутительный недостатокъ въ звонкой монетѣ, которая все таки требовалась при уплатѣ по векселямъ; единственнымъ выходомъ изъ этого затрудненія представлялась усиленная трассировка, что еще болѣе увеличило господствовавшее до сихъ поръ злоупотребленіе векселями. Для покрытія платежей по векселямъ въ Гамбургъ были присланы цѣлыя массы золота и серебра въ слиткахъ; но на бѣду, какъ разъ въ это время, правленіе банка рѣшило, въ виду того злоупотребленія, о которомъ мы упоминали выше, противодѣйствовать черезмѣрному накопленію залоговъ благородными металлами—отказомъ въ пріемѣ новыхъ залоговъ этого рода. Такимъ образомъ ни одинъ изъ только что присланныхъ слитковъ не былъ принятъ въ залогъ. Обстоятельство это причинило особенное затрудненіе тѣмъ изъ банкирскихъ домовъ, которые до этого слишкомъ зарвались по части векселей, и помѣшало имъ своевременно выпутаться изъ затрудненія.

Пришлось отослать слитки серебра въ Амстердамъ, гдѣ банкъ, по произведеніи имъ пробы, принялъ ихъ. Это дало возможность нѣкоторымъ изъ вышеупомянутыхъ домовъ уплатить часть своихъ обязательствъ голландскими векселями, которые были получены ими въ обмѣнъ на отправленные слитки.

Но тутъ (въ августѣ 1763 г.) разразилось внезапно колоссальное банкротство братьевъ Нёфвиль въ Амстердамѣ; это банкротство повлекло за собою паденіе и многихъ другихъ амстердамскихъ домовъ. Почти всѣ векселя вернулись въ Гамбургъ опротестованными и непосредственнымъ послѣдствіемъ этого было

объявленіе 95 гамбургскихъ, большею частью значительныхъ, торговыхъ домовъ—несостоятельными.

Правда, нѣкоторые изъ этихъ домовъ вскорѣ съумѣли выпутаться изъ затрудненія и послѣ кратковременной пріостановки опять возобновили свои платежи; правда, нѣкоторые другіе попали въ это положеніе только потому, что потеряли голову, между тѣмъ какъ они въ сущности, если бы сдѣлали надлежащія распоряженія, могли бы легко обернуться собственными деньгами;—такъ оказалось, что у одного дома, объявившаго себя несостоятельнымъ и остававшагося таковымъ втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, лежало въ банкѣ не менѣе 800,000 марокъ ассигнаціями. Но при всемъ томъ открылось, что очень многіе дома давно уже вели свои дѣла безъ достаточнаго денежнаго фонда, исключительно при помощи кредита и обременили себя обязательствами на очень крупныя суммы.

Пользовавшаяся большою извѣстностью фирма Госковскихъ, а также многіе другіе дома въ Лейпцигѣ и Берлинѣ, и еще болѣе въ Швеціи, пали жертвами этого кризиса. Такъ какъ, по мнѣнію всѣхъ свѣдущихъ торговыхъ людей, смятеніе было гораздо больше, чѣмъ то оправдывалось дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, и, чтобы утишить бурю, прежде всего требовалось возстановить довѣріе,—задача, правда, нелегкая при подобныхъ обстоятельствахъ,—то адмиралтейство ссудило милліонъ подъ залогъ товаровъ. Мѣра эта тотчасъ же оказала благотворное дѣйствіе.

Вслѣдъ за тѣмъ обанкротившіеся дома, согласно съ превосходнымъ закономъ о банкротствахъ, изданнымъ въ 1753, были подчинены конкурснымъ управленіямъ, и ликвидація вскорѣ показала, что паника первой минуты преувеличила дѣйствительные размѣры бѣдствія. Во многихъ случаяхъ обиліе перекрестно выданныхъ векселей позволило фирмамъ поквитаться ими между собою, такъ что собственно сумма оставшихся на этихъ фирмахъ долговъ оказалась невелика.

Многіе дома, которые въ испугѣ первой минуты сочли все потеряннымъ, оказались вскорѣ въ состояніи предложить своимъ кредиторамъ уплату должныхъ имъ суммъ сполна, хотя и съ разсрочками, и получили такимъ образомъ возможность продолжать свои дѣла; другіе—предложили своимъ кредиторамъ выгодныя сдѣлки, которыя были охотно приняты. Правда, у многихъ другихъ касса была въ такомъ плачевномъ состояніи, что лишь позднѣе, и то съ грѣхомъ пополамъ, состоялись у нихъ сдѣлки съ кредиторами, подавшія поводъ ко многимъ процессамъ.

Въ Голландіи раздѣлка послѣ банкротства пошла гораздо легче, такъ какъ у многихъ было на-лицо значительное количество серебра въ слиткахъ, присланное имъ гамбургскими ихъ корреспондентами; этому способствовало также и то обстоятельство, что въ Голландіи вообще стараются по возможности кон-

чать этого рода дѣла полюбовными соглашеніями, такъ какъ конкурсная процедура очень медленна и ликвидація при ней нерѣдко оканчивается лишь по истеченіи тридцати трехъ лѣтъ. Къ несчастію именно большая фирма Нёфвиля, которая до извѣстной степени представляла очагъ банкротства, попала, вслѣдствіе крайней запутанности своихъ дѣлъ, подъ конкурсъ. Тутъ уже не могло быть ни ликвидаціи, ни добровольныхъ соглашеній, и еще въ 1799, какъ разсказываетъ Бюшъ, многіе изъ кредиторовъ этой фирмы дожидались наступленія слѣдующаго года, въ надеждѣ, что имъ въ этомъ году удастся высвободить изъ общей массы долговъ причитающійся на ихъ долю дивидендъ. Лишь немногимъ удалось, послѣ усиленныхъ хлопотъ и просьбъ, добыть теперь часть этого дивиденда,—и то съ представленіемъ поручительства на тотъ случай, если бы оказалось, что они получили слишкомъ много.

Такимъ образомъ кризисъ прошелъ легче, чѣмъ опасались вначалѣ, и хотя онъ поглотилъ значительную часть барышей, которые Гамбургъ нажилъ во время войны, хотя за нимъ послѣдовалъ рядъ очень плохихъ годовъ, — все же катастрофа эта имѣла то хорошее послѣдствіе, что нѣмецкіе коммерсанты сдѣлались осмотрительнѣе, долгое время остерегались слишкомъ зарываться по части векселей, болѣе занимались солидными предпріятіями и черезъ это избѣгли многихъ катастрофъ, которыя позднѣе разразились надъ Лондономъ и Амстердамомъ.

Урокъ, полученный гамбургскимъ торговымъ міромъ изъ кризиса 1763 г. оказалъ, повидимому, благотворное дѣйствіе на слѣдующее за тѣмъ поколѣніе. Но, по истеченіи этого періода, Гамбургъ снова очутился наканунѣ катаклизма, которому предстояло имѣть гораздо болѣе тяжелыя послѣдствія, чѣмъ только что описанный кризисъ. Обстоятельство это вырываетъ у ученаго историка этой эпохи печальное восклицаніе: „Неужели каждому новому поколѣнію торговыхъ людей суждено было съизнова оплачивать такою дорогою цѣною урокъ осторожности и благоразумія?“

Періодъ 1763—1788 гг. былъ въ коммерческомъ отношеніи однимъ изъ самыхъ неблагопріятныхъ, какіе когда либо переживалъ Гамбургъ. Даже Сѣверо-американская война, которая причинила такой ущербъ англійской торговлѣ преимущественно со стороны Франціи, не принесла Гамбургу тѣхъ барышей, какихъ слѣдовало бы ожидать. Уменьшеніе благосостоянія особенно давало себя чувствовать въ паденіи цѣнъ на дома и платы за наемъ квартиръ,—обстоятельство, имѣющее въ Гамбургѣ болѣе значенія, чѣмъ въ большинствѣ другихъ городовъ, такъ какъ здѣсь домовладѣніе, болѣе чѣмъ гдѣ либо, есть источникъ дохода для гражданъ. Во время этого паденія цѣнъ на дома, многія семейства, пользовавшіяся до этого достаткомъ, впали въ бѣдность; что же касается

рабочаго класса, то онъ, вслѣдствіе того, что негоціанты сдѣлались гораздо осторожнѣе съ своими спекуляціями и не такъ легко пускались въ новыя предпріятія, а многіе старались, по возможности, ограничить и прежній свой кругъ дѣятельности,—впалъ въ положительную нищету. Лишь съ 1788 торговая дѣятельность начала снова по немному подниматься, чему не мало способствовала торговля хлѣбомъ, предпринятая съ Архангельскомъ и принявшая мало по малу значительные размѣры. Передъ наступленіемъ французской революціи гамбургская торговля снова пошла въ гору и достигла, благодаря особымъ благопріятствовавшимъ ей обстоятельствамъ, такихъ размѣровъ, что въ 1798 г. можно было по нѣкоторымъ знаменіямъ времени снова предсказать приближающійся кризисъ.

Войны, обусловленныя французскою революціею, необычайно расширили дѣятельность этого ганзейскаго города. Уже въ 1792 г. Гамбургъ и его банкъ были мѣстомъ, куда стекались товары и деньги изо всѣхъ тѣхъ странъ, гдѣ наиболѣе опасались возможности войны. Это объяснялось тѣмъ, что гамбургскіе купцы успѣли за послѣднія тридцать лѣтъ пріобрѣсти себѣ своей сдержанностью и осторожностью репутацію благоразумія, предусмотрительности и честности. Банкротства между ними сдѣлались рѣже, чѣмъ когда либо. Весною 1792 г. въ Гамбургъ прибыли заразъ 24 корабря съ богатымъ грузомъ товаровъ, принадлежавшихъ англичанамъ и французамъ, которые, недовѣрчиво посматривая на знаменія времени, заботились препроводить свое имущество въ безопасное мѣсто. Въ 1795 г., вслѣдъ за занятіемъ Голландіи войсками, почти вся торговля послѣдней переселилась въ Гамбургъ. Этотъ послѣдній сдѣлался такимъ образомъ, мало по малу, для сѣверной Европы такимъ же главнымъ рынкомъ, какимъ Лондонъ былъ для всего міра. Многіе голландцы переселились въ Гамбургъ и пріобрѣли тамъ права гражданства. Гамбургцамъ это положеніе дѣлъ было чрезвычайно выгодно, такъ какъ не только пути для ихъ товаровъ оставались свободны во всѣ стороны, но и морская торговля стояла въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ когда либо. Война въ Нидерландахъ открыла даже новые торговые пути, такъ какъ товары, шедшіе изъ Нидерландовъ вверхъ по Рейну въ значительную часть Германіи и Швейцаріи,—теперь стали направляться въ тѣ же страны черезъ Гамбургъ сухимъ путемъ и даже, какъ утверждаетъ Бюшь, оказывалось выгоднымъ нѣкоторое время препровождать сахаръ и другіе товары сухимъ путемъ въ Италію. Благодаря такому благопріятному стеченію обстоятельствъ, многія торговыя фирмы нажили въ періодъ 1792—1797 гг. колоссальные барыши; цѣлыя состоянія наживались съ невѣроятною быстротою, и, хотя многіе снова начали пускаться въ рискованныя спекуляціи, тѣмъ не менѣе, за эти пять лѣтъ насчитывали не болѣе четырехъ банкротствъ.

Наконецъ, когда въ началѣ 1798 г. французскимъ декретомъ отъ 29 нивоза, каперство было формально разрѣшено и почти вся морская торговля

очутилась въ рукахъ англичанъ, число кораблей такъ умножилось, что гамбургская гавань едва могла вмѣстить ихъ. Спекуляція, вслѣдствіе расширенія торговой дѣятельности, вскорѣ приняла снова такіе размѣры, что цѣны наиболѣе требовавшихся товаровъ, такъ же какъ и дисконтъ, достигли небывалой высоты. Затѣвались рискованныя предпріятія, устремлявшіяся въ дальнія страны и по преимуществу въ Вестъ-Индію; предпріятія эти не выжидали благопріятнаго случая, не справлялись съ имѣющимися на лицо средствами; тамъ, гдѣ собственнаго капитала не хватало, выручали векселя. Многіе изъ кораблей предназначавшихся въ Вестъ-Индію, могли найти лишь половину груза и между тѣмъ какъ вестъ-индскій рынокъ, вслѣдствіе черезмѣрнаго множества торговыхъ предпріятій, былъ заваленъ европейскими товарами и цѣны послѣднихъ пали чрезвычайно низко, возвращающіеся корабли запружали гамбургскій рынокъ вестъ-индскими продуктами. Къ этому знаменательному скопленію запасовъ въ Гамбургѣ присоединилось еще давно ожидаемое прибытіе многочисленнаго флота изъ Бразиліи въ Португалію. Въ Гамбургѣ же заранѣе спекулировали на эту экспедицію и сдѣлали заказы на большія партіи сахара и кофе. Эти товары прибыли въ 1799 г. въ Гамбургъ и, естественно, еще болѣе умножили уже имѣющіеся запасы. Спекуляція эта сама по себѣ имѣла разумное основаніе, такъ какъ товары, полученные этимъ путемъ, обходились на 15% дешевле, чѣмъ если бы ихъ получили изъ Англіи. Правда, цѣны въ Гамбургѣ стояли безобразно высоки и при томъ накопленіи товаровъ, которое существовало тамъ, могли быть удержаны на такой высотѣ лишь искуственнымъ образомъ,—черезъ недопущеніе имѣющихся запасовъ на рынокъ; тѣмъ не менѣе, если бы торговля, измѣнившая свои пути въ періодъ 1792—1796 гг. могла удержать за собою эти вновь проложенные пути и товары Гамбурга могли бы по прежнему находить себѣ сбытъ въ югозападной и сѣверозападной Европѣ, то эти обширныя спекуляціи, быть можетъ, и сошли бы еще съ рукъ безъ потерь и даже принесли бы барыши.

На бѣду вышеописанное положеніе дѣлъ въ скоромъ времени значительно измѣнилось. При дальнѣйшемъ теченіи войны Швейцарія была тоже занята и доставка товаровъ изъ Гамбурга вверхъ по Рейну наткнулась на препятствія. Новое препятствіе было воздвигнуто вступленіемъ французской арміи въ Италію. Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ съ одной стороны сбытъ товаровъ былъ стѣсненъ внѣшними препятствіями, съ другой—онъ уменьшился вслѣдствіе уменьшенія спроса, которое по необходимости вытекало изъ слишкомъ высокихъ цѣнъ. Что касается потребленія кофе и сахару, то отъ него частью вовсе воздерживались, частью замѣняли дорогіе продукты цикоріемъ, медомъ, а также другими суррогатами, частью же искали дешевой замѣны тростниковаго сахара въ свекловичномъ сахарѣ.

Эти то неблагопріятныя обстоятельства значительно измѣнили положеніе

дѣлъ къ невыгодѣ спекулянтовъ и омрачили надежды послѣднихъ. Такъ какъ весь о●тный капиталъ былъ завязанъ въ товарахъ, то ничего болѣе не оставалось, какъ прибѣгнуть къ кредиту, или точнѣе говоря, къ созданію фиктивныхъ средствъ черезъ злоупотребленіе векселями. Этого рода злоупотребленіе приняло между Гамбургомъ и Скандинавскими государствами съ одной стороны и Англіей—съ другой, такіе размѣры, о которыхъ до этого не имѣли понятія даже времена самой отчаянной спекуляціи, предшествовавшія кризису 1763 г. Продолжительная зима еще болѣе усилила это напряженное состояніе, и, между тѣмъ какъ плата за наемъ помѣщеній для складовъ дошла до невыносимой дороговизны, дисконтъ поднялся до 12%.

Неразлучный спутникъ необузданной спекуляціи—расточительность и безумная роскошь,—былъ и въ этомъ періодѣ на лицо.

Старожилы, бывшіе свидѣтелями кризиса 1763 г., должны бы были по всѣмъ этимъ признакамъ предугадать приближеніе кризиса. Дороговизна платы за наемъ складовъ и высота дисконта ясно указывали, что кредитъ дальше не можетъ выдерживать такого напряженія и что мыльный пузырь готовъ лопнуть. Но и теперь, какъ и прежде, никто не видѣлъ и не слышалъ того, что дѣлалось вокругъ, или не хотѣлъ видѣть и слышать. Всякій надѣялся, что прежде, чѣмъ настанетъ погромъ, самъ онъ съ своимъ имуществомъ успѣетъ отретироваться въ безопасное мѣстечко. Дутые векселя продолжали выдаваться очертя голову. Наиболѣе ловкіе спекулянты держали въ главнѣйшихъ центрахъ для учета векселей такъ называемыхъ „коньковъ“ (Pferde),—т. е. подставныхъ личностей, не имѣвшихъ ни гроша за душою, и которыя за ничтожное вознагражденіе дозволяли писать на свое имя векселя на сотни тысячъ, причемъ, по наступленіи срока платежа, векселя эти покрывались новыми векселями. Въ Англіи дошло до того, что въ Лондонѣ выпустили на $1^1/_2$ милліона ф. ст. подложныхъ векселей, будто бы выданныхъ гамбургскими фирмами,—фактъ, существованіе котораго Питтъ вынужденъ былъ признать передъ парламентомъ.

Кризисъ былъ неминуемъ. Когда начался погромъ и одна фирма за другою стали банкротиться, сдѣлалось очевидно, что бѣдствіе превосходитъ по своимъ размѣрамъ то, которое было пережито въ 1763 г., что оно расшатало торговлю въ самыхъ основаніяхъ ея и нанесло ей такія раны, отъ которыхъ ей долгіе годы не оправиться. По крайней мѣрѣ громадныя суммы, на которыя объявлялись банкротства, доказывали, что злоупотребленіе векселями, пущенными въ обращеніе, было гораздо значительнѣе, чѣмъ въ 1763 г. Паника была такъ велика и застой въ дѣлахъ, вызванный исчезновеніемъ довѣрія, такъ ужасенъ, что пришлось отступить отъ политики, принятой въ 1763 году и состоявшей въ томъ, что кризисъ былъ предоставленъ собственному естественному те-

ченію. Теперь сочли нужнымъ пустить въ ходъ чрезвычайныя средства и крайнія мѣры.

Мѣра, употребленная уже въ 1763 г.—отпускъ займообразнаго пособія отъ адмиралтейства подъ залогъ товаровъ, была употреблена и теперь, съ тою только разницею, что вмѣсто одного милліона пришлось возвысить сумму этой ссуды до трехъ милліоновъ.

Второю мѣрою было учрежденіе съ помощью двойной подписки учетной кассы. „Думали, говоритъ Бюшъ, что достаточно ободрить лицъ, занимающихся учетомъ, чтобы снова привести въ движеніе милліоны, съ помощью которыхъ они въ состояніи будутъ возобновить свои обычныя операціи. Одною изъ вышеупомянутыхъ подписокъ, лица, принявшія въ ней участіе, обязывались доставлять тѣ суммы, какія понадобятся для дисконтированія векселей; второю же подпискою принимали на себя гарантію убытковъ, какіе могутъ произойти отъ такого дисконтированія. Но успѣхъ предпріятія такъ мало соотвѣтствовалъ ожиданіямъ, что сумма, долженствовавшая покрыть рискъ дисконта, предположенный по наивысшему вѣроятному разсчету, далеко отстала отъ той, которою участвующіе въ ней шли на рискъ самой опасности, обусловившей новоизобрѣтенную гарантію. Между тѣмъ, какъ первая подписка возросла вскорѣ до $1^1/_2$ милліона, вторая не достигла 800,000 марокъ, хотя на обоихъ подписныхъ листахъ можно было встрѣтить одни и тѣ же имена. „Странное, загадочное дѣло, замѣчаетъ въ заключеніе Бюшъ,—та непослѣдовательность, которая проявляется въ настроеніи господъ, занимающихся дисконтомъ. Пока дисконтъ идетъ въ гору и еще есть смѣльчаки, думающіе, что могутъ продолжать свои дѣла и при высокомъ дисконтѣ,—они храбро рискуютъ своими деньгами. Но разъ насталъ переломъ, они утрачиваютъ всякую способность распознавать ту границу, съ которой снова начинается возможность безопаснаго дисконтированія".

Третьею мѣрою было устройство ссудной компаніи съ капиталомъ въ 4,000,000, который вскорѣ былъ увеличенъ еще на два милліона. Компанія эта выдавала ссуды подъ залогъ товаровъ векселями отъ своего имени, безъ бланковыхъ надписей. Срокъ для окончательнаго разсчета по этимъ векселямъ былъ назначенъ на мартъ 1800 г. Сумма, на которую они писались, могла быть какая угодно, впрочемъ не ниже 3000 марокъ ассигнаціями на 4 мѣсяца срока. Владѣльцамъ этихъ векселей компаніи въ обезпеченіе представлялись не только товары, заложенные заемщиками, но и ипотечное обязательство на сумму въ 4,000,000 марокъ ассигнаціями, которое, для большей безопасности, было представлено нѣсколькими наиболѣе богатыми и извѣстными купцами Гамбурга въ городское казначейство. Общество выдавало подъ залогъ всякихъ товаровъ, за исключеніемъ фруктовъ, хлѣба и т. п. предметовъ, легко подвергающихся порчѣ,— ссуды, представлявшія двѣ трети стоимости залога по оцѣнкѣ, производимой послѣднему присяжными биржевыми маклерами, которые избирались съ этою

цѣлію самимъ Обществомъ. Общество въ то же время предоставляло себѣ право— исключить, въ случаѣ надобности, изъ числа предметовъ, принимаемыхъ въ залогъ, такіе товары, которые подвержены значительнымъ колебаніямъ цѣнъ, какъ то: кошениль, хлопокъ и т. п. Подъ залогъ жидкихъ товаровъ ссудъ не выдавалось, за исключеніемъ растительнаго масла, водки, рома и арака, да и за эти предметы выдавалось никакъ не больше половины ихъ стоимости. На лицо, закладывавшее товаръ, падала плата за помѣщеніе, страховые расходы, оцѣночный куртажъ, а также всякія особыя издержки, какія могли потребоваться для его товара и которыя онъ обязывался уплатить при первомъ востребованіи. Общія издержки, въ особенности же тѣ, которыя требовались на основаніе и поддержаніе предпріятія, были разложены на весь капиталъ, раздаваемый въ ссуды, и взимались при возвратѣ долга или при продажѣ товаровъ съ каждаго заемщика соразмѣрно съ суммою взятой имъ ссуды. Лицо, закладывавшее товары обязывалось взять ихъ обратно до конца января 1800 г., внеся за нихъ сумму полученной ссуды векселями компаніи, или же ассигнаціями. По истеченіи этого срока, компанія получала право продать товары съ аукціона, безъ всякаго предварительнаго судебнаго или внѣсудебнаго сношенія съ заемщикомъ; изъ денегъ, вырученныхъ за продажу взималась какъ сумма даннаго взаймы капитала, такъ и всѣ издержки, сопряженныя съ займомъ, и лишь остатокъ, могущій получиться послѣ всѣхъ этихъ вычетовъ, возвращался заемщику, причемъ однако же никакихъ переуступокъ этого остатка не допускалось. Въ случаѣ продажа товаровъ не покрыла бы всей суммы долга и издержекъ, заемщикъ обязывался по первому же требованію уплатить дефицитъ на равнѣ съ вексельнымъ долгомъ. Заемщику впрочемъ предоставлялось и до истеченія назначеннаго, четырехмѣсячнаго срока, во всякое время получить свои товары обратно, уплативъ сумму полученной ссуды и причитающіяся по ней издержки.

Не взирая на то, что новое учрежденіе, какъ можно видѣть изъ предыдущаго, составляло по прочности началъ, положенныхъ въ его основаніе, исключеніе изъ всѣхъ другихъ предпріятій этого рода, и что векселя, выдаваемые имъ, могли считаться самыми вѣрными бумагами, какія только можно было предложить публикѣ, тѣмъ не менѣе, дисконтъ этихъ векселей поднялся сначала до 8, а потомъ и до 10 процентовъ. Но когда убѣдились въ солидности предпріятія, дисконтъ сталъ понижаться съ такою быстротою, что лишь немного недѣль спустя, къ 12 ноября 1799 г., онъ составлялъ уже не болѣе 4%. Одновременно съ этими мѣрами, оказавшими свое благотворное дѣйствіе, начали приходить мало по малу римессы и отъ заграничныхъ должниковъ. Всѣ заграничныя торговыя фирмы, векселя которыхъ, выданные на фирмы, оказавшіяся несостоятельными, были протестованы—должны были исполнить свои обязательства; это оказалось подъ силу многимъ изъ этихъ заграничныхъ домовъ, напримѣръ, большинству лондонскихъ фирмъ. Дѣло въ томъ, что въ Лон-

донѣ большая часть вексельныхъ долговъ, происшедшихъ отъ злоупотребленія векселями, вошла уже до этого въ банкротство на сумму 900,000 ф. ст., постигшее одну нѣмецкую фирму въ Лондонѣ, скомпрометировавшую свое имя въ самыхъ рискованныхъ и безсовѣстныхъ вексельныхъ аферахъ. Теперь солидные дома могли продолжать свои дѣла съ Гамбургомъ только посредствомъ римессъ на чистыя деньги.

Въ то же время подоспѣла помощь и изъ внутренней Германіи, которая равнымъ образомъ оставалась сравнительно свободной отъ заразы вексельныхъ аферъ, доказательствомъ чего можетъ служить ничтожное число банкротствъ въ южно-германскихъ городахъ, Аугсбургѣ и Франкфуртѣ, отличавшихся споконъ вѣку большою осмотрительностью и солидностью въ торговыхъ дѣлахъ. Съ давнихъ поръ между этими городами и Гамбургомъ существовали и до сихъ поръ существуютъ очень дѣятельныя вексельныя сношенія, такъ какъ вышеупомянутыя мѣстности переводятъ свои платежи на Гамбургъ. Большинство векселей, выдаваемыхъ изъ южногерманскихъ городовъ на Гамбургъ, представляютъ пассивные долги векселедателей, и долги эти обыкновенно покрываются векселями, переводимыми на нихъ. Въ тотъ самый моментъ, когда надъ Гамбургомъ разразились банкротства, южногерманскіе города были не въ состояніи помочь своимъ гамбургскимъ корреспондентамъ уплатою своихъ долговъ римессами на наличныя деньги, такъ какъ, при объявленіи этихъ корреспондентовъ несостоятельными, это значило бы подвергаться опасности двойного платежа одного и того же долга. Вслѣдствіе этого затрудненіе гамбургскихъ домовъ было одинъ моментъ больше, чѣмъ то слѣдовало изъ дѣйствительнаго положенія ихъ имущества. (То же самое обстоятельство повторилось и въ 1857). Послѣ того, какъ рядъ пріостановокъ платежей закончился въ Гамбургѣ, южногерманскія фирмы могли покрыть свои долги римессами на чистыя деньги, золотомъ или серебромъ, а такъ какъ суммы эти простирались до нѣсколькихъ милліоновъ, то Гамбургъ получилъ черезъ это значительное облегченіе.

Не такъ легко распутались отношенія Гамбурга съ Копенгагеномъ. Хотя злоупотребленіе векселями не успѣло распространиться на Данію, какъ оно было въ новѣйшее время, хотя ни одинъ значительный копенгагенскій домъ не потерпѣлъ банкротства, хотя зло отъ черезмѣрнаго выпуска бумажныхъ денегъ успѣло за послѣднее десятилѣтіе значительно уменьшиться, благодаря экономіи въ государственномъ хозяйствѣ,—тѣмъ не менѣе Копенгагенъ для своихъ торговыхъ оборотовъ нуждался въ гамбургскомъ кредитѣ. Когда бѣдствіе постигло Гамбургъ, это отозвалось и на Копенгагенѣ. Изъ этого затрудненія попытались выйти учрежденіемъ ссудной кассы, гарантированной самимъ королемъ. Но кредитъ былъ такъ слабъ, что оказалось невозможнымъ дисконтировать на чистыя деньги бумаги, выдаваемыя этой кассой. Такъ какъ курсъ банковыхъ билетовъ упалъ на 15% и вексельный курсъ ухудшился въ соотвѣтствующихъ размѣрахъ, то

копенгагенскіе купцы пытались выгоднѣе пристроить свои бумаги, выданныя имъ ссудной кассой, употребляя ихъ для римессъ, производившихся на Гамбургъ. Изъ этого возникло множество протестовъ, частью на всю сумму векселей, частью же только на разность, представляемую курсомъ присланныхъ въ уплату бумагъ. Такимъ образомъ, отношенія между двумя городами могли быть возстановлены лишь по совершенномъ устраненіи путаницы, произведенной кризисомъ.

Немедленному употребленію вышеупомянутыхъ римессъ, присланныхъ чистыми деньгами, препятствовало одно постановленіе, заключавшееся въ статутахъ банка. Въ силу этого постановленія банкъ могъ принимать лишь чистое серебро по 15 лотовъ 12 гранъ, а золота и вовсе не принималъ.

Между тѣмъ, переплавка серебра, очистка его отъ посторонней примѣси и пробирная операція требуютъ по крайней мѣрѣ двухъ недѣль. Чтобы устранить неудобство, была принята четвертая мѣра, а именно было постановлено, что банкъ, при достовѣрномъ засвидѣтельствованіи пробы представляемаго въ него серебра, подвергаетъ съ своей стороны пробѣ лишь нѣсколько слитковъ и затѣмъ на первое время принимаетъ такое серебро не по 27 марокъ 10 шиллинговъ на ассигнаціи, что составляло установленную цѣну серебра, а по 25 марокъ.

Пятая изъ принятыхъ мѣръ касалась золота: банкъ вызвался принимать золото въ полосахъ на сумму до 1 милліона, разсчитывая дукатъ al marco по 84 шиллинга на ассигнаціи, подъ условіемъ предварительнаго извѣщенія за 8 дней со стороны вкладчика. Къ піастрамъ подобная мѣра уже довольно давно примѣнянялась. Шестою мѣрою было объявленіе отсрочки для должниковъ—средства, къ которому до сихъ поръ еще никогда не прибѣгали,—срокомъ на 4 мѣсяца, считая отъ 14 октября.

Седьмая мѣра состояла въ постановленіи, изданномъ 17 октября городскимъ совѣтомъ и сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ: для каждаго торговаго дома, который до истеченія восьмого дня льготнаго срока для ближайшихъ, слѣдующихъ къ уплатѣ векселей, представитъ заблаговременно сенату отчетъ о положеніи своихъ дѣлъ, на основаніи котораго онъ считаетъ себя въ состояніи удовлетворить всѣмъ лежащимъ на немъ обязательствамъ, назначается коммисія; къ коммиссіи этой присоединяются два депутата отъ кредиторовъ, (но эти депутаты отнюдь не имѣютъ значенія конкурснаго управленія)—и всѣ вмѣстѣ подвергаютъ дѣла фирмы болѣе подробному разсмотрѣнію; не позднѣе четырехъ недѣль коммиссія и депутаты излагаютъ положеніе этихъ дѣлъ передъ общимъ собраніемъ кредиторовъ и уже эти послѣдніе рѣшаютъ, слѣдуетъ ли приступить къ учрежденію надъ должникомъ обыкновеннаго конкурса, или же, если можно, и къ взятію его имущества подъ опеку,—и на какой срокъ оставить управленіе дѣлами фирмы въ рукахъ самихъ директоровъ. До

этого рѣшенія, такъ же какъ и по объявленіи несостоятельности, никакіе аресты, распоряженія и описи не могутъ имѣть мѣста.

Съ помощью всѣхъ этихъ мѣръ, но всего болѣе вслѣдствіе естественнаго теченія ликвидаціи, бѣдственныя послѣдствія кризиса были мало по малу устранены и промышленныя сношенія снова вступили въ свою обычную колею; но, въ то же время, въ назиданіе всѣмъ остался примѣръ, долгое время предохранявшій отъ эксцессовъ спекуляціи; лишь въ позднѣйшемъ поколѣніи, когда ошибки и несчастья предшествующаго поколѣнія были позабыты, суждено было возобновиться этимъ эксцессамъ.

Хотя сосѣдній городъ Бременъ держался и въ ту пору гораздо осмотрительнѣе и солиднѣе Гамбурга, тѣмъ не менѣе и на немъ отозвался гамбургскій кризисъ, дѣйствіе котораго отозвалось не только на торговыхъ центрахъ Германіи, но и распростанилось на Данію, Голландію и Англію. Бременъ тоже искалъ спасенія въ основаніи банка, дававшаго ссуды подъ залогъ товаровъ, съ тою только разницею, что кредитъ, открытый подъ товары, былъ гарантированъ государствомъ. Была учреждена особая депутація, состоявшая изъ гражданъ и членовъ городского совѣта, уполномоченная выдавать подъ закладываемые товары, смотря по свойству ихъ, до половины или до трети ихъ стоимости билетами государственнаго казначейства. Оцѣнка товаровъ производилась присяжными маклерами. Немедленно по доставленіи товаровъ въ залогъ, по застрахованіи ихъ отъ огня и по исполненіи прочихъ формальностей, закладчику выдавалась четвертая часть оцѣночной суммы упомянутыми билетами, на остальныя же деньги ему открывался въ книгахъ депутаціи кредитъ. Этимъ кредитомъ онъ могъ располагать всѣ будничные дни посредствомъ требованій, которыя предъявлялись и записывались совершенно тѣмъ же порядкомъ, какъ и свидѣтельства переводныхъ банковъ. Выданные билеты онъ могъ дисконтировать такъ, что они, при довѣріи, которымъ пользовались, оказывали ему тѣ же услуги, какъ и наличныя деньги. Одна четверть заложенныхъ товаровъ долженствовала быть выкуплена втеченіе трехъ мѣсяцевъ, считая со дня заклада, а остальныя три четверти — втеченіе четырехъ мѣсяцевъ. Этотъ Бременскій товарный банкъ былъ, слѣдовательно, родъ ассигнаціоннаго банка, который однако успѣлъ оказать весьма важныя услуги.

Въ Гамбургѣ успѣхъ этого учрежденія навелъ на мысль основать такой же товарный банкъ, какъ постоянное учрежденіе. Но проэктъ этотъ не состоялся, какъ кажется, вслѣдствіе сопротивленія, которое онъ встрѣтилъ въ переводномъ банкѣ.

Бюшъ, который былъ свидѣтелемъ обоихъ кризисовъ 1763 и 1799 гг., проводитъ между тѣмъ и другимъ параллель, нелишенную интереса.

Какъ передъ тѣмъ, такъ и передъ другимъ кризисомъ чрезмѣрное разростаніе спекуляцій на векселя и слишкомъ высокій дисконтъ были предвѣстниками разразившагося бѣдствія. Но въ 1763 злоупотребленія вексельнымъ кредитомъ начались болѣе за долго до наступленія кризиса, чѣмъ то было въ 1799 г. Въ первую изъ этихъ эпохъ причины, вызвавшія кризисъ, дѣйствовали непрерывно еще съ послѣднихъ годовъ семилѣтней войны, между тѣмъ какъ въ1799 г. онѣ появились лишь въ теченіи послѣдняго года. Въ1763 г. усиленное обращеніе векселей имѣло по столько реальную подкладку, по сколько причины этого явленія поддерживались войною. Сѣть, раскинувшаяся по всему торговому міру, охватывала его въ 1763 г. тѣснѣе, и потому выпутаться изъ нея было не такъ легко, какъ оно могло бы быть въ 1799 г. Одинъ очень толковый негоціантъ, вынужденный вмѣстѣ съ своимъ богатымъ компаньономъ объявить себя несостоятельнымъ, говорилъ Бюшу, что за долго до наступленія развязки (въ 1763 г.) предвидѣлъ роковой исходъ, но не могъ предпринять никакихъ мѣръ, чтобы заблаговременно выгородить свою фирму. Правда, въ 1799 г. это было тоже не совсѣмъ легко для многихъ коммерсантовъ, въ особенности для тѣхъ, которымъ приходилось выжидать окончанія обширныхъ, затѣянныхъ ими спекуляцій, чьи корабли еще плавали въ морѣ, или же, будучи захвачены французами или англичанами, не могли быть возвращены до окончанія долгой процедуры рекламированья, которая въ обѣихъ странахъ тянулась черепашьимъ шагомъ тамошней юстиціи. Такимъ образомъ, въ 1799 г. для многихъ было крайне затруднительно выпутаться изъ своего критическаго положенія. На рукахъ у нихъ были товары, на которыхъ они, такъ или иначе, неизбѣжно должны были понести большія потери: имъ выгоднѣе было рѣшиться подвергнуть себя этимъ потерямъ, чѣмъ зарываться, выдавая новые векселя и подвергать себя черезъ это еще бо́льшимъ убыткамъ въ будущемъ, такъ какъ цѣны на товары продолжали падать. Тѣмъ не менѣе, въ 1799 г. выпутаться было не трудно тѣмъ, которые ранѣе другихъ одумались, всего же легче—тѣмъ, предпріятія которыхъ, хотя и потребовавшія усиленнаго вексельнаго кредита, на столько удались, что позволили отретироваться не только безъ потерь, но и съ прибылью.

Тѣ, которые этого не сдѣлали, запутывались все болѣе и болѣе. Но на этихъ негоціантовъ, еще задолго до кризиса, всѣ на биржѣ указывали пальцами.

Въ 1763 г. обстоятельства, обусловившія кризисъ, встрѣчались лишь въ отдѣльныхъ отрасляхъ торговли, преимущественно въ неурядицахъ вексельнаго кредита, вызванныхъ обширною торговлею благородными металлами, которая, въ свою очередь, была вызвана перечеканкою монеты для покрытія расходовъ войны. Всему этому заключеніе мира круто положило конецъ, но заключеніе мира не оказало неожиданнаго и слишкомъ ощутительнаго дѣйствія на паденіе цѣнъ товаровъ. Между тѣмъ въ 1799 г. зло охватило почти всѣ отрасли тор-

говли и безпримѣрное пониженіе цѣнъ, не только на заграничные продукты, но и на мануфактурные товары, стѣснило промышленный міръ со всѣхъ сторонъ.

Въ 1763 г. торговля товарами продолжалась во время войны безъ особенныхъ стѣсненій. Сухопутная торговля, въ особенности на нѣмецкихъ ярмаркахъ, встрѣчала мало препятствій па своемъ пути. Море было открыто для нѣмецкихъ гаваней, занимавшихся отправкою товаровъ въ чужія страны. Правда, англичане продолжали обычную свою игру противъ нейтральныхъ флаговъ и это повышало цѣны на товары, провозимые моремъ, но и это зло не оказывало слишкомъ подавляющаго дѣйствія. Къ тому же въ то время дониманье политическихъ противниковъ путемъ разоренья торговли еще не было возведено въ систему, а французское каперство мало давало себя знать. Урожаи въ Германіи во все продолженіе войны были превосходные. Контракты о поставкахъ въ армію могли быть исполнены безъ особенныхъ затрудненій. При этомъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, конечно, можно было указать эфемерныя спекуляціи, кончавшіяся крушеніемъ, но спекуляціи эти почти не производились на товарахъ, и то, что Гамбургъ выигрывалъ на товарной торговлѣ представляло реальный барышъ.

Въ 1799 обстоятельства слагались въ этомъ отношеніи совершенно иначе. Ни одна изъ войнъ новѣйшей исторіи не произвела такихъ переворотовъ въ товарной торговлѣ, какъ тогдашняя. Торговля Голландіи, страны, занимавшей въ международныхъ сношеніяхъ первое мѣсто, и Франціи, стоявшей по части сырыхъ продуктовъ, колоніальныхъ и мануфактурныхъ товаровъ на высокой степени процвѣтанія,—была совершенно подорвана; торговлѣ нѣкоторыхъ другихъ странъ тоже были нанесены болѣе или менѣе тяжелые удары.

Англичане, благодаря своему преобладанію на моряхъ, пріобрѣли первенство и въ морской торговлѣ. Дѣятельность сѣверо-американцевъ необыкновенно возросла. Если ходъ войны иногда и открывалъ торговлѣ новые пути, то въ другіе моменты онъ снова неожиданно заграждалъ ей какъ эти пути, такъ и другіе, по которымъ она издавна привыкла направляться. Каперство не знало ни правилъ, ни границъ. Но, не взирая на все это и на прижимки, которымъ подвергались суда нейтральныхъ націй, эти послѣднія проявляли бо̀льшую дѣятельность, чѣмъ когда либо, и эта дѣятельность, къ которой присоединились и американцы, произвела такое переполненіе рынка не только въ Германіи, но и въ Англіи, что излишекъ товаровъ породилъ неслыханное дотолѣ стѣсненіе въ дѣлахъ.

Въ 1763 г. спекуляціи направились лишь подъ конецъ войны въ страны, лежащія за моремъ, такъ что во время кризиса результатъ этихъ спекуляцій еще не былъ извѣстенъ, а потому и банкротствъ, обусловленныхъ собственно ими, не было;—лишь позднѣе, по окончаніи американской войны, спекуляціи, вслѣдствіе того, что затянулись на слишкомъ долгое время, оказались крайне убыточными.

Въ 1799 г., напротивъ, спекуляціи, предпринятыя ранѣе, дали огромные барыши, между тѣмъ какъ позднѣйшія предпріятія, въ особенности для тѣхъ, которые затягивались въ нихъ все далѣе и далѣе и соблазнялись на вексельныя аферы, имѣли самый плачевный исходъ.

Въ 1763 г. вексельный курсъ не былъ подверженъ такимъ сильнымъ колебаніямъ, какъ въ 1799 г., но банкъ во время войны нѣсколько пошатнулся. Въ 1799 г., напротивъ, вексельный курсъ совершенно вышелъ изъ нормы, гамбургскаго же банка разстройство не коснулось вовсе.

Въ 1763 г. пониженіе цѣнъ на товары, наступившее вслѣдствіе прекращенія войны, не могло особенно смутить торговый міръ. Цѣны и до этого не были черезмѣрно высоки и всякій, кто, по наступленіи мира, нашелся вынужденнымъ продавать дешевле, былъ достаточно подготовленъ къ этой перемѣнѣ, чтобы не растеряться въ виду ея. Къ тому же и торговля Франціи и Голландіи не слишкомъ пострадала. Въ 1799 г. миръ еще не былъ заключенъ. Торговый міръ разсчитывалъ, что пониженіе цѣнъ на товары наступитъ лишь въ случаѣ заключенія мира; въ этомъ разсчетѣ купцы обманулись такъ, какъ имъ еще не случалось обманываться ни въ одну изъ предшествующихъ войнъ: вдругъ, въ самомъ разгарѣ войны, цѣны подверглись безпримѣрному паденію; въ тоже время Англія, черезъ перенесеніе войны въ Голландію, заградила главнѣйшій путь для сбыта тѣхъ товаровъ, въ торговлѣ которыми она пользовалась перевѣсомъ.

Въ 1763 г. крушеніе постигло лишь отдѣльныя отрасли торговли, а потому кредитъ могъ скорѣе оправиться отъ нанесеннаго ему удара. Относительно тѣхъ, которые не обанкротились въ первыя недѣли, можно было предсказать, что они устоятъ и далѣе. Въ 1799 г. кризисъ поразилъ столько отраслей торговли, что причины исчезновенія кредита могли считаться всеобщими, что довѣріе всюду было потрясено и долгое время не могло быть возстановлено вслѣдствіе продолжавшейся взаимной подозрительности.

Въ 1763 г. ликвидація была предоставлена своему естественному теченію. Въ 1799 г. старались во время кризиса поднять цѣны искусственнымъ образомъ. Въ 1763 г., не взирая на 95 банкротствъ, почти всѣ долги были покрыты; въ 1799 г. у многихъ остался значительный дефицитъ.

Въ общей сложности, въ кризисъ 1799 г. произошло, въ теченіи шести недѣль, до 136 банкротствъ на сумму 36 милліоновъ, 902,000 марокъ ассигнаціями. Наиболѣе крупное изъ этихъ банкротствъ было—банкротство гг. Добелеръ и Гессе на сумму 3,100,000 марокъ ассигнаціями, а за тѣмъ—банкротство Ф. Д. Родде на сумму 2,200,000 марокъ ассигнаціями. Изъ остальныхъ, по свидѣтельству Нольте, только фирма Нотнагеля, Шварца и Рокса объявила себя несостоятельною на 1,540,000 мар. ас., фирма Беера, Розена и Соломона сына—на 1,037,000 марокъ, и фирма фонъ-Аксена и Гирша—на 360,000

мар. ас. Всѣ эти фирмы оказались вскорѣ въ состояніи возобновить свои платежи и могли удовлетворить своихъ кредиторовъ сполна. Многіе большіе дома вошли въ соглашеніе съ своими кредиторами, не объявляя себя несостоятельными. Старѣйшіе изъ большихъ домовъ Гамбурга мало пострадали во время этого кризиса.

Большого шума надѣлала въ то время гибель одного корабля, шедшаго изъ Англіи и везшаго на значительную сумму римессъ чистыми деньгами. Дѣло въ томъ, что когда кризисъ достигъ наивысшаго своего развитія, тѣ изъ лондонскихъ купцовъ, которые стояли въ наиболѣе тѣсныхъ дѣловыхъ отношеніяхъ съ Гамбургомъ, поспѣшили на выручку къ тамошниимъ своимъ корреспондентамъ. Такъ какъ товары и векселя не могли оказать немедленной помощи въ такой моментъ, когда дисконтъ поднялся до 12 и въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 14%, а цѣна товаровъ упала необычайно низко—(наприм. цѣна сахара на 35%)—то предположенную помощь рѣшено было доставить наличными деньгами. У правительства исходатайствовали для этой цѣли фрегатъ Люціенъ, нагрузили на него болѣе милліона ф. ст. серебромъ и отправили его въ Тексель. Невозможно описать нетерпѣніе, съ которымъ въ Гамбургѣ ожидали благополучнаго прибытія этого корабля; каково же было разочарованіе, когда пришла страшная вѣсть, что фрегатъ потерпѣлъ крушеніе у береговъ Голландіи, недалеко отъ Текселя, и потонулъ вмѣстѣ съ людьми и со всѣмъ грузомъ!

Быть можетъ не мѣшаетъ занести здѣсь одинъ анекдотъ, сохранившійся изъ того смутнаго времени и разсказанный Нольте въ его „Воспоминаніяхъ".

Домъ братьевъ Кауфманъ, пользовавшійся весьма почетною извѣстностью, былъ вынужденъ стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ пріостановить свои платежи. Одинъ изъ членовъ этой фирмы былъ въ то время помолвленъ и незадолго передъ этимъ подарилъ своей невѣстѣ билетъ гамбургской городской лотереи. Главный выигрышь въ этой лотереѣ составляла сумма въ 100,000 марокъ ас. Въ тоже время были пущены въ обращеніе билеты другой лотереи, въ которой розыгрывалось помѣстье въ Мекленбургскомъ герцогствѣ, оцѣненное въ 50,000 прусскихъ таллеровъ; выигрышнымъ нумеромъ въ этой лотереѣ долженствовалъ быть тотъ самый, на который падетъ большой выигрышъ гамбургской лотереи. Невѣстѣ г. Кауфмана пришла мысль взять и въ Мекленбургской лотереѣ тотъ же самый нумеръ, который былъ выставленъ на имѣвшемся у нея билетѣ Гамбургской лотереи и подарить первый своему жениху. Счастье благопріятствовало ей: оба выигрыша пали на нумеръ этихъ двухъ билетовъ и фирма въ скоромъ времени получила возможность возобновить свои платежи и совершенно оправиться отъ временнаго разстройства своихъ дѣлъ.

VII.

Кризисы 1815 и 1825 въ Англіи.

Торговые и финансовые кризисы XVIII столѣтія, въ какомъ бы спеціальномъ пунктѣ они ни разразились, постоянно отзывались болѣе или менѣе чувствительно и на остальныхъ торговыхъ центрахъ сѣверной Европы. Съ начала нынѣшняго столѣтія, Соединенные Штаты Сѣверной Америки такъ быстро развиваются, и отношенія коммерческаго міра Сѣверной Европы и Америки къ главнѣйшимъ торговымъ центрамъ Вестъ-Индіи, Бразиліи и испанскихъ республикъ становятся такъ тѣсны, что всякая остановка и всякое необычайное явленіе въ торговой и производительной дѣятельности одного изъ членовъ обширной промышленной республики цивилизованныхъ народовъ отзывается болѣзненно и на остальныхъ членахъ.

Съ начала девятнадцатаго столѣтія, между Англіей и Америкой въ особенности, торговыя сношенія установливаютъ такую тѣсную связь и принимаютъ такіе значительные размѣры, вексельный кредитъ обусловливаетъ такую тѣсную круговую поруку между обѣими странами, что не только остановки въ торговлѣ одной страны живо ощущаются другою, но и причины къ положительнымъ кризисамъ исходятъ какъ изъ той, такъ и изъ другой, и что удары, нанесенные промышленности одной страны почти съ равною силою отзываются и на другой.

Хотя эта солидарность въ вексельныхъ сношеніяхъ вполнѣ сказалась лишь во время кризисовъ 1847 и 1857 гг., тѣмъ не менѣе, первые признаки ея были явственны уже въ 1836, 1825 годахъ и начало ея можно прослѣдить даже до 1815 г.

1815 г. засталъ Англію въ своеобразныхъ обстоятельствахъ. Не взирая на то, что Наполеоновскія войны одними займами стоили Англіи 3.000,000,000 таллеровъ, что она за 22 года своей борьбы противъ Франціи истратила около 50 милліардовъ франковъ въ видѣ ли доходовъ, поступившихъ въ казну, или же въ видѣ суммъ, полученныхъ посредствомъ займовъ,—не взирая на все это, богатство ея за весь этотъ періодъ постоянно возрастало. Громадныя цифры налоговъ и государственныхъ займовъ покрывались соотвѣтствующимъ увеличеніемъ производительности и открытіемъ новыхъ рынковъ для сбыта товаровъ. Совпаденіе многихъ необычайныхъ обстоятельствъ, какъ благопріятныхъ, такъ и неблагопріятныхъ, сдѣлало колоссальные планы Англіи осуществимыми и придало промышленности ея и торговлѣ въ сравнительно ничтожный промежутокъ времени такой изумительно сильный толчекъ, что только эпоха желѣзно-дорожной строительной горячки можетъ сравниться съ этой эпохой.

На помощь промышленности подоспѣли въ это время какъ изобрѣтеніе бумагопрядильной и шерстопрядильной машинъ, такъ и вообще распространеніе паровыхъ двигателей. Только съ помощью послѣднихъ оказалось возможнымъ справляться въ каменноугольныхъ и желѣзныхъ копяхъ съ заливавшею ихъ водою,—такъ что съ этого же времени ведетъ свое начало громадная эксплуатація каменнаго угля и никогда не виданное дотолѣ разростаніе желѣзнаго дѣла—этого двойного золотого дна, которыми сама природа надѣлила Англію. Съ этой эпохи ведетъ свое начало процвѣтаніе хлопчато-бумажной и желѣзной промышленности Англіи,—процвѣтаніе, сдѣлавшее ее по этимъ двумъ отраслямъ промышленности царицею всемірнаго рынка.

Увеличеніе производительности можетъ быть прибыльно лишь при томъ условіи, чтобы соразмѣрно съ нимъ расширялся и рынокъ для сбыта продуктовъ. Между тѣмъ въ описываемый періодъ вышло какъ разъ наоборотъ: одновременно съ первыми проявленіями этой усиленной дѣятельности, рынокъ для сбыта англійскихъ продуктовъ былъ съуженъ разразившеюся въ ту пору континентальною войною.

Когда Наполеонъ издалъ законъ, закрывавшій континентальныя гавани для англійской торговли, и въ угоду причудѣ, достойной Герострата, велѣлъ сжечь на европейскихъ рынкахъ англійскіе колоніальные товары и продукты англійской индустріи, — не одинъ здравомыслящій человѣкъ могъ бы, умозаключая о настоящемъ на основаніи примѣровъ прошлаго, предсказать гибель англійской индустріи и торговли, и никто не нашелъ бы такое предсказаніе смѣшнымъ или нелѣпымъ. Тѣмъ не менѣе, обстоятельства блистательно опровергли то, что должно было казаться столь вѣроятнымъ. Тотъ самый актъ насилія, который отрѣзалъ для Англіи европейскій континентъ, доставилъ ей господство на моряхъ. За потерю европейскихъ рынковъ она искала себѣ вознагражденія въ томъ, что, сметя съ океана всѣ непріятельскіе корабли, направила свою торговлю на берега малой Азіи и Африки, Сѣверной Америки, Мексики, Бразиліи и испанскихъ республикъ въ Южной Америкѣ, на роскошные острова Вестъ-Индіи, въ Океанію и на мысъ Доброй Надежды, въ Аравію, Персію, Индію, Китай и острова Индѣйскаго архипелага; словомъ, всюду, гдѣ океанъ омываетъ какую-нибудь гавань, куда могутъ стекаться произведенія человѣческаго труда — она искала и находила себѣ вознагражденіе за отнятые у нея рынки. Между тѣмъ какъ англійская торговля доставляла себѣ такимъ образомъ новыя мѣста для сбыта, англійской индустріи удалось, съ помощью производства въ большихъ размѣрахъ, созданнаго распространеніемъ машинъ, завоевать рынки дешевизною продуктовъ. И не на однихъ только моряхъ умѣла англійская индустрія мало по малу подавить всякую конкуренцію; помощью тоже всесокрушающаго орудія, дешевизны, ей удалось тамъ и сямъ проломить брешь и сквозь китайскую стѣну континентальной системы.

При этихъ то условіяхъ торговля Великобританіи не только вернула индустріи тотъ рынокъ, который ей былъ нуженъ для сбыта обыкновеннаго годового количества ея продуктовъ, но еще, сверхъ того, открыла Англійскимъ мануфактурнымъ произведеніямъ такую обширную новую область для сбыта, что производство послѣднихъ удвоилось, учетверилось, во многихъ случаяхъ, даже, удесятерилось, и что англійское правительство въ годовомъ доходѣ страны, возросшемъ въ невѣроятныхъ размѣрахъ, могло находить средства къ покрытію своихъ безпрерывныхъ расходовъ.

Парижскій миръ, опрокинувшій всѣ разставленныя Наполеономъ преграды, разомъ измѣнилъ положеніе дѣлъ. Казалось бы, тутъ-то англійской индустріи и наводнить вновь открывшіеся для нея рынки массою своихъ продуктовъ; слѣдовало ожидать, что она, благодаря тѣмъ усовершенствованіямъ и развитію, которыхъ, при помощи машинъ и производства въ большихъ размѣрахъ, достигли ея продукты среди свободы всемірной торговли, въ періодъ изгнанія ихъ съ европейскихъ рынковъ, вытѣснитъ и убьетъ своею дешевизною европейскую индустрію, взрощенную подъ опекою протекціонистской политики. Въ отдѣльныхъ отрасляхъ индустріи оно такъ и случилось: нѣкоторыя тепличныя растенія, которымъ недоставало благопріятныхъ условій, какія были созданы англійскою индустріею, напр., желѣзное производство,—нѣкоторыя подобныя искусственно созданныя отрасли промышленности, говоримъ мы, безспорно были обречены на погибель. Но, при всемъ томъ, тѣ изъ англійскихъ фабрикантовъ и промышленниковъ, которые спекулировали на возможность выбросить на европейскіе рынки, по окончаніи войны, большія массы своихъ товаровъ, ошиблись въ разсчетѣ. Дѣло въ томъ, что во многихъ отрасляхъ и европейская индустрія не отставала отъ англійской и успѣла сдѣлать во время предшествующаго періода значительные успѣхи. Если, съ одной стороны, недоступность для нея всемірнаго рынка и запретительные тарифы стѣсняли естественное развитіе присущихъ ей силъ, то, съ другой стороны, снятіе пошлинныхъ преградъ для многихъ отраслей индустріи въ предѣлахъ европейскаго континента открыло сбыту послѣднихъ большій просторъ, служа до извѣстной степени вознагражденіемъ за потерю всемірнаго рынка; въ то же время мѣра эта возбудила конкуренцію въ бо̀льшихъ размѣрахъ, чѣмъ то было доселѣ и побудила фабрикантовъ обращать бо̀льшее вниманіе, чѣмъ прежде, на всѣ успѣхи техники и на всѣ указанія природы и искусства, вкуса и потребностей публики, и споспѣшествовать, такимъ образомъ, и съ своей стороны поднятію континентальной индустріи на высшую ступень.

При условіяхъ, слагавшихся такимъ образомъ, англійская торговля могла выступить побѣдоносно лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отрасляхъ, какъ, напримѣръ, въ хлопчатобумажномъ и желѣзномъ дѣлѣ, а также въ отношеніи колоніальныхъ товаровъ, такъ какъ торговымъ флотамъ континентальныхъ госу-

дарствъ предстояло еще заново прокладывать себѣ дорогу въ страны, производящія эти послѣдніе товары; но за всѣмъ тѣмъ, во многихъ отрасляхъ индустріи и торговли, англійской промышленности приходилось не только выдерживать на европейскихъ рынкахъ конкуренцію континентальнаго труда, но еще и видѣть, какъ континентъ начинаетъ оспаривать у нея, мало по малу, первенство на европейскихъ рынкахъ.

Изъ вышесказаннаго становится понятно, какимъ образомъ англійская промышленность и англійская торговля, вмѣсто того, чтобы подняться послѣ парижскаго мира еще выше, какъ этого ожидали на самомъ континентѣ, пошла, напротивъ, быстрыми шагами навстрѣчу кризису.

Здѣсь намъ необходимо въ нѣсколькихъ словахъ обрисовать положеніе сельскаго хозяйства въ ту эпоху. Послѣ цѣнъ, установленныхъ въ 1812 г. войною и неурожаемъ, наступилъ рядъ урожайныхъ годовъ и въ 1815 настала эпоха необычайнаго изобилія. Между тѣмъ какъ трудящіеся классы населенія снова вздохнули, благодаря этому изобилію, свободно, сельскіе хозяева роптали на низкія цѣны, которыя снова упали до средней цифры 1802 — 1807 годовъ. Сельскіе хозяева увѣряли, что имъ предстоитъ общее банкротство,—что арендную плату не изъ чего будетъ скоро уплачивать, что почву Англіи скоро окажется невозможнымъ обработывать. На эти жалобы никто не возражалъ съ достаточною энергичностью то, что на нихъ слѣдовало бы возразить, а именно: что невыгодность низкихъ цѣнъ можетъ наверстываться массою продуктовъ; что сельское хозяйство можетъ улучшить эти цѣны расширеніемъ своего рынка посредствомъ заграничной торговли, что въ плачевномъ состояніи сельскаго хозяйства еще болѣе, чѣмъ низкія цѣны, виновата легкомысленная расточительность сельскихъ хозяевъ и ихъ ложное стремленіе занять болѣе высокое общественное положеніе, чѣмъ ихъ отцы, помощью не познаній и осмотрительности, а внѣшняго блеска; что несостоятельность ихъ и описи имущества за долги,—факты, которые они выставляли, какъ доказательства упадка національнаго благосостоянія,—обусловлены исключительно чрезмѣрнымъ повышеніемъ арендной платы и тѣмъ, что страшно высокія цѣны предшествующихъ годовъ искусственно усилили безумную неприбыльную затрату капиталовъ на земледѣліе; что плохая почва, за обработку которой побудили приняться высокія цѣны, стоявшія на хлѣбъ во время войны, при нормальномъ ходѣ сельскаго хозяйства должны быть снова заброшены; что хваленыя сельско-хозяйственныя улучшенія въ сущности сводились почти исключительно на расширеніе запашекъ при обработкѣ, ставившей ни во что правила раціональной агрономіи, осмѣиваемой въ то же время арендаторами, да на запущеніе мелкихъ отраслей хозяйства; что загражденіе доступа привозному хлѣбу можетъ только насильственно сосредоточить всю сельско-хозяйственную дѣятельность на воздѣлыванье пшеницы въ ущербъ дѣйствительно производительной культурѣ. Возра-

женія эти никѣмъ не были выставлены надлежащимъ образомъ на видъ и парламентъ принялъ законъ, которымъ запрещался ввозъ пшеницы въ Англію до тѣхъ поръ, пока цѣна на нее не дойдетъ до 80 шиллинговъ съ четверти.

Однако же оказалось, что и искуственныя средства не въ состояніи устранить мнимое зло: цѣны продолжали оставаться низкими. Дѣло въ томъ, что эти низкія цѣны были естественнымъ послѣдствіемъ нѣсколькихъ урожайныхъ годовъ и заключенія мира, которое разомъ положило конецъ спекуляціямъ хлѣбныхъ поставщиковъ. Вслѣдствіе паденія цѣнъ на хлѣбъ многіе земельные банки лопнули [1]) и такъ какъ, одновременно съ этимъ, даже и тѣ банки, которые устояли, ограничили выпускъ своихъ бумагъ, то значительнаа сумма бумажныхъ денегъ была изъята изъ обращенія, что, съ одной стороны, обусловило повышеніе курса билетовъ аглійскаго банка, а съ другой стороны, повлекло за собою новое паденіе цѣнъ. Дѣло въ томъ, что съ 1797 г., когда англійскій банкъ вынужденъ былъ пріостановить свои платежи, всѣ денежные обороты производились почти исключительно на бумажныя деньги, звонкая же монета большею частью уходила на континентъ, въ видѣ субсидій и военныхъ издержекъ. Многіе утверждаютъ, что вслѣдствіе этого заработная плата, поземельная рента, цѣны на хлѣбъ и на многіе другіе предметы черезмѣрно поднялись; но мы не можемъ принять, чтобы повышеніе это произошло въ той мѣрѣ, какъ утверждаютъ, такъ какъ одновременно съ умноженіемъ банковыхъ билетовъ шло и пониженіе ихъ цѣнности сравнительно съ золотомъ. По заключеніи мира англійскій банкъ ограничилъ обращеніе своихъ билетовъ отнюдь не въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ падали цѣны: въ августѣ 1813 г. въ обращеніи находилось около 25 милліоновъ банковыхъ билетовъ; въ томъ же мѣсяцѣ 1814 г. ихъ было 28 милліоновъ, въ 1815—27 милліоновъ, въ 1816—лишь на $^1/_2$ милліона менѣе. Цѣнность банковыхъ билетовъ всего болѣе упала въ 1814, когда за 100 ф. ст. банковыми билетами давали лишь 74 ф. 17 шиллинг. 6 пенсовъ золотомъ,—что представляло паденіе курса почти на 25 процентовъ номинальной цѣны. Въ 1815 и 1816 гг. за 100 ф. бумажными деньгами давали 83 ф. 5 ш. 9 пенсовъ золотомъ. И такъ, курсъ банковыхъ билетовъ, послѣ паденія многихъ земельныхъ банковъ и изъятія ихъ бумагъ изъ обращенія, поднялся лишь на 8%, между тѣмъ какъ паденіе цѣнъ простиралось во многихъ случаяхъ до 50%. Это-то повышеніе курса банковыхъ билетовъ на 8% въ такую эпоху, когда англійскій банкъ возобновилъ въ извѣстныхъ, ограниченныхъ размѣрахъ уплату звонкою монетою, (хотя общее ограниченье уплаты звонкою монетою съ 1816 года было продолжено до 1818) показывало, что причина паденія цѣнъ лежала гораздо болѣе въ переворотѣ, который заключеніе мира вызвало въ об-

[1]) Съ 1813 по 1816 до 240 банковъ приостановили свои платежи и изъ этого числа $10^1/_2$ процентовъ подверглись конкурсу.

щемъ положеніи торговли, нежели специально въ измѣненіи количества денежныхъ знаковъ. Можно допустить, что значительное уменьшеніе количества денежныхъ знаковъ, если бы оно произошло при неизмѣнившихся обстоятельствахъ, т. е., при продолжающейся войнѣ, вызвало бы громадный переворотъ въ цѣнахъ; но этого не могло быть по заключеніи мира, такъ какъ во время войны приходится по необходимости заключать гораздо бо́льшую часть сдѣлокъ, и даже почти всѣ сдѣлки, на чистыя деньги, между тѣмъ какъ въ мирное время значительная часть денегъ замѣняется векселями. Но именно потому, что мы предполагаемъ, что тогдашнее значительное паденіе цѣнъ лишь въ ничтожной степени зависѣло отъ уменьшенія количества бумажныхъ денегъ, мы должны принять, что причины этого явленія лежали глубже; эти-то причины вызвали одновременно съ паденіемъ цѣнъ и кризисъ (правда легкій) въ промышленности и торговлѣ.

Прежде всего дали себя почувствовать теперь послѣдствія тѣхъ громадныхъ жертвъ, которыхъ требовала война. Какъ ни изумлялись всѣ той легкости, съ какою Великобританія покрывала колосальныя издержки войны, по заключеніи мира стало очевидно, что, продолжись война еще нѣкоторое время съ тѣми же издержками, съ какими она велась въ послѣдніе годы,—и національный капиталъ во всѣхъ производительныхъ отрасляхъ дѣятельности, не взирая на все развитіе торговли и промышленности, былъ бы совершенно истощенъ. Если налоги и займы, собранные во время войны, и не были цѣликомъ растрачены на непроизводительные расходы, если часть ихъ и употреблялась на поддержаніе новыхъ отраслей промышленности, имѣвшихъ отношеніе къ потребностямъ войны, тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что большая часть этихъ производствъ съ наступленіемъ мира остановилась, и что въ промышленной дѣятельности насталъ переломъ, который повлекъ за собою неурядицу и смятеніе: та и другая должны были продолжаться до тѣхъ поръ, пока промышленность не освоится съ новымъ своимъ положеніемъ и не войдетъ въ измѣнившуюся колею.

Другая причина тогдашняго стѣсненнаго положенія дѣлъ лежала въ чрезмѣрной тягости налоговъ, продолжавшейся и по заключеніи мира.

Ко всему этому присоединялось еще мѣстами переполненіе рынка тѣми продуктами, производство которыхъ, благодаря вышеизложеннымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, нетолько не пострадало во время войны, но еще значительно развилось при помощи изобрѣтеній, произведшихъ цѣлый переворотъ въ техникѣ. Когда паденіе Наполеона, говоритъ миссъ Гарріетъ Мартино, открыло въ въ 1814 г. континентальныя гавани для нашихъ кораблей, когда сбытъ значительной части предметовъ нашей внѣшней торговли пересталъ уже зависѣть отъ неправильностей кантрабандной торговли, тогда всѣ были убѣждены, что спросъ на англійскіе товары и колоніальные продукты будетъ неограниченный. Если, даже при существованіи гибельныхъ для торговли декретовъ нашего ве-

ликаго врага, цѣнность товаровъ, нагруженныхъ на корабли для отправки на европейскій континентъ, простиралась въ 1811 г. до 12 милліоновъ, то почему бы этой суммѣ не удвоиться въ 1814 г.? И она дѣйствительно удвоилась. Разсчеты, основанные на обыкновенномъ ходѣ торговли, были позабыты; крупные и мелкіе капиталисты въ Лондонѣ и въ второстепенныхъ портовыхъ городахъ грузили суда мануфактурными товарами и колоніальными продуктами и готовились нажить золотыя горы."

Началась безумная спекуляція, основанная на разсчетахъ, которые далеко перецѣнивали дѣйствительно существующій на континентѣ спросъ на англійскія фабричныя произведенія и колоніальные товары.

Въ этомъ вскорѣ не замедлили убѣдиться всѣ негоціанты, занимавшіеся внѣшней торговлей. Какъ бы велика ни была потребность еввопейскихъ потребителей пріобрѣтать товары, остававшіеся такъ долго для нихъ недоступными, платежныя средства ихъ, все-таки, были очень ограничены. Что могъ дать континентъ Англіи взамѣнъ ея кофе, ея сахара, ея бумажныхъ тканей и ея желѣзныхъ издѣлій? Отставъ отъ Англіи въ главнѣйшихъ отрасляхъ промышленности въ періодъ господства континентальной системы, онъ ничего не могъ предложить въ обмѣнъ, кромѣ своихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Но именно этимъ-то послѣднимъ и былъ загражденъ доступъ въ Англію хлѣбными законами 1815 г. и высокими пошлинами на вино, спиртъ и т. п. продукты. Между тѣмъ, ничего иного европейское населеніе, истощенное продолжительными войнами, не имѣло въ своемъ распоряженіи. Такимъ образомъ, въ короткое время необузданная спекуляція завалила европейскій рынокъ англійскими товарами и до того сбила цѣны, что понесены были громадные убытки; среди благодѣяній мира, которыми только что было начинали наслаждаться, спекуляція создала положеніе, которое лордъ Брумъ характеризуетъ въ 1816 г. слѣдующими немногими, но мѣткими словами: „Мыльный пузырь лопнулъ, какъ лопнули его предшественники береговъ Миссиссипи и Южно-американскихъ морей. Англійскіе товары продавались въ Голландіи и на сѣверѣ Европы гораздо дешевле, чѣмъ въ Лондонѣ и Манчестерѣ; въ большинствѣ мѣстностей они лежали недвижною массою и совсѣмъ не находили покупщиковъ; въ результатѣ съ нихъ или ровно ничего не выручалось или единицы фунтовъ выручились тамъ, гдѣ были затрачены тысячи".

Спекуляціи, направлявшіяся въ Сѣверную Америку, повлекли бы за собою, безъ сомнѣнія, по введеніи хлѣбныкъ законовъ, тѣ же плачевные результаты, если бы Америка не была въ состояніи оплачивать англійскіе товары хлопкомъ, ввозъ котораго въ Англію шелъ въ постоянно возрастающей прогрессіи: въ 1813 г. его было ввезено на 50 мил. ф. ст., 1814—на 53 мил., а въ 1815—на 92 мил., въ 1816—на 86 мил., въ 1817—на 116 м., въ 1818—на 162 мил. Усиленіе торговыхъ сношеній между этими двумя странами слѣдуетъ так-

же отчасти приписать отмѣнѣ закона о мореходствѣ, состоявшейся въ 1814 г. Благодаря этой мѣрѣ, корабли обѣихъ странъ были поставлены на совершенно равную ногу между собою и всякая разность въ пошлинахъ уничтожена.

Несмотря на то, что кризисъ этой эпохи былъ лишь частный, на рабочемъ населеніи онъ отозвался крайне тягостно. Въ промышленности произошелъ застой, и вскорѣ во всѣхъ отросляхъ индустріи множество работниковъ осталось безъ занятій. Даже въ парламентѣ раздавались жалобы на безработицу среди сельскаго населенія; бѣдняки оставляли свои жилища, цѣлые приходы опустѣли и толпы несчастныхъ становились все многочисленнѣе, по мѣрѣ того, какъ онѣ подвигались отъ одного прихода къ другому и влачили за собою свое безграничное убожество. „Отпущенные матросы и солдаты, говоритъ миссъ Мартино, увеличивали собою классъ бѣдняковъ. Когда эти безденежные странники скучивались въ городахъ, они наталкивались тамъ на работниковъ, которые такъ же бѣдствовали, какъ и они, и жили либо вовсе безъ работы, либо перебиваясь случайною и дурно оплачиваемою работою". Ко всему этому присоединился полнѣйшій неурожай, вызвавшій вздорожаніе всѣхъ предметовъ жизненной необходимости. Наконецъ, въ довершеніе бѣдствія, все ожесточеніе рабочихъ обратилось на машины, въ которыхъ они видѣли причину застоя въ дѣлахъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ затѣвались бунты съ цѣлью уничтоженія машинъ; молотилки, прядильныя машины и ткацкіе станки ломали и бросали въ огонь; народъ врывался въ лавки и погреба, требовалъ назначенія таксы на хлѣбъ и на мясо; все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не вмѣшивались войска и не возстановляли порядокъ силою.

Не взирая на всѣ вышеописанныя бѣдствія, страна, мало по малу, выпуталась изъ кризиса. Англійскій банкъ, который еще въ 1817 г. началъ уплачивать по болѣе мелкимъ изъ своихъ билетовъ чистыми деньгами, возобновилъ наконецъ въ 1819 г. платежи звонкою монетою; такъ какъ съ этого же года начинается рядъ урожайныхъ годовъ, то, не взирая на жалобы сельскихъ хозяевъ на низкія цѣны, промышленность получила такія огромныя средства для увеличенія производства, что накопленіе капиталовъ быстрыми шагами пошло впередъ и вскорѣ достигло такихъ размѣровъ, что доставило возможность создать колоссальныя предпріятія. „1842 г., говоритъ миссъ Мартино, начался среди такого изобилія, что, вмѣсто прежнихъ жалобъ, между капиталистами всѣхъ категорій только и слышны были, что выраженія радужныхъ надеждъ на возрастаніе богатства. Спросъ на всевозможные продукты сельскаго хозяйства шелъ постоянно въ гору, и средняя цѣна на пшеницу въ теченіе этого года снова достигла 62 шил. за четверть. Но жалобъ на высокую цѣну не было слышно, такъ какъ почти всѣ классы работниковъ находили себѣ достаточно занятій. Владѣльцы желѣзныхъ заводовъ ликовали, торговля желѣзомъ шла бойко, хлопчатобумажное и шерстяное производство значительно увеличива-

лось [1]). При этомъ повсемѣстномъ проясненіи горизонта, люди мечтали разбогатѣть быстро; снова необузданныя спекуляціи и безмѣрно разросшіяся акціонерныя компаніи стали чѣмъ-то въ родѣ эпидемическаго удовольствія; за удовольствіе это, правда, въ концѣ концовъ приходится расплачиваться недешево, но, пока оно продолжается, оно дѣло очень веселое"..

Совпаденіе различныхъ обстоятельствъ давало пищу спекуляціи и способствовало непомѣрному ея разростанію. Съ одной стороны, изобрѣтеніе новыхъ машинныхъ двигателей возбудило необыкновенную предпріимчивость по части кораблестроительнаго дѣла, по части основанія новыхъ фабрикъ, разработки копей и прорытія каналовъ; съ другой стороны, миръ повлекъ за собою расширеніе торговыхъ сношеній съ южною Америкою, а это усилило до чудовищныхъ размѣровъ страсть къ спекуляціямъ.

Такимъ образомъ, благопріятныя обстоятельства и увеличеніе благосостоянія доводили спекуляціонную горячку до послѣдней степени. Одинъ современникъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ тогдашнее состояніе общества: „Увеличившееся благосостояніе среднихъ классовъ такъ бросается въ глаза, что мы не можемъ ни прогуляться по полямъ, ни зайти въ лавку, ни взглянуть въ мастерскія и магазины, не замѣтивъ поражающихъ перемѣнъ, которыя произошли въ немногіе годы. Мы видимъ, что поля лучше воздѣланы, житницы полнѣе набиты хлѣбомъ, лошади, коровы и овцы многочисленнѣе и лучше содержаны, всевозможныя сельско-хозяйственныя орудія и принадлежности совершеннѣе въ своемъ устройствѣ и доброкачественнѣе по своему матеріалу. Въ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ лавки многочисленнѣе и красивѣе по внѣшнему своему виду, различные сорты товаровъ въ нихъ лучше отдѣлены одинъ отъ другаго,—дѣленіе безспорно свидѣтельствующее о возросшемъ числѣ покупателей. Мы встрѣчаемъ товары всевозможныхъ сортовъ, предусмотрительно заготовленные въ виду различныхъ потребностей, денежныхъ средствъ и, даже, причудъ различнаго сорта публики. Это усиленное, повсемѣстно распространенное умноженіе товаровъ и всякаго добра составляетъ несомнѣнный признакъ процвѣтанія. То же явленіе можно прослѣдить и въ мануфактурахъ и, какъ на массахъ сырья въ различныхъ производствахъ, такъ и на обработываемыхъ продуктахъ въ различныхъ стадіумахъ ихъ обработки и въ различныхъ подраздѣленіяхъ этихъ стадіумовъ; при-этомъ, мы увидимъ не только возростаніе богатства, но и тѣ пути, которыми достигается это возростаніе. Если бы, затѣмъ, мы могли подняться нѣсколько выше и окинуть взглядомъ счеты банковъ,

[1]) Потребленіе необработаннаго хлопка возрасло въ немногіе годы съ 250,000 тюковъ до нѣсколькихъ милліоновъ тюковъ, а вывозъ готовыхъ хлопчатобумажныхъ тканей представлялъ уже въ 1824 г. стоимость въ 368.000,000 гульденовъ.

какъ столичныхъ, такъ и привинціальныхъ, какъ малыхъ, такъ и большихъ, то мы убѣдились бы, что суммы, остающіяся у нихъ свободными по заключеніи счетовъ и выжидающія благопріятныхъ перемѣнъ въ цѣнахъ товаровъ, что бы найти себѣ употребленіе или пристроиться подъ проценты, увеличились до громадныхъ размѣровъ. Это уже впрочемъ достаточно яствуетъ изъ низкаго уровня процентовъ текущаго государственнаго долга, изъ положенія финансоваго рынка, изъ жадности, съ которою подхватывается всякій проектъ, открывающій капиталамъ возможность помѣщенія, и изъ всеобщихъ жалобъ на то, что нѣтъ возможности извлекать изъ своихъ денегъ проценты. Проекты постройки туннелей, желѣзныхъ дорогъ (къ которымъ въ то время, конечно, еще не помышляли примѣнять локомотивы) каналовъ и мостовъ, а также увлеченіе, съ которымъ подхватываются эти проекты,—все это свидѣтельствуетъ о томъ, какая масса сбереженій накопилась въ среднемъ сословіи. Естественнымъ послѣдствіемъ этого увеличенія богатства было умноженіе наслажденій, доставляемыхъ деньгами, и мы съ узумленіемъ замѣчаемъ, что повсюду распространяются такія потребности, которыя прежде назывались „роскошью", а теперь обозначаются смягченнымъ и чисто-англійскимъ выраженіемъ „комфортъ". Это, между прочимъ, замѣчается и въ домахъ, въ ихъ отдѣлкѣ, украшеніяхъ и, въ особенности, въ тѣхъ удобствахъ, которыми ихъ начинаютъ снабжать. Лѣтъ 40, 50 тому назадъ лондонскіе купцы жили въ тѣхъ самыхъ темныхъ улицахъ, гдѣ и теперь еще помѣщаются ихъ конторы, на скорую руку обѣдали въ 2 часа пополудни вмѣстѣ съ своими прикащиками и затѣмъ снова возвращались въ контору, къ рабочему столу, за которымъ оставались писать свои письма нерѣдко до полуночи. Лавочники жили въ помѣщеніяхъ позади своихъ лавокъ, лучшій этажъ дома отдавался внаймы жильцамъ, и лишь самые богатые могли доставить себѣ наслажденіе отдохнуть отъ шума и хлопотъ столичной жизни въ одной изъ окрестныхъ деревень, Айлингтонѣ, Гэкни и Кэмберуэлѣ. Морскія купанья, возникшія по всему прибрежью отъ Кента до Соссэкса, были въ то время неизбѣжны тому классу торговыхъ людей, который теперь, своими случайными поѣздками въ эти мѣстности и долею своихъ доходовъ, тамъ проживаемыхъ, не мало способствуетъ поддержанію мѣстныхъ жителей въ комфортѣ и респектэбельности. Если мы перенесемся въ деревню, то и тутъ мы встрѣчаемъ тѣ же пріятныя [1]) впечатлѣнія, которыя мы только что испытали

[1]) Жаль, что, для полноты картины, авторъ не влючилъ въ свое описаніе и тѣхъ лондонскихъ кварталовъ, которые представляютъ сплошной вертепъ нищенства, порока и болѣзней, а также и тѣхъ гнилыхъ и тѣсныхъ норъ, которыя зовутся «коттэджами» и служатъ жилищами для сельскихъ батраковъ. Не взирая на усиленіе филантропіи и на облегченіе благомыслящихъ изслѣдователей общественныхъ язвъ, эти очаровательные

при зрѣлищѣ умножавшихся наслажденій городскихъ обитателей. Конечно, между фермерами мы не видимъ такого крупнаго прогреса, но мы видимъ, что и ихъ благосостояніе подвигается впередъ. Прибыль съ ихъ капитала, безъ сомнѣнія, менѣе значительна, и наростаніе его идетъ, вслѣдствіе этого, не такъ быстро; но все же, въ послѣднія 40, 50 лѣтъ они значительно подвинулись. Промѣнявъ мускульный трудъ на головной, они, въ то же время, промѣняли простую крестьянскую одежду на одѣяніе, болѣе соотвѣтствующее ихъ улучшенному положенію. Дома ихъ снабжены болѣе пригодною и доброкачественною утварью; вмѣсто голыхъ половъ, деревянныхъ тарелокъ и кружекъ, мы тамъ видимъ ковры, фарфоръ и стаканы. Жены и дочери ихъ лучше образованы,— обстоятельство, имѣющее существенное значеніе для общественнаго прогресса; ихъ вліяніе въ состояніи побудить ихъ мужей и братьевъ къ болѣе раннему возвращенію съ базаровъ и ярмарокъ и къ болѣе рѣдкому нарушенію правилъ трезвости сравнительно съ предшествующимъ поколѣніемъ. Деревенскій трактиръ по части щегольства и комфорта не представляетъ уже болѣе никакихъ преимуществъ сравнительно съ собственнымъ домомъ фермера. Между фабрикантами мы находимъ нѣсколько людей, обладающихъ княжескимъ, но тѣмъ не менѣе, честно нажитымъ богатствомъ; лишь одною ступенью ниже мы встрѣчаемъ многочисленный классъ, нажившій значительное состояніе, ежедневно наживающій еще болѣе и дающій пропитаніе тысячамъ своихъ бѣднѣйшихъ сосѣдей. Населеніе главнѣйшихъ фабричныхъ городовъ, Манчестера, Лидса, Бирмингама и другихъ значительно умножилось. Еще 40 лѣтъ тому назадъ знали мы хорошо эти мѣстности, ту степень благосостоянія, которою онѣ пользовались и тѣ привычки, которыя тамъ господствовали. Посѣтивъ ихъ снова послѣ долговременнаго отсутствія, мы были поражены тѣми перемѣнами, которыя мы въ нихъ нашли. Мы уже не говоримъ про многихъ личностей, отцы и дѣды которыхъ еще на нашей памяти едва успѣли выбиться изъ положенія простыхъ поденщиковъ и которыхъ мы теперь встрѣчали собственниками великолѣпныхъ заведеній; мы хотимъ преимущественно указать на умноженіе зданій, на улучшеніе ихъ постройки и на всевозможный прогрессъ, сдѣланный ихъ владѣльцами въ дѣлѣ облагороженья вкуса и образа жизни".

Да, не даромъ говоритъ миссъ Мартино, что „общее настроеніе дышало бодростью", если оказывалось возможнымъ описывать такими красками эпоху, долженствовавшую вскорѣ кончиться банкротствомъ, нуждою и бѣдствіемъ.

Жалобамъ на невозможность извлекать проценты изъ своихъ денегъ недолго было суждено продолжаться. Спекуляція нашла средство помочь горю и вскорѣ

пріюты и теперь, 50 лѣтъ спустя послѣ начала золотого вѣка, описываемаго авторомъ, могутъ еще услаждать зрѣніе туриста «пріятными впечатлѣніями». *Пер.*

расплодилась такая масса проектовъ и предпріятій, грандіозныхъ по своимъ размѣрамъ и нерѣдко фантастичныхъ по своимъ цѣлямъ, что казалось снова вернулась эпоха мыльныхъ пузырей; постоянное повышеніе дисконта служило зловѣщимъ признакомъ, что капитала уже не хватаетъ для потребностей спекуляціи. „Мы вступаемъ теперь въ періодъ,—такъ начинаетъ misссъ Мартино свое сужденіе объ этой эпохѣ,—на который моралистъ взираетъ съ изумленіемъ и стыдомъ и на который еще и въ будущемъ столѣтіи будутъ взирать съ тѣми-же чувствами. Этотъ періодъ показываетъ намъ, до какого ребячества можетъ дойти духъ націи, точно такъ-же, какъ другіе кризисы свидѣтельствуютъ, какъ могучъ и благороденъ можетъ быть тотъ-же духъ,—смотря потому, которыя изъ его сторонъ затронуты,—высшія или низшія. Тотъ-же самый народъ, который умѣлъ оставаться мужественнымъ и спокойнымъ, когда его національному существованію, казалось, грозила опасность,—великодушнымъ и безкорыстнымъ, когда шла между другими дѣлежка европейскаго материка послѣ войны, тотъ же самый народъ, который твердо и честно защищалъ дѣло гонимой королевы и неуклонно стоялъ за принципы свободы въ виду измѣнившагося направленія внѣшней политики,—тотъ же самый народъ, говорю я, показалъ себя чистымъ ребенкомъ передъ соблазномъ внезапнаго обогащенія, благо ужъ очень легко было сыграть въ рискованную игру. И нельзя сказать, чтобы одни хищническіе инстинкты лежали въ корнѣ всѣхъ тѣхъ сумасбродствъ, которыя продѣлывались въ 1824—1825. Безспорно, многіе рвались только изъ за барышей, изъ жажды скорѣй разбогатѣть,—и эти живо попадались на удочку спекуляторовъ. Но для гораздо большаго числа людей приманка заключалась въ неизвѣданномъ и возбуждающемъ удовольствіи—знать, что принимаешь участіе въ грандіозныхъ предпріятіяхъ,—въ усиленной работѣ воображенія, которое рисовало картины торговли, раскинувшейся отъ Пампасовъ Америки по отдаленнѣйшимъ морямъ земного шара, вплоть до полярныхъ льдовъ. Когда сѣдой купецъ, сидя у своего камелька, пускался въ краснорѣчивыя разглагольствованья о шахтахъ въ Кордильерахъ, гдѣ драгоцѣнные металлы сверкаютъ при свѣтѣ факела рудокопа, его воодушевляло не одно ожиданіе прибыли, но и извѣстное удовлетвореніе фантазіи, которой обычное теченіе его жизни так мало давало пищи. Когда ремесленникъ рисковалъ своими сбереженьями, чтобы прорыть Панамскій перешеекъ, онъ гордился своимъ участіемъ въ великомъ дѣлѣ и становился настоящимъ поэтомъ, описывая, какъ одинъ океанъ устремится навстрѣчу другому и какъ цѣлая вереница кораблей со всѣхъ частей свѣта поплыветъ по новосозданному проливу. Точно такъ же старыя дамы и удалившаяся на покой прислуга, отдавая изъ своего имущества и дохода все, что они только могли сколотить, лишь бы пріобрѣсти пай въ какой нибудь компаніи паровыхъ печей, или паровыхъ прачечныхъ, молочнаго производства или искусственнаго высиживанья цыплятъ; — имъ тоже мерещились видѣнія роскоши и домашняго комфорта, и

они съ наслажденіемъ мечтали о той порѣ, когда всякія сладкія яства и удобства одежды безъ хлопотъ и въ изобиліи очутятся у нихъ подъ рукою. Тѣмъ, которые извлекали свою выгоду изъ неосмотрительности всѣхъ этихъ мечтателей, оставалось только не зѣвать и подбирать то, что само напрашивалось къ нимъ въ руки.

„Всякіе неудачные спекулянты, составители проектовъ и игроки всевозможныхъ категорій воспользовались удобнымъ случаемъ, чтобы сначала раззадорить духъ предпріимчивости по части рискованныхъ дѣлъ, а тамъ и самимъ втерѣться въ какую нибудь компанію, куда имъ въ другое время ни за что не добиться бы доступа. Они знали, что этотъ благопріятный для нихъ періодъ протянется недолго, а потому старались изъ него извлечь все, что было возможно. Въ исторіи каждой націи можно прослѣдить періоды спекуляціи, смѣняющіеся періодами охлажденія и, пока націи не поумнѣютъ, всегда можно ожидать новаго прилива спекулятивнаго духа. Но картину такого опьяненія и затѣмъ такого грознаго паденія, какую представляла Англія въ періодъ 1824—1826 гг.,—должно надѣяться, что мы едва ли когда снова увидимъ“.

Итакъ, спекулировалъ не одинъ коммерческій людъ, но и все населеніе, безъ различія возраста, пола, состоянія и общественнаго положенія. Все было вовлечено въ водоворотъ, и поле дѣятельности было до того всеобъемлюще, что едва ли былъ хоть одинъ предметъ на сушѣ или на морѣ, который ускользнулъ бы отъ вниманія спекулянтовъ. Если мы откинемъ всѣ очевидно эфемерные проекты, и изъ всего количества остальныхъ сколько-нибудь возможныхъ правительственныхъ и финансовыхъ предпріятій выберемъ лишь наиболѣе солидныя, то и тутъ получится такая чудовищная сумма капитала, требовавшагося для ихъ осуществленія, что всякому безпристрастному наблюдателю покажется непонятнымъ, какимъ образомъ сбереженія немногихъ годовъ могли бы покрыть такую сумму, или какъ могла прійти мысль о возможности добыть новые капиталы для ея покрытія. Сопоставленіе однихъ государственныхъ займовъ, заключенныхъ черезъ посредство англійскихъ капиталистовъ, даетъ намъ поражающія цифры.

Въ теченіе двухъ лѣтъ въ одномъ Лондонѣ были заключены нижеслѣдующіе займы иностранныхъ государствъ:

	Года:	Фунт. стерл.		Займы были выпущены въ Англ. по курсу:
Бразилія.	1824	3,200,000	по 5%	75%
Буэносъ-Айресъ . . .	1824	1,000,000	„ 6 „	85 „
Чили	1822	1,000,000	„ 6 „	70 „
Колумбія.	1822	2,000,000	„ 6 „	84 „
„	1824	4,750,000	„ 6 „	88½
Данія.	1822	3,000,000	„ 5 „	77½

искушенію выпускать свои билеты въ неограниченномъ количествѣ. Такимъ образомъ количество банковыхъ билетовъ, находившихся въ обращеніи въ 1825 г, превысило, какъ вычисляютъ, на 30 и на 40% то, которое находилось въ обращеніи въ 1822 г. Въ тотъ же періодъ времени,—между іюнемъ 1824 г. и октябремъ 1825 г. было вывезено изъ Англіи отъ 120 до 140 милліоновъ гульден. въ звонкой монетѣ или въ слиткахъ. Англійскій банкъ, вмѣсто того, чтобы стать насторожѣ въ виду эксцессовъ спекуляціи, сдѣлалъ ту ошибку, что еще болѣе поощрилъ спекулянтовъ, понизивъ свой процентъ. Такъ какъ и другіе банки должны были послѣдовать за нимъ на этомъ пути, то въ теченіе извѣстнаго времени въ деньгахъ для любаго почти предпріятія недостатка не было. Хотя въ законодательныхъ и административныхъ сферахъ сдѣлались, повидимому, осторожнѣе, издавъ постановленіе, что акціи обществъ не могутъ продаваться, пока послѣднія не признаны парламентомъ, тѣмъ не менѣе, соблазнъ къ спекуляціямъ былъ такъ великъ, что лишь немногіе негоціанты могли ему противустоять.

Если бы горячки предпріятій ограничивались однимъ торговымъ міромъ, то опасность, быть можетъ, не была бы еще такъ велика; но безуміе, какъ мы уже упоминали, охватило все общество. Люди, удалившіеся отъ дѣлъ и жившіе на прежде нажитыя средства; дамы, помѣстившія все свое состояніе въ государственныхъ бумагахъ; семейства, отдававшія свои капиталы подъ гипотечныя обезпеченья; работники, пристроившіе трудовыя сбереженія многихъ годовъ въ сберегательныхъ кассахъ,—всѣ сопоставляли низкіе проценты, которые ихъ капиталъ приносилъ имъ до сихъ поръ съ громадными барышами, которые можно было осуществить посредствомъ спекуляціи, и становились недовольны. „Сотни людей, говоритъ миссъ Мартини, которые до этого вполнѣ довольствовались своимъ скромнымъ доходомъ и благодарили небо, что доля ихъ выпала какъ разъ по срединѣ между двумя крайностями богатства и нищеты, взирали теперь съ завистью на участь своихъ сосѣдей, чувствовали себя обиженными, если имъ не доставались акціи извѣстныхъ обществъ [1]) или вздыхали о томъ, что средства ихъ не позволяютъ имъ взять на себя обязательства цѣлаго рядъ взносовъ. Тѣ немногія личности, которыя продолжали вести свои дѣла по старому, не поддаваясь повальному безумію, охватившему ихъ современниковъ, должны были выслушать упреки въ томъ, что они

---

[1]) Это напоминаетъ намъ одинъ случай, произшедшій въ Германіи въ 1856 г. Во время возникновенія одного новаго желѣзнодорожнаго предпріятія, одинъ отецъ семейства написалъ основателямъ этого предпріятія трогательное письмо, въ которомъ убѣдительно упрашивалъ, чтобы его подписка въ 30,000 талеровъ была принята *ради его семерыхъ человѣкъ дѣтей.* Письмо пришло по заключеніи подписки и просьба отца семейства не могла быть удовлетворена. Годъ спустя акціи упали до 65 %.

небрегутъ о благѣ своихъ семействъ, отказываясь протягивать руки за сокровищами, со всѣхъ сторонъ сыпавшимися для желающихъ. Конечный результатъ оправдалъ этихъ немногихъ благоразумныхъ людей, но и они пострадали болѣе или менѣе вмѣстѣ съ другими, такъ какъ въ этихъ случаяхъ наказаніе никогда не ограничивается одними виновными. Прожектеры, безденежные спекулянты, податливые ремесленники и дамы, невѣжественные мелкіе капиталисты, попадавшіеся на ловушку, весь этотъ людъ расплачивался за свое же собственное безуміе; но не одинъ благоразумный купецъ, отлично видѣвшій съ самаго начала, къ чему идетъ дѣло, оказался на половину или вполнѣ раззоренныиъ послѣдствіями чужой глупости. Ему пришлось терпѣть вмѣстѣ съ другими отъ застоя въ банковыхъ операціяхъ, отъ поспѣшности, съ которой всѣ вдругъ кинулись реализировать свое имущество и прятать свои деньги, отъ чрезвычайнаго паденія всевозможныхъ фондовъ. Пока проценты стояли низко, капиталисты легко поддавались соблазну отдавать свои деньги на такія предпріятія, которыя обѣщали имъ громадные барыши; пока процентъ стоялъ на самомъ низкомъ minimum'ѣ, люди легко поддавались соблазну давать взаймы большія суммы, чѣмъ какія они рискнули бы на спекуляціи при другихъ условіяхъ, и какъ разъ въ это же время банки очень охотно дисконтировали долгосрочные векселя такимъ спекулянтамъ, которые закупали товары съ цѣлью удержать ихъ въ ожиданіи повышенія цѣнъ. Даже благоразумные люди роптали на низкіе проценты, которые они получали съ своего капитала, между тѣмъ какъ въ ближайшемъ будущемъ грозило вздорожаніе всѣхъ предметовъ жизненной необходимости; въ то же время они видѣли, что сосѣди ихъ, искусно лавируя между различными проектами, умѣя купить и продать бумаги во время, становились богачами чуть не въ одинъ день. Одна молодая дама, которой братъ ея присовѣтовалъ принять участіе на 100 фунтовъ въ одномъ акціонерномъ предпріятіи, быть можетъ, не безъ трепета внесла свои первые 5 фунтовъ и ожидала наступленія слѣдующаго срока взноса; но когда братъ ея, нѣсколько дней спустя, принесъ ей 40 ф. и объявилъ, что продалъ ея пай, такъ какъ курсъ акцій поднялся на эту разность, то неужели же она должна была довольствоваться этими 35-ю фунтами, которые нажила на свои 5 фунтовъ? Не слѣдовало ли ожидать, что она съ такою же жадностью набросится и на новое предпріятіе, какъ только представится случай припять въ немъ участіе? Исторія эта повторялась съ тысячами дамъ и джентльмэновъ, столь же неопытныхъ, какъ и та, о которой только что была рѣчь. Небольшая кучка своекорыстныхъ пройдохъ [1]) отлично знала, чѣмъ все

[1]) Хотя газеты того времени очень рѣзко возставали противъ безумныхъ спекуляцій и игры, вызвавшихъ кризисъ, а также противъ погони за богатствомъ, развращавшей молодежь,—тѣмъ не менѣе, онѣ остерегались вдаваться въ щекотливыя подробности. Однако, въ нихъ встрѣчается порядочная доза указаній на продѣлки, близко граничащія съ уголовными пре-

	Года.	Фунт. стерл.		Займы были выпущены въ Англ. по курсу:
Франція	—	18,369,660	въ 5°/₀ рен.	
Греція	1824	800,000	„ 5 „	
Мексика	1824	3,200,000	„ 5 „	58
„	1825	3,200,000	„ 6 „	89²/₃
Неаполь	1821—22	6,165,000	„ 5 „	65
„ Новый . .	1824	2,500,000	„ 5 „	
		Долларовъ:		
Сѣверная Америка . . .	—	13,300,000	„ 3 „	
„ „	1812	8,855,981	3—6	
„ „	—	8,606,755	3—6	
„ „	1813	22,537,368	3—6	
„ „	1814	13,011,437	3—6	
„ „	—	10,954,994	3—6	
		Фунт. стерл.		
Австрія	1823	2,500,000	„ 5 „	82
Перу . 1822 и . . .	1824	1,200,000	„ 6 „	88 и 82
„	1825	616,000	„ 6 „	78
Португалія	1823	1,500,000	„ 5 „	87
Пруссія (стар.)	1818	5,000,000	„ 5 „	73
„ (новый)	1822	3,500,000	„ 5 „	84
Россія	1822	3,500,000	„ 5 „	82
Испанія	1821	1,500,000	„ 5 „	56
„	1823	1,500,000	„ 5 „	30¹/₄
Гватемала	1824	1,428,571	„ 6 „	73

Кромѣ этихъ новыхъ облигацій въ обращеніи находилась масса другихъ фондовъ иностранныхъ правительствъ: голландскихъ и русскихъ билетовъ казначейства, австрійскихъ и русскихъ металлическихъ билетовъ, русскихъ облигацій, и т. п. бумагъ, которыя, такъ какъ проценты по нимъ не подлежали уплатѣ въ Лондонѣ, не записывались на биржѣ.

Кромѣ того, въ 1824 и 1825 годахъ были основаны между прочимъ слѣдующія общества:

	фунт. стерл.
До 20 обществъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ съ капиталомъ въ	13,500,000
22 банковыхъ и страховыхъ общества съ капиталовъ въ . .	36,260,000
11 обществъ для приготовленія газа съ капиталомъ въ . . .	8,000,000
8 англійскихъ и ирландскихъ обществъ для разработки копей съ капиталомъ въ	3,600,000
17 обществъ для разработки чужеземныхъ рудъ съ капиталомъ въ	18,200,000

	фунт. стерл.
9 обществъ для сооруженія каналовъ, доковъ, пароходовъ съ капиталомъ въ	10,580,000
27 различныхъ обществъ для различныхъ промышленныхъ цѣлей съ капиталомъ въ	12,000,000
Итого 114 обществъ съ совокупнымъ капиталомъ въ.	101,690,000

Бумаги большинства этихъ предпріятій продавались вскорѣ по своемъ выпускѣ съ высокою преміею; такъ, напримѣръ, спросъ на акціи Соединенной Мексиканской Компаніи для разработки золотыхъ и серебряныхъ рудъ въ Мексикѣ былъ такъ великъ, что основной капиталъ былъ немедленно увеличенъ съ 350,000 фунт. стерл. до милліона. Акціи Чилійской Рудокопной Компаніи, которыя были выпущены въ публику 13 января 1825 г., на другой же день дали 25 фунт. ст. преміи. Подобнымъ же образомъ обстояло дѣло почти со всѣми новыми бумагами, но особенною популярностью пользовались бумаги южноамериканскихъ обществъ для разработки рудъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ, относящихся къ главнѣйшимъ изъ нихъ:

	Размѣръ акц. ф. ст.	Взносъ ф. ст.	Состояніе премій 2 дек. 1824 г.	2 ян. 1825 г.
Англо-Мексиканская Компанія.	100	10	33	150
Соединенная Мексиканская. .	40	10	35	155
Реаль-дель-Монтская . . .	400	70	550	1,350
Колумбійская	100	10	10	82
Буэносъ-Айресская	100	10	15	45

Весною 1824 г., когда значительная сумма взносовъ преимущественно по южноамериканскимъ государственнымъ займамъ и рудокопнымъ обществамъ долженствовала быть произведена, такое значительное количество денегъ ушло въ южною Америку золотомъ и серебромъ, что это произвело весьма ощутительное затрудненіе въ деньгахъ въ самой Англіи и банкъ въ продолженіе всего 1824 г. и первой четверти слѣдующаго года вынужденъ былъ значительно усилить выпускъ своихъ билетовъ. Одновременно съ этимъ провинціальные банки выпускали свои билеты безъ всякаго контроля и наводняли страну такою массою бумажныхъ денегъ, что наиболѣе проницательные изъ негоціантовъ уже тогда предсказывали во всеуслышанье приближающуюся плачевную развязку. Этому злу не мало способствовалъ законъ, прошедшій въ парламентѣ въ 1824 г. и продолжившій обращеніе мелкихъ банковыхъ билетовъ за предѣлы первоначально установленнаго для нихъ срока. Такъ какъ въ это самое время спекуляція, находившаяся въ полномъ разгарѣ, увеличивала спросъ на капиталъ, а съ нимъ вмѣстѣ и потребность въ денежныхъ знакахъ, то земельные банки, позабывъ позорныя банкротства, постигшія ихъ всего 8 лѣтъ тому назадъ, поддались

какъ столичныхъ, такъ и привинціальныхъ, какъ малыхъ, такъ и большихъ, то мы убѣдились бы, что суммы, остающіяся у нихъ свободными по заключеніи счетовъ и выжидающія благопріятныхъ перемѣнъ въ цѣнахъ товаровъ, что бы найти себѣ употребленіе или пристроиться подъ проценты, увеличились до громадныхъ размѣровъ. Это уже впрочемъ достаточно яствуетъ изъ низкаго уровня процентовъ текущаго государственнаго долга, изъ положенія финансоваго рынка, изъ жадности, съ которою подхватывается всякій проектъ, открывающій капиталамъ возможность помѣщенія, и изъ всеобщихъ жалобъ на то, что нѣтъ возможности извлекать изъ своихъ денегъ проценты. Проекты постройки туннелей, желѣзныхъ дорогъ (къ которымъ въ то время, конечно, еще не помышляли примѣнять локомотивы) каналовъ и мостовъ, а также увлеченіе, съ которымъ подхватываются эти проекты,—все это свидѣтельствуетъ о томъ, какая масса сбереженій накопилась въ среднемъ сословіи. Естественнымъ послѣдствіемъ этого увеличенія богатства было умноженіе наслажденій, доставляемыхъ деньгами, и мы съ узумленіемъ замѣчаемъ, что повсюду распространяются такія потребности, которыя прежде назывались „роскошью",.а теперь обозначаются смягченнымъ и число-англійскимъ выраженіемъ „комфортъ". Это, между прочимъ, замѣчается и въ домахъ, въ ихъ отдѣлкѣ, украшеніяхъ и, въ особенности, въ тѣхъ удобствахъ, которыми ихъ начинаютъ снабжать. Лѣтъ 40, 50 тому назадъ лондонскіе купцы жили въ тѣхъ самыхъ темныхъ улицахъ, гдѣ и теперь еще помѣщаются ихъ конторы, на скорую руку обѣдали въ 2 часа пополудни вмѣстѣ съ своими прикащиками и затѣмъ снова возвращались въ контору, къ рабочему столу, за которымъ оставались писать свои письма нерѣдко до полуночи. Лавочники жили въ помѣщеніяхъ позади своихъ лавокъ, лучшій этажъ дома отдавался внаймы жильцамъ, и лишь самые богатые могли доставить себѣ наслажденіе отдохнуть отъ шума и хлопотъ столичной жизни въ одной изъ окрестныхъ деревень, Айлингтонѣ, Гэкни и Кэмберуэлѣ. Морскія купанья, возникшія по всему прибрежью отъ Кента до Соссэкса, были въ то время неизбѣжны тому классу торговыхъ людей, который теперь, своими случайными поѣздками въ эти мѣстности и долею своихъ доходовъ, тамъ проживаемыхъ, не мало способствуетъ поддержанію мѣстныхъ жителей въ комфортѣ и респектэбельности. Если мы перенесемся въ деревню, то и тутъ мы встрѣчаемъ тѣ же пріятныя [1] впечатлѣнія, которыя мы только что испытали

[1]) Жаль, что, для полноты картины, авторъ не влючилъ въ свое описаніе и тѣхъ лондонскихъ кварталовъ, которые представляютъ сплошной вертепъ нищенства, порока и болѣзней, а также и тѣхъ гнилыхъ и тѣсныхъ норъ, которыя зовутся «коттэджами» и служатъ жилищами для сельскихъ батраковъ. Не взирая на усиленіе филантропіи и на облегченіе благомыслящихъ изслѣдователей общественныхъ язвъ, эти очаровательные

денный до послѣдней степени напряженія, не могъ уже быть болѣе продолженъ; цѣны, доведенныя до *maximum'a*, не могли быть болѣе удержаны на этой высотѣ. Чтобы поддержать дѣло при такомъ положеніи, надо бы было, чтобы проценты и барыши съ начатыхъ предпріятій подоспѣли на выручку. Но большинство надеждъ, возлагавшихся на нихъ, были обмануты. Отъ крупныхъ спекуляцій, затѣянныхъ въ чужихъ странахъ, не поступало никакихъ римессовъ. Ни золота, ни серебра съ андскихъ горъ не приходило. Барыши съ масла въ Пампасахъ тоже заставляли себя ждать; ни пошлинъ съ канала, долженствовавшаго соединить Атлантическій съ Тихимъ Океаномъ, ни жемчуга съ береговъ Колумбіи никто не видалъ. Затрудненіе все росло и росло. Доведенныя до послѣдней высоты цѣны на товары, которые между тѣмъ все новыми и новыми массами наводняли рынокъ, нельзя уже было, какъ мы сказали, удержать отъ паденія. Владѣльцы товаровъ вынуждены были сами подать сигналъ къ ихъ пониженію, а стоило только начать, дѣло пошло подъ гору съ быстротою вихря; цѣны стали падать такъ же непрерывно, какъ онѣ до этого упорно поднимались въ гору. У множества торговыхъ людей и частныхъ лицъ весь капиталъ и кредитъ былъ затраченъ на долгосрочныя предпріятія, которыя лишь по истеченіи многихъ лѣтъ, и то гадательно, могли дать какой-нибудь доходъ. Въ настоящую минуту люди эти очутились въ крайне стѣсненномъ положеніи и осаждали банки просьбами о дальнѣйшихъ ссудахъ. Но и сами банки съ своей стороны находились въ тискахъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ передъ этимъ, увлекаясь низкимъ дисконтомъ англійскаго банка, они учитали долгосрочные векселя и выдавали очень крупныя ссуды подъ залогъ товаровъ; такимъ образомъ въ тотъ моментъ, когда стѣсненіе дало себя почувствовать, они не могли немедленно реализировать или истребовать назадъ свои деньги. Одновременно съ этими ухудшилось положеніе англійскаго банка, на который вообще падаетъ значительная доля отвѣтственности за этотъ кризисъ; въ то время, когда спекуляціи разростались до чудовищныхъ размѣровъ и директора банка должны были подать примѣръ благоразумія и осмотрительности, они еще болѣе раззадоривали духъ спекуляціи, держа свой дисконтъ до послѣдней минуты крайне низко; (дисконтъ былъ повышенъ съ 4-хъ на 5% лишь 17 декаб. 1825 г., когда кризисъ уже разразился и далъ себя знать остановкою платежей многихъ значительныхъ провинціальныхъ банковъ, банкротствомъ большого банкирскаго дома Уильямъ, Бёргесъ и К° и многими другими банкротствами). Въ то время, когда деньги неудержимо утекали изъ Англіи, англійскій банкъ выпускалъ одну серію билетовъ за другою; наконецъ теперь, когда въ кредитѣ была дѣйствительная и настоятельная необходимость, онъ вдругъ ограничилъ выпускъ своихъ билетовъ и сталъ такъ остороженъ въ дисконтированьи, что векселя вполнѣ надежныхъ фирмъ возвращались отказанными. Этотъ образъ дѣйствій банка внезапно вызвалъ всеобщую панику. Все кинулось на биржу

это должно кончиться, и просто хотѣла эксплуатировать чужую глупость, пока отъ нея можно было извлечь какую нибудь выгоду, и думала только о томъ, чтобы разбогатѣть, прежде, чѣмъ рухнетъ вся эфемерная постройка. Большинство было вовлечено въ эту азартную игру; но именно эти-то легкомысленные люди, принимавшіе участіе въ игрѣ безъ злого умысла, наиболѣе пострадали, когда настала пора неотвратимаго возмездія".

Уже одни выше поименованные, сравнительно солидные, государственные займы и частныя предпріятія были въ состояніи поглотить весь свободный капиталъ страны, а между тѣмъ они составляли лишь часть всѣхъ предпріятій, возникшихъ въ эти годы; остальная часть, о которой встрѣчается наименѣе упоминовеній въ перечняхъ, составленныхъ современниками, о которой эти перечни даже какъ будто стыдятся упоминать, состояла изъ спекуляцій совсѣмъ иного рода. Рядомъ съ акіонерными компаніями, занимавшимися пекарнями, прачешными, пивоварнями, купальнями, страхованіемъ жизни, доставкою угля, хлопчатобумажнымъ, шерстянымъ и шелковымъ производствомъ и т. п. предметами, уже встрѣчавшимися намъ,—хотя, быть можетъ, въ меньшемъ изобиліи,—въ перечнѣ предпріятій, созданныхъ спекулятивною горячкою періода мыльныхъ пузырей,—рядомъ со всѣми этими предпріятіями, говоримъ мы, возникла такая неистовая манія на сооруженіе пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, что въ одну только парламентскую сессію 1825 г. было представлено до 438 ходатайствъ о концессіяхъ частнымъ обществамъ и выдано до 286 разрѣшеній. „Одною изъ формъ возмездія за все это безуміе, говоритъ вышецитированная писательница, было паденіе достоинства Нижней Палаты, многіе изъ членовъ котрой относились къ выдачѣ этихъ концессій съ большою легкостью, и этимъ навлекли на себя подозрѣніе, что, дѣйствуя такимъ образомъ, забывали свое призваніе, не забывая самихъ себя, и жертвовали своею законодательною совѣстью ради интересовъ своихъ друзей и своихъ собственныхъ".

Состоявшееся въ то время по инціативѣ Каннинга признаніе независимости нѣкоторыхъ южноамериканскихъ государствъ направило потокъ спекуляціи, какъ мы о томъ уже упоминали, въ эти страны. Образовывались общества для дабыванія золота и серебра изъ нѣдръ горъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ не было ни рабочихъ рукъ, ни орудій для производства работы, ни топлива, ни

ступленіями. Изъ этихъ указаній мы отмѣтимъ лишь одинъ случай и притомъ еще наименѣе вопіющій: директоръ аригнійской рудокопной компаніи, прежде, чѣмъ сдѣлался директоромъ, купилъ эти копи за 10,000 ф. ст., а затѣмъ продалъ ихъ компаніи за 25,000 ф. ст. Въ общемъ собраніи акціонеровъ ему пришлось выслушать весьма колкія замѣчанія на счетъ этой перепродажи; было сдѣлано предложеніе смѣнить его. Директоръ, въ оправданіе свое, привелъ тотъ наивный аргументъ, что вѣдь цѣна копей была заранѣе опредѣлена въ смѣтѣ компаніи въ 25,000 ф. ст.

путей, ни перевозочныхъ средствъ для доставки продуктовъ. Увѣряли, что у береговъ Колумбіи можно въ изобиліи добывать жемчугъ и вообще сулили навезти въ Европу такіе драгоцѣнные продукты изъ другого полушарія, что трусливые люди начинали опасаться полнѣйшаго переворота въ торговлѣ и въ духѣ англійской націи. Послушать этихъ росказней, то золото и серебро должны были притечь изъ Америки въ такомъ изобиліи, что канцлеръ казначейства получитъ возможнось уплатить весь государственный долгъ и цѣна денегъ въ Англіи и во всей Европѣ подвергнется сильному измѣненію. Жемчугъ и драгоцѣнные каменья долженствовали явиться въ такихъ массахъ, что наслѣдственныя фамильныя драгоцѣнности покраснѣютъ отъ стыда. Слушая эти росказни, аристократія начинала боязливо оглядываться вокругъ себя; вѣря, что среднему сословію и низшимъ классамъ предстоитъ въ самомъ скоромъ времени страшно разбогатѣть, она находила, что и ей терять времени нечего и примыкала и съ своей стороны къ сумасшедшей погонѣ за богатствами Южной Америки. Уже выше было нами упомянуто, что акціи реаль-дель-монтскихъ копей, первоначально оплоченныя по 70 ф. ст. за акцію, давало 2000 фунтовъ на сто, такъ какъ курсъ ихъ дошелъ до 1400. Люди, презиравшіе обыкновенный способъ игры—спекуляціи на фондовой биржѣ, — ухватились за идею, сулившую обогащеніе посредствомъ торговыхъ спекуляцій на новооткрывшихся рынкахъ по ту сторону океана. Въ Ріо-Жанейро за нѣсколько недѣль прибыло изъ Манчестера больше товаровъ, чѣмъ сколько въ прежнія времена требовалось на цѣлыя 20 лѣтъ. Въ ожиданіи, пока въ переполненныхъ магазинахъ очистится для нихъ мѣсто, товары эти, въ томъ числѣ и такіе, которые легко подвергаются порчѣ, лежали на берегу, поливаемые дождемъ и на виду у воришекъ, которые конечно не упускали такого удобнаго случая наживы. Положительно увѣряютъ, что въ числѣ прочихъ предметовъ, доставленныхъ въ этотъ знойный климатъ, изъ Бирмингама были присланы грѣлки для постелей, а изъ Шеффильда—коньки, для народа, никогда не видавшаго льда! Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ туземцамъ навязывали фарфоръ и граненую стеклянную посуду, убѣждая ихъ, что это гораздо лучше кокосовой скорлупы и коровьяго рога, которые до этого служили имъ тарелками и стаканами. Одно сочиненіе того времени, написанное остроумнымъ очевидцемъ, даетъ намъ картину того, какъ эти южно-американскіе проекты пускались въ ходъ и приводились въ исполненіе; картина эта, быть можетъ, немного подчеркиваетъ наиболѣе пикантные детали, но въ общей сложности она заключаетъ въ себѣ много истины. „У насъ были въ Южной Америкѣ всевозможные виды англійскихъ спекуляцій и нѣкоторыя изъ нихъ—презабавныя. Среди великаго множества родственныхъ компаній, которыя я засталъ въ Буэносъ-Айресѣ, я нашелъ одинъ братскій союзъ молочницъ. Нѣкоторымъ младшимъ сыновьямъ Джона Вулля вдругъ взбрело на мысль, что въ странахъ по берегамъ Ла-Платы существуетъ несмет-

ное количество коровъ, которыхъ можно купить просто задаромъ, и множество превосходныхъ пастбищъ; что, такъ какъ у жителей Буэносъ-Айреса нѣтъ масла къ хлѣбу, то можно устроить превосходную аферу, образовавъ компанію для добыванья масла. Прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ со времени возникновенія этой идеи, какъ цѣлая партія шотландскихъ молочницъ, отправленныхъ въ Буэносъ-Айресъ для сбиванья масла, уже застряла въ Океанѣ при переходѣ черезъ экваторъ, остановленная штилемъ. Когдѣ онѣ, наконецъ, прибыли, трудности, съ которыми имъ предстояло бороться оказались очень велики. Вмѣсто тѣхъ терпѣливыхъ домашнихъ животныхъ, съ которыми онѣ до этого привыкли имѣть дѣло, ихъ подвели къ особой породѣ независимыхъ, дикихъ тварей, которыя смотрѣли такъ свирѣпо, что ни одна молодая дѣвица, когда-либо возсѣдавшая на скамеечкѣ для дойки коровъ, не могла рискнуть къ нимъ даже приблизиться, а не то что доить ихъ. Но гуачосы схватили коровъ, связали имъ ноги ремнями и, какъ скоро онѣ усмирились, въ лавкахъ Буэносъ-Айреса масло оказолось въ изобиліи. Но когда за тѣмъ, по преодолѣніи всѣхъ трудностей, вглядѣлись поближе въ результатъ спекуляціи, то оказалось, во первыхъ, что масло не хочетъ держаться и очень быстро портится, а во вторыхъ, что гуачосы и туземцы предпочитаютъ коровьему маслу—растительное". Джентльмэнъ, который разсказываетъ это, самъ былъ жертвою духа времени. Онъ отправился въ Америку въ качествѣ лица, завѣдующаго предпріятіемъ одной рудокопной компаніи. Онъ оставилъ партію англійскихъ и нѣмецкихъ рабочихъ, привезенныхъ имъ на двухъ корабляхъ, въ Буэносъ-Айресѣ, а самъ отправился далѣе, разыскивать мѣста, гдѣ бы можно было приступить къ работамъ. Изъѣздивъ страну вдоль и поперекъ, продѣлавъ по тысячѣ и по тысячѣ двѣсти миль въ одинъ конецъ, онъ убѣдился, что предпріятіе это, какъ и многія другія, ему подобныя, неосуществимо; общество было распущено съ убыткомъ въ 50,000 ф. ст. по меньшей мѣрѣ. Изъ привезенныхъ рабочихъ немногіе нѣмцы пожелали остатся въ Буэносъ-Айресѣ. Остальные, какъ англичане, такъ и нѣмцы, вернулись въ Европу, не побывавъ даже внутри страны. И это лишь одинъ изъ многихъ образчиковъ легковѣрія и безумія, — повальныхъ болѣзней того времени. Но часъ конечной расплаты былъ близокъ.

Кризисъ приближался тѣмъ неудержимѣе, что, даже въ высшихъ сферахъ общества, никто не имѣлъ понятія о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ и всѣ предавались на этотъ счетъ самому странному самообольщенію. Даже тронная рѣчь, которою была закрыта сессія парламента 6 іюля 1825 г., дышала полнѣйшею увѣренностью въ прочности положенія и упоминала о „благосостояніи, которымъ наслаждаются всѣ части королевства". Но слова эти звучатъ ироніей, такъ какъ всего какихъ нибудь два мѣсяца спустя, бумаги начали падать на лондонской и на парижской биржахъ и положеніе англійскаго банка сдѣлалось затруднительно, поворотная точка была достигнута. Кредитъ, дове-

денный до послѣдней степени напряженія, не могъ уже быть болѣе продолженъ; цѣны, доведенныя до *maximum'a*, не могли быть болѣе удержаны на этой высотѣ. Чтобы поддержать дѣло при такомъ положеніи, надо бы было, чтобы проценты и барыши съ начатыхъ предпріятій подоспѣли на выручку. Но большинство надеждъ, возлагавшихся на нихъ, были обмануты. Отъ крупныхъ спекуляцій, затѣянныхъ въ чужихъ странахъ, не поступало никакихъ римессовъ. Ни золота, ни серебра съ андскихъ горъ не приходило. Барыши съ масла въ Пампасахъ тоже заставляли себя ждать; ни пошлинъ съ канала, долженствовавшаго соединить Атлантическій съ Тихимъ Океаномъ, ни жемчуга съ береговъ Колумбіи никто не видалъ. Затрудненіе все росло и росло. Доведенныя до послѣдней высоты цѣны на товары, которые между тѣмъ все новыми и новыми массами наводняли рынокъ, нельзя уже было, какъ мы сказали, удержать отъ паденія. Владѣльцы товаровъ вынуждены были сами подать сигналъ къ ихъ пониженію, а стоило только начать, дѣло пошло подъ гору съ быстротою вихря; цѣны стали падать такъ же непрерывно, какъ онѣ до этого упорно поднимались въ гору. У множества торговыхъ людей и частныхъ лицъ весь капиталъ и кредитъ былъ затраченъ на долгосрочныя предпріятія, которыя лишь по истеченіи многихъ лѣтъ, и то гадательно, могли дать какой-нибудь доходъ. Въ настоящую минуту люди эти очутились въ крайне стѣсненномъ положеніи и осаждали банки просьбами о дальнѣйшихъ ссудахъ. Но и сами банки съ своей стороны находились въ тискахъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ передъ этимъ, увлекаясь низкимъ дисконтомъ англійскаго банка, они учитали долгосрочные векселя и выдавали очень крупныя ссуды подъ залогъ товаровъ; такимъ образомъ въ тотъ моментъ, когда стѣсненіе дало себя почувствовать, они не могли немедленно реализировать или истребовать назадъ свои деньги. Одновременно съ этими ухудшилось положеніе англійскаго банка, на который вообще падаетъ значительная доля отвѣтственности за этотъ кризисъ; въ то время, когда спекуляціи разростались до чудовищныхъ размѣровъ и директора банка должны были подать примѣръ благоразумія и осмотрительности, они еще болѣе раззадоривали духъ спекуляціи, держа свой дисконтъ до послѣдней минуты крайне низко; (дисконтъ былъ повышенъ съ 4-хъ на 5% лишь 17 декаб. 1825 г., когда кризисъ уже разразился и далъ себя знать остановкою платежей многихъ значительныхъ провинціальныхъ банковъ, банкротствомъ большого банкирскаго дома Уильямъ, Бёргесъ и К° и многими другими банкротствами). Въ то время, когда деньги неудержимо утекали изъ Англіи, англійскій банкъ выпускалъ одну серію билетовъ за другою; наконецъ теперь, когда въ кредитѣ была дѣйствительная и настоятельная необходимость, онъ вдругъ ограничилъ выпускъ своихъ билетовъ и сталъ такъ остороженъ въ дисконтированьи, что векселя вполнѣ надежныхъ фирмъ возвращались отказанными. Этотъ образъ дѣйствій банка внезапно вызвалъ всеобщую панику. Все кинулось на биржу

продавать свои бумаги. Курсы государственныхъ бумагъ пали съ неимовѣрною быстротою. Что касается товаровъ, то ихъ вскорѣ нельзя было продавать и за безцѣнокъ. Акціи промышленныхъ компаній утратили почти всякую цѣнность. Настало всеобщее крушеніе.

Первые подали добрый примѣръ провинціальные банки; изъ нихъ въ теченіе шести мѣсяцевъ 70 пріостановили платежи. Изъ торговыхъ домовъ сначала пали лишь такіе, на прочность которыхъ никто особенно не полагался. Но, послѣ того какъ вышеупомянутый большой банкирскій домъ остановилъ свои платежи, бѣда настигла и солидныя фирмы. Напрасно лондонскіе купцы сошлись на митингѣ и объявили, что положеніе дѣлъ внушаетъ имъ полное довѣріе, что паника не имѣетъ никакого основанія и что довѣріе тотчасъ же возстановится, если только по всей странѣ устроятся такіе же митинги. Кризисъ свирѣпствовалъ какъ ураганъ и опрокидывалъ одинъ домъ за другимъ. Поутру объявляла себя несостоятельной фирма, о которой было извѣстно, что она обладаетъ значительною поземельною собственностью; вечеромъ падала другая, на копи которой всѣ передъ этимъ взирали съ завистью; на слѣдующій день банкротилась третья, про которую говорили, что она владѣетъ большимъ имуществомъ въ чужихъ странахъ. Во многихъ случаяхъ пускалась въ ходъ одна и та же неизмѣнная сказка: увѣряли, что дѣло лишь во временномъ затрудненіи и что обанкротившіяся фирмы обладаютъ достаточнымъ имуществомъ для покрытія всѣхъ своихъ обязательствъ. Но этихъ временныхъ затрудненій, изъ которыхъ каждое распространяло разореніе за предѣлы своего непосредственнаго дѣйствія, накопилось такъ много, что никто уже болѣе не зналъ, какого рода имущество сохраняетъ еще реальную цѣнность для какихъ либо практическихъ цѣлей. Всего болѣе распространяли вокругъ себя разореніе провинціальные банки, не столько черезмѣрнымъ выпускомъ своихъ билетовъ, о которомъ было упомянуто выше, сколько крупными и неосторожными ссудами ненадежнымъ заемщикамъ, ссудами, черезъ которыя они лишили себя возможности уплачивать по своимъ билетамъ. — Въ одно прекрасное утро, разсказываетъ миссъ Мартино, торговая площадь одного провинцальнаго города имѣла совсѣмъ необычайный видъ. Поселяне бросали свои мѣста на базарѣ и собиралось кучами; другіе торопливо собирали свой товаръ, выводили лошадей изъ стойла и спѣшили домой, какъ будто боясь, что ихъ ограбятъ, если они останутся. Тутъ шелъ человѣкъ съ мрачнымъ лицомъ и судорожно сжималъ въ рукѣ банковый билетъ; тамъ женщина ломала руки и плакала. Настоящій стонъ стоялъ по городу, покрывая обычный его шумъ. Объяснялось это тѣмъ, что мѣстный банкъ прекратилъ свои платежи. Сангвиники расхаживали по улицамъ и разсказывали всѣмъ встрѣчнымъ, что это лишь временное затрудненіе и что въ концѣ концовъ всѣ будутъ удовлетворены. Пессимисты говорили: „кризисъ еще только начинается, нельзя сказать, на чемъ это остановится и всѣ мы погибнемъ“. Ни тѣ,

ни другіе не знали толкомъ, ни въ чемъ дѣло, ни какъ пособить бѣдѣ. Торговля остановилась совсѣмъ: никто ничего почти не покупалъ и не продавалъ, такъ какъ звонкой монеты почти не было,—вся она ушла за океанъ,а на банковые билеты поселяне взирали со страхомъ, какъ будто боясь, что она обожжетъ имъ руки; они считали, что безопаснѣе всего убраться во свояси, не путаясь ни въ какую продажу. Между тѣмъ, всѣ тѣ, у кого лежали деньги въ банкѣ, бѣжали туда, чтобы взять ихъ обратно. Этотъ натискъ въ банки охватывалъ округъ за округомъ и, наконецъ, дошелъ до Лондона. Улица Ломбартъ-Стритъ была наполнена комерсантами, которые стояли тутъ, дожидаясь извѣстій о новыхъ крушеніяхъ, или людьми, спѣшившими къ своимъ банкирамъ вынимать свои деньги. То была пора, служившая хорошимъ пробнымъ камнемъ для мужества и честности, для великодушія и твердости характера. Бодрость, веселость и жизнь на распашку, дѣлавшія Англію всего годъ тому назадъ такимъ пріятнымъ мѣстопребываніемъ, теперь исчезли безслѣдно: на мѣсто ихъ явились подозрительность, съ которою кредиторы и заимодавцы взирали другъ на друга, ежедневное опасеніе новыхъ роковыхъ вѣстей, нетерпѣливое ожиданіе газетъ, давка у почтовыхъ конторъ, ограниченіе роскоши, доведенной въ послѣднее время до крайнихъ размѣровъ, продажа экипажей, сокращеніе поѣздокъ на морскія купанья, подписокъ въ библіотекахъ для чтенья, концертовъ— а подъ часъ и смиренное упрашиванье прислуги, чтобы она подождала своего жалованья. Фабриканты безутѣшно взирали на переполненные склады товаровъ и каждые 1000 ф. ст., помѣщенные въ товарахъ, цѣнили теперь всего въ 500 ф. ст. Вдовы и сироты, существовавшія на небольшой капиталъ, напрасно дожидались выдачи причитающихся имъ процентовъ, и такъ какъ онѣ до сихъ поръ жили на чистыя деньги, то теперь, вынужденные перебиваться болѣе или менѣе долгое время совсѣмъ безъ денегъ, онѣ не знали, что дѣлать со счетами, которыми ихъ преслѣдовали булочники и мясники. Молодыя парочки, готовившіяся отпраздновать этою осенью свадьбу, печально глядѣли другъ другу въ лицо и сознавались, что теперь о свадьбѣ нечего и думать. Но еще худшее было впереди. 5-го декабря рухнула банкирская фирма сэръ Питера Поля и К°, а 17 декабря—фирма Уильямсъ и К°, вслѣдъ за тѣмъ обанкротилось множество провинціальныхъ фирмъ. Съ этого момента крушеніе торговыхъ домовъ продолжалось безпрерывно: въ теченіе 5 или 6 недѣль отъ 60 до 70 банковъ прекратили платежи.

Теперь весь вопросъ былъ въ томъ, откуда достать денегъ, чтобы просуществовать со дня на день, вопросъ, который подразумѣвалъ въ себѣ судьбу рабочихъ классовъ въ теченіе зимы. Цѣлымъ милліонамъ людей, повидимому, ничего болѣе не оставалось, какъ умереть съ голоду, если не удастся хоть сколько нибудь пустить торговлю въ ходъ. Въ случаѣ, еслибы этому застою въ дѣлахъ не былъ положенъ скорый конецъ, даже люди, обладавшіе кое-какимъ

имуществомъ, неизбѣжно должны были впасть въ нужду, такъ какъ продать это имущество не было возможности. Дома закладчиковъ были набиты всякимъ добромъ сверху до низу, такъ что не могли болѣе вмѣщать вещей, приносимыхъ въ нихъ для залога, да еслибы и нашлось мѣсто для этихъ вещей, то вкладчики не могли бы принимать ихъ, потому что денегъ и у нихъ вскорѣ стало такъ же мало, какъ и у другихъ.

При такихъ обстоятельствахъ время терять было нечего и надо было поскорѣе измыслить какія нибудь средства. Директора банка, отъ которыхъ требовали, чтобы они поддержали торговое сословіе щедрымъ дисконтированіемъ и этимъ возстановили бы кредитъ, объявили канцлеру казначейства, что они не въ состояніи дать необходимыя для этого деньги при такомъ затруднительномъ положеніи, какъ теперешнее, такъ какъ по случаю истеченія четверти года свидѣтельства казначейства подлежатъ изъятію изъ обращенія и замѣнѣ новыми, а публика, напуганная непрерывнымъ паденіемъ бумагъ, требуетъ вмѣсто новыхъ свидѣтельствъ звонкой монеты. Кромѣ того, директора требовали отъ министерства обратно тѣхъ ссудъ, которыя были сдѣланы банкомъ правительству. Само казначейство очутилось, такимъ образомъ, въ затрудненіи; для консолидированья своихъ свидѣтельствъ оно не имѣло времени, такъ какъ для превращенія текущаго долга въ консолидированный потребовалось бы разрѣшеніе парламента, а парламентъ былъ въ то время распущенъ.

Министры поспѣшили къ королевѣ, совѣщались день и ночь и, наконецъ, рѣшились принять быстрыя и энергичныя мѣры для устраненія бѣдствія.

Рѣшено было разрѣшить банку выпускъ билетовъ въ одинъ и въ два фунта. Монетный дворъ долженъ былъ работать денно и нощно такъ быстро, какъ только допускали его машины, надъ чеканкою новыхъ совереновъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль ихъ вычеканивалось ежедневно отъ 100,000 до 150,000 штукъ. Уже десять дней спустя послѣ банкротства фирмы Поль и К° билеты въ 1 и въ 2 фунта уже были выпущены въ обращеніе внутри страны. Такъ какъ англійскій банкъ сверхъ того получилъ обратно отъ Ротшильда сумму въ 300,000 совереновъ и одновременно съ этимъ пришли значительныя получки деньгами изъ Голландіи и изъ другихъ странъ, то банкъ оказался наконецъ въ состояніи снова облегчить свой дисконтъ и противупоставить, такимъ образомъ, плотину дальнѣйшему дѣйствію разрушительнаго потока.

Эти быстрыя и дѣйствительныя мѣры нѣсколько пріободрили общее настроеніе. Въ то же время корпораціи купцовъ хлопотали о возстановленіи довѣрія посредствомъ митинговъ, на которыхъ снова и снова произносились рѣчи съ цѣлью успокоенія паники. Къ концу года,—года, начавшагося такими радужными надеждами, нація снова начала вѣрить, что ей такъ или иначе удастся перемочь тяжелую годину и зарекалась со всею отчаянною рѣшимостью, свойственною такимъ критическимъ минутамъ, что, только бы ей выбиться изъ на-

эти старые запасы попали на рынокъ, гдѣ они неизбѣжно должны были сбить цѣны.

Самъ Нольтъ, который вначалѣ, судя по его словамъ, правильно понялъ положеніе, теперь поддался духу спекуляціи, все еще продолжавшему свирѣпствовать въ Новомъ Орлеанѣ, не взирая на то, что въ Ливерпулѣ, съ вышеупомянутой продажей настал поворотъ; не взирая на свое болѣе ясное пониманіе дѣла и свои благія намѣренія, онъ пустился въ дальнѣйшія обширныя спекуляціи, расчитанныя па повышеніе, и этимъ раззорился въ конецъ. Такова была участь и многихъ другихъ.

Въ началѣ 1826 г. англійскій парламентъ былъ призванъ рѣшить вопросъ, насколько недостатки законодательства виновны въ происшедшемъ кризисѣ и на сколько повтореніе подобнаго кризиса можетъ быть предотвращено соотвѣтствующими законодадательными распоряженіями.

Изслѣдованіе показало, прежде всего, что выпускъ билетовъ провинціальными банками болѣе, чѣмъ вдвое превышалъ сумму билетовъ, выпущенныхъ въ 1823 г.: съ 4.000,000 ф. ст. сумма эта возросла до 11.000,000 ф. ст. Одновременно съ этимъ и англійскій банкъ умножилъ выпускъ своихъ билетовъ. Въ виду этихъ фактовъ, парламентъ, по предложенію правительства, постановилъ, чтобы билеты въ одинъ и въ два фунта были вовсе отмѣнены, кромѣ того было постановлено учредить во всѣхъ главнѣйшихъ торговыхъ городахъ Англіи отдѣленія англійскаго банка. Этими мѣрами надѣялись возстановить въ мелкихъ торговыхъ сношеніяхъ и среди рабочаго населенія обращеніе звонкой монеты и это удалось. Лишь въ продолженіе переходнаго періода, въ избѣжаніе недостатка въ денежныхъ знакахъ, англійскимъ банкомъ были выпущены билеты на мелкія суммы. Запрещеніе выпуска не было распространено на Шотландію, гдѣ банки, не взирая на меньшее количество ограниченій въ ихъ статутахъ, держались твердо за всѣ предшествующіе годы. Другою предохранительною мѣрою было расширеніе англійскаго банка особыми отдѣленіями для заклада имуществъ. Для этой цѣли было назначено 3.000,000 ф. ст., которые долженствовали выдаваться подъ залогъ товаровъ. Банкъ отряжалъ отъ себя особыхъ агентовъ, на обязанности которыхъ лежало устройство подобныхъ отдѣленій во всѣхъ главнѣйшихъ торговыхъ городахъ. Мѣра эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, не взирая на то, что само правительство было тогда того мнѣнія, что государству не слѣдуетъ вмѣшиваться въ торговые кризисы. Какъ скоро предпріятія, опиравшіяся исключительно на кредитъ, рухнули и неизбѣжныя потери были эсконтированы, вышеупомянутыя мѣры стали встрѣчаться съ большимъ довѣріемъ. Одной увѣренности, что въ банкѣ можно достать денегъ, достаточно было, чтобы деньги, попрятавшіяся было по разнымъ угламъ, снова понахлынули на рынкахъ со всѣхъ сторонъ, такъ что, подъ-конецъ, кассамъ банка, устроеннымъ для выдачи ссудъ подъ залогъ товаровъ, почти нечего было дѣлать.

представить все это количество хлопка понадобившимся для фабричнаго потребленія. Такой спросъ, исходившій отъ одной фирмы, не могъ имѣть, правда, такого значѐнія, какъ еслибы закупка въ тѣхъ же размѣрахъ была сдѣлана десятью, двадцатью домами, такъ какъ послѣдніе, конечно, закупали бы лишь для годоваго потребленія, слѣдовательно скорѣе имѣли бы надобность запастись хлопкомъ снова, между тѣмъ какъ упомянутая фирма запасалась на три года. Тѣмъ неменѣе, этотъ внезапный большой спросъ произвелъ сильное впечатлѣніе на рынкѣ, гдѣ, въ особенности, въ то время, были склонны перецѣнивать значеніе обстоятельствъ этого рода. Хотя такой усиленный спросъ не коренился ни въ какой дѣйствительной потребности текущаго потребленія, тѣмъ не менѣе спекулянты, которые въ то время постоянно пронюхивали, не встрѣтится ли какого-нибудь новаго сочетанія обстоятельствъ, сулящаго наживу, усиленно набросились на этотъ товаръ, чтобы поднять его цѣну до неимовѣрной высоты. Винцентъ Нольтъ, который самъ былъ замѣшанъ въ этой торговлѣ, даетъ намъ въ своихъ „воспоминаніяхъ изъ жизни бывшаго купца“ слѣдующій очеркъ своего собственнаго участія въ этой спекуляціи, — очеркъ до того характерно изображающій всю рискованную процедуру подобной спекулятивной гонки, что наше собственное описаніе значительно выиграетъ въ полнотѣ отъ этого заимствованія.

„Прибывъ въ Ливерпуль, говоритъ Нольтъ, куда я заѣхалъ на возвратномъ пути въ Соединенные Штаты, я нашелъ всю мѣстную биржу, какъ это обыкновенно тамъ бываетъ осенью, погруженною въ разсчеты и соображенія о вѣроятномъ положеніи хлопчотобумажнаго рынка къ концу года. Извѣстіямъ объ истощеніи запасовъ въ атлантическихъ гаваняхъ никто не хотѣлъ вѣрить; высчитывали, что остатки старой жатвы и первыя самыя раннія закупки новой жатвы дадутъ съ 1-го октября до конца года въ общей сложности до 25,000 тюковъ. Изъ этого выводили, что запасы американскаго хлопка въ Англіи, принимая въ разсчетъ тогдашній размѣръ потребленія, составятъ къ концу года 200,000 тюковъ. На мой вопросъ: а что будетъ, если запасъ окажется не болѣе, какъ въ 100,00 тюковъ, мнѣ отвѣчали единодушнымъ убѣжденіемъ, что тогда цѣна разомъ поднимется по меньшей мѣрѣ на одинъ пенни съ фунта, слѣдовательно на 15—20 процентовъ.

„Я уѣхалъ изъ Ливерпуля и прибылъ въ Нью-Іоркъ около половины ноября. На основаніи тѣхъ извѣстій, которыя я нашелъ тамъ изъ южныхъ пристаней, занимавшихся отправкою хлопка, и съ помощью списка, въ которомъ съ точностью были обозначены всѣ отправки, произведенныя въ предшествующій промежутокъ времени, я убѣдился, что вмѣсто ожидаемаго въ Ливерпулѣ подвоза въ 150,000 тюковъ отъ старой жатвы, за октябрь и ноябрь мѣсяцы не было отправлено и 30,000 тюковъ, а декабрь не дастъ и 20,000 тюковъ. Я поспѣшилъ въ Новый Орлеанъ. Тутъ я нашелъ два корабля въ рукахъ моего

торговаго дома; они были нагружены хлопкомъ за чужой счетъ, по $11^1/_2$ и по 12 центовъ. Одновременно съ этими кораблями мы отправили судно съ 900 тюками, купленными за нашъ собственный счетъ. Стремленіе къ повышенію цѣнъ не высказывалось опредѣленно, но признакомъ близкаго повышенія являлась готовность, съ которою соглашались на запрашиваемыя цѣны. Поэтому я рѣшилъ купить еще 1,000 тюковъ за свой собственный счетъ и держать ихъ въ складѣ. Цѣны измѣнялись мало, и я погрузилъ и отправилъ еще одинъ корабль съ хлопкомъ за свой собственный счетъ. Я расчиталъ, что свѣдѣнія о запасахъ американскаго хлопка, какія окажутся въ Ливерпулѣ къ концу года, придутъ къ намъ около половины февраля, если пакеботы, совершающіе регулярные рейсы между Ливерпулемъ и Нью-Іоркомъ, не испытаютъ задержекъ на пути. Я обладалъ заранѣе увѣренностью, которой не могли имѣть въ Ливерпулѣ, что запасы эти составятъ не болѣе 100,000 тюковъ. Еще 12 февраля, волнуемый опасеніемъ, что извѣстіе о точномъ положеніи Ливерпульскихъ запасовъ къ концу года можетъ придти съ минуты на минуту и застигнуть насъ врасплохъ, я не утерпѣлъ и отправилъ нашего прикащика, Ферридэя, который обыкновенно производилъ наши закупки со свойственнымъ ему веселымъ благодушіемъ, въ предмѣстья, гдѣ производятся всѣ сдѣлки по торговлѣ хлопкомъ и сказалъ ему, чтобы онъ отнюдь не возвращался оттуда съ пустыми руками и закупилъ по меньшей мѣрѣ 1,500 тюковъ по текущимъ цѣнамъ за счетъ нашего дома. Послѣднее мое наставленіе ему было: „Не торгуйтесь изъ за пустяковъ и покупайте“. Онъ исполнилъ мое порученіе и 2,000 тюковъ было закуплено.

„Два дня спустя, 14 февраля, быстро ходящая шкуна, отправленная нашими друзьями, двумя квакерскими фирмами Франсисъ Томпсонъ съ племянниками и Іеремія Томпсонъ, въ Нью-Іоркѣ, привезла мнѣ извѣстіе о заключеніи хлопчатобумажнаго рынка въ Ливерпулѣ 31-го декабря 1824 г. Вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ пришло порученіе купить по текущимъ цѣнамъ 10,000 тюковъ хлопка за счетъ упомянутыхъ фирмъ и гг. Кроппера, Бенсона и К° въ Ливерпулѣ. Запасъ американскаго хлопка въ Ливерпулѣ оказался точь въ точь такимъ, какъ я ожидалъ: онъ не превышалъ 100,000 тюковъ и непосредственное дѣйствіе такой необычайной скудости запаса на цѣны оправдало предсказаніе свѣдущихъ людей. Цѣны разомъ поднялись, на первыхъ порахъ на 1 пенни,—на нашемъ Нью-Орлеанскомъ рынкѣ это отозвалось на первыхъ порахъ повышеніемъ въ три цента. Всякій, кто занимался торговлею хлопка и былъ очевидцемъ этого замѣчательнаго 1825 года, помнитъ головокруженіе, охватившее всѣхъ спекулянтовъ, сначала въ Англіи, а за тѣмъ, неизбѣжнымъ рикошетомъ, и въ Америкѣ. Не взирая, однако, не легко воспламеняющійся характеръ моихъ соотечественниковъ по второй родинѣ, повышеніе цѣнъ въ американскихъ пристаняхъ шло не совсѣмъ въ ногу со спекулятивнымъ увлеченіемъ въ Ливерпулѣ; между

тѣмъ, какъ въ послѣднемъ, цѣны поднялись на 110%, въ Соединенныхъ Штатахъ онѣ поднялись только на 85%. Бо̀льшую часть нашихъ собственныхъ мѣстныхъ запасовъ мы обратили въ деньги. При-этомъ мы выиграли 60,000 долларовъ, а за первую партію въ 980 тюковъ, отправленную въ Ливерпуль съ бригомъ „Океанъ", капитанъ Бондъ, мы получили отъ дома Кроппера счетъ, по которому оказалось, что барышъ нашъ при продажѣ этой партіи составилъ громадную сумму въ 11,460 ф. ст. Кромѣ доли, въ партіяхъ, отправленныхъ сообща съ гг. Кропперомъ и Томпсонами въ Нью-Іоркѣ, мы имѣли еще двѣ партіи прибывшія въ Ливерпуль десять дней спустя послѣ отправки вышеупомятой въ 980 тюковъ. Эти послѣднія партіи стоили около 10% дороже и гг. Кропперъ могли бы, если бы захотѣли, обратить ихъ въ деньги по той же цѣнѣ, но они сочли за лучшее отказаться отъ громаднаго барыша въ 80%, такъ какъ они надѣялись удержаніемъ товара, въ союзѣ съ безмолвной коалиціей остальныхъ торговцевъ хлопкомъ, вогнать цѣны еще выше".

Далѣе Нольтъ разсказываетъ, какъ хлопокъ продолжалъ повышаться до чудовищныхъ размѣровъ, но какъ одновременно съ этимъ росло и нерасположеніе хозяевъ прядильныхъ фабрикъ покупать его; какъ коалиція спекулянтовъ, чтобы отсрочить по возможности неизбѣжное послѣдствіе этого нерасположенія—паденіе цѣнъ,—все еще продолжала дѣлать подъ рукою новыя закупки или же старались заманить новыхъ покупщиковъ; какъ, не взирая на это, Манчестерскія прядильни, въ виду громадныхъ цѣнъ, пришли, наконецъ, къ рѣшенію вовсе прекратить закупки; какъ, вслѣдствія этого рѣшенія, бумагопрядильное дѣло цѣлый мѣсяцъ стояло; какъ наиболѣе проницательные люди стали замѣчать всю ненадежность зданія, воздвигнутаго спекуляціей, такъ какъ монопольныя цѣны ни въ какомъ случаѣ не могутъ имѣть прочнаго основанія, и какъ, наконецъ, большой шотландскій домъ, Джемсъ и Александеръ Денистаунъ и К° въ Гласговѣ, по основательномъ обсужденіи положенія дѣлъ и по инціативѣ своего главы, Джемса Денистауна, состоявшаго въ то время предсѣдателемъ Шотландскаго Банка, распорядился продать 5,000 тюковъ, полученныхъ этимъ домомъ изъ Новаго Орлеана, по цѣнѣ, пониженной на $2^1/_2$—$3^3/_4$ пенса.

Домъ этотъ распорядился такимъ образомъ недаромъ. Ему было извѣстно и онъ принялъ въ соображеніе, что непомѣрныя цѣны на хлопокъ успѣли вызвать подвозъ его со всѣхъ концовъ земного шара и что объ эти подвозы должны были разбиться всѣ прежде сдѣланные разсчеты. Изъ Бразиліи, гдѣ средній годовой сборъ хлопка въ теченіе пяти лѣтъ высчитывали не выше 145,000 тюковъ, вдругъ явилось какъ разъ двойное количество—350,000 тюковъ. Дѣло въ томъ, что богатые и упрямые плантаторы изъ года въ годъ оставляли часть сбора у себя, если цѣны казались имъ не достаточно высокими, а теперь всѣ

эти старые запасы попали на рынокъ, гдѣ они неизбѣжно должны были сбить цѣны.

Самъ Нольтъ, который вначалѣ, судя по его словамъ, правильно понялъ положеніе, теперь поддался духу спекуляціи, все еще продолжавшему свирѣпствовать въ Новомъ Орлеанѣ, не взирая на то, что въ Ливерпулѣ, съ вышеупомянутой продажей насталъ поворотъ; не взирая на свое болѣе ясное пониманіе дѣла и свои благія намѣренія, онъ пустился въ дальнѣйшія обширныя спекуляціи, расчитанныя на повышеніе, и этимъ раззорился въ конецъ. Такова была участь и многихъ другихъ.

Въ началѣ 1826 г. англійскій парламентъ былъ призванъ рѣшить вопросъ, насколько недостатки законодательства виновны въ произошедшемъ кризисѣ и на сколько повтореніе подобнаго кризиса можетъ быть предотвращено соотвѣтствующими законодадательными распоряженіями.

Изслѣдованіе показало, прежде всего, что выпускъ билетовъ провинціальными банками болѣе, чѣмъ вдвое превышалъ сумму билетовъ, выпущенныхъ въ 1823 г.: съ 4.000,000 ф. ст. сумма эта возросла до 11.000,000 ф. ст. Одновременно съ этимъ и англійскій банкъ умножилъ выпускъ своихъ билетовъ. Въ виду этихъ фактовъ, парламентъ, по предложенію правительства, постановилъ, чтобы билеты въ одинъ и въ два фунта были вовсе отмѣнены, кромѣ того было постановлено учредить во всѣхъ главнѣйшихъ торговыхъ городахъ Англіи отдѣленія англійскаго банка. Этими мѣрами надѣялись возстановить въ мелкихъ торговыхъ сношеніяхъ и среди рабочаго населенія обращеніе звонкой монеты и это удалось. Лишь въ продолженіе переходнаго періода, въ избѣжаніе недостатка въ денежныхъ знакахъ, англійскимъ банкомъ были выпущены билеты на мелкія суммы. Запрещеніе выпуска не было распространено на Шотландію, гдѣ банки, не взирая на меньшее количество ограниченій въ ихъ статутахъ, держались твердо за всѣ предшествующіе годы. Другою предохранительною мѣрою было расширеніе англійскаго банка особыми отдѣленіями для заклада имуществъ. Для этой цѣли было назначено 3.000,000 ф. ст., которые долженствовали выдаваться подъ залогъ товаровъ. Банкъ отряжалъ отъ себя особыхъ агентовъ, на обязанности которыхъ лежало устройство подобныхъ отдѣленій во всѣхъ главнѣйшихъ торговыхъ городахъ. Мѣра эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, не взирая на то, что само правительство было тогда того мнѣнія, что государству не слѣдуетъ вмѣшиваться въ торговые кризисы. Какъ скоро предпріятія, опиравшіяся исключительно на кредитъ, рухнули и неизбѣжныя потери были эсконтированы, вышеупомянутыя мѣры стали встрѣчаться съ большимъ довѣріемъ. Одной увѣренности, что въ банкѣ можно достать денегъ, достаточно было, чтобы деньги, попрятавшіяся было по разнымъ угламъ, снова понахлынули на рынкахъ со всѣхъ сторонъ, такъ что, подъ-конецъ, кассамъ банка, устроеннымъ для выдачи ссудъ подъ залогъ товаровъ, почти нечего было дѣлать.

Такимъ образомъ былъ пережитъ кризисъ; но и до сихъ поръ еще живы люди, съ горестью вспоминающіе объ этой порѣ, когда молодые здоровые люди сѣдѣли въ одну какую-нибудь недѣлю, когда любящія четы вынуждены бывали разстаться наканунѣ свадьбы, когда молодыя дѣвушки, выросшія въ счастьи и довольствѣ, покидали родительскій кровъ, чтобы сдѣлаться гувернантками или швеями, когда сотни и тысячи людей принуждены были протягивать руку за подаяніемъ.

Безработица, немедленно послѣдовавшая за кризисомъ, вызвала и на этотъ разъ то же глубокое потрясеніе соціальнаго организма, какое мы уже видѣли въ 1816 году. Во всѣхъ частяхъ государства и почти во всѣхъ категоріяхъ рабочихъ происходили бунты, подавленіе которыхъ нерѣдко производилось силою оружія и стоило пролитія крови. Одновременно съ этимъ, болѣе, чѣмъ когда-либо усиливалась эмиграція, которой суждено было двадцать лѣтъ спустя принять, въ особенности въ Ирландіи, характеръ настоящаго переселенія народовъ.

VIII.

Кризисы 1814, 1837 и 1839 гг. въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

Исторія раннихъ американскихъ кризисовъ тѣсно связана съ исторіею американскихъ банковъ. Соединенные Штаты Америки, уже вскорѣ по возникновеніи своемъ, какъ англійской колоніи, начали выпускать бумажныя деньги. Во время войны за освобожденіе конгрессъ усилилъ этотъ выпускъ до громадной суммы въ 160,000,000 долларовъ, такъ что послѣдствіемъ этого было государственное банкротство и эти бумажныя деньги впослѣдствіи могли быть погашены лишь въ размѣрѣ одного процента.

Послѣ того, какъ въ 1780 году былъ основанъ первый банкъ Соединенныхъ Штатовъ въ Пенсильваніи, въ 1782 году выступилъ на сцену „сѣверо-американскій банкъ“ съ капиталомъ въ 10,000,000 долларовъ и 40,000,000 долларовъ.

Послѣ вышеупомянутаго банкротства и вслѣдствіе принятія конституціи Соединенныхъ Штатовъ выпускъ государственныхъ бумажныхъ денегъ былъ отмѣненъ и золотыя и серебряныя деньги были объявлены единственною монетою съ обязательнымъ курсомъ. Такъ какъ эта мѣра произвела ощутительный недостатокъ въ денежныхъ знакахъ, то сѣверо-американскій банкъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы умножить свои билеты на значительныя суммы. Такъ какъ масса бумажныхъ денегъ, снова получившая такимъ образомъ пре-

обладаніе и начавшая вытѣснять звонкую монету, причинила много неудобствъ въ торговлѣ и вызвала много жалобъ конгрессу, то послѣдній разрѣшилъ въ 1790 г. основаніе національнаго банка. Это учрежденіе подъ названіемъ „Банкъ Соединенныхъ Штатовъ“ и съ капиталомъ въ 10,000,000 долларовъ, изъ которыхъ центральное правительство дало 2,000,000, открыло свои дѣйствія въ 1794 г. Въ 1809 концессія долженствовала быть возобновлена и капиталъ — быть возвышенъ до 3,000,000. Концессія эта, однако же, не была утверждена вслѣдствіе сопротивленія отдѣльныхъ штатовъ и національный банкъ снова прекратилъ свое существованіе.

Банки эти выплачивали значительные дивиденды; кромѣ того, за періодъ ихъ существованія было замѣчено значительное повышеніе недвижимой собственности, вслѣдствіе ли того, что они оживленіемъ торговли дѣйствительно подняли цѣну поземельной собственности, или же потому, что черезмѣрный выпускъ бумажныхъ денегъ вызвалъ искусственное вздорожанье. Все это возбудило алчность значительной части населенія отдѣльныхъ штатовъ, такъ что въ короткое время возникло громадное число ассигнаціонныхъ банковъ и къ первому января 1811 г. ихъ насчитывалось, кромѣ національнаго банка, 88. Такъ какъ каждая война поглощаетъ значительное количество денегъ и, кромѣ того, много серебряныхъ долларовъ было отвлечено торговлею въ Индію и Китай, то ассигнаціонные банки начали злоупотреблять выпускомъ своихъ бумажныхъ денегъ; они, казалось, принимали свои станки для печатанья ассигнацій за золотыя розсыпи и такъ какъ они, съ цѣлью пристроить создаваемыя ими новыя бумажныя цѣнности, очень сговорчиво и щедро расточали кредитъ, выдавая безъ всякихъ затрудненій значительныя ссуды нетолько купцамъ и фабрикантамъ, но и сельскимъ хозяевамъ и ремесленнникамъ [1]), то имъ удалось вскорѣ

[1]) Трудно понять, что́ хочетъ сказать авторъ этимъ «*не только* купцамъ и фабрикантамъ, *но и* сельскимъ хозяевамъ и ремесленникамъ». По смыслу фразы выходитъ, какъ будто кредитъ, который ограничился бы *только* купцами и фабрикантами, представлялъ бы болѣе гарантій прочности, чѣмъ тотъ, который обезпечивался земледѣльческою производительностью сельскихъ хозяевъ и трудомъ ремесленниковъ. Но вся книга автора блистательно доказываетъ, насколько спекуляціи торговыхъ людей и фабрикантовъ могутъ сами по себѣ считаться дѣломъ болѣе солиднымъ, чѣмъ спекуляціи всякихъ другихъ искателей легкой, быстрой и нетрудовой наживы. Тутъ дѣло въ самомъ духѣ своекорыстія и наживы; пока этотъ духъ царитъ съ своимъ неизмѣннымъ девизомъ «après moi le déluge» и пока онъ, проникая собою всѣ отправленія производительной дѣятельности человѣчества, вытѣсняетъ изъ нихъ всякія соображенія нравственности и болѣе возвышенные стимулы дѣятельности, рѣшительно безразлично изъ какихъ спеціальныхъ своекорыстій будутъ слагаться конечные результаты его дѣятельности. Спекулянтъ-фермеръ или ремесленникъ не лучше и не хуже спекулянта фабриканта или купца. *Прим. перев.*

снискать себѣ полное расположеніе публики. Кажущійся блестящій успѣхъ, котораго достигли эти банки, какъ съ точки зрѣнія выгоды своихъ акціонеровъ, такъ и съ точки зрѣнія удобствъ публики, вызвалъ спекуляцію, которая такъ-таки прямо и сосредиточивалась исключительно на банковыхъ аферахъ и нѣкоторое время имѣла такой успѣхъ и такъ умѣла раздуть свои размѣры, что въ Пенсильваніи, напримѣръ, ей удалось въ теченіе однѣхъ только сессій законодательнаго собранія 1812—1813 г. получить концессіи на основаніе 24 ассигнаціонныхъ банковъ съ капиталомъ 9,524,000 дол., а въ слѣдующемъ же году заручиться 41 новыми концессіями, съ капиталомъ въ 17,000,000 долларовъ. Такъ какъ эти банки въ своихъ операціяхъ не соблюдали почти никакихъ границъ, въ особенности же очень усердно занимались тотчасъ же по своемъ основаніи выдачею своихъ собственныхъ акцій въ ссуду и вообще всячески старались навязывать свои бумажныя деньги публикѣ, то бумаги ихъ неизбѣжно должны были вскорѣ пасть въ цѣнѣ. Вслѣдствіе этого для римессовъ, отправляемыхъ въ Европу, требовалась исключительно звонкая монета. Владѣльцы билетовъ начали осаждать банки, требуя себѣ также уплаты звонкою монетою, и такъ какъ это движеніе вскорѣ возросло со всею стремительностью бурнаго потока, то банки нашлись, наконецъ, вынужденными въ августѣ 1814 г. пріостановить платежи наличными деньгами. Только банки новой Англіи составили исключеніе, потому что тамошнее законодательство, угрожавшее денежными штрафами за отказъ отъ уплаты по билетамъ, вынуждало ихъ быть осторожнѣе. Но вышеупомянутая пріостановка платежей, вмѣсто того, чтобы положить конецъ спекулятивной горячкѣ, усилила ее еще болѣе. Не взирая на то, что билеты филадельфійскаго банка, напримѣръ, пали до 80°/₀, а билеты поземельныхъ банковъ до 75 и 50°/₀, а звонкая монета до такой степени исчезла изъ обращенія, что даже мелкую монету пришлось замѣнить отчасти бумажными деньгами,—опрометчивыя операціи банковъ все-таки не прекращались; во многихъ изъ нихъ, какъ разсказываютъ, ссуды просто навязывались публикѣ. Въ то же время цѣны на товары и на земли возросли до громадныхъ размѣровъ и люди считали себя обладателями несметныхъ богатствъ, которыя, между тѣмъ, были чистою фикціею. Все населеніе было вовлечено черезъ это въ спекуляціи и въ займы, роскошь возрасла до чрезвычайныхъ размѣровъ и еще выше подняла цѣны. Не взирая на усиленное потребленіе, коммерсанты, занимавшіеся ввозомъ товаровъ, все-таки перецѣнили спросъ и завалили рынокъ европейскими товарами. При громадномъ числѣ ассигнаціонныхъ банковъ, фабрикантамъ фальшивыхъ ассигнацій было раздолье и день ото дня становилось труднѣе отличить настоящія ассигнаціи отъ фальшивыхъ. Это положеніе дѣлъ продолжалось и по возстановленіи мира, и банки лишь въ 1818 г. возобновили, повидимому, свои платежи. Въ 1816 г. былъ снова основанъ на правительственныхъ основаніяхъ національный банкъ подъ названіемъ „Банкъ

Соединенныхъ Штатовъ". Капиталъ его простирался до 35,000,000 долларъ., изъ которыхъ центральное правительство подписалось на 5,000,000. Билеты этого банка принимались во всѣхъ государственныхъ кассахъ какъ чистыя деньги. Его ассигнаціи до суммы въ 100 долларовъ включительно подлежали немедленной оплатѣ по предъявленіи, большія же суммы долженствовали оплачиваться не позже 60-ти дневнаго срока. Такъ какъ не весь акціонерный капиталъ этого банка былъ взнесенъ чистыми деньгами, то банкъ, прежде чѣмъ приступить къ регулярнымъ своимъ операціямъ, искалъ прежде всего обезпечить себя достаточнымъ количествомъ звонкой монеты и черезъ своихъ агентовъ скупилъ въ Европѣ болѣе 7,000,000 долларовъ, причемъ понесъ потерю въ полъ-милліона слишкомъ. Между тѣмъ акціи его сдѣлались предметомъ чудовищнаго ажіотажа и, чтобы поднять искусственно ихъ курсъ, значительная часть капитала банка была роздана въ ссуды подъ залогъ его же собственныхъ акцій. Тотчасъ же по открытіи своихъ правильныхъ операцій, банкъ Соединенныхъ Штатовъ пустилъ въ обращеніе и свои билеты. Наконецъ, въ 1818 г., шаткое сооруженіе не могло долѣе держаться; банкамъ ничего болѣе не оставалось, какъ выбирать между ликвидаціею и сокращеніемъ количества своихъ билетовъ, находящихся въ обращеніи. Правда, послѣднее удалось имъ, и иниціативу въ этомъ принялъ банкъ Соединенныхъ Штатовъ. Но послѣдствіемъ такой мѣры было значительное паденіе цѣнъ, а это повлекло за собою банкротство многихъ купцовъ, занимавшихся ввозомъ иностранныхъ товаровъ, а также фабрикантовъ, сельскихъ хозяевъ и землевладѣльцевъ. Многіе несчастные кредиторы потеряли плодъ многолѣтней работы и многіе превосходные работники вынуждены были, какъ гласитъ отчетъ комитета, учрежденнаго сенатомъ Пенсильваніи, отъ 29 января 1820 г., промѣнять родной кровъ на негостепріимные лѣса дальняго запада. Вынужденныя продажи запасовъ, товаровъ и домашняго скарба производились въ убытокъ, и многія семейства принуждены были отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ. Деньги и кредитъ становились до такой степени рѣдки, что невозможно было получить ссуду подъ самую надежную земельную ипотеку. Работа и заработокъ прекратились, и лучшіе изъ гражданъ были доведены до нищеты и отчаянья. Торговля ограничивалась необходимѣйшими жизненными потребностями. Фабричныя машины и зданія стояли праздно. Продукты промышленности попадали въ руки ростовщиковъ. Долговыя тюрьмы переполнились, и на общинахъ лежало прокормленіе заключенныхъ въ нихъ неисправныхъ должниковъ. Суды были завалены жалобами, и самыя хозяйства едва въ состояніи были сколачивать деньги необходимыя для покрытія потребностей жизни со дня на день.

Печальный опытъ 1818 г. вызвалъ въ правленіи банка Соединенныхъ Штатовъ полезныя перемѣны, такъ что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣятельность его вращалась въ предѣлахъ солидныхъ предпріятій. Но уже къ концу

двадцатыхъ годовъ неурядица началась съизнова, такъ что тогдашній президентъ, Джексонъ, въ своихъ годичныхъ посланіяхъ 1829 и 1833 гг. счелъ нужнымъ высказаться въ очень энергичныхъ выраженіяхъ противъ системы бумажныхъ денегъ, поддерживаемой банками и поощряющей необузданный духъ спекуляціи. Въ то время какъ разъ начиналась борьба противъ слишкомъ широкаго (latitudinarian) толкованія конституціи,—борьба, въ которой партія южанъ заходила такъ далеко, что самому существованію конституціи грозила опасность. Такъ какъ уже и въ то время въ основѣ всѣхъ этихъ несогласій пробивался вопросъ о невольничествѣ, то вожаки южанъ старались по возможности ограничить дѣйствіе союзной конституціи и оказывали энергичное сопротивленіе Сѣвернымъ штатамъ, которые настаивали на возможно широкомъ ея толкованіи сообразно съ потребностями времени. Южане говорили сѣверянамъ: вы имѣете лишь ту власть, которая вамъ дана опредѣленно выраженными постановленіями конституціи; никакого добавочнаго смысла вы не имѣете права вкладывать въ нее отъ себя.

Вопросъ о правѣ выпускать банковые билеты былъ однимъ изъ первыхъ, на которыхъ обѣ партіи помѣрялись силами. Сѣверяне, основываясь на аналогіи съ закономъ о звонкой монетѣ, хотѣли отстоять за союзомъ право выпускать и бумажныя деньги. Южане оспаривали правильность такого распространенія вышеупомянутаго закона. Имъ удалось склонить на свою сторону тогдашняго президента, не взирая на то, что онъ былъ предметомъ обожанія для демократическихъ массъ, и они такъ возстановили его противъ банка Соединенныхъ Штатовъ, что онъ отказался возобновить привиллегію этого банка. Чрезмѣрность выпуска непокрытыхъ билетовъ, которою мотивировался этотъ отказъ, хотя и могла казаться весьма вѣскимъ аргументомъ въ его пользу, была въ сущности не болѣе какъ предлогомъ; Джексону не было никакой необходимости уничтожить за одно съ злоупотребленіемъ и самое учрежденіе. Реформа закона о банкахъ и надлежащее ограниченіе полномочій директоровъ могли бы стольже дѣйствительно пресѣчь злоупотребленіе, чему примѣромъ могли служить другіе большіе банки въ Европѣ. Мѣра эта не лишила бы торговлю столь важнаго для нея учрежденія и не послужила бы поводомъ къ возникновенію множества маленькихъ, непрочныхъ банковъ; такимъ образомъ, англійскій и американскій торговый міръ не подвергся бы тѣмъ грандіознымъ плутнямъ, которыя впослѣдствіи производились какъ разъ подъ фирмою банка Соединенныхъ Штатовъ, сдѣлавшагося частнымъ учрежденіемъ.

Но мы забѣгаемъ впередъ въ своемъ разсказѣ, почерпнутомъ—и на этомъ мы особенно настаиваемъ—изъ источниковъ, благопріятныхъ Джексону и партіи Юга, а потому страдающихъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, нѣкоторымъ пристрастіемъ. Въ особенности со стороны президента неумѣстно было, какъ мы сейчасъ увидимъ, укорять основателей банка въ своекорыстныхъ мотивахъ: онъ и

безъ этого способа могъ бы отстаивать свои воззрѣнія. Правда, банковое дѣло было для него, повидимому, совершеннѣйшею terra incognita. Какъ бы то ни было, злоупотребленіе въ выпускѣ билетовъ ему не удалось пресѣчь уничтоженіемъ центральнаго банка. Въ своемъ прощальномъ посланіи, появившемся къ концу 1836 г. президентъ Джексонъ заявлялъ: „Изо всего содержанія конституціи, а также изо всей исторіи, породившей эту конституцію, явствуетъ, что цѣль основателей союза была — возстановить орудіе обмѣна, состоящее изъ благородныхъ металловъ. Поэтому, не только въ конституцію была включена статья, запрещающая выпускъ бумажныхъ денегъ отдѣльными штатами, но и было отвергнуто предложеніе облечь конгрессъ правомъ выдавать концессіи корпораціямъ,—предложеніе, которое, какъ въ то время всѣ очень хорошо понимали, клонилось къ учрежденію національнаго банка, съ полномочіемъ выпускать билеты подъ гарантіей капитала, имѣющаго образоваться изъ фондовъ, доставленныхъ правительствомъ. Но, послѣ того какъ предложеніе это было отвергнуто, приверженцы его достигли своей цѣли окольными путями, посредствомъ болѣе широкаго толкованія конституціи. „Долги сдѣланные нашей революціей, продолжалъ Джексонъ, были отверждены по цѣнамъ, которыя отнюдь не соотвѣтствовали номинальной стоимости облигацій и притомъ при такихъ обстоятельствахъ, которыя бросаютъ тѣнь на добросовѣстность побужденій нѣкоторыхъ изъ лицъ, участвовавшихъ въ проведеніи закона. Что цѣнность сказанныхъ бумагъ значительно была увеличена основаніемъ банка, что это повышеніе отлично предвидѣли заранѣе, и что нѣкоторые изъ защитниковъ самой мѣры при этомъ выиграли весьма почтенные куши,—все это факты, принадлежащіе исторіи того времени и умаляющіе то уваженіе, которое въ другихъ отношеніяхъ подобаетъ конгрессу, вызвавшему къ жизни это учрежденіе. По основаніи національнаго банка, въ интересѣ его кредиторовъ было, чтобы бумажныя деньги вытѣснили отовсюду золото. Вскорѣ цѣнность золотыхъ монетъ была такъ понижена, что нашли болѣе выгоднымъ вывозить ихъ, какъ предметъ торговли, въ чужія страны, чѣмъ удерживать ихъ дома и употреблять для денежнаго обращенія. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что банкъ, хотя и помимо намѣренія своихъ основателей, сдѣлался въ сущности замѣною монетнаго двора Соединенныхъ Штатовъ. Таково происхожденіе бумажныхъ денегъ національнаго банка, таково начало того зла, какимъ теперь оказываются быстро слѣдующіе одинъ за другимъ выпуски бумажныхъ денегъ различными банками отдѣльныхъ штатовъ. Хотя и невозможно измѣнить сразу какимъ-либо изъ доступныхъ намъ законодательныхъ средствъ систему, введенію которой благопріятствовали всѣ части страны, тѣмъ не менѣе, долгъ нашъ повелѣваетъ намъ сдѣлать все совмѣстимое съ конституціонными нашими обязательствами, чтобы предотвратить пагубныя послѣдствія, коими грозитъ намъ черезмѣрное распространеніе зла.

Что стремленіе творцовъ нашего государственнаго строя создать въ самой конституціи оплотъ противъ этого зла, было основано на вѣрномъ пониманіи дѣла, это могъ подтвердить намъ неоднократный печальный опытъ послѣдующаго времени. Тѣ же самыя причины, которыя побудили ихъ первоначально отказать конгрессу въ правѣ выдавать разрѣшенія на основаніе банковыхъ корпорацій, остаются въ еще большей силѣ и въ настоящее время и требуютъ отъ насъ величайшей дѣятельности въ прінсканіи средствъ, для предотвращенія золъ, вытекающихъ изъ продолжающаго примѣненія вышеупомянутаго злополучнаго права конгресса; слѣдуетъ надѣяться, что мы съумѣемъ воспользоваться случаемъ для достиженія этой цѣли прежде, чѣмъ надъ страною обрушатся новыя затрудненія и бѣдствія. Орудія обмѣна, главную составную часть которыхъ образуютъ не благородные. металлы, и которые могутъ быть умножаемы или ограничиваемы безъ всякаго соображенія съ принципами, устанавливающими монетную цѣнность металловъ, всегда останется подвержено значительнымъ измѣненіямъ. Именно въ такомъ положеніи находятся билеты, выпускаемые нашими банками, пока ихъ поставили въ зависимость отъ вышеупомянутыхъ условій, регулирующихъ цѣнность золота и серебра, какъ орудій обмѣна; необходимость этой мѣры подтверждается не только нашимъ собственнымъ опытомъ, но и опытомъ всѣхъ прочихъ промышленныхъ государствъ. Тамъ, гдѣ эти условія не слились съ обращеніемъ денегъ, тамъ, естественно, цѣны должны понижаться или падать по прихоти прилива и отлива выпускаемыхъ бумажныхъ денегъ и цѣнность всякаго имущества ничѣмъ не ограждена отъ той ненадежности, которая сопровождаетъ управленіе учрежденіями, постоянно подвергающимися соблазну интересовъ, идущихъ въ разрѣзъ съ интересами всего государства. Увеличеніе количества, или вѣрнѣе, уменьшеніе цѣнности этихъ орудій обращенія всегда сопровождается потерями для рабочаго сословія. Эта часть населенія не имѣетъ ни времени, ни возможности выжидать смѣны приливовъ и отливовъ на денежномъ рынкѣ. Занятые со дня на день своимъ полезнымъ трудомъ, люди эти не замѣчаютъ, что, хотя заработная плата ихъ номинально остается одна и та же и, даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, нѣсколько повышается, тѣмъ не менѣе, дѣйствительный заработокъ ихъ уменьшается быстрымъ умноженіемъ плохихъ орудій обмѣна; вначалѣ они даже смотрятъ на такое умноженіе, увеличивающее, по видимому, общую массу денегъ, какъ на благодѣяніе. Совсѣмъ иначе относится къ дѣлу спекулянтъ, который лучше понимаетъ сущность этихъ операцій и умѣетъ извлекать изъ нихъ себѣ выгоду. Лишь послѣ того, какъ цѣны на предметы жизненной необходимости возрасли до того, что дѣлаютъ невозможнымъ удовлетвореніе рабочими этихъ потребностей, настаетъ повышеніе цѣнъ на трудъ и цѣны эти мало по малу опять становятся въ правильное соотношеніе съ продуктами труда [1]). Когда, такимъ об-

[1]) То, что Джексонъ называетъ правильнымъ соотношеніемъ между цѣ-

разомъ, вслѣдствіе утраты цѣнности бумажныхъ денегъ,—утраты, вызванной черезмѣрною ихъ массою, пущенною въ обращеніе, цѣны на трудъ и на его продукты не въ мѣру повышаются, то оказывается, что послѣдствія этой фаль-

---

нами на трудъ и продуктами труда есть въ сущности не что иное, какъ такой уровень заработной платы, который позволяетъ рабочему удовлетворять въ обрѣзъ тѣ жизненныя потребности, безъ которыхъ и самое продолженіе жизни, а слѣдовательно и трудовыхъ ея отправленій, невозможно. Этому неизмѣнно дѣйствующему закону очень часто противуполагаютъ тотъ фактъ, что понятіе о томъ что̀ необходимо для удовлетворенія первыхъ жизненныхъ потребностей, а съ нимъ вмѣстѣ и уровень заработной платы въ различныхъ странахъ весьма различны. Употребляя сравненіе, которое не безъ ироніи приводитъ извѣстный французскій экономистъ, Курсель-Сенёль, индѣецъ довольствуется такою заработною платою, которая обезпечиваетъ ему двѣ, три пригоршни риса для его дневнаго пропитанія, нѣмцу нужно, кромѣ картофеля, еще пиво, англичанину, въ придачу къ пиву, нуженъ еще бифстексъ, а американцу въ придачу къ бифстеку нужны еще ковры. Но тотъ же ученый экономистъ могъ вычитать у того же Милля, политическую экономію котораго онъ когда-то перевелъ, что сравненіемъ этимъ онъ равно ничего не доказалъ противъ вышеупомянутаго закона. Дѣйствительно, уровень потребностей, которыя привычка сдѣлала необходимыми въ рабочей средѣ той или другой страны, измѣняется на различныхъ ступеняхъ культурнаго развитія; но каковъ бы ни былъ этотъ уровень, невозможность удовлетворять этимъ потребностямъ, неизбѣжно парализуетъ самый источникъ рабочей силы, отзываясь болѣзнями и увеличеніемъ смертности въ средѣ рабочаго сословія. Этотъ-то уровень потребностей, успѣвшихъ сдѣлаться необходимыми, и является единственнымъ регуляторомъ, противодѣйствующимъ закону спроса и предложенія; лишь благодаря ему невозможно продолжительное пониженіе заработной платы ниже устанавливаемаго имъ minimum'а, и роковое дѣйствіе конкуренціи наталкивается на свой естественный предѣлъ. Поэтому понятно то энергическое противодѣйствіе, которое встрѣчаютъ попытки, вродѣ ввоза китайскихъ кулліевъ въ Америку. Наивно-благодушные люди никакъ не могутъ понять, откуда берется предубѣжденіе большинства американскаго населенія противъ этихъ покладистыхъ и выносливыхъ желтолицыхъ конкурентовъ, которые готовы исполнять самыя тяжелыя работы и при этомъ довольствоваться лишь четвертью заработка, какой потребовалъ бы природный американецъ. Но на всѣ прекрасныя политико-экономическія истины о законности конкурренціи и о пользѣ, имѣющей произойти для общей производительности страны отъ наростанія такой дешевой и покладистой рабочей силы, большинство американскаго населенія отвѣчаетъ одно: мы не хотимъ, чтобы жаркое изъ крысъ вытѣснило ростбифъ. И въ этомъ отвѣтѣ сказывается гораздо болѣе здравое пониманіе экономическихъ законовъ, чѣмъ во всѣхъ благодушно-наивныхъ разглагольствованьяхъ присяжныхъ экономистовъ извѣстнаго пошиба. Дѣйствительно, жаркое изъ крысъ самый опасный конкурентъ для ростбифа: стоитъ запрудить рынокъ труда людьми, способными довольствоваться жаркимъ изъ крысъ, и американецъ, который жить не можетъ безъ ростбифа.

сификаціи равняются тарифу, наложенному на продукты нашей собственной индустріи и идущему въ прокъ другимъ странамъ, гдѣ золото и серебро находятся въ обращеніи и поддерживаютъ равномѣрныя и дешевыя цѣны. Всякому понятно, что повышеніе цѣнъ на трудъ и на землю влечетъ за собою соотвѣтствующее повышеніе цѣнъ на продукты, пока наконецъ эти послѣдніе оказываются не въ состояніи выдержать конкуренцію съ продуктами другихъ странъ, и для страны, обладающей такою неудовлетворительною системою денежнаго обращенія, становится невозможно отправлять за границу произведенія своей мануфактурной и земледѣльческой промышленности, такъ какъ продажа ихъ не окупила бы даже провозъ. Таковъ процессъ, которымъ чистыя деньги вытѣсняются бумагою банковъ. Кассы послѣднихъ вскорѣ истощаются уплатою денегъ за заграничные товары; затѣмъ слѣдуетъ остановка платежей звонкою монетою, совершенная утрата цѣнности бумажныхъ денегъ, составляющихъ единственное орудіе обмѣна, необычайное повышеніе цѣнъ, разореніе должниковъ и накопленіе богатствъ въ рукахъ кредиторовъ и предусмотрительныхъ капиталистовъ. Эти то бѣдственныя послѣдствія, въ связи съ опасною властью, присвоиваемою себѣ банкомъ Соединенныхъ Штатовъ и съ противодѣйствіемъ, которое онъ оказываетъ нашей конституціи, побудили меня воспользоваться президентскими полномочіями, ввѣренными мнѣ американскимъ народомъ, для прекращенія дѣятельности этого учрежденія".

Итакъ, первый ударъ президента Джексона былъ направленъ противъ Банка Соединенныхъ Штатовъ. Главнымъ мотивомъ, которымъ „старый орѣшникъ" какъ его называли кентукійскіе его приверженцы, оправдывалъ свои дѣйствія противъ Банка Соединенныхъ Штатовъ съ 1832 г., было то, что онъ уже въ этомъ году былъ убѣжденъ, что банкъ, вслѣдствіе дурного управленія и эфемерныхъ спекуляцій, сдѣлался несостоятельнымъ и только старался скрыть свое банкротство расширеніемъ своихъ спекуляцій и новыми злоупотребленіями въ выпускѣ бумажныхъ денегъ.

Джексонъ при этомъ преслѣдовалъ свой планъ, состоявшій въ томъ, чтобы совершенно освободить союзъ отъ долговъ и въ 1832 г. отдалъ приказаніе уплатить по 3-хъ процентнымъ облигаціямъ сумму въ 2,700,000 долларовъ.

становится изъятъ отъ дѣйствія охранительнаго закона, мѣшавшаго паденію заработной платы ниже minimum'а, необходимаго для удовлетворенія *его* первыхъ жизненныхъ потребностей. Регуляторомъ цѣнъ на трудъ становится низшій уровень потребностей, и тѣмъ, культурныя привычки которыхъ не дозволятъ имъ спуститься до этого низшаго уровня, ничего болѣе не остается, какъ болѣть и вымирать такъ же, какъ болѣли бы и вымирали самые выносливые кулліи, если бы ихъ лишить и жаркого изъ крысъ. По счастью опасность такого исхода устраняется энергіею, стойкостью, умѣлостью и другими качествами, которыя развиваются на болѣе высокомъ культурномъ уровнѣ.

Банкъ Соединенныхъ Штатовъ, который въ то время былъ еще государственнымъ учрежденіемъ, и которому были ввѣрены всѣ суммы отдѣльныхъ штатовъ, обязанъ былъ уплатить эту сумму въ два срока,—1-го іюля и 1-го октября, такъ какъ онъ одними государственными депозитами имѣлъ до 11,600,000 долларовъ. Директоръ банка Соединенныхъ Штатовъ, Николасъ Бидль, попросилъ трехмѣсячной отсрочки, такъ какъ банкомъ были выданы національныя ссуды нью-іоркскому купечеству; проценты за эту трехмѣсячную отсрочку банкъ бралъ на себя. Джексонъ согласился на эту просьбу; но вскорѣ онъ узналъ, что съ Нью-іоркскихъ купцовъ строже чѣмъ когда-либо требуется возвращеніе выданныхъ имъ ссудъ и что Бидль отправилъ въ Лондонъ агентовъ для переговоровъ съ владѣльцами трехпроцентныхъ облигацій черезъ банкирскую фирму Берингъ и Линъ объ отсрочкѣ платежа на годъ и болѣе и для открытія съ этою цѣлью кредита въ 5,000,000 долларовъ у означенной фирмы. Изъ этого Джексонъ заключилъ, что банкъ несостоятеленъ и рѣшилъ не возобновлять болѣе его привиллегію, срокъ которой истекалъ въ 1836 г.

Въ этой догадкѣ дальнѣйшій образъ дѣйствій банка еще болѣе утвердилъ президента. Постоянно озабоченный тѣмъ, чтобы скрыть свою несостоятельность, банкъ пускался въ самыя рискованныя спекуляціи; подъ его эгидою особенно стали процвѣтать спекуляціи государственными землями, причинившія въ 1819 и 1820 гг. столько бѣдъ и возобновившіяся теперь въ усиленной степени. Въ то время спекуляціямъ этимъ былъ положенъ конецъ тѣмъ, что съ 1-го іюля 1820 г. уплату цѣны за земли (по $4^1/_2$ доллара за экръ) стали требовать немедленно, но послѣ 1832 г. громадный выпускъ бумажныхъ денегъ, которыя государственныя кассы обязаны были принимать, позволилъ спекуляціи возобновить свою дѣятельность.

Благотворное дѣйствіе, которое имѣла съ 1820 по 1832 г. эта отмѣна кредита при покупкѣ государственныхъ земель, было такимъ образомъ снова парализовано. Изъ отчетовъ различныхъ лицъ, завѣдывавшихъ регистрированьемъ этихъ покупокъ и пріемомъ денегъ, оказывается, что доходъ съ продажи государственныхъ земель возросъ лѣтомъ 1836 г. до невѣроятныхъ размѣровъ; но доходъ этотъ, какъ заявлялъ президентъ Джексонъ въ своемъ прощальномъ посланіи, состоялъ не изъ чего иного, какъ изъ банковаго кредита. Банки ссужали своими билетами спекулянтовъ безъ всякаго обезпеченья, кромѣ того, какое могло доставить имъ право удержать за собою продаваемыя земли; билеты вносились въ учрежденія, производившія продажу земель отъ правительства и тотчасъ же возвращались въ банкъ въ видѣ ввѣряемыхъ ему государственныхъ депозитовъ; возвращались они сюда лишь затѣмъ, чтобы снова и снова выдаваться въ ссуду, такъ какъ они были лишь орудіемъ для того, чтобы доставлять спекулянтамъ средства прибирать къ рукамъ лучшія земли и платить правительству кредитомъ въ книгахъ банка. Эти свидѣтельства, от-

крывавшія кредитъ на книги банка и называвшіяся обыкновенно депозитами, достигли въ нѣкоторыхъ западныхъ банкахъ такихъ размѣровъ, которые далеко превосходили наличныя платежныя средства сказанныхъ учрежденій. Дѣло въ томъ, что каждая спекуляція доставляла средства для новой спекуляціи; едва успѣвало частное лицо или какое нибудь общество произвести уплату въ банкъ билетами, какъ билеты эти снова ссужались другому лицу или обществу. Банки расширили свои обороты и выпускъ своихъ денегъ до того, что мыслящіе люди начали тревожиться и сомнѣваться, не окажутся ли эти банковые кредиты, если черезмѣрному наростанію ихъ не будетъ положенъ конецъ, вовсе не имѣющими никакой цѣнности для правительства.

Недовѣріе президента подтверждалось и тѣмъ усиленіемъ спекуляціи во всѣхъ отрасляхъ промышленности, которое началось съ 1832 г. и поддерживалось банкомъ Соединенныхъ Штатовъ, нетолько не помышлявшимъ объ обузданіи этого духа всѣми зависѣвшими отъ него средствами, но, напротивъ, поощрявшимъ другіе банки своимъ примѣромъ къ усиленному выпуску бумажныхъ денегъ. Въ началѣ 1834 г. совокупный капиталъ всѣхъ банковъ Соединенныхъ Штатовъ, со включеніемъ и національнаго банка, въ то время еще существовавшаго, простирался приблизительно до 200,000,000 долларовъ, займы и дисконтныя операціи банковъ представляли сумму въ 324,000,000, а количество банковыхъ билетовъ, находившихся въ то время въ обращеніи, составляло 95,000,000 долларовъ,—и это, при населеніи въ 18,000,000 человѣкъ. Между этою эпохою и 1 января 1833 г., послѣднимъ срокомъ, по который были доставлены точные отчеты, капиталъ банковъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ и президентъ ванъ-Бьюренъ въ своемъ посланіи 1837 г., увеличился болѣе, чѣмъ на 251,000,000 долларовъ, а количество обращающихся банковыхъ билетовъ—болѣе чѣмъ на 457,000,000 долларовъ. Значительная часть этого капитала составилась изъ займовъ, сдѣланныхъ въ Европѣ; цифра этихъ займовъ, если къ ней присовокупить займы, произведенные у союза и у отдѣльныхъ штатовъ, составляла уже въ 1836 г. около 100,000,000 долларовъ. Къ этому присоединялось еще чрезвычайное увеличеніе долговыхъ обязательствъ передъ Европой въ мірѣ частныхъ негоціантовъ Америки; въ особенности нью-іоркскіе купцы, пользуясь громадными кредитами, которые открыли имъ европейскія и, по преимуществу, лондонскія торговыя фирмы, вдались въ необузданныя спекуляціи. Не надо также упускать изъ виду такихъ обстоятельствъ, какъ помѣщеніе отъ 40,000,000 до 50,000,000 долларовъ въ предпріятіяхъ по покупкѣ государственныхъ земель, чрезвычайно нераціональное направленіе индустріи, черезмѣрное увеличеніе роскоши среди всѣхъ классовъ населенія, преимущественно въ большихъ торговыхъ центрахъ. Правда, значительная часть займовъ, произведенныхъ въ Англіи, предназначалась для постройки желѣзныхъ дорогъ и проведенія каналовъ, но отдѣльные штаты такъ расточительно

обращались съ суммами, полученными черезъ эти займы, что лишь часть этихъ капиталовъ достигла своего назначенія. Что же касается того фальшиваго направленія, которое было придано индустріи злоупотребленіями въ выпускѣ бумажныхъ денегъ,—то самымъ характеристическимъ образчикомъ этого направленія можетъ служить тотъ фактъ, что Сѣверная Америка получила въ 1834 году изъ Европы на 250,000 долларовъ *зерноваго хлѣба*, а въ 1837 г., въ теченіе перваго только полугодія, на 2,000,000 того же продукта,—и это въ такое время, когда спекуляціи съ покупкою государственныхъ земель были въ полномъ разгарѣ! Излишекъ бумажныхъ денегъ вызвалъ, какъ выражается въ своемъ посланіи президентъ ванъ-Бьюренъ, духъ отчаянной спекуляціи, охватившей всѣ сферы человѣческой предпріимчивости. Всякія проэктированныя улучшенія встрѣчали расточительно-щедрую поддержку, кредитъ подъ залогъ товаровъ оказывался купцамъ съ неограниченною щедростью во всѣхъ торговыхъ пунктахъ земнаго шара. Словомъ, все положеніе вещей, и въ особенности операціи банка Соединенныхъ Штатовъ оправдывали распоряженіе президента Джексона, рѣшившагося взять назадъ изъ банка государственные депозиты и не возобновлять болѣе его привилегіи по истеченіи ея срока въ 1836 г. Къ этимъ мѣрамъ присовокупились еще нѣкоторыя другія. Еще ранѣе выпускъ мелкихъ билетовъ (въ 1 долларъ) былъ уже запрещенъ законодательствами многихъ отдѣльныхъ штатовъ. Теперь рѣшеніемъ конгресса пріемъ и выдача таковыхъ билетовъ за счетъ государства былъ запрещенъ вообще; мѣра эта имѣла цѣлью возстановить обращеніе звонкой монеты. Къ этому впослѣдствіи присоединился законъ, запрещавшій государственнымъ кассамъ вообще принимать какіе бы то ни было билеты тѣхъ банковъ, которые выпускаютъ мелкіе билеты въ 1 долларъ; тотъ же законъ предписывалъ не принимать билетовъ стоимостью ниже 10 долларовъ и постановлялъ, что тѣмъ банкамъ, которые выпускаютъ билеты ниже этой нормы, не будутъ впредь довѣряемы государственные депозиты.

Затѣмъ было издано распоряженіе, чтобы впредь плата за покупаемыя государственныя земли взносилась не иначе, какъ звонкою монетою. Эта мѣра оказала на нѣкоторое время благодѣтельныя дѣйствія: она сдержала спекуляціи западныхъ банковъ и, въ то же время, упрочила ихъ положеніе, заблаговременно сдѣлавъ ихъ такимъ образомъ болѣе способными устоять противъ того давленія, которое вскорѣ послѣ того сказалось на денежномъ рынкѣ какъ восточно-американскихъ, такъ и европейскихъ торговыхъ городовъ. Мѣра эта, положивъ предѣлъ расширенію кредитной системы, отняла средства у черезмѣрной спекуляціи и обуздала ея стремленіе превратить покупку лучшихъ государственныхъ земель въ свой монополь. Она оградила новые штаты отъ такой язвы, какъ классъ землевладѣльцевъ, не живущихъ на своихъ земляхъ,—классъ, представляющій одно изъ величайшихъ препятствій къ развитію новой страны и къ

благосостоянію старой. Она много способствовала поддержанію доступности государственныхъ земель для эмигрантовъ по цѣнамъ, назначеннымъ отъ правительства, между тѣмъ какъ прежде прибывающіе пересенленцы вынуждены были перекупать эти земли у спекулянтовъ, платя вдвое и втрое противъ первой ихъ стоимости.

Весною 1836 г. банкъ Соединенныхъ Штатовъ окончилъ, послѣ семилѣтней борьбы съ президентомъ Джексономъ и его приверженцами, свое существованіе какъ государственное учрежденіе. Усиліямъ директора этого банка, г. Бидля, которому акціонеры послѣдняго общаго собранія вотировали за энергическое отстаиваніе ихъ интересовъ серебряный сервизъ, удалось продолжить существованіе банка какъ частнаго учрежденія, съ сохраненіемъ всего его имущества и того же числа акціонеровъ, за исключеніемъ правительственныхъ паевъ. Устроилъ онъ это, добившись, посредствомъ пожертвованія въ 10,000,000 долларовъ, употребеніе которыхъ покрыто таинственнымъ мракомъ, спеціальной концессіи отъ штата Пенсильваніи.

О сущности этого маневра мы получаемъ ясное понятіе изъ отчета государственнаго секретаря казначейства (т. е., американскаго министра финансовъ въ Вашингтонѣ) и изъ прощальнаго посланія президента Джексона. Дѣло въ томъ, что банкомъ не была произведена уплата государственныхъ бумагъ, положенныхъ въ это учрежденіе правительствомъ; банкъ не далъ даже увѣдомленія о томъ, когда отъ него можно ожидать этой уплаты, не взирая на то, что правительство обращалось къ нему съ требованіемъ взнести по этому счету часть соотвѣтствующую общему положенію его дѣлъ. Равнымъ образомъ, не взирая на повторенное требованіе дать отчетъ о положеніи своихъ дѣлъ, на принятіе котораго статсъ-секретарь былъ уполномоченъ, банкъ не далъ этого отчета.

Исполнительная власть, такимъ образомъ, была вынуждена удостовѣриться въ положеніи дѣлъ банка инымъ путемъ и принять мѣры къ обратному полученію довѣренныхъ банку цѣнностей. Факты, открывшіеся о тогдашнемъ состояніи банка, а также хозяйничанье съ капиталомъ Соединенныхъ штатовъ, ввѣреннымъ банку, были такого рода, что президентъ въ своемъ посланіи счелъ нужнымъ обратить самое серьезное вниманіе конгресса на это дѣло. Срокъ концессіи банка Соединенныхъ Штатовъ истекалъ третьяго марта 1838 года, и съ этого дня онъ утрачивалъ всякія права, кромѣ исчисленныхъ въ параграфѣ 21-мъ его статута. Въ этомъ параграфѣ говорится, что банкъ, со дня истеченія срока своей концессіи, имѣетъ право „дѣйствовать отъ своего имени и въ качествѣ корпораціи лишь" для заключенія и ликвидаціи своихъ дѣлъ и счетовъ и для распоряженія реальнымъ, личнымъ и смѣшаннымъ имуществомъ, какое въ немъ окажется; но при этомъ онъ отнюдь не долженъ пользоваться этимъ правомъ для какихъ либо другихъ цѣлей или какимъ либо инымъ образомъ и не можетъ продолжать пользованіе имъ болѣе, чѣмъ на два года по истеченіи сказачнаго.

срока концессіи". Выше мы упомянули, что передъ истеченіемъ срока концессіи, выданной банку какъ государственному учрежденію, лица, заинтересованныя въ этомъ предпріятіи, выхлопотали у законодательнаго собранія штата Пенсильваніи другую концессію, которою въ число пайщиковъ банка не было включено лишь союзное правительство. Вмѣсто того, чтобы очистить свои счеты и возвратить правительству Соединенныхъ Штатовъ ввѣренные послѣднимъ банку вклады, простиравшіеся, какъ полагаютъ, до 16 милліоновъ долларовъ, президентъ и директора прежняго банка, по видимому, сочли за лучше передать всѣ свои книги, бумаги, билеты и обязательства новой корпораціи, которая и открыла свои дѣйствія въ видѣ продолженія перваго предпріятія. Въ числѣ прочихъ двусмысленныхъ дѣйствій, новый банкъ воспользовался билетами прежняго учрежденія и снова пустилъ ихъ въ обращеніе. Что банкъ не имѣлъ права снова выдавать свои старые билеты по истеченіи срока своей концессіи, это не подлежало сомнѣнію и, равнымъ обвазомъ, очевидно, что онъ столь же мало имѣлъ право передавать эту привиллегію своему преемнику, какъ и пользоваться ею самъ. Законность требовала, чтобы билеты банка, какіе находились въ обращеніи со времени истеченія срока концессіи, были вытребованы обратно посредствомъ публикаціи, оплачены тотчасъ же по предъявленіи и, затѣмъ, уничтожены вмѣстѣ съ оставшимися лишними билетами. Вторичный выпускъ ихъ въ обращеніе не былъ разрѣшенъ никакимъ закономъ и не оправдывался никакою потребностью. Если Соединенные Штаты гарантировали уплату по этимъ билетамъ своими капиталами, ввѣренными банку, этотъ вторичный выпускъ старыхъ билетовъ въ обращеніе новою корпораціей въ свою пользу былъ обманомъ передъ правительствомъ; если же союзное правительство не отвѣчало за эти билеты, то уплата ихъ ничѣмъ не была гарантирована и выпускъ ихъ былъ обманомъ передъ страною. Такова была дилемма, которую Джексонъ предлагалъ разрѣшить г-ну Бидлю, причемъ онъ указывалъ еще на нѣкоторыя особыя мѣры, которыя были, по его мнѣнію, необходимы для обезпеченія правительству уплаты слѣдовавшаго ему долга.

Въ этой прощальной рѣчи, которою президентъ Джексонъ прощался съ своею должностью, своей общей политической дѣятельностью и, въ виду своей глубокой старости, со всею своею страною,—онъ особенно энергично предостерегалъ своихъ соотечественниковъ отъ зла, распространяемаго банками и бумажными деньгами. Онъ снова указывалъ на то обстоятельство, что творцы американской конституціи, безъ сомнѣнія, имѣли въ виду обезпечить народу такое орудіе обмѣна, которое состояло бы изъ одного золота и серебра; по его мнѣнію, учрежденіе конгрессомъ національнаго банка съ правомъ выпускать бумажныя деньги, подлежащія пріему наравнѣ со звонкой монетой при уплатѣ государственныхъ повинностей, а также злополучное направленіе, принятое законодательствомъ многихъ отдѣльныхъ штатовъ по тому же предмету, вытѣ-

снили установленное конституціей орудіе обмѣна и замѣнили его бумажными деньгами. Далѣе президентъ говоритъ, что та выгода, которая получилась для частныхъ лицъ и корпорацій отъ созданія кредитныхъ учрежденій съ цѣлью регулировать обращеніе бумажныхъ денегъ, имѣла естественнымъ послѣдствіемъ то, что люди алчные и неразборчивые на средства напрягаютъ всѣ свои усилія для полученія новыхъ концессій и подавляютъ голоса честныхъ людей. Между тѣмъ, система бумажныхъ денегъ, будучи основана на довѣріи публики и не имѣя, сама по себѣ, никакой цѣнности, подвержена сильнымъ и внезапнымъ колебаніямъ, что дѣлаетъ цыфру зароботной платы ненадежной и непостоянной. На общества, создающія бумажныя деньги, нельзя положиться, что они всегда будутъ сообразовать выпускъ послѣднихъ съ существующей потребностью и удержатъ цыфру выпускаемымъ денегъ въ соотвѣтствующихъ предѣлахъ. Въ благопріятныя времена, когда довѣріе велико, общества эти, побуждаемыя надеждою на барыши, или вліяніемъ тѣхъ, которые расчитываютъ извлечь изъ этого пользу для себя, соблазняются расширить выпускъ бумажныхъ денегъ за предѣлы, указываемые благоразуміемъ и раціональными требованіями торговаго дѣла. Когда же этотъ выпускъ, со дня на день увеличиваясь, наконецъ пошатнетъ общественное довѣріе, тогда настаетъ реакція и общества эти внезапно берутъ назадъ открытые ими кредиты, быстро уменьшаютъ выпускъ своихъ денегъ и вызываютъ неожиданное и пагубное сокращеніе въ средствахъ, находящихся въ обращеніи, что отзывается на всей странѣ. Черезъ это банки спасаютъ свое собственное существованіе, и пагубныя послѣдствія ихъ безразсудства и алчности падаютъ на публику. Но и на этомъ зло не останавливается. Постоянные приливы и отливы въ денежномъ обращеніи и неумѣренное расширеніе кредита порождаютъ духъ спекуляціи, отзывающійся понятнымъ образомъ вредно на привычкахъ и на характерѣ всего народа. „Мы уже видѣли послѣдствія этого на бѣшеной игрѣ, предметомъ которой были общественныя земли и различныя акціонерныя предпріятія, и которая въ послѣдніе два года охватила всѣ классы общества, успѣвъ отвлечь его вниманіе отъ трезвыхъ стремленій честной промышленной дѣятельности. Поощряя этотъ духъ, мы не можемъ сказать себѣ, что охраняемъ добродѣтель народа и служимъ истиннымъ его интересамъ. Если денежное обращеніе будетъ такъ же исключительно, какъ и теперь, прибавляться бумагою, это будетъ все болѣе и болѣе раздувать алчное стремленіе къ наживѣ безъ труда. Искушеніе добывать деньги какими бы то ни было способами будетъ становиться все сильнѣе и сильнѣе, и это неизбѣжно поведетъ къ порчѣ нравовъ, которая проложитъ себѣ путь и въ ваши совѣты и въ скоромъ времени запятнаетъ чистоту вашего правленія. Нѣкоторыя изъ золъ, порождаемыхъ системою бумажныхъ денегъ, съ особенною тягостью падаютъ именно на тотъ классъ общества, который всего менѣе въ силахъ выносить ихъ. Часть этихъ денежныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи, нерѣдко начи-

наетъ ходить по пониженному курсу, или утрачиваетъ даже всякую цѣнность; вообще они поддѣлываются такъ ловко, что требуется особое искусство и большая опытность, чтобы отличить поддѣльныя бумажки отъ настоящихъ. Эти поддѣлки производятся обыкновенно надъ мелкими ассигнаціями, которыя требуются для ежедневнаго денежнаго обихода, и убытки, причиняемые такимъ образомъ, падаютъ обыкновенно на рабочій классъ, положеніе и занятія котораго не дозволяютъ ему принимать мѣры для огражденія себя отъ подобныхъ обмановъ и ежедневная заработная плата котораго требуется для покрытія его жизненныхъ потребностей. Обязанность каждаго правительства состоитъ въ томъ, чтобы устроить денежное обращеніе на основаніяхъ, ограждающихъ этотъ классъ отъ ловушекъ алчности и плутовства, въ особенности же обязательно это для Соединенныхъ Штатовъ, правительство которыхъ есть правительство народа по преимуществу и гдѣ эта почтенная часть нашихъ согражданъ такъ гордо выдѣляется изъ рабочихъ классовъ другихъ націй своимъ духомъ независимости, своей любовью къ свободѣ, своимъ трудолюбіемъ и своими нравственными качествами. Его промышленная дѣятельность въ мирное время есть источникъ нашего богатства, его мужество въ войнѣ покрыло насъ славою. И правительство Соединенныхъ Штатовъ плохо исполнитъ свой долгъ, если предоставитъ этотъ классъ въ жертву такому безчестному обману. Между тѣмъ, очевидно, что интересы рабочаго сословія могутъ быть ограждены только тогда, когда золото и серебро снова будутъ введены въ обращеніе".

Къ этимъ, нѣсколько одностороннимъ словамъ престарѣлый государственный человѣкъ присовокупилъ еще предостереженіе противъ банкократіи, которая грозила воспользоваться системою бумажныхъ денегъ въ Америкѣ, какъ машиною, для того, чтобы подкапываться подъ свободныя учрежденія страны. Эта банкократія, говорилъ президентъ, не преминетъ оказать пагубное вліяніе на ходъ промышленности, на финансовое положеніе страны и на нравственный закалъ общества; она отниметъ у народа его независимость и создастъ феодальную аристократію, которая будетъ отличаться всѣми пороками стараго дворянства, не обладая ни одного изъ его добродѣтелей. Эта опасность, по мнѣнію президента, будетъ слабѣе при системѣ частныхъ банковъ, въ отдѣльныхъ штатахъ, но она возрастетъ до чудовищныхъ размѣровъ, если банкъ Соединенныхъ Штатовъ сохранитъ свой монополь, какъ государственный банкъ.

Тѣ же воззрѣнія высказалъ и преемникъ Джексона, президентъ Ванъ-Бьюренъ, въ посланіи, изданномъ имъ по вступленіи въ должность; въ этомъ посланіи онъ объявлялъ, что будетъ въ своей дѣятельности вѣрно слѣдовать политикѣ своего предшественника. Ванъ-Бьюренъ приводилъ еще другія соображенія, на основаніи которыхъ черезмѣрное развитіе бумажнаго обращенія представляется вреднымъ; онъ указывалъ, что оно порождаетъ черезмѣрную искусственно напряженную дѣятельность во всѣхъ отрасляхъ промышленности, на-

клонность къ самымъ рискованнымъ спекуляціямъ, умноженіе заграничныхъ долговъ и покупку государственныхъ земель очертя голову, — необдуманныя затраты громадныхъ суммъ на улучшенія, которыя во многихъ случаяхъ оказываются не улучшеніями, а ухудшеніями, — непроизводительную затрату значительнаго количества труда, который могъ бы съ большой пользой быть употребленъ на земледѣліе, начинающее приходить въ упадокъ,—ужасающее возрастаніе роскоши, столь же пагубное для промышленности, источники которой она истощаетъ, какъ и для нравственности народа,—злоупотребленія вексельнымъ кредитомъ, изъ которыхъ за послѣдніе годы состояла значительная часть вексельныхъ оборотовъ внутри страны—словомъ, президентское посланіе доказывало, что чрезмѣрное развитіе бумажнаго обращенія было причиною всѣхъ тѣхъ золъ, которыя обусловили тогдашній кризисъ.

Ванъ-Бьюренъ тоже настаивалъ на томъ, чтобы разпоряженіе государственными деньгами было отнято у банковъ. Онъ допускалъ, что помощь банковъ была полезна въ тотъ долгій промежутокъ времени, когда на Соединенныхъ Штатахъ тяготѣлъ національный долгъ, въ который втянула ихъ война за независимость и во время слѣдовавшей за тѣмъ войны; но съ тѣхъ поръ, какъ Союзъ располагаетъ 30,000,000 долларовъ излишку, государственные капиталы въ рукахъ банковъ служили лишь для того, чтобы вовлекать послѣдніе въ необузданныя спекуляціи.

Ванъ-Бьюренъ употребилъ всѣ находившіяся въ его распоряженіи средства, чтобы возстановить въ странѣ обращеніе звонкой монеты на мѣсто бумажныхъ денегъ. Ближайшимъ соображеніемъ, руководившимъ имъ при этомъ, было благо рабочихъ классовъ, которые не имѣютъ въ рукахъ никакой возможности контролировать бумажныя деньги, находящіяся въ обращеніи. Онъ допускалъ существованіе бумажныхъ денегъ, но не иначе, какъ съ крупными дѣленіями, вродѣ того, напримѣръ, какъ въ Англіи, гдѣ цыфра банковаго билета—была 5 ф. ст., или во Франціи, гдѣ (въ то время) не допускалось въ обращеніе ассигнацій стоимостью ниже 500 фр., вслѣдствіе чего въ обѣихъ странахъ орудіемъ денежнаго обращенія въ средѣ рабочихъ классовъ служила почти исключительно серебряная монета.

Послѣ того, какъ всякая надежда на возстановленіе національнаго банка была отнята, пало, по мнѣнію президента, главнѣйшее препятствіе, мѣшавшее до сихъ поръ повсемѣстному введенію такой системы денежнаго обращенія, въ которой звонкая монета играла бы главную роль. Вслѣдъ за этимъ, какъ уже мы говорили выше, были приняты различныя, тѣсно связанныя между собою мѣры, долженствовавшія способствовать достиженію той же цѣли.

Банки, выпускавшіе билеты стоимостью ниже 5 долларовъ, не употреблялись какъ посредники при правительственныхъ денежныхъ операціяхъ, и билеты эти не принимались при уплатѣ государственныхъ повинностей или при

сведеніи счетовъ съ правительственными учрежденіями. До 3 марта 1837 еще было дозволено принимать билеты 10 долларнаго достоинства въ правительственныхъ кассахъ. Далѣе было сдѣлано распоряженіе, чтобы въ правительственныхъ кассахъ отнюдь не принимались такіе билеты, которые въ банкѣ, ихъ выпустившемъ, не обмѣнивались тотчасъ же по предъявленіи и безъ потерь на золото или серебро. Съ этими мѣрами согласовались и распоряженія отдѣльныхъ штатовъ, изъ которыхъ 13 еще ранѣе совершенно воспретили выпускъ билетовъ стоимостью ниже 5-ти долларовъ; штаты эти были: Пенсильванія, Мэрилэндъ, Виргинія, Георгія, Теннеси, Луизіана, Сѣверная Каролина, Индіана, Кентуки, Мэнъ, Нью-Іоркъ, Нью-Джерси и Элебэма.

Рядомъ съ этими мѣрами шла усиленная чеканка звонкой монеты, матеріалъ для которой съ значительными расходами добывался изъ Европы. Еще президентъ Адамсъ старался облегчить стѣсненіе, обусловленное преобладаніемъ бумажныхъ денегъ, и съ этою цѣлью велѣлъ вычеканить значительное число мелкихъ денегъ, а именно, 1 милліонъ штукъ стоимостью отъ 25 до 10 центовъ, для того чтобы вытѣснить по крайней мѣрѣ „пластыря" (shin-plasters), какъ называли бумажныя деньги стоимостью ниже одного доллара. Еще энергичнѣе дѣйствовалъ въ томъ же направленіи Джексонъ, по распоряженію котораго въ промежутокъ времени отъ 1831 г. по 1837 г. было вычеканено не менѣе 3,438,000 штукъ монеты 25-ти центоваго достоинства, 5,187,000—десятицентоваго достоинства и 8,771,000—пятицентоваго достоинства. Одновременно съ этимъ происходила въ значительныхъ размѣрахъ чеканка и золотой монеты: въ 1834 г. было вычеканено 4,000,000 долларовъ, въ 1835—около 3,000,000 дол. золотомъ, а въ 1836—свыше полутора милліона дол. золотомъ и почти 3,000,000 дол. серебромъ. Въ то же время государственный секретарь, въ своемъ отчетѣ, появившемся въ началѣ 1837 г. указывалъ на необходимость вычеканить золотыя монеты стоимостью въ одинъ дол. По тому же отчету, стоимость всѣхъ золотыхъ монетъ, находившихся въ обращеніи въ Соединенныхъ Штатахъ, простиралось къ концу 1836 г. до 15,000,000 дол. Съ 1834 г. было вычеканено золотыхъ монетъ на 10,000,000 дол., слѣдовательно, на два милліона болѣе, чѣмъ за всѣ предшествующіе 31 годъ. Въ октябрѣ 1833 г. общая стоимость всей звонкой монеты въ Соединенныхъ Штатахъ составляла 30,000,000 дол., изъ которыхъ 26,000,000 находились въ банкѣ. Къ концу 1836 г. стоимость звонкой монеты простиралась до 73,000,000 дол. Вышеназванныя мѣры, въ связи съ запрещеніемъ банковыхъ билетовъ, стоимостью ниже одного доллара, подѣйствовали такъ благопріятно, что количество банковыхъ билетовъ, находившихся въ обращеніи на сумму 120,000,000 дол., успѣло уменьшиться. О количествѣ золота, имѣвшагося въ наличности, въ отчетѣ говорится: „Золото въ настоящее время имѣется въ Соединенныхъ Штатахъ въ такомъ изобиліи, что, даже при болѣе долгосрочныхъ торговыхъ

операціяхъ, всѣ платежи легко могутъ производиться звонкою монетою. Золото, къ выгодѣ почти всѣхъ классовъ населенія и, въ особенности, путешественниковъ, распространяется все болѣе по всѣмъ частямъ Союза".

Одновременно съ этимъ доходы съ продажи государственныхъ земель превзошли 20,000,000 дол., что покрывало весь годовой расходъ государства. Ввозъ въ теченіе 183 г. представлялъ сумму въ 173, 540,000 дол. — на 23,644,258 дол. больше, чѣмъ въ прешествующемъ году, между тѣмъ какъ общая сумма ввоза за три предшествующіе года представляла среднимъ числомъ не болѣе 149,985,661 дол. въ годъ. Вывозъ въ 1836 г. оцѣнивался въ 121,729,090 дол., изъ которыхъ 101,155,000 дол. было доставлено отечественными продуктами и 20,684,000 дол. иностранными продуктами.

Вмѣстѣ съ проистекавшимъ отсюда значительнымъ увеличеніемъ таможеннаго сбора и умноженіемъ общихъ доходовъ государства, шло и постоянное уменьшеніе государственныхъ расходовъ. Бюджетъ послѣднихъ, составлявшій въ 1817 г.—39,900,585 дол. 58 центовъ, въ 1834 г. уменьшился до 24,601,982 дол. 44 центовъ. Въ 1835 г. расходы простирались лишь на сумму 81,716,141 дол., между тѣмъ какъ доходы возросли до 37,323,739 дол. Въ 1836 г. излишекъ доходовъ передъ расходами составлялъ 17,811,200 дол., по предварительной смѣтѣ, которую дѣйствительность еще превзошла въ благопріятныхъ результатахъ.

Съ этими данными, рисующими въ такомъ благопріятномъ свѣтѣ положеніе государственныхъ финансовъ въ 1835 и 1836 гг., гармонируютъ и тѣ свѣдѣнія, которыя имѣются о положеніи промышленности и о благосостояніи населенія. Положеніе Америки представлялось равно завиднымъ какъ въ политическомъ, такъ и экономическомъ отношеніи: промышленность, торговля и земледѣліе изображались процвѣтающими, цѣны на землю, заработная плата и прибыльность всевозможныхъ предпріятій—возросшими до невѣроятныхъ размѣровъ; въ Новомъ-Олеанѣ, въ 1836 г. нетолько спекуляціи на земли, но и строительныя предпріятія были въ большомъ ходу, такъ что ощущался недостатокъ въ каменьщикахъ и плотникахъ. Въ Нью-Іоркѣ съ 1-го января по 1-е сентября 1836 г. было выстроено до 1518 новыхъ домовъ.

Но именно это-то всеобщее процвѣтаніе носило въ самомъ себѣ зародышъ разрушенія; чувство мѣры было потеряно. Значительный излишекъ, оказывавшійся въ государственной кассѣ, породилъ ошибочное мнѣніе, что и національный капиталъ возросъ въ той же пропорціи и нуждается въ соотвѣтствующихъ размѣрахъ въ новыхъ помѣщеніяхъ. Распредѣленіе излишка государственныхъ доходовъ, которое повлекло за собою временное переполненіе денежнаго рынка, еще усилило это заблужденіе; спекуляція на государственныя земли превратилась въ игру, было проэктировано до 100 новыхъ желѣзныхъ дорогъ, столько же каналовъ, и еще больше горнозаводскихъ и другихъ промышленныхъ пред-

пріятій, которыя одни потребовали бы для своего осуществленія капиталъ въ 300,000,000 дол. Когда имѣвшагося на лицо капитала оказалось недостаточно, прибѣгли къ займамъ въ Англіи и Голландіи, и легкость, съ которою вначалѣ эти займы заключались въ Лондонѣ и Амстердамѣ, благодаря болѣе высокой нормѣ процентовъ, существовавшей въ Америкѣ, еще болѣе разожгла страсть къ предпріятіямъ.

При этомъ-то положеніи дѣлъ, англійскій банкъ нашелся вынужденнымъ возвысить свой дисконтъ, чтобы остановить перемѣщеніе англійкихъ капиталовъ въ Америку.

Эта мѣра разомъ осадила американскую спекуляцію въ самомъ ея разгарѣ. Всѣ видѣли невозможность окончить и черезъ десять лѣтъ хотя бы только треть начатыхъ желѣзныхъ дорогъ [1]) и каналовъ, и такъ какъ одновременно съ этимъ цѣны на хлопокъ пали необычайно низко, то въ торговомъ мірѣ настала реакція, и все это вызвало такую всеобщую панику, что многія фирмы объявили себя несостоятельными. Правда, съ 1818 г. привыкли къ періодическимъ приливамъ и отливамъ, дававшимъ себя чувствовать въ ходѣ торговыхъ дѣлъ въ промежутки отъ 4 до 6 лѣтъ; въ 1821, 1827 и 1834 гг. тоже бывали моменты застоя въ дѣлахъ и приходилось распускать рабочихъ массами. Но никогда еще бѣдствіе не затягивалось долѣе, чѣмъ на какіе нибудь два, три мѣсяца. Обыкновенно кредиторы и должники, утомившись продолжительнымъ застоемъ, вступали между собою въ соглашенія, и дѣловая предпріимчивость за тѣмъ пробуждалась съ новою энергіею.

Но теперь застой въ дѣлахъ представлялъ болѣе угрожающіе признаки; онъ принялъ характеръ настоящаго кризиса. Еще болѣе, чѣмъ дѣйствительною нуждою въ деньгахъ и недостаткахъ капиталовъ, стѣсненіе обусловливалось исчезновеніемъ довѣрія, оказывавшимъ свое обычное деморализующее дѣйствіе на общее настроеніе и совершенно подрывавшимъ торговлю: множество солидныхъ димовъ стояло на краю пропасти; денегъ почти нельзя было достать ни подъ какое обезпеченье; орудіе обмѣна, это масло, которымъ смазывается торговая машина, казалась совсѣмъ высохло. Банки прекратили свой дисконтъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ Америка сдѣлалась независимой,—такъ гласятъ между прочимъ безотрадныя извѣстія, приходившія изъ Нью-Іорка отъ послѣднихъ чиселъ іюля 1837 г.,—не бывало еще такой бѣдственной поры, какъ настоящая. Торговля и ремесла совсѣмъ стали; всякое довѣріе и всякій личный кредитъ прекратились. Тысячи людей бродятъ по улицамъ безъ куска хлѣба, общественныя гулянья и увеселительныя мѣста опустѣли, посѣтители изъ провинціи, ко-

[1]) Одинъ только штатъ Нью-Іоркъ въ 1836 г. выдалъ концессій на шестьдесятъ новыхъ желѣзнодорожныхъ компаній, требовавшихъ въ общей сложности капиталъ къ $43^1/_2$ милліона долларовъ.

торые обыкновенно объ эту пору съѣзжались въ нашъ городъ, теперь смирнехонько сидятъ у себя въ деревнѣ; театры пусты, собранія и концерты прекратились, — словомъ,. все имѣетъ такой видъ, какъ будто мы только что подверглись непріятельскому нашествію или дѣйствію убійственной эпидеміи".

Въ самый разгаръ смятенія банкъ Соединенныхъ Штатовъ вмѣшался въ дѣло и ему удалось пріостановить кризисъ на нѣкоторое время, пока въ 1839 г. онъ не разразился съ еще большею силою и не увлекъ самый банкъ въ пропасть, чѣмъ подалъ поводъ къ радикальному преобразованію всей банковой организаціи въ Америкѣ. Чтобы пояснить, какъ все это произошло, мы должны вернуться за годъ назадъ.

Какъ только было рѣшено отдѣленіе банка Соединенныхъ Штатовъ отъ союзнаго правительства и упраздненіе его, какъ государственнаго учрежденія, банкъ этотъ тотчасъ же приступилъ къ выпуску своихъ бумажныхъ денегъ, въ громадныхъ количествахъ; деньги эти состояли частью изъ ассигнацій, подлежащихъ оплатѣ звонкою монетою во всякое время, частью же изъ такъ называемыхъ „почтовыхъ билетовъ" [1]), уплата по которымъ производилась лишь по истеченіи года, или даже еще въ болѣе долгіе сроки; въ обмѣнъ за эти послѣдніе банкъ бралъ частью наличныя деньги, частью же краткосрочные векселя. Одновременно съ этимъ, директоръ банка, г. Бидль, послалъ въ Лондонъ своего агента съ порученіемъ вымѣнять на акціи банка возможно большее количество наличныхъ денегъ. Эти деньги, вмѣстѣ со средствами, которыя дали „почтовые билеты", введенные будто бы для оказанія поддержки нью-іоркскимъ купцамъ, а также вмѣстѣ съ тѣми наличными суммами, которыя удалось позднѣе сколотить на лондонскомъ рынкѣ посредствомъ векселей и другихъ бумагъ, были употреблены, повидимому, на покрытіе извѣстной части обязательствъ банка передъ союзнымъ правительствомъ, такъ какъ прежній наличный капиталъ банка былъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, значительно истощенъ уплатою 10,000,000 дол. штату Пенсильваніи за полученную отъ него концессію. Такимъ образомъ, банкъ Соединенныхъ Штатовъ, доведя себя, какъ мы видѣли, безразсудствомъ своихъ спекуляцій въ предшествующіе годы до несостоятельности передъ государствомъ, выпутывался изъ этой несостоятельности лишь новымъ, еще болѣе безразсуднымъ напряженіемъ кредита. Опасности этого образа дѣйствій были такъ очевидны, что демократическая партія, враждебная банку, стала опасаться, какъ бы это не повлекло за собою упраздненіе мѣры, только что передъ этимъ проведенной Джексономъ, и возстановленіе привиллегированнаго государственнаго банка въ другой формѣ; въ виду такого опасенія партія эта сочла нужнымъ основать, съ своей стороны, значительное число подобныхъ учрежденій, чтобы

[1]) Почтовыми они назывались потому, что могли быть посылаемы для оплаты, когда наставалъ срокъ,—по почтѣ. *Прим. пер.*

посредствомъ ихъ составить противовѣсъ банку Соединенныхъ штатовъ. Такимъ образомъ, въ короткое время, возникло болѣе ста новыхъ банковъ, которые въ общей сложности составили капиталъ въ 125,000,000 дол. слишкомъ и, съ своей стороны, привлекли значительное количество европейскихъ капиталовъ. Все это были ассигнаціонные и дисконтные банки и весь кредитъ ихъ былъ основанъ исключительно на личномъ довѣріи, которымъ пользовались ихъ директора, на кое-какой поземельной собственности, довольно малоцѣнной, и на незначительныхъ товарныхъ запасахъ, которые большею частью были представлены въ эти банки въ видѣ залога, за сдѣланныя ими ссуды. По статутамъ банковъ, получившихъ концессіи въ установленныхъ закономъ формахъ, банки эти имѣли право дисконтировать векселя и принимать на себя обязательства на сумму, втрое бо̀льшую, чѣмъ акціонерный ихъ капиталъ. Но это постановленіе совсѣмъ не соблюдалось; банки, посредствомъ неумѣреннаго выпуска своихъ билетовъ, вскорѣ доставили себѣ возможность усилить размѣры выдаваемыхъ ими ссудъ до того, что сумма послѣднихъ въ двадцать разъ превысила основной капиталъ банковъ; это повлекло за собою еще болѣе искусственное, лихорадочное возбужденіе торговой и промышленной дѣятельности; въ то же время неурожай предшествующаго года и дороговизна всѣхъ жизненныхъ потребностей, цѣны на которыя успѣли удвоиться, доставляли земледѣлію Запада тысячи рабочихъ рукъ, что̀, въ свою очередь, удвоивало, удесятеряло и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже удвадцатеряло цѣны на землю. Таково было положеніе, до котораго дошли дѣла въ самый короткій срокъ, всего годъ спустя послѣ того, какъ Джексонъ, проведенными имъ мѣрами, ограничилъ обращеніе бумажныхъ денегъ и спасъ страну отъ кризиса; и въ то самое время, когда статсъ-секретарь набрасывалъ вышеприведенную радужную картину общаго процвѣтанія страны, онъ не видѣлъ, или не хотѣлъ видѣть, что тучи скопляются, чтобы разразиться новой, еще болѣе страшной грозою. Необыкновенно высокія цѣны на хлопокъ, который лишь послѣдовалъ общему искусственному повышенію цѣнъ, побудили южныхъ плантаторовъ бросить воздѣлыванье индиго и риса, чтобы заняться воздѣлываньемъ хлопка; новопріобрѣтенныя земли въ Арканзасѣ и въ другихъ возникающихъ поселеніяхъ по берегамъ Миссиссипи заселялись для той же цѣли партіями накупленныхъ негровъ. Усилившійся вывозъ хлопка, многочисленные займы, заключенные въ Англіи отдѣльными штатами, и открывшійся черезъ это американцамъ въ Англіи кредитъ, — все это оказывало давленіе на курсы въ Англіи и имѣло дѣйствіе, равносильное преміи, поощряющей ввозъ иностранныхъ и преимущественно англійскихъ фабрикатовъ; — но, болѣе чѣмъ все это, способствовало тому же результату увеличенное количество денегъ, обращавшихся внутри страны, и постоянно усиливаемый дисконтъ векселей, которымъ занимались отъ 500 до 600 банковъ съ предполагаемымъ капиталомъ въ 400 милліоновъ, причемъ банки норовили перещe-

толять другъ друга, такъ какъ и демократическія, и вигійскія учрежденія этого рода равно желали упрочить за собою между различными партіями репутацію щедрости. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, ввозъ въ 1836 г. превзошелъ, какъ уже было замѣчено выше, вывозъ на сумму въ 50,000,000 дол.; разность эта была покрыта американскими векселями, по которымъ теперь предстояла уплата золотой или серебряной монетой. Какъ разъ въ это время состоялось вышеупомянутое распоряженіе союзнаго правительства (такъ называемый (Specie-circular), которымъ покупщикамъ государственныхъ земель и купцамъ атлантическихъ городовъ вмѣнялось въ обязанностьуплачивать слѣдовавшіе съ нихъ долги, подати и пошлины, не иначе, какъ звонкою монетою; черезъ это въ государственное казначейство притекло до 50,000,000 дол., отсутствіе которыхъ на денежномъ рынкѣ вызвало большое стѣсненіе.

При обстоятельствахъ, сложившихся такимъ образомъ, повышеніе дисконта англійскимъ банкомъ подѣйствовало, какъ громовой ударъ изъ яснаго неба. Кредитъ, который былъ доведенъ безумными спекуляціями до послѣдней степени напряженія, не могъ устоять, и въ тотъ моментъ, когда насталъ срокъ уплаты по векселямъ, выданнымъ на англійскихъ купцовъ, мыльный пузырь лопнулъ. ***Ближайшимъ послѣдствіемъ этого было то, что всѣ банки Содиненныхъ Штатовъ прекратили свои платежи.*** Тотчасъ же билеты ихъ пали на 10—20 процентовъ: билеты въ одинъ долларъ ходили въ Нью-Іоркѣ по 90, а въ Филадельфіи даже по 80 центовъ. Вексельный курсъ на Англію и Францію поднялся на $22^0/_0$. Вслѣдствіе этого звонкая монета почти совсѣмъ исчезла изъ обращенія. Каждый долларъ и каждая золотая монета, какую только можно было достать, скупались денежными маклерами и отсылались въ Англію. Вскорѣ разразились безчисленныя банкротства. Англійскія фирмы, занимавшіяся внѣшней торговлей, потеряли отъ 5 до 6 милліоновъ фунтовъ ст. Еще тяжелѣе были потери, упавшія на тѣ изъ американскихъ фирмъ, которыя остались состоятельными, и на союзное правительство, которое передъ этимъ раздало часть своихъ денегъ, остававшихся свободными, въ ссуды. Цѣны на товары и на земли пали теперь такъ же низко, какъ онѣ передъ этимъ высоко стояли; въ особенности хлопокъ сталъ продаваться за безцѣнокъ. Когда нужда достигла крайнихъ своихъ предѣловъ, нью-іоркскіе купцы обратились за помощью къ банку Соединенныхъ Штатовъ. Отвѣтъ Бидля, этого столь же беззастѣнчиваго, сколько и ловкаго финансиста, такъ характеристиченъ и такъ хорошо обрисовываетъ его тонко расчитанные планы, что мы должны привести его цѣликомъ. Вотъ этотъ отвѣтъ:

„Милостивые Государи! Я получилъ ваше письмо, въ которомъ вы обращаетесь къ банку Соединенныхъ Штатовъ за его содѣйствіемъ для устраненія теперешняго стѣсненнаго положенія торговыхъ дѣлъ. Совѣтъ директоровъ поручилъ мнѣ заняться пріисканіемъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ для до-

стиженія этой цѣли. Всѣ предлагаемые вами планы будутъ немедленно подвергнуты самому тщательному разсмотрѣнію. Затѣмъ, позволю себѣ изложить мое собственное, основанное на моихъ наблюденіяхъ, мнѣніе о томъ, въ чемъ слѣдуетъ искать причины настоящаго кризиса. Событія, произошедшія въ послѣднее время на Югѣ и въ Европѣ, а также нѣкоторыя причины, болѣе давняго происхожденія, парализовали кредитъ, чтó и отозвалось пагубно на всей нашей торговлѣ, какъ внутренней, такъ и внѣшней. Лучшимъ средствомъ противъ этого зла представляется мнѣ замѣщеніе частнаго кредита болѣе прочно-гарантированнымъ и болѣе извѣстнымъ кредитомъ банка Соединенныхъ Штатовъ, который долженъ заступить мѣсто частнаго кредита до тѣхъ поръ, пока послѣдній снова не возстановится. Я примѣню это спасительное средство къ иностраннымъ векселямъ, для чего, взамѣнъ этихъ частныхъ бумагъ, буду выдавать свидѣтельства банка, подлежащія уплатѣ въ Лондонѣ, Парижѣ и Амстердамѣ. Свидѣтельства эти будутъ готовы къ отправкѣ съ слѣдующимъ же почтовымъ пароходомъ и дадутъ возможность странѣ исполнить свои обязательства, передъ заграничными купцами, безъ всякаго ущерба для себя, простымъ предоставленіемъ своихъ продуктовъ и своего наличнаго капитала въ залогъ. Ту же мѣру совѣтывалъ бы я примѣнить и внутри страны. Таковы двѣ мѣры, представляющіяся мнѣ наиболѣе соотвѣтствующими обстоятельствамъ настоящаго времени; онѣ помогутъ странѣ выйти самымъ блистательнымъ образомъ изъ затрудненій, въ которыя она попала. Чтобы внушить довѣріе другимъ, мы должны, прежде всего, имѣть довѣріе къ самимъ себѣ. Въ прошломъ мы пережили и превозмогли гораздо худшія затрудненія. Да будетъ мнѣ позволено выразить свою непоколебимую увѣренность въ томъ, что городъ нашъ не отступитъ, для поддержанія своей высокой, всесвѣтной репутаціи, передъ нѣкоторыми временными жертвами, которыхъ требуютъ его кредитъ и его честь".

Въ то время, когда разразился кризисъ, самъ банкъ Соединенныхъ Штатовъ находился далеко не въ блистательномъ положеніи; по этому ничто не могло быть такъ пріятно директору этого учрежденія, какъ пріостановка платежей, объявленная другими банками, и ходатайство нью-іоркскихъ купцовъ. Въ началѣ апрѣля 1837 г. положеніе дѣлъ было слѣдующее: нью-іоркскіе банки первые пріостановили свои платежи, и въ числѣ основаній, которыми они объясняли этотъ шагъ, на первомъ планѣ стоялъ—значительный спросъ на звонкую монету для вывоза за границу. Затѣмъ, всѣ прочіе банки въ странѣ тоже пріостановили свои платежи, объявивъ, что возобновятъ ихъ, какъ скоро нью-іоркскіе банки подадутъ имъ въ этомъ отношеніи примѣръ. Банкъ Соединенныхъ Штатовъ тоже пріостановилъ свои платежи вмѣстѣ съ другими, причемъ Бидль объявилъ, что банкъ продолжалъ бы платить, еслибы его не подрѣзали другіе нью-іоркскіе банки. Насколько это заявленіе было искренно, можно судить изъ того, что впослѣдствіи, когда нью-іоркскіе банки опять возобновили

свои платежи и выразили желаніе, чтобы и другіе банки послѣдовали ихъ примѣру, большинство этихъ послѣднихъ отказалось, а Бидль энергичнѣе всѣхъ интриговалъ противъ возобновленія платежей подъ тѣмъ предлогомъ, что надо прежде дождаться результата жатвы этого года.

Бидль, повидимому, только дожидался пріостановки платежей банками, чтобы выступить съ своими грандіозными и эфемерными проектами, которыми онъ добивался ни больше, ни меньше, какъ возможности эксплуатировать общественный кредитъ стараго и новаго свѣта въ свою пользу. Банкъ Соединенныхъ Штатовъ, въ сущности давно уже несостоятельный, могъ, какъ было замѣчено выше, выпутываться лишь помощью самыхъ обширныхъ спекуляцій, изъ которыхъ одна покрывала другую, и помощью безпримѣрныхъ дотолѣ злоупотребленій векселями и бумажными деньгами. Пріостановка платежей другими банками была какъ разъ на руку Бидлю. Онъ приложилъ все свое стараніе, чтобы запутать въ паутину своихъ спекуляцій какъ можно больше банковъ и купцовъ, нетолько въ Новомъ Свѣтѣ, но и въ главѣйшихъ торговыхъ городахъ Европы. Этимъ онъ разсчитывалъ установить солидарность кредита, при которой всѣ участники были бы заинтересованы въ существованіи банка Соединенныхъ Штатовъ и, въ случаѣ нужды, должны бы были оказать ему поддержку. И это отчасти ему удалось, такъ какъ еще въ 1840 г. въ балансъ банка входили цѣнныя бумаги отдѣльныхъ штатовъ на сумму 53,000,000 дол., отъ курса которыхъ зависѣлъ благопріятный, или неблагопріятный исходъ ликвидацій банка.

Главнѣйшимъ средствомъ, на которое опирался директоръ банка Соединенныхъ Штатовъ, была *монополизація хлопчато-бумажнаго рынка*—спекуляція, которая, по громадности размѣровъ и по рискованности, не имѣетъ другой себѣ равной ни въ предшествующихъ, ни въ послѣдующихъ періодахъ. Оказывая, съ одной стороны, помощь нью-іоркскимъ купцамъ, своими векселями и почтовыми билетами, „банкъ Соединенныхъ Штатовъ", въ то же время, стремился упрочить свой кредитъ въ Европѣ тѣмъ, что выступалъ въ роли крупнѣйшаго торговца хлопкомъ въ цѣломъ мірѣ, въ роли комиссіонера по главнѣйшему продукту Америки.

Выше было уже говорено, что, съ наступленіемъ кризиса, цѣна на хлопокъ въ Соединенныхъ Штатахъ пала такъ низко, что продуктъ этотъ не давалъ плантаторамъ никакой, или почти никакой выгоды. Тутъ вмѣшался въ дѣло банкъ Соединенныхъ Штатовъ и предложилъ плантаторамъ значительныя ссуды подъ ихъ хлопокъ, съ тѣмъ условіемъ, что послѣдній будетъ отсылаться агентамъ банка въ Ливерпулѣ и Гаврѣ. Плантаторы, которые, вслѣдствіе внезапной остановки въ торговлѣ, находились въ самомъ стѣсненномъ положеніи, охотно согласились на предлагаемую сдѣлку. Такимъ образомъ, банкъ Соединенныхъ Штатовъ сталъ отправлять громадныя партіи хлопка въ вышеназванные Европейскіе города и давалъ имъ тамъ накопляться въ огромные запасы.

Такъ какъ Америка производитъ почти все количество сыраго хлопка, выдѣлываемаго въ Европѣ, и черезъ это пользуется въ нѣкоторомъ родѣ естественнымъ монополемъ, то банку удалось нетолько удержать цѣны хлопка отъ дальнѣйшаго паденія, но и поднять ихъ снова на значительную высоту и, такимъ образомъ, продать свои запасы съ немалымъ барышомъ. Черезъ это банкъ реализировалъ въ Лондонѣ и Гаврѣ значительныя суммы наличныхъ денегъ, которыя дали ему возможность еще болѣе расширить кругъ своихъ операцій. Онъ въ такомъ обиліи пускалъ свои векселя на лондонскій денежный рынокъ, что въ теченіе одного только 1837 г. сумма векселей, выданныхъ банкомъ на Англію, превысила, какъ утверждаютъ, 3,000,000 ф. ст. Тѣмъ не менѣе, векселя эти, благодаря высотѣ платимаго по нимъ процента, — отъ 5 до 6 процентовъ,—при низкомъ состояніи дисконта въ самой Англіи (отъ $2^1/_2$ до 3-хъ процентовъ), легко находили себѣ куда пристроиться. До сихъ поръ все шло хорошо, не взирая на то, что банкъ, пустившись въ такія предпріятія, превысилъ свои законныя права и,—употребляя сравненіе, заимствованное изъ новѣйшихъ временъ,—перещеголялъ даже французскій Crédit mobilier. Такимъ образомъ, банкъ Соединенныхъ Штатовъ наживалъ большіе барыши, если и не въ качествѣ торговца хлопкомъ, то въ качествѣ вексельнаго маклера (ибо Бидль платилъ плантаторамъ бумагою, изготовляемою въ неистощимомъ изобиліи печатными станками банка, между тѣмъ какъ самъ онъ выручалъ за продажу хлопка въ Европѣ чистыя деньги). Это вызвало вскорѣ соперниковъ банку въ господахъ, спекулировавшихъ на хлопокъ въ штатахъ, гдѣ сосредиточивалось по преимуществу производство этого продукта; господа эти нашли, что они этотъ барышъ могли бы положить и въ свой собственный карманъ. Такимъ образомъ, въ Миссури, Арканзасѣ, Элебэмѣ и Луизьянѣ возникло во второй половинѣ 1837 г. множество банковъ, которые единственной своей цѣлью имѣли—снабжать плантаторовъ денгами взаймы и, затѣмъ, отправлять хлопокъ и другіе продукты за свой собственный счетъ въ Европу. Эти банки, основавшіеся съ очень незначительнымъ капиталомъ, выпускали бумажныя деньги безъ мѣры и безъ надобности и, вообще, такъ дурно вели свои дѣла, что билеты ихъ въ 1838 г. теряли отъ 25 до 30 процентовъ, и плантаторы, подъ конецъ, стали отказываться ихъ принимать.

Банкъ Соединенныхъ Штатовъ опасался, какъ бы заграничные капиталисты не задумали воспользоваться этимъ стѣсненнымъ положеніемъ плантаторскихъ банковъ и не начали скупать хлопокъ на самыхъ мѣстахъ его производства, чѣмъ сдѣлали бы такой подрывъ дѣятельности банка Соединенныхъ Штатовъ, что онъ уже не въ состояніи былъ бы сбывать съ выгодою свои огромные запасы хлопка. Поэтому, банкъ рѣшилъ прійти на помощь къ южнымъ банкамъ и втянуть ихъ въ кругъ своихъ собственныхъ операцій, съ тѣмъ, чтобы повторить свои спекуляціи и упрочить за собою монополь торговли хлопкомъ

навсегда. Въ сущности банкъ Соединенныхъ Штатовъ просто перевелъ дѣла этихъ банковъ на себя, потому что онъ скупилъ бо̀льшую часть ихъ акцій посредствомъ своихъ почтовыхъ билетовъ, изъ которыхъ часть была выпущена имъ съ двухгодичнымъ срокомъ уплаты по нимъ. Такимъ образомъ, банкъ пускалъ въ торговое обращеніе до 100,000,000 дол. ежегодно, и утверждаютъ, что въ 1838 г. онъ всадилъ въ одни южные банки до 20,000,000 дол. по 7% и съ разсрочкою уплаты капитальной суммы на три года, причемъ уплата эта долженствовала производиться изъ денегъ, вырученныхъ съ продажи хлопка. Дѣло дошло до такой точки, на которой удержать долѣе монополь за собою можно было только посредствомъ новаго расширенія своихъ оборотовъ. Когда акціи южныхъ банковъ стояли на десять процентовъ ниже пари, банкъ Соединенныхъ Штатовъ скупалъ ихъ цѣлыми массами. Теперь, когда, благодаря оказанной такимъ образомъ поддержкѣ, акціи эти снова поднялись до номинальной цѣны, банкъ Соединенныхъ Штатовъ спустилъ ихъ на лондонскомъ рынкѣ, который продолжалъ принимать даже и эти бумаги.

Чтобы объяснить необычайный кредитъ, которымъ пользовались въ Европѣ Соединенные Штаты вообще и банкъ Соединенныхъ Штатовъ въ особенности, необходимо упомянуть, что погашеніе союзныхъ долговъ изъ излишка доходовъ центральнаго правительства успѣло бросить ложный свѣтъ на кредитъ отдѣльныхъ штатовъ, а также различныхъ корпорацій. Поэтому, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ уже на американскія бумаги былъ большой спросъ; европейскій, въ особенности англійскій, денежный рынокъ помѣщалъ въ этихъ бумагахъ значительные капиталы, и такъ какъ въ первые годы не случилось ничего такого, что̀ могло бы поколебать это хорошее мнѣніе, то это помѣщеніе капиталовъ въ американскія бумаги продолжалось и дошло до колоссальной цифры 150,000,000 дол., которая въ 1840 г. возрасла даже до 200,000,000 дол., а въ позднѣйшее время дошла до того, что утроилась. Нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ, безспорно, имѣли весьма солидное обезпеченіе и заслуживали то довѣріе, которое имъ оказывалось, но за то весьма многія его совсѣмъ не заслуживали. Тѣмъ не менѣе, въ бумагахъ штата Пенсильваніи было пристроено на 16,000,000 дол. европейскаго капитала, въ бумагахъ банка Соединенныхъ Штатовъ — на 20,000,000 дол., и, между прочимъ, въ бумагахъ штата и банка Луизьяны — на 21,000,000 дол., причемъ названный банкъ выдавалъ билеты, часть которыхъ подлежала оплатѣ черезъ годичный срокъ, а часть — черезъ два года, и даже три года.

Бидль дошелъ даже до того, что составилъ планъ поддержать отдѣльные штаты кредитомъ союза, но этотъ планъ встрѣтилъ непреодолимое препятствіе къ своему осуществленію, такъ какъ противъ него возсталъ самый вліятельный изъ политическихъ дѣятелей юга, *Кэлоунъ*, объявившій, что несправедливо бу-

детъ заставлять экономически здоровые и солидные штаты платиться за бумажныя спекуляціи другихъ штатовъ.

Какъ-бы то ни было, банкъ Соединенныхъ Штатовъ съумѣлъ очень ловко эксплуатировать тотъ кредитъ, которымъ, какъ выше было упомянуто, американскія бумаги пользовались на европейскомъ денежномъ рынкѣ, и ему удалось, посредствомъ векселей, „почтовыхъ билетовъ“ и другихъ бумагъ, подлежавшихъ оплатѣ въ Америкѣ, стянуть къ себѣ громадныя суммы на лондонскомъ денежномъ рынкѣ. Какъ мы уже говорили выше, эти бумаги, дававшія отъ 5 до 6%, покупались тѣмъ съ большею жадностью, что дисконтъ лондонскихъ банковъ не превышалъ $2^1/_2$—3%. Но, мало по малу, американскія бумаги таки запрудили англійскій денежный рынокъ, и съ марта 1838 г. векселя Соединенныхъ Штатовъ пошли тамъ далеко не такъ бойко.

Между тѣмъ, колоссальныя спекуляціи съ хлопкомъ, которыя производилъ Бидль, платя въ Америкѣ бумажными деньгами и продавая въ Лондонѣ на звонкую монету, не могли не обратить на себя съ теченіемъ времени вниманія торговаго міра. Между американскими купцами стали раздаваться жалобы на ущербъ, проистекавшій отъ этого для ихъ торговли, такъ какъ банкъ продолжалъ свое рискованное предпріятіе уже третій годъ. Въ то же время запасъ хлопока, дѣлаемый банкомъ, накоплялся все болѣе и болѣе. Съ іюня до начала іюля запасъ этотъ возросъ у ливерпульскихъ агентовъ съ 58,000 тюковъ до 90,000 тюковъ. На хлопчатобумажную спекуляцію Бидлемъ было затрачено не менѣе 15,000,000 дол. Рынокъ былъ переполненъ и цѣны нельзя было болѣе надѣяться удержать.

Въ то время, когда посѣдѣвшіе финансисты Англіи тревожно покачивали головами на эти отчаянныя спекуляціи и предостерегали отъ ихъ послѣдствій, у американскихъ плантаторовъ тоже постепенно раскрывались глаза. Что купцы были, такъ сказать, ограблены банкомъ и высказывали свое недовольство, объ этомъ мы уже упоминали; но эта, такъ называемая, поддержка, оказываемая банкомъ Соединенныхъ Штатовъ торговлѣ хлопкомъ, не шла въ прокъ и плантаторамъ, такъ какъ искусственно поднятыя цѣны не могли долгое время продержаться, а производители хлопка могли, между тѣмъ, сбывать бумаги, полученныя ими отъ южныхъ банковъ, которые орудовали за одно съ Бидлемъ, не иначе, какъ съ потерею 15—25 процентовъ, теряя такимъ образомъ снова выгоду отъ хорошихъ цѣнъ на хлопокъ.

Кризисъ надвигался все ближе. Сборъ хлопка оказался въ этомъ году на 400,000 тюковъ, т. е., на одну пятую ниже ожидавшейся цифры. Полагали, что это подниметъ еще выше цѣны хлопка въ Европѣ, но ожиданіе это не сбылось. Дѣло въ томъ, что нетолько оставался значительный запасъ хлопка отъ предшествующихъ годовъ, но и тутъ повторился фактъ, произошедшій въ 1825 г.: высокія цѣны вызвали появленіе хлопка на рынкѣ со всѣхъ концовъ земли и,

въ то же время, побудили фабрикантовъ ограничить потребленіе этого продукта. Не обращая вниманія на это, банкъ Соединенныхъ Штатовъ продолжалъ посылать тюки за тюками въ Гавръ и Ливерпуль. Всѣ предостереженія, приходившія изъ Англіи и Франціи, были напрасны. Такъ какъ продажи запасовъ, произведенныя въ Гаврѣ въ февралѣ и въ мартѣ 1839 г. дали убытокъ, то агенты банка стали удерживать хлопокъ въ своихъ складахъ, давая запасамъ наростать такимъ образомъ еще больше. Какъ скоро Бидль узналъ, что въ торговлѣ хлопкомъ наступилъ застой, онъ тотчасъ же принялъ мѣры, чтобы предупредить угрожавшее затрудненіе новымъ расширеніемъ своихъ предпріятій. Не знаешь, удивляться ли смѣлости этого человѣка, или же смѣяться надъ нимъ. Съ одной стороны, онъ выступилъ съ проектомъ основанія новаго банка въ Нью-Іоркѣ (какъ извѣстно, мѣстопребываніемъ банка Соединенныхъ Штатовъ была Филадельфія) съ основнымъ капиталомъ неменѣе, какъ въ 50,000,000 дол. Съ другой стороны, онъ выпустилъ несмѣтное количество новыхъ долгосрочныхъ „почтовыхъ билетовъ", на которые онъ накупилъ значительное количество американскихъ бумагъ, какъ-то: акцій желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и всевозможныхъ торговыхъ предпріятій; эти бумаги онъ сталъ спускать на лондонскомъ денежномъ рынкѣ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока почтовые билеты не пали въ Америкѣ до 18 процентовъ дисконта, и пока кредитъ американскихъ векселей и бумагъ, въ Лондонѣ и на другихъ денежныхъ рынкахъ Европы, не палъ до того, что ихъ совсѣмъ перестали тамъ принимать. Но мы въ своемъ изложеніи не дошли еще до этого момента.

По 1-е іюля домъ Готтингера въ Парижѣ, также какъ и другіе агенты банка Соединенныхъ Штатовъ, успѣли очень мало продать хлопка по выгоднымъ цѣнамъ. Послѣ того, какъ опытные люди признали попытку монополизировать торговлю хлопкомъ за дутую аферу, домъ Готтингера, который, вѣроятно, имѣлъ основанія опасаться продленія этой колоссальной спекуляціи на 1840 годъ, объявилъ, что не желаетъ болѣе брать на себя это комиссіонерство, которое поглощаетъ слишкомъ большіе капиталы. Въ это самое время въ Парижѣ были получены новые векселя банка Соединенныхъ Штатовъ на значительную сумму, безъ извѣщенія объ отправкѣ соотвѣтствующаго количества денегъ для покрытія векселей. Домъ Готтингера протестовалъ эти векселя, а по его примѣру и домъ Гопе въ Амстердамѣ порвалъ свои связи съ банкомъ Соединенныхъ Штатовъ. Лондонскій агентъ банка, г. Джаундонъ, нашелся вынужденнымъ просить помощи у англійскаго банка, который оказалъ ему ее крайне неохотно, не иначе, какъ подъ поручительствомъ лондонскихъ фирмъ, и потребовавъ въ обезпеченье соотвѣтствующее количество американскихъ бумагъ; правда, эти послѣднія, какъ говорятъ, были самаго плохаго качества и состояли изъ наиболѣе ненадежныхъ банковыхъ и желѣзнодорожныхъ акцій. Векселя, протестованные домомъ Готтингера, хотя и были впослѣдствіи приняты Ротшильдомъ, но, такъ какъ

въ то время ничего не было извѣстно объ условіяхъ этой послѣдней сдѣлки, то недовѣріе, возбужденное протестомъ, только усилилось, и банкъ Соединенныхъ Штатовъ быстрыми шагами сталъ близиться къ кризису, въ которомъ должна была рѣшиться участь и европейскихъ капиталовъ, помѣщенныхъ на сумму свыше 15,000,000 дол. въ бумагахъ отдѣльныхъ штатовъ, банковыхъ и желѣзнодорожныхъ предпріятій,—кризису, о которомъ американскія газеты съ своимъ обычнымъ цинизмомъ говорили, какъ о полезномъ пріемѣ слабительнаго.

Рискованныя операціи банка Соединенныхъ Штатовъ и тонкіе маневры его лондонской агентуры, ввѣренной Джаундону, давно уже возбуждали недовѣріе финансистовъ и ропотъ англійской прессы; тѣ и другая предостерегали легковѣрную публику, чтобы она не давала выманивать у себя изъ кармана свои полновѣсныя гинеи посредствомъ Бидлевыхъ клочковъ бумаги. Въ особенности Times обращала вниманіе на то, что о надежности банка Соединенныхъ Штатовъ нельзя отнюдь судить, пока онъ не возобновилъ своихъ платежей звонкою монетою. Противъ этого нападенія и другихъ подобныхъ ему, Бидль старался защититься цѣлымъ роемъ наемныхъ перьевъ, которыя, когда мыльный пузырь грозилъ уже лопнуть, съумѣли проложить себѣ всюду дорогу и даже, въ 1839 г., втерлись въ Аугсбургскую газету. Эти наемные приверженцы доказывали, что тѣ 150,000 тюковъ хлопка, которые были отправлены имъ въ Европу, не были пріобрѣтены имъ куплею въ свою собственность, а были лишь взяты для продажи на комиссію. Конечно, допускали далѣе старонники, Бидлемъ были выданы подъ этотъ хлопокъ ссуды, но, какъ всякій разумный купецъ, онъ выдавалъ не болѣе $^2/_3$ стоимости продукта, взятой по самой низкой оцѣнкѣ. Эти ссуды были выданы бумажными деньгами, уплата по которымъ звонкой монетой могла быть требуема не ранѣе августа 1839 г. и билетами южныхъ банковъ, поступившихъ всецѣло подъ контроль банка Соединенныхъ Штатовъ, благодаря новой концессіи, выданной сказанному банку штатомъ Пенсильваніей и уполномочившей его скупать билеты другихъ банковъ. Эти билеты теряли отъ 20 до 50 процентовъ въ сравненіи съ билетами сѣверныхъ банковъ, въ томъ числѣ и банка Соединенныхъ Штатовъ, и послѣдній извлекалъ изъ этого обстоятельства, по словамъ защитника, громадныя выгоды. Далѣе, защитники указывали на удобство почтовыхъ билетовъ, выпущенныхъ банкомъ съ тѣмъ, что уплата по нимъ будетъ производиться не ранѣе годоваго срока, чѣмъ сказанный банкъ гарантировалъ себя отъ слишкомъ большого одновременнаго наплыва предъявителей при возобновленіи платежей звонкою монетою. Наконецъ, во всякомъ случаѣ, аргументировлись далѣе, г. Николай Бидль успѣлъ реализировать черезъ покупку хлопка на бумажныя деньги и черезъ продажу

[1]) Въ послѣдствіи сдѣлалось извѣстно, что домъ Ротшильда принялъ векселя лишь послѣ того, какъ представленное ему г. Джауномъ обезпеченье въ 400,000 ф. ст. было признано достаточно гарантирующимъ уплату по

его на звонкую монету, отъ 5 до 6 милліоновъ дол., которые и имѣлъ въ то время въ своемъ распоряженіи въ Лондонѣ.

Но, между тѣмъ какъ кредитъ банка Соединенныхъ Штатовъ поддерживался такимъ образомъ насчетъ нравственности, опротестованіе его векселей въ Парижѣ таки произвело сильное впечатлѣніе въ Англіи и страшно отозвалось въ Америкѣ, гдѣ кризисъ, не допущенный въ 1837 г. вмѣшательствомъ банка Соединенныхъ Штатовъ до ликвидаціи, разразился съ удвоенною силою и, наконецъ, повлекъ за собою полнѣйшее преобразованіе тамошней системы банковъ.

Въ это время англійскій денежный рынокъ находился тоже въ очень стѣсненномъ положеніи; по заявленію палаты депутатовъ, число банкротствъ за этотъ годъ значительно превысило цифру предшествующихъ годовъ: съ 11 іюня 1838 г. по 11-е іюня 1839 г. число банкротствъ въ Лондонѣ простиралось до 306, въ провинціяхъ — до 781, а въ общей сложности — до 1087. Изъ этого числа, 82 банкротства пали на Манчестеръ, 54—на Бирмингамъ, 44—на Ливерпуль и 33—на Лидсъ. Лодонская биржа въ это время была запружена американскими бумагами, которыя, понятнымъ образомъ, при всѣхъ этихъ условіяхъ не шли съ рукъ. То, что уже разъ произошло въ 1837 г., но было устранено вмѣшательствомъ банка Соединенныхъ Штатовъ, повторилось и теперь. Насталъ кризисъ американскихъ займовъ въ Европѣ, но кризисъ усиленный всѣми прямыми или косвенными займами, заключенными Америкой въ Европѣ и достигшими за послѣдніе три года приблизительной суммы въ 75,000,000 дол. Такъ же, какъ и въ Лондонѣ, вскорѣ и въ самой Америкѣ сдѣлалось невозможно сбыть съ рукъ акціи и облигаціи иначе, какъ съ огромными потерями, или же онѣ и вовсе перестали находить покупщиковъ; насталъ такой застой въ торговлѣ, что наличныхъ денегъ нельзя было иначе достать, какъ за 20 и за 30% въ годъ, а дисконтъ наиболѣе надежныхъ векселей возросъ до 15—18%.

Недовѣріе, возбужденное американскими бумагами, еще усиливалось тѣмъ легкомысліемъ, съ которымъ нетолько банки, но и отдѣльные штаты заключили подобные займы. Правда, большинство этихъ займовъ предназначались для сооруженія новыхъ желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, но, до сихъ поръ, проценты по нимъ покрывались исключительно новыми займами, и кредитъ такъ былъ истощенъ, что богатая Пенсильванія была не въ состояніи собрать сумму въ 1,150,000 дол, и что президентъ Бухананъ въ іюлѣ 1839 г. писалъ: „Нашъ долгъ ежегодно возрастаетъ, такъ какъ мы вынуждены каждый годъ занимать

векселямъ. Обезпеченье это состояло изъ правительственныхъ бумагъ различныхъ штатовъ Америки, изъ акцій желѣзныхъ дорогъ, банковъ и каналовъ.

деньги, чтобы уплачивать проценты по прежнимъ займамъ. Наши общественныя предпріятія, на которыя мы расчитываемъ для покрытія этихъ процентовъ, правда, очень выгодны для штата, но, до сихъ поръ, доходы съ нихъ почти всецѣло поглощаются расходами на поддержаніе самыхъ предпріятій". О погашеніи долга нечего было и думать, и если дѣла такъ обстояли въ Пенсильваніи, богатѣйшемъ изо всѣхъ штатовъ, то можно себѣ представить, что было въ остальныхъ штатахъ. При этомъ, стоитъ упомянуть наивное признаніе „Чарльстонскаго Меркурія": Мы полагаемъ, что ни одинъ изъ штатовъ, сдѣлавшихъ займы, не попытался еще начать по нимъ уплату. Мы не думаемъ, чтобы хоть одинъ штатъ рѣшился декретировать прямые налоги для сооруженія каналовъ, шоссейныхъ и желѣныхъ дорогъ". Въ Нью-Іоркѣ и Филадельфіи народъ высказывался даже на митингахъ противъ займовъ и не разъ заявлялъ, что ни признавать эти займы, ни платить по нимъ проценты не намѣренъ. Въ законодательныхъ собраніяхъ штатовъ Нью-Іорка и Пенсильваніи тоже раздавались голоса, высказывавшіеся въ томъ же смыслѣ; расточительность, въ которую займы вовлекли правительство отдѣльныхъ штатовъ, возбуждала всеобщее неудовольствіе.

Между англійскими капиталистами господствовалъ паническій страхъ; убытки простирались до нѣсколькихъ милліоновъ, и многіе опасались, что съ американскими займами повторится та же исторія, какъ и съ испанскими и южно-американскими займами двадцатыхъ годовъ.

Между тѣмъ, банкъ Соединенныхъ Штатовъ дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы удовлетворить лежавшимъ на немъ обязательствамъ; но прежній союзникъ банка, американская система бумажныхъ денегъ, сдѣлался теперь злѣйшимъ его врагомъ. Такъ какъ въ Англіи банку отказывали въ деньгахъ, то пришлось искать ихъ въ Америкѣ. Банкъ завалилъ американскій денежный рынокъ такою массою почтовыхъ билетовъ, которые онъ спускалъ съ мѣсячнымъ дисконтомъ въ $1-1^1/_2$ процента, лишь бы сколотить посредствомъ ихъ требовавшееся количество звонкой монеты, — что дисконтъ въ обыкновенной торговлѣ возросъ до $25^0/_0$, и даже правительства отдѣльныхъ штатовъ не могли добыть денегъ, такъ какъ они не соглашались платить такіе чудовищные проценты. Въ то же время, теперь, когда кризисъ разразился, безпощадность, съ которою банки стали тѣснить торговую публику, равнялась той предупредительности, которою они прежде поощряли ее заключить самые опрометчивые займы. Банкъ Соединенныхъ Штатовъ, для поддержанія своего кредита, уплатилъ по своимъ почтовымъ билетамъ, срокъ которыхъ истекъ, но все же, онъ старался оттянуть эту уплату насколько возможно и съ этою цѣлью одно время принималъ почтовые билеты только въ Филадельфіи; вмѣсто того, чтобы выдавать по нимъ деньги, какъ то было прежде обѣщано, въ то же время, онъ

напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы удержать другіе банки отъ возобновленія платежей звонкою монетой.

Между тѣмъ, борьба между банковой партіей и ея противниками, во главѣ которыхъ стоялъ президентъ Ванъ-Бьюренъ, продолжалась своимъ чередомъ. Противники банковъ объявили, что выпускъ на 4,000,000 дол. билетовъ бывшаго банка Соединенныхъ Штатовъ, новымъ учрежденіемъ, получившимъ концессію отъ штата Пенсильваніи, есть не что иное, какъ обманъ, такъ какъ союзъ являлся отвѣтственнымъ за эти билеты бывшаго національнаго банка, и потому билеты эти, съ той минуты, какъ кончилась концессія стараго банка, не могли быть болѣе пускаемы въ обращеніе. Вслѣдствіе этого сенатъ особымъ закономъ запретилъ на будущее время выпускъ этихъ „воскресшихъ билетовъ", какъ ихъ называли, и за нарушеніе этого закона назначилъ наказаніе. Правительство Соединенныхъ Штатовъ имѣло на банкахъ со времени остановки платежей звонкою монетою значительные долги, на одномъ Бидлѣ оно имѣло до 6,000,000 дол. Эти суммы, вмѣстѣ съ тѣми таможенными пошлинами, слѣдовавшими съ купцовъ, составляли до 40,000,000 дол. Что касается пошлинъ, то ихъ въ то время нельзя было требовать, такъ какъ онѣ были уплачены негодными бумажными деньгами. Между тѣмъ, правительство нуждалось въ деньгахъ, и потому потребовало отъ конгресса разрѣшенія на выпускъ свидѣтельствъ казначейства на сумму 10,000,000 дол. Банковой партіи хотѣлось довести правительство до банкротства, чтобы вынудить его обратиться къ помощи банковъ, и вліяніе этой партіи было такъ велико, что ей удалось оттянуть требуемое разрѣшеніе конгресса на многія недѣли. Въ концѣ концовъ, однако, правительство таки настояло на своемъ. Другое пораженіе понесла партія банковъ въ новомъ нападеніи, произведенномъ ею на правительство и состоявшемъ въ томъ, что она пыталась добиться отмѣны „Specie-Circular", съ цѣлью принудить само правительство обратиться къ системѣ бумажныхъ денегъ. Законъ прошелъ. Въ силу его, секретарь казначейства не долженъ былъ дѣлать впредь никакого различія между бумажными и металлическими деньгами при пріемѣ платежей въ различныхъ отрасляхъ государственнаго дохода. Партія банковъ ликовала. Бидль не преминулъ тотчасъ же воспользоваться положеніемъ въ свою пользу. Онъ объявилъ, что намѣревается вскорѣ возобновить платежи звонкой монетой, добился такимъ образомъ повышенія въ курсѣ акцій банка и, затѣмъ, спустилъ эти акціи на рынокъ, чтобы тотчасъ же положить эскontировать прибыль съ нихъ. Само собою разумѣется, обѣщанія своего Бидль и не думалъ исполнить: онъ зналъ очень хорошо, что законъ есть мертвая буква; такъ какъ отмѣненный имъ Specie-Circular уже долгое время совсѣмъ не соблюдался по той причинѣ, что, вслѣдствіе пріостановки платежей банками, всѣ покупки государственныхъ земель производились посредствомъ свидѣтельствъ государственнаго казначейства, стоявшихъ *al pari*. Радость банковой партіи была вскорѣ

нарушена вторымъ циркуляромъ казначейства, который подтверждалъ всѣмъ правительственнымъ пріемщикамъ, чтобы они отнюдь не принимали банковые билеты достоинствомъ ниже одного доллара, вовсе не принимали билеты такихъ банковъ, которые выпускаютъ билеты достоинствомъ ниже пяти долларовъ, не принимали такихъ ассигнацій, которыя на мѣстахъ своего выпуска не оплачиваются немедленно по предъявленіи звонкою монетой, наконецъ, не принимали такихъ свидѣтельствъ, которыя не обмѣниваются повсемѣстно на чистыя деньги. Банковой партіи хотя и удалось добиться смягченія этого запрета въ томъ, что касалось билетовъ банковъ, выпускавшихъ бумажныя деньги достоинствомъ ниже двадцати дол., но эта мѣра не могла уже болѣе удержать партію отъ грозившаго ей паденія.

Наконецъ, послѣ восьмилѣтней борьбы, полное отдѣленіе государственныхъ финансовъ отъ банковъ, отдѣленіе, давно уже рѣшенное въ законодательномъ порядкѣ, было проведено и фактически. Мы уже упоминали выше, что въ 1836 г. былъ изданъ законъ, въ силу котораго союзное правительство, по истеченіи концессіи банка Соединенныхъ Штатовъ, могло довѣрять союзные капиталы лишь такимъ банкамъ, которые, во всякое время, готовы были оплачивать свои билеты звонкою монетою. Въ силу этого закона, послѣ того, какъ въ 1837 г. всѣ банки пріостановили платежи звонкою монетою, правительство обязано было позаботиться о помѣщеніи своихъ денегъ инымъ способомъ и поручило чиновникамъ казначейства и почтоваго вѣдомства пріискать къ тому средства. Но на этомъ дѣло и остановилось, потому что правительство, въ продолженіе двухъ сессій конгресса, не могло прійти ни къ какому соглашенію относительно способовъ осуществить отдѣленіе финансоваго управленія отъ банковъ. Наконецъ, въ 1840 г. президенту Ванъ-Бьюрену удалось провести въ конгрессѣ такъ называемый Subtreasury Bill и порвать, такимъ образомъ, окончательно цѣпь, связывавшую правительство съ банками. Съ тѣхъ поръ храненіе государственныхъ денегъ и управленіе ими поручается правительственнымъ чиновникамъ.

Между тѣмъ, кризисъ въ Америкѣ производилъ страшныя опустошенія; сотни торговыхъ домовъ пали, и такъ какъ при этомъ становилось все болѣе и болѣе очевидно, что главная вина за это положеніе дѣлъ падаетъ на банки, которые еще болѣе затягивали его пріостановкою своихъ платежей, то конгрессъ рѣшился, наконецъ, поставить банкамъ на выборъ: или возобновить свои платежи звонкою монетою въ трехмѣсячный срокъ, или ликвидировать свои дѣла. Вслѣдствіе этого рѣшенія, штатъ Пенсильванія, съ своей стороны, назначилъ срокъ, въ который должны были возобновить свои платежи всѣ пенсильванскіе банки и, главнымъ образомъ, банкъ Соединенныхъ Штатовъ, къ которому, еще передъ этимъ, правительство напрасно обращалось съ приглаше-

ніемъ представить гласный отчетъ о положеніи своихъ дѣлъ. Срокомъ для возобновленія платежей было назначено 15-е января 1841. г.

Правительство, очевидно, рѣшилось или согнуть банки, или сломать ихъ и выйти, наконецъ, хоть посредствомъ ликвидаціи изъ неизвѣстности, которая только ухудшала финансовое бѣдствіе.

Упомянутое рѣшеніе не преминуло произвести чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Акціи банка Соединенныхъ Штатовъ, который въ 1839 г. не далъ никакихъ дивидендовъ и для перваго семестра 1841 г. сулилъ тотъ же утѣшительный результатъ, пали, къ ужасу европейскихъ своихъ 1,500 акціонеровъ, до 61. Всѣ были убѣждены, что банку Соединенныхъ Штатовъ ничего болѣ не остается, какъ ликвидировать свои дѣла, и что при этомъ едва ли очистится и 50%. Событіе это дѣйствительно наступило въ 1841 г. и, такимъ образомъ, кончился этотъ періодъ грандіозныхъ банковыхъ плутенъ въ Америкѣ.

Не болѣе, какъ за два года до этого событія одна нью-іоркская газета высказывала слѣдующее сужденіе о директорѣ банка, Бидлѣ: „Та же самая страница исторіи, на которую занесено безуміе Джексона въ ожесточенной борьбѣ противъ государственнаго банка и противъ денежной системы страны, впослѣдствіи передастъ потомству имя Николая Бидля, какъ имя одного изъ искуснѣйшихъ финансистовъ и безкорыстнѣйшихъ патріотовъ девятнадцатаго столѣтія". Теперь же, Нью-іоркскій „Herald" помѣщалъ на своихъ столбцахъ извѣщеніе о смерти банка Соединенныхъ Штатовъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Въ прошлую среду скончался на 30-мъ году отъ роду банкъ Соединенныхъ Штатовъ. Уже нѣсколко лѣтъ передъ этимъ онъ чувствовалъ постепенно возрастающій упадокъ силъ, и знаменитый докторъ Джексонъ совѣтовалъ ему удалиться на покой. Но больной былъ очень неугомоннаго темперамента и, кромѣ того, докторъ Бидль имѣлъ болшое вліяніе на него, а потому онъ послушался совѣтовъ, предписывавшихъ ему усиленный моціонъ; черезъ это, онъ повредилъ себѣ въ особенности тѣмъ, что попробовалъ поднять слишкомъ тяжелый тюкъ хлопка, чтó вызвало черезмѣрное усиленье въ кровообращеніи и выдѣленіе пота. Слабительныя (*draughts*—чтó по англійски одновременно значитъ: трассированный вексель)—были даны ему въ пріемахъ, быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, но увы!, подобно противоядіямъ, долженствующимъ поддержать гаснущую искру жизни, пріемы эти подѣйствовали слишкомъ сильно на ослабѣвшій организмъ, и больной окончилъ свое существованіе безъ особенныхъ предсмертныхъ мученій. Потеря его будетъ многими горько оплакиваема, въ особенности же нѣкоторыми бѣдными газетными писаками, которымъ покойный щедрою рукою расточалъ свои благодѣянія. Миръ праху его!"

Мы заключимъ наше изложеніе, приведя слова Буханана, воззрѣнія котораго, какъ извѣстно, отличались сильно южанскимъ колоритомъ. „Еслибы банкъ Соединенныхъ Штатовъ, послѣ того, какъ онъ пересталъ быть государствен-

нымъ учрежденіемъ и получилъ новую концессію отъ штата Пенсильваніи, ограничился своимъ банковымъ дѣломъ, употребилъ средства на регулированье вексельнаго курса внутри страны и, главное, еслибы онъ положилъ начало возобновленію платежей звонкою монетою, то была бы возмоможность новому національному банку возродиться, на подобіе феникса, изъ пепла стараго банка. Опасность эта, по всѣмъ видимостямъ, теперь миновала. Банкъ явно сопротивлялся конгрессу, многократно нарушалъ законы страны и не разъ вмѣшивался въ политику партій. Все это указало народу опасность допускать существованіе учрежденій, пользующихся такими громадными привиллегіями. Г. Бидль самъ завершилъ дѣло, которое было только начато генераломъ Джексономъ".

Послѣ этого великаго всеобщаго банкротства конгрессъ и законодательныя собранія отдѣльныхъ штатовъ занялись преобразованіемъ банковаго законодательства. Они имѣли передъ глазами слѣдующій грозно-поучительный рядъ цифръ о размѣрахъ, въ которыхъ проявлялись американскіе кризисы по порядку своей послѣдовательности; въ 1814 года 90 банковъ прекратили свои платежи; въ 1830 г.—165 банковъ, въ 1837 г.—618 банковъ и въ 1839 г.—959 банковъ, не считая два банковыхъ отдѣленія. Законодательство озаботилось повсюду ограничить выпускъ билетовъ болѣе тѣсными предѣлами и обставить его болѣе строгими гарантіями. Такъ какъ Нью-Іоркскіе банки сдѣлались образцомъ для большинства другихъ банковъ, то мы и привидемъ здѣсь главнѣйшія черты ихъ новаго устройства.

Банковое законодательство штата Нью-Іорка состоитъ изъ 28 статей, представляющихъ отчасти самостоятельные законы, частію же постановленія поясняющаго свойства. Въ силу конституціи штата Нью-Іорка, пересмотрѣнной въ 1846 г., акціонернымъ обществамъ не выдается никакихъ особыхъ концессій, но они могутъ образовываться сами, безъ всякаго правительственнаго разрѣшенія, подъ условіемъ только, чтобы соблюдали установленныя закономъ правила. Къ этому постановленію нельзя отнестись иначе, какъ одобрительно, такъ какъ система концессій даетъ поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ; при этой системѣ нерѣдко полученіе концессіи для новаго общества обусловливается нестолько прочностью и полезностью предпріятія, сколько личными связями и ловкостью предпринимателей.

Другое столь же полезное постановленіе нью-іоркскаго законодательства состоитъ въ томъ, что законодательное собраніе штата не имѣетъ также права выдавать особыя концессіи на образованіе простыхъ или акціонерныхъ банковъ, и что всѣ общества и корпораціи этого рода могутъ образовываться лишь по общему типу, установленному для нихъ законодательствомъ. Далѣе, законодательное собраніе не имѣетъ права издавать никакого постановленія, которымъ санкціонировалась бы пріостановка платежей звонкою монетою частными лицами, или обществами, выпускающими билеты

какого бы то ни было сорта. Исполненіе обществомъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ гарантируется личною отвѣтственностью его участниковъ и другими мѣрами, указанными законодательствомъ. Акціонеры каждаго общества, и, въ особенности, каждаго акціонернаго общества, образующагося съ банковыми цѣлями, выпускающаго банковые билеты или какія бы то ни было кредитныя бумаги, пускаемыя имъ въ обращеніе, лично отвѣтственны за всѣ долги и обязательства общества въ размѣрѣ своего взноса или пая. Законодательство обязано слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ свидѣтельства, или билеты, выдаваемые банкомъ или пускаемые имъ въ обращеніе, какъ деньги, заносились въ оффиціальные списки, и должно требовать, чтобы въ обезпеченье этихъ бумагъ представляема была звонкою монетою сумма, гарантирующая вполнѣ уплату по нимъ. Въ случаѣ несостоятельности банка, или банковаго общества, владѣльцы билетовъ имѣютъ преимущество передъ всѣми остальными кредиторами.

Въ дополненіе къ этимъ общимъ постановленіямъ конституціи было издано 27 различныхъ поясняющихъ постановленій, изъ которыхъ мы упомянемъ лишь наиболѣе существенныя. Однимъ изъ этихъ постановленій учреждался контролеръ, который отъ лица штата заботился объ изготовленіи банковыхъ билетовъ различнаго достоинства, какіе могли понадобиться банкамъ. Эти билеты, при изготовленіи которыхъ предписывалось соблюдать особыя мѣры предосторожности въ предупрежденіе поддѣлокъ, снабжались подписью, нумеровались и заносились въ особыя книги, которыя контролеръ долженъ былъ имѣть для этого въ своей конторѣ.

Когда какое-нибудь частное лицо или общество желаютъ выпустить бумажныя деньги, они должны запастись требующимися для нихъ билетами у контролера, при чемъ обязываются оставить ему въ обезпеченье на ту же сумму облигаціи штата Нью-Іорка, или изъ бумагъ другихъ штатовъ, такія, которыя будутъ принимаемы контролеромъ. Но при этомъ сумма оставляемыхъ бумагъ должна быть такая, чтобы проценты съ нея покрывали 5% съ суммы полученныхъ билетовъ. Въ обезпеченье за банковые билеты принимаются также и облигаціи, обеспеченныя недвижимою собственностью, но оцѣниваются лишь въ половину ихъ номинальной стоимости. Кромѣ того, гарантіи этого послѣдняго рода должны давать 6%. Билеты, гарантированные бумагами штата, носятъ на лицевой сторонѣ штемпель съ надписью: „Secured by the pledge of public stocks“ (обезпечены залогомъ общественныхъ фондовъ). Билеты, обезпеченные цѣнностями второй категоріи, отмѣчаются штемпелемъ съ надписью: „Обезпечено общественными фондами и недвижимой собственностью“. Въ послѣднюю категорію залоговъ принимались и земли, принадлежащія данной компаніи. Учрежденія, выпускающія билеты, могутъ пускать эти билеты въ обращеніе наравнѣ съ деньгами, но при этомъ они

обязаны обмѣнивать ихъ по востребованью, въ обычное дѣловое время дня, между 10 часами утра и 3-мя-пополудни, на установленную закономъ монету Соединенныхъ Штатовъ. Если они уклоняются отъ такого обмѣна, или отказываютъ въ немъ, то каждый владѣлецъ билета имѣетъ право протестовать его въ такомъ случаѣ у натаріуса. Вслѣдъ за этимъ, контролеръ, въ бюро котораго препровождается такой протестъ, и который обязанъ его принять, обращается къ банку, выпустившему билетъ, съ требованіемъ объ уплатѣ по немъ, и если это требованіе въ теченіе десяти дней не было исполнено, то контролеръ (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ оправданіе неуплаты по билету будетъ представлено законное основаніе), объявляетъ въ правительственной газетѣ, что всѣ таковые билеты имѣютъ быть оплачены изъ фондовъ, положенныхъ въ его бюро для ихъ обезпеченія. Каждое общество, внесшее, такимъ образомъ, въ бюро государственнаго контролера обезпеченье выпускаемыхъ имъ билетовъ, пользуется правомъ производить банковыя операціи, дисконтируя векселя, билеты и другія долговыя обязательства, принимая вклады, продавая и покупая золото, серебро, иностранныя монеты и трассированные векселя, выдавая деньги въ ссуду подъ обезпеченіе недвижимаго имущества, или подъ личный кредитъ, и вообще производя всѣ обороты, свойственные банковому дѣлу. Такимъ обществамъ предоставляется, по предварительномъ измѣненіи соотвѣтствующихъ статей своего устава, увеличивать свой акціонерный капиталъ. Акціонеры такихъ обществъ лично не отвѣтственны ни за какіе долги или обязательства обществъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда таковая отвѣтственность выговорена спеціально въ подписанныхъ ими статутахъ. Ни одно такое общество не можетъ пріобрѣтать поземельной собственности, а въ тѣхъ случаяхъ, когда это оказывается необходимымъ, покупка производится на имя предсѣдателя, или другаго должностнаго лица, спеціально назначеннаго съ этою цѣлью уставомъ. Каждое общество обязано въ первый понедѣльникъ мѣсяцевъ: января и іюня, представлять государственному контролеру полугодовой отчетъ въ своей дѣятельности, съ подробнымъ обозначеніемъ актива и пассива. Президентъ и кассиръ каждаго общества должны постоянно имѣть тщательно составленный списокъ всѣхъ акціонеровъ. Никакое общество не имѣетъ права свыше 20 дней имѣть въ своемъ оффиціальномъ помѣщеніи звонкою монетою менѣе $12^1/_2$ процентовъ всего своего обращающагося капитала векселей и билетовъ. Всѣ банки, имѣющіе свыше 200,000 долларовъ основнаго капитала, имѣютъ право выпускать на ту же сумму банковыхъ билетовъ, но отнюдь не свыше ея. Банки не имѣютъ права брать свыше 7 процентовъ на выдаваемыя ими деньги и $^1/_4$ процента комиссіонныхъ; кромѣ полугодовыхъ отчетовъ контролеру, они обязаны представлять ежегодный отчетъ законодательному собранію.

Хотя и при этой организаціи было возможно, что, вслѣдствіе какого-ни-

будь политическаго или торговаго кризиса, курсъ правительственныхъ бумагъ падетъ такъ низко, что билеты, въ случаѣ ихъ опротестованія, не будутъ вполнѣ покрыты этимъ обезпеченіемъ,—но все же, выпускъ билетовъ вдвинутъ этими законами въ такія рамки, что прежнія злоупотребленія бумажными деньгами сдѣлались невозможны.

Но создали ли эти разумныя ограниченія достаточную гарантію противъ злоупотребленій въ остальныхъ отношеніяхъ,—не была ли вызвана, напротивъ, другая, не менѣе великая опасность, черезъ слишкомъ неосмотрительное хозяйничанье довѣряемыми вкладами, черезъ пусканіе ихъ въ оборотъ за слишкомъ высокіе проценты и черезъ слишкомъ щедрое выдаваніе ссудъ,—это мы увидимъ при описаніи одного послѣдующаго эпизода.

О банкротствахъ, произошедшихъ вслѣдствіе кризиса въ промежутокъ времени между 1837—1841 гг., имѣются довольно подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія. На основаніи закона о банкротствахъ, изданнаго 3-го марта 1841 г, въ короткій промежутокъ времени, прошедшій между изданіемъ этого закона и его отмѣною, вслѣдствіе значительныхъ его недостатковъ, 3-го марта 1843 г.—до 33,739 банкротствъ было подчинѣно конкурснымъ управленіямъ, и общая сумма долговъ, окончательно черезъ это похеренныхъ, простиралась до 440,934,615 долларовъ.

ГЛАВА X.

Англійскіе кризисы 1836, 1839 и 1847 гг.

Послѣ 1826 г. англійскому торговому міру понадобилось нѣсколько лѣтъ, чтобы оправиться отъ понесеннаго въ ту пору удара. Благодаря обильнымъ жатвамъ послѣдующихъ годовъ, въ особенности же, первой половины 30-хъ годовъ, благосостояніе настолько возрасло, что норма процентовъ понизилась и спекуляціи опять расчистилось широкое поприще. Съ особеннымъ предпочтеніемъ накинулась она на банковое дѣло. Банковымъ закономъ 1826 г. было разрѣшено учрежденіе акціонерныхъ банковъ съ произвольнымъ числомъ акціонеровъ, за исключеніемъ мѣстностей, лежащихъ въ раіонѣ 65 англійскихъ миль отъ Лондона, между тѣмъ какъ въ силу привиллегіи, прежде выданной англійскому банку, выпускъ билетовъ разрѣшался лишь такимъ банкамъ, число участниковъ въ которыхъ не превышало шести. Въ то же время, всюду, за исключеніемъ Шотландіи, выпускъ билетовъ, достоинствомъ ниже 5 ф. ст., былъ запрещенъ. Этими мѣрами думали предупредить, по возможности, устройствомъ болѣе крупныхъ обществъ, слишкомъ большія колебанія въ курсѣ банковыхъ билетовъ и вообще бумажныхъ денегъ. Въ предѣлахъ вышеуказаннаго раіона—выпуску билетовъ, уплачивае-

мыхъ по предъявленіи и почтовыхъ билетовъ, уплачиваемыхъ по истеченіи извѣстнаго срока, а также дисконтированію векселей частныхъ обществъ были положены извѣстныя границы. Англійскій банкъ пользовался передъ частными банками еще тѣмъ преимуществомъ, что могъ во всѣхъ частяхъ Англіи устраивать свои отдѣленія, билеты которыхъ могли обходиться безъ установленныхъ закономъ штемпелей, если только штемпельная пошлина уплачивалась огуломъ по четвертямъ года.

Въ первыя 7 лѣтъ по изданіи этого закона возникло 37 акціонерныхъ ассигнаціонныхъ банковъ и почти такое же число этихъ учрежденій прибавилось въ послѣдующіе 3 года, до конца 1835 г. Въ 1836 г. горячка спекуляцій до того уже возрасла, что появилось 42 новыхъ ассигнаціонныхъ банка, которые, вмѣстѣ съ своими отраслями, составили 200 учрежденій этого рода, а общая цифра банковъ къ концу 1836 г. дошла до 670, съ 37,000 акціонеровъ; изъ этихъ банковъ три четверти выпускали свои собственные билеты. За послѣдніе два года англійскій банкъ увеличилъ выпускъ своихъ билетовъ на 1,000,000, а акціонерные банки Англіи, Валлиса и Ирландіи—на 3,000,000 ф. ст. Когда спекуляція сдѣлалась снова слишкомъ отчаянною, какъ-будто уроковъ 1825 и 1826 гг. и не бывало, англійскій банкъ, наученный опытомъ, началъ (въ апрѣлѣ 1836 г.) ограничивать выпускъ своихъ билетовъ. Такъ какъ, въ то же время, начались обращенія банка Соединенныхъ Штатовъ къ лондонскому денежному рынку, и убыль золота начала вообще принимать болѣе широкіе размѣры, чѣмъ до сихъ поръ, банкъ увидѣлъ себя вынужденнымъ возвысить свой дисконтъ — въ іюлѣ до $4^1/_2{}^0/_0$, а въ августѣ — до $5^0/_0$. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ указаніемъ, которое давала имъ дирекція англійскаго банка, акціонерные банки усилили выпускъ своихъ билетовъ въ теченіе этого года болѣе, чѣмъ на 50 процентовъ, такъ что стремленіе англійскаго банка удержать вывозъ золота, уменьшившій металлическій запасъ банка на 15 милліоновъ, осталось почти совершенно безъ результата.

Вслѣдствіе этого чрезмѣрнаго напряженія кредита на этотъ разъ тоже насталъ внезапный застой въ дѣлахъ, который нѣкоторые коммерсанты предвидѣли еще лѣтомъ. Большой акціонерный банкъ въ Ирландіи—„Сельско-хозяйственный и торговый банкъ", обанкротился внезапно въ ноябрѣ вмѣстѣ съ своими 30-ю отраслями. Вслѣдствіе этого, публика тревожно устремилась за звонкою монетою въ ассигнаціонные банки, и на сѣверѣ Англіи стали даже опасаться повторенія паники 1825 г. Чтобы предупредить такую катастрофу и отклонить опасность дальнѣйшей убыли своего запаса звонкой монеты, убыли, простиравшейся одно время до $^1/_6$ части всей суммы, находившихся въ обращаніи векселей и другихъ долговыхъ обязательствъ, англійскій банкъ поспѣшилъ прежде всего на помощь большому сѣверному центральному банку въ Манчестерѣ и его 40 отраслямъ, и этимъ, а также дальнѣйшими своими дѣй-

ствіями, спасъ много другихъ учрежденій этого рода. Въ то же время напали на слѣдъ злоупотребленій, которыя были пущены въ ходъ банкомъ Соединенныхъ Штатовъ и другими американскими фирмами для привлеченія къ себѣ звонкой монеты. А именно, когда англійскій банкъ возвысилъ свой дисконтъ и сдѣлалъ ссуды вексельнымъ маклерамъ съ цѣлью облегчить имъ дисконтированье торговыхъ бумагъ, то со всѣхъ сторонъ стала стекаться огромная масса американскихъ бумагъ, и къ общему изумленію оказалось, что шесть лондонскихъ фирмъ и одна ливерпульская промышляли вексельными спекуляціями въ обширныхъ размѣрахъ и выдали ссудъ за счетъ американцевъ не менѣе, какъ на 15—16 милліоновъ, между тѣмъ, какъ собственный ихъ капиталъ для покрытія лежавшихъ на нихъ обязательствъ едва составлялъ одну шестую этой суммы. Дирекція банка дала знать своимъ агентамъ въ Ливерпулѣ, чтобы они векселя нѣкоторыхъ американскихъ фирмъ не принимали вовсе къ учету. Послѣ того, какъ имена этихъ фирмъ, вслѣдствіе нескромности, сдѣлались извѣстны, кредитъ ихъ пошатнулся, и три изъ нихъ, векселя которыхъ, находившіеся въ обращеніи, простирались на сумму $5^1/_2$ милліоновъ, были вынуждены (въ мартѣ 1837 г.) пріостановить свои платежи. Но такъ какъ черезъ это и другіе американскіе дома, общая сумма обязательствъ которыхъ, вмѣстѣ съ вышеназванными, простиралась почти до 12-ти милліоновъ, подверглись величайшей опасности и грозили увлечь за собою въ своемъ паденіи часть и англійскаго торговаго міра, то банкъ поддержалъ три вышеназвавнныя фирмы пока онѣ не успѣли облегчиться отъ значительной части, лежавшихъ на нихъ обязательствъ.

Послѣ этого вторичнаго опыта весьма естественно было желаніе подвергнуть принципы и практику банковаго дѣла новому, болѣе тщательному, разсмотрѣнію. Уже въ парламентскую сессію 1836 г. была назначена коммиссія для отобранія показаній у людей, свѣдущихъ по этому вопросу. Тронная рѣчь 31-го января 1837 г. настоятельно приглашала нижнюю палату обратить серьезное вниманіе на этотъ предметъ и весьма основательно замѣчала при этомъ, что, хотя лучшая гарантія противъ дурнаго управленія банковъ заключается въ честности и умѣлости директоровъ, тѣмъ не менѣе, нельзя пренебрегать никакими законодательными мѣрами, могущими дать новыя гарантіи.

Коммиссія была возобновлена и, наконецъ, были выработаны нѣкоторыя существенныя измѣненія въ устройствѣ акціонерныхъ обществъ и банковъ,—измѣненія, которыя и были утверждены въ парламентѣ закономъ 17-го 1837 года. До изданія этого закона участники какихъ бы то ни было обществъ отвѣчали за обязательства послѣднихъ всѣмъ своимъ состояніемъ; теперь они отвѣчали лишь въ размѣрѣ своихъ акцій. За то основной капиталъ не могъ уже болѣе быть увеличиваемъ въ неограниченныхъ размѣрахъ, и внесеніе именъ акціонеровъ въ списки требовалось самое тщательное. Къ этимъ постановле

ніямъ присоединился еще въ 1844 году законъ, обнимавшій всю организацію акціонерныхъ банковъ и завершившій законодательство по этому предмету. Этимъ закономъ было постановлено, что впредь никакое общество съ составомъ свыше шести членовъ не имѣетъ права заниматься банковымъ дѣломъ въ Англіи иначе, какъ исходатайствовавъ спеціальное разрѣшеніе правительства. Для образованія такого общества необходимо, прежде всего, обратиться съ прошеніемъ въ совѣтъ королевы; въ прошеніи точно обозначаются имена участниковъ общества, его мѣстопребываніе, основной капиталъ, сдѣланные взносы, количество и размѣръ акцій. Это прошеніе, затѣмъ, разсматривается торговою палатой, отъ которой зависитъ и утвержденіе самаго общества. Ни одному обществу не разрѣшается открывать своихъ дѣйствій прежде, чѣмъ уставъ его не утвержденъ окончательно въ законномъ порядкѣ, подписка не покрыла вполнѣ его основной капиталъ и, по крайней мѣрѣ, половина всей суммы акцій не уплочена. *Всѣ участники общества солидарно отвѣтственны за все, касающееся его.* Это послѣднее постановленіе проводитъ весьма существенное различіе между акціонерными банками и другими акціонерными обществами, въ которыхъ, какъ мы упоминали выше, участники, по закону 1837 г., отвѣтственны лишь въ размѣрѣ своихъ паевъ. Съ той поры между практиками и теоретиками успѣлъ разгорѣться большой споръ о преимуществахъ ограниченной и неограниченной отвѣтственности (limited and unlimited liability). Съ перваго взгляда кажется, что приверженцы послѣдней правы, когда они утверждаютъ, что неограниченная отвѣтственность представляетъ сравнительно наибольшія гарантіи противъ спекуляцій и противъ банкротства. Но имъ съ противоположной стороны возражаютъ, что неограниченная отвѣтственность въ большинствѣ случаевъ бываетъ лишь номинальная и что, благодаря ей, публика вовлекается въ такое слѣпое довѣріе, что она, не заботясь собственнымъ умомъ вникать въ дѣло, довѣряетъ зря свои деньги людямъ, которые, хотя и отвѣтственны солидарно между собою, но все же не ограждены черезъ это отъ желанія поскорѣе разбогатѣть и отъ стремленія къ эфемернымъ спекуляціямъ.

Сохранившіеся отъ того времени отчеты о преніяхъ по этому предмету въ парламентѣ и въ коммисіи свидѣтельствуютъ, къ сожалѣнію, что и Англія тогда еще очень недалеко ушла въ правильномъ разумѣніи принциповъ банковаго дѣла и даже основныхъ понятій денегъ, капитала и кредита. Одинъ членъ парламента утверждалъ, что введеніе валюты на серебро устранитъ всѣ непорядки. Другой требовалъ безпрестанныхъ и входящихъ во всѣ мелочи отчетовъ отъ каждаго банковаго учрежденія, въ видахъ установленія надъ ними контроля со стороны англійскаго банка или правительства. Третій высказывался противъ всякихъ справокъ, пока „юные“ банки не успѣютъ показать себя на дѣлѣ. Иные хотѣли объявить англійскій банкъ единственнымъ банкомъ, имѣющимъ право выпускать бумажныя деньги,—или же предоставить выпускъ бу-

мажныхъ денегъ лишь національному банку, который былъ бы отвѣтственъ передъ правительствомъ и передъ парламентомъ. Другіе, напротивъ, стояли за полную свободу въ торговлѣ средствами обмѣна. Въ то же время въ экономическомъ клубѣ было назначено обсужденіе вопроса о деньгахъ; на преніяхъ этихъ присутствовали три министра, внимая различнымъ корифеямъ науки, излагавшимъ поочередно свои воззрѣнія. Но такъ какъ послѣдніе очень рѣзко расходились между собою, и дебаты, не взирая на всю пущенную въ ходъ діалектику, не могли привести ни къ какому соглашенію, то не удивительно, что публика осталась равнодушна, и что ни министры, ни обыкновенные слушатели не вынесли изъ этихъ преній никакихъ болѣе здравыхъ понятій.

Въ 1839 году вслѣдствіе спекуляцій, въ которыя англійскій денежный міръ запутался съ Америкой, а также вслѣдствіе неурожая, разразился снова *денежный кризисъ.* Запасъ наличныхъ денегъ въ англійскомъ банкѣ уменьшился въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ то бывало прежде, такъ что 2-го апрѣля 1839 г. онъ палъ до 2,522,000 ф. ст. Банкъ былъ принужденъ принять разныя экстренныя мѣры, ограничить свой кредитъ и, въ первый разъ еще за все время своей дѣятельности, возвысить свой дисконтъ до 6%, т. е., на 1% свыше установленной закономъ нормы въ 5%. Такъ какъ, одновременно съ этимъ, большіе лондонскіе торговые дома сложились и ссудили банкъ суммою въ 1 милліонъ ф. ст. звонкою монетою, то банку удалось, хотя и не вдругъ, выпутаться изъ этого затрудненія. Какъ было уже нами замѣчено выше, число банкротствъ въ 1838—1839 году значительно превышало обыкновенную годовую цифру банкротовъ. Такъ, въ одномъ Лондонѣ ихъ произошло 306, въ провинціяхъ—781, а въ общей сложности—1082. Въ слѣдующій за тѣмъ годъ нужда между рабочими классами была такъ велика, что чартисты—противники монополя поземельной собственности въ Англіи — пріобрѣли большую силу; фабрики поджигались и въ разныхъ мѣстностяхъ происходили возстанія, которыя подавлялись силою оружія.

Эти безпрестанно повторявшіяся затрудненія, въ которыя впадали банки, и потрясенія, которымъ чрезъ это подвергалась вся денежная система страны, обратили еще разъ вниманіе общественнаго мнѣнія на банковое дѣло. Между высказавшимися въ то время мнѣніями по этому вопросу наиболѣе выдающимся и произведшимъ наиболѣе сильное впечатлѣніе было то, которое содержала въ себѣ брошюра банкира Сэмюэля Джонса *Ллойда*, теперешняго лорда Оверстона, считавшагося въ то время первымъ финансистомъ Англіи. Воззрѣнія эти были приняты тогдашнимъ министромъ, сэромъ Робертомъ Пилемъ, хотя впослѣдствіи и оказались несостоятельными, что́ подало поводъ одному юмористичному экономисту нашихъ дней замѣтить не безъ основанія: „нѣтъ болѣе отчаяннаго доктринера, какъ практикъ, когда онъ принимается писательствовать“.

Заключительные выводы брошюры состояли въ нижеслѣдующемъ: „Соеди-

неніе въ лицѣ банковыхъ директоровъ обязанностей по выпуску билетовъ, съ одной стороны, и по учету векселей и распоряженію вкладами, съ другой — неизбѣжно вызываетъ, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, путаницу.

„При этой несогласимости, или, по крайней мѣрѣ, при этой противорѣчивости общественнаго и частнаго интереса, директора, естественно, всегда будутъ склонны жертвовать первымъ въ пользу послѣдняго. Вслѣдствіе этого, мало вѣроятій, чтобы они (директора) стали такъ регулировать выпускъ билетовъ, что вся масса бумажныхъ и металлическихъ денегъ, пущенная въ обращеніе и имѣющаяся на-лицо, была подвержена не большимъ колебаніямъ, чѣмъ то могло бы быть при исключительно металлической системѣ денегъ.

Естественное ограниченіе, происходящее при чисто-металлической системѣ денегъ, представляетъ дѣйствительное и единственное дѣйствительное средство для постепеннаго задержанія и, подъ конецъ, для полнаго прекращенія вывоза золота, когда таковой происходитъ.

При смѣшанной системѣ, состоящей изъ металлическихъ и бумажныхъ денегъ, можно столько же дѣйствительно защититься отъ убыли звонкой монеты поддержаніемъ такого соотношенія въ количествѣ бумажныхъ и металлическихъ денегъ, чтобы колебанія происходили такъ же и въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и при исключительно металлической системѣ.

„На этихъ-то основаніяхъ и для достиженія изложенной въ послѣднемъ параграфѣ цѣли, необходимо, чтобы дѣйствительный, т. е., непредставляемый и непокрытый запасомъ наличныхъ денегъ, выпускъ билетовъ, былъ сдѣланъ не періодическою, а постоянною операціею“.

Концессія англійскаго банка имѣла еще продолжаться до 1854 г., но въ 1833 г., когда рѣшено было возобновить эту концессію на 21 годъ, было въ то же время постановлено, что черезъ 10 лѣтъ статуты банка могутъ быть измѣнены подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы парламентъ извѣстилъ банкъ объ этомъ за шесть мѣсяцевъ впередъ. Вслѣдствіе этого, когда десятилѣтній срокъ сталъ подходить къ концу, а общественное мнѣніе все рѣзче и рѣзче высказывалось въ пользу реорганизаціи банковаго дѣла, Робертъ Пиль потребовалъ назначенія парламентской Комиссіи, которая должна была изслѣдовать различныя мнѣнія по этому вопросу. Въ то же время посыпался цѣлый дождь брошюръ по тому же предмету, въ которыхъ сторонники исключительно металлической и исключительно бумажной системы денегъ, ограниченной или неограниченной отвѣтственности, горячо полемизировали между собою. Изъ брошюръ споръ перешелъ въ прессу, а оттуда—и въ корпораціи: провинціальные банки впали въ тревогу, когда вдругъ появилась партія, требовавшая, чтобы право выпускать билеты было присвоено лишь одному англійскому банку. Провинціальныя учрежденія сочли, что привиллегіямъ ихъ грозитъ опасность, и стали созывать собранія для обсужденія средствъ предотвратить эту опасность.

Послѣ того, какъ парламентская коммиссія высказала свое мнѣніе по этому предмету въ томъ смыслѣ, что она „никакого мнѣнія не имѣетъ", сэръ Робертъ Пиль, наконецъ, изложилъ передъ парламентомъ свои предложенія въ достопамятной рѣчи, длившейся три часа. Предложеніе было встрѣчено парламентомъ съ полнымъ одобреніемъ. Что же касается торговаго міра, то онъ отнесся къ этому дѣлу такъ равнодушно, что курсъ государственныхъ бумагъ не подвергся ни малѣйшему колебанію.

Сущность предложенія Пиля заключалась въ слѣдующемъ: „Еслибы всѣ торговыя дѣла подданныхъ Великобританіи ограничивались ихъ собственными островами, то обращеніе бумажныхъ денегъ не нуждалось бы въ другихъ гарантіяхъ, какъ государственныя бумаги и свидѣтельства казначейства (послѣднія были процентныя долговыя обязательства государства, выдававшіяся на маленькія суммы и представлявшія текущій государственный долгъ, который или уплачивался изъ году въ годъ и обмѣнивался на новыя свидѣтельства, или же превращался въ консолидированный государственный долгъ). Общее количество билетовъ, обращающихся въ Англіи, на основаніи этого рода гарантій, составляетъ, въ среднемъ выводѣ 20-тилѣтняго періода, около 22 милліоновъ ф. ст. Новое предложеніе клонилось къ тому, чтобы билеты, выпускаемые въ предѣлахъ этихъ 22-хъ милліоновъ, распредѣлить между англійскимъ банкомъ и провинціальными банками такимъ образомъ, чтобы на долю перваго досталось 14 милліоновъ и на долю вторыхъ—8 милліоновъ. Это количество билетовъ не должно было обезпечиваться золотомъ, такъ какъ средній выводъ изъ двадцатилѣтняго опыта показалъ, что количество билетовъ, находящихся въ обращеніи, никогда еще не падало ниже этой цифры, и было въ высшей степени невѣроятно, чтобы при постоянно возрастающей потребности въ денежныхъ знакахъ, потребности, обусловливаемой усиленіемъ промышленныхъ сношеній, за эти билеты когда-либо потребовалась уплата звонкою монетою. Но вся сумма билетовъ, обращающихся въ странѣ, составляла не 22, а 30 милліоновъ фунтовъ. Этотъ излишекъ въ 8 милліоновъ представлялъ, вѣроятно, ту часть денежныхъ знаковъ, которая служитъ или можетъ служить для иностранной торговли. Эта часть билетовъ уже не могла обезпечиваться государственными бумагами, и для нея требовалось обезпеченье металлами; а такъ какъ въ Англіи монетною нормою служитъ золото, то обезпеченье требовалось—золотомъ. Пиль предполагалъ, что для иностранной торговли великобританскихъ подданныхъ требуется по высшей мѣрѣ 8 милліоновъ фунтовъ золотомъ, такъ какъ за долго до того времени, когда сумма эта будетъ вывезена изъ страны, цѣны падутъ такъ низко, что обусловятъ большой вывозъ товаровъ за границу и обратный притокъ золота въ страну. Проэктъ Пиля требовалъ, чтобы было постановлено, что находящійся въ обращеніи излишекъ свыше этихъ 22 милліоновъ банковыхъ билетовъ (покрываемыхъ облигаціями

государственнаго долга и другими государственными бумагами) постоянно былъ обезпечиваемъ соотвѣтствующимъ запасомъ золота. Такимъ образомъ, по мнѣнію автора проэкта, въ курсѣ бумажныхъ денегъ не могло быть другихъ колебаній, кромѣ тѣхъ, которыя будутъ вызываться увеличеньемъ или уменьшеньемъ запаса золота въ англійскомъ банкѣ. При-этомъ, слѣдовало обязать банкъ принимать и оплачивать своими билетами всякій приносимый ему благородный металлъ по оцѣнкѣ, лишь незначительно пониженной противъ цѣны того же металла въ вычеканенной монетѣ (а именно, по оцѣнкѣ 3 ф. ст. 17 шиллинговъ 9 пенсовъ за унцъ, считая послѣдній въ 12-ю долю фунта). Черезъ это, поступающее въ банкъ золото замѣнялось въ обращеніи соотвѣтствующимъ количествомъ бумажныхъ денегъ; когда же, съ другой стороны, золото бралось изъ банка, поступающіе взамѣнъ его билеты подлежали уничтоженію. На необходимость этой новой мѣры предосторожности указывали сами обстоятельства, такъ какъ нерѣдко случалось, что банкъ тотчасъ же снова пускалъ въ обращеніе только что возвратившіеся въ него билеты и черезъ это еще болѣе усиливалъ уменьшеніе своего запаса золота въ такой моментъ, когда золото и само стремилось утекать изъ банка. Въ случаѣ, еслибы который-нибудь изъ провинціальныхъ банковъ и, вообще, изъ ассигнаціонныхъ акціонерныхъ банковъ по какой-либо причинѣ прекратилъ свое существованіе, правительство могло разрѣшить англійскому банку добавочный выпускъ билетовъ безъ металлическаго обезпеченія въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ пользовался этимъ правомъ закрывшійся банкъ. Согласно съ предложеніемъ Ллойда, сэръ Робертъ Пиль раздѣлилъ управленіе банка на два отдѣленія: одно—для выпуска билетовъ, а другое—для чисто банковыхъ операцій.

Предложеніе Пиля было принято значительнымъ большинствомъ голосовъ и 19 іюля 1844 года сдѣлалось закономъ.

Пилевскій законъ низвелъ до умѣренныхъ размѣровъ количество билетовъ, выпускаемыхъ всѣми прочими банками,—англійскими, шотландскими и ирландскими. Кромѣ того, не надо забывать, что въ Англіи не существуетъ государственныхъ бумажныхъ денегъ, и что билеты англійскаго банка признаны закономъ, какъ средство уплаты. Къ этому надо прибавить, что громадные торговые обороты дѣйствительно нуждаются въ значительной суммѣ бумажныхъ денегъ. Всѣми этими обстоятельствами объясняется, какимъ образомъ англійскій банкъ не только оказался въ состояніи выпускать на 14 милліоновъ ф. ст. билетовъ безъ металлическаго обезпеченья, но еще могъ быть уполномоченъ закономъ во время кризисовъ 1847 и 1857 гг. переступить за эту цифру, безъ всякаго вреда для правильнаго хода своихъ дѣлъ. При возобновленіи концессіи англійскому банку въ 1833 г. сумма, которую было должно ему правительство, простиралась до 14,686,800 ф. ст. Согласно принятымъ тогда постановленіямъ, правительство выплатило банку изъ этой суммы 3,671,000 ф. ст., такъ

что оставшійся долгъ правительства составлялъ не болѣе 11,015,100 ф. ст. По Пилевскому закону банкъ былъ раздѣленъ на два, совершенно независимыя другъ отъ друга отдѣленія: на департаментъ выпуска билетовъ (issue department) и на банковый департаментъ въ собственномъ значеніи этого слова(banking department), которые, однако, состояли подъ общимъ управленіемъ. Банкъ не имѣлъ права выпускать билетовъ, необезпеченныхъ золотомъ, болѣе, чѣмъ на сумму 14,000,000 ф. ст. Для того количества билетовъ, которое онъ выпускалъ свыше этой суммы, онъ долженъ былъ имѣть на-лицо обезпеченье золотою или серебряною монетою, или въ слиткахъ благородныхъ металловъ. Что касается вышеупомянутыхъ билетовъ безъ металлическаго обезпеченья, то часть ихъ остается безъ всякихъ обезпечивающихъ цѣнностей,—это именно та часть, которая соотвѣтствуетъ суммѣ, должной правительствомъ банку, и потому простирается до 11,015,100 ф. ст. Остальные же 2,984,900 ф. ст. должны быть обезпечены государственными бумагами (большею частью для этого употребляются свидѣтельства казначейства). Что касается тѣхъ 3,671,000 ф. ст., которые были уплочены государствомъ изъ его долга, то сумма эта была отчислена въ фонды банковаго департамента. Правомъ своимъ выпускать, въ случаѣ закрытія провинціальныхъ ассигнаціонныхъ банковъ, добавочное количество необезпеченныхъ звонкою монетою билетовъ, въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ $^{2}/_{3}$ необезпеченныхъ билетовъ закрывшихся провинціальныхъ учрежденій, банкъ вскорѣ воспользовался и выпустилъ на этомъ основаніи еще на 475,000 ф. ст. билетовъ. Такимъ образомъ, общая сумма его необезпеченныхъ звонкою монетою билетовъ простиралась вплоть до послѣдовавшей вскорѣ пріостановки дѣйствія банковаго закона, еще болѣе расширившей это право—до 14,475,000 ф. ст. Разрѣшеніе на это увеличенье выпуска непокрытыхъ билетовъ зависитъ, какъ уже было сказано, отъ правительства.

Операціи англійскаго банка, кромѣ выпуска билетовъ и дисконтированія векселей, которые, въ еженедѣльно появляющемся отчетѣ о состояніи счетовъ банка, обозначаются въ рубрикѣ „другія обезпеченія" — заключаются еще въ пріемѣ вкладовъ и въ выдачѣ ссудъ подъ залоги. Для заграничныхъ сношеній банкъ не выдаетъ такъ-называемыхъ циркулярныхъ билетовъ или кредитныхъ записокъ; вмѣсто этого, онъ выдаетъ такъ-называемые почтовые банковые билеты, подлежащіе оплатѣ черезъ восемь дней по предъявленіи. Подъ частные вклады банкъ не выдаетъ процентовъ совсѣмъ и не допускаетъ никакихъ переводовъ счетовъ. Въ то же время англійскій банкъ есть банкиръ правительства и въ качествѣ таковаго постоянно заноситъ въ свои счеты правительственные вклады въ видѣ государственныхъ цѣнныхъ бумагъ. За эти послѣдніе банкъ платитъ проценты. Банкъ принимаетъ также государственные доходы и выдаетъ дивиденды по государственному долгу. Англійскій банкъ имѣетъ въ настоящее время одну филіальную отрасль

въ Лондонѣ и двѣнадцать такихъ отраслей въ провинціи. Отрасли эти выпускаютъ билеты и дѣлаютъ прибыльныя дѣла по дисконту векселей. Операціи банка по пріему вкладовъ ничтожны, такъ какъ вообще переводныя операціи, которыя въ Англіи и Америкѣ производятся въ формѣ пріема вкладовъ, а во Франціи и Бельгіи въ формѣ текущихъ счетовъ, сосредоточиваются преимущественно, въ особенности въ Лондонѣ, въ рукахъ частныхъ банкирскихъ домовъ и банкахъ, главы которыхъ играютъ важную роль въ величайшемъ торговомъ центрѣ міра. Каждый торговый домъ, каждый фабрикантъ, какъ крупный, такъ и мелкій, едвали даже не каждый, сколько-нибудь достаточный, частный человѣкъ имѣетъ въ Англіи своего банкира, у котораго оставляетъ свой запасъ наличныхъ денегъ. Такъ какъ англійскій банкъ не принимаетъ вкладовъ ниже 500 ф. ст., то большая часть этихъ операціи по текущимъ счетамъ выпала на долю частныхъ банковъ и мелкихъ банкировъ. Эти послѣдніе выдаютъ своимъ владчикамъ тетрадки съ отпечатанными бланками чековъ, въ которые обладатели ихъ вписываютъ тѣ или другія суммы по своему усмотрѣнію, оставаясь только въ предѣлахъ своего вклада въ банкѣ, и, затѣмъ, эти чеки пускаются въ обращеніе совершенно какъ наличныя деньги.

Цифра билетовъ, выпускаемыхъ 165-ю частными банками Англіи и Валлиса—цифра, за предѣлъ которой они по закону не имѣютъ права переступить, составляетъ 4,607,455; цифра билетовъ 65-ти акціонерныхъ банковъ простирается до 3,325,857 ф. ст., шотландскихъ банковъ — 3,087,209, а ирландскихъ—6,354,494. Такимъ образомъ, *maximum* всѣхъ необезпеченныхъ билетовъ, обращающихся въ Англіи, со включеніемъ сюда и англійскаго банка, составляетъ сумму въ 31,375,015 ф. ст.

Разграниченіе банковаго и билетнаго департаментовъ въ Англіи отнюдь не принесло тѣхъ благотворныхъ результатовъ, которыхъ ожидали отъ этой мѣры, такъ какъ сказаннымъ раздѣленіемъ на мѣсто человѣческаго разума былъ поставленъ машинный механизмъ. Человѣческій разумъ можетъ сообразовать свои дѣйствія съ обстоятельствами, машина же этого не можетъ. Правда, можно установить закономъ инструкціи, съ которыми директора банковъ должны сообразоваться вообще,—подобно тому, какъ осада крѣпости или маневры сраженія производятся по указаніямъ извѣстныхъ стратегическихъ правилъ,—но также, какъ полководецъ никогда не долженъ быть рабомъ предписаній стратегіи и долженъ пользоваться извѣстною свободою дѣйствовать по своему усмотрѣнію, видоизмѣняя свои операціи смотря по положенію дѣлъ и по ходу событій,— точно также и директорамъ банка должны быть предоставлены извѣстныя полномочія, посредствомъ которыхъ они могли бы расширять или ограничивать свои операціи смотря по тому, какъ обстоятъ торговыя и промышленныя дѣла въ странѣ. Въ тѣ эпохи, когда спекуляція, подобно взбѣсившейся

лошади, несется закусивъ удила и грозитъ сбросить своего сѣдока въ пропасть, директоръ банка долженъ сильною рукою накинуть на нее арканъ; онъ долженъ выказать разумную умѣренность и стянуть кредитъ, чтобы приберечь запасъ для дней дѣйствительной нужды. Но, разъ кризисъ уже разразился, банкъ долженъ раскрыть кладовыя и поспѣшить на помощь тѣмъ, которые ея дѣй-позволялъ ему ствительно заслуживаютъ.

Въ этихъ-то полномочіяхъ, предполагающихъ извѣстную долю довѣрія и позволяющихъ прилагать къ оцѣнкѣ положенія дѣлъ собственный разумъ, дѣйствуя по указанію обстоятельствъ и собственнаго крайняго разумѣнія, законъ отказывалъ директорамъ англійскаго банка, и потому, по этому закону, къ немалому посрамленію его авторовъ, директорамъ суждено было дожить до того, что какъ разъ въ двѣ эпохи, когда помощь банка для облегченія торговли отъ постигшихъ послѣдній затрудненій, была всего нужнѣе, банкъ принужденъ былъ пріостановить свою дѣятельность, такъ какъ законъ не оказывать эту иомощь.

Недостатки банковаго закона 1844 г., какими они обнаружились въ кризисы 1847, 1857 и 1866 г,—недостатки, просмотрѣнные авторомъ новаго закона, *практикомъ*, банкиромъ Ллойдомъ,—давно были указываемы людьми науки, Миллемъ, Тукомъ и Фуллартономъ, предсказывавшими именно то, чтó и случилось. Эти ученые говорили, что раздѣленіе банковаго дѣла на двѣ, совершенно независимыя другъ отъ друга отрасли, есть несчастная идея, не соотвѣтствующая интересамъ публики, ни самаго банка: можетъ случиться, что, между тѣмъ какъ одинъ департаментъ—департаментъ выпуска билетовъ—истощилъ почти совершенно свой запасъ звонкой монеты и этимъ можетъ породить самыя серьезныя опасенія и самое пагубное разстройство дѣлъ на денежномъ рынкѣ—другой департаментъ имѣетъ золото въ изобиліи. Между тѣмъ какъ при соединеніи обоихъ департаментовъ банкъ легко могъ бы выпутаться изъ затрудненія, именно раздѣленіе ихъ нерѣдко бываетъ причиною возникающихъ затрудненій. Обязательство банка принимать золото и выдавать за него билеты, безъ вычета расходовъ на чеканку — говорили тѣ же ученые — имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что банкъ, чѣмъ больше ввозится золота въ слиткахъ, тѣмъ болѣе выпускаетъ въ обращеніе своихъ билетовъ, между тѣмъ какъ, вообще говоря, при обильномъ приливѣ золота существуетъ наименѣе основаній выпускать бумажныя деньги. Милль указывалъ, что расширеніе кредита банкомъ въ критическія минуты составляетъ большое благодѣяніе, и что помощь, какая была оказываема англійскимъ банкомъ въ прежніе кризисы, какъ, напр., въ 1825 и 1826 гг., какъ бы дорого не обошлась банку эта помощь, имѣла по самому существу своему благотворное дѣйствіе; далѣе онъ доказывалъ, что билеты, выпускаемые въ этихъ случаяхъ, не попадаютъ въ обращеніе, а либо идутъ туда, гдѣ они потребляются, либо остаются безъ движе-

нія, либо возвращаются въ формѣ вкладовъ; то обстоятельство, что новый законъ не дозволяетъ умножить количество обращающихся билетовъ, пока не поступитъ достаточно золота для ихъ покрытія, имѣетъ, по мнѣнію Милля, своимъ послѣдствіемъ то, что банкъ можетъ придти съ своими билетами на помощь торговлѣ лишь послѣ того, какъ наилучшій моментъ кризиса миновалъ, такъ какъ именно въ наилучшіе моменты золото обыкновенно прячется; что, такъ какъ банки-то именно и составляютъ источникъ помощи во время кризисовъ, то такой нецѣлесообразный законъ, какъ законъ 1844 года, долженъ быть отмѣненъ. Опытъ 1847 года оправдалъ всѣ опасенія Милля и далъ послѣднему основаніе для еще болѣе разработанныхъ возраженій. Ошибочно ставить банкъ въ такое положеніе, замѣчалъ Милль, что онъ вынужденъ ограничивать свой кредитъ и выпускъ своихъ билетовъ безусловно каждый разъ, когда золото начинаетъ прятаться и убывать изъ кладовыхъ банка. Такая мѣра можетъ быть вполнѣ умѣстна, когда золото исчезаетъ вслѣдствіе черезмѣрнаго расширенія кредита. Движеніе это можно замѣтить по общему повышенію цѣнъ. Но такое исчезновеніе и такое повышеніе цѣнъ могутъ быть обусловлены и другими причинами, помимо неподобающаго расширенія кредита. Цѣны могутъ повышаться вслѣдствіе неурожая на хлѣбъ внутри страны или плохаго сбора хлопка и другихъ сырыхъ продуктовъ за границей; цѣны могутъ повышаться вслѣдствіе увеличенія расходовъ войны, или же вслѣдствіе критическаго положенія политическихъ дѣлъ.. Въ этихъ случаяхъ золото стягивалось бы не изъ обращенія, а изъ накопленныхъ и припрятанныхъ запасовъ и изъ резервовъ банковъ. Въ этихъ случаяхъ резервъ банка могъ бы быть по истинѣ благодѣяніемъ. Но, благодаря банковому закону, не дѣлающему различія между всѣми этими обстоятельствами, банкъ становится при каждомъ кризисѣ, при каждомъ колебаніи вексельнаго курса, помѣхою и стѣсненіемъ для торговли, вмѣсто того, чтобы доставлять ей облегченіе. Нерѣдко дисконтъ его стоитъ такъ низко, что служитъ поощреніемъ для спекуляціи, а когда, вслѣдствіе разстанія послѣдней настаетъ перезалогъ, банкъ подтягиваетъ возжи такъ сильно и такъ внезапно, что еще болѣе способствуетъ наступленію кризиса. Такъ и случилось въ 1847 г. Фактъ этотъ былъ признанъ и комитетомъ парламента, назначеннымъ для разслѣдованія причинъ кризиса 1847 г. Комитетъ прямо объявилъ, что банковый законъ лишь ухудшилъ бѣдственное положеніе англійской торговли въ этомъ году. Такимъ образомъ, противники Пилевскаго закона были совершенно правы, доказывая, что нецѣлесообразно и несправедливо искусственно регулировать посредствомъ законодательства обращеніе банковыхъ билетовъ. При необъятной торговлѣ, ежедневно возрастающей и ежедневно слагающейся въ новыя формы, положительно невозможно, говорили они, напередъ опредѣлить размѣры требующихся для этой торговли денежныхъ знаковъ. Банковый билетъ есть не что иное, какъ обѣщаніе уплатить

предъявителю полную номинальную цѣну, обозначенную на билетѣ. Такимъ образомъ, онъ есть не что иное, какъ форма кредита, и если мы вздумаемъ ограничить эту форму, то, по необходимости, получится другая; вмѣсто билетовъ, будутъ появляться векселя, что и доказано статистически.

Послѣдующій опытъ подтвердилъ этотъ взглядъ. Въ кризисы 1847 и 1857 годовъ дѣйствіе Пилевскаго закона было пріостановлено, выпускъ билетовъ дозволенъ въ размѣрахъ превышавшихъ установленную закономъ норму и — странное дѣло—именно это-то и ослабило кризисъ.

Мы попытаемся объяснить обстоятельнѣе причины этого явленія и для этого должны забѣжать въ нашемъ изложеніи на десять лѣтъ впередъ.

Пилевскимъ закономъ, какъ мы видѣли, количество могущихъ находиться въ обращеніи необеспеченныхъ банковыхъ билетовъ было опредѣлено по средней цифрѣ ихъ выпуска за предшествующія двадцать лѣтъ. Но съ этого времени, т. е., съ 1844 г., англійская промышленность успѣла чрезвычайно развиться, ввозъ и вывозъ болѣе чѣмъ удвоился такъ, что для обмѣновъ, производимыхъ при такой торговлѣ, понадобилось и большее количество денежныхъ знаковъ. Такъ какъ требовавшееся добавочное количество денежныхъ знаковъ не появлялось въ видѣ банковыхъ билетовъ, необозначенныхъ золотомъ, то мѣсто ихъ должно было занять золото. Между тѣмъ, хотя съ 1848 г. запасъ золота и успѣлъ значительно увеличиться, вслѣдствіе привоза этого металла изъ Австраліи, то за то, съ другой стороны, значительныя массы металла поглощались вывозомъ серебра въ Азію, убыль котораго Англія должна была возмѣщать золотомъ, а также усилившеюся роскошью, такъ что убытка въ благородныхъ металлахъ не было. При всемъ томъ, имѣвшагося запаса металлическихъ денегъ было бы достаточно, если-бы при наступленіи каждаго кризиса множество людей не старались стянуть къ себѣ и держать въ запасѣ какъ можно больше наличныхъ денегъ, которыя черезъ это извлекались изъ обращенія. Какъ скоро настаетъ паника, это припрятыванье наличныхъ денегъ становится явленіемъ эпидемическимъ, и, такимъ образомъ, могло случится, что торговля дѣйствительно одну минуту оставалась безъ денежныхъ средствъ, и что стѣсненіе черезъ это принимало угрожающіе размѣры. Разрѣшеніе банку усилить выпускъ билетовъ помогло въ затрудненіи этой минуты; уже одно извѣстіе объ этой мѣрѣ должно было вернуть на денежный рынокъ значительное количество денегъ, припрятанныхъ людьми, въ надеждѣ выгадать изъ затрудненія прибыльную спекуляцію для себя; такъ что въ 1847 г. банку не понадобилось даже воспользоваться даннымъ ему разрѣшеніемъ. Это доказывало, что кризисъ произошелъ не отъ недостатка въ капиталѣ, а отъ недостатка денежныхъ знаковъ въ обращеніи, потому что, будь дѣло въ недостаткѣ капитала, бѣдѣ нельзя бы было такъ скоро пособить, и мѣра эта, скорѣе напротивъ, вызвала бы бѣшенный натискъ публики въ банкъ и

только ухудшила бы затрудненіе. Но и при простомъ недостаткѣ денегъ въ обращеніи, она могла имѣть успѣхъ лишь благодаря такимъ здоровымъ условіямъ промышленности, какъ англійскія, и при такомъ дѣйствительно незначительномъ количествѣ обращающихся билетовъ.

Чтобы сдѣлать это еще яснѣе, мы проведемъ параллель между національнымъ банкомъ и размѣрами ввоза и вывоза въ Англіи и въ Австріи. По статистической таблицѣ 1856 г., составленной О. Гюбнеромъ, ввозъ Великобританіи представлялъ 1,522.500,000 гульденовъ, а вывозъ—1,169 милліоновъ. Но послѣдній значительно увеличился за послѣдній годъ и дошелъ, по крайней мѣрѣ, до 1,300,000,000 гульд. Ввозъ Австріи представлялъ 185,000,000 гульд., а вывозъ—122,500,000 гульд. Если при этомъ принять во вниманіе, что населеніе Австріи почти на цѣлую четверть превышаетъ населеніе Великобританіи, то оказывается, что торговля Англіи въ десять разъ обширнѣе торговли Австріи. Если мы и допустимъ, что обороты внѣшней торговли производятся большею частью посредствомъ векселей и золота, и что обращеніе внутри страны не можетъ представлять такой же значительной разницы, — что тутъ, быть можетъ, совершающіеся обороты превосходятъ австрійскіе не вдвое, а вдесятеро,—все же въ обращеніи билетовъ существуетъ между обѣими странами значительная разница. Общая сумма билетовъ, обращающихся въ Англіи, составляетъ, какъ мы видѣли по закону, 31,375,014 ф. ст., а вмѣстѣ съ билетами, обезпеченными золотомъ — 38,000,000 ф. ст. Если мы примемъ послѣднее число, то это составитъ 456,000,000 гульд. Количество обращающихся билетовъ австрійскаго національнаго банка составляло, по указателю отъ 5 ноября 1857 г.—475,927,593 гульд. Если при этомъ мы взвѣсимъ, что населеніе Великобританіи составляетъ около 30 милліоновъ, а населеніе Австріи—около 40 милліоновъ, т. е., на одну четверть больше, тогда оказывается, что, при равномъ числѣ жителей, англійская сумма банковыхъ билетовъ относилась бы къ австрійской, какъ 432,000,000 къ 594,908,491. Но разница становится еще рѣзче, если взвѣсить болѣе значительное число оборотовъ, происходящихъ въ Англіи. Мы для своей параллели избрали Австрію, потому что обращеніе банковыхъ билетовъ въ этой странѣ даетъ намъ наиболѣе точное указаніе того, какая масса бумажныхъ денегъ можетъ быть поглощена торговлею страны, и потому, что столь обычныя въ Австріи колебанія валюты,—т. е., различія въ цѣнности между звонкою монетою и банковыми билетами, всего явственнѣе доказываетъ намъ ту истину, *что каждая страна, для своихъ торговыхъ оборотовъ, поглощаетъ извѣстное количество денежныхъ знаковъ и не болѣе, причемъ граница пригодной для торговыхъ оборотовъ массы бумажныхъ денегъ опредѣляется размѣрами самихъ оборотовъ;* граница эта отодвигается тѣмъ далѣе, чѣмъ болѣе процвѣтаетъ торговля, и съуживается, какъ скоро тѣ или другія

обстоятельства, нарушающія обыкновенное теченіе дѣлъ (войны, политическія смуты, торговыя затрудненія) уменьшаютъ производство и торговлю. Поэтому, мы видимъ, что валюта ухудшается, какъ скоро на политическомъ или на торговомъ горизонтѣ появляются тучи, и улучшается, какъ скоро настаетъ миръ, усиленіе торговой и промышленной дѣятельности и, какъ слѣдствіе этого, умноженіе оборотовъ.

Изъ вышесказаннаго становится ясно, что въ Англіи, во время кризиса 1857 г. дѣйствительно могъ быть недостатокъ въ денежныхъ знакахъ, что, при здоровомъ состояніи производительности этой страны, расширеніе выпуска билетовъ естественно не могло вызвать въ публикѣ недовѣрія и стремительнаго натиска въ банкъ за обмѣномъ билетовъ на звонкую монету,—между тѣмъ какъ, при подобныхъ же обстоятельствахъ, французскій банкъ, или австрійскій національный банкъ въ 1848 г. были вынуждены ввести у себя уплату звонкою монетою. Для насъ становится, такимъ образомъ, понятенъ и другой фактъ, надъ которымъ не мало ломали головы экономисты и государственные люди,—именно, какимъ образомъ могло случиться, что, когда англійскій банкъ въ 1797 г. ввелъ принудительный курсъ для своихъ билетовъ, это не особенно понизило ихъ курсъ противъ номинальной ихъ цѣны. Но тѣ же соображенія указываютъ намъ, что ни въ Германіи, ни во Франціи подражать примѣру Англіи нельзя. Еще Франція могла бы сдѣлать это сравнительно съ меньшимъ рискомъ, такъ какъ банкъ ея не выпускаетъ билетовъ достоинствомъ ниже 100 фр. [1]), а потому она могла бы побудить часть населенія къ употребленію банковыхъ билетовъ выпускомъ болѣе мелкихъ бумажныхъ денегъ, между тѣмъ какъ въ Австріи выпускъ билетовъ въ 1 гульденъ истощилъ уже всю потребность въ бумажныхъ деньгахъ, какая только могла быть въ публикѣ. Въ этомъ-то соотношеніи заключается разгадка того, почему австрійскій національный банкъ не пользуется тою же репутаціею солидности, какъ англійскій, хотя билеты его лучше обезпечены фондами, чѣмъ англійскіе: суммы, должныя государствомъ австрійскому банку, незначительнѣе, а запасъ звонкой монеты нерѣдко бываетъ больше, чѣмъ въ англійскомъ, доходя иногда до $^1/_3$ всего количества обращающихся билетовъ.

Нельзя, впрочемъ, отрицать, что довѣріе публики, на которомъ основанъ кредитъ, иногда идетъ какими-то загадочными, необъяснимыми путями и нерѣдко напоминаетъ больнаго, который вдругъ довѣрился изъ чувства личной симпатіи и черезъ это довѣріе получаетъ облегченіе.

Это взаимное соотношеніе между размѣрами торговыхъ оборотовъ въ странѣ и суммою бумажныхъ денегъ, могущею быть поглощенной обращеніемъ, пока-

---

[1]) Это было написано въ 1857 г. Съ тѣхъ поръ французскій банкъ получилъ разрѣшеніе выпускать билеты въ 50 фр.

зываетъ совершенно ясно, что состоянію австрійской валюты можно помочь лишь двумя способами: или уменьшеніемъ количества банковыхъ билетовъ, или усиленіемъ производства, — средства, которыя и прилагаются уже нѣкоторое время съ успѣхомъ. Такой надежный свидѣтель, какъ авторъ исторіи цѣнъ, недавно скончавшійся послѣ пройденнаго съ честью жизненнаго поприща, — Томасъ Тукъ, тоже свидѣтельствуетъ въ 5-мъ томѣ своего сочиненія, вышедшемъ еще до кризиса 1857 г., что послѣднія 12 лѣтъ дали весьма вѣскія основанія сомнѣваться въ состоятельности Пилевскаго закона. Тукъ придерживается того воззрѣнія, что банкъ въ обыкновенныя времена долженъ держать гораздо большій запасъ наличныхъ денегъ, хотя бы для этого и потребовалось принести жертвы, потому что это дастъ ему возможность въ критическія минуты подоспѣть на помощь торговому сословію; прежде всего, по мнѣнію Тука, статуты банка должны быть освобождены отъ вышеназваннаго ограниченія, и управленіе его—реформировано въ смыслѣ предоставленія бóльшаго простора дѣйствій членамъ правленія; эти послѣдніе должны выбираться на болѣе продолжительные сроки, причемъ надлежитъ принять мѣры противъ возможности слишкомъ поспѣшныхъ и произвольныхъ рѣшеній, и т. д.

Въ концѣ своей обширной и основательной статьи объ этомъ предметѣ, Тукъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Обязательство исполнять всѣ контракты и обязательства, выраженные въ извѣстныхъ денежныхъ цифрахъ опредѣленной монетной стоимости, есть основной принципъ всякой здоровой денежной системы.

2) Не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что поддержаніе такой металлической монетной нормы и строгое распространеніе и примѣненіе ея къ бумажнымъ деньгамъ и другимъ формамъ кредита, съ давнихъ поръ вошло въ Англіи въ законъ и обычай; единственнымъ исключеніемъ изъ этого правила былъ лишь періодъ 1797—1819 гг., когда уплаты наличными деньгами были пріостановлены на основаніи высшихъ государственныхъ соображеній.

3) Парламенское постановленіе 1819 г. снова ввело уплату наличными деньгами, пріостановленную въ 1797 г. Законъ 1844 г. не только не былъ дополненіемъ или добавкой для обезпеченья дѣйствительности закона 1819 г., но, напротивъ, является для послѣдняго источникомъ постоянной опасности.

4) Противниковъ закона 1844 г. напрасно обвиняютъ въ томъ, что они желаютъ обращенія бумажныхъ денегъ, неограничиваемаго металлической монетной нормой. Они ничего такъ пламенно не желаютъ, какъ поддержанія въ полной силѣ закона 1819 г.

5) Доводъ, приводимый обыкновенно въ оправданіе закона 1844 г. и состоящій въ томъ, что запасъ наличныхъ денегъ въ банкѣ, со времени изданія этого закона, былъ постоянно значительнѣе, чѣмъ прежде,—совершенно лишенъ основанія, такъ какъ причина увеличенія запаса звонкой монеты въ банкѣ

въ періодъ съ 1844 по 1847 г. заключается исключительно въ подвозѣ золота изъ Россіи, а съ 1847 г. ея слѣдуетъ искать въ усиленной доставкѣ его изъ Калифорніи и Австраліи.

6) Съ гораздо большимъ основаніемъ можно, напротивъ, предположить, что, не будь подвоза золота изъ Россіи, банковый законъ 1844 г. вовсе не могъ бы быть практически примѣненъ, а не будь открыты золотыя розсыпи въ Австраліи и Калифорніи,—онъ не продержался бы такъ долго.

7) Банковые билеты не могутъ быть разсматриваемы, какъ деньги, иначе какъ въ томъ смыслѣ, который можетъ быть распространенъ и на другія формы бумажнаго кредита. Точно также, напрасно сэръ Робертъ Пиль и его партія утверждали, что банковые билеты могутъ оказывать большее или иное вліяніе, чѣмъ всякія другія формы кредита на курсъ денегъ за границей, или на цѣны.

8) Предположеніе, которое тоже поддерживалось сэромъ Робертомъ Пилемъ, что банковые билеты, которые аккуратно, по желанію ихъ владѣльца, обмѣниваются на звонкую монету, утратили свою цѣнность, и что между золотомъ и бумажными деньгами, обращающимися al pari, существуетъ неравенство, — предположеніе это есть не болѣе, какъ заблужденіе, непонятное въ принципѣ и ничѣмъ не оправдываемое на практикѣ, или же заключающее противорѣчіе въ себѣ самомъ.

9) Нельзя привести ни одного авторитета или вѣскаго аргумента въ защиту того положенія, что выпускъ банковыхъ билетовъ долженъ непремѣнно и исключительно оставаться функціею государственной власти, состоять въ ея исключительномъ вѣдѣніи, составлять ея привиллегію или преимущество.

10) Принятіе чисто металлической системы денежнаго обращенія за типъ или образецъ безукоризненно-хорошей организаціи этого дѣла, есть не болѣе, какъ фантазія, ни на чемъ не основанная и не встрѣчающая себѣ подтвержденія въ примѣрѣ какой бы то ни было другой страны.

11) Что касается предположеній, высказываемыхъ о дѣйствіи металлической денежной системы, то мы имѣемъ полное основаніе принять, что теперешнія колебанія въ существующей у насъ смѣшанной системѣ, состоящей изъ звонкой монеты и изъ подлежащихъ оплатѣ бумажныхъ денегъ,—совершенно такія же, какія были бы неизбѣжны и при исключительно металлической системѣ. Условія воображаемаго металлическаго образца,—на сколько вообще можно понять сущность этихъ условій, — были всецѣло выполнены положеніемъ денежнаго обращенія въ Англіи до изданія банковаго закона 1844 г., и нельзя сказать, что послѣдній что-нибудь сдѣлалъ для болѣе полнаго осуществленія этихъ условій.

12) И такъ, принципъ Пилевской школы, что денежное обращеніе въ томъ видѣ, какъ оно существовало до 1844 г., не совпадало въ своихъ колеба-

ніяхъ съ тѣми, которыя свойственны исключительно металлической системѣ денегъ,—принципъ этотъ—ложенъ и не можетъ быть приводимъ въ оправданіе банковаго закона 1844 г.

13) Равнымъ образомъ, неосновательно и то положеніе, что соединеніе функцій банковаго и билетнаго отдѣленій англійскаго банка несовмѣстимо съ надлежащею осмотрительностью въ регулированія размѣровъ выпускаемыхъ денегъ. Напротивъ, соединеніе и сліяніе этихъ функцій не только осуществимо и умѣстно, но и въ высшей степени желательно, какъ средство, позволяющее банку слѣдить за потребностями и удобствами публики; кромѣ того, оно гораздо лучше, чѣмъ теперешняя система, разъединяющая эти двѣ функціи, гарантируетъ безостановочность платежей звонкою монетой.

14) Авторы банковаго закона 1844 г. впали въ крупную ошибку, вообразивъ, что банковое отдѣленіе англійскаго банка можетъ быть управляемо такимъ же способомъ и съ неменьшимъ успѣхомъ для удобствъ и интересовъ публики, какъ и любой другой акціонерный банкъ, не выпускающій ассигнацій.

15) При раздѣленіи двухъ функцій банка между его двумя департаментами, былъ назначенъ извѣстный резервъ золотомъ, долженствовавшій обезпечивать обращеніе билетовъ; между тѣмъ, это послѣднее составляетъ часть пассива, наименѣе подверженную колебаніямъ, а другія рубрики, подверженныя гораздо сильнѣйшимъ колебаніямъ, не имѣютъ такого обезпеченія.

16) Раздѣленіе функцій обоихъ департаментовъ, ошибочно считаемыхъ за несовмѣстимыя, превратило эти функціи, дѣйствительно, въ двѣ вещи, противоположныя другъ другу;—и это, до такой степени, что въ 1847 г. усиленный спросъ на билеты имѣетъ непосредственнымъ своимъ слѣдствіемъ уменьшеніе банковаго резерва, вмѣсто того, чтобы способствовать облегченію банка отъ его стѣсненнаго положенія, какъ это непремѣнно случилось бы, если бы оба департамента составляли одно.

17) Мнѣніе Тука, высказанное въ мартѣ 1844 г. (до изданія Пилевскаго закона), что „полное отдѣленіе банковыхъ операцій отъ выпуска билетовъ способно вызвать болѣе сильныя и внѣзапныя колебанія въ нормѣ процента и въ состояніи кредита, нежели соединеніе обоихъ департаментовъ“ — было вполнѣ оправдано послѣдующимъ опытомъ.

18) Разнообразный и богатый событіями опытъ послѣднихъ одиннадцати лѣтъ доказалъ, что, при системѣ раздѣленія двухъ функцій, перемѣны въ процентѣ дисконта и въ состояніи кредита бываютъ гораздо внѣзапнѣе, чаще и рѣзче, чѣмъ при прежней системѣ.

19) Дѣйствіе этихъ частыхъ крутыхъ перемѣнъ становится еще пагубнѣе вслѣдствіе ошибочнаго и преувеличеннаго воззрѣнія банковыхъ директо-

ровъ на свою обязанность—вести дѣла банка въ строгой сообразности съ такъ-называемыми принципами и духомъ законовъ 1844 г.

20) Ошибки управленія, въ которыхъ равно можно обвинять банковыхъ директоровъ, какъ до, такъ послѣ, изданія закона 1844 г., проистекаютъ, повидимому, въ значительной степени отъ недостатковъ устава и отъ организаціи правленія.

21) Обычай рѣшать такую важную мѣру, какъ измѣненіе въ процентѣ дисконта, простымъ большинствомъ голосовъ въ правленіи, послѣ кратковременнаго и, быть можетъ, слишкомъ поспѣшнаго совѣщанія въ одномъ изъ еженедѣльныхъ засѣданій правленія, даетъ поводъ къ весьма серьознымъ возраженіямъ, такъ какъ трудно представить себѣ порядокъ менѣе приспособленный къ достиженію предполагаемой цѣли.

22) Достойно сожалѣнія, что сэръ Робертъ Пиль не употребилъ въ 1844 г. свой замѣчательный административный талантъ на то, чтобы исправить статуты банка, касающіеся его управленія, вмѣсто того, чтобы вдаваться въ догматическое законодательствованіе о денежномъ обращеніи, предметъ, о которомъ онъ, очевидно, не имѣлъ достаточно яснаго понятія.

23) Вслѣдъ за отмѣною банковаго закона 1844 г., во всемъ, касающемся раздѣленія англійскаго банка на два независимыхъ департамента, а также ограниченій количества билетовъ, могущаго находиться въ обращеніи, важнѣйшимъ вопросомъ, касающимся орудій обращенія и имѣющимъ право на вниманіе парламента, должно быть — пріисканіе средствъ исправить недостатки устава и построить на болѣе правильныхъ основаніяхъ управленіе англійскаго банка.

Опытъ 1857 г. снова блистательнѣйшимъ образомъ подтвердилъ справедливость воззрѣній Тука. Но мы не станемъ уклоняться отъ порядка нашего разсказа. Послѣ 1844 г. спекуляція набросилась на желѣзнодорожныя предпріятія съ такимъ рвеніемъ, какому едва ли бывали до этого примѣры въ дѣлѣ устройства путей сообщенія. Всего какія-нибудь десять лѣтъ тому назадъ, въ Англіи была всего на всего одна только линія желѣзной дороги,—Ливерпульско-Манчестерская, а въ Шотландіи—весьма плохое рельсовое сообщеніе, на протяженіи трехъ часовъ пути. Съ той поры, правда, желѣзныя дороги необычайно возрасли въ числѣ и протяженіи, но напрасно поторопился бы заключить изъ этого читатель, что этотъ громадный прогрессъ былъ встрѣчаемъ въ Великобританіи лишь одними ликованіями народа и могъ быть введенъ безъ сопротивленія. Точно такъ же, какъ и въ Германіи и въ другихъ странахъ, въ Англіи не было недостатка въ голосахъ, которые, не только съ точки зрѣнія ущерба, наносимаго частнымъ интересамъ, но и съ точки зрѣнія общаго блага, считали желѣзныя дороги пагубнымъ нововведеніемъ. Такъ же, какъ и въ Германіи, содержатели постоялыхъ дворовъ на большихъ до-

рогахъ, кучера и ломовые извощики жаловались на то, что имъ сдѣланъ подрывъ въ ихъ ремеслѣ; даже люди, не затронутые въ своихъ личныхъ интересахъ, не безъ основанія опасались уменьшенія занятій для рабочаго класса. Такъ же, какъ и въ Германіи, первое время приходили петиціи отъ цѣлыхъ общинъ о томъ, чтобы ихъ пощадили отъ предположенной къ постройкѣ желѣзной дороги, или, чтобы, по крайней мѣрѣ, линія ея миновала ихъ. Не менѣе громко, чѣмъ въ Германіи, раздавались и въ Англіи жалобы на недостаточность вознагражденія при экспропріяціяхъ, а также на разрушеніе драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ и фамильныхъ воспоминаній. Владѣльцы поземельной собственности вздыхали о похищеніи ихъ участковъ, за потерю которыхъ никакая экспропріаціонная сумма, какъ бы высока она ни была, не могла ихъ вознаградить. Тихіе парки ихъ, какъ говоритъ миссъ Мартино, „съ ихъ лужайками и тѣнистыми группами деревьевъ, съ ихъ холенными газонами и загороженными цвѣтниками, были пересѣчены линіями желѣзныхъ дорогъ". Въ ноябрѣ 1843 г. произошло серьозное столкновеніе въ паркѣ лорда Гарборо въ Ланкашейрѣ, между фермерами лорда и желѣзнодорожными землемѣрами, подкрѣпленными тѣми боевыми силами, которыя они привели съ собою.

Но надъ всѣми этими безразсудными и ребяческими усиліями пронеслась всесокрушающая сила времени. „Желѣзныя дороги слѣдовало бы провести, говоритъ миссъ Мартино, не только вдоль южнаго берега Англіи и у подножія туманныхъ шотландскихъ горъ, но и черезъ тѣ долины, гдѣ гнѣздятся старыя аббатства, — такъ, чтобы путешественникъ могъ осмотрѣть ихъ цѣлую полдюжину въ одинъ день. Въ понедѣльникъ на Святой, въ 1844 г., былъ отправленъ первый экстренный поѣздъ съ билетами, оплоченными въ оба конца. Этимъ было положено начало благодѣянію увеселительныхъ поѣздовъ для рабочихъ классовъ. Плата за проѣздъ была очень понижена, тѣмъ не менѣе, излишекъ дохода, полученный такимъ образомъ въ три дня, простирался на Дуврской линіи—до 700 ф., а на Брайтонской—до 1,943 ф. Началось то новое дѣло, которое должно было отозваться безчисленными благими послѣдствіями на духѣ, на нравственности и на привычкахъ народа. Отнынѣ, привиллегированный классъ населенія долженъ былъ встрѣчаться съ низшимъ лицомъ къ лицу. Перъ, фабрикантъ и сельскій хозяинъ, сидя рядомъ въ вагонѣ желѣзной дороги и разговаривая другъ съ другомъ, получали возможность ближе узнать другъ друга. Первый долженъ былъ потерять часть своей гордости, а невѣжественный фермеръ—часть своего невѣжества. Такимъ образомъ, не однѣмъ оградамъ парковъ, но и другимъ китайскимъ стѣнамъ суждено было рухнуть. Фабричный рабочій долженъ былъ пріобрѣсти новыя понятія, до сихъ поръ остававшіяся ему недоступными,—онъ долженъ былъ увидѣть Океанъ, передъ нимъ должны были предстать горы и озера, старыя развалины и новыя изобрѣтенія. Лондонскій ремесленникъ получилъ возможность насла-

диться видомъ деревьевъ и зеленѣющихъ полей, не переставая ходить каждый день на свою работу. Нездоровыя старыя улицы Лондона должны были, мало по малу, исчезнуть, и на мѣсто ихъ, въ окрестностяхъ Лондона, должны были возникнуть деревеньки и жилища, окруженныя садами, въ которыхъ рабочій могъ проводить всю часть своей жизни, незанятую работой, включая только въ расходъ на наемъ своего домика плату за проѣздъ по желѣзной дорогѣ къ мѣсту своихъ профессіональныхъ занятій и обратно. Образъ жизни милліоновъ людей долженъ былъ улучшиться, такъ какъ являлась возможность доставлять во внутренность страны рыбъ изъ дальнихъ морей и фрукты изъ чужихъ странъ, а также масло, молоко и овощи—прямо изъ деревни въ городъ. Потребности и желанія каждаго, благодаря этому новому всемірному средству сообщенія, могли быть тотчасъ же узнаны, и привозъ могъ сообразоваться съ потребностями и желаніями. Перемѣна была громадная, открывавшіяся перспективы поражали величіемъ. Но этой перемѣнѣ, такъ же, какъ и всякой другой, приходилось на первыхъ порахъ побороть массу трудностей и препятствій" [1]).

Когда миновалъ первый страхъ, внушаемый новизною этихъ предпріятій, и когда первые обильные барыши успѣли раззадорить алчность капиталистовъ,—всѣми головами, склонными къ безумнымъ спекуляціямъ, вскорѣ овладѣло настоящее желѣзнодорожное бѣшенство. Проснулась конкурренція и довела соревнованіе до зависти, ослѣплявшей людей на всѣ другія соображенія: проектировались линіи желѣзныхъ дорогъ, не имѣвшія, повидимому, другой цѣли, какъ губить одна другую. Увлеченіе смѣлостью, новизною и обширностью предпріятій шло рука объ руку съ жаждою быстрой и легкой наживы, — безумная смѣлость и ажіотажъ всюду ворочали дѣлами и вскорѣ снова дошло до того положенія, при которомъ спекуляція не спрашивала ни о необходимости, ни о полезности, ни о доходности предпріятія, а заботилась лишь о томъ, чтобы добывать концессіи, открывать подписки и спускать акціи съ надбавкою въ публику. Безразсудные и несвѣдущіе люди бросались очертя голову въ этотъ водоворотъ и погибали въ немъ, либо жертвами своихъ соблазнителей, либо вмѣстѣ съ самими соблазнителями. Вскорѣ появилась серьозная опасность, что весь свободный капиталъ, находящійся въ обращеніи, будетъ со-

[1]) Намъ неизвѣстно, для чего авторъ привелъ всю эту тираду писательствующей миссъ,—тираду, въ которой, конечно, смѣшно было бы и искать что-нибудь похожее на серьозную характеристику переворота, осуществленнаго въ экономическомъ, соціальномъ и политическомъ быту современныхъ обществъ введеніемъ желѣзныхъ дорогъ. Мы не выбросили эту тираду въ переводѣ единственно потому, что она казалась намъ довольно курьознымъ образчикомъ того, какъ желѣзнодорожный прогрессъ представлялся вначалѣ господамъ и госпожамъ, смотрящимъ на жизнь въ окошко.

вершенно отвлеченъ отъ ремесленной дѣятельности страны и превратится въ неподвижный капиталъ въ видѣ желѣзныхъ дорогъ, которыя на первое время могли лишь погребсти его, каковъ бы ни былъ барышъ, съ которымъ онѣ вернули бы его впослѣдствіи. Обстоятельство это привлекло на себя вниманіе парламента. Когда узнали, что въ 1844 г. было выдано концессій на сооруженіе 800 (англійскихъ) миль желѣзныхъ дорогъ,—сооруженіе, требовавшее около 190 милліоновъ гульденовъ капитала, по оцѣнкѣ, оказывавшейся вдвое ниже дѣйствительной стоимости, — тогда передъ всѣми возникъ важный вопросъ о томъ, какъ торговля и ремесло въ состояніи будутъ вынести такое значительное отвлеченіе капиталовъ изъ обращенія. Между тѣмъ, какъ разгоряченные спекулянты предсказывали, что все, сдѣланное въ нынѣшнемъ году, ничто, въ сравненіи съ тѣмъ, что́ будетъ сдѣлано въ будущемъ году, это грозное уменьшеніе капитала причиняло сильное безпокойство наиболѣе осмотрительнымъ людямъ, которые лучше понимали, въ какомъ соотношеніи стоитъ значеніе желѣзныхъ дорогъ къ значенію такого предмета, какъ поддержаніе промышленной дѣятельности въ странѣ. Эти люди предвидѣли, что новому банковому закону скоро придется пройти сквозь тяжелый искусъ. Парламентъ старался нѣсколько поостудить желѣзно-дорожную горячку и съ этою цѣлью постановилъ, что цѣны за проѣздъ должны быть сбавляемы, какъ скоро доходъ желѣзной дороги достигнетъ извѣстной нормы. Въ то же время было постановлено, что простые конспекты о выгодахъ проектируемыхъ линій недостаточны, и что торговой палатѣ должны быть представляемы подробные планы предпріятія, со включеніемъ чертежей, подраздѣленій линій и смѣтъ расходовъ, чтобы дать возможность палатѣ надлежащимъ образомъ вникнуть, какъ въ общій планъ предпріятія, такъ и въ его частности.

Но при всемъ томъ, желѣзно-дорожная горячка 1844 г. оказалась дѣйствительно пустяками въ сравненіи съ тѣмъ, что́ произошло въ слѣдующемъ году. Торговая палата и комитеты вскорѣ оказались не въ силахъ справляться съ подваливаемой имъ работой и не знали куда дѣться отъ массы плановъ и проектовъ, поступавшихъ къ нимъ на разсмотрѣніе. Спекулянты и основатели обществъ дѣлали отчаянныя усилія, чтобы перебивать другъ у друга концессіи и чтобы опередить соперника въ представленіи плановъ на разсмотрѣніе. Спросъ на литографическія работы возросъ до громадныхъ размѣровъ. Хозяинъ одного только заведенія этого рода выписалъ изъ Бельгіи 400 литографовъ и все-таки не поспѣвалъ исполнять всѣ дѣлаемые ему заказы. Рисовальщики и печатники жили въ самомъ помѣщеніи литографіи и спали лишь урывками небольшое число часовъ, приткнувшись гдѣ-нибудь на полу или на скамьѣ. Значительная часть работы исполнялась кое какъ, а иная и вовсе не исполнялась. Лошадей нанимали за высокую плату и держали подъ замко́мъ, чтобы съ помощью ихъ успѣть въ послѣднюю минуту доста-

вить изъ провинціи изготовленные планы въ Лондонъ, такъ какъ 30-е ноября было назначено послѣднимъ срокомъ для пріема плановъ. Съ этою же цѣлью отправлялись экстренные поѣзда, и бывали случаи, что директора соперничествующихъ линій отказывали своимъ конкуррентамъ въ этомъ способѣ доставки и вынуждали людей, которымъ было поручено отвезти планы, бросаться въ объѣздъ, по другимъ путямъ, съ опасностью не поспѣть во время. Въ торговой палатѣ были приняты всѣ мѣры на случай страшнаго натиска публики, ожидавшагося въ послѣдній день. День этотъ выпалъ въ воскресенье, обстоятельство, которое было упущено изъ виду при назначеніи срока. Цѣлая армія писцовъ была на готовѣ и до 11 часовъ вечера работа шла довольно спокойно. Было рѣшено, что всѣ искатели концессій, которые до полуночи окажутся дѣйствительно на лицо въ залѣ торговой палаты, будутъ считаться явившимися во время. Въ теченіе послѣдняго часа давка сдѣлалась такъ велика, что занесеніе прошеній въ списки, не взирая на всѣ старанія, не могло производиться такъ же быстро, какъ происходило предъявленіе прошеній. Дожидающіеся въ первой залѣ съ лихорадочнымъ напряженіемъ прислушивались къ именамъ, которыя выкликалъ сторожъ, приглашая вызванныхъ лицъ пройти во внутреннія бюро; а на улицѣ, у входа, стояла еще бóльшая толпа народа, потѣшавшаяся надъ шумомъ, который производили вновь прибывающіе и надъ боязливою торопливостью, съ которою они старались просунуть куда слѣдуетъ свои груды бумагъ. Уже пробило полночь и собирались запереть двери палаты, когда одному новоприбывшему агенту таки удалось протискаться въ залу. Такъ какъ въ моментъ его прибытія звонка еще не было, то его, послѣ нѣкоторыхъ пререканій, допустили. Прошло еще нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ новыхъ искателей не являлось. Но не пробило еще четверти перваго, какъ къ подъѣзду подкатила почтовая карета, запряженная четверкой измученыхъ лошадей. Изъ кареты выскочили три господина, каждый—съ цѣлымъ ворохомъ бумагъ, и бросились къ дверямъ, но нашли ихъ запертыми. Толпа, стоявшая у входа, посовѣтовала имъ дернуть за звонокъ, чтó они и сдѣлали. Дверь отперъ полицейскій надзиратель, и, какъ скоро новоприбывшіе убѣдились, что онъ ихъ ни за что ни впуститъ, они бросили свои бумаги черезъ отворенную дверь во внутренность помѣщенія, при чемъ разбили лампу, горѣвшую въ пріемной. Бумаги имъ выбросили оттуда назадъ; они еще разъ попытались ихъ туда забросить, но имъ опять ихъ выбросили назадъ. Одинъ изъ этихъ господъ разсказалъ свою исторію и своихъ товарищей толпѣ, тѣснившейся у входа и отъ души хохотавшей надъ этой сценой. Оказалось, что кучеръ почтовой кареты не зналъ лондонскихъ улицъ и, вмѣсто того, чтобы прямо везти ихъ къ торговой палатѣ, свернулъ въ другую сторону и уже съ половины одиннадцатаго кружитъ такимъ образомъ несчастныхъ желѣзно-дорожныхъ предпринимателей въ какой-то отдаленной части города. Все

это въ глазахъ легкомысленныхъ людей представляло лишь комичный конецъ желѣзно-дорожнаго состязанія 1845 г. Но мыслящіе люди смотрѣли на дѣло серьезнѣе; они не могли не задаваться вопросомъ, откуда возьмется капиталъ на сооруженіе всей этой массы желѣзныхъ дорогъ, или же, предположивъ, что требующійся капиталъ будетъ найденъ, — какъ отзовется это сосредоточеніе денегъ въ желѣзно-дорожныхъ предпріятіяхъ на всей производительности страны?

Число желѣзнодорожныхъ проектовъ было по истинѣ ужасающее, и суммы, до которыхъ простирались выданныя концессіи, поражали изумленіемъ. Въ одинъ только день (16 іюля 1845) до 65-ти желѣзнодорожныхъ предпріятій были утверждены королевскою подписью; предпріятія эти, для сооруженія предположенныхъ ими 600 (англійскихъ) миль желѣзныхъ дорогъ, требовали по оцѣнкѣ, далеко отстававшей отъ размѣровъ дѣйствительнаго требованья, 13,366,620 ф. ст. Общее число желѣзнодорожныхъ проектовъ, представленныхъ въ эту сессію парламента на разсмотрѣніе, простиралось до 678; изъ нихъ было утверждено 136, представлявшихъ въ общей сложности 1142 мили желѣзныхъ дорогъ и требовавшихъ, по произведенной примѣрной оцѣнкѣ, 25,895,900 ф. ст. Въ теченіе одного іюля мѣсяца англійскіе акціонеры англійскихъ и иностранныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ должны были сдѣлать взносовъ на 5,227,725 ф. ст. Подобнымъ же образомъ, хотя и не въ такихъ чудовищныхъ размѣрахъ, шло дѣло и въ 1846 и 1847 гг.; въ теченіе перваго было представлено 260, а въ теченіе втораго — 148 желѣзнодорожныхъ проектовъ на утвержденіе (изъ этого числа, 15 приходилось на Ирландію и 5— на Шотландію). Англійскій журналъ „Economist" разсчитывалъ, что парламентъ разрѣшилъ за эти три года желѣзнодорожныхъ предпріятій на сумму, превышавшую 1,400,000,000 таллеровъ, и что еще во второй половинѣ послѣдняго года на разсмотрѣніи его лежало проектовъ подобныхъ же предріятій болѣе, чѣмъ на 3,000,000 тал. По дальнѣйшему расчету того же журнала, изъ вышеназванной суммы, около половины 1847 г. было уже израсходовано до 600,000,000 тал. По одному торговому отчету того времени оказывается, что весь капиталъ, израсходованный до этого на постройку желѣзныхъ дорогъ, простирался до 1,400 милліоновъ тал., а строящіяся желѣзнныя дороги, для того, чтобы ихъ можно было окончить къ назначеннымъ срокамъ, требовали еще 200 мил. тал. ежегодно.

Какъ ни громадна была эта затрата капиталовъ, обѣщавшая, быть можетъ, въ будущемъ значительно увеличить доходъ англійской націи, но въ первые годы не дававшая ничего и, даже, значительно съузившая производительность страны,—какъ ни громадна, говоримъ мы, была эта затрата,—быть можетъ, англійской промышленности, при ея цвѣтущемъ состояніи, и удалось бы ее вынести, хотя бы и не безъ жертвъ, если бы въ дѣло не замѣшались нѣкоторыя

другія неблагопріятныя обстоятельства, которыя и обусловили паденія всего этого зданія, нагроможденнаго спекуляціей.

Еслибы хорошая жатва обезпечила народу дешевое пропитаніе, еслибы цѣны на сырье, потребляемое фабричною производительностью, оставались низкими и обезпечивали черезъ это фабрикамъ возможность продолжать безостановочно работу и умножать массу фабричныхъ продуктовъ, дешевизна которыхъ гарантировала имъ сбытъ на всѣхъ рынкахъ земнаго шара, — то опасность, быть можетъ, миновались бы безъ особенныхъ потрясеній, и дѣло не дошло бы до кризиса.

Но обстоятельства сложились какъ разъ обратнымъ образомъ.

Пока, съ одной стороны, гигантскія желѣзнодорожныя предпріятія и крупные займы иностранныхъ государствъ и корпорацій поглощали весь свободный капиталъ до послѣдняго пенни (—такъ, между прочимъ, французскія желѣзнодорожныя общества заняли въ Англіи до 300,000,000 франковъ)—съ другой стороны случился неурожай на важнѣйшій для англійской индустріи сырой продуктъ,—на *хлопокъ;* къ этому присоединилась *болѣзнь картофеля* и полнѣйшій неурожай *хлѣбныхъ растеній* въ большей части Европы. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ вздорожаніе жизненныхъ потребностей дошло до размѣровъ, неслыханныхъ со времени голодныхъ 1816 и 1817 годовъ.

Въ 1845 г. почти весь сборъ картофеля, составляющаго главную пищу рабочихъ классовъ, былъ уничтоженъ болѣзнью, напавшею на это растеніе. Въ слѣдующемъ за тѣмъ году былъ новый неурожай. Недочетъ пищевыхъ продуктовъ противъ обыкновенной нормы простирался для одной Ирландіи въ 140,000,000 тал. Англія увидѣла себя вынужденной выписать въ теченіе восьми мѣсяцевъ на 250,000,000 тал. хлѣба изъ чужихъ странъ. Ирландіи была оказана ссуда отъ государства въ размѣрѣ 46,000,000 тал. Изъ одной Америки было выписано хлѣбныхъ продуктовъ на 34,000,000 тал., между тѣмъ какъ вывозъ англійскихъ продуктовъ въ эту страну, представлявшій въ 1845 г. сумму въ 49,000,000 тал., палъ въ 1846 до 40,000,000 тал. съ небольшимъ. Итакъ, въ тотъ самый моментъ, когда расходъ Англіи увеличивался на 230 мил. тал. слишкомъ, доходъ ея умечьшался, такъ какъ фабричная производительность, вслѣдствіе вздорожанья сырья, вынуждена была ограничить свои размѣры; и въ тотъ самый моментъ, когда цѣны на жизненные припасы возросли вдвое и втрое, — половина и, даже, треть рабочихъ были отпущены за неимѣньемъ для нихъ работы. То была страшная пора.

Къ этому надо прибавить, что за послѣдніе годы многія другія отрасли торговли значительно расширились и привлекли къ себѣ крупные капиталы. Такъ, торговля съ Остъ-Индіей и Китаемъ достигла необычайнаго развитія, послѣ того, какъ открытіе портовъ „Небесной Имперіи“ для европейцевъ побудило спекуляцію наброситься на мануфактурные товары и вызвало въ самой Англіи

возникновеніе многихъ новыхъ фабрикъ. Въ то же время, многіе англійскіе торговые дома, уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, всадили значительную часть своего состоянія и въ кофейныя и сахарныя плантаціи въ обѣихъ Индіяхъ, что не мѣшало имъ, на остальныя свои средства, усиленныя кредитомъ, вести свои торговыя дѣла въ прежнихъ обширнихъ размѣрахъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе усиленія въ производствѣ сахару и кофе, цѣны на эти продукты такъ пали, что капиталы большею частью были потеряны. Потери эти, въ общей сложности, должны были составить значительныя суммы.

Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что спекуляція хлѣбною торговлею, не ограничиваясь доставкою хлѣба на отечественный рынокъ, начала раскидываться и по всему европейскому континенту. Въ то время предсказывали, что Лондонъ перетянетъ къ себѣ бóльшую часть хлѣбной торговли Амстердама и Гамбурга и сдѣлается центральнымъ всемірнымъ рынкомъ для продуктовъ этого рода. Такъ какъ неурожай постигъ почти всю Европу, то пришлось стягивать запасы хлѣба изъ черноморскихъ портовъ, изъ Архангельска и изъ сѣверной Америки. Обстоятельство это влекло за собою двоякую невыгоду. Съ одной стороны, доставка хлѣба изъ этихъ отдаленныхъ странъ требовала много времени,—гораздо болѣе, чѣмъ первоначально разсчитывали,—такъ что значительное число кораблей съ хлѣбомъ пришло изъ Чернаго и изъ Бѣлаго морей въ такое время, когда уже существовала вѣрная надежда на хорошую жатву въ 1847 г. или, даже, когда эта жатва была уже собрана и результатъ ея оказался вполнѣ удовлетворительнымъ. Кромѣ того, эти громадныя партіи хлѣба, которыя, какъ мы видѣли, одна Америка доставила на 34,000,000 тал., должны были оплачиваться большею частью чистыми деньгами, такъ какъ, покрайней мѣрѣ что касается Одессы и Архангельска, не было возможности уплатить и половину стоимости хлѣба продуктами англійской индустріи. Само по себѣ обстоятельство это не представляло бы особой опасности, такъ какъ звонкая монета могла быть вымѣнена на продукты англійской индустріи на другихъ рынкахъ земнаго шара; но, съ одной стороны, потребленіе на главнѣйшемъ рынкѣ для сбыта англійскихъ товаровъ именно, въ Европѣ, значительно уменшились вслѣдствіе вздорожанія жизненныхъ потребностей, поглощавшаго значительную часть національныхъ доходовъ; съ другой стороны, самое производство на англійскихъ фабрикахъ сильно ограничилось вслѣдствіе отвлеченія капиталовъ на вышеуказанныя предпріятія и вслѣдствіе вздорожанія главнѣйшаго сырого продукта, необходимаго для англійской индустріи.

Послѣ того, какъ хлѣбная торговля уже въ 1846 г. дала значительные барыши, многіе торговые дома, послѣ того, какъ въ остальныхъ отрасляхъ торговли наступилъ застой, бросились на спекуляціи хлѣбомъ. Между тѣмъ, извѣстно, нѣтъ дѣла менѣе надежнаго, чѣмъ торговля хлѣбомъ; съ одной стороны, въ ней цѣны мѣняются необычайно сильно и быстро, такъ какъ здѣсь

болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ продуктѣ, на цѣны вліяетъ уже одно мнѣніе о состояніи посѣвовъ и о самой измѣнчивой вещи въ мірѣ—о погодѣ; съ другой стороны, перевозъ хлѣба изъ очень отдаленныхъ мѣстностей оказывается выгоднымъ лишь при большой разницѣ въ цѣнахъ. Но такъ какъ такая большая разница въ цѣнахъ бываетъ очень рѣдко и то между очень отдаленными землями, то спекуляція хлѣбомъ требуетъ, съ одной стороны, продолжительнаго срока, а съ другой стороны, самыя основательныя ея надежды нерѣдко могутъ быть разрушены неожиданными неблагопріятными случайностями. Къ этому присоединяется еще и то обстоятельство, что, такъ какъ торговля хлѣбомъ не есть дѣло, происходящее непрерывно, и для спекуляціи въ ней существуютъ приливы и отливы, то этимъ дѣломъ занимаются многіе господа, которымъ не достаетъ надлежащаго знанія товаровъ, путей ихъ привоза и сбыта, а также не достаетъ правильности сужденія и проницательности при запутанныхъ обстоятельствахъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, нигдѣ такъ часто, какъ въ хлѣбной торговлѣ, не встрѣчается значительныхъ внезапныхъ прибылей и таковыхъ же потерь.

При этихъ условіяхъ, англійскіе торговые дома, набрасывающіеся внезапно на спекуляціи хлѣбомъ, затѣяли рискованную игру. Долгій періодъ времени, который проходилъ прежде, чѣмъ начатая спекуляція успѣвала реализироваться, принуждалъ ихъ обращаться за помощью къ кредиту, который открывался въ то время банками и фирмами, занимавшимися учетомъ векселей, лишь слишкомъ охотно на долгіе сроки и въ большихъ размѣрахъ. Англійскій банкъ первый подавалъ примѣръ легкомысленной щедрости въ дѣлѣ кредита и, такимъ образомъ, на него должна была отчасти пасть вина за послѣдующій кризисъ. Это было впослѣдствіи открыто признано въ парламентѣ тогдашнимъ министромъ финансовъ, сэромъ Чарльзомъ Удомъ и сэромъ Робертомъ Пилемъ.

Уже лѣтомъ 1846 г. кредитъ началъ доходить до черезмѣрнаго расширенія. Въ августѣ англійскій банкъ имѣлъ 16,000,000ф. ст. и резервный фондъ въ 9 милліоновъ въ своихъ кладовыхъ, т. е., на 5 или на 6 мил. болѣе, чѣмъ требовалось для поддержанія торговыхъ оборотовъ. Въ то же время, количество билетовъ, находившихся въ обращеніи, простиралось до 21 мил. ф. ст. Еще въ декабрѣ 1846 г. банкъ имѣлъ при суммѣ обращающихся билетовъ въ $20^1/_2$ мил., запасъ наличныхъ денегъ, превышавшій 15 мил. ф. ст.

Еслибы банкъ присматривался къ знаменіямъ времени, какъ того требовала прямая его обязанность, то онъ долженъ бы былъ знать вполнѣ опредѣленно, что за черезмѣрнымъ напряженіемъ кредита, вызваннымъ желѣзнодорожными и хлѣбными спекуляціями, должна послѣдовать, съ неизбѣжностью математическаго вывода, реакція. Еслибы банкъ, руководствуясь всѣми этими соображеніями, во время попридержалъ у себя свой значительный запасъ наличныхъ денегъ, подтянулъ возжи и, помощью болѣе осмотрительнаго кредитованія, а

также соотвѣтствующимъ повышеніемъ дисконта, предостерегъ торговый міръ, опьянѣвшій въ чаду спекуляцій, то, безъ сомнѣнія, этимъ онъ предупредилъ бы, если не самый кризисъ, то наиболѣе острую его форму и бо́льшую часть сопровождавшаго его бѣдствія. Но банкъ, къ сожалѣнію, пребывалъ въ полнѣйшей безпечности. Въ самый разгаръ рискованнѣйшихъ спекуляцій, онъ удерживалъ дисконтъ, павшій въ 1845 г. до самой низкой точки, какую только запомнитъ исторія, до 2%, чтó не мало способствовало поощренію предпринимательской горячки,—на трехъ процентахъ, и это продолжалось до половины января 1847 г. Лишь тутъ банкъ, повидимому, спохватился, что желѣзнодорожные платежи и ввозъ хлѣба поглотили значительныя суммы наличныхъ денегъ, и рѣшился повыситъ свой дисконтъ 14 января 1847 г. до 3%, а 21 января— до 4%. Не взирая на то, что положеніе дѣлъ требовало еще ранѣе болѣе значительнаго повышенія дисконта, тѣмъ не менѣе, это крутое повышеніе въ два пріема, слѣдовавшіе одинъ за другимъ въ восьмидневный промежутокъ, было ошибкою, такъ какъ оно, съ одной стороны, возбудило тревогу, а съ другой— все же не могло отбить у спекулянтовъ охоту кредитоваться. Мало по малу золото стало цѣлыми массами утекать за границу. Но лишь 8-го января, когда запасъ наличныхъ денегъ въ банкѣ, составлявшій слишкомъ 15 мил. въ январѣ, $12^1/_4$ мил. въ февралѣ, и $11^1/_3$ мил. въ мартѣ, уменьшился до 9,660,000 ф. ст.—лишь тутъ додумались директора до необходимости повысить дисконтъ до 5%. Но было уже слишкомъ поздно. Даже гораздо болѣе значительное повышеніе дисконта не могло бы ничего измѣнить въ положеніи дѣлъ,—наступленіе кризиса уже нельзя было долѣе удержать.

Но банкъ, какъ офиціально заявилъ сэръ Чарльзъ Удъ въ парламентѣ, пошелъ въ своей опрометчиовсти еще далѣе, и деньги, предназначенныя для уплаты дивидендовъ, роздалъ до мая въ ссуду, такъ что, когда въ Америкѣ слѣдовало выдать дивиденды, резервный фондъ банка оказался для этого недостаточнымъ и банкъ, въ переполохѣ, круто ограничилъ размѣры своего кредита, чтó, конечно, повергло весь торговый міръ въ смятеніе. То обстоятельство, что запасъ наличныхъ денегъ еще въ Іюнѣ составлялъ 10,450,000 ф. ст., между тѣмъ какъ количество обращающихся билетовъ доходило даже до 18,250,000 ф. ст., а 30-го іюля, когда банкъ удерживалъ свой дисконтъ на 5%, превышало 19 мил., — обстоятельство это служитъ яснымъ доказательствомъ, что причина кризиса была, покрайней мѣрѣ въ томъ, что касается банка, не въ недостаткѣ средствъ денежнаго обращенія, а въ недостаткѣ капитала, необходимаго для производства операцій. Это было признано и канцлеромъ казначейства, сэромъ Чарльзомъ Удомъ, во время преній, происходившихъ по поводу кризиса въ парламентѣ 6-го декабря 1847 г. и въ слѣдующіе за тѣмъ дни. Ввозъ хлѣба, по вычисленіямъ начальника англійскаго статистическаго бюро, Д. Портера, поглотилъ съ іюля 1847 г.,—слѣдовательно въ 7 мѣсяцевъ, сумму въ 226,000,000

тал. Къ этому присоединялись расходы на желѣзнодорожныя предпріятія, которыя въ первой половинѣ 1846 г. составляли 68,000,000 тал., во второй половинѣ того же года — 186,000,000 тал., въ первое полугодье 1847 г.— 188 мил. тал.; а для того, чтобы всѣ проектированныя желѣзныя дороги могли быть окончены во время, требовали еще 260,000,000 тал., — слѣдовательно, въ одинъ годъ грозили поглотить почти 460,000,000 тал. „Все это, говоритъ сэръ Чарльзъ Удъ, значительно уменьшило общій оборотный капиталъ всей торговли и, какъ ни несомнѣнна польза рельсовыхъ путей, при всемъ томъ, такое излишество въ развитіи желѣзнодорожнаго дѣла представляетъ ущербъ для общихъ торговыхъ интересовъ страны". Къ этому, по словамъ канцлера, присоединялось еще и то обстоятельство, что значительная часть торговли и безъ того была поставлена очень шатко, кредитная система во многихъ случаяхъ имѣла чисто эфемерный характеръ, и многіе искали замѣнить капиталъ, котораго у нихъ не было, злоупотребленіями вексельнымъ кредитомъ. Безспорно, въ торговлѣ капиталъ и кредитъ должны были идти рука объ руку, но капиталы все же должны были находиться на лицо и служить прочнымъ фундаментомъ кредиту. До чего доходило вообще легкомысліе въ веденіи дѣлъ, можно видѣть изъ примѣра ливерпульскаго королевскаго банка, внесенный акціонерный капиталъ котораго составлялъ всего 600,000 ф. ст., и который, при этомъ, не задумался ссудить одинъ только торговый домъ 500,000 ф. ст., въ надеждѣ покрыть свою потребность въ деньгахъ дисконтированьемъ своихъ векселей въ Лондонѣ.

При этомъ сэръ Чарлзъ Удъ старался опровернуть обвиненіе, падавшее на правительство въ томъ, что кризисъ вызванъ банковымъ закономъ 1844 г.: по его мнѣнію, при данныхъ обстоятельствахъ банкротства должны были наступить во множествѣ, хотя бы банковый законъ 1844 г. и никогда не былъ изданъ. Банкъ,—такъ говоритъ канцлеръ,—давалъ кредитъ до тѣхъ поръ, пока къ тому существовала малѣйшая возможность; но такъ какъ онъ имѣлъ неосторожность сохранить свой низкій процентъ дисконта,—5% повышенные за тѣмъ до $5^1/_2$—вплоть до октября мѣсяца, то его со всѣхъ сторонъ такъ одолѣвали просьбами о ссудахъ, что онъ 2 декабря вынужденъ былъ ограничить свой кредитъ. Между тѣмъ, наступившія въ этотъ промежутокъ банкротства значительныхъ фирмъ, занимавшихся дисконтированіемъ векселей, а также банкротство ливерпульскаго банка, взвалили почти все дисконтное дѣло на англійскій банкъ, которому не подъ силу было долго выдерживать такое бремя. Въ этотъ моментъ въ дѣло должно было вмѣшаться правительство. Уступая настояніямъ, приходившимъ къ нему со всѣхъ сторонъ, оно разрѣшило банку пріостановить дѣйствіе закона 1844 г., и выпустить банковыхъ билетовъ свыше нормы, установленной этимъ закономъ. Полномочіемъ этимъ банку не пришлось воспользоваться, такъ какъ оно было дано лишь послѣ того, какъ

первый натискъ миновался. Хотя доводы, приводимые сэромъ Чарльзомъ Удомъ, и заслуживаютъ вниманія, тѣмъ не менѣе, нельзя не замѣтить, что онъ забылъ упомянуть, что пагубная беспечность правленія банка, натворившая все зло, была вызвана не чѣмъ инымъ, какъ Пилевскимъ закономъ, который воображалъ замѣнить человѣческій разумъ машиннымъ механизмомъ, вслѣдствіе чего банковые директора болѣе полагались на ходъ этого механизма, чѣмъ на собственный разумъ.

Безпечность, проявлявшаяся въ эти дни, была такъ велика, что тронная рѣчь, которою была закрыта парламентская сессія 23 іюля 1847 г., хотя и упоминала о нуждѣ, вызванной общимъ вздорожаніемъ продуктовъ, тѣмъ не менѣе, ни единымъ словомъ не проговаривалась объ опасностяхъ, которымъ подвергался торговый міръ, опасностяхъ, нависшихъ, между тѣмъ, надъ нимъ, подобно грозовымъ тучамъ. Торговые люди считали себя столь далекими отъ всякихъ невзгодъ, что еще въ концѣ іюля, когда бумаги утвержденнаго государственнаго долга пали съ 94, какъ они стояли въ январѣ, до 89—88, биржевые отчеты ликовали о блистательномъ положеніи денежнаго рынка.

Въ маѣ 1847 г., вслѣдствіе благопріятнаго состоянія хлѣбныхъ посѣвовъ, цѣны на хлѣбъ начали быстро падать, и такъ какъ то же стремленіе выказалось и на остальныхъ рынкахъ европейскаго материка, извѣстіе объ этомъ придало имъ въ Англіи такую стремительную быстроту въ паденіи, что съ мая по сентябрь онѣ понизились со 102 шиллинговъ за четверть до 48 ш.

Изъ отчаянныхъ усилій торговыхъ отчетовъ того времени, старающихся, подъ вліяніемъ игроковъ на повышеніе, поколебать общую увѣренность въ благопріятномъ исходѣ жатвы, можно видѣть, что хлѣбные спекулянты не пренебрегали никакими средствами для удержанія цѣнъ на прежней высотѣ. Запасы хлѣба удерживались, наличныя деньги, требовавшіяся для уплаты по произведеннымъ закупкамъ, добывались посредствомъ дутыхъ вексельныхъ аферъ,—кредитъ банковъ напрягался до послѣдней степени.

Въ то же время, уплата процентовъ по португальскому займу была пріостановлена.

Съ половины іюля, когда были выплачены послѣднія пособія, назначенныя Ирландіи, и по закупкамъ хлѣба въ Америкѣ, простиравшимся по разсчетамъ американцевъ до суммы въ 90,000,000 флориновъ, были произведены послѣднія уплаты наличными деньгами, запасъ наличныхъ денегъ въ англійскомъ банкѣ, въ особенности же резервный фондъ, началъ уменьшаться съ поражающей быстротою. Одновременно съ этимъ въ Парижѣ настала жестокая нужда въ деньгахъ, и курсы, особенно желѣзно-дорожныхъ акцій, пали очень сильно.

Удержать далѣе эфемерное зданіе отъ паденія нечего было и думать. Одинъ изъ хлѣбныхъ торговцевъ прекратилъ свои платежи. Правда, то былъ одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ спекулянтовъ и одинъ изъ самыхъ небогатыхъ тор-

товыхъ домовъ, но торговый міръ все же смутился, — началъ сводить счеты и ужаснулся пропасти, которая открылась подъ его ногами. Еще одна фирма прекратила свои платежи и увлекла за собою цѣлый рядъ другихъ фирмъ, занимавшихся хлѣбными операціями и дисконтомъ векселей. Банкротство слѣдовало теперь за банкротствомъ съ такою ужасающею быстротою, что англійскій торговый міръ началъ терять голову, и фирмы пошли лопаться одна за другою. Цѣлые пять мѣсяцевъ продолжалось это крушеніе, и съ конца іюля по конецъ декабря не проходило почти дня, чтобы не пришло извѣстіе объ одномъ или нѣсколькихъ банкротствахъ, крупныхъ или мелкихъ, происшедшихъ по собственной винѣ, или понесенныхъ безвинно. И суммы, на которыя происходили эти банкротства, были большею частью немаленькія; всего чаще дѣло шло о нѣсколькихъ милліонахъ гульденовъ. Сегодня приходило извѣстіе о банкротствѣ на 1 милліонъ, завтра—на 2 милліона; вечеромъ узнавали, что двѣ фирмы пріостановили свои платежи въ общей сложности на 3 милліона, а на слѣдующій день узнавали о банкротствѣ шести торговыхъ фирмъ, изъ которыхъ наименьшее представляло полмилліона, а наибольшее — шесть милліоновъ пассива.

Когда, къ концу года, явилась возможность обозрѣть опустошенія, произведенныя этою безпримѣрною бурею въ англійскомъ торговомъ мірѣ, то оказалось, что обанкротилось всего до 400 большихъ и малыхъ фирмъ, въ общей сложности, на сумму 250 милліоновъ гульденовъ. Дѣйствіе этой бури не ограничилось одними хлѣбными торговцами и фирмами, дисконтирующими векселя; оно втянуло въ свой раіонъ и торговцевъ, занимавшихся вывозомъ мануфактурныхъ товаровъ и самихъ фабрикантовъ.

Курсъ бумагъ консолидированнаго государственнаго займа, стоявшій еще въ 1845 году al pari и державшійся еще въ 1846 на 95—96, а въ январѣ 1847 г.—на 94, сталъ падать съ поражающей быстротою, по мѣрѣ того, какъ банкъ былъ вынужденъ все болѣе и болѣе понижать свой дисконтъ и, незадолго до того времени, когда дисконтъ былъ повышенъ до 8% (25 октября), дошелъ до 79. Если припомнить, что колебанія курса, которымъ бываетъ подвержена эта надежнѣйшая изъ всѣхъ бумагъ, въ среднемъ выводѣ никогда не превышаютъ въ обыкновенное время $^1/_8$ процента; что колебаніе, доходящее до $^1/_2$ процента, уже заставляетъ предполагать, что происходитъ нѣчто необычайное,—то вышеприведенныя цифры колебанія въ курсѣ могутъ дать намъ понятіе о страшной паникѣ, овладѣвшей торговымъ міромъ въ эти дни.

Желѣзно-дорожныя общества, вслѣдствіе кризиса и повышенія дисконта, очутились въ страшно затруднительномъ положеніи. Большое число этихъ желѣзно-дорожныхъ обществъ заявили о своемъ намѣреніи выпустить облигаціи по 6%, съ правомъ преимущественной оплаты передъ всѣми прочими долгами общества. Но юристы объявили, что выпускъ облигацій съ такимъ вы-

процентомъ противузаконенъ, такъ какъ, по существовавшему въ то время закону о ростѣ, процентъ за ссуды, обезпечѐнныя залогомъ недвижимаго имущества, не долженъ былъ превышать 5%. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя желѣзно-дорожныя общества начали выпускать 5-ти процентныя облигаціи со скидкою 6, 7 процентовъ съ номинальной ихъ цѣны. Говорятъ даже, что въ собраніи директоровъ и членовъ правленій главнѣйшихъ желѣзно-дорожныхъ обществъ было рѣшено—отложить на два года сооруженіе всѣхъ побочныхъ вѣтвей и дальнѣйшихъ линій, не оказывавшихся безусловно необходимыми, чтобы черезъ это не быть вынужденными производить платежи и дѣлать займы въ такую пору, когда нужда въ деньгахъ была повсемѣстная и процентъ стоялъ такъ высоко.

Въ самомъ разгарѣ этого всеобщаго смятенія, когда каждый день приходили извѣстія о банкротствахъ въ Лондонѣ, Манчестерѣ, Ливерпулѣ, — лопнулъ вдругъ и ливерпульскій городской банкъ. Курсъ бумагъ кансолидированнаго государственнаго займа стоялъ въ это время на 79. Процентъ дисконта въ частныхъ сдѣлкахъ простирался до 13%; акціи желѣзныхъ дорогъ пали на 15—25 процентовъ. Торговыя фирмы въ эту достопамятную недѣлю банкротилось ежедневно цѣлыми дюжинами. Отовсюду слышно было о прекращеніи работъ на фабрикахъ и по постройкамъ желѣзныхъ дорогъ; подрядчики лондонской сѣверо-западной дороги уже въ концѣ октября распустили 2,500 рабочихъ и собирались распустить ихъ еще болѣе значительное число. Въ то же время, въ Ланкашейрѣ почти всѣ начатыя сооруженія были пріостановлены, и до 10,000 рабочихъ остались безъ дѣла. То же самое повторялось повсюду. Фабричные рабочіе, отчасти вслѣдствіе высокихъ цѣнъ на сырье, еще ранѣе были посажены на половинную работу, или отпущены совсѣмъ, или же доведены вздорожаніемъ всѣхъ жизненныхъ потребностей до послѣдней крайности. Теперь положеніе ихъ еще болѣе ухудшилось, и полагаютъ, что, въ теченіе послѣдующей зимы, число бѣдныхъ, призрѣваемыхъ въ рабочихъ домахъ, увеличилось на 100,000 рабочихъ. Въ теченіе зимы 1847—1848 гг., подать для бѣдныхъ пришлось увеличить на 1 милліонъ ф. ст. (въ общей сложности она составила слишкомъ 6 милліоновъ).

Въ тотъ моментъ, когда нужда всего сильнѣе давала себя чувствовать, во всѣхъ частяхъ королевства происходили собранія, на которыхъ совѣщались о средствахъ помочь кризису, и отъ всѣхъ торговыхъ и фабричныхъ городовъ королевства посылались депутаціи къ правительству.

Такъ какъ англійскій банкъ, какъ то было подробнѣе объяснено нами выше, обязанъ былъ имѣть обезпеченіе звонкою монетою на все количество билетовъ, выпускаемыхъ имъ свыше нормы въ 14 милліоновъ ф. ст., а золото, между тѣмъ, массами уходило за границу,—то банкъ нашелся вынужденнымъ, чтобы сохранить требуемое закономъ соотношеніе между выпускаемыми

билетами и металлическимъ обезпеченіемъ, значительно ограничить свои дисконтныя операціи, хотя, незадолго передъ тѣмъ (25 сентября), банкомъ былъ продолженъ срокъ уплаты по произведеннымъ имъ ссудамъ, — или, быть можетъ, именно это-то продленіе срока и вынудило его къ сокращенію дисконта. Это ограниченіе вексельнаго кредита, произведенное какъ разъ во время самой страшной нужды, когда всѣ, напротивъ, требовали помощи отъ банка, довело купцовъ почти до отчаянія. Они осаждали министерство просьбами о помощи, такъ что, наконецъ, сэръ Робертъ Пиль долженъ былъ согласиться на временную пріостановку дѣйствія столь любезнаго ему банковаго закона, и правительство 27 октября разрѣшило правленію банка усилить выпускъ билетовъ безъ соотвѣтствующаго усиленія металлическаго обезпеченія. Въ то же время дисконтъ былъ возвышенъ до 8%. Такимъ повышеніемъ дисконта думали, съ одной стороны, создать гарантію противъ неумѣреннаго пользованія временною отмѣною банковаго закона, а съ другой стороны, надѣялись привлечь капиталы изъ континентальной Европы, гдѣ процентъ дисконта, такъ же, какъ и въ Америкѣ, стоялъ лишь на 7%. Въ то же время, правительство, по инициативѣ самого банка, желавшаго оградить себя отъ подозрѣнія въ черезмѣрной наживѣ, выговорило въ пользу государственной кассы ту прибыль, какая могла получиться отъ этой мѣры.

Пріостановка дѣйствія банковаго закона, вмѣсто того, чтобы усилить недовѣріе опасеніемъ черезмѣрнаго выпуска банковыхъ билетовъ, произвела, страннымъ образомъ, такое успокоивающее дѣйствіе, что довѣріе, совсѣмъ было исчезнувшее, снова начало возрождаться; деньги повыползли изъ тѣхъ норокъ, куда онѣ попрятались, и торговыя сношенія такъ быстро вернулись въ свою обычную колею, что банку даже не понадобилось воспользоваться даннымъ ему разрѣшеніемъ.

Правда, банкротства продолжались еще въ теченіе двухъ мѣсяцевъ слишкомъ; еще 29 декабря одинъ торговый домъ, имѣвшій дѣла съ Россіей, объявилъ себя несостоятельнымъ на 4,000,000 талеровъ; еще 11-го января рухнуло шесть большихъ торговыхъ домовъ въ Гласговѣ, изъ которыхъ наименѣе значительный объявилъ себя несостоятельнымъ на 114,000 талеровъ, а наиболѣе значительный—на 2,000,000 талеровъ. По многимъ изъ этихъ фирмъ была оказана помощь. Долгое время еще торговля не могла оправиться вполнѣ отъ поразившаго ее удара, но все же самый кризисъ миновался. Правда, повсюду еще свирѣпствовала жестокая нужда, — въ Ирландіи происходили аграрныя убійства, — но все же горизонтъ понемногу прояснялся; сношенія съ заграницей оживлялись, вывозъ англійскихъ продуктовъ въ Америку усиливался, а оттуда получались значительныя суммы наличными деньгами въ уплату за англійскіе фабрикаты; занятія у рабочихъ классовъ прибывали.

Былъ ли англійскій банкъ причиною этого улучшенія, можно ли приписать

одной отмѣнѣ банковаго закона произошедшій поворотъ,—въ этомъ позволено сомнѣваться, такъ какъ, въ моментъ разрѣшенія вышеназванной мѣры, кризисъ свирѣпствовалъ уже три мѣсяца, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ уже достигъ объ эту пору наивысшей точки своего развитія и постепенно утихъ бы и безъ сказанной мѣры, быть можетъ при помощи какого-нибудь другаго правительственнаго мѣропріятія, которое успокоило бы публику.

Такимъ образомъ, мы не можемъ приписывать пріостановкѣ дѣйствія банковаго закона такого значенія, какое приписывали этой мѣрѣ несостоятельные купцы. Но, при всемъ томъ, мы должны остаться при высказанномъ нами мнѣніи, что главною причиною, вызвавшею и усилившею кризисъ, была безпечность директоровъ банка,—коренилась ли эта безпечность въ самомъ законѣ 1844 г., или нѣтъ. Самъ Робертъ Пиль вынужденъ былъ сознаться въ этомъ передъ парламентомъ; онъ прямо заявилъ, что „ошибся въ своей надеждѣ, что банковый законъ 1844 г. въ состояніи будетъ оградить денежный рынокъ отъ внезапныхъ паникъ и смятенія". Но къ этому онъ присовокупилъ, что „законъ возложилъ на банкъ, если не юридическое, то нравственное обязательство предотвращать своевременною осмотрительностью и ограниченіемъ выпуска билетовъ необходимость приступить къ крутымъ и крайнимъ ограничительнымъ мѣрамъ. Это-то нравственное обязательство—банкъ, по мнѣнію министра, не исполнилъ. Если бы банкъ, при появленіи первыхъ же признаковъ затрудненія на денежномъ рынкѣ, не торопясь и заблаговременно ограничилъ выпускъ своихъ билетовъ и возвысилъ свой дисконтъ, то, по твердому убѣжденію министра, вмѣшательство правительства не понадобилось бы. Что банковый законъ можетъ предупреждать самое наступленіе торговыхъ кризисовъ, этого онъ, министръ, никогда и не думалъ утверждать; онъ имѣлъ лишь въ виду воспрепятствовать этимъ закономъ слишкомъ рѣзкимъ колебаніямъ и смятенію на денежномъ рынкѣ, и это, онъ долженъ сознаться, ему не удалось. Между тѣмъ, двѣ другія важныя цѣли, которыя онъ имѣлъ въ виду, достигнуты закономъ вполнѣ. Во-первыхъ, надлежало обезпечить возможность превращать банковые билеты въ звонкую монету; во-вторыхъ, слѣдовало оградить себя отъ наростанія трудностей, являющихся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ черезмѣрно расширенной системы кредита и неограниченнаго выпуска бумажныхъ денегъ, примѣръ чего можно было видѣть нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Ирландіи. Причина зла, отъ котораго страдаетъ Англія, заключается, по мнѣнію министра, въ недостаткѣ капиталовъ, которыхъ не хватаетъ при громадномъ расширеніи спекуляцій, и тѣ господа очень ошибаются, которые взваливаютъ вину за это на законъ, сдѣлавшій именно то, что зло не проявилось въ еще большихъ размѣрахъ. Цѣлый свѣтъ желаетъ занять денегъ, но никто не расположенъ ихъ давать взаймы. Но недостающаго капитала не можетъ создать никакой законъ и никакое правительство, и умноженіе бумажныхъ

денегъ было бы не умноженіемъ капитала, а помѣхою трудолюбію отдѣльныхъ личностей. Низкій процентъ всюду и всегда благопріятствовалъ преувеличеннымъ спекуляціямъ, которыя, какъ неизбѣжное послѣдствіе, влекли за собою стѣсненное положеніе денежнаго рынка. Далѣе, сэръ Робертъ Пиль входитъ въ болѣе подробное разсмотрѣніе причинъ тогдашняго кризиса, — непомѣрнаго разростанія желѣзно-дорожныхъ предпріятій, частью еще не начавшихъ окупаться, разростанія, совпавшаго съ крупными спекуляціями хлѣбной торговлей; что касается вмѣшательства правительства въ дѣла банка, то министръ-президентъ заявилъ полное свое согласіе съ остальными членами правительства, какъ относительно формы этого вмѣшательства, такъ и относительно своевременности избраннаго для него момента. Въ заключеніе, онъ сказалъ: „хотя бы коммиссія, назначенная парламентомъ для изслѣдованія этого вопроса, и сочла нужнымъ произвести нѣкоторыя измѣненія въ банковомъ законѣ, никогда я не дамъ своего согласія на измѣненіе въ самомъ принципѣ закона“. Не взирая на такое рѣшительное заявленіе сэра Роберта Пиля, въ то время, когда парламенту предстояло утвердить биль о вознагражденіи, т. е., такой биль, которымъ пріостановка дѣйствія банковаго закона, вынужденная обстоятельствами и объявленная безъ разрѣшенія представительства страны, утверждалась со стороны парламента заднимъ числомъ, — какъ разъ въ это время, со всѣхъ сторонъ стали раздаваться требованія полной отмѣны банковаго закона. Тронная рѣчь подверглась рѣзкимъ нападкамъ за то, что въ ней о торговомъ кризисѣ, приведшемъ страну на край погибели, не говорилось ничего, кромѣ заявленія, что министры ея величества разрѣшили банковымъ директорамъ нарушить банковый законъ въ случаѣ надобности, но что, по счатью, банку не понадобилось воспользоваться таковымъ разрѣшеніемъ. Все улучшеніе положенія, наступившее послѣ 25 октября, приписывали не повышенію дисконта до 8%, вслѣдствіе котораго въ Англію стали притекать значительные капиталы изъ-за границы, и, въ особенности изъ Петербурга, банку была прислана крупная сумма наличными деньгами;—улучшеніе это приписывали не чему иному, какъ пріостановкѣ дѣйствія банковаго закона, и на этомъ основаніи настоятельно требовали совершенной отмѣны этого закона. Но нападки эти не имѣли успѣха, и дѣло осталось по старому. Между тѣмъ, парламентъ назначилъ коммиссію для изслѣдованія причинъ кризиса и его связи съ Пилевскимъ закономъ. Комиссія эта представила свой отчетъ лишь въ слѣдующемъ году, но въ этомъ отчетѣ, хотя и признавалось вредное вліяніе банковаго закона на кризисъ, тѣмъ не менѣе, не содержалось никакихъ опредѣленныхъ предложеній реформъ.

Вышеупомянутыя подкрѣпленія наличными деньгами вскорѣ дали банку возможность снова понизить свой дисконтъ, который 22 ноября и былъ пониженъ до 7%, 2 декабря—до 6, 23 декабря—до 5, а 27 января 1848 г.—

до 4 процентовъ и затѣмъ продолжалъ постоянно понижаться, пока весною 1852 г. не достигъ своего *minimum'a*, 2°/₀. Одновременно съ этимъ пониженіемъ дисконта, курсъ бумагъ консолидированнаго государственнаго займа шелъ постоянно повышаясь, пока, наконецъ, съ 79 не поднялся снова al pari.

Кризисъ подѣйствовалъ подобно большому очистительному процессу. Не только спекулянты пали, но и все, что не стояло самымъ крѣпкимъ образомъ на своихъ ногахъ, было опрокинуто. Частные люди, не имѣвшіе непосредственнаго касательства къ торговлѣ, тоже нашлись вынужденными пріостановить свои платежи. Такъ, напримѣръ, одинъ графъ оказался несостоятельнымъ на 600,000 ф. ст. и уступилъ свои помѣстья своимъ кредиторамъ за годовую ренту въ 600 ф. ст. Были случаи самоубійства, и богатыя семейства впадали въ бѣдность. Не было недостатка и въ насмѣшкахъ надъ этимъ положеніемъ дѣлъ. „Пончъ" изобразилъ кризисъ въ слѣдующей каррикатурѣ: Джонъ Буль, въ образѣ упитаннаго фермера старается пролѣзть сквозь щелочку въ заборѣ, слишкомъ узкую для его тучности. Онъ завязъ въ этихъ тискахъ, а между тѣмъ, близехонько за его спиною, стоитъ разъяренный быкъ съ дымящимися ноздрями — съ надписью „паника". Джону Булю нельзя ни туда, ни сюда; между тѣмъ, передъ этимъ злополучнымъ человѣкомъ стоитъ сэръ Робертъ Пиль и ободряетъ его. Не торопитесь, любезнѣйшій сэръ, не торопитесь! Это лишь временное стѣсненіе.—О да, восклицаетъ Джонъ Буль,—вамъ хорошо говорить, сами-то вы во всякую норку съумѣете пролѣзть.—Въ другой каррикатурѣ, Пончъ, изображая нужду въ деньгахъ, представляетъ, что всѣ торговыя сношенія вернулись къ первобытному способу, къ обмѣну продуктовъ. Одна дама спрашиваетъ въ модномъ магазинѣ, что стоитъ локоть такой-то матеріи?—Полторы серебряныхъ ложки, отвѣчаетъ ей прикащикъ.—Дама обращается къ слугѣ:—Подай мою корзину со столовымъ серебромъ!

Этотъ кризисъ въ Англіи отозвался гораздо сильнѣе на остальной Европѣ, чѣмъ всѣ предшествующіе кризисы. Всѣ торговые центры европейскаго континента ощущали на себѣ потери, понесенныя англійской торговлей. Въ Парижѣ и въ Амстердамѣ, въ Бременѣ и въ Гамбургѣ, во Франкфуртѣ и въ Петербургѣ, въ Оффенбахѣ и въ Карльсруэ, — всюду происходили болѣе или менѣе значительныя банкротства. Въ Амстердамѣ палъ торговый домъ Брюинъ и К°, самый крупный раффинаторъ сахара въ цѣломъ мірѣ. Но всего тяжелѣе отозвался кризисъ на Гамбургѣ, гдѣ, по газетнымъ отчетамъ, до 128 банкротствъ были заявлены коммерческому суду. Что касается лейпцигской ярмарки, то она, противъ ожиданія, прошла довольно удачно.

Одинъ любопытный эпизодъ повлекъ за собою паденіе фирмы Габеръ во Франкфуртѣ и Карльсруэ. Домъ этотъ поддерживалъ своими средствами три наиболѣе крупныхъ фабричныхъ заведенія въ Баденѣ,—хлопчато-бумажную прядильню въ Этлингенѣ, машинную фабрику въ Карльсруэ и свекловичный саха-

роваренный заводъ въ Ваггейзелѣ. Какъ оказывается изъ книгъ, переданныхъ впослѣдствіи на разсмотрѣніе правительства и слѣдственной коммиссіи, фирма эта, повидимому, приняла на себя, въ отношеніи трехъ названныхъ фабрикъ, обязательства, которыя ей не подъ силу было исполнить, въ особенности же доставленіе капитала, требующагося въ постоянно возобновляющихся размѣрахъ, для веденія дѣла. Такъ какъ средства фирмы были поглощены другими предпріятіями, то вся эта потребность въ капиталѣ, простиравшаяся на нѣсколько сотъ тысячъ гульденовъ, покрывалась еженедѣльно и ежемѣсячно грандіозно организованнымъ учетомъ векселей. Сначала векселя выдавались на Страсбургъ, такъ какъ тамошніе векселя, когда имъ истекалъ срокъ уплаты, покрывались векселями изъ Аугсбурга, а эти послѣдніе, въ свою очередь, уплачивались векселями изъ Франкфурта, вслѣдъ за чѣмъ чередъ опять доходилъ до Страсбурга. Отъ привычнаго взгляда знатока такіе маневры ускользаютъ рѣдко. Они легко распознаются по правильности, съ которою повторяется учетъ векселей, и по округленности и постоянству той суммы, на которую пишутся векселя, хотя бы сумма эта вначалѣ и была раздроблена на очень мелкія дѣленія. Домъ Ротшильда, повидимому, давно замѣтилъ эти вексельныя аферы и въ одно прекрасное утро, не взирая на то, что состоялъ съ домомъ Габеръ въ родствѣ, отказался принять векселя этой фирмы, представленные ему къ учету. Отказъ этотъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что публика заволновалась, стала осаждать фирму требованіями уплаты и черезъ это вынудила ее къ пріостановкѣ платежей. Вмѣстѣ съ паденіемъ этой фирмы, и поддерживаемыя ею фабричныя заведенія нашлись тоже вынужденными пріостановить платежи, и если бы имъ не была оказана чрезвычайная помощь, они были бы проданы съ молотка. Въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ, часть населенія, большинство баденской палаты депутатовъ и само правительство были того мнѣнія, что дальнѣйшее производство работъ на названныхъ фабрикахъ возможно лишь при поддержкѣ отъ правительства. Съ другой стороны, мангеймскіе купцы энергично возстали противъ этого мнѣнія, какъ и вообще противъ самого принципа государственной помощи. Они доказывали, что эти три фабрики, при ликвидаціи, попадутъ въ руки другихъ фабрикантовъ по болѣе дешевой цѣнѣ, и что именно эта низкая цифра затраченнаго на нихъ капитала, при ихъ переходѣ во вторыя руки, обезпечитъ прибыльность производства. Вопросъ этотъ былъ разсмотренъ въ баденской палатѣ депутатовъ, гдѣ обѣ стороны съ большимъ ожесточеніемъ нападали другъ на друга. Такъ какъ правительство могло представить довольно удовлетворительныя свѣдѣнія о капиталѣ, затраченномъ на фабрики, и о доходности этихъ предпріятій, невзирая на безпорядки въ ихъ управленіи и на запутанное веденіе книгъ,—то ему и удалось провести свою мысль. Было рѣшено такого рода соглашеніе, по которому кредиторы отказывались требовать немедленнаго возвра-

щенія своихъ капиталовъ, а правительство гарантировало имъ проценты и постепенное погашеніе долга въ пятнадцать лѣтъ. Фабрики были спасены этимъ соглашеніемъ и съ той поры пришли въ такое цвѣтущее состояніе, что правительство не имѣло причинъ раскаяваться въ оказанной имъ помощи.

Пренія, происходившія по этому поводу въ баденской палатѣ депутатовъ, представляютъ интересъ и до сего дня. Ими въ первый разъ въ Германіи былъ повергнутъ на разсмотрѣніе представительства страны вопросъ о томъ слѣдуетъ ли государству вмѣшиваться въ торговые кризисы непосредственною, денежною помощью, или же промышленный и торговый міръ долженъ быть предоставленъ самому себѣ? Въ то же время, эти пренія служатъ намъ культурно-исторической картинкой, изъ которой мы можемъ составить себѣ понятіе объ уровнѣ экономическаго образованія, существовавшемъ въ тѣ дни. Сравнивая этотъ уровень съ теперешнимъ, мы можемъ не краснѣть за свое время, такъ какъ рѣдко можно указать въ исторіи такое значительное усовершенствованіе экономическихъ понятій, происшедшее въ такой короткій срокъ. Вожаки обѣихъ партій вполнѣ владѣли своимъ предметомъ, и ихъ изложеніе и способъ аргументаціи заслуживаютъ вниманія и внѣ той тѣсной сферы, для которой они предназначались. По сравненію съ тѣмъ, что́ они говорили, даже ученые всѣми признанной репутаціи, которые сунулись въ область имъ совершенно чуждую изъ одного желанія судить и рядить обо всемъ, давали такой матеріалъ, который мы не можемъ обозначить иначе, какъ названіемъ „вздора". Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, намекалось, что фирма Ротшильда во Франкфуртѣ вступила въ договоръ съ Пальмерстономъ, — договоръ, имѣвшій цѣлью погубить нѣмецкую промышленность, за что племяннику Ротшильда обезпечивалось мѣсто въ парламентѣ. Чтобы приступить къ исполненію этого договора, Ротшильдъ будто бы внезапно отказалъ въ кредитѣ фирмѣ Габеръ, предвидя, что это повлечетъ за собою паденіе трехъ важнѣйшихъ мануфактуръ юго-западной Германіи. Въ палатѣ на это намекали въ довольно прозрачныхъ выраженіяхъ и бѣдный Ротшильдъ осыпался проклятіями. Но въ публикѣ обвиненіе это высказывалось безъ обиняковъ, и даже Allgemeine Zeitung не задумалась занести такую чепуху на свои столбцы безъ всякихъ оговорокъ отъ редакціи, хотя, впослѣдствіи, названная газета и дала у себя мѣсто извѣстію, отзывающемуся бо́льшимъ здравымъ смысломъ.

Это фантастическое убѣжденіе было такъ далеко распространено, что даже Ротшильдъ счелъ за нужное оффиціально объявить во Франкфуртѣ, что домъ Габеръ никогда не имѣлъ у него текущаго счета, никогда не открывалъ себѣ у него кредита, а потому не было возможности и отказать сказанному дому въ кредитѣ. Но, не взирая на все это, Ротшильдъ долгое время оставался самымъ непопулярнымъ человѣкомъ въ южной Германіи.

———————

ГЛАВА X.

Кризисъ 1857 г.

Кризисъ 1857 г. отличается отъ всѣхъ прочихъ какъ обширностью охваченнаго имъ района, такъ и совпаде́ніемъ множества новыхъ, небывалыхъ еще обусловливающихъ причинъ. Движеніе, начавшееся въ Америкѣ, перебросилось въ Англію, потрясло до основанія первый торговый центръ Германіи, разразилось страшною грозою надъ столицами скандинавскихъ королевствъ, пронеслось, роняя одну фирму за другою, надъ столицами и торговыми центрами сѣверной Германіи, Бельгіи, Голландіи, Польши, Австріи, Франціи и, перескочивъ гигантскимъ скачкомъ черезъ два океана, опрокинуло множество торговыхъ домовъ въ Бразиліи, въ штатахъ Ла-Платы и въ Батавіи.

Что касается причинъ этого кризиса, то онѣ восходятъ еще къ 1848 г. Политическія и экономическія событія этого года опредѣлили ходъ дѣлъ на все послѣдующее десятилѣтіе. Политическій переворотъ 1848 г. положилъ начало радикальнымъ реформамъ во всемъ порядкѣ внутренняго управленія въ главнѣйшихъ государствахъ Европы; реформы эти должны были вызвать самыя утѣшительныя перемѣны въ производительной дѣятельности населенія. Упрощеніе гражданскаго судопроизводства, отличавшагося въ Германіи большой медлительностью и стѣснявшаго черезъ это въ значительной степени кредитъ, пріобрѣло для оживленія торговли и промышленности множество капиталовъ, которые до этого лежали безъ всякаго употребленія, изъ опасенія быть поглощенными недобросовѣстными кредиторами и судебными проволочками. Отмѣна всѣхъ остатковъ феодальной системы крѣпостнаго права, десятинъ и другихъ повинностей во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ Германіи, гдѣ эти остатки не были устранены событіями ранѣе, обновленіе Австріи посредствомъ конституціонныхъ реформъ, посредствомъ уничтоженія внутреннихъ таможенъ, реорганизаціи судебной процедуры и закладки обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ, отмѣна запретительной системы и заключеніе договоровъ съ пошлиннымъ союзомъ,—все это положило начало въ *Германіи* роскошному развитію промышленности. Въ то же время, во *Франціи*, перемѣна образа правленія, законодательныя реформы въ пошлинной системѣ, ускоренная постройка желѣзныхъ дорогъ, развитіе ассоціацій, политика императора по рабочему вопросу и новыя банковыя спекуляціи, о которыхъ будетъ говорено ниже, все это вызвало громадный переворотъ въ условіяхъ экономической жизни французскаго народа.

Едва успѣли затихнуть послѣдніе всплески революціонныхъ волнъ, какъ настала крымская война, которая, въ конечномъ своемъ результатѣ, упрочила и расширила торговыя сношенія съ Востокомъ и, въ то же время, возвратила уси-

ліямъ цивилизаціи громадную страну, которая, проложеніемъ желѣзныхъ дорогъ къ житницамъ Европы и отмѣною крѣпостнаго права, совершила едва ли не два величайшія дѣла всего столѣтія.

Съ этимъ же періодомъ совпадаетъ соединеніе четырехъ океановъ посредствомъ желѣзной дороги черезъ Суэсскій перешеекъ и панамской желѣзной дороги, давно ожидаемая отмѣна зундской пошлины, освобожденіе Дуная и открытіе Японіи для европейской торговли.

Если всѣ великія событія того времени неизбѣжно должны были измѣнить положеніе дѣлъ, то открытію громадныхъ золотыхъ залежей въ Калифорніи и Австраліи, повидимому, суждено было завершить окончательно этотъ экономическій переворотъ.

Наконецъ, ко всему этому присоединялось еще одно обстоятельство, игравшее важную роль въ подготовленіи кризиса. Обстоятельство это было — *колебаніе цѣнъ на хлѣбъ*, которыя во время крымской войны, вслѣдствіе частныхъ неурожаевъ и задержки транспортовъ съ хлѣбомъ изъ южной Россіи, значительно возрасли, а тамъ, послѣ обильной жатвы 1857 г., опять круто и очень низко пали.

Вслѣдствіе отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ въ Англіи и вслѣдствіе вздорожанія всѣхъ жизненныхъ потребностей, произшедшаго въ 1841 г., подвозъ хлѣба изъ отдаленныхъ мѣстностей, въ особенности же изъ Архангельска и Одессы, значительно усилился. Благодаря этой причинѣ еще болѣе, нежели вслѣдствіе хорошихъ жатвъ, цѣны на хлѣбъ стояли съ 1847 по 1852 г. необычайно низко, хотя жатвы давали лишь средній сборъ. Жатва 1853 г. была плоха, жатва 1854 г. чрезвычайно обильна; сборъ съ жатвъ 1855 и 1856 гг. остался далеко ниже средней нормы. Съ 1853 г. цѣны на хлѣбъ постоянно поднимались, и когда въ слѣдующемъ году наступила крымская война, закрывшая гавани Чернаго и Бѣлаго морей, цѣны на хлѣбъ достигли высоты, небывалой съ 1846 г. Но затѣмъ, послѣ обильной жатвы 1857 г., когда одна Сѣверная Америка по тамошнимъ, нѣсколько преувеличеннымъ, какъ намъ кажется, отчетамъ, оказалась въ состояніи предоставить для покрытія годовой потребности всего таможеннаго союза излишекъ въ 400,000,000 мѣръ, когда русскія гавани снова были открыты и когда проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ Венгрію открыло неистощимыя житницы восточной Европы,—тогда цѣны снова начали значительно падать.

Не малое значеніе имѣло также колебаніе цѣнъ на *колоніальные товары* и на *сырье*, о чемъ Тукъ и Ньюмарчъ въ своей исторіи цѣнъ (томъ 5. и 6. собрали весьма цѣнный матеріалъ, такъ же какъ и о послѣдствіяхъ усилившагося добыванія золота. Въ теченіе 1848 — 1849 гг. замѣтно было, вообще, стремленіе цѣнъ къ пониженію, какъ вслѣдствіе большей бережливости, проявлявшейся въ различныхъ классахъ населенія, въ особенности же между богатыми

сословіями, въ виду неопредѣленности политическаго положенія, а также вслѣдствіе удовлетворительныхъ урожаевъ. Съ 1850 г. цѣны, частью вслѣдствіе усилившагося потребленія, частью же вслѣдствіе недостаточнаго подвоза, снова стали значительно повышаться. Въ 1851 г. снова настало значительное пониженіе цѣнъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго подвоза, но въ первые девять мѣсяцевъ 1853 г. это пониженіе уступило мѣсто болѣе благопріятному стремленію къ повышенію, которое за послѣдніе девять мѣсяцевъ достигло и прочно установило цѣны, значительно превышавшія тѣ, которыя стояли за послѣдніе годы. Съ 1853 г. до конца 1854 г. произошла весьма замѣтная реакція въ этомъ высокомъ уровнѣ цѣнъ, которыя стали падать, за исключеніемъ лишь немногихъ предметовъ, на которые война поддерживала потребность. Въ 1855 и 1856 годахъ на рынкахъ было тихо и твердо и они не поддавались никакимъ другимъ колебаніямъ, кромѣ обыкновенныхъ колебаній спроса и предложенія. Ниже мы предоставляемъ себѣ подробнѣе разсмотрѣть вліяніе открытія золотыхъ залежей въ Калифорніи и Австраліи на эти перемѣны въ цѣнахъ. Но здѣсь мы ограничимся замѣчаніемъ, что первое дѣйствіе открытія золотыхъ розсыпей въ Калифорніи въ 1848 г. сказалось въ Англіи въ 1850—1851 гг. и проявилось усиленнымъ вывозомъ англійскихъ мануфактурныхъ товаровъ въ Соединенные Штаты. Это дѣйствіе продолжалось еще замѣтнѣе въ 1852 г.; въ 1853 г. потребленіе англійскихъ и нѣмецкихъ фабрикатовъ въ Соединенныхъ Штатахъ сдѣлалось такъ значительно, что Англію, напримѣръ, оно съ избыткомъ вознаграждало за произведенные ею усиленные расходы по ввозу хлѣба вслѣдствіе дурной жатвы 1853 г. Тотъ же усиленный спросъ изъ Америки продолжался и въ 1854, 1855 и 1856 годахъ и лишь на короткое время пріостанавливался случайными банкротствами и временными колебаніями кредита, которыя въ 1854 и 1855 гг. бывали въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Калифорніи. Вообще, съ 1850 г. торговыя сношенія между Соединенными Штатами съ одной стороны, и Германіей, Бельгіей, Франціей, Швейцаріей и Англіей—съ другой, такъ усилились, въ особенности же вывозъ европейскихъ фабрикатовъ въ Калифорнію и въ тѣ мѣста сѣвероамериканскаго континента, куда прежде всего отсылалось калифорнійское золото, что присылка золота изъ Америки въ Европу, въ особенности же въ Англію, приняла правильное, непрерывное теченіе.

Открытіе австралійскихъ розсыпей лѣтомъ 1851 года отозвалось въ Англіи уже въ 1852 г.; дѣйствіе этого событія проявилось усиленнымъ эмиграціоннымъ движеніемъ изъ Англіи и Германіи, а также усиленнымъ вывозомъ въ Австралію всевозможныхъ товаровъ. Спросу на перевозочныя средства нельзя было удовлетворять съ достаточною быстротою, и фрахтовыя цѣны, а также заработная плата въ кораблестроительномъ дѣлѣ, возрасли до значительной высоты. Это стремленіе продолжалось весь 1853 г., въ 1854 и 1856 гг. о[illegible]

уступило мѣсто болѣе вялому настроенію, но въ 1856 опять воскресло съ еще большимъ оживленіемъ, чѣмъ прежде.

Повышеніе заработной платы, произошедшее *въ кораблестроительномъ дѣлѣ* въ 1852 г., сдѣлалось въ первой половинѣ 1853 г. почти всеобщимъ явленіемъ, такъ что въ сентябрѣ заработная плата въ большинствѣ занятій поднялась, по сравненію съ 1851 г., на 12—20 процентовъ. Наконецъ, вслѣдствіе плохой жатвы 1853 г., войны 1854—1855 гг. и переполненія австралійскаго рынка, настала, преимущественно въ фабричныхъ округахъ, небольшая реакція.

Первымъ и непосредственнымъ дѣйствіемъ высокихъ цѣнъ, стоявшихъ въ 1852 — 1853 гг. на колоніальные и другіе привозные товары, а также усиленнаго спроса на мануфактурныя произведенія, сказывавшагося въ эти годы, было—возбужденіе напряженной дѣятельности и затрата значительныхъ капиталовъ на пріисканіе новыхъ мѣстъ и новыхъ средствъ для усиленія производительности. Этимъ же стараніямъ слѣдуетъ приписать постоянное паденіе цѣнъ въ теченіе 1853 г.

Что касается собственно Англіи, то Ньюмарчъ твердо убѣжденъ, что колебанія цѣнъ, ходъ торговыхъ дѣлъ и усиленный спросъ на товары, обусловленный сильнымъ вывозомъ продуктовъ въ Америку и Австралію, не имѣли ни до этого, ни въ это время, никакого соотношенія съ перемѣною въ средней нормѣ билетовъ, находящихся въ обращеніи; другими словами, всѣ обстоятельства и факты приводятъ къ тому заключенію, что колебанія въ обращеніи билетовъ опредѣляются и регулируются предшествующими помѣщеніями капитала и кредита. Во множествѣ частныхъ случаевъ можно положительно доказать, что происходили значительныя колебанія цѣнъ на важнѣйшихъ рынкахъ страны, помимо всякаго измѣненія въ количествѣ обращающихся билетовъ. Нельзя также сказать, чтобы колебанія въ нормѣ дисконта и въ цѣнахъ на продукты стояли въ такомъ соотношеніи, чтобы можно было заключить о связи между ними, какъ между причиною и слѣдствіемъ.

Этотъ взглядъ блистательно оправдался теченіемъ кризиса.

Значительное усиленіе ввоза золота изъ Калифорніи и Австраліи произвело такое накопленіе металла въ англійскомъ банкѣ, что дисконтъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ, до весны 1853 г., стоялъ крайне низко; въ англійскомъ банкѣ онъ доходилъ до 2%, а въ нѣкоторыхъ частныхъ банкахъ векселя дисконтировались на годъ даже по $1^1/_2$ процента. Съ 1853 г. процентъ снова сталъ постепенно повышаться, вслѣдствіе вызваннаго обиліемъ денегъ спроса на капиталъ для новыхъ, дальнихъ и дорого стоющихъ предпріятій, для исполненія общественныхъ работъ, для расширенія старыхъ и для введенія новыхъ отраслей промышленности и для примѣненія новыхъ способовъ производства. Этотъ спросъ на капиталъ съ каждымъ годомъ усиливался, становился болѣе общимъ,

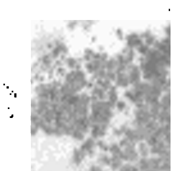
и даже крымская война мало помѣшала этому промышленному движенію, такъ какъ театръ войны находился въ отдаленной части восточной Европы, непріятельскій военный флотъ не могъ мѣшать морской торговлѣ, сырье, привозившееся до сихъ поръ изъ Россіи, частью стало теперь доставляться черезъ нейтральныя гавани, частью же замѣнилось привозомъ изъ Индіи и изъ другихъ мѣстностей, —а также и потому, что при помощи телеграфовъ, паровой машины и громадныхъ средствъ, которыми располагалъ англійскій торговый флотъ, можно было заканчивать въ нѣсколько недѣль операціи, для совершенія которыхъ прежде понадобились бы многіе мѣсяцы. Но болѣе всего благопріятствовалъ этому промышленному развитію усиленный ввозъ золота въ 1854—1855 г.

Такъ какъ война, вообще, требуетъ для всѣхъ платежей наличныхъ денегъ, а Восточная война требовала ихъ и подавно, то Англія и Франція попали бы въ крайнее финансовое затрудненіе безъ этого накопленія металла на всѣхъ важнѣйшихъ денежныхъ рынкахъ и безъ связаннаго съ этимъ накопленіемъ низкаго уровня процента. Ньюмарчъ положительно утверждаетъ, что, не будь этого значительнаго подвоза золота, англійскій банкъ вынужденъ бы былъ опять прибѣгнуть къ пріостановкѣ дѣйствія Пилевскаго закона, а можетъ быть, и къ пріостановкѣ уплаты звонкою монетою по своимъ билетамъ.

Въ то же время, не надо забывать, что въ Англіи послѣдствія кризиса 1847 г., потери и утрата кредита, постигшія значительную часть средняго сословія, вслѣдствіе громадныхъ желѣзно-дорожныхъ расходовъ,—все это значительно уменьшило въ 1848, 1849 и 1850 гг. потребленіе именно въ среднихъ классахъ населенія, между тѣмъ, какъ рабочіе классы, вслѣдствіе дешевизны жизненныхъ потребностей и постояннаго, хорошо оплачиваемаго занятія, пришли въ болѣе удовлетворительное положеніе, чѣмъ то, въ какомъ они когда либо жили прежде.

Для составленія себѣ полнаго понятія объ общемъ положеніи тогдашнихъ дѣлъ, необходимо имѣть въ виду, что изъ тѣхъ 2,000 милліоновъ талеровъ слишкомъ, которые были истрачены Великобританіей на желѣзныя дороги къ концу 1855 г., около половины, т. е., 1,000 милліоновъ талеровъ, были употреблены въ теченіе 5 лѣтъ, съ 1846 по 1850 г., на сооруженіе дорогъ, и что изъ 8,300 англійскихъ миль рельсовыхъ путей, которыя были частью открыты, частью же еще только строились въ 1855 г., 4,150 миль были окончены и открыты для движенія въ теченіе пяти вышеназванныхъ годовъ. Такимъ образомъ, Англія, въ изумительно короткое время, получила такую сѣть желѣзныхъ дорогъ, которая, по отношенію къ общей величинѣ территоріи, была втрое больше, чѣмъ желѣзно-дорожная сѣть въ Бельгіи, Нью-Іоркѣ и Пенсильваніи, въ четверо больше, чѣмъ въ Германіи, и въ семеро больше, чѣмъ желѣзно-дорожная сѣть во Франціи.

Введеніе такой радикальной и обширной перемѣны въ способахъ сообщенія должно было вызвать значительныя перемѣны въ продовольствіи народа, такъ какъ расходы производства и доставки уменьшились и цѣны сдѣлались умѣреннѣе. Одновременно съ этимъ, затрата этихъ 1,000 милліоновъ талеровъ на желѣзныя дороги доставила за вышеназванныя 5 лѣтъ занятіе почти милліону рабочихъ, которые немало пострадали отъ вздорожанія всѣхъ продуктовъ въ 1846—1847 гг. и отъ стѣсненнаго положенія торговли. Всѣ добавочныя средства, дозволившія эти добавочные расходы, составились исключительно изъ сбереженій богатыхъ и изъ усилившейся промышленной дѣятельности среднихъ классовъ, послѣ того какъ, принятіемъ системы свободной торговли въ 1846 г., промышленной дѣятельности Англіи открылось болѣе широкое поле.



Для дополненія нашего обзора, мы должны теперь вернуться къ тому вліянію, которое добываніе золота въ Австраліи и Калифорніи оказало на цѣны въ Европѣ. Ньюмарчъ предполагаетъ, что въ 1848 г. запасъ золота въ различныхъ формахъ, имѣвшійся въ Европѣ и Америкѣ, простирался до 6,720 милліоновъ гульденовъ, а серебра—до 9,600 милліоновъ гульденовъ. Подвозъ золота изъ Калифорніи и Австраліи за 9 лѣтъ, съ 1848 по 1856 г., составилъ около 2,088 милліоновъ гульденовъ, а въ 1856 равнялся 27 процентамъ всей средней цифры подвоза за предшествующихъ 9 лѣтъ. Можно принять, что наибольшая часть этой суммы поступила въ обращеніе, пройдя черезъ монетные дворы Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ, и увеличила собою количество звонкой монеты въ этихъ государствахъ приблизительно на одну треть. Ввозъ серебра и золота въ Англію въ 1857 г. составлялъ, по нижеслѣдующей таблицѣ, тщательно составленной по еженедѣльнымъ биржевымъ отчетамъ Daily News, свыше 28 милліоновъ ф. ст. Сюда не входитъ то золото, которое ввозилось пассажирами изъ Австраліи, а также то серебро съ континента, которое предназначалось почти исключительно для Азіи или для возврата въ различныя части континента.

Мѣсяцъ, заканчивающійся.	Изъ Австраліи. (Золото).	Изъ Соедин. Штатовъ. (Золото).	Изъ Вестъ-Индіи и Мексики. (Серебро).	Въ общей сложн. изо всѣхъ штат.
31 января . .	932,000 ф. ст.	285,100	957,800	2,349,000
18 февраля. .	1,132,800 „	254,700	177,000	1,708,000
28 марта. . .	829,200 „	127,700	203,400	1,180,000
25 апрѣля . .	1,430,200 „	172,000	480,700	2,215,000
30 мая	245,300 „	829,200	679,200	2,128,000
27 іюня . . .	1,174,300 „	1,621,400	843,800	3,704,800
25 іюля . . .	615,000 „	1,263,900	189,300	2,320,000

29 августа . .	1,148,700 ф. ст.	1,479,400	768,800	3,410,000
26 сентября .	964,800 „	150,000	618,600	1,851,000
31 октября . .	1,606,300 „	21,000	707,200	2,514,000
28 ноября . .	732,600 „	193,600	155,600	1,451,000
26 декабря . .	791,500 „	1,385,000	412,600	2,853,000
Въ общей сложности:				
Въ 1857 г. .	11,602,700 ф. ст.	7,782,600	6,133,400	28,683,800
„ 1856 „ .	10,247,400 „	8,592,900	6,818,500	25,643,600
„ 1855 „ .	10,883,000 „	6,380,600	5,042,000	24,268,000

Въ тѣ двѣнадцать лѣтъ, которыя прошли съ 1837 по 1848 г., среднїй годовой размѣръ добываемаго въ Россіи золота составлялъ около 30 милліоновъ гульденовъ. Въ 1848 году добываніе золота достигло наивысшей своей точки, дойдя до 36 милліоновъ гульденовъ и съ той поры шло постоянно и постепенно уменьшаясь, такъ что въ 1856 г. оно стояло далеко ниже 3,000,000 ф. ст.

Общая годовая сумма золота, добываемаго во всѣхъ частяхъ свѣта, со включеніемъ сюда и Россіи, представляла въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за 1848 г., около 120,000,000 гульденовъ, или 2 процента всего количества золота, имѣвшагося тогда въ обращеніи (6,720 милліоновъ гульденовъ). Въ 1856 г. общее производство золота по всему земному шару— т. е., во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, возрасло до 456 милліоновъ гульденовъ, т. е., до 5 процентовъ всей суммы золота, имѣвшейся на лицо (10,440 милліоновъ гульденовъ).

Годовый среднїй размѣръ серебра, добываемаго во всѣхъ странахъ земнаго шара, за нѣсколько лѣтъ до 1848 г. не превышалъ 108 милліоновъ гульденовъ, или 1 процента всего количества серебра, имѣвшагося въ то время на лицо, (9,600 милліоновъ гульденовъ). Въ 1856 году ежегодное добываніе серебра возрасло, вслѣдствіе дешевизны, съ которою добывалась ртуть въ Калифорніи, до 144 милліоновъ гульденовъ, или до $1^1/_2$ процента всего запаса серебра, имѣвшагося на лицо къ концу 1856 г. (10,200 милліоновъ гульденовъ). Къ этому ежегодному добыванію серебра изъ богатыхъ рудами мѣстностей присоединялся еще съ 1850 г. значительный наплывъ серебра изъ Франціи и другихъ странъ съ двойной монетной нормой, ежегодно бросавшій на всемірный рынокъ значительныя массы серебра, пока золото, подвозимое въ изобиліи, не стало вытѣснять серебра, поднимавшагося въ цѣнѣ.

Но, какъ ни поразительно и ни громадно было усиленіе добыванія золота съ 1848 г., не надо упускать изъ виду тотъ фактъ, что съ 1800 по 1848 г. общїй запасъ золота въ Европѣ и Америкѣ, составлявшій въ 1800 году 4,248

милліоновъ гульденовъ, возросъ на 58%; эта значительная перемѣна произошла, не вызвавъ никакихъ измѣненій въ относительной цѣнѣ золота, хотя въ теченіе этихъ 48 лѣтъ возрастаніе запаса серебра, увеличившагося лишь на 25%, представляло не болѣе половины того процентнаго отношенія, которое замѣчалось въ увеличеніи запаса золота.

Изъ тщательнаго изслѣдованія вліянія благородныхъ металловъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ оказывается слѣдующее: 1) До 1570 года, т. е., 50 лѣтъ спустя, послѣ вступленія испанцевъ въ Мексику и тридцать лѣтъ спустя, послѣ открытія серебряныхъ копей въ Потози, нельзя было съ точностью сказать, чтобы произошло какое-нибудь повышеніе цѣнъ. 2) Окончательная установка новыхъ, повышенныхъ цѣнъ, какъ слѣдствіе значительнаго увеличенія запаса благородныхъ металловъ, настала лишь въ 1640 г. 3) Повышеніе цѣнъ въ 1840 г. и въ слѣдующемъ году представляло приблизительно 200 процентовъ, между тѣмъ, какъ увеличеніе общаго запаса серебра и золота равнялось по крайней мѣрѣ 600 процентамъ.

Насколько можно судить изъ тщательнаго изслѣдованія цѣнъ различныхъ продуктовъ, могущихъ служить мѣриломъ, цѣны, стоявшія въ Англіи въ началѣ 1857 г., по сравненію съ цѣнами 1851 г., не оправдываютъ предположенія, что усилившійся черезъ подвозъ золота запасъ звонкой монеты способствовалъ замѣтнымъ и удобоопредѣляемымъ образомъ повышенію цѣнъ на товары; другими словами, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, перемѣна цѣнъ вполнѣ объяснима обстоятельствами, вліявшими на спросъ и предложеніе.

Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, 1853—1856 г., рынокъ испыталъ въ отношеніи весьма важной и крупной отрасли торговли, именно, относительно пищевыхъ веществъ и сырыхъ продуктовъ, сильныя потрясенія вслѣдствіе войны и вслѣдствіе внезапнаго заключенія мира, съ чѣмъ въ добавокъ совпали неурожаи въ различныхъ частяхъ земнаго шара.

Заработная плата въ Англіи, по изслѣдованіямъ Ньюмарча, возрасла за послѣднія 4—5 лѣтъ, какъ для работниковъ съ спеціальной подготовкой, такъ и для простыхъ чернорабочихъ, на 15—20 процентовъ.

Первымъ явственно сказавшимся послѣдствіемъ ввоза золота въ Англію было значительное усиленіе въ періодъ 1851—1853 г. металлическаго резерва въ англійскомъ банкѣ. Размѣры этого резерва и вытекавшее отсюда пониженіе дисконта въ банкѣ довели норму процента для всевозможныхъ видовъ займовъ до очень низкаго уровня. Но съ 1853 г. начинаетъ преобладать совершенно обратное направленіе. Причины этого были: во-первыхъ, умноженіе торговыхъ и промышленныхъ предпріятій; во-вторыхъ, необходимость ввоза значительныхъ партій хлѣба для покрытія недочета, причиненнаго плохою жатвою внутри страны; наконецъ, въ-третьихъ, значительные расходы за границею, обусловленные войною.

Присылки значительныхъ суммъ звонкою монетою, происходившія съ 1852 г. ежемѣсячно, не разъ доставляли средства устранить уже возникшія или только грозившія финансовыя затрудненія. Итакъ, ввозъ золота съ 1852 г. помогалъ избѣгать покрайней мѣрѣ слишкомъ сильныхъ потрясеній въ ходѣ торговли и умѣрялъ не разъ слишкомъ высокую норму процента, обусловленную соотношеніемъ между запасомъ капитала и спросомъ на него. Что касается Франціи, то спросъ на французскія произведенія въ странахъ, гдѣ добывалось золото, и въ мѣстностяхъ, находившихся подъ непосредственнымъ вліяніемъ этихъ странъ, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ въ теченіе 6, 7 лѣтъ то, что̀ называется благопріятнымъ торговымъ балансомъ, другими словами, Франція ввозила въ свои предѣлы, въ обмѣнъ за извѣстную часть вывезенныхъ ею продуктовъ, отъ 80 до 90 мил. золотомъ. Съ помощью этихъ суммъ, а также значительныхъ ежемѣсячныхъ поступленій звонкою монетою, французское правительство было въ состояніи продолжать свои финансовые эксперименты.

Весь процессъ распредѣленія новаго золота сначала между капиталистами и работниками тѣхъ странъ, гдѣ производилось добываніе золота, а затѣмъ — между капиталистами и работниками остальныхъ странъ, сводится на усиленіе спроса на трудъ, а черезъ это —на постепенное возрастаніе доходовъ всѣхъ классовъ общества.

Распредѣленіе 2088 мил. гульденовъ между промышленными странами всего міра и увеличеніе доходовъ въ этихъ различныхъ странахъ сообразовалось съ относительною способностью каждой страны производить товары, годные для вывоза въ тѣ страны, гдѣ производилось добываніе золота, а также вообще годные для всемірнаго рынка.

Наибольшая доля новодобытаго золота, а также наибольшая доля участія въ выгодахъ, проистекавшихъ отъ этой добычи для капитала и труда, достались Англіи.

Усиленный ввозъ золота умножилъ и упрочилъ тѣ условія, которыя способствуютъ наростанію дѣйствительнаго богатства, а это, съ своей стороны, способствовало поощренію и поддержанію торговли, духа предпріимчивости, стремленія къ открытіямъ и производительности. Расширеніе и большее разнообразіе торговыхъ сношеній нейтрализировало стремленіе повышать цѣны, свойственное металлическимъ деньгамъ при слишкомъ большомъ накопленіи ихъ.

Конечнымъ результатомъ этого великаго экономическаго переворота, принимавшаго съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обширные размѣры, было, по истеченіи первыхъ 9 лѣтъ, завоеваніе промышленностью болѣе обширнаго и благодарнаго поля дѣятельности, чѣмъ какое она когда-либо имѣла. Такова

была первая и наиболѣе надежная перемѣна, вызванная приливомъ новаго золота.

Тѣ предѣлы, въ которыхъ представлялось возможнымъ помѣщеніе капиталовъ и устройство предпріятій съ надеждою на прочный успѣхъ, раздвинулись далеко за черту того, что считалось достижимымъ лѣтъ десять, или, даже, пять тому назадъ. Возникли различныя вліянія, спеціальнымъ назначеніемъ которыхъ было, повидимому, устранять, или смягчать, въ союзѣ съ успѣхами знанія, многія изъ хроническихъ золъ, противъ которыхъ напрасно боролись цѣлыя поколѣнія. Наша картина была бы неполна, еслибы мы не упомянули о томъ вліяніи, которое лондонская промышленная выставка оказала на развитіе производительности и на направленіе торговли въ промышленныхъ странахъ. Благодаря ей, производители и потребители всѣхъ странъ земнаго шара сблизились между собою, и многіе предметы, которые до этого скромно прятались по разнымъ мѣстностямъ, занимавшимся ихъ производствомъ, теперь вышли изъ неизвѣстности и послужили толчкомъ къ основанію новыхъ фабрикъ и къ расширенію уже существующихъ. Если, съ одной стороны, выставка послужила новымъ подтвержденіемъ превосходства Англіи во многихъ отрасляхъ промышленной производительности, то, съ другой стороны, произведенія другихъ странъ по инымъ отраслямъ обратили на себя настолько вниманія, что это не могло не вызвать усиленной дѣятельности въ производствѣ этихъ предметовъ и крупнаго переворота въ торговыхъ сношеніяхъ всемірнаго рынка.

Такимъ образомъ, опираясь на незыблемое основаніе фактовъ и доводовъ разсудка, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: въ теченіе послѣднихъ 9 лѣтъ, предшествовавшихъ описываемому нами періоду, во всѣхъ частяхъ экономическаго организма совершался непрерывный, равномѣрный и быстрый прогрессъ, проявлявшійся, главнымъ образомъ, въ той возможности быстраго осуществленія, которую встрѣчалъ каждый здраво и основательно задуманный проектъ, клонившійся къ расширенію промышленной дѣятельности во всѣхъ странахъ свѣта, преимущественно же въ Англіи [1]).

---

[1]) Читатель, конечно, узналъ въ этой восторженной, хотя нѣсколько туманной тирадѣ, отголосокъ всѣхъ тѣхъ общихъ мѣстъ, которыя вотъ уже сколько времени преподносятся въ назиданіе публики панегиристами экономическаго прогресса, движимаго духомъ необузданной наживы и своекорыстія, этими пресловутыми и, будто бы, единственными стимулами всякой человѣческой дѣятельности. Изболтавшіеся панегеристы не знаютъ и знать не хотятъ, что вся ихъ скудная аргументація расползается по всѣмъ швамъ. Это уже старо. Но новое въ тирадѣ нашего автора то, что онъ съ непостижимою наивностью предпосылаетъ точно на-смѣхъ свой панегирикъ, «опирающійся на незыблемое основаніе фактовъ и доводовъ разсудка» изображенію такихъ событій, которыя блистательно свидѣ-

Мы перечислили различныя условія, подготовившія кризисъ 1857 г. Мы выяснили законы, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствовали эти условія и указали ближайшіе результаты ихъ дѣйствія. Теперь намъ остается перейти къ изложенію самого хода событій.

Что касается Англіи, то дѣйствіе ввоза новаго золота въ 1851—1852 гг. сказалось прежде всего необычайнымъ разростаніемъ промышленности и торговли. Въ 1852 г., въ теченіе пяти только мѣсяцевъ, возникло не менѣе 153 обществъ съ акціонернымъ капиталомъ, превышавшимъ 500 мил. гульденовъ; общества эти имѣли своею цѣлью устройство новыхъ желѣзныхъ дорогъ, банковъ, пароходныхъ сообщеній и горнозаводскихъ предпріятій. Необычайно сильный спросъ на англійскія произведенія, проявлявшійся въ странахъ, гдѣ производилась добыча золота, не только доставилъ существующимъ фабрикамъ работу въ изобиліи, но и служилъ поощреніемъ къ основанію новыхъ фабрикъ и къ расширенію старыхъ заведеній этого рода. За годъ, истекавшій 31-го октября 1851 г., въ одномъ ланкашейрскомъ графствѣ было выстроено и пущено въ ходъ не менѣе 81 новыхъ фабрикъ, и изъ этого числа 73 приходилось на бумагопрядильни, рабочая сила которыхъ въ совокупности равнялась 2064 лошадинымъ силамъ. Одновременно съ этимъ, въ Англіи былъ заключенъ сардинскій заемъ въ 42 мил. гульденовъ и австрійскій — въ 84 мил. гульденовъ. Число выходцевъ, которыхъ новооткрытыя золотыя розсыпи соблазняли попытать счастья за океаномъ, было такъ громадно, что наличнаго количества кораблей не хватало, и у судостроителей руки полны были работы. Вывозъ съ каждымъ годомъ принималъ все большіе и большіе размѣры, и отправка товаровъ въ Калифорнію и Австралію возросла до такой степени, что утратила всякое соотвѣтствіе съ дѣйствительною потребностью на эти товары и перешла въ самую безумную спекуляцію. Рынокъ Санъ-Франциско былъ до такой степени заваленъ всевозможными товарами, что складочныхъ магазиновъ не хватало, и самые дорогіе продукты валялись на открытомъ воздухѣ, подвергаясь всѣмъ случайностямъ погоды; они либо портились, либо сбывались съ рукъ за такія цѣны, которыя не окупали даже стоимости ихъ производства. Всѣ мы читали безчисленныя корреспонденціи, въ которыхъ то купцы, занимавшіеся заграничною торговлею, жаловались на тѣ непомѣрно низкія цѣны, за которыя они вынуждены были сбывать свои товары, то потребители сѣтовали на то, что, невзирая на обиліе золота и на высокіе заработки, они не имѣютъ никакой выгоды, такъ какъ цѣны на всѣ жизненныя потребности возросли въ 5 и 10 разъ. И тѣ и другіе были правы, такъ какъ рынокъ былъ временами запруженъ товарами, временами же, въ особенности послѣ того, какъ двумъ, тремъ куп-

тельствуютъ какъ разъ о противномъ. Эта наивность придаетъ тирадѣ своего рода поучительность.

цамъ, занимавшимся вывозомъ товаровъ изъ Англіи, приходилось поплатиться основательными убытками, подвозъ останавливался и чувствовался недостатокъ въ необходимѣйшихъ предметахъ потребленія. При такихъ обстоятельствахъ реакція была неизбѣжна, и она дѣйствительно наступила въ 1854 г. Горькій опытъ показалъ, что-ни барыши отъ вывоза англійскихъ продуктовъ, ни выгода искателей золота вовсе не такъ значительны, какъ полагали сначала. Выгода послѣднихъ была значительно уменьшена дороговизною, въ которую обходилось добыванье золота, а выгода первыхъ — рискомъ, съ которымъ были сопряжены ихъ операціи. Тѣ, которые оцѣнивали такъ низко расходы на добываніе австралійскаго и калифорнскаго золота, впадали, какъ то блистательно доказалъ Ньюмарчъ, въ опасную ошибку. Быть можетъ, можно бы было доказать, что, если сложить всѣ расходы, понадобившіеся для извлеченія этихъ 2000 мил. гульд. изъ нѣдръ земли, какъ то: содержаніе многочисленной арміи рабочихъ и остальнаго служебнаго персонала, стоимость доставки этихъ рабочихъ на отдаленнѣйшія золотыя розсыпи, высокую цѣну товаровъ, которые добыватели золота вымѣнивали на свой драгоцѣнный металлъ,—если сложить всѣ эти расходы, говоримъ мы, и сопоставить ихъ съ массою добытаго золота, то окажется, что все предпріятіе это, какъ спекуляція, выгодность которой оцѣнивается отношеніемъ барышей къ убыткамъ, было крайне неудачно;—другими словами, окажется, что капиталъ и трудъ, которые были затрачены на добываніе золота, могли бы гораздо выгоднѣе быть употреблены въ другихъ отрасляхъ промышленности, притомъ лишь условіи, чтобы продукты таковой промышленности встрѣчали такой же жадный спросъ, какъ и новодобываемое золото. Въ сущности, эта жадная гоньба за золотомъ, охватившая и старый и новый свѣтъ и проявлявшаяся усиленною дѣятельностью во всѣхъ отрасляхъ промышленности и вообще возбужденіемъ духа предпріимчивости, была, какъ кажется, самымъ выдающимся изъ результатовъ, вызванныхъ наплывомъ новаго золота. Самое обогащеніе на золотыхъ пріискахъ походило на лотерею: лишь немногія отдѣльныя личности выигрывали; заработокъ же большинства поглощался дороговизною жизни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть любое описаніе Калифорніи того времени. „Площади Санъ-Франциско, какъ замѣчаетъ очень мѣтко журналъ „Die Grenzboten“, походили временами на толкучій рынокъ, гдѣ каждый могъ даромъ запастись старымъ бѣльемъ и разорваннымъ платьемъ, потому что въ первое время, а, быть можетъ, и позднѣе, въ Калифорніи было дѣломъ неслыханнымъ вымыть рубашку, наложить заплату на лопнувшій башмакъ, или починить разорванное платье; плата за стирку и за починку была такъ высока, что равнялась стоимости новой одежды. Если добыватель золота получалъ много, то ему приходилось и расходовать на на свое содержаніе въ соотвѣтственныхъ размѣрахъ. Онъ долженъ былъ выносить самую тяжелую работу и, въ концѣ концовъ, вынужденъ былъ сознаться,

что, еслибы онъ на родинѣ работалъ такъ усиленно и жилъ такъ скверно, то у него осталось бы больше денегъ въ экономіи, чѣмъ сколько онъ привозилъ изъ своего Эльдорадо". Съ другой стороны, купцы, занимавшіеся вывозомъ товаровъ въ золотопромышленныя страны, вначалѣ дѣлали блистательныя аферы, но впослѣдствіи несли тяжелые убытки. Къ сожалѣнію, вышеупомянутая реакція не положила конецъ спекуляціи, которая нѣсколько позднѣе снова стала проявлять пагубное оживленіе.

Хотя политическія событія 1848 и 1849 гг. и отозвались неблагопріятно на англійской торговлѣ, тѣмъ не менѣе, ущербъ, нанесенный ими послѣдней, не идетъ и въ сравненіе съ тѣмъ потрясеніемъ кредита и безпримѣрнымъ парализующимъ дѣйствіемъ на торговлю, которые были вызваны ими на самой аренѣ, гдѣ они происходили,—на европейскомъ континентѣ. Послѣ того, какъ февральская революція разразилась въ Парижѣ и слѣдомъ за нею начались волненія въ Германіи, во всѣхъ отправленіяхъ экономической жизни наступилъ такой застой, какого не видали въ самыя бурныя времена первой французской революціи, и вообще за весь періодъ цивилизованной жизни народовъ. Торговля совершенно прекратилась; купля и продажа ограничивались лишь самыми необходимыми предметами потребленія. Продажа недвижимостей и товаровъ оптомъ была нѣкоторое время или совсѣмъ невозможна, или же производилась лишь за полцѣны. На фондовой биржѣ господствовало такое смятеніе, что курсы солидныхъ бумагъ падали на 20, на 30, даже на 50 процентовъ, а кредитъ бумажныхъ денегъ пошатнулся до того, что даже такія надежныя бумаги, какъ, напр., свидѣтельства прусскаго казначейства, въ Баденскомъ великомъ герцогствѣ, въ первые мѣсяцы послѣ упомянутыхъ событій ходили въ половину своей цѣны, при чемъ обладатели ихъ были еще рады, когда могли сбыть ихъ хоть на этихъ условіяхъ. Понадобилось не мало времени, чтобы торговля вошла въ свою обычную колею, и даже послѣ того, какъ спокойствіе всюду было возстановлено, боязнь „краснаго призрака", который былъ снова пущенъ въ ходъ во Франціи въ виду президентскихъ выборовъ, предстоявшихъ въ 1852 г., парализовала еще долгое время всякую энергію въ торговыхъ дѣлахъ. Лишь послѣ государственнаго переворота 2-го декабря 1851 г. торговый міръ снова ободрился.

Послѣ этого событія, Франція взяла на себя инціативу мѣръ и начинаній, долженствовавшихъ довести спекуляцію до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, какихъ европейскій континентъ еще не видалъ въ текущемъ столѣтіи.

Пока имущіе классы въ 1848 г. — основательно или нѣтъ — дрожали за свою собственность, они обратили весь капиталъ, которымъ располагали, въ золото и серебро и либо попрятали его, либо помѣстили въ англійскихъ и американскихъ бумагахъ. Суммы, пристроенныя такимъ образомъ нѣмецкими капиталистами, преимущественно въ американскихъ бумагахъ, достигали, какъ по-

лагаютъ, отъ 200 до 300 мил. тал. Между тѣмъ какъ, съ одной стороны, всѣ дѣла стали, какъ за неимѣніемъ сбыта для товаровъ, такъ и за недостаткомъ капитала, необходимаго для производства, съ другой стороны, норма процентовъ поднялась страшно высоко, такъ что не рѣдко нельзя было достать денегъ даже за ростовщическіе проценты. Такимъ образомъ, всѣ законы, направляющіе обращеніемъ денегъ и капиталовъ, были какъ будто перевернуты вверхъ дномъ. Потребители ограничивались удовлетвореніемъ необходимѣйшихъ своихъ потребностей, и даже послѣ того, какъ магазины стали постепенно опоражниваться, и необходимость возобновленія производства съ каждымъ днемъ давала себя настоятельнѣе чувствовать, прошло еще довольно много времени, прежде чѣмъ производство пошло своимъ обычнымъ, правильнымъ ходомъ.

Такимъ образомъ понятно, что когда послѣ парижскаго государственнаго переворота капиталы повыползли изъ норокъ, въ которыя попрятались, норма процента тотчасъ же значительно упала. Этимъ-то моментомъ воспользовалось французское правительство, съ одной стороны для пониженія 5-ти процентной ренты до $4^1/_2$ процентовъ, а съ другой стороны—для возобновленія построекъ желѣзныхъ дорогъ, пріостановленныхъ съ 1848 г. Съ этою послѣднею цѣлью съ французскимъ банкомъ вступили въ соглашеніе, чтобы онъ понизилъ свой дисконтъ въ мартѣ 1852 г., съ 4-хъ процентовъ на три, и расширилъ свой кредитъ подъ акціи желѣзныхъ дорогъ и подъ векселя почти до 400 мил. франковъ. Чтобы объяснить возможность этихъ крупныхъ операцій, намъ необходимо оглянуться на исторію этого учрежденія, которое являло міру то утѣшительное зрѣлище, что, въ самомъ разгарѣ волненій, весною 1848 г., кредитъ въ Парижѣ стоялъ лучше, чѣмъ въ маленькихъ нѣмецкихъ государствахъ, не имѣвшихъ банковъ.

Во время совѣщаній о банковомъ законѣ, 22-го апрѣля 1806 г., законѣ, служащемъ и до сихъ поръ основою банковой организаціи во Франціи, Наполеонъ высказалъ слѣдующій взглядъ: „Банкъ принадлежитъ не однимъ акціонерамъ, но и государству, такъ какъ послѣднее даруетъ ему привиллегію выпуска монеты (т. е., ассигнацій)". Этими словами императоръ опредѣлилъ характеръ новой банковой организаціи; выпускъ ассигнацій, который до сихъ поръ не подвергался никакимъ ограниченьямъ, сдѣлался привиллегіею національнаго банка. Когда въ 1848 г. декретами національнаго собранія отъ 27-го апрѣля, провинціальные банки были слиты съ французскимъ банкомъ черезъ присоединеніе ихъ акціонернаго капитала къ капиталу послѣдняго,—то это было лишь дальнѣйшимъ развитіемъ основнаго принципа, принятаго въ самомъ началѣ. Съ этой поры, во Франціи нѣтъ другаго ассигнаціоннаго банка, а существуютъ лишь вѣтви главнаго учрежденія; число этихъ вѣтвей, ограничивавшееся въ началѣ 14-ью, впослѣдствіи было доведено до 37. Опасность этой централизаціи и монополіи въ банковомъ дѣлѣ лежала въ томъ, что правитель-

ство получило слишкомъ большое вліяніе на веденіе дѣлъ этого учрежденія, такъ какъ не только управляющій центральнымъ банкомъ и оба помощника управляющаго, но и директора и члены правленія побочныхъ отраслей главнаго учрежденія назначались отъ правительства.

Это слишкомъ облегчало правительству возможность прибѣгать къ такого рода средствамъ, чтобы выпутываться изъ затрудненій данной минуты, которыя подвергали прочность банка серьезной опасности. Такъ, напр., для облегченія обращенія рентъ въ публикѣ и для поднятія биржевыхъ курсовъ и государственнаго кредита, 15-го іюня 1834 г., королевскимъ повелѣніемъ дѣятельность банка была распространена на выдачу ссудъ подъ залогъ государственной ренты, а въ 1852 г. въ число операцій, подлежащихъ его вѣдѣнію, была включена и выдача ссудъ подъ залогъ желѣзнодорожныхъ акцій. Между тѣмъ, банкъ существуетъ для поддержанія промышленности и торговли, а не для поощренія биржевой игры; но вмѣшательство правительства лишило именно промышленность и торговлю капитала, который до этого находилъ себѣ производительное помѣщеніе, и притомъ весьма значительнаго капитала, потеря котораго не могла не отозваться весьма ощутительно на промышленности, такъ какъ ссуды подъ государственныя ренты возросли съ 44 до 330 милліоновъ.

Капиталъ французскаго банка состоялъ еще въ недавнее время изъ 91,250,000 франк. Но колоссальное развитіе дѣятельности этого учрежденія потребовало удвоенія этого капитала, который въ настоящее время составляетъ 182,500,000 франк. Слѣдующія цифры могутъ дать понятіе о размѣрахъ операцій, производимыхъ французскимъ банкомъ. Общая сумма оборотовъ этого учрежденія возросла съ 25 милліардовъ, на которыхъ она стояла въ 1854 г. до 35,500,000,000 франк. въ 1856 г., а въ неблагопріятномъ для торговли 1857 г. уменьшилась на 3 милліарда; однѣ дисконтныя операціи возросли въ 1856 г., по сравненію съ 1855, на 912,000,000 франк., а въ 1858 г.—еще на 926,000,000 франк. По отчету отъ 12-го ноября 1857 г. запасъ звонкой монеты въ центральномъ банкѣ въ Парижѣ и въ его отрасляхъ въ провинціи простирался до 189,000,000 франк., а сумма билетовъ, находящихся въ обращеніи—до 580,000,000 франк. Въ портфелѣ банка, который съ 1856 г. не содержалъ въ себѣ другихъ векселей, кромѣ краткосрочныхъ, имѣлось обязательствъ на сумму около 588,000,000 франк. Текущій счетъ государственной кассы составлялъ 72 мил., общая цифра суммъ, помѣщенныхъ на текущій счетъ, въ Парижѣ и въ провинціальныхъ отрасляхъ банка простиралась до 191 мил. Пассивъ и активъ представлялъ 1041 мил.

Что касается доходности банка, то она не оставляетъ ничего желать, такъ какъ при осторожности, съ которою банкъ ведетъ свои дѣла [1]), убытки его

[1]) Чрезвычайная осторожность банка, требующаго для дисконтированія

столь ничтожны, что ихъ почти нечего принимать въ разсчетъ. Такъ, дивидендъ на акцію въ 1000 фр. составлялъ въ 1837 г. 126 фр.; въ 1839 г. — 144 фр., въ 1846 г.—159 фр., въ 1848 г.—75 фр., въ 1850 г.—101 фр., въ 1852 г.—154 фр., въ 1854 г.—194 фр. При этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что банкъ уже два раза, согласно съ своимъ уставомъ, распредѣлялъ свой запасный капиталъ между акціонерами, такъ что акція представляетъ уже не болѣе, какъ 653 фр. дѣйствительно взнесеннаго капитала; такимъ образомъ, дивидендъ въ 200 фр. равняется въ сущности не 20, а 30 слишкомъ процентамъ, а дивидендъ въ 272 фр., который былъ выданъ акціонерамъ въ 1856 г., представляетъ прибыль въ $41^1/_2$ процентъ.

Банкъ, за шестидесятилѣтній періодъ своего существованія, пережилъ страшныя бури, но устоялъ противъ нихъ довольно твердо, за исключеніемъ двухъ моментовъ, сопровождавшихся совсѣмъ исключительными и непредотвратимыми обстоятельствами. Однимъ изъ этихъ моментовъ былъ 1814 г., когда правленіе банка, боясь разграбленія, сожгло свои ассигнаціи и пригласило всѣхъ лицъ, имѣвшихъ въ немъ текущіе счеты, взять назадъ свои деньги, такъ что запасъ звонкой монеты въ то время уменьшился до 5 мил., количество билетовъ банка, находящихся въ обращеніи—до 10 мил., а сумма вкладовъ на текущій счетъ—до 1,300,000 фр. Вторымъ моментомъ была февральская революція, когда уплата звонкою монетою была пріостановлена, а 15-го марта 1848 было рѣшено ввести принудительный курсъ банковыхъ билетовъ,—мѣра, которая была отмѣнена лишь 6-го августа 1850 г., по настоянію управленія банка. Политическое положеніе было въ то время таково, что напрасно было бы взваливать вину этой принудительной мѣры на уставъ банка; такой паникѣ, какъ та, которая господствовала въ то время, никакой банкъ не можетъ противостоять; во время землетрясенія законы тяготѣнія теряютъ свою силу. Кризисъ 1846—47 гг. былъ бодро вынесенъ банкомъ. Его запасъ звонкой монеты, вслѣдствіе закупки хлѣба за границей, вызванной вздорожаніемъ этого товара внутри страны, уменьшился до 171 мил. фр.; но изъ этой бѣды банкъ выпутался, накупивъ въ Лондонѣ серебра въ слиткахъ на 45 мил.; кромѣ того, банкъ продалъ русскому правительству 2,142,000 ренты, по цѣнѣ, составлявшей приблизительно 50 мил. капитала, что послужило для покрытія уплатъ по закупкамъ хлѣба. Но тѣмъ временемъ въ торговлѣ снова успѣло проявиться чрезвычайное оживленіе. Операціи по учету и ссудамъ возросли съ 1846 по 1847 годъ на 100 мил. фр. Но тутъ разразилась 24 февраля революція;

векселя не менѣе трехъ подписей, послужила поводомъ къ основанію учетнаго бюро, которое дисконтируетъ векселя съ двумя только подписями; хотя бюро это, большею частью, переучитываетъ учтенные имъ векселя въ томъ же французскомъ банкѣ, тѣмъ не менѣе, операціи его возрасли въ очень короткій періодъ времени (съ 1855 — 1856 г.) до 735,333,235 франк.

всѣ сочли, что собственности грозитъ опасность; боялись, что снова настанетъ эпоха ассигнацій и звонкая монета попряталась, или же стала утекать за границу. Въ кассѣ банка имѣлось еще 226 мил. наличныхъ денегъ. Банкъ спокойно продолжалъ свои платежи. Съ 26 февраля по 14 марта запасъ звонкой монеты уменьшился съ 140 до 70 мил. 25-го мая въ кассѣ было лишь 59 мил., покрывавшихъ 30 процентовъ обязательствъ банка; при этомъ въ портфелѣ его имѣлось на 305 мил. векселей, и, кромѣ того, на лицо было 1,170,000 государственныхъ рентъ и на 18,000,000 неоплаченныхъ долговыхъ обязательствъ. Для спасенія банка при отчаянной паникѣ, охватившей весь торговый міръ, оставалось одно только средство:—принудительный курсъ [1]). Мѣра

---

[1]) Любопытно сопоставить съ этимъ мрачнымъ изображеніемъ положенія дѣлъ банка замѣчательную инструкцію банку, написанную въ 1810 г., по приказанію Наполеона I, тогдашнимъ министромъ финансовъ, графомъ де-Молльеномъ, и содержащую въ себѣ изложеніе того взгляда, котораго держалось относительно значенія *капитала* банка правительство, даровавшее ему его привилегіи. Инструкція эта была впослѣдствіи перепечатана въ оффиціальной газетѣ le Moniteur отъ 29 января 1857 г., что служитъ, повидимому, доказательствомъ, что принципъ, положенный въ основаніе банковой организаціи, продолжалъ признаваться и въ позднѣйшее время. Вотъ въ сжатомъ изложеніи содержаніе этого любопытнаго документа: Назначеніе капитала банка состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы давать банку средства эксплуатировать свою привиллегію; *капиталъ этотъ не есть орудіе производимаго имъ учета векселей*; этимъ капиталомъ банкъ не можетъ пользоваться при учетѣ векселей. Привиллегія банка состоитъ въ томъ, что онъ создаетъ, фабрикуетъ особую монету, служащую ему для учета. Если бы банкъ употреблялъ свой капиталъ для учета, онъ не нуждался бы въ привиллегіи; онъ стоялъ бы въ одинаковыхъ условіяхъ со всѣми частными лицами, занимающимися учетомъ векселей, но не могъ бы выдержать ихъ конкурренцію, такъ какъ онъ, съ одной стороны, дѣлаетъ по необходимости болѣе расходовъ при дисконтированіи, а съ другой стороны, получаетъ менѣе прибыли съ каждаго учтеннаго векселя, потому что учитываетъ его по болѣе умѣренной цѣнѣ. Банкъ создаетъ свои билеты, составляющіе его единственное и дѣйствительное орудіе учета *независимо отъ своего капитала. Назначеніе этого послѣдняго состоитъ въ томъ, чтобы доставлять тѣмъ, которые принимаютъ монету банка, какъ дѣйствительную монету, залогъ и гарантію на случай ошибокъ и неосторожностей, которыя банкъ могъ бы сдѣлать при употребленіи своихъ билетовъ, а также на случай потерь, которыя онъ могъ бы испытать, если бы допустилъ къ учету сомнительные векселя.* Такъ какъ каждый банкъ выпускаетъ и можетъ выпускать свои билеты лишь въ обмѣнъ за надежные векселя, со срокомъ уплаты въ два и, самое большое, въ три мѣсяца, то онъ долженъ всегда имѣть въ своемъ портфелѣ такоными векселями сумму, по крайней мѣрѣ равную выпущеннымъ имъ билетамъ; слѣдовательно, онъ имѣетъ возможность изъять всѣ свои билеты изъ обра-

эта удалось, не причинивъ паденія бумажныхъ денегъ въ цѣнѣ, преимущественно потому, что билеты банка выпускались на болѣе крупныя суммы и не проникали въ низшіе классы народа, которые неохотно приняли бы бумаж-

щенія въ трехмѣсячный срокъ простымъ процессомъ постепеннаго погашенія тѣхъ векселей, которымъ истекаетъ срокъ, причемъ ему нѣтъ никакой надобности касаться своего капитала. Такимъ образомъ, капиталъ банка, не играющій никакой роли въ операціяхъ дисконта, равнымъ образомъ, остается неприкосновеннымъ и при операціяхъ ликвидаціи, если только банкъ производилъ свои учеты правильнымъ образомъ, т. е., если онъ выпускалъ билеты лишь въ обмѣнъ за векселя, представляющіе дѣйствительную стоимость, необходимые и обезпеченные товарами, которые будутъ оплочены доходомъ потребителей, если производство товаровъ было вызвано дѣйствительною потребностью въ нихъ. Учетъ векселей, говорится далѣе въ инструкціи, есть операція, требующая столько вниманія и предусмотрительности, такого тонкаго наблюденія всѣхъ обстоятельствъ, могущихъ изо дня въ день вліять на степень надежности каждой изъ подписей, выставляемыхъ подъ векселями, что эта операція несовмѣстима ни съ какою другою заботою; тѣ, которые управляютъ дисконтомъ, суть судьи торговли и имъ не пристало спускаться самимъ въ арену коммерсантовъ. Для того, чтобы судить безпристрастно о дѣйствіяхъ негоціантовъ, они должны сами воздерживаться отъ всякаго активнаго участія въ этихъ дѣлахъ, хотя бы даже въ видахъ наиболѣе выгоднаго помѣщенія капитала банка. Словомъ, по мнѣнію инструкціи, капиталъ банка долженъ постоянно оставаться, такъ сказать, неизмѣняемымъ, и наилучшимъ помѣщеніемъ его представляется помѣщеніе разъ на всегда въ бумагахъ государственнаго долга. Это необходимо для того, чтобы устранить, какъ въ акціонерахъ банка, такъ и во владѣльцахъ его билетовъ (т. е., въ публикѣ), *довѣріемъ которыхъ слѣдуетъ еще болѣе дорожить, чѣмъ довѣріемъ акціонеровъ*, всякое подозрѣніе въ томъ, что капиталъ банка можетъ подвергнуться колебаніямъ вслѣдствіе разнообразія своего помѣщенія и, черезъ это, уклониться отъ прямаго своего назначенія, служить гарантіей противъ убытковъ, какіе можетъ понести портфель банка, вслѣдствіе ошибокъ, возможныхъ при дисконтированіи векселей. Хотя въ банкѣ, выпускавшемъ свои билеты лишь въ обмѣнъ за надежные векселя, подобныхъ случаевъ можетъ и никогда не представиться, тѣмъ не менѣе, осторожность обязываетъ банкъ ихъ предвидѣть и быть всегда на готовѣ ликвидировать свои дѣла, прежде всего, въ отношеніи владѣльцевъ билетовъ, черезъ реализацію своего портфеля, а затѣмъ, и въ отношеніи своихъ акціонеровъ, черезъ распредѣленіе между ними капитала, соразмѣрно съ тою долею, которая была внесена каждымъ изъ нихъ.

По поводу этой инструкціи Прудонъ замѣчаетъ, въ своемъ Manuel d'un spéculateur à la bourse, что если бы ему сказали, что существуетъ документъ правительства Наполеона I-го, въ которомъ такъ опредѣленно выражены его собственныя идеи объ этомъ предметѣ, то онъ этому не повѣрилъ бы. Самъ онъ опредѣляетъ банкъ, какъ «страховое учрежденіе, которое съ 50-ю мил. капитала, помѣщеннаго въ государственныхъ бумагахъ, можетъ дѣ-

ныя деньги въ такую пору, когда, напр., въ вел. герц. Баденскомъ свидѣтельства прусскаго казначейства ходили по 45 крейц. Какъ ни странно это покажется, звонкая монета стала притекать въ банкъ въ такомъ изобиліи, что уч-

---

лать ежегодно на три или на четыре милліарда операцій». Капиталъ банка, по мнѣнію Прудона, согласному въ этомъ отношеніи и съ вышеприведеннымъ взглядомъ наполеоновскаго министра, служитъ лишь для обезпеченія противъ тѣхъ ошибокъ, которыя возможны при дисконтѣ,—истинное же обезпеченіе онъ видитъ въ его портфелѣ, т. е., въ той гарантіи, которую даютъ векселя, обезпеченные дѣйствительно производительною дѣятельностью. Развивая долѣе тѣ положенія, которыя вытекаютъ изъ инструкціи графа де Молльена, Прудонъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: такъ какъ капиталъ банка долженъ быть помѣщенъ разъ на всегда въ государственныхъ бумагахъ, приносящихъ свой процентъ, то процентъ на этотъ капиталъ отнюдь не долженъ быть включаемъ въ ту цѣну, которую банкъ требуетъ за дисконтированіе векселей; слѣдовательно, остаются лишь два элемента, входящіе въ составъ этой цѣны: плата за коммиссію, долженствующая покрыть расходы по управленію учрежденіемъ, и затѣмъ — страховая премія на случай убытковъ вслѣдствіе ошибокъ при дисконтированіи векселей. Управленіе французскаго банка стоитъ около 5 милліоновъ; рискъ при учетныхъ операціяхъ равняется нулю. Сопоставивъ эти данныя съ цифрою учетныхъ операцій, совершаемыхъ банкомъ, Прудонъ приходитъ къ тому заключенію, что $^1/_{10}$ процента, взимаемая при учетѣ, совершенно покрывала бы какъ расходы по управленію, такъ и страховую премію, и что банкъ не имѣетъ никакого разумнаго основанія продолжать включать въ цѣну дисконта процентъ на свой капиталъ, взимая такимъ образомъ по 4, по 5 и по 6 процентовъ въ годъ. Понятно, что при такомъ пониманіи дѣла авторъ знаменитаго Manuel не раздѣляетъ сочувственно трагичнаго взгляда, съ которымъ экономисты вродѣ Макса Вирта относятся къ паникѣ того времени. Паника эта представляется ему самою смѣшною и нелѣпою, какая когда либо бывала. «Какъ, спрашиваетъ онъ, неужели во Франціи никто не хотѣлъ болѣе ни ѣсть, ни пить, ни носить одежду, ни имѣть жилища, ни обмѣнивать товары, ни производить цѣнности? Стало ли хоть однимъ тюкомъ товаровъ, хоть одною фабрикой меньше? Но Людовикъ-Филиппъ въ своемъ бѣгствѣ унесъ, казалось, съ собою и жизнь, и идеи всѣхъ этихъ господъ. Въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ городѣ была корпорація крупныхъ негоціантовъ, была торговая палата, былъ коммерческій судъ. Имъ надлежало взять иниціативу для возстановленія обмѣна, но всѣ эти господа охотно сходились для того, чтобы вздыхать и вопить о своемъ бѣдственномъ положеніи; сами же они оставались съ опущенными руками, съ разинутыми ртами и все ждали какого-то знаменія небеснаго, какого-то чуда, чтобы вывести ихъ изъ этого положенія». Источникомъ, откуда всѣ ожидали спасенія, было, какъ водится во Франціи, правительство, которое и не лѣнилось среди всеобщаго бездѣйствія издавать декретъ за декретомъ, примѣнявшіе всѣ патентованныя средства для успокоенія паники и возстановленія кредита. Между тѣмъ, по мнѣнію Прудона, никогда не представлялось болѣе благопріятной минуты

реждeніе это, невзирая на принудительный курсъ, въ теченіе 1848 г., выплатило правительству и частнымъ лицамъ въ Парижѣ и въ провинціи до 506 мил. серебряною монетою, и что собственный его запасъ звонкой монеты возросъ снова до 220 мил. фр., причемъ оно имѣло возможность уменьшить количество своихъ билетовъ, находящихся въ обращеніи, на 300 мил.; 8-го ноября 1849 г. запасъ звонкой монеты въ Парижѣ и въ провинціальныхъ отдѣленіяхъ банка возросъ даже до 400,444,276, а количество билетовъ, находящихся въ обращеніи, составляло не болѣе 440,000,000. Это явленіе, независимо отъ возвращенія довѣрія, происшедшаго послѣ іюньскихъ дней, слѣдуетъ приписать еще тому обстоятельству, что банкъ ни разу не воспользовался полномочіями, которыя давалъ ему декретъ, во всемъ ихъ размѣрѣ, никогда не прекращалъ своихъ платежей вполнѣ; послѣ іюня 1848 г. они были фактически возобновлены, такъ какъ управленіе банка распорядилось, чтобы всѣ платежи въ 5000 фр. и ниже, а также всѣ платежи по обязательствамъ провинціальныхъ отраслей банка производить звонкою монетою. Вслѣдствіе всего этого, публика, успокоившаяся послѣ іюньскихъ кровопролитій за свою собственность, повынула деньги изъ тѣхъ мѣстъ, куда она ихъ запрятала, такъ что къ концу 1849 г. запасъ звонкой монеты въ банкѣ составлялъ 490 мил., а количество его билетовъ, находящихся въ обращеніи—не болѣе 470 мил.

Организація французскаго банка такова, что онъ менѣе стѣсненъ извѣстною, строго-опредѣленною цифрою билетовъ, могущихъ быть выпущенными имъ въ обращеніе, но, въ то же время, обставленъ гораздо болѣе прочными гарантіями, такъ какъ для покрытія выпускаемыхъ имъ билетовъ онъ не вынужденъ пробавляться такимъ обезпеченіемъ, какъ государственный долгъ въ 11 мил. ф.

для фабрикантовъ, чтобы освободиться отъ тисковъ, въ которыхъ держали кредитъ горсть капиталистовъ въ лицѣ акціонеровъ банка. «Стоило торговымъ палатамъ взять на себя иниціативу и сказать производителямъ: «всякій трудъ, всякое богатство исходятъ отъ васъ, слѣдовательно» вы представляете самую надежную гарантію. Общественные банки, не колеблясь, выдаютъ деньги подъ залогъ вашихъ продуктовъ. Организуйте же сами и въ свою пользу кредитъ, за который вы такъ дорого платите банкамъ». Учетныя бюро, основанныя на такихъ началахъ, могли бы, по мнѣнію Прудона, производить дисконтъ за $^1/_2$ процента, достаточные для покрытія расходовъ управленія и риска неуплаты, такъ какъ взиманіе барышей корпораціею производителей съ самой себя не имѣло бы смысла. Что касается патентованныхъ средствъ, вродѣ закупки банкомъ слитковъ драгоцѣннаго металла, или принудительнаго курса, то Прудонъ зло смѣется надъ публикой, глупость которой въ минуты паники дѣлаетъ необходимыми для ея успокоенія подобныя мистификаціи, не улучшающія, въ дѣйствительности, ни на волосъ условія производительной дѣятельности страны.

ст., т. е., въ 275,000,000 фр.; вслѣдствіе этого, онъ можетъ болѣе сообразоваться съ потребностями торговли. Такъ же, какъ и для всякаго другаго банка, осмотрительное управленіе составляетъ въ немъ первое условіе для безопасности банка и публики. Директора его должны бдительно слѣдить за всѣмъ, что происходитъ на денежномъ рынкѣ, подтягивать возжи въ тѣхъ случаяхъ, когда спекуляція зарывается слишкомъ далеко, и оказывать поддержку торговлѣ, когда настаетъ временная нужда въ орудіяхъ обмѣна (но не въ капиталѣ).

Въ 1852 г. было положено начало тому искусственному усиленію торговой дѣятельности, которое вполнѣ дало себя знать въ 1856 г. Французское правительство въ то время не обращало вниманія на опасность такого направленія, такъ какъ оно, прежде всего, заботилось о томъ, чтобы дать занятіе рабочимъ и отвлечь вниманіе имущихъ классовъ отъ политики, занявъ ихъ матеріальными интересами. Кромѣ вышеупомянутаго поощренія построекъ желѣзныхъ дорогъ,—поощренія, иниціативу котораго правительство взяло на себя, оно предприняло въ колоссальныхъ размѣрахъ постройки въ Парижѣ; цѣлые кварталы міровой столицы были перестроены, и это обошлось въ сотни милліоновъ. Такъ какъ плачевное состояніе французскаго земледѣлія не могло быть тайною для правительства и бѣдственное положеніе крестьянъ, этой главнѣйшей опоры наполеоновскаго режима, обусловливалось, прежде всего, дурною организаціей сельскаго кредита,—организаціей, при которой капиталъ, необходимый для улучшенія земельныхъ участковъ, добывался лишь съ большимъ трудомъ и за высокіе проценты,—то правительство разрѣшило открытіе ипотечнаго банка, знаменитаго „Credit foncier", съ капиталомъ въ 60,000,000 франковъ и съ правомъ выпускать облигаціи подъ обезпеченіемъ заложенныхъ въ банкѣ земель и въ размѣрахъ выданныхъ имъ ссудъ. Облигаціи эти погашались посредствомъ лотерейныхъ тиражей, происходившихъ разъ въ годъ. По отношенію къ общей суммѣ ипотечнаго долга Франціи, простиравшейся до 8,000 милліоновъ франковъ, капиталъ банка былъ, быть можетъ, назначенъ слишкомъ низко; тѣмъ не менѣе, это учрежденіе достигло такихъ благопріятныхъ результатовъ, что за два года оно произвело оборотовъ на сумму 75 милліоновъ франковъ.

Если правительство желало оказать дѣйствительную помощь земледѣлію, то ему слѣдовало ограничиться учрежденіемъ Credit foncier и основаннымъ нѣсколько позднѣе для доставленія личнаго кредита земледѣльцамъ, Crédit agricole. Учрежденіе это имѣло бы время мало по малу пустить корни въ странѣ и съ теченіемъ времени сдѣлалось бы посредникомъ операцій, которыя доставили бы сельскому хозяйству громадные капиталы. Оно способствовало бы этому тѣмъ, что выпускаемыя имъ обязательства, обезпеченныя залогомъ земель и имѣющія курсъ на биржѣ, мобилизировали для отдѣльныхъ капиталистовъ

капиталъ, выданный въ ссуду подъ залогъ земель. Черезъ эту комбинацію достигалась двоякаго рода выгода: съ одной стороны, сельскіе хозяева получаютъ посредствомъ залога своихъ земель необходимый для нихъ капиталъ, не опасаясь, что выданная имъ ссуда будетъ разомъ потребована обратно,—требованіе, всегда причиняющее большія затрудненія и расходы (плата агентамъ) по пріисканію новаго капитала; сельскіе хозяева освобождаются отъ долга постепеннымъ погашеніемъ его, разсроченнымъ на многіе годы. Съ другой стороны, капиталисты имѣютъ то преимущество, что могутъ каждую минуту получить свой капиталъ обратно черезъ продажу облигацій Credit foncier на биржѣ, не выжидая истеченія слишкомъ долгихъ сроковъ для его востребованія и принудительныхъ продажъ заложеннаго имущества.

Но, рядомъ съ Credit foncier, въ іюнѣ 1854 г. было основано, подъ непосредственнымъ контролемъ правительства, новое кредитное учрежденіе, имѣвшее своимъ назначеніемъ возбудить промышленную спекуляцію, и черезъ это, стремленіе капитала пристроиться къ этого рода спекуляціямъ, — стремленіе, и безъ того уже достаточно преобладавшее въ то время во Франціи,—приняло еще болѣе крупные размѣры, что воспрепятствовало дальнѣйшему развитію дѣятельности ипотечнаго банка.

Братьямъ Исааку и Эмилю Перейра, которые, сообща съ Б. Л. Фульдомъ и Фульдомъ-Оппенгеймомъ, получили канцессію, т. е., по просту говоря, монополію эксплуатированія Credit mobilier, быть можетъ грезились, какъ прототипъ ихъ предпріятія, прусскія спекуляціи прошлаго столѣтія съ морскою торговлею, если только мечты ихъ не заносились до южно-американской компаніи и до общества колонизаціи береговъ Миссисипи Джона Лау. Какъ бы то ни было, предпріятіе было первоначально затѣяно и обдумано между лицами, наиболѣе приближенными къ императору. Тогдашній министръ Персиньи превозносилъ это дѣло съ слишкомъ подозрительною горячностью въ донесеніи, представленномъ имъ Наполеону, въ то время бывшему еще президентомъ республики. Торговля, говорится въ донесеніи, нуждается, для осуществленія всѣхъ тѣхъ результатовъ, зародышь которыхъ она носитъ въ себѣ самой, прежде всего, въ поощреніи и возбужденіи извнѣ; и именно потому, что во Франціи до сихъ поръ спекуляцію удерживали въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ, было бы въ высшей степени умѣстно основать, рядомъ съ французскимъ банкомъ, учрежденіе, основанное на совершенно другихъ началахъ и представляющее въ области торговли и промышленности духъ инціативы.

Изъ устава Credit mobilier, обнародованнаго въ ноябрѣ 1852 г., явствуетъ съ полнѣйшею очевидностью, что при основаніи этого учрежденія имѣли въ виду не что иное, какъ присвоеніе себѣ полнаго господства на биржѣ. Людовикъ Наполеонъ не былъ бы такимъ ревностнымъ почитателемъ и подражателемъ своего дяди, какимъ онъ постоянно заявлялъ себя, если бы онъ не сдѣ-

лалъ биржу предметомъ самаго заботливаго своего вниманія. Еще при Наполеонѣ I биржа сдѣлалась великою культурною силою, при помощи которой, нація, въ такую эпоху, когда общественное мнѣніе было подавлено силою оружія и газеты редактировались префектами, только и могла заявлять свое мнѣніе объ общественныхъ событіяхъ и о дѣйствіяхъ правительства. Но Наполеонъ I впалъ въ ту ошибку, что онъ разсматривалъ биржу не какъ барометръ, указывающій состояніе погоды, а какъ учрежденіе, дѣлающее погоду. Если биржа указывала ненастье, т. е., если курсы падали вслѣдствіе какого-нибудь событія или какого-нибудь распоряженія императора, онъ сердился, обвинялъ въ неблагодарности капиталистовъ, которыхъ онъ спасъ отъ опасностей революціи, и пускалъ въ ходъ разныя искусственныя средства, чтобы заставить биржу измѣнить свое настроеніе, или даже, чтобъ запугать ее, чѣмъ достигалъ результатовъ прямо обратныхъ тѣмъ, къ которымъ стремился; если мѣры эти на короткое время и удавались, то, въ сущности, это былъ лишь самообманъ, подобный тому, которому подверглась женщина въ извѣстномъ анекдотѣ, разбивъ зеркало, которое указало ей первую морщину. Вмѣсто того, чтобы изслѣдовать причины дурнаго настроенія биржи и устранять эти причины насколько возможно, онъ предпочиталъ лишать себя полезнаго совѣтчика [1]).

---

[1]) Если бы эта тирада о «великой культурной силѣ» нуждалась въ коментаріяхъ, то вся книга нашего автора могла бы ей служить достаточно краснорѣчивымъ коментаріемъ. При всемъ любовномъ отношеніи автора къ этой «культурной силѣ», при всей бережности, съ которою онъ прикасается къ ея язвамъ, и при всей стыдливости, съ которою онъ накидываетъ покрывало на наиболѣе неказистыя стороны этой силы, каждая страница его книги являетъ обильныя доказательства той проницательности, дальнозоркости и вѣрнаго пониманія какъ своихъ дѣйствительныхъ интересовъ, такъ и общихъ интересовъ страны, коими отличается эта *нація* биржевыхъ игроковъ и искателей дешевой и быстрой наживы, такъ повелительно предписывающая свои усмотрѣнія, страхи и надежды, какъ законъ—руководителямъ политическихъ судебъ націи. Но что касается спеціально отношенія перваго Наполеона къ «великой культурной силѣ», то изложеніе нашего автора требуетъ маленькой поправки. Отношенія эти вовсе не носили того характера пренебрежительной враждебности и угнетенія, съ одной стороны, и стойкаго протеста гонимой, но торжествующей своею внутреннею силой правоты, съ другой стороны, какой авторъ старается придать случайнымъ столкновеніямъ Наполеона съ міромъ биржевиковъ. Столкновенія эти были не болѣе, какъ brouilles d'amoureux, и если упреки въ неблагодарности, которыми Наполеонъ, въ минуты досады, осыпалъ тѣхъ, въ комъ ему надлежало видѣть надежнѣйшій барометръ общественнаго мнѣнія и мудрѣйшихъ своихъ совѣтчиковъ,—если эти упреки, говоримъ мы, и были неумѣстны, то только потому, что смѣшно говорить о благодарности между сообщниками, поживившимися къ обоюдной своей

Для того, чтобы отнять возможность у акціонеровъ, которые все-таки были необходимы для образованія капитала предпріятія, возможность придать Crédit mobilier иное направленіе, чѣмъ то, которое было первоначально предположено, въ уставъ былъ включенъ параграфъ, ограничивавшій составъ годичныхъ общихъ собраній 200 крупнѣйшими акціонерами (и это въ обществѣ, капиталъ котораго былъ распредѣленъ на 120,000 акцій!). Владѣлецъ 200 акцій располагалъ пятью голосами. Въ совѣтъ правленія новаго общества, между основателями котораго мы встрѣчаемъ такое пестрое смѣшеніе именъ, какъ князь Торлонія въ Римѣ, Соломонъ Гейне въ Гамбургѣ и Соломонъ Оппенгеймъ въ Кёльнѣ, были избраны лишь самые надежные приверженцы Наполеона, или же тузы финансоваго міра. Совѣтъ этотъ составился изъ слѣдующихъ личностей: Исаакъ Перейра, Шарль Мюлле, Адольфъ д'Эйхталь, Бенуа Фульдъ, де Абароа, Эрнестъ Андре, Г. Біеста, Ж. Дезаръ, герцогъ де Галльера, Фредерикъ Гринингеръ, графъ де Морни, Эмиль Перейра, баронъ Сельеръ, Казиміръ Сальвадоръ.

Такъ какъ Credit mobilier послужилъ толчкомъ къ основанію множества подобныхъ учрежденій въ Германіи, а организація его, между тѣмъ, долгое

выгодѣ цѣлымъ рядомъ пріятельскихъ услугъ. Читателя, желающаго ближе ознакомиться съ этимъ предметомъ, мы отсылаемъ къ исторіи директоріи, составляющей содержаніе первой части Исторіи XIX столѣтія, Мишле. Въ этомъ замѣчательномъ старческомъ трудѣ знаменитаго историка читатель, быть можетъ, къ немалому своему удивленію, вмѣсто поэтической эпопеи о подвигахъ еще ни чѣмъ незапятнанной военной славы,—эпопеи, въ которую свѣжая, но уже окрѣпшая традиція обработала начало карьеры молодаго, геніальнаго генерала Бонапарте,—найдетъ менѣе поэтическое, но болѣе правдивое и дышащее болѣе трезвымъ современнымъ колоритомъ сказаніе о томъ, какую роль возникающая «великая культурная сила» биржи играла въ созданіи этой другой возникающей великой силы политическаго авантюриста. Читатель узнаетъ о тѣхъ интригахъ, которыя были пущены въ ходъ этимъ авантюристомъ, чтобы заручиться патронатствомъ банкировъ; далѣе, онъ прочтетъ о той сдѣлкѣ, которая была заключена между патронами и ихъ оперившимся кліентомъ и предметомъ которой была пресловутая итальянская кампанія, отводившая глупой публикѣ глаза ореоломъ военной славы, а въ сущности представлявшая ни болѣе, ни менѣе, какъ спекуляцію на сокровища, имѣющія быть награбленными въ Италіи и раздѣленными между пайщиками этой вдвойнѣ выгодной спекуляціи. Само собою разумѣется, что если тишь да гладь такихъ обоюдно-выгодныхъ соглашеній и можетъ быть впослѣдствіи нарушена желаніемъ той или другой стороны притянуть къ себѣ извѣстную долю выгодъ, доставшихся союзнику, то уже ни въ какомъ случаѣ ни одной изъ сторонъ не пристало, при сведеніи этихъ домашнихъ счетовъ, щеголять въ роли защитницы попраннаго права и представительницы ошибочно понимаемыхъ или забываемыхъ общественныхъ интересовъ.

время оставалась тайной для многихъ людей, продававшихъ и покупавшихъ его акціи, то здѣсь будетъ у мѣста упомянуть нѣсколько подробнѣе объ уставѣ Crédit mobilier. Уже первый параграфъ устава достаточно ясно выражаетъ сущность этого учрежденія. Crédit mobilier можетъ пріобрѣтать посредствомъ покупки или подписки фонды и бумаги, акціи и облигаціи всевозможныхъ промышленныхъ предпріятій, основанныхъ на принципѣ ограниченной отвѣтственности, какъ-то: желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, различныхъ копей и другихъ существующихъ или имѣющихъ возникнуть общественныхъ предпріятій. Общество имѣетъ право выпускать облигаціи въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ суммѣ произведенныхъ имъ подписокъ на бумаги или покупокъ оныхъ. Оно имѣетъ право продавать или представлять въ обезпеченіе заключенныхъ имъ займовъ всѣ пріобрѣтенныя имъ бумаги, акціи и облигаціи, а также обмѣнивать таковыя на другія цѣнности. Оно уполномочивается подписываться на всевозможные займы, брать на себя посредничество по заключенію таковыхъ займовъ, а также предпринимать всевозможныя общественныя постройки и работы. Оно уполномочивается выдавать ссуды подъ обезпеченіе общественныхъ фондовъ, акцій и облигацій, а также открывать текущіе счеты по выдачѣ ссудъ подъ залогъ всевозможныхъ цѣнностей и принимать денежные вклады на текущій счетъ. Учрежденіе это также можетъ предпринимать всевозможныя денежныя операціи для вышепоименованныхъ обществъ, брать на себя выдачу процентовъ и дивидендовъ по ихъ бумагамъ и, вообще, вести всѣ дѣла этихъ обществъ. Наконецъ, обществу разрѣшается открыть депозитный банкъ, въ который оно можетъ принимать подъ обезпеченіе всѣ бумаги, какія только будутъ выпускаемы сказанными обществами.

При этой громадной сферѣ дѣятельности, предоставленной въ распоряженіе общества, почти насмѣшкою отзывается параграфъ, гласящій, что всякія другія операціи обществу воспрещаются. За исключеніемъ выпуска билетовъ, Crédit mobilier пользовался правомъ производить всѣ операціи, входящія въ районъ дѣятельности ассигнаціонныхъ банковъ и частныхъ банкирскихъ конторъ, и, кромѣ того, право выпуска облигацій давало ему, сверхъ этихъ полномочій, еще нѣчто большее. Облигаціи эти дѣлились на долгосрочныя и краткосрочныя; послѣднія подлежали уплатѣ въ сроки меньшей продолжительности, чѣмъ годъ. Черезъ это было введено нѣчто въ родѣ бумажныхъ денегъ и тѣхъ почтовыхъ билетовъ, о которыхъ мы имѣли случай говорить по поводу банка Соединенныхъ Штатовъ. Компаніи Crédit mobilier были запрещены биржевыя операціи на срокъ и на премію; за то дѣятельность ея главнымъ образомъ сосредоточивалась на репортномъ дѣлѣ, т. е., на выдачѣ бумагъ для залоговъ подъ денежныя ссуды, съ цѣлью продленія биржевыхъ операцій на болѣе долгіе сроки. Дѣло это было очень прибыльно для компаніи, такъ какъ она пользовалось правомъ скупать свои собственныя акціи на срокъ. Затѣмъ, Crédit

mobilier пользовался правомъ, по взнесеніи акціонерами полнаго акціонернаго капитала, довести выпускъ своихъ облигацій до суммы вдесятеро большей, чѣмъ основной капиталъ, опредѣленный въ 60,000000 фр.,—другими словами, до 600 милліоновъ франковъ. Общая сумма капиталовъ, принимаемыхъ обществомъ на текущій счетъ, и тѣхъ его облигацій, срокъ которымъ былъ назначенъ менѣе года, не должна было превышать 120 милліоновъ. Совѣтъ правленія состоитъ изъ 15, а самое правленіе изъ 5 членовъ. Правомъ голоса въ общемъ собраніи пользуются лишь тѣ акціонеры, которые имѣютъ не менѣе 40 акцій (номинальная цѣна акціи — 500 фр.). Общее собраніе должно состоять по меньшей мѣрѣ изъ сорока членовъ, представляющихъ десятую часть акціонернаго капитала. Ни одинъ акціонеръ не можетъ соединять въ своемъ лицѣ болѣе 5 голосовъ. Отчетный годъ кончается 31 декабря. Чистая прибыль общества распредѣляется слѣдующимъ образомъ: прежде всего, 5 процентовъ съ акціонернаго капитала выдаются акціонерамъ, затѣмъ 5 процентовъ отчисляются въ резервный фондъ, общая цифра котораго ограничена 2,000,000 фр.; изъ остатка, какой окажется послѣ всѣхъ этихъ вычетовъ, одна десятая распредѣляется между лицами, завѣдующими управленіемъ общества, а остальныя $^{9}/_{10}$ раздаются акціонерамъ въ видѣ добавочнаго дивиденда.

Любопытный документъ представляетъ программа, которая, при опубликованіи устава Crédit mobilier, была напечатана, съ разрѣшенія правительства и правленія общества, въ Journal des Débats. Въ этой программѣ говорится: „Французскій банкъ добываетъ наибольшую часть фондовъ, служащихъ ему для его операцій, посредствомъ выпуска билетовъ, подлежащихъ уплатѣ по предъявленіи. Вслѣдствіе лежащаго на немъ такимъ образомъ обязательства быть во всякое время готовымъ къ уплатѣ по предъявляемымъ къ уплатѣ билетамъ, банкъ можетъ выдавать свой капиталъ въ ссуду лишь на короткіе сроки, такъ какъ ему необходимо постоянно держать свои средства въ такомъ видѣ, чтобы имѣть возможность располагать ими въ наискорѣйшемъ времени. Изъ этой организаціи дисконтныхъ банковъ вытекаетъ такой порядокъ вещей, который при обыкновенныхъ обстоятельствахъ имѣетъ чрезвычайную важность, но въ критическія минуты оказывался совершенно безсильнымъ помочь бѣдѣ. *Банки эти увеличиваютъ интесивность кризисовъ тѣмъ, что они, по необходимости, бываютъ вынуждены ограничивать свой кредитъ какъ разъ въ такое время, когда онъ всего нужнѣе.* Польза, приносимая этими учрежденіями, такъ велика, что мы, ради этой пользы, не обращаемъв ниманія на ихъ недостатки. Но общество Crédit mobilier имѣетъ совершенно иное назначеніе, чѣмъ банки. Его цѣль—поднять индустрію посредствомъ коммандитной организаціи, и средство, которымъ оно стремится къ этой цѣли, состоитъ въ томъ, что оно переводитъ на себя акціи и облигаціи всѣхъ главнѣйшихъ компаній, основанныхъ на началахъ анонимныхъ обществъ, — а именно, акціи и облигаціи та-

кихъ компаній, цѣль которыхъ — различныя общественныя работы. Въ то же время, оно будетъ содѣйствовать образованію постояннаго капитала даже самостоятельныхъ обществъ, между тѣмъ какъ дисконтные банки доставляютъ въ различныхъ формахъ лишь часть оборотнаго капитала. Преимущество организаціи Crédit mobilier состоитъ въ томъ, что учрежденіе это выпускаетъ долгосрочныя облигаціи, при чемъ уплата по этимъ послѣднимъ идетъ соразмѣрно съ выкупомъ или погашеніемъ акцій и облигацій, хранящихся въ портфелѣ общества. Crédit mobilier будетъ выпускать и краткосрочныя облигаціи, подлежащія оплатѣ ранѣе года, но размѣръ выпусковъ этого рода будетъ въ надлежащей мѣрѣ ограниченъ по отношенію къ цифрѣ текущихъ счетовъ. *Вслѣдствіе всего этого обществу нечего будетъ опасаться ни политическихъ, ни промышленныхъ и торговыхъ кризисовъ.* Мы, напротивъ, скорѣе склонны утверждать, что именно въ такія критическія минуты оно призвано оказывать наиболѣе важныя услуги, такъ какъ, будучи представителемъ значительнаго числа предпріятій, оно имѣетъ характеръ страховаго учрежденія, и это обезпечиваетъ его акціямъ преимущество передъ всякими частными помѣщеніями капитала. Общество Credit mobilier будетъ играть роль посредника между капиталистами и промышленностью и впервые осуществитъ ту безопасность въ помѣщеніи капиталовъ, которой до сихъ поръ капиталисты могли достигать лишь цѣною уменьшенія процентовъ, получаемыхъ ими за свои деньги. Новый банкъ положитъ конецъ всѣмъ тѣмъ обременительнымъ условіямъ, которыми обставлено въ настоящее время пріисканіе капитала для промышленныхъ предпріятій,—подобно тому, какъ дисконтные банки положили конецъ злоупотребленіямъ ростовщичества въ вексельномъ дѣлѣ. Независимо отъ своего характера, какъ промышленнаго банка, общество будетъ, подобно французскому банку, выдавать ссуды подъ залогъ государственныхъ фондовъ и акцій; всѣ эти операціи, однородныя съ операціями французскаго банка, не только не нанесутъ ущерба послѣднему, но, напротивъ, будутъ для него очень выгодны, потому что всѣ эти ссуды будутъ дѣлаться въ формѣ, извѣстной на биржѣ подъ названіемъ *репортовъ*, (т. е., сдѣлокъ, имѣющихъ цѣлью *отсрочивать заключеніе операціи* по продажѣ и куплѣ бумагъ съ одного ликвидаціоннаго срока на другой. Общество будетъ, при посредничествѣ или подъ гарантіею вексельныхъ маклеровъ, *выдавать въ ссуду полную стоимость государственныхъ фондовъ или акцій*, между тѣмъ, какъ французскій банкъ выдаетъ подъ залогъ ихъ лишь часть ихъ стоимости. Общество будетъ дѣлать публикѣ ссуды въ бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ французскій банкъ и будетъ въ состояніи дѣлать займы у послѣдняго подъ залогъ тѣхъ же обезпеченій. Прибыль общества будетъ состоять въ разности между тѣми процентами, которые оно взимаетъ за свои ссуды съ публики и тѣми, которые оно само платитъ банку за занимаемыя у него деньги. Становясь такимъ образомъ посредникомъ между заемщиками и французскимъ банкомъ,

какъ займодавцемъ, общество окажетъ, какъ обладателямъ государственныхъ фондовъ и акцій, такъ и французскому банку, большія услуги и еще увеличитъ полезность послѣдняго. Посредствомъ фондовъ, находящихся въ его распоряженіи, общество будетъ умѣрять цѣну репортовъ, которая за два или за три мѣсяца возросла до 15—20 процентовъ, а въ нѣкоторыхъ единичныхъ случаяхъ даже до 50 процентовъ при наиболѣе надежныхъ обезпеченіяхъ. Такому положенію дѣлъ необходимо было положить конецъ, а никакая помощь не могла быть такъ дѣйствительна, какъ устройство новаго общества. Что касается французскаго банка, то общество даетъ ему возможность увеличить количество выдаваемыхъ имъ ссудъ безъ малѣйшаго риска и не отступая отъ правила той мудрой осмотрительности, которой до сихъ поръ удерживалось управленіе банка. Во всѣхъ этихъ операціяхъ, представляющихъ такую важность по отношенію къ поддержанію и развитію кредита и общаго благосостоянія, Crédit mobiiler будетъ дѣйствовать, какъ учрежденіе, сподручное французскому банку, подобно тому, какъ дисконтный банкъ является учрежденіемъ сподручнымъ вексельнымъ кредиту. Общество будетъ содѣйствовать заключенію государственныхъ займовъ и, такимъ образомъ, окажетъ государству большія услуги, введя элементъ конкуренціи въ такую сферу, въ которой до сихъ поръ этого элемента не доставало.

Любопытенъ отвѣтъ, который факты дали на эту пышную рекламу. Общество, правда, въ 1853 г. выдало 10 процентовъ дивиденда, въ 1854—13°/₀, въ 1855—47°/°, а въ 1856, если не ошибаемся—24°/₀. Но за всѣ эти четыре года наибольшая часть чистой прибыли состояла изъ барышей ажіотажа, бывшаго въ то время въ полномъ разгарѣ. Въ 1857 г., когда настала расплата за излишества спекуляціи, Crédit mobilier, за вычетомъ положенныхъ пяти процентовъ на акцію, не выдалъ никакого дивиденда и впослѣдствіи былъ привлеченъ къ суду.

Эженъ Форкадъ въ Revue des deux mondes подвергъ уставъ и программу Crédit mobilier строгой критикѣ, которая должна быть вмѣнена тѣмъ въ большую заслугу автору, что, при тогдашнемъ положеніи прессы во Франціи, нужн было немалое мужество, чтобы назвать вещи ихъ настоящимъ именемъ. Онъ сформулировалъ функціи этото общества въ нѣсколькихъ мѣткихъ и сжатыхъ положеніяхъ, которыя, своимъ рѣзкимъ противорѣчіемъ между собою, явствующимъ изъ сопоставленія фактовъ, заключали въ себѣ безповоротное осужденіе всей системы, на которой былъ построенъ Crédit mobilier. Авторъ этотъ говоритъ: „Crédit mobilier есть акціонерное общество, которое задалось слѣдующими задачами: 1) Забирать въ свои руки или за ново основывать всевозможныя торговыя предпріятія, примѣняя при-этомъ принципъ коммандита, или ограниченной отвѣтственности. 2) Пріобрѣтать въ свою собственность, уничтожая ихъ какъ самостоятельныя учрежденія, всевозможныя торговыя общества

(компаніи желѣзныхъ дорогъ и т. п.), существующія въ настоящее время, замѣняя акціи и облигаціи таковыхъ обществъ выпускомъ своихъ собственныхъ акцій и долговыми обязательствами, выдаваемыми отъ своего имени. 3) Производить, на коммандитныхъ началахъ, всѣ обыкновенныя банковыя операціи, а также заниматься всевозможными дѣлами, входящими въ спеціальность маклера или биржеваго спекулянта".

Средства, необходимыя для этого небывалаго и всеобъемлющаго сочетанія возможныхъ операцій, извлекаются изъ трехъ источниковъ: 1) Изъ акціонерскихъ взносовъ, составляющихъ капиталъ въ 60 мил. фр. 2) Изъ выпуска облигацій, подлежащихъ оплатѣ не ранѣе, какъ по истеченіи 45-дневаго срока, и 3) изъ вкладовъ на текущій счетъ.

Между всѣми статьями устава, наиболѣе любопытная, безспорно, та, которою Crédit mobilier, въ добавокъ къ своимъ прочимъ полномочіямъ, получаетъ характеръ кассы для репортныхъ ссудъ, и въ циклъ дѣятельности общества вводится обязанность облегчать биржевыя операціи посредствомъ уменьшенія процентовъ за отсрочиваніе заключенія этихъ операцій съ одного ликвидиціоннаго срока до другаго. При-этомъ выставляютъ на видъ, что общество, подъ гарантіею вексельныхъ маклеровъ, будетъ выдавать полную стоимость представляемыхъ ему въ обезпеченіе государственныхъ фондовъ и акцій, между тѣмъ какъ французскій банкъ выдаетъ лишь часть ихъ; цѣли этой оно будетъ достигать тѣмъ, что гарантіи, представленныя ему маклерами, оно будетъ перезакладывать въ банкѣ, занимая у послѣдняго подъ это обезпеченіе тѣ самыя суммы, которыя оно уже ссудило спекулянтамъ; другими словами, агенты вексельнаго кредита и Crédit mobilier образуютъ изъ себя каналъ, черезъ который фонды французскаго банка будутъ систематически и въ изобиліи притекать для поддержанія биржевыхъ спекулянтовъ въ ихъ срочныхъ операціяхъ на облигаціи и акціи.

Уже одна эта статья устава въ достаточной мѣрѣ подтверждаетъ вышевысказанное воззрѣніе, что главною цѣлью общества Crédit mobilier при его основаніи было—забрать биржу въ свои руки. Въ то же время, статья эта заключаетъ въ себѣ и обвинительный приговоръ надъ этимъ учрежденіемъ, потому что добросовѣстное правительство хотя и обязано заботиться о томъ, чтобы существовали кредитныя учрежденія для поддержанія промышленности и торговли, но отнюдь не должно давать какому бы то ни было учрежденію монополя для поощренія биржевой игры. Здѣсь не мѣсто распространяться о нравственной сторонѣ этой игры; достаточно будетъ указать на то, что она въ большинствѣ государствъ признается дѣломъ противозаконнымъ, такъ что даже жалобы на неисполненіе обязательствъ по сдѣлкамъ, заключеннымъ на срокъ, не принимаются судами [1]).

---

[1]) Насколько намъ извѣстно, операціи на срокъ узаконены лишь въ

Если постановленіе, уполномочивавшее Crédit mobilier заниматься репортнымъ дѣломъ, представляется въ высшей степени опаснымъ съ точки зрѣнія общественнаго благосостоянія, то еще опаснѣе съ точки зрѣнія прочности самого учрежденія представляется та статья устава, которою Crédit mobilier уполномочивался выпускать облигаціи по взносѣ всего акціонернаго капитала. Взносъ этотъ состоялся еще въ 1853 г.; общество имѣло право выпускать облигаціи въ размѣрѣ, превышающемъ въ десять разъ сумму акціонернаго капитала, т. е., на 600 мил. фр., а такъ какъ по параграфу одиннадцатому общая сумма вкладовъ и краткосрочныхъ акцій, подлежащихъ оплатѣ ранѣе года, не должна была превышать 120 мил. фр., то изъ этого вытекало, что почти всѣ шестьсотъ мил. фр., на которые общество было уполномочено выпускать облигаціи, приходились на долю долгосрочныхъ облигацій, подлежащихъ оплатѣ въ болѣе продолжительные сроки, чѣмъ годъ. Мы говоримъ „почти всѣ шестьсотъ мил." потому что размѣръ вкладовъ на текущій счетъ превысилъ въ 1855 г. 100 мил фр. Посредствомъ этихъ-то облигацій парижское кредитное учрежденіе разсчитываетъ, какъ гласитъ его программа, предотвратить всѣ кризисы, которые только ухудшаются ассигнаціонными банками, такъ какъ они оплачиваютъ свои билеты звонкою монетою и въ моменты кризиса вынуждены ограничивать свой кредитъ, между тѣмъ какъ общество Crédit mobilier уволило себя отъ обязательства платить за свои облигаціи звонкою монетою. Изъ этого, повидимому, слѣдуетъ, что г. Исаакъ Перейра и К° считали, что могутъ расширить кредитъ своего общества до безконечности, опираясь на кредитъ отдѣльныхъ купцовъ. „Облигаціи, говорятъ они, погашаются оплатою тѣхъ цѣнныхъ бумагъ, подъ залогъ которыхъ онѣ выдаются". Но программа увѣряетъ, что никакихъ „кризисовъ" впредь не будетъ происходить, а отсутствіе кризисовъ предполагаетъ, что ни одинъ кредиторъ никогда не будетъ вынужденъ обстоятельствами ограничить свой кредитъ. Другими словами, если вексель, дисконтированный три мѣсяца тому назадъ, по истеченіи срока не буделъ оплаченъ, то онъ возобновляется и, если должникъ этого желаетъ, можетъ быть переписанъ на бо́льшую сумму. Но это не есть оплата, а лишь отсрочка, продленіе кредита, и можетъ быть достигнуто лишь однимъ средствомъ,—помощью выпуска бумагъ, не подлежащихъ погашенію,—средствомъ неизбѣжно ведущимъ, въ концѣ концовъ, къ совершенной утратѣ этими бумагами всякой цѣнности. Мы уже видѣли тому примѣръ въ исторіи банка Соединенныхъ Штатовъ. Если бы Crédit mobilier дѣйствительно довелъ выпускъ своихъ обязательствъ до такого несоизмѣримаго количества, то проценты за эти обязательства могли бы въ неблагопріятный годъ, когда никакихъ барышей не было бы нажито и даже были бы

Нью-Іоркѣ, гдѣ законъ, признающій ихъ, былъ принятъ законодательнымъ собраніемъ въ 1857 г.

лаҍ биржу предметомъ самаго заботливаго своего вниманія. Еще при Наполеонѣ I биржа сдѣлалась великою культурною силою, при помощи которой, нація, въ такую эпоху, когда общественное мнѣніе было подавлено силою оружія и газеты редактировались префектами, только и могла заявлять свое мнѣніе объ общественныхъ событіяхъ и о дѣйствіяхъ правительства. Но Наполеонъ I впалъ въ ту ошибку, что онъ разсматривалъ биржу не какъ барометръ, указывающій состояніе погоды, а какъ учрежденіе, дѣлающее погоду. Если биржа указывала ненастье, т. е., если курсы падали вслѣдствіе какого-нибудь событія или какого-нибудь распоряженія императора, онъ сердился, обвинялъ въ неблагодарности капиталистовъ, которыхъ онъ спасъ отъ опасностей революціи, и пускалъ въ ходъ разныя искусственныя средства, чтобы заставить биржу измѣнить свое настроеніе, или даже, чтобъ запугать ее, чѣмъ достигалъ результатовъ прямо обратныхъ тѣмъ, къ которымъ стремился; если мѣры эти на короткое время и удавались, то, въ сущности, это былъ лишь самообманъ, подобный тому, которому подверглась женщина въ извѣстномъ анекдотѣ, разбивъ зеркало, которое указало ей первую морщину. Вмѣсто того, чтобы изслѣдовать причины дурнаго настроенія биржи и устранять эти причины насколько возможно, онъ предпочиталъ лишать себя полезнаго совѣтчика [1]).

---

[1]) Если бы эта тирада о «великой культурной силѣ» нуждалась въ коментаріяхъ, то вся книга нашего автора могла бы ей служить достаточно краснорѣчивымъ коментаріемъ. При всемъ любовномъ отношеніи автора къ этой «культурной силѣ», при всей бережности, съ которою онъ прикасается къ ея язвамъ, и при всей стыдливости, съ которою онъ накидываетъ покрывало на наиболѣе неказистыя стороны этой силы, каждая страница его книги являетъ обильныя доказательства той проницательности, дальнозоркости и вѣрнаго пониманія какъ своихъ дѣйствительныхъ интересовъ, такъ и общихъ интересовъ страны, коими отличается эта *нація* биржевыхъ игроковъ и искателей дешевой и быстрой наживы, такъ повелительно предписывающая свои усмотрѣнія, страхи и надежды, какъ законъ—руководителямъ политическихъ судебъ націи. Но что касается спеціально отношенія перваго Наполеона къ «великой культурной силѣ», то изложеніе нашего автора требуетъ маленькой поправки. Отношенія эти вовсе не носили того характера пренебрежительной враждебности и угнетенія, съ одной стороны, и стойкаго протеста гонимой, но торжествующей своею внутреннею силой правоты, съ другой стороны, какой авторъ старается придать случайнымъ столкновеніямъ Наполеона съ міромъ биржевиковъ. Столкновенія эти были не болѣе, какъ brouilles d'amoureux, и если упреки въ неблагодарности, которыми Наполеонъ, въ минуты досады, осыпалъ тѣхъ, въ комъ ему надлежало видѣть надежнѣйшій барометръ общественнаго мнѣнія и мудрѣйшихъ своихъ совѣтчиковъ,—если эти упреки, говоримъ мы, и были неумѣстны, то только потому, что смѣшно говорить о благодарности между сообщниками, покинтавшимися къ обоюдной своей

Для того, чтобы отнять возможность у акціонеровъ, которые все-таки были необходимы для образованія капитала предпріятія, возможность придать Crédit mobilier иное направленіе, чѣмъ то, которое было первоначально предположено, въ уставъ былъ включенъ параграфъ, ограничивавшій составъ годичныхъ общихъ собраній 200 крупнѣйшими акціонерами (и это въ обществѣ, капиталъ котораго былъ распредѣленъ на 120,000 акцій!). Владѣлецъ 200 акцій располагалъ пятью голосами. Въ совѣтъ правленія новаго общества, между основателями котораго мы встрѣчаемъ такое пестрое смѣшеніе именъ, какъ князь Торлонія въ Римѣ, Соломонъ Гейне въ Гамбургѣ и Соломонъ Оппенгеймъ въ Кёльнѣ, были избраны лишь самые надежные приверженцы Наполеона, или же тузы финансоваго міра. Совѣтъ этотъ составился изъ слѣдующихъ личностей: Исаакъ Перейра, Шарль Мюлле, Адольфъ д'Эйхталь, Бенуа Фульдъ, де Абароа, Эрнестъ Андре, Г. Біеста, Ж. Дезаръ, герцогъ де Галльера, Фредерикъ Гринингеръ, графъ де Морни, Эмиль Перейра, баронъ Сельеръ, Казиміръ Сальвадоръ.

Такъ какъ Credit mobilier послужилъ толчкомъ къ основанію множества подобныхъ учрежденій въ Германіи, а организація его, между тѣмъ, долгое

выгодѣ цѣлымъ рядомъ пріятельскихъ услугъ. Читателя, желающаго ближе ознакомиться съ этимъ предметомъ, мы отсылаемъ къ исторіи директоріи, составляющей содержаніе первой части Исторіи XIX столѣтія, Мишле. Въ этомъ замѣчательномъ старческомъ трудѣ знаменитаго историка читатель, быть можетъ, къ немалому своему удивленію, вмѣсто поэтической эпопеи о подвигахъ еще ни чѣмъ незапятнанной военной славы,—эпопеи, въ которую свѣжая, но уже окрѣпшая традиція обработала начало карьеры молодаго, геніальнаго генерала Бонапарте,—найдетъ менѣе поэтическое, но болѣе правдивое и дышащее болѣе трезвымъ современнымъ колоритомъ сказаніе о томъ, какую роль возникающая «великая культурная сила» биржи играла въ созданіи этой другой возникающей великой силы политическаго авантюриста. Читатель узнаетъ о тѣхъ интригахъ, которыя были пущены въ ходъ этимъ авантюристомъ, чтобы заручиться патронатствомъ банкировъ; далѣе, онъ прочтетъ о той сдѣлкѣ, которая была заключена между патронами и ихъ оперившимся кліентомъ и предметомъ которой была пресловутая итальянская кампанія, отводившая глупой публикѣ глаза ореоломъ военной славы, а въ сущности представлявшая ни болѣе, ни менѣе, какъ спекуляцію на сокровища, имѣющія быть награбленными въ Италіи и раздѣленными между пайщиками этой вдвойнѣ выгодной спекуляціи. Само собою разумѣется, что если тишь да гладь такихъ обоюдно-выгодныхъ соглашеній и можетъ быть впослѣдствіи нарушена желаніемъ той или другой стороны притянуть къ себѣ извѣстную долю выгодъ, доставшихся союзнику, то уже ни въ какомъ случаѣ ни одной изъ сторонъ не пристало, при сведеніи этихъ домашнихъ счетовъ, щеголять въ роли защитницы попраннаго права и представительницы ошибочно понимаемыхъ или забываемыхъ общественныхъ интересовъ.

время оставалась тайной для многихъ людей, продававшихъ и покупавшихъ его акціи, то здѣсь будетъ у мѣста упомянуть нѣсколько подробнѣе объ уставѣ Crédit mobilier. Уже первый параграфъ устава достаточно ясно выражаетъ сущность этого учрежденія. Crédit mobilier можетъ пріобрѣтать посредствомъ покупки или подписки фонды и бумаги, акціи и облигаціи всевозможныхъ промышленныхъ предпріятій, основанныхъ на принципѣ ограниченной отвѣтственности, какъ-то: желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, различныхъ копей и другихъ существующихъ или имѣющихъ возникнуть общественныхъ предпріятій. Общество имѣетъ право выпускать облигаціи въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ суммѣ произведенныхъ имъ подписокъ на бумаги или покупокъ оныхъ. Оно имѣетъ право продавать или представлять въ обезпеченіе заключенныхъ имъ займовъ всѣ пріобрѣтенныя имъ бумаги, акціи и облигаціи, а также обмѣнивать таковыя на другія цѣнности. Оно уполномочивается подписываться на всевозможные займы, брать на себя посредничество по заключенію таковыхъ займовъ, а также предпринимать всевозможныя общественныя постройки и работы. Оно уполномочивается выдавать ссуды подъ обезпеченіе общественныхъ фондовъ, акцій и облигацій, а также открывать текущіе счеты по выдачѣ ссудъ подъ залогъ всевозможныхъ цѣнностей и принимать денежные вклады на текущій счетъ. Учрежденіе это также можетъ предпринимать всевозможныя денежныя операціи для вышепоименованныхъ обществъ, брать на себя выдачу процентовъ и дивидендовъ по ихъ бумагамъ и, вообще, вести всѣ дѣла этихъ обществъ. Наконецъ, обществу разрѣшается открыть депозитный банкъ, въ который оно можетъ принимать подъ обезпеченіе всѣ бумаги, какія только будутъ выпускаемы сказанными обществами.

При этой громадной сферѣ дѣятельности, предоставленной въ распоряженіе общества, почти насмѣшкою отзывается параграфъ, гласящій, что всякія другія операціи обществу воспрещаются. За исключеніемъ выпуска билетовъ, Crédit mobilier пользовался правомъ производить всѣ операціи, входящія въ районъ дѣятельности ассигнаціонныхъ банковъ и частныхъ банкирскихъ конторъ, и, кромѣ того, право выпуска облигацій давало ему, сверхъ этихъ полномочій, еще нѣчто большее. Облигаціи эти дѣлились на долгосрочныя и краткосрочныя; послѣднія подлежали уплатѣ въ сроки меньшей продолжительности, чѣмъ годъ. Черезъ это было введено нѣчто въ родѣ бумажныхъ денегъ и тѣхъ почтовыхъ билетовъ, о которыхъ мы имѣли случай говорить по поводу банка Соединенныхъ Штатовъ. Компаніи Credit mobilier были запрещены биржевыя операціи на срокъ и на премію; за то дѣятельность ея главнымъ образомъ сосредоточивалась на репортномъ дѣлѣ, т. е., на выдачѣ бумагъ для залоговъ подъ денежныя ссуды, съ цѣлью продленія биржевыхъ операцій на болѣе долгіе сроки. Дѣло это было очень прибыльно для компаніи, такъ какъ она пользовалось правомъ скупать свои собственныя акціи на срокъ. Затѣмъ, Credit

mobilier пользовался правомъ, по взнесеніи акціонерами полнаго акціонернаго капитала, довести выпускъ своихъ облигацій до суммы вдесятеро большей, чѣмъ основной капиталъ, опредѣленный въ 60,000000 фр.,—другими словами, до 600 милліоновъ франковъ. Общая сумма капиталовъ, принимаемыхъ обществомъ на текущій счетъ, и тѣхъ его облигацій, срокъ которымъ былъ назначенъ менѣе года, не должна было превышать 120 милліоновъ. Совѣтъ правленія состоитъ изъ 15, а самое правленіе изъ 5 членовъ. Правомъ голоса въ общемъ собраніи пользуются лишь тѣ акціонеры, которые имѣютъ не менѣе 40 акцій (номинальная цѣна акціи — 500 фр.). Общее собраніе должно состоять по меньшей мѣрѣ изъ сорока членовъ, представляющихъ десятую часть акціонернаго капитала. Ни одинъ акціонеръ не можетъ соединять въ своемъ лицѣ болѣе 5 голосовъ. Отчетный годъ кончается 31 декабря. Чистая прибыль общества распредѣляется слѣдующимъ образомъ: прежде всего, 5 процентовъ съ акціонернаго капитала выдаются акціонерамъ, затѣмъ 5 процентовъ отчисляются въ резервный фондъ, общая цифра котораго ограничена 2,000,000 фр.; изъ остатка, какой окажется послѣ всѣхъ этихъ вычетовъ, одна десятая распредѣляется между лицами, завѣдующими управленіемъ общества, а остальныя $^9/_{10}$ раздаются акціонерамъ въ видѣ добавочнаго дивиденда.

Любопытный документъ представляетъ программа, которая, при опубликованіи устава Crédit mobilier, была напечатана, съ разрѣшенія правительства и правленія общества, въ Journal des Débats. Въ этой программѣ говорится: „Французскій банкъ добываетъ наибольшую часть фондовъ, служащихъ ему для его операцій, посредствомъ выпуска билетовъ, подлежащихъ уплатѣ по предъявленіи. Вслѣдствіе лежащаго на немъ такимъ образомъ обязательства быть во всякое время готовымъ къ уплатѣ по предъявляемымъ къ уплатѣ билетамъ, банкъ можетъ выдавать свой капиталъ въ ссуду лишь на короткіе сроки, такъ какъ ему необходимо постоянно держать свои средства въ такомъ видѣ, чтобы имѣть возможность располагать ими въ наискорѣйшемъ времени. Изъ этой организаціи дисконтныхъ банковъ вытекаетъ такой порядокъ вещей, который при обыкновенныхъ обстоятельствахъ имѣетъ чрезвычайную важность, но въ критическія минуты оказывался совершенно безсильнымъ помочь бѣдѣ. *Банки эти увеличиваютъ интесивность кризисовъ тѣмъ, что они, по необходимости, бываютъ вынуждены органичивать свой кредитъ какъ разъ въ такое время, когда онъ всего нужнѣе.* Польза, приносимая этими учрежденіями, такъ велика, что мы, ради этой пользы, не обращаемъвниманія на ихъ недостатки. Но общество Crédit mobilier имѣетъ совершенно иное назначеніе, чѣмъ банки. Его цѣль—поднять индустрію посредствомъ коммандитной организаціи, и средство, которымъ оно стремится къ этой цѣли, состоитъ въ томъ, что оно переводитъ на себя акціи и облигаціи всѣхъ главнѣйшихъ компаній, основанныхъ на началахъ анонимныхъ обществъ, — а именно, акціи и облигаціи та-

кихъ компаній, цѣль которыхъ — различныя общественныя работы. Въ то же время, оно будетъ содѣйствовать образованію постояннаго капитала даже самостоятельныхъ обществъ, между тѣмъ какъ дисконтные банки доставляютъ въ различныхъ формахъ лишь часть оборотнаго капитала. Преимущество организаціи Crédit mobilier состоитъ въ томъ, что учрежденіе это выпускаетъ долгосрочныя облигаціи, при чемъ уплата по этимъ послѣднимъ идетъ соразмѣрно съ выкупомъ или погашеніемъ акцій и облигацій, хранящихся въ портфелѣ общества. Crédit mobilier будетъ выпускать и краткосрочныя облигаціи, подлежащія оплатѣ ранѣе года, но размѣръ выпусковъ этого рода будетъ въ надлежащей мѣрѣ ограниченъ по отношенію къ цифрѣ текущихъ счетовъ. *Вслѣдствіе всего этого обществу нечего будетъ опасаться ни политическихъ, ни промышленныхъ и торговыхъ кризисовъ.* Мы, напротивъ, скорѣе склонны утверждать, что именно въ такія критическія минуты оно призвано оказывать наиболѣе важныя услуги, такъ какъ, будучи представителемъ значительнаго числа предпріятій, оно имѣетъ характеръ страховаго учрежденія, и это обезпечиваетъ его акціямъ преимущество передъ всякими частными помѣщеніями капитала. Общество Crédit mobilier будетъ играть роль посредника между капиталистами и промышленностью и впервые осуществитъ ту безопасность въ помѣщеніи капиталовъ, которой до сихъ поръ капиталисты могли достигать лишь цѣною уменьшенія процентовъ, получаемыхъ ими за свои деньги. Новый банкъ положилъ конецъ всѣмъ тѣмъ обременительнымъ условіямъ, которыми обставлено въ настоящее время пріисканіе капитала для промышленныхъ предпріятій, — подобно тому, какъ дисконтные банки положили конецъ злоупотребленіямъ ростовщичества въ вексельномъ дѣлѣ. Независимо отъ своего характера, какъ промышленнаго банка, общество будетъ, подобно французскому банку, выдавать ссуды подъ залогъ государственныхъ фондовъ и акцій; всѣ эти операціи, однородныя съ операціями французскаго банка, не только не нанесутъ ущерба послѣднему, но, напротивъ, будутъ для него очень выгодны, потому что всѣ эти ссуды будутъ дѣлаться въ формѣ, извѣстной на биржѣ подъ названіемъ *репортовъ*, (т. е., сдѣлокъ, имѣющихъ цѣлью *отсрочивать заключеніе операціи* по продажѣ и куплѣ бумагъ съ одного ликвидаціоннаго срока на другой. Общество будетъ, при посредничествѣ или подъ гарантіею вексельныхъ маклеровъ, *выдавать въ ссуду полную стоимость государственныхъ фондовъ или акцій*, между тѣмъ, какъ французскій банкъ выдаетъ подъ залогъ ихъ лишь часть ихъ стоимости. Общество будетъ дѣлать публикѣ ссуды въ бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ французскій банкъ и будетъ въ состояніи дѣлать займы у послѣдняго подъ залогъ тѣхъ же обезпеченій. Прибыль общества будетъ состоять въ разности между тѣми процентами, которые оно взимаетъ за свои ссуды съ публики и тѣми, которые оно само платитъ банку за занимаемыя у него деньги. Становясь такимъ образомъ посредникомъ между заемщиками и французскимъ банкомъ,

какъ займодавцемъ, общество окажетъ, какъ обладателямъ государственныхъ фондовъ и акцій, такъ и французскому банку, большія услуги и еще увеличитъ полезность послѣдняго. Посредствомъ фондовъ, находящихся въ его распоряженіи, общество будетъ умѣрять цѣну репортовъ, которая за два или за три мѣсяца возросла до 15—20 процентовъ, а въ нѣкоторыхъ единичныхъ случаяхъ даже до 50 процентовъ при наиболѣе надежныхъ обезпеченіяхъ. Такому положенію дѣлъ необходимо было положить конецъ, а никакая помощь не могла быть такъ дѣйствительна, какъ устройство новаго общества. Что касается французскаго банка, то общество даетъ ему возможность увеличить количество выдаваемыхъ имъ ссудъ безъ малѣйшаго риска и не отступая отъ правила той мудрой осмотрительности, которой до сихъ поръ удерживалось управленіе банка. Во всѣхъ этихъ операціяхъ, представляющихъ такую важность по отношенію къ поддержанію и развитію кредита и общаго благосостоянія, Crédit mobiiler будетъ дѣйствовать, какъ учрежденіе, сподручное французскому банку, подобно тому, какъ дисконтный банкъ является учрежденіемъ сподручнымъ вексельнымъ кредиту. Общество будетъ содѣйствовать заключенію государственныхъ займовъ и, такимъ образомъ, окажетъ государству большія услуги, введя элементъ конкуренціи въ такую сферу, въ которой до сихъ поръ этого элемента не доставало.

Любопытенъ отвѣтъ, который факты дали на эту пышную рекламу. Общество, правда, въ 1853 г. выдало 10 процентовъ дивиденда, въ 1854—13%, въ 1855—47%, а въ 1856, если не ошибаемся—24%. Но за всѣ эти четыре года наибольшая часть чистой прибыли состояла изъ барышей ажіотажа, бывшаго въ то время въ полномъ разгарѣ. Въ 1857 г., когда настала расплата за излишества спекуляціи, Crédit mobilier, за вычетомъ положенныхъ пяти процентовъ на акцію, не выдалъ никакого дивиденда и впослѣдствіи былъ привлеченъ къ суду.

Эженъ Форкадъ въ Revue des deux mondes подвергъ уставъ и программу Crédit mobilier строгой критикѣ, которая должна быть вмѣнена тѣмъ въ большую заслугу автору, что, при тогдашнемъ положеніи прессы во Франціи, нужн было немалое мужество, чтобы назвать вещи ихъ настоящимъ именемъ. Онъ сформулировалъ функціи этото общества въ нѣсколькихъ мѣткихъ и сжатыхъ положеніяхъ, которыя, своимъ рѣзкимъ противорѣчіемъ между собою, явствующимъ изъ сопоставленія фактовъ, заключали въ себѣ безповоротное осужденіе всей системы, на которой былъ построенъ Crédit mobilier. Авторъ этотъ говоритъ: „Crédit mobilier есть акціонерное общество, которое задалось слѣдующими задачами: 1) Забирать въ свои руки или за ново основывать всевозможныя торговыя предпріятія, примѣняя при-этомъ принципъ коммандита, или ограниченной отвѣтственности. 2) Пріобрѣтать въ свою собственность, уничтожая ихъ какъ самостоятельныя учрежденія, всевозможныя торговыя общества

Изъ круга дѣятельности общества исключены всѣ операціи, не наименованныя въ вышеприведенномъ перечнѣ, какъ-то: покупка недвижимыхъ имуществъ—за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, которые обозначены въ параграфѣ 16—и выдача ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. Но пріемъ закладовъ на движимыя имущества для покрытія денежныхъ требованій, а также продажа и покупка недвижимыхъ имуществъ для обезпеченія и реализированія таковыхъ требованій.

Изъ этихъ постановленій мы видимъ, что дармштатское кредитное учрежденіе совмѣщало въ себѣ почти всѣ функціи парижскаго Credit mobilier. Независимо отъ тѣхъ опасныхъ сторонъ, на которыя мы указали въ кредитныхъ учрежденіяхъ вообще, это спеціальное общество даетъ поводъ къ возраженіямъ еще съ точки зрѣнія той мѣстности, гдѣ оно возникло. Еще въ мѣстности очень бойкой въ торговомъ и промышленномъ отношеніи основаніе кредитнаго учрежденія, — какъ ни мало таковыя выдерживаютъ критику вообще, — можетъ все-таки принести пользу нѣкоторой части промышленной публики, такъ какъ конкурренція его съ банкократами можетъ облегчить кредитъ и умѣрить процентъ. Повидимому, вначалѣ и предполагалось учрежденіе промышленнаго и торговаго банка во Франкфуртѣ, какъ центральномъ торговомъ пунктѣ юго-западной Германіи. Во Франкфуртѣ товарная торговля и промышленность сравнительно съ богатствомъ капиталовъ въ этомъ городѣ — незначительны. Хотя торговля фондами достигаетъ весьма обширныхъ размѣровъ и вслѣдствіе этого ежегодно превышаетъ вексельное обращеніе на сумму 400,00,000 талеровъ [1]), но всѣ эти обороты производятся при посредствѣ частныхъ банкировъ, которыхъ во Франкфуртѣ необычайно много. Слѣдовательно, тутъ для кредитнаго учрежденія представляется лишь ограниченное поле дѣятельности. Къ тому же, предположенное учрежденіе не успѣло добиться даже концессіи во Франкфуртѣ и должно было пристроиться въ сосѣднемъ Дармштатѣ, не имѣющемъ почти никакой торговли и промышленности,—а во Франкфуртѣ удовольствоваться устройствомъ агентуры. Такимъ образомъ, кругъ дѣятельности банка довольно ограниченъ; къ тому же, банкъ, какъ и всякое другое предпріятіе, чтобы заручиться публикой, которая обращалась бы къ его услугамъ, долженъ выждать нѣкоторое время и приложить къ этому немало хлопотъ (— такъ, напр., одною изъ самыхъ грубыхъ ошибокъ, въ которыя впадали въ новѣйшее время многія правительства и публика, является убѣжденіе, что коли-

[1]) Штемпельная пошлина въ 1872 г. дала сумму въ 128,297 тал., что̀, при пошлинѣ въ $1^1/_2$ зильбергроша со 100 тал., представляетъ капиталъ въ 384,891,000 тал. Но къ этому необходимо прибавить еще значительное число векселей, которые приходятъ штемпелеванными извнѣ, такъ что взятая нами выше цифра не можетъ считаться слишкомъ высокою и уже въ 1857 г., по всѣмъ вѣроятіямъ, и была приблизительно такою въ дѣйствительности.

чество обращающихся банковыхъ билетовъ можетъ быть умножено произвольно прежде, чѣмъ банкъ своимъ предшествующимъ образомъ дѣйствій, осмотрительностью и солидностью своего управленія, успѣлъ пріобрѣсти себѣ довѣріе въ извѣстной части публики). Такимъ образомъ дармштатскій банкъ имѣлъ вѣроятіе стать прочно и обезпечить себѣ проценты на свой капиталъ лишь при очень ограниченномъ размѣрѣ акціонернаго капитала. Между тѣмъ, этотъ послѣдній былъ опредѣленъ въ громадную, для района дѣятельности банка, сумму въ 25,000,000 гульд., распредѣленныхъ на 100,000 акцій; этого мало: послѣ того, какъ первый взносъ состоялся посредствомъ выпуска 40,000 акцій, уже въ 1855 г. рѣшено было приступить къ осуществленію полнаго взноса акціонернаго капитала, и съ этою цѣлью выпустить вторую серію акцій. Какъ будто и этихъ 25 мил. не доставало для веденія дѣла въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ оно могло достигнуть въ теченіе какихъ-нибудь четырехъ лѣтъ, въ общемъ собраніи 1857 г. было рѣшено удвоить акціонерный капиталъ и довести его до 50 мил. Реализація этихъ 25 мил. должна была произойти слѣдующимъ образомъ: 1) часть представляющихъ ихъ акцій, въ размѣрѣ 5 мил. гульд., предоставлялась въ распюряженіе старыхъ акціонеровъ по номинальной цѣнѣ; съ 15 февраля по 31 марта 1857 г. каждый такой акціонеръ имѣлъ право получить на каждыя 5 акцій, какъ перваго, такъ и втораго выпуска, находившіяся въ его обладаніи, по одной акціи новаго выпуска. Акціонеры, подписавшіеся, такимъ образомъ, на новыя акціи, получили особыя свидѣтельства, которыя они должны были не позднѣе перваго іюля 1858 г. обмѣнять на самыя акціи, со внесеніемъ стоимости послѣднихъ и 4 процентовъ, которые разсчитывались съ 1-го января 1857 г. Тѣ акціи, которыя не будутъ оплачены такимъ образомъ до 1-го іюля 1858 г., поступали въ распоряженіе банка. Къ акціямъ прилагается купонъ дивидендовъ того года, въ который онѣ будутъ оплачены и взяты акціонеромъ. 2) Другая часть акцій, тоже въ 5 мил. гульд., предоставляется въ распоряженіе правленія al pari съ тѣмъ, чтобы послѣднее употребляло ихъ на исполненіе обязательствъ передъ великогерцогскимъ правительствомъ. 3) Остальное количество акцій, представляющее 15 мил., пристроивается банкомъ за свой счетъ и съ соблюденіемъ возможно выгодныхъ условій, посредствомъ выпусковъ въ 5 мил. каждый; но къ этимъ выпускамъ не можетъ быть приступлено ранѣе 1-го января 1858 г. Прибыль, какая получится на эти акціи, распредѣляется такъ, что одна треть ея раздается въ видѣ дивиденда, а двѣ трети отчисляются въ резервный фондъ.

Еще за полтора года передъ этимъ, 5-го ноября 1855 г., учредителямъ того же банка была выдана концессія на основаніе ассигнаціоннаго банка въ Дармштатѣ съ капиталомъ въ 20 мил. гульд. Когда новое учрежденіе открыло свои дѣйствія, управленіе имъ было ввѣрено никому иному, какъ правленію кредитнаго банка, такъ что оба учрежденія состояли въ завѣдываніи однихъ

понесены убытки, поглотить бо́льшую часть акціонернаго капитала, если только не весь этотъ капиталъ. Такимъ образомъ, оказывается, что самая сущность операцій Crédit mobilier какъ разъ такова, что въ періоды застоя въ торговыхъ дѣлахъ, онѣ могутъ повлечь за собою очень крупные убытки. „Всѣ дѣла, писали мы лѣтомъ 1857 г, (Arbeitgeber № 49), которыми до сихъ поръ занимался Credit mobilier, сводятся на биржевыя операціи; всѣ барыши его идутъ изъ того же источника. Между тѣмъ, биржевыя операціи, часть которыхъ есть просто-на-просто азартная игра, никогда не представляютъ гарантіи прочнаго успѣха. Это—не болѣе, какъ спекуляціи, при которыхъ можно много выиграть, но вслѣдъ за тѣмъ и потерять не меньше. Crédit mobilier, правда, выставляетъ своимъ девизомъ прекрасное стремленіе поддержать торговлю и промышленность доставленіемъ имъ капиталовъ, но только онъ гораздо больше отвлекъ у той и другой капиталовъ для того, чтобы имѣть возможность скупать и продавать фонды, другими словами, для того, чтобы заниматься самыми неблагопріятными спекуляціями на бумажныя цѣнности. Онъ, правда, основывалъ промышленныя компаніи, но единственно для того, чтобы всевозможными средствами поднимать курсъ ихъ акцій, затѣмъ продавать послѣднія, а барыши этого ажіотажа класть себѣ въ карманъ. Такъ образовалась часть дивидендовъ, выданныхъ обществомъ Crédit mobilier за всѣ истекшіе года. Но, какъ скоро золотая пора ажіотажа миновалась, и дивидендамъ общества насталъ конецъ. Въ торговлѣ и промышленности такая смѣна періодовъ чрезмѣрнаго возбужденія періодами ослабленія и обратно происходитъ съ большою правильностью. Спекуляція, воодушевляемая духомъ ненасытной алчности, не знаетъ ни границъ ни мѣры; въ тѣ періоды, которые благопріятны торговлѣ и промышленности (напр., по заключеніи мира, послѣ какого нибудь великаго открытія, при введеніи желѣзныхъ дорогъ и т. п.), спекуляція влечетъ за собою чрезмѣрное усиленіе производства, и, когда вслѣдъ за тѣмъ оказывается излишекъ продуктовъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, тогда сбытъ останавливается, фабрики, число которыхъ возрасло за періодъ спекуляцій, вынуждены ограничить свое производство и, такимъ образомъ, происходитъ *торговый кризисъ*".

„Основаніе новыхъ акціонерныхъ предпріятій, поднятіе курса этихъ акцій заманчивыми обѣщаніями большихъ барышей, продажа ихъ съ значительной преміей и за тѣмъ-предоставленіе предпріятія отрезвившимся частнымъ капиталистамъ, которые вскорѣ, глядя на быстро-падающій курсъ своихъ акцій, начинаютъ оплакивать свое недавнее легковѣріе,—вся эта манипуляція, недостойная учрежденія, основаннаго подъ предлогомъ поддержки промышленности и торговли, можетъ, конечно, удасться въ эпохи спекулятивной горячки; но такія эпохи продолжаются не долго,—самое большое годъ или два. Затѣмъ настаетъ реакція; отливъ начинается; о высокихъ преміяхъ нечего болѣе и думать, а такъ какъ Crédit mobilier до этого пренебрегалъ солидными, хотя и

менѣе прибыльными предпріятіями, то онъ оказывается не въ состояніи болѣе платить дивидендъ. Его капиталъ, доведенный спекуляціею до фикціи, въ дѣйствительности спадаетъ до жалкихъ размѣровъ, и общество вынуждено ликвидировать, если его не спасетъ помощь государства, быть можетъ, оказанная негласно, изъ политическихъ соображеній." (Всѣ эти предсказанія, написанныя въ 1857 г., сбылось дословно). Въ сентябрѣ 1855 г. управленіе Crédit mobilier хотѣло приступить къ выпуску облигацій. Было предложено увеличить капиталъ, образовавшійся изъ взносовъ за акціи, 240,000 облигацій, по 250 фр. каждая. Акціонерамъ предположено было предоставить преимущество по пріобрѣтенію этихъ облигацій и съ этою цѣлью предложено было зачитать въ счетъ взноса, въ размѣрѣ до 200 фр., дивидендъ, имѣющій быть выданнымъ съ 1-го января по 1-е іюля 1856 г. Но правительство все-таки встревожилось обширностью замысловъ, которые г. Перейра основывалъ на бумажныхъ цѣнностяхъ и которые онъ еще подробнѣе расписалъ въ первомъ годовомъ отчетѣ общества за 1854 г. Задуманный планъ не былъ утвержденъ правительствомъ, и вслѣдъ за тѣмъ Исаакъ Перейра угостилъ общее собраніе акціонеровъ въ 1856 г. весьма наивнымъ изображеніемъ того благополучія, котораго лишилась Франція вслѣдствіе запрета, наложеннаго на выпускъ такой массы бумагъ. Но при этомъ невольно представляется вопросъ: каковъ бы былъ въ этомъ году балансъ общества, еслибы капиталъ, еле-еле давшій въ истекшемъ году 5%, былъ удвоенъ или удесятеренъ? Общество въ этомъ году не выдало дивиденда, потому что излишекъ его прибыли, опредѣленный 31-го декабря, по стоявшему въ ту пору курсу на бумаги, въ 4 мил., въ значительной степени съ той поры уменьшился вслѣдствіе паденія курсовъ послѣ покушенія 14-го января. Это объясненіе звучало очень основательно и успокоительно, только, къ сожалѣнію, оно не согласовалось съ однимъ фактомъ, очень хорошо извѣстнымъ въ биржевыхъ кружкахъ,— именно, съ тѣмъ фактомъ, что правленіе Crédit mobilier уже въ теченіе нѣскольких лѣтъ, каждый разъ передъ 31 декабря старалось искусственно поднять курсы. Дѣло въ томъ, что въ уставѣ общества есть между прочимъ одна весьма странная статья, гласящая, что состояніе имущества общества, заключающагося преимущественно въ бумажныхъ цѣнностяхъ, опредѣляется по тѣмъ курсамъ, какіе стоятъ на биржѣ 31-го декабря. Для того, чтобы выдать высокій дивидендъ и черезъ это поднять еще выше курсъ акцій Crédit mobilier, правленіе общества каждый разъ передъ истеченіемъ года пускало въ ходъ всевозможныя средства, чтобы повысить курсъ на тѣ бумаги, изъ которыхъ состоялъ его портфель. Хотя это до сихъ поръ ему постоянно удавалось, то все же правленіе лишь обманывало акціонеровъ на счетъ истиннаго положенія дѣлъ. Когда фонды, къ заключенію отчетнаго года, достигаютъ искусственной высоты, благодаря этому, съ виду оказывается значительный излишекъ, позволяющій назначить высокій диви-

дендъ, —но когда, вслѣдъ за тѣмъ, курсы понижаются до своей естественной нормы, тогда большую или меньшую часть дивиденда приходится уплачивать не изъ прибыли, а изъ капитала общества.

Но въ первые годы никто не останавливался на соображеніяхъ этого рода; общество дѣлало блестящія спекуляціи, и его акціи, упавшія въ 1856 г. въ нѣсколько дней до 700, стояли на 1700 и 1800. Въ теченіе одного только 1854 г. Crédit mobilier предпринялъ сліяніе газовыхъ обществъ и омнибусныхъ компаній въ Парижѣ; основаніе желѣзнодорожнаго общества С. Рамберъ-Гренобль; заемъ для арденскаго желѣзнодорожнаго общества; концессію для проведенія парижско-суасонской желѣзной дороги далѣе, до бельгійской границы, съ цѣлью эксплуатаціи тамошнихъ богатыхъ каменно-угольныхъ копей; присоединеніе къ эксплуатаціи пиренейской желѣзнодорожной сѣти и швейцарской центральной и западной желѣзныхъ дорогъ; канализацію рѣки Эбро отъ Саррагосы и до ея устья; устройство мореходнаго товарищества, которое насчитывало уже до 60 парусныхъ и паровыхъ судовъ; присоединеніе къ себѣ трансатлантическаго пакетботнаго сообщенія и, наконецъ, образованіе общества австрійскихъ государственныхъ дорогъ, акціи которыхъ вскорѣ быстро поднялись и, благодаря тому обстоятельству, что австрійскія желѣзныя дороги принадлежатъ къ наиболѣе доходнымъ, успѣли удержаться, невзирая на неблагопріятныя времена, на довольно хорошемъ, сравнительно, курсѣ. Въ 1855 г. общество, не считая учрежденія компаніи отелей и недвижимыхъ имуществъ улицы Риволи, не считая поддержки, оказанной имъ западной, и южной Францъ-Іозефской желѣзнымъ дорогамъ, а такъ же, не считая учрежденія испанскаго кредитнаго общества,—стояло во главѣ слѣдующихъ денежныхъ операцій: 1) Національный заемъ въ 780 мил. фр.; общество подписалось въ общей сложности, за свой собственный и за чужой счетъ, на 625 мил. фр., но вслѣдствіе произведенной разверстки, получило лишь 1,280,920 фр. 2) Обмѣнъ облигацій старыхъ обществъ, которыя слились съ новымъ обществомъ западной желѣзной дороги, на новыя облигаціи. При этомъ Crédit mobilier пріобрѣлъ за свой собственный счетъ 65,000 облигацій, представлявшихъ капиталъ въ 18,000,000. 3) Заключеніе займа въ 28 мил. фр. для общества южныхъ желѣзныхъ дорогъ; ссуды акціонерамъ желѣзныхъ дорогъ; парижско-канской, парижско-шербурской, восточной и др.; заключеніе займа для австрійскаго общества государственныхъ желѣзныхъ дорогъ; послѣдній заемъ этотъ былъ заключенъ посредствомъ выпуска 300,000 облигацій, стоимостью въ 275 фр. каждая и представлявшихъ капиталъ въ 82,500,000. Такъ какъ проценты этого займа уплачивались во всѣхъ значительныхъ городахъ континента, то онъ имѣлъ характеръ общеевропейскій. Облигаціи его находятся большею частью въ рукахъ нѣмецкихъ капиталистовъ.

Причина громадной разницы въ годовой прибыли общества за 1855, когда

она составила 55 процентовъ и въ 1857 г., когда она достигла лишь 5%, заключается въ непостоянномъ характерѣ тѣхъ операцій, которыми занимался Crédit mobilier. Большія финансовыя спекуляціи бываютъ рѣдко, а нажить большіе барыши ссудою денегъ для репортовъ можно лишь при необычайномъ оживленіи биржи; слѣдовательно, на получки этого рода нельзя разсчитывать, какъ на регулярный годовой доходъ, онѣ даже не всегда перепадаютъ по одному разу въ годъ. Поэтому, ничтожный доходъ, который Crédit mobilier получилъ съ своего акціонернаго капитала въ 1857 г., объясняется тѣмъ, что въ этомъ году не возникло никакихъ новыхъ предпріятій, и что цифра репортовъ уменьшилась почти на 27 мил. фр. Между тѣмъ, объ обширности той сферы, которую охватывала дѣятельность общества, можно судить изъ того, что Перейра въ послѣднемъ своемъ отчетѣ опредѣлялъ число желѣзнодорожныхъ облигацій, помѣщенныхъ черезъ посредство Crédit mobilier во Франціи, Англіи, Германіи и Швейцаріи, въ 370,000 штукъ, общую ихъ стоимость въ 100 мил. Число акціонеровъ самого Crédit mobilier простиралось до 8000 человѣкъ во Франціи и за границей.

Пока дѣло идетъ лишь о финансовыхъ операціяхъ, правленіе кредитнаго учрежденія можетъ удовлетворительно вести дѣла. Но какъ скоро общество, подобное Crédit mobilier, пускается въ такія разнообразныя предпріятія и втягиваетъ всю промышленность въ сферу своихъ спекуляцій, то нѣтъ почти никакой возможности найти людей, способныхъ руководить такими всеобъемлющими предпріятіями. Какъ извѣстно, одно изъ первыхъ условій преуспѣянія акціонерныхъ обществъ состоитъ въ томъ, чтобы держаться строго опредѣленнаго круга дѣятельности, и чтобы для этого круга дѣятельности у него или имѣлись на лицо, или постепенно выработывались, хорошіе техники. Тотъ, кто знакомъ съ условіями промышленности и торговаго дѣла, знаетъ, какъ трудно достать для каждой отрасли хорошихъ спеціалистовъ и въ какой зависимости успѣхъ или неуспѣхъ предпріятія стоитъ отъ компетентности или некомпетентности лицъ, руководящихъ имъ въ техническомъ отношеніи.

Но если такъ трудно добыть для какой-нибудь отдѣльной отрасли торговли или промышленности необходимыя техническія силы, то положительно невозможно найти людей, обладающихъ такимъ пониманіемъ и такими свѣдѣніями во всѣхъ отросляхъ промышленности и торговли, чтобы быть способными основывать цѣлый рядъ самыхъ разнородныхъ предпріятій и руководить ими съ прибылью для общества. Между тѣмъ, именно этою задачею задаются кредитныя учрежденія: они занимаются биржевыми дѣлами, для полнаго изученія которыхъ мало цѣлой жизни; они основываютъ шерстяныя, ситцевыя, сигарныя и машиностроительныя фабрики и т. д. Если они предпріятіями послѣдняго рода занимаются сами, то они должны неизбѣжно, въ концѣ концовъ, по сведеніи общихъ счетовъ, понести убытки; если же они только основы-

ваютъ эти предпріятія, съ цѣлью перепродажи и акцій, то они навязываютъ свою опеку обществу въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ они ничего не смыслятъ и въ которыхъ они, слѣдовательно, могутъ, сами того не подозрѣвая, довести своихъ акціонеровъ до большихъ убытковъ.

Предположивъ, даже, что нашелся бы такой геній, который въ состояніи былъ бы справиться съ такими разнородными задачами, и повести дѣла общества съ прибылью для послѣдняго, все же нѣтъ ни малѣйшаго вѣроятія, чтобы и преемникъ этого геніальнаго руководителя былъ столь же счастливъ въ операціяхъ. Поэтому, мы видимъ безпрестанно, какъ въ финансовомъ мірѣ эсконтируются просто имена, такъ что, напр., испанскія кредитныя акціи Перейры, при всѣхъ колебаніяхъ курса, стоятъ выше, чѣмъ Ротшильдовскія; но какъ будутъ обстоять дѣла этихъ предпріятій, когда во главѣ ихъ не будутъ болѣе стоять тѣ же личности, чтó въ данный моментъ, это другой вопросъ.

Быть можетъ, намъ слѣдовало бы отнестись съ менѣе строгою критикою къ способности кредитныхъ учрежденій заниматься столь разнородными предпріятіями, если бы денежныя средства этихъ обществъ падали имъ прямо съ неба. Но дѣло въ томъ, что капиталы, пристроиваемые въ акціяхъ кредитныхъ учрежденій, до этого служили производительной дѣятельности въ той или другой отрасли промышленности, или же, если капиталы эти образовались за-ново, нашли бы тотъ или другой путь, чтобы пристроиться къ производительному употребленію; на этомъ пути они, по всѣмъ вѣроятіямъ принесли бы больше прибыли, и это—по той причинѣ, что ремесленники, фабриканты, купцы и сельскіе хозяева, которые воспользовались бы этими капиталами, хорошо знакомы съ своимъ дѣломъ, между тѣмъ какъ кредитное учрежденіе, въ наиболѣе благопріятномъ случаѣ, могло служить лишь посредникомъ между производителями и капиталомъ, чтó неизбѣжно отзывалось большею дороговизною кредита. Можно навѣрное сказать, что громадныя суммы, которыя пошли на основаніе всей массы кредитныхъ учрежденій въ Германіи, представляли собою не заново образовавшіеся капиталы, а были отвлечены отъ различныхъ отраслей производства; а такъ какъ кредитныя учрежденія основывались, чтó называется зря, даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ не существовало никакой промышленности, съ единственною цѣлью наживы посредствомъ ажіотажа, благодаря тому, что для подписки на акціи всегда найдется достаточное количество легковѣрныхъ людей, въ которыхъ алчность преобладаетъ надъ разумомъ,—то ясно, что капиталы эти, пристроиваясь въ акціи кредитныхъ учрежденій, приносили менѣе прибыли, чѣмъ тогда, когда они служили частной производительности.

Итакъ, кредитныя учрежденія или получаютъ мало прибыли съ своихъ операцій, или же, если они и бываютъ дѣйствительно въ состояніи, благодаря исключительному стеченію обстоятельствъ, выдавать большіе дивиденды, то

такое положеніе дѣлъ рѣдко бываетъ продолжительно; такимъ образомъ, общества эти не приносятъ выгоды даже своимъ собственнымъ акціонерамъ. Публикѣ же они приносятъ больше вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ прибыль ихъ, основанная преимущественно на преміяхъ отъ повышенія курсовъ и на биржевой игрѣ, имѣетъ своимъ источникомъ не дѣйствительную производительность, а просто перемѣщеніе собственности и капиталовъ изъ однихъ рукъ въ другія и потому можетъ быть приравниваемо просто налагаемой пошлинѣ. Кредитныя учрежденія перемѣщаютъ капиталъ изъ доходныхъ отраслей производства въ такія, въ которыхъ доходность капиталовъ стоитъ ниже, вслѣдствіе того, что это предпріятія новыя, только что еще возникающія; общества эти, организуя спекуляціи на фонды, питаютъ пагубную страсть къ биржевой игрѣ; они дѣйствуютъ вдвойнѣ деморализорующимъ образомомъ на народную жизнь, разжигая, съ одной стороны, стремленіе къ быстрой наживѣ, а съ другой стороны—парализуя всякую энергію и дѣятельность во многихъ личностяхъ, которыя, быть можетъ, вполнѣ способны бы были съ успѣхомъ повести какое-нибудь полезное промышленное предпріятіе, но предпочитаютъ отретироваться, потому что имъ не подъ-силу выдерживать конкуренцію кредитныхъ учрежденій, или же потому, что они не довѣряютъ своимъ силамъ въ виду опасности такой конкуренціи.

Всего тяжелѣе отзывается на публикѣ и на торговлѣ во всей ея совокупности то обстоятельство, что спекуляціи на акціи, вызываемыя кредитными учрежденіями, поглощаютъ всѣ свободные капиталы для акцій Богъ знаетъ какихъ предпріятій, доходность которыхъ еще только предвится въ отдаленномъ будущемъ; этимъ частный кредитъ подрывается до такой степени, что наиболѣе исправные купцы лишь съ величайшимъ трудомъ могутъ доставать деньги, необходимыя для ихъ предпріятій; многіе должники попадаютъ въ такое положеніе, что съ нихъ требуютъ обратно капиталы, въ уплатѣ которыхъ они не затруднились бы, при другихъ обстоятельствахъ, но которыхъ они, благодаря акціонерной горячкѣ, нигдѣ не могутъ достать.

Правда, защитники кредитныхъ учрежденій говорятъ, что эти послѣднія собираютъ капиталы, которые безъ этого вслѣдствіе ничтожности своихъ размѣровъ пропадали бы даромъ, а теперь идутъ на поддержку промышленности. Но мы указывали и ниже укажемъ еще подробнѣе, какъ эта поддержка, такъ краснорѣчиво сулимая на словахъ, на дѣлѣ вовсе не осуществляется. Поддержка торговли и промышленности заключается вовсе не въ томъ, чтобы основывать акціонерныя компаніи съ цѣлью производствъ весьма сомнительной прибыльности, затѣмъ продавать акціи этихъ компаній съ преміей и изъ этой преміи уплачивать дивидендъ. Дѣйствительная поддержка заключается въ томъ, чтобы доставлять фабриканту и ремесленнику, заявившимъ свою техническую состоятельность, кредитъ на болѣе легкихъ и выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ,

которыя предлагаются при частныхъ сдѣлкахъ. Банкъ, который самыми размѣрами своего капитала можетъ обезпечить себя отъ потерь, имѣетъ возможность предлагать свой кредитъ на болѣе льготныхъ условіяхъ, чѣмъ частныя лица. Между тѣмъ, мы почти не знаемъ примѣра, чтобы это дѣлалось такъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, когда рѣчь шла о томъ, чтобы доставать личностямъ, стоящимъ въ особомъ, привиллегированномъ положеніи, средства къ биржевой игрѣ. Вообще, можно принять за правило, что частный кредитъ доступнѣе, чѣмъ кредитъ спеціально для того существующихъ учрежденій, и что, такимъ образомъ, взносы, идущіе на образованіе капитала этихъ учрежденій, отнимаютъ средства у частнаго кредита.

Итакъ, Credit mobilier разжегъ во Франціи спекулятивную горячку и заставилъ ее броситься очертя голову во всевозможныя предпріятія—банковыя, транспортныя и промышленныя. Между тѣмъ, какъ въ періодъ съ 1842 по 1847 г. на постройку желѣзныхъ дорогъ расходовалось около 144 мил. фр., а съ 1848 по 1851 г. цифра эта уменьшилась приблизительно на 130 мил., расходы эти въ промежутокъ между 1852—1854 гг. снова возрасли почти до 220 мил., въ 1855 г. превысили 500 мил., а въ 1856 г. дошли до 520 мил. Не менѣе значительны были расходы на предпріятія по разработкѣ копей и по транспортному дѣлу. Въ то же время начинался и полный разгулъ ажіотажа, который Прудонъ такъ безпощадно бичевалъ въ своей книгѣ. Крымская кампанія и заключенные въ продолженіе ея три займа поосадили нѣсколько спекуляцію. Но, такъ какъ торговля за все это время не только не испытывала застоя, но даже процвѣтала и расширила свою область на Востокѣ, то тотчасъ же по заключеніи мира весною 1856 г. спекуляція снова поднялась до точки кипѣнія.

Въ Германіи страсть къ предпріятіямъ не отставала отъ того, что дѣлалось во Франціи; во многихъ мѣстностяхъ нѣмецкая спекулятивная горячка перещеголяла даже французскую, такъ какъ треволненія восточной войны всего менѣе ощущались въ Германіи.

Основаніе двухъ привиллегированныхъ учрежденій для поземельнаго и для движимаго кредита нашло своихъ подражателей и въ Германіи. Уже въ1853 г. были основаны многіе ассигнаціонные банки (какъ то: Брауншвейгскій, Веймарскій); но спеціальнымъ снимкомъ съ парижскаго Crédit mobilier былъ торговый и промышленный банкъ, основанный въ Дармштатѣ. Сфера дѣятельности этого учрежденія, получившаго 2 апрѣля 1853 г. концессію отъ правительства великаго герцога Гессенскаго, опредѣлена параграфомъ 10-мъ устава слѣдующимъ образомъ: Общество пользуется правомъ производить всевозможныя банкирскія операціи, въ томъ числѣ и такія, при которыхъ оно можетъ во всякое время получить свои деньги обратно, какъ скоро онѣ ему понадобятся. Сюда принадлежатъ дисконтны, депозитныя, ссудныя, переводныя и вексельныя операціи. Общество будетъ по преимуществу посвящать свою дѣятельность и свои

средства нижеслѣдующимъ операціямъ, руководствуясь, однако, при-этомъ собственнымъ своимъ усмотрѣніемъ:

a) Оно дисконтируетъ векселя, снабженные подписями, надежность которыхъ извѣстна.

b) Оно производитъ взысканіе, а также и уплату денегъ за счетъ третьихъ лицъ. Оно принимаетъ деньги и фонды на храненіе.

c) Оно выдаетъ деньги за проценты посредствомъ процентныхъ бумагъ именныхъ, или на предъявителя, или же открываетъ въ обмѣнъ за эти бумаги текущій счетъ; въ послѣднемъ случаѣ льготный срокъ по истеченіи срока для уплаты займа не допускается.

d) Оно принимаетъ на себя выкупъ и продажу векселей, государственныхъ фондовъ, купоновъ и акцій.

e) Оно, равнымъ образомъ, принимаетъ на себя посредничество по покупкѣ векселей, государственныхъ фондовъ, купоновъ, акцій и товаровъ, причемъ въ обезпеченіе уплаты по этимъ покупкамъ, лица, желающія ихъ сдѣлать, должны представить гарантіи.

f) Оно выдаетъ ссуды подъ залогъ государственныхъ, городскихъ и земскихъ фондовъ, акцій, облигацій, солидныхъ векселей и другихъ цѣнныхъ бумагъ, а также подъ залогъ товаровъ, не подвергающихся скорой порчѣ; въ послѣднемъ случаѣ товары могутъ быть принимаемы какъ въ видѣ залога, имѣющаго быть выкупленнымъ уплатою ссуды, такъ и въ формѣ цѣнностей, продажа которыхъ поручается обществу.

g) Оно открываетъ кредитъ на текущій счетъ и выпускаетъ собственные векселя и денежныя обязательства въ обращеніе.

h) Оно уполномочено пріобрѣтать въ свою собственность государственные, городскіе и земскіе займы, акціи и облигаціи анонимныхъ обществъ, по преимуществу же акціи и облигаціи кредитныхъ и промышленныхъ предпріятій, а такъ же перепродавать, обмѣнивать и закладывать пріобрѣтенные имъ фонды, акціи и облигаціи.

i) Оно пользуется правомъ предпринимать за свой собственный счетъ вполнѣ или отчасти всѣ общественные займы и предпріятія; переуступать ихъ другимъ и реализировать, или же, примыкая къ лицамъ и учрежденіямъ, принимающимъ ихъ на себя, брать себѣ извѣстную долю участія въ нихъ и въ размѣрѣ этой доли участія выпускать въ обращеніе обязательства, именныя или на предъявителя.

k) Обществу разрѣшается содѣйствовать и посредничать при сліяніи различныхъ анонимныхъ обществъ, а также при преобразованіи промышленныхъ предпріятій въ анонимныя общества; оно можетъ также выпускать акціи и облигаціи такихъ за-ново пересоздавшихся обществъ, какъ именныя, такъ и на предъявителя.

Изъ круга дѣятельности общества исключены всѣ операціи, не наименованныя въ вышеприведенномъ перечнѣ, какъ-то: покупка недвижимыхъ имуществъ—за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, которые обозначены въ параграфѣ 16—и выдача ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. Но пріемъ закладовъ на движимыя имущества для покрытія денежныхъ требованій, а также продажа и покупка недвижимыхъ имуществъ для обезпеченія и реализированія таковыхъ требованій.

Изъ этихъ постановленій мы видимъ, что дармштатское кредитное учрежденіе совмѣщало въ себѣ почти всѣ функціи парижскаго Credit mobilier. Независимо отъ тѣхъ опасныхъ сторонъ, на которыя мы указали въ кредитныхъ учрежденіяхъ вообще, это спеціальное общество даетъ поводъ къ возраженіямъ еще съ точки зрѣнія той мѣстности, гдѣ оно возникло. Еще въ мѣстности очень бойкой въ торговомъ и промышленномъ отношеніи основаніе кредитнаго учрежденія, — какъ ни мало таковыя выдерживаютъ критику вообще, — можетъ все-таки принести пользу нѣкоторой части промышленной публики, такъ какъ конкурренція его съ банкократами можетъ облегчить кредитъ и умѣрить процентъ. Повидимому, вначалѣ и предполагалось учрежденіе промышленнаго и торговаго банка во Франкфуртѣ, какъ центральномъ торговомъ пунктѣ юго-западной Германіи. Во Франкфуртѣ товарная торговля и промышленность сравнительно съ богатствомъ капиталовъ въ этомъ городѣ — незначительны. Хотя торговля фондами достигаетъ весьма обширныхъ размѣровъ и вслѣдствіе этого ежегодно превышаетъ вексельное обращеніе на сумму 400,00,000 талеровъ [1]), но всѣ эти обороты производятся при посредствѣ частныхъ банкировъ, которыхъ во Франкфуртѣ необычайно много. Слѣдовательно, тутъ для кредитнаго учрежденія представляется лишь ограниченное поле дѣятельности. Къ тому же, предположенное учрежденіе не успѣло добиться даже концессіи во Франкфуртѣ и должно было пристроиться въ сосѣднемъ Дармштатѣ, не имѣющемъ почти никакой торговли и промышленности,—а во Франкфуртѣ удовольствоваться устройствомъ агентуры. Такимъ образомъ, кругъ дѣятельности банка довольно ограниченъ; къ тому же, банкъ, какъ и всякое другое предпріятіе, чтобы заручиться публикой, которая обращалась бы къ его услугамъ, долженъ выждать нѣкоторое время и приложить къ этому немало хлопотъ (— такъ, напр., одною изъ самыхъ грубыхъ ошибокъ, въ которыя впадали въ новѣйшее время многія правительства и публика, является убѣжденіе, что коли-

[1]) Штемпельная пошлина въ 1872 г. дала сумму въ 128,297 тал., чтò, при пошлинѣ въ $1^1/_2$ зильбергроша со 100 тал., представляетъ капиталъ въ 384,891,000 тал. Но къ этому необходимо прибавить еще значительное число векселей, которые приходятъ штемпелеванными извнѣ, такъ что взятая нами выше цифра не можетъ считаться слишкомъ высокою и уже въ 1857 г., по всѣмъ вѣроятіямъ, и была приблизительно такою въ дѣйствительности.

чество обращающихся банковыхъ билетовъ можетъ быть умножено произвольно прежде, чѣмъ банкъ своимъ предшествующимъ образомъ дѣйствій, осмотрительностью и солидностью своего управленія, успѣлъ пріобрѣсти себѣ довѣріе въ извѣстной части публики). Такимъ образомъ дармштатскій банкъ имѣлъ вѣроятіе стать прочно и обезпечить себѣ проценты на свой капиталъ лишь при очень ограниченномъ размѣрѣ акціонернаго капитала. Между тѣмъ, этотъ послѣдній былъ опредѣленъ въ громадную, для района дѣятельности банка, сумму въ 25,000,000 гульд., распредѣленныхъ на 100,000 акцій; этого мало: послѣ того, какъ первый взносъ состоялся посредствомъ выпуска 40,000 акцій, уже въ 1855 г. рѣшено было приступить къ осуществленію полнаго взноса акціонернаго капитала, и съ этою цѣлью выпустить вторую серію акцій. Какъ будто и этихъ 25 мил. не доставало для веденія дѣла въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ оно могло достигнуть въ теченіе какихъ-нибудь четырехъ лѣтъ, въ общемъ собраніи 1857 г. было рѣшено удвоить акціонерный капиталъ и довести его до 50 мил. Реализація этихъ 25 мил. должна была произойти слѣдующимъ образомъ: 1) часть представляющихъ ихъ акцій, въ размѣрѣ 5 мил. гульд., предоставлялась въ распоряженіе старыхъ акціонеровъ по номинальной цѣнѣ; съ 15 февраля по 31 марта 1857 г. каждый такой акціонеръ имѣлъ право получить на каждыя 5 акцій, какъ перваго, такъ и втораго выпуска, находившіяся въ его обладаніи, по одной акціи новаго выпуска. Акціонеры, подписавшіеся, такимъ образомъ, на новыя акціи, получили особыя свидѣтельства, которыя они должны были не позднѣе перваго іюля 1858 г. обмѣнять на самыя акціи, со внесеніемъ стоимости послѣднихъ и 4 процентовъ, которые разсчитывались съ 1-го января 1857 г. Тѣ акціи, которыя не будутъ оплачены такимъ образомъ до 1-го іюля 1858 г., поступали въ распоряженіе банка. Къ акціямъ прилагается купонъ дивидендовъ того года, въ который онѣ будутъ оплачены и взяты акціонеромъ. 2) Другая часть акцій, тоже въ 5 мил. гульд., предоставляется въ распоряженіе правленія al pari съ тѣмъ, чтобы послѣднее употребляло ихъ на исполненіе обязательствъ передъ великогерцогскимъ правительствомъ. 3) Остальное количество акцій, представляющее 15 мил., пристроивается банкомъ за свой счетъ и съ соблюденіемъ возможно выгодныхъ условій, посредствомъ выпусковъ въ 5 мил. каждый; но къ этимъ выпускамъ не можетъ быть приступлено ранѣе 1-го января 1858 г. Прибыль, какая получится на эти акціи, распредѣляется такъ, что одна треть ея раздается въ видѣ дивиденда, а двѣ трети отчисляются въ резервный фондъ.

Еще за полтора года передъ этимъ, 5-го ноября 1855 г., учредителямъ того же банка была выдана концессія на основаніе ассигнаціоннаго банка въ Дармштатѣ съ капиталомъ въ 20 мил. гульд. Когда новое учрежденіе открыло свои дѣйствія, управленіе имъ было ввѣрено никому иному, какъ правленію кредитнаго банка, такъ что оба учрежденія состояли въ завѣдываніи однихъ

и тѣхъ же лицъ и раздѣльность ихъ была лишь номинальная. Спрашивается, что могло побудить учредителей нагромоздить одно на другое два кредитныя учрежденія съ капиталомъ въ 70 мил. гульд. въ такомъ городѣ, гдѣ ежегодная цифра кредитныхъ оборотовъ не должна превышать двухъ, трехъ мил., и по сосѣдству съ торговымъ центромъ, въ которомъ имѣются дюжины банкировъ съ капиталами отъ 1 до 30 мил.? Неужели того требовали нужды промышленности и торговли? Это мы сейчасъ увидимъ. Дармштатскій банкъ преобразовалъ шерстяную фабрику Кёбера въ Мангеймѣ въ акціонерную компанію, которая за 1857 годъ не дала никакихъ дивидендовъ; тотъ же банкъ принялъ участіе въ основаніи шерстопрядильной фабрики въ отдаленной части сѣверной Германіи и машиностроительнаго завода въ Дармштатѣ; онъ преобразовалъ одну полуобанкротившуюся ситцевую фабрику въ Гейдесгеймѣ, въ Вюртембергѣ,—въ акціонерное общество, о прибыляхъ котораго такъ-таки до сихъ поръ ничего не было слышно; онъ принялъ участіе въ основаніи нѣмецкаго Ллойда и во многихъ государственныхъ займахъ.—Что касается остальнаго, то банкъ былъ вынужденъ устраивать агентуры въ Майнцѣ, во Франкфуртѣ, въ Нью-Іоркѣ, въ Берлинѣ, въ Мангеймѣ, въ Гейльбронѣ, въ Бреславлѣ, въ Лейпцигѣ и въ Парижѣ, чтобы расширить кругъ своей дѣятельности, хотя всѣ эти мѣста въ достаточной мѣрѣ снабжены своими собственными банками и частными конторами для дисконта; онъ даже принужденъ былъ пускаться въ репортныя дѣла и въ биржевыя спекуляціи, чтобы пристроить хоть какъ-нибудь свой капиталъ съ прибылью. Такимъ образомъ получается курьозный результатъ: банкъ принужденъ былъ искать, такъ сказать, съ фонаремъ днемъ по всѣмъ мѣстамъ земнаго шара помѣщеніе для своего колоссальнаго капитала; поговаривали даже о томъ, чтобы основать агентуру въ Константинополѣ; между тѣмъ, можно навѣрное сказать, что наибольшая часть этого капитала передъ этимъ не лежала безъ употребленія, а была отвлечена банкомъ отъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, въ которыхъ давала хорошій процентъ. Дѣло въ томъ, что, какъ мы уже замѣтили выше, банкъ, такъ же какъ и всякое другое частное заведеніе, долженъ сначала пріобрѣсти себѣ расположеніе публики и пріучить ее къ нему обращаться; это же требуетъ много времени и труда; а потому банкъ не можетъ тотчасъ же по своемъ возникновеніи съ выгодой пристроить капиталъ произвольно взятой величины. Мы видимъ это на франкфуртскомъ банкѣ, который отличается особенно осмотрительнымъ веденіемъ своихъ дѣлъ. Количество билетовъ, выпущенныхъ этимъ банкомъ въ первомъ году, было довольно ограничено и увеличивалось банкомъ постепенно съ каждымъ годомъ.

На основаніи какихъ же соображеній въ такой глухой мѣстности, какъ Дармштатъ, вздумали вдругъ стянуть 70 мил., бывшіе до этого пристроенными къ прибыльнымъ предпріятіямъ, отъ которыхъ ихъ отвлекла алчность извѣст-

ной части публики? На это уставы двухъ банковъ даютъ намъ отвѣтъ. Въ параграфѣ 4 устава торговаго и промышленнаго банка стоитъ: „Основной капиталъ опредѣляется въ 25 мил. гульд., которые дѣлятся на 100,000 акцій, по 250 гульд. каждая. Изъ этого капитала, прежде всего, выпускается серія въ 40,000 акцій. Изъ этой серіи учредители (В. Л. Дейхманъ, Г. Мевиссенъ, В. Вендельштатъ и А. Опенгеймъ) берутъ милліонъ гульд., или 4000 акцій по номинальной цѣнѣ, на себя. Имъ же предоставляется, если они того пожелаютъ, взять на себя и остальные девять мил. Вторая серія въ 15 мил. гульд. выпускается впослѣдствіи постепенно, по мѣрѣ потребностей общества и по опредѣленію правленія банка. При выпускѣ второй серіи великогерцогскому правительству и вышепоименованнымъ учредителямъ предоставляется преимущественное право оставлять выпускаемыя акціи за собою по номинальной цѣнѣ". „Общество имѣетъ право увеличить первоначальный основной капиталъ выпускомъ новыхъ акцій до 50 мил. гульд.

Этими постановленіями намъ все объясняется. Такъ какъ учредителямъ доставалась премія съ акцій, продаваемыхъ выше номинальной цѣны, то, естественно, въ ихъ интересѣ лежало поднимать курсъ акцій насколько возможно выше и выпускать ихъ какъ можно больше; это служитъ объясненіемъ различныхъ маневровъ, которые пускались въ ходъ въ прессѣ и на биржѣ съ цѣлью повысить или поддержать курсъ акцій дармштатскаго банка; этимъ же объясняется и образъ дѣйствія правленія. Между тѣмъ, какъ франкфуртскій банкъ, находящійся въ самомъ центрѣ южногерманской торговли, не могъ найти употребленія для своихъ десяти милліоновъ капитала, взнесенныхъ его акціонерами, и въ 1857 году имѣлъ отъ 9 до 10 мил. звонкой монеты, которые лежали въ его кладовыхъ, нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы дармштатскій банкъ въ какіе нибудь два года могъ помѣстить тѣ 25 мил., которые были получены имъ отъ акціонеровъ, въ торговыя и промышленныя предпріятія, обусловленныя дѣйствительною въ нихъ потребностью. Банкъ этотъ былъ вынужденъ, за неимѣніемъ достаточнаго количества лицъ, расположенныхъ обращаться къ его услугамъ, пристроивать наибольшую часть своего капитала въ биржевыхъ фондахъ. При этомъ, онъ неизбѣжно долженъ былъ терять на этихъ помѣщеніяхъ значительныя суммы. Между тѣмъ, акціонерамъ онъ долженъ былъ платить большіе дивиденды, чтобы удержать свои акціи на той высотѣ, до которой ихъ курсъ былъ искусственно поднятъ. Что же оставалось ему дѣлать? Тутъ былъ основанъ южногерманскій банкъ съ капиталомъ въ 20 мил. гульд., раздѣленныхъ на 80,000 акцій, по 250 гульд. каждая. Изъ этихъ акцій, 20,000 были предоставлены торговому и промышленному банку по номинальной цѣнѣ, представлявшей 5,000,000 гульд.; великогерцогское правительство получило 12,000 акцій на сумму въ 3,000,000 гульденовъ, общество гессенско-людвигской дороги—16 акцій, а остальныя акціи, на сумму 8 милліоновъ гульденовъ, до-

стались учредителямъ, т. е., тѣмъ же самымъ лицамъ, которыя былиу помянуты и при основаніи торговаго и промышленнаго банка. Биржевыя операціи и курсы за 1856 г. показываютъ, какіе громадные барыши нажили учредители при продажѣ своихъ акцій: 14 января 1856 года курсъ акцій дармштатскаго кредитнаго банка стоялъ на 284, 19 января—на 294, 26 января—на 300, 28 января—на 317, 31 января—на 321, 15 февраля—на 328, 18 февраля—на 340, 26 февраля—на 342, 29 февраля—на 362, 3 марта—на 369, 15 марта—на 370, 17 марта—на 375. Когда дошло до этого, нашли, что пора выпустить на рынокъ акціи второй серіи и ассигнаціоннаго банка, изъ которыхъ первыя тотчасъ же достигли курса въ 300, а вторыя—въ 108. Масса бумагъ, которыя предлагались на биржѣ покупщикамъ, естественно, повлекла за собою реакцію, заставившую курсъ старыхъ акцій снова спуститься до 350; на этомъ послѣднемъ курсѣ онѣ продержались въ теченіе 4—6 недѣль. Но въ началѣ мая курсъ снова поднялся до 362, уже десятаго мая достигъ 372,—17 мая стоялъ на 374 (въ этотъ же самый день акціи второй серіи были помѣчены по 328, а акціи ассигнаціоннаго банка—по 112), 31 мая—на 400, 2 іюня—на 436—438, между тѣмъ какъ акціи второй серіи стояли въ этотъ день на 362, а акціи ассигнаціоннаго банка—на 116. Но тутъ вскорѣ настала реакція. 22 сентября старыя акціи стояли на 389, а новыя—на 342 акціи же ассигнаціоннаго банка на 110. 17 ноября курсъ старыхъ акцій былъ—369, курсъ новыхъ акцій—327, а ассигнаціоннаго банка—107. Пониженіе курсовъ продолжалось, такимъ образомъ, непрерывно, пока, во время кризис 1857 года, акціи не пали ниже пари. Учредители имѣли цѣлые полгода въ своемъ распоряженіи, чтобы сбыть свои акціи, полученныя по номинальной цѣнѣ, съ преміей отъ 100 до 150 и 170 гульденовъ. Что они такъ и дѣлали, это явствуетъ изъ тѣхъ промежутковъ реакціи и остановки, которые длились отъ 8 до 15 дней и наставали послѣ каждаго особенно замѣтнаго повышенія курсовъ, такъ какъ такое повышеніе поощряло владѣльцевъ акцій заваливать рынокъ этими бумагами, и цѣны на нихъ черезъ то падали.

Послѣ того, какъ лѣтомъ 1856 г. спекуляціи на акціи достигли своего *maximum'а* и неизбѣжная реакція наступила, старанія поддержать курсъ дармштатскихъ банковыхъ акцій сдѣлались на биржѣ и въ печати, въ особенности въ берлинской биржевой газетѣ, особенно усердны и рѣзко бросались въ глаза. Наконецъ, правленіе нашло необходимымъ заманить публику чѣмъ-нибудь посущественнѣе простыхъ рекламъ и обѣщаній. Послѣ того, какъ 2,400 акцій майнцъ-лудвигсгафенской желѣзной дороги были пріобрѣтены правленіемъ al pari, продажа 20,000 акцій ассигнаціоннаго банка, вмѣстѣ съ остальными барышами, должна была доставить средства къ уплатѣ высокаго дивиденда. И точно, дивидендъ рѣшено было выдать въ 16 процентовъ. Этотъ результатъ не преминулъ произвести благопріятное впечатлѣніе за границей и помогъ удер-

жать акціи банка еще нѣкоторое время выше пари. Чтобы не дать ослабнуть спросу на эти акціи и поднять премію на нихъ еще выше, а также, чтобы обезпечить дивидендъ на слѣдующій годъ, рѣшено было вышеупомянутое увеличеніе капитала еще на 25 милліоновъ гульденовъ и выпускъ свидѣтельствъ, дававшихъ старымъ акціонерамъ право на полученіе новыхъ акцій; эти свидѣтельства получили прозвище дармштатскихъ „внуковъ" въ память спекуляцій Лау, которыя эти операціи воспроизводили въ малыхъ размѣрахъ. Свидѣтельства эти, дававшія право на полученіе акцій банка третьяго выпуска al pari, вскорѣ достигли курса въ 50 гульденовъ; такая премія обусловливалась исключительно увѣренностью въ будущей доходности предпріятія. Но, съ другой стороны, нашлись люди, отъ которыхъ не ускользнуло то обстоятельство, что бóльшая часть значительнаго дивиденда 1856 г. произошла отъ повышенія курса акцій на биржѣ,—повышенія, котораго нельзя же было ожидать каждый годъ. Эти люди не возлагали такихъ радужныхъ надеждъ на будущую доходность дармштатскаго банка, они не раздѣляли того мнѣнія, что одно право на полученіе акцій третьяго выпуска al pari стóитъ отъ 50 до 55 гульденовъ; они, напротивъ, скорѣе клонились къ тому убѣжденію, что и остальная публика вскорѣ одумается и перестанетъ давать такую цѣну за эти свидѣтельства. Взглядъ этотъ преимущественно сложился на франкфуртской и на берлинской биржѣ и отразился на сдѣлкахъ, производившихся на срокъ и съ уплатою одной разности. Свидѣтельства на полученіе акцій третьяго выпуска стали предлагаться для продажи въ большомъ изобиліи. Но, какъ это нерѣдко случается въ биржевыхъ спекуляціяхъ, игроки на пониженіе зарвались и продали этихъ свидѣтельствъ болѣе, чѣмъ сколько у нихъ было въ рукахъ, и даже болѣе, чѣмъ сколько вообще ихъ имѣлось въ продажѣ. Этотъ фактъ не могъ долго оставаться тайною для банковаго управленія и для близко стоявшихъ къ нему личностей коммерческаго міра. По совѣту директора дармштатскаго банка, господина Гесса, который впослѣдствіи самъ въ этомъ публично сознался, образовалась котерія, которая принялась энергично скупать всѣ имѣвшіяся въ продажѣ свидѣтельства, а банкъ, одновременно съ этимъ, удерживалъ у себя всѣ свидѣтельства, еще имѣвшіяся у него въ рукахъ. Спекулянты на пониженіе, въ жару боя, дали завлечь себя въ значительныя операціи по продажѣ à découvert и, такимъ образомъ, попали въ разставленную имъ западню. Прижатые спекулянты подняли отчаянный вопль, который проникъ за стѣны биржи въ публику и въ печать: курсъ свидѣтельствъ поднялся до 120 и къ дню ликвидаціи—большей части запроданныхъ свидѣтельствъ не было на лицо и не было никакой возможности достать ихъ. Пришлось платить тяжкія неустойки, только бы выпутаться изъ этихъ тисковъ, такъ что многіе дома понесли потери въ 30,000—60,000 талеровъ.

Не взирая на то, что прибыль банка при реализаціи этихъ свидѣтельствъ

составила болѣе 400,000 талеровъ, все же за 1857 годъ онъ могъ выдать своимъ акціонерамъ, въ придачу къ четыремъ обязательнымъ процентамъ на акцію, не болѣе 1°/₀ дивиденда. Какая у него могла быть прибыль, какъ скоро золотая пора ажіотажа миновала?

На общемъ собраніи 4 мая 1858 г. было высказано мнѣніе, что капиталъ банка скорѣе нуждается въ ограниченіи, нежели въ умноженіи, и сообразно съ этимъ рѣшено было уплатить по свидѣтельствамъ 5-го іюля 1858 г. 5°/₀, но самое право обмѣнять ихъ на акціи продлить на 5 лѣтъ; кромѣ того, банкъ былъ уполномоченъ скупить своихъ собственныхъ акцій al pari, или ниже пари, на сумму 5 милліоновъ. При этомъ историческій интересъ представляли признанія членовъ правленія Г. Мевиссена и А. Опенгейма. Оба признавали себя изобрѣтателями свидѣтельствъ, дающихъ право на полученіе акцій и „отъ всей души желали, чтобы эта прискорбная игра больше не повторялась". Мевиссенъ объявилъ (по отчету франкфуртской торговой газеты) положительно, что „правленіе банка руководствовалось убѣжденіемъ, что въ высшей степени пора изъять свидѣтельства изъ обращенія. Послѣ того направленія, которое приняла торговля ими въ прошломъ году, необходимо какъ можно скорѣе положить конецъ существованію этихъ свидѣтельствъ. Мысль о выпускѣ ихъ принадлежитъ ему, Мевиссену. Онъ искренно сожалѣетъ объ этомъ и охотно сознается въ своей ошибкѣ, такъ какъ практика показала несостоятельность этой системы". Сознаваться такъ откровенно въ сдѣланныхъ ошибкахъ—дѣло всегда похвальное, хотя и не всѣ ошибки бываютъ такъ прибыльны для собственнаго кармана.

Исторія дармштатскихъ банковыхъ спекуляцій была прототипомъ всѣхъ спекуляцій этого рода въ Германіи. Вначалѣ еще банки основывались въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ нужды торговли этого требовали или, по крайней мѣрѣ, оправдывали ихъ возникновеніе. Такъ возникли банки брауншвейгскій, бременскій, ростокскій, веймарскій. Но вскорѣ, всюду, гдѣ легковѣріе и алчность публики отдавались съ завязанными глазами во власть спекулянтовъ, перестали обращать вниманіе на необходимость и полезность предпріятія и думали только о возможности извлечь изъ него хорошую премію на биржѣ.

Въ 1856 г., по заключеніи парижскаго мира, эти спекуляціи дошли до своего апогея. Наиболѣе крупнымъ событіемъ въ ряду ихъ было—основаніе вѣнскаго кредитнаго банка, въ пользу возможной доходности котораго, а также полезности для страны, говорили два обстоятельства: съ одной стороны, банкъ пользовался монополемъ во всей Австріи и, слѣдовательно, прибыльность его не могла пострадать отъ конкуренціи другихъ учрежденій, съ другой стороны—онъ обогащалъ страну приливомъ новаго капитала, такъ какъ бóльшая часть его акцій, представлявшихъ капиталъ въ 60 милліоновъ гульденовъ, была помѣщена за границей. Самое учрежденіе было поставлено на гораздо болѣе прочныхъ основаніяхъ, нежели парижскій Crédit-mobilier, такъ какъ ему было раз-

рѣшено выпускать лишь процентныя обязательства въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ размѣрамъ внесеннаго акціонерами капитала; простирать свои операціи за предѣлы Австріи ему было запрещено. Учрежденіе это, между всѣми своими собратьями, держалось еще наиболѣе солидно, хотя оно и завязало бóльшую часть своихъ капиталовъ на поддержку возникавшимъ австрійскимъ желѣзнымъ дорогамъ и выпуталось изъ этого затрудненія лишь благодаря лотерейному займу въ 40 милліоновъ гульденовъ, который былъ сдѣланъ въ пользу западной желѣзной дороги.

При подпискѣ на акціи всѣхъ ассигнаціонныхъ банковъ и кредитныхъ учрежденій, которыя возникали въ то время какъ грибы, въ особенности же при подпискѣ на акціи австрійскаго банка, повторялись всѣ тѣ сцены, свидѣтельницею которыхъ была нѣкогда улица Кенкампуа. Во Франкфуртѣ, гдѣ право подписки на акціи франкфуртскаго банка было предоставлено лишь гражданамъ, пользовавшимся правомъ голоса, подписывались всѣ тѣ, которые не боялись пробыть нѣсколько часовъ среди страшнѣйшей давки, рискуя быть побитыми; при-этомъ, многіе не имѣли ни намѣренія, ни даже средствъ, дѣйствительно оплатить акціи. Между рабочими, пользовавшимися правомъ голоса, спекулянты набирали самыхъ здоровенныхъ малыхъ, способныхъ протискаться въ толпѣ, и посылали ихъ подписываться на акціи. Простые обыватели и младшіе сыновья, которые пользовались правомъ приписаться въ граждане за смертью старшихъ братьевъ,—все это спѣшило принести присягу, требовавшуюся для полученія правъ гражданства, чтобы только имѣть возможность подписываться на акціи. Народное остроуміе окрестило этихъ господъ прозвищемъ „банковыхъ гражданъ". Но всего страшнѣе была давка при подпискѣ на акціи вѣнскаго банка. Старые и молодые, знатные господа и простонародье простаивали цѣлыя ночи густыми толпами передъ дверями бюро; когда приближался часъ открытія бюро и толпа прибывала все больше и больше, тѣ, которые стояли впереди, подвергались опасности быть задавленными. Подобныя же сцены происходили при подпискѣ на акціи мейнингскаго, кобургскаго, лейпцигскаго, дессаускаго, герскаго, ганноверскаго и бюкебургскаго банковъ. Блаженны были тѣ учредители, которые успѣвали во время заручиться концессіей. Когда періодъ опьяненія прошелъ, подписчики внезапно исчезли и иныя кредитныя учрежденія и ассигнаціонные банки, не взирая на полученныя концессіи, такъ и не могли состояться, какъ, напримѣръ, Висбаденскій и Арользенскій банки. За то въ разгаръ опьяненія многіе желающіе не могли дорваться до акцій, и сами подписчики подписывались на бóльшія суммы, чѣмъ тѣ, которыя они дѣйствительно имѣли намѣреніе оставить за собою. О содержаніи устава, о цѣли предпріятія, о дѣйствительныхъ ручательствахъ его доходности, никто и не думалъ. Каждая недѣля приносила въ то время извѣстіе объ основаніи какого-нибудь новаго банка или кредитнаго учрежденія, и при этомъ успѣло образоваться то, что „Die Grenz-

boten“ очень мѣтко прозвала „постоянною гвардіею“. То была клика господъ, имена которыхъ неизмѣнно фигурировали въ программѣ почти каждаго возникающаго предпріятія, которые избирались разомъ въ цѣлую дюжину правленій и знакомыя физіономіи которыхъ непремѣнно появлялись при каждой вновь открывающейся подпискѣ на акціи. Они производили предварительную рекогносцировку и затѣмъ, смотря по положенію дѣлъ, подписывались на суммы въ десять или во сто разъ превышавшія то количество акцій, которое они желали имѣть. При основаніи одного только ганноверскаго банка подписка достигла суммы въ 1,100 милліоновъ талеровъ, которые еще въ добавокъ долженствовали быть обезпечены представленіемъ цѣнныхъ бумагъ. Въ общей же сложности, подписки на акціонерныя предпріятія, возникавшія въ то время, представляли фиктивный капиталъ, далеко превосходившій сумму дѣйствительно имѣвшихся въ наличности средствъ. Вначалѣ эти, несоотвѣтствующія дѣйствительности, подписки происходили лишь случайно, вслѣдствіе того, что многіе возлагали большія надежды на будущность даннаго промышленнаго предпріятія. Но вскорѣ, такъ какъ тутъ все дѣло было въ прибыли отъ повышенія курсовъ, маневръ этотъ сдѣлался намѣреннымъ и систематичнымъ. Подписка на большее количество акцій, чѣмъ то, которое дѣйствительно имѣлось въ виду оплатить, вошла въ правило и правило это, при каждомъ новомъ предпріятіи, примѣнялось все шире и шире. Никто не хотѣлъ остаться позади другихъ при предстоявшемъ разверстаніи акцій и, такимъ образомъ, подписки достигали баснословныхъ суммъ. При этомъ, спекулянты руководились еще другою заднею мыслью. Чѣмъ крупнѣе была цифра подписки на акціи даннаго предпріятія, тѣмъ благопріятнѣе казалось мнѣніе о доходности предпріятія, тѣмъ выше поднимались курсы акцій и тѣмъ бо́льшіе барыши могли нажить первые подписчики перепродажею акцій во вторыя руки. Сбывъ свои акціи, „постоянная гвардія“ предоставляла предпріятіе акціонерамъ, пожелавъ имъ всяческаго благополучія, и пока акціонеры вѣдались какъ знали съ предпріятіемъ, оставшимся у нихъ на рукахъ, „гвардія“, обезопасивъ себя отъ всякихъ убытковъ, переносила свое вниманіе на новыя спекуляціи. Затѣвавшіяся предпріятія были до такой степени лишены всякаго внутренняго смысла, что образовавшееся, напримѣръ, въ Гамбургѣ кредитное учрежденіе, подписка на которое во сто разъ превысила основной его капиталъ, опредѣленный уставомъ, отложило на неопредѣленное время открытіе своихъ операцій, подъ тѣмъ предлогомъ, что не нашлось директора для управленія банкомъ,—вѣрнѣе же потому, что и управлять-то было нечѣмъ. Одно берлинское командитное общество закрылось за недостаткомъ дѣлъ, которыми оно могло бы заниматься. Молдавскій банкъ прекратилъ платежи послѣ того, какъ всѣ его капиталы были ухлопаны въ разоренныя помѣстья мѣстныхъ дворянъ, а дессауское кредитное учрежденіе, которое сулило за 1857 г. 17 процентовъ дивиденда, заключило балансъ

этого года дефицитомъ въ $1^1/_4$ милліона талеровъ, испортивъ себѣ желудокъ молдавскими акціями и т. п. неудобоперевариммою пищею.

Въ числѣ обстоятельствъ, разжигавшихъ еще болѣе эту банковую горячку, необходимо упомянуть еще два: черезмѣрную осторожность Пруссіи въ выпускѣ государственныхъ бумажныхъ денегъ,—осторожность, которая хотя и была похвальна сама по себѣ, но заходила слишкомъ далеко,—и слишкомъ тѣсные предѣлы, которые были поставлены развитію банковаго дѣла въ самой Пруссіи ея нормальнымъ банковымъ уставомъ (Normativ—Bedingungen)[1]. Пользуясь этими двумя обстоятельствами, выпускъ бумажныхъ денегъ въ сосѣднихъ небольшихъ государствахъ и принялъ такіе размѣры, что очевидно было, что онъ разсчитанъ на обращеніе въ Пруссіи; и хотя прусское правительство нашлось вынужденнымъ запретить обращеніе внутри страны иностранныхъ бумажныхъ денегъ достоинствомъ ниже 10 талеровъ,—мѣра эта ни къ чему не повела, такъ въ сосѣднихъ мелкихъ государствахъ возникло множество ассигнаціонныхъ банковъ, которые выпускали въ обращеніе билеты въ десять талеровъ и выше. Правда, одновременно съ этимъ, въ сказанныхъ государствахъ было значительно умножено количество и государственныхъ ассигнацій въ десять талеровъ и выше, тѣмъ не менѣе, большое количество бумажныхъ денегъ проникло въ Пруссію—вѣрный знакъ, что еще большее увеличеніе количества бумажныхъ денегъ въ обращеніи было возможно, если не составляло положительной потребности.

---

[1]) По прусскому нормальному уставу, съ которымъ должны были сообразоваться всѣ ассигнаціонные банки, общая сумма билетовъ, выпускаемыхъ этими банками въ предѣлахъ монархіи, не должна было превышать 7 милліоновъ талеровъ, и правительство брало на себя работу о распредѣленіи этой суммы между различными частями страны, сообразно съ потребностью каждой изъ нихъ. Срокъ концессіи каждаго такого банка не долженъ былъ превышать 10 лѣтъ. Наивысшая сумма, до которой могъ доходить основной капиталъ частнаго банка, была опредѣлена въ 1 милліонъ. Если капиталъ этотъ предполагалось образовать посредствомъ выпуска акцій, то размѣръ послѣднихъ долженствовалъ быть никакъ не ниже 500 талеровъ. Акціи эти не подлежали раздробленію и выдача ихъ на предъявителя не допускалась. Уставъ общества, представленный на утвержденіе, долженствовалъ быть снабженъ, по крайней мѣрѣ, 50 подписями, съ обозначеніемъ имени, званія и мѣстопребыванія подписавшихся. Билеты дозволялось выпускать лишь въ размѣрѣ 10, 20, 50, 100, или 200 талеровъ. Изъ количества билетовъ, находящихся въ обращеніи, по крайней мѣрѣ одна треть должна быть обезпечена звонкою монетою и одна треть—дисконтированными векселями. Кромѣ того, всѣ цѣнныя бумаги, пріобрѣтенныя въ счетъ основнаго капитала банка, и всѣ долговыя обязательства, какія банкъ имѣетъ на комъ бы то ни было, служатъ также для покрытія билетовъ. За исправное состояніе этихъ гарантій отвѣтственны директора, и т. д.

Между тѣмъ прусское правительство снова стало тревожиться опасеніемъ, что умноженіе бумажныхъ денегъ превзойдетъ существующую на нихъ потребность, спекуляція начнетъ свои маневры, цѣны на товары поднимутся, рабочіе классы будутъ поставлены колебаніемъ цѣнъ въ тяжкое положеніе и даже, быть можетъ, пострадаетъ прусскій банкъ, въ которомъ правительство имѣетъ паи и изъ котораго оно въ 1857 г. извлекло 1,300,000 талеровъ прибыли. Выше мы уже замѣтили, что вообще банкъ, въ силу самой сущности вещей, не воленъ умножать количество выпускаемыхъ имъ билетовъ по произволу и долженъ, также, какъ и всякое другое коммерческое предпріятіе, обзавестись, прежде всего, своей публикой потребителей, которая и ограничиваетъ сферу его дѣятельности; распространить выпускъ билетовъ за предѣлы существующей на нихъ потребности и удержать положеніе дѣлъ въ такомъ видѣ на болѣе продолжительное время — не во власти ассигнаціоннаго банка, такъ какъ излишекъ билетовъ тотчасъ же вернется въ его кассу съ требованіемъ уплаты по нимъ звонкою монетою. Справедливость этого воззрѣнія подтвердилась на фактахъ во время послѣдняго кризиса. Тѣмъ не менѣе, можно допустить, что Пруссія стояла въ исключительномъ положеніи. Въ качествѣ члена таможеннаго союза, она находится въ самыхъ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ остальными частями Германіи; при этомъ, римессы наличными деньгами приходятъ въ большемъ количествѣ изъ южногерманскихъ государствъ въ Пруссію, чѣмъ обратно, и это обстоятельство навязываетъ Пруссіи большее количество иностранныхъ бумажныхъ денегъ, чѣмъ то могло бы быть при обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Нельзя также отрицать, что уставы нѣкоторыхъ изъ новообразовавшихся банковъ предоставляли имъ уже слишкомъ неопредѣленный и широкій кругъ дѣятельности. Отъ прусскаго правительства не могло ускользнуть, что возникновеніе этихъ банковъ было вызвано не столько потребностями торговли, сколько разсчетами на ажіотажъ; особенно опасными должны были казаться тѣ учрежденія, которыя соединяли въ себѣ функціи ассигнаціоннаго банка и Crédit-Mobilier, каковы были, напримѣръ, мейнигскій, люксенбургскій и бюкебургскій банки. Вполнѣ понятны также тѣ опасенія, которыя возбудилъ въ прусскомъ правительствѣ, а позднѣе и въ баварскомъ и въ саксонскомъ правительствахъ, южно-германскій банкъ, который, по имени только, представлялъ нѣчто отдѣльное отъ дармштатскаго кредитнаго учрежденія. Южно-германскій банкъ, кромѣ обыкновенныхъ операцій, свойственныхъ ассигнаціонному банку, — какъ-то: дисконтированія векселей, открытія текущихъ счетовъ, пріема вкладовъ и выдачи ссудъ подъ залогъ товаровъ, не подвергающихся порчѣ,—имѣетъ еще право заниматься покупкою и продажею биржевыхъ фондовъ стоимостью до 5 милліоновъ. Онъ можетъ, не испрашивая согласія общаго собранія акціонеровъ, съ разрѣшенія великогерцогскаго правительства, увеличить свой основной капиталъ до 40 милліоновъ гульденовъ

лишь за предѣлами этой суммы требуется согласіе акціонеровъ. Банкъ пользуется правомъ выпускать свои билеты въ размѣрахъ, представляющихъ двойную сумму акціонернаго капитала, другими словами, можетъ довести выпускъ билетовъ, не испрашивая согласія общаго собранія, до 80 милліоновъ гульденовъ. Банку также разрѣшается помѣчать свои билеты стоимостью не ниже 17 гульденовъ 30 крейцеровъ южногерманскою, прусскою, австрійскою и французскою монетною нормою. Такъ какъ дармштатское кредитное учрежденіе не можетъ съ прибылью помѣщать свой громадный капиталъ въ ближайшихъ къ нему мѣстностяхъ и вынуждено было открывать свои агентуры въ различныхъ странахъ, то, повидимому, это широкое полномочіе относительно выпуска билетовъ имѣло цѣлью навязать билеты банка, черезъ посредство агентуръ, и отдаленнымъ странамъ. Одно обстоятельство особенно подтверждало это подозрѣніе въ глазахъ прусскаго правительства, а именно: кредитнымъ обществомъ было куплено одно горнозаводское предпріятіе въ Вестфаліи со спеціальнымъ уговоромъ, что цѣна покупки можетъ быть уплачена билетами южногерманскаго банка. Если мы вспомнимъ, какъ часто продавецъ, при наличности другихъ условій, представляющихся ему подходящими, подчиняется одному какому-нибудь стѣснительному условію, то мы должны будемъ признать, что опасенія прусскаго правительства не были лишены основанія. Всѣ эти соображенія побудили сказанное правительство вовсе воспретить обращеніе иностранныхъ бумажныхъ денегъ; этому примѣру послѣдовала и Баварія, повидимому, главнымъ образомъ, въ виду поползновеній дармштатскаго банка; наконецъ и саксонское правительство постановило, что впредь въ предѣлы королевства будутъ допускаемы билеты лишь тѣхъ банковъ, которые учредятъ въ Лейпцигѣ кассу для уплаты по этимъ билетамъ; подъ условіе это подошла лишь часть тѣхъ банковъ, до которыхъ оно касалось. Одновременно съ этимъ, Пруссія увеличила капиталъ прусскаго банка; рѣшено было выкупить часть свидѣтельствъ государственнаго казначейства, выпущенныхъ на болѣе мелкія суммы, а взамѣнъ этого, прусскому банку былъ предоставленъ значительно большій просторъ въ выпускѣ билетовъ, что, конечно, не преминуло усилить монополь этого банка. Возникновеніе частныхъ банковъ тоже было облегчено, вслѣдствіе чего образовалось нѣсколько новыхъ провинціальныхъ банковъ.

Передъ общественнымъ мнѣніемъ и передъ людьми компетентными правительство заявило о своей готовности повергнуть весь этотъ вопросъ на всестороннее разсмотрѣніе особой конференціи, съ цѣлью прійти къ единодушному соглашенію на счетъ тѣхъ принциповъ, которые желательно было бы установить по отношенію къ выпуску денежныхъ суррогатовъ; такое соглашеніе представлялось правительству желательнымъ дополненіемъ къ монетной конвенціи 1838 г. Въ меморандумѣ, который приложенъ къ циркуляру, разосланному всѣмъ правительствамъ, участвующимъ въ таможенномъ союзѣ, высказанъ

тотъ принципъ, что обращеніе денежныхъ суррогатовъ, сдѣлавшихся необходимыми при современномъ развитіи экономической дѣятельности, слѣдуетъ удерживать въ возможно тѣсныхъ предѣлахъ; далѣе, въ томъ же меморандумѣ говорится въ видѣ указанія, съ которымъ отдѣльнымъ государствамъ слѣдуетъ сообразоваться при внесеніи своихъ „предложеній" въ конференцію: „Выпускъ банковыхъ билетовъ слѣдуетъ допускать лишь тогда, когда онъ соотвѣтствуетъ торговымъ или ремесленнымъ потребностямъ той мѣстности, гдѣ онъ возникаетъ и по скольку онъ *не идетъ за предѣлы этой потребности*. Затѣмъ, необходимо замѣтить, что въ виду существованія въ Пруссіи національнаго банка, изъ ожидающихся предложеній не могутъ быть приняты такія, которыя представлялись бы болѣе примѣнимыми къ государствамъ, не имѣющимъ подобнаго учрежденія. Что касается тѣхъ денежныхъ суррогатовъ, появленіе которыхъ обусловлено потребностями государственныхъ финансовъ, то относительно вопросовъ, сопряженныхъ съ ихъ выпускомъ, едва-ли конференція въ состояніи будетъ прійти къ какой-нибудь общей принципіальной точкѣ отправленія, пока не будутъ установлены основные принципы, долженствующіе завѣдывать выпускомъ банковыхъ билетовъ. Относительно той системы, которой придерживается Пруссія при выпускѣ государственныхъ бумажныхъ денегъ, вѣроятно, будетъ дозволено предположить эту систему общеизвѣстною. Наконецъ, что касается выпуска денежныхъ суррогатовъ въ пользу частныхъ коммерческихъ предпріятій, или въ интересѣ муниципалитетовъ, то въ Пруссіи до сихъ поръ таковой выпускъ нигдѣ не разрѣшался. Насколько извѣстно, онъ и въ другихъ странахъ выпускался лишь въ исключительныхъ случаяхъ, а потому должно полагать, что предложеніе отвергнуть таковой выпускъ въ принципѣ, какъ несогласимый съ правильнымъ денежнымъ обращеніемъ, не встрѣтитъ особенно рѣзкихъ возраженій въ конференціи".

Въ заключеніе меморандумъ объявляетъ дѣломъ само собою разумѣющимся, что „запрещенія, бывшія необходимыми вслѣдствіе чрезмѣрнаго умноженія денежныхъ суррогатовъ, не имѣвшаго никакого основанія въ потребностяхъ торговли и грозившаго подорвать денежную валюту въ странѣ—что такія запрещенія утратятъ силу, какъ скоро удастся предотвратить эту опасность посредствомъ соглашенія о выпускѣ таковыхъ суррогатовъ".

Конференція должна была собраться въ Ноябрѣ 1857 г. Но такъ какъ Баварія и многія другія государства требовали привлеченія къ этой конференціи и Австріи, Пруссія же этого участія не желала и указывала на тотъ фактъ, что австрійскій національный банкъ все еще не возобновлялъ своихъ платежей звонкою монетою, то конференція не состоялась вовсе, и запрещеніе банковыхъ билетовъ, за отсутствіемъ какого бы то ни было соглашенія о регулированіи ассигнаціонно-банковаго дѣла въ Германіи, вступило въ силу 1-го января 1858 года.

Но и сами банки, которымъ это запрещеніе грозило наибольшею опасностью, хотя они и устояли противъ этой опасности и противъ кризиса, лучше чѣмъ можно было ожидать, вѣроятно, потому, что еще не успѣли пріобрѣсти себѣ обширный кругъ дѣятельности и всадить въ предпріятія весь свой капиталъ,— даже сами эти банки, говоримъ мы, почувствовали необходимость согласиться относительно какихъ-нибудь общихъ принциповъ своей дѣятельности и составили по этому поводу сообща докладную записку, которую предполагалось представить конференціи. Въ концѣ 1857 г. собрались представители 9 банковъ: частнаго банка въ Готѣ, банка ландграфства Гессенскаго, международнаго люксенбургскаго банка, среднегерманскаго кредитнаго банка въ Мейнингенѣ, нижнесаксонскаго банка въ Бюкебургѣ, ростокскаго банка, южногерманскаго банка, тюрингенскаго банка въ Зондерсгаузенѣ. На этомъ съѣздѣ, происходившемъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, представители банковъ выработали слѣдующія резолюціи.

I. „Присутствующіе на съѣздѣ держатся того мнѣнія, что относительно выпуска билетовъ необходимо установить нижеслѣдующіе принципы: 1) Общая сумма банковыхъ билетовъ никогда не должна превосходить сумму уплаченнаго въ данный моментъ акціонернаго капитала. 2) Въ обезпеченіе банковыхъ билетовъ, во всякое время долженъ находиться на лицо металлическій запасъ, въ отчеканенной монетѣ, или въ слиткахъ, равный одной трети обращающихся билетовъ, и запасъ векселей, равный остальнымъ двумъ третямъ. Срокъ этихъ векселей ни въ какомъ случаѣ не долженъ превышать трехъ мѣсяцевъ и они должны быть снабжены, по крайней мѣрѣ, тремя надежными подписями. 3) Срочныя обязательства банковъ должны быть обезпечены тѣмъ же способомъ, какъ и векселя. 4) Для капитала, спеціально предназначеннаго въ обезпеченіе билетовъ (выкупнаго фонда) учреждается особое управленіе и особая бухгалтерія; капиталъ этотъ долженъ храниться подъ замкомъ особо отъ прочихъ суммъ. 5) По меньшей мѣрѣ каждый мѣсяцъ долженъ публиковаться отчетъ о состояніи дѣлъ банка по схемѣ, общей всѣмъ сказаннымъ учрежденіямъ. 6) Къ правительствамъ всѣхъ государствъ, гдѣ находятся банки, должно обратиться съ ходатайствомъ о признаніи передъ закономъ всего имущества банковъ отвѣтственнымъ за банковые билеты, преимущественно передъ всѣми прочими обязательствами сказанныхъ учрежденій.

II. Присутствующіе на съѣздѣ признаютъ умѣстнымъ, чтобы банки, намѣрѣвающіеся вступить въ болѣе близкія отношенія другъ съ другомъ, согласились между собою относительно взаимнаго контроля за соблюденіемъ вышеизложенныхъ постановленій о выпускѣ билетовъ и о выкупномъ фондѣ. Этотъ взаимный контроль долженъ производиться двумя банками, которые назначаются съ этою цѣлью и которые не только имѣютъ право, но и обязаны примѣнять къ дѣлу ввѣренное имъ полномочіе. Два контролирующіе банка назна-

чаются ежегодно жребіемъ, но при томъ такъ, чтобы ни одинъ банкъ не исправлялъ эту должность два года кряду. Что касается лицъ, долженствующихъ завѣдывать этимъ дѣломъ, то таковыя назначаются изъ среды самихъ банковъ. Затѣмъ, банкамъ надлежитъ заявить, что они признаютъ желательнымъ, чтобы правительства различныхъ государствъ съ своей стороны вступили между собою въ соглашеніе относительно взаимнаго контроля надъ тѣми банками, билеты которыхъ допущены, или имѣютъ быть допущенные въ обращеніе.

III. Присутствующіе на съѣздѣ считаютъ безусловно необходимымъ, чтобы банки, вступающіе въ настоящее соглашеніе въ виду общихъ цѣлей, принимали взаимно билеты, выпускаемые каждымъ изъ нихъ, и немедленно приступили къ требующимся для того мѣрамъ.

IV. Съѣздъ высказывается въ пользу того, чтобы банки, вступающіе въ настоящее соглашеніе, по возможности скорѣе учредили комитетъ для представительства общихъ ихъ интересовъ. Каждый банкъ назначаетъ отъ себя депутата въ этотъ комитетъ, самый же комитетъ избираетъ изъ своей среды трехъ лицъ, образующихъ постоянную комиссію. Комитетъ рѣшаетъ, гдѣ должно быть мѣстопребываніе этой комиссіи.

V. Комитету, который будетъ такимъ образомъ избранъ, поручается принимать всѣ мѣры, какія окажутся нужными для обезпеченія безпрепятственнаго обращенія банковыхъ билетовъ, какъ во всѣхъ государствахъ, принадлежащихъ къ таможенному союзу; такъ и въ Австрійской имперіи".

Въ то же время, въ нѣмецкой прессѣ вопросъ этотъ обсуждался съ большимъ жаромъ и подвергался основательной разработкѣ. Дѣльная критика, высказанная большинствомъ крупныхъ органовъ прессы, не мало способствовала выясненію всѣхъ спорныхъ вопросовъ и свидѣтельствовала о весьма значительномъ прогрессѣ, осуществившемся въ политико-экономическомъ пониманіи въ короткій промежутокъ времени.

Выводы, къ которымъ привело разсмотрѣніе всѣхъ этихъ различныхъ мнѣній и сличеніе опыта различныхъ странъ, заключаются въ нижеслѣдующемъ.

Нѣтъ такого закона, который могъ бы застраховать банковое дѣло отъ всякой опасности, отъ всякаго потрясенія. Безопасность банковъ зависитъ гораздо болѣе отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, нежели отъ внутренней ихъ организаціи, а именно, тутъ играютъ роль такія условія, какъ степень образованія народа, положеніе и промышленное развитіе той мѣстности, которая служитъ центромъ дѣятельности банка, и, наконецъ, характеръ управленія дѣлами банка. Наилучшіе законы и уставы не могутъ служить гарантіею. Наиболѣе надежную гарантію представляетъ управленіе, состоящее изъ такихъ людей, которые не только хорошо знакомы съ законами политической экономіи, но и обладаютъ, рядомъ съ теоретическимъ и практическимъ знаніемъ банковаго и торговаго дѣла, также достаточною ясностью пониманія и проницательностью

взгляда, чтобы здраво судить о періодическихъ измѣненіяхъ, происходящихъ въ промышленности и торговлѣ, и предвидѣть кризисы, въ виду которыхъ надлежитъ заблаговременно принимать мѣры къ огражденію банковъ отъ опасности. Люди, обладающіе такою проницательностью съумѣютъ еще въ тотъ періодъ, когда промышленная горячка находится въ полномъ разгарѣ, подтянуть возжи, и затѣмъ, когда настанетъ кризисъ, не только проведутъ самый банкъ благополучно черезъ всѣ опасности, но и подоспѣютъ къ промышленному міру на помощь, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда помощь всего нужнѣе; и это они съумѣютъ сдѣлать, какъ бы широки ни были границы, поставленныя дѣятельности банка. Наоборотъ, люди, не понимающіе дѣла и способные, напримѣръ, смѣшивать, какъ это иногда и дѣлаютъ банковые дѣльцы, капиталъ съ деньгами, никогда не будутъ въ состояніи предвидѣть приближеніе кризиса и правильно обсудить положеніе дѣлъ; такіе люди погубятъ и наиболѣе солидно организованный банкъ.

Но если нѣтъ такого закона, который *абсолютно* обезпечивалъ бы прочность банковаго дѣла, то существуютъ все-таки правила, указывающія, какъ эта цѣль можетъ быть достигнута приблизительно.

Мы старались вывести эти правила изъ указаній опыта и изъ законовъ науки и думаемъ, что въ разсматриваемомъ нами вопросѣ слѣдуетъ ограничиться слѣдующими положеніями. Прежде всего, *сліяніе* въ одномъ учрежденіи, или хотя бы подъ однимъ управленіемъ *ассигнаціоннаго банка* и промышленнаго предпріятія или *кредитнаго учрежденія* должно быть *положительно отвергнуто*. Ассигнаціонный банкъ долженъ всегда быть въ состояніи реализировать свои средства въ возможно скорѣйшій срокъ, чтобы, съ одной стороны, имѣть подъ рукою звонкую монету для покрытія тѣхъ билетовъ, которые могутъ быть предъявлены въ него, а съ другой стороны, чтобы имѣть возможность удовлетворять безъ замедленій своихъ кредиторовъ, имѣющихъ на него какъ долгосрочныя обязательства (депозиты) такъ и краткосрочныя (текущіе счеты и переводные векселя). По этому то, такому банку отнюдь не слѣдуетъ пускаться въ операціи, которыя, по самому характеру своему, могутъ быть заключены лишь по истеченіи болѣе или менѣе длиннаго ряда годовъ. А именно таковы операціи, которыми занимаются учрежденія, созданныя по прототипу Credit-Mobilier. Банковое учрежденіе должно или вовсе отказаться отъ совмѣщенія въ своей дѣятельности обоихъ этихъ видовъ кредита, или же раздѣлить ихъ, предоставивъ каждую отрасль въ завѣдываніе особаго правленія.

Поэтому, мы можетъ также только примкнуть къ мнѣнію банковыхъ делегатовъ, требовавшихъ, „чтобы для капитала, спеціально предназначеннаго для обезпеченія билетовъ (выкупнаго фонда), было учреждено особое управленіе и особая бухгалтерія, а также, чтобы капиталъ этотъ хранился особо отъ прочихъ суммъ".

Съ *депозитами* и вкладами на текущій счетъ слѣдуетъ *обращаться чрезвычайно осмотрительно*, такъ какъ опрометчивое распоряженіе вкладами можетъ не менѣе выпуска билетовъ сдѣлаться для банка источникомъ опасности. По самой сущности этого дѣла, владѣльцы вкладовъ желаютъ быстраго обратнаго полученія своихъ денегъ, какъ скоро имъ представляется въ нихъ надобность, между тѣмъ какъ банкъ, для того чтобы имѣть возможность платить проценты по вкладамъ и самому получать при этомъ выгоду, долженъ отдавать ихъ въ ссуду на опредѣленные сроки. Такъ какъ вклады иногда подлежатъ возвращенію безъ предварительнаго увѣдомленія о желаніи получить ихъ обратно, иногда же, срокъ, опредѣленный для такого предварительнаго увѣдомленія, бываетъ короче того, на который банкъ дѣлаетъ свои ссуды, то банкъ попадаетъ въ затруднительное положеніе каждый разъ, какъ, вслѣдствіе какого-нибудь событія или кризиса, публикою овладѣваетъ недовѣріе и кредиторы банка по депозитамъ начинаютъ осаждать его. Поэтому, благоразуміе требуетъ, чтобы банкъ, въ видахъ упроченія своего кредита и возможно большаго огражденія собя отъ приливовъ паническаго недовѣрія, держалъ въ своемъ портфелѣ лишь такія бумаги, которыя легко и быстро могутъ быть превращаемы въ наличныя деньги. Банкъ, который, подобно кредитнымъ учрежденіямъ, занимается, въ то же время, и биржевыми спекуляціями, всегда будетъ имѣть на рукахъ облигаціи и акціи, которыя, при наступленіи кризиса, сильно падаютъ въ цѣнѣ, трудно продаются и, въ случаѣ, если банкъ ихъ предлагаетъ въ слишкомъ большомъ количествѣ, подрываютъ еще болѣе какъ свой собственный кредитъ, такъ и кредитъ того общества, которое ихъ выпустило.

Такъ какъ при депозитныхъ оборотахъ наибольшая опасность, въ случаѣ кризиса, лежитъ въ томъ, что должники банка не взнесутъ свой долгъ во время, и банкъ не будетъ въ состояніи удовлетворить владѣльцевъ вкладовъ, когда они потребуютъ свои деньги обратно, то необходимо, прежде всего, устранить все способствующее усиленію этой опасности. Дѣло въ томъ, что банки, хотя и исполняютъ предписаніе закона, требующее, чтобы одна треть суммы выпущенныхъ ими билетовъ всегда имѣлась въ банкѣ наличными деньгами, но въ этотъ обезпечивающій фондъ зачитаютъ и суммы имѣющихся у нихъ вкладовъ и капиталовъ, положенныхъ на текущій счетъ; такимъ образомъ, они могутъ умножать свой капиталъ далеко за предѣлы уплаченнаго акціонернаго капитала. Этимъ разрѣшеніемъ пользуются именно привиллегированные банки. Особенно сильно пользуется имъ французскій банкъ; но этотъ банкъ обезпеченъ отъ опасности своимъ хорошо снабженнымъ портфелемъ, который позволяетъ ему, во всякое время, освободить требующуюся часть своихъ средствъ черезъ полученіе уплаты по векселямъ и черезъ сокращеніе кредита. Многіе частные банки ввели у себя тоже благоразумныя ограниченія съ этою цѣлью. Таковъ, напри-

Но и сами банки, которымъ это запрещеніе грозило наибольшею опасностью, хотя они и устояли противъ этой опасности и противъ кризиса, лучше чѣмъ можно было ожидать, вѣроятно, потому, что еще не успѣли пріобрѣсти себѣ обширный кругъ дѣятельности и всадить въ предпріятія весь свой капиталъ,— даже сами эти банки, говоримъ мы, почувствовали необходимость согласиться относительно какихъ-нибудь общихъ принциповъ своей дѣятельности и составили по этому поводу сообща докладную записку, которую предполагалось представить конференціи. Въ концѣ 1857 г. собрались представители 9 банковъ: частнаго банка въ Готѣ, банка ландграфства Гессенскаго, международнаго люксенбургскаго банка, среднегерманскаго кредитнаго банка въ Мейнингенѣ, нижнесаксонскаго банка въ Бюкебургѣ, ростокскаго банка, южногерманскаго банка, тюрингенскаго банка въ Зондерсгаузенѣ. На этомъ съѣздѣ, происходившемъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, представители банковъ выработали слѣдующія резолюціи.

I. „Присутствующіе на съѣздѣ держатся того мнѣнія, что относительно выпуска билетовъ необходимо установить нижеслѣдующіе принципы: 1) Общая сумма банковыхъ билетовъ никогда не должна превосходить сумму уплаченнаго въ данный моментъ акціонернаго капитала. 2) Въ обезпеченіе банковыхъ билетовъ, во всякое время долженъ находиться на лицо металлическій запасъ, въ отчеканенной монетѣ, или въ слиткахъ, равный одной трети обращающихся билетовъ, и запасъ векселей, равный остальнымъ двумъ третямъ. Срокъ этихъ векселей ни въ какомъ случаѣ не долженъ превышать трехъ мѣсяцевъ и они должны быть снабжены, по крайней мѣрѣ, тремя надежными подписями. 3) Срочныя обязательства банковъ должны быть обезпечены тѣмъ же способомъ, какъ и векселя. 4) Для капитала, спеціально предназначеннаго въ обезпеченіе билетовъ (выкупнаго фонда) учреждается особое управленіе и особая бухгалтерія; капиталъ этотъ долженъ храниться подъ замкомъ особо отъ прочихъ суммъ. 5) По меньшей мѣрѣ каждый мѣсяцъ долженъ публиковаться отчетъ о состояніи дѣлъ банка по схемѣ, общей всѣмъ сказаннымъ учрежденіямъ. 6) Къ правительствамъ всѣхъ государствъ, гдѣ находятся банки, должно обратиться съ ходатайствомъ о признаніи передъ закономъ всего имущества банковъ отвѣтственнымъ за банковые билеты, преимущественно передъ всѣми прочими обязательствами сказанныхъ учрежденій.

II. Присутствующіе на съѣздѣ признаютъ умѣстнымъ, чтобы банки, намѣрѣвающіеся вступить въ болѣе близкія отношенія другъ съ другомъ, согласились между собою относительно взаимнаго контроля за соблюденіемъ вышеизложенныхъ постановленій о выпускѣ билетовъ и о выкупномъ фондѣ. Этотъ взаимный контроль долженъ производиться двумя банками, которые назначаются съ этою цѣлью и которые не только имѣютъ право, но и обязаны примѣнять къ дѣлу ввѣренное имъ полномочіе. Два контролирующіе банка назна-

единственныя требованія, которыя могутъ быть предъявлены банкамъ и исполнены послѣдними, сводятся на слѣдующее:

I. Операціи по движимому кредиту должны быть оставлены вовсе.

II. Банкамъ долженъ быть предоставленъ полный просторъ принимать или не принимать процентные вклады и ссуды по своему усмотрѣнію.

III. Выпускъ билетовъ не долженъ превышать размѣровъ основнаго капитала, и наименьшій размѣръ достоинства отдѣльнаго билета опредѣляется въ 10 гульденовъ.

А потому, когда прусскій меморандумъ 1857 выгораживаетъ для прусскаго банка исключительное положеніе и опредѣляетъ границы для выпуска билетовъ сообразно съ цыфрою населенія, мы не можетъ признать эти предложенія ни справедливыми, ни исполнимыми. Также какъ прусскій банкъ, и многіе другіе банки могли требовать для себя исключительнаго положенія на томъ основаніи, что они тоже были единственными учрежденіями этого рода, каждый въ своей странѣ, и потому могли считаться до извѣстной степени привиллегированными. Опредѣлять же размѣры выпуска банковыхъ билетовъ по численности населенія значитъ класть банки на Прокрустово ложе. Такъ, напр., извѣстно, что франкфуртскій банкъ, находящійся въ государствѣ, которое имѣетъ 70 тысячъ жителей, дѣлаетъ больше оборотовъ, нежели гановерскій банкъ, въ государствѣ, имѣющемъ 2,500,000 жителей.

Принимая въ соображеніе тогдашнія обстоятельства, мы должны признать, что саксонское правительство, *обусловивъ допущеніе билетовъ иностранныхъ банковъ устройствомъ размѣнной кассы въ торговомъ центрѣ своей страны*, избрало единственный практичный путь, на которомъ вопросъ былъ разрѣшимъ при тогдашнемъ отношеніи германскихъ государствъ къ Пруссіи.

Одновременно съ банковымъ движеніемъ и даже нѣсколькими годами ранѣе разгара этого послѣдняго, торговля и промышленность, въ особенности же спекуляціи предпріятіями въ горно-заводскомъ дѣлѣ, приняли необыкновенные размѣры. Застой въ дѣлахъ, парализовавшій всякую предпріимчивость въ 1848, 1849 и 1850 гг., миновалъ вслѣдъ за паденіемъ французской республики. Опорожнившіеся за это время магазины приходилось наполнять съизнова, а такъ какъ, въ то же время, и на континентѣ отзывалось дѣйствіе, произведенное въ Англіи привозомъ золота изъ Калифорніи и пониженіемъ дисконта, то, мало по малу, промышленнымъ міромъ овладѣла такая преднринимательская горячка, какой въ Германіи до этого не бывало примѣра, и хотя въ концѣ концовъ пришлось за этотъ роскошный расцвѣтъ поплатиться новымъ застоемъ въ дѣлахъ, все-же зрѣлище это было такъ великолѣпно, что мы его никакъ забыть не можемъ. Пароходное сообщеніе по рѣкамъ, транспортъ товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ, машиностроительное и кораблестроительное дѣло, все это проявляло чрезвычайно усиленную дѣятельность. Желѣзныя дороги и машиностроитель-

ныя фабрики, каменноугольныя копи и желѣзные заводы, прядильни и ткацкія фабрики выростали точно изъ земли, особенно въ промышленныхъ округахъ Саксоніи, Прирейнской области и Вестфаліи, и высокія трубы фабрикъ и заводовъ плодились съ быстротою грибовъ.

Между тѣмъ, даже англійская промышленность стала опасаться конкуренціи нѣмецкихъ фабрикантовъ. Изъ промышленныхъ округовъ Англіи доносились жалобы, что дешевыя нѣмецкія сукна вытѣсняютъ англійскіе фабрикаты этого рода даже въ самой Англіи; а Шеффильдскіе фабриканты стальныхъ издѣлій подали даже министру петицію по поводу конкуренціи, грозившей имъ со стороны нѣмецкихъ игольныхъ фабрикантовъ.

Если взнесенный акціонерный капиталъ банковъ, основанныхъ за эти годы (съ 1853—1857), капиталъ, простиравшійся до 200 мил. тал., и долженъ быть разсматриваемъ лишь какъ оборотный капиталъ, большая часть котораго послѣ кратковременнаго перерыва снова возвращалась въ обращеніе среди торговой публики, то, съ другой стороны, не надо забывать, что акціонерный капиталъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ простирался до 140 мил. тал.; займы подъ облигаціи, заключенные желѣзно-дорожными обществами и другими промышленными предпріятіями, составляли за періодъ послѣднихъ десяти лѣтъ болѣе 206 мил. тал. Изъ 50 страховыхъ обществъ съ капиталомъ въ 60 милліоновъ талеровъ и изъ 259 рудокопныхъ, горнозаводскихъ, пароходныхъ и машиностроительныхъ обществъ, сахароваренныхъ заводовъ и прядиленъ, представлявшихъ въ общей сложности капиталъ въ 260 мил. тал., наибольшая половина возникла въ этотъ же періодъ времени. Въ одной Пруссіи было выдано въ 1856 концессій новымъ обществамъ на капиталъ въ 150 мил. тал., а Австрія въ тотъ же годъ предприняла постройку новыхъ желѣзныхъ дорогъ на 100 милліоновъ.

Превращеніе такой громадной массы капитала, бывшаго орудіемъ денежнаго обращенія, въ неподвижный капиталъ, естественнымъ образомъ влекло за собою настоящій переворотъ во всей торговлѣ. Хотя весь свободный капиталъ и сгребался со всѣхъ концовъ земли и выманивался на удочку высокихъ процентовъ изъ норокъ, по которымъ онъ прятался, хотя производство и получило значительныя облегченія въ сбытѣ своихъ товаровъ, благодаря желѣзно-дорожнымъ и пароходнымъ сообщеніямъ, устроеннымъ ранѣе, и могло, при помощи машинъ и другихъ остроумныхъ приспособленій, разростись до величавыхъ размѣровъ, хотя общая сумма національнаго дохода значительно возрасла,—но все же капиталъ, требовавшійся для всѣхъ этихъ предпріятій, достигшихъ въ 1856 — 1857 г. чудовищныхъ размѣровъ, не могъ быть доставленъ доходами этого года; это было невозможно уже по той одной причинѣ, что значительная часть рабочихъ классовъ, обычный трудъ которыхъ въ обыкновенное время увеличиваетъ годовой доходъ націи,—каковы, напримѣръ, сельскіе рабочіе, занимающіеся земледѣліемъ,—что значительная часть этихъ классовъ, говоримъ мы,

тотъ принципъ, что обращеніе денежныхъ суррогатовъ, сдѣлавшихся необходимыми при современномъ развитіи экономической дѣятельности, слѣдуетъ удерживать въ возможно тѣсныхъ предѣлахъ; далѣе, въ томъ же меморандумѣ говорится въ видѣ указанія, съ которымъ отдѣльнымъ государствамъ слѣдуетъ сообразоваться при внесеніи своихъ „предложеній" въ конференцію: „Выпускъ банковыхъ билетовъ слѣдуетъ допускать лишь тогда, когда онъ соотвѣтствуетъ торговымъ или ремесленнымъ потребностямъ той мѣстности, гдѣ онъ возникаетъ и по скольку онъ *не идетъ за предѣлы этой потребности*. Затѣмъ, необходимо замѣтить, что въ виду существованія въ Пруссіи національнаго банка, изъ ожидающихся предложеній не могутъ быть приняты такія, которыя представлялись бы болѣе примѣнимыми къ государствамъ, не имѣющимъ подобнаго учрежденія. Что касается тѣхъ денежныхъ суррогатовъ, появленіе которыхъ обусловлено потребностями государственныхъ финансовъ, то относительно вопросовъ, сопряженныхъ съ ихъ выпускомъ, едва-ли конференція въ состояніи будетъ прійти къ какой-нибудь общей принципіальной точкѣ отправленія, пока не будутъ установлены основные принципы, долженствующіе завѣдывать выпускомъ банковыхъ билетовъ. Относительно той системы, которой придерживается Пруссія при выпускѣ государственныхъ бумажныхъ денегъ, вѣроятно, будетъ дозволено предположить эту систему общеизвѣстною. Наконецъ, что касается выпуска денежныхъ суррогатовъ въ пользу частныхъ коммерческихъ предпріятій, или въ интересѣ муниципалитетовъ, то въ Пруссіи до сихъ поръ таковой выпускъ нигдѣ не разрѣшался. Насколько извѣстно, онъ и въ другихъ странахъ выпускался лишь въ исключительныхъ случаяхъ, а потому должно полагать, что предложеніе отвергнуть таковой выпускъ въ принципѣ, какъ несогласимый съ правильнымъ денежнымъ обращеніемъ, не встрѣтитъ особенно рѣзкихъ возраженій въ конференціи".

Въ заключеніе меморандумъ объявляетъ дѣломъ само собою разумѣющимся, что „запрещенія, бывшія необходимыми вслѣдствіе чрезмѣрнаго умноженія денежныхъ суррогатовъ, не имѣвшаго никакого основанія въ потребностяхъ торговли и грозившаго подорвать денежную валюту въ странѣ—что такія запрещенія утратятъ силу, какъ скоро удастся предотвратить эту опасность посредствомъ соглашенія о выпускѣ таковыхъ суррогатовъ".

Конференція должна была собраться въ Ноябрѣ 1857 г. Но такъ какъ Баварія и многія другія государства требовали привлеченія къ этой конференціи и Австріи, Пруссія же этого участія не желала и указывала на тотъ фактъ, что австрійскій національный банкъ все еще не возобновлялъ своихъ платежей звонкою монетою, то конференція не состоялась вовсе, и запрещеніе банковыхъ билетовъ, за отсутствіемъ какого бы то ни было соглашенія о регулированіи ассигнаціонно-банковаго дѣла въ Германіи, вступило въ силу 1-го января 1858 года.

Но и сами банки, которымъ это запрещеніе грозило наибольшею опасностью, хотя они и устояли противъ этой опасности и противъ кризиса, лучше чѣмъ можно было ожидать, вѣроятно, потому, что еще не успѣли пріобрѣсти себѣ обширный кругъ дѣятельности и всадить въ предпріятія весь свой капиталъ,— даже сами эти банки, говоримъ мы, почувствовали необходимость согласиться относительно какихъ-нибудь общихъ принциповъ своей дѣятельности и составили по этому поводу сообща докладную записку, которую предполагалось представить конференціи. Въ концѣ 1857 г. собрались представители 9 банковъ: частнаго банка въ Готѣ, банка ландграфства Гессенскаго, международнаго люксенбургскаго банка, среднегерманскаго кредитнаго банка въ Мейнингенѣ, нижнесаксонскаго банка въ Бюкебургѣ, ростокскаго банка, южногерманскаго банка, тюрингенскаго банка въ Зондерсгаузенѣ. На этомъ съѣздѣ, происходившемъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, представители банковъ выработали слѣдующія резолюціи.

I. „Присутствующіе на съѣздѣ держатся того мнѣнія, что относительно выпуска билетовъ необходимо установить нижеслѣдующіе принципы: 1) Общая сумма банковыхъ билетовъ никогда не должна превосходить сумму уплаченнаго въ данный моментъ акціонернаго капитала. 2) Въ обезпеченіе банковыхъ билетовъ, во всякое время долженъ находиться на лицо металлическій запасъ, въ отчеканенной монетѣ, или въ слиткахъ, равный одной трети обращающихся билетовъ, и запасъ векселей, равный остальнымъ двумъ третямъ. Срокъ этихъ векселей ни въ какомъ случаѣ не долженъ превышать трехъ мѣсяцевъ и они должны быть снабжены, по крайней мѣрѣ, тремя надежными подписями. 3) Срочныя обязательства банковъ должны быть обезпечены тѣмъ же способомъ, какъ и векселя. 4) Для капитала, спеціально предназначеннаго въ обезпеченіе билетовъ (выкупнаго фонда) учреждается особое управленіе и особая бухгалтерія; капиталъ этотъ долженъ храниться подъ замкомъ особо отъ прочихъ суммъ. 5) По меньшей мѣрѣ каждый мѣсяцъ долженъ публиковаться отчетъ о состояніи дѣлъ банка по схемѣ, общей всѣмъ сказаннымъ учрежденіямъ. 6) Къ правительствамъ всѣхъ государствъ, гдѣ находятся банки, должно обратиться съ ходатайствомъ о признаніи передъ закономъ всего имущества банковъ отвѣтственнымъ за банковые билеты, преимущественно передъ всѣми прочими обязательствами сказанныхъ учрежденій.

II. Присутствующіе на съѣздѣ признаютъ умѣстнымъ, чтобы банки, намѣрѣвающіеся вступить въ болѣе близкія отношенія другъ съ другомъ, согласились между собою относительно взаимнаго контроля за соблюденіемъ вышеизложенныхъ постановленій о выпускѣ билетовъ и о выкупномъ фондѣ. Этотъ взаимный контроль долженъ производиться двумя банками, которые назначаются съ этою цѣлью и которые не только имѣютъ право, но и обязаны примѣнять къ дѣлу ввѣренное имъ полномочіе. Два контролирующіе банка назна-

чаются ежегодно жребіемъ, но при томъ такъ, чтобы ни одинъ банкъ не исправлялъ эту должность два года кряду. Что касается лицъ, долженствующихъ завѣдывать этимъ дѣломъ, то таковыя назначаются изъ среды самихъ банковъ. Затѣмъ, банкамъ надлежитъ заявить, что они признаютъ желательнымъ, чтобы правительства различныхъ государствъ съ своей стороны вступили между собою въ соглашеніе относительно взаимнаго контроля надъ тѣми банками, билеты которыхъ допущены, или имѣютъ быть допущенные въ обращеніе.

III. Присутствующіе на съѣздѣ считаютъ безусловно необходимымъ, чтобы банки, вступающіе въ настоящее соглашеніе въ виду общихъ цѣлей, принимали взаимно билеты, выпускаемые каждымъ изъ нихъ, и немедленно приступили къ требующимся для того мѣрамъ.

IV. Съѣздъ высказывается въ пользу того, чтобы банки, вступающіе въ настоящее соглашеніе, по возможности скорѣе учредили комитетъ для представительства общихъ ихъ интересовъ. Каждый банкъ назначаетъ отъ себя депутата въ этотъ комитетъ, самый же комитетъ избираетъ изъ своей среды трехъ лицъ, образующихъ постоянную комиссію. Комитетъ рѣшаетъ, гдѣ должно быть мѣстопребываніе этой комиссіи.

V. Комитету, который будетъ такимъ образомъ избранъ, поручается принимать всѣ мѣры, какія окажутся нужными для обезпеченія безпрепятственнаго обращенія банковыхъ билетовъ, какъ во всѣхъ государствахъ, принадлежащихъ къ таможенному союзу; такъ и въ Австрійской имперіи".

Въ то же время, въ нѣмецкой прессѣ вопросъ этотъ обсуждался съ большимъ жаромъ и подвергался основательной разработкѣ. Дѣльная критика, высказанная большинствомъ крупныхъ органовъ прессы, не мало способствовала выясненію всѣхъ спорныхъ вопросовъ и свидѣтельствовала о весьма значительномъ прогрессѣ, осуществившемся въ политико-экономическомъ пониманіи въ короткій промежутокъ времени.

Выводы, къ которымъ привело разсмотрѣніе всѣхъ этихъ различныхъ мнѣній и сличеніе опыта различныхъ странъ, заключаются въ нижеслѣдующемъ.

Нѣтъ такого закона, который могъ бы застраховать банковое дѣло отъ всякой опасности, отъ всякаго потрясенія. Безопасность банковъ зависитъ гораздо болѣе отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, нежели отъ внутренней ихъ органазаціи, а именно, тутъ играютъ роль такія условія, какъ степень образованія народа, положеніе и промышленное развитіе той мѣстности, которая служитъ центромъ дѣятельности банка, и, наконецъ, характеръ управленія дѣлами банка. Наилучшіе законы и уставы не могутъ служить гарантіею. Наиболѣе надежную гарантію представляетъ управленіе, состоящее изъ такихъ людей, которые не только хорошо знакомы съ законами политической экономіи, но и обладаютъ, рядомъ съ теоретическимъ и практическимъ знаніемъ банковаго и торговаго дѣла, также достаточною ясностью пониманія и проницательностью

взгляда, чтобы здраво судить о періодическихъ измѣненіяхъ, происходящихъ въ промышленности и торговлѣ, и предвидѣть кризисы, въ виду которыхъ надлежитъ заблаговременно принимать мѣры къ огражденію банковъ отъ опасности. Люди, обладающіе такою проницательностью съумѣютъ еще въ тотъ періодъ, когда промышленная горячка находится въ полномъ разгарѣ, подтянуть возжи, и затѣмъ, когда настанетъ кризисъ, не только проведутъ самый банкъ благополучно черезъ всѣ опасности, но и подоспѣютъ къ промышленному міру на помощь, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда помощь всего нужнѣе; и это они съумѣютъ сдѣлать, какъ бы широки ни были границы, поставленныя дѣятельности банка. Наоборотъ, люди, не понимающіе дѣла и способные, напримѣръ, смѣшивать, какъ это иногда и дѣлаютъ банковые дѣльцы, капиталъ съ деньгами, никогда не будутъ въ состояніи предвидѣть приближеніе кризиса и правильно обсудить положеніе дѣлъ; такіе люди погубятъ и наиболѣе солидно организованный банкъ.

Но если нѣтъ такого закона, который *абсолютно* обезпечивалъ бы прочность банковаго дѣла, то существуютъ все-таки правила, указывающія, какъ эта цѣль можетъ быть достигнута приблизительно.

Мы старались вывести эти правила изъ указаній опыта и изъ законовъ науки и думаемъ, что въ разсматриваемомъ нами вопросѣ слѣдуетъ ограничиться слѣдующими положеніями. Прежде всего, *сліяніе* въ одномъ учрежденіи, или хотя бы подъ однимъ управленіемъ *ассигнаціоннаго банка* и промышленнаго предпріятія или *кредитнаго учрежденія* должно быть *положительно отвергнуто*. Ассигнаціонный банкъ долженъ всегда быть въ состояніи реализировать свои средства въ возможно скорѣйшій срокъ, чтобы, съ одной стороны, имѣть подъ рукою звонкую монету для покрытія тѣхъ билетовъ, которые могутъ быть предъявлены въ него, а съ другой стороны, чтобы имѣть возможность удовлетворять безъ замедленій своихъ кредиторовъ, имѣющихъ на него какъ долгосрочныя обязательства (депозиты) такъ и краткосрочныя (текущіе счеты и переводные векселя). По этому то, такому банку отнюдь не слѣдуетъ пускаться въ операціи, которыя, по самому характеру своему, могутъ быть заключены лишь по истеченіи болѣе или менѣе длиннаго ряда годовъ. А именно таковы операціи, которыми занимаются учрежденія, созданныя по прототипу Credit-Mobilier. Банковое учрежденіе должно или вовсе отказаться отъ совмѣщенія въ своей дѣятельности обоихъ этихъ видовъ кредита, или же раздѣлить ихъ, предоставивъ каждую отрасль въ завѣдываніе особаго правленія.

Поэтому, мы можетъ также только примкнуть къ мнѣнію банковыхъ делегатовъ, требовавшихъ, „чтобы для капитала, спеціально предназначеннаго для обезпеченія билетовъ (выкупнаго фонда), было учреждено особое управленіе и особая бухгалтерія, а также, чтобы капиталъ этотъ хранился особо отъ прочихъ суммъ“.

были отвлечены отъ своихъ обычныхъ занятій для работъ по проложенію желѣзныхъ дорогъ, по постройкѣ кораблей и фабричныхъ зданій, по устройству каменноугольныхъ копей и т. п. предпріятій, которыя въ отдаленномъ будущемъ обѣщали богатые барыши, но въ настоящемъ и въ ближайшіе послѣдующіе годы не могли дать ничего.

Появившійся при этихъ условіяхъ усиленный спросъ на капиталъ довелъ норму процента до такой высоты, на какой она еще ни разу не стояла въ текущемъ столѣтіи. Рядомъ съ этимъ, нужда въ рабочихъ по всѣмъ отраслямъ труда была такъ велика, что такому спросу на трудъ не бывало еще примѣра на европейскомъ континентѣ. Заработная плата въ различныхъ отрасляхъ труда возросла на 25—50, во многихъ случаяхъ даже на 100 процентовъ, и даже при такомъ уровнѣ заработной платы многіе работадатели не могли достать нужныхъ имъ работниковъ.

Усиленное до такихъ размѣровъ производство пробудило духъ спекуляціи и въ приморскихъ городахъ, въ особенности въ Гамбургѣ, главномъ пунктѣ, откуда вывозились продукты Германіи. Спекуляція перешла, наконецъ, въ такой рядъ безумій и плутенъ, что мы еще въ 1857 г. предвидѣли приближающійся кризисъ.

Уже въ исходѣ 1856 г. давало себя чувствовать давленіе, которое крупныя спекуляціи оказывали на денежный рынокъ. По мѣрѣ того, какъ норма дисконта постоянно поднималась, и въ Гамбургѣ, подъ вліяніемъ неудержимо-стремившейся спекуляціи, достигла даже до высоты 10%—реакція начала проявляться на фондовой биржѣ. Меркантильная предпріимчивость, произведенными ею многочисленными закупками, успѣла значительно поднять цѣны на товары; она накопляла товары громадными массами и задерживала ихъ въ надеждѣ сбыть ихъ, въ концѣ концовъ, съ огромными барышами. Промышленная спекуляція, устраивая новыя желѣзныя дороги, горные заводы и фабрики, съ своей стороны, разсчитывала на значительные барыши или съ капитала, вложеннаго въ предпріятіе, или съ премій на акціи; а акціонеры тѣмъ временемъ платили свои взносы, къ которымъ приглашали ихъ открывавшіяся повсюду подписки на акціонерныя предпріятія. При этихъ условіяхъ, ничего болѣе не оставалось, какъ вернуть на рынокъ фонды и бумаги прежнихъ предпріятій, чтобы продажею ихъ выручить деньги для оплаты новыхъ акцій. Сильное предложеніе на биржѣ прежнихъ бумажныхъ цѣнностей сбило на нихъ цѣну, и когда, вслѣдъ за тѣмъ, на биржу поступили цѣлыя массы новыхъ бумагъ, курсы, мало по малу, совсѣмъ были опрокинуты.

Рука объ руку съ промышленной спекуляціей и съ легкой наживой ажіотажа шло и развитіе безумной роскоши и расточительности. Потребленіе предметовъ роскоши такъ возрасло, что не было возможности исполнять всѣ поступавшіе заказы, такъ какъ самыми заманчивыми обѣщаніями нельзя было до-

быть достаточное число работниковъ. Громадные барыши, которые были нажиты спекулянтами въ самое короткое время, соблазняли ихъ бросать деньги направо и налѣво для удовлетворенія личныхъ своихъ прихотей, что, главнымъ образомъ, выразилось въ усиленномъ потребленіи шампанскаго и въ роскоши дамскихъ нарядовъ—этихъ двухъ обычныхъ спутникахъ всякаго періода спекуляціонныхъ плутенъ. Цѣна шампанскаго поднялась въ ресторанахъ на 25 — 50%, а доброкачественность его въ той же пропорціи ухудшилась, но, не взирая на это, было основано нѣсколько новыхъ фабрикъ пѣнистыхъ винъ. Жажда наслажденій заразила и другіе классы, живущіе не исключительно только спекуляціями, такъ что, какъ разъ въ такое время, когда чувствовалась наибольшая нужда въ капиталѣ, люди стали проживать на личныя свои потребности бо́льшую часть своихъ доходовъ, чѣмъ прежде.

Стѣсненное положеніе денежнаго рынка не преминуло отозваться на главномъ денежномъ резервуарѣ всего міра, на лондонскомъ денежномъ рынкѣ, какъ въ томъ можно наглядно убѣдиться изъ колебаній нормы дисконта въ англійскомъ банкѣ. Норма эта, стоявшая до декабря 1852 г. на 2% постепенно, хотя и съ нѣкоторыми колебаніями, повышается въ послѣдующіе годы и къ январю 1856 г. доходитъ до 6 — 7%. Въ первой половинѣ 1857 г. она держится между 6 — 7%, но съ октября быстро и непрерывно начинаетъ повышаться, пока 9 декабря не доходитъ до 10%.

12-го декабря была разрѣшена пріостановка дѣйствія Пилевскаго банковаго закона, и нѣсколько недѣль спустя банкъ снова былъ въ состояніи понизить свой дисконтъ, который за тѣмъ сталъ падать съ такою же быстротою, съ какою передъ этимъ повышался, и въ началѣ 1858 г. снова дошелъ до $3^1/_2$ процентовъ; и даже при этой низкой нормѣ дисконта, деньги въ банкѣ оставались постоянно въ излишкѣ, а въ частныхъ конторахъ векселя охотно дисконтировались даже за $2^1/_4$ процента.

Рука объ руку съ этими колебаніями нормы дисконта въ Лондонѣ, шло движеніе дисконта и въ Гамбургѣ, гдѣ процентъ его въ теченіе 1857 г. колебался между 3 и 12. Остальные банки и биржи тоже были вынуждены слѣдовать болѣе или менѣе измѣненіямъ лондонскаго денежнаго рынка; даже французскій банкъ и австрійскій національный банкъ, которые обыкновенно охотно оказывали поддержку торговлѣ, вынуждены были послѣдовать примѣру другихъ

Повышеніе дисконта, усиленіе роскоши, повышеніе цѣнъ на товары, паденіе биржевыхъ курсовъ, — всѣ эти симптомы, проявлявшіеся одновременно съ необычайною силою, должны бы были уже въ концѣ 1856 и въ началѣ 1857 года обратить вниманіе торговаго міра на тучи, скоплявшіяся на промышленномъ горизонтѣ. Слѣдовало сдѣлаться осмотрительнѣе, ограничить спекуляцію и употребить всѣ усилія для предотвращенія опасности. Но промышленный міръ находился въ полномъ ослѣпленіи. Между тѣмъ, какъ спекуляція на то-

вары неслась въ гору на всѣхъ парахъ, не взирая ни на какое повышеніе дисконта, — на фондовой биржѣ раздавались жалобы противъ спекулянтовъ на пониженіе, за то, что они своими предосудительными маневрами, направленными къ тому, чтобы сбить цѣны на бумаги, распространяютъ недовѣріе и мѣшаютъ развитію торговли. Цѣлый потокъ брани извергался противъ нихъ прессою; во всемъ оказывалась виноватою одна злополучная „контръ-мина", которая и сдѣлалась вслѣдствіе этого крайне непопулярна. Не одинъ комерсантъ, посѣдѣвшій въ дѣлахъ, объявлялъ не задумываясь, на биржѣ, враждебную партію единственною виновницею всего зла. Всего болѣе усердствовали въ томъ же направленіи нѣкоторые биржевые листки, отличавшіеся въ своихъ отчетахъ о положеніи дѣлъ чисто восточною необузданостью воображенія, пускавшіеся въ самыя невѣроятныя догадки о причинахъ вялаго настроенія фондовой биржи и предлагавшіе самые изумительные способы для излѣченія зла. Какъ уже было упомянуто выше, къ концу 1856 г. простодушные люди были всего болѣе озабочены отливомъ серебра, вывозимаго на Востокъ; этому вывозу приписывали общее паденіе курсовъ на фондовой биржѣ и повышеніе дисконта. Единичные голоса, спокойно доказывавшіе, что корень зла не въ недостаткѣ денегъ, а въ недостаткѣ капитала, котораго не хватало при тѣхъ размѣрахъ, которыхъ достигла спекуляція, — были заглушены гвалтомъ голосовъ, утверждавшихъ противное. Послѣ всего, что было изложено выше, не трудно рѣшить, которая изъ двухъ сторонъ была права.

Чтобы убѣдиться въ ложности воззрѣнія, видѣвшаго въ вывозѣ серебра причину кризиса, достаточно, и помимо вниканія въ истинныя причины кризиса, сравнить вывозъ золота и серебра на Востокѣ въ періодъ 1851 — 1857 гг. съ количествомъ драгоцѣнныхъ металловъ, добытыхъ за тотъ же періодъ.

Ежегодное количество добываемаго золота возрасло съ 120 мил. гульденовъ, на которыхъ оно стояло въ 1848 г. до 456 мил. въ 1856, а ежегодное количество серебра съ 108 мил. въ 1848 до 144 мил. въ 1856. Въ тотъ же періодъ, весь наличный запасъ золота въ Европѣ и Америкѣ съ 1848 г. по 1856 увеличился черезъ привозъ этого металла изъ Калифорніи и Австраліи почти на 2,500 мил. гульденовъ, а запасъ серебра — на 1,200 мил. гульденовъ. Между тѣмъ, вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ на Востокъ съ 1851 по 1857 г., представлялъ всего на всего сумму въ 727,239,333 гульд. Общая сумма вывоза золота и серебра изъ портовъ Англіи и Средиземнаго моря составляетъ за семилѣтній періодъ не болѣе 1,538,370,000 франковъ, и лишь въ послѣднемъ году сказаннаго періода этотъ постоянно усиливающійся вывозъ дошелъ до 516,883,000 франковъ.

Нельзя отрицать факта, что вслѣдствіе усилившагося привоза золота, отношеніе стоимости послѣдняго къ серебру понизилось съ $15^3/_4$:1—на $15^1/_4$:1; вслѣдствіе этого во Франціи, гдѣ существуетъ двойная монетная норма не взирая

на все противодѣйствіе правительства, значительныя массы серебра были вытѣснены золотомъ. Нельзя также отрицать, что вывозъ серебра принялъ большіе размѣры, чѣмъ прежде. Но все же этотъ вывозъ относился къ общей суммѣ золота и серебра, подвозимаго изъ Америки и Австраліи, какъ 3,700 къ 727 милліонамъ,—пропорція, слишкомъ незначительная, чтобы оказать существенное вліяніе па торговлю.

При этомъ, мы не должны упускать изъ виду, что и бумажныя деньги за періодъ съ 1848 по 1856 значительно умножились въ Германіи. Австрійскій національный банкъ, чтобы выручить правительство изъ затрудненія, увеличилъ въ 1848—1849 г. количество своихъ билетовъ болѣе чѣмъ на 150 мил. гульденовъ; въ Пруссіи въ 1855—56 г. количество банковыхъ билетовъ возрасло съ 23 мил. до 50 мил. талеровъ; въ остальной Германіи оно увеличилось за періодъ 1853 — 1856 гг. съ 13 до 30 мил. талеровъ, такъ что въ 1857 г., когда размѣры выпуска банковыхъ билетовъ въ прусскомъ банкѣ были расширены, а также значительное число новыхъ банковъ пустили свои билеты въ обращеніе, общая сумма бумажныхъ денегъ, находящихся въ обращеніи, представляла противъ 1853 излишекъ въ 100 слишкомъ милліоновъ гульденовъ.

Но всѣ эти массы денегъ были поглощены спекуляціей, которая жадно вбирала ихъ въ себя, точно выжатая губка. И при всемъ томъ ей еще не хватало золота для множества затѣянныхъ ею предпріятій, и процентъ дисконта за ссуды подъ векселя или залоги поднимался все выше и выше. Когда наличный запасъ капитала оказался не въ состояніи удовлетворить спросу, предъявляемому предпріятіями, обратились къ искусственному кредиту и тутъ начались такія злоупотребленія векселями, какихъ до этого еще не бывало примѣровъ; злоупотребленія эти охватили нетолько всю Сѣверную Европу, но и раскинули свою сѣть на всѣ торговые центры Сѣверной и Южной Америки.

Вскорѣ черезмѣрное напряженіе, до котораго дошла спекуляція, стало все явственнѣе и явственнѣе выражаться въ паденіи цѣнности биржевыхъ бумагъ. Свидѣтельства консолидированнаго займа, которыя въ 1853 достигли курса al pari и которыя въ 1858 г., снова опустились до 98, упали до 88, курсы акцій нѣкоторыхъ наиболѣе популярныхъ европейскихъ банковыхъ и желѣзнодорожныхъ обществъ представляли въ двухгодичный промежутокъ времени крайне рѣзкія колебанія. Такъ, акціи дармштатскаго кредитнаго общества въ маѣ 1856 г. стояли на 400 — 420, а въ декабрѣ 1857 пали до 204, акціи дессаускаго кредитнаго банка въ маѣ 1856 стоятъ на 115 — 120, а въ декабрѣ 1857 г. падаютъ до 35; акціи Credit Mobilier съ 1980, на которыхъ онѣ стоятъ въ маѣ 1856, падаютъ въ декабрѣ 1857 г. до 590—720 и т. д. и т. д.

Что касается прусскаго правительства, то оно съ самаго начала относилось съ недовѣріемъ къ этому усиленному промышленному движенію. Но и француз-

ское правительство, которое вначалѣ само разжигало эту предпринимательскую горячку, уже въ мартѣ 1856 г. увидѣло приближающуюся опасность и объявило въ оффиціальномъ извѣщеніи, что въ текущемъ году не будетъ выдавать никакихъ новыхъ концессій. Это извѣщеніе вызвало спасительный страхъ между отчаянными смѣльчаками спекуляціи; съ этого момента во Франціи начинается реакція и такъ какъ эта реакція растянулась на многіе годы, принявъ характеръ хронической болѣзни, то отъ остраго кризиса Франція была избавлена.

Въ одной статьѣ Revue Contemporaine утверждалось, что болѣе мягкія формы, въ которыхъ кризисъ проявился во Франціи, были обусловлены тѣмъ, что эксцессы спекуляціи, благодаря умѣряющему вліянію французскаго банка, не достигали въ этой странѣ такихъ размѣровъ, какъ въ другихъ государствахъ. Мы готовы допустить, что спекуляціи въ торговлѣ съ отдаленными странами,—спекуляціи, бывшія главною причиною остраго кризиса въ Гамбургѣ и въ Англіи вслѣдствіе сношеній ихъ съ Сѣверной Америкой,—во Франціи не доходили до такихъ крайностей по той причинѣ, что развитіе этого рода торговли тамъ вообще незначительно для такого государства, какъ Франція. Но за то французскія спекуляціи въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ и въ промышленныхъ предпріятіяхъ никакъ нельзя назвать незначительными, и если кризисъ не разразился внезапно и въ острой формѣ, а растянулся, какъ было замѣчено выше, на болѣе продолжительный періодъ, то это, по всѣмъ вѣроятіямъ, слѣдуетъ приписать своевременной и тайной помощи, которая была оказана французскимъ банкомъ, вопреки его уставу и не безъ вмѣшательства правительственнаго вліянія. Во всякомъ случаѣ, хотя такой исходъ кризиса былъ сопряженъ съ меньшими тревогами для правительства, въ общихъ своихъ результатахъ онъ повлекъ за собою не меньше потерь, чѣмъ кризисы въ Сѣверной Америкѣ, Германіи, Англіи, Сѣверной Германіи и Скандинавскихъ государствахъ. Если мы сосчитаемъ всю ту сумму капиталовъ, которая была израсходована Франціей въ 1854 и 1855 гг. на войну, а въ 1855 и 1856 гг. на желѣзнодорожныя предпріятія, на постройки въ Парижѣ, на горно-заводскія предпріятія и на фабрики, то мы не станемъ удивляться, что уже лѣтомъ 1856 г. началась реакція, которой пресса и торговое сословіе въ концѣ того же года приписывали характеръ кризиса. Французскій министръ финансовъ, въ виду тревожнаго настроенія публики и недоумѣній, господствовавшихъ относительно причинъ кризиса, счелъ необходимымъ представить императору отчетъ о состояніи денежнаго рынка вообще и о финансовомъ положеніи Франціи. Въ этомъ отчетѣ главною причиною кризиса выставляется усиленіе производства; паденіе курсовъ на биржевыя бумаги объясняется тѣмъ, что умножившіяся предпріятія поглотили больше капитала, чѣмъ сколько могло быть съэкономизировано изъ годовой суммы національнаго дохода, между тѣмъ какъ, одновременно съ этимъ, число бумажныхъ цѣнностей умножилось. Въ другомъ отчетѣ министра торговли

шено было ограничить этотъ слишкомъ широкій кредитъ срокомъ отъ 6 до 9 мѣсяцевъ. До этого кредитъ поглощалъ значительныя суммы капитала, хотя купецъ иногда и получалъ часть денегъ впередъ отъ торговыхъ агентовъ, служившихъ посредниками между фабрикантами и антиподами.

Благодаря этому широкому кредиту, ежегодный вывозъ товаровъ изъ Англіи возросъ въ десятилѣтній періодъ съ 60 на 120 милліоновъ ф. ст., причемъ за одинъ только 1856 г. увеличился на 10 мил. ф. ст.

Хотя число новыхъ акціонерныхъ обществъ въ Англіи сравнительно съ континентомъ было незначительно, но все же ажіотажъ и спекуляція взяли и въ этомъ году съ Англіи свою дань. Въ ряду разныхъ эфемерно-спекулятивныхъ предпріятій, продѣлки которыхъ впослѣдствіи доходили даже до суда, заслуживаетъ преимущественно упоминанія королевскій британскій банкъ, который обанкротился въ началѣ 1857 г., слѣдовательно, задолго до наступленія кризиса въ собственномъ значеніи этого слова, и директора котораго, по судебномъ разслѣдованіи всего дѣла, годъ спустя были приговорены за обманъ къ тюремному заключенію, срокомъ отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года. Слѣдствіе, производившееся весною 1857 г. въ коммерческомъ судѣ по банкротствамъ, а затѣмъ процессъ, происходившій въ началѣ 1858 г. въ уголовномъ судѣ, раскрыли страшную сѣть мошенническихъ продѣлокъ. Ни одно изъ лицъ, стоявшихъ во главѣ дѣла, не вышло изъ этого разбирательства совсѣмъ чистымъ; тѣ, которыя не дѣйствовали сами, непосредственно, въ грабежѣ, все видѣли и все знали и, съ непостижимымъ равнодушіемъ, оставались пассивными свидѣтелями происходившаго у нихъ передъ глазами.

„Тотъ, кому случалось путешествовать по французскимъ шоссейнымъ дорогамъ, знаетъ, съ какимъ наводящимъ тоску однообразіемъ тянутся аллеи тополей, которыми обсажены эти дороги",—такъ писалъ „Times" въ то время, „Вы ѣдете цѣлые часы, цѣлые дни и ничего не видите, кромѣ тополей, тополей и тополей,—покуда глазъ хватаетъ. То же самое впечатлѣніе испытываете вы и при этомъ банковомъ процессѣ. Куда ни оглянетесь, всюду вы видите мошенничество, мошенничество и опять мошенничество. Каждый изъ участниковъ этого дѣла теперь разсказываетъ съ самымъ невозмутимымъ благодушіемъ, какъ онъ воровалъ деньги изъ кармановъ акціонеровъ или безучастно смотрѣлъ, какъ ихъ воровали другіе. Они всѣ знали, въ какомъ положеніи находятся дѣла банка; но невзирая на это, еще 11 августа 1856 г. отъ главнаго секретаря было разослано циркулярное предписаніе, приглашавшее акціонеровъ довѣрять свои деньги банку и доставлять ему изъ среды публики болѣе обширный кругъ лицъ, расположенныхъ пользоваться его услугами. Вѣроятно, вслѣдствіе этого приглашенія одна бѣдная женщина,—какъ это недавно вышло наружу,—отнесла въ банкъ все свое имущество, 300 ф. ст. Не справедливо ли будетъ, послѣ этого, доставить плутамъ, знавшимъ объ этомъ обманѣ, случай пораз-

мыслить на досугѣ, за тюремными работами въ Портлэндѣ, о томъ, что̀ они надѣлали"?

Британскій королевскій банкъ былъ акціонернымъ дисконтнымъ банкомъ. Но главная его дѣятельность сосредоточивалась на операціяхъ по переводнымъ векселямъ, которые въ Лондонѣ очень распространены между людьми высшаго и средняго сословія,—т. е., онъ принималъ вклады и открывалъ вкладчикамъ текущій счетъ. Именно на этого-то рода операціяхъ и было основано самое существованіе: обыкновенно считаютъ, что банку, прежде всего, нужны капиталъ и акціонеры и что потомъ уже слѣдуютъ директора, служащій персоналъ, публика потребителей и помѣщеніе со всѣми подробностями своего устройства; но космогонія британскаго королевскаго банка представляла какъ разъ обратное: начался онъ съ ничего и закончилъ добываніемъ денегъ.

Благородная чета, отъ которой этотъ банкъ велъ свое начало, состояла изъ нѣкоего Джона Мензиса, шотландца, служившаго прежде въ статистическомъ бюро въ Эдинбургѣ, и изъ Эдуарда Мёлленса, адвоката и члена фирмы Мёлленсъ и Паддизонъ въ Бедфордской улицѣ въ Лондонѣ. Мысль объ основаніи банка зародилась у этихъ двухъ господъ при случайной встрѣчѣ, которая произошла между ними въ окрестностяхъ биржи зимою 1847—1848 г., слѣдовательно, какъ разъ подъ конецъ свирѣпствовавшаго въ то время кризиса. Мензисъ сообщилъ своему собесѣднику, что онъ носится съ мыслью основать въ Лондонѣ банкъ по шотландскому образцу. Мёлленсъ, который въ дѣлѣ проектовъ былъ человѣкъ опытный, нашелъ это дѣло подходящимъ и попросилъ прислать ему на другой день планъ задуманнаго учрежденія. На слѣдующій день шотландецъ, съ своимъ планомъ въ карманѣ, отправился къ адвокату. Юристъ одобрилъ планъ; рѣшено было его напечатать и немедленно начать подыскивать акціонеровъ. Мензисъ былъ человѣкъ безъ состоянія и затѣялъ это дѣло единственно въ надеждѣ сдѣлаться секретаремъ новаго общества; но у него были связи съ негоціантами Сити. Нѣсколько времени спустя состоялось первое собраніе; но собраніе это было такъ малочисленно и дѣла на немъ шли такъ вяло, что для учредителей стало очевидно, что на этомъ пути они далеко не уѣдутъ. Такъ какъ найти акціонеровъ не удавалось, то начали съ того, что принялись искать помѣщеніе для банка. Владѣлецъ одного великолѣпнаго торговаго помѣщенія, носившаго названіе Commercial Hall и помѣщавшагося позади биржи, давно уже искалъ покупщика для этого зданія и по преимуществу желалъ продать его какой-нибудь акціонерной компаніи. Мёлленсъ сообщилъ ему о томъ, какъ далеко подвинулось дѣло основанія банка, и обѣщалъ ему, что учрежденіе это непремѣнно изберетъ своимъ мѣстопребываніемъ его домъ. Обрадованный владѣлецъ дома обѣщалъ свою поддержку предпріятію и принялся трубить объ немъ съ своей стороны. Такимъ образомъ, мало по малу, о дѣлѣ этомъ заговорили, и вскорѣ нѣкто Роджерсъ, корабельный

агентъ, предложилъ учредителямъ уговорить двухъ или трехъ богатыхъ купцовъ-поступить въ члены правленія; при этомъ, онъ выговорилъ себѣ за услугу, что ему дадутъ 500 ф. ст., и что одинъ изъ его пріятелей получитъ мѣсто синдика при новомъ банкѣ. Мёлленсъ, который, конечно, прочилъ мѣсто синдика себѣ, дѣлать нечего, согласился послѣ нѣкотораго колебанія на раздѣленный синдикатъ, утѣшая себя поговоркой, что полхлѣба лучше, чѣмъ вовсе безъ хлѣба; обѣщаніе уплатить 500 ф. ст. было выдано въ наилучшей формѣ, какую только можно было пріискать. Между тѣмъ, владѣлецъ зданія Commercial Hall далъ временно безвозмездное помѣщеніе для совѣщаній и для разныхъ подготовительныхъ занятій. Въ то же время нашелся будущій дѣлопроизводитель въ лицѣ нѣкоего г. Эльстора, который, впрочемъ, остался во всей этой исторіи безупречнымъ. Заручившись обѣщаніемъ, что означенное мѣсто останется за нимъ, онъ пустилъ въ ходъ свои весьма значительныя связи. Но недоставало еще лица, которое обладало бы приставками буквъ: М. Р. къ своему имени (М. Р. — сокращенное: членъ парламента) — этихъ двухъ магическихъ буквъ, которыя въ Англіи служатъ оффиціальнымъ аттестатомъ респектэбельности и доставляютъ своему обладателю широкій кредитъ. Благодаря посредничеству владѣльца Commercial Hall, такой господинъ нашелся въ лицѣ гласговскаго депутата Макъ-Грегора, бывшаго секретаря торговой палаты. Присоединеніе этого достопочтеннаго господина къ возникавшему предпріятію вознаградило до нѣкоторой степени за неудачу, понесенную въ попыткѣ привлечь нѣкоторыхъ вліятельныхъ купцовъ, предложенной Роджерсомъ. Теперь дѣло уже настолько было въ шляпѣ, что можно было подумать объ отдѣлкѣ помѣщенія, о пріобрѣтеніи всего нужнаго для дѣлопроизводства и, по дорогѣ, объ удовлетвореніи еще одной потребности—о пріисканіи акціонеровъ. Договорили типографщика, литографа, бумажнаго торговца, архитектора и слесаря, причемъ всѣмъ этимъ лицамъ, въ числѣ условій договора, было вмѣнено въ обязанность подписаться на акціи банка. Для большей безопасности, весь этотъ персоналъ лицъ, конечно, безъ ихъ вѣдома, былъ нанятъ въ двойномъ комплектѣ, чтобы по возможности увеличить число людей, добивающихся доли участія въ предпріятіи. Наконецъ, рискнули созвать и общее собраніе акціонеровъ въ залѣ London Tavern съ цѣлью произвести смотръ завербованному войску. Столъ былъ покрытъ печатными программами и извѣщеніями, въ которыхъ значилось, что учредители намѣреваются немедленно обратиться къ парламенту съ ходатайствомъ о концессіи, чтобы показать участникамъ предпріятія, какъ горячо взялись они за это дѣло. Къ сожалѣнію, изъ участниковъ никто не явился, кромѣ договоренныхъ служащихъ и самихъ учредителей; между послѣдними, вдобавокъ, произошла свалка, а именно: владѣлецъ зданія Commercial Hall и г. Макъ-Грегоръ осыпали другъ друга самыми горькими упреками. Предприниматели считали все дѣло уже окончательно погибшимъ, какъ вдругъ ихъ обод-

рилъ успѣхъ, который стяжалъ одинъ изъ договоренныхъ ими типографщиковъ, подцѣпивъ на удочку въ началѣ 1849 г. такую крупную рыбу, какъ альдермэнъ, нѣкій г. Кеннеди. Этотъ успѣхъ побудилъ, наконецъ, и другихъ особъ, въ томъ числѣ двухъ членовъ парламента, поступить въ директора банка, а двухъ другихъ—принять на себя званіе попечителей (trusters, родъ почетной должности, которая не связана ни съ какими обязанностями и служитъ лишь для того, чтобы возвысить кредитъ предпріятія. Наконецъ, въ февралѣ 1849 года правленіе было составлено и г. Мёлленсъ поспѣшилъ угостить его у себя на дому, въ Бедфордъ-Роу, роскошнымъ обѣдомъ, за которымъ былъ предложенъ присутствующимъ проектъ предпріятія. Акціонеры въ то время состояли, кромѣ вышеупомянутыхъ поставщиковъ, изъ одного портнаго, который, плѣнившись надеждой попасть въ „совѣтъ директоровъ королевскаго британскаго банка“ и завѣщать, чтобы титулъ этотъ былъ вырѣзанъ золотыми буквами на его надгробномъ памятникѣ, подписался на значительную сумму. Проектъ былъ помѣченъ 17-мъ февраля 1849 г. Основной капиталъ общества долженъ былъ состоять изъ 500,000 фунтовъ ст., раздѣленныхъ на акціи, по 100 фунтовъ каждая.

Теперь настала пора выпустить предпріятіе въ свѣтъ и заманить акціонеровъ платными объявленіями въ газетахъ. Это дѣло было поручено Мёлленсу, но у него не было денегъ. Попытка добиться напечатанія объявленій въ счетъ будущихъ благъ была отклонена издателями газетъ. Наконецъ, одинъ собиратель объявленій согласился на рискованную аферу и подъ вексель, выданный г. Мёлленсомъ, взялъ на себя помѣщеніе объявленій на условіяхъ, которыя соотвѣтствовали значительности риска. Но и послѣ публикацій заявленія о желаніи подписаться на акціи приходили въ такомъ скромномъ количествѣ и такъ часто брались назадъ, что предпріятіе снова очутилось наканунѣ своего распаденія: Макъ-Грегоръ хотѣлъ выйти изъ правленія, другіе учредители уже вышли и персоналъ директоровъ мѣнялся такъ же часто, какъ тѣни въ волшебномъ фонарѣ. Въ одной брошюрѣ, напечатанной со спеціальною цѣлью разоблаченія всей этой плутни, разсказывается, что нѣкто, подписавшійся на 40 акцій и внесшій 10 процентовъ этой суммы, предлагалъ Мёлленсу 200 ф. ст., слѣдовательно, половину внесенной суммы, если онъ только выхлопочетъ ему возвращеніе этихъ денегъ и освобожденіе отъ всякихъ дальнѣйшихъ обязательствъ. Господинъ этотъ добился своей цѣли. Изъ избирательнаго округа Макъ-Грегора, Гласгова, на который въ особенности расчитывали, пришло всего на всего одно заявленіе о подпискѣ на три акціи, да и то оказалось, что приславшій заявленіе былъ обанкротившійся купецъ.

До сихъ поръ публика оставалась въ предѣлахъ благоразумнаго недовѣрія и осмотрительности; еслибы она продолжала держать себя такимъ образомъ,

то этимъ многія семейства были бы спасены отъ бѣдствія, постигшаго ихъ вслѣдствіе утраты ихъ вкладовъ.

Изъ Ньюкэсля одинъ „вліятельный человѣкъ" написалъ, что тамъ было бы очень необходимо и желательно устройство отдѣленія королевско-британскаго банка. Тотчасъ же въ Ньюкэсль былъ отправленъ Мензисъ для открытія этого отдѣленія. Чтобы сколотить деньги, необходимыя для поѣздки, Мёлленсъ написалъ вексель, который съ большимъ трудомъ удалось дисконтировать. Прибывъ въ Ньюкэсль, Мензисъ узналъ, что „вліятельный человѣкъ" занимался ремесломъ собиранія объявленій для одного мѣстнаго листка, и что объ отдѣленіи королевско-британскаго банка никто и не помышлялъ. Тѣмъ не менѣе, Мензисъ рѣшилъ попытать счастья на объявленіяхъ, и тутъ—вслѣдствіе ли необычайно-благопріятной случайности, или же благодаря ловкости, съ которою было ведено дѣло, только ему удалось собрать большое число подписей. Заручившись этимъ подкрѣпленіемъ, учредители сочли себя, наконецъ, въ силѣ приступить къ устройству банка, правда, въ уменьшенныхъ противъ первоначальнаго плана размѣрахъ, на счетъ чего состоялось между вожаками тайное соглашеніе; между тѣмъ, какъ читателю газетъ по прежнему бросалась въ глаза по нѣскольку разъ въ недѣлю цифра 500,000 ф. ст., на дѣлѣ правленіе мало по малу опустилось до установленнаго для акціонерныхъ банковъ законнаго minimum'а въ 100,000 ф., изъ которыхъ лишь половина была уплачена. Директоромъ банка былъ избранъ Гёфъ Джонсъ Кэмеронъ, секретаремъ—Мензисъ, которому принадлежала первая мысль предпріятія и который спасъ его отъ крушенія своимъ удачнымъ маневромъ въ Ньюкэслѣ. Въ президенты былъ избранъ Макъ-Грегоръ въ уваженіе къ прежнему посту, который онъ занималъ въ министерствѣ торговли. Синдикомъ сдѣлался, конечно, Мёлленсъ. Въ ноябрѣ 1849 г. королевско-британскій банкъ открылъ свои дѣйствія. Вскорѣ послѣ того Мензисъ былъ уволенъ отъ должности и въ утѣшеніе ему пообѣщали, что онъ будетъ поставленъ во главѣ заграничной отрасли банка, учрежденіе которой по счастью не состоялось. Освободившаяся вакансія была занята Мёлленсомъ, который, такимъ образомъ, могъ получать двойное жалованіе секретаря и синдика, не подвергаясь обоюдному контролю этихъ двухъ должностей. Въ одно прекрасное утро ноября 1849 г., ровно въ 10 часовъ, съ грохотомъ распахнулись въ первый разъ двери королевско-британскаго банка, съ трескомъ отворились, какъ остроумно разсказывалъ Бухеръ въ National Zeitung, желѣзныя ставни работы искуснаго слесаря и акціонера общества. Но въ 10 часовъ утра въ ноябрѣ бываетъ еще темно въ лондонскомъ Сити, а потому потоки газоваго свѣта хлынули изъ новенькихъ, съ иголочки, цилиндровъ и заиграли, отражаясь въ новыхъ столахъ изъ краснаго дерева, которые своею пятифутовой шириною удерживали публику на почтительномъ разстояніи,—заиграли въ блестящихъ мѣдныхъ ободкахъ, въ мѣдныхъ совкахъ, которыми

прикащики брали и пересыпали золото, точно зерна ячменя, въ тонкихъ и грубыхъ вѣсахъ, въ новенькихъ чернильницахъ и въ кожаныхъ переплетахъ колоссальныхъ книгъ. Кошельки съ 1,000 соверэновъ со звяканьемъ бросались на чашки вѣсовъ и затѣмъ пренебрежительно бросались подъ столъ; пачки ассигнацій перелистывались, какъ старые календари. Получатели, которымъ прикащики швыряли причитающіяся имъ деньги, пересчитывали ихъ гораздо медленнѣе и задумчиво погружали ихъ затѣмъ въ свои карманы, оглушенные всей этой суетою и ослѣпленные всѣми этими сокровищами.

Капиталъ, на который банкъ открылъ свои операціи, сводился по вычетѣ всѣхъ расходовъ на обзаведеніе, на 17 или 18 тысячъ ф. ст. Но наибольшая часть средствъ банка состояла изъ депозитовъ, потому что вкладчики нашлись во множествѣ, и дѣло мало по малу пошло хорошо. Устроили отдѣленія банка въ предмѣстьяхъ Лондона; въ концѣ года объявили восхищеннымъ акціонерамъ повышенный дивидендъ и, затѣмъ, пообѣдали въ London Tavern'ѣ. Но въ другое прекрасное утро, сентября 1856 г., ровно въ 10 часовъ, двери банка оказались еще на запорѣ и такъ болѣе и не отпирались. Повысившійся дисконтъ и ограниченіе кредита англійскимъ банкомъ, переучетомъ въ которомъ существовали многіе вексельные маклера и акціонерные банки, задушили королевско-британскій банкъ. Между тѣмъ административный персоналъ банка успѣлъ поживиться въ слѣдующихъ размѣрахъ: ревизоръ счетныхъ книгъ — на 7,000 ф. ст., президентъ Макъ-Грегоръ — на 14,000 ф. ст., директоръ Гёфъ Джонсъ Кэмеронъ — на 30,000 ф. ст., г. Гёмфри Броунъ, сдѣлавшійся директоромъ банка съ 1-го февраля 1853 г.—на 70,000 ф. ст. Исторія этого послѣдняго дѣятеля разсказана очень назидательно въ Times'ѣ: „Чтобы занять мѣсто директора, онъ долженъ былъ, въ силу устава, владѣть по крайней мѣрѣ десятью акціями въ 50 ф. каждая. Людямъ не столь высокаго ума и болѣе ограниченныхъ средствъ это требованіе устава составило бы затрудненіе, но г. Броунъ перешагнулъ черезъ него шутя. Онъ выдалъ вексель на сумму, соотвѣтствующую стоимости требуемыхъ акцій, и вексель этотъ и понынѣ не былъ оплаченъ. Затѣмъ, онъ началъ свои обороты съ того, что вложилъ въ банкъ 18 ф. 14 шиллинговъ чистыми деньгами, и на эти-то 18 ф. 14 шиллинговъ, по которымъ ему былъ открытъ текущій счетъ, онъ кредитировался мало по малу на сумму 77,000 ф. Не ранѣе, какъ въ тотъ самый день, когда онъ внесъ вышеназначенную сумму въ 18 ф. 14 шиллинговъ, ему посчастливилось занять въ банкѣ 2,000 ф. ст. подъ росписку. 12-го марта онъ получилъ новую ссуду въ 3,000 ф., 2-го мая еще ссуду въ 4,000 ф., а 16-го іюня снова занялъ 7,000 ф. 4-го сентября въ банкѣ было учтенныхъ для него векселей на сумму въ 22,000 ф. ст. Спрашивается, ради чего выдавались всѣ эти деньги г. Броуну? Кто, кромѣ его, имѣлъ какую-либо выгоду отъ этихъ ссудъ? Было бы, конечно, ребячествомъ предположить, что г. Броуну, совершенно посторон-

нему человѣку, стоило только постучаться въ двери банка, чтобы тотчасъ же добиться принятія векселя въ 500 ф., быть затѣмъ избраннымъ въ директора и перебрать изъ человѣколюбія столько денегъ, сколько ему хотѣлось. Подъ этимъ фактомъ скрывалось гораздо болѣе, чѣмъ мы знаемъ и, боимся, есть основаніе думать, что существующіе законы будутъ безсильны разъяснить эту тайну. Невольно приходитъ на умъ догадка, что тутъ происходилъ дѣлежъ добычи, хотя объ этомъ дѣлежѣ до сихъ поръ ничего и не вышло наружу.

Если откинуть долговыя обязательства вышеназванныхъ лицъ, простиравшіяся въ общей сложности на 125,000 фунт. стерл. и оказавшіяся большею частью безнадежными къ полученію, то активъ банка состоялъ главнымъ образомъ изъ копей, разработка которыхъ производилась въ убытокъ, и изъ документовъ, изъ которыхъ каждый представлялъ своего рода курьезъ. Одинъ архитекторъ, который въ компаніи съ дѣлопроизводителемъ общества, г. Кэмерономъ, спекулировалъ домами, учелъ на 10,000 ф. ст. векселей своихъ рабочихъ и эти драгоцѣнные документы хранились вмѣстѣ съ многочисленными варантами самыхъ ненадежныхъ фирмъ и съ акціями каждаго мыльнаго пузыря, каждаго гнилаго предпріятія, успѣвшаго лопнуть уже семь лѣтъ тому назадъ. Одинъ респектэбельный джентльменъ тоже открылъ себѣ въ банкѣ текущій счетъ, перебралъ значительно лишку и былъ таковъ. Оказалось, что это слуга въ гостинницѣ Золотаго Креста и что онъ скрылся въ Америку. На послѣднихъ выборахъ директора правленія, въ угоду недовольному ропоту нѣкоторыхъ акціонеровъ, избрали нѣкоего Джемса Бэринга, выдававшаго себя за родственника знаменитаго, несмѣтно богатаго банкирскаго дома. Хотя впослѣдствіи и оказалось что Бэрингъ состоитъ въ родствѣ съ этимъ домомъ лишь по общему праотцу Адаму, что онъ во время своего избранія въ директора проживалъ въ мансардѣ гдѣ-то около Пикадилли и что онъ передъ этимъ былъ выпровоженъ изъ Франціи за какую-то неумѣстную попытку исправить несправедливость къ нему судьбы, — тѣмъ не менѣе, банку грѣшно бы было жаловаться на автографъ, который онъ оставилъ ему на память о себѣ въ числѣ прочихъ активовъ, въ видѣ росписки на 2,000 ф. ст., такъ какъ обаяніе его имени помогло подцѣпить еще нѣсколько высокопоставленныхъ личностей на удочку. Пассивъ банка простирался до 250,000 ф. ст., потерею которыхъ многія семейства были повергнуты въ нищету. Изъ директоровъ и остальныхъ служащихъ нѣкоторые спаслись отъ грозившаго имъ наказанія бѣгствомъ, другіе же, какъ мы упоминали выше, были приговорены къ тюремному заключенію срокомъ отъ 3 до 12 мѣсяцевъ....

Случай этотъ былъ не единственный въ своемъ родѣ въ Англіи, но все же въ Великобританіи дѣла отличались солидностью, въ сравненіи съ тѣми спекуляціями и обманами, которые ежедневно совершались въ Америкѣ и на которые вниманіе публики обратилось лишь послѣ того, какъ кризисъ успѣлъ разразиться.

Еще весною 1857 г. Америка, судя по тамошнимъ торговымъ извѣстіямъ, была страною, которая текла медомъ и млекомъ. Казалось, что янки жили въ какомъ-то Эльдорадо и располагали вѣки вѣчные наслаждаться громадными барышами, которые имъ долгое время удавалось безъ труда наживать эксцессами спекуляціи и чрезмѣрнымъ напряженіемъ кредита. Они, съ своею обычною кичливостью, увѣряли, что событія восточной войны, обрекшія европейскую торговую дѣятельность на застой, способствовали развитію благосостоянія въ Америкѣ и необычайно оживили всѣ отрасли національной дѣятельности. Изъ множества этихъ кичливыхъ описаній достаточно упомянуть объ одномъ отчетѣ, опубликованномъ въ началѣ 1857 г. Въ этомъ отчетѣ утверждалось, что 1856 далъ такіе результаты, которымъ ничего подобнаго нельзя отыскать въ въ прошломъ. По увѣренію отчета, во всемъ замѣчался громадный прогрессъ: разработка новыхъ пространствъ земли, производительность жатвъ, размѣры фабричной дѣятельности, эксплуатація минеральныхъ богатствъ, ввозъ и вывозъ товаровъ, оснастка кораблей, кораблестроеніе, желѣзнодорожное дѣло, расширеніе и украшеніе городовъ, — словомъ все, что можетъ способствовать обогащенію большой страны, получило, по словамъ отчета, такой сильный толчекъ къ развитію, что, со времени объявленія независимости, никто, даже изъ людей, способныхъ наиболѣе далеко прозрѣвать въ будущее, не рѣшился бы предсказать такую высокую степень процвѣтанія.

И точно, съ перваго взгляда, цифры, казалось, оправдывали такой радужный взглядъ. Въ оборотахъ Нью-Іоркскаго Clearing Hause (гдѣ ежедневно наступающія взаимныя требованія торговыхъ фирмъ уравновѣшиваются, и лишь излишки, остающіеся по свѣдѣнію этихъ взаимныхъ счетовъ, выплачиваются деньгами) оказалось около 1855 г. увеличеніе на сумму въ 1,300 милліоновъ долларовъ, слѣдовательно на 30 приблизительно процентовъ. Ввозъ и вывозъ Нью-Іорка возросъ въ 1856 г., по сравненію съ предшествующимъ годомъ, на 33%, а движеніе по желѣзнымъ дорогамъ — на 20—30 процентовъ. Государственныхъ земель было продано не менѣе 17,600,000 акровъ, что составляетъ пространство, равняющееся тому, которое занимаютъ Бельгія и Голландія вмѣстѣ. Кромѣ того, конгресомъ было уступлено желѣзнодорожнымъ обществамъ, или штатамъ, намѣревавшимся позднѣе провести рельсовые пути, — до 21,700,000 акровъ, что въ общей сложности составляло 39,300,000 акровъ, т. е., пространство, равняющееся одной трети Франціи. Сельско-хозяйственная и промышленная производительность шла въ своемъ развитіи такъ же быстро, какъ и другія отрасли экономической дѣятельности: по отчетамъ, результатъ ея за 1856 г. равнялся 2,600 милліонамъ долларовъ, другими словами, утроился за 15-ти-лѣтній періодъ времени. Недвижимая собственность оцѣнивалась 11,000 милліоновъ долларовъ, населенія считалось 27 милліоновъ. Государственный долгъ за этотъ годъ уменьшился на 25%, т. е., на 30 милліон. дол.

Длина телеграфныхъ линій превышала 50,000 англійскихъ миль. Желѣзнодорожныя линіи, которыя въ 1855 г. составляли болѣе 21,000 миль, возрасли до 25,000 миль, стоимость постройки которыхъ, какъ явствуетъ изъ нижеслѣдующей таблицы, должна быть признана самою дешевою въ мірѣ:

		Англ. мил.	Стоим. постр. въ доллар.	Стоим. постр. помильно.
Соединенные Штаты	(1856)	24,195	846,825,000	35,000
Великобританія . . .	(1855)	8,297	1,487,916,420	179,000
Франція	(1856)	4,038	616,118,995	152,000
Германія	(1855)	3,213	228,000,000	71,000
Пруссія.	(1855)	1,290	145,000,000	63,000
Бельгія.	(1855)	1,005	98,500,000	30,000

Положеніе банковъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ западныхъ учрежденій этого рода, изображалось въ самомъ блистательномъ видѣ. По увѣренію отчета, все болѣе и болѣе проявлялось стремленіе соблюдать банковые законы въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ и требовать строгихъ гарантій. Въ особенности устройство такъ называемыхъ Clearing houses, — въ Нью-Іоркѣ въ 1853 г. и въ Бостонѣ въ 1855 г. — не мало способствовало предупрежденію чрезмѣрнаго выпуска бумажныхъ денегъ, — этого зла, которымъ нѣкогда были вызваны кризисы 1837 и 1839 г.г. Какъ наглядное доказательство справедливости этихъ увѣреній, приводилась сравнительная таблица состоянія банковъ въ концѣ 1855 и въ концѣ 1856 г.г.

Но, если вглядѣться поближе, именно въ этомъ съ виду блистательномъ положеніи банковъ и лежалъ зародышь ихъ погибели. Нерѣдко приходится слышать, что широкіе размѣры личнаго кредита, который дается американскими банками, составляютъ главную причину процвѣтанія этой молодой страны, такъ какъ всякій трудолюбивый и оборотливый человѣкъ получаетъ отъ банковъ капиталъ, необходимый ему для веденія задуманнаго имъ дѣла; указываютъ такъ же на то, что хотя въ Америкѣ банкротства случаются чаще, чѣмъ въ другихъ странахъ, но зато обанкротившемуся негоціанту хоть двѣнадцать разъ снова открывается кредитъ и черезъ это дается ему возможность поправиться. Этотъ принципъ былъ распространенъ и на всѣ отправленія промышленной и торговой жизни въ Америкѣ, и потому-то спекуляція въ этой странѣ и не знаетъ границъ. Въ одной изъ предшествующихъ главъ настоящей книги уже было упомянуто, что нью-іоркское законодательство ввело очень строгія постановленія, имѣвшія цѣлью предупредить чрезмѣрный выпускъ бумажныхъ денегъ. Эта мѣра удалась вполнѣ: количество обращающихся билетовъ Нью-Іоркскихъ банковъ рѣдко превышаетъ ихъ запасъ звонкою монетою и часто бываетъ даже ниже послѣдняго. Но зато банковая спекуляція съумѣла окольными путями наверстать то, чего она не могла достигать выпу-

скомъ билетовъ. Дѣло въ томъ, что, собственно говоря, основной капиталъ банковъ составляетъ наименьшую часть тѣхъ средствъ, на которыя они ведутъ свою операцію. Гораздо важнѣйшая часть состоитъ изъ депозитовъ, т. е., изъ тѣхъ суммъ, которыя публика ввѣряетъ банку за проценты, причемъ суммы эти должны быть возвращаемы владѣльцу или немедленно по востребованію, или въ извѣстный срокъ по предъявленіи требованія. Такъ какъ норма процентовъ въ сѣверной Америкѣ стоитъ выше, чѣмъ въ Европѣ, и такъ какъ банки готовы употреблять всевозможныя средства, чтобы стянуть къ себѣ капиталы, то они плотятъ проценты чрезмѣрно высокіе по отношенію къ условіямъ, установленнымъ относительно возвращенія депозитовъ. Чтобы быть въ состояніи выдавать этотъ процентъ, они должны и сами брать высокіе проценты. Но такъ какъ солидныя фирмы менѣе бываютъ расположены платить высокій процентъ, чѣмъ отчаянные спекулянты, то значительная часть кредита, даваемаго банками, попадаетъ именно въ руки этихъ послѣднихъ. Въ спокойныя времена, когда депозитные кредиторы оставляютъ свои деньги въ банкахъ, все идетъ отлично; но какъ скоро финансовый горизонтъ омрачается и въ банки начинаютъ стекаться требованія о возвращеніи депозитовъ, изъ которыхъ большая часть подлежитъ немедленному возвращенію, то банки, какъ скоро эти требованія возрастаютъ до нѣсколькихъ милліоновъ, оказываются въ невозможности собирать розданныя ими деньги съ соотвѣтствующею быстротою: если ссуды эти, какъ оно въ большинствѣ случаевъ и бываетъ, были розданы банками подъ векселя, то приходится дожидаться сроковъ истеченія этихъ векселей; если же онѣ были выданы наличными подъ залогъ бумажныхъ цѣнностей, то онѣ могутъ быть вытребованы лишь по прошествіи установленнаго срока послѣ заявленія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ срокъ истекъ, банки нерѣдко не имѣютъ возможности располагать немедленно суммами, подлежащими возвращенію, потому ли, что должники ихъ колеблются, потому ли, что представленные залоги, зачастую состоящіе изъ негодныхъ бумагъ, трудно бываетъ сбыть при стѣсненномъ положеніи денежнаго рынка. Такимъ образомъ, Нью-Іоркскіе банки, именно въ моменты кризиса, когда имъ слѣдовало бы явиться на помощь торговому сословію, бываютъ вынуждены ограничивать свой кредитъ, — и это, послѣ того какъ ими же самими во времена избытка спекуляція поощрялась самымъ непростительнымъ образомъ. Вслѣдствіе этого, чѣмъ больше оборотный капиталъ и чѣмъ обширнѣе дѣятельность этихъ банковъ, тѣмъ больше и опасность; банковые отчеты представляютъ поэтому лишь обманчивую картину дѣйствительнаго положенія кредита, какъ въ этомъ не трудно убѣдиться, заглянувъ въ отчеты нью-іоркскихъ банковъ. Изъ этихъ отчетовъ явствуетъ, что какъ разъ въ тотъ моментъ, когда разразился кризисъ 22-го августа 1857 г., сумма выданныхъ банками ссудъ превышала на 12 милліоновъ весь капиталъ ихъ, считая и металлическій запасъ, и билеты, и депозиты, что, слѣдовательно,

банки, въ придачу къ той неосмотрительности, съ которой они расточали свой кредитъ, еще, по всѣмъ вѣроятіямъ, прибѣгали и къ злоупотребленію векселями, въ размѣрѣ вышеозначенной суммы. Между тѣмъ, мы видимъ, что, одновременно съ этимъ, отношеніе билетовъ къ металлическому запасу отличалось самою строгою солидностью. Позднѣйшая пріостановка платежей банками была вызвана отнюдь не билетами, которые непрерывно обмѣнивались на золото, а внезапно нахлынувшею массою требованій о возвращеніи депозитовъ.

Для того, чтобы Нью-Іоркскіе банки могли стать на прочную ногу, по нашему мнѣнію, необходимо положить въ основаніе ихъ дѣятельности слѣдующія начала: во-первыхъ, они должны сдѣлаться осмотрительнѣе въ дѣлѣ открываемаго ими кредита, чтобы, съ одной стороны, не выдавать ссудъ ненадежнымъ заемщикамъ, отъ которыхъ они или вовсе не могутъ получить своихъ денегъ обратно, или не могутъ получить въ надлежащее время, а такъ же, чтобы не поощрять безумія спекуляціи. Во-вторыхъ, банки должны, въ обезпеченіе тѣхъ депозитовъ, которые подлежатъ возврату безъ предварительнаго увѣдомленія, т. е., немедленно по востребованіи, держать сильный резервъ наличныхъ денегъ; слѣдовательно, они не должны раздавать въ ссуды всѣ депозиты, а лишь тѣ, которые поступаютъ къ нимъ подъ условіемъ предварительнаго увѣдомленія о возвратѣ. Въ-третьихъ, на депозиты, подлежащіе немедленной оплатѣ по предъявленіи требованія, банки не должны выдавать процентовъ, потому что именно эти обязательства, вынуждающіе банки, въ свою очередь, раздавать эти депозиты въ ссуды, бываетъ главною причиною того затрудненія, въ которое попадаютъ банки, какъ скоро, въ эпохи кризиса, внезапно поступаетъ масса требованій о возвращеніи депозитовъ. Въ-четвертыхъ, въ отношеніи депозитовъ, поступающихъ подъ условіемъ предварительнаго увѣдомленія о возвратѣ, банки должны ввести различіе въ размѣрахъ процентовъ за депозиты, смотря по большей или меньшей продолжительности срока для такого увѣдомленія, такъ чтобы, напр., депозиты, для возвращенія которыхъ назначенъ шестимѣсячный срокъ по предварительномъ увѣдомленіи, давали большій процентъ, чѣмъ тѣ, для которыхъэтотъ срокъ опредѣленъ въ три мѣсяца. Только при этихъ условіяхъ обороты съ депозитами могутъ производиться на надежныхъ основаніяхъ.

Намъ кажется также, что гарантія, установленная нью-іоркскимъ законодательствомъ для билетовъ, не во всѣхъ обстоятельствахъ можетъ достигать своей цѣли. Государственныя бумаги, служащія обезпеченіемъ билетовъ, въ эпохи кризиса могутъ быть продаваемы лишь съ большими потерями, а иногда, если онѣ слишкомъ большими массами поступаютъ на рынокъ, то онѣ, какъ это особенно часто случается въ Америкѣ, и вовсе не идутъ съ рукъ; такимъ образомъ, бумаги эти какъ разъ въ моментъ кризиса и не представляютъ никакой гарантіи, хотя законъ именно въ виду кризисовъ и установилъ это требованіе. Дѣйствительною гарантіею можетъ служить лишь запасъ наличныхъ

денегъ. Значительнымъ размѣромъ этого запаса Нью-Іоркскіе банки гораздо болѣе обязаны кредитомъ своихъ билетовъ, нежели облигаціямъ, оставляемымъ въ залогъ государственнаго контролера.

Итакъ, *значительный запасъ звонкой монеты*, который долженъ быть накопляемъ преимущественно во времена низкаго дисконта, что, въ то же время, служитъ для обузданія спекуляціи, указанныя выше *мѣры предосторожности* относительно *депозитовъ*, и *осмотрительность* при *дисконтированіи* векселей, причемъ всѣ документы, заставляющіе предполагать дутую сдѣлку, должны быть устраняемы отъ учета,—также, по нашему мнѣнію, единственныя средства, которыя помогутъ утвердить на прочныхъ основаніяхъ банковое дѣло въ Америкѣ и положить дѣйствительную узду на безумныя спекуляціи, свирѣпствующія тамъ безпрестанно возвращающимися повѣтріями.

Тѣ ограниченія, которымъ былъ подвергнутъ выпускъ билетовъ нью-іоркскихъ банковъ, какъ кажется, нашли мало подражателей въ другихъ штатахъ; тогдашній президентъ Бухананъ, который въ дѣлѣ банковой политики былъ вѣрнымъ послѣдователемъ генерала Джэксона, въ своемъ посланіи 5 декабря 1857 г. приписываетъ причину кризиса прямо „безумной и полной недостатковъ системѣ бумажныхъ денегъ и банковаго кредита, которая поощряетъ націю заниматься спекуляціями и биржевой игрою". Президентъ Бухананъ, правда, имѣлъ не совсѣмъ ясное, повидимому, понятіе о дѣлѣ, потому что онъ въ своемъ обличеніи смѣшивалъ кредитныя операціи банковъ съ выпускомъ билетовъ; тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя изъ его указаній имѣютъ историческій интересъ. Такъ, онъ говоритъ, что потрясенія должны неизбѣжно возвращаться періодически, пока количество обращающихся бумажныхъ денегъ, банковыя ссуды и дисконтъ предоставлены въ распоряженіе 1400 банковыхъ учрежденій, ни передъ кѣмъ не отвѣтственныхъ и, по самому характеру своему, склонныхъ ставить интересъ своихъ акціонеровъ выше общаго блага. Затѣмъ, Бухананъ снова приводитъ тѣ доводы, которые высказаны были его предшественниками, генералами Джэксономъ и Ванъ-Бьюреномъ, противъ чрезмѣрнаго обилія бумажныхъ денегъ въ обращеніи, а именно: что основатели конституціи, именно съ цѣлью обезпечить странѣ правильное орудіе обмѣна, запретили отдѣльнымъ штатамъ чеканить монету и выпускать бумажныя деньги; что, между тѣмъ, это запрещеніе нарушается банками, дѣйствующими въ качествѣ частныхъ учрежденій, такъ какъ банки чрезмѣрнымъ умноженіемъ своихъ билетовъ вытѣсняютъ звонкую монету изъ страны, повышаютъ цѣны на товары и на заработную плату и черезъ это мѣшаютъ мѣстнымъ фабрикантамъ конкуррировать на отечественныхъ рынкахъ съ иностранными издѣліями.

Но доводы эти, въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, уже оказывались несостоятельными, такъ какъ въ Нью-Іоркѣ нельзя уже было пожаловаться на

наплывъ бумажныхъ денегъ въ обращеніи, а между тѣмъ Нью-Іоркъ, какъ первый торговый городъ союза, имѣлъ рѣшающее значеніе въ вопросахъ этого ряда.

Болѣе основательнымъ представляется другое мнѣніе, высказанное въ посланіи, а именно, что банки должны держать такой запасъ звонкой монеты, который обезпечивалъ бы уплату ими своихъ билетовъ золотомъ или серебромъ во всякое время и при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Какъ на примѣръ чрезмѣрнаго расширенія банковаго кредита, указывалось на тотъ фактъ, что банки, сравнительно съ теперішними размѣрами ихъ капитала, билетовъ и депозитовъ, имѣютъ гораздо меньшій запасъ звонкой монеты, чѣмъ тотъ, который имѣлся до открытія калифорнскихъ золотыхъ розсыпей. Далѣе, въ посланіи указывалось на примѣръ англійскаго банка, въ которомъ принято за правило держать въ запасѣ наличными деньгами сумму, соотвѣтствующую одной трети билетовъ, находящихся въ обращеніи; между тѣмъ, область, на которую распространяется дѣятельность англійскаго банка, гораздо обширнѣе, такъ какъ она охватываетъ всю Великобританію и, отчасти, европейскій континентъ. Операціи же каждаго изъ 1400 американскихъ банковъ ограничиваются незначительнымъ пространствомъ, и въ какіе-нибудь два, три дня владѣльцы билетовъ могутъ предъявить такія массы послѣднихъ къ уплатѣ, что банкъ будетъ вынужденъ пріостановить свои платежи въ томъ случаѣ, еслибы онъ имѣлъ въ запасѣ наличными деньгами одну треть суммы, необходимой для покрытія его ближайшихъ обязательствъ. Между тѣмъ, продолжало посланіе, ни одному изъ американскихъ банковъ, кромѣ луизіанскаго, не вмѣнено въ обязаность его уставомъ соблюдать какое-нибудь опредѣленное соотношеніе между запасомъ наличныхъ денегъ, количествомъ обращающихся билетовъ и имѣющихся въ банкѣ депозитовъ. Какія же послѣдствія проистекаютъ отъ этого? Въ одномъ отчетѣ о состояніи банковъ, представленномъ въ департаментъ финансовъ, запасъ звонкой монеты во всѣхъ банкахъ Соединенныхъ Штатовъ показанъ за 1857 г. въ 58,349,838 долларовъ, сумма обращающихся билетовъ — въ 214,778,822 доллара, а количество депозитовъ—въ 230,351,352 д. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что банки эти въ среднемъ выводѣ имѣютъ запаса звонкой монетой, по отношенію къ суммѣ билетовъ и депозитовъ, въ пропорціи гораздо меньшей, чѣмъ 1 долларъ на 7. Поэтому, было вполнѣ естественно, что они при первомъ же толчкѣ нашлись вынужденными пріостановить свои платежи, и остается только удивляться, какъ имъ удалось продержаться такъ долго,—такъ какъ требованіе уплаты наличными деньгами лишь одной седьмой ихъ обязательствъ должно было вынудить ихъ къ пріостановкѣ платежей. Этимъ соотношеніемъ между наличнымъ запасомъ и обязательствами банковъ объясняется вся ихъ исторія за послѣднія 40 лѣтъ: то была исторія чрезмѣр-

наго расширенія операцій, за которымъ, по необходимости, слѣдовало разорительное ограниченіе этихъ операцій.

Руководимый желаніемъ устранить злоупотребленія банковаго дѣла, Буханапъ обращался къ патріотизиму и благоразумію отдѣльныхъ штатовъ. Онъ убѣждалъ ихъ, если они хотятъ обезпечить торговлѣ прочное основаніе, возвысить достоинство отдѣльныхъ банковыхъ билетовъ сначала до 20, а позднѣе — до 50 долларовъ и издать постановленія, которыми банки обязывались бы на каждые три доллара билетовъ и депозитовъ имѣть по крайней мѣрѣ 1 долларъ въ кассѣ серебряною или золотою монетою, а въ случаѣ остановки платежей подвергались бы конкурсу такъ же, какъ и всякій купецъ. По мнѣнію президента, если эти постановленія будутъ строго соблюдаться и каждый банкъ будетъ еженедѣльно публиковать отчеты о положеніи своихъ дѣлъ, то этого будетъ достаточно для предупрежденія остановокъ платежей въ будущемъ. Президентъ настаивалъ на томъ, что конгрессъ имѣетъ право издать общій законъ о конкурсномъ управленіи надъ всѣми несостоятельными банками и совѣтовалъ конгрессу скорѣе заняться составленіемъ такого закона. Основнымъ правиломъ существованія каждаго банка должно быть то, что каждая остановка платежей влечетъ за собою прекращеніе существованія банка. Тогда инстинктъ самосохраненія побудитъ эти учрежденія исполнять свои обязаности такъ, чтобы не подвергать себя опасности гражданской смерти. По мнѣнію Буханана, дѣятельность банковъ и употребленіе банковыхъ билетовъ до такой степени срослись съ привычками народа, что объ уничтоженіи ихъ нечего и думать. Но еслибы дѣятельность ихъ ограничили свойственнымъ имъ кругомъ дѣятельности и предохранили ихъ отъ безумныхъ спекуляцій и чрезмѣрной щедрости въ дѣлѣ ссудъ и выпуска билетовъ, то они могли бы принести публикѣ пользу. Таковъ, по словамъ президента, былъ результатъ, къ которому привело его продолжительное и внимательное изслѣдованіе вопроса; но еслибы было возможно пользоваться выгодами, которыя приносятъ хорошо органиванные банки, не подвергаясь въ тоже время тѣмъ убыткамъ, которые до сихъ поръ банки причиняли Америкѣ, то, по мнѣнію президента, было бы гораздо лучше совсѣмъ отнять у нихъ право выпуска билетовъ и ограничить ихъ дѣятельность дисконтными операціями и пріемомъ депозитовъ.

Но, независимо отъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, наиболѣе глубоко лежащею причиною послѣдующаго кризиса,—причиною, дѣйствовавшею издалека, было, какъ уже мы замѣтили выше, добываніе золота въ Калифорніи. Съ открытіемъ этихъ золотыхъ розсыпей у американцевъ произошелъ полнѣйшій переворотъ всѣхъ экономическихъ привычекъ и взглядовъ. Жажда скораго обогащенія возрасла до громадныхъ размѣровъ. Спекуляція, соблазняемая грудами золота, которыя постоянно притекали изъ Америки, и торопясь ихъ какъ можно скорѣе пустить въ оборотъ, вскорѣ стала смѣшивать золото съ капи-

таломъ. Когда золота не хватило, она пускала въ ходъ суррогатъ,—бумажныя деньги и векселя. Предпринимали постройки желѣзныхъ дорогъ въ гигантскихъ размѣрахъ, всюду разработывали минеральныя богатства и строили фабрики. Но при-этомъ забывали, что не золотые и не бумажные доллары кормятъ работниковъ, которые исполняютъ земляные работы, дѣлаютъ рельсы и изготовляютъ разнообразные сырые матеріалы и орудія, требующіеся для исполненія всѣхъ этихъ предпріятій; забывали, что деньги суть лишь представитель и орудіе для обмѣна капитала, а не самый капиталъ; забывали, что послѣдній состоитъ изъ продуктовъ, необходимыхъ для существованія, и изъ орудій производства, посредствомъ которыхъ работники, осуществляющіе новое предпріятіе, должны быть прокармливаемы и вооружены для цѣлей производства; забывали, наконецъ, что дѣйствительный запасъ капитала, въ этой реальной его формѣ, не такъ великъ, какъ можно было предполагать, судя по новосозданнымъ денежнымъ запасамъ.

Никогда антагонизмъ между частнымъ и общегосударственнымъ интересомъ и противоположность между частнымъ и національнымъ богатствомъ не выступали такъ рѣзко, какъ въ эту эпоху. Частныя лица могутъ обогащаться черезъ умноженіе денегъ, но государства — нѣтъ; частныя лица могутъ выигрывать отъ рискованныхъ спекуляцій, причиняющихъ убытки другимъ, государства же нѣтъ. Вся совокупность общества можетъ извлекать пользу лишь изъ реальнаго производства, но отнюдь не изъ фиктивныхъ предпріятій. Но въ сѣверной Америкѣ частный интересъ шелъ впереди общегосударственнаго интереса, а потому спекуляція развивалась съ самою необузданною силою и не знала границъ. Безъ сомнѣнія, было осуществлено много серьезныхъ и полезныхъ предпріятій, но этимъ спекуляція не ограничивалась; разъ отвѣдавъ прелестей наживы, она не знала удержу. Вскорѣ перестали довольствоваться настоящимъ и начали эскоитировать будущее. Приступили, какъ пишетъ нью-іоркскій корреспондентъ Allgemeine Zeitung, „къ самымъ дерзкимъ предпріятіямъ. Стали прокладывать желѣзныя дороги черезъ пустыни, гдѣ никакихъ торговыхъ сношеній не могло существовать; стали строить города въ мѣстностяхъ съ безплодною почвою, заводить пароходныя сообщенія тамъ, гдѣ никакой прибыли отъ этого нельзя было ожидать, устраивать банки, не обезпеченные наличнымъ капиталомъ“. Приступали къ разработкѣ минеральныхъ богатствъ, не заручившись рынками для сбыта добытыхъ произведеній, строили фабрики и лишь послѣ того, какъ онѣ были выстроены, открывали, что рабочихъ для нихъ негдѣ достать, или что имъ не подъ силу выносить конкуренцію европейскихъ продуктовъ. Въ то же время, роскошь, развивавшаяся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, поощряла иностранныхъ торговцевъ наводнять Америку своими продуктами, такъ что наплывъ послѣднихъ сталъ вдвое превышать дѣйствительно существовавшую на нихъ потребность.

Рука объ руку съ этою жаждою быстраго обогащенія, съ этою лихорадочною поспѣшностью снова ставились на карту въ самыхъ безумныхъ предпріятіяхъ нажитыя богатства, шло гигантскими шагами и развращеніе нравовъ. Послѣ того, какъ за три года передъ тѣмъ, одинъ изъ директоровъ Нью-гэвенской желѣзнои дороги (Шюйлеръ) похитилъ около двухъ милліоновъ, случаи этого рода, хотя и не въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, стали повторяться сотнями. Нью-Іоркскій „Times", который, вообще говоря, отличался большимъ умѣніемъ замаскировывать непріятныя истины, сознавался, что въ сущности на всѣхъ американскихъ желѣзныхъ дорогахъ, у всего желѣзнодорожнаго персонала, отъ президента до послѣдняго качегара, самый грубый и наглый обманъ вошелъ въ обычай, что у каждаго изъ служащихъ, рядомъ съ тою совѣстью, которую онъ берегъ для частныхъ своихъ дѣлъ и которая, быть можетъ, и отличалась необыкновенною щепетильностью, выработалась еще особая, желѣзнодорожная совѣсть; что никогда еще не былъ построенъ ни одинъ локомотивъ безъ того, чтобы фабрикантъ, его строившій, не сунулъ президенту желѣзнодорожной компаніи тысячи двѣ долларовъ магарычу, никогда еще не была поставлена бочка сала для смазки вагонныхъ колесъ безъ того, чтобы служащее лицо, завѣдующее этимъ дѣломъ, не получило отъ поставщика на водку. Словомъ, управленіе этими большими финансовыми и промышленными предпріятіями шло такъ же какъ и государственное и комунальное управленіе: и тамъ, и здѣсь обманъ и воровство составляли норму. Въ финансовой сферѣ происходила война всѣхъ противъ всѣхъ, въ которой средства пускались въ ходъ безъ разбора. Отъ всякаго протеста нравственнаго чувства избавлялись просто тѣмъ, что перевертывали вверхъ дномъ общепринятыя начала нравственности. Никому и въ голову не приходило вознегодовать, когда разсказывали, что тотъ или другой чиновникъ, кассиръ или какое-нибудь иное должностное лицо, пользующееся общественнымъ довѣріемъ, наживаетъ деньги; напротивъ, это во всѣхъ случаяхъ принималось какъ дѣло вполнѣ естественное и само собою разумѣющееся; и на честность, не поддающуюся соблазнамъ, если таковая оказывалась, смотрѣли какъ на курьезъ, частью съ насмѣшливой улыбкой, частью съ изумленіемъ.

Послѣ кризиса, конечно, у всѣхъ раскрылись глаза и люди съ ужасомъ очнулись отъ своего опьяненія. Даже печать, которая своимъ хвастливымъ тономъ поддерживала американское самомнѣніе и поощряла деморализацію, принялась бичевать злоупотребленія и именно въ безпощадности этихъ обличеній лежитъ залогъ поворота къ лучшему.

Газета „New-Iork Herald" (во главѣ которой, замѣтимъ мимоходомъ, стоитъ редакторъ далеко не катоновской строгости въ дѣлѣ нравственности) высказалась въ маѣ 1857 г. слѣдующимъ образомъ о своихъ соотечественникахъ: „То, что можно сказать о Нью-Іоркѣ, примѣнимо и ко всей странѣ. Обогатиться безъ труда—такова въ настоящее время жизненная цѣль, къ ко-

торой стремится громадное большинство американцевъ. Роскошные дома, роскошные экипажи, роскошныя одежды, таковы пружины соціальной жизни. Дѣлать милліонные обороты товарами, накупать на милліоны бумагъ и эксплуатировать патенты и желѣзнодорожныя предпріятія, таково главное занятіе сотенъ тысячъ людей. Поэтому, ремесленная дѣятельность находится всецѣло въ рукахъ эмигрантовъ. Эмигранты обжигаютъ наши кирпичи, строятъ и украшаютъ наши дома, между тѣмъ, какъ молодая Америка предается безумнымъ и, нерѣдко, противозаконнымъ дѣламъ. Револьверы носятъ въ карманѣ и пускаютъ въ ходъ безъ зазрѣнія совѣсти. Мѣста общественныхъ увеселеній кишатъ разбойниками и ворами. Дошло до того, что нельзя ночью выйти безъ страха изъ своего дома и самыя возмутительныя убійства какъ будто осмѣиваютъ карающую власть правосудія. Наши тюрьмы переполнены и, кажется, почти что только отъ суда Линча остается ожидать спасенія. Наши законы похожи на паутину; деньги дѣлаютъ все: онѣ подкупаютъ судей и вербуютъ полицію въ сообщницы преступленія. Похищенія и подлоги, даже на государственной службѣ, сдѣлались явленіемъ обычнымъ. Общественныя кассы приходится охранять самымъ энергичнымъ образомъ и въ частныя жилища безнаказанно врываются воры. Даже наши ученыя и благотворительныя учрежденія служатъ грязнымъ цѣлямъ личной корысти, подкупъ царитъ во всѣхъ органахъ мѣстнаго управленія, противозаконные избирательные бюллетени оскверняютъ урны во время политическихъ выборовъ и подкупу открытъ доступъ къ представителямъ народа. Въ тѣхъ случаяхъ, когда назначается слѣдствіе, оно только напускаетъ туману и разрѣшается обыкновенно ничѣмъ. Между тѣмъ, какъ отдѣльныя церкви увѣшаны золотомъ и серебромъ, сто тысячъ бѣдныхъ лишены храма для своихъ молитвенныхъ собраній. Религія поддалась развращенію наравнѣ съ политической и съ соціальной жизнью. Какъ же намъ выйти изъ этого положенія? Теорія, на которой построены наши учрежденія, сама по себѣ хороша; но намъ вмѣстѣ съ Гораціемъ приходится задаться вопросомъ: „Quid leges sine moribus sanae proficiunt"?

Съ этимъ взглядомъ совершенно совпадаютъ и наблюденія, сдѣланныя бременскимъ консуломъ въ Нью-Іоркѣ. Онъ тоже приписываетъ причины кризиса безуміямъ той спекуляціи, которая строила соперничествующія линіи желѣзныхъ дорогъ на занятыя деньги, выплачивала дивиденды тоже занятыми деньгами, и скупала громадные запасы хлопка, сахара, кофе и хлѣба, причемъ производители получали отъ 50 до 100 процентовъ. Далѣе, тотъ же свидѣтель видитъ причины кризиса: въ спекуляціяхъ на государственныя земли, въ постройкахъ новыхъ городовъ въ пустыняхъ Запада,—постройкахъ обходившихся страшно дорого и производившихся на занятыя деньги, — въ сооруженіи громадныхъ кораблей въ кредитъ, въ бумажныхъ деньгахъ, обрѣтавшихся во всѣхъ карманахъ и въ страсти къ роскоши и наслажденіямъ, развившейся на этой

бумажной подкладкѣ; но болѣе всего онъ винитъ за кризисъ тѣ злоупотребленія кредитомъ, къ которымъ приводила эта болѣзненная жажда быстраго обогащенія. Развитіе этого болѣзненнаго стремленія къ наживѣ особенно сказывается въ той склонности, которая все болѣе и болѣе усиливается между природными американцами,—склонности скучиваться въ большихъ городахъ, бросать для городскихъ ремеселъ земледѣліе, при помощи котораго отцы ихъ медленно достигали богатства, или, по крайней мѣрѣ, достатка, и предоставлять отцовское наслѣдіе эмигрантамъ, прибывающимъ изъ Европы. А также обвиненіе американскихъ женщинъ въ томъ, что онѣ, своею необузданною любовью къ роскоши способствовали кризису, совсѣмъ не такъ нелѣпо, какъ оно можетъ показатьзя съ перваго взгляда. Высказывавшіе это обвиненіе только смѣшивали симптомъ съ причиною; какъ симптомъ, между тѣмъ, страсть американскихъ женщинъ къ нарядамъ должна была возбуждать серьозныя опасенія тѣми размѣрами, до которыхъ она доходила. Это явствуетъ изъ сравненія между ввозомъ такихъ предметовъ, которые находятъ себѣ сбытъ исключительно между дамами, съ такими, которые предназначаются для удовлетворенія мужскихъ прихотей. Въ 1856—57 г. ввозъ тѣхъ и другихъ предметовъ представлялъ слѣдующія цифры.

Дамскіе товары.	Доллары.	Мужскіе товары.	Доллары.
Шелковыя матеріи . . .	28,699,681	Спиртные напитки . . .	3,963,725
Вышитыя издѣлія . . .	4,443,175	Вина.	4,272,205
Кружева	1,129,754	Табакъ и сигары	5,582,557
Шали	2,246,351	Итого .	13,818,487
Соломенныя шляпы и т. п.	2,246,928		
Перчатки	1,559,322		
Драгоцѣнные каменья .	503,633		
Итого . .	40,828,844		

Болѣе 100 милліоновъ гульденовъ, затрачиваемые въ одинъ только годъ на наряды, представляютъ весьма почтенную сумму, въ особенности если мы вспомнимъ, что въ приведенной нами таблицѣ выставлены цѣны лишь оптовой продажи, и что товары эти покупщикамъ, пріобрѣтавшимъ ихъ въ розничной продажѣ, должны были обходиться гораздо дороже; не надо также забывать, что стоимость туалетныхъ принадлежностей значительно увеличивается множествомъ предметовъ, не вошедшихъ въ вышеприведенную таблицу, какъ то: искусственные цвѣты, духи, французская обувь, мѣховые наряды, — а также, что значительныя суммы, затрачивавшіяся на модные товары, которые провозились безпошлинно, при себѣ, лицами возвращавшимися изъ Европы, не показаны вовсе въ оффиціальныхъ таможенныхъ отчетахъ.

Если мы изо всѣхъ товаровъ, которые служили предметомъ спекуляціи, остановимся на одномъ только сахарѣ, то это уже дастъ намъ возможность судить о размѣрахъ, которыхъ достигала необузданность спекулянтовъ. Ввозъ сахара разныхъ сортовъ простирался въ 1856 — 57 году до 776,868,842 фунтовъ, стоимостью на 42,770,330 долларовъ. Изъ этого количества было вывезено 14,731,802 фунлъ стоимостью на 1,180,263 д. Итакъ, въ 1856 — 57 г. ввозъ превосходилъ вывозъ на 41,590,067 долларовъ, между тѣмъ, какъ въ 1855—1855 г. ввозъ представлялъ излишекъ лишь въ 13,663,017 долларовъ, Слѣдовательно, за одинъ только 1856 — 1857 годъ было истрачено на сахаръ двадцатью семью милліонами болѣе, чѣмъ въ предыдущій годъ, что объясняется, правда, не одними излишествами спекуляціи, искусственно поднимавшей цѣны, но и полнѣйшимъ неурожаемъ американскаго тростника въ 1856 г.

Чтобы дать понятіе о тѣхъ разнообразныхъ плутняхъ, которыя продѣлывались передъ наступленіемъ кризиса, вышеназванный отчетъ Бременскаго консула приводитъ слѣдующій характеристичный примѣръ. Законодательное собраніе штата Канзаса, въ числѣ прочихъ концессій, выданныхъ имъ на банки въ теченіе 1856—1857 г., разрѣшило учрежденіе банка и въ Лекомптонѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобы губернаторъ предварительно удостовѣрился въ наличности требовавшагося для этого предпріятія капитала въ 50,000 долларовъ. Лекомптонскій банкъ былъ открытъ лѣтомъ 1857 г., но передъ этимъ подстроили дѣло такъ, что, вмѣсто установленныхъ 50,000 долларовъ, было на лицо только 2000, въ двухъ мѣшкахъ, по 1000 д. въ каждомъ; чтобы обмануть губернатора, каждый изъ этихъ мѣшковъ, послѣ того, какъ находившіяся въ немъ деньги были пересчитаны и пока считали деньги въ другомъ мѣшкѣ, выбрасывался въ одну дверь и вносился опять въ другую, чтобы съизнова подвергался провѣркѣ.

Америка успѣла уже сдѣлаться главнымъ рынкомъ для сбыта всѣхъ предметовъ роскоши, изготовлявшихся въ Европѣ, но спекуляція перецѣнивала вдвое и втрое дѣйствительную потребность, существовавшую на эти предметы въ Америкѣ. Ввозъ товаровъ въ Нью-Іоркъ, возрасшій уже съ 1851 по 1855 гг. на 50—60 процентовъ, принялъ въ 1856 г. и въ 1 полов. 1857 г. совсѣмъ уже ни съ чѣмъ несообразные размѣры. Невзирая на это, спекуляціи удалось, посредствомъ задержанія товаровъ въ складахъ, еще поднять цѣны въ 1857 г. среднимъ размѣромъ на 7%, а для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ предметомъ на 20 и на 30%. Журналъ Deutsche Vierteljahrsschrift взялъ на себя трудъ прослѣдить въ прейскурантѣ „Нью-Іоркской торговой газеты“, начиная съ декабря 1856 г., цѣны 27 важнѣйшихъ предметовъ торговли. Оказывается, что цѣны эти почти безъ исключенія стояли по наступленіи кризиса, 25 ноября 1857 г. ниже курса 14 декабря 1856 г. Большинство предметовъ понизилось въ цѣнѣ на 20—30 про-

желѣзнодорожныхъ акцій и облигацій, а также банковыхъ акцій падали съ стремительной быстротою; въ нѣсколько недѣль это паденіе дошло до 10, 20, 30 и 50%. Биржевой міръ, который въ критическія минуты хватается за соломенку, возлагалъ свои надежды на получку значительной суммы денегъ, которая была послана изъ Европы съ пароходомъ Central America. Но гибель этого парохода еще увеличила недовѣріе, такъ что дѣла вскорѣ окончательно стали. Паника была такъ велика, что гибель нѣсколькихъ сотъ людей, потонувшихъ вмѣстѣ съ деньгами во время крушенія парохода, прошла почти незамѣченной.

Что касается самихъ банковъ, то они введеннымъ ограниченіемъ кредита нетолько не предотвратили отъ себя послѣдствія кризиса, но еще накликали бѣду на свою голову. Уже въ концѣ августа дисконтъ повысился до 24%. По 26-е сентября банками было извлечено изъ обращенія около 16-ти милліоновъ долларовъ, но этимъ они только повредили самимъ себѣ, такъ какъ недовѣріе къ нимъ стало быстро возрастать, и вклады, ввѣряемые имъ, стали соотвѣтственно съ этимъ уменьшаться. Купцы, вынужденные разсчитывать только на самихъ себя, нѣкоторое время держались довольно хорошо, но когда, въ послѣдней недѣлѣ сентября, банки Пенсильваніи и Мэрилэнда, а съ ними вмѣстѣ и многія первоклассныя фирмы Филадельфіи, пріостановили свои платежи, то и нью-іоркскій торговый міръ не могъ долѣе устоять и банкротства сдѣлались столь же многочисленны, сколько и значительны по своимъ размѣрамъ. Уже къ 30-му сентября до 109 торговыхъ домовъ въ Бальтиморѣ, Бостонѣ, Нью-Іоркѣ и Филадельфіи объявили себя несостоятельными на сумму отъ 100,000 до 3,000,000 дол. Около 40 банковъ могли считаться окончательно погибшими; 175 банковъ пріостановили выдачу ввѣренныхъ имъ депозитовъ и оплату своихъ билетовъ звонкою монетою; пониженіе бумажныхъ цѣнностей на биржѣ дошло до 20—25%; дисконтъ сталъ на непомѣрной высотѣ, многія фабрики были закрыты, многія тысячи рабочихъ лишились заработка. Недовѣріе было всеобщее и еще усиливалось смутными слухами, какіе всегда возникаютъ въ минуты кризиса. Токово было положеніе, до котораго дошли дѣла.

Каждый день приносилъ вѣсть о новыхъ банкротствахъ. На фондовой биржѣ курсы самыхъ надежныхъ бумагъ пали до небывалыхъ размѣровъ. За пониженіемъ бумажныхъ цѣнностей послѣдовало столь же быстрое паденіе цѣнъ на товары. Въ нью-іоркскихъ банкахъ еще имѣлся запасъ звонкой монеты въ 13 мил. дол.; банки эти еще продолжали съ неутомимою твердостью держаться своей системы и уменьшили размѣръ своихъ ссудъ къ 10-му октября на 20 милліоновъ. Между тѣмъ, настало 4-е октября съ своими значительными платежами, и хотя этотъ тяжелый день, какъ утверждаетъ „Нью-Іоркская торговая газета“, прошелъ благополучнѣе, нежели можно было ожидать, тѣмъ не менѣе, на слѣдующей недѣлѣ оказалось полное исчезновеніе довѣрія. Дис-

контъ достигъ неслыханной высоты отъ 60 до 100%; вскорѣ онъ поднялся еще выше и сдѣлалось невозможно добыть деньги подъ обезпеченіе даже самыхъ надежныхъ бумагъ и ни за какіе проценты. Возбужденіе достигло высшей степени; пріостановка платежей превратилась въ настоящую эпидемію.

Тогда началась отчаянная давка у дверей банковъ. Даже совершенно надежныя сберегательныя кассы брались приступомъ. 9-го и 12-го декабря два нью-іоркскіе банка пріостановили свои платежи. Тутъ возбужденіе публики и отчаяніе купцовъ обратилось противъ нью-іоркскихъ городскихъ банковъ, которые ежедневно усиливаемымъ ограниченіемъ своего дисконта еще болѣе ухудшили положеніе, чѣмъ то было нужно. Утромъ 13-го октября запасъ звонкой монеты въ банкахъ спался до $5^1/_2$ мил. дол. Купцы сговорились между собою разомъ потребовать всѣ свои вклады и устроили такимъ образомъ положительный „набѣгъ“ (run) на государственные банки. Тревога и смятеніе были страшныя. Первый приступъ, по описанію корреспондента Times'a, былъ направленъ на маленькіе банки, по ту сторону Уоль-Стрита, кредитовавшіе мелкихъ лавочниковъ и ремесленниковъ. Учрежденія эти, конечно, были менѣе сильны, чѣмъ банки, имѣвшіе дѣло исключительно съ торговымъ сословіемъ и потому имѣли менѣе возможности противостоять натиску. „Въ 10 часовъ утра отперли они свои двери, а къ 12—паденіе ихъ было совершившимся фактомъ. До 1-го часа все было спокойно въ Уоль-Стритѣ, настолько спокойно, насколько оно вообще могло быть въ одинъ изъ дней этихъ достопамятныхъ трехъ недѣль. Правда, депозиты непрерывно возвращались звонкою монетою, но ничто еще не указывало на всеобщую панику. Вдругъ, почти моментально, улица покрылась людьми и начался приступъ на американскій вексельный банкъ, наиболѣе слабый изъ категоріи большихъ банковъ. За нѣсколько минутъ передъ этимъ я проходилъ биржей, не замѣтивъ никакихъ признаковъ особеннаго движенія. Но выглянувъ въ окно, я видѣлъ толпу въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, двигавшуюся по улицѣ: то были все владѣльцы векселей и депозитовъ, выстроившіеся рядами, въ боевомъ порядкѣ. Со всѣхъ сторонъ повалилъ теперь народъ въ Уоль-Стритъ. Мраморныя лѣстницы таможни, классическій портикъ банковъ, красивыя мѣста, окружающія биржу, безобразные входы послѣдней — все быстро покрылось любопытными зрителями. Письменные столы различныхъ конторъ были оставлены, а окна—унизаны головами. Отъ американскаго вексельнаго банка приступъ перешелъ на два, три другіе банка, помѣщавшіеся въ той же улицѣ Уоль-Стритъ нѣсколько далѣе. Изъ Уоль-Стрита нападеніе распространилось на улицы Пайнъ и Нассау и на большіе бродуэйскіе банки. Вся эта процедура происходила съ быстотою урагана. Къ вечеру 13-го числа 18 банковъ рухнули, оставшись въ долгу по ввѣреннымъ имъ вкладамъ на сумму 21 мил. дол. Изъ остальныхъ 33-хъ акціонерныхъ городскихъ банковъ 32 пріостановили свои платежи, на слѣдующее утро, 14-го октября, „въ виду

господствующаго въ странѣ возбужденія и вслѣдствіе того факта, что многіе нью-іоркскіе банки пріостановили свою дѣятельность". Одинъ только маленькій „химическій банкъ" еще продолжалъ платить звонкою монетою. По закону кредитора банковъ могли требовать ликвидаціи, но банкамъ удалось отклонить отъ себя грозившую имъ опасность. Публикѣ было обѣщано, что дѣла будутъ производиться и впредь безостановочно, какъ и до сихъ поръ, и что будутъ употреблены всевозможныя усилія для возобновленія платежей звонкою монетой. Такому исходу дѣла не мало способствовало снисходительное отношеніе правительства къ банкамъ и толкованіе, приданное судами закону, который они комментировали въ томъ смыслѣ, что банкъ обязанъ ликвидировать лишь въ случаѣ доказаннаго обмана или дѣйствительной несостоятельности. Примѣру городскихъ банковъ послѣдовали и другіе банки штатовъ Нью-Іорка и Новой Англіи, а также три большія желѣзнодорожныя общества, надѣлавшія текущихъ долговъ на огромныя суммы. Вскорѣ во всемъ Сѣверо-американскомъ союзѣ, за исключеніемъ Новаго Орлеана, осталось лишь нѣсколько банковъ, еще продолжавшихъ платить звонкою монетой. Въ теченіе всей недѣли, слѣдовавшей за описаннымъ нами событіемъ, каждый часъ приносилъ какое-нибудь новое роковое извѣстіе. Въ торговомъ мірѣ господствовала безпримѣрная вялость; всѣ дѣла стали, всѣ сношенія съ внутренними мѣстностями Союза прекратились и прошло много недѣль, прежде чѣмъ удалось доставить громадные запасы хлѣба, лежавшіе въ западныхъ штатахъ, въ портовые города, чтобы оттуда препроводить ихъ въ Европу для обмѣна на звонкую монету. Сношенія Нью-Іорка съ западными земледѣльческими штатами были такъ всецѣло отрѣзаны, что нельзя было дѣлать ремессовъ даже на Чикаго. Это состояніе абсолютной летаргіи продолжалось цѣлые 8 дней и еще 20-го числа „Нью-Іоркская торговая газета" писала: „Торговая и промышленная дѣятельность все еще совершенно подавлена, пріостановки платежей первоклассными домами продолжаются, только на нихъ, какъ на событія, повторяющіеся ежечасно, теперь меньше обращаютъ вниманія". До сихъ поръ ни одна еще нѣмецкая фирма, занимавшаяся торговлей иностранными товарами, не останавливала своихъ платежей, но эти фирмы были вынуждены ограничить свой кредитъ; мѣра эта для даннаго момента не могла приносить никакой пользы, но, принятая ранѣе, она могла бы предотвратить много несчастій и можетъ много предотвратить ихъ въ будущемъ. Послѣ того, какъ застой торговли и паденіе биржевыхъ цѣнностей достигли своего *maximum*'а, причемъ нѣкоторыя бумаги потеряли до 75%, а товары пали въ цѣнѣ на 10—35%, должно было, конечно, наступить постепенное улучшеніе дѣлъ. Послѣ того, какъ наихудшее было пережито, страхъ исчезъ, недовѣріе стало мало по малу ослабѣвать и довѣріе вернулось настолько, насколько это было нужно, чтобы сдѣлать снова возможными торговыя сношенія между производителями и потребителями; де-

позиты и запасы наличныхъ денегъ въ банкахъ снова стали бысто наростать и, наконецъ, явилась и возможность доставить запасы продуктовъ въ гавани Атлантическаго океана. Тутъ только сдѣлалось возможно подвести итоги всѣмъ опустошеніямъ, которыя кризисъ произвелъ на сѣверо-американскомъ материкѣ. Въ теченіе одной только недѣли послѣ пріостановки платежей банками, въ одномъ только Нью-Іоркѣ обанкротилось не менѣе 100 домовъ. Общее количество банкротствъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ составляло, по вычисленію нью-іоркской торговой фирмы Душасъ и К°, 5123 съ суммою пассива въ 299,801,000 дол., Изъ этого числа отъ 3839 фирмъ, представлявшихъ въ общей сложности пассивъ въ 197,080,500 ожидали, что онѣ уплатятъ сорокъ процентовъ (т. е., 78,832,000) изъ должнаго ими капитала; 435 фирмъ возобновили свои дѣла и выплатили свои долги сполна, въ размѣрѣ 77,189,000 дол., такъ, что общая сумма оставшихся за этими потерями простиралась до 143,780,000 дол. Кромѣ того, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ до 14 большихъ желѣзнодорожныхъ обществъ, представлявшихъ въ общей сложности капиталъ въ 189,800,000 дол. тоже пріостановили свои платежи. Кризисъ охватилъ даже Калифорнію и наплывъ кредиторовъ въ банки во время паники былъ сопряженъ тамъ, повидимому, даже съ еще большими непріятностями для владѣльцевъ этихъ учрежденій, чѣмъ то бываетъ обыкновенно въ Европѣ. Такъ, корреспондентъ „Times'a“ разсказывалъ, что банкъ Сэдера и Чёрча въ Санъ-Франциско былъ окруженъ въ полночь многочисленною толпою и нашелся вынужденнымъ отпереть въ $2^1/_2$ часа утра свою кассу и начать платежи. Выдача денегъ продолжалась до 4-хъ часовъ, когда тѣснившаяся публика была удовлетворена. Та же сцена повторилась на слѣдующее утро, съ 9 до 10 час. Но тутъ банкъ былъ вынужденъ запереть свои двери. Въ другихъ городскихъ банкахъ натискъ публики былъ столь же силенъ, но всѣ они быстро выдавали суммы, возвращеніе которыхъ съ нихъ требовали, и благодаря этому Калифорніи удалось вскорѣ выпутаться изъ финансоваго затрудненія, которымъ отозвался на ней нью-іоркскій кризисъ.

Вообще Калифорнія, какъ утверждали не безъ самодовольства тамошнія газеты, мало пострадала отъ кризиса. Но этимъ калифорнцы обязаны не столько своей осторожности, сколько тому обстоятельству, что торговля ихъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ вывозѣ своихъ продуктовъ, слѣдовательно, они должаютъ менѣе, чѣмъ имъ должаютъ.

Въ срединѣ декабря, когда запасъ звонкой монеты въ нью-іоркскихъ банкахъ уже снова возросъ болѣе, чѣмъ до 26 милліоновъ, т. е., вдвое превысилъ то количество, на которомъ онъ стоялъ прежде, платежи звонкою монетою снова были возобновлены. Собственно говоря, уплата звонкою монетою по билетамъ банковъ никогда не прекращалась, такъ какъ пріостановка платежей имѣла только цѣлью прекратить вытребованіе вкладовъ изъ банковъ. Примѣру

господствующаго въ странѣ возбужденія и вслѣдствіе того факта, что многіе нью-іоркскіе банки пріостановили свою дѣятельность". Одинъ только маленькій „химическій банкъ" еще продолжалъ платить звонкою монетою. По закону кредитора банковъ могли требовать ликвидаціи, но банкамъ удалось отклонить отъ себя грозившую имъ опасность. Публикѣ было обѣщано, что дѣла будутъ производиться и впредь безостановочно, какъ и до сихъ поръ, и что будутъ употреблены всевозможныя усилія для возобновленія платежей звонкою монетой. Такому исходу дѣла не мало способствовало снисходительное отношеніе правительства къ банкамъ и толкованіе, приданное судами закону, который они комментировали въ томъ смыслѣ, что банкъ обязанъ ликвидировать лишь въ случаѣ доказаннаго обмана или дѣйствительной несостоятельности. Примѣру городскихъ банковъ послѣдовали и другіе банки штатовъ Нью-Іорка и Новой Англіи, а также три большія желѣзнодорожныя общества, надѣлавшія текущихъ долговъ на огромныя суммы. Вскорѣ во всемъ Сѣверо-американскомъ союзѣ, за исключеніемъ Новаго Орлеана, осталось лишь нѣсколько банковъ, еще продолжавшихъ платить звонкою монетой. Въ теченіе всей недѣли, слѣдовавшей за описаннымъ нами событіемъ, каждый часъ приносилъ какое-нибудь новое роковое извѣстіе. Въ торговомъ мірѣ господствовала безпримѣрная вялость; всѣ дѣла стали, всѣ сношенія съ внутренними мѣстностями Союза прекратились и прошло много недѣль, прежде чѣмъ удалось доставить громадные запасы хлѣба, лежавшіе въ западныхъ штатахъ, въ портовые города, чтобы оттуда препроводить ихъ въ Европу для обмѣна на звонкую монету. Сношенія Нью-Іорка съ западными земледѣльческими штатами были такъ всецѣло отрѣзаны, что нельзя было дѣлать ремессовъ даже на Чикаго. Это состояніе абсолютной летаргіи продолжалось цѣлые 8 дней и еще 20-го числа „Нью-Іоркская торговая газета" писала: „Торговая и промышленная дѣятельность все еще совершенно подавлена, пріостановки платежей первоклассными домами продолжаются, только на нихъ, какъ на событія, повторяющіеся ежечасно, теперь меньше обращаютъ вниманія". До сихъ поръ ни одна еще нѣмецкая фирма, занимавшаяся торговлей иностранными товарами, не останавливала своихъ платежей, но эти фирмы были вынуждены ограничить свой кредитъ; мѣра эта для даннаго момента не могла приносить никакой пользы, но, принятая ранѣе, она могла бы предотвратить много несчастій и можетъ много предотвратить ихъ въ будущемъ. Послѣ того, какъ застой торговли и паденіе биржевыхъ цѣнностей достигли своего *maximum*'а, причемъ нѣкоторыя бумаги потеряли до 75%, а товары пали въ цѣнѣ на 10—35%, должно было, конечно, наступить постепенное улучшеніе дѣлъ. Послѣ того, какъ наихудшее было пережито, страхъ исчезъ, недовѣріе стало мало по малу ослабѣвать и довѣріе вернулось настолько, насколько это было нужно, чтобы сдѣлать снова возможными торговыя сношенія между производителями и потребителями; де-

Редактору газеты „Millwaukee-News“	1,000	дол.
Редактору газеты „Sentinel“	10,000	„
Лицамъ, состоящимъ на службѣ общества, маклерамъ, агентамъ и судьямъ въ общей сложности.	236,000	„
Итого	872,000	дол.

Въ полуоффиціальномъ отчетѣ Бременскаго консула, который былъ напечатанъ въ Бременской газетѣ и на который мы уже имѣли случай сылаться, приводятся интересныя данныя о потеряхъ, понесенныхъ имущими классами вслѣдствіе внезапнаго паденія цѣнъ на всѣ товары и крутой остановки торговыхъ дѣлъ, а также о тѣхъ убыткахъ, которые потерпѣло рабочее сословіе благодаря закрытію многихъ промышленныхъ предпріятій. Въ этомъ отчетѣ потеря на важнѣйшихъ товарахъ, составляющихъ главную массу вывозимыхъ за границу продуктовъ внутренней производительности составляетъ 25 до 33% ихъ цѣны и въ общей сложности дала убытокъ въ 77 милліоновъ дол. Всего пагубнѣе были колебанія цѣнъ на хлопокъ и на табакъ, изъ которыхъ первый поднялся передъ кризисомъ на 50, а второй — на 100 процентовъ средней нормы существовавшей на нихъ обыкновенно цѣны. Потеря на мануфактурныхъ товарахъ, корабляхъ и т. п. оцѣнивалась въ 30 милліоновъ долларовъ; потеря на привозныхъ товарахъ, простиравшаяся до 25% ихъ цѣны, составила 35 милліоновъ долларовъ; потеря на желѣзнодорожныхъ акціяхъ и другихъ бумагахъ оцѣнивается въ 50 милліоновъ долларовъ. Ущербъ рабочихъ, изъ которыхъ въ однихъ только портовыхъ городахъ и въ фабричныхъ округахъ во внутренности страны 100,000 человѣкъ взрослыхъ осталисъ безъ работы, представлялъ въ теченіе первыхъ только четырехъ мѣсяцевъ застоя, наступившаго послѣ кризиса, 12 милліоновъ долларовъ. По этимъ вычисленіямъ, слѣдовательно, общая сумма убытковъ, понесенныхъ вслѣдствіе паденія цѣнъ и остановки работъ превышаетъ 200 милліоновъ долларовъ; въ то же время, убытокъ, происшедшій отъ тѣхъ же причинъ для Европы, оцѣнивался въ 300 милліоновъ долларовъ.

Такъ какъ вслѣдствіе кризиса цѣна хлопка пала съ шестнадцати почти центовъ, на которыхъ она стояла до $8^7/_8$ центовъ, явилось опасеніе, что почти половина юга обанкротится. Еще въ началѣ января 1852 г. восемь фирмъ, торговавшихъ хлопкомъ въ Мобилѣ, пять такихъ же фирмъ въ Новомъ Орлеанѣ, пріостановили платежи звонкою монетой, потому что имъ приходилось отдавать свой товаръ за $8^1/_2$—9 центовъ, между тѣмъ, какъ имъ самимъ онъ обошелся въ 11—13 центовъ. Не ранѣе февраля цѣна на хлопокъ снова поднялась на 3 цента. Вслѣдствіе той же причины страшно пострадали и американскія бумагопрядильныя фабрики. Многія изъ нихъ были вынуждены прекратить работы и ликвидировать, потому что онѣ, въ то время, когда хлопокъ былъ очень

дорогъ, переработали его большее количество, чѣмъ то, какое могло найти себѣ сбытъ на рынкѣ. Такъ какъ для мануфактурныхъ товаровъ существуютъ болѣе долгіе сроки кредита, чѣмъ какой принятъ въ другихъ отрасляхъ торговли, то фабриканты бывали нерѣдко вынуждены продавать готовые продукты лишь бездѣлицею дороже того, во что обошлась имъ самимъ покупка необработаннаго хлопка. Этого послѣдняго ими было потреблено въ теченіе года, заканчивавшагося въ сентябрѣ 1857 г,—до 840,000 тюковъ,—между тѣмъ, какъ въ 1856 г. было переработано хлопка лишь 788,000 тюковъ,—и притомъ, за эту массу хлопка они переплатили 50-ю процентами дороже, чѣмъ въ предшествующемъ году. Въ Англіи дѣйствовали осторожнѣе и въ томъ же 1857 г. пріобрѣли американскаго хлопка всего 1,428,820 тюковъ, между тѣмъ, какъ въ 1856 г. его было куплено 1,921,386 тюковъ. Итакъ, въ тотъ самый періодъ, когда Англія уменьшила потребленіе хлопка на 492,516 тюковъ, американскія фабрики увеличили его на 52,000 тюковъ.

Особенно жестоко отозвался кризисъ на мастерахъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій и на сельскихъ хозяевахъ. Жатва 1857 г. превосходила изобиліемъ всѣ жатвы предшествовавшихъ годовъ; между тѣмъ, какъ разъ въ это время, вслѣдствіе такого же благопріятнаго результата жатвы въ Европѣ, сбытъ хлѣба въ послѣднюю часть свѣта почти совершенно прекратился, такъ что производитель западныхъ штатовъ, надѣявшійся получить по 2 доллара за мѣру (bushel), едва могъ выручить 1 долларъ за мѣру. Вслѣдствіе этого, какъ утверждаютъ, въ Америкѣ очутилось 400,000 шеффелей хлѣба, сваленными въ магазины,—количество, представляющее полный годовой сборъ жатвы.

Въ одномъ Нью-Іоркѣ въ различныхъ отрасляхъ производства очутилось безъ работы до 30,000 работниковъ; при-этомъ, тамъ и здѣсь произошли волненія, возбудившія было серьезныя опасенія, которыя, однако, впослѣдствіи не оправдались. Государственные доходы также понесли значительный ущербъ.

На нравы и образъ жизни населенія кризисъ имѣлъ вообще благодѣтельное дѣйствіе. Роскошь внезапно исчезла и во всѣхъ классахъ стало замѣтно стремленіе ограничить свои расходы и соблюдать во всемъ строгую экономію; въ стремленіи этомъ женщины подавали добрый примѣръ. „Бѣднякъ, гласитъ вышеназванный отчетъ, носитъ теперь свое платье вдвое долѣе, чѣмъ прежде, а богачъ не даетъ болѣе баловъ и обѣдовъ и не держатъ экипажей [1]). Счетъ мясника издателя газеты New-York-express, живущаго въ модной 5-й аллеѣ, уменьшился до 7 долларовъ въ мѣсяцъ, какъ не устаетъ доводить о томъ до

[1]) Жаль только, что отчетъ не упоминаетъ, какими соотвѣтственными экономическими сокращеніями отзывалось это «нравственно-благодѣтельное» похмѣлье въ чужомъ пиру на обѣдѣ бѣдняка.

свѣдѣнія своихъ читателей газета „New-York-Herald“. Цырюльники жалуются, что ихъ бывшіе обычные посѣтители теперь брѣются сами, городскія желѣзныя дороги—что теперь публика гораздо болѣе ходитъ пѣшкомъ, портные и сапожники,—что имъ даютъ много старья для починки и мало заказываютъ новаго. Цѣны на квартиры въ Нью-Іоркѣ пали среднимъ числомъ на 26 процентовъ, и въ нижнихъ частяхъ города великолѣпныя помѣщенія подъ торговыя конторы, которыя прежде ходили по 20,000 долларовъ въ годъ, отдаются за 2,500 и за 3000 долларовъ. Лишь квартиры средней руки еще удерживаются въ цѣнѣ. Сбереженія, сдѣланныя такимъ образомъ съ сентября прошлаго года, если мы сравнимъ ихъ съ соотвѣтствующимъ періодомъ 1856—1857 г., составятъ въ 5 мѣсяцевъ громадную сумму въ 200,000,000 дол. Едва ли существуетъ другая страна въ мірѣ, которая была бы въ состояніи послѣдовать этому примѣру, такъ какъ нигдѣ безумная раскошь не достигала такихъ размѣровъ...“

Громадное паденіе цѣнностей американскихъ бумагъ, изъ которыхъ уже въ 1857 г., какъ говорятъ, отъ четырехъ сотъ до четырехъ сотъ восьмидесяти милліоновъ долларовъ было закрѣплено въ рукахъ рентьеровъ въ Англіи и Германіи, возбудило въ Европѣ немалыя опасенія. Но такъ какъ о торговыхъ банкротствахъ, которыя могли бы непосредственно отозваться въ Англіи, ничего не было слышно, то опасенія не шли далѣе ближайшихъ интересовъ, которыхъ касался этотъ фактъ. Торговые отчеты газетъ продолжали выражать надежды на благополучный исходъ кризиса, но цѣны, все-таки, пошатнулись и оставались въ теченіе многихъ недѣль на одной и той же точкѣ.

Между тѣмъ американскій кризисъ засталъ Англію въ положеніи вдвойнѣ затруднительномъ. Къ повсемѣстнымъ результатамъ зарвавшейся спекуляціи присоединялось еще возстаніе въ Индіи, которое, вмѣстѣ съ открывшимися около того же времени непріязненными дѣйствіями противъ Китая, нанесло сильный ущербъ торговлѣ съ восточной Азіей. Къ тому же англійскій банкъ былъ вынужденъ ссужать остъ-индской компаніи значительныя суммы звонкою монетой. Такимъ образомъ, тѣ удары, которые рикошетомъ отскочили отъ американскаго кризиса на Европу, встрѣтили въ Англіи почву, благопріятную для ихъ опустошительнаго дѣйствія.

Мало по малу изъ Англіи стали посылать въ Нью-Іоркъ значительныя суммы звонкою монетой съ цѣлью выгодно пристроить ихъ въ американскихъ бумагахъ, пользуясь низкимъ курсомъ послѣднихъ. Это побудило директоровъ англійскаго банка повысить дисконтъ съ $5^1/_2{}^0/_0$ на $6^0/_0$. Въ это время запасъ звонкой монеты въ англійскомъ банкѣ составлялъ еще 10,662,692 ф.ст. въ отдѣленіи билетовъ и 5,190,417 ф. ст. въ отдѣленіи банкирскихъ операцій. Но уже 12 числа этого мѣсяца цифры эти спали до 10,109,943 и до 4,594,833 ф. ст., причемъ, въ это же время, остъ-индская компанія заключала въ банкѣ заемъ на сумму въ 1 милліонъ ф. ст. звонкою монетой. Вслѣд-

ствіе этого, а также вслѣдствіе въ высшей степени тревожныхъ извѣстій привезенныхъ изъ Нью-Іорка пароходомъ „Persia“. 12 октября въ чрезвычайномъ собраніи директеровъ банка рѣшено было повысить дисконтъ до 7%. Хотя биржевой отчетъ Times'а за этотъ годъ и утверждалъ, что „телеграфическія извѣстія, пришедшія сегодня утромъ въ Лондонъ и Америку, нисколько не хуже того, что и заранѣе ожидали“, не взирая на то, что Нью-Іоркскій корреспондентъ этой газеты не переставалъ увѣрять, что „нѣтъ никакого повода къ опасеніямъ“, — все же тревога началась; цѣны далѣе не могли удержаться и торговые отчеты за вторую недѣлю октября показываютъ пониженіе цѣнъ большинства товаровъ на 10—15%; пониженіе это шло все усиливаясь и дошло подъ конецъ до 20—35%. Извѣстія изъ Америки, полученныя съ почтою около этого времени, повлекли паденіе первой фирмы—Расса, Митчеля и К°,—имѣвшей тѣсныя торговыя связи съ Канадой. Впрочемъ, фирмѣ этой нужно было только время, чтобы исполнить лежавшія на ней торговыя обязательства и необходимая отсрочка была ей дана ея кредиторами. Между тѣмъ, еще въ послѣдней недѣлѣ сентября носились неблагопріятные слухи о многихъ гласговскихъ торговыхъ домахъ, которые въ общей сложности были должны значительную сумму западному шотландскому банку; но позднѣйшія извѣстія гласили, что произведенное разсмотрѣніе ихъ дѣлъ дало удовлетворительные результаты. Но послѣдствія не оправдали этого увѣренія и 12 октября послѣдовала пріостановка платежей тремя большими фирмами и нѣсколькими болѣе мелкими; тѣ и другія состояли у банка въ долгу въ общей сложности почти на 2 мил. ф. ст. 19 числа было созвано новое чрезвычайное собраніе директоровъ банка, на которомъ было рѣшено возвысить дисконтъ до 8%. Въ этотъ день запасъ звонкой монеты въ обоихъ отдѣленіяхъ состоялъ всего изъ 9,524,478 и 3,816,233 ф. ст. Печать все еще сохраняла безпечный тонъ. Въ статьѣ Tims'а, посвященной дѣламъ лондонскаго „City“, это повышеніе дисконта приписывалось исключительно извѣстіямъ, полученнымъ изъ Соединенныхъ Штатовъ съ пароходомъ Аріель, и высказывалось мнѣніе, что это стѣсненное положеніе рынка продлится еще недѣли четыре. Статья заключалась слѣдущими словами: „Пока, что касается собственнаго нашего положенія, ни въ одной изъ отраслей торговли, не имѣющихъ дѣлъ съ Америкой, нѣтъ ни малѣйшихъ затрудненій. Одно только обстоятельство повышенія дисконта до 8% — мѣра, принятая на немногія недѣли, въ виду устраненія временнаго зла, которое равно отразилось на всѣхъ націяхъ, — не можетъ возбуждать ни малѣйшихъ опасеній за существованіе солидныхъ фирмъ. Можно принять за общее правило, что въ здоровомъ торговомъ организмѣ повышеніе дисконта до 8% или до какой угодно высокой нормы не можетъ вызвать паники, *лишь бы мѣра эта не была обусловлена эксцессами зарвавшейся спекуляціи съ средѣ самой націи*. Поэтому, мы имѣемъ полное основаніе надѣяться,

что сегодняшнее повышеніе дисконта будетъ припято и во всей странѣ, какъ оно было принято въ Лондонѣ, безъ малѣйшаго смятенія и тревоги". Вскорѣ должно было оказаться, насколько англійская торговля, вывозъ которой, какъ уже было упомянуто, въ 10 лѣтъ удвоился и дошелъ до 120 мил. въ годъ, могла считаться основанною на здоровыхъ началахъ.

До 27 октября не произошло ни одного значительнаго банкротства. Но тутъ внезапно закрылся ливерпульскій банкъ съ увѣреніемъ, что онъ чрезъ нѣсколько дней снова будетъ въ состояніи возобновить свои дѣла; но обѣщанія этого онъ не сдержалъ. Дирекція этого учрежденія обратилась къ англійскому банку съ просьбою о поддержкѣ, но, такъ какъ главные акціонеры не согласились принять нѣкоторыя условія, которыя были имъ предложены англійскимъ банкомъ, то въ просимой поддержкѣ имъ было отказано. Чтобы смягчить послѣдствія этого событія и облегчить учетъ значительнаго числа векселей, которые проходили чрезъ ливерпульскій городской банкъ всего на сумму 3 мил. ф. ст., англійскій банкъ согласился отступить отъ своего обычнаго правила и объявилъ, что готовъ учитать всякія благонадежныя бумаги, которыя будутъ представлены въ него съ бланковой надписью ливерпульскаго банка [1]).

Еще до истеченія этого мѣсяца произошло нѣсколько крупныхъ банкротствъ; вскорѣ банкротства стали слѣдовать одно за другимъ. Въ самомъ разгарѣ всеобщаго смятенія директора банка 5 ноября, при запасѣ звонкой монеты въ обоихъ отдѣленіяхъ въ 8,497,780 и въ 2,706,035 ф. ст., повысили дисконтъ до 9°/₀; такой вытоты банковый дисконтъ никогда еще не достигалъ. Извѣщеніе объ этой мѣрѣ сопровождалось въ Times'ѣ отъ 4 ноября статьею, въ которой публика предостерегалась, чтобы она „не являла передъ глазами цѣлаго свѣта такого унизительнаго зрѣлища національнаго невѣжества и безумія",— какъ паника. Но тонъ статьи показывалъ, что авторъ уже чувствуетъ приближеніе кризиса, къ которому дѣло подвигалось гигантскими шагами. 4 и 7 ноября ознаменовались остановкою платежей фирмами Нейлоръ, Викерсъ и К° и Денистоунъ, Кроссъ и К°; первая изъ этихъ фирмъ была шеффильдскимъ торговымъ домомъ и обладала имуществомъ приблизительно на

[1]) Тотъ же ливерпульскій банкъ уже разъ потерпѣлъ банкротство въ 1847 г. и отчетъ канцлера казначейства за этотъ годъ содержитъ подробности, представляющія разительное сходство между положеніемъ и операціями банка въ 1847 и 1857 гг. Въ этомъ отчетѣ сэра Чарльза Уда (1847) мы читаемъ слѣдующее: Въ понедѣльникъ послѣ выдачи дивидендовъ произошло банкротство королевскаго ливерпульскаго банка, и извѣстіе объ этомъ пришло въ Лондонъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда начинало слагаться болѣе благопріятное мнѣніе о положеніи дѣла. Банкротство банка, безъ всякаго сомнѣнія, было обусловлено крайне дурнымъ управленіемъ дѣлъ его. Обладая всего только 600,000 ф. ст. уплоченнаго акціонернаго капитала, банкъ этотъ ссудилъ въ одни руки 500,000 ф. ст.

сумму 590,000 дол.; вторая была извѣстна какъ одинъ изъ первоклассныхъ американскихъ домовъ (выше мы имѣли случай упоминать о благоразумномъ образѣ дѣйствій, которымъ эта фирма заявила себя во время кризиса 1825 г.) и имѣла конторы въ Ливерпулѣ, Гласговѣ, Нью-Іоркѣ и Новомъ Орлеанѣ; во время пріостановки его платежей активъ ея превышалъ пассивъ на 540,000 ф. ст. Высокое положеніе этихъ фирмъ и ихъ всѣмъ извѣстное богатство еще усилили общее чувство тревоги и банкротства стали слѣдовать одно за другимъ съ еще большею быстротою.

Прежде всего, и въ непосредственной связи съ пріостановкой платежей господами Денистоунъ, разразилось крушеніе шотландскаго Западнаго банка съ 98 отраслями, которыя онъ имѣлъ въ разныхъ мѣстахъ; крушеніе это произошло при акціонерномъ капиталѣ въ $1^1/_2$ мил. ф. ст. и при 5 мил. ф. ст. имѣвшихся въ банкѣ депозитовъ. Потери этого учрежденія были очень значительны, но въ началѣ полагали, что имущество его владѣльцевъ покроетъ убытки и предотвратитъ бурю. Въ этой увѣренности были начаты переговоры, которые надѣялись окончить успѣшно. Но деньги становились все дороже и дороже, фирмы, занимавшіяся учетомъ векселей, сократили свои операціи, англійскій банкъ отказалъ (какъ и въ 1847 г.) въ какой бы то ни было помощи, остальные шотландскіе банки, ссудивъ передъ этимъ своего собрата 500,000 ф. ст. безъ всякихъ условій, теперь, движимые чувствомъ зависти или же изъ соображеній благоразумія, отказали ему въ дальнѣйшей поддержкѣ — и вслѣдствіе всего этого въ понедѣльникъ, 9-го ноября, въ два часа по-полудни, „Западный банкъ" закрылся; то былъ, за длинный рядъ годовъ, первый акціонерный банкъ въ Шотландіи, который пріостановилъ свои платежи. Чтобы составить себѣ понятіе о томъ недовольствѣ и смятеніи, которое было вызвано этимъ событіемъ, необходимо помнить, что бумажныя деньги, обращающіяся въ Шотландіи, состоятъ преимущественно изъ билетовъ въ 1 ф. ст., и что рабочіе классы помѣщали свои сбереженія въ Западномъ банкѣ и ему подобныхъ учрежденіяхъ. Затрудненіе владѣльцевъ депозитовъ, которые не могли получить своихъ вкладовъ, и испугъ необразованной и не понимающей дѣла публики вызвали такой страшный натискъ за золотомъ во всѣ банки Гласгова, что передъ дверями банковъ дѣло дошло до уличныхъ безпорядковъ и дракъ, для усмиренія которыхъ были призваны войска. Юноши и старики, молодыя дѣвушки и старыя женщины бросались въ банки, торопясь вынуть свои деньги, накопленныя и отложенныя на черный день; при-этомъ многіе были ранены и придавлены, такъ что на многія недѣли сдѣлались неспособны къ работѣ, и деньги, которыя они пытались спасти, ушли на покрытіе убытковъ болѣзни; карманные воры тоже не упускали такого удобнаго случая къ наживѣ и вырывали монеты изъ рукъ бѣдныхъ женщинъ, въ то время, какъ тѣ тревожно пересчитывали свое сокровище, — словомъ, то была картина хаотическаго смятенія. Многіе совсѣмъ по-

теряли голову; такъ, одинъ владѣлецъ депозитовъ на сумму въ 1,000 ф ст. получилъ свои деньги изъ банка въ двухъ кошелькахъ, но, въ переполохѣ позабылъ одинъ изъ этихъ кошельковъ, содержавшій наиболѣе крупную часть всей суммы, на столѣ кассы. Лишь послѣ обѣда прибѣжалъ онъ, весь блѣдный, освѣдомиться о судьбѣ своего имущества. По счастью оказалось, что кассиръ замѣтилъ позабытый кошелекъ и прибралъ его. Другіе проявляли большее хладнокровіе. Одинъ господинъ представилъ въ кассу для размѣна билетъ 500 ф. ст. Кассиръ хотѣлъ было выплатить ему золотомъ, но господинъ этотъ объявилъ: „Я хочу быть исключеніемъ изъ всей этой массы дураковъ и потому прошу размѣнять мнѣ мой билетъ просто на болѣе мелкіе билеты".

Среди всеобщаго крушенія даже Гласговскій городской банкъ былъ вынужденъ пріостановить свои платежи. Учрежденіе это отличалось крайней солидностью, но у него въ моментъ кризиса оказалось недостаточно золота на лицо; впрочемъ, нѣсколько дней спустя банкъ возобновилъ платежи. Другіе банки получили отъ англійскаго банка ссуду въ $1^1/_2$ милліона соверэновъ и благодаря этому могли производить свои платежи безостановочно. Когда, ктому же, устоявшія учрежденія выказали готовность принимать билеты тѣхъ банковъ, которыми платежи были пріостановлены, то въ настроеніи публики стало замѣтно нѣкоторое возвращеніе довѣрія.

Пріостановка платежей шотландскими банками, и притомъ такими, которые считались наиболѣе солидными и богатыми въ странѣ, обратила снова въ сильнѣйшей степени вниманіе общества на эти учрежденія, которыя, какъ о томъ свидѣтельствуетъ и отчетъ прусскаго генеральнаго консульства въ Лондонѣ, слыли за образецъ банковыхъ учрежденій, такъ какъ всѣ предшествующіе кризисы были пережиты ими благополучно и они, непоколебленные и, повидимому, непоколебимые, встрѣчали всѣ бури, производившія въ Англіи столько опустошеній. Противники такъ называемой шотландской банковой системы не преминули истолковать несчастіе, постигшее эти учрежденія, въ пользу своихъ взглядовъ. Говорили, что право выпускать непокрытые билеты въ размѣрѣ 3,087,239 ф. ст., присвоенное шотландскимъ банкомъ, было причиною, навлекшею кризисъ, или, по крайней мѣрѣ, усилившею его. Между тѣмъ, хотя и нельзя отрицать, что въ моментъ кризиса проявилось сильное стремленіе къ размѣну билетовъ на звонкую монету, все же, одно это обстоятельство, само по себѣ, не грозило бы банкамъ опасностью, такъ какъ каждый билетъ, выпускаемый свыше названной суммы, долженствовалъ быть обезпеченъ запасомъ звонкой монеты и, кромѣ того, не даромъ же въ Англіи искали спасенія отъ кризиса именно въ расширеніи выпуска билетовъ. Въ то время, когда разразился кризисъ, количество билетовъ, выпущенныхъ шотландскими банками, простиралось, въ общей сложности, до 4,051,239 ф. ст., слѣдовательно превышало на 964,000 ф. ст. вышеуказанный maximum. Между тѣмъ, запасъ звонкой

монеты, имѣвшійся въ этихъ банкахъ, составлялъ 1,573,546 ф. ст., слѣдовательно непокрытыхъ билетовъ было всего только на 2,477,693 ф. ст. Почти половина этой послѣдней суммы была тотчасъ же, при самомъ началѣ затрудненія, покрыта звонкою монетою, присланною изъ Англіи, а остальную сумму можно бы было безъ труда покрыть другими средствами. Но и здѣсь, такъ же, какъ и въ Нью-Іоркѣ, стѣсненное положеніе, въ которомъ очутились банки, было обусловлено требованіемъ возвращенія депозитовъ, общая сумма которыхъ составляла около 30,000,000 ф. ст. Эти депозиты нельзя было выплатить съ такою же быстротою, съ какою поступали требованія о ихъ возвращеніи, такъ какъ и въ Шотландіи, банки, чтобы имѣть возможность давать высокіе проценты, были щедрѣе на кредитъ, чѣмъ то совмѣстимо съ правилами разумнаго веденія дѣлъ. Именно своей большой осторожности въ веденіи дѣлъ и въ открытіи кредита шотландскіе банки и были до сихъ поръ обязаны своей прочностью и своимъ кредитомъ. Главное правило банковаго дѣла состоитъ въ томъ, чтобы деньги помѣщались при условіяхъ, дозволяющихъ быстро и навѣрное снова ихъ реализировать. Случаи, въ которыхъ обязительства банка передъ публикой требуютъ, чтобы онъ могъ быстро располагать своимъ капиталомъ, такъ многочисленны и могутъ представиться такъ неожиданно, что употребленіе имъ своихъ капиталовъ на учетъ долгосрочныхъ векселей или на ссуды ненадежнымъ должникамъ, на спекуляціи, или на основаніе промышленныхъ предпріятій, на сомнитнльные займы или на покупку бумагъ, недопускающихъ немедленнаго превращенія въ деньги, — совершенно несовмѣстно со здравыми началами банковаго дѣла. Когда, къ тому же, такое легкомысленное помѣщеніе денегъ примѣняется къ вкладамъ, подлежащимъ немедленному возвращенію, безъ предварительнаго увѣдомленія, то внезапное требованіе этихъ денегъ обратно легко можетъ поставить банкъ въ затруднительное положеніе. Впрочемъ, здѣсь намъ остается лишь напомнить читателю то, что уже было высказано нами по поводу пріостановки платежей Нью-Іоркскими банками. Англійскіе и шотландскіе банки, потерпѣвшіе крушеніе во время послѣдняго кризиса, находились совершенно въ такомъ же положеніи, какъ и нью-іоркскія учрежденія этого рода. Западный шотландскій банкъ и Гласговскій банкъ ссудили свои капиталы безъ всякаго серьезнаго обезпеченія спекулянтамъ, которые пускались въ рискованныя предпріятія, и потому, когда разразился американскій кризисъ, внезапно очутились не въ состояніи исполнить во время свои обязательства. Ливерпульскій городской банкъ тоже роздалъ свои деньги въ ссуду въ очень сомнительныя руки; такъ, напримѣръ, въ портфелѣ его оказалась закладная на 120 кораблей, которые при тогдашнихъ обстоятельствахъ могли быть проданы лишь съ огромною потерею. Это легкомысліе, выказанное помянутыми банками въ открываемыхъ ими кредитахъ, питало жажду легкаго и скораго обогащенія, поощряло спекулянтовъ затѣвать предпріятія, далеко превы-

шавшія ихъ состоятельность и способствовало возникновенію фиктивной системы кредита, — такъ называемаго „открытаго кредита"; въ то же время, благодаря этому образу дѣйствій, сами банки очутились еще до наступленія кризиса въ невозможности свободно располагать своимъ капиталомъ, и чтобы удовлетворять хотя бы только текущимъ требованіямъ, вынуждены были прибѣгнуть къ пагубной системѣ переучетовъ, къ злоупотребленію векселями. Такъ какъ обанкротившіяся шотландскія фирмы находились въ то же время въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Сѣверной Америкой, то тамошній кризисъ долженъ былъ навлечь на нихъ и помимо вышеуказанныхъ обстоятельствъ значительныя потери и этимъ еще ускорить ихъ паденіе.

Рикошетъ, которымъ паденіе одного банка отзывается въ Шотландіи на остальной торговлѣ, бываетъ еще сильнѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ. Западный банкъ послужилъ тому несомнѣннымъ доказательствомъ. Банкъ этотъ, какъ уже было замѣчено выше, имѣлъ около 100 отдѣленій въ различныхъ мѣстностяхъ Шотландіи; работники, ремесленники и мелкіе землевладѣльцы съ давнихъ поръ привыкли отдавать свои сбереженія и свободныя деньги въ эти отдѣленія западнаго банка; такое помѣщеніе представлялось вполнѣ безопаснымъ, такъ какъ Западный банкъ пользовался репутаціей величайшей прочности. Между тѣмъ эти вклады доставлялись обыкновенно въ главную контору въ Гласговѣ, которая употребляла ихъ на вышеупомянутыя легкомысленныя ссуды. Когда распространилась паника, владѣльцы вкладовъ испугались за свое имущество, плодъ многолѣтнихъ сбереженій, и устремились одинъ на перебой другому спасать то, что еще можно было спасти. Банкъ, само собою разумѣется, не могъ выплатить должныя имъ суммы съ такою же быстротою, съ какою разразилась напиравшая на него буря и вынужденъ былъ объявить себя несостоятельнымъ.

Вышеописанный натискъ на банкъ былъ возможенъ, не взирая на то, что въ Шотландіи акціонеры всѣмъ своимъ имуществомъ отвѣтственны за долю своего учрежденія. Но въ числѣ акціонеровъ Западнаго банка находились самые богатые землевладѣльцы Шотландіи и другіе крупные капиталисты, такъ что полное покрытіе всѣхъ обязательствъ банка, простиравшихся до 6 милліоновъ, было обезпечено.

Что касается неограниченной отвѣтственности акціонеровъ банковъ, то мы уже ранѣе имѣли случай высказать нашъ взглядъ на этотъ предметъ. Взглядъ этотъ вполнѣ подтверждается описываемымъ нами эпизодомъ. Неограниченная отвѣтственность акціонеровъ отнюдь не послужила гарантіею прочности банковъ, и многочисленныя собранія акціонеровъ и депозитныхъ кредиторовъ различныхъ банковъ, — собранія, происходившія въ Гласговѣ втеченіе недѣль, послѣдовавшихъ за кризисомъ, всюду свидѣтельствовали о той же безпечности и о томъ же дурномъ управленіи дѣлами этихъ учрежденій. 17-го ноября про-

исходило въ Гласговѣ собраніе, заслуживающее особеннаго вниманія. Подъ предсѣдательствомъ перваго герцога Шотландіи, многочисленными представителями аристократіи и крупными капиталистами были приняты рѣшенія, которыми хотя и порицалось дурное управленіе банками, но самая шотландская система банковъ выгораживалась изъ этого порицанія и выражалось намѣреніе впредь принимать билеты банковъ при всякихъ платежахъ. Этому примѣру послѣдовали и рабочіе классы и такимъ образомъ довѣріе мало по малу возстановилось и торговля Шотландіи была спасена отъ бѣдствія, грозившаго разростись до неопредѣленныхъ размѣровъ.

Страннымъ образомъ Ирландія во время этого кризиса устояла съ необычайною твердостью. Въ ней произошло не болѣе 3 или 4 сколько-нибудь значительныхъ банкротствъ и хотя и у нея дѣло не обошлось безъ натиска публики въ банки, но все же въ Коркѣ и въ Лимрайкѣ золоту стоило только показаться, чтобы владѣльцы депозитовъ тотчасъ же успокоились.

Между тѣмъ въ Англіи банкротства слѣдовали одно за другимъ и средствъ англійскаго банка вскорѣ оказалось недостаточно, чтобы воспрепятствовать распаденію всѣхъ торговыхъ сношеній. Въ первую недѣлю ноября кредиту былъ нанесенъ сильный ударъ банкротствомъ Ливерпульскаго городскаго банка, переучтенные векселя котораго находились въ большомъ количествѣ у лондонскихъ вексельныхъ маклеровъ и капиталистовъ; вслѣдствіе этого усилились обращенія къ англійскому банку за учетомъ векселей и это въ такое время, когда вывозъ золота въ Америку былъ довольно значителенъ.

Запасъ наличныхъ денегъ въ англійскомъ банкѣ уменьшался постоянно и банкъ былъ наконецъ вынужденъ 9 ноября повысить дисконтъ до 10%. При этомъ-то положеніи дѣлъ произошла остановка платежей Западнымъ банкомъ и Гласговскимъ банкомъ, а также кратковременное разстройство кредита въ Ирландіи; все это поглотило изъ кассы англійскаго банка свыше 2 милліоновъ ф. ст. золотомъ. Запасъ денегъ въ банкѣ уменьшался съ крайней быстротою: 11 ноября резервный фондъ составлялъ не болѣе 1,462,000 ф. ст., а запасъ наличныхъ денегъ въ билетномъ отдѣленіи—не болѣе 6,666,000 ф. ст. Публика начала тревожиться;—фирмы, занимавшіяся дисконтомъ и имѣвшія въ банкѣ значительные вклады (7,800,000 ф. ст.), помѣщенные съ условіемъ немедленнаго возвращенія по востребованіи, были вынуждены взять эти суммы назадъ и истощить весь кредитъ, которымъ располагалъ банкъ. Поэтому, въ одинъ только день 12 ноября было произведено дисконтовъ и выдано ссудъ на сумму 2,373,000 ф. ст. и резервный фондъ уменьшился до 581,000 ф. ст. Еслибы дѣло продолжалось въ томъ же видѣ еще нѣсколько дней, то средствамъ банка грозило полное истощеніе. Весь торговый міръ и вся печать, за исключеніемъ „Times'a“ и „Economist'a“, стали требовать вторичной пріостановки дѣйствія банковаго закона. Министерство сочло дальнѣйшее сопротивленіе этому

общему желанію невозможнымъ и вечеромъ 12 ноября уполномочило директоровъ англійскаго банка произвести выпускъ билетовъ за предѣлы нормы, указанной закономъ 1844 г. Дозволеніе это было обставлено слѣдующими условіями: чтобы дисконтъ былъ удержанъ на 10 процентахъ; чтобы правленіе банка строго ограничило свои операціи тѣмъ, что было безусловно необходимо; и чтобы тотъ излишекъ, который получится отъ этихъ операцій, былъ предоставленъ въ распоряженіе правительства. Директора воспользовались предоставленными имъ полномочіями для того, чтобы перевести на 2 милліона бумагъ, гарантированныхъ правительствомъ изъ банковаго отдѣленія въ билетное и чтобы продать на 1 милліонъ государственныхъ бумагъ, которыя они весною 1852 г. замѣнили свидѣтельствами казначейства.

Хотя требованія, съ которыми обращались въ банкъ, были такъ сильны, что банкъ вынужденъ былъ выпустить на 4 милліона билетовъ свыше установленной нормы,—хотя публика напуганная примѣромъ другихъ учрежденій этого рода, нахлынула въ англійскій банкъ для обмѣна билетовъ съ такой стремительностью, что явилось опасеніе, какъ бы банкъ не былъ вынужденъ прекратить свои платежи, тѣмъ не менѣе, опасенія эти оказались напрасными и пріостановка дѣйствія банковаго закона произвела, напротивъ, благопріятное впечатлѣніе во всей странѣ. Фактъ этотъ, такъ блистательно опровергнувшій воззрѣнія банковыхъ пессимистовъ, объясняется, кромѣ тѣхъ причинъ, которыя уже были изложены нами при описаніи кризиса 1847 г., еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что банкъ не отпускаетъ билетовъ достоинствомъ ниже 5 ф. и кредитомъ его вслѣдствіе этого пользуются преимущественно торговое сословіе и богатые классы общества, которые не такъ легко поддаются дѣйствію паники, какъ рабочій классъ.

Облегченіе, доставленное англійскимъ банкомъ для многихъ фирмъ, явилось слишкомъ поздно. 11 ноября объявила себя несостоятельной большая вексельная фирма Сэндерсонъ, Сэндманъ и К°, и каждый день приносилъ вѣсти о новыхъ банкротствахъ, перечисленіе которыхъ утомило бы читателя. Тѣ дома, которые еще могли спастись, благодаря пріостановкѣ дѣйствія банковаго закона, стояли, очевидно, въ привеллигированомъ положеніи относительно тѣхъ домовъ, которые обанкротились до этой пріостановки. Законъ, требующій пріостановки своего дѣйствія, какъ разъ въ минуту той опасности, на которую онъ разсчитанъ, и влекущій при этомъ за собою такую несправедливость, очевиднымъ образомъ не заслуживаетъ дальнѣйшаго существованія.

До сихъ поръ, округа, въ которыхъ процвѣтала желѣзная промышленность, оставались пощажены. Но 11 ноября было возвѣщено банкротство Ульверъ-Гомптонскаго и Стаффордъ-Шейрскаго банковъ, которое повлекло за собою пріостановку платежей 5 или 6 фирмами, на сумму почти въ 1 милліонъ ф. ст. Это банкротство было предвѣстникомъ цѣлаго ряда другихъ, болѣе мелкихъ

банкротствъ и остановки работъ въ рудникахъ, дававшихъ занятіе 30,000 работникамъ. На слѣдующій день были объявлены банкротства многихъ купцовъ, которые имѣли торговыя сношенія съ сѣверной Европой и пассивъ которыхъ простирался до 250,000 ф. ст. Такъ продолжали идти дѣла весь ноябрь мѣсяцъ и добрую часть декабря. 25 числа пріостановилъ свои платежи банкъ, обладавшій значительнымъ капиталомъ и депозитами на большую сумму,—а именно, Нортёмберлэндскій банкъ, который въ 1857 г. былъ поддержанъ англійскимъ банкомъ. При теперешнихъ обстоятельствахъ директора озаботились главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы предотвратить послѣдствія пріостановки платежей отъ рабочихъ классовъ, интересы которыхъ весьма близко соприкасались съ этимъ дѣломъ; такъ многія фирмы, имѣвшія вклады въ банки, расходовали еженедѣльно около 35,000 ф. ст. на плату рабочимъ.

Общая сумма пассива тѣхъ торговыхъ фирмъ, которыя обанкротились за все продолженіе кризиса, оцѣнивалась приблизительно въ 50,000,000 ф. ст. Но вредъ, причиненный кризисомъ, не ограничивался горстью спекулянтовъ и купцовъ въ большихъ торговыхъ и приморскихъ городахъ. Онъ распространялся и на фабрикантовъ, заведенія которыхъ стали по недостатку заказовъ, и на кораблехозяевъ, такъ какъ внѣшняя торговля подверглась застою, и на многія тысячи рабочихъ, которыя лишились заработка, и даже на лавочниковъ, торговля которыхъ сократилась, вслѣдствіе того, что потребители вынуждены были жить разсчетливѣе.

Совершенная остановка всѣхъ торговыхъ операцій вызвала всеобщее прекращеніе работъ въ фабричныхъ округахъ, нанесла фабрикантамъ громадные убытки и тяжело отозвалась на рабочихъ классахъ. Утверждаютъ, что убытокъ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ составилъ не менѣе 500,000 ф. ст.; потери шерстяныхъ и шелковыхъ мануфактуръ, вслѣдствіе дороговизны ихъ машинъ, тоже были никакъ не менѣе этой суммы. По послѣднимъ фабричнымъ отчетамъ за апрѣль 1856 г. число работниковъ, занятыхъ на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ, простиралось до 379,000; въ октябрѣ 1857 оно, по всѣмъ вѣроятіямъ, вслѣдствіе усиленнаго производства стояло на 390,000, съ среднимъ размѣромъ еженедѣльной заработной платы въ 10 шиллинговъ 6 пенсовъ на человѣка. Втеченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ 1857 г. рабочее время во всемъ этомъ округѣ не превышало 36 часовъ въ недѣлю, что обусловливало потерю на заработной платѣ въ 1,064,700 ф. ст. Къ этой суммѣ надо еще присовокупить около 500,000 ф. ст., которые были потеряны вслѣдствіе уменьшенія движенія по желѣзнымъ дорогамъ, уменьшенія въ потребленіи угля, масла, сала и другихъ матеріаловъ, также вслѣдствіе застоя въ мелочной торговлѣ. Потери шерстяной и шелковой промышленности были, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще гораздо значительнѣе, такъ какъ, хотя эта промышленность и занимаетъ меньшее число рукъ, но въ ней большое количество ихъ осталось вовсе безъ работы. Положе-

ніе дѣлъ въ мѣстностяхъ, гдѣ разработывалось желѣзо, было не лучше. Газета „The Staffordshire Advertiser" приводитъ списокъ 69 заводовъ, которые въ обыкновенное время занимали въ этой мѣстности до 28,000 рукъ. 31 декабря всѣ эти двадцать восемь тысячъ человѣкъ остались безъ работы; въ тотъ же день въ Шотландіи на 41 заводѣ были погашены горны и 16,000 рабочихъ были отпущены. Въ Нижномъ Уэльсѣ, гдѣ горнозаводское дѣло такъ же сильно развито, какъ и въ вышепоименованныхъ округахъ, четвертая часть заводовъ была закрыта, заработная плата была повсемѣстно понижена на 20% и произошло много случаевъ забастовки горнорабочими; закрытіе заводовъ въ Іоркшейрѣ и Дёргемѣ уменьшило заработокъ рабочихъ въ этихъ округахъ на 5,000 ф. ст. въ недѣлю.

Ту же картину встрѣчаемъ мы и во всѣхъ мѣстныхъ органахъ различныхъ частей страны. Въ Бирмингэмѣ было такъ мало заказовъ, что рабочіе были заняты только 2 или 3 дня въ недѣлю. Въ иныхъ округахъ хозяева отпускали своихъ рабочихъ, въ другихъ вводилось „сокращенное рабочее время" т. е. работы производились лишь часть недѣли. Чтобы изыскать средства пособить этой нуждѣ, созывались собранія рабочихъ, устраивались заведенія для раздачи супа, открывались общественныя работы по устройству дорогъ, чтобы доставить занятіе извѣстному числу людей, выдавались многочисленныя пособія, какъ на дому, такъ и въ рабочихъ домахъ.

Отчеты коммиссій по оказанію помощи бѣднымъ показываютъ съ первой недѣли ноября по конецъ декабря значительное увеличеніе числа бѣдняковъ, нуждающихся въ пособіи.

За исключеніемъ немногихъ отраслей промышленности, тогдашнее общее положеніе дѣлъ проявляетъ лишь очень слабые признаки поворота къ лучшему, такъ много еще оставалось недовѣрія, мѣшавшаго капиталу и торговлѣ вернуться въ обычную свою колею. Даже сбавка цѣнъ на главнѣйшіе предметы потребленія не могла увеличить ихъ сбытъ и, повидимому, не соблазняла покупщиковъ,— а между тѣмъ эта сбавка была, въ короткій промежутокъ между концомъ сентября и началомъ декабря, произведена въ такихъ значительныхъ размѣрахъ, что Шотландское невыдѣланное желѣзо пало съ 83 шиллинговъ за тонну до 48 шиллинговъ, листовая мѣдь съ 14 пенсовъ за фунтъ—до 12 пенсовъ, олово — съ 140 ф. ст. за тонну—до 114,—и только свинецъ остался неизмѣненнымъ въ цѣнѣ. Цѣна за хлопчато-бумажную пряжу понизилась на 18 — 24%, цѣна шелка—на 31%, селитры и риса — на 26%, льнянаго сѣмени — на 27%, кофе на 16—23%, сахара—на 20—28%, сала на 18%, чая и шерсти— на 16%. Вывозъ за ноябрь и декабрь уменьшился почти на 5 мил. ф. ст. и судоходство совсѣмъ пришло бы въ упадокъ, еслибы транспортъ въ Индію не доставлялъ занятія нѣкоторой части торговаго флота.

Паденіе биржевыхъ бумагъ хотя и не достигало такихъ размѣровъ, какъ

цѣны на товары, все же было очень значительно. Консоли съ сентября по октябрь пали на 4% и въ январѣ 1858 года поднялись по сравненію съ самымъ низкимъ курсомъ 1857 года на 10%. Иностранныя бумаги испытали пониженіе, составлявшее среднимъ числомъ отъ 2 до 8 процентовъ, желѣзнодорожныя акціи понизились на 5 — 23%, между тѣмъ какъ въ 1858 году онѣ снова поднялись на 10—38 процентовъ.

Когда буря миновалась и явилась возможность подвести итоги произведеннымъ ею опустошеніямъ, стало ясно, въ особенности изъ судебныхъ разбирательствъ по банкротствамъ, въ какой мѣрѣ необузданность спекуляціи и надувательство аферистовъ способствовали возникновенію кризиса. Тутъ оказалось, что рядомъ съ купцомъ, который, хотя и можетъ быть безразсуденъ и подвергаться потерямъ, но все же, какъ честный человѣкъ, не беретъ на себя бо́льшихъ обязательствъ, чѣмъ можетъ исполнить, покупаетъ лишь тогда, когда имѣетъ дѣйствительную потребность въ покупаемомъ предметѣ, не ставитъ на карту деньги тѣхъ, у кого онъ покупаетъ и не пускается въ опасную лотерею съ надеждою на большіе барыши и на рискъ большихъ потерь, — рядомъ съ дѣйствительнымъ купцомъ, говоримъ мы, втерся спекулянтъ: — это человѣкъ ограниченныхъ средствъ и бѣдный благоразуміемъ, который бросается очертя голову въ каждое предпріятіе, сулящее хоть тѣнь прибыли; когда у него не хватаетъ своего капитала, онъ отважно ведетъ дѣло на деньги другихъ, барыши кладетъ себѣ въ карманъ и убытки сваливаетъ на своихъ кредиторовъ; онъ почти всегда ведетъ дѣло на большую ногу, онъ, навѣрное, отправитъ на кораблѣ вдвое, втрое больше товарнаго груза, чѣмъ сколько рискнулъ бы отправить при соотвѣтствующихъ обстоятельствахъ купецъ, и между тѣмъ довольствуется каждый разъ меньшею прибылью; онъ разсчитываетъ на благопріятный случай, чтобы нажить разомъ состояніе, но, если до того дойдетъ дѣло, не боится и банкротства. Этому то классу негоціантовъ слѣдовало отчасти приписать значительное увеличеніе вывоза, произшедшее въ послѣдніе годы. Чтобы добыть необходимыя для этого средства, они создали систему вексельныхъ злоупотребленій, на которой стоитъ остановиться по подробнѣе. Первымъ и простѣйшимъ маневромъ спекулянтовъ было — побуждать фабрикантовъ отправлять товары за свой собственный счетъ, чѣмъ они, — фабриканты, — могли доставить своимъ продуктамъ рынокъ для сбыта и, въ то же время, обезпечить барыши купцу. Съ фирмами, занимавшимися вывозною торговлею, заключались условія, по которымъ онъ поручалъ своимъ агентамъ продажу товаровъ, на половину за счетъ купца, на половину же — на рискъ фабриканта. Масса товаровъ, которая такимъ образомъ сдавалась на коммиссію, должна была, конечно, сбивать цѣны, и фабриканты могли безъ ущерба продолжать работать при этихъ низкихъ цѣнахъ лишь подъ условіемъ все большаго и большаго расширенія размѣровъ производства. Усиливавшійся при

этомъ спросъ на сырой матеріалъ увеличивалъ страшно цѣну послѣдняго и все дѣло принимало характеръ какой-то неестественной напряженности, за которою неизбѣжно должна была слѣдовать реакція. Кредитъ эксплуатировался за предѣлы всякаго благоразумія: съ одной стороны дѣйствительно состоявшіяся покупки помѣчались позднѣйшимъ числомъ, съ другой стороны — векселя писались срокомъ на 4—8 мѣсяцевъ. Простые лавочники не боялись заключать сдѣлки по покупкѣ товаровъ на суммы, превышавшія въ 10—20 разъ ихъ состояніе. Пока промышленное движеніе шло въ гору, они могли наживать значительные барыши; но когда наставалъ застой, имъ ничего болѣе не оставалось, какъ банкротство. Если, къ истеченію срока векселя, спекулянтъ былъ не въ состояніи реализировать товары, онъ покрывалъ старый вексель выдачею новаго и всегда находились люди, которые были готовы за извѣстное вознагражденіе выставить свое имя подъ дутымъ векселемъ. Всего болѣе процвѣтало, повидимому, это злоупотребленіе между Лондономъ и Гласговомъ. Разсказываютъ, что гласговскіе дома набирали воровъ и публичныхъ женщинъ, съ тѣмъ, чтобы они для виду открывали магазины въ Лондонѣ и акцептировали векселя на сотни тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Кажущееся процвѣтаніе промышленности и торговли, увеличеніе вывоза, усиленіе спекуляцій, повышеніе дисконта, — все это побуждало банки и фирмы, занимавшіяся учетомъ векселей, обращать болѣе вниманія на прибыльность сдѣлокъ, нежели на прочность предпріятія и расширять свой кредитъ все болѣе и болѣе, пока, наконецъ, просроченные долги не достигли такой цифры, которою нельзя было не встревожиться. Наконецъ оказалось, что барыши, при высокой нормѣ дисконта и при необходимости продавать товары во что бы то ни стало, были вовсе не такъ велики, какъ думали сначала. Уже во многихъ случаяхъ успѣли оказаться положительныя потери, и дисконтеры вынуждены были вѣжливо намекнуть господамъ, обращавшимся обыкновенно къ ихъ услугамъ, что дальнѣйшія сдѣлки не могутъ быть заключаемы безъ представленія надлежащихъ гарантій. Но какія же гарантіи могли представить эти господа? По всѣмъ вѣроятіямъ, лишь немногіе изъ нихъ были въ состояніи предложить что-нибудь болѣе цѣнное, чѣмъ конторка или нѣсколько штукъ стульевъ, которыми были меблированы ихъ бюро. „И при всемъ томъ было бы не благоразумно доводить ихъ до необходимости объявить себя несостоятельными". Развѣ они не могли найти какого-нибудь пріятеля, который согласился бы представить за нихъ обезпеченіе? Безъ сомнѣнія они могли найти такого пріятеля; подъ рукою было множество людей, которые за извѣстный коммиссіонный процентъ готовы были подмахнуть свое имя на векселѣ въ 5,000—10,000 ф. ст.; были и такіе, которые давали свою подпись въ видѣ дружеской услуги, въ разсчетѣ на взаимность. Такіе документы носили крайне соблазнительное названіе „аккомодаціонныхъ векселей" и, по мѣрѣ того, какъ практика ихъ разрасталась, успѣла образоваться, какъ мы

уже замѣтили выше, цѣлая отрасль промышленности, состоявшая въ томъ, что люди продавали свою подпись за извѣстный процентъ. Эта продѣлка не ограничивалась одной какой-набудь мѣстностью или отраслью торговли. Съ помощью варрантовъ, выдаваемыхъ доками и магазинами для склада товаровъ, покупались для спекуляціонныхъ цѣлей привозные продукты, причемъ покупщикъ оплачивалъ лишь извѣстный процентъ цѣны, а остальное ссужалось банкомъ. Одного образчика будетъ достаточно, чтобы показать, до чего доходили эти маневры. У одной категоріи торговцевъ металлическими издѣліями въ Гласговѣ вошло въ обычай заключать съ владѣльцами рудниковъ контракты, по которымъ эти владѣльцы обязывались доставить имъ извѣстное количество желѣза къ опредѣленному сроку. Эти то документы, не представлявшіе никакой дѣйствительной стоимости, употреблялись для полученія денежныхъ ссудъ изъ банковъ и доставляли спекулянтамъ возможность накупать и удерживать въ своихъ складахъ огромные запасы товаровъ и тѣмъ повышать цѣны на желѣзо. Поэтому понятно, что разразившійся кризисъ заставилъ невыдѣланное желѣзо упасть съ 82 шиллинговъ за тонну, на которыхъ оно стояло въ іюнѣ, до 48 шиллинговъ, до которыхъ оно дошло въ декабрѣ. Въ округахъ, занимающихся разработкою желѣза и каменнаго угля, кредитъ давался съ тѣмъ же непростительнымъ легкомысліемъ, и цѣлые милліоны были непроизводительно всажены въ желѣзные рудники и въ каменноугольныя копи. Фирмы, обанкротившіяся вмѣстѣ съ Ульверъ-Гэмптонскимъ банкомъ, имѣли 1 милліонъ ф. ст. долгу, а Нортёмберлэндскимъ банкомъ было выдано двумъ только фирмамъ ссудъ на $1^1/_2$ милліона ф. ст.

Такая система, примѣняемая въ большихъ размѣрахъ, поддерживаемая вліятельными фирмами дисконтеровъ и прикрываемая капиталомъ многихъ богатыхъ банковъ, естественнымъ образомъ должна была вызвать искусственное повышеніе цѣнъ. Между тѣмъ, только продукты, продаваемые по дешевой цѣнѣ, могутъ обезпечить за собою постоянный сбытъ. Въ то же время, барыши, благодаря высокому уровню дисконта, были далеко не такъ высоки, какъ оно казалось съ перваго взгляда. Покупщики стали тоже раскошеливаться, а такъ какъ сроки обязательствамъ спекулянтовъ истекали, то послѣдніе нерѣдко бывали вынуждены продавать при неблагопріятномъ состояніи рынка и съ огромными потерями. Чтобы вознаградить себя за эти потери, приходилось запасаться новыми товарами; продукты покупались и продавались по всевозможнымъ цѣнамъ лишь бы только покрыть уплату по векселямъ, срокъ которыхъ истекалъ; дутые векселя писались обоюдно въ большомъ количествѣ и организовалась цѣлая система обмановъ и крючкотворства. Дѣйствительная сущность всѣхъ этихъ сдѣлокъ была такова, что даже самому проницательному, разсчетливому и практически опытному негоціанту трудно было до нея добиться, потому что почти невозможно было, не впадая въ слишкомъ неопредѣленную

огульность сужденій, выяснить всѣ уловки и увертки, употреблявшіяся спекулянтами, чтобы отсрочить день окончательнаго сведенія счетовъ. Но этотъ день все-таки въ концѣ концовъ насталъ. Послѣ того, какъ разразился американскій кризисъ, довѣріе вдругъ повсемѣстно исчезло и торговые обороты сдѣлались невозможны. Банки были не въ состояніи оказывать дальнѣйшую помощь; векселя, срокъ которымъ истекъ, не могли быть возобновлены, и пріостановка платежей многими банками, въ связи съ безсиліемъ другихъ оказать какую бы то ни было поддержку торговому міру, довершило катастрофу.

Общее число банкротствъ, происшедшихъ съ сентября 1857 г. по февраль 1858 г простиралось до 207, съ общею суммою пассива въ 50 милліоновъ фунт. ст.; изъ этихъ обанкротившихся фирмъ лишь немногія возобновили свои платежи; многія не уплатили своимъ кредиторамъ ничего, многія могли уплатить лишь отъ 4 до 20 проц. своего долга.

При такихъ обстоятельствахъ значительное усиленіе вывоза понятно само собою. Легкомысліе банковъ въ дѣлѣ кредита и безпечность, съ которою они распоряжались ввѣренными имъ депозитами, поощряли это безпутное веденіе дѣлъ. Такъ, одинъ банкъ выдалъ въ ссуду двумъ только фирмамъ сумму, вдвое превышавшую его акціонерный капиталъ. Другой, который уже потерялъ въ 1844 г. 370,000 ф. ст., выданные имъ въ одни только руки, позабылъ этотъ урокъ и теперь оказывался на значительную сумму кредиторомъ одной фирмы, банкротство которой съ своей стороны повлекло паденіе 6—8 большихъ желѣзныхъ заводовъ.

Всѣ эти банки уже съ 1847 г. находились въ крайне стѣсненномъ положеніи, но, вмѣсто того, чтобы усилить свою осмотрительность, они дѣйствовали все рискованнѣе и рискованнѣе. Въ извиненіе ихъ дурнаго управленія можно сказать только одно — что, за исключеніемъ одного только случая, — всѣ эти злоупотребленія были чужды своекорыстныхъ цѣлей со стороны директоровъ; но тѣмъ въ худшемъ свѣтѣ выставляетъ этотъ фактъ благоразуміе и здравый смыслъ послѣднихъ. Въ частной банкирской конторѣ такіе случаи были бы немыслимы, потому что ни одивъ негоціантъ не согласился бы выдавать ссуды подъ такія ненадежныя гарантіи, а между тѣмъ директора этихъ учрежденій славились своими дѣловыми способностями и искуснымъ веденіемъ своихъ собственныхъ дѣлъ. Но имъ некогда было обращать надлежащее вниманіе на ввѣренные имъ чужіе интересы: они поручили многія дѣла второстепеннымъ должностнымъ лицамъ, которыя жестоко злоупотребляли ихъ довѣріемъ. Благодаря этому-то легкомыслію многіе работники, многія вдовы и сироты лишились своихъ послѣднихъ грошей, скопленныхъ съ такимъ трудомъ на черный день. Застой въ дѣлахъ, наступившій послѣ кризиса, былъ такъ продолжителенъ, что еще въ маѣ 1858 г. значительная часть фабричнаго населенія была безъ занятія, значительная часть имѣла работу лишь на сокращенное число часовъ—

и, не взирая на появившіяся надежды на хорошій урожай, прошло еще много времени прежде, чѣмъ довѣріе возстановилось и торговля оправилась отъ нанесенныхъ ей ударовъ.

Слѣдствіе, произведенное при ликвидаціи дѣлъ Нортомберлэндскаго и Дергемскаго окружнаго банка, показало нецѣлесообразность и несостоятельность принципа неограниченной отвѣтственности банковыхъ акціонеровъ и вполнѣ подтвердило справедливость воззрѣнія, высказаннаго нами выше по этому поводу. Законъ подвергся такому энергическому порицанію, что въ парламентѣ была представлена петиція о его отмѣнѣ. „Анализъ тѣхъ данныхъ, которыя мы имѣемъ о числѣ и объ общественномъ положеніи акціонеровъ Нортомберлэндскаго и Дергемскаго окружнаго банка, объявленныхъ отвѣтственными за долги этого банка, говоритъ „Times“ — даетъ намъ крайне наглядный примѣръ какъ тѣхъ послѣдствій, къ которымъ ведетъ самый законъ, такъ и тѣхъ результатовъ, которыхъ можно ожидать отъ предлагаемаго компромисса, состоящаго въ томъ, чтобы замѣнить неограниченную отвѣтственность акціонеровъ отвѣтственностью въ двойномъ размѣрѣ противъ суммы имѣющихся акцій. Число жертвъ сказаннаго банка простирается до 407 человѣкъ, представляющихъ въ общей совокупности 55,653 акціи. На каждую изъ этихъ акцій должно быть доплачено 40 ф. ст.—причемъ крайній срокъ уплаты истекаетъ 9 іюня. Между этими акціонерами находится до 102 женщинъ, въ томъ числѣ 36 вдовъ, владѣющихъ акціями отъ 10 до 360 штукъ. Остальные акціонеры, какъ оказывается, состояли большею частью изъ лавочниковъ, ремесленниковъ и слугъ. Общая цифра суммы, которая получилась посредствомъ сбора добавочныхъ 40 ф. ст. на акцію съ этихъ и съ другихъ акціонеровъ, дала не болѣе 2,000,000 ф. ст. и лишь половина актива банка была такимъ образомъ обезпечена. Все зависѣло отъ цѣнъ, какія получатся за многія сомнительныя каменноугольныя копи и желѣзные рудники. Но, такъ какъ дожидаться этого результата было нельзя и деньги на уплату долговъ банка требовались немедленно, то акціонеры вынуждены были продавать свое имущество, насколько его хватало. Они должны были напередъ приготовиться къ мысли о раззореньи, потому что уже одно оглашеніе факта о томъ, что они состоятъ въ числѣ акціонеровъ банка, подрывало имъ кредитъ. Если впослѣдствіи и удалось бы спасти кое-что отъ крушенія, то это уже ни къ чему имъ не послужило бы. Бѣдная вдова, пристроившая свои 100 фунт. ст. въ 10-ти акціяхъ, должна была уплатить 400 ф.; и предположивъ даже что ей удалось бы это сдѣлать, владѣльцамъ депозитовъ отъ этого было не легче, такъ какъ они, въ своемъ смятеніи, уже продали свои свидѣтельства по 15 шиллинговъ за фунтъ; такимъ образомъ неограниченная отвѣтственность акціонеровъ въ концѣ концовъ шла въ прокъ однимъ только ростовщикамъ.

Таковы были послѣдствія этого закона, который мѣшаетъ публикѣ прила-

гать къ дѣлу собственную осмотрительность и пріучаетъ ее слѣпо довѣряться банковымъ директорамъ,—закона, который поощряетъ банки къ легкомыслію въ дѣлѣ кредита и развиваетъ необузданную спекуляцію, оканчивающуюся почти всегда подобными катастрофами.

До половины ноября въ Германіи все еще надѣялись, что буря, опустошившая Америку и свирѣпствовавшая въ Англіи, пронесется мимо. Порою, даже, нѣмцы пробѣгали съ фарисейской усмѣшкой отчеты о томъ, что дѣлалось въ Америкѣ и при этомъ припоминали, какъ американцы не находили достаточно ироническихъ и порицательныхъ выраженій по поводу спекуляціонной горячки, обуявшей Германію и Францію, и въ какой пуританскій ужасъ приходила американская биржевая публика отъ „германскаго humbug“ съ кредитными учрежденіями.

Но и Германіи не суждено было остаться невредимой: самый большой торговый ея центръ былъ постигнутъ такимъ бѣдствіемъ, въ сравненіи съ которымъ всѣ прежніе торговые кризисы были ничто. Не только всѣ другіе торговые и промышленные центры сѣверной Германіи были вовлечены въ это крушеніе, но дѣйствіе его распространилось и на Швецію, Норвегію и Данію.

Почти независимо отъ американскаго кризиса и еще прежде, чѣмъ кризисъ этотъ успѣлъ отозваться на сѣверной Германіи, въ Австріи осенью 1857 года насталъ застой въ дѣлахъ, повлекшій за собою банкротство крупной Вѣнско-Пештской фирмы Босковицъ [1]). Главною причиною этой катастрофы была неудача спекуляцій въ хлѣбной торговлѣ, успѣвшихъ значительно разростись послѣ того, какъ новые рельсовые пути открыли доступъ въ Венгрію. Неудача вызвана благопріятнымъ исходомъ жатвы того года.

Въ Австріи это было такъ же какъ и въ другихъ странахъ, спекуляція перецѣнила свои силы и, когда капитала у нея не хватило, обратилась къ кредиту, который напрягла не въ мѣру. Уже 2-го декабря одна австрійская газета замѣчаетъ: „Между сотнями банкротствъ, которыя въ Австріи уже подпали судебному разбирательству, найдется лишь немного такихъ, про которыя можно сказать, что они были вызваны не кредитными операціями, далеко превышавшими силы и средства фирмъ. Дутые векселя переводныя операціи подъ обезпеченье векселей — всѣ эти и подобныя имъ операціи коренились въ чрезмѣрной легкости, съ которою давался кредитъ. Безпечность доходила до того, что обязательства начинающихъ коммерсантовъ, не имѣвшихъ никакого

---

[1]) Въ это же время случилось банкротство и бѣгство нотаріуса, доктора Цугшверта, который воспользовался своимъ званіемъ члена правленія австрійскаго кредитнаго учрежденія, чтобы похитить на нѣсколько сотъ тысячъ цѣнныхъ бумагъ, за что и былъ приговоренъ впослѣдствіи къ 5-ти лѣтнему тюремному заключенію. Этотъ случай, впрочемъ, состоитъ въ связи лишь со спекуляціями на фондовой биржѣ.

состоянія, принимались въ платежъ, и при этомъ фабриканты и оптовые торговцы воображали, что портфель ихъ увеличился новыми капиталами и новыми процентами!" Тѣмъ не менѣе, торговый кризисъ въ Австріи остался явленіемъ изолированнымъ и не отозвался ни на сѣверной, ни на западной Германіи; тамъ въ половинѣ ноября еще надѣялись, какъ уже было упомянуто выше, остаться въ сторонѣ отъ кризиса.

Въ половинѣ ноября положеніе дѣлъ было слѣдующее: въ сѣверной Америкѣ; послѣ остановки платежей наступило нѣчто въ родѣ мораторіума по безмолвному соглашенію. Такъ какъ банки отсрочили выдачу ввѣренныхъ имъ вкладовъ вслѣдствіе того, что сами не могли получить своевременнаго удовлетворенія отъ своихъ должниковъ, то и владѣльцы депозитовъ не въ состояніи были покрыть своевременно свои обязательства, и всѣ недобросовѣстные должники съ радостію воспользовались предлогомъ чтобы отложить уплату своихъ долговъ. Относительно европейскихъ кредиторовъ было поступлено въ иныхъ случаяхъ съ самою наглою безцеремонностью, такъ что одна американская газета съ циничною игривостью воскликнула:—„Всѣ наши долги въ Европѣ стерты, точно по нимъ провели губкой". — И на лейпцигской ярмаркѣ 1858 г. которая вообще вышла очень неудачна, оказалось, что американцы дѣйствительно намѣреваются отчасти примѣнить это изрѣченіе къ дѣлу. Въ Англіи только что миновалъ въ эту пору самый разгаръ кризиса и пріостановкою дѣйствія банковаго закона было доставлено нѣкоторое облегченіе торговлѣ, хотя въ первые дни по изданіи этого распоряженія, обращеніе билетовъ англійскаго банка превысило законную норму на громадную сумму 4 милліоновъ, а запасъ звонкой монеты уменьшился въ ужасающихъ размѣрахъ. Въ Шотландіи паника уже миновала, благодаря помощи англійскаго банка, уменьшившей стремительность первоначальнаго натиска, а также благодаря рѣшенію акціонеровъ западнаго Шотландскаго банка поддержать это учрежденіе добавочнымъ взносомъ, въ размѣрахъ отъ 600,000 до 1,000,000 ф. ст.,— рѣшенію, въ значительной степени способствовавшему возстановленію довѣрія. Именно въ это время наплывъ кредиторовъ въ Шотландскіе банки былъ очень значителенъ, но благодаря быстрой помощи англійскаго банка, банки были въ состояніи быстро удовлетворять этимъ требованіямъ и уже 17 числа телеграфъ могъ оповѣстить, что главная опасность миновала. Во Франціи, въ главнѣйшихъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ давали себя чувствовать послѣдствія американской войны, въ особенности это было ощутительно въ такихъ мѣстахъ, какъ Ліонъ и Сентъ-Этьенъ, которыя работаютъ преимущественно для вывоза въ Америку. Дисконтъ во французскомъ банкѣ стоялъ необычайно высоко, дисконтированіе векселей было обставлено значительными ограниченіями, такъ что уменьшеніе кредита сильно отзывалось на торговомъ сословіи и изъ Орлеана и Гавра были присланы петиціи къ правительству, ходатайствовав-

шія о разрѣшеніи банку пріостановить платежи звонкою монетою и объявленіи принудительнаго курса на банковые билеты. Французское правительство было настолько благоразумно, что не послѣдовало этому совѣту, исполненіе котораго лишь поощрило бы спекуляцію и окончательно ухудшило бы положеніе дѣлъ. Зато отдѣльнымъ марсельскимъ и ліонскимъ фирмамъ правительство выдало негласно значительныя денежныя пособія съ цѣлью предупредить наступленіе паники въ острой формѣ; цѣль эта и была достигнута. Одновременно съ этимъ банкъ непрерывно закупалъ драгоцѣнные металлы, чтобы обезпечить свой запасъ наличныхъ денегъ отъ всякихъ случайностей и гарантировать быструю уплату по своимъ обязательствамъ.

Въ Пруссіи правительство хотя и старалось обуздать черезмѣрную предпріимчивость въ банковомъ дѣлѣ, но относительно концессій на желѣзно-дорожныя и горнозаводскія компаніи не соблюдало подобной же осторожности, между тѣмъ какъ спекуляція въ торговлѣ по самой своей сущности болѣе ускользала отъ вниманія правительства. Однако въ эту минуту министръ торговли счелъ умѣстнымъ дать знать правительственнымъ президентамъ, что „положеніе денежнаго рынка требуетъ, въ собственномъ интересѣ значительнаго числа участниковъ въ новыхъ, только еще возникающихъ, акціонерныхъ предпріятіяхъ, чтобы ходатайства о правительственномъ утвержденіи уставовъ таковыхъ предпріятій временно не принимались, пока обстоятельства снова не сложатся болѣе благопріятнымъ образомъ для успѣха этихъ предпріятій. До этого слѣдуетъ воздержаться отъ выдачи новыхъ концессій".

Распоряженіе это, на бѣду, появилось слишкомъ поздно; будь оно издано годомъ ранѣе, оно могло бы предупредить много потерь. Когда, вслѣдствіе банкротства лондонскихъ фирмъ, имѣвшихъ торговыя связи съ Сѣверомъ Германіи, кризисъ разразился и въ Гамбургѣ, дѣйствіе этого послѣдняго кризиса прежде всего и сильнѣе всего отозвалось на прусскихъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ, въ особенности же въ Берлинѣ. Первыми лопнули нѣкоторыя значительныя фирмы въ Штеттинѣ; банкротство ихъ простиралось на нѣсколько милліоновъ талеровъ. Вслѣдъ за тѣмъ, на другой же день (25 ноября) обанкротилось нѣсколько фабрикантовъ и дрогистовъ въ Берлинѣ. Глава одной берлинской фабрики шерстяныхъ матерій, ведшій свои дѣла на очень большую ногу, Юліусъ Конъ, покончилъ свою жизнь пистолетнымъ выстрѣломъ, послѣ того, какъ имъ былъ сдѣланъ подложный чекъ на 18000 таллеровъ на имя берлинскаго союза сберегательныхъ кассъ. Одна изъ обанкротившихся фирмъ дрогистовъ имѣла пассивъ въ 1,400,000 таллеровъ, между тѣмъ, какъ сумма ея вексельныхъ обязательствъ была показана въ 1,000,000 таллеровъ [1]). Бан-

[1]) Однимъ изъ самыхъ грубыхъ банкротствъ въ Берлинѣ было банкротство братьевъ Пальмье, черезъ которое трое негоціантовъ, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ, покончили свою жизнь самоубійствомъ (Кру-

кротство штеттинскихъ фирмъ повлекло за собой непосредственно банкротство значительныхъ домовъ въ Данцигѣ, Бромбергѣ, Прагѣ и Бреславлѣ; вскорѣ кризисъ распространился и на фабричные округа и въ Губенѣ, Котбусѣ, Герлицѣ, а также въ Апольдѣ въ Тюрингіи, послѣдовали многочисленныя банкротства. Такъ какъ въ то же время банкротства въ Берлинѣ продолжались и бѣдствіе грозило принять еще бо́льшіе размѣры, то правительство озаботилось доставить нѣкоторое облегченіе торговому сословію, не балуя его прямою помощью. Прусскому банку было разрѣшено министромъ торговли расширить свои кредитныя операціи и выдавать ссуды подъ залогъ товаровъ, какъ то дѣлалось до этого ссудными кассами. Нѣсколько дней спустя банкъ постановилъ, съ цѣлью предоставить въ распоряженіе торговой публики возможно большее количество свободныхъ денегъ, выдавать въ счетъ дивидендовъ деньги впередъ. Въ то же время правительство, въ виду того, что процентъ въ вексельномъ обращеніи и безъ того уже достигъ 7%, издало весьма цѣлесообразное постановленіе, пріостановившее на время дѣйствіе законовъ о ростѣ. Постановленіе это было потомъ одобрено прусскимъ парламентомъ, который, однако, при этомъ заявилъ, что пока нѣтъ необходимости окончательной отмѣны этихъ законовъ. Заявленіе это было тѣмъ болѣе странно, что какъ разъ землевладѣльцы восточныхъ провинцій, которые играли такую вліятельную роль въ палатѣ господъ, наиболѣе злоупотребляли высокимъ процентомъ дисконта, далеко превышавшимъ законную норму, вслѣдствіе чего и между ними штеттинская катастрофа отозвалась многочисленными банкротствами. Въ числѣ мотивовъ, побудившихъ къ пріостановкѣ дѣйствія закона о ростѣ, въ Прусскомъ

пинскій, Вордесъ и Праусницеръ въ Герлицѣ) и благодаря которому многія достаточныя семейства были доведены до нищеты и не одинъ честный и дѣятельный торговецъ лишился всего своего состоянія. Позднѣе фирма эта предложила своимъ кредиторамъ по 10 процентовъ съ суммы долга и обѣщалась уплатить еще пять процентовъ съ разсрочкою на пять лѣтъ, но при этомъ не представила никакихъ гарантій исполненія своего обѣщанія. Этотъ торговый домъ, который велъ свои дѣла на самую широкую ногу и былъ объявленъ несостоятельнымъ на сумму, болѣе, чѣмъ въ полтора милліона талеровъ, имѣлъ на лицо, какъ то открыло судебное разслѣдованіе, не болѣе девяти процентовъ всей этой массы пассива; слѣдовательно девяносто одинъ процентъ, составлявшіе болѣе одного милліона, пропали для кредиторовъ безъ всякаго вознагражденія; и это при банкротствѣ одной только фирмы! Еще громаднѣе и по истинѣ невѣроятнымъ представляется дефицитъ гамбургской коммандитной фирмы Пальме, объявившей себя несостоятельной на два милліона и уплатившей лишь одинъ процентъ своимъ кредиторамъ. Соглашенія, по которымъ уплачивались отъ 20 до 30 процентовъ, составляли исключеніе, а тотъ фактъ, что Дюнвальдъ уплатилъ своимъ кредиторамъ 75 процентовъ, былъ возвѣщенъ всѣми сѣверогерманскими газетами какъ безпримѣрный случай.

государственномъ указателѣ были, между прочимъ, приведены слѣдующіе: хотя состояніе торговли и промышленности въ Пруссіи и представляется вообще соотвѣтствующимъ требованьямъ здороваго развитія, тѣмъ не менѣе, недовѣріе, вызванное американскимъ и англійскимъ торговымъ кризисомъ, можетъ нарушить правильный ходъ производительности и потому необходимы средства, которыя остановили бы распространеніе недовѣрія, насколько послѣднее отпугиваетъ капиталъ отъ обычнаго его употребленія. Купцы, ремесленники и производители, дѣйствительная состоятельность которыхъ остается внѣ всякаго сомнѣнія, но имущество которыхъ частью завязано въ запасахъ товаровъ, не допускающихъ немедленной реализаціи, лишаются вслѣдствіе этого обычнаго кредита. Это влечетъ за собою затрудненія, которыя по самой сущности дѣла, еще болѣе усиливаютъ недовѣріе и такимъ образомъ могутъ путемъ естественнаго хода вещей привести къ дѣйствительно опасному положенію дѣлъ. Многіе указываютъ на одно средство, которое было съ пользою употреблено въ 1848 г.—а именно, на выпускъ бумажныхъ денегъ для выдачи ссудъ подъ тевары. Но отъ этого средства, также какъ и отъ всякой другой формы непосредственнаго вмѣшательства, государство должно остерегаться. Тѣхъ основаній, которыми въ 1848 г. оправдывалось учрежденіе ссудныхъ кассъ, какъ исключительная мѣра, въ настоящее время не существуетъ. „Государственный Указатель“ совершенно справедливо замѣчаетъ, что при теперешнемъ развитіи кредитныхъ учрежденій государство должно воздерживаться отъ прямаго вмѣшательства. Взамѣнъ послѣдняго, упомянутый правительственный органъ признаетъ за государствомъ обязательство устранить препятствія, стѣсняющія отправленія кредита. „Съ этою то цѣлью, говоритъ онъ далѣе, и было декретировано расширеніе ломбардныхъ ссудъ. Но такъ какъ ассигнаціонный банкъ можетъ употреблять лишь незначительную часть своихъ средствъ на ломбардныя операціи, то необходимо одновременно съ этимъ открыть шлюзы и частнаго кредита. Это же можетъ быть сдѣлано лишь посредствомъ пріостановки дѣйствія закона о ростѣ; такая пріостановка необходимо дожна быть распространена и на частныя ссуды, послѣ того какъ банкъ уже переступилъ за законную норму процента“...

Изъ всѣхъ цизальпинскихъ странъ Швейцарія, Голландія и Бельгія, а также Южная Германія, наименѣе пострадали отъ кризиса. Только въ Амстердамѣ рухнула одна крупная фирма,—торговый домъ Фердинанда Галленкампа, занимавшійся ввозною торговлею. Банкротства въ Бельгіи были крайне незначительны и немедленное учрежденіе въ Антверпенѣ и Брюсселѣ ссудныхъ кассъ, выдававшихъ деньги подъ залогъ товаровъ, помогло предотвратить кризисъ; не взирая на это, дѣла оставались въ Бельгіи, такъ же, какъ въ Амстердамѣ и Ротердамѣ еще долгое время въ застоѣ.

Таково было общее положеніе дѣлъ, какъ вдругъ въ Лондонѣ, восемь дней

спустя послѣ пріостановки дѣйствія банковыхъ законовъ, было объявлено банкротство нѣсколькихъ фирмъ нѣмецкаго происхожденія, которыя вели дѣла съ Швеціею и Даніею. Эти банкротства тотчасъ же повлекли за собою паденіе нѣсколькихъ большихъ гамбургскихъ домовъ; сотрясеніе это немедленно отозвалось на прусскихъ торговыхъ центрахъ, перекинулось на скандинавскія государства, а оттуда новымъ рикошетомъ отскочило назадъ, въ Гамбургъ, гдѣ торговыя фирмы стали лопаться одна за другой. Старѣйшія и значительнѣйшія фирмы грозили паденіемъ, и гамбургскимъ торговымъ міромъ овладѣло такое повальное недовѣріе, что всякія торговыя сдѣлки внезапно прекратились и, казалось, распаденіе общества было близко. Испугъ и смятеніе были такъ велики, купцы и все среднее сословіе до того потеряли головы, что буря въ Нью-Іоркѣ и въ Глясговѣ далеко отставала отъ того, что творилось въ Гамбургѣ. Сначала пытались предотвратить ударъ нѣкоторыми мѣрами, принятыми на скорую руку, и еще отъ 23 ноября писали изъ Гамбурга: „Здѣшняя биржа сегодня снова оправдала свою заслуженную репутацію. Немедленно, вслѣдъ за изшедшимъ отъ нея приглашеніемъ образовался" „Союзъ 1857 г. для дисконтированья подъ гарантіею", и подписка уже къ 4-мъ часамъ достигала 11 милліоновъ марокъ. Общее довѣріе возстановилось вполнѣ благодаря этой мѣрѣ". Но послѣдующія двѣ недѣли явились какъ бы горькою ироніею судьбы надъ этимъ оптимистическимъ настроеніемъ. Число и размѣры ежедневно разражавшихся банкротствъ возрастало непомѣрно, никто никому не довѣрялъ и люди со страхомъ входили поутру въ зданіе биржи, ожидая услышать вѣсть о новыхъ банкротствахъ, которыя повлекутъ за собою и ихъ раззоренье; граждане, опасаясь, чтобы бѣдствіе не охватило весь городъ, бѣжали за справками на биржу; купцы врывались съ мольбами о помощи въ приходскія собранія гражданъ, которымъ со стороны коммерческихъ депутацій дѣлались предложенія, отзывавшіяся чисто якобинскимъ терроризмомъ. Весь городъ представлялъ такую картину смятенія, которая на вѣки останется въ памяти у современниковъ и, должно полагать, послужитъ устрашающимъ примѣромъ для потомства.

Прежде, чѣмъ мы поведемъ рѣчь о средствахъ, которыя были предложены и употреблены противъ зла, мы должны нѣсколько подробнѣе остановиться на спеціальныхъ причинахъ, способствовавшихъ тому, что именно гамбургскій кризисъ имѣлъ такое потрясающее дѣйствіе.

Катастрофу, постигающую этотъ старѣйшій изъ торговыхъ городовъ Сѣверной Европы, слѣдуетъ приписать, во-первыхъ, значенію этого мѣста какъ главнаго связующаго звѣна между странами, лежащими за моремъ, и европейскимъ востокомъ, въ особенности же между Англіей и всѣмъ Сѣверомъ Европы; далѣе, причины эти лежатъ въ громадности вексельныхъ операцій, совершающихся между всѣми этими мѣстностями, сношенія которыхъ не терпятъ ни малѣйшаго нарушенія своей правильности, а также въ необузданности спекуляцій, имѣв-

шей своимъ послѣдствіемъ опасныя злоупотребленія вексельнымъ кредитомъ. Заграничнымъ фирмамъ, съ которыми имѣли дѣло гамбургскіе дома, кредитъ открывался съ величайшею неосмотрительностью и мало по малу образовалась, подъ покровительствомъ нѣкоторыхъ негоціантовъ, цѣлая система вексельной фабрикаціи, которою пользовались тѣмъ неумѣреннѣе, чѣмъ сильнѣе давала себя чувствовать со всѣхъ сторонъ нужда въ кредитѣ для коммерческихъ операцій. Даже солидные векселя, выдававшіеся гамбургскими негоціантами гамбургскимъ же негоціантамъ, для того, чтобы найти себѣ сбытъ на вексельномъ рынкѣ, должны были переряживаться въ чужой костюмъ,—необходимость, не имѣвшая, конечно, ничего общаго съ лучшимъ контролированьемъ надежности тѣхъ предпріятій, которыя строились на этихъ векселяхъ.

Всевозможные виды кредита, какъ выразился одинъ финансистъ, пускались въ ходъ въ постоянно возрастающей прогрессіи и всевозможные виды злоупотребленія кредитомъ распространялись тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше поднималась цѣна на товары. Лишь этимъ способомъ можно было удерживать цѣны на этой высотѣ и даже оплачивать, помощью фиктивныхъ барышей, осуществляемыхъ благодаря этому непрерывному возрастанію цѣнъ, постоянно повышавшійся процентъ дисконта. Такимъ образомъ тутъ являлось цѣлое сцѣпленіе причинъ, и все,—цѣны на товары, кредитъ и вексельный дисконтъ, искуственно доводилось до возможно большой высоты. При этихъ условіяхъ катастрофа была неизбѣжна. Продолжительность, съ которою дисконтъ держался на такой высотѣ, должна бы была послужить предостереженіемъ, но на этотъ признакъ никто не хотѣлъ обратить вниманія.

Въ Гамбургѣ нѣкоторые господа пытались отрицать самый фактъ существованія необузданныхъ спекуляцій. Но стоитъ пробѣжать таблицы, изображающія положеніе гамбургской торговли въ цифрахъ,—и для насъ станетъ внѣ всякаго сомнѣнія, что спекуляція дѣйствительно зашла тамъ въ этотъ періодъ за всякіе предѣлы. Уже въ 1854 г. ввозъ и вывозъ въ Гамбургѣ давалъ самые блистательные результаты. Но 1855 г. превзошелъ эти результаты еще на 12 милліоновъ и далъ общую цифру въ 1,035,779,790 марокъ ассигнаціями; въ 1856 г. торговля Гамбурга дошла до 1,268,305,810 марокъ, слѣдовательно, въ одинъ только годъ возросла на 232,626,020 марокъ. Въ первой половинѣ 1857 г. дѣла приняли еще болѣе обширные размѣры, что выразилось въ повышеніи дисконта до 12%, въ усиленьи пароходныхъ и парусныхъ сообщеній, а также въ томъ обстоятельствѣ, что на фабрикахъ и отрасляхъ промышленности, работавшихъ на Гамбургъ спросъ на рабочихъ былъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Если мы примемъ, что капиталъ, требовавшійся для этихъ торговыхъ операцій, оборачивался среднимъ числомъ въ годъ два раза, то все же за 1856—1857 торговый годъ понадобилась сумма, превышавшая на 150 милліоновъ цифры 1854—1855 и 1855—1856 г. Между тѣмъ едва ли можно считать

вѣроятнымъ, что капиталъ Гамбурга за одинъ только годъ, при населеніи въ 180,000 человѣкъ возросъ до 150 милліоновъ марокъ. То, чего не хватало до этой суммы, восполнялось векселями, и такимъ то образомъ возникали злоупотребленія кредитомъ.

О чудовищныхъ размѣрахъ этихъ злоупотребленій мы можемъ судить по той картинѣ, которую набросалъ въ прусскомъ Ежегодпикѣ (Prussische Jahrbücher) одинъ гамбургскій житель докторъ Готфридъ Когенъ. Картина эта такъ разительно и вѣрно передаетъ положеніе дѣлъ, что мы должны признать ее однимъ изъ важнѣйшихъ историческихъ источниковъ. Когенъ указываетъ на то, что весь узелъ вопроса заключается въ положеніи, которое Гамбургъ занимаетъ въ сѣверной торговлѣ. Городъ этотъ долженъ быть разсматриваемъ какъ центръ сказанной торговли и это значеніе было придано ему, какъ географическимъ его положеніемъ, такъ и всѣмъ историческимъ его развитіемъ; и то и другое благопріятствовало ему преимущественно передъ всѣми другими гаванями Сѣвера. Что касается собственно кризиса, то главнымъ обусловливающимъ моментомъ его было, по мнѣнію автора, то обстоятельство, что Гамбургъ, вслѣдствіе особенностей своего положенія, сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ, какъ средоточіе вексельныхъ оборотовъ. Нѣтъ надобности подробно объяснять, что наибольшая часть торговыхъ сдѣлокъ производится посредствомъ векселей; какъ ни проста сама по себѣ эта операція, она влечетъ за собою множество важныхъ комбинацій. Для вексельнаго обращенія недостаточно, чтобы векселедатель и тотъ, на чье имя выдается вексель, были состоятельны и бланконадписатель былъ признанъ надежнымъ; нужно еще, чтобы уплата по векселю производилась въ такомъ пунктѣ, который удобенъ и легко доступенъ для другихъ торговыхъ центровъ. Вексель, подлежащій предъявленію и платѣ въ какомъ нибудь незначительномъ мѣстечкѣ, хотя бы онъ былъ выданъ богатѣйшимъ фабрикантомъ, по этой самой причинѣ не охотно принимается въ обращеніе. „Почти въ томъ же положеніи стоятъ и болѣе крупные торговые центры, такъ какъ въ большой торговлѣ слишкомъ кропотливо было бы разыскивать всѣ эти мѣста, а потому они большею частью опираются на немногіе важнѣйшіе торговые пункты, которые, вслѣдствіе или болѣе благопріятнаго своего положенія, или же просто по традиціи, пользуются въ вексельномъ обращеніи всеобщею извѣстностью. Какъ незначительно, сравнительно говоря, число этихъ центровъ вексельнаго обращенія, которыми довольствуется торговля, можно видѣть изъ любой таблицы курсовъ; на всѣхъ этихъ таблицахъ обозначаются лишь главнѣйшіе торговые города. Вексельный курсъ есть ничто иное, какъ выраженіе степени оживленности вексельныхъ сношеній, существующихъ между различными центрами вексельнаго обращенія, а сношенія эти суть ничто иное, какъ выраженіе общаго состоянія торговли между этими центрами. Гамбургъ, благодаря всей совокупности своихъ условій и своимъ торговымъ связямъ, успѣлъ

сдѣлаться главнѣйшимъ вексельнымъ центромъ почти для всего Сѣвера Европы. Это значитъ, что большая часть векселей и нѣмецкаго и скандинавскаго Сѣвера и, даже, изъ русскихъ остзейскихъ провинцій, пишутся на Гамбургъ или покрайней мѣрѣ, уплачиваются въ Гамбургѣ. Пишутся они изъ этихъ мѣстъ или прямо на какую нибудь Гамбургскую фирму, съ которою данный торговый домъ стоитъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ, или же окольными путями, при посредствѣ другихъ фирмъ и торговыхъ центровъ. Векселя эти затѣмъ акцептируются въ Гамбургѣ, либо на основаніи взнесенной по нимъ уплаты, либо въ кредитъ знакомой фирмы. Иногда случается и такъ, что въ какомъ нибудь заграничномъ торговомъ центрѣ покупаютъ вексель, писанный на Гамбургъ, и представляющійся по выставленнымъ на немъ подписямъ и по другимъ признакамъ достаточно благонадежнымъ. Эта операція покупки или обмѣна однихъ векселей на другіе, происходящая въ какомъ нибудь вексельномъ центрѣ и служащая для уплаты римессъ въ третьемъ мѣстѣ, или же употребляющаяся какъ средство для извлеченія пользы изъ разности въ курсахъ, или для уравненія вексельныхъ курсовъ, есть одна изъ важнѣйшихъ и наиболѣе интересныхъ операцій въ вексельномъ дѣлѣ. Изъ вышеприведенныхъ данныхъ о сферѣ, обнимаемой гамбургской торговлей можно составитъ себѣ понятіе о размѣрахъ вексельнаго обращенія въ этомъ городѣ".

„Размѣры этого обращенія еще усиливаются двумя обстоятельствами. Гамбургъ—не только первый торговый городъ континента, — онъ въ то же время городъ наиболѣе чистой серебряной валюты, такъ какъ, извѣстно, всѣ гамбургскія бумажныя деньги (за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ случаевъ) основаны на запасѣ серебра въ слиткахъ. Съ другой стороны, Лондонъ, центръ колоссальной англійской торговли, является важнѣйшимъ мѣстомъ для золота. Отсюда происходитъ, что постоянныя, хотя и частичныя колебанія и отношеніе золота и серебра между собою всего непосредственнѣе выражаются въ курсахъ изъ Лондона на Гамбургъ и обратно. Конечно, это бываетъ не всегда, такъ какъ другія торговыя сношенія, прямыя или косвенныя, существующія у обоихъ этихъ городовъ и область торговой дѣятельности каждаго изъ нихъ, по временамъ вызываютъ уклоненія отъ этого правила. Въ этомъ то взаимнодѣйствіи, оказывающемъ такое сильное вліяніе на общій ходъ всесвѣтной торговли, мы имѣемъ уже очень благопріятную почву для развитія вексельныхъ оборотовъ, которымъ къ тому же еще благопріятствуетъ и значительная торговля товарами, существующая между этими двумя городами. Далѣе, отношенія Гамбурга къ англійскому денежному рынку облегчаютъ ему торговлю съ трансатлантическими мѣстностями, и именно, съ Южной Америкой и, главнымъ образомъ, съ Бразиліей, гдѣ большое обиліе продуктовъ и неустановившіеся общественные порядки представляютъ, съ одной стороны, случаи къ большимъ аферамъ и барышамъ, а съ другой—въ сильнѣйшей степени предъявляютъ спросъ на деньги и кредитъ.

*

Именно это-то обстоятельство и придало Гамбургу то же значеніе для Южной Америки, какое Бременъ своею эмиграціонною дѣятельностью имѣетъ для Сѣверной".

„До сихъ поръ мы излагали лишь тѣ обтоятельства, которыя сложились сами собою въ силу естественнаго теченія вещей, и вытекающія изъ нихъ дальнѣйшія послѣдствія. Понятно, какъ близко при этомъ лежало искушеніе воспользоваться такимъ благопріятнымъ сочетаніемъ обстоятельствъ. Но сохраненіе здоровья и силы обусловливается, конечно, не тѣмъ, что человѣкъ мѣряетъ себѣ широкою рукою все, чего ни пожелаетъ его душа, а напротивъ, добровольнымъ самообузданіемъ, при которомъ здоровье и сила преуспѣваютъ и долѣе. Вообще говоря, гамбургская биржа, повидимому, склонна соблюдать это мудрое правило; но подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, которыя теченіе времени приноситъ съ собою, ей не разъ случалось забывать его и всего сильнѣе провинилась она этою забывчивостью въ послѣдніе годы; этимъ то объясняется и сташный торговый кризисъ, превзошедшій своими размѣрами и силою всѣ прежнія періодическія бури".

„Тотъ, кому извѣстны внутреннія условія гамбургской торговли, знаетъ, что въ нихъ важную роль играетъ извѣстный рядъ установившихся обычаевъ, которые въ совокупности обозначаются выраженіемъ „солидность". Обычаи эти распространяются, конечно, и на вексельное обращеніе, которое въ Гамбургѣ отличается чрезвычайною своеобразностью. Разсчитанное на возможно-большую солидность, оно подъ вліяніемъ духа времени, превратилось въ нѣчто какъ разъ обратное, для вящаго подтвержденія, если только таковое требовалось, той истины, что не внѣшній способъ дѣйствія, а пониманіе цѣлей, съ которыми то или другое дѣлается, составляетъ существеннѣйшую часть дѣла. Наиболѣе выдающейся особенностью гамбургской торговой жизни является не лишенная сама по себѣ боязнь такъ называемыхъ мѣстныхъ векселей. Мѣстные векселя отличаются отъ всякихъ другихъ тѣмъ, что векселедатель и тотъ, на чье имя пишется вексель, живутъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Боязнь передъ этими векселями коренится не столько въ мысли, что обѣ стороны, участвующія въ этой вексельной сдѣлкѣ, обладаютъ другими средствами для погашенія счетовъ между собою, сколько въ опасеніи, что черезъ подобныя операціи количество векселей можетъ умножиться до безконечности и породить рядъ эфемерныхъ спекуляцій. Что же это будетъ, говорятъ гамбургскіе коммерсанты, если каждый въ нашемъ большомъ торговомъ городѣ, съ его громадными торговыми оборотами, можетъ написать вексель для всякаго платежа, срокъ которому истекаетъ черезъ три мѣсяца, или, даже, безъ всякаго такого срочнаго платежа, и пустить этотъ вексель въ обращеніе? Не возникнетъ ли черезъ это такая масса векселей и вексельныхъ отношеній, что контроль сдѣлается невозможенъ и биржа будетъ наводнена плохими бумагами?

Не сдѣлается ли этотъ хаосъ бумагъ, подлежащихъ оплатѣ исключительно въ Гамбургѣ, помѣхою въ дѣлѣ вексельныхъ сношеній съ заграничными центрами и не отзовется ли каждое такое нарушеніе правильнаго хода торговли вдвойнѣ тяжело на Гамбургѣ? Какъ уже было сказано, опасенія эти не совсѣмъ лишены основанія, но все же обстоятельство это не имѣетъ такого пагубнаго значенія, какое ему приписываютъ, такъ какъ почти во всѣхъ другихъ большихъ торговыхъ городахъ мѣстные векселя допускаются же въ обращеніе. Если, съ одной стороны, безусловно справедливо, что могутъ явиться попытки пустить этимъ путемъ въ обращеніе необезпеченныя бумаги, то не надо забывать, что относительно большинства векселей осмотрительный купецъ имѣетъ полную возможность контроля. Ему слѣдуетъ только обращать вниманіе на то, можетъ ли, по всѣмъ обстоятельствамъ, извѣстнымъ ему, или въ торговомъ мірѣ вообще, векселедатель быть дѣйствительно долженъ выставленную на векселѣ сумму тому, на чье имя написанъ вексель, или можетъ ли бланконадписатель состоять должнымъ таковую сумму векселедателю; такъ напримѣръ, оптовый торговецъ не можетъ быть долженъ мелочному и какъ разъ обратное отношеніе между ними всего вѣроятнѣе. Этого рода контроль примѣняется англійскими и, еще болѣе, шотландскими банками съ общепризнаннымъ успѣхомъ. Но всего хуже то, что въ Гамбургѣ формальное изгнаніе мѣстныхъ векселей съ биржи оказывается безсильнымъ даже фактически закрыть имъ туда доступъ, и это потому, что условія торговли дѣлаютъ ихъ нерѣдко необходимыми. Ни для кого въ сущности не тайна въ Гамбургѣ, — хотя мѣстныя газеты и умалчиваютъ объ этомъ,—что вмѣсто мѣстныхъ векселей фигурируютъ въ обращеніи фиктивные иногородные векселя и что многіе купцы имѣютъ цѣлые портфели, набитые такими векселями, которые они, сообразуясь съ обстоятельствами, и пускаютъ въ обращеніе. Отсюда явствуетъ само собою, что о контролѣ векселей отношеніями, могущими существовать между векселедателемъ и лицомъ, на чье имя пишется вексель, не можетъ быть и рѣчи, или что, по крайней мѣрѣ, такой контроль не можетъ быть вполнѣ дѣйствителенъ. Приходится либо угадывать, помощью той снаровки, которая дается практикой, дѣйствительныя отношенія, лежащія въ основѣ данной вексельной сдѣлки, или же ограничиваться простою оцѣнкою торговой состоятельности тѣхъ подписей, которыя выставлены на векселѣ. Этотъ послѣдній выходъ и есть общепринятый въ Гамбургѣ; въ обыкновенное время, когда дѣла идутъ спокойно, онъ оказывается достаточнымъ, такъ какъ въ такое время почти и не существуетъ потребности въ умноженіи векселей; но какъ скоро и въ Гамбургъ проникаетъ горячка быстрой наживы, этотъ путь слишкомъ легко приводитъ къ черезмѣрному напряженію кредита. Дѣло въ томъ, что для каждой фирмы, пользующейся хорошей репутаціей на биржѣ, слишкомъ легко поддаться соблазну обратить свой кредитъ, помощью векселей, въ чистыя деньги, дозволяя со всѣхъ

сторонъ писать на себя векселя и акцептируя ихъ, не потому, чтобы она дѣйствительно была должна выставленныя на этихъ векселяхъ суммы, или располагая по нимъ уплатить, а единственно ради того, чтобы положить себѣ въ карманъ процентъ, условленный за это торговое посредничество, и чтобы поддержать торговыя связи съ другими фирмами. Акцептантъ въ этихъ случаяхъ обыкновенно разсчитываетъ получить своевременно деньги для покрытія этихъ векселей и первое время онъ дѣйствительно получаетъ довольно аккуратно требующіяся суммы въ наличныхъ или въ хорошихъ бумажныхъ цѣнностяхъ; но мало-по-малу это покрытіе все болѣе и болѣе замѣняется просто новыми векселями. Размѣры реальныхъ торговыхъ оборотовъ оказываются вскорѣ недостаточными для покрытія суммъ, пущенныхъ въ обращеніе и такимъ образомъ система эта въ концѣ концовъ подрываетъ самое себя. И точно, въ послѣдніе годы въ Гамбургѣ на мѣсто мѣстныхъ векселей, отъ допущенія которыхъ боялись появленія такъ называемыхъ „подвальныхъ векселей“ (Kellerwechsel)—т. е. векселей съ вымышленными именами, спекулировавшихъ на легковѣріе и добродушіе дѣйствительныхъ бланконадписателей,—появилось другаго рода злоупотребленіе: вышеописанная система оплаты старыхъ векселей новыми; въ поддержаніи этой системы участвовали самыя крупныя и до этого наиболѣе уважаемыя фирмы, а потому въ ней то и слѣдуетъ искать одну изъ главныхъ причинъ кризиса. За это время въ Гамбургѣ возникли фирмы, преимущественное занятіе которыхъ состояло именно въ этого рода эксплуатаціи вексельнаго кредита; ихъ поддерживали въ этомъ другія фирмы, отъ которыхъ, казалось, никакъ нельзя бы было ожидать такого безцеремоннаго отношенія къ кредиту; и тѣ и другія, соблазняемыя легкостью наживы, все болѣе и болѣе увлекались такимъ образомъ въ водоворотъ. То, что въ другихъ мѣстахъ дѣлали банки, слишкомъ легко дававшіе кредитъ, или падкіе на другаго рода спекуляціи, и преслѣдовавшіе исключительно одну цѣль—доставленіе помощью большихъ барышей своимъ акціонерамъ значительныхъ дивидендовъ,—то въ Гамбургѣ дѣлалось многими единичными негоціантами, стоявшими во главѣ крупныхъ фирмъ. Но, между тѣмъ какъ банки, въ наихудшемъ случаѣ рисковали лишь своимъ акціонернымъ капиталомъ, негоціанты ставили на карту все свое состояніе. Хотя они и дѣйствовали въ искреннемъ убѣжденіи, что эта система можетъ быть примѣняема безнаказанно втеченіе болѣе или менѣе долгаго періода, но все же эта слѣпая увѣренность не имѣетъ за себя ни малѣйшаго оправданія, хотя ее раздѣляло большинство биржеваго міра. Операціи эти производились преимущественно помощью векселей, выданныхъ (дѣйствительно или фиктивно) изъ Швеціи. Эти „шведскіе векселя“ еще передъ самымъ наступленіемъ кризиса, находили себѣ на биржѣ покупщиковъ, бравшихъ ихъ очень охотно; если они и не находили уже себѣ такого всеобщаго сбыта, какъ прежде, то все же у массы купцовъ они были въ чести. Вслѣдствіе этого, само

собою разумѣется, бѣдствіе распространилось на всѣхъ, какъ скоро первоклассные дома и тѣ, которые слѣдовали ихъ примѣру въ этихъ спекуляціяхъ, очутились въ затрудненіи".

„Кризисъ надвигался все ближе и ближе, въ кредитныхъ отношеніяхъ появилась первая незначительная трещина, но при такомъ повсемѣстно напряженномъ положеніи дѣлъ, самый естественный ходъ вещей долженъ былъ расширять эту, разъ появившуюся трещину, все больше и больше. Когда кризисъ дошелъ до Англіи, — всякому, знавшему Гамбургъ, сдѣлалось ясно, что опасность у порога. Вексельныя злоупотребленія, производившіяся одновременно съ Лондономъ, или, даже, при его посредствѣ, не могли уже болѣе продолжаться, а разъ они остановились, все зданіе, построенное на нихъ, неизбѣжно должно было рухнуть. При этомъ должно было рушиться и обаяніе, окружавшее фирмы, которыя торговали исключительно кредитомъ; паденіе грозило и тѣмъ домамъ, которые слишкомъ компрометировали себя связями съ этими фирмами, или же вели до этого свои коммерческія операціи преимущественно при помощи кредита; паденіе, наконецъ, было неизбѣжно и для цѣнъ на товары, которыя только помощью подобныхъ средствъ могли быть взвинчены на свою непомѣрную высоту. Ко всему этому надо было готовиться заранѣе и въ Гамбургѣ это поняли. Безграничная, неописанная паника овладѣла Гамбургской биржей. Свалившись съ своего седьмаго неба, биржа видѣла передъ собою безконечный рядъ потерь, затрудненій и банкротствъ".

Стоило лопнуть малѣйшему звену въ туго натянутой цѣпи, и вся цѣпь неминуемо должна была распасться; это лежало въ порядкѣ вещей. Уже кризисъ въ Америкѣ нанесъ значительные убытки гамбургскому купечеству, торговыя сношенія котораго съ этой частью свѣта возросли въ 1856 г. на 14 милліоновъ марокъ. Паденіе лондонскихъ фирмъ, имѣвшихъ дѣла съ Сѣверомъ Германіи, окончательно прорвало мыльный пузырь. „Сначала одинъ купецъ попалъ въ стѣснительное положеніе, благодаря этому рикошету, потомъ другой, третій, четвертый и т. д., писалъ Готфридъ Когенъ въ Grenzboten, — все это были люди, пользовавшіеся до сихъ поръ хорошей коммерческой репутаціей и векселя которыхъ находились во многихъ рукахъ. Недовѣріе сдѣлалось всеобщимъ, никто не хотѣлъ принимать новыхъ векселей, хотя бы съ самыми надежными подписями, потому что являлось сомнѣніе, долго ли еще эти подписи останутся надежными? Телеграфы разносили роковую вѣсть этихъ затрудненій во всѣ европейскіе торговые центры и нигдѣ уже нельзя было болѣе сбыть векселя, подлежащіе уплатѣ въ Гамбургѣ; всякій, получавшій подобные векселя, торопился отослать ихъ обратно. То и дѣло приходили вѣсти о новыхъ несчастіяхъ изъ Англіи, изъ остзейскихъ провинцій, изъ фабричныхъ округовъ; все это были фирмы, стоявшія въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ гамбургскими домами, и опасеніе дальнѣйшихъ пагубныхъ послѣдствій все росло и

росло въ самомъ Гамбургѣ. Вскорѣ никто уже болѣе не довѣрялъ торговой состоятельности своего сосѣда, всякій старался удержать у себя столько денегъ въ рукахъ, сколько могъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, обезпечить себѣ возможность исполненія соихъ обязательствъ. Отсюда—полный застой торговли, полное отсутствіе какихъ бы то ни было коммерческихъ оборотовъ; между тѣмъ банкъ успѣлъ накопить себѣ запасъ серебра въ 45 милліоновъ марокъ. Что пользы было при этомъ въ складахъ, биткомъ набитыхъ товарами, когда никто не хотѣлъ покупать эти товары, или когда они продавались по цѣнамъ, все равно приводившимъ къ банкротству? Большинство товаровъ, цѣны которыхъ были доведены необузданностью спекуляціи до баснословной высоты, теперь подешевѣли на 30%; такимъ образомъ состояніе многихъ уменьшилось до того, что лицамъ этимъ едва оставалось чѣмъ расплатиться съ долгами даже въ томъ случаѣ, если они могли превратить свои товары въ чистое серебро. Крупные банкиры и банки должны были попридерживать свои деньги; иначе и они были бы вовлечены въ общее крушеніе и тогда все было потеряно.

„Всѣ усилія крупныхъ фирмъ, говоритъ „Times", въ соединеніи съ усиліями правительства, не въ состояніи были оживить хоть сколько нибудь довѣріе. Склады товаровъ набиты биткомъ продуктами, не идущими съ рукъ, и векселя, акцептированные самыми почтенными фирмами, цѣнятся немногимъ дороже простой бумаги. Списки банкротствъ, получаемые нами изо дня въ день, такъ длинны и однообразны, что совсѣмъ не стоитъ и публиковать ихъ".

Къ этому, въ заключеніе, присоединилось еще одно обстоятельство, ухудшавшее положеніе дѣлъ: заграничные дома, которые должны были высылать римессы гамбургскимъ фирмамъ, опасались посылать деньги, боясь, что въ случаѣ ихъ гамбургскій корреспондентъ въ этотъ промежутокъ времени обанкротится, имъ придется уплатить свой долгъ дважды. Такимъ образомъ гамбургцы не могли ожидать помощи даже отъ поступленія слѣдующихъ имъ платежей.

Гамбургъ въ эту пору представлялъ втеченіе 14 дней видъ города, осажденнаго непріятелемъ. На биржѣ составлялись предложенія на имя торговой палаты; торговая палата обращалась въ сенатъ, сенатъ подвергалъ эти предложенія на разсмотрѣніе приходскихъ собраній гражданъ, а приходскія собранія гражданъ снова отсылали эти предложенія на пересмотръ сената. Всюду шли ожесточенные споры; съ одной стороны слезно призывали на выручку государственную помощь, съ другой стороны (въ особенности политико-экономическимъ агитаторомъ Г. С. Герцомъ) государственная помощь провозглашалась величайшимъ изъ золъ. Требовали то объявленія всеобщей отсрочки вексельныхъ платежей, то выпуска бумажныхъ денегъ на 40 милліоновъ марокъ, съ принудительнымъ курсомъ; требовали такихъ мѣръ, которыя по своей необычайности имѣли себѣ прецедентъ лишь въ мѣрахъ первой французской революціи,

и даже газеты въ отдѣлѣ объявленій представляли арену, на которой въ дикомъ хаосѣ сталкивались разумныя воззрѣнія и сумасбродныя фантазіи.

23 ноября рѣшено было учрежденіе союза для дисконтированія векселей подъ гарантіи. Уже къ вечеру того же дня подписка на это учрежденіе достигла 14 милліоновъ марокъ ассигнаціями, изъ которыхъ 10% подлежали немедленной оплатѣ. 24 числа союзъ открылъ свою дѣятельность; но уже нѣсколько дней спустя оказалось, что средства его недостаточны для противодѣйствія кризису, такъ какъ векселя, не имѣвшіе на себѣ бланковой надписи союза, нельзя было болѣе ни подъ какимъ видомъ сбыть съ рукъ. Послѣ того, какъ черезъ руки правленія прошло векселей на сумму въ 12 милліоновъ марокъ ассигнаціями, общество уже 28 ноября пріостановило свою дѣятельность, а въ половинѣ мая 1858 г. правленіе объявило участникамъ предпріятія, что изъ тѣхъ десяти процентовъ подписной суммы, которые были взнесены (впрочемъ, и этотъ взносъ былъ произведенъ не сполна) — половина имѣется на лицо; а остальная половина быть можетъ еще будетъ отчасти спасена.

Послѣ того какъ союзъ для дисконтированья векселей оказался недостаточнымъ, а недовѣріе между тѣмъ такъ разрослось, что векселя перестали приниматься вовсе, одинъ человѣкъ попробовалъ противоставить урагану свои единичныя усилія: Карлъ Гейне, сынъ незабвеннаго въ Гамбургѣ Соломона Гейне, вызвался на биржѣ 28 ноября дисконтировать каждому маклеру векселей на сумму до 20,000 марокъ ассигнаціями. Не прошло и часу, какъ у него оказалось въ рукахъ учтенныхъ векселей на 1,000,000 марокъ ассигнаціями. Благодарные маклера почтили его за это безпримѣрной демонстраціей и огласили зданіе биржи троекратнымъ „ура“ въ честь его. Но и это самоотверженіе, — потому что это было дѣйствительно самоотверженіе со стороны Гейне, отказывавшаго, даже, свои собственные векселя, — могло остановить смятеніе лишь на одну минуту; потребность въ учетѣ была слишкомъ велика, уже на слѣдующій день банкротства возобновились и послѣдовали одинъ за другимъ.

27 ноября городскимъ совѣтомъ и собраніемъ потомственныхъ гражданъ была рѣшена новая мѣра—учрежденіе кассы, которая выдавала бы ссуды подъ залогъ товаровъ. То было ссудное учрежденіе съ капиталомъ отъ 10 до 15 милліоновъ марокъ ассигнаціями; ссуды свои оно производило посредствомъ соло векселей на гамбургскую городскую кассу (какъ видитъ читатель, это было полнѣйшее подражаніе мѣрамъ 1799), подлежавшихъ уплатѣ не позднѣе конца іюля 1858 г.; въ обезпеченье оно принимало товары и солидныя бумаги и выдавало ссуду не свыше двухъ третей той суммы, въ которую они были оцѣнены. Заемщикамъ предоставлялось уже самимъ превращать въ деньги полученные ими векселя на городскую кассу. Въ первыя двѣ недѣли эти бумаги лишь съ трудомъ удавалось реализировать, не взирая на то, что въ этомъ моментѣ наибольшаго разгара кризиса запасъ серебра въ банкѣ дошелъ до

100,000,000 марокъ ассигнаціями, дисконтъ упомянутыхъ бумагъ обходился первое время въ 8—10 процентовъ; но начиная съ 15 декабря онѣ стали учитаться по 4—5 процентовъ, между тѣмъ какъ остальные векселя въ то же время лишь съ трудомъ удавалось учесть за 10%.

Третья мѣра была принята 2 декабря; въ этотъ день была установлена закономъ на все время, пока будетъ продолжаться кризисъ, особая административная процедура для банкротствъ. Въ силу этого постановленія, надъ каждымъ должникомъ, который въ данную минуту оказывался несостоятельнымъ выполнить свои обязательства, но считалъ себя въ силахъ выполнить ихъ впослѣдствіи, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, учреждалась администрація изъ кредиторовъ, или при участіи кредиторовъ; администраціею этою и производилась ликвидація всей массы долговъ. Администрація прекращалась до окончанія ликвидаціи, если администраторы убѣждались въ несостоятельности фирмы. Лицо, попавшее подъ такую администрацію, сохраняло свою гражданскую честь, но устранялось отъ занятія почетныхъ должностей на все время, пока состояніе его будетъ находиться подъ администраціей. Это учрежденіе стало быстро разростаться; каждый день новыя фирмы, изъ числа тѣхъ, которыя пріостановили свои платежи, поступали подъ управленіе своихъ кредиторовъ. Изъ 135 домовъ, прекратившихъ свои платежи къ 10 декабря, 65 находились къ этому дню въ вѣдѣньи администрацій; въ большинствѣ этихъ случаевъ, кредиторы частію согласились, частью сами пожелали, чтобы хозяева фирмъ приняли участіе въ учрежденномъ надъ ними управленіи; это служитъ доказательствомъ того, что по крайней мѣрѣ довѣріе къ честности фирмъ, такъ жестоко пошатнувшееся въ Берлинѣ, въ Гамбургѣ оставалось неприкосновеннымъ.

Четвертою мѣрою было рѣшенное 6 декабря городскимъ совѣтомъ и гражданами учрежденіе дисконтной кассы, съ капиталомъ въ 15 милліоновъ марокъ ассигнаціями. Цѣлью этого учрежденія было производить на государственныя средства учетъ тѣхъ векселей, „которые будутъ признаны еще благонадежными". Въ распоряженіе этой кассы было тотчасъ же предоставлено банкомъ пять милліоновъ марокъ подъ обезпеченье принадлежащихъ государству желѣзнодорожныхъ акцій и государственныхъ бумагъ, и дисконтная касса начала свою дѣятельность, нельзя сказать, чтобы съ особеннымъ успѣхомъ. Остальные 10 милліоновъ марокъ долженствовали быть доставлены кассѣ отъ государства наличными деньгами. Съ этою цѣлью былъ отправленъ уполномоченный въ Берлинъ, а когда прусское правительство объявило себя не въ состояніи отпустить просимую сумму,—то въ Вѣну. Австрійское правительство рѣшило уполномочить національный банкъ выдать гамбургской кассѣ ссуду въ 10 милліоновъ. Эта ссуда, выданная за 6 процентовъ и подлежавшая возвращенію въ концѣ

1858 г. [1]), была тотчасъ же отправлена серебряными деньгами съ экстреннымъ поѣздомъ въ Гамбургъ. Этотъ шагъ вызвалъ по всей Германіи благопріятное впечатлѣніе и остается только пожалѣть, что оффиціозная пресса воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы снова начать раздувать соперничество между Австріей и Пруссіей. Гамбургцы имѣли, конечно, свои причины обидѣться тѣми доводами, которыми прусское министерство обставило свой отказъ; имъ, конечно, не лестно было слышать, какъ ихъ обвиняютъ въ легкомысліи и высказываютъ предположеніе, что и эта ссуда въ 10 милліоновъ имъ въ прокъ не пойдетъ; но и прусское правительство нельзя обвинять за то, что оно прежде всего заботилось о собственной безопасности. Мотивы, обусловившіе поведеніе той и другой стороны, изложены въ нѣмецкомъ Vierteljahrsschrift слѣдующимъ образомъ: „Австрія, согласившись такъ легко оказать просимую отъ нея помощь, имѣла, повидимому, въ виду охрану своихъ же прямыхъ торговыхъ интересовъ. Она могла оказать эту помощь безъ затраты государственныхъ денегъ и безъ риску; мало того, она при этомъ даже выигрывала проценты на запасъ серебра, который за весь срокъ ссуды пролежалъ бы мертвымъ капиталомъ въ банкѣ; въ то же время она выигрывала отъ того приращенія кредита, которое обезпечивалъ ей, и банку, этотъ шагъ въ общественномъ мнѣніи; а обстоятельство это имѣло свое немаловажное значеніе въ виду обязательства возобновить платежи звонкой монетой. Гамбургъ—надежный должникъ, 6%, по которымъ была выдана ссуда представляли чистый барышъ, сумма въ 10 милліоновъ марокъ серебряными деньгами была до срока ея возвращенія, 31 декабря 1858 г., вовсе не необходима, такъ какъ австрійскому національному банку предстояло въ силу 24 статьи общегерманскаго монетнаго договора (отъ 24 января 1857 г.) возобновить уплату звонкою монетой лишь 1 января 1859 г. Съ другой стороны у Пруссіи была металлическая монетная норма, ея банкъ имѣетъ въ обращеніи значительное количество билетовъ, базисомъ которыхъ служитъ металлическій запасъ; она, быть можетъ, имѣла въ Гамбургѣ менѣе непосредственныхъ торговыхъ интересовъ, которые ей приходилось бы оберегать; во все продолженіе кризиса, она своему собственному торговому сословію энергично противополагала тотъ принципъ, что торговое сословіе само должно отвѣчать за свои удачи и неудачи, и напрасно негоціанты осаждали правительство просьбами о чрезвычайныхъ мѣрахъ, въ родѣ столь популярной въ Любекѣ отмѣны 29 статьи общегерманскаго вексельнаго закона [2]) или от-

[1]) Она была возвращена еще въ концѣ іюня 1858 г.

[2]) Эта статья постановляетъ, что всякій, владѣющій протестованнымъ векселемъ, можетъ потребовать отъ надписателей предъявленія гарантій, обезпечивающихъ уплату по векселю. Такимъ образомъ, всякій, кто употребилъ вексель обанкротившейся фирмы какъ средство для уплаты по своимъ собственнымъ счетамъ, можетъ по истеченіи срока векселя, быть вынужденъ

мѣны конкурснаго управленія для банкротствъ, въ которыхъ общее состояніе имущества признано достаточнымъ для покрытія долговъ; прусское правительство было того мнѣнія, что ослабленіемъ отвѣтственности за собственныя дѣйствія подрывается одна изъ главныхъ основъ здороваго промышленнаго развитія,—осмотрительность въ веденіи дѣлъ. Не имѣло ли право прусское правительство противупоставить тотъ же принципъ и чужому торговому сословію и не въ правѣ ли оно было отказаться употребить для цѣлей государственнаго вмѣшательства, принципъ котораго само оно у себя не допускало, тѣ средства, которыя могли понадобиться для собственныхъ экономическихъ потребностей страны? Похвала Австріи за союзническую помощь, оказанную ей Гамбургу, вовсе не влечетъ за собою непремѣнно порицаніе Пруссіи. Не только различныя субъективныя воззрѣнія, руководившія обоими правительствами, могли быть въ равной мѣрѣ справедливы, но и фактическія условія, съ которыми каждому изъ этихъ правительствъ приходилось сообразоваться, были различны".

Транспортъ серебра, посланный изъ Вѣны, еще не успѣлъ прибыть въ Гамбургъ, какъ уже оказалось, что дисконтная касса не въ состояніи удержать отъ паденія крупнѣйшія торговыя фирмы Гамбурга, которыя должны были неминуемо увлечь за собою множество другихъ. Вѣсть о томъ, что около полудюжины первоклассныхъ торговыхъ домовъ довели свои вексельныя операціи до безумныхъ размѣровъ, разнеслась и за предѣлы Гамбурга. Про одну изъ этихъ фирмъ, которая обанкротилась въ числѣ первыхъ, писали, что она, при имуществѣ въ 600,000 марокъ ассигнаціями, состояла должна по выданнымъ ею векселямъ на сумму, простиравшуюся до 6 — 7 милліоновъ. Другой большой торговый домъ въ Гамбургѣ, который впослѣдствіи получилъ пособіе отъ правительства, имѣлъ, по увѣренію бременской торговой газеты, еще большую сумму вексельнаго долга, при столь же неблагопріятномъ отношеніи дѣйствительнаго своего имущества къ принятымъ имъ на себя обязательствамъ [1].

представить обезпеченье уплаты по этому векселю. Обезпеченье требуется или въ видѣ поручительства, или въ видѣ залога, и разъ деньги по векселю внесены тѣмъ лицомъ, въ рукахъ котораго онъ находится, лицу этому предоставляется съ своей стороны обратить взысканіе на прежнихъ бланконадписателей, а имъ — на векселедателя. Неудобство этого порядка ничего не значитъ въ сравненіи съ той, необходимой для вексельнаго обращенія, гарантіей противъ сокрытія имущества, которая доставляется сказаннымъ постановленіемъ. Безъ этой гарантіи бланконадписатель и векселедатель легко могли бы скрыть имущество до истеченія срока векселю.

[1]) Одинъ мѣстный гамбургскій листокъ сообщаетъ слѣдующій образчикъ, заимствуя его изъ отчета о состояніи дѣлъ одного гамбургскаго дома, пользовавшагося втеченіе 40 лѣтъ всеобщимъ уваженіемъ. Старшій компаньонъ этой фирмы занималъ высокое положеніе въ первоклассномъ коллегіумѣ города. Но уже въ концѣ 1856 г. фирма эта была по-

Про третью фирму, тоже высоко стоявшую въ общемъ уваженіи, во Франкфуртѣ ходилъ даже слухъ, безъ сомнѣнія преувеличенный, что она, при имуществѣ въ 15 милліоновъ марокъ, выдала на себя векселей на 40,000,000. Всѣ эти фирмы теперь грозили рухнуть и сенатъ былъ готовъ имъ помочь. Карлъ Гейне обратился къ гамбургскому соединенному банку и къ сѣверогерманскому банку,—двумъ учрежденіямъ, возникшимъ въ 1856 г. и успѣвшимъ стать на прочную ногу,—съ предложеніемъ пособить имѣвшимися у нихъ средствами гамбургскому сенату въ его усиліяхъ поддержать крупныя фирмы Годфруа, Бауэръ, Доннеръ, Беренбергъ, Гослеръ и нѣкоторыя другія. Онъ вызвался при этомъ гарантировать отъ себя 40 процентовъ вексельныхъ обязательствъ, предоставляя государству взять на себя гарантію лишь остальныхъ 60%. Сѣверогерманскій банкъ, какъ говорятъ, соглашался взять на себя гарантію 20 процентовъ, а соединенный банкъ — 10 процентовъ; но осуществленіе этихъ

ставлена въ необходимость испросить себѣ какъ благодѣяніе учрежденіе надъ собою администраціи на исключительныхъ основаніяхъ. По балансу, составленному хозяевами этой фирмы къ концу 1856 г., имущество ея простиралось до 291,700 марокъ ассигнаціями. При такомъ имуществѣ положеніе дѣлъ фирмы могло бы считаться прочнымъ, еслибы представители ея ограничились кредитомъ, превышающимъ, по наибольшей мѣрѣ, вдвое сумму ихъ состоянія. Но какъ обстояли дѣла въ дѣйствительности, въ тотъ моментъ когда господа эти прекратили свои платежи? При собственномъ капиталѣ въ 291,700 марокъ, они состояли должны по собственнымъ ихъ указаніямъ 2,062,120 марокъ ассигнаціями; въ дѣйствительности же долговыя обязательства ихъ были еще значительнѣе, такъ какъ въ вышеупомянутое показаніе ихъ вошли какъ, кредиторы, лишь тѣ владѣльцы векселей фирмы, которые уже успѣли въ это время раззориться. Сумма этихъ векселей простиралась въ началѣ декабря до 373,452 марокъ ассигнаціями, а сколько къ ней присовокупилось еще, мы не знаемъ, такъ какъ общая сумма векселей не была показана въ отчетѣ. Насколько вообще эта фирма пользовалась вексельнымъ кредитомъ для замѣны капитала, не хватавшаго для ея громадныхъ операцій, можно судить изъ того, что акцепты ея, ко времени прекращенія ею платежей, простирались до 1,294,914 марокъ ассигнаціями. Всякій, кто прочтетъ эти строки, подумаетъ, что фирма, о которой идетъ рѣчь, была банкирская. Ничуть не бывало. Эта фирма, умѣвшая устоять во всѣ прежніе тяжелые для торговли періоды, занималась коммиссіонерскимъ дѣломъ. Но въ послѣдніе годы вообще вошло въ моду у коммиссіонерскихъ домовъ пользоваться кредитомъ для себя и оказывать его другимъ далеко за предѣлы своихъ средствъ. Та же самая исторія повторилась и здѣсь. Между тѣмъ какъ сумма акцептовъ простиралась, какъ уже было сказано выше, болѣе чѣмъ до милліона марокъ, стоимость товаровъ имѣвшихся въ складахъ фирмы, составляла при наступленіи кризиса не болѣе 25,000 марокъ, наличность простиралась до 7,000 марокъ, а въ вексельномъ ея портфелѣ, за вычетомъ ненадежныхъ векселей, было всего 75,000 марокъ.

мѣръ было парализовано пришедшимъ въ эту самую минуту извѣстіемъ о новыхъ банкротствахъ въ Лондонѣ, за которыми послѣдовало въ Гамбургѣ банкротство одной крупной фирмы, занимавшейся хлѣбной торговлей.

Тогда сенатъ предложилъ гражданамъ употребить тѣ 10 милліоновъ, которые были предназначены для дисконтной кассы, на поддержку упомянутыхъ фирмъ. На совѣщаніяхъ приходскихъ собраній, предложеніе это возбудило ожесточенные споры. Съ одной стороны указывали на несправедливость предоставлять такое преимущество пяти крупнымъ домамъ, между тѣмъ какъ 150 другихъ фирмъ были передъ этимъ предоставлены на жертву банкротства безъ всякой помощи. Указывали, что этимъ поощряется накопленіе товаровъ съ спекуляціонными цѣлями для искуственнаго поднятія цѣнъ, а также злоупотребленіе векселями, и что это неизбѣжно вызоветъ повтореніе тѣхъ же продѣлокъ въ будущемъ, такъ какъ спекулянты, получивъ помощь отъ государства на этотъ разъ, будутъ разсчитывать на нее и впредь; указывали, что эти мѣры, подготовляющія новыя кредитныя затрудненія въ будущемъ, даже не могутъ пособить злу въ настоящемъ и только затянутъ кризисъ въ долгій ящикъ. — Противная сторона старалась склонить гражданъ къ принятію предложенія сената изображеніемъ тѣхъ страшныхъ опасностей, которыми грозило настоящее положеніе дѣлъ. Она утверждала, что паденіе вышеназванныхъ домовъ повлечетъ за собою паденіе большинства гамбургскаго купечества и разореніе всего города; одинъ изъ ораторовъ, намекая на случившійся около этого времени взрывъ пороховаго склада въ Майнцѣ, сказалъ, что когда въ городѣ есть пороховые склады, то прежде всего надлежитъ позаботиться о томъ, чтобы сдѣлать ихъ безопасными, иначе весь городъ взлетитъ на воздухъ. Другіе напоминали, что во время пожара 1842 г. для спасенія угловыхъ домовъ многіе смежные дома были разрушены, что, слѣдовательно, и теперь надо принести всевозможныя жертвы, лишь бы спасти „краеугольные дома биржи". Предложеніе сената, не взирая на сильную оппозицію противъ него, было принято, 10 декабря въ совѣтѣ, и въ общемъ собраніи гражданъ была рѣшена пятая мѣра, а именно: рѣшено было ввѣрить тѣ 10 милліоновъ, которые были получены въ ссуду отъ австрійскаго національнаго банка, особой комиссіи, долженствовавшей составиться изъ трехъ сенаторовъ, двухъ членовъ совѣта гражданъ и двухъ личностей, избранныхъ гражданами изъ шести кандидатовъ, которые долженствовали быть предложены коллегіей шестидесяти. Коммиссія эта должна была употреблять эти суммы для оказанія наиболѣе необходимой помощи крупнѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ фирмамъ „паденіе которыхъ было бы опасно для общаго блага". Одновременно съ этимъ было принято другое рѣшеніе, уполномочивавшее сенатъ заключить новый заемъ въ 5 милліоновъ для снабженія дисконтной кассы необходимыми средствами. Эти 5 милліоновъ, какъ говорятъ, были ссужены снова австрійскимъ банкомъ и вѣроятно были потомъ, при уплатѣ,

включены въ ту партію серебра, которая въ 1858 г. была отослана въ Вѣну.

Благодаря этимъ мѣрамъ кризисъ въ Гамбургѣ началъ ослабѣвать и дѣла улучшились. Главною причиною этого благопріятнаго оборота было нравственное ободряющее вліяніе, какое имѣла широкая помощь, оказанная Австріей, вызвавшая постепенное возстановленіе пошатнувшагося довѣрія. Правда, гамбургскій торговый міръ все еще походилъ на человѣка, только что спасшагося отъ большой опасности, и только теперь, достигнувъ сравнительно безопаснаго положенія, измѣряющаго всю величину ея; до полнаго возстановленія правильнаго хода дѣлъ было еще далеко, такъ какъ теперь только дошелъ до Гамбурга рикошетъ банкротствъ, происшедшихъ въ скандинавскихъ государствахъ, которыя съ самаго начала текущаго десятилѣтія состояли съ этимъ ганзейскимъ городомъ въ самыхъ тѣсныхъ торговыхъ сношеніяхъ;—но все же торговля начала снова свои обычныя отправленія.

Безспорно, упрекъ въ томъ, что государственная помощь не устранила кризиса, а лишь отсрочила его или растянула въ смягченной формѣ на болѣе продолжительное время, не былъ лишенъ основанія; указывали, что этою государственною помощью было облегчено искусственное задержаніе накопленныхъ товаровъ въ складахъ, была затруднена ликвидація и черезъ это было замедлено возвращеніе гамбургской торговли къ условіямъ нормальной, здоровой жизни. Къ тому же лишь теперь выяснилось вполнѣ, какъ далеко заходили эксцессы спекуляціи:—на одной только статьѣ,—на кофе—ввозъ за 1857 г. возросъ до 92,800,000 ф. противъ 76,900,000 ф., на которыхъ онъ стоялъ въ 1856 г. Такъ какъ одновременно съ этимъ фирмы, занимавшіяся ввозомъ этого продукта, задерживали его въ своихъ складахъ, то цѣны на него въ сентябрѣ дошли до такой высоты, что покупатели съ своей стороны стали попридерживать покупкою, и что когда послѣ кризиса цѣны снова пали, онѣ оказались на 40 — 50 процентовъ ниже того maximum'а, на которомъ стояли въ сентябрѣ. Утверждаютъ, что еще къ 1-му января 1858 г. въ гамбургскихъ складахъ было до 34 милліоновъ ф. кофе. По свѣдѣньямъ одной гамбургской мѣстной газеты задержаніе товаровъ въ ожиданіи повышенія цѣнъ зашло такъ далеко, что значительныя количества товаровъ перепортились, такъ что, напр., большія партіи масла пришлось продавать на смазку для колесъ.

Всего болѣе пострадалъ Гамбургъ отъ несостоятельности своихъ шведскихъ должниковъ, которымъ былъ оказанъ чрезмѣрный и несоотвѣтствующій средствамъ страны кредитъ. Дѣло въ томъ, что изъ Гамбурга кризисъ во всей своей силѣ перебросился въ скандинавскія королевства и вызвалъ тамъ смятеніе, паденіе кредита и застой въ дѣлахъ, такъ близко походившіе на гамбургскія бѣдствія, что мы можемъ ограничиться описаніемъ этихъ событій вкратцѣ. Въ Христіаніи, Стокгольмѣ и Копенгагенѣ, во всѣхъ торговыхъ цент-

рахъ Швеціи, Даніи и Норвегіи, банкротства разражались одно за другимъ, каждый день приносилъ вѣсти о новыхъ банкротствахъ и крушенія эти продолжались четыре недѣли съ такою силою, что скандинавское населеніе приходило въ ужасъ и отчаяніе. Тотчасъ же было приступлено къ мѣрамъ, представлявшимъ подражаніе гамбургскимъ мѣропріятіямъ: въ главнѣйшихъ мѣстахъ скандинавскихъ королевствъ были учреждены союзы, дѣлавшіе ссуды подъ гарантіи, въ Копенгагенѣ, Аальборгѣ, Христіаніи и Тенсбергѣ, въ Стокгольмѣ и Фленсбургѣ были устроены кассы для выдачи ссудъ подъ залогъ товаровъ, магистраты главныхъ городовъ Шлезвигъ-Гольштейна и Ютландіи, а также правительства трехъ королевствъ выдали заимообразно значительныя суммы на поддержаніе торговаго сословія; въ герцогствахъ Шлезвигѣ, Гольштейнѣ и Лауэнбургѣ было издано постановленіе, разрѣшавшее тѣмъ городамъ гдѣ, вслѣдствіе тогдашняго застоя въ денежномъ и товарномъ обращеніи окажется желательною поддержка торговой и ремесленной дѣятельности со стороны государства, учрежденіе ссудныхъ банковъ и, въ случаѣ надобности, дисконтныхъ кассъ, съ освобожденіемъ отъ штемпельной пошлины и отъ законныхъ ограниченій размѣровъ процента; при этомъ залогамъ, ввѣреннымъ подобнымъ учрежденіямъ, гарантировалась полнѣйшая безопасность, такъ какъ въ случаѣ назначенія конкурса надъ должникомъ, изъ залоговъ этихъ на удовлетвореніе остальныхъ кредиторовъ, поступалъ лишь тотъ остатокъ, который очистится послѣ покрытія долга учрежденію. Между гамбургскими кредиторами и ихъ стокгольмскими должниками завязались длинные переговоры, въ результатѣ которыхъ стокгольмскій союзъ для ссудъ подъ гарантію обязался удовлетворить гамбургскихъ кредиторовъ выпускомъ облигацій, которыя предполагалось обратить въ деньги въ Гамбургѣ, такъ какъ тамъ дисконтъ, вслѣдствіе постоянно возраставшаго недостатка матеріала для дисконтированья снова упалъ до $2^3/_4$ процентовъ. Такъ какъ при медленности и запутанности конкурсной процедуры въ Швеціи и полной почти несостоятельности тамошнихъ купцовъ, ликвидація судебнымъ порядкомъ была почти невозможна, то не оставалось никакого другаго выхода кромѣ полюбовныхъ соглашеній. Но желательное разрѣшеніе этого дѣла затянулось до конца 1858 г. То обстоятельство, что изъ Даніи и Швеціи за колоніальными и мануфактурными товарами обращались нѣкоторое время преимущественно помимо Гамбурга въ Голландію и Англію, показывало, что тамошнее купечество еще не покрыло своихъ долговъ въ Гамбургѣ и искало кредита въ другомъ мѣстѣ.

Въ одной Даніи число обанкротившихся домовъ простиралось до 200, изъ которыхъ 77 проходилось на одинъ Копенгагенъ. Едва ли многимъ меньше были размѣры несчастія въ Швеціи, о которой не имѣется точныхъ свѣдѣній. Въ обоихъ королевствахъ тысячи рабочихъ были отпущены и весною 1858 г. швед-

ское правительство распорядилось сдѣлать разслѣдованье о положеніи рабочаго класса.

Въ Мекленбургъ-Шверинѣ, куда тоже распространилось дѣйствіе гамбургскаго кризиса, великій герцогъ помогъ купечеству Шверина и Ростока тѣмъ, что гарантировалъ ростокскому банку ссуду въ одинъ милліонъ таллеровъ помѣстьями, составлявшими частную его собственность; заемъ этотъ былъ заключенъ при посредствѣ сѣверо-германскаго банка, реализировавшаго его звонкой монетой.

Любекъ тоже получилъ страннымъ образомъ помощь изъ Гамбурга: сѣверо-германскій банкъ ссудилъ городу Любеку 600,000 таллеровъ, которые этотъ послѣдній напрасно пытался исходатайствовать у прусскаго правительства, не сойдясь съ нимъ въ условіяхъ. Кредитъ до такой степени упалъ въ Гамбургѣ, что собственныя его кредитныя учрежденія охотнѣе давали ссуды иностранцамъ, чѣмъ собственнымъ согражданамъ и что около 3 милліоновъ марокъ было отправлено въ остъ-зейскія провинціи двѣ недѣли спустя послѣ того, какъ Гамбургъ нашелъ себя вынужденнымъ обратиться за 10 милліонами на берега Дуная. Пріостановка 29 параграфа вексельнаго закона, въ силу котораго лицо, акцептировавшее вексель, въ случаѣ надъ нимъ будетъ назначенъ конкурсъ, должно представить обезпеченье, не была принята въ Гамбургѣ; въ Любекѣ же была примѣнена эта мѣра, хотя и безъ особенной пользы.

Поразительно твердо держался среди всѣхъ этихъ обстоятельствъ Бременъ. Цифра ввоза и вывоза Бремена составляла въ 1856 г. около 140 милліоновъ таллеровъ золотомъ, вмѣсто 110 милліоновъ, на которыхъ она стояла въ 1855 г. Бременская „Торговая газета" оцѣнивала увеличенье оборота капиталовъ приблизительно въ 13 милліоновъ таллеровъ. Цифры эти съ тѣхъ поръ постоянно возрастали. При населеніи въ 60,000 человѣкъ общій итогъ торговли Бремена составлялъ не болѣе одной четверти гамбургской торговли, слѣдовательно, размѣры торговой дѣятельности Бремена были менѣе значительны и по сравненію съ цифрой населенія. Торговля же Бремена съ Америкой, наоборотъ, была вдвое значительнѣе торговли Гамбурга. Между тѣмъ, какъ торговые обороты послѣдняго съ Соединенными Штатами за 1856 г. составляли въ общей сложности на 15,500,000 таллеровъ золотомъ (включая ввозъ и вывозъ) обороты Бремена простирались до 32,000,000 таллеровъ золотомъ. Слѣдовательно, американскій кризисъ долженъ бы былъ сильнѣе отозваться на Бременѣ; между тѣмъ городъ этотъ показалъ энергическій отпоръ кризису. Общій характеръ развитія Бремена и его населенія дѣлаютъ это явленіе вполнѣ понятнымъ. Въ Бременѣ не существуетъ такой роскоши какъ въ Гамбургѣ, слѣдовательно, нѣтъ и такихъ стимуловъ къ рискованнымъ предпріятіямъ. Тѣ богатства, которыя тамъ создаются, создаются продолжительными, терпѣливыми усиліями, а не быстрыми, геніальными, но рискованными фокусами. Самое воспитаніе бре-

менцевъ уже ведется въ этомъ духѣ. Это, однако, нисколько не парализуетъ духъ предпріимчивости и молодые люди охотно отправляются за море, способствуя возникновенію бременскихъ коммандитовъ во всѣхъ частяхъ свѣта, устроиваются на жительство во всѣхъ портахъ Океана и, въ то же время, болѣе чѣмъ какіе либо другіе выходцы, сохраняютъ связь съ своимъ роднымъ городомъ. Поэтому, бременская торговля имѣетъ во всѣхъ промышленныхъ центрахъ міра своихъ представителей въ лицѣ прирожденныхъ бременцевъ или ихъ потомковъ, которые сохраняютъ традиціи торговой солидарности, доставшіяся имъ отъ дальней родины, какъ драгоцѣнное наслѣдство. Эти то надежныя торговыя связи и составляютъ главный секретъ процвѣтанія бременской торговли. Послѣдней почти не приходится ввѣряться чуждымъ, незнакомымъ ей личностямъ; она повсюду имѣетъ агентами своихъ соотечественниковъ, и потому на долю ея достается меньше потерь, чѣмъ на долю Гамбурга, не взирая на то, что положеніе послѣдняго благопріятнѣе. Бременъ имѣлъ вдвое большее количество обязательствъ на Америку, чѣмъ Гамбургъ, такъ какъ доставка нѣмецкихъ фабрикатовъ въ Америку шла болѣе, чѣмъ когда либо черезъ Бременъ но—почти всѣ нѣмецкіе дома въ Сѣверной Америкѣ, имѣвшіе сношенія съ Бременомъ, устояли во время кризиса, и уже въ декабрѣ 1857 г. пароходы стали привозить изъ Нью-Іорка римессы звонкою монетой. Были и въ Бременѣ случаи банкротства, отсрочки векселей и злоупотребленій вексельнымъ кредитомъ, но далеко не въ такихъ размѣрахъ, чтобы вызвать опасеніе катастрофы. Отсрочки векселей показывали услугу, однородную съ услугой банка для ссудъ подъ залогъ товаровъ. Хотя этого рода банкъ и былъ учрежденъ въ Бременѣ по примѣру 1799 г., но къ нему обращались лишь единичныя личности изъ торговаго сословія, такъ какъ для большинства вышеназванный способъ оказывался удобнѣе. Фактъ этотъ служитъ доказательствомъ, что въ Бременѣ кредитъ не былъ поколебленъ, что, слѣдовательно, кризисъ почти не коснулся этого города, потому что, въ противномъ случаѣ, отсрочка векселей не могла бы состояться. Такимъ образомъ кризисъ 1857 г. явственно выставилъ на видъ, какъ то было указано "Бременской торговой газетой", различіе двухъ системъ, господствовавшихъ въ Гамбургѣ и въ Лейпцигѣ. При системѣ кредита, основанной на векселяхъ съ бланковыми надписями,—той системѣ, которая вовлекла въ пропасть Гамбургъ, самый кредитъ становится предметомъ торговли, которымъ промышляютъ, и притомъ тѣмъ охотнѣе, чѣмъ съ большею легкостью достается наживаемый при этомъ барышъ. Бременскія же торговыя обязательства, напротивъ, имѣли реальную подкладку и были основаны на товарной торговлѣ. Такъ какъ бременская товарная торговля не дѣлаетъ изъ самого кредита предмета выгодныхъ аферъ, то она и дѣйствуетъ осмотрительнѣе, тщательнѣе наводитъ предварительныя справки и вообще имѣетъ возможность обозрѣвать и контролировать на мѣстѣ положеніе дѣлъ своихъ должниковъ. Бремен-

ское торговое сословіе, не зарывающееся въ своихъ спекуляціяхъ за предѣлы своихъ капиталовъ, не имѣетъ поэтому и надобности униженно вымаливать себѣ помощь государства. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ въ Бременѣ произошло за этотъ періодъ лишь незначительное число банкротствъ — не болѣе 14, насколько мы могли удостовѣриться изъ наведенныхъ справокъ.

Въ Гамбургѣ убытки происшедшихъ тамъ 150 банкротствъ оцѣниваются въ 200 милліоновъ марокъ ассигнаціями. Изъ этихъ обанкротившихся фирмъ, 16 возобновили нѣсколько времени спустя свои платежи: нѣкоторыя уплатили, 60, другія — 45, третьи — 25 процентовъ своего долга, многія уплатили не болѣе 10 проц., а иныя и совсѣмъ ничего не уплатили.

Вслѣдъ за упомянутыми выше нѣмецкими городами, кризисъ распространился на Альтону, Магдебургъ, Кёльнъ, Лейпцигъ, Штутгартъ; въ Целле лишилъ себѣ жизни Гостманъ, въ Гейдельбергѣ — Фрисъ, въ Гамбургѣ — одинъ маклеръ; въ Герлицѣ — три негоціанта покончили самоубійствомъ.

Изъ Гамбурга кризисъ перебросился въ Южную Америку и Австралію, на острова южнаго Океана и Остъ-Индскаго архипелага; изъ Ріо-Жанейро, Буэносъ-Айреса, Вальпарайзо и Гваяквилы, изъ Портъ-о-Пренса въ Гаити и, даже, изъ Батавіи то и дѣло приходили вѣсти о банкротствах.ъ

Изъ всѣхъ странъ съ значительнымъ промышленнымъ развитіемъ, всѣхъ стойче держалась Швейцарія; о сколько нибудь значительныхъ банкротствахъ оттуда совсѣмъ не было слышно. Тѣмъ не менѣе, страна эта, вслѣдствіе тѣсныхъ торговыхъ сношеній, въ которыхъ она стояла съ Соединенными Штатами, понесла значительные убытки вслѣдствіе американскаго кризиса; вь особенности тяжело отозвался онъ на ея часовомъ, шелковомъ и бѣлошвейномъ производствѣ. Въ двухъ первыхъ отрасляхъ нѣсколько тысячъ работниковъ лишились занятій; что касается послѣдней отрасли промышленности, то застой въ ней былъ, сравнительно говоря, менѣе тягостенъ для населенія, такъ какъ рабочее населеніе кантоновъ С.-Галлена и Апенцеля, гдѣ она главнымъ образомъ распространена, занимается ею, какъ побочнымъ дѣломъ, рядомъ съ скотоводствомъ, и потому не зависитъ отъ нея всецѣло въ дѣлѣ своего пропитанья. Бережливость и солидное богатство Швейцаріи способствовали тому, что раны, нанесенныя промышленности, залечились здѣсь скорѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ постигнутыхъ кризисомъ.

Въ Гамбургѣ послѣдствія кризиса ощущались еще очень сильно даже весною 1858 г. Въ апрѣлѣ оттуда писали: „Въ нашей гавани вотъ уже полгода стоитъ праздно множество прекрасныхъ кораблей, частью потому, что хозяева ихъ подпали подъ конкурсную администрацію, частью же за недостаткомъ фрахта. Иначе оно и быть не можетъ, такъ какъ всѣ дѣла по экспортной торговлѣ за послѣдніе шесть мѣсяцевъ совершенно стали. Но и ввозъ товаровъ равнымъ образомъ остановился. Ежедневные отчеты о движеніи въ нашей га-

вани, хотя и показываютъ достаточное число прибывающихъ кораблей, но большинство ихъ приходятъ съ однимъ только баластомъ. Сколько времени имъ придется простоять здѣсь въ ожиданіи достаточнаго груза и не будутъ ли они вынуждены уйти назадъ съ тѣмъ же баластомъ,—это никто напередъ сказать не можетъ".

Послѣдствія гамбургскаго кризиса для нѣмецкой промышленности внутри страны были неминуемы, такъ какъ Гамбургъ развозитъ всевозможные продукты во всѣ страны свѣта. Такъ какъ сбытъ остановился, то, естественнымъ образомъ, и заказы уменьшились и промышленные округи сильно пострадали; особенно тяжело отозвался этотъ застой на фабрикахъ бумажныхъ тканей въ Пруссіи, Саксоніи и Тюрингенѣ, на шелковыхъ фабрикахъ въ Крефельдѣ, на производствѣ ювелирныхъ издѣлій и предметовъ роскоши въ Ганау и Пфорцгеймѣ, а такъ же на портфельныхъ фабрикахъ въ Оффенбахѣ и на суконныхъ фабрикахъ въ Ахенѣ; всѣ эти заведенія лишились вывоза своихъ продуктовъ въ Америку и въ Англію.

Особенно сильно пострадала въ этомъ отношеніи также Вѣна и другіе фабричные центры Австріи. Еще въ половинѣ мая оттуда жаловались: — „На среднемъ сословіи по прежнему тяжелымъ гнетомъ лежатъ послѣдствія недавняго кризиса и отъ времени до времени все еще слышно о случаяхъ единичныхъ, хотя и незначительныхъ банкротствъ. Въ производствѣ предметовъ роскоши насталъ положительный застой, и купецъ, въ своемъ роскошномъ магазинѣ, боязливо выжидаетъ покупщика, который между тѣмъ заглядываетъ лишь изрѣдка. Всѣ стараются по возможности ограничить свои расходы и никогда еще въ одномъ году не появлялось столько публикацій о продажѣ загородныхъ домовъ, никогда очаровательныя окрестности Вѣны не были такъ заброшены горожанами, какъ въ настоящее время. Промышленникъ вздыхаетъ о кредитѣ и не находитъ его, или находитъ при такихъ условіяхъ, которыя равняются для него полному разоренію. При поставкѣ своего товара онъ получаетъ вмѣсто наличныхъ денегъ векселя, наилучшіе изъ которыхъ онъ съ трудомъ можетъ учесть съ потерею 15 процентовъ; за учетъ векселей худшаго достоинства 2—3 процента въ мѣсяцъ не представляютъ ничего необычайнаго".

Не взирая на всѣ эти бѣдттвія, а также на то, что ярмарки въ Франкфуртѣ на Майнѣ и въ Лейпцигѣ дали очень неблагопріятный результатъ, что всюду большинство торговыхъ предпріятій остановилось и не подавало надежды къ скорому оживленію, все таки нигдѣ дѣло не дошло до опасной крайности; это слѣдуетъ приписать съ одной стороны значительному паденію цѣнъ на предметы жизненной необходимости, а съ другой — тому обстоятельству, что многіе рабочіе могли снова вернуться къ земледѣлію, въ которомъ за послѣдніе годы ощущался значительный недостатокъ рукъ.

Продолжительная остановка торговли и жалобы, вызванныя этимъ обстоятельствомъ, побудили англійскій журналъ „Economist“ провести въ своемъ нумерѣ отъ 1 мая 1858 г. параллель между кризисами 1847 и 1857 г. Главныя основанія этой параллели заслуживаютъ упоминовенія. „До насъ доходятъ, говоритъ англійскій журналъ, выраженія удивленія по поводу той медленности, съ которою оживаетъ торговля послѣ постигшаго ее бѣдствія. Количество звонкой монеты въ англійскомъ банкѣ возрасло до 18,674,750 ф. ст. (—оно успѣло даже дойти до 18,700,000 ф. ст.) съ тѣхъ 6,484,000 ф. ст., на которыхъ оно стояло 18 ноября, — другими словами, менѣе чѣмъ въ пять мѣсяцевъ запасъ звонкой монеты увеличился на 12,000,000 ф., или почти на двѣ трети. Дисконтъ на оффиціальномъ денежномъ рынкѣ съ 10 процентовъ снова палъ до $2^1/_2{}^0/_0$, — и не взирая на это торговля не показываетъ ни малѣйшаго признака оживленія. Капиталы накопились, но довѣріе не возстановилось. Для того, чтобы стянуть значительное количество драгоцѣнныхъ металловъ понадобилось меньше времени, чѣмъ на то, чтобы возстановить кредитъ,—фактъ, доказывающій, что въ дѣлѣ обезпеченья благополучнаго хода торговли, нравственные моменты и репутація личностей имѣютъ большее значеніе, чѣмъ денежныя средства. Подобнымъ же образомъ обстоятъ дѣла и въ Соединенныхъ Штатахъ. По послѣднимъ отчетамъ изъ Нью-Іорка запасъ наличныхъ денегъ въ тамошнихъ банкахъ простирался 7 октября до 7,800,000 долларовъ; къ 10 апрѣля онъ возросъ до 32,000,000 долларовъ, а въ предшествующемъ мѣсяцѣ сумма эта стояла даже на 32,900,000 долларовъ,—т. е. за срокъ отъ октября до марта она увеличилась болѣе, чѣмъ въ четверо. Дисконтъ былъ необычайно низокъ; въ спросѣ были только государственныя бумаги, которыя однѣ признаются за надежное помѣщеніе денегъ; въ торговлѣ не замѣчалось никакого проблеска жизни. Въ Америкѣ банки пріостановили свои платежи шестью недѣлями раньше того момента, когда кризисъ дошелъ до насъ, и застой въ ожиданіи возстановленія кредита и возвращенія довѣрія тянется тамъ дольше, чѣмъ въ Европѣ. Обстоятельство это имѣетъ важное значеніе для надеждъ нашихъ въ будущемъ: оно позволяетъ намъ разсчитывать, что американская торговля, разъ она воскреснетъ, воскреснетъ на дѣйствительно здравыхъ основаніяхъ; но до этого намъ приходится ждать, а пока длится это ожиданіе, наша торговля съ Соединенными Штатами бездѣйствуетъ и это замедляетъ возстановленіе собственнаго нашего процвѣтанья.

„Если мы оглянемся на эпоху, послѣдовавшую за катастрофой 1847 г., то удивленіе, высказываемое теперь по поводу медленности, съ которой возрождается торговля, окажется лишеннымъ всякаго основанія. 23 октября 1847 г. запасъ наличныхъ денегъ въ англійскомъ банкѣ составлялъ 8,300,000 ф. ст. и къ ноябрю 1849 г. онъ не достигъ даже двойнаго количества сравнительно съ этой цифрой. Въ концѣ апрѣля онъ составлялъ не болѣе 12,800,000 ф. ст.,

хотя въ мартѣ стоялъ на 15,300,000 ф. ст. Дисконтъ банка, бывшій въ октябрѣ 1848 г. не выше 8 процентовъ, къ концу апрѣля 1848 г. все еще стоялъ на 4%. Торговля, судя по размѣрамъ вывоза, оставалась значительную часть года все еще въ плачевномъ состояніи. Въ исходѣ первыхъ шести мѣсяцевъ объявленная стоимость вывозимыхъ товаровъ была на 9,800,000 ф. ст. ниже цифры вывоза за соотвѣтствующій промежутокъ времени въ 1847 г., хотя за весь 1848 г. уменьшеніе это составило неполныхъ 6,000,000 ф. ст. Изданный въ послѣднее время отчетъ о „положеніи дѣлъ въ 146 торговыхъ домахъ и 5 банкахъ, которые въ періодъ кризиса съ начала ноября 1857 г. по конецъ февраля 1858 г. пріостановили свои платежи", содержитъ въ себѣ, если не ошибаемся, полный перечень всѣхъ „значительныхъ" банкротствъ и пріостановокъ платежей, какія воспослѣдовали за этотъ періодъ времени. 4 марта 1848 года нами былъ напечатанъ „списокъ банкротствъ, происшедшихъ во время торговаго кризиса 1847—1848 г.". Нашъ списокъ обнималъ періодъ отъ начала августа до конца января и въ него вошло до 245 фирмъ, — въ томъ числѣ 11 банковъ. Не имѣя въ виду сравненіе между дѣйствительными потерями, причиненными тогдашнимъ кризисомъ и теперешнимъ, такъ какъ для такого сравненія мы не имѣемъ надлежащихъ данныхъ,—мы все же должны сказать, что количество банкротствъ и самая продолжительность бѣдствія въ 1847 г. были значительно больше, чѣмъ въ 1857 г. Но за то, интенсивность кризиса 1847 г. была, повидимому, не такъ велика. Крайнія колебанія дисконта въ 1847 году были не такъ рѣзки, какъ въ 1857 г.; въ то время банкъ не былъ вынужденъ, какъ то случилось въ 1857 г., отступить отъ закона 1844 г. Безъ сомнѣнія, разительная быстрота, съ которою развились средства сообщенія въ промежутокъ между 1847 и 1857 гг. значительно сократили продолжительность того срока, который требовался для обнаруженья результатовъ какъ ложныхъ, такъ и правильныхъ промышленыхъ операцій. Поэтому мы въ правѣ предположить, что возвращеніе торговли къ нормальной своей дѣятельности, въ особенности послѣ того, какъ капиталъ уже снова успѣлъ накопиться до необычайныхъ размѣровъ, произойдетъ сравнительно быстрѣе, чѣмъ въ 1848 г.

„Далѣе не слѣдуетъ забывать, что парижская революція разстроила торговлю по всей Европѣ и если она временно и загнала въ Англію часть капиталовъ, искавшихъ себѣ безопаснаго помѣщенія, то она въ то же время уменьшила спросъ со стороны нашихъ обычныхъ потребителей и нарушила установившіяся условія обмѣна во всѣхъ странахъ. Конечно, мы и теперь не свободны отъ политическихъ тревогъ, которыя возбуждаетъ въ насъ вопросъ о выдачѣ бѣжавшихъ преступниковъ, перемѣна министерства, и т. п.; но тѣ опасенія, которыя возбуждали въ торговомъ мірѣ текущія политическія событія, далеко не причиняли въ немъ такого смятенія и не ставили ему такихъ препятствій, какъ революція 1848 г. Нѣкоторое смятеніе, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ

ожидали, причинило въ торговлѣ индѣйское возстаніе, наихудшія послѣдствія котораго мы, должно надѣяться, уже пережили. Вообще же говоря, какъ наши обширныя колоніальныя владѣнія, такъ и остальныя государства наслаждаются миромъ и благоденствіемъ, лишь отъ времени до времени нарушаемыми эксцессами торговли.

Въ сущности ни одинъ изъ великихъ источниковъ разительнаго прогресса, совершившагося съ 1848 г., — ни открытыя золотыя розсыпи, ни увеличенье населенія въ Австраліи, ни изумительное развитіе желѣзныхъ дорогъ и телеграфныхъ сообщеній,—не изсякъ и не оскудѣлъ и это не только даетъ намъ право надѣяться на болѣе быстрое оживленіе торговли, чѣмъ въ 1848 г., но и служитъ намъ достовѣрнымъ ручательствомъ въ томъ, что элементы роскошнаго и прочнаго процвѣтанія имѣются на лицо. Въ 1847 г. значительныя массы труда и капитала были употреблены ошибочно и расточались на желѣзнодорожныя предпріятія, которыя или не были доведены до окончанія, или же, какъ бы велики ни были благодѣянія, оказанныя ими обществу впослѣдствіи, въ началѣ не приносили рѣшительно никакой пользы. Въ 1857 г. ошибка въ употребленіи капитала и труда была другаго рода и не была сопряжена съ такими значительными потерями или съ такой значительной отсрочкой ожидаемыхъ полезныхъ результатовъ. По сколько необузданность коммерческихъ предпріятій выходила за предѣлы торговаго сословія и выражалась не въ одномъ черезмѣрномъ расширеніи кредита, отъ котораго всего болѣе страдали сами же негоціанты, эксцессы эти, повидимому, возбудили въ чужихъ странахъ большее расположеніе къ нашимъ продуктамъ и усилили спросъ на послѣдніе, а это обстоятельство, которое въ прошломъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ единичныхъ случаевъ, не было сопряжено ни съ какими особенно значительными убытками, въ будущемъ не можетъ не отозваться благопріятно, расширеніемъ нашей торговли. Упомянутое уже выше быстрое увеличенье запаса звонкой монеты въ банкѣ, служитъ, какъ намъ кажется, доказательствомъ того, что кризисъ 1857 года, хотя онъ и проявился острѣе и пагубнѣе и былъ сопряженъ для отдѣльныхъ личностей съ бо́льшими потерями, тѣмъ не менѣе, былъ кратковременнѣе и на національное благосостояніе имѣлъ въ дѣйствительности менѣе подрывающее дѣйствіе, чѣмъ кризисъ 1847 г.

„Потрясеніе довѣрія въ то время было, по всѣмъ вѣроятіямъ, значительнѣе. Совершенный неурожай картофеля въ Ирландіи, происшедшій въ 1846 г. былъ злополучною причиною великихъ затрудненій и потерь; ничего подобнаго въ 1856 и 1857 гг. не было. Къ тому же въ періодъ, предшествовавшій 1847 г. въ системѣ нашей торговли произошли важныя измѣненія, которыя могли бы быть выставлены и дѣйствительно выставлялись, какъ оправданіе ошибочныхъ разсчетовъ. Ничего подобнаго въ новѣйшее время не произошло; война съ Россіею есть единственное крупное событіе внѣшней политики, которое за

послѣднее время имѣло вліяніе на торговлю и дѣйствіе ея, вообще говоря, перестало быть ощутительно еще до наступленія 1857 г. Причина разстройства лежала исключительно въ самомъ торговомъ сословіи, и хотя мы и готовы допустить, что трудности, возникшія въ положеніи послѣдняго вслѣдствіе такого важнаго обусловливающаго момента, какъ открытіе новыхъ золотыхъ розсыпей, могли служить ему извиненіемъ, все же потеря довѣрія должна быть приписана поведенію самаго торговаго сословія. Между тѣмъ, оказалось съ полною ясностью,—и торговое сословіе не могло не замѣтить этого факта,—что кредитъ и довѣріе такъ же важны для производительности вообще и для успѣшнаго хода торговли, какъ и капиталъ. Отдѣльныя личности и фирмы не могутъ достигнуть благоденствія безъ взаимной поддержки и довѣрія. Великая задача, которую намъ предстоитъ рѣшить, заключается въ томъ, чтобы отыскать основанія, на которыхъ эта взаимная помощь могла бы быть оказываема разумно, правильно и умѣстно; а для этой цѣли ни одно человѣческое стремленіе не оказывалось столь пригоднымъ, какъ свободная, неограниченная конкурренція, которая свойственна торговлѣ по самой ея сущности и есть необходимое послѣдствіе частной собственности".

XI.

Денежный кризисъ 1863 и 1864 гг. во Франціи.

Вслѣдствія заключенія новыхъ торговыхъ договоровъ, которыми Франція отказалась отъ запретительной системы, 1863 и 1864 гг. оказались особенно благопріятными для французской промышленности и торговли вообще. Правда, хлопчатобумажное производство, вслѣдствіе страшно высокихъ цѣнъ, до которыхъ дошелъ невыдѣланный хлопокъ во время американской войны, а также вслѣдствіе частыхъ колебаній этихъ цѣнъ, обусловленныхъ подвозомъ этого продукта изъ другихъ странъ,—находилось въ самомъ плачевномъ состояніи,—но за то шерстяное производство достигло никогда не бывалаго развитія, шелковое производство процвѣтало и вывозъ винъ дошелъ до такой цифры, какой никто и не ожидалъ.

Послѣдствіемъ этого было то, что вывозъ французскихъ продуктовъ заграницу принялъ небывалые размѣры и требовалъ соотвѣтствующаго капитала. При этомъ, уже въ 1863 г. вывозъ превзошолъ ввозъ на 680,000,000 франковъ. Между тѣмъ для правильнаго хода торговли необходимо, чтобы ввозъ и вывозъ покрывали другъ друга, и даже, чтобы стоимость перваго нѣсколько

превышала стоимость послѣдняго, въ видахъ уравновѣшенія тѣхъ убытковъ, которые могутъ произойти отъ излишней нагрузки; поэтому такая необычайно значительная затрата капитала не могла пройти незамѣченной на денежномъ рынкѣ. Хотя тѣ 700 милліоновъ, которые представляли излишекъ вывоза передъ ввозомъ и должны были вернуться изъ за-границы въ видѣ римессъ, но, такъ какъ французское торговоесословіе обыкновенно даетъ своимъ заграничнымъ покупщикамъ шестимѣсячный кредитъ, то на нѣкоторое время естественнымъ образомъ долженъ былъ ощутиться нѣкоторый недостатокъ оборотнаго капитала и этотъ недостатокъ прежде всего сказался на денежномъ рынкѣ. Еще въ началѣ іюня 1863 г. дисконтъ французскаго національнаго банка стоялъ на $3^1/_2$ процентахъ, но за тѣмъ онъ сталъ быстро подниматься до 4, 5, 6 процентовъ и къ 12 ноября 1863 г. дошелъ до 7%, а къ маю 1864 г.— до 8%. Этотъ фактъ побудилъ многихъ купцовъ обратиться въ министерство торговли съ заявленіемъ, въ которомъ высказывалось опасеніе, чтобы это постоянное повышеніе дисконта не задерживало дальнѣйшаго развитія коммерческой дѣятельности. Повышеніе это уже вызвало затрудненіе въ деньгахъ, или, какъ выражались петиціонеры, денежный кризисъ. Они были того мнѣнія, что образъ дѣйствій французскаго банка не оправдывался обстоятельствами, такъ какъ стѣсненіе происходило, по ихъ мнѣнію, болѣе отъ спекуляціи на благородные металлы, чѣмъ отъ поведенія промышленности производительной. Въ подтвержденіе своего взгляда они приводили то обстоятельство, что оффиціальные списки пошлинъ показываютъ за послѣдніе 5 мѣсяцевъ 1864 г. въ движеніи благородныхъ металловъ разность въ 34 милліона въ пользу ввоза, а въ движеніи товаровъ разность 337 милліоновъ въ пользу вывоза. Изъ этого можно видѣть, какое смутное понятіе имѣли петиціонеры о сущности торговли, такъ какъ, если Франція не хотѣла одарить другія страны сотнями милліоновъ франковъ, она должна была получить обратно полную стоимость вывозимыхъ ею товаровъ, со включеніемъ расходовъ на перевозку и слѣдующей прибыли; ввозъ, какъ уже было замѣчено выше, долженъ превосходить вывозъ. Мы предполагаемъ, что за этотъ излишекъ товаровъ, который былъ вывезенъ, были получены, если и не деньги, то цѣнныя бумаги, въ видѣ ли государственныхъ фондовъ, или же въ видѣ промышленныхъ акцій и облигацій.

Петиціонеры утверждали, правда, что французская торговля отличается черезмѣрною даже осмотрительностью и что ея операціи по закупкѣ сыраго матеріала стояли въ надлежащемъ соотношеніи съ развитіемъ торговой и промышленной дѣятельности; но этому увѣренію противорѣчатъ списки вывезенныхъ товаровъ. Впрочемъ и сами негоціанты приписывали въ концѣ концовъ возникшее затрудненіе излишествамъ спекуляцій, въ которыхъ торговое сословіе было ни при чемъ, и неосторожности французскаго банка. „Эта неосторожность“ заключалась ни въ чемъ иномъ, какъ въ своевременномъ повышеніи

дисконта сказаннымъ банкомъ, повышеніи, наложившемъ узду на спекуляцію. Господамъ Перейра и компаніи, которые стояли за неограниченное расширеніе кредита при дисконтѣ, не долженствовавшемъ превышать $5^0/_0$ и которые разсчитывали эксплуатировать общественный кредитъ въ пользу своихъ грязныхъ проэктовъ, такое освѣщеніе дѣла пришлось, конечно, очень на руку и они изо всѣхъ силъ старались поддержать заявленіе купцовъ.

Вслѣдствіе этого, когда въ 1865 г. парижскіе хозяева ткацкихъ фабрикъ и ліонскіе фабриканты обратились къ императору съ петиціей о назначеніи разслѣдованія надъ образомъ дѣйстій французскаго банка, петиція эта была тотчасъ же уважена. Списокъ вопросовъ, разосланный всѣмъ правительствамъ Европы, заключалъ въ себѣ 42 пункта, и отвѣты на него получились почти отъ всѣхъ правленій банковъ и отъ многихъ частныхъ спеціалистовъ цивилизованныхъ странъ. Въ самомъ Парижѣ втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ засѣдала коммиссія, которая собирала показанія директоровъ французскаго банка, банкировъ, финансистовъ и экономистовъ. Весь этотъ матеріалъ, собранный въ семи томахъ in folio [1]), далъ выводы совершенно противоположные воззрѣніямъ петиціонеровъ, такъ какъ большинство лицъ, дававшихъ показанія, совершенно оправдали поведеніе французскаго банка и вообще признали тѣ принципы здравой практики банковаго дѣла, о которыхъ мы уже не разъ упоминали въ настоящемъ сочиненіи.

Организація французскаго банка вслѣдствіе этого не подверглась никакимъ измѣненіямъ. Къ тому же и торговля давно успѣла вернуться въ свою обычную колею.

Кризисъ 1866 въ Лондонѣ.

Время послѣ кризиса 1857 г. было для Англіи періодомъ тяжелыхъ испытаній, такъ какъ въ 1861 г. началась американская междоусобная война, лишившая одну изъ главнѣйшихъ отраслей англійской промышленности большей части необходимаго для нея сырья. Пессимисты уже не разъ до этого предсказывали погибель англійской хлопчатобумажной промышленности въ случаѣ, если, по какимъ либо обстоятельствамъ, подвозъ хлопка изъ Соединенныхъ Штатовъ остановится. Тѣмъ не менѣе, натискъ бури былъ вынесенъ стойко, и притомъ не одними только крупными фабрикантами, но и рабочими, и рабочими по преимуществу; эти послѣдніе прославились мужествомъ и спокойствіемъ, съ которымъ они несли выпавшее на ихъ долю несчастіе.

---

[1]) Подробное извлеченіе изъ этого отчета находится у М. Вирта, Grundzüge des Nationalökonomie, т. 3. Банковое дѣло.

Лишь немногіе бумагопрядильни, которыя имѣли предусмотрительность запастись ранѣе большимъ количествомъ невыдѣланнаго хлопка,—а это сдѣлали большею частью лишь континентальныя фабрики,—могли продолжать свои работы въ прежнихъ размѣрахъ. Значительное число фабрикъ было вынуждено совсѣмъ закрыться. Другія посадили рабочихъ на половинные рабочіе часы.

Въ 1863 г., т. е. на третій годъ войны, сырой хлопокъ началъ прибывать изъ Египта, изъ Бразиліи и изъ Остъ-Индіи. Англійскія прядильни приспособили свои машины, обработывавшія до сихъ поръ лишь хлопокъ съ длинными волокнами, къ безостановочной обработкѣ хлопка съ короткими волокнами, какой получается изъ Индіи; хемницкіе фабриканты еще раньше ихъ приступили къ этой мѣрѣ.

Вышепоименованныя страны, въ особенности Египетъ и Остъ-Индія, изъ которыхъ первый доставляетъ наилучшій хлопокъ, а вторая — наихудшій, до того расширили у себя производство хлопка, что это послужило поводомъ къ новымъ сочетаніямъ обстоятельствъ въ торговомъ мірѣ и вызвало новое оживленіе спекуляціи. Уже въ 1863 г. частныя торговыя сдѣлки въ лондонскомъ Сити шли такъ бойко, что предприниматели, не взирая на низкій уровень дисконта въ англійскомъ банкѣ, гдѣ онъ стоялъ на 3%, охотно платили до 10 процентовъ, такъ какъ они при помощи занятыхъ денегъ могли нажить въ рискованныхъ спекуляціяхъ по 25 процентовъ и болѣе. Такъ, по крайней мѣрѣ, слышалъ я отъ достовѣрныхъ свидѣтелей въ Лондонѣ.

Съ этими обстоятельствами совпало по времени и вліяніе, оказанное новымъ закономъ объ акціонерныхъ обществахъ, изданнымъ въ 1862 г. Законъ этотъ послужилъ толчкомъ къ основанію значительнаго числа компаній съ ограниченною отвѣтственностью и, въ то же время, былъ причиною того, что большинство акціонерныхъ обществъ и товариществъ, основанныхъ прежде на принципѣ неограниченной отвѣтственности, преобразовались равнымъ образомъ въ общества съ ограниченною отвѣтственностью. Съ 1862 г. по 1868 г. было основано и регистрировано до 3540 новыхъ обществъ, съ номинальнымъ капиталомъ, составлявшимъ въ общей сложности около 700 милліоновъ фунт. ст.; само собою разумѣется, что не всѣ изъ этихъ обществъ дожили до своего фактическаго осуществленія.

Журналъ „Economist" предполагаетъ капиталъ, уплоченный за акціи обществъ съ 1864 по 1866 г., со включеніемъ сюда и премій на акціи, въ 63,105,123 ф. ст., а именно:

на 1864 г. приходится	. . . .	24,229,633 ф. ст.
„ 1865 „ „	. . . .	21,193,930 „ „
„ 1866 „ „	. . . .	17,781,500 „ „

Ежегодныя же денежныя сбереженія въ Англіи тотъ же журналъ оцѣниваетъ въ 130,000,000, ф. ст.

Возрастаніе капитала, пристроеннаго въ желѣзнодорожныя предпріятія, „Economist“ выставляетъ въ слѣдующей таблицѣ за 1861—1865 г.г.

Въ 1861 г. капиталъ, помѣщенный въ открытыхъ уже для сообщенія дорогахъ простирался до	342,386,100	ф. ст.
„ 1862 „ „ „	355,107,280	„ „
„ 1863 „ „ „	373,246,200	„ „
„ 1864 „ „ „	391,396,680	„ „
„ 1865 „ „ „	412,558,100	„ „

Цифры эти показываютъ непрерывное значительное приращеніе этого капитала, которое, однако, было не на столько значительно, чтобы возбуждать опасенія.

Англійскій банкъ, между тѣмъ, повторилъ ошибку, сдѣланную имъ прежде и продолжалъ держать дисконтъ на двухъ процентахъ. „Джонъ Буль, говорили въ Сити, можетъ многое вынести, но 2 процентовъ онъ не можетъ вынести“. Какъ скоро дисконтъ продержался нѣкоторое время на такомъ необычайно низкомъ уровнѣ, онъ обыкновенно порождаетъ рискованныя, фантастическія, дурныя предпріятія. Такъ и теперь: было основано множество новыхъ банковъ, которые, съ своей стороны, чтобы не сидѣть безъ дѣла развивали духъ предпріимчивости и, для того, чтобы получать высокіе проценты, конечно, смотрѣли сквозь пальцы на степень благонадежности своихъ залогодателей и кліентовъ.

Тѣмъ не менѣе, дѣйствительныя уплаты, поступавшія на покрытіе новыхъ предпріятій, были довольно значительны и пробужденная въ 1865 г. прекращеніемъ американской междоусобной войны охота къ торговой дѣятельности была весною 1866 г. еще настолько недавняго происхожденія что не наводила на мысль о близости кризиса. Правда, приготовленія, къ наступившей вскорѣ послѣ того войнѣ бросили мрачную тѣнь на торговыя дѣла, но къ этому событію уже успѣли подготовиться втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, такъ что торговымъ кризисомъ оно не грозило. Не взирая на то, что англійскій банкъ, вслѣдствіе значительныхъ требованій, въ него поступавшихъ, возвысилъ свой дисконтъ въ короткій промежутокъ времени до 8%, въ акціонерныхъ банкахъ и въ частныхъ торговыхъ домахъ, занимавшихся учетомъ векселей, можно было еще имѣть деньги за 7%, а Лондонско-Вестминстерскій банкъ бралъ за небольшія суммы, до 500 ф. ст. включительно, только 5%. 10 мая 1866 г. норма процента стояла на Парижъ и Брюссель—на 4-хъ процентахъ, на Вѣну—на 5%, но на Петербургъ, Туринъ и Франкфуртъ она уже повысилась до 6%, на Амстердамъ—до $6^1/_2$% и на Берлинъ—до 7. Впрочемъ это повышеніе было единственно результатомъ опасеній, возбуждаемыхъ войною.

Поэтому точно ударъ молніи изъ яснаго неба разразилась надъ Лондономъ

въ пятницу 11-го мая вѣсть о пріостановкѣ платежей крупнымъ дисконтнымъ банкомъ, существовавшимъ подъ фирмою Оверендъ, Герни и К°. Вѣсть эта сдѣлалась не только поводомъ, но и сигналомъ къ положительной паникѣ.

Журналъ „Economist“ объявилъ, что это кредитная паника, что, другими словами, означало, что было затѣяно больше предпріятій и выдано болѣе долговыхъ обязательствъ, чѣмъ сколько то позволило имѣвшееся въ запасѣ количество капитала. Въ сущности оно такъ и было, но причина разразившейся паники лежала въ нецѣлесообразной организаціи англійскаго банка, созданной закономъ Пиля. И поэтому то пришлось въ третій разъ пріостановить въ критическую минуту дѣйствіе этого закона, созданнаго именно въ виду такихъ минутъ.

Не мало капитала было также потрачено на покупку неудобореализируемыхъ цѣнныхъ бумагъ и на негодныя предпріятія. Значительное количество такихъ предпріятій оказывало подавляющее вліяніе на рынокъ; никто хорошенько не зналъ, въ чьихъ рукахъ они находятся. Нѣкоторыя личности начинали казаться подозрительными и публика становилась недовѣрчивой. Тѣмъ не менѣе, количество всѣхъ этихъ нездоровыхъ элементовъ было еще не такъ велико, чтобы ими можно было объяснить кризисъ.

Къ тому же въ Лондонѣ давно знали, что домъ Оверендъ, Герни и К° стоитъ не очень то твердо. Въ тѣсномъ кружкѣ негоціантовъ еще въ юлѣ 1865 г., когда старая фирма Оверендъ, Герни и К°, основанная на принципѣ неограниченной отвѣтственности, преобразовалась въ акціонерное общество Оверендъ, Герни и К°, съ ограниченною отвѣтственностью, было очень хорошо извѣстно, что дѣла старой фирмы приняли неблагопріятный оборотъ, исправить который новая фирма была уже безсильна. Самое необузданное и безпримѣрное злоупотребленіе вексельнымъ кредитомъ не могло пособить бѣдѣ.

Внутри страны объ этомъ положеніи дѣлъ не имѣли понятія и какъ въ провинціи вообще очень сильно полагаются на Лондонъ, то тамъ вѣсть о банкротствѣ сказанной фирмы, которое вскорѣ повлекло за собою банкротство и „англійскаго акціонернаго банка“ произвела необычайное смятеніе. Сѣть векселей первой фирмы была раскинута такъ широко, что опасеніе быть вовлеченными въ крушеніе этого карточнаго зданія распространялось на очень значительный районъ. Въ такомъ положеніи никто уже болѣе не считалъ себя въ правѣ полагаться на то, что онъ въ состояніи будетъ покрыть поступающіе на него векселя находящимися еще въ его рукахъ акцептами; каждый вынужденъ былъ приготовиться къ тому случаю, что значительная часть векселей, на которыхъ онъ выставитъ свои бланки, вернется къ нему же. Слѣдовательно, каждый долженъ былъ запастись достаточнымъ количествомъ денегъ, т. е. банковыхъ билетовъ. Но такъ какъ въ обыкновенное время большая часть сдѣлокъ покрывается компенсаціей въ стѣнахъ разсчетной палаты, и потому англій-

скіе негоціанты мало держатъ у себя наличныхъ денегъ, пользуясь англійскимъ банкомъ, какъ денежнымъ резервуаромъ, то естественно во времена исключительной нужды послѣдній испытываетъ натискъ публики въ колоссальныхъ размѣрахъ. Между тѣмъ англійскій банкъ, связанный закономъ Пиля, не можетъ оказывать ожидаемую отъ него помощь. Поэтому каждый наровитъ опередить своего сосѣда, чтобы поспѣть въ банкъ прежде, чѣмъ онъ закроетъ свои двери. Дисконтныя средства банка, которыя въ еженедѣльно публикуемыхъ имъ отчетахъ обозначаются подъ рубрикой: „резервъ билетовъ и звонкой монеты" уменьшаются съ такою стремительною быстротою, что банкъ каждую минуту можетъ очутиться въ необходимости закрыть свои двери за недостаткомъ денегъ, между тѣмъ, какъ въ то же время, въ отдѣленіи банковыхъ билетовъ лежитъ громадный запасъ звонкой монеты и золота имѣется въ изобиліи. Этотъ порядокъ вещей весьма естественно влечетъ за собою такую панику, что каждый стремится стянуть въ свои руки всѣ тѣ деньги, какія только можетъ, что банкиры отказываютъ своимъ кліентамъ въ кредитѣ, что подъ конецъ оказывается даже недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ для покрытія потребностей ежедневной жизни. Во время паники 1866 г. запасъ билетовъ въ банкѣ уменьшился еще сильнѣе, чѣмъ во время дѣйствительныхъ кризисовъ 1847 и 1857 гг. Послѣ того, какъ этотъ запасъ, при дисконтѣ въ 10%, дошелъ до 730,830 ф. ст. правительство увидѣло себя снова вынужденнымъ пріостановить дѣйствіе банковаго закона, который собственно и былъ виновникомъ паники.

Прежде, чѣмъ была принята эта мѣра, между директоромъ англійскаго банка и министерствомъ произошелъ слѣдующій обмѣнъ писемъ:

От директора англійскаго банка 11 мая 1866 г.

Мы считаемъ своимъ долгомъ изложить правительству факты, касающіеся необычайной потребности въ помощи, которая сегодня сказалась въ обращеніяхъ публики къ банку вслѣдствіе банкротства гг. Оверендъ, Герни и К°.

Нами было выдано на этихъ дняхъ банкирамъ, вексельнымъ маклерамъ и купцамъ свыше 4-хъ мил. ф. ст. подъ залогъ государственныхъ фондовъ и векселей. (Англійскій банкъ имѣлъ въ этотъ день резервныхъ билетовъ на 4,950,325 ф. ст. и, кромѣ того, 861,420 ф. ст. въ банковомъ отдѣленіи, слѣдовательно, всѣ его дисконтныя средства простирались до 5,811,745 ф. ст.). Такое количество ссудъ для одного только дня дѣло безпримѣрное и, мы полагаемъ, должно бы быть достаточно для удовлетворенія всѣхъ требованій, хотя сумма эта, которая можетъ быть отослана внутрь страны, по размѣрамъ своимъ вещественно должна затруднить ходъ дѣлъ.

Мы начали сегодня утромъ свои операціи съ резервомъ въ 5,727,000 ф. ст. Изъ резерва этого пришлось произвести столько выдачъ, что мы не увѣрены, останется ли у насъ къ нынѣшнему вечеру 3,000,000 ф. ст., какъ бы высоко мы ни прикидывали запасъ въ провинціальныхъ отдѣленіяхъ банка.

Мы не отвѣчали отказомъ ни на одно основательное требованіе и если только деньги, полученныя отъ банка, не будутъ вовсе изъяты изъ обращенія (—а между тѣмъ, именно это то и случилось)—то нѣтъ основаній опасаться, чтобы этотъ резервъ оказался недостаточнымъ. Г. Л. Голландъ, директоръ, Томасъ Кьюмэнъ Гентъ, вице-директоръ.

Отвѣтъ канцлера казначейства, т. е. министра финансовъ былъ вкратцѣ слѣдующаго содержанія: Мы съ сожалѣніемъ узнали, что резервъ банка, который еще вчера вечеромъ простирался до $5^3/_4$ милліоновъ, въ одинъ день, вслѣдствіе щедраго удовлетворенія банкомъ требованьямъ торговаго сословія втеченіе дѣловыхъ часовъ нынѣшняго дня и вслѣдствіе большой заботливости сказаннаго учрежденія о предотвращеніи несчастія, уменьшился на половину вчершней суммы или, приблизительно, на 3 мил. ф. ст.

Извѣстія и донесенія, которыя были получены правительствомъ втеченіе этого дня, представляли положеніе дѣлъ въ Сити крайне тревожнымъ. Въ Доунингъ-Стритъ являлись депутаціи изъ лицъ, пользовавшихся наибольшимъ вѣсомъ и вліяніемъ и представлявшія собою, какъ частныхъ банкировъ, такъ и акціонерныя общества Лондона. Всѣ эти депутаціи единогласно указывали на настоятельную необходимсть государственнаго вмѣшательства для успокоенія тревоги, господствовавшей въ торговомъ мірѣ, тревоги, дошедшей втеченіе дня до положительной паники.

Существуетъ нѣсколько важныхъ пунктовъ, въ которыхъ этотъ кризисъ разнился отъ кризисовъ 1847 и 1857 гг. Эти два послѣдніе были періодами торговаго распаденія, но главное жизненное условіе банковаго кредита въ ту пору, повидимому, не подвергалось опасности, какъ то случилось теперь.

Кромѣ того, теченіе кризиса было въ то время, сравнительно говоря медленное и умѣренное, между тѣмъ, какъ въ 1866 г. онъ насталъ съ такою ошеломляющей быстротою, что не далъ времени опомниться. Резервъ банка подвергся безпримѣрному въ такой короткій срокъ уменьшенію. Преимущественно это обстоятельство устраняло всякую тѣнь сомнѣнія въ томъ, что обязанность правительства была немедленно принять мѣры, какія она сочтетъ наиболѣе подходящими для успокоенія общественнаго мнѣнія и для предотвращенія опасностей, могущихъ угрожать торговлѣ и промышленности, а потому правительство пришло къ слѣдующему рѣшенію: если директора англійскаго банка, производя свои операціи съ тѣмъ благоразуміемъ, которое свойственно всему ихъ управленію, убѣдятся, что для удовлетворенія справедливыхъ потребностей реальной торговли необходимо расширить учетъ векселей и ссуды надежнымъ заемщикамъ за предѣлы

той нормы, которая установлена закономъ для выпуска билетовъ,—то правительство рекомендуетъ имъ удовлетворять немедленно потребности минуты и не замедлитъ съ своей стороны обратиться къ парламенту за утвержденіемъ тѣхъ мѣръ, которыя будутъ при-этомъ приняты.

Но этого рода учеты и ссуды должны были производиться не иначе, какъ за 10 проц. Правительство выговаривало себѣ даже, въ случаѣ надобности, право поднять этотъ процентъ еще выше. Излишекъ барыша, который получится отъ этихъ кредитовъ, долженствовалъ, по вычетѣ доли, приходящейся банку на покрытіе расходовъ по управленію и другихъ издержекъ, а такъ же на покрытіе риска,—поступить въ государственную кассу.

Резервъ билетовъ и звонкой монеты въ англійскомъ банкѣ состоялъ 26 мая еще изъ 830,865+557,351 ф. ст., а 2 іюня упалъ даже, до 415,410+444,570; въ этотъ промежутокъ консолидированный банкъ по неумѣлости своего правленія обанкротился (22 мая); та же участь постигла 7 іюня банкъ, существовавшій подъ фирмой Эгра и Мастермэнъ; тѣмъ не менѣе къ этому времени резервъ билетовъ и звонкой монеты въ англійскомъ банкѣ успѣлъ снова подняться до 2,167,405 + 658,636. Теперь снова можно было подъ надежное обезпеченье получать ссуды; изъ за границы приходили заказы на покупку англійскихъ бумагъ лучшихъ фирмъ, а также государственныхъ фондовъ. 9 іюня положеніе денежнаго рынка снова настолько улучшилось, что недѣлю спустя уже раздавались жалобы на удержаніе дисконта на 10-ти проц. Простая пріостановка дѣйствія банковаго закона успѣла совершенно успокоить панику и кризисъ быстро и легко сталъ подвигаться къ изцѣленію. Такимъ образомъ въ третій разъ несостоятельность закона Пиля была доказана фактами,—а между тѣмъ, законъ этотъ и понынѣ не устраненъ. Главный виновникъ кризиса, фирма Оверендъ, Герни и К°, былъ постигнутъ вполнѣ заслуженнымъ наказаніемъ конкурса. Еще во время преобразованія старой фирмы въ акціонерное общество съ ограниченной отвѣтственностью „Economist“ высказался очень осторожно о достоинствѣ новыхъ акцій; 11 мая слѣдующаго (1866) года, тотъ же журналъ говоритъ слѣдующее: „въ то время мы не могли высказать то, что мы думали и что было всѣмъ извѣстно, а именно, что старая фирма успѣла, своимъ въ высшей степени опрометчивымъ веденіемъ дѣла, превратить одно изъ самыхъ выгодныхъ предпріятій въ цѣлой Англіи въ одно изъ самыхъ невыгодныхъ. Мы можемъ высказывать лишь то, что мы въ состояніи доказать, а поэтому мы не могли выразить наше тогдашнее воззрѣніе въ печати.

Истинная суть дѣла въ томъ, что старая фирма, дѣйствовавшая на началахъ неограниченной отвѣтственности, принимала, съ цѣлью получать высокіе проценты, ненадежныя обезпеченья“. Чтобы выпутаться изъ затрудненія и раздобыться новыми средствами для веденія дѣла, владѣльцы банка пре-

вратили его въ акціонерное общество съ ограниченною отвѣтственностью. Но и этому акціонерному обществу не удалось очистить Авгіевы конюшни отъ векселей самого плохого сорта и отъ другихъ негодныхъ бумагъ. Это, конечно, еще не могло бы причинить панику, еслибы при этомъ долги фирмы не достигали чрезвычайныхъ размѣровъ и сѣть ея обязательствъ не успѣла раскинуться на всѣ торговые города Англіи. Пассивъ банка простирался до 15,552,003 ф. ст., на покрытіе которыхъ имѣлось всего 120,394 ф. ст. наличными деньгами и 371,983 ф. ст. въ надежныхъ государственныхъ фондахъ,—весь остальной активъ состоялъ изъ векселей и другихъ обязательствъ, большая часть которыхъ была ненадежна.

Паденіе такого большаго торговаго дома съ такою массою долговыхъ обязательствъ, при отсутствіи наличныхъ средствъ для ихъ удовлетворенія, неизбѣжно должно было тяжко отозваться и на ихъ лондонскихъ банкахъ и распространить свои послѣдствія и на провинціальные города. Привычка же держать у себя по возможности меньше наличныхъ денегъ и предоставлять англійскому банку роль общаго казначея, естественно должна была вызвать натискъ публики въ банкъ, натискъ, принявшій тѣмъ болѣе ужасающіе размѣры, что у банка руки были связаны пилевскимъ закономъ и каждый торопился заручиться его помощью до закрытія его дверей.

Вышеупомянутая пріостановка банковаго закона 1844 г. сдѣлалась, слѣдовательно, неизбѣжной. При этомъ снова раздались голоса разумныхъ людей въ пользу отмѣны этого закона. „Economist“ отъ 26 мая констатировалъ тотъ фактъ, что именно этимъ закономъ была искусственно создана паника. Такъ какъ употребительное въ Англіи средство кредитнаго обращенія—банковый кредитъ, было подорвано, то въ распоряженіи банка должно бы было находиться большее количество билетовъ для выполненія образовавшагося пробѣла, между тѣмъ существующимъ закономъ это не допускалось. Сравненіе цифръ запаса звонкой монеты, имѣвшейся въ банкѣ во время послѣднихъ кризисовъ явственно показываетъ пагубное вліяніе этого закона; запасъ звонкой монеты простирался

въ 1837 году до	2,400,000	ф. ст.
„ 1847 „ „	8,312,000	„ „
„ 1857 „ „	6,484,000	„ „
„ 1868 „ „	11,857,000	„ „

Болѣе разительное доказательство полнѣйшей несостоятельности пилевскаго закона трудно было бы и пріискать, такъ какъ почти въ той же мѣрѣ, въ какой запасъ звонкой монеты въ послѣдующіе годы возрастаетъ, паника, сопровождающая кризисъ, увеличивается.

Между прочими болѣе мелкими фирмами, компанія Оверендъ, Гёрни и К° вовлекли въ свое паденіе и желѣзнодорожнаго предпринимателя Пето. Этотъ

послѣдній былъ творцомъ тѣхъ позорно-знаменитыхъ желѣзнодорожныхъ спекуляцій, которыя въ Германіи связаны такою недоброю памятью съ именемъ Струсберга. Каждый разъ, какъ въ какой-нибудь отдаленной странѣ желѣзнодорожный комитетъ не могъ найти охотниковъ подписаться на его акціи,—въ Швеціи, въ Америкѣ, и т. д.—появлялся Пето и умѣлъ посредствомъ разныхъ манипуляцій нажить еще барыши тамъ, гдѣ обыкновенныя компаніи терпѣли убытки. Но—пошелъ кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить. Пето предпринималъ больше, чѣмъ онъ могъ исполнить съ своимъ, хотя и значительнымъ капиталомъ; такимъ образомъ онъ нашелся вынужденнымъ для полученія кредита платить высокіе проценты, жертвою которыхъ онъ и палъ. Пассивъ его простирался до 1,562,664 ф. ст.

30 іюня,—слѣдовательно шесть недѣль спустя послѣ наступленія паники общая цифра резерва въ англійскомъ банкѣ простиралась до 5,218,409 ф. ст., а запасъ звонкой монеты—до 15,042,399 ф. ст. Тѣмъ не менѣе банкъ продолжалъ, вѣроятно въ виду разразившейся въ это время войны, удерживать дисконтъ на 10%. Оправданіемъ этого образа дѣйствій банка послужилъ тотъ фактъ, что по отчетамъ послѣдующихъ недѣль, цифра резерва снова стала падать и это паденіе дошло до 3,100,000 ф. ст. За все это время публика употребляла на три милліона болѣе банковыхъ билетовъ, чѣмъ въ обыкновенное время, такъ что возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли возвысить полномочіе банка выдавать банковые билеты подъ залогъ государственныхъ бумагъ съ 15 милліоновъ до 18,000,000?

До 4 августа 180 акціонерныхъ обществъ подпали ликвидаціи судебнымъ порядкомъ.

11 августа дисконтъ все еще стоялъ на 10%; французское правительство предложило ссуду отъ французскаго банка, но національная гордость, повидимому, воспротивилась принятію такого предложенія. Къ тому же и насосъ дисконтной нормы начиналъ дѣйствовать. Въ слѣдующую затѣмъ недѣлю цифра резерва внезапно поднялась на 1½ милліона ф. ст., такъ что 18 августа она снова стояла на 4,500,000 и банкъ рѣшился понизить дисконтъ до 8%.

Война между тѣмъ кончилась съ поразительною быстротою, а съ нею кончился и кризисъ въ Англіи. 25 августа резервъ уже превышалъ 5½ милліоновъ, — слѣдовательно возросъ на одинъ милліонъ, — и банкъ понизилъ дисконтъ до 7%.

Такъ какъ въ послѣдующія недѣли улучшеніе положенія дѣлъ въ банкѣ шло въ той же пропорціи, то дисконтъ быстро понизился до 6 и до 5 процентовъ.

Одновременно съ этимъ, т. е. въ концѣ августа былъ опубликованъ и отчетъ конкурса, назначеннаго для ликвидаціи дѣлъ фирмы Оверендъ, Гёрни и К°. Отчетъ этотъ былъ слишкомъ поверхностенъ и потому представлялся не-

удовлетворительнымъ; тѣмъ не менѣе изъ него оказывалось, что потери кредиторовъ не такъ велики, какъ того можно было опасаться въ началѣ. Протестованныхъ векселей было на 2 милліона ф. ст.; эти векселя были покрыты частнымъ имуществомъ представителей фирмы, простиравшимся до 1,250,000 ф. ст., и приплатою одного милліона со стороны акціонеровъ. Такимъ образомъ оказалась возможность снова продолжать предпріятіе.

Доказательствомъ того, что причиною паники былъ не кризисъ торговли въ собственномъ значеніи этого слова, а положеніе дѣлъ, создаваемое банковымъ закономъ, служитъ тотъ фактъ, что собственно торговля, не взирая на десятипроцентную норму дисконта, державшуюся три мѣсяца, шла вполнѣ удовлетворительно и проявляла даже въ своихъ результатахъ улучшеніе сравнительно съ предшествующими годами. Особенно разительны цифры, касающіяся торговли съ Америкой:

	1865	1866
Англія ввозила къ себѣ товаровъ изъ Америки на	4,338,917 ф. ст.	30,839,017
Вывозила же она своихъ товаровъ въ Америку на	6,214,937 ф. ст.	15,224,220

Изъ этого явствуетъ, что кризисъ 1866 г. былъ кризисомъ не торговымъ, а денежнымъ.

Паника 1866 г., случившаяся въ такое время, когда на континентѣ господствовалъ, если и не кризисъ, то во всякомъ случаѣ стѣсненное положеніе дѣлъ, привела, какъ мы уже видѣли въ другомъ мѣстѣ, европейскій торговый міръ въ сильное смущеніе, такъ какъ на континентѣ объ англійскомъ банковомъ законѣ имѣли смутное понятіе и потому не могли дать себѣ яснаго отчета о причинѣ паники; это причинило такой вредъ торговымъ отношеніямъ Англіи къ другимъ странамъ, что тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, Лордъ Кларендонъ, счелъ нужнымъ разослать англійскимъ посольствамъ циркуляръ, въ которомъ онъ излагалъ причины кризиса и старался разсѣять господствовавшія опасенія.

„Продолжительное процвѣтаніе торговли, говорилось въ этомъ циркулярѣ, и происшедшее отъ этого возрастаніе богатства возымѣли свои обычныя послѣдствія и послужили поощреніемъ спекуляціи, преимущественно возбудивъ духъ предпріимчивости въ денежныхъ и финансовыхъ операціяхъ, и давъ пищу жаждѣ къ быстрому обогащенію, несовмѣстимому съ медленнымъ и вѣрнымъ путемъ труда. Это-то обстоятельство, въ связи съ событіями на континентѣ, вызвало не только нарушеніе правильнаго хода дѣлъ, но и поколебало довѣріе къ будущему,—это существеннѣйшее условіе, безъ котораго денежный рынокъ не можетъ прійти снова въ здоровое состояніе. Непосредственною причиною кризиса было банкротство крупной фирмы Оверендъ, Гёрни и К°, въ ру-

кахъ которой было сосредоточено много милліоновъ ф. ст.; эти милліоны въ другое время могли бы и должны бы были образовать резервъ многочисленныхъ частныхъ и акціонерныхъ банковъ. Банкротство это направило панику на лондонскіе банки и существовало основаніе опасаться, что за этимъ движеніемъ въ столицѣ послѣдуетъ такая же тревога въ остальныхъ частяхъ Англіи, гдѣ кромѣ значительныхъ вкладовъ, находящихся въ рукахъ банкировъ, находится еще въ обращеніи на многіе милліоны бумагъ, единственнымъ обезпеченьемъ которыхъ служитъ купеческій кредитъ лицъ, ихъ выдавшихъ.

„При такомъ положеніи дѣлъ не удивительно, что резервъ англійскаго банка 11 мая сильно уменьшился (приблизительно на 3 милліона ф. ст.). Такъ какъ деньги, бравшіяся изъ банковъ, подъ вліяніемъ паники не попадали въ обращеніе, то англійскій банкъ не могъ бы продолжать оказывать торговлѣ свою обычную поддержку, если бы ему не былъ открытъ новый источникъ средствъ. Кризисъ, котораго совпаденіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ заставляло опасаться, разразился съ такою внезапностью, какую трудно было предвидѣть. Правительство поэтому нашлось вынужденнымъ пріостановить дѣйствіе банковаго закона. Черезъ это банкъ получилъ возможность оказать поддержку во временномъ ихъ затрудненіи всѣмъ тѣмъ фирмамъ, которыя вели свои дѣла на солидномъ основаніи. Англійское правительство не видитъ никакого повода полагать, чтобы обычная англійская торговля носила въ самой себѣ зачатки болѣзни и возбуждала опасенія; на этотъ счетъ публика, какъ англійская, такъ и заграничная, можетъ вполнѣ успокоиться.

XIII

Черная пятница

Сентября 1869 г. въ Нью-Іоркѣ.

Слѣдовало бы, кажется, ожидать, что исторія ассигнацій во Франціи, а также ухудшеніе валюты въ Австріи и въ Россіи послужитъ достаточнымъ урокомъ для торговли и сдѣлаетъ всѣ государства болѣе осмотрительными на будущее время. Опытъ вышеупомянутыхъ странъ доказалъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что потребность въ средствахъ обращенія (будь то бумажныя деньги, или звонкая монета) сообразуется съ размѣрами и количествомъ торговыхъ оборотовъ и съ бо́льшимъ или меньшимъ наличнымъ количествомъ средствъ компенсаціи (т. е. векселей, чековъ, свидѣтельствъ казначейства и т. п.)—но что обороты всегда бываютъ значительно менѣе, чѣмъ имѣющіяся на лицо цѣнности. Изъ всего количества недвижимой собственности въ обращеніе посту

паетъ ежегодно не болѣе двухъ процентовъ. Товары большею частью могутъ быть куплены и проданы не болѣе двухъ или трехъ разъ, прежде, чѣмъ они попадутъ въ руки потребителя,—но, такъ какъ средства обращенія постоянно переходятъ изъ рукъ въ руки, то они и могутъ служить для многихъ торговыхъ оборотовъ. Мы произвели изслѣдованье съ цѣлью опредѣлить отношеніе средствъ обращенія къ общей суммѣ богатства и общей суммѣ оборотовъ различныхъ странъ и получили слѣдующій приблизительный результатъ, въ которомъ разность скорѣе меньше, чѣмъ больше дѣйствительности:

	Отношеніе средствъ обращенія.	
	Къ общей суммѣ богатствъ.	Къ общей суммѣ оборотовъ.
Въ Англіи	$1^0/_0$	$5^0/_0$
„ Германіи	2 „	10 „
„ Голландіи, Швейцаріи и Бельгіи	2 „	10 „
„ Франціи	3 „	15 „

Незначительный процентъ средствъ обращенія въ Англіи объясняется преобладающимъ тамъ употребленіемъ чековъ, такъ какъ каждый сколько-нибудь состоятельный человѣкъ имѣетъ текущій счетъ у банкира, всѣ свои платежи производитъ ассигновками на послѣдняго и носитъ при себѣ только карманныя деньги, а также существованіемъ въ Лондонѣ такъ называемаго Clearing-House, учрежденія, въ которомъ взаимныя требованья ежедневно погашаются обмѣномъ векселей и лишь небольшія суммы разности уплачиваются звонкою монетою или банковыми билетами. Съ тѣхъ поръ, какъ и англійскій банкъ примкнулъ къ Clearing-Hous'у, сумма ежегодно производящихся въ немъ взаимныхъ погашеній черезъ обмѣнъ векселей возрасла до 5,000,000,000 ф. ст.

Франція, какъ извѣстно, до войны 1870—1871 г. имѣла преимущественно для денежнаго обращенія звонкую монету.

И такъ, размѣръ средствъ обращенія сообразуется съ размѣромъ оборотовъ; слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣдніе остаются на прежней цифрѣ, а первыя увеличиваются, средствъ обращенія оказывается больше, чѣмъ нужно. Между тѣмъ уравновѣшенье между тѣми и другими необходимо и потому должно случиться одно изъ двухъ:—или обороты должны умножиться, или средства обращенія должны быть сокращены. Поэтому понятно, что производительность и духъ предпріимчивости получаютъ сильный толчокъ отъ умноженія запаса звонкой монеты или невычеканенныхъ благородныхъ металловъ,—будь то вслѣдствіе открытія новыхъ золотыхъ розсыпей или вслѣдствіе чрезвычайныхъ платежей изъ за границы. Если производительность внутри страны не допускаетъ въ данный моментъ дальнѣйшаго расширенія, а средства обращенія состоятъ исключительно изъ металлическихъ денегъ, то металлъ будетъ

утекать въ разныя заграничныя помѣщенія до тѣхъ поръ, пока не возстановится равновѣсіе между средствами обращенія и оборотами.

Если средства обращенія состоятъ частью изъ металлическихъ, частью изъ бумажныхъ денегъ, происходитъ то же самое. Если, наконецъ, размѣры выпуска банковыхъ билетовъ или государственныхъ бумажныхъ денегъ превышаютъ потребность совершающихся оборотовъ, то стоимость этихъ денежныхъ знаковъ должна пасть, или же, если будетъ установленъ закономъ принудительный курсъ, цѣна благородныхъ металловъ и товаровъ должна подняться въ соотвѣтствующей пропорціи. Является лажъ на золото и серебро. Именно такое положеніе дѣлъ существуетъ въ настоящее время во Франціи, въ Австріи, въ Россіи и въ Сѣверной Америкѣ. Во Франціи лажъ на благородные металлы начался много лѣтъ тому назадъ съ 1 per. mille, въ Сѣверной Америкѣ онъ въ 1865 г. доходилъ до 40%, а въ 1869 г. была минута, когда онъ стоялъ даже на 69%. Во время господства системы ассигнацій во Франціи онъ достигалъ даже высоты 99%,—другими словами ассигнаціи успѣли сдѣлаться ни на что негодной бумагой.

Какъ скоро количество средствъ обращенія переступило за указанную нами границу и возникъ лажъ на золото или на серебро, всякій новый выпускъ банковыхъ билетовъ или бумажныхъ денегъ происходитъ въ ущербъ владѣльцевъ прежнихъ билетовъ, которые неизбѣжно падаютъ въ цѣнѣ. Этотъ фактъ необходимо принять къ свѣдѣнью прежде, чѣмъ обращаться въ эпохи кризиса за помощью къ правительству. Мы допускаемъ, что могутъ быть случаи, когда такое пожертвованіе общимъ интересомъ, такое принудительное обложеніе своего рода пошлиной становится необходимостью; такъ напримѣръ, подобная мѣра оправдывается во время оборонительной войны, когда рѣчь идетъ объ изгнаніи врага изъ страны, а съ тѣмъ вмѣстѣ и о предотвращеніи большихъ потерь людьми и землями, о предотвращеніи общаго разоренья и повальныхъ болѣзней.

Но поспѣшность, съ которой золото и серебро, до самыхъ мелкихъ монетъ включительно, утекаютъ изъ страны, вытѣсняемыя черезмѣрнымъ выпускомъ банковыхъ билетовъ или государственныхъ бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ, а также вытекающимъ отсюда возникновеніемъ лажа на золото и серебро, вздорожаніе цѣнъ на товаръ, паденіе вексельнаго курса, необезпеченность торговыхъ сдѣлокъ, наступающая вслѣдствіе непрерывныхъ колебаній,—все это должно предостерегать всякое правительство, предусмотрительное въ финансовыхъ дѣлахъ, отъ ухудшенія валюты въ тѣхъ случаяхъ, когда крайность не вынуждаетъ къ подобной мѣрѣ. Всякое правительство, понимающее свои обязаности, должно заботиться о томъ, чтобы уничтожить лажъ на благородные металлы, какъ только позволятъ ему его средства, и возстановить по возможности скорѣе платежи звонкою монетой.

Всѣ правительства Европы, разъ попавъ въ тягостную необходимость при-

бѣгнуть къ принудительнымъ займамъ въ формѣ черезмѣрно выпускаемыхъ денежныхъ суррогатовъ съ принудительнымъ курсомъ, старались, какъ скоро обстоятельства позволяли имъ это, снова возстановить валюту. Хотя это стремленіе нерѣдко и парализовалось наступленіемъ новыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ,— все же въ искреннемъ желаніи всѣхъ европейскихъ правительствъ довести курсъ бумажныхъ денегъ или банковыхъ билетовъ до того, чтобы онъ снова сталъ *al pari*, никто не сомнѣвался.

Соединенные Штаты Америки первые уклонились отъ этого пути и явили небывалый дотолѣ примѣръ правительства, которое, имѣя въ рукахъ необходимыя къ тому средства, не возстановляло валюту въ своей странѣ, воздерживаясь отъ этого намѣренно.

Во время междоусобной войны Союзнымъ правительствомъ было заключено займовъ на сумму свыше 2,000 милліоновъ долларовъ. Когда послѣдній кредитъ былъ уже истощенъ, въ 1863 г. было приступлено къ реформѣ банковыхъ законовъ и черезъ устройство національныхъ банковъ, которые, въ обезпеченье выпускаемыхъ ими билетовъ, обязывались предъявлять соотвѣствующее количество государственныхъ облигацій, былъ заключенъ косвенный заемъ на 300,000,000 долларовъ. Когда и это средство было истощено и всякія другія формы кредита оказались уже недоступными, правительство сочло себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ принудительному займу въ видѣ излишняго выпуска государственныхъ бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ, (бумажки эти, окрашенныя съ одной стороны въ зеленый цвѣтъ, получили прозвище „greenbacks“ „зеленыя спинки“). Нѣкоторые свѣдущіе финансисты утверждали и продолжають утверждать и до сихъ поръ, что выпускъ свидѣтельствъ казначейства, приносящихъ проценты, могъ бы имѣть не меньшій успѣхъ, а между тѣмъ подобною мѣрою не былъ бы нарушенъ порядокъ денежнаго обращенія въ странѣ, былъ бы устраненъ лажъ на залото, и страна была бы избавлена отъ множества бѣдствій; кризисъ 1869 г. не наступилъ бы вовсе, а кризисъ 1873 г. не былъ бы сопряженъ съ такими пагубными послѣдствіями; но при этомъ Союзному правительству пришлось бы по возстановленіи мира выкупать, вмѣсто государственныхъ облигацій, свидѣтельства казначейства. Какъ уже было упомянуто выше, государственныя бумажныя деньги служили вмѣсто звонкой монеты, т. е. посредствомъ ихъ номинально сохранялись платежи звонкою монетою, причемъ банки вмѣсто послѣдней выдавали за свои билеты предъявлявшіеся къ уплатѣ, государственныя бумажныя деньги,—выше упомянутыя „greenbacks“. Въ дѣйствительности же, все золото уже успѣло исчезнуть изъ обращенія; общая сумма бумажныхъ средствъ обращенія превышала 700 милліоновъ долларовъ, а именно, состояла изъ 370 милл. долларовъ государственныхъ бумажныхъ денегъ и изъ 330 милліоновъ слишкомъ банковыхъ билетовъ. Такимъ образомъ, при сравненіи этой суммы съ цифрою населенія оказывалось, что на каждаго человѣка

приходится безпримѣрно высокая цифра 20 долларовъ, а если сюда включить и мелкія бумажки, почтовые билеты и т. п. бумажныя цѣнности,—то и всѣхъ 25 долларовъ бумажными деньгами; до такой пропорціи дѣло еще ни разу не доходило со времени знаменитыхъ французскихъ ассигнацій. Лажъ на золото вслѣдствіе этого возросъ въ среднемъ выводѣ до 40 слишкомъ процентовъ и еще долгое время по окончаніи междоусобной войны стоялъ свыше 30%; даже по настоящее время [1]) онъ остается въ среднемъ выводѣ на 15%, причемъ втеченіе одной недѣли случаются колебанія въ предѣлахъ до 5%.

Именно эти колебанія, происходящія отъ ухудшенія средстъ обращенія, составляютъ еще большее зло, чѣмъ само это ухудшеніе: они не дозволяютъ установиться въ торговлѣ никакой прочности и увѣренности и дѣлаютъ публику добычей ловкихъ спекулянтовъ, которые въ выборѣ средствъ не любятъ стѣсняться. Крупныя фирмы, благодаря своему полному знанію положенія дѣлъ на рынкѣ, умѣютъ оберегать себя отъ убытковъ; но среднее сословіе и рабочіе терпятъ черезъ эти колебанія постоянныя потери. Первое должно уплачивать не только болѣе высокую цѣну за товары, являющуюся неизбѣжнымъ послѣдствіемъ черезмѣрнаго выпуска бумажныхъ денегъ, но еще и страховую премію за тотъ рискъ, что при исполненіи контракта или торговой операціи валюта снова подвергнется какимъ нибудь измѣненіямъ. Эта премія всегда падаетъ на массу публики, непосвященную въ тайны арбитража и ажіотажа. Рабочіе же страдаютъ вслѣдствіе того, что они не могутъ внимательно слѣдить за движеніемъ денежнаго рынка и потому, что при дальнѣйшемъ ухудшеніи валюты заработная плата не слишкомъ быстро поднимается, между тѣмъ какъ при паденіи лажа на золото работодатели сейчасъ настаиваютъ на уменьшеніи заработной платы, какъ то доказали многочисленные примѣры.

Чтобы дать читателямъ ясное понятіе о такомъ положеніи дѣлъ, мы приведемъ здѣсь лишь одинъ образчикъ колебаній, происходящихъ на Нью-Іоркскомъ денежномъ рынкѣ. Съ 5 но 12 сентября 1873 г. лажъ на золото подвергался слѣдующимъ колебаніямъ.

		Наивысшій предѣлъ.	Наинизшій предѣлъ.	При заключеніи биржи.
Сентябрь	5	$15^1/_2$	$14^1/_2$	$14^5/_8$
„	6	$14^1/_2$	$12^7/_8$	$13^1/_8$
„	8	$12^7/_8$	12	$12^1/_8$
„	9	$12^1/_4$	$11^5/_8$	$11^3/_4$
„	10	$11^1/_2$	$10^7/_8$	$11^1/_8$
„	11	$11^3/_4$	11	$11^1/_2$
„	12	$11^3/_4$	$11^3/_8$	$11^3/_4$

[1]) Писано въ 1874 г.

Каждое предусмотрительное правительство, сознающее свои обязанности, должно было, какъ скоро представилась на то возможность, начать свою дѣятельность въ дѣлѣ заглаженія послѣдствій войны съ постепеннаго извлеченія государственныхъ бумажныхъ денегъ изъ обращенія и продолжать выкупать послѣднія до тѣхъ поръ, пока лажъ на золото не исчезнетъ. Лишь послѣ того, какъ этимъ путемъ торговля страны была бы снова поставлена въ условія нормальной дѣятельности и производительность усилена, правительство могло озаботиться уплатою по государственнымъ займамъ, заключеннымъ по добровольному соглашенію. Но правительство Соединенныхъ Штатовъ, послѣ продолжительныхъ совѣщаній, въ которыхъ вліяніе Нью-Іоркскихъ спекулянтовъ взяло перевѣсъ, пришло какъ разъ къ обратному рѣшенію. Страшная масса *„гринбаковъ"* была преспокойно оставлена въ обращеніи, а излишекъ государственныхъ доходовъ пошелъ на выкупъ Союзныхъ облигацій. Правительство при этомъ не понимало, что умѣньшая *объектъ* оборотовъ, оно черезъ то самое уменьшаетъ и потребность въ средствахъ обращенія и что, слѣдовательно результатомъ принятой имъ мѣры неизбѣжно должно явиться увеличенье лажа на золото. Послѣдній, правда, упалъ на половину, но это произошло вслѣдствіе другихъ посторонниxъ причинъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе возстановленія міра, возвратившаго около полумилліона людей къ домашнему очагу и обычнымъ ихъ занятіямъ, а также вслѣдствіе весьма естественно наступившаго вновь оживленія промышленности и торговли.

Черезъ эту неразумную мѣру правительства страна была обречена еще многіе годы оставаться жертвою спекуляціи и колебанія валюты. Образовался родъ клики, которая систематически старалась еще усиливать колебанія валюты помощью искусственныхъ и нерѣдко, весьма безчестныхъ средствъ, съ цѣлью обирать публику посредствомъ игры на повышеніе или пониженіе. Эта клика была такъ называемая „золотая клика", паденіе которой предшествовало наступленію Нью-Іоркскаго кризиса 1873 г. и предводителемъ которой былъ нѣкто Джей Гоульдъ, стяжавшій себѣ позорную знаменитость еще со времени исторіи съ Эрійской желѣзной дорогой. Этотъ биржевой волкъ является человѣкомъ, столь же изворотливымъ, сколько и беззастѣнчивымъ въ выборѣ средствъ. Онъ является запѣвалой какъ въ изобрѣтеніи, такъ и въ исполненіи всѣхъ тѣхъ маневровъ, которыми золотая клика со времени окончанія войны и, въ особенности, съ 1868 г. старалась эксплуатировать положеніе денежнаго рынка въ свою пользу и въ ущербъ публики, искусственно вызывая то повышеніе, то пониженіе курсовъ.

Онъ же былъ виновникомъ такъ называемой Черной Пятницы (23-го сентября 1869) этого незабвенаго въ лѣтописяхъ Нью-Іоркской биржи дня, когда золотая клика довела лажъ на золото до 60% и при этомъ надула своихъ же собственныхъ агентовъ, чтобы удержать курсъ на этой высотѣ до тѣхъ поръ,

пока успѣетъ распродать тайкомъ весь свой запасъ. Но какъ ни позорна была роль этого человѣка, сколько бы ни было истины въ ужасающихъ картинахъ, въ которыхъ изображали его дѣятельность американскія газеты, все же истиннымъ, первоначальнымъ виновникомъ страшныхъ сценъ, разыгравшихся въ эту пятницу и другихъ, подобныхъ имъ, разыгрывавшихся на Нью-Іоркской биржѣ за послѣднія семь лѣтъ, — виновникомъ неоднократныхъ потерь, понесенныхъ всей публикой и раззоренія тысячъ семействъ былъ не Джей Гоульдъ. Вина эта падала на правительство Соединенныхъ Штатовъ, которое, въ непостижимомъ ослѣпленіи, воздерживалось употреблять свои свободныя средства на возстановленіе валюты.

Въ нашу настоящую задачу не входитъ описаніе того колосальнаго обмана, или вѣрнѣе грабежа, который былъ учиненъ правленіемъ Эрійской желѣзной дороги надъ акціонерами; достаточно будетъ сказать, что у послѣднихъ было украдено около 30 милліоновъ долларовъ и что коноводамъ правленія, Фиску и Гоульду удавалось втеченіе многихъ лѣтъ или обманывать правительственные органы въ Нью-Іоркѣ, или побуждать ихъ къ бездѣятельности.

По окончаніи большаго процесса компаніи Эрійской желѣзной дороги противъ Вандербильта Джей Гоульдъ былъ избранъ президентомъ, а Фискъ казначеемъ общества. У всѣхъ еще свѣжи въ памяти продѣлки, которыми эти два діоскура мошенническихъ спекуляцій увеличили акціонерный капиталъ съ 1868 по 1872 г. до 78 милліоновъ долларовъ. Въ то время въ Нью-Іоркѣ господствовала шайка мошенниковъ, извѣстная подъ прозвищемъ Tammany Ring, и Гоульдъ и Фискъ умѣли пользоваться для своихъ интересовъ грязными элементами этой своеобразной ассосіаціи. Судьи подкупались и у многихъ почти совсѣмъ пропадала надежда видѣть когда-либо конецъ позорнымъ продѣлкамъ правленія Эрійской желѣзной дороги. Съ умерщвленіемъ Фиска внезапно прекратилось владычество Гоульда надъ сказанной компаніей; въ мартѣ 1872 г. онъ былъ насильственно удаленъ изъ правленія англійскими акціонерами и этимъ завершился Эрійскій эпизодъ его карьеры. Но самымъ крупнымъ его подвигомъ было громадное повышеніе лажа на золото, достигшее въ „Черную Пятницу" своего апогея. Начало этому заговору было положено еще лѣтомъ 1869 г. Въ выборѣ сообщниковъ своихъ Гоульдъ показалъ большую сообразительность. Абель Р. Корбинъ, зять президента Гранта, утверждалъ, что имѣетъ возможность повліять на правительственныя операціи по продажѣ золота, и потому былъ посвященъ въ замыслы клики. Фискъ, этотъ ни передъ чѣмъ не отступавшій enfant terrible, былъ избранъ въ исполнители предначертаній Гоульда. Въ августѣ 1869 г. имѣлось на лицо около 20 милліоновъ свободно обращающагося золота. Золото, хранившееся въ банкахъ, не тревожило клику, но ихъ безпокоили тѣ 80 милліоновъ золота, которыми располагало государственное казначейство. Корбину было поручено вывѣдать у президента Соединенныхъ Шта-

товъ о вѣроятныхъ размѣрахъ продажи золота со стороны правительства. Только три человѣка знаютъ навѣрное, насколько попытка Корбина въ этомъ направленіи была успѣшна. Какъ бы то ни было, онъ завѣрилъ клику, что правительство не намѣрено продавать золото въ такомъ количествѣ, которое могло бы подорвать планы заговорщиковъ. Вслѣдъ за этимъ клика приступила къ расширенію своихъ операцій по покупкѣ золота. Уже въ августѣ 1869 г. лажъ стоялъ на 31, и даже этотъ курсъ такъ мало оправдывался существованіемъ какихъ-либо законныхъ причинъ, что бланковый интересъ сталъ принимать колоссальные размѣры. Клика продолжала скупать милліоны за милліонами. Утромъ 22 сентября въ ея рукахъ было сосредоточено больше золота, чѣмъ сколько имѣлось въ цѣломъ Нью-Іоркѣ, за исключеніемъ государственнаго казначейства, и все же лажъ стоялъ не выше 41. Гоульдъ не довѣрялъ вліянію Корбина и началъ опасаться вмѣшательства государственнаго казначейства. На тотъ случай, еслибы правительство распорядилось продавать золото въ большихъ количествахъ, ему оставался одинъ только выходъ: внезапнымъ нападеніемъ застигнуть врасплохъ спекулянтовъ на пониженіе и понудить ихъ исполнить свои обязательства по высокимъ курсамъ. Для осуществленія этого плана Фискъ былъ самый подходящій человѣкъ. Въ четвергъ, 22 сентября, онъ похвалялся, что готовъ держать пари на 50,000 долларовъ, что золото будетъ продаваться по 200. Количество золота, которымъ клика располагала въ ту пору частью въ видѣ наличныхъ денегъ, частью въ видѣ сдѣлокъ, заключенныхъ на доставку его, простиралось, по всѣмъ вѣроятіямъ, свыше 100,000,000 долларовъ, что заставляетъ предполагать громадные размѣры операцій à découvert. Такія колоссальныя операціи могли быть производимы лишь при помощи соотвѣствующаго количества денежныхъ средствъ, а эти послѣднія клика умѣла доставлять себѣ до извѣстной степени, эксплуатируя съ этою цѣлью десятый національный банкъ, находившійся въ то время подъ контролемъ Джей Гульда. Въ четвергъ вечеромъ клика держала свой послѣдній военный совѣтъ. Ею были выданы въ ссуду спекулянтамъ на пониженіе громадныя количества золота по курсу въ 138. Первоначальный ея планъ состоялъ въ томъ, чтобы потребовать эти суммы обратно, зажать ихъ въ своихъ рукахъ и наказать тѣхъ спекулянтовъ на пониженіе, которые окажутся не въ состояніи возвратить ссуду. Десятый національный банкъ предполагалось употребить для пріема и для выдачи колоссальныхъ денежныхъ суммъ. Но вмѣшательство инспектора банка, который былъ извѣщенъ о связи банка съ кликою, разстроило этотъ планъ. Вслѣдствіе этого была принята измѣненная программа дѣйствій, состоявшая въ томъ, чтобы внезапнымъ, сильнымъ повышеніемъ курса на золото понудить спекулянтовъ на пониженіе къ немедленному регулированью своихъ дѣлъ. Банковые чиновники были большіе мастера удостовѣрять чеки клики до неограниченныхъ размѣровъ. Въ четвергъ банкомъ было удостовѣрено

этихъ чековъ на 25,000,000 доларовъ, а въ пятницу, не взирая на присутствіе инспектора,—еще на 14,000,000 доларовъ. При тогдашней продѣлкѣ была пущена въ ходъ какъ разъ та самая тактика, которая была употреблена при продѣлкѣ, задуманной было и въ 1873 г., и многіе изъ агентовъ и маклеровъ, служившихъ тогда орудіями клики, выступили ея покорнѣйшими слугами и въ 1873 г. Когда въ „черную пятницу" лажъ на золото поднялся до 65% и прежде, чѣмъ настало страшное крушенье, повергшее Уоль Стритъ на многія недѣли въ страшное смятеніе и разорившее въ конецъ тысячи людей, клика самымъ безжалостнымъ образомъ распоряжалась съ своими жертвами. Всякій, кто попадался ей въ когти, обирался до послѣдней рубашки. Вся эта процедура носила на себѣ специфическій отпечатокъ личности Джей Гоульда. Его прожженая ловкость сказывалась какъ въ совершенствѣ всѣхъ приспособленій, такъ и въ душевной ясности, съ которою велось дѣло, а грубый эгоизмъ его проявлялся въ беззастѣнчивости этихъ посягательствъ на благосостояніе цѣлой страны.

Приснопамятное для многихъ 23-е сентября началось необычайнымъ возбужденіемъ на биржѣ. Контора Уильама Гита и К° была обращена въ главную квартиру клики, а зданіе Большой Оперы (?) въ неприступную крѣпость заговорщиковъ. Альбертъ Шпейеръ, нѣмецкій маклеръ, былъ глашатаемъ клики въ *Goldroom'ѣ*; въ то же время множество другихъ агентовъ было завалено заказами покупать золото въ такомъ количествѣ и съ такою поспѣшностью, какія только окажутся возможными по количеству металла, предлагаемаго для продажи; этимъ предполагалось довести цѣну на золото по возможности до 200. Лажъ поднялся до 60, одну минуту онъ, даже, стоялъ на 65. То была минута обильной жатвы для клики: между тѣмъ, какъ собственные ея маклера поддерживали цѣну, предлагая по 165 за суммы, простиравшіяся на многіе милліоны, Гоульдъ, черезъ посредство дюжины другихъ агентовъ, сбывалъ свой запасъ съ рукъ, правда, еще по низкому курсу, но все же съ громаднымъ барышомъ. Но тетива лука была слишкомъ туго натянута и должна была лопнуть. Правительство въ Вашингтонѣ осаждалось депешами, умолявшими его положить конецъ продѣлкамъ клики, и одной телеграммы министра финансовъ, предписавшей немедленную продажу золота на 4,000,000 долларовъ, было достаточно, чтобы заставить лопнуть мыльный пузырь. Лажъ сталъ падать еще быстрѣе, чѣмъ онъ поднялся. Всеобщее крушеніе и неописанная паника распространились какъ на биржѣ, такъ и внѣ ея, вовлекая отчасти въ общее бѣдствіе даже тѣхъ, которые были его виновниками. Какъ только пришла Вашингтонская телеграмма, обѣщавшая приливъ золота на жестоко стѣсненный денежный рынокъ, спекулянты на повышеніе должны были удалиться съ поля сраженія,—всѣ, не исключая даже своего коновода, Джей Гоульда, и двухъ, трехъ его присныхъ. Дѣло въ томъ, что господа эти продавали въ то время, какъ ихъ же сообщники напрягали всѣ свои усилія, чтобы поддержать высокія цѣны на золото и

черезъ это работали на свою же собственную погибель. Фирма Смитъ, Гоульдъ, Мартынъ и К° первая отказалась отъ заключенныхъ ею контрактовъ и громадныя количества золота, которые ей надлежало принять, были отвергнуты ею. Между тѣмъ лажъ продолжалъ падать все ниже и ниже. Клика отказалась отъ всѣхъ обязательствъ, принятыхъ ею по изустнымъ заказамъ и предоставила своимъ маклерамъ выпутываться изъ этихъ заказовъ какъ знаютъ. Шпейеръ, который въ этотъ день купилъ золота болѣе, чѣмъ на 50 милліоновъ и еще въ послѣднюю минуту, въ безумномъ возбужденіи, предлагалъ за 1 милліонъ по 160, вынужденъ былъ нѣсколько минутъ спустя бѣжать изъ Goldroom'а. Маклера, которые продавали ему, бросились за нимъ въ догоню, но контора его была заперта. Нѣсколько времени спустя онъ опять появился на биржѣ и держалъ рѣчь, въ которой заявлялъ, что онъ дѣйствовалъ лишь въ качествѣ агента Фиска и Бельдена, и для своихъ покупокъ, произведенныхъ по 160, не получилъ никакого покрытія отъ своихъ принципаловъ. Въ своей отчаянной, предсмертной борьбѣ клика нарушила всѣ общепринятые обычаи коммерческой чести; она не стѣснялась надувать своихъ же собственныхъ агентовъ, лишь бы поддержать высокій лажъ до тѣхъ поръ, пока ей удастся распродать бо̀льшую часть своего золота.

День этотъ былъ однимъ изъ самыхъ злополучныхъ дней, когда-либо виданныхъ въ Уоль-Стритѣ. Никто не зналъ про самого себя, состоятеленъ онъ или банкротъ. Смятеніе было такъ велико, что всѣ считали и коноводовъ клики погребенными среди общаго крушенія. О періодѣ, непосредственно наступившемъ вслѣдъ за Черной Пятницей, трудно дать ясное понятіе. Даже въ позднѣйшее время, истина лишь отчасти вышла наружу, и полная цифра барыша, нажитаго Джей Гоульдомъ цѣною общаго раззоренія, такъ и не могла быть опредѣлена хотя бы приблизительно. Тайныя сдѣлки которыя были произведены съ кликою банкирами, спекулянтами и купцами въ то время, когда лажъ стоялъ на 60, простирались свыше 25 милліоновъ. Банкъ для размѣна золота (Gold Exchange Bank) въ то время, когда каждый часъ стоилъ милліоны, былъ такъ заваленъ работою, что не въ состояніи былъ въ этотъ день приступить къ регулированію. „По статутамъ Clearing Department всѣ причитающіяся на банкъ сальдо должны быть уплачены прежде, чѣмъ онъ приступитъ къ выдачѣ разности публикѣ, обращающейся къ его услугамъ. Такъ какъ многіе изъ обычныхъ кліентовъ банка обанкротились, то регулированіе счетовъ должно быть отложено.“ Таково было безотрадное заявленіе, сдѣланное банкомъ сотнямъ маклеровъ, которые осаждали его для полученія причитающихся имъ чековъ на выдачу золота. Десятому національному банку пришлось выдержать отчаянный приступъ со стороны своихъ вкладчиковъ. Вслѣдствіе образа дѣйствій банка для размѣна золота, 14,000,000 долларовъ были временно изъяты изъ обращенія. Комитетъ, составившійся по

назначенію того отдѣленія биржи, въ которомъ производился торгъ золотомъ, помогъ банку осилить громадную работу по „очисткѣ“ счетовъ на 500 милліоновъ золотомъ. Колоссальный трудъ этотъ былъ, наконецъ, доведенъ до конца и общая ликвидація могла бы состояться, какъ скоро былъ бы предъявленъ единственный, еще оказывавшійся на лицо текущій счетъ. Этотъ единственный недостававшій текущій счетъ принадлежалъ фирмѣ Смитъ, Гоульдъ, Мартинъ и К°. Но Гоульдъ телеграфировалъ изъ „дома Большой оперы“, гдѣ онъ скрывался отъ ярости толпы подъ охраною полиціи, чтобы этого счета не предъявляли. Въ то же время онъ съумѣлъ добиться отъ сговорчиваго судьи распоряженія, которымъ банку запрещалось впредь до дальнѣйшихъ распоряженій уплачивать по какимъ бы то ни было требованьямъ. Черезъ это банкъ былъ вынужденъ передать свои дѣла въ руки конкурса, назначеннаго надъ нимъ судебнымъ порядкомъ и всѣ дѣла въ отдѣленіи биржи, гдѣ производилась торговля золотомъ (Goldroom) на нѣсколько дней совершенно стали. Недостатокъ въ золотѣ, который былъ обусловленъ всѣми этими катастрофами, подалъ поводъ къ безпримѣрной паникѣ на акціонерномъ рынкѣ. Четыре изъ крупнѣйшихъ фирмъ, въ томъ числѣ фирма Локвудъ и К°, вынуждены были пріостановить свои платежи, и лишь послѣ того, какъ коноводъ Вандербильтъ устремился въ брешь, установилось снова сколько-нибудь правильное теченіе дѣлъ. Въ отдѣленіи биржи, гдѣ производился торгъ золотомъ, вслѣдствіе отказа Джей Гоульда предъявить въ банкъ для размѣна золота текущій счетъ своей фирмы, многіе маклера объявили себя несостоятельными, другіе вошли частнымъ образомъ въ сдѣлки съ своими кредиторами, между тѣмъ самъ Гоульдъ съумѣлъ добыть въ свою пользу судебное расположеніе, пріостанавливавшее дѣйствія, которыя могли быть направлены противъ него со стороны биржеваго управленія и потому контракты, заключенные его фирмой, были изъяты отъ принудительнаго исполненія посредствомъ аукціона. Такимъ образомъ, виновникъ черной пятницы вышелъ побѣдителемъ и съ богатою добычею изъ этой катастрофы.

Такова, вкратцѣ, исторія этой „черной пятницы“, подготовленной Джей Гоульдомъ. Всякій, кто пережилъ этотъ день въ качествѣ „содрогающагося очевидца“ сознается, что наше изображеніе не только не грѣшитъ преувеличеніемъ, но, напротивъ, скорѣе блѣднѣе дѣйствительности.

Изъ множества другихъ операцій Джей Гоульда, мы упомянемъ лишь нѣкоторыя, наиболѣе знаменитыя. Весною 1871 г. акціи Ганнибало-Сентъ-Джозефской желѣзной дороги стояли на 120. Гоульдъ прибралъ къ рукамъ управленіе дорогою, насажалъ своихъ креатуръ въ различныя должности по этому предпріятію и въ результатѣ оказалось то, что акціи въ немногіе мѣсяцы пали до 35. Тѣ же продѣлки и обманы, которыми отличалось его управленіе Эрійскою желѣзною дорогою, были и тутъ пущены въ ходъ. Акціонерный капиталъ былъ

увеличенъ на 5,000,000 долларовъ и акціонеры были обобраны самымъ наглымъ образомъ для того только, чтобы обогатить шайку воровъ.

Три года спустя послѣ продѣлки съ золотомъ, разыгралась спекуляція съ Сѣверозападною компаніею, вогнавшая бумаги этого предпріятія одно время до 230. Дэньель Дрью, Генри Смитъ и множество болѣе мелкихъ свѣтилъ биржи потеряли при-этомъ громадныя суммы, которыя всѣ очутились въ карманахъ Джей Гоульда и его сообщниковъ. Но наиболѣе любопытнымъ эпизодомъ всей этой аферы, было—заарестованіе Джей Гоульда по жалобѣ общества Эрійской желѣзной дороги. Дѣло въ томъ, что Генри Смитъ выдалъ этому обществу торговыя книги прежней фирмы Гоульда, а изъ этихъ книгъ оказывалось, что Гоульдъ обокралъ общество на 9,000,000 дол. По предъявленіи залога въ 1 мил. дол. Гоульдъ былъ освобожденъ и, нѣсколько дней спустя, добровольно возвратилъ компаніи Эрійской желѣздой дороги взятые у нея 9 милліоновъ. Изъ этой суммы онъ, какъ полагаютъ, наверсталъ впослѣдствіи до шести милліоновъ на продѣлкѣ съ сѣверо-западной компаніей.

Таковы главнѣйшіе моменты изъ прошлой жизни Джей Гоульда. Сколько бѣдъ онъ надѣлаетъ еще въ будущемъ, этого никто не можетъ напередъ сказать. Объ истинной сущности этой личности господствуетъ мнѣніе, которое лучше всего выражено въ слѣдующихъ словахъ одного изъ лучшихъ финансистовъ Нью-Іорка, Коммодора Вандербильта. Послѣдній недавно напечаталъ въ одной газетѣ письмо, заканчивающееся слѣдующими словами: „Я, за исключеніемъ одного только случая, ни разу не имѣлъ дѣлъ съ Джей Гоульдомъ и не намѣренъ и впредь приходить съ нимъ въ какое бы то ни было соприкосновеніе, развѣ только мнѣ понадобится отъ него обороняться. А равнымъ образомъ я постоянно отсовѣтывалъ своимъ друзьямъ вступать съ нимъ въ какія бы то ни было сношенія. Я пришелъ къ этому рѣшенію послѣ того, какъ внимательно всмотрѣлся въ черты его лица“.

Не взирая на всѣ эти скандальныя происшествія, вліяніе золотой клики на начальника союзнаго казначейства, Бутуэля оставалось еще такъ велико, а ослѣпленіе президента Гранта было такъ упорно, что излишки, оказывавшіеся въ государственной кассѣ, постоянно употреблялись на выкупъ свидѣтельствъ казначейства, а о выкупѣ государственныхъ бумажныхъ денегъ (такъ называемыхъ Зеленыхъ Спинокъ) о возстановленіи валюты и о прекращеніи эксплуатаціи, жертвою которой была публика, никто и не думалъ. Напротивъ, Бутуэль еще позднѣе имѣлъ безстыдство выпустить снова самовольно въ обращеніе на 7 милліоновъ долларовъ государственныхъ бумажныхъ денегъ, которыя передъ этимъ были изъяты изъ обращенія въ силу состоявшагося распоряженія конгресса. За эту то мѣру онъ и поплатился въ 1872 г. отставкой.

Кризисъ 1873 г.

Кризисъ 1873 г. по размѣрамъ причиненныхъ имъ бѣдствій былъ обширнѣе и по общимъ послѣдствіямъ, которыми онъ отозвался пагубнѣе, чѣмъ всѣ предыдущія катастрофы. Въ началѣ это былъ чисто-биржевой кризисъ, но мало-по-малу онъ захватилъ въ раіонъ своего дѣйстія всѣ отрасли торговли и промышленности. Разразившись сначала въ Вѣнѣ, онъ вовлекъ въ сбои пагубныя сцѣпленія всю Австрію и Венгрію, Германію и Италію; съ удвоенной силой перекинулся онъ въ Америку, а также распространился на англійскій и французскій, на скандинавскій и на русскій денежный рынокъ. Удары „страшнаго краха" отзывались даже въ такихъ мѣстахъ, какъ Бѣлградъ и Бухарестъ, Одесса, Москва и Нижній-Новгородъ, Александрія и Южная Америка!

Мы видимъ нерѣдко, что кризисы настаютъ вслѣдъ за большими войнами. Главная причина этого совпаденія заключается въ необузданности спекуляцій, хватающихъ за предѣлы имѣющагося въ данный моментъ на лицо капитала, и въ вытекающемъ отсюда непомѣрномъ напряженіи кредита. Этого рода положеніе дѣлъ возникаетъ преимущественно въ такія эпохи, когда какая-нибудь крупная опасность, грозившая обществу или національной цѣлости благополучно пережита, или же когда сдѣланныя открытія и изобрѣтенія вызываютъ большой переворотъ въ торговлѣ и производительности, поощряя творческую иниціативу цѣлыхъ націй и открывая новые пути для спекуляціи.

Но во время кризиса 1873 г. къ этому присоединились еще двѣ величайшія финансовыя операціи въ исторіи; уплата Франціею пяти-милліарднаго вознагражденія Германіи, которое, со включеніемъ процентовъ и отдѣльныхъ военныхъ контрибуцій составило около 6 милліардовъ франковъ, и приготовленія ко введенію золотой монетной нормы (Goldwährung) въ Германской имперіи,—приготовленія, временно отвлекшія отъ общаго денежнаго рынка сотни милліоновъ таллеровъ; въ то же время перемѣщеніе въ Германію вышеупомянутой чудовищной суммы, которая равнымъ образомъ отвлекалась по частямъ отъ всемірнаго денежнаго рынка и которая лишь отчасти была взнесена въ данную минуту самими плательщиками контрибуціи, т. е. французами, — перемѣщеніе это, говоримъ мы, не могло не создавать затрудненій до тѣхъ поръ, пока капиталъ, стянутый такимъ образомъ пристроенъ производительно, а это, для извѣстной части полученныхъ милліардовъ, не могло случиться ранѣе довольно продолжительнаго срока. Къ этому присоединилось еще то окстоятельство, что спекуляція эсконтировала на многіе годы впередъ, и къ тому же перецѣнила то вліяніе, которое французскіе милліарды окажутъ на нѣмецкій фондовый рынокъ. Благодаря этому, особенно рѣзко выступило другое явленіе, обыкновенно предшествующее кризисамъ и играющее извѣстную роль въ ряду обусловли-

вающихъ ихъ причинъ:—мы говоримъ о появленіи множества плановъ предпріятій, носящихъ на себѣ явный отпечатокъ недоходности и тѣмъ не менѣе находящихъ легковѣрныхъ людей, которые соблазняются ими, потому что они новы, и потому, что такимъ эпохамъ промышленнаго возбужденія свойственно развитіе склонности къ озартной игрѣ, между тѣмъ какъ въ обыкновенное время такіе проэкты заглохли бы тотчасъ же при своемъ возникновеніи среди всеобщаго равнодушія. Наконецъ, не малую роль играла при-этомъ и завистливая алчность, заставлявшая торговый людъ кидаться на первое попавшее предпріятіе, сулившее наживу, причемъ они, естественно, не могли расчитать, не, насталъ ли уже, или когда настанетъ моментъ, въ который производство переходитъ за границы, опредѣляемыя спросомъ, и примѣненіе новыхъ услугъ, или потребленіе новыхъ товаровъ не можетъ идти рука объ руку съ быстротою появленія тѣхъ и другихъ. Дѣло въ томъ, что число производительныхъ головъ, изобрѣтающихъ новое, и пролагающихъ новые пути, очень ограничено,—гораздо многочисленнѣе тѣ механическіе головы, которыя живутъ подражаніемъ и торопятся вступить въ конкурренцію со всякимъ новымъ производствомъ. Въ эпохи настоящаго разгара духа предпріимчивости, этого рода конкурренція становится эпидемической и страшно усиливаетъ то уклоненіе отъ равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ, которое ведетъ къ кризису.

Чтобы составить себѣ ясное понятіе о сцѣпленіи причинъ, которыя вызвали кризисъ, мы должны бросить взглядъ назадъ, на весь предшествовавшій ходъ экономическаго развитія.

Экономическое развитіе за періодъ отъ 1850 г. до кризиса 1857 г. было, хотя и значительно, но далеко отстаетъ отъ того, что было сдѣлано въ слѣдующія за тѣмъ 15 лѣтъ.

За этотъ послѣдній періодъ вывозъ товаровъ изъ Франціи удвоился, въ Англіи онъ безъ малаго утроился, торговыя сношенія другихъ странъ тоже значительно увеличилось. По изслѣдованію, сдѣланному по случаю всемірной выставки, міровая торговля въ 1871 году достигла слѣдующихъ размѣровъ: Надо замѣтить, что главными продуктами, составляющими предметъ всемірной торговли, являются хлѣбъ, желѣзо, уголь и шерсть. Посмотримъ же, какія цифры даетъ каждая изъ этихъ отраслей производительности:

Хлѣбъ. Производство его выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: Россія—560 милліоновъ гектолитровъ, Германская имперія — 260, Австрія — 199, Франція—107, Великобританія со включеніемъ Ирландіи—133, европейская Турція—47, и т. д. Въ общей сложности Европа производитъ 1688 милліоновъ гектолитровъ. Торговля хлѣбными продуктами обстоитъ слѣдующимъ образомъ: Россія. Ввозъ — 0, вывозъ — на 652 милліона франковъ; Австро-Венгрія—29 и 129; Дунайскія княжества: ввозъ—0, вывозъ — 117; нѣмецкій таможенный союзъ—360 и 480; Великобританія—854 и 61; Франція—

220 и 78; Бельгія—121 и 36; Швейцарія—151 и 14; Нидерланды—109 и 41; Соединенные Штаты — 37 и 378 и т. д. Въ общей сложности: ввозъ — 2,046 милліоновъ франковъ, вывозъ—2,232 милліона фр —другими словами, около 5 милліардовъ фр. оборота.

Желѣзо. Ежегодное производство, а слѣдовательно и потребленіе желѣза можно принять на всемъ земномъ шарѣ въ 24,000 мил. фунтовъ Если мы, приэтомъ, предположимъ населеніе всей земли въ 1,200 милліоновъ, то на каждаго человѣка придется 20 ф. При распредѣленіи этого количества между отдѣльными государствами получаются слѣдующія цифры: Великобританія—200; Бельгія и Соединенные Штаты—100; Франція—70; таможенный союзъ—60; Швейцарія—36; Швеція и Норвегія—25; Австро-Венгрія—20; Испанія—15; Россія—13; Индія—1. Производство невыдѣланнаго желѣза въ важнѣйшихъ странахъ составляетъ 11,7 милліоновъ тоннъ, или 235 милліоновъ центнеровъ. Изъ этого числа приходится на долю.

Великобританіи . . .	5,532,880	тоннъ.
Соединенныхъ Штатовъ .	1,912,609	„
Франціи.	1,356,300	„
Пруссіи.	927,654	„
Бельгіи	430,500	„
Австріи	278,570	„
Венгріи	104,628	„

Развитіе желѣзной промышленности было въ послѣдніе годы чрезвычайно значительно, въ особенности въ Англіи, Германіи и Америкѣ. Для очистки $5^1/_2$ милліоновъ тоннъ служили 6,243 пудлинговыхъ печи и при 16,3 милліонахъ тоннъ угля, которыхъ требуетъ система высокихъ печей, желѣзные заводы могли переработывать до 15,8 милліоновъ тоннъ. Въ 1871 г. было вывезено 3,2 милліона тоннъ желѣза и желѣзныхъ фабрикатовъ стоимостью на 26 милліоновъ ф. ст. Америка произвела въ 1871 г. 2 милліона тоннъ, но при этомъ вывезла $3^1/_3$ милліона центнеровъ невыдѣланнаго желѣза, 6,3 милліона центнеровъ рельсъ и 1,6 милліона центнеровъ полосоваго желѣза. Производство невыдѣланнаго желѣза въ Пруссіи поднялось съ 43 тысячъ тоннъ въ годъ, на которыхъ оно стояло въ 1826 г., до 987,000 тоннъ въ 1867 г.

Уголь. Добыча угля во всѣхъ копяхъ земнаго шара простирается до 213 милліоновъ тоннъ, изъ которыхъ 176 мил. тоннъ, или 3,548 мил. центнеровъ приходится на долю Европы. Изъ этого количества одна Англія, которая въ началѣ 18 столѣтія производила не болѣе $2^1/_2$ мил. тоннъ, производитъ теперь 109 мил. тоннъ. Въ той же пропорціи увеличилось производство и остальныхъ странъ: Франція въ 1858 г. производила 7 мил. тоннъ, а въ 1868—13 мил.; Пруссія въ 1859 г.—11 мил. тоннъ, а въ 1869 г.—30 мил. т; Австро-Венг-

рія —въ 1859 —3 мил. т., а въ 1869—7 мил. т. Стоимость добываемаго количества угля выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: Великобританія — 269 мил. гульденовъ, Пруссія—75, Франція—61, Бельгія—62, Австрія—21; въ общей сложности для всей Европы—около 503 мил., а для добыванія каменнаго угля на всемъ земномъ шарѣ—600 мил. гульденовъ. О потребленніи каменнаго угля имѣются, что касается Англіи, любопытныя данныя, изъ которыхъ оказывается, что изъ 107 мил. тоннъ на долю промышленности въ ообщей совокупности приходится 73 мил., на долю торговли—5 мил., на долю вывоза — 10 мил. и на долю домашняго потребленія—18 мил.

Хлопокъ. Производство хлопка составляетъ ежегодно отъ 16 до 18 мил. центнеровъ. Изъ этого количества одни Соединенные Штаты производятъ двѣ трети; около 2 милліоновъ приходится на Остъ-Индію, 1 милліонъ—на остальныя страны Азіи и 650,000—на Мексику и Южную Америку. Наибольшее потребленіе хлопка мы видимъ въ Англіи. Въ половинѣ прошлаго столѣтія страна эта потребляла 1 милліонъ фунтовъ, теперь же она потребляетъ болѣе 1,000 милліоновъ фунтовъ хлопка ежегодно. Количество рабочихъ, занятыхъ на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ Европы и Америки, простирался до $1^1/_4$ мил., а ежегодный заработокъ ихъ составляетъ 162 мил. таллеровъ. Франція въ 1865 г. потребляла 444,000 тюковъ хлопка, Германія—300,000 тюковъ. Число веретенъ на бумагопрядильныхъ составляло въ 1870 г. 57 милліоновъ, — изъ этого числа 32 мил. приходилось на Англію, 7 мил.—на Францію и 3 мил.—на Германію.

Денежная стоимость всей промышленности Европы оцѣнивается слѣдующими приблизительными цифрами: минеральное царство — 983 мил. таллеровъ; животное царство — 4,331, растительное царство—9,627 мил. тал. въ общей же сложности—14,941 мил. тал. Изъ всей цифры производимыхъ промышленныхъ цѣнностей въ Англіи приходится на человѣка 212 флориновъ, во Франціи—87 фл., въ Пруссіи—66 фл., въ Австріи—34 фл.

Міровая торговля является посредницей для обращенія продуктовъ міровой производительности. Въ ней то именно, въ этой міровой торговлѣ, и проявляется въ полномъ своемъ блескѣ колоссальная экономическая дѣятельность нашего времени. Въ разсматриваемую нами эпоху она выражалась въ слѣдующихъ цифрахъ.

	Ввозъ	Вывозъ	Общій итогъ.
Европа . .	8,675 мил. гул.	7,290 мил. гул.	15,965 мил. гул.
Америка .	2,016 „	2,173 „	4,188 „
Азія. . .	975 „	1,010 „	1,985 „
Австралія .	298 „	297 „	565 . „
Океанія. .	200 „	238 „	438 „
Итого	12,164 „	11,008 „	23,171 „

*

Итакъ, обороты міровой торговли въ одиннадцать разъ превосходятъ въ одинъ только годъ пятимилліардную французскую контрибуцію. Всего значительнѣе торговля слѣдующихъ государствъ:

	Ввозъ	Вывозъ	Общій итогъ загран. торг.
Великобританія и Ирландія. . .	3,301 м. т.	2,215 м. т.	5,516 м. т.
Франція (1871 г.)	1,137 „	1,346 „	2,483 „
Соединенные Штаты (1870—71) .	1,121 „	1,664 „	2,245 „
Германская имперія (1871). . .	870 „	765 „	1,635 „
Бельгія (1870)	699 „	604 „	1,303 „
Россія (1870)	511 „	570 „	1,081 „
Австро-Венгрія (1872)	585 „	561 „	1.146 „

По другому разсчету торговля Соединенныхъ Штатовъ дала въ 1872 — 1873 г. слѣдующіе результаты:

Въ таможенный годъ, начавшійся 1-го іюля 1872 г. и окончившійся 30-го іюня 1873 г. Соединенные Штаты ввезли товаровъ изъ-за границы на 663,410,597 долларовъ, другими словами на 23 милліона долларовъ больше, чѣмъ въ предшествующемъ году, а вывезли своихъ продуктовъ на 649,432,563 дол., или на 100 милліоновъ болѣе противъ предшествующаго года. Изъ привозныхъ товаровъ снова было экспортировано на сумму въ 28,148,481 дол.—или на $5^1/_2$ милліоновъ болѣе, чѣмъ въ предшествующемъ году. Сухимъ путемъ было привезено товаровъ на 17,000,000, моремъ же, на американскихъ судахъ, было привезено на $179^1/_2$ мил. товаровъ, а на иностранныхъ судахъ—на 482 мил. дол.; изъ этихъ послѣднихъ цифръ оказывается, что американскими судами было вывезено на 3,000,000 болѣе, а иностранными—на 25,500,000 болѣе, чѣмъ въ предшествующемъ году. Что касается вывоза, то американскія суда вывезли товаровъ на 2,000,000, а иностранныя—на 96,500,000 болѣе, чѣмъ въ предшествующемъ году. Такимъ образомъ, все усиленіе вывоза оказывалось почти исключительно въ пользу иностранныхъ и, преимущественно, англійскихъ судовъ. Изъ товаровъ, ввозимыхъ въ страну, большая часть, а именно,—всего на сумму въ 487,000,000 дол., подлежало оплатѣ пошлиной, остальные же, на сумму въ 166 мил. дол., были изъяты отъ пошлины. Законъ 1872 г., объявлявшій нѣкоторые предметы изъятыми отъ пошлины, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ уменьшеніе ввоза товаровъ, обложенныхъ пошлиною, на 82 мил., и усиленіе ввоза товаровъ, не обложенныхъ пошлиной, на 105 мил., сравнительно съ предшествующимъ годомъ. Вышеупомянутый законъ освобождалъ отъ пошлины, главнымъ образомъ, чай, кофе, мѣха и т. п.—и, вслѣдствіе этого, чаю было ввезено на 24 м. дол., кофе—на 44 мил. дол. и мѣховъ—на 16 мил. дол. Изъ остальныхъ привозныхъ товаровъ заслуживаютъ упоминовенія золото и серебро, которыхъ было привезено на 22 мил. дол., бумажныя ткани — на

35,500,000, ленъ и полотно—на 21,500,000, желѣза и желѣзныя издѣлія—на 59 мил., кожи и кожаныя издѣлія—на 11,500,000, шелкъ—на 36 мил., сахаръ и патока — на 92,500,000, олово и оловяныя издѣлія — на 15 мил., табакъ и сигары—на 10 мил., лѣсъ и деревянныя издѣлія—на 11,500,000, шерсть и шерстяныя издѣлія—на 71,500,000, вина—на 9 мил., плоды—на 9,500,000, хлѣбныя вещества—на 9 мил. дол. и т. п. Главнѣйшими же предметами ввоза являются: хлопокъ—на 230 мил. дол., хлѣбъ—на 99 мил. (изъ этого числа около половины падаетъ на одну пшеницу, а именно—40 мил. бушелей) питательныя вещества—78 мил., благородные металлы, вычеканенные или невычеканенные—74 мил., петроль и другія масла—на 44 мил., желѣзо и сталь—на 10,500,000, табакъ—на 25,500,000, дерево—на 14,500,000 и т. д.

Поразительное доказательство той высоты, которой достигло экономическое развитіе въ Англіи, служитъ тотъ фактъ, что излишекъ государственнаго бюджета за 1873 г. оцѣнивался въ 5 милліоновъ, а иными, даже, въ 6 милліоновъ ф. ст.

Но наиболѣе поразительнымъ образчикомъ силы экономическаго развитія является вывозъ Франціи, которая, не взирая на войну, стоившую жизни 100,000 людей и поглотившую болѣе 10 милліардовъ франковъ, тотчасъ же по заключеніи мира дала цифры, свидѣтельствующія объ усиленіи торговли. Еще въ 1869 г. ввозъ стоялъ на 2,824,307,000, а вывозъ—на 2,846,495,000: въ 1872 г. первый возросъ до 3,252,314,000, а второй—понизился до 2,435,173,000; но уже въ 1873 г. мы имѣемъ ввозъ, равняющійся 3,239,859,000, и вывозъ, составляющій 3,605,402,000.

Постройка желѣзныхъ дорогъ, за этотъ періодъ, достигла какъ по ту, такъ и по сю сторону океана никогда еще небывалыхъ размѣровъ. Въ 1865 г. общая длина всѣхъ европейскихъ желѣзнодорожныхъ линій оцѣнивалась въ 42,000 англійскихъ миль, а сѣвероамериканскихъ — въ 33,860 миль. Въ 1873 году длина желѣзныхъ дорогъ въ Соединенныхъ Штатахъ считалась уже въ 60,000 миль. Равнымъ образомъ, хотя и не въ такой пропорціи, увеличились линіи желѣзныхъ дорогъ и въ Европѣ. Длина ихъ къ концу 1871 г. считалась въ 70,000 англійскихъ миль, или въ 14,000 нѣмецкихъ миль; изъ этого числа на Англію приходилось 3,254, на Германію—2,669, на Францію—2,307, на Россію—1,516, на Австро-Венгрію—1,372 мили. Азія обладала въ 1869 г. 971 милями желѣзныхъ дорогъ, Африка—175 милями, Сѣверная Америка—12,000, Южная Америка—160. Австралія—181. На всемъ земномъ шарѣ имѣлось въ 1871 г. 28,300 миль желѣзнодорожныхъ линій, — длина, которою можно бы было пять разъ обвести экваторъ. Стоимость этихъ желѣзныхъ дорогъ представляла 15 милліардовъ таллеровъ, и ими перевозилось въ годъ до 8 милліардовъ центнеровъ товаровъ, не считая пассажировъ и собственной тяжести поѣздовъ. Общая длина пути, совершаемаго поѣздами этихъ

дорогъ, далеко превышаетъ по разсчетамъ, сдѣланнымъ Веберомъ въ 1866 г.. длину окружности солнечный системы.

Послѣ того, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ невѣроятно короткое время была сооружена дорога, соединившая Атлантическій океанъ съ Тихимъ, на ширинѣ отъ Нью-Іорка до Санъ-Франциско, и переваливщая при этомъ черезъ Скалистыя Горы, въ настоящее время уже приступлено къ сооруженію двухъ новыхъ соединенныхъ линій, между океанами,—одной на сѣверѣ, другой на югѣ,—перерѣзывающихъ американскій материкъ какъ разъ въ самыхъ широкихъ мѣстахъ. Уже существуетъ планъ центральной азіатской желѣзной дороги, долженствующей включить всю Азію въ сѣть европейскихъ желѣзныхъ дорогъ, для чего предполагается воспользоваться русской желѣзнодорожной сѣтью и англійской, въ Остъ-Индіи. Къ этому колоссальному проэкту примыкаетъ планъ усиленія русскихъ желѣзнодорожныхъ сообщеній 14-ю милліонами, общая длина которыхъ составитъ 1,000 верстъ. Въ настоящее время ничто уже не считается невозможнымъ. Это доказываютъ проэкты соединенія Англіи съ континентомъ черезъ Па-де-Кале, и Швеціи съ Даніей черезъ Орезундъ—посредствомъ туннелей.

Рядомъ съ обыкновенными желѣзными дорогами развиваются и небольшія узкоколейныя линіи, а такъ же горныя желѣзныя дороги, по которымъ движеніе производится или посредствомъ каната, или посредствомъ зубчатыхъ колесъ, или по системѣ Вотли; въ Америкѣ даже возникла мысль усилить скорость движенія на желѣзныхъ дорогахъ и довести ее до 20 нѣмецкихъ миль въ часъ посредствомъ устройства двойныхъ колей.

Одновременно съ этимъ и уличное сообщеніе совершенствуется черезъ примѣненіе конныхъ желѣзныхъ дорогъ и уличныхъ локомотивовъ. Въ Пруссіи былъ изданъ даже въ послѣнее время законъ, регулирующій употребленіе послѣднихъ на большихъ дорогахъ и въ общественныхъ мѣстахъ.

Со всѣми этими усовершенствованіями совпадаетъ по времени и окончаніе Суезскаго канала, предпріятія, въ успѣхѣ котораго такъ долго сомнѣвались и которое на многіе мѣсяцы сократило путь въ Остъ-Индію; остается только подождать сооруженія достаточнаго числа пароходовъ, и Средиземное море снова превратится въ еще болѣе оживленный центръ всемірной торговли, чѣмъ какимъ оно было въ самую цвѣтущую для него пору, въ средніе вѣка.

Рука объ руку съ усиленіемъ средствъ сухопутнаго сообщенія шло и развитіе торговаго флота, который съ каждымъ годомъ могъ похваляться новыми приращеніями. Съ 1872 по 1873 г. развитіе торговаго флота въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: число парусныхъ судовъ уменьшилось на 446 (съ 56,727 до 56,281), а общая цифра вмѣстимости этихъ судовъ пала на 368,032 тоннъ (съ 14,453,868 до 14,185,836); въ то же время число пароходовъ возрастаетъ на 813 (съ 4,535 до 5,148), а вмѣ-

стимость ихъ увеличивается на 647,523 тоннъ (съ 3,680,670 до 4,328,193 тоннъ). Парусныя суда и пароходы, въ общей сложности, представляютъ увеличеніе числа судовъ на 367 (съ 61,062 де 61,429) и усиленіе вмѣстимости на 279,491 тоннъ (съ 18,254,538 до 18,514,029 тоннъ). Въ 1872 г. пароходы представляли по количеству 7°/₀ общей цифры паруснаго флота, а по вмѣстимости 20°/₀ соотвѣтствующей цифры въ парусномъ флотѣ. Въ 1873 г. это процентое отношеніе пароходовъ къ паруснымъ судамъ достигаетъ уже—по количеству—8°/₀, а по вмѣстимости—23¹/₂ проц.

Въ почтовомъ дѣлѣ тоже произошли преобразованія, соотвѣтствующія, по своей обширности, развитію желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ сообщеній. Въ особенности бросаются въ глаза эти преобразованія почтовой части въ средней Европѣ, гдѣ, наконецъ, примѣръ Англіи, которая ввела у себя удешевленный почтовый тарифъ (penny-post), еще послѣ кризиса 1857 г., нашелъ себѣ подражателей въ Германіи, Австріи, Италіи и Швейцаріи, и въ числѣ прочихъ важныхъ облегченій было установлено, что за двойной тарифъ принимаются письма вѣсомъ до ¹/₂ ф. Вообще, тарифы всевозможныхъ видовъ почтоваго сообщенія были значительно понижены на всемъ пространствѣ земнаго шара, а въ настоящее время уже созывается, по инціативѣ германскаго имперскаго почтдиректора, всемірный почтовый конгрессъ для совѣщанія о новыхъ облегченіяхъ. Такимъ образомъ, почта и телеграфъ, международная организація котораго на многіе годы опередила почтовое дѣло, подаютъ другъ другу руку, являясь передъ народами олицетвореніемъ благъ солидарности, культуры и братскаго союза и стимулируя ихъ къ соревнованію на поприщѣ мирнаго прогресса.

Всѣ перечисленные нами успѣхи являются сравнительно ничтожными и отступаютъ на задній планъ передъ совершившимися точно волшебнымъ развитіемъ телеграфныхъ сообщеній, этого наиболѣе похожаго на сказочныя чудеса изо всѣхъ средствъ сообщенія. Мы заимствуемъ изъ лекціи, читанной В. Губертомъ передъ географическимъ обществомъ въ Парижѣ и напечатанной въ Вѣнскомъ Fremdenblatt, слѣдующій историческій очеркъ постепеннаго разростанія телеграфной сѣти по всему земному шару,—разростанія, совершившагося въ какую-нибудь четверть столѣтія:

Во Франціи телеграфъ былъ предоставленъ въ распоряженіе публики не ранѣе 1-го марта 1851 г. До этого онъ уже нѣкоторое время употреблялся для надобностей правительства и дипломатическихъ сношеній, вытѣснивъ собою неуклюжіе и ненадежные оптическіе телеграфы. Въ настоящее время телеграфная сѣть одной только Франціи составляетъ 44,000 километровъ (5,930 нѣмецкихъ миль), причемъ длина всѣхъ проволокъ, тянущихся по этому пространству, равняется 123,000 килом. (16,577 нѣм. м.). Длина телеграфныхъ линій Европы составляетъ 270,000 километровъ (36,388 нѣм. м.) при длинѣ проволокъ 700,000 килом. (94,340 нѣм. м.)—эта послѣдняя цифра представ-

ляетъ, слѣдовательно, протяженіе, приблизительно вдвое большее, чѣмъ разстояніе земли отъ луны. Для всего земнаго шара общая длина телеграфныхъ проволокъ можетъ быть принята приблизительно въ 2 милліона километровъ (270,000 нѣм. м.)—другими словами этими проволками можно бы было 50 разъ опоясать экваторъ.

Пересчитывать здѣсь количество отдѣльныхъ сухопутныхъ телеграфныхъ линій было бы столь же невозможно, сколько и безполезно; въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ самый ничтожный городишко имѣетъ свой телеграфъ, и при-этомъ еще не рѣдко идущій въ нѣсколькихъ направленіяхъ. Менѣе многочисленными, но за то въ высшей степени важными по космополитическому своему значенію являются тѣ линіи, которыя пересѣкаютъ океанъ и соединяютъ облегченными сношеніями старыя, даже цѣлыя части свѣта, далеко отстоящія другъ отъ друга и разлученныя моремъ; а также тѣ линіи, которыя, пролегая черезъ пространства земли, чуждыя культуры и не рѣдко, даже, географически неизслѣдованныя, создаютъ подобное же сближеніе между пунктами, которые безъ этого были бы другъ для друга недоступны. Хотя большая часть телеграфныхъ сообщеній этого рода возникла лишь за послѣднія шесть лѣтъ, въ настоящее время насчитываютъ уже до 213 дѣйствующихъ подводныхъ телеграфныхъ проволокъ, которыя, въ общей сложности, представляютъ длину въ 80 тысячъ килом. (10,880 нѣм. м.). Первая попытка устроить телеграфное сообщеніе подъ водою,—попытка, которая увѣнчалась успѣхомъ, была сдѣлана въ 1849 г., въ Калькутѣ, у устья Ганга. Не ранѣе 1850 г. нѣкто г. Бретъ получилъ отъ Людовика Наполеона, въ то время еще бывшаго президентомъ французской республики, на соединеніе посредствомъ телеграфа Франціи и Англіи. Результатъ этого предпріятія извѣстенъ; первая проволока, которая была положена въ 1850 г., была поймана рыбаками, которые порвали ее; затѣмъ было избрано другое, болѣе безопасное мѣсто для опущенія проволоки, и съ 1851 г. обѣ страны состоятъ между собою въ телеграфномъ сообщеніи посредствомъ линіи, пролегающей между Сангатомъ близъ Кале и Соутъ-Форлендомъ, близъ Дувра.

Примѣръ этотъ быстро нашелъ подражателей, и въ Европѣ существовало уже до 12 небольшихъ подводныхъ телеграфныхъ линій, когда и въ Новомъ свѣтѣ сказалась потребность перекинуть телеграфную проволоку черезъ море. Началось въ 1857 г. съ попытки соединить канатъ посрединѣ Атлантическаго океана посредствомъ двухъ кораблей, которые одновременно вышли бы на встрѣчу другъ другу изъ Европы и Америки. Попытка не удалась въ этомъ году и два раза не удавалась въ слѣдующемъ году. Равнымъ образомъ постигла неудача новую попытку, сдѣланную въ 1865 г. съ помощью парохода Great Eastern, — величайшаго изъ всѣхъ пароходовъ въ мірѣ, вышедшаго съ этою цѣлью въ океанъ изъ Англіи. Не ранѣе 1866 г. однородная съ предыду-

щей попытка увѣнчалась успѣхомъ. Въ этомъ же году прошлогодній канатъ былъ поднятъ со дна морскаго, исправленъ, и, такимъ образомъ, были разомъ проложены двѣ трансатлантическія линіи. Съ той поры телеграфное сообщеніе Европы съ Америкой не прерывалось, но недавно болѣе старый кабель снова порвался въ 568 англійскихъ миляхъ отъ Валенсіи, на глубинѣ въ 3.700 метровъ. Находятся въ нерѣшимости, поднимать ли его со дна моря, или нѣтъ, такъ какъ стоимость этого предпріятія расчитывался въ 3,800,000 франковъ.

Въ 1869 г. Great Eastern снова переплылъ океанъ съ цѣлью опустить на дно его телеграфную проволоку. На этотъ разъ рѣчь шла о соединеніи съ Америкой Франціи. Точкою отправленія съ французской стороны былъ избранъ Пёти-Миту, близъ Бреста. Достигнувъ высотъ Сенъ-Пьеръ-Микелона, на югѣ Ньюфаундленда, избранныхъ первою станціею, какъ для англійскаго, такъ и для французскаго кабеля, Great Eastern телеграфировалъ въ Соединенные Штаты о своемъ прибытіи, воспользовавшись для этого тѣмъ самымъ кабелемъ, который онъ самъ же передъ этимъ только-что опустилъ; посланная имъ депеша пришла назадъ въ Европу, а оттуда, черезъ англо-американскій телеграфъ — въ Америку. Тѣмъ же путемъ онъ получилъ отвѣтъ, что все готово для его пріема. Депеши эти, такимъ образомъ, сдѣлали между Европой и Америкой четыре конца.

Къ этимъ уже проложеннымъ черезъ океанъ линіямъ надо прибавить еще многочисленные проэкты подобныхъ же линій, часть которыхъ предназначается къ осуществленію въ ближайшемъ будущемъ. Французская компанія, послѣ того, какъ задуманное-было сліяніе ея съ англійской не состоялось, хочетъ проложить второй трансатлантическій кабель между мысомъ Лэндсъ-Эндомъ въ Корнвалисѣ и Галифаксомъ. Другая компанія носится съ проэктомъ соединить посредствомъ телеграфа мысъ Лэндсъ-Эндъ съ Бермудскими островами, а отсюда провести двѣ развѣтвляющіяся линіи, одну въ—Нью-Іоркъ, а другую— въ Сенъ-Томасъ на Антильскихъ островахъ. Въ 1870 г. былъ составленъ проэктъ провести телеграфъ съ сѣвера Шотландіи черезъ Оркадскіе острова, черезъ Фререрскіе острова, черезъ Исландію и южную часть Гренландіи въ Лабрадоръ и Квебекъ. Но первая же часть кабеля порвалась между Шотландіей и Оркадскими островами, и съ той поры проэктъ заглохъ. Гораздо серьезнѣе задуманъ и ближе къ своему осуществленію проэктъ соединить мысъ С.-Венцентъ, представляющій юго-западную оконечность Португаліи съ Мадейрою, съ островами Зеленаго Мыса и съ мысомъ Сенъ-Рокъ въ Бразиліи. Необходимый для этого предпріятія капиталъ, простирающійся до $31^1/_4$ милліоновъ франковъ, былъ вполнѣ покрытъ еще въ 1872 г. состоявшеюся въ Лондонѣ подпиской, и къ концу 1874 г. должно было произойти открытіе этой линіи для сообщеній. Наконецъ образовалась „Китайско-Японская“ компанія съ цѣлью пересѣчь телеграфной линіей американскій континентъ отъ Квебека на Аляску,

а оттуда черезъ Берингговъ проливъ довести ту же линію до Китая; если проэктъ этотъ состоится, то будетъ первая попытка установить телеграфныя сообщенія между Америкой и Азіей.

Англія, вынужденная своимъ островнымъ положеніемъ сноситься съ сосѣдними государствами исключительно посредствомъ подводныхъ телеграфовъ, упрочила за собою положеніе главнаго центра подводныхъ телеграфныхъ линій. Не менѣе шести такихъ линій пересѣкаютъ Ла-Маншъ по направленію къ сѣверному берегу Франціи; пять линій пересѣкаютъ проливъ Св. Георга и Ирландское море, соединяя Ирландію съ Америкой; шесть линій идутъ по Нѣмецкому морю, соединяя Великобританію съ Бельгіей, Голландіей и Ганноверомъ. Съ Россіей Англія имѣетъ сообщеніе посредствомъ двухъ кабелей: одинъ изъ нихъ идетъ изъ Ньюбиггина (въ Нортёмберлэндѣ) на Зёндевигъ, черезъ Данію, черезъ острова Мёенъ и Борнгольмъ въ Либаву, на русскомъ берегу. Другая идетъ изъ Питергеда (въ Эбердиншейрѣ) въ Эгерзундъ въ Норвегіи, пересѣкаетъ Скадинавскій полуостровъ поперекъ, и изъ Грислегема на шведскомъ берегу перебрасывается въ Нюстадъ на русскомъ берегу. Оба кабеля были проложены въ 1869 году. Въ недавнее время окончено также погруженіе кабеля, который ставитъ Лондонъ въ непосредственное сообщеніе съ сѣвероиспанскимъ городомъ Бильбао. Наконецъ, существуетъ еще короткая подводная линія, соединяющая черезъ Скагерракъ-Гиртсгальсъ въ Ютландіи и Арендаль въ Норвегіи.

Первыя попытки погруженія телеграфной проволоки въ Средиземномъ море были произведены въ 1853 г., но лишь въ 1870 г. удалось соединить Марсель съ Боной въ Алжирѣ. Въ настоящее время существуетъ еще нѣсколько болѣе короткихъ линій: между Испаніей и Балеарскими островами, между Италіей, Корсикой и Сардиніей, между Отранто и Валоною (въ Турціи), между Корфу и Аѳинами. Проэктированы также линіи между Тріестомъ, Корфу и Александріей и между Марселемъ и Алжиромъ.

Линіи Средиземнаго моря, о наиболѣе значительной изъ которыхъ мы еще не упоминали, составляютъ ближайшій переходъ къ телеграфной сѣти Азіи, сѣти, расходящейся на подобіе древесныхъ вѣтвей отъ главнаго ствола— англо-остъ-индской телеграфной линіи. Кабель этой послѣдней, начинаясь у Фальмоута въ Англіи, огибаетъ западный берегъ Франціи и Пиренейскій полуостровъ, по дорогѣ захватываетъ Лиссабонъ и Гибралтаръ, затѣмъ прямою чертою идетъ на Мальту и тамъ забираетъ депеши, идущія изъ Европы черезъ Италію и изъ Африки черезъ Бону. Затѣмъ линія эта идетъ черезъ Суэцъ въ Красное море, огибаетъ мысъ Аденъ и, прямо пересѣкая Индѣйскій океанъ, заканчивается въ Бомбеѣ.

Изъ Бомбея до Мадраса телеграфъ идетъ сухимъ путемъ, затѣмъ онъ погружается въ Бенгальскій заливъ и въ Пенангѣ (сѣверная оконечность Суматры) въ Сингапурѣ (южная оконечность Малакки) въ Сайгонѣ и въ Гонконгѣ

соприкасается съ сушей. Линія эта находится въ обладаніи семи соединившихся компаній, центральная резиденція которыхъ — въ Лондонѣ. Англо-индійская телеграфная линія была окончена въ 1870 г.; ея дальнѣйшія продолженія принадлежатъ позднѣйшему періоду. Въ настоящее время существуетъ серьезный проэктъ устроить прямое телеграфное сообщеніе между Марселемъ и Гонконгомъ, съ развѣтвленіями на Борнео и на Сингапуръ. Существуетъ еще другое, и притомъ тройственное телеграфное сообщеніе между Европой и Азіей, соединяющееся съ главной линіей въ Бомбеѣ. Начиная отъ Абушира (въ Персіи) эти три линіи вмѣстѣ идутъ вдоль берега Персидскаго залива и Аравійскаго моря. Первая изъ этихъ линій начинается у Кромера, въ Англіи, затѣмъ идетъ черезъ Гановеръ, Берлинъ, Вѣну, Константинополь и Малую Азію; вторая линія, начинаясь въ Ньюбиггинѣ, направляется черезъ Данію въ Либаву, а оттуда въ Варшаву и Одессу, пересѣкаетъ Черное море по направленію къ Тифлису, а оттуда идетъ на Абуширъ; наконецъ, третья линія начинается въ Питергедѣ, пересѣкая Швецію, идетъ на Петербургъ, Москву, Харьковъ и Тифлисъ, гдѣ и соединяется со второй линіей.

Сухопутное телеграфное сообщеніе русской столицы съ Сибирью является уже съ 1863 г. совершившимся фактомъ. Линія эта, доведенная до Кяхты на китайской границѣ, въ 1870 г. была проведена далѣе; обогнувъ Небесную имперію, она пошла вдоль Шилька и Амура на Александровскъ, оттуда, подъ водою, — на Нангасаки въ Японіи, на Шангай и на Гонконгъ. Всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ замкнулся колоссальный кругъ, описываемый электрическимъ сообщеніемъ изъ Лондона черезъ Атлантическій океанъ, черезъ Средиземное и Красное моря, черезъ Индѣйскій океанъ, оттуда черезъ Индію, Китай, Сибирь и черезъ Россію обратно на Лондонъ.

Европейско-Австралійское телеграфное сообщеніе, еще болѣе новѣйшаго происхожденія, чѣмъ европейско-азіатское, развѣтвляется отъ послѣдняго въ Сингапурѣ; отсюда идетъ кабель въ Боливію и примыкаетъ къ телеграфной линіи, пересѣкающій островъ Яву во всю его длину. Другой кабель идетъ черезъ островъ Тиморъ къ порту Дарвину на сѣверо-австралійскомъ берегу. Къ этому пункту примыкаетъ сухопутный телеграфъ, идущій на Аделинду и притомъ пересѣкающій Австралійскій материкъ, представлявшій еще недавно почти абсолютно неизвѣстную страну; проведеніе этой линіи является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ предпріятій новѣйшаго времени. Оно было окончено лишь въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1873 г., а между тѣмъ уже приступлено къ осуществленію новыхъ проэктовъ телеграфныхъ линій черезъ западную часть Австраліи. Телеграфъ, такимъ образомъ, не только служитъ посредникомъ сношеній между цивилизованными странами, — онъ еще самъ становится піонеромъ культуры и прокладываетъ пути для географическаго изслѣдованія.

Уже съ 1859 г. Мельборнъ соединенъ телеграфомъ съ Тасманіей (Вандиме-

нова Земля), а къ концу 1875 г. было установлено подобное же сообщеніе между Сиднеемъ и Новой Зеландіей, которая уже обладаетъ, кромѣ того, полною сѣтью сухопутныхъ телеграфныхъ сообщеній.

Мы, правда, еще стоимъ лицомъ къ лицу съ важнымъ, пока еще не выполненнымъ пробѣломъ, не позволяющимъ электрической искрѣ опоясать кругомъ весь земной шаръ такъ, чтобы, будучи пущена, напримѣръ, изъ Парижа, она могла вернуться въ Парижъ же; недостаетъ кабеля черезъ Тихій океанъ, недостаетъ пока и прямаго кабельнаго сообщенія между Америкой, Австраліей и Азіей. Въ проэктахъ подобнаго соединенія отнюдь недостатка нѣтъ, и осуществленіе, если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ изъ этихъ проэктовъ, составляетъ лишь вопросъ времени, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, весьма недалекаго отъ насъ времени. Предпріимчивый духъ американца, Сируса Фильда, который уже перекинулъ телеграфную проволоку черезъ Атлантическій океанъ, не останавливается и передъ Тихимъ океаномъ. Г. Фильдъ намѣревается въ ближайшемъ будущемъ провести двѣ линіи: 1) изъ Викторіи, въ Колумбіи (на западномъ берегу Сѣверной Америки) на сибирско-русскую линію, а тамъ, черезъ Алеутскіе острова въ Іокогаму, съ развѣтвленіемъ на Шангай и 2) изъ Санъ-Франциско на Сандвичевы острова, гдѣ линія вѣтвится съ одной стороны на Японію и Сибирь, а съ другой стороны—на Новую Каледонію и Южную Австралію.

Существуютъ также проэкты соединенія Америки съ Китаемъ, сѣверной линіи отъ Новоархангельска черезъ Камчатку и Петропавловскъ въ Сибирь, и линіи отъ мыса Доброй Надежды на Наталь, на Мадагаскаръ и на Аденъ.

Для полноты перечня намъ остается еще упомянуть о подводныхъ линіяхъ въ Антильскомъ архипелагѣ. Съ 1868 г. Гаванна соединена съ Флоридою; каждый годъ прибавляетъ новое звено къ цѣпи телеграфныхъ сообщеній, идущихъ черезъ Антильскіе острова; въ 1873 г. эта цѣпь была доведена до Демерары въ англійской Гвіянѣ. Проэктировано также устройство сообщенія Гаванны съ Новымъ Орлеаномъ и Вера-Круцомъ, Ямайки — съ Колономъ и Панамою; къ этой послѣдней линіи должна примкнуть береговая линія, которая пойдетъ къ Колумбіи, Перу, Боливіи, Чили, и закончится въ Вальпарайзо. Съ продленіемъ подводныхъ линій на Ріо-Жанейро, Пернамбуко и Каіену, а оттуда обратно въ Демерарѣ замкнется большой кругъ американскихъ телеграфныхъ сообщеній, и недалеко то время, когда проволока, проводящая электричество, дотянется до Магелланова пролива.

Такъ, съ каждымъ годомъ, все плотнѣе и плотнѣе обхватываетъ земной шаръ та сѣть, которая передаетъ отъ города къ городу, отъ берега къ берегу окрыленное слово и связываетъ наши мысли съ мыслями нашихъ антиподовъ. Приблизительное понятіе о колоссальности достигнутыхъ результатовъ даетъ слѣдующій разсчетъ, приводимый М. В. Губеромъ въ его лекціи: въ 1871 году

33,000 депешъ прошло по индо-европейскимъ линiямъ; принимая 45 дней за среднее время, необходимое для того, чтобы письмо, посланное изъ Индiи, Австралiи, или Китая пришло въ Европу, — депешѣ нужно самое большое, два дня, чтобы достигнуть мѣста своего назначенiя, изъ чего оказывается для каждой депеши сбереженiе времени въ 43 дня, слѣдовательно, для 33,000 депешъ—перiодъ въ сорокъ столѣтiй. Тотъ же расчетъ, примѣненный къ 240,000 депешъ, которыя ежегодно пробѣгаютъ по проволокѣ Атлантическiй океанъ, даетъ экономiю времени въ 65 столѣтiй. По этому же разсчету телеграфы, пересѣкающiе океанъ, въ общей сложности сберегаютъ, при настоящемъ своемъ составѣ, болѣе 10,000 лѣтъ времени. Этотъ разсчетъ не праздная потѣха: если мы только вспомнимъ поговорку: „время есть деньги", то легко сообразить, что это сбереженiе времени, независимо даже отъ прочихъ удобствъ, которыя быстрота сообщенiй доставляетъ производству (какъ, напримѣръ, возможность для европейскихъ фабрикантовъ покупать въ благопрiятный моментъ хлопокъ въ Индiи) равняется усиленiю производительности въ соотвѣтствующихъ размѣрахъ.

Со времени кризиса 1857 г. промышленное развитiе тоже получило съ различныхъ сторонъ толчки, усилившiе его дѣятельность. Съ этого времени швейная машина и петроль были привезены изъ Европы въ Америку, англiйскiя сельско-хозяйственныя машины получили на континентѣ права гражданства, въ Германiи возникло машино-строительное дѣло, умножились газовыя и водопроводныя предпрiятiя въ городахъ, стальное производство было доведено новыми изобрѣтенiями до небывалой еще высоты, и постройка желѣзныхъ дорогъ страшно усилилась.

Здѣсь будетъ у мѣста также упомянуть о положенiи денежнаго обращенiя. Въ Европѣ и Америкѣ по вычисленiямъ Дельмора находилось въ обращенiи до 3,654 миллiоновъ таллеровъ звонкой монетой. Билетное обращенiе важнѣйшихъ банковъ составляло въ 1871 г. 4,233 миллiона таллеровъ. Обороты лондонскаго Clearinghaose составляли: въ 1870 г. — 3,904 миллiоновъ ф. ст.; въ 1871 г. — 4,787 мил. ф. ст.; въ 1872 г. — почти 6,000 мил. ф. ст. Эти послѣднiя цифры свидѣтельствуютъ о высокомъ развитiи кредитныхъ операцiй въ Англiи. Наименьшая убыль монетъ отъ потребленiя, какая происходитъ при такихъ колоссальныхъ оборотахъ, высчитывается въ 200 слишкомъ центнеровъ золота въ годъ.

Нижеслѣдующiя данныя могутъ также дать понятiе о размѣрахъ промышленной дѣятельности въ новѣйшее время: уже въ 1860 году на англiйскихъ горныхъ заводахъ работало столько машинъ, что онѣ вмѣстѣ представляли 450,000 лошадиныхъ силъ; паровыя машины мануфактуръ имѣли въ общей сложности 1,350,000 лошадиныхъ силъ, машины пароходовъ — 850,000 лошадиныхъ силъ, машины локомотивовъ—1 миллiонъ лошадиныхъ силъ; въ общей сложности это представляло 3,650,000 лошадиныхъ силъ, другими сло-

вами такую рабочую силу, для возмѣщенія которой людьми понадобилось бы 77,000,000 мил. работниковъ, т. е., такое количество людей въ порѣ полной возмужалости, которое предполагаетъ общую цифру населенія въ 250 милліоновъ! А въ настоящее время высчитываютъ, что число этихъ лошадиныхъ силъ еще удвоилось.

Усиленіе производительности выражается и въ другомъ примѣрѣ, близко касающемся нѣмецкой промышленности. Пивоварни Австріи (со включеніемъ сюда и Венгріи), производящія въ настоящее время лучшее пиво въ мірѣ, въ десятилѣтній періодъ времени, между 1862 и 1872 гг., болѣе чѣмъ удвоили свое производство. Въ 1862 г. на 21 главнѣйшихъ пивоварняхъ Австріи и Венгріи вываривалось 2,220,863 ведра пива,—въ 1872 г. производство этихъ заводовъ равнялось 5,433,904 ведрамъ, — другими словами, оно возросло на 145 процентовъ.

При-этомъ, необходимо помнить, что, рядомъ съ этимъ развитіемъ промышленности, наука и техника дѣлаютъ безпрестанно новыя открытія, что творческая сила образованныхъ работниковъ безпрестанно обогащаетъ производство новыми изобрѣтеніями—необходимо вспомнить, что, вообще, кризисы происходятъ лишь въ странахъ съ высокоразвитою промышленностью, что въ государствахъ, стоящихъ на промышленномъ уровнѣ Греціи, Испаніи и Турціи ихъ обыкновенно не бываетъ,—и тогда для насъ станетъ понятно, какимъ образомъ освобожденіе отъ кошмара французской войны, угроза которой въ теченіе уже многихъ лѣтъ висѣла какъ Дамокловъ мечъ надъ промышленнымъ міромъ, такъ возбудило духъ предпріимчивости, что онъ поднялся высоковоздымающимися, пѣнящимися волнами и, наконецъ, перешелъ въ острую болѣзнь кризиса, со всѣми ея пагубными послѣдствіями.

Кризисъ 1866 г. не пошелъ за предѣлы Англіи, не взирая на то, что въ то время средняя Европа стояла наканунѣ объявленія войны. Послѣ 1857 г. для материковъ Европы и Америки 50-ти лѣтній періодъ мира былъ прерванъ войнами, которыя, по своимъ размѣрамъ и, отчасти, по быстротѣ своихъ результатовъ, не имѣли ничего себѣ подобнаго въ исторіи. Сначала загорѣлась война въ Испаніи, годъ спустя уже разразилась четырехлѣтняя междоусобная война въ Америкѣ, которая едва не сокрушила всю хлопчатобумажную промышленность въ Европѣ.

Мы уже упоминали, что опасность эта была пережита легче, чѣмъ можно было ожидать. Американская междоусобная война еще не успѣла кончиться, какъ настала датская война. То обстоятельство, что въ теченіе этой послѣдней обѣ великія германскія державы стояли вмѣстѣ, и поэтому Франція и Англія были вынуждены ограничиться ролью мирныхъ зрительницъ, способствовало, до извѣстной степени, успокоенію торговаго міра, встревоженнаго переворотомъ въ Италіи и преобладающею ролью Франціи. Правда, начавшее

было возстановляться довѣріе снова было разрушено объявленіемъ австро-прусской войны, но кратковременность этой войны, а также то соображеніе, что вопросъ о гегемоніи между Австріей и Пруссіей не можетъ быть иначе разрѣшенъ, какъ путемъ насилія, и что безъ разрѣшенія этого вопроса миръ Европы никогда не будетъ установленъ на прочномъ основаніи,—не мало способствовали оживленію промышленности заново. Но духъ предпріимчивости послѣ 1866 г. все же не моръ расвернуться вполнѣ въ виду той зависти, съ которою Франція слѣдила за усиленіемъ Германіи; обстоятельство это тяготѣло недобрымъ предчувствіемъ надъ общимъ настроеніемъ и заставляло ожидать новой борьбы изъ-за политическаго первенства въ Европѣ. Но послѣ того, какъ эта ожидаемая война разразилась съ непредвидѣнною быстротою и была такъ рѣшительно доведена до конца,—послѣ того, какъ, вслѣдъ за этимъ, въ Германіи, а отчасти и въ Австріи, насталъ періодъ законодательныхъ реформъ, имѣвшихъ непосредственнымъ своимъ результатомъ необычайное, безпримѣрное въ исторіи усиленіе промышленной дѣятельности, въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, — послѣ всего этого, говоримъ мы, спекуляція неудержимо ринулась на рынокъ и понеслась какъ конь, сорвавшійся съ привязи.

Постройка новыхъ желѣзныхъ дорогъ приняла чудовищные размѣры. Спекуляціи въ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ получили новый толчокъ, благодаря системѣ огульныхъ подрядовъ, первоначально введенной англичаниномъ Пето, который на ней обанкротился, затѣмъ въ Берлинѣ, Струсбергъ, нѣкоторое время наживалъ съ помощью этой системы громадные барыши, дѣлая экономію на закупкѣ матеріаловъ и сдавая работы по частямъ другимъ подрядчикамъ; но, въ концѣ концовъ, онъ прогорѣлъ, благодаря тому, что употреблялъ плохой матеріалъ и, вообще, все дѣло велъ самымъ рискованнымъ образомъ. Вмѣстѣ съ развитіемъ желѣзно-дорожныхъ спекуляцій возростали и опасности эксплуатаціи публики и ущерба общественнымъ интересамъ отъ авантюристовъ биржевыхъ игроковъ и разныхъ позорно-знаменитыхъ личностей.

Въ большихъ городахъ постройки новыхъ зданій приняли громадные размѣры, а въ округахъ, гдѣ процвѣтала горнозаводская промышленность, строились многочисленные новые заводы и разрабатывались новыя копи; одновременно съ этимъ выростали какъ грибы изъ земли и другія промышленныя предпріятія и новые банки.

Банковое дѣло успѣло еще до кризиса 1857 г. разростись до значительныхъ размѣровъ основаніемъ множества кредитныхъ учрежденій, торговыхъ, ремесленныхъ и народныхъ банковъ, ассигнаціонныхъ и гипотечныхъ банковъ. Но послѣ войны 1866 г. начинается въ этомъ направленіи движеніе совсѣмъ иного рода. Уже во время американской междоусобной войны ухудшеніе валюты и высокій лажъ на золото, въ связи съ сильнымъ участіемъ именно нѣмецкихъ капиталовъ въ займахъ Союза, оказали чрезвычайно благопріятное

дѣйствіе на вывозъ американскихъ продуктовъ въ Европу. Многіе американцы являлись самолично на европейскіе рынки и спускали товары за какую угодно цѣну, лишь бы имъ заплатили звонкой монетой. Усиленіе торговыхъ сношеній между двумя континентами вызвало также потребность болѣе тѣсныхъ сношеній между денежными и фондовыми рынками по обѣ стороны Атлантическаго океана. Вслѣдствіе этого между Германіей и Америкой возникло множество нароходныхъ сообщеній и международныхъ банковъ, имѣвшихъ свои конторы въ Нью-Іоркѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Франкфуртѣ, и сдѣлавшихся впослѣдствіи орудіями обширныхъ спекуляцій, въ особенности спекуляцій желѣзнодорожными пріоритетными акціями. Италія и Турція тоже были втянуты въ эту международную банковую сѣть, которая, не ограничиваясь учетомъ векселей, производила всѣ операціи кредитныхъ учрежденій.

Чрезвычайнымъ оживленіемъ отличались предпринимательскія спекуляціи въ Австріи, такъ какъ страна эта, утративъ, повидимому, по возстановленіи единства Германіи и Италіи, поводъ къ столкновеніямъ съ послѣдними, внушала болѣе довѣрія духу предпріимчивости, нежели Франція и Германія, которымъ, въ то время, приходилось быть наготовѣ къ новой войнѣ.

Но главною ареною спекуляцій являлась Венгрія, которая, по возстановленіи національной своей самостоятельности и по заключеніи компромисса съ другой половиной имперіи, представляла задатки, обѣщавшіе богатое экономическое развитіе въ будущемъ. Вліятельными кружками Венгріи овладѣла настоящая желѣзно-дорожная манія, которая тѣмъ легче находила себѣ пищу, что въ первые годы по заключеніи договора съ Австріею, когда искусство венгровъ въ управленіи государственнымъ хозяйствомъ еще не было испробовано на дѣлѣ, европейскій денежный рынокъ съ необычайною предупредительностью предоставлялъ къ ихъ услугамъ свои денежныя средства.

Уже въ маѣ 1869 г. общая сумма предпріятій, основанныхъ въ Вѣнѣ, оцѣнилась въ 982 милліона гульденовъ, изъ которыхъ, до этого времени, 470 милліоновъ уже было взнесено на акціонерныя предпріятія.

Въ Пештѣ, въ началѣ 1868 г. числилось лишь 21 акціонерныхъ предпріятій, общій капиталъ которыхъ не превышалъ 30 милліоновъ гульденовъ; но уже двадцать мѣсяцевъ спустя, къ сентябрю 1869 г., тамъ уже дѣйствовало 99 обществъ, представлявшихъ номинальный капиталъ въ 135 милліоновъ, изъ которыхъ, по увѣренію Корези, 100 милліоновъ было уже уплачено. При этомъ, въ пештскомъ вексельномъ судѣ было регистрировано съ февраля 1868 г. по сентябрь 1869 г. 84 общества, представлявшихъ общую сумму капитала въ 326.779,600 фл.

Уже въ это время австрійскій національный банкъ былъ вынужденъ въ видахъ обузданія предпринимательской горячки прибѣгнуть въ концѣ іюля къ мѣрѣ, которую онъ рѣдко употреблялъ, именно къ повышенію дисконта съ

$4^1/_2$ до $5^0/_0$; но мѣра эта была принята слишкомъ поздно. Уже осенью этого года наступила на рынкѣ нужда въ деньгахъ, которую до „большаго краха" еще называли кризисомъ, но которая, однако, такъ мало образумила торговый міръ, что три съ половиною года спустя дѣло дошло до настоящаго кризиса. Духъ ажіотажа и отчаянно рискованной игры такъ обуялъ торговый міръ еще въ то время, что начинали уже появляться, какъ и во всѣ подобныя времена, предложенія прожектеровъ, клонившіяся къ устраненію недостатка въ деньгахъ выпускомъ новыхъ бумажныхъ денегъ;—и это въ такое время, когда господствовалъ принудительный курсъ и когда лажъ на серебро стоялъ на 120,— явный знакъ, что, со времени 1868 г., созданіемъ 350 милліоновъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ, дѣйствительная потребность въ средствахъ обращенія давно была превышена.

Послѣ того, какъ оказалось, что первая предостерегающая мѣра австрійскаго національнаго банка ни къ чему не повела, банкъ приступилъ къ ограниченію наивысшаго размѣра ссудъ по ломбарднымъ операціямъ. „Но и эта мѣра, говоритъ Іозефъ Нейвиртъ [1]), не помогла и правленіе банка 26 августа увидѣло себя вынужденнымъ, для огражденія своего билетнаго резерва возвысить процентъ на мѣстные векселя и на римессы на $1^0/_0$,, т. е., довести его до 5 при учетѣ иногородныхъ векселей и, въ то же время, поднять его до $5^1/_2$ при ломбардныхъ операціяхъ. Мѣры эти не были неожиданностью, и при данномъ положеніи дѣлъ, ни одинъ разумный человѣкъ не могъ отказать имъ въ одобреніи. Спекуляція, передъ этимъ, не взирая ни на какія предостереженія, продолжала свои оргіи; теперь она была обременена принятыми ею на себя обязательствами; при этомъ она стояла лицомъ къ лицу съ недостаткомъ въ деньгахъ, истинная причина котораго лежала не въ недостаткѣ бумажныхъ знаковъ, а, напротивъ, страшномъ наплывѣ цѣнностей, которыя не шли съ рукъ; банки, до сихъ поръ изощрявшіе эксцессы спекуляціи, внезапно отказали ей въ своей поддержкѣ; поруганная собственнымъ критическимъ положеніемъ, а также тревожными извѣстіями, приходившими изъ Парижа, спекуляція нѣсколько задумалась въ виду распоряженія банка, надъ тѣмъ, куда она идетъ; но именно это-то раздумье и положило начало тому кризису, который въ сентябрѣ 1869 г. произвелъ такія опустошенія и повлекъ за собою полное истощеніе экономическихъ силъ. Наступившій кризисъ и его опустошительное дѣйствіе были, само собою разумѣется, всего чувствительнѣе тамъ, гдѣ спекуляція нагрѣшила всего болѣе и съ наименьшимъ на то оправданіемъ, а именно—въ Венгріи.

Въ это же время пала мошенническая спекуляція, затѣянная подъ маскою католической набожности однимъ бельгійскимъ искателемъ приключеній, по

[1]) Bankacte und Bankstreit in Oestreich-Ungarn 1862—1873. Leipzig, bei Duncker und Humblot 1873.

имени Ланграпъ Дюмонсо; человѣкъ этотъ, умѣвшій раздобыться въ Римѣ графскимъ титуломъ, затѣялъ банкъ для сельскаго кредита, и многіе поселяне Бельгіи и Австро-Венгріи, подавшись на приманку высокихъ прибылей, довѣрили ему свои сбереженія и были обмануты имъ. Обманщикъ заслуженнымъ образомъ окончилъ свою карьеру передъ судомъ брюссельской исправительной полиціи, который приговорилъ его къ тремъ годамъ тюремнаго заключенія съ тяжкой работой.

Но ни это, ни другія, подобныя этому происшествія, ни обязательность концессій въ Австріи, ни отмѣна концессій въ Германіи для всѣхъ акціонерныхъ обществъ, кромѣ желѣзно-дорожныхъ и банковыхъ, ни увеличеніе числа банкротствъ [1]) — ничто не могло удержать спекуляцію, или послужить ей предостереженіемъ. Она затѣвала предпріятія за предпріятіями, которыя, какъ по многочисленности, такъ и по отчаянной рискованности своей, напоминали печально знаменитыя предпріятія эпохи южно-американскихъ спекуляцій и въ которыхъ, къ сожалѣнію, еще менѣе, чѣмъ въ предшествующіе періоды, соблюдалась добросовѣстность въ выборѣ средствъ.

По оффиціальнымъ отчетамъ въ періодъ времени отъ 1869 по 1872 г. новооснованныя общества въ Австріи и въ Сѣверной Германіи даютъ слѣдующія цифры:

Въ 1869 г. на вѣнскій денежный рынокъ было выпущено и отчасти сбыто желѣзно-дорожныхъ акцій на 43,7 милл. фл.; желѣзно-дорожныхъ пріоритетовъ на 41,4 милл. фл.

Но притязанія биржи на капиталъ отнюдь не ограничивались выпускомъ желѣзно-дорожныхъ бумагъ. Ни одной недѣли не проходило безъ того, чтобы какой-нибудь новый банкъ, или какое-нибудь новое промышленное предпріятіе не выступили съ своими бумагами на биржѣ. Такимъ образомъ, въ теченіе 6—8 мѣсяцевъ, на рынокъ были выпущены акціи 38 новыхъ предпріятій, представлявшія капиталъ въ 98,750,000 гульденовъ, часть котораго была уплачена еще въ томъ же 1869 г. Кромѣ того было внесено:

6,000,000 фл. по коммунальному займу.

2,500,000 фл. серебромъ по акціямъ англо-австрійскаго банка (дальнѣйшіе взносы по старымъ выпускамъ).

2,000,000 фл. по акціямъ того же банка (новый выпускъ).

---

[1]) Статистика банкротствъ показываетъ для одной Австріи за 1872 г. не менѣе 1250 банкротствъ, изъ которыхъ 990 падаютъ на торговое и промышленное сословіе, и остальная цифра распредѣляется между частными лицами, чиновниками и мелкими ремесленниками. Изъ общей цифры банкротствъ 491 приходятся на долю Венгріи. При этомъ, мы считаемъ умѣстнымъ замѣтить, что, вообще, на статистику банкротствъ слѣдовало бы обратить больше вниманія.

2,250,000 фл. по акціямъ Тромуэйскаго общества.

1,000,000 фл. по акціямъ торговаго банка.

1,000,000 фл. по акціямъ общества омнибусовъ.

Но и этимъ еще не исчерпываются требованія, предъявленныя на денежный рынокъ, и было множество мелкихъ акціонерныхъ предпріятій, которыя, вслѣдствіе скромныхъ размѣровъ своихъ капиталовъ, ускользали отъ всякаго контроля.

Въ 1870 г. мы имѣемъ опять 37 новыхъ предпріятій, всего на сумму въ 193,026,000 фл.

Въ 1871 г. въ Австро-Венгріи количество выпущенныхъ бумагъ распредѣляется между различными предпріятіями слѣдующимъ образомъ:

2 государствен. займа	на	33	милл.	гульден.
5 городскихъ займовъ	„	14	„	„
30 банковыхъ предпріятій	„	115,2	„	„
34 желѣзно-дорожныхъ общества . .	„	305,2	„	„
36 промышленныхъ предпріятій 1872 г.	„	77,2	„	„

Государственные займы. . . .	1	на	40	милл.	гульд.
Городскіе займы.	7	„	14,8	„	„
Банки.	87	„	420,95	„	„
Желѣзно-дорожныя предпріятія .	35	„	251,11	„	„
Промышленныя предпріятія . .	131	„	381,14	„	„
Итого	261 предпріятіе	на	1,108	милл.	гульд.

По разсчету Moniteur des intérêts industriels предпріятія, задуманныя въ европейскихъ государствахъ, въ Америкѣ и въ Тунисѣ, и выпустившія въ 1872 г. свои бумаги на европейскія биржи, даютъ слѣдующія цифры въ милліонахъ франковъ.

	Государ. и городск. займа.	Кредитн. учрежденій.	Жел. дор. и промышленныя предпр.	Общій итогъ.
Въ Германіи.	26,32	432,41	913,12	1371,86
„ Австро-Венгріи	94,31	377,00	517,23	989,55
„ Америкѣ	905, 2	10,00	1129,70	2024,72
„ Бельгіи	5,00	35,00	14,17	54,17
„ Испаніи	250,00	2,00	3,60	255,60
„ Франціи	3500,05	280,50	193,10	3973,65
„ Великобританіи	—	229,50	1209,98	1439,48
„ Италіи.	12,84	405,24	150,00	573,09
„ Нидерландахъ.	1,78	12,11	43,56	57,45
„ Дунайскихъ княжествахъ .	4,15	—	27,20	31,35
„ Россіи.	377,00	117,00	281,34	775,34
„ Швейцаріи	22,30	15,04	67,35	105,30
„ Тунисѣ.	—	—	5,62	5,62
„ Турціи.	278,15	40,00	667,32	985,48
Итого. .	5476,94	1955,80	5208,92	12641,67

Итакъ, сумма всѣхъ выпусковъ за 1872 г. простиралась до 12,6 милліардовъ франковъ. Въ 1871 г. для подобныхъ же цѣлей потребовалось 15,6 милліардовъ, что̀, въ общей сложности, за всѣ года составитъ 28,2 милліарда франковъ, или $7^{1}/_{3}$ милліардовъ таллеровъ. При этомъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ разсчетъ этотъ включены лишь суммы, фактически покрытыя подпиской, да и тѣ не вполнѣ, а по номинальной ихъ стоимости, при чемъ не принимались въ разсчетъ преміи отъ повышенія курсовъ на биржѣ. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности, требованія, предъявленныя на одинъ только европейскій денежный рынокъ, о которомъ здѣсь исключительно и ведется рѣчь, долженствовала быть еще значительно выше, чѣмъ можно заключить изъ приведенныхъ нами цифръ. Но, между тѣмъ какъ въ 1871 г. суммы денегъ, употребленныхъ на государственные займы, составляютъ четыре пятыхъ всей суммы, а именно—11,7 милліардовъ, а на долю промышленности и торговли приходится лишь 3,9 милліарда,—въ 1872 г. государственные займы отступаютъ на второй планъ. Не взирая на колоссальный французскій заемъ, они поглощаютъ менѣе половины общей суммы и лишь немногимъ болѣе того, что̀ уходитъ на одни только желѣзнодорожныя и промышленныя предпріятія, какъ въ томъ можно убѣдиться изъ вышеприведенной таблицы.

Что̀ касается развитія акціонернаго дѣла въ Пруссіи, то оно характеризуется нижеслѣдующими цифрами: съ 1790 по 1867 гг. въ Пруссіи было основано 225 акціонерныхъ обществъ; съ 1867 по 1870 гг. — 54 акціонерныя общества. Послѣ изданія въ іюнѣ 1870 г. закона объ акціонерныхъ обществахъ, основалось: въ 1870 г. — 34 общества, въ 1871 г. — 259 и въ 1872 г. — 504 акц. общ. Слѣдовательно, въ періодъ отъ 1790 по 1867 гг. ежегодно основывалось по два общества, съ 1867 по 1870—по 18 обществъ, въ 1870 г. послѣ 11 іюня возникло 34 общества, въ 1871 г. — 259, а въ 1872 г. — 504. Изъ этихъ цифръ можно видѣть, въ какой колоссальной прогрессіи возрастаетъ это движеніе.

Въ Австріи цифра основанныхъ предпріятій и выпущенныхъ бумагъ составляла въ 1871 г. — 107 предпріятій съ капиталомъ въ 545 мил. гульденовъ, а въ 1872 г. — 261 предпріятіе съ капиталомъ въ 1108 милліоновъ гульденовъ.

1873 годъ начался при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ закончился предыдущій годъ. По свѣдѣніямъ цитированной нами выше бельгійской промышленной газеты, сумма предпріятій, основанныхъ въ теченіе перваго семестра 1873 г., простиралась до 7,650 мил. франковъ. Изъ этой суммы на долю Германіи приходится 1,026 мил. фр., на Австро-Венгрію—531 мил. фр., на Америку—4,367 мил. фр., на Бельгію—320,3 м. фр., на Испанію—11,5 м. фр., на Францію—44,28 м. фр., на Великобританію—,1000 м. фр., на Италію—75,2 м. фр., на Нидерланды—70,4 м. фр., на Дунайскія княжества 13,4 м. фр.

на Россію—116,18 м. фр., на Швейцарію—70,3 м. фр. и на Турцію—2,15 милліона франковъ. При этомъ государственные и городскіе займы поглотили 2,687 милліоновъ франковъ, кредитныя учрежденія—1,573 м. фр., наконецъ, желѣзнодорожныя и промышленныя предпріятія—3,388 м. фр.

По отчетамъ берлинскихъ газетъ число вновь основанныхъ предпріятій въ одной Пруссіи въ теченіе перваго семестра 1873 г. простиралось до 196 съ основнымъ капиталомъ въ 166 мил. талеровъ.

Объ эту пору кризисъ въ Вѣнѣ уже свирѣпствовалъ со страшною силою и вовлекъ въ вѣнское бѣдствіе и другія биржи Германіи; а на сѣверѣ Германіи, между тѣмъ, вплоть до октября, учредительство шло своимъ прежнимъ ходомъ, подобно судну, которое, разъ будучи пущено впередъ, не можетъ сразу остановиться, не взирая на то, что двигающая машина перестала дѣйствовать, — явный знакъ, что опасно бы было поддержать движеніе государственной помощью, послѣ того, какъ она заснулась, истощивъ свои собственныя силы.

За іюль мѣсяцъ берлинскія газеты извѣщаютъ о возникновеніи еще двѣнадцати новыхъ предпріятій[1]).

---

[1]) Въ «National Zeitung» мы около этого времени читаемъ: «Приближающійся срокъ полученія по іюльскимъ купонамъ породилъ тѣмъ приливомъ денегъ, который онъ повлечетъ за собою, еще нѣсколько послѣдышей предпріятій. Въ то же время, большинство промышленныхъ заведеній выступаетъ съ выпускомъ новыхъ бумагъ; въ случаѣ же эта мѣра окажется слишкомъ медленно дѣйствующей и затруднительной, то будетъ пущенъ въ ходъ кредитъ по акцептамъ, который уже въ декабрскихъ сдѣлкахъ играетъ довольно видную роль. Въ торговый реестръ королевскаго городскаго суда занесено подъ фирмою «Строительнаго Банка» (Märkische Bau-Bank) новое акціонерное общество, цѣль котораго опредѣляется слѣдующимъ образомъ: пріобрѣтеніе, раздѣленіе на участки, застройка и продажа земельныхъ участковъ, а также и всякіе иные способы извлеченія доходовъ изъ сказанныхъ участковъ; возведеніе построекъ за свой собственный счетъ или за счетъ постороннихъ лицъ; пріобрѣтеніе и доставка всевозможныхъ строительныхъ матеріаловъ и перепродажа ихъ постороннимъ лицамъ; гипотечныя ссуды владѣльцамъ земельныхъ участковъ подъ условіемъ возврата этихъ ссудъ огуломъ, по частямъ, или же путемъ постепеннаго погашенія; наконецъ, всякіе другіе виды банковыхъ и коммерческихъ операцій. Основной капиталъ общества 200 мил. тал., распредѣляется на 2,000 акцій, по 100 тал. каждая. Далѣе, регистрировано другое акціонерное предпріятіе подъ фирмою: фабрика резиновыхъ издѣлій, Фойгта и Винде, въ Берлинѣ. Цѣль предпріятія—фабрикація резиновыхъ издѣлій и всѣхъ, связанныхъ съ этимъ производствомъ, предметовъ, въ особенности же—пріобрѣтеніе, эксплуатація и расширеніе фабрики резиновыхъ издѣлій, принадлежащей фирмѣ Фойгтъ и Винде и находящейся въ Берлинѣ, Cottbuser-Strasse, № 5. Основной капиталъ общества опредѣленъ въ 400,000 тал. и распадается на 4,000 акцій, по 100 тал. каждая. Далѣе, машиностроительное акціонерное обще-

За августъ берлинскія биржевыя газеты извѣщаютъ: „Истекшій мѣсяцъ снова далъ весьма почтенные итоги вновь учрежденныхъ предпріятій. Кромѣ того, необходимо упомянуть, что многія изъ преждеобразовавшихся обществъ увеличили свои капиталы и выпустили пріоритеты. Такъ Берлинско-Потдсамско-Магдебургское общество увеличило свой капиталъ на 4 милліона, Вестъ-Индское общество выпустило пріоритетовъ на 600,000 талеровъ, „Флора"— на 400,000 талеровъ. Къ числу вновь возникшихъ за послѣдніе мѣсяцы обществъ принадлежатъ: Берлинско-Кельнское страховое отъ огня общество съ

ство подъ фирмою Гумбольдъ, бывш. Сиверсъ и К°, предлагаетъ для подписки новый выпускъ акцій на 500,000 тал., причемъ владѣльцы старыхъ акцій вносятъ сорокъ процентовъ подписной суммы. Затѣмъ акціонеры Бохумскаго горнаго общества рѣшили выпустить въ обращеніе лежавшія у нихъ въ портфелѣ акціи подъ литерою А на сумму 64,000 тал., съ тѣмъ, чтобы довести акціонерный капиталъ до 1 мил. тал. Наблюдательный совѣтъ общества привелъ это рѣшеніе въ исполненіе и предлагаетъ акціонерамъ получить по одной вновь выпускаемой акціи на каждыя 14 акцій подъ литерами *А* или *В*, находящіяся въ ихъ владѣніи. Желающіе воспользоваться правомъ полученія этихъ акцій должны заявить объ этомъ въ срокъ между 1 и 15 августа въ самомъ правленіи общества, или же правленію дисконтнаго общества. Нововыпускаемыя акціи съ будущаго января мѣсяца будутъ имѣть участіе въ прибыляхъ предпріятія. При этомъ, наблюдательный совѣтъ заявилъ, что онъ намѣревается въ скоромъ времени созвать общее собраніе, которому будетъ предложено отмѣнить преимущественное право на дивидендъ, предоставленное акціямъ подъ литерою *А*, и что, такъ какъ тутъ рѣчь идетъ всего только о суммѣ въ 5,000 тал., которая имѣетъ быть предоставлена въ пользу акціонеровъ литеры *В*—(преимущество акцій подъ литерою *А* состоитъ въ 2% дивиденда, количество же акцій подъ литерою *В* не болѣе 250)—то совѣтъ надѣется, что предложеніе его будетъ принято. Аннабергское акціонерное общество для льнопрядильнаго производства созываетъ на 4 августа чрезвычайное общее собраніе. Главный вопросъ, который предстоитъ обсудить этому общему собранію, состоитъ въ томъ, не слѣдуетъ ли обществу, по примѣру хемницкой акціонерной льнопрядильни, уменьшать свой капиталъ на 33$^1/_3$ процента посредствомъ соединенія трехъ акцій въ одну основную акцію и въ одну пріоритетную акцію. Кромѣ того, совѣтъ испрашиваетъ разрѣшеніе на заемъ посредствомъ выпуска основныхъ пріоритетныхъ акцій на сумму въ 30,000 тал. Одинъ изъ акціонеровъ общества выступаетъ отъ своего лица съ слѣдующими предложеніями: 1) Уменьшеніе акціонернаго капитала на 33$^1/_3$ процента посредствомъ соединенія трехъ акцій въ двѣ; 2) Доплата 10-ти процентовъ къ теперешней номинальной цѣнѣ акцій; 3) Заемъ посредствомъ выпуска основныхъ пріоритетныхъ акцій для увеличенія средствъ эксплуатаціи предпріятія; 4) Разрѣшеніе расходовъ, необходимыхъ на постройку жилищъ для рабочихъ на земляхъ общества; 5) разрѣшеніе расходовъ на укомплектованіе подготовительныхъ машинъ, по сколько послѣднія будутъ сочтены полезными для дѣла.

2 милліонами и строительное общество „Имперіалъ“ съ 19 милліонами талеровъ. Въ общей сложности вновь учрежденныя общества простираются на сумму 21,950,000 талеровъ, — выпускъ же бумагъ до 6 милліоновъ талеровъ. По сколько выпуски новыхъ бумагъ необходимы для расширенія или для завершенія дѣятельности старыхъ обществъ, ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не скажетъ ни слова. Но иное дѣло вновь учреждаемыя предпріятія: едва нужно еще разъ распространяться о томъ, что они большею частью являются излишними въ такой моментъ, когда преобладающимъ стремленіемъ является стремленіе покончить тѣ дѣла, которыя уже имѣются на лицо. Между тѣмъ, количество этихъ новыхъ предпріятій, учрежденныхъ по заключеніи года, весьма и весьма значительно, и такъ какъ большинство этихъ предпріятій, какъ скоро настроеніе рынка улучшится, попытаются пріискать покупщиковъ для бумагъ своихъ чающихъ акціонеровъ обществъ, то это значительное число новыхъ предпріятій можетъ снова повергнуть денежный рынокъ въ немалую опасность. Надо помнить, что общая сумма капитала этихъ обществъ составляетъ безъ малаго 50,000,000,—а именно—48,679,000 талеровъ!

„Даже сентябрь мѣсяцъ доставилъ новый приростъ въ 23,000,000 тал. къ немалому уже и безъ того количеству предпріятій съ невыпущенными и неудобовыпускаемыми бумагами.

„Въ торговые списки были занесены слѣдующія предпріятія: ремсдорфская фабрика минеральныхъ маслъ и парафина, бывшая Гюбнера,—съ капиталомъ въ 400,000 талеровъ; нидерлаузицкій акціонерный стекляный заводъ съ 260,000 тысячами талеровъ; гамбургская проволочная и слесарная фабрика, бывшая Нитнера, — съ 140,000 талеровъ. Слѣдуетъ надѣяться, что всѣ эти общества также мало при своемъ возникновеніи разсчитывали въ настоящемъ или въ будущемъ на возможность выпустить свои бумаги на рынокъ, какъ и возникшее, равнымъ образомъ, въ прошломъ мѣсяцѣ страховое общество „Die Union“. Здравый смыслъ (?!) биржи увѣнчалъ бы всякую подобную попытку полнѣйшимъ фіаско. Общество „Die Union“ обладаетъ капиталомъ въ 1,500,000 талеровъ. О вѣроятіи успѣха, какое представляютъ подобныя страховыя предпріятія, мы намѣрены въ скоромъ времени поговорить поподробнѣе.

„Въ нововведеніяхъ тоже не было недостатка на биржѣ за послѣднее время. Даже при такихъ обстоятельствахъ, которыя дѣлали неудачу вполнѣ несомнѣнной, вдругъ въ одно прекрасное утро, не предувѣдомивъ ни биржу, ни публику, ни печать, вводили черезъ присяжныхъ маклеровъ какое-нибудь новое горнозаводское предпріятіе и въ теченіе нѣсколькихъ дней отмѣчали чисто номинальные курсы, единственно съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность подстроить повышеніе курсовъ. Мы рѣшительно не видимъ, какое можетъ быть разумное основаніе для того, чтобы въ моментъ кризиса вводить на берлинскую биржу бумаги, пользовавшіяся идиллическимъ

благополучіемъ на кёльнской биржѣ. Другія бумаги тоже оказалось необходимымъ ввести на биржу, частью для того, чтобы удовлетворить прежде принятымъ обязательствамъ, частью же для того, чтобы доставить имъ ходъ на биржѣ, а черезъ это и доступъ въ банки для заклада. Такимъ образомъ были введены: бумаги гагенъ-грюнтальскаго желѣзнаго завода, по 110 (въ настоящее время онѣ стоятъ приблизительно на 80), бумаги Эгивейлерской рудокопни по 119—125, и бумаги общества Вильгельмине-Викторія по 190 (въ настоящее время стоятъ на 174).

Даже послѣ того, какъ кризисъ успѣлъ съ полною силою разразиться въ Америкѣ и Берлинѣ, мы читаемъ въ тѣхъ же газетахъ слѣдующій отчетъ за октябрь мѣсяцъ, отчетъ, факты котораго достойнымъ образомъ завершаютъ періодъ безумныхъ спекуляцій; „Послѣ того, какъ въ первыхъ числахъ октября возникло нѣсколько акціонерныхъ обществъ одно за другимъ, мы тогда же высказали опасеніе, что этотъ мѣсяцъ превратится въ періодъ учредительской горячки, какъ бы несообразна ни казалась подобная мысль въ данную минуту. До такой крайности, правда, дѣло не дошло, но все же октябрь мѣсяцъ подарилъ насъ 13-ю вновь учрежденными предпріятіями съ капиталомъ въ $7^3/_4$ милліоновъ. Въ такое время, когда только и рѣчи, что о ликвидаціи существующихъ предпріятій, когда всѣ усилія сосредоточены на облегченіи фондоваго рынка отъ обременяющихъ его бумагъ, цифра эта далеко превосходитъ размѣры того, что можетъ быть оправдываемо обстоятельствами, и трудно понять, съ какою цѣлью задуманы всѣ эти новыя предпріятія. Положимъ, что въ ближайшемъ будущемъ никто и не думаетъ пускать акціи этихъ новыхъ обществъ на рынокъ,—но все же одно существованіе ихъ является постоянною угрозою для будущаго".

Ни одинъ изъ предшествующихъ кризисовъ еще не сопровождался такими крайностями. Если мы припомнимъ, что какъ разъ въ это же время Америка заключила въ Европѣ колоссальный заемъ, если мы при этомъ примемъ въ оображеніе, что большія англійскія колоніи и многія другія государства не ключены въ вышеприведенные перечни предпріятій, и что, вообще, данныя, собранныя частнымъ путемъ, неизбѣжно должны страдать неполнотою,—то мы придемъ къ слѣдующему результату: въ періодъ времени, обнимающій $2^1/_2$ года, учредительство поглотило капиталъ, составлявшій около сорока милліардовъ франковъ. Хотя мы и не имѣемъ точныхъ статистическихъ данныхъ о количествѣ сбереженій, сдѣланныхъ за этотъ же періодъ времени, но все же не подлежитъ сомнѣнію, что вышеприведенная колоссальная сумма далеко превосходитъ излишекъ, остававшіися отъ производства, и что выступившая реакція была лишь необходимымъ экономическимъ послѣдствіемъ тѣхъ фикцій, отвѣтственность за которыя въ равной мѣрѣ распредѣляется между всѣми капиталистами Европы. Заблужденія духа предпріимчивости, который перецѣнивалъ

значеніе имѣвшихся на лицо силъ, вынудили экономическую дѣятельность пріостановиться; необходимо было, чтобы праздныя фантазіи были устранены, чтобы дѣйствительному капиталу было дано время нарости и чтобы очистилось свободное мѣсто для удовлетворенія дѣйствительныхъ потребностей.

Наша ближайшая затѣмъ задача состоитъ въ томъ, чтобы изслѣдовать одну изъ важнѣйшихъ формъ, въ которой выразилась учредительская горячка.

Съ 1871 г. въ Берлинѣ и Вѣнѣ разразилась настоящая банкоманія, доходившая до того, что даже строительныя компаніи преобразовывались въ банки, а подъ конецъ даже маклерство приняло банковую организацію.

Честь этого новаго изобрѣтенія, если можно такъ выразиться, принадлежитъ Берлину. Впрочемъ, городъ этотъ, отличающійся въ другихъ отношеніяхъ такимъ демократичнымъ характеромъ, едва ли имѣетъ причины гордиться изобрѣтеніемъ маклерскихъ банковъ: изъ всѣхъ хитро-умныхъ продѣлокъ, какія когда-либо пускались въ ходъ съ цѣлью эксплуатировать въ пользу финансовыхъ тузовъ публику частныхъ людей и не посвященный мелкій людъ, эта продѣлка оказалась одною изъ наиболѣе прибыльныхъ. Изъ Берлина новомодная затѣя быстро перекинулась въ Бреславль, Вѣну, Франкфуртъ, Лейпцигъ, Познань и въ другіе биржевые города Германіи и Австріи. При биржевыхъ операціяхъ чрезвычайно важно, что бы разъ принятыя на себя обязательства въ точности исполнялись; такъ какъ при этомъ крупныя фирмы бываютъ нерѣдко вынуждены прибѣгать къ услугамъ мелкихъ посредниковъ, то онѣ и подвергаются опасности, что принятыя ими на себя обязательства не будутъ исполнены. До сихъ поръ негоціантамъ приходилось самимъ нести отвѣтственность за такое неисполненіе, теперь же они захотѣли освободиться отъ этой отвѣтственности при помощи маклерскихъ банковъ, которые брали рискъ на себя, почти не повышая при этомъ куртажа.

Противъ этого нововведенія, которое, само по себѣ взятое, было шагомъ впередъ, собственно говоря, возразить бы было нечего, еслибы только акціи не сдѣлались предметомъ игры, и еслибы въ эту игру не была втянута и частная публика, всегда играющая въ этихъ случаяхъ роль козла очищенія. Само собою разумѣется, ничто не можетъ быть несправедливѣе такой комбинаціи, при которой мелкій людъ изъ средняго сословія несетъ на себѣ рискъ за крупнаго банкира. Опасность для массы публики была бы еще не такъ велика, еслибы въ большинствѣ учрежденій этого рода не была отодвинута на задній планъ первоначально предположенная цѣль, которую бреславльскій банкъ биржевыхъ маклеровъ опредѣляетъ словами: „маклерскій банкъ не долженъ заниматься ни спекуляціями, ни арбитражемъ; онъ долженъ главною своею цѣлью считать единственно посредничество въ денежныхъ дѣлахъ“ [1]).

[1]) Новизна этого рода учрежденій дѣлаетъ небезъинтереснымъ слѣдующее юмористическое описаніе возникновенія бреславльскаго маклерскаго

Но многіе изъ этихъ банковъ пустились въ рискованныя аферы, приняли участіе въ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ, которыя лишь въ дальнемъ будущемъ могли дать доходъ, въ строительныхъ компаніяхъ, которыя страдали

банка, — описаніе, которое было доставлено автору, благодаря обязательности одного изъ мѣстныхъ негоціантовъ: «Въ одинъ пасмурный, холодный ноябрьскій день 1871 года въ Бреславлѣ собралось съ дюжину крупныхъ банкировъ посовѣтоваться между собою о томъ, какъ бы имъ при своихъ биржевыхъ спекуляціяхъ оградить себя отъ убытковъ, проистекающихъ отъ банкротства контрагентовъ. Опасность этого рода становилась въ то время тѣмъ серьезнѣе, что, въ виду ожидаемаго притока французскихъ пяти милліардовъ, весь свѣтъ принималъ участіе въ биржевыхъ спекуляціяхъ, то и дѣло возникали новые банки, курсы на всемъ протяженіи таблицы биржевыхъ курсовъ шли въ гору, и всякій покупщикъ какія бы бумаги онъ ни пріобрѣталъ, могъ быть увѣренъ, что черезъ нѣсколько дней наживетъ на нихъ барыши. Масса публики, какъ смыслящей, такъ и не смыслящей въ дѣлахъ, осаждала своими порученіями агентовъ и банкировъ, благодаря чему коммиссіонное дѣло достигало небывалой еще степени процвѣтанія. Банкиры съ довольнымъ видомъ заносили въ графу своихъ доходовъ коммиссіонныя восьмыя доли процента и прочія крохи, какія перепадали имъ отъ курсовъ. Но медаль эта имѣла и свою оборотную сторону: рѣдко удавалось этимъ большимъ господамъ имѣть дѣло непосредственно другъ съ съ другомъ; гораздо чаще имъ приходилось прибѣгать къ услугамъ маклера или какого-нибудь закулиснаго члена биржи — а дней до наступленія ultimo проходитъ не мало, и за это время мало ли что можетъ случиться. Поэтому ихъ обуялъ великій страхъ; тяжелымъ бременемъ лежала у нихъ на душѣ забота о томъ, — а что̀, какъ иные изъ контрагентовъ не въ состояніи будутъ исполнить къ наступленію ultimo принятыя на себя обязательства? Когда кому-нибудь изъ этихъ господъ такая забота не давала спать ночью, онъ по-утру бралъ книгу, въ которой записывались всѣ принятыя имъ на себя обязательства и пробѣгалъ содержаніе этой книги, отдѣляя козлищъ отъ овецъ, ставя противъ иныхъ именъ кресты на подобіе надгробныхъ памятниковъ, отмѣчая другія имена чертою, обозначавшею предѣлъ: доселѣ и не дальше,—и, такимъ образомъ, дни вплоть до наступленія ultimo проходили въ лихорадочномъ возбужденіи, неизвѣстности и тревогѣ. И вотъ, въ томъ, чтобы выйти изъ этого безотраднаго положенія, не отказываясь отъ пріятныхъ восьмыхъ долей процента, и состояла вся задача. И задача эта была разрѣшена самымъ блистательнымъ образомъ. Одна изобрѣтательная голова напала на средство, позволявшее не только ограждать себя отъ убытковъ, но еще и наживать кое-какіе добавочные барыши.

«Итакъ, вышеупомянутыя двѣнадцать фирмъ сошлись на совѣщаніе, въ результатѣ котораго оказался — не обезпечивающій фондъ, посредствомъ котораго возможныя потери неслись бы сообща, а бреславльскій маклерскій банкъ; другими словами, они искали акціонернаго общества съ милліономъ талеровъ капитала, изъ котораго вносилось только 40%; выбрали изъ имѣвшихся на лицо крупныхъ маклеровъ, нѣсколько болѣе надежныхъ дѣль-

отъ слишкомъ высокой цѣны, стоявшей на земельные участки, — и такимъ образомъ, какъ только разразился кризисъ, банки эти рухнули.

Къ маклерскимъ банкамъ, которые возникали то подъ этимъ послѣднимъ наименованіемъ, то подъ названіемъ мѣняльныхъ банковъ, биржевыхъ банковъ,

---

цовъ и назначили ихъ директорами, съ опредѣленнымъ жалованіемъ и хорошимъ процентнымъ вознагражденіемъ. Уже въ ноябрѣ банкъ началъ свою дѣятельность и такъ какъ онъ пользовался особенной протекціей со стороны упомянутыхъ двѣнадцати фирмъ, имѣвшихъ не малое вліяніе, то куртажъ, выпадавшій на его долю, былъ весьма почтенныхъ размѣровъ. Это показалось публикѣ до того заманчивымъ, что она такъ и рвалась за акціями новаго банка и давала за нихъ весьма основательныя преміи. Акціи эти, введенныя на рынокъ по 110°/₀ въ тотъ же день дошли до 116; къ концу года, т. е. шесть недѣль спустя послѣ своего появленія, онѣ стояли уже на 124, въ теченіе слѣдующаго года поднялись до 180, но къ половинѣ 1873 г. пали до *al pari*. Предпріятіе удалось; выгода отъ него получилась двойная, или вѣрнѣе, тройная; во-первыхъ, рискъ былъ устраненъ, такъ какъ большая часть сдѣлокъ, заключавшихся при посредствѣ банка, представляли взаимную компенсацію къ наступленію ultimo, а для разности, какая могла оказаться, фондъ банка представлялъ вполнѣ достаточное обезпеченіе; во-вторыхъ, исполненіе заказовъ по покупкѣ и продажѣ акцій давало прекрасный барышъ; наконецъ, въ-третьихъ, была создана новая бумага, очень удобная для игры на собственной биржѣ. Чтобы оградить банкъ отъ конкурренціи, всѣ двѣнадцать фирмъ обязались на извѣстный срокъ не основывать новаго маклерскаго банка и не допускать основанія таковаго другими; при этомъ они исходили изъ того предположенія, что безъ нихъ и противъ ихъ желанія, возникновеніе втораго банка невозможно, такъ какъ онѣ дѣлали наиболѣе крупныя дѣла на биржѣ, принадлежали къ первоклассным фирмамъ и успѣли заручиться наилучшими силами для управленія основаннымъ ими учрежденіемъ. За это взаимное обязательство господа эти получили отъ биржевой черни прозвище «двѣнадцати апостоловъ».

Но дѣла маклерскаго банка шли слишкомъ хорошо, чтобы не соблазнить къ основанію втораго такого же банка перспективою наживы путемъ быстраго и вѣрнаго повышенія курсовъ. Въ началѣ 1872 г. акціи стараго банка стояли на 126 и пользовались большой популярностью на биржѣ.

Въ виду-то этого образовалась новая компанія, состоявшая частью изъ вновь возникшихъ банкирскихъ домовъ, частью же изъ крупныхъ промышленныхъ фирмъ; компанія эта, противъ желанія «двѣнадцати апостоловъ» и не взирая на ихъ противодѣйствіе, основала новый маклерскій банкъ, который выступилъ подъ названіемъ «союзнаго бреславльскаго маклерскаго банка». Въ этомъ новомъ учрежденіи началось биржевое коммиссіонное дѣло, и тѣ личности, которыя до сихъ поръ были собственниками учрежденія, получивъ приличное вознагражденіе за передачу дѣлъ, были избраны директорами. Новый банкъ былъ открытъ въ январѣ 1872 г. и, не взирая на то, что «двѣнадцать апостоловъ», считая свою привиллегію нарушенной, не хотѣли имѣть съ нимъ никакихъ сношеній, дѣла его процвѣтали. Именно закулисная биржевая публика преимущественно спекулировала съ

арбитражныхъ банковъ и т. п., причемъ различныя наименованія давались для отличія однородныхъ учрежденій, возникавшихъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ,— итакъ, къ этимъ банкамъ присоединялись и другія спекуляціонныя банковыя

акціями союзнаго маклерскаго банка; введенныя 24-го января по курсу 114, онѣ въ тотъ же день поднялись до 124 и вскорѣ стали одной изъ любимѣйшихъ спекуляціонныхъ бумагъ. Курсовое движеніе ихъ шло слѣдующимъ образомъ: введенныя, какъ уже было сказано, по 114, онѣ въ тотъ же день поднялись до 124, затѣмъ продолжали почти безпрерывно повышаться, пока не дошли къ началу марта до 126; послѣ этого онѣ пали до 116, а къ ноябрю достигли наивысшаго своего курса — 149. Тутъ разнесся слухъ о большихъ потеряхъ, понесенныхъ банкомъ, акціи котораго почти совершенно потеряли свое обаяніе. Публика толпами повалила продавать ихъ, и только благодаря тому обстоятельству, что учредители приняли большую часть этихъ бумагъ на себя, акціи были удержаны отъ болѣе глубокаго паденія и остановились на 108.

Между тѣмъ, акціи стараго банка тоже прошли черезъ свой фазисъ повышенія. Нѣкоторое время онѣ считалась самою солидною и выгодною бумагою, въ какую только можно пристроить свой капиталъ. Въ началѣ 1872 г. ихъ курсъ стоялъ 126, слѣдовательно, лишь немногимъ выше, чѣмъ курсъ акцій юнѣйшаго, родственнаго имъ учрежденія; но въ теченіе года онѣ значительно обогнали послѣднія, достигли *maximum'a* въ 180, но къ концу года тоже были вынуждены посбавить претензій и помириться на курсѣ въ 148.

«А за тѣмъ, послѣ этого небольшаго отступленія, возвращаемся къ главному нашему предмету—къ исторіи бреславльскаго маклерскаго банка.

«Выдержать на болѣе продолжительное время остракизмъ, наложенный на союзный маклерскій банкъ, было невозможно, и мало по малу «двѣнадцать апостоловъ» рѣшились имѣть дѣла и съ этимъ юнѣйшимъ учрежденіемъ, сожалѣя въ душѣ, что не могли участвовать въ завидныхъ прибыляхъ, имъ зарабатываемыхъ. Въ ноябрѣ 1872 г. дѣла на биржѣ процвѣтали, всѣ бумаги достигли высокихъ курсовъ, особенно выдавались въ этомъ отношеніи акціи обоихъ маклерскихъ банковъ: старыя стояли на 180, а новыя — на 149. Но тутъ пронеслись слухи объ основаніи третьяго маклерскаго банка, учредителями котораго называли тѣхъ самыхъ личностей, которыми былъ основанъ второй банкъ. Это показалось двѣнадцати піонерамъ уже слишкомъ; снова имъ предстояло видѣть, какъ у нихъ изъ подъ носа ускользнетъ благодать наживы на повышеніе курсовъ, — и это только благодаря тому, что они слишкомъ поторопились связать себя обязательствомъ не основывать въ Бреславлѣ соперничествующаго банка. Обязательство это было основано на предположеніи, что безъ поддержки этой банкирской дюжины никакой банкъ не можетъ основаться въ Бреславлѣ,—предположеніи, которое было опровергнуто фактами,—тѣмъ не менѣе, обязательство существовало и большинство изъ двѣнадцати остались ему вѣрны. Но нѣкоторые изъ этихъ господъ не утерпѣли: голосъ сирены, напѣвавшей имъ о прелестяхъ наживы на преміяхъ, звучалъ слишкомъ заманчиво; они вытащили стѣснительный контрактъ, перечитали его съ начала до конца и съ-

предпріятія подъ самыми разнообразными названіями, какъ-то: коммиссіонные банки, центральные банки, рентные банки, банковые союзы, соединенные земельные банки, соединенныя кассы, агентурные и кредитные банки, фондовые банки, ремесленные банки, репортные и кредитные банки, соединенные банки капиталистовъ, и т. п.

Всѣ эти учрежденія, вмѣстѣ съ репортными, арбитражными и коммиссіон-

---

конца до начала, отыскивая какую-нибудь лазейку; а такія лазейки, какъ извѣстно, всегда можно найти въ любомъ контрактѣ. Одна догадливая голова отыскала таковую и въ этомъ контрактѣ. Обязательство говорило о томъ, чтобы не основывать соперничествующаго банка въ *Бреславлѣ*, слѣдовательно, ничто не мѣшало основать его въ Лейпцигѣ, или въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ, и если, затѣмъ, въ Бреславлѣ будетъ открыто отдѣленіе такого банка, то это уже дѣло лейпцигскаго учрежденія, которое, съ своей стороны, не связано никакими обязательствами. Такъ и было сдѣлано. Въ Лейпцигѣ былъ основанъ провинціальный маклерскій банкъ и, въ то же время, въ Бреславлѣ были назначены два директора, и дѣло началось. Почти одновременно съ этимъ было открыто четвертое учрежденіе этого рода, биржеваго маклерскаго банка. Акціи обоихъ этихъ учрежденій попали на биржу въ ноябрѣ; пустить ихъ съ ожидаемой прибылью въ публикѣ никакъ не удалось, потому что знаменитая бамбергерская ночь начинала уже набрасывать свою тѣнь.

«Съ тѣхъ поръ въ Бреславлѣ существуютъ четыре маклерскіе банка всѣ они, когда дѣла идутъ бойко, небезвыгодно производятъ свои операціи огда же наступаетъ болѣе вялое настроеніе, ограничиваются весьма незначительными размѣрами дѣятельности.

«Мы уже упоминали вначалѣ, что маклерскіе банки возникли изъ потребности создать гарантіи для исполненія заключенныхъ сдѣлокъ, слѣдовательно, они могутъ быть включены въ одну категорію съ страховыми обществами. Между послѣдними существуютъ какъ акціонерныя, такъ и осно ванныя на принципѣ взаимнаго страхованія. Стоило бы разсмотрѣть поближе вопросъ о томъ, не лучше ли основывать маклерскіе банки на принципѣ взаимности, такъ, чтобы мысль о наживѣ путемъ ажіотажа была устранена. Существованіе маклерскихъ банковъ имѣетъ нѣкоторое оправданіе; при настоящемъ положеніи дѣлъ, въ нихъ ощущается даже положительная потребность и они могутъ процвѣтать, подъ условіемъ, чтобы они ограничились своей спеціальною сферою дѣятельности и воздерживались отъ спекуляцій за свой собственный счетъ. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые изъ нихъ явили себя небезупречными; слѣдуетъ, однако, надѣяться, что они воспользуются полученнымъ урокомъ и на будущее время не бросятся очертя голову въ опасность. Остается только доподлинно удостовѣриться какъ велико понесенное поврежденіе. Если поврежденіе это не изъ тяжкихъ, то довѣріе финансистовъ къ маклерскимъ банкамъ снова возстановится и будетъ пользоваться ими какъ надежными учрежденіями. Что же касается частной публики, то она должна держаться отъ нихъ въ сторонѣ. Въ спекуляціонную бумагу для закулисныхъ биржевыхъ дѣятелей они тоже, въ интересахъ дѣла, отнюдь не должны обращаться.

ными операціями, занимались, въ видахъ ажіотажа, учрежденіемъ акціонерныхъ предпріятій въ видѣ новыхъ банковъ, желѣзныхъ дорогъ, строительныхъ компаній и фабрикъ. Въ Австро-Венгіи къ этому присоединилось еще основаніе непомѣрнаго количества банковъ поземельнаго кредита; впрочемъ, Австро-Венгрію въ этомъ отношеніи Германія опередила, затѣявъ у себя подобныя учрежденія вскорѣ послѣ кризиса 1857 г., а примѣру Германіи послѣдовала въ позднѣйшее время и Пруссія. Не взирая на то, что дѣйствительная потреб ность въ поземельномъ кредитѣ довольно хорошо удовлятворялась гипотечнымъ отдѣленіемъ, существовавшимъ при австрійскомъ національномъ банкѣ, къ концу 1872 г. въ австро-венгерской монархіи числилось, включая сюда и національный банкъ, до 37 учрежденій, пользовавшихся правомъ выдавать ссуды подъ закладныя. Изъ этого числа на одну Австрію приходилось до 28 учрежденій этого рода, съ акціонернымъ капиталомъ (включая сюда и резервный фондъ) въ 147,385,099 фл., причемъ цифра обращающихся закладныхъ простиралась до 303,503,529 фл. На долю Венгріи приходилось 9 банковъ поземельнаго кредита, съ общею суммою капитала въ 19,418,733 и съ суммою закладныхъ въ 50,279,750. Въ этомъ общемъ итогѣ австрійскій національный банкъ участвуетъ на 58,707,780 по закладнымъ и на 90 милліоновъ акціонернаго капитала; изъ этого послѣдняго, само собою разумѣется, большую часть слѣдуетъ отнести на долю отдѣленія обыкновенныхъ банковыхъ операцій.

Одна изъ манипуляцій, пускавшаяся въ ходъ почти во всѣхъ вышеозначенныхъ банкахъ, была особенно удобна, по крайней мѣрѣ въ Австріи, для разжиганія духа спекуляціи; мы говоримъ о выпускѣ кассовыхъ свидѣтельствъ (Cassenscheine). Уже выше, при изложеніи исторіи ньюіоркскихъ банковъ, мы упоминали о томъ, какую опасность влечетъ за собою пріемъ вкладовъ, приносящихъ проценты. Опасность эта, правда, уменьшается для банковъ выпускомъ облигацій на опредѣленные сроки, но, тѣмъ не менѣе, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, кассовыя свидѣтельства служили для привлеченія къ нимъ всего свободнаго въ данную минуту капитала, причемъ капиталъ этотъ отвлекался отъ старыхъ, прочно установившихся предпріятій и шелъ за тѣмъ на потребу новыхъ предпріятій, которыя всегда, даже и при благопріятныхъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе дорогой платы за ученичество, неизбѣжной при каждомъ вновь возникающемъ дѣлѣ, оказывались менѣе выгодными, чѣмъ вторыя предпріятія; а тутъ еще многія изъ этихъ новыхъ предпріятій не имѣли въ себѣ ничего серьезнаго и затѣвались единственно въ видахъ ажіотажа.

Такимъ образомъ, эти кассовыя свидѣтельства, послѣ того какъ стянутый ими капиталъ былъ завязанъ въ новыя предпріятія, а кредиторы по облигаціямъ стали предъявлять послѣднія къ уплатѣ, —должны были не мало способствовать увеличенію денежныхъ затрудненій и довести не одно предпріятіе до гибели.

Особенно важную роль играли въ Вѣнѣ и Берлинѣ *строительные банки*,—

такъ стали называть себя новыя строительныя компаніи, послѣ того какъ мода санкціонировала это наименованіе. Въ Берлинѣ возникло такое множество строительныхъ банковъ, что въ мѣстныхъ таблицахъ биржевыхъ курсовъ, даже послѣ крушенія Квисторнскаго банка, ихъ фигурировало до 40. Это послѣднее учрежденіе, акціонерное спекуляціонное предпріятіе чистѣйшей пробы, было въ нѣкоторомъ родѣ крысинымъ королемъ въ сферѣ индустріи [1]); оно образовалось изъ наростанія множества другихъ строительныхъ, транспортныхъ и промышленныхъ предпріятій, акціи которыхъ оно выпускало на берлинскую биржу и денежными дѣлами которыхъ оно завѣдывало. Общее число этихъ предпріятій, поглощенныхъ Квисторнскимъ банкомъ, было не менѣе 29, съ капиталомъ въ 22,160,000.

Въ обѣихъ нѣмецкихъ столицахъ строительныя спекуляціи поддерживались чрезвычайно быстрымъ возрастаніемъ населенія и недостаткомъ въ жилищахъ; но, при этомъ, конкурренція не вызывала уменьшенія квартирной платы, до того всѣ классы населенія втянулись въ игру à la hausse. По части рискованности строительныхъ спекуляцій Вѣна далеко еще опережала Берлинъ, не взирая на то, что въ ней постройки обыкновенно отличались бо́льшимъ вкусомъ и бо́льшею прочностью, чѣмъ въ Берлинѣ. Хотя кризисъ въ Вѣнѣ начался съ маклерскихъ банковъ, но положеніе строительныхъ банковъ впослѣдствіи не мало способствовало ухудшенію болѣзни. Банки эти начали свои спекуляціи съ земельныхъ участковъ, покупаемыхъ для предполагавшихся построекъ. Конкурренція различныхъ обществъ между собою сдѣлала то, что участки эти пріобрѣтались по непомѣрно высокимъ цѣнамъ отъ владѣльцевъ ихъ и, въ то же время, скупались банками въ несообразно большомъ количествѣ. „Die deutsche Zeitung" въ октябрѣ 1873 г. высказывается объ этомъ предметѣ такъ: „Участки для предполагаемыхъ построекъ были уже по большей части оплачены слишкомъ дорого, прежде, чѣмъ они попали въ руки строительныхъ банковъ. Въ сферѣ учредительства успѣла образоваться особая отрасль промышленности, состоявшая въ томъ, чтобы скупать недвижимую собственность въ видахъ спекуляціи. Каждая вновь возникающая компанія должна была брать земельные участки, которые ей по общеупотребительному выраженію, „привѣшивали" — по той цѣнѣ, по какой продавцамъ вздумается ихъ ей уступить; а тамъ, какъ она справится съ этими землями, это было уже ея дѣло. Каждое такое вновь возникающее общество не имѣло другой цѣли, какъ обогащеніе своихъ учредителей; это была, въ сущности, его единственная задача, а то, что при-этомъ говорилось объ устраненіи недостатка въ жилищахъ, было не болѣе,

---

[1]) Крысинымъ королемъ Rattenkönig—называютъ группу крысъ, срастающихся между собою такъ, что онѣ образуютъ какъ бы одно недѣлимое.

Примѣч. перев.

какъ пустая болтовня. Недостатокъ въ жилищахъ, или вѣрнѣе, вздорожаніе квартиръ лишь усиливалось строительными компаніями, которыя, съ одной стороны, доводили цѣны на землю, а черезъ это и на квартиры, до искусственной высоты, а съ другой,—на мѣсто дешевыхъ жилищъ, которыя онѣ ломали, строили дворцы за дворцами, какъ будто большинство вѣнскаго населенія принадлежало къ счастливой кастѣ милліонеровъ".

До 70-го года приблизительно эта строительская горячка еще соблюдала нѣкоторую мѣру. Существовало всего только два строительныхъ общества; затѣмъ, къ нимъ орисоединилось третье и четвертое, что еще не представляло большой опасности. Но послѣ того, какъ состоялась изумительная подписка на французскій пятимилліардный заемъ, новые строительные банки стали цѣлыми дюжинами выростать, одинъ за другимъ, какъ грибы, какъ будто вся сумма французской контрибуціи долженствовала быть израсходована на постройки въ Вѣнѣ. Необузданность спекуляцій земельными участками для построекъ приняла въ Вѣнѣ и Берлинѣ неслыханные дотолѣ размѣры. Многія общества даже вмѣсто того чтобы застраивать эти участки, спекулировали просто на самыя земли; они основывали новые, соперничествующіе банки, которымъ и навязывали свою земельную собственность, а эти послѣдніе, въ свою очередь, зачастую не находили ничего лучшаго, какъ основывать новые строительные банки и переуступать имъ тѣ же самыя земли, конечно, съ новой надбавкой въ цѣнѣ. Дѣло такимъ образомъ „распутывалось" быстрѣе и прибыльнѣе, чѣмъ еслибы участки застраивались тѣми, кто ихъ первоначально пріобрѣлъ. Такъ возникли, напримѣръ, „строительное и торговое общество" и „общество городскихъ построекъ". Въ лабиринтѣ наименованій, принятыхъ разными строительными банками, даже многіе биржевики путались; такъ, существовали „общество недвижимыхъ имуществъ" и „банкъ недвижимыхъ имуществъ", „строительное общество для предмѣстій" и „строительное общество для города и предмѣстій", и т. д.

Послѣдствія этихъ страшныхъ излишествъ, прежде всего, сказались въ невозможности продавать пріобрѣтенные участки, цѣна которыхъ отнюдь не соотвѣтствовала существующимъ въ настоящее время цѣнамъ на земли; затѣмъ и курсы на акціи отдѣльныхъ банковъ стали падать.

Еще подробнѣе характеризуется это положеніе дѣлъ въ газетѣ „Die Schlesische Presse" за сентябрь 1873 года: „Дѣятельность всѣхъ этихъ строительныхъ компаній сосредоточивалась преимущественно, а въ большинствѣ ихъ даже исключительно, на спекуляціяхъ земельными участками. Безъ малѣйшаго раздумья, съ лихорадочной поспѣшностью, скупалось все, что мало-мальски казалось подходящимъ для этого рода спекуляцій. Болѣе 11,000 десятинъ различныхъ поземельныхъ участковъ было куплено обществами въ чертѣ города и за городскою чертою по баснословнымъ цѣнамъ. *Поверхности*, *за-*

нимаемой этими участками, было бы достаточно, чтобы настроить жилищъ для населенія, втрое большаго, чѣмъ дѣйствительное населеніе Вѣны. Между тѣмъ, разсчитывать на утроеніе населенія, очевиднымъ образомъ, невозможно ранѣе нѣсколькихъ столѣтій. Правда, въ послѣдніе годы населеніе въ этомъ городѣ возросло очень быстро, но этотъ приливъ долженъ быть признанъ за явленіе ненормальное. Сумасшедшая страсть къ учредительству, приготовленія къ всемірной выставкѣ, работы по регулированію теченія Дуная и по водоснабженію города, а также нѣсколько другихъ работъ, носившихъ исключительный, временный характеръ,— все это обусловило черезмѣрный притокъ народа и имѣло своимъ послѣдствіемъ недостатокъ въ жилищахъ; такимъ образомъ, плата за квартиры, а съ нею вмѣстѣ и цѣны на земли значительно поднялись въ гору. Эти-то условія, на постоянство которыхъ въ будущемъ невозможно было разсчитывать иначе, какъ въ припадкѣ самаго безумнаго ослѣпленія, теперь существенно измѣнились. Цѣны за квартиры, правда, еще удерживаются на той высотѣ, до которой довела ихъ спекуляція, но долго это не можетъ продолжаться, такъ какъ, естественнымъ образомъ, съ исчезновеніемъ причинъ, обусловливавшихъ усиленный наплывъ населенія, т. е., съ окончаніемъ работъ, требовавшихъ необычайнаго количества рабочихъ рукъ, съ закрытіемъ выставки, а также съ наступленіемъ послѣдствій „періода краховъ“, и самый наплывъ населенія прекратился, и даже перешелъ въ отливъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ населеніе Вѣны значительно уменьшится против той цифры, на которой оно стояло еще въ началѣ текущаго года. Уменьшеніе числа жителей, естественно, повлечетъ за собой увеличеніе предложенія недвижимой собственности для продажи. А это предложеніе проявится тѣмъ съ большею силою и продолжительностью, чѣмъ быстрѣе шло усиленіе строительной дѣятельности за послѣдніе два года съ цѣлью удовлетворить временной потребности. Само собою разумѣется, что, вслѣдствіе этого возведеніе новыхъ зданій, должно будетъ въ ближайшемъ будущемъ ограничиться весьма скромными размѣрами, или вовсе пріостановиться, пока, съ теченіемъ времени, не наверстается вызванный предшествующими обстоятельствами отливъ жителей, и нормальный приростъ населенія не сдѣлается снова ощутителенъ. Такова перспектива, передъ которою стоятъ строительныя компаніи съ своимъ громаднымъ количествомъ закупленныхъ земель. Въ наиболѣе благопріятномъ случаѣ, предположивъ, что онѣ вполнѣ уплатили деньги за пріобрѣтенные ими участки, онѣ могли бы спокойно выждать, пока снова не появится потребность въ новыхъ постройкахъ: въ ожиданіи этого, само собою разумѣется, акціонерамъ пришлось бы отложить всякую надежду на доходъ. Но даже и въ этомъ случаѣ оказалось бы возможнымъ застаивать ежегодно изъ земель, принадлежащихъ обществамъ, никакъ не болѣе 0,002; по этому разсчету понадобилось бы около пятисотъ лѣтъ для того, чтобы до-

ходность земель была возстановлена этимъ нормальнымъ путемъ. Но о подобной строительной спекуляціи, растянутой на цѣлыя столѣтія, нельзя бы было подумать даже и въ томъ случаѣ, еслибы предположенное нами условіе было на лицо. Но въ отношеніи и этого условія, т. е., въ отношеніи способа пріобрѣтенія земель и уплаты за купленные участки, дѣло велось большинствомъ компаній такъ, что спокойное выжиданіе для нихъ немыслимо, и катастрофа сдѣлалась неизбѣжной.

Большинство строительныхъ обществъ закупало больше земель, чѣмъ то позволяли наличныя ихъ средства. Этимъ погрѣшали какъ тѣ общества, которыя дѣйствительно имѣли въ своемъ распоряженіи акціонерный капиталъ, такъ и тѣ многочисленныя общества, капиталъ которыхъ фигурировалъ больше на бумагѣ, т. е., находился въ рукахъ банкировъ и синдикатовъ, занимающихся финансовыми спекуляціями,—а изъ этихъ рукъ его послѣ бѣдствій, обрушившихся на биржу, не такъ-то легко было его высвободить. Изъ этого затрудненія кое-какъ выпутывались, условливаясь уплачивать стоимость купленныхъ участковъ по частямъ; въ то время всѣ еще предавались обманчивой надеждѣ, что со временемъ можно будетъ снова съ выгодою сбыть эту землю. Но, послѣ того, какъ для строительныхъ спекуляцій насталъ внезапный конецъ, большинство строительныхъ обществъ очутились въ слѣдующемъ безотрадномъ положеніи: денегъ у нихъ для уплаты по частичнымъ взносамъ за купленныя земли не было, а достать деньги посредствомъ кредита оказывалось, равнымъ образомъ, невозможно. Образчикомъ того положенія дѣлъ, которое изъ этого произошло, можетъ служить тотъ фактъ, что тринадцать банковъ, которые сообща пріобрѣли участки земли по теченію Дуная, не въ состояніи были сколотить совокупными средствами взносъ въ милліонъ гульденовъ, срокъ которому наступилъ.

Наиболѣе простымъ выходомъ для обществъ, обремененныхъ скупленными участками земли, было бы избавиться зтъ этихъ участковъ, удержать которые за собою имъ все равно невозможно, — продавъ ихъ, хотя бы и въ убытокъ себѣ. Но, какъ ни удобно представляется это средство съ перваго взгляда, примѣненіе его оказывается не такъ-то легко, если мы вспомнимъ, по какимъ безобразно-высокимъ цѣнамъ были куплены эти участки обществами. Фактически доказано, что средній размѣръ этихъ цѣнъ *вдесятеро* превосходитъ ту сумму, по которой участки предлагались всего только немного лѣтъ тому назадъ, не находя тебѣ покупщиковъ. При-этомъ, замѣтимъ мимоходомъ, что эти громадныя цѣны отнюдь не доходили сполна до рукъ частныхъ лицъ, изъ которыхъ состояло большинство продавцовъ. Обыкновенно, значительная часть этихъ цѣнъ,—большею частью половина, или и того болѣе,—распредѣлялось въ видѣ магарыча между разными агентами, совѣтами правленій, директорами и другими посредниками, причемъ, приличія ради, обыкновенно употреблялись под-

ставныя лица, изображавшія изъ себя покупщиковъ, которые перепродавали обществу окупленныя ими земли. Благодаря этому способу пріобрѣтенія земель, при которомъ всякое лицо, запустившее руку въ дѣло, — а такихъ рукъ было не мало,—думало только о своемъ собственномъ обогащеніи, земли были пріобрѣтены строительными обществами по такимъ цѣнамъ, которыя дѣлали добровольную перепродажу ихъ въ другія руки почти невозможной уже по тому, что по крайней мѣрѣ три четверти заплаченной за нихъ цѣны должны были притомъ пропасть. Къ тому же поземельная собственность эта еще обременена гипотеками или неуплаченными частичными взносами покупной ея цѣны. Къ тому же, остается все еще неразрѣшеннымъ вопросомъ—возможно ли будетъ найти, даже при значительно сбавленныхъ цѣнахъ, охотниковъ на эти участки, и, при томъ, въ такомъ значительномъ количествѣ, чтобы размѣры операцій по продажѣ земель доставили сколько-нибудь замѣтное облегченіе компаніямъ.

Не болѣе утѣшительнымъ является положеніе и тѣхъ старѣйшихъ строительныхъ банковъ, которые ограничивались одними спекуляціями на земельные участки,—спекуляціями, въ высшей степени пагубными, какъ мы видѣли, и для самихъ обществъ, — но застраховали пріобрѣтенные ими участки домами. Нужда въ жилищахъ, проявившаяся спорадически, но весьма сильно, повлекла за собою за послѣдніе два года слишкомъ быстрое развитіе строительной дѣятельности, а эта послѣдняя, естественнымъ образомъ, черезъ обусловленный ею спрсоъ, вызвала быстрое и значительное возрастаніе заработной платы и цѣнъ на матеріалы. Черезъ это, понятнымъ образомъ, стоимость построекъ поднялась гораздо выше обыкновенной нормы. Между тѣмъ, дома, выстроенные при такихъ усиленныхъ расходахъ, естественнымъ образомъ, въ настоящее время, когда заработная плата и цѣны на матеріалъ пали болѣе, чѣмъ на тридцать процентовъ, не представляютъ и той стоимости, въ которую обошлась ихъ постройка; ихъ или нельзя продавать вовсе, или же приходится продавать въ убытокъ себѣ.

Еще обширнѣе по размѣрамъ капитала, а также по размѣрамъ злоупотребленій, была спекуляція желѣзными дорогами. Въ германской имперіи концессіонированіе государствомъ акціонерныхъ обществъ, за исключеніемъ желѣзнодорожныхъ обществъ и ассигнаціонныхъ банковъ, было отмѣнено съ 1870 г.; но именно учрежденіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ послужило поводомъ къ самому безцеремонному надуванію публики и къ самымъ вопіющимъ злоупотребленіямъ.

Въ прусской палатѣ депутатовъ представителемъ Магдебурга, Ласкеромъ, было доказано, что одинъ изъ вожаковъ феодальной партіи, и основатель „Новой прусской газеты", тайный совѣтникъ Вагнеръ, добылъ себѣ концессію на померанскую центральную желѣзную дорогу, впослѣдствіи обанкротившуюся, и, затѣмъ, перепродалъ эту концессію за подобающее вознагражденіе; далѣе

*

Ласкеръ доказывалъ, что даже представители самаго знатнаго дворянства, напр., принцъ Биронъ, выторговывали себѣ за концессію, выхлопотанную у министра торговли, отступное въ видѣ акцій на 100,000 талеровъ, и что князь Путбусъ тоже принималъ участіе въ этомъ торгѣ желѣзными дорогами. Эти разоблаченія были сдѣланы еще 7 февраля 1873 г., — и по крайней мѣрѣ частная публика могла бы воспользоваться ими, какъ предостереженіемъ, чтобы заблаговременно вынуть свою голову изъ петли и перемѣстить свои деньги въ государственные фонды; но только крупныя финансовыя фирмы и учрежденія воспользовались ими въ этомъ смыслѣ. За то разоблаченія Ласкера повлекли за собою назначеніе, по повелѣнію императора, слѣдственной комиссіи, которая и представила свой отчетъ парламенту 12 ноября 1873 г. Въ этомъ отчетѣ, обнимавшемъ исторію возникновенія 26 желѣзно-дорожныхъ обществъ, показанія Ласкера нетолько подтвердились, но и были приведены обвиненія противъ многихъ другихъ лицъ и разоблачалось множество фактовъ еще болѣе вопіющаго свойства. Такъ, было доказано, что требуемыя закономъ удостовѣренія въ томъ, что подписка состоялась и часть взносовъ по акціямъ уплачена представлялись неоднократно въ подложномъ видѣ. „По единогласному показанію свидѣтелей, говорится въ отчетѣ, значительная часть подписокъ на акціи производилась въ обмѣнъ на обратныя росписки на соотвѣтствующія суммы, или же за извѣстное вознагражденіе". Къ донесенію приложенъ и экземпляръ подобной обратной расписки.

Когда въ 1847 г. французскій министръ Тестъ былъ уличенъ въ принятіи взятки въ 100,000 франковъ за выдачу концессіи на горнозаводское предпріятіе, онъ былъ преданъ суду перовъ и приговоренъ къ тремъ годамъ тюремнаго заключенія. Вся европейская пресса была полна негодованія. Но тайный совѣтникъ Вагнеръ отдѣлался гораздо дешевле. Слѣдственная комиссія не удовольствовалась однимъ раскрытіемъ зла. Она сдѣлала еще предложенія, клонившіяся къ коренной реформѣ желѣзнодорожнаго законодательства. Основываясь на этихъ предложеніяхъ, министръ торговли представилъ прусской палатѣ депутатовъ въ январѣ 1874 г. проектъ закона, который долженъ быть признанъ за значительный шагъ впередъ въ этомъ дѣлѣ; въ основаніи этого проекта лежитъ періодическое составленіе плана желѣзныхъ дорогъ, и учрежденіе желѣзнодорожнаго совѣта; въ случаѣ разногласія министра торговли съ этимъ совѣтомъ, дѣло передается на рѣшеніе совѣта министровъ.

Въ Австро-Венгріи, гдѣ желѣзнодорожныя спекуляціи производились чуть ли еще не съ большею дерзостью, торговля концессіями шла тѣмъ же чередомъ, и многіе изъ фактовъ, добытыхъ прусской комиссіей, примѣнимы и къ Австріи. Мало того, оказалось, что даже управленія существующихъ уже желѣзныхъ дорогъ заражены продажностью. Главный директоръ галиційской Карлъ-Лудвигской дороги, Офенгеймъ, а также его подчиненные, Цифферъ и Лисковецъ,

были арестованы за расхищеніе денегъ, какъ на этой желѣзной дорогѣ, такъ и на Лембергъ-Черновицъ-Ясской дорогѣ; при этомъ вышло наружу, на какія деньги сооружались милліонные дворцы въ Вѣнѣ.

Объ успѣхахъ желѣзнодорожнаго дѣла въ Венгріи за 1868—1869 г. мы уже говорили. По желѣзнодорожной справочной книгѣ Игнаца-Кана, 1870 и 1871 гг. представляютъ эпоху сравнительнаго застоя въ развитіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Австро-Венгріи; но съ 1872 г. снова начинается довольно оживленное движеніе въ этой сферѣ. Въ западной половинѣ имперіи было выдано концессій на пятнадцать линій, съ общимъ протяженіемъ въ 207,5 миль; въ Венгріи—на пять линій, съ протяженіемъ въ 77,78 миль. Что развитіе желѣзнодорожнаго дѣла не приняло еще большихъ размѣровъ, это объясняется, главнымъ образомъ, условіями денежнаго рынка, которыя отвлекали духъ предпріимчивости отъ постройки желѣзныхъ дорогъ и сосредоточивали его на биржевой игрѣ. Охлажденію охоты къ желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ способствовали также извѣстія объ убыткахъ, нанесенныхъ отдѣльными предпринимателями преимущественно въ Венгріи, вслѣдствіе ненормальныхъ условій заработной платы, а также экстренныя требованія, которыя предъявлялись концессіонерамъ различными органами государственной власти, преимущественно военнымъ вѣдомствомъ.

Желѣзно-дорожныхъ акцій и пріоритетовъ въ 1872 г. было выпущено, въ въ общей сложности, на номинальную стоимость въ 137.8 милліоновъ гульденовъ; изъ этого числа было помѣщено путемъ публичной подписки 39,8 мил., а остальное количество акцій было разобрано владѣльцами акцій прежнихъ выпусковъ и банками. Нельзя, однако же, отрицать, что однимъ изъ послѣдствій менѣе быстраго развитія желѣзнодорожнаго дѣла было то, что большинство новыхъ линій не обременяютъ государственное казначейство; съ другой стороны, не надо забывать, что орльбергская дорога, галиційская желѣзнодорожная сѣть, продолженіе рудольфской дороги, далматскія желѣзныя дороги и венгерская сѣть не могли бы быть окончены безъ поддержки правительства, и что потому для Австро-Венгріи было бы желательно, чтобы духъ предпріимчивости вновь обратился на желѣзно-дорожное дѣло. Изъ локомотивныхъ желѣзныхъ дорогъ, на которыя въ 1872 г. были выданы концессіи, девять были совсѣмъ новыми предпріятіями, а одиннадцать представляли лишь продолженіе существующихъ линій. Государственной помощью, въ видѣ гарантіи процентовъ, пользуется лишь одна изъ этихъ вновь концессіонированныхъ дорогъ; двѣ изъ нихъ суть государственныя дороги, девять пользуются временнымъ освобожденіемъ отъ налоговъ, а восемь обходятся безъ всякой поддержки со стороны государства.

Въ силу договоровъ, заключенныхъ съ Пруссіею 21 мая, касательно линій рейхенбергъ-гёрлицкой, іегерндорфъ-леобшюцкой и ольберсдорфъ-нейсской

было рѣшено сооруженіе новыхъ соединительныхъ линій съ заграничными желѣзными дорогами, затѣмъ, 22 августа состоялась желѣзно-дорожная конвенція между Венгріей и Румыніей, въ силу которой вопросъ о румынскихъ соединительныхъ линіяхъ былъ разрѣшенъ по всѣмъ пунктамъ. Наконецъ, въ Богеміи были выданы концессіи на многія желѣзныя дороги, доходившія вплоть до границъ государства и, кромѣ того, былъ поставленъ вопросъ о нѣсколькихъ соединительныхъ линіяхъ съ прусскими, саксонскими и баварскими желѣзными дорогами.

Изъ мѣръ, клонившихся къ преобразованію желѣзнодорожнаго дѣла, слѣдуетъ упомянуть о введеніи единообразной системы сигналовъ и о принятіи новыхъ правилъ для эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, правилъ, почти совершенно совпадающихъ съ существующими для желѣзныхъ дорогъ германской имперіи. Далѣе, законъ 29 мая касательно исполненія постановленій объ экспропріаціи въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, законъ 19 апрѣля касательно предоставленія мѣстъ отслужившимъ свой срокъ унтеръ-офицерамъ, законъ 6 іюня касательно открытія дополнитеньныхъ кредитовъ для субсидій желѣзнымъ дорогамъ за 1871 г., законъ 15 мая объ устройствѣ и содержаніи подвозныхъ шоссейныхъ дорогъ къ желѣзно-дорожнымъ станціямъ въ герцогствѣ зальцбургскомъ, наконецъ, статьи X и XII-я венгрскаго закона о проведеніи нѣсколькихъ дополнительныхъ линій и постройкѣ нѣсколькихъ промышленныхъ желѣзныхъ дорогъ насчетъ государства.

Желѣзнодорожныя постройки дали въ 1872 г. результатъ, который превзошелъ на небольшую дробь даже результатъ 1871 г., не взирая на то, что этотъ послѣдній годъ въ австро-венгерскомъ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ далъ безпримѣрные дотолѣ результаты.

Съ окончаніемъ 1871 г. въ Австріи были открыты для публичнаго пользованія до 977.195 миль, въ Венгріи — до 586.812 миль, — слѣдовательно, во всей монархіи—до 1564.007 миль; мѣстныхъ и уличныхъ дорогъ въ Австріи было на 4.964 мили, а въ Венгріи—на 7.665 миль, въ общей сложности—на 12.629 миль. Горныхъ и промышленныхъ дорогъ въ Австріи было на 40.084 мили, въ Венгріи—на 6.903 мили, въ той и другой вмѣстѣ—46.984 миль. Слѣдовательно. всего имѣлось на 1623.62 мили дорогъ, открытыхъ для эксплуатаціи.

Въ теченіе 1872 г. было открыто: дорогъ для обыкновеннаго сообщенія—въ Австріи на 152.178 миль и въ Венгріи—129.491 миль, въ общей же сложности—на 280.669 миль; мѣстныхъ и уличныхъ дорогъ въ Венгріи—на 0.745 миль; горныхъ и промышленныхъ дорогъ въ Австріи — на 4.447, м. въ Венгріи—на 0.199 м., въ той и другой вмѣстѣ—на 4.646 миль. Всего, слѣдовательно, было открыто въ этомъ году желѣзныхъ дорогъ на 286.060 миль. Такимъ образомъ, этого года вся сѣть желѣзныхъ дорогъ въ монархіи составляла длину

въ 1895'221 мил. Къ этому надо еще присовокупить, что строилось, или предполагалось къ постройкѣ, желѣзныхъ дорогъ въ Австріи—на 390.658 миль и въ Венгріи—на 200.231 милю.

Номинальная стоимость бумагъ, выпущенныхъ для цѣлей желѣзно-дорожнаго дѣла, распредѣляется по годамъ слѣдующимъ образомъ: въ 1871 году—305.20 милліоновъ гульденовъ, въ 1872 г.—251.11 милліоновъ гульденовъ, въ 1873 г. (за первую четверть) 19.86 милліоновъ гульденовъ, въ общей же сложности—576.17 милліоновъ гульденовъ.

Но эта сумма не составляла и четвертой части всѣхъ предпріятій, созданныхъ въ Австро-Венгріи учредительской горячкой; общая сумма этихъ предпріятій достигла по номинальной стоимости бумагъ съ 1-го января 1871 года по 1-е апрѣля 1873 г. 1963 милліоновъ гульденовъ. Въ тѣ 576.17 милліоновъ гульденовъ, которые приходились на долю желѣзно-дорожныхъ предпріятій, включены расходы на добыванье денегъ, а эти расходы, по разсчету „Neue Freie Presse“, поглотили отъ двадцати пяти до тридцати пяти процентовъ, такъ что дѣйствительный размѣръ вышеназванной суммы уменьшается до 400—430 милліоновъ гульденовъ. Куда уходили остальные 150 милліоновъ, объ этомъ мы можемъ судить изъ статистическихъ свѣдѣній объ учредительскихъ спекуляціяхъ въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, свѣдѣній, заимствуемыхъ нами изъ „Deutsche Zeitung“. Желѣзно-дорожное учредительство, говоритъ упомянутая газета, съ 1866 г. держала отечественный денежный рынокъ всецѣло въ своихъ рукахъ. Не было ни одного финансиста, ни одного предпринимателя, которые не имѣли бы болѣе или менѣе близкаго касательства къ этому дѣлу. Нѣкоторые изъ нашихъ значительнѣйшихъ банковъ были обязаны своимъ возникновеніемъ исключительно развитію желѣзно-дорожнаго дѣла въ Австріи (австрійскія желѣзныя дороги представляли въ 1871 г. капиталъ въ 1425 милліоновъ гульденовъ). Учредительство въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ неизмѣнно придерживалось одного и того же шаблона: учредители, владѣльцы концессій, банки, посвященные въ тайны финансоваго дѣла, и строители дорогъ—все это составляло одну клику, которая, располагая крупными капиталами, занималась только тѣмъ, что создавала на фондовой биржѣ то положеніе дѣлъ, которое было ей нужно, чтобы потомъ эксплуатировать это положеніе въ свою пользу. Маневры, связанные съ этимъ, ежегодный выпускъ по низкой цѣнѣ нѣсколькихъ сотенъ милліоновъ бумажныхъ цѣнностей, которымъ съ намѣреніемъ предсказывали значительное повышеніе въ будущемъ, — все это способствовало расширенію изъ года въ годъ биржевой спекуляціи и неизбѣжно должно было благопріятельствовать биржевой игрѣ.

Быстро наживаемые барыши, которые учредительство давало при выпускѣ желѣзнодорожныхъ акцій, — это обогащеніе, сваливавшееся счастливцамъ съ неба, оказывало соблазняющее вліяніе на всѣхъ и заражало страстью учреди-

тельства и игры цѣлые классы населенія. Вначалѣ лишь единичныя личности, какіе-нибудь прожившіеся въ пухъ и прахъ представители историческаго дворянства, отдавали свои гербы для прикрытія христіански-семитическихъ носовъ и для приманки мелкихъ капиталовъ; но, мало по малу, и представители наиболѣе вліятельныхъ и уважаемыхъ родовъ изъ самой высшей аристократіи спустились изъ своихъ древнихъ замковъ и замѣшались въ толпѣ желѣзно-дорожныхъ учредителей. Иногда это дѣлалось съ благимъ намѣреніемъ придать предпріятію своимъ участіемъ въ немъ надежную и правильную основу; но личности эти не обладали достаточной властью, чтобы парализовать развращающія вліянія грюндерства; къ тому же онѣ лишь слишкомъ часто руководились единственно желаніемъ увеличить посредствомъ рельсовыхъ путей стоимость собственныхъ земель.

Какъ и слѣдовало ожидать, эти знатные господа вносили въ „гешефтъ" весьма неполное пониманіе дѣла, вслѣдствіе чего они почти всегда служили лишь фирмою, подъ которою деньги выманивались у публики и выхлопатывались концессіи. Желѣзно-дорожная горячка такъ усилилась въ этихъ сферахъ общества, что почти сплошь все дворянство цѣлыхъ провинцій со всѣмъ своимъ добромъ втягивалось въ учредительство и при этомъ большею частью подтверждало справедливость изреченія Ласкера: „когда дилеганты берутся за дѣло, то выходитъ обыкновенно еще хуже, чѣмъ когда имъ орудуютъ аферисты по профессіи".

Такъ какъ при постройкѣ новѣйшихъ дорогъ концессіонеры и собственники банковъ большею частью шли рука объ руку, то и знатные господа, примкнувшіе къ желѣзно-дорожному учредительству, были, мало по малу, посвящены въ тайны биржевой игры, и по пословицѣ: „l'appetit vient en mengeant" вскорѣ сдѣлались ревностными учредителями банковъ и биржевыми игроками. Говоря это, мы разумѣемъ не знаменитый результатъ голосованія въ палатѣ господъ по вопросу о выдачѣ ссудъ бумажными цѣнностями, а тѣ милліоны, которые были положены въ одинъ крупный банкъ цѣлымъ рядомъ благородныхъ потомковъ именитѣйшихъ фамилій.

Самъ по себѣ тотъ фактъ, что въ средѣ аристократіи, предназначенной для первенствующей политической роли, нѣкоторые носители громкихъ именъ до того забывали свое достоинство, что не стыдились принимать участіе въ негодныхъ предпріятіяхъ,—самъ по себѣ этотъ фактъ, говоримъ мы, нисколько насъ не огорчилъ бы, еслибы послѣдствія такого порядка вещей въ Австріи не были крайне опасны.

Въ различныхъ совѣтахъ правленій желѣзныхъ дорогъ, построенныхъ съ 1866 г., въ настоящее время засѣдаютъ изъ представителей стараго дворянства: 13 князей, 1 ландграфъ, 64 графа, 29 бароновъ и 41 простой дворянинъ. Параллельно съ этимъ, на креслахъ членовъ правленія банковъ, основан-

ныхъ съ 1864 г. мы встрѣчаемъ 1 герцога, 24 графа, 12 бароновъ и 4 простыхъ дворянина, изъ которыхъ большинство—тѣ же самыя личности, которыя были включены и въ вышеприведенный перечень; при этомъ необходимо замѣтить, что банки, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, отнюдь не посвящаютъ свою дѣятельность гипотечному кредиту, или какой-либо другой задачѣ, которая соприкасалась бы съ интересами крупнаго землевладѣнія. Въ то же время 1 князь, 16 графовъ, 6 бароновъ и два простыхъ дворянина поспѣшили занять мѣста членовъ совѣта при различныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, основанныхъ въ Вѣнѣ, предпріятіяхъ, которыя для этихъ господъ не могли представлять никакого естественнаго интереса и въ которыя они не могли внести ни достаточнаго пониманія дѣла, ни достаточныхъ капиталовъ.

Въ сравненіи съ этимъ поголовнымъ участіемъ австрійскаго дворянства въ учредительствѣ,—участіемъ, охватывающимъ также и провинціи — единичные факты этого рода, встрѣчающіеся въ средѣ прусскаго стараго дворянства, представляются совсѣмъ ничтожными.

Въ настоящее время, какъ слышно, австрійскій министръ торговли рѣшился положить конецъ вопіющимъ злоупотребленіямъ, оградить достоинство государства и предоставить правосудію вступить въ свои права; поэтому, слѣдуетъ надѣяться, что *всѣ виновные*, безъ лицепріятія будутъ привлечены къ отвѣтственности; но радость наша по поводу этого рѣшенія министра значительно умѣряется при мысли о томъ длинномъ рядѣ въ высшей степени вліятельныхъ личностей, которыя сильно компрометтировали себя, хотя бы только упущеніями, которыя были сдѣланы ими въ качествѣ членовъ, засѣдавшихъ одновременно въ трехъ, четырехъ совѣтахъ различныхъ учрежденій; личности эти, конечно, не могутъ не трепетать передъ послѣдствіями, которыми имъ грозитъ энергическій контроль государства. Разъ будетъ выяснено, въ какихъ сферахъ коренится значительная часть злоупотребленій желѣзно-дорожнаго дѣла, то добытыя при этомъ свѣдѣнія не могутъ не дѣйствовать въ высшей степени парализующимъ образомъ на тѣхъ, кто по долгу службы обязаны были бы содѣйствовать устраненію злоупотребленій въ торговлѣ.

Участіе аристократіи въ модныхъ учредительскихъ спекуляціяхъ, участіе, ведущее свое начало отъ новыхъ желѣзно-дорожныхъ предпріятій, не могло не имѣть пагубныхъ послѣдствій въ Австріи, гдѣ аристократія пользуется большимъ почетомъ; жажда богатства у народа, столь падкаго на соблазнъ наслажденій и безпечной жизни, какъ австрійцы, должна была развиваться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ безопаснѣе было наживать состояніе на счетъ другихъ и въ придачу за это получать ордена и чины. Это обстоятельство, въ связи съ слишкомъ низкими курсами желѣзно-дорожныхъ цѣнностей, выпущенныхъ съ 1865 на 1871 г., распространило биржевыя спекуляціи, а слѣдовательно и биржевую игру, во всѣхъ слояхъ населенія.

Но такъ какъ для полученія желѣзно-дорожной концессіи нужны были не только деньги, но и личный кредитъ и вліятельность, и дѣло даже при этихъ условіяхъ было сопряжено съ значительными трудностями, то, само собою разумѣется, не всѣ алчущіе денегъ и жаждущіе предпріятій могли подвизаться на благодарномъ поприщѣ желѣзно-дорожнаго учредительства; вслѣдствіе этого многіе набрасывались на другаго рода предпріятія, а такъ какъ тутъ, къ сожалѣнію, не было такого строгаго государственнаго контроля, то спекуляціи въ этихъ сферахъ должны были развиться еще шире, хотя и при учрежденіи банковъ ядромъ всего дѣла была нажива отъ учредительства и отъ выпуска бумагъ.

Изъ этого произошелъ знаменитый „крахъ“, который, по крайней мѣрѣ, имѣлъ то хорошее послѣдствіе, что банки, вызванные учредительской горячкой, закончили свое существованіе, между тѣмъ какъ многія изъ нашихъ чахоточныхъ желѣзно-дорожныхъ предпріятій до сихъ поръ сидятъ у насъ на шеѣ.

Было еще одно важное зло, которое повлекли за собою новѣйшія желѣзнодорожныя предпріятія, помимо бѣгло указаннаго нами выше нравственнаго разложенія, постигшаго высшіе классы общества; зло это состояло въ томъ, что учредители и главные подрядчики, послѣ того, какъ постройка была окончена, занимали мѣста и въ правленіяхъ уже открытыхъ для эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Эти господа знали очень хорошо, что созданная ими желѣзная дорога, уже съ самаго начала, благодаря страшному вздорожанію капитала, представляли собою предпріятіе вполнѣ несостоятельное; но для нихъ, при основаніи предпріятія, дѣло было не въ доходности дороги, а въ томъ, чтобы сунуть себѣ въ карманъ прибыль отъ выпуска акцій и крупные могарычи отъ подряда; теперь же они, лишь изъ политичныхъ соображеній и формы ради, сохраняли связь съ дѣломъ, въ которомъ они почти, или вовсе не были заинтересованы. Самое большее, если они въ качествѣ членовъ правленія проявляли свою дѣятельность и заботливость тѣмъ, что, въ виду скудныхъ доходовъ съ дороги, старались поурѣзать расходы эксплуатаціи всюду, гдѣ только могли, и дѣлали это не только въ ущербъ служащимъ, но и къ серьезному вреду публики.

Отъ лицъ, стоящихъ во главѣ эксплуатаціи дороги, также какъ отъ высшихъ и низшихъ членовъ служебнаго персонала не можетъ укрыться плохое положеніе предпріятія, и послѣдствіемъ этого бываетъ то, что всякая охота къ дѣлу и всякая добросовѣстность въ отношеніи къ нему пропадаютъ. Въ скоромъ времени и всѣ служащіе начинаютъ относиться къ своимъ обязанностямъ такъ же, какъ и чины правленія; все дѣло переходитъ въ комедію, которая продолжаетъ разыгрываться въ рамкахъ, указанныхъ ей инструкціей, но въ которой каждый изъ участниковъ норовитъ по возможности сократить или употребить во зло свою роль. Объ усердіи и о добросовѣстиости въ исполненіи долга тутъ также мало можетъ быть рѣчи, какъ и объ уваженіи къ высшему на-

чальству, продѣлки котораго составляютъ обычную тэму разговора между подчиненными.

Эти высшіе руководители, какъ мы уже намекали выше, нерѣдко пользовались случаемъ проводить трактъ желѣзной дороги въ такомъ направленіи, которое захватывало собственныя ихъ помѣстья, иногда нарочно пріобрѣтавшіяся не задолго передъ тѣмъ съ благоразумною предусмотрительностью; при этомъ, само собою разумѣется, не принималось въ соображеніе, насколько такое направленіе удлиняетъ линію и насколько оно выгодно для самаго предпріятія, или для страны.

Тѣмъ, которымъ, въ виду возбужденнаго вопроса объ усиленіи государственнаго контроля, подобныя обвиненія кажутся преувеличенными, и которые недостаточно оцѣниваютъ вліяніе, пріобрѣтенное кликою учредителей черезъ союзъ съ значительною частью дворянства не только въ странѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ, мы напомнимъ одинъ только фактъ: тотъ тонъ, въ которомъ около года тому назадъ клики заговорили съ министромъ торговли. То не была рѣчь единичныхъ зазнавшихся личностей,—то былъ голосъ многочисленной могущественной партіи. Такъ заканчиваетъ свою характеристику „Deutsche Zeitung".

Въ довершеніе всего, оказалось изъ слѣдствія, произведеннаго надъ совѣтомъ правленія елизаветинской западной дороги, что правленія многихъ желѣзныхъ дорогъ, вмѣсто того, чтобы помѣщать надежнымъ образомъ кассовые запасы предпріятія, употребляютъ эти запасы для репортныхъ операцій на биржѣ, и при этомъ барышъ, получающійся сверхъ обычныхъ процентовъ, прячутъ себѣ въ карманъ, а убытки, каковые оказались послѣ того, какъ многіе изъ ихъ кредиторовъ во время кризиса обанкротились вслѣдствіе паденія курсовъ на купленныя ими бумаги, навязываютъ акціонерамъ, какъ скоро сами они не въ состояніи покрыть эти убытки.

Еще гораздо бóльшіе размѣры, чѣмъ въ Германіи и Австріи, приняли желѣзно-дорожныя спекуляціи въ Соединенныхъ Штатахъ. Тамъ еще безсовѣстнѣе эксплуатировали легковѣріе и наивность публики, и тамъ одной этой причины было достаточно, чтобы вызвать кризисъ въ такое время, когда банки и торговля не провинились никакою спекуляціонною опрометчивостью.

Каждаго, кто заглядывалъ въ американскіе желѣзно-дорожные отчеты за послѣднія двадцать лѣтъ, не могъ не приводить въ изумленіе тотъ фактъ, что протяженіе желѣзно-дорожныхъ линій въ Соединенныхъ Штатахъ почти равнялось протяженію линій европейскихъ. Не взирая на то, что въ Европѣ дѣятельность по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ имѣла самый напряженный характеръ, въ особенности въ Германіи, Австріи, Россіи и Швейцаріи,—въ Америкѣ предпріятія этого рода по окончаніи междоусобной войны приняли такіе необычайно-грандіозные размѣры, что Европа до сихъ поръ все еще не въ состояніи была

опередить Америку въ этомъ отношеніи. Пропорціонально съ цифрою населенія, которая въ сѣверной Америкѣ достигаетъ 40 милліоновъ, а въ Европѣ — 260 милліоновъ, сѣверная Америка имѣетъ по крайней мѣрѣ впятеро болѣе миль желѣзно-дорожныхъ линій, чѣмъ Европа. По разсчету Бартера, напечатанному въ лондонской статистической газетѣ, общая длина желѣзно-дорожныхъ линій въ Европѣ составляла въ 1865 г. 42,000 англ. миль; для Сѣверной же Америки она въ 1864 г. составляла 33,860 миль. По новѣйшимъ отчетамъ, какъ уже было сказано выше, общая длина линій, оконченныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ настоящее время, полагается въ 60,000 англійскихъ миль. Но допустимъ, что въ эту цифру вкралось нѣкоторое преувеличеніе и что она обнимаетъ не только оконченныя, но и недостроенныя желѣзныя дороги. Примемъ для большей вѣрности, только 50,000 миль, все же выходитъ, что желѣзно-дорожныя предпріятія въ Америкѣ поглотили, не взирая на господствующую тамъ дешевизну построекъ, колоссальный капиталъ. Стоимость проведенія желѣзныхъ дорогъ въ Соединенныхъ Штатахъ бываетъ, понятнымъ образомъ, весьма различна, такъ какъ на западѣ, насколько линіи захватываютъ государственныя земли, послѣднія уступаются компаніямъ даромъ, и при этомъ еще дарятся полосы земли по обѣ стороны полотна; частная поземельная собственность въ этихъ мѣстахъ тоже еще очень дешева, между тѣмъ какъ на востокѣ цѣны на землю равняются европейскимъ. По одному давнишнему, не совсѣмъ надежному разсчету, средняя стоимость постройки желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ полагалась въ 35,000 долларовъ за англійскую милю. Бартеръ полагаетъ наивысшій размѣръ этой стоимости въ 7000 ф. ст., слѣдовательно, почти наравнѣ съ вышеприведенной цифрой, а наивысшій размѣръ—въ 15.000 ф. ст. Для того, чтобы съ точностью вывести среднюю цифру, необходимо было бы знать протяженіе и стоимость каждой отдѣльной линіи, а потому мы не имѣемъ возможности сдѣлать въ этомъ отношеніи совершенно правильный разсчетъ. Во всякомъ случаѣ, если мы положимъ, что американскія желѣзныя дороги обходились въ 50,000 талеровъ съ мили, то цифра эта будетъ скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительной. Но, даже и при этой низкой оцѣнкѣ, мы получаемъ чудовищный капиталъ 2,500,000,000 талеровъ, ушедшій на постройку желѣзныхъ дорогъ. Около $^3/_5$ этого капитала, другими словами, около 1,500,000,000 талеровъ было израсходовано въ послѣднія пятнадцать лѣтъ; изъ этой цифры 1,000,000,000 талеровъ приходится на долю желѣзно-дорожныхъ облигацій. Что эта колоссальная сумма, къ которой еще надо присоединить 2500 милліоновъ долларовъ государственнаго долга, сдѣланнаго во время междоусобной войны, не могла быть цѣликомъ собрана въ Америкѣ, — это явствуетъ само собою. Уже въ 1857 г. нѣмецкій капиталъ, пристроенный въ Америкѣ, оцѣнивался въ нѣсколько сотъ милліоновъ талеровъ. Во время междоусобной войны помѣщеніе нѣмецкихъ денегъ въ американскихъ бумагахъ еще значительно уси-

ливается, такъ какъ въ Германіи держались относительно исхода войны другаго мнѣнія, чѣмъ въ Англіи и были твердо увѣрены въ томъ, что сѣверъ выйдетъ побѣдителемъ. Въ особенности, частная публика, дѣлавшая дѣла черезъ посредство франкфуртской биржи, помѣстила значительныя суммы въ облигаціяхъ союзнаго правительства и, такимъ образомъ, въ короткій срокъ были нажиты цѣлые милліоны. Когда, по окончаніи войны, начался выкупъ облигацій и курсъ послѣднихъ значительно поднялся, то публика стала по преимуществу накидываться на болѣе дешевые желѣзно-дорожные пріоритеты, пока, наконецъ, не пришла къ открытію, что американская пріоритетная акція—не то, что европейская, потому что акціонерный капиталъ тамъ назначается слишкомъ низко.

Мы полагаемъ, что послѣдній желѣзнодорожный кризисъ отобьетъ наконецъ охоту у нашихъ капиталистовъ пристроивать свои деньги въ американскихъ пріоритетахъ, и что, они отдадутъ предпочтеніе болѣе надежнымъ, хотя и приносящимъ меньшіе проценты германскимъ и австрійскимъ облигаціямъ.

Чтобы убѣдиться въ справедливости этого взгляда съ точки зрѣнія общихъ экономическихъ принциповъ, достаточно вникнуть въ то вліяніе, которое развитіе огромной американской сѣти желѣзныхъ дорогъ оказало на Европу и, въ особенности, на Германію.

Въ Соединенныхъ Штатахъ живетъ въ настоящее время около восьми милліоновъ нѣмцевъ, изъ которыхъ, быть можетъ, половина сохраняетъ еще связь съ нѣмецкой культурой и около милліона имѣютъ еще родныхъ въ Германіи. Эти эмигранты, независимо отъ того, везло имъ или не везло на новой ихъ родинѣ, дѣйствовали въ теченіе длиннаго ряда годовъ, какъ самые ревностные эмиграціонные агенты, тѣми радужными красками, въ которыхъ они описывали порядки Новаго Свѣта. Во многихъ случаяхъ они даже высылали своимъ близкимъ, оставшимся въ Европѣ, деньги на путевыя издержки; по крайней мѣрѣ этому обстоятельству приписываютъ размѣры, которые приняла эмиграція ирландскихъ выходцевъ,—размѣры, напоминающіе переселеніе народовъ.

Въ послѣднее время къ этому присоединились и другія обстоятельства, усилившія еще болѣе эмиграціонное движеніе: политическія условія стали гнать многихъ нѣмцевъ за океанъ. До постройки желѣзныхъ дорогъ, заселеніе Америки эмигрантами происходило по тому же закону, по какому въ древности совершалась колонизація Европы и береговыхъ странъ Африки: колонисты сначала разселялись вдоль морскаго берега, а за тѣмъ поднимались вверхъ по теченію рѣкъ. Тутъ самое свойство почвы, въ особенности въ долинахъ, полагало колонизаціи извѣстные предѣлы; ее задержало также неустройство путей сообщенія, затруднявшее перевозку продуктовъ. Но, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и съ устройствомъ правильныхъ пароходныхъ сообщеній между Европой и Америкой, не только облегчилось личное перемѣщеніе и доставка американскихъ продуктовъ на европейскіе рынки, но и самая колонизація при-

няла совсѣмъ иное направленіе. Желѣзныя дороги, по мѣрѣ того, какъ онѣ проникли на западъ, становились новыми проводниками колонизаціи. Подобно тому, какъ кровь движется по артеріямъ, такъ и людская волна изъ восточныхъ штатовъ и изъ германскаго сѣвера Европы направляется по рельсовымъ путямъ, воздѣлывая земли по обѣ стороны желѣзно-дорожнаго полотна и сооружая даже города за сотни миль отъ границъ культурнаго міра.

Земля, лежащая въ сторонѣ отъ этой сѣти западныхъ желѣзныхъ дорогъ, остается пока еще безъ употребленія, но каждая усадьба, каждая деревушка, стоящая у желѣзной дороги, служитъ ядромъ, отъ котораго во всѣ стороны расходятся новыя поселенія. Это притягательная сила рельсовыхъ путей, возрастающая въ геометрической прогрессіи, увеличивается еще стараніями желѣзно-дорожныхъ компаній извлечь выгоду изъ подаренныхъ имъ земель, и дешевою цѣною, по которой компаніи до сихъ поръ еще переуступаютъ эти земли; цѣна эта все еще во многихъ случаяхъ не превышаетъ нѣсколькихъ долларовъ за десятину.

Всѣ эти побужденія къ эмиграціи, непрерывно возрастающія какъ количественно, такъ и качественно, не могутъ не отзываться все болѣе и болѣе вреднымъ образомъ на Германіи. При-этомъ, надо замѣтить, что эмиграція отнимаетъ у родины не столько простыхъ чернорабочихъ, которымъ обыкновенно не достаетъ средствъ для переселенія, сколько такихъ рабочихъ, которые обладаютъ большею или меньшею техническою подготовкою и представляютъ собою болѣе достаточный классъ населенія. Ежегодно цѣлыя тысячи отличныхъ рабочихъ и нѣсколько милліоновъ капитала уходятъ изъ Германіи; обстоятельство это не можетъ не наносить весьма ощутительнаго вреда промышленности, которую оно лишаетъ, какъ производительныхъ силъ, такъ и потребителей.

Неужели мы сами еще будемъ способствовать усиленію этого явленія и налагать на самихъ себя руки, рискуя своими капиталами для постройки желѣзныхъ дорогъ, наносящихъ намъ навѣрняка такой вредъ, между тѣмъ какъ выгода отъ ихъ облигацій остается весьма сомнительною [1])?

---

[1]) Оригинальный «штандпунктъ», съ котораго авторъ негодуетъ на участіе нѣмецкихъ спекуляторовъ въ американскихъ желѣзно-дорожныхъ спекуляціяхъ, есть лишь отголосокъ того страха, съ которымъ и въ Англіи и въ Германіи стали въ послѣдніе годы взирать на усиливающееся эмиграціонное движеніе. Дѣло въ томъ, что эмиграція, въ которой еще недавно видѣли панацею отъ всѣхъ соціальныхъ неурядицъ и которую сами экономисты любезно предлагали всѣмъ обдѣленнымъ на жизненномъ пиру, какъ наилучшее средство разрѣшить соціальный вопросъ по всѣмъ правиламъ экономической науки, слишкомъ хорошо сдержала, по теперешнему мнѣнію примѣрныхъ экономистовъ и ихъ кліентовъ, тѣ обѣщанія, которыя они не скупились давать отъ ея имени, когда рѣчь шла лишь о томъ, чтобы отстоять непреложность и неизмѣнность великихъ, самодѣйствующихъ и

Взглядъ этотъ, правда, есть выводъ изъ опыта, продѣланнаго нами лишь въ послѣдніе годы. По счастью, нѣмецкая публика начала дѣлаться осторожнѣе какъ разъ въ то время, когда въ Америкѣ стали осуществляться наиболѣе рискованные проекты, которые привели къ кризису, разразившемуся въ Нью-Іоркѣ. Въ теченіе многихъ лѣтъ, уже предъ этимъ по германскимъ, англійскимъ и швейцарскимъ биржамъ рыскали американскіе агенты, предлагавшіе желѣзно-дорожныя облигаціи по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Въ этомъ отношеніи Франкфуртъ оказалъ особенную услугу нѣмецкимъ и швейцарскимъ капиталистамъ не только тою осторожностью, съ которою онъ, вѣрный своей традиціи, относился вообще къ бумажнымъ цѣнностямъ, представляющимъ промышленныя предпріятія, но и своимъ спеціальнымъ знакомствомъ съ условіями американ-

---

благотворныхъ политико-экономическихъ законовъ. Экономисты и ихъ кліенты побиты собственнымъ же ихъ оружіемъ; въ эквилибристикѣ спроса и предложенія, эмиграція производитъ такое перемѣщеніе центра тяжести, при которомъ спросъ на рабочія руки въ Старомъ Свѣтѣ не можетъ уже быть удовлетворяемъ по прежнимъ дешевымъ цѣнамъ. Всюду начинаютъ задумываться о томъ, какъ бы задержать это движеніе, грозящее лишить производительность необходимыхъ для нея рабочихъ силъ, или, по крайней мѣрѣ, значительно поднять заработную плату. Эмиграцію винятъ въ томъ, что она отнимаетъ рабочія руки не только у промышленности, но и у земледѣлія (нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Германіи была назначена правительственная комиссія съ цѣлью изслѣдовать вопросъ объ эмиграціи именно съ этой послѣдней точки зрѣнія). Но, вмѣсто того, чтобы злобствовать на американскія желѣзныя дороги за то, что онѣ облегчаютъ европейскимъ искателямъ «гдѣ лучше» достиженіе цѣли ихъ поисковъ и, вмѣсто того, чтобы патетически предостерегать нѣмецкихъ спекулянтовъ на американскія желѣзно-дорожныя облигаціи отъ совершаемаго ими подвига самоубійства, авторъ лучше бы сдѣлалъ, еслибы поискалъ, не способствуютъ ли его кліенты еще инымъ какимъ способомъ у себя дома усиленно столь пагубному для нихъ эмиграціонному движенію? Отъ добра добра не ищутъ, и сколько бы ни настроили желѣзныхъ дорогъ американскіе спекулянты на деньги нѣмецкихъ спекулянтовъ, одно это не заставило бы рабочую силу отхлынуть изъ Стараго Свѣта въ Новый, еслибы не было другихъ условій, которыя гонятъ съ родины и манятъ на чужбину. Но въ этомъ отношеніи нашъ авторъ отдѣлывается только бѣглымъ намекомъ на какія то «политическія причины», способствовавшія «въ послѣдніе годы» усиленію эмиграціи. Въ выноскѣ не мѣсто восполнять такой крупный пробѣлъ, допущенный, или намѣренно оставленный авторомъ. А потому мы ограничимся лишь тѣмъ, что вкратцѣ пояснимъ затемненный намекъ автора: причины эти, которыя онъ не совсѣмъ вѣрно называетъ политическими, заключаются въ неудовлетворительности экономическихъ условій быта, общихъ всѣмъ рабочимъ классамъ Европы; къ этому собственно въ Германіи примѣшивается тягость военной повинности, заставляющая многихъ переселяться за океанъ. *Прим. перев.*

скаго фондоваго рынка,—знакомствомъ, которое уже въ теченіе многихъ годовъ тщательно поддерживается нѣсколькими, наиболѣе выдающимися фирмами, и уже во время американской междоусобной войны дало много полезныхъ результатовъ.

Такимъ образомъ, южногерманскій и швейцарскій денежные рынки остались почти нетронутыми новѣйшими проектами, но за то въ сѣверной Германіи весьма значительныя суммы были пристроены въ сѣверо-американскихъ желѣзно-дорожныхъ облигаціяхъ. Но должно полагать, что смыслъ послѣдняго времени сдѣлаетъ нашу публику умнѣе на слѣдующее десятилѣтіе. Въ особенности, не мѣшаетъ ей запомнить, что она отнюдь не должна довѣряться никакимъ агентамъ, хотя бы они носили нѣмецкія фамиліи, а должна обращаться къ солиднымъ фирмамъ, съ давнихъ поръ занимающимся торговлею американскими фондами.

Спекуляціи женѣзно-дорожными постройками въ Америкѣ достигли такихъ размѣровъ, которые не могли не навести на раздумье даже наименѣе осмотрительныхъ капиталистовъ. Кто не помнитъ, какъ долго никто не вѣрилъ въ скорое окончаніе желѣзной дороги къ Тихому Океану. Изъ неожиданно быстраго и благополучнаго окончанія этого предпріятія, компанія, затѣявшая его, съумѣла съ очень тонкимъ разсчетомъ извлечь себѣ выгоду: такъ, между прочими маневрами, она пригласила двухъ нѣмецкихъ писателей туристовъ проѣхаться на ея счетъ по новооткрытой дорогѣ, съ тѣмъ, чтобы они впослѣдствіи въ статьяхъ и публичныхъ лекціяхъ обратили вниманіе публики не только на самую дорогу, но и, главнымъ образомъ, на земли, лежащія по обѣ ея стороны. Дѣло въ томъ, что главнымъ условіемъ успѣха этой дороги была значительная даровая уступка земель, сдѣланная компаніи правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ; — компанія получила, такимъ образомъ, во свою собственность полосу земли, шириною, если не ошибаемся, въ одну англійскую милю, простиравшуюся по обѣ стороны дороги, по всему ея протяженію. Съ тѣхъ было приступлено къ постройкѣ двухъ соперничествующихъ линій—южной дороги (South-Pacific), идущей къ Тихому Океану черезъ Техасъ, Новую-Мексику и Калифорнію,—и сѣверной дороги (North-Pacific), которая черезъ озера должна выйти на Орегонъ. Эта послѣдняя линія предпринята фирмой Джей, Кукъ и К°.

Какъ эти два предпріятія, такъ и многія другія желѣзныя дороги новѣйшаго происхожденія, получили въ даръ отъ союзнаго правительства полосы земли, идущія по обѣ стороны желѣзно-дорожнаго полотна по всему ихъ протяженію. Такъ какъ главнѣйшее желѣзно-дорожное условіе этихъ предпріятій состоитъ въ томъ, чтобы быстро найти покупщиковъ, т. е., колонистовъ, для подаренныхъ имъ земель, то агенты уже въ теченіе многихъ лѣтъ объѣзжаютъ Германію и Швейцарію съ цѣлью заманивать поселенцевъ. Иныя компаніи придерживаются одного какого-нибудь центральнаго пункта и отсюда органи-

зуютъ цѣлую сѣть агентуръ, такъ что даже прусское правительство увидѣло себя вынужденнымъ запретить сельскимъ учителямъ брать на себя роль такихъ агентовъ. Въ Швейцаріи одинъ желѣзно-дорожный агентъ отважился, даже, предложить въ даръ союзному правительству 80,000 десятинъ земли, лежащихъ въ Флоридѣ при желѣзной дорогѣ, которая соединяетъ атлантическій океанъ съ мексиканскимъ заливомъ; единственнымъ условіемъ, которое притомъ ставилось швейцарскому правительству было — чтобъ оно направляло эмиграцію въ эту сторону. Но правительство не подалось на удочку.

Но, помимо этихъ махинацій, наносящихъ вредъ только тѣмъ странамъ, изъ которыхъ выманиваются эмигранты, многія изъ новѣйшихъ американскихъ предпріятій отличались такою финансовою непрочностью, что аферы нашего дѣльца Струсберга представляются въ сравненіи съ ними просто ученическими шалостями. Такъ, сообщаютъ, что та фирма, которая своимъ паденіемъ подала сигналъ къ нью-іоркскому кризису, затѣяла постройку сѣверной желѣзной дороги къ Тихому Океану,—дороги, имѣющей, по крайней мѣрѣ, пятьсотъ нѣмецкихъ миль въ протяженіи, съ основнымъ капиталомъ, не превышавшимъ 2 милліоновъ долларовъ, изъ которыхъ не болѣе 10% были на лицо. Слѣдовательно, вся постройка долженствовала быть присуждена на счетъ облигацій, которыхъ уже было выпущено на 25 милліоновъ долларовъ по 7%. Горе тѣмъ капиталистамъ, которые, не освѣдомившись о размѣрахъ акціонернаго капитала, попадали въ ловушку. Дорога эта можетъ давать доходъ не ранѣе, какъ лѣтъ черезъ 50, когда вся земля по ея протяженію будетъ распродана и воздѣлана, — до тѣхъ поръ капиталъ, всаженый въ нее, можетъ считаться пропавшимъ.

Изъ Нью-Іорка одинъ соотечественникъ увѣдомляетъ насъ, что дорога изъ Сентъ-Джозефа въ Денверъ-Сити, постройка которой, благодаря стараніямъ строителей, обошлась болѣе, чѣмъ въ 12 милліоновъ долларовъ, до сихъ поръ еще не отстроена и не открыта для движенія. Къ постройкѣ этой дороги было приступлено съ 1,400 долларами наличныхъ подписныхъ денегъ.

Главнымъ обстоятельствомъ, которымъ пользовалась спекуляція, раздувая его для своихъ цѣлей, было то, что дорога къ Тихому Океану, идущая на Санъ-Франциско, была окончена за три года до срока, назначеннаго закономъ; при этомъ называли цѣлый рядъ личностей, изъ которыхъ каждая нажила милліоны этой спекуляціей. Вслѣдствіе этого конгрессъ съ 1868 и 1869 гг. осаждался цѣлымъ полчищемъ авантюристовъ, которые надѣялись выклянчить для своихъ желѣзно-дорожныхъ проектовъ даровую уступку государственныхъ земель и заручиться подписями членовъ конгресса для своихъ акцій.

Разъ даровая уступка государственныхъ земель была выхлопотана, прожектеры обращались къ общинамъ и графствамъ, тоже выпрашивая у нихъ безплатно земли и предлагая имъ свои акціи въ обмѣнъ на доставку строи-

Но такъ какъ для полученія желѣзно-дорожной концессіи нужны были не только деньги, но и личный кредитъ и вліятельность, и дѣло даже при этихъ условіяхъ было сопряжено съ значительными трудностями, то, само собою разумѣется, не всѣ алчущіе денегъ и жаждущіе предпріятій могли подвизаться на благодарномъ поприщѣ желѣзно-дорожнаго учредительства; вслѣдствіе этого многіе набрасывались на другаго рода предпріятія, а такъ какъ тутъ, къ сожалѣнію, не было такого строгаго государственнаго контроля, то спекуляціи въ этихъ сферахъ должны были развиться еще шире, хотя и при учрежденіи банковъ ядромъ всего дѣла была нажива отъ учредительства и отъ выпуска бумагъ.

Изъ этого произошелъ знаменитый „крахъ", который, по крайней мѣрѣ, имѣлъ то хорошее послѣдствіе, что банки, вызванные учредительской горячкой, закончили свое существованіе, между тѣмъ какъ многія изъ нашихъ чахоточныхъ желѣзно-дорожныхъ предпріятій до сихъ поръ сидятъ у насъ на шеѣ.

Было еще одно важное зло, которое повлекли за собою новѣйшія желѣзнодорожныя предпріятія, помимо бѣгло указаннаго нами выше нравственнаго разложенія, постигшаго высшіе классы общества; зло это состояло въ томъ, что учредители и главные подрядчики, послѣ того, какъ постройка была окончена, занимали мѣста и въ правленіяхъ уже открытыхъ для эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Эти господа знали очень хорошо, что созданная ими желѣзная дорога, уже съ самаго начала, благодаря страшному вздорожанію капитала, представляли собою предпріятіе вполнѣ несостоятельное; но для нихъ, при основаніи предпріятія, дѣло было не въ доходности дороги, а въ томъ, чтобы сунуть себѣ въ карманъ прибыль отъ выпуска акцій и крупные могарычи отъ подряда; теперь же они, лишь изъ политичныхъ соображеній и формы ради, сохраняли связь съ дѣломъ, въ которомъ они почти, или вовсе не были заинтересованы. Самое большее, если они въ качествѣ членовъ правленія проявляли свою дѣятельность и заботливость тѣмъ, что, въ виду скудныхъ доходовъ съ дороги, старались поурѣзать расходы эксплуатаціи всюду, гдѣ только могли, и дѣлали это не только въ ущербъ служащимъ, но и къ серьезному вреду публики.

Отъ лицъ, стоящихъ во главѣ эксплуатаціи дороги, также какъ отъ высшихъ и низшихъ членовъ служебнаго персонала не можетъ укрыться плохое положеніе предпріятія, и послѣдствіемъ этого бываетъ то, что всякая охота къ дѣлу и всякая добросовѣстность въ отношеніи къ нему пропадаютъ. Въ скоромъ времени и всѣ служащіе начинаютъ относиться къ своимъ обязанностямъ такъ же, какъ и чины правленія; все дѣло переходитъ въ комедію, которая продолжаетъ разыгрываться въ рамкахъ, указанныхъ ей инструкціей, но въ которой каждый изъ участниковъ норовитъ по возможности сократить или употребить во зло свою роль. Объ усердіи и о добросовѣстности въ исполненіи долга тутъ также мало можетъ быть рѣчи, какъ и объ уваженіи къ высшему на-

чальству, продѣлки котораго составляютъ обычную тэму разговора между подчиненными.

Эти высшіе руководители, какъ мы уже намекали выше, нерѣдко пользовались случаемъ проводить трактъ желѣзной дороги въ такомъ направленіи, которое захватывало собственныя ихъ помѣстья, иногда нарочно пріобрѣтавшіяся не задолго передъ тѣмъ съ благоразумною предусмотрительностью; при этомъ, само собою разумѣется, не принималось въ соображеніе, насколько такое направленіе удлиняетъ линію и насколько оно выгодно для самаго предпріятія, или для страны.

Тѣмъ, которымъ, въ виду возбужденнаго вопроса объ усиленіи государственнаго контроля, подобныя обвиненія кажутся преувеличенными, и которые недостаточно оцѣниваютъ вліяніе, пріобрѣтенное кликою учредителей черезъ союзъ съ значительною частью дворянства не только въ странѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ, мы напомнимъ одинъ только фактъ: тотъ тонъ, въ которомъ около года тому назадъ клики заговорили съ министромъ торговли. То не была рѣчь единичныхъ зазнавшихся личностей,—то былъ голосъ многочисленной могущественной партіи. Такъ заканчиваетъ свою характеристику „Deutsche Zeitung".

Въ довершеніе всего, оказалось изъ слѣдствія, произведеннаго надъ совѣтомъ правленія елизаветинской западной дороги, что правленія многихъ желѣзныхъ дорогъ, вмѣсто того, чтобы помѣщать надежнымъ образомъ кассовые запасы предпріятія, употребляютъ эти запасы для репортныхъ операцій на биржѣ, и при этомъ барышъ, получающійся сверхъ обычныхъ процентовъ, прячутъ себѣ въ карманъ, а убытки, каковые оказались послѣ того, какъ многіе изъ ихъ кредиторовъ во время кризиса обанкротились вслѣдствіе паденія курсовъ на купленныя ими бумаги, навязываютъ акціонерамъ, какъ скоро сами они не въ состояніи покрыть эти убытки.

Еще гораздо бóльшіе размѣры, чѣмъ въ Германіи и Австріи, приняли желѣзно-дорожныя спекуляціи въ Соединенныхъ Штатахъ. Тамъ еще безсовѣстнѣе эксплуатировали легковѣріе и наивность публики, и тамъ одной этой причины было достаточно, чтобы вызвать кризисъ въ такое время, когда банки и торговля не провинились никакою спекуляціонною опрометчивостью.

Каждаго, кто заглядывалъ въ американскіе желѣзно-дорожные отчеты за послѣднія двадцать лѣтъ, не могъ не приводить въ изумленіе тотъ фактъ, что протяженіе желѣзно-дорожныхъ линій въ Соединенныхъ Штатахъ почти равнялось протяженію линій европейскихъ. Не взирая на то, что въ Европѣ дѣятельность по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ имѣла самый напряженный характеръ, въ особенности въ Германіи, Австріи, Россіи и Швейцаріи,—въ Америкѣ предпріятія этого рода по окончаніи междоусобной войны приняли такіе необычайно-грандіозные размѣры, что Европа до сихъ поръ все еще не въ состояніи была

опередить Америку въ этомъ отношеніи. Пропорціонально съ цифрою населенія, которая въ сѣверной Америкѣ достигаетъ 40 милліоновъ, а въ Европѣ — 260 милліоновъ, сѣверная Америка имѣетъ по крайней мѣрѣ впятеро болѣе миль желѣзно-дорожныхъ линій, чѣмъ Европа. По разсчету Бартера, напечатанному въ лондонской статистической газетѣ, общая длина желѣзно-доржныхъ линій въ Европѣ составляла въ 1865 г. 42,000 англ. миль; для Сѣверной же Америки она въ 1864 г. составляла 33,860 миль. По новѣйшимъ отчетамъ, какъ уже было сказано выше, общая длина линій, оконченныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ настоящее время, полагается въ 60,000 англійскихъ миль. Но допустимъ, что въ эту цифру вкралось нѣкоторое преувеличеніе и что она обнимаетъ не только оконченныя, но и недостроенныя желѣзныя дороги. Примемъ для большей вѣрности, только 50,000 миль, все же выходитъ, что желѣзнодорожныя предпріятія въ Америкѣ поглотили, не взирая на господствующую тамъ дешевизну построекъ, колоссальный капиталъ. Стоимость проведенія желѣзныхъ дорогъ въ Соединенныхъ Штатахъ бываетъ, понятнымъ образомъ, весьма различна, такъ какъ на западѣ, насколько линіи захватываютъ государственныя земли, послѣднія уступаются компаніямъ даромъ, и при этомъ еще дарятся полосы земли по обѣ стороны полотна; частная поземельная собственность въ этихъ мѣстахъ тоже еще очень дешева, между тѣмъ какъ на востокѣ цѣны на землю равняются европейскимъ. По одному давнишнему, не совсѣмъ надежному разсчету, средняя стоимость постройки желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ полагалась въ 35,000 долларовъ за англійскую милю. Бартеръ полагаетъ наивысшій размѣръ этой стоимости въ 7000 ф. ст., слѣдовательно, почти наравнѣ съ вышеприведенной цифрой, а наивысшій размѣръ—въ 15.000 ф. ст. Для того, чтобы съ точностью вывести среднюю цифру, необходимо было бы знать протяженіе и стоимость каждой отдѣльной линіи, а потому мы не имѣемъ возможности сдѣлать въ этомъ отношеніи совершенно правильный разсчетъ. Во всякомъ случаѣ, если мы положимъ, что американскія желѣзныя дороги обходились въ 50,000 талеровъ съ мили, то цифра эта будетъ скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительной. Но, даже и при этой низкой оцѣнкѣ, мы получаемъ чудовищный капиталъ 2,500,000,000 талеровъ, ушедшій на постройку желѣзныхъ дорогъ. Около $^3/_5$ этого капитала, другими словами, около 1,500,000,000 талеровъ было израсходовано въ послѣднія пятнадцать лѣтъ; изъ этой цифры 1,000,000,000 талеровъ приходится на долю желѣзно-дорожныхъ облигацій. Что эта колоссальная сумма, къ которой еще надо присоединить 2500 милліоновъ долларовъ государственнаго долга, сдѣланнаго во время междоусобной войны, не могла быть цѣликомъ собрана въ Америкѣ, — это явствуетъ само собою. Уже въ 1857 г. нѣмецкій капиталъ, пристроенный въ Америкѣ, оцѣнивался въ нѣсколько сотъ милліоновъ талеровъ. Во время междоусобной войны помѣщеніе нѣмецкихъ денегъ въ американскихъ бумагахъ еще значительно уси-

ливается, такъ какъ въ Германіи держались относительно исхода войны другаго мнѣнія, чѣмъ въ Англіи и были твердо увѣрены въ томъ, что сѣверъ выйдетъ побѣдителемъ. Въ особенности, частная публика, дѣлавшая дѣла черезъ посредство франкфуртской биржи, помѣстила значительныя суммы въ облигаціяхъ союзнаго правительства и, такимъ образомъ, въ короткій срокъ были нажиты цѣлые милліоны. Когда, по окончаніи войны, начался выкупъ облигацій и курсъ послѣднихъ значительно поднялся, то публика стала по преимуществу накидываться на болѣе дешевые желѣзно-дорожные пріоритеты, пока, наконецъ, не пришла къ открытію, что американская пріоритетная акція—не то, что европейская, потому что акціонерный капиталъ тамъ назначается слишкомъ низко.

Мы полагаемъ, что послѣдній желѣзнодорожный кризисъ отобьетъ наконецъ охоту у нашихъ капиталистовъ пристроивать свои деньги въ американскихъ пріоритетахъ, и что, они отдадутъ предпочтеніе болѣе надежнымъ, хотя и приносящимъ меньшіе проценты германскимъ и австрійскимъ облигаціямъ.

Чтобы убѣдиться въ справедливости этого взгляда съ точки зрѣнія общихъ экономическихъ принциповъ, достаточно вникнуть въ то вліяніе, которое развитіе огромной американской сѣти желѣзныхъ дорогъ оказало на Европу и, въ особенности, на Германію.

Въ Соединенныхъ Штатахъ живетъ въ настоящее время около восьми милліоновъ нѣмцевъ, изъ которыхъ, быть можетъ, половина сохраняетъ еще связь съ нѣмецкой культурой и около милліона имѣютъ еще родныхъ въ Германіи. Эти эмигранты, независимо отъ того, везло имъ или не везло на новой ихъ родинѣ, дѣйствовали въ теченіе длиннаго ряда годовъ, какъ самые ревностные эмиграціонные агенты, тѣми радужными красками, въ которыхъ они описывали порядки Новаго Свѣта. Во многихъ случаяхъ они даже высылали своимъ близкимъ, оставшимся въ Европѣ, деньги на путевыя издержки; по крайней мѣрѣ этому обстоятельству приписываютъ размѣры, которые приняла эмиграція ирландскихъ выходцевъ,—размѣры, напоминающіе переселеніе народовъ.

Въ послѣднее время къ этому присоединились и другія обстоятельства, усилившія еще болѣе эмиграціонное движеніе: политическія условія стали гнать многихъ нѣмцевъ за океанъ. До постройки желѣзныхъ дорогъ, заселеніе Америки эмигрантами происходило по тому же закону, по какому въ древности совершалась колонизація Европы и береговыхъ странъ Африки: колонисты сначала разселялись вдоль морскаго берега, а за тѣмъ поднимались вверхъ по теченію рѣкъ. Тутъ самое свойство почвы, въ особенности въ долинахъ, полагало колонизаціи извѣстные предѣлы; ее задержало также неустройство путей сообщенія, затруднявшее перевозку продуктовъ. Но, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и съ устройствомъ правильныхъ пароходныхъ сообщеній между Европой и Америкой, не только облегчилось личное перемѣщеніе и доставка американскихъ продуктовъ на европейскіе рынки, но и самая колонизація при-

няла совсѣмъ иное направленіе. Желѣзныя дороги, по мѣрѣ того, какъ онѣ проникли на западъ, становились новыми проводниками колонизаціи. Подобно тому, какъ кровь движется по артеріямъ, такъ и людская волна изъ восточныхъ штатовъ и изъ германскаго сѣвера Европы направляется по рельсовымъ путямъ, воздѣлывая земли по обѣ стороны желѣзно-дорожнаго полотна и сооружая даже города за сотни миль отъ границъ культурнаго міра.

Земля, лежащая въ сторонѣ отъ этой сѣти западныхъ желѣзныхъ дорогъ, остается пока еще безъ употребленія, но каждая усадьба, каждая деревушка, стоящая у желѣзной дороги, служитъ ядромъ, отъ котораго во всѣ стороны расходятся новыя поселенія. Это притягательная сила рельсовыхъ путей, возрастающая въ геометрической прогрессіи, увеличивается еще стараніями желѣзно-дорожныхъ компаній извлечь выгоду изъ подаренныхъ имъ земель, и дешевою цѣною, по которой компаніи до сихъ поръ еще переуступаютъ эти земли; цѣна эта все еще во многихъ случаяхъ не превышаетъ нѣсколькихъ долларовъ за десятину.

Всѣ эти побужденія къ эмиграціи, непрерывно возрастающія какъ количественно, такъ и качественно, не могутъ не отзываться все болѣе и болѣе вреднымъ образомъ на Германіи. При-этомъ, надо замѣтить, что эмиграція отнимаетъ у родины не столько простыхъ чернорабочихъ, которымъ обыкновенно не достаетъ средствъ для переселенія, сколько такихъ рабочихъ, которые обладаютъ большею или меньшею техническою подготовкою и представляютъ собою болѣе достаточный классъ населенія. Ежегодно цѣлыя тысячи отличныхъ рабочихъ и нѣсколько милліоновъ капитала уходятъ изъ Германіи; обстоятельство это не можетъ не наносить весьма ощутительнаго вреда промышленности, которую оно лишаетъ, какъ производительныхъ силъ, такъ и потребителей.

Неужели мы сами еще будемъ способствовать усиленію этого явленія и налагать на самихъ себя руки, рискуя своими капиталами для постройки желѣзныхъ дорогъ, наносящихъ намъ навѣрняка такой вредъ, между тѣмъ какъ выгода отъ ихъ облигацій остается весьма сомнительною [1])?

---

[1]) Оригинальный «штандпунктъ», съ котораго авторъ негодуетъ на участіе нѣмецкихъ спекуляторовъ въ американскихъ желѣзно-дорожныхъ спекуляціяхъ, есть лишь отголосокъ того страха, съ которымъ и въ Англіи и въ Германіи стали въ послѣдніе годы взирать на усиливающееся эмиграціонное движеніе. Дѣло въ томъ, что эмиграція, въ которой еще недавно видѣли панацею отъ всѣхъ соціальныхъ неурядицъ и которую сами экономисты любезно предлагали всѣмъ обдѣленнымъ на жизненномъ пиру, какъ наилучшее средство разрѣшить соціальный вопросъ по всѣмъ правиламъ экономической науки, слишкомъ хорошо сдержала, по теперешнему мнѣнію примѣрныхъ экономистовъ и ихъ кліентовъ, тѣ обѣщанія, которыя они не скупились давать отъ ея имени, когда рѣчь шла лишь о томъ, чтобы отстоять непреложность и неизмѣнность великихъ, самодѣйствующихъ и

Взглядъ этотъ, правда, есть выводъ изъ опыта, продѣланнаго нами лишь въ послѣдніе годы. По счастью, нѣмецкая публика начала дѣлаться осторожнѣе какъ разъ въ то время, когда въ Америкѣ стали осуществляться наиболѣе рискованные проекты, которые привели къ кризису, разразившемуся въ Нью-Іоркѣ. Въ теченіе многихъ лѣтъ, уже предъ этимъ по германскимъ, англійскимъ и швейцарскимъ биржамъ рыскали американскіе агенты, предлагавшіе желѣзнодорожныя облигаціи по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Въ этомъ отношеніи Франкфуртъ оказалъ особенную услугу нѣмецкимъ и швейцарскимъ капиталистамъ не только тою осторожностью, съ которою онъ, вѣрный своей традиціи, относился вообще къ бумажнымъ цѣнностямъ, представляющимъ промышленныя предпріятія, но и своимъ спеціальнымъ знакомствомъ съ условіями американ-

---

благотворныхъ политико-экономическихъ законовъ. Экономисты и ихъ кліенты побиты собственнымъ же ихъ оружіемъ; въ эквилибристикѣ спроса и предложенія, эмиграція производитъ такое перемѣщеніе центра тяжести, при которомъ спросъ на рабочія руки въ Старомъ Свѣтѣ не можетъ уже быть удовлетворяемъ по прежнимъ дешевымъ цѣнамъ. Всюду начинаютъ задумываться о томъ, какъ бы задержать это движеніе, грозящее лишить производительность необходимыхъ для нея рабочихъ силъ, или, по крайней мѣрѣ, значительно поднять заработную плату. Эмиграцію винятъ въ томъ, что она отнимаетъ рабочія руки не только у промышленности, но и у земледѣлія (нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Германіи была назначена правительственная комиссія съ цѣлью изслѣдовать вопросъ объ эмиграціи именно съ этой послѣдней точки зрѣнія). Но, вмѣсто того, чтобы злобствовать на американскія желѣзныя дороги за то, что онѣ облегчаютъ европейскимъ искателямъ «гдѣ лучше» достиженіе цѣли ихъ поисковъ и, вмѣсто того, чтобы патетически предостерегать нѣмецкихъ спекулянтовъ на американскія желѣзно-дорожныя облигаціи отъ совершаемаго ими подвига самоубійства, авторъ лучше бы сдѣлалъ, еслибы поискалъ, не способствуютъ ли его кліенты еще инымъ какимъ способомъ у себя дома усиленно столь пагубному для нихъ эмиграціонному движенію? Отъ добра добра не ищутъ, и сколько бы ни настроили желѣзныхъ дорогъ американскіе спекулянты на деньги нѣмецкихъ спекулянтовъ, одно это не заставило бы рабочую силу отхлынуть изъ Стараго Свѣта въ Новый, еслибы не было другихъ условій, которыя гонятъ съ родины и манятъ на чужбину. Но въ этомъ отношеніи нашъ авторъ отдѣлывается только бѣглымъ намекомъ на какія то «политическія причины», способствовавшія «въ послѣдніе годы» усиленію эмиграціи. Въ выноскѣ не мѣсто восполнять такой крупный пробѣлъ, допущенный, или намѣренно оставленный авторомъ. А потому мы ограничимся лишь тѣмъ, что вкратцѣ пояснимъ затемненный намекъ автора: причины эти, которыя онъ не совсѣмъ вѣрно называетъ политическими, заключаются въ неудовлетворительности экономическихъ условій быта, общихъ всѣмъ рабочимъ классамъ Европы; къ этому собственно въ Германіи примѣшивается тягость военной повинности, заставляющая многихъ переселяться за океанъ. *Прим. перев.*

скаго фондоваго рынка,—знакомствомъ, которое уже въ теченіе многихъ годовъ тщательно поддерживается нѣсколькими, наиболѣе выдающимися фирмами, и уже во время американской междоусобной войны дало много полезныхъ результатовъ.

Такимъ образомъ, южногерманскій и швейцарскій денежные рынки остались почти нетронутыми новѣйшими проектами, но за то въ сѣверной Германіи весьма значительныя суммы были пристроены въ сѣверо-американскихъ желѣзно-дорожныхъ облигаціяхъ. Но должно полагать, что смыслъ послѣдняго времени сдѣлаетъ нашу публику умнѣе на слѣдующее десятилѣтіе. Въ особенности, не мѣшаетъ ей запомнить, что она отнюдь не должна довѣряться никакимъ агентамъ, хотя бы они носили нѣмецкія фамиліи, а должна обращаться къ солиднымъ фирмамъ, съ давнихъ поръ занимающимся торговлею американскими фондами.

Спекуляціи желѣзно-дорожными постройками въ Америкѣ достигли такихъ размѣровъ, которые не могли не навести на раздумье даже наименѣе осмотрительныхъ капиталистовъ. Кто не помнитъ, какъ долго никто не вѣрилъ въ скорое окончаніе желѣзной дороги къ Тихому Океану. Изъ неожиданно быстраго и благополучнаго окончанія этого предпріятія, компанія, затѣявшая его, съумѣла съ очень тонкимъ разсчетомъ извлечь себѣ выгоду: такъ, между прочими маневрами, она пригласила двухъ нѣмецкихъ писателей туристовъ проѣхаться на ея счетъ по новооткрытой дорогѣ, съ тѣмъ, чтобы они впослѣдствіи въ статьяхъ и публичныхъ лекціяхъ обратили вниманіе публики не только на самую дорогу, но и, главнымъ образомъ, на земли, лежащія по обѣ ея стороны. Дѣло въ томъ, что главнымъ условіемъ успѣха этой дороги была значительная даровая уступка земель, сдѣланная компаніи правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ; — компанія получила, такимъ образомъ, во свою собственность полосу земли, шириною, если не ошибаемся, въ одну англійскую милю, простиравшуюся по обѣ стороны дороги, по всему ея протяженію. Съ тѣхъ было приступлено къ постройкѣ двухъ соперничествующихъ линій—южной дороги (South-Pacific), идущей къ Тихому Океану черезъ Техасъ, Новую-Мексику и Калифорнію, — и сѣверной дороги (North-Pacific), которая черезъ озера должна выйти на Орегонъ. Эта послѣдняя линія предпринята фирмой Джей, Кукъ и К°.

Какъ эти два предпріятія, такъ и многія другія желѣзныя дороги новѣйшаго происхожденія, получили въ даръ отъ союзнаго правительства полосы земли, идущія по обѣ стороны желѣзно-дорожнаго полотна по всему ихъ протяженію. Такъ какъ главнѣйшее желѣзно-дорожное условіе этихъ предпріятій состоитъ въ томъ, чтобы быстро найти покупщиковъ, т. е., колонистовъ, для подаренныхъ имъ земель, то агенты уже въ теченіе многихъ лѣтъ объѣзжаютъ Германію и Швейцарію съ цѣлью заманивать поселенцевъ. Иныя компаніи придерживаются одного какого-нибудь центральнаго пункта и отсюда органи-

зуютъ цѣлую сѣть агентуръ, такъ что даже прусское правительство увидѣло себя вынужденнымъ запретить сельскимъ учителямъ брать на себя роль такихъ агентовъ. Въ Швейцаріи одинъ желѣзно-дорожный агентъ отважился, даже, предложить въ даръ союзному правительству 80,000 десятинъ земли, лежащихъ въ Флоридѣ при желѣзной дорогѣ, которая соединяетъ атлантическій океанъ съ мексиканскимъ заливомъ; единственнымъ условіемъ, которое при этомъ ставилось швейцарскому правительству было — чтобъ оно направляло эмиграцію въ эту сторону. Но правительство не подалось на удочку.

Но, помимо этихъ махинацій, наносящихъ вредъ только тѣмъ странамъ, изъ которыхъ выманиваются эмигранты, многія изъ новѣйшихъ американскихъ предпріятій отличались такою финансовою непрочностью, что аферы нашего дѣльца Струсберга представляются въ сравненіи съ ними просто ученическими шалостями. Такъ, сообщаютъ, что та фирма, которая своимъ паденіемъ подала сигналъ къ нью-іоркскому кризису, затѣяла постройку сѣверной желѣзной дороги къ Тихому Океану,—дороги, имѣющей, по крайней мѣрѣ, пятьсотъ нѣмецкихъ миль въ протяженіи, съ основнымъ капиталомъ, не превышавшимъ 2 милліоновъ долларовъ, изъ которыхъ не болѣе 10% были на лицо. Слѣдовательно, вся постройка долженствовала быть присуждена на счетъ облигацій, которыхъ уже было выпущено на 25 милліоновъ долларовъ по 7%. Горе тѣмъ капиталистамъ, которые, не освѣдомившись о размѣрахъ акціонернаго капитала, попадали въ ловушку. Дорога эта можетъ давать доходъ не ранѣе, какъ лѣтъ черезъ 50, когда вся земля по ея протяженію будетъ распродана и воздѣлана, — до тѣхъ поръ капиталъ, всаженый въ нее, можетъ считаться пропавшимъ.

Изъ Нью-Іорка одинъ соотечественникъ увѣдомляетъ насъ, что дорога изъ Сентъ-Джозефа въ Денверъ-Сити, постройка которой, благодаря стараніямъ строителей, обошлась болѣе, чѣмъ въ 12 милліоновъ долларовъ, до сихъ поръ еще не отстроена и не открыта для движенія. Къ постройкѣ этой дороги было приступлено съ 1,400 долларами наличныхъ подписныхъ денегъ.

Главнымъ обстоятельствомъ, которымъ пользовалась спекуляція, раздувая его для своихъ цѣлей, было то, что дорога къ Тихому Океану, идущая на Санъ-Франциско, была окончена за три года до срока, назначеннаго закономъ; при этомъ называли цѣлый рядъ личностей, изъ которыхъ каждая нажила милліоны этой спекуляціей. Вслѣдствіе этого конгрессъ съ 1868 и 1869 гг. осаждался цѣлымъ полчищемъ авантюристовъ, которые надѣялись выклянчить для своихъ желѣзно-дорожныхъ проектовъ даровую уступку государственныхъ земель и заручиться подписями членовъ конгресса для своихъ акцій.

Разъ даровая уступка государственныхъ земель была выхлопотана, прожектеры обращались къ общинамъ и графствамъ, тоже выпрашивая у нихъ безплатно земли и предлагая имъ свои акціи въъ обмѣнъ на доставку строи-

тельнаго матеріала и подводъ. Раздобывшись этими заручными картами и кое-какою, нерѣдко чисто-фиктивною подпискою, принимались обработывать денежный рынокъ и вели это дѣло такъ искусно, что успѣвали пристроить даже между опытными американцами, не легко попадающимися въ ловушку, достаточное число облигацій, чтобы можно было приступить къ осуществленію предпріятія. Разъ дѣло было начато, въ случаѣ оно останавливалось, потому ли, что расходы по постройкѣ были разсчитаны въ смѣтѣ слишкомъ низко, потому ли, что многіе изъ подписавшихъ не вносили подписныхъ денегъ, лица, принявшія своими капиталами участіе въ предпріятіи, считали своимъ долгомъ приплачивать недостающія суммы, хотя имъ, быть можетъ, выгоднѣе бы было махнуть рукою на первые свои взносы. Примѣры подобнаго рода бывали въ Европѣ, а именно, въ Швейцаріи, при проведеніи итальянской линіи.

Другія страны мало или вовсе не были причастны къ причинамъ, создавшимъ кризисъ, хотя послѣдствія его отозвались и на нихъ. Франція слишкомъ много пострадала отъ послѣдствій войны, чтобы въ ней могли появиться экцессы спекуляціи; въ Англіи было еще свѣжо воспоминаніе о паникѣ 1866 г., и подъ вліяніемъ этого воспоминанія торговля удерживалась на пути правильнаго развитія. Къ тому ни въ одной изъ этихъ странъ частная публика, а и подавно провинціи не принимаютъ такого дѣятельнаго участія въ биржевыхъ аферахъ, какъ въ Германіи и Австріи. Между тѣмъ, буря, которая пронеслась надъ Европой въ 1873 г. опрокидывая сначала капиталистовъ, а потомъ и рабочихъ, была вначалѣ исключительно, а потомъ — преимущественно биржевымъ кризисомъ. Въ особенности, сильное участіе частной публики въ операціяхъ съ биржевыми разностями значительно способствовало въ Австріи заострѣнію кризиса и породило тѣ страшно гибельныя послѣдствія, которыми онъ долго еще отзывался на экономической жизни страны. Всѣ тѣ явленія, которыя замѣчались во время предшествующихъ кризисовъ, повторились и теперь, отчасти въ усиленной степени. Сообразно съ духомъ биржевой игры, какъ разъ самыя рискованныя предпріятія, такъ называемыя игровыя бумаги, пользовались наибольшею популярностью, такъ какъ онѣ представляли наиболѣе вѣроятій къ повышенію и пониженію, слѣдовательно—и къ значительнымъ разностямъ курсовъ.

Въ Вѣнѣ не мало также способствовала возбужденію игорной страсти, ежедневно происходившая ликвидація. То было какое то опьяненіе, овладѣвшее публикой, какъ во время тюльпаноманіи, или безумій улицы Кенкампуа и Ченджъ-Элли.

Въ этой общей погонѣ за биржевой наживой, банки, въ особенности новыя учрежденія этого рода, были главными руководителями и подстрекателями. Почти всѣ вѣнскіе банки, безъ исключенія, занимались биржевою игрою и черезъ это увеличивали свои дивиденды. Правленія многихъ обществъ,

вмѣсто того, чтобы заботиться о безопасномъ помѣщеніи денегъ, изъ которыхъ наростали дивиденды, напримѣръ, помѣщать ихъ въ векселя, употребляли ихъ для репортныхъ операцій на биржѣ. Но неизмѣнно главную роль при этомъ играли акціи вновь основываемыхъ обществъ, такъ какъ онѣ были подвержены наибольшимъ колебаніямъ и давали, слѣдовательно, наибольшую разность. Само собою разумѣется, масса публики не имѣла понятія о томъ способѣ, которымъ возникали многія общества, и не подозрѣвали, что взносы по акціямъ иныхъ изъ этихъ обществъ были чисто фиктивные.

При такомъ настроеніи публики, легковѣріе которой шло рука объ руку съ ея постоянно возрастающею жаждою наживы, было вполнѣ естественно, что и теперь, также какъ и въ прежнія времена, самые фантастичные проэкты находили людей, готовыхъ принять участіе въ ихъ осуществленіи. Чтобы составить себѣ надлежащее понятіе о тѣхъ западняхъ, которыя грозятъ публикѣ, не говоря уже о вышеупомянутыхъ преступныхъ продѣлкахъ, необходимо имѣть въ виду обстоятельство, на важность котораго мы уже не разъ указывали. Личности, живущія въ мѣстностяхъ, гдѣ есть биржа, благодаря быстротѣ, съ которой онѣ могутъ получать извѣстія и эксплуатировать эти извѣстія въ свою пользу, имѣютъ уже этимъ однимъ преимущество передъ жителями провинцій; кромѣ того, въ такихъ мѣстностяхъ, люди, съ молоду освоившіеся съ биржевою премудростью, посвященные во всѣ ея тайны, а также финансовые тузы, имѣютъ громадное преимущество передъ новичками, передъ темными людьми и передъ мелкою сошкой; такимъ образомъ, на биржѣ тузы всегда обираютъ мелкую сошку, а публика провинцій во всѣхъ случаяхъ оказывается дойною коровою.

Какъ мы уже упоминали въ другомъ мѣстѣ, при необычайномъ паденіи курсовъ провинціальная публика неизбѣжно становится жертвою спекулянтовъ, орудующихъ въ биржевыхъ центрахъ, такъ какъ при отдаленности ея мѣстожительства, сколько бы телеграфъ ни способствовалъ уменьшенію разстояній, очень легко довести до паническаго страха. Такой же страхъ всегда эксплуатируется крупными спекулянтами, которые имѣютъ возможность первыми обозрѣть положеніе дѣлъ. Предположимъ, напримѣръ, что курсы спекулятивныхъ бумагъ къ заключенію биржи необычайно падаютъ вслѣдствіе полученнаго неблагопріятнаго извѣстія: тотчасъ же провинціальные капиталисты шлютъ своимъ уполномоченнымъ въ биржевомъ центрѣ инструкцію продать эти бумаги по послѣднему курсу. Если, на слѣдующій день, извѣстіе подтверждается, то курсы продолжаютъ падать и оказываются ниже цѣны, назначенной изъ провинціи для продажи бумагъ; уполномоченный, такимъ образомъ, не можетъ исполнить возложеннаго на него порученія. Капиталистъ, который получаетъ о томъ увѣдомленіе по телеграфу, или письменно, приходитъ въ смятеніе и шлетъ приказаніе продать бумаги по какой бы то ни было цѣнѣ. Вслѣдствіе цѣлой массы приказаній этого рода, которыя приходятъ изъ провинцій на слѣдующій

день, курсы круто падаютъ и на биржѣ разражается паника, вслѣдствіе которой и мелкіе биржевые маклера и спекулянты теряютъ голову и начинаютъ сбывать свои цѣнности какъ попало. Этою-то минутою биржевые тузы пользуются чтобъ покупать; большею частью, уже на слѣдующій день, курсы снова поправляются, и мелкая сошка въ провинціи убѣждается, что попала въ просакъ. Большею частью такія паники происходятъ во время тревожнаго положенія дѣлъ въ политическомъ мірѣ, или же во время экономическихъ кризисовъ. Но это не болѣе какъ одинъ изъ множества способовъ эксплуатировать публику. Самымъ излюбленнымъ и обычнымъ способомъ остается ажіотажъ посредствомъ выпуска облигацій или акцій государственныхъ займовъ, или промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Какія продѣлки пускаются въ ходъ при учрежденіи послѣднихъ,—объ этомъ можно составить приблизительное понятіе по тѣмъ маневрамъ, къ которымъ прибѣгаютъ даже при заключеніи совершенно солидныхъ государственнымъ займовъ. Въ декабрѣ 1873 г. въ „Deutsche Zeitung" было помѣщено описаніе техники, употребительной при этихъ подпискахъ; описаніе это вышло изъ-подъ пера одного изъ посвященныхъ въ таинства биржевой науки, и, хотя оно представляетъ дѣло съ тѣневой стороны, тѣмъ не менѣе, оно изобличаетъ близкое знакомство со всей процедурой, такъ что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи его привести: „существуютъ три аппарата, которые должны дружно дѣйствовать при каждой подпискѣ, происходящей по всѣмъ правиламъ искусства: банковый аппаратъ, биржевой аппаратъ и публицистическій аппаратъ. Первый состоитъ изъ пишущей и считающей арміи—учрежденій, завѣдующихъ выпускомъ бумагъ, — изъ бухгалтеровъ, контролеровъ, кассировъ, и т. п. Всѣ эти лица необходимы, но особенной важности не имѣютъ, такъ какъ функція ихъ въ этой спеціальной операціи чисто механическая. Руководителемъ всего дѣла является глава банкирскаго дома. Съ нимъ сносится представитель стороны, нуждающейся въ деньгахъ, съ нимъ договариваются о размѣрахъ вознагражденія за доставленіе денегъ, о срокахъ выпусковъ, и т. п. Но вотъ, все это уже улажено и сформировано въ контрактномъ условіи. Сострадательные банки выговорили себѣ коммиссіонное вознагражденіе въ два процента, что, при займѣ въ 150 милліоновъ, составитъ три милліона, а при займѣ ва 75 милліоновъ—полтора милліона гульденовъ. Добавочные два процента, т. е., еще три милліона въ первомъ случаѣ, и полтора милліона во второмъ — очищаются въ пользу эмитирующихъ учрежденій, отъ разности между тѣмъ курсомъ, по которому принимаются облигаціи банками, и тѣмъ курсомъ, по которому онѣ выпускаются ими. Это значитъ, что на каждые 100 гульденовъ венгерскаго, напримѣръ, займа, венгерское правительство получаетъ только $85^1/_2$ гульденовъ, между тѣмъ какъ банки, выпускающіе облигаціи этого займа, требуютъ и получаютъ съ публики, подписывающейся на заемъ $87^1/_2$ гульд. Слѣдовательно, при самомъ выпускѣ займа получается банками шесть милліо-

новъ за 150-милліонный заемъ, и три милліона за заемъ вдвое меньшій. Сумма эта составляетъ законный барышъ фирмъ, завѣдующихъ выпускомъ облигацій займа, и онѣ получаютъ эти деньги не даромъ, такъ какъ онѣ гарантируютъ успѣхъ займа своимъ собственнымъ кредитомъ, обезпечиваютъ займу, въ лицѣ своихъ обычныхъ кліентовъ, значительное число подписчиковъ и берутъ на себя рискъ въ томъ случаѣ, еслибы подписка не удалась. Во всякомъ случаѣ, рискъ этотъ не одинаковъ для всѣхъ участниковъ заемной операціи.

Когда такія финансовыя звѣзды первой величины, какъ Ротшильдъ, или Вадіанеръ вступаютъ въ связь съ какимъ-нибудь банкомъ, то они обыкновенно выступаютъ всесильными властителями биржи, имъ достается львиная доля отъ барышей, между тѣмъ какъ банки несутъ на себѣ всю тягость предпріятія. И въ случаѣ подписка на заемъ не удается, то можно быть увѣреннымъ, что неразошедшіяся въ публикѣ бумаги остаются на шеѣ не у князей биржи, а у императорско-королевскихъ банковъ; такъ случилось, чтобъ не ходить далеко за примѣрами, съ пятнадцатью милліонами акцій тейсской желѣзной дороги, которые четыре года обременяли собою банкъ, прежде чѣмъ послѣднему удалось сбыть ихъ съ рукъ. Нѣтъ непремѣнной надобности въ заключеніи львиныхъ договоровъ между банковыми учрежденіями и финансовыми звѣздами, хотя такіе договоры и заключаются зачастую; но и безъ этого банки всегда стоятъ въ невыгодномъ положеніи по отношенію къ финансовымъ тузамъ, вступающимъ съ ними въ связь. Послѣдніе извлекаютъ изъ операціи тройную прибыль: во-первыхъ, въ качествѣ компаньоновъ предпріятія, во-вторыхъ, въ качествѣ акціонеровъ банка, акціи котораго, вслѣдъ за распространеніемъ извѣстія, что банкъ участвуетъ въ заключеніи займа, поднимаются въ цѣнѣ, наконецъ, въ-третьихъ, въ качествѣ спекулянтовъ, такъ какъ, имѣя возможность узнать раньше публики о заключеніи сдѣлки по займу, они очень хорошо умѣютъ извлекать выгоду изъ своего знанія этой тайны, скупая заранѣе акціи банка, съ которымъ вступили въ союзъ. Такимъ образомъ, тягости и прибыли предпріятія не поровну распредѣлены между участниками предпріятія, но, тѣмъ не менѣе, всѣ они, вмѣстѣ взятые, получаютъ недурный магарычъ, изъ-за котораго стóитъ похлопотать.

„Но въ чемъ же состоитъ процедура выпуска займа въ публику? Прежде всего, слѣдуетъ внимательно присмотрѣться къ настроенію денежнаго рынка, и, гдѣ обстоятельства того требуютъ, съ своей стороны, повліять малую толику на это настроеніе. Осторожно испытуетъ великій авгуръ повышеніе и пониженіе биржевыхъ волнъ. Это какъ разъ та пора, когда въ публику проникаютъ противорѣчивыя извѣстія о предстоящемъ выпускѣ. То проносится слухъ, что выпускъ произойдетъ въ январѣ будущаго года, то указываютъ на вторую половину декабря. Вдругъ лондонская биржа рѣшаетъ понизить процентъ банковаго дисконта. Это означаетъ, что барóметръ сталъ на „ясно"; великій авгуръ

тельнаго матеріала и подводъ. Раздобывшись этими заручными картами и кое-какою, нерѣдко чисто-фиктивною подпискою, принимались обработывать денежный рынокъ и вели это дѣло такъ искусно, что успѣвали пристроить даже между опытными американцами, не легко попадающимися въ ловушку, достаточное число облигацій, чтобы можно было приступить къ осуществленію предпріятія. Разъ дѣло было начато, въ случаѣ оно останавливалось, потому ли, что расходы по постройкѣ были разсчитаны въ смѣтѣ слишкомъ низко, потому ли, что многіе изъ подписавшихъ не взносили подписныхъ денегъ, лица, принявшія своими капиталами участіе въ предпріятіи, считали своимъ долгомъ приплачивать недостающія суммы, хотя имъ, быть можетъ, выгоднѣе бы было махнуть рукою на первые свои взносы. Примѣры подобнаго рода бывали въ Европѣ, а именно, въ Швейцаріи, при проведеніи итальянской линіи.

Другія страны мало или вовсе не были причастны къ причинамъ, создавшимъ кризисъ, хотя послѣдствія его отозвались и на нихъ. Франція слишкомъ много пострадала отъ послѣдствій войны, чтобы въ ней могли появиться эксцессы спекуляціи; въ Англіи было еще свѣжо воспоминаніе о паникѣ 1866 г., и подъ вліяніемъ этого воспоминанія торговля удерживалась на пути правильнаго развитія. Къ тому ни въ одной изъ этихъ странъ частная публика, а и подавно провинціи не принимаютъ такого дѣятельнаго участія въ биржевыхъ аферахъ, какъ въ Германіи и Австріи. Между тѣмъ, буря, которая пронеслась надъ Европой въ 1873 г. опрокидывая сначала капиталистовъ, а потомъ и рабочихъ, была вначалѣ исключительно, а потомъ — преимущественно биржевымъ кризисомъ. Въ особенности, сильное участіе частной публики въ операціяхъ съ биржевыми разностями значительно способствовало въ Австріи заострѣнію кризиса и породило тѣ страшно гибельныя послѣдствія, которыми онъ долго еще отзывался на экономической жизни страны. Всѣ тѣ явленія, которыя замѣчались во время предшествующихъ кризисовъ, повторились и теперь, отчасти въ усиленной степени. Сообразно съ духомъ биржевой игры, какъ разъ самыя рискованныя предпріятія, такъ называемыя игровыя бумаги, пользовались наибольшею популярностью, такъ какъ онѣ представляли наиболѣе вѣроятій къ повышенію и пониженію, слѣдовательно—и къ значительнымъ разностямъ курсовъ.

Въ Вѣнѣ не мало также способствовала возбужденію игорной страсти, ежедневно происходившая ликвидація. То было какое то опьяненіе, овладѣвшее публикой, какъ во время тюльпаноманіи, или безумій улицы Кенкампуа и Ченджъ-Элли.

Въ этой общей погонѣ за биржевой наживой, банки, въ особенности новыя учрежденія этого рода, были главными руководителями и подстрекателями. Почти всѣ вѣнскіе банки, безъ исключенія, занимались биржевою игрою и черезъ это увеличивали свои дивиденды. Правленія многихъ обществъ,

вмѣсто того, чтобы заботиться о безопасномъ помѣщеніи денегъ, изъ которыхъ наростали дивиденды, напримѣръ, помѣщать ихъ въ векселя, употребляли ихъ для репортныхъ операцій на биржѣ. Но неизмѣнно главную роль при этомъ играли акціи вновь основываемыхъ обществъ, такъ какъ онѣ были подвержены наибольшимъ колебаніямъ и давали, слѣдовательно, наибольшую разность. Само собою разумѣется, масса публики не имѣла понятія о томъ способѣ, которымъ возникали многія общества, и не подозрѣвали, что взносы по акціямъ иныхъ изъ этихъ обществъ были чисто фиктивные.

При такомъ настроеніи публики, легковѣріе которой шло рука объ руку съ ея постоянно возрастающею жаждою наживы, было вполнѣ естественно, что и теперь, также какъ и въ прежнія времена, самые фантастичные проэкты находили людей, готовыхъ принять участіе въ ихъ осуществленіи. Чтобы составить себѣ надлежащее понятіе о тѣхъ западняхъ, которыя грозятъ публикѣ, не говоря уже о вышеупомянутыхъ преступныхъ продѣлкахъ, необходимо имѣть въ виду обстоятельство, на важность котораго мы уже не разъ указывали. Личности, живущія въ мѣстностяхъ, гдѣ есть биржа, благодаря быстротѣ, съ которой онѣ могутъ получать извѣстія и эксплуатировать эти извѣстія въ свою пользу, имѣютъ уже этимъ однимъ преимущество передъ жителями провинцій; кромѣ того, въ такихъ мѣстностяхъ, люди, съ молоду освоившіеся съ биржевою премудростью, посвященные во всѣ ея тайны, а также финансовые тузы, имѣютъ громадное преимущество передъ новичками, передъ темными людьми и передъ мелкою сошкой; такимъ образомъ, на биржѣ тузы всегда обираютъ мелкую сошку, а публика провинцій во всѣхъ случаяхъ оказывается дойною коровою.

Какъ мы уже упоминали въ другомъ мѣстѣ, при необычайномъ паденіи курсовъ провинціальная публика неизбѣжно становится жертвою спекулянтовъ, орудующихъ въ биржевыхъ центрахъ, такъ какъ при отдаленности ея мѣстожительства, сколько бы телеграфъ ни способствовалъ уменьшенію разстояній, очень легко довести до паническаго страха. Такой же страхъ всегда эксплуатируется крупными спекулянтами, которые имѣютъ возможность первыми обозрѣть положеніе дѣлъ. Предположимъ, напримѣръ, что курсы спекулятивныхъ бумагъ къ заключенію биржи необычайно падаютъ вслѣдствіе полученнаго неблагопріятнаго извѣстія: тотчасъ же провинціальные капиталисты шлютъ своимъ уполномоченнымъ въ биржевомъ центрѣ инструкцію продать эти бумаги по послѣднему курсу. Если, на слѣдующій день, извѣстіе подтверждается, то курсы продолжаютъ падать и оказываются ниже цѣны, назначенной изъ провинціи для продажи бумагъ; уполномоченный, такимъ образомъ, не можетъ исполнить возложеннаго на него порученія. Капиталистъ, который получаетъ о томъ увѣдомленіе по телеграфу, или письменно, приходитъ въ смятеніе и шлетъ приказаніе продать бумаги по какой бы то ни было цѣнѣ. Вслѣдствіе цѣлой массы приказаній этого рода, которыя приходятъ изъ провинцій на слѣдующій

*

день, курсы круто падаютъ и на биржѣ разражается паника, вслѣдствіе которой и мелкіе биржевые маклера и спекулянты теряютъ голову и начинаютъ сбывать свои цѣнности какъ попало. Этою-то минутою биржевые тузы пользуются чтобъ покупать; большею частью, уже на слѣдующій день, курсы снова поправляются, и мелкая сошка въ провинціи убѣждается, что попала въ просакъ. Большею частью такія паники происходятъ во время тревожнаго положенія дѣлъ въ политическомъ мірѣ, или же во время экономическихъ кризисовъ. Но это не болѣе какъ одинъ изъ множества способовъ эксплуатировать публику. Самымъ излюбленнымъ и обычнымъ способомъ остается ажіотажъ посредствомъ выпуска облигацій или акцій государственныхъ займовъ, или промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Какія продѣлки пускаются въ ходъ при учрежденіи послѣднихъ,—объ этомъ можно составить приблизительное понятіе по тѣмъ маневрамъ, къ которымъ прибѣгаютъ даже при заключеніи совершенно солидныхъ государственнымъ займовъ. Въ декабрѣ 1873 г. въ „Deutsche Zeitung“ было помѣщено описаніе техники, употребительной при этихъ подпискахъ; описаніе это вышло изъ-подъ пера одного изъ посвященныхъ въ таинства биржевой науки, и, хотя оно представляетъ дѣло съ тѣневой стороны, тѣмъ не менѣе, оно изобличаетъ близкое знакомство со всей процедурой, такъ что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи его привести: „существуютъ три аппарата, которые должны дружно дѣйствовать при каждой подпискѣ, происходящей по всѣмъ правиламъ искусства: банковый аппаратъ, биржевой аппаратъ и публицистическій аппаратъ. Первый состоитъ изъ пишущей и считающей арміи—учрежденій, завѣдующихъ выпускомъ бумагъ, — изъ бухгалтеровъ, контролеровъ, кассировъ, и т. п. Всѣ эти лица необходимы, но особенной важности не имѣютъ, такъ какъ функція ихъ въ этой спеціальной операціи чисто механическая. Руководителемъ всего дѣла является глава банкирскаго дома. Съ нимъ сносится представитель стороны, нуждающейся въ деньгахъ, съ нимъ договариваются о размѣрахъ вознагражденія за доставленіе денегъ, о срокахъ выпусковъ, и т. п. Но вотъ, все это уже улажено и сформировано въ контрактномъ условіи. Сострадательные банки выговорили себѣ коммиссіонное вознагражденіе въ два процента, что́, при займѣ въ 150 милліоновъ, составитъ три милліона, а при займѣ ва 75 милліоновъ—полтора милліона гульденовъ. Добавочные два процента, т. е., еще три милліона въ первомъ случаѣ, и полтора милліона во второмъ — очищаются въ пользу эмитирующихъ учрежденій, отъ разности между тѣмъ курсомъ, по которому принимаются облигаціи банками, и тѣмъ курсомъ, по которому онѣ выпускаются ими. Это значитъ, что на каждые 100 гульденовъ венгерскаго, напримѣръ, займа, венгерское правительство получаетъ только $85^1/_2$ гульденовъ, между тѣмъ какъ банки, выпускающіе облигаціи этого займа, требуютъ и получаютъ съ публики, подписывающейся на заемъ $87^1/_2$ гульд. Слѣдовательно, при самомъ выпускѣ займа получается банками шесть милліо-

новъ за 150-милліонный заемъ, и три милліона за заемъ вдвое меньшій. Сумма эта составляетъ законный барышъ фирмъ, завѣдующихъ выпускомъ облигацій займа, и онѣ получаютъ эти деньги не даромъ, такъ какъ онѣ гарантируютъ успѣхъ займа своимъ собственнымъ кредитомъ, обезпечиваютъ займу, въ лицѣ своихъ обычныхъ кліентовъ, значительное число подписчиковъ и берутъ на себя рискъ въ томъ случаѣ, еслибы подписка не удалась. Во всякомъ случаѣ, рискъ этотъ не одинаковъ для всѣхъ участниковъ заемной операціи.

Когда такія финансовыя звѣзды первой величины, какъ Ротшильдъ, или Вадіанеръ вступаютъ въ связь съ какимъ-нибудь банкомъ, то они обыкновенно выступаютъ всесильными властителями биржи, имъ достается львиная доля отъ барышей, между тѣмъ какъ банки несутъ на себѣ всю тягость предпріятія. И въ случаѣ подписка на заемъ не удается, то можно быть увѣреннымъ, что неразошедшіяся въ публикѣ бумаги остаются на шеѣ не у князей биржи, а у императорско-королевскихъ банковъ; такъ случилось, чтобъ не ходить далеко за примѣрами, съ пятнадцатью милліонами акцій тейсской желѣзной дороги, которые четыре года обременяли собою банкъ, прежде чѣмъ послѣднему удалось сбыть ихъ съ рукъ. Нѣтъ непремѣнной надобности въ заключеніи львиныхъ договоровъ между банковыми учрежденіями и финансовыми звѣздами, хотя такіе договоры и заключаются зачастую; но и безъ этого банки всегда стоятъ въ невыгодномъ положеніи по отношенію къ финансовымъ тузамъ, вступающимъ съ ними въ связь. Послѣдніе извлекаютъ изъ операціи тройную прибыль: во-первыхъ, въ качествѣ компаньоновъ предпріятія, во-вторыхъ, въ качествѣ акціонеровъ банка, акціи котораго, вслѣдъ за распространеніемъ извѣстія, что банкъ участвуетъ въ заключеніи займа, поднимаются въ цѣнѣ, наконецъ, въ-третьихъ, въ качествѣ спекулянтовъ, такъ какъ, имѣя возможность узнать раньше публики о заключеніи сдѣлки по займу, они очень хорошо умѣютъ извлекать выгоду изъ своего знанія этой тайны, скупая заранѣе акціи банка, съ которымъ вступили въ союзъ. Такимъ образомъ, тягости и прибыли предпріятія не поровну распредѣлены между участниками предпріятія, но, тѣмъ не менѣе, всѣ они, вмѣстѣ взятые, получаютъ недурный магарычъ, изъ-за котораго стоитъ похлопотать.

„Но въ чемъ же состоитъ процедура выпуска займа въ публику? Прежде всего, слѣдуетъ внимательно присмотрѣться къ настроенію денежнаго рынка, и, гдѣ обстоятельства того требуютъ, съ своей стороны, повліять малую толику на это настроеніе. Осторожно испытуетъ великій авгуръ повышеніе и пониженіе биржевыхъ волнъ. Это какъ разъ та пора, когда въ публику проникаютъ противорѣчивыя извѣстія о предстоящемъ выпускѣ. То проносится слухъ, что выпускъ произойдетъ въ январѣ будущаго года, то указываютъ на вторую половину декабря. Вдругъ лондонская биржа рѣшаетъ понизить процентъ банковаго дисконта. Это означаетъ, что барометръ сталъ на „ясно“; великій авгуръ

рѣшаетъ, что теперь какъ разъ самое время и биржевой аппаратъ пускается въ ходъ. Прежде всего, нужно произвести повышеніе акцій союзнаго банковаго учрежденія; это необходимо, во-первыхъ, потому, что такое повышеніе подзадориваетъ къ подпискѣ, а во-вторыхъ, потому, что это выгодно для финансовыхъ тузовъ; итакъ, на первомъ планѣ стоитъ гешефтъ и на второмъ — тоже гешефтъ. Само собою разумѣется, при этомъ подстроивается соотвѣтствующее повышеніе и въ курсѣ выпускаемыхъ бумагъ, потому что хотя на мѣстѣ подписки такой маневръ и не оказываетъ дѣйствія, но онъ полезенъ тѣмъ, что о повышеніи можно телеграфировать въ другія мѣста. Для всего этого служитъ биржевой аппаратъ, который приводится въ дѣйствіе или посредствомъ такъ-называемаго „синдикатнаго участія“, или же, что̀ теперь болѣе входитъ въ употребленіе, просто помощью извѣстной суммы денегъ. Наиболѣе вліятельнымъ изъ биржевиковъ выдается письменное обѣщаніе, предоставить имъ извѣстное число бумагъ, подлежащихъ выпуску, по тому курсу, по которому онѣ будутъ выпущены. И чтобы не оставить никакого сомнѣнія относительно значенія этого документа, въ него обыкновенно включается параграфъ, гарантирующій его владѣльцу извѣстный размѣръ прибыли на каждую изъ облигацій, которыя онъ получитъ. Такимъ образомъ создается на биржѣ цѣлая организація, которая гонитъ вверхъ курсъ выпускаемой бумаги, или, что̀ въ сущности одно и то же, для предположеннаго эффекта кричитъ про нихъ, и тѣмъ предуготовляетъ имъ повышеніе. Къ числу задачъ биржеваго аппарата относится также вышибанье фитиля изъ рукъ враждебной партіи, ведущей контръ-мину. Дѣлается это такъ: когда враждебная партія зашла въ продажѣ бумагъ слишкомъ далеко, тогда фирмы, завѣдующія выпускомъ этихъ бумагъ, объявляютъ, что подписка превысила требующуюся сумму. Бумаги за тѣмъ остаются преспокойно лежать въ кассѣ учрежденія, производящаго выпускъ, а тѣ, которые продавали à blanc видятъ себя вынужденными, для покрытія своихъ обязательствъ, покупать во что̀ бы то ни стало. Но, само собою разумѣется, такая операція можетъ быть произведена лишь по истеченіи срока, назначеннаго для подписки.

„Прежде, чѣмъ откроется подписка, необходимо еще привести въ дѣйствіе публицистическій аппаратъ. Почти всѣ большіе банки имѣютъ каждый своего публицистическаго агента, второстепенные банки обходятся съ однимъ коллективнымъ агентомъ. Обязанность этого агента крайне трудная и требуетъ столько же усердія, сколько и терпѣнія; онъ, при выпускѣ бумагъ, играетъ ту же роль, какую играютъ вербовщики голосовъ при политическихъ выборахъ. Справедливость требуетъ сказать, что многотрудная задача этого писца состоитъ не въ томъ, чтобы убѣждать журналистовъ въ чрезвычайной прибыльности данной финансовой операціи, а въ томъ, чтобы уклоняться отъ навязчивости господъ, требующихъ непремѣнно доказательствъ, которыя *и ихъ тоже* могли бы убѣдить. Благодаря „роскошному расцвѣту экономической дѣятель-

ности" за послѣднее время, или вѣрнѣе, благодаря послѣдствіямъ этого „роскошнаго расцвѣта", политико-экономическая реклама можетъ въ наши дни лишь съ большею скромностью пріемовъ обдѣлывать свои дѣлишки. Но она ихъ все-таки еще обдѣлываетъ, и мы можемъ въ нѣкоторыхъ газетахъ прочесть утѣшительное извѣстіе о томъ, что облигаціи венгерскаго займа покупаются въ Лондонѣ съ преміей въ $1^1/_2$ процента. Но этимъ отнюдь не исчерпывается дѣятельность публицистическаго аппарата; онъ, даже и въ наши дни, можетъ еще похвалиться болѣе блистательными подвигами. Онъ отнюдь не ограничивается мѣстною только дѣятельностью и работаетъ съ телеграфическою быстротою и во внѣшнемъ направленіи".

Такъ, напримѣръ, успѣху венгерскаго займа заключеннаго къ концу 1873 г. на берлинской и лондонской биржахъ, не мало способствовало распространенное по телеграфу извѣстіе, будто германскій имперскій инвалидный фондъ намѣренъ принять участіе на восемь милліоновъ талеровъ въ подпискѣ на этотъ заемъ. Когда, позднѣе, извѣстіе это оказалось ложнымъ, заемъ уже состоялся.

Даже послѣ того, какъ разразился кризисъ, не было недостатка въ личностяхъ, которыя отстаивали полезность легкомысленныхъ предпріятій. Что́ касается дѣйствительно полезныхъ начинаній, встрѣчающихся между новѣйшими предпріятіями, то мы и сами не намѣрены на нихъ нападать. Но не въ нихъ дѣло. Осенью 1873 г. въ „Венгерскомъ Ллойдѣ" одинъ корреспондентъ изъ сѣверной Германіи пытался доказать, что учредители по профессіи были несовсѣмъ безполезны для народнаго благосостоянія, такъ какъ они оберегали людей, любящихъ помѣщать свои деньги за высокіе проценты въ ненадежныя предпріятія, отъ грабительскихъ заграничныхъ посягательствъ на ихъ кошелекъ. Авторъ этой статьи разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „сорокъ лѣтъ тому назадъ испанцы представляли всѣмъ желающимъ случай пристроить свой капиталъ за высокіе проценты. Послѣ того, какъ этимъ способомъ было ухлопано много нѣмецкихъ милліоновъ, настала очередь американскихъ займовъ отдѣльныхъ штатовъ; печальный конецъ этихъ займовъ извѣстенъ. Затѣмъ насталъ періодъ желѣзно-дорожныхъ спекуляцій 1873 г.; за этимъ періодомъ послѣдовалъ другой, въ теченіе котораго всевозможныя заграничныя бумаги пользовались большою популярностью; сегодня турки, завтра бразильцы, послѣзавтра египтяне или туземцы, а то, подчасъ, даже японцы и мексиканцы находили въ Германіи не мало охотниковъ брать ихъ бумаги; наконецъ, дошла очередь до румынскихъ займовъ и до американскихъ пріоритетовъ, которые сулили доходъ въ 10 процентовъ. Изъ этого можно убѣдиться, что во всѣ времена не было недостатка въ людяхъ, готовыхъ выбрасывать свои деньги въ окно изъ желанія получать за нихъ высокіе проценты. Послѣ 1870—1871 г. внезапно наступившая безопасность мира привлекла на рынокъ всѣ накопившіеся капиталы; при этомъ уплаты, произведенныя по нѣсколькимъ займамъ, освободили

значительныя суммы денегъ; наконецъ, капиталъ, ищущій помѣщеній былъ еще увеличенъ притокомъ французскихъ пяти милліардовъ; при этихъ обстоятельствахъ только учредительству обязаны мы, что деньги остались въ странѣ. Еслибы вновь основываемыя предпріятія не удерживали деньги дома приманкою высокихъ барышей, мы, навѣрное, навязали бы себѣ на шею на нѣсколько милліоновъ долларовъ негодныхъ американскихъ пріоритетовъ, и люди, которые теперь потеряли часть своихъ денегъ въ такихъ предпріятіяхъ, потеряли бы ихъ сполна на американскихъ пріоритетахъ и тому подобномъ бумажномъ хламѣ; не сберегли бы они ихъ ни въ какомъ случаѣ. Между тѣмъ, всякій сознается, что если для отдѣльнаго лица и безразлично, теряетъ ли онъ свои деньги на тѣхъ, или на другихъ бумагахъ, для общаго благосостоянія націи весьма важно, что эти милліоны не ушли за границу, а остались въ странѣ. Изъ этого явствуетъ, что учредительство не совсѣмъ такое безпримѣрное зло, какимъ его считаютъ". На эту аргументацію слѣдуетъ возразить, что именно благодаря этой учредительской горячкѣ, развившейся внутри страны, число людей, готовыхъ бросать свои деньги въ окно, въ надеждѣ на высокіе проценты, удесятерилось, и что, вслѣдствіе этого, вмѣсто сотенъ милліоновъ, на этотъ разъ были потеряны тысячи милліоновъ, и при этомъ произошло крутое перемѣщеніе капиталовъ, послѣдствія котораго были столь же пагубны, какъ еслибы потерянныя деньги ушли за границу.

Уже въ сентябрѣ 1872 г. лукъ былъ такъ сильно натянутъ, что каждую минуту грозилъ лопнуть, и наступленіе кризиса въ Вѣнѣ, которой позднѣе суждено было раньше другихъ городовъ испытать на себѣ его опустошительное дѣйствіе, задерживалось только ожиданіемъ всемірной выставки; на финансовый успѣхъ этого международнаго зрѣлища почти всѣ классы населенія береговъ Дуная, подъ вліяніемъ своего пылкаго воображенія, возлагали самыя преувеличенныя надежды, и многіе кредиторы, молчаливымъ соглашеніемъ, допускали рядъ всеобщей отсрочки платежей до этого срока. Но уже всѣ признаки, обыкновенно предшествующіе наступленію кризиса, были на лицо, а именно:

1) Страсть къ новымъ предпріятіямъ и отчаянная смѣлость въ спекуляціяхъ доходила до размѣровъ, о которыхъ можно судить по приведенному нами выше описанію учредительской горячки.

2) Заразительная жажда быстраго обогащенія выражалась въ небываломъ дотолѣ участіи не-коммерческой публики въ биржевой игрѣ; явленіе это охватило Германію, Австрію и Швейцарію. Уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ страсть къ биржевой игрѣ сбивала съ пути долга многихъ изъ служебнаго персонала банковъ. Мы удовольствуемся указаніемъ лишь на немногіе случаи: нѣкто Шерръ, служившій въ одной филіальной отрасли цюрихскаго федеральнаго банка, укралъ изъ этого учрежденія $^1/_3$ внесеннаго въ него акціонернаго капитала,—сумму въ 9,000,000 франковъ; деньги эти онъ проигралъ на па-

рижской биржѣ и затѣмъ поплатился за свое преступленіе десятилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ. Казначей федеральнаго правительства въ Швейцаріи, равнымъ образомъ, провинился похищеніемъ ввѣренныхъ ему денегъ, за что былъ приговоренъ къ тремъ годамъ тюремнаго заключенія. Бывшій членъ федеральнаго совѣта и президентъ швейцарскаго союза, Фарнерахъ, желая обезпечить свое будущее и считая надежду на новое избраніе въ должность дѣломъ слишкомъ шаткимъ, чтобы на нее можно было положиться въ этомъ отношеніи, промѣнялъ свой высокій постъ на предсѣдательское кресло швейцарскаго Credit Mobilier въ Женевѣ (учрежденіе это имѣло свою главную контору въ Парижѣ). Обманутый учредителями насчетъ прочности этого предпріятія,—такъ какъ людямъ этимъ было только нужно громкое имя для осуществленія ихъ мертворожденнаго проэкта, — онъ согласился прикрывать своимъ именемъ самыя противозаконныя продѣлки, на которыя и ушелъ, подъ видомъ расходовъ на управленіе, небольшой капиталъ, данный подпискою. Наконецъ, суды вмѣшались въ это дѣло и міру представилось невиданное зрѣлище: бывшій глава правительства свободнаго народа былъ осужденъ на три года тюремнаго заключенія! Но и большія монархіи не оставались изъяты отъ скандаловъ, порождаемыхъ страстью къ быстрому обогащенію посредствомъ безнравственныхъ, или противозаконныхъ средствъ; въ подтвержденіе этого достаточно указать на плутни и кражи, происходившія на прусскихъ и австрійскихъ желѣзныхъ дорогахъ, на скандальныя исторіи Вагнера и Оффенгейма.

3) Легковѣріе публики никогда еще не доходило до такихъ размѣровъ. Это явствуетъ не только изъ учрежденія множества акціонерныхъ предпріятій съ цѣлями, бросавшимися въ глаза своей коммерческою несостоятельностью, что не мѣшало такимъ предпріятіямъ безъ труда находить подписчиковъ, — это явствуетъ еще болѣе изъ двухъ процесовъ, разбиравшихся — одинъ въ Мюнхенѣ, а другой въ Вѣнѣ. Первый изъ этихъ процесовъ — датскихъ банковъ,— является прологомъ къ кризису, а второй — процесъ Плахта, — служитъ ему эпилогомъ. Въ Мюнхенѣ, одной авантюристкѣ, бывшей актрисѣ Шпицедеръ, удалось, подъ маскою благочестія и при содѣйствіи патеровъ и ханжей, собрать невѣроятно большой капиталъ съ сельскихъ округовъ. Привлекала она этотъ капиталъ обѣщаніемъ чрезвычайно высокихъ процентовъ, — до 20%; такимъ образомъ, ея ссудному банку было ввѣрено до трехъ милліоновъ одураченными крестьянами, которые толпами валила въ это учрежденіе. Большую часть полученныхъ вкладовъ Шпицедеръ прокутила вмѣстѣ съ своими сообщниками. Къ концу 1872 г. какъ она, такъ и наиболѣе виновные изъ ея сообщниковъ были привлечены къ суду и въ настоящее время расплачиваются за свои мошенничества многолѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ.

Плахтъ, отставной офицеръ, тоже съумѣлъ выманить обѣщаніемъ „наивысшей фруктификаціи“ сбереженія 1600 бѣдняковъ, въ числѣ которыхъ было

много сиротъ и вдовъ. Онъ сулилъ до сорока процентовъ и выманенныя такимъ образомъ деньги употреблялъ на биржевую игру. Послѣ того, какъ разразился кризисъ, это финансовое предпріятіе лопнуло и творецъ его отсиживаетъ за него въ настоящее время свой шестилѣтній срокъ тюремнаго заключенія. Мы знаемъ два европейскихъ банкирскихъ дома, которые обязаны своимъ успѣхомъ подобному же употребленію ввѣренныхъ имъ денегъ на биржевую игру: только въ этой игрѣ имъ лучше повезло, чѣмъ Плахту [1]).

Тысячамъ людей приходилось нести тяжкія послѣдствія своего легковѣрія, по истинѣ превосходившаго всякую мѣру, такъ какъ каждый человѣкъ въ здравомъ умѣ могъ бы сообразить, что 40 процентовъ на капиталъ никто безъ задней мысли не предложитъ.

4) Рискованность ажіотажа не знала предѣловъ. Основывались настоящіе учредительскіе банки съ единственной цѣлью наживаться преміями съ акцій новооснованныхъ обществъ. Аферы эти затмѣвали собою вредныя Credit Mobilier дессаускаго и дармштатскаго банка.

5) Роскошь возрастала до безпримѣрныхъ размѣровъ. Въ Вѣнѣ за одинъ билетъ на представленіе Патти платилось иногда 200, 300, даже 500 гульденовъ. Можно было подумать, что масштабъ цѣнъ совсѣмъ утраченъ.

6) Страсть къ игрѣ заразила цѣлые округи, бо̀льшая часть классовъ населенія въ Австріи и Сѣверной Германіи была ею заражена.

---

[1]) По отзывамъ вѣнскихъ газетъ послѣдствія банкротства Плахта были особенно печальны, такъ какъ число лицъ, лишившихся значительной части, или всего своего имущества, было очень велико. Потрясающее зрѣлище представляла вся эта толпа разореныхъ людей, когда, вслѣдъ за оффиціальнымъ констатированіемъ банкротства, она сошлась въ конторѣ управляющаго конкурсомъ и дала волю своему отчаянію. Одни заливались слезами, другіе были близки къ обмороку. Между пострадавшими всѣхъ сословій особенно многочисленно было женщинами. Рядомъ съ кухарками пришли и графини, чтобы предъявить свои права на удовлетвореніе. Общая сумма обязательствъ простиралась до 3-хъ милліоновъ гульденовъ, между тѣмъ, для покрытія этихъ обязательствъ, не имѣлось ни одной стоющей цѣнности; все было поглощено игрою, широкою жизнью, газетными публикаціями и биржевою игрою! Фельдмаршалъ-лейтенантъ Б. потерялъ въ этомъ банкротствѣ 36,000 гульденовъ; одинъ офицеръ, искалѣченный въ войнѣ 1866 г. и тщетно искавшій въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мѣста въ какой-нибудь канцеляріи, потерялъ всѣ свои сбереженія, составлявшія 1300 гульденовъ; одинъ семидесятилѣтній почтальонъ потерялъ 600 гульденовъ; одинъ крестьянинъ изъ окрестностей Вѣны продалъ передъ этимъ свой участокъ земли и вырученныя деньги,—10,000 гульденовъ ввѣрилъ Плахту. Теперь онъ всего лишился, даже пятисотъ флориновъ, составлявшихъ достояніе его сиротъ-внуковъ. Вдовы лишились своихъ послѣднихъ грошей, невѣсты — своего приданаго. Подобныя же сцены происходили при открытіи конкурса надъ ремесленнымъ банкомъ подъ фирмою «Скала».

7) Цѣны на предметы роскоши вслѣдствіе усиленнаго на нихъ спроса, понятнымъ образомъ, возрастали. Усилившееся производство подняло цѣны на сырые матеріалы; цѣна мяса дошла до небывалой дотолѣ высоты, хотя, казалось бы, ввозъ мясныхъ консервовъ изъ южной Америки и Австраліи долженъ бы былъ ее умѣрить.

8) Цѣны на городскую землю подъ постройки, на дома, а также на квартиры поднялись такъ безобразно, что, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ особенности послѣднія составляли предметъ громкихъ жалобъ. Въ Берлинѣ, плохіе участки песчаной земли, въ самыхъ дальнихъ частяхъ города, продавались дороже виноградниковъ на Рейнѣ. Въ Вѣнѣ, по сосѣдству съ соборомъ св. Стефана, квадратныя сажени земли продавались по 700 флориновъ; одинъ садовникъ продалъ свой садъ, купленный всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ за 10,000 гульденовъ,—за 145,000. Не взирая не непомѣрное количество строительныхъ обществъ, ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ не было сдѣлано ничего для удовлетворенія потребности бѣднаго люда въ жилищахъ, такъ что въ послѣднемъ изъ названныхъ городовъ образовалось цѣлое предмѣстье изъ бараковъ, въ которыхъ жили бѣдняки; предмѣстье это было уничтожено лишь вмѣшательствомъ полиціи. Дѣло въ томъ, что большинство новыхъ возводившихся построекъ были роскошныя помѣщенія, не имѣвшія никакого отношенія къ разрѣшенію вопроса о жилищахъ для рабочихъ, хотя на парижской всемірной выставкѣ и была уже сдѣлана попытка въ этомъ направленіи. Правда, для большихъ нѣмецкихъ городовъ вопросъ этотъ неразрѣшимъ тѣмъ путемъ, котораго придерживаются въ Англіи: система небольшихъ отдѣльныхъ жилищъ непримѣнима къ нѣмецкимъ городамъ, гдѣ поземельная собственность не сосредоточивается, какъ въ Англіи, въ рукахъ немногихъ аристократическихъ семействъ; да и вообще нѣтъ такого шаблона, который оказывался бы пригоднымъ для всякой мѣстности безразлично. Намъ кажется, что вопросъ о жилищахъ для рабочихъ разрѣшенъ всего удачнѣе въ „рабочихъ дворцахъ“ въ Амстердамѣ. Вслѣдствіе необходимости свайнаго фундамента, устройство небольшихъ отдѣльныхъ жилищъ оказалось тамъ невозможнымъ; между тѣмъ, принятый способъ построекъ чрезвычайно удачно на нашъ взглядъ разрѣшаетъ вопросъ, такъ какъ при отдѣльныхъ жилищахъ невозможно бы было по такой дешевой цѣнѣ провести воду и газъ и не такъ легко было бы устроить при помѣщеніи ванны, прачешную, гимнастическій залъ, дѣтскій садъ и школу.

9) При массѣ работъ, которыя производились на фабрикахъ, всѣ машиностроительные заводы тоже были завалены заказами и какія бы цѣны они ни запросили, съ ними не торговались.

10) Дисконтъ въ банкахъ, вслѣдствіе усиленнаго спроса на кредитъ, предъявляемаго спекуляціей, періодически повышался.

11) Паденіе курсовъ спекулятивныхъ бумагъ началось недѣли за три до кризиса.

Итакъ, всѣ симптомы приближающагося кризиса совпали, и наступленіе послѣдняго можно было съ достовѣрностью предсказать. Правда, въ то время, когда эти симптомы успѣли уже явственно сказаться, было слишкомъ поздно, чтобы предупредить бѣду, еслибы даже и была возможность убѣдить публику въ ея приближеніи. Но все же достоинъ замѣчанія тотъ фактъ, что на этотъ разъ гораздо большее число людей предусмотрѣло близость кризиса и обезопасило себя во время, чѣмъ то было при прежнихъ торговыхъ кризисахъ. Правда и то, что такія событія, какъ крушеніе дахаускаго банка въ Мюнхенѣ и разоблаченіе Ласкеромъ желѣзно-дорожныхъ плутенъ въ Пруссіи должны были навести на раздумье всѣхъ тѣхъ, у кого есть глаза, чтобъ видѣть, и уши, чтобъ слышать. Что многіе передъ кризисомъ, не полагаясь на кажущуюся ясность горизонта, спѣшили во время отретироваться съ своимъ капиталомъ въ безопасное мѣстечко — это видно изъ курса солидныхъ государственныхъ бумагъ. Между тѣмъ какъ, во время прежнихъ кризисовъ, курсъ этотъ, послѣ того, какъ спекуляція одерживала верхъ, обыкновенно падалъ, такъ какъ много капитала, помѣщеннаго въ государственныхъ бумагахъ, извлекалось для помѣщенія въ новыхъ предпріятіяхъ, теперь государственныя бумаги не только продолжали держаться твердо, но даже еще поднялись по сравненію съ тѣми курсами, на которыхъ онѣ стояли до нѣмецко-французской войны. Курсы же международныхъ спекуляціонныхъ бумагъ и промышленныхъ фондовъ, которые, по обыкновенію, были быстро доведены до сумасшедшей высоты и достигали премій отъ 200 до 500%, пали на столько же, на сколько они поднялись, и даже еще болѣе. Изъ вышеупомянутаго движенія въ гору всѣхъ государственныхъ бумагъ, одна французская рента составляла исключеніе, что было естественнымъ послѣдствіемъ колоссальнаго увеличенія государственнаго долга черезъ уплату контрибуціи.

По своему происхожденію кризисъ былъ чисто биржевою болѣзнью. Торговля, промышленность и сельское хозяйство оставались сами по себѣ въ началѣ нетронутыми, и лишь по стольку страдали отъ кризиса, по скольку лица, заинтересованныя въ нихъ, были втянуты въ биржевую игру. Позднѣе, само собою разумѣется, всѣ сферы производительности должны были пострадать отъ ограниченія потребленія, которое могло усилиться лишь позднѣе, послѣ того, какъ цѣны снова постепенно понизятся до своего нормальнаго уровня, и всѣ успѣютъ оправиться отъ послѣдствій кризиса. Объ этомъ, сравнительно меньшемъ ущербѣ, нанесенномъ кризисомъ 1873 г. различнымъ отраслямъ производительности, можно судить, по крайней мѣрѣ, по тому факту, что большіе банки на этотъ разъ не подверглись такому сильному натиску публики, какъ во время прежнихъ кризисовъ, и вслѣдствіе этого дисконтъ не поднялся до такой высоты,

на какой онъ стоялъ въ 1866 и 1857 годахъ; валюта, тоже, собственно въ Австріи, не испытывала большихъ колебаній; въ Соединенныхъ Штатахъ, конечно, было дѣло совсѣмъ другое. Дѣло въ томъ, что въ Австро-Венгріи національный банкъ отличался вполнѣ правильнымъ и осмотрительнымъ веденіемъ своихъ дѣлъ. Уже въ 1869 г. онъ заблаговременно предостерегъ спекуляцію и, по всѣмъ вѣроятіямъ, лишь настроеніе публики помѣшало ему поднять свой дисконтъ еще выше въ 1872 г. Во всякомъ случаѣ, дисконтъ, установившійся съ 21 марта 1872 г. на 5 процентовъ для векселей и на 6°/₀ для ломбардныхъ операцій, былъ слишкомъ низокъ.

Впрочемъ, чтобы имѣть возможность судить съ точностью о положеніи валюты, мы должны бросить взглядъ назадъ на положеніе національнаго банка и средствъ обращенія въ Австро-Венгріи.

Прежде всего, намъ необходимо упомянуть, что параграфомъ 14 банковаго закона 1862 г. обращеніе билетовъ, непокрытыхъ запасомъ металлическихъ денегъ, было ограничено 200,000,000 фл.

Вслѣдствіе измѣненій, произведенныхъ въ 1862 г. въ банковомъ законѣ и въ силу соглашенія, заключеннаго 27 декабря, 1862 г., между банкомъ и государствомъ долгъ государства банку былъ опредѣленъ въ 217,389,244 фл. Изъ этого долга 80 милліоновъ должны были остаться безсрочнымъ долгомъ, а 137,289,244 фл. подлежали уплатѣ частичными взносами въ промежутокъ времени отъ 1863 по 1866 г.; размѣръ этихъ взносовъ былъ опредѣленъ заранѣе. До 1865 г. государствомъ было уплачено 127,239,000 фл. и существовало основаніе надѣяться, что въ слѣдующемъ году весь долгъ государства банку уплатится и валюта возстановится. Министръ финансовъ, графъ Ларимъ, произнесъ тогда знаменитое изреченіе: „Возстановленіе австрійской валюты сдѣлается, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще до наступленія 1867 г. совершившимся фактомъ. Уже въ настоящую минуту лажъ на серебро понизился до 105, и достаточно просмотрѣть отчеты банка, чтобы прійти къ убѣжденію, что австрійскій національный банкъ принадлежитъ къ числу наиболѣе благонадежныхъ и хорошо поставленныхъ кредитныхъ учрежденій Европы. Употребленіе станка, печатающаго банковые билеты, какъ средства для покрытія государственныхъ долговъ, сдѣлалось, благодаря ограниченіямъ, установленнымъ закономъ, и строгому контролю, дѣломъ невозможнымъ“.

Наступившая затѣмъ въ слѣдующемъ году война, само собою разумѣется, горько насмѣялась надъ всѣми этими ожиданіями, и ограниченія, о которыхъ говорилъ министръ, оказались вовсе не такою преградою, черезъ которую нельзя бы было перешагнуть. Чтобы обезпечить себѣ въ финансовомъ отношеніи возможность вести войну, правительство декретировало 5-го мая 1866 г. выпускъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ; наивысшій размѣръ этого выпуска былъ опредѣленъ въ 150 милліоновъ гульденовъ, и на національный

банкъ было возложено обязательство доставить государству эквивалентъ за количество билетовъ, принятыхъ на себя государствомъ, въ билетахъ высшаго достоинства.

Закономъ 7-го іюля 1866 г. министру финансовъ былъ открытъ кредитъ въ 200 милліоновъ гульденовъ, и національный банкъ, въ ожиданіи того времени, когда откроется возможность заключить заемъ, или выпустить настоящія государственныя бумажныя деньги, вынужденъ былъ ссудить министру финансовъ на 60 милліоновъ банковыхъ билетовъ, причемъ государство брало на себя расходы по фабрикаціи этихъ билетовъ. Такимъ образомъ, дѣйствіе банковаго закона было пріостановлено. 25-го августа изданъ былъ законъ, въ силу котораго остальные 140 милліоновъ вышеупомянутаго кредита покрывались частью выпускомъ пятипроцентныхъ государственныхъ долговыхъ обязательствъ по возможно выгодному курсу (этихъ обязательствъ полагалось выпустить на 50 милліоновъ), частью же, выпускомъ на 90 милліоновъ настоящихъ государственныхъ билетовъ достоинствомъ въ 1 и въ 5 гульденовъ.

Осуществленіе мѣръ, предписанныхъ этими законодательными распоряженіями, вызвало въ положеніи дѣлъ банка самую печальную перемѣну. Въ апрѣлѣ 1866 г. общая сумма билетнаго обращенія банка составляла не болѣе 337,923,886 флор. и лажъ на серебро простирался лишь до $106^3/_4$. Въ іюнѣ въ обращеніи находилось уже на 361,770,471 банковыхъ билетовъ и, кромѣ того, на 140,935,321 государственныхъ кредитныхъ билетовъ; слѣдовательно, въ общей сложности, на 502,705,792 бумажныхъ денегъ; лажъ на серебро успѣлъ подняться до $128^1/_2$%.

Въ 1867 г. банкъ былъ вынужденъ занять у государства 1 милліонъ для того, чтобы быть въ состояніи выплатить своимъ акціонерамъ слѣдующій имъ дивидендъ, и при этомъ еще акціонеры получили, вмѣсто условленныхъ 7 процентовъ, только 6,33 процента. Такъ какъ венгерское правительство не подняло возраженій противъ выдачи этого милліона и, съ своей стороны, содѣйствовало этой финансовой операціи, тѣмъ самымъ косвенно признало свою долю участія въ 80-ти милліонномъ безсрочномъ долгѣ государства банку, хотя прямаго признанія этого факта со стороны венгерскаго правительства и до сихъ поръ еще не воспослѣдовало.

Поэтому большое изумленіе вызвала статья, появившаяся 28-го октября 1868 г. въ оффиціальной газетѣ венгерскаго правительства и объявлявшая, что министерство финансовъ Венгріи отказывается принять свою долю участія въ государственномъ долгѣ банку въ 86 милліоновъ и въ ссудѣ одного милліона, выданной банку.

Правда, при заключеніи соглашенія съ Венгріей распредѣленіе между двумя частями имперіи ихъ доли участія въ 80-ти милліонномъ безсрочномъ долгѣ банка было позабыто; но въ параграфѣ 5 закона 24-го декабря 1867 г. объ

участіи земель венгерской короны въ несеніи тяжести общаго государственнаго долга сказано: „текущій долгъ, состоящій изъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ и долговыхъ обязательствъ, всего въ размѣрѣ 312 милліоновъ гульденовъ, ставится подъ солидарную гарантію обѣихъ половинъ имперіи".

При обсужденіи колебаній валюты необходимо имѣть постоянно въ виду естественный процесъ обращенія, — другими словами, то обстоятельство, что средства обращенія сообразуются съ количествомъ и свойствомъ оборотовъ, что меньшее количество орудій обращенія нужно тамъ, гдѣ число оборотовъ уменьшается, или гдѣ существуютъ такіе суррогаты, какъ лондонскій Clearing-House и другія учрежденія, для сведенія счетовъ по взаимно погашающимъ другъ друга долговымъ обязательствамъ; что обороты легко подвержены колебаніямъ, не только по стремленію къ измѣняющейся пропорціи между производствомъ и потребленіемъ, но и по отношенію къ измѣняющейся пропорціи между неподвижнымъ и обращающимся капиталомъ, между недвижимою собственностью и долговыми обязательствами и бумажными цѣнностями, — но что, въ ряду этихъ колебаній, такія, которыя опускаются ниже принудительнаго курса, бываютъ чаще и сильнѣе, чѣмъ другія, такъ какъ сюда входитъ страховая премія, о которой мы уже говорили.

Такъ, мы видимъ, что лажъ на серебро 1-го марта 1873 г., когда начался ввозъ хлѣба изъ-за границы, повысился, потому что къ этому времени понадобилось достать большее число металлическихъ денегъ, для расплаты съ заграничными торговцами; послѣ того, какъ разразился кризисъ, онъ поднимается еще выше, потому что обороты на биржѣ уменьшились и вслѣдствіе этого требовалось меньше средствъ обращенія въ видѣ государственныхъ и банковыхъ билетовъ. Когда распространился слухъ о предстоящемъ новомъ выпускѣ бумажныхъ денегъ, лажъ на серебро опять поднимается, потому что при такомъ выпускѣ находящіяся въ обращеніи бумажныя деньги потеряли бы въ цѣнѣ.

Все это служитъ новымъ доказательствомъ того, что кризисъ 1873 г. былъ вначалѣ чисто биржевымъ кризисомъ. О тѣхъ внутреннихъ процесахъ, которые на вѣнской биржѣ предшествовали кризису, мы имѣемъ слѣдующее описаніе, принадлежащее компетентному перу и напечатанное во франкфуртской газетѣ „Акціонеръ".

„Послѣ того, какъ австрійскіе финансы были нѣсколько приведены въ порядокъ, началось разростаніе банковаго акціонернаго дѣла. Крупная ошибка (?), сдѣланная пониженіемъ дисконта, заставила капиталъ и кредитъ устремиться отъ государственныхъ фондовъ къ промышленнымъ и спекуляціоннымъ бумагамъ. За повышеніемъ курса вскорѣ послѣдовалъ ажіотажъ, ажіотажу удалось создать учредительство и внезапно расплодились разныя фантастическія зданія, висѣвшія въ воздухѣ. Національный банкъ закрылъ свои кассы, въ которыхъ выдавались ссуды подъ залогъ бумажныхъ цѣнностей, но эту мѣру съумѣли

обойти посредствомъ дутыхъ векселей, такъ что, не взирая на измѣнившееся положеніе дѣлъ на товарномъ рынкѣ, вексельный портфель утолщался. Частный же капиталъ, напротивъ, пускался въ прибыльные обороты посредствомъ репортныхъ операцій на биржѣ. Переходъ изъ рукъ въ руки бумажныхъ цѣнностей долженъ былъ дать двойное и тройное вознагражденіе за застой въ сбытѣ продуктовъ и товаровъ. Какъ собственные фонды, такъ и капиталъ, добытый посредствомъ кредита,—все это тащилось на биржу и тамъ пускалось въ ростъ помощью репортовъ. Вскорѣ возникли банки со спеціальною цѣлью производить эти операціи; появилось до полуторы-дюжины маклерскихъ банковъ, тоже не имѣвшихъ другой цѣли, какъ эксплуатировать это дѣло. Репортное ростовщичество достигло роскошнаго расцвѣта. Помощью искусственныхъ средствъ добивались того, что деньги становились рѣдки, кредитъ по произволу давался, или не давался, процентъ то навинчивался искусственно до 40—50%, то понижался, для извѣстныхъ, привилегированныхъ предпріятій до возможнаго minimum'а. Всѣ новыя предпріятія заботились, прежде всего, о томъ, чтобы обезпечить себѣ на болѣе продолжительный срокъ возможность легко и дешево пристраивать свои акціи; этимъ синдикаты участниковъ ограждали себя и могли спокойно выжидать того времени, когда вогнанный въ гору курсъ акцій позволитъ имъ продать свой товаръ съ прибылью. Сегодня, напримѣръ, учреждали общества, а завтра закладывали еще не напечатанныя акціи въ какомъ-нибудь банкѣ, чтобы не допустить ихъ на рынокъ. Соблазнъ къ подпискѣ на акціи, или къ покупкѣ ихъ становился черезъ это неодолимъ, такъ какъ при этомъ вамъ не нужно было ни тратить денегъ, ни пріискивать капиталъ, ни брать на себя акціи въ дѣйствительности,—все дѣло улаживали агенты, дѣйствовавшіе по порученію учредителей и лицъ, выпускавшихъ бумаги, при помощи капитала, предназначеннаго для репортныхъ операцій. Вамъ оставалось только класть разность въ карманъ. Эти репорты съ бумагами производились систематически, вродѣ того, какъ производится учетъ векселей. Торговые дома и банки предоставляли маклерамъ цѣлые милліоны для такого употребленія, какое тѣмъ заблагоразсудится, такъ какъ при этомъ, кромѣ обезпеченія бумагъ, оцѣненныхъ на нѣсколько процентовъ ниже того курса, на которомъ онѣ стояли, имѣлась еще гарантія посредника. На заложенную бумагу, кромѣ процентовъ за ссуду, насчитывалось еще громадное провизіонное вознагражденіе,—легкая нажива все покрывала. Клика учредителей спекулировала на это облегченіе маклерскихъ операцій, и маклерскіе банки безпечно набирали милліоны бумагъ сомнительнаго происхожденія и сомнительной цѣнности, съ цѣлью наживать громадныя деньги посредствомъ репортныхъ операцій. Если иные, наиболѣе предусмотрительные, и имѣли въ виду возможность пониженія курсовъ, то при этомъ предполагалось, что они никакъ не могутъ пасть болѣе, чѣмъ на 10—20 процентовъ, а такое пониженіе курсовъ готовы были встрѣтить. Даже солидныя и

осмотрительныя фирмы отказывались принимать только акціи новыхъ предпріятій и охотно брали болѣе старыя и упроченныя бумаги, хотя и держалось въ сторонѣ отъ учредительства и ограничивали спекуляцію на бумаги извѣстными предѣлами. Большинство капиталовъ, въ ожиданіи „краха", находилось въ репортныхъ операціяхъ, и это-то и придало происхожденію и дальнѣйшему теченію кризиса такой роковой характеръ. Какъ только курсы пали, репортирующіе банки, банкиры и капиталисты потребовали немедленнаго покрытія; при первомъ же натискѣ бури, бумажныя цѣнности стали являться въ изобиліи. Но дальнѣйшее паденіе курсовъ сопровождалось невозможностью реализировать многія бумаги, которыя почти совсѣмъ утратили всякую цѣнность; такимъ образомъ, кредитъ, сокращенный вышеупомянутыми учрежденіями, не могъ быть ничѣмъ замѣненъ. Репортный кризисъ превратился въ настоящую эпидемію, и не было никакихъ средствъ противъ этой эпидеміи. Репортеры были поражены общею болѣзнію, они не могли оказать никакой поддержки своимъ кліентамъ—они сами нуждались въ помощи. Въ особенности маклерскіе банки, которые были обременены количествомъ заложенныхъ у нихъ бумагъ, вдесятеро превышавшимъ размѣры ихъ акціонернаго капитала, хотѣли нѣсколько облегчить свое положеніе посредствомъ аукціонной продажи обременявшихъ ихъ бумагъ, но предлагаемый товаръ не находилъ себѣ покупщиковъ даже по самымъ низкимъ цѣнамъ. Ростовщичество запуталось въ собственныхъ сѣтяхъ; репортеры увидѣли себя обладателями бумагъ, которыхъ они никогда не желали пріобрѣтать въ свою собственность,—и притомъ бумаги эти очутились въ ихъ рукахъ по такимъ курсамъ, которые, по крайней мѣрѣ на время, поглощали не только проценты, но и часть выданнаго въ ссуду капитала. Самые состоятельные и честные (?) агенты и маклера не были въ состояніи взять на свои плечи обязательства своихъ кліентовъ, такъ какъ нельзя было обозрѣть даже приблизительно размѣровъ требованій, имѣющихъ поступить по этимъ обязательствамъ. Объявленныя банкротства были еще не такъ важны, какъ тѣ, которыя скрывались, или которыя надо было скрыть, такъ какъ безъ этого всякое соглашеніе сдѣлалось бы невозможнымъ. Надо было во что бы то ни стало поддержать состоятельность домовъ и фирмъ, чтобы выиграть время и добыть помощь, необходимую для отраженія грозившихъ ударовъ. Корпорація репортеровъ увидѣла себя вынужденной поддержать своихъ же собственныхъ должниковъ: заложенныя бумаги были оставлены въ кассахъ репортныхъ фирмъ или на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ онѣ были первоначально приняты, или же въ качествѣ собственности фирмъ, пріобрѣтенной посредствомъ покупки на срокъ; въ послѣднемъ случаѣ, въ цѣнѣ бумагъ производилась скидка".

Въ самомъ разгарѣ игры на повышеніе, въ мартѣ 1872 г., австрійское правительство сдѣлало попытку обуздать учредительство и выпускъ новыхъ бумагъ; но уже въ началѣ апрѣля мы читаемъ по этому поводу въ „Акціонерѣ":

„Почти каждый номеръ „Вѣнской газеты“ приноситъ вѣсть объ одной или двухъ концессіяхъ на учрежденіе новаго банка. Министръ внутреннихъ дѣлъ не хотѣлъ было вначалѣ разрѣшать болѣе одной такой публикаціи въ день; но грюндеры осаждали его до тѣхъ поръ, пока онъ, наконецъ, согласился на двѣ публикаціи въ день“. Не далѣе, какъ въ половинѣ того же апрѣля мѣсяца, произошла реакція, заставившая кредитныя акціи опуститься съ 352 на 335, а акціи англобанка съ 372 на 299, и тотъ же корреспондентъ, котораго мы цитировали выше, выражаетъ опасеніе, какъ бы грюндеры и финансовые тузы не начали съ этого момента заботиться объ удаленіи своихъ капиталовъ въ безопасное мѣстечко. Но уже къ концу апрѣля горизонтъ опять прояснился, а въ іюнѣ милліарды французскаго займа дали новую пищу спекуляціи. Поэтому, въ августѣ мы читаемъ въ той же „многосторонней“ газетѣ статью, вышедшую уже изъ-подъ другаго пера и гласящую: „Лишь самый отчаянный пессимистъ, привыкшій во всякое время прилагать къ явленіямъ анатомическій ножъ самой безпощадной критики, можетъ отказать въ словѣ одобренія тому бодрому и дѣятельному настроенію, которое въ настоящую минуту овладѣло всѣми биржами“. Правительство снова пытается наложить узду на спекуляцію и министръ финансовъ хочетъ запретить выпускъ „молодыхъ“ акцій; но спекуляція прибѣгаетъ къ старымъ банковымъ концессіямъ и къ системѣ картельныхъ банковъ. Лишь въ сентябрѣ 1872 г. впервые появляются явственные признаки, свидѣтельствующіе, что число людей, не увлекающихся и относящихся къ развитію спекуляцій съ недовѣріемъ, растетъ. Контръ-мина начинаетъ пріобрѣтать значеніе, и съ октября австрійская государственная рента повышается въ цѣнѣ,— ясный знакъ, что капиталъ началъ ретироваться. Между тѣмъ, какъ общее спекулятивное опьяненіе публики лишь въ декабрѣ доходитъ до своего апогея, финансовые тузы начинаютъ заблаговременно свое отступленіе. Кредитное учрежденіе и другіе крупные банки начинаютъ отказывать въ пріемѣ всякихъ сомнительныхъ залоговъ и преимущественно бумагъ, предназначенныхъ для биржевыхъ спекуляцій; кредитъ должниковъ этихъ учрежденій по текущимъ счетамъ былъ ограниченъ. До апрѣля банкамъ надо было сбыть съ рукъ около 20 милліоновъ бумажныхъ цѣнностей; такъ какъ эти бумаги при этомъ приходилось пристраивать какъ нибудь иначе, то съ первыхъ чиселъ апрѣля начинается паденіе курсовъ биржевыхъ бумагъ, и 9-го мая, одновременно съ паденіемъ Тьера, курсы, рухнувъ разомъ, подаютъ сигналъ къ наступленію кризиса.

До конца апрѣля еще была возможность кое какъ искусственно поддерживать зданіе, потрясенное въ своемъ основаніи и потому уже начинавшее шататься; ожидавшееся открытіе всемірной выставки представлялось спекулянтамъ какимъ то deus ex machina, долженствующимъ какимъ то невѣдомымъ доселѣ способомъ положить конецъ всѣмъ начавшимся затрудненіямъ, и за эту надежду они хватались, какъ утопающій за соломенку. 1 мая была открыта

всемірная выставка, но при этомъ, вмѣсто ожидаемой спасительной руки, на биржѣ появилась паника. Партія, игравшая на повышеніе, потерпѣвъ нѣсколько ощутительныхъ ударовъ, начала отступать; уже начались банкротства и описи. Но никто еще не предчувствовалъ размѣровъ грозящей катастрофы. Но, мало по малу, подобно тучамъ передъ грозою, бѣда нависла надъ вѣнскою биржей. 5 и 6 мая паденіе курсовъ спекуляціонныхъ бумагъ пошло быстрѣе. 7 мая 15 банковъ сошлись на совѣщаніе съ цѣлью обсудить мѣры, которыя могли бы удержать дальнѣйшіе успѣхи процеса разложенія. 8-го мая уже показались предвѣстники бури: около ста заявленій несостоятельности было сдѣлано на биржѣ. Произошло новое совѣщаніе представителей банковъ. Потери на курсахъ простирались уже до 300 милліоновъ гульденовъ.

Теперь уже быстрота катастрофы не знала удержу; 9-го мая началось крушеніе всего спекуляціоннаго зданія — крушеніе, которое своими размѣрами и гибельностью своихъ послѣдствій превзошло все, чему мы были свидѣтелями во время прежнихъ кризисовъ. „Въ дни 8 и 9 мая, говоритъ Нейвартъ въ своемъ сочиненіи объ австрійскомъ національномъ банкѣ, вѣнская биржа буквально обезумѣла отъ страха. Бурныя сцены, которыя тамъ разыгрывались, имѣли почти революціонный характеръ; никакое описаніе не можетъ дать понятія о взрывѣ бѣшенства, которому предавались пострадавшіе. Громадное большинство всѣхъ бумагъ, нотированныхъ на вѣнской биржѣ, въ эти два дня быстро, неудержимо утрачивало всякую цѣнность". Всякія биржевыя сдѣлки абсолютно прекратились. Царилъ полнѣйшій хаосъ. Отчаяніе овладѣло спекулянтами. Въ день великаго краха многіе представители биржевой кулиссы хватали тузовъ финансоваго міра за горло и съ воплемъ смертельнаго ужаса требовали назадъ свое добро, котораго они лишились по милости учредителей. Другимъ мысль о постигшемъ ихъ конечномъ разореніи до того отуманивала голову, что они налагали на себя руки [1]).

[1]) Ни въ одинъ изъ прежнихъ кризисовъ не произошло такого громаднаго числа самоубійствъ; никогда еще проявленія отчаянія не представляли такого эпидемическаго характера; самоубійства не ограничились одними биржевиками: эпидемія распространилась и на ремесленниковъ, и на рабочихъ, и жертвою ея палъ даже одинъ знаменитый полководецъ (фонъ Габленцъ, въ Франкфуртѣ на Майнѣ). Впрочемъ, не всѣ относились къ постигшей ихъ участи такъ трагически. Нѣкоторые биржевые плуты разыгрывали комедію самоубійства, оставляя свои старыя платья на перилахъ какого нибудь моста, и удирали, переодѣвшись въ новое платье, заграницу. Одинъ старый разсыльный, нажившій себѣ состояніе на биржѣ и разъѣзжавшій въ собственномъ экипажѣ, послѣ того, какъ кризисъ лишилъ его всего, преспокойно вернулся на прежнее свое мѣсто на углу улицы. Въ одинъ морозный день слѣдующей затѣмъ зимы я встрѣтилъ на улицѣ одного недавняго милліонера, въ тоненькомъ лѣтнемъ сюртукѣ; чтобы предохранить руки отъ холода, онъ куталъ ихъ въ пестрый бумажный носовой платокъ.

*

Ни въ одинъ изъ прежнихъ кризисовъ не обнаружилось столько похищеній, обмановъ и кражъ,—что весьма понятно, такъ какъ размѣры преступленій идутъ рука объ руку съ силою возбужденія страстей.

Вечеромъ 9-го мая, въ помѣщеніи биржи, снова происходило совѣщаніе—уже не о томъ, какъ удержать кризисъ, а о томъ, какъ предупредить конечное распаденіе всѣхъ условій, необходимыхъ для торговой дѣятельности и для самаго существованія. Паника до того подавляла общее настроеніе духа, до того парализовала всякое довѣріе и всякій кредитъ, что не только спекуляціонныя бумаги дошли въ своемъ паденіи до невозможности продать ихъ по какой бы то ни было цѣнѣ, но и многимъ уже предвидѣлся въ недалекомъ будущемъ моментъ, когда человѣкъ, со шкафомъ, биткомъ набитымъ цѣнными бумагами, будетъ нуждаться въ деньгахъ, необходимыхъ для собственнаго его пропитанія.

Результатомъ этого перваго биржеваго совѣщанія были мѣры, представлявшія подражаніе мѣрамъ, принимавшимся во время прежнихъ кризисовъ. Образовался „Комитетъ вспомоществованія“, выдавшій ссуды подъ залогъ такихъ спекуляціонныхъ бумагъ, которыя не принимались національнымъ банкомъ и другими солидными кредитными учрежденіями; крупныя фирмы тотчасъ же подписались на 20,000,000 гульденовъ для доставленія этому комитету необходимаго гарантирующаго фонда. Была объявлена всеобщая отсрочка платежей по разностямъ до 15 мая; наконецъ былъ установленъ компенсаціонный курсъ для всѣхъ биржевыхъ бумагъ.

Все это были мѣры, вынуждаемыя крайностію; собственно, какъ средство излѣчить зло, ихъ нельзя было разсматривать. Не далѣе, какъ на слѣдующій день, оказалась ихъ недостаточность. 11 мая банки послали отъ себя депутацію къ австрійскому министру-президенту, князю Ауерспергу, ходатайствовать о поддержкѣ со стороны правительства. 12 мая собрались представители строительныхъ обществъ совѣщаться о средствахъ, которыми можно бы было предупредить остановку въ работахъ по начатымъ постройкамъ. Министръ финансовъ вначалѣ не безъ основанія колебался приступить къ искупленію грѣховъ спекуляціи помощью государственныхъ средствъ. Но опасность росла и схватывала даже самые высшіе слои общества,—и министръ уступилъ; онъ исходатайствовалъ у императора и у совѣта министровъ согласіе на пріостановку дѣйствія банковаго закона; согласіе венгерскаго министерства на эту мѣру было получено по телеграфу 12 мая. Распоряженіе по этому предмету было опубликовано въ оффиціальной газетѣ 13 мая и гласило слѣдующее:

„Императорскій приказъ 13 Мая 1872 года.

Настоящимъ приказомъ, на основаніи § 14 органическаго закона объ имперскомъ представительствѣ, отмѣняется 14 параграфъ устава австрійскаго національнаго банка.

Національный банкъ уполномочивается производить, согласно съ своимъ уставомъ, учетъ векселей и выдачу ссудъ подъ цѣнныя бумаги, не стѣсняясь при этомъ относительно размѣра выпускаемыхъ имъ со сказанною цѣлью билетовъ—нормою, установленною отдѣломъ 2-мъ, параграфа 14-го своего устава".

Распоряженіе это было препровождено директоромъ національнаго банка, который самъ о немъ и не думалъ ходатайствовать, и вслѣдствіе этого, а такъ же вслѣдствіе все еще не отмѣненнаго принудительнаго курса, очутился совсѣмъ въ иномъ положеніи, чѣмъ, напр., англійскій банкъ при аналогичныхъ обстоятельствахъ. Къ оффиціальной бумагѣ была приложена записка министра финансовъ Депретиса, слѣдующаго содержанія:

„Вашему превосходительству, конечно, извѣстно, что правительство не оставило безъ вниманія теперешнее ненормальное положеніе денежнаго рынка и рѣшило, въ случаѣ обстоятельства дѣйствительно того потребуютъ, употребить необходимыя чрезвычайныя мѣры для того, чтобы воспрепятствовать настоящему кризису, который до сихъ поръ ограничивался исключительно биржевымъ кругомъ, распространить свое дѣйствіе далѣе, ко вреду промышленности и торговли. Для предотвращенія этой то, грозящей намъ теперь, опасности, его величество, по предложенію совѣта министровъ, сдѣланному съ согласія королевско-венгерскаго правительства, изволилъ издать настоящій приказъ, въ силу котораго банкъ уполномочивается учитывать векселя и принимать подъ залогъ бумаги сообразно съ постановленіями своего устава, не стѣсняясь, относительно размѣра выпускаемыхъ съ этою цѣлью билетовъ—нормою, установленною параграфомъ 14 закона 18 марта 1872 г. Доводя о томъ до свѣдѣнія вашего превосходительства, я долженъ напереть на то, что правительство этою чрезвычайною мѣрою, имѣющею, само собою разумѣется, оставаться въ силѣ лишь до тѣхъ поръ, пока въ ней настоитъ крайняя надобность,—что правительство, говорю я, этою мѣрою имѣетъ въ виду исключительно воспрепятствовать поколебанію довѣрія въ кругахъ состоятельныхъ и надежныхъ въ дѣлѣ кредита, и предотвратить большія бѣдствія. Я вполнѣ надѣюсь, что національный банкъ лишь на столько воспользуется предоставленнымъ ему правомъ, насколько это необходимо для предотвращенія серьёзныхъ замѣшательствъ".

Предостереженіе, высказанное въ концѣ этого письма, было излишне, ибо, какъ мы уже замѣтили выше, національный банкъ о пріостановкѣ банковаго закона не ходатайствовалъ. Предостереженіе министра было подраженіемъ тѣхъ рѣчей, съ которыми англійское правительство обращалось къ англійскому банку въ 1847, 1857 и 1866 годахъ; но англійскій банкъ былъ совсѣмъ въ другомъ положеніи, и пріостановка закона послѣдовала по инициативѣ его правленія.

По 14 параграфу банковаго закона 8 іюля 1862 г., „правленіе австрій-

скаго національнаго банка обязано заботиться о томъ, чтобы отношеніе металлическаго его запаса къ количеству выпускаемыхъ имъ билетовъ обезпечивало вполнѣ обмѣнъ этихъ послѣднихъ на звонкую монету, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда воспослѣдуетъ въ установленномъ законномъ порядкѣ распоряженіе о временной пріостановкѣ выкупа билетовъ. Во всякомъ случаѣ, тотъ излишекъ, на который сумма обращающихся билетовъ превосходитъ 200 милліоновъ, долженъ быть обезпеченъ бумажными цѣнностями, принятыми подъ залогъ ссудъ сообразно съ уставомъ, или же выкупленными просроченными купонами облигацій; для той же цѣли могутъ служить и закладныя банка, оплаченныя сообразно съ уставомъ и годныя для новой реализаціи; впрочемъ, это послѣднее обезпеченье не должно провосходить 20,000,000 гульденовъ и можетъ служить какъ обезпеченье лишь по разсчету двухъ третей своей номинальной цѣны. Вмѣсто серебра, четвертая часть металлическаго запаса можетъ состоять изъ золота, въ монетахъ или въ слиткахъ".

Закономъ 18 марта 1872 г. этотъ 14 параграфъ устава былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что послѣднее его постановленіе было отмѣнено и правленію банка было предоставлено держать металлическій запасъ по своему усмотрѣнію въ золотѣ, или въ серебрѣ. Пріостановка этого закона позволила банку удовлетворить всѣмъ серьознымъ потребностямъ торговли. Тѣмъ не менѣе, банкъ имѣлъ лишь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ возможность воспользоваться предоставленными ему правилами, это видно изъ того, что излишекъ билетнаго обращенія, сравнительно съ металлическимъ запасомъ 11 іюня 1872 г, составлялъ не болѣе 192,503,627 гуль., 12 ноября 1873 г.—не болѣе 222,668,071 гульд., 31 декабря 1873 г. — не болѣе 208,245,939 гульд., и 12 марта 1874 г.—не болѣе 176,563,627 гульд.

Вслѣдъ за этою мѣрою правительства биржа, повидимому, нѣсколько ободрилась. Нижнеавстрійская торговая палата собралась съ цѣлью обсудить положеніе дѣлъ. На 15 мая кончилась отсрочка платежей и тогда разразились новыя многочисленныя банкротства, вслѣдствіе которыхъ мелкій биржевой людъ былъ совершенно уничтоженъ и оба спекуляціонные банка, „Placht" и „Fels", которымъ по преимуществу бѣдные люди ввѣряли свои сбереженія, подпали подъ конкурсъ. 28 мая большіе банки рѣшили снова возобновить пріемъ бумагъ для репортныхъ операцій, но эта попытка не имѣла никакого успѣха.

Іюнь мѣсяцъ начался бѣгствомъ кассира кредитнаго учрежденія, Покорни, который обокралъ банкъ на 437,000 гульд. Благодаря этому событію, недовѣріе распространилось на нѣкоторое время повсюду, такъ что и акціи этого общества, дирекція котораго, однако, заблаговременно разглядѣла опасность, совершенно пали въ цѣнѣ; одновременно съ этимъ рухнулъ и большой банкирскій домъ, Веркерсгеймъ и К°, банкротство котораго, вслѣдствіе связи этого

дома съ венгерскими желѣзными дорогами, повлекло за собою осложненія въ отношеніяхъ съ венгерскимъ правительствомъ.

5 мая національный банкъ включилъ выдачу безпроцентныхъ ссудъ подъ залогъ золота и серебра, но этою формою ссудъ публика пользовалась менѣе охотно, чѣмъ ссудами подъ залогъ бумагъ и дисконтомъ векселей; относительно послѣднихъ банкъ не нашелъ нужнымъ прибѣгнуть къ повышенію дисконта, чего можно было отъ него ожидать, такъ какъ въ остальныхъ отношеніяхъ его образъ дѣйствій былъ подражаніемъ образу дѣйствій англійскаго банка.

Между тѣмъ, нужда въ деньгахъ успѣла и въ Венгріи возрасти до крайней степени, такъ что министръ финансовъ счелъ нужнымъ войти съ предложеніями, клонившимися къ облегченію этой нужды; позднѣе къ этимъ предложеніямъ присоединилось еще одно, а именно: о снабженіи пештской отрасли національнаго банка болѣе значительными суммами въ придачу къ тѣмъ, которыми онъ располагалъ до сихъ поръ.

Наивысшей степени смятенія достигло положеніе дѣлъ 9 іюня, слѣдовательно, мѣсяцъ спустя послѣ наступленія кризиса, когда произошло банкротство вексельнаго банка, до того зарывшагося въ желѣзно-дорожныхъ и другихъ акціонерныхъ предпріятіяхъ, что почти весь его капиталъ погибъ, и надъ банкомъ былъ назначенъ конкурсъ, втянувшій въ катастрофу много другихъ учрежденій и отозвавшійся громадными потерями даже въ Бреславлѣ и въ Берлинѣ.

Наконецъ, 10 іюня появляется первый признакъ начинающагося болѣе здраваго пониманія средствъ устранить дѣйствительную причину кризиса,— причину, состоявшую въ несоотвѣтствіи между существующимъ запасомъ капитала и размѣрами затѣянныхъ предпріятій. Семь банковъ составили проэктъ сліянія въ одно учрежденіе, причемъ предполагалось ограничить противъ прежняго размѣры капитала.

13 числа образовался въ Вѣнѣ новый комитетъ вспомоществованія съ неограниченнымъ капиталомъ; въ подпискѣ на это учрежденіе, вызвавшее вскорѣ многочисленныя подражанія въ провинціи и въ Венгріи, принялъ участіе національный банкъ, а также первоклассныя торговыя фирмы и, такимъ образомъ, составился въ одной Вѣнѣ капиталъ въ 8 милліоновъ гульденовъ. Эти капиталы вспомоществованія, образовавшіеся въ Вѣнѣ, въ Пештѣ, въ Темесварѣ, въ Брюнѣ, въ Прагѣ, въ Грацѣ и другихъ мѣстахъ, оказали весьма благотворное дѣйствіе; они удовлетворили наиболѣе настоятельной нуждѣ въ деньгахъ въ такую пору, когда всеобщее недовѣріе заставляло капиталъ прятаться по разнымъ норкамъ; они также не мало способствовали къ расчисткѣ почвы отъ громадной груды заваливавшихъ ее эфемерныхъ предпріятій, опиравшихся большею частью на кредитъ. Надо признать, что министръ финансовъ де-Претисъ съ надлежащею энергіею принялся, съ своей стороны, содѣй-

ствовать организаціи этого дѣла. Уже 24 іюня онъ разослалъ проэктъ организаціи комитетовъ вспомоществованія всѣмъ лицамъ, стоявшимъ во главѣ административныхъ мѣстныхъ учрежденій, за исключеніемъ Нижней Австріи, Тироля, Далмаціи и Фаральберга. Къ проэкту былъ приложенъ слѣдующій циркуляръ:

„Вашему . . . безъ сомнѣнія извѣстно, что чрезмѣрныя спекуляціи биржи повлекли за собою уже нѣсколько недѣль тому назадъ неизбѣжную въ этихъ случаяхъ реакцію, дѣйствіе которой главнымъ образомъ сказалось повсемѣстнымъ потрясеніемъ денежнаго рынка. Хотя этотъ экономическій процесъ и отзывается ощутительнымъ образомъ на различныхъ общественныхъ слояхъ, тѣмъ не менѣе, императорско-королевское правительство сочло своимъ долгомъ не принимать противъ него съ своей стороны никакихъ активныхъ мѣръ, такъ какъ прежнимъ опытомъ доказано, что искусственныя средства не останавливаютъ экономическихъ кризисовъ, а, напротивъ, затягиваютъ ихъ и ухудшаютъ.

„Тѣмъ не менѣе, чтобы не дать по возможности производительной дѣятельности пострадать изъ-за затруднительнаго положенія кредита и чтобы воспрепятствовать кризису распространиться на торговлю и промышленность, національный банкъ былъ уполномоченъ императорско-королевскимъ указомъ 13 мая производить на основаніяхъ, указанныхъ его уставомъ, учетъ векселей и выдачу ссудъ подъ залогъ бумагъ, не стѣсняясь, при выпускѣ билетовъ, предназначенныхъ для этой цѣли, размѣрами, опредѣленными въ уставѣ. Этою чрезвычайною мѣрою, долженствовавшею, само собою разумѣется, оставаться въ силѣ лишь пока въ ней будетъ настоять крайняя необходимость, правительство имѣло исключительно въ виду предотвратить наиболѣе гибельныя послѣдствія, которыя могло навлечь за собою поколебавшееся довѣріе въ коммерческихъ сферахъ, сдѣлавшихся неспособными къ немедленной уплатѣ по своимъ обязательствамъ. По счастью, торговля и промышленность остались до сихъ поръ въ сторонѣ отъ непосредственнаго вліянія кризиса, и, если только насъ не обманываютъ всѣ имѣющіеся на лицо признаки, нѣтъ никакого основанія опасаться и на будущее время серьезныхъ послѣдствій, подъ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы финансовые, коммерческіе и промышленные кружки, наиболѣе близко заинтересованные въ дѣлѣ, сами проявили надлежащую заботливость и энергію.

„Существуетъ одно только средство противодѣйствовать недовѣрію, которое, будучи вызвано отчасти дѣйствительнымъ паденіемъ цѣнностей, поддерживается между тѣмъ съ различныхъ сторонъ искусственными мѣрами и грозитъ, если ему въ ближайшемъ будущемъ не будетъ положенъ конецъ, пошатнуть кредитъ, необходимый для торговли и промышленности. Средство это — соединеніе всѣхъ здоровыхъ элементовъп ромышленнаго міра, съ цѣлью взаимной поддержки и возстановленія необходимаго кредита, для котораго, какъ

показываетъ внимательное разсмотрѣніе положенія дѣлъ, имѣется на лицо достаточно источниковъ.

„Съ этою цѣлью въ Вѣнѣ, какъ вашему..., конечно, извѣстно изъ газетъ, образовался, при содѣйствіи національнаго банка, комитетъ изъ представителей наиболѣе крупныхъ банковъ и частныхъ фирмъ; комитетъ этотъ, создавъ посредствомъ подписки фондъ, обезпечивающій покрытіе возможныхъ убытковъ, поставилъ своею задачею оказывать помощь, преимущественно посредствомъ ссудъ подъ надежныя бумаги и учета векселей, въ тѣхъ случаяхъ, когда представляется надобность устранить временную нужду въ деньгахъ и этимъ воспрепятствовать остановкѣ здоровой экономической дѣятельности.

„Комитетъ этотъ готовъ распространить свою дѣятельность и на другія части государства, всюду, гдѣ образуются подобные союзы для отдѣльныхъ мѣстностей или же для цѣлыхъ округовъ и, собравъ необходимый обезпечивающій капиталъ, представятъ, черезъ взаимное ручательство своихъ членовъ, гарантію въ томъ, что средства, которыми здѣшній комитетъ во всякомъ случаѣ долженъ будетъ снабдить ихъ при помощи національнаго банка или провинціальныхъ отраслей послѣдняго, будутъ употребляться на поддержаніе лишь реальныхъ и дѣйствительно нуждающихся въ поддержкѣ торговыхъ и промышленныхъ интересовъ.

„Участіе правительства и въ этомъ дѣлѣ можетъ проявляться лишь въ нравственномъ содѣйствіи. Я уполномочиваю Ваше..., въ случаѣ къ тому представится поводъ въ сношеніяхъ съ представителями заинтересованныхъ въ дѣлѣ сферъ, совѣтовать имъ возможно скорѣйшій починъ въ сказанномъ направленіи, а также ознакомить ихъ съ содержаніемъ прилагаемаго присемъ проэкта, въ которомъ указаны въ главныхъ чертахъ способъ образованія комитетовъ и сфера ихъ дѣятельности".

ПРОЭКТЪ.

„Учрежденія и частныя фирмы даннаго мѣста или округа, образующаго географически одно цѣлое, составляютъ для раіона своей дѣятельности обезпечивающій фондъ. При этомъ должны быть обозначены какъ размѣры фонда, такъ и фирмы, участвующія въ его образованіи. Сумма, требующаяся для удовлетворенія потребности данной мѣстности или округа и испрашиваемая подъ гарантіею вышеназваннаго фонда, размѣрамъ котораго она должна соотвѣтствовать, тоже должна быть заранѣе обозначена. Пользованіе тѣми средствами, которыя будутъ предоставлены въ распоряженіе комитета, должно происходить слѣдующимъ образомъ: учрежденія и крупныя частныя фирмы, образовавшія ассоссіацію для даннаго мѣста или округа, подвергаютъ векселя, преставляемые для учета, разсмотрѣнію контролирующей комиссіи, спеціально назначаемой съ этою цѣлью соединившимися учрежденіями и фирмами; затѣмъ, ас-

ніи ему этого права было достаточно, чтобы выманить деньги изъ тѣхъ норокъ, въ которыя онѣ попрятались, и возстановить довѣріе.

Разъ мы распознали зло, не трудно отыскать и средства къ его устраненію. Всѣ усилія въ этомъ отношеніи должны ограничиваться возникновеніемъ функцій, присущихъ орудіямъ обращенія (—т. е. деньгамъ, банковымъ билетамъ и государственнымъ бумажнымъ деньгамъ). Усилія эти отнюдь не должны обращаться и на замѣну недостающаго капитала посредствомъ новыхъ долговъ, усиленнаго печатанья бумажныхъ денегъ или поощренія вексельныхъ злоупотребленій, потому что капиталъ создать нельзя однимъ взмахомъ руки.

Словомъ, выражая нашу мысль въ болѣе сжатой формѣ — поддержка, явится ли она со стороны національнаго банка, или со стороны самопомощи, не должна захватывать сферу спекуляціи и поощрять послѣднюю; — она должна исключительно облегчать ликвидацію.

Выпускъ билетовъ можетъ быть усиленъ въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ наиболѣе настоятельной потребности, и выдача ссудъ подъ залогъ бумагъ, а также учетъ надежныхъ векселей—могутъ быть значительно облегчены исключительными мѣропріятіями въ такой моментъ, когда обычные органы коммерческихъ оборотовъ, болѣе или менѣе озабоченные собственной безопасностью, отказываются служить свою службу; но никогда общественныя учрежденія, основываемыя съ цѣлью оказывать помощь въ этихъ случаяхъ, не служатъ для задержанія хода ликвидаціи и для поддержки падающихъ курсовъ посредствомъ закупки бумагъ.

Если мы изложенныя здѣсь правила примемъ за мѣрило при обсужденіи мѣръ, принятыхъ въ Вѣнѣ, то мы можемъ лишь одобрить расширеніе полномочій, данныхъ національному банку.

Былъ поднятъ вопросъ о томъ, не была ли эта мѣра принята слишкомъ рано?—Мы не имѣемъ возможности судить о томъ, усилился ли бы кризисъ и не распространился ли бы онъ и на дальнѣйшія сферы въ томъ случаѣ, если бы сказанная мѣра была отсрочена на нѣкоторое время. Мы, во всякомъ случаѣ, полагаемъ, что она пресѣкла лихорадку и положила конецъ *денежному* кризису, въ тѣсномъ значеніи этого слова.

Въ случаѣ, еслибы наше предположеніе оказалось въ то время ошибочнымъ, то оставались еще два средства, на которыя мы тогда и указывали: устройство кассы для ссудъ подъ залогъ товаровъ и, какъ послѣднее крайнее средство, помощь извнѣ (заемъ).

Что же касается самой болѣзни, т. е. кризиса капитала, или биржеваго кризиса, то ее можно было только предоставить естественному ея теченію.

Обстоятельства вынудили обратиться и къ послѣднимъ, указаннымъ нами, средствамъ. Но первое изъ нихъ было примѣнено въ слишкомъ ограниченныхъ размѣрахъ, а второе—слишкомъ поздно. Главное затрудненіе на биржѣ послѣ

того, какъ былъ образованъ капиталъ вспомоществованія, заключалось еще въ устройствѣ соглашенія между кредиторами и должниками; изъ послѣднихъ многіе были совершенно несостоятельны, но многіе были несостоятельны лишь отчасти, или только временно. Послѣ долгихъ совѣщаній, биржа наконецъ пришла къ рѣшенію произвести соглашенія по той же системѣ, какая, нѣсколько времени тому назадъ, была принята во Франкфуртѣ, и передать завѣдыванье ими за соотвѣтствующее вознагражденіе, союзу кассовыхъ и переводныхъ операцій (Giround Cassenverein). Соглашенія должны были производиться три раза въ недѣлю; союзъ, для вящаго удобства процедуры, обязался устроить для нея особую контору при самомъ помѣщеніи биржи. Соглашенія по новой системѣ должны были начаться въ концѣ іюля. Кромѣ того, биржевой комитетъ рѣшилъ опубликовать въ наискорѣйшемъ времени постановленіе о соглашеніяхъ; въ то же время состоялось и было утверждено министромъ другое постановленіе относительно „упорствующихъ" должниковъ. Постановленіе это, сообщенное биржевому комитету 14 іюня, состояло въ слѣдующемъ: относительно тѣхъ несостоятельныхъ должниковъ, которые, по истеченіи извѣстнаго срока, не въ состояніи будутъ сослаться на состоявшееся между ними и кредиторами ихъ соглашеніе, или доказать, что такое соглашеніе не состоялось не по ихъ винѣ,— биржевой комитетъ уполномочивался министромъ, на основаніи биржеваго закона, лишить такихъ лицъ на долгій срокъ биржевой правоспособности; при-этомъ вѣнскому биржевому комитету вмѣнялось въ обязанность извѣстить о таковомъ исключеніи даннаго лица всѣ биржевые комитеты монархіи. Кромѣ того, министромъ было предписано, чтобы имена несостоятельныхъ должниковъ, которые, по окончаніи процедуры соглашенія, будутъ уличены въ злостномъ уклоненіи отъ исполненія своихъ обязательствъ, выставлялись въ залѣ биржи на особой черной доскѣ,—мѣра, которая, впрочемъ, еще ранѣе, была введена въ Прагѣ относительно тамошнихъ несостоятельныхъ должниковъ.

Около этого же времени состоялся въ Вѣнѣ съѣздъ депутатовъ отъ австрійскихъ торговыхъ палатъ и принялъ рядъ рѣшеній, главная сущность которыхъ заключалась въ слѣдующемъ: должно позаботиться о предоставленіи болѣе значительныхъ суммъ въ распоряженіе провинціальныхъ отраслей національнаго банка. Національный банкъ долженъ впредь принимать подъ залогъ также акціи промышленныхъ предпріятій, если при-этомъ двѣ благонадежныя фирмы представляютъ свое поручательство; поручательство этого рода предъявляется въ формѣ акцептовъ и не зачитается поручителю въ счетъ его кредита. При учетѣ векселей, и, въ особенности, при учетѣ мѣстныхъ векселей вводятся возможныя облегченія; такъ, напримѣръ, для простыхъ векселей признается достаточной подпись двухъ фирмъ, при учетѣ мѣстныхъ не требуется, чтобы обѣ фирмы принадлежали къ одному и тому же округу. Слѣдуетъ обратиться къ національному банку съ ходатайствомъ о томъ, чтобы

онъ открылъ въ обширныхъ размѣрахъ переучетъ векселей солиднымъ провинціальнымъ банкамъ, ремесленнымъ кассамъ вспомоществованія и ссуднымъ товариществамъ. Сберегательнымъ кассамъ должно быть предоставлено право образовать кредитныя товарищества за взаимнымъ поручительствомъ, а всѣмъ кредитнымъ товариществамъ національный банкъ долженъ открыть кредитъ на условіяхъ, которыя имѣютъ быть опредѣлены позднѣйшей разработкой этого вопроса. Къ правительству слѣдуетъ обратиться съ ходатайствомъ о расширеніи полномочій политическихъ учрежденій касательно выдачи разрѣшеній на образованіе кредитныхъ ассоссіацій.

Эти предложенія, при осуществленіи которыхъ центральный ассигнаціонный банкъ непремѣнно долженъ бы былъ идти на встрѣчу собственному банкротству, поддерживались во время преній еще болѣе непрактическими мотивами, свидѣтельствовавшими о значительной степени незрѣлости многихъ представителей этихъ вліятельныхъ корпорацій [1]). Поэтому предложенія эти не безъ основанія подвергались весьма строгой критикѣ въ наиболѣе вліятельной газетѣ, „Neue freie Presse". Сами мы въ то время воспользовались случаемъ напомнить еще разъ, что деньги не могутъ быть умножаемы по произволу, что необходимо имѣть также въ виду свойство денегъ, какъ мѣрила цѣнности,— что запасъ цѣнностей не увеличивается оттого, что увеличиваютъ мѣрила, которымъ цѣнности опредѣляются. Мы снова настаивали на томъ принципѣ, который былъ подробно изложенъ нами въ другомъ мѣстѣ настоящаго сочиненія, именно, что количество средствъ обращенія должно сообразоваться съ размѣромъ оборотовъ.

Произвольное увеличенье средствъ обращенія въ Австріи, при господствующемъ тамъ принудительномъ курсѣ, и безъ того могло бы произойти не иначе,

[1]) Въ то время мы писали по этому поводу въ «*Schlisische Presse*»: хотя давнишній опытъ учитъ насъ, что неотвѣтственныя собранія всегда требуютъ гораздо болѣе того, что могутъ исполнить отвѣтственныя правительственныя учрежденія, тѣмъ не менѣе, когда торговое сословіе проявляетъ такого рода требовательность, тутъ присоединяется одно особенное обстоятельство, придающее дѣлу весьма странный характеръ. Не странно ли, что сословіе, которое, по самой профессіональной дѣятельности своей, должно бы было обладать даромъ быстраго соображенія, здравостью и принципіальностью сужденія, а также обширною опытностью, сословіе, которое долженствовало бы быть практическимъ представителемъ здравыхъ экономическихъ понятій,—не странно ли, говоримъ мы, что это сословіе, какъ только ходъ дѣлъ выскакиваетъ изъ обычной колеи, находитъ въ средѣ своей такъ много коноводовъ, для которыхъ уроки исторіи не существуютъ, которыхъ ни французскія ассигнаціи, ни американскіе «*гринбаки*» ничему не научили и которые не понимаютъ, что общая стоимость поземельной собственности и товаровъ не можетъ быть вычеканена и представлена въ металлической монетѣ или въ бумажныхъ деньгахъ».

какъ въ ущербъ владѣльцамъ старыхъ билетовъ. Помощь была бы оказана лишь отдѣльнымъ личностямъ ко вреду большинства. Такое пожертвованье интересами общественнаго цѣлаго не можетъ быть оправдываемо. Правда, можетъ представиться необходимость мѣры этого рода, когда, во время финансоваго кризиса, грозитъ опасность паники, вслѣдствіе которой деньги попрячутся и наступитъ дѣйствительный недостатокъ въ средствахъ обращенія, или же существуетъ основаніе опасаться всеобщаго застоя въ работѣ. Но въ этихъ случаяхъ подобная мѣра оправдывается соображеніями общаго блага; тутъ устанавливается строгая граница для государственной помощи: послѣдняя прекращается тамъ, гдѣ начинается частный интересъ, хотя бы то былъ интересъ цѣлыхъ отдѣльныхъ отраслей торговли. Государство безусловно не имѣетъ права предоставлять отдѣльнымъ личностямъ какихъ-либо преимуществъ въ ущербъ общественнаго цѣлаго. Оно можетъ предоставить имъ лишь такія выгоды, которыя идутъ на пользу всѣмъ, или же для которыхъ не требуется пожертвованья общими интересами; но заставлять всѣхъ платиться за выгоды немногихъ—оно не имѣетъ права. Между тѣмъ, именно такого рода комбинація произошла бы въ случаѣ, еслибы австрійское правительство разрѣшило національному банку увеличить еще болѣе выпускъ билетовъ, единственно съ цѣлью выручить изъ бѣды спекулянтовъ и спекуляціонные банки, рискуя при-этомъ возвысить лажъ на серебро въ ущербъ владѣльцевъ прежнихъ билетовъ. Пріостановка дѣйствія банковаго закона оправдывалась лишь пока и насколько она служила предохранительною мѣрою противъ недостатка въ средствахъ обращенія и противъ распространенія кризиса на торговую, промышленную и сельскохозяйственную дѣятельность. Далѣе этого не могло идти государство, не могъ идти и національный банкъ.

Съ точки зрѣнія этихъ неопровержимыхъ положеній, многія изъ резолюцій съѣзда австрійскихъ торговыхъ палатъ подлежатъ безусловному осужденію,— а именно тѣ изъ нихъ, которыя хотятъ навязать національному банку прямое вмѣшательство въ затрудненія, вызванныя кризисомъ, и требуютъ увеличенья количества банковыхъ билетовъ и нарушенія правилъ, предписываемыхъ здравымъ пониманіемъ банковаго дѣла. Такова, напр., мѣра, требующая произвольнаго умноженія провинціальныхъ отраслей національнаго банка и учрежденія таковыхъ въ каждомъ городѣ, гдѣ существуетъ торговая палата, безъ соображенія о томъ, имѣетъ ли данная мѣстность достатоточно развитую торговую и ро мышленную дѣятельность. Таково также требованье о принятіи къ учету шестимѣсячныхъ векселей и о выдачѣ ссудъ подъ залогъ промышленныхъ акцій.

Гораздо полезнѣе было бы, еслибы австрійскія торговыя палаты озаботились предостеречь провинціальную публику объ опасности операцій на разность, потому что именно провинціальная публика всегда бываетъ въ этихъ

операціяхъ проигрывающею стороною. Не мѣшало бы также торговымъ палатамъ указать на опасность участія въ маклерскихъ банкахъ, берущихъ на себя тотъ рискъ, который безъ нихъ вынуждены бы были нести сами банкиры и банки. Еслибы, наконецъ, торговая палата рѣшила издать популярную книгу, въ которой общепонятнымъ образомъ были бы изложены начала политической экономіи и указаны опасности биржевой игры, то для такого предпріятія мы признали бы, даже, умѣстной государственную помощь.

Но въ томъ видѣ, въ какомъ были сформированы рѣшенія съѣзда, они представляли мало вѣроятій успѣха,—и мы тогда же предсказывали, что руководящіе кружки финансистовъ въ Австріи окажутся слишкомъ проницательными, чтобы имъ послѣдовать. Наше предсказаніе оправдалось вполнѣ.

Впрочемъ, національный банкъ старался въ предѣлахъ возможности удовлетворить потребности публики посредствомъ болѣе щедраго дисконтированья векселей; банкъ сдѣлалъ бы еще болѣе въ этомъ отношеніи, еслибы обезпеченья, представляемыя биржевою публикою, болѣе соотвѣтствовали тому, чѣмъ должны быть обезпеченья, принимаемыя банкомъ. Для выдачи ссудъ подъ залогъ биржевыхъ бумагъ существовали комитеты вспомоществованія, но средства ихъ вскорѣ оказались недостаточными для удовлетворенія всѣхъ, обращавшихся къ ихъ помощи. Отчеты банка показываютъ за всѣ три весенніе мѣсяца постоянное увеличенье дисконтныхъ операцій; но, не взирая на это, банкъ не приступилъ къ повышенію дисконта, между тѣмъ, какъ мелкіе ассигнаціонные банки обыкновенно въ такіе моменты ограничиваютъ свой портфель и повышаютъ процентъ за учетъ векселей.

Между тѣмъ, въ сознаніе публики, при посредствѣ прессы, все болѣе и болѣе проникло убѣжденіе, что кризисъ можетъ быть осиленъ, „правильный ходъ дѣлъ упроченъ и равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ возстановлено лишь однимъ путемъ: что всѣ гнилыя предпріятія, или такія, для которыхъ не хватаетъ капитала, должны быть брошены, что капиталъ, вынутый изъ этихъ предпріятій, долженъ вернуться къ прежнимъ своимъ надежнымъ помѣщеніямъ,—что, словомъ, необходимы ликвидація, ограниченье и сліяніе многихъ акціонерныхъ обществъ. Правительство, съ своей стороны, поспѣшило оказать поддержку движенію, сказывавшемуся въ этомъ направленіи, и 21 іюня было издано императорское повелѣніе, вводившее разныя облегчающія правила для закрытія акціонерныхъ обществъ. Главнѣйшія постановленія этого повелѣнія были слѣдующія:

Статья 1-я.

„Когда акціонерное общество, по вступленіи въ дѣйствіе настоящаго императорскаго повелѣнія, закроется не въ конкурсномъ порядкѣ, распредѣленіе общественнаго имущества, какое окажется по удовлетвореніи кредиторовъ об-

того, какъ былъ образованъ капиталъ вспомоществованія, заключалось еще въ устройствѣ соглашенія между кредиторами и должниками; изъ послѣднихъ многіе были совершенно несостоятельны, но многіе были несостоятельны лишь отчасти, или только временно. После долгихъ совѣщаній, биржа наконецъ пришла къ рѣшенію произвести соглашенія по той же системѣ, какая, нѣсколько времени тому назадъ, была принята во Франкфуртѣ, и передать завѣдыванье ими за соотвѣтствующее вознагражденіе, союзу кассовыхъ и переводныхъ операцій (Giround Cassenverein). Соглашенія должны были производиться три раза въ недѣлю; союзъ, для вящаго удобства процедуры, обязался устроить для нея особую контору при самомъ помѣщеніи биржи. Соглашенія по новой системѣ должны были начаться въ концѣ іюля. Кромѣ того, биржевой комитетъ рѣшилъ опубликовать въ наискорѣйшемъ времени постановленіе о соглашеніяхъ; въ то же время состоялось и было утверждено министромъ другое постановленіе относительно „упорствующихъ" должниковъ. Постановленіе это, сообщенное биржевому комитету 14 іюня, состояло въ слѣдующемъ: относительно тѣхъ несостоятельныхъ должниковъ, которые, по истеченіи извѣстнаго срока, не въ состояніи будутъ сослаться на состоявшееся между ними и кредиторами ихъ соглашеніе, или доказать, что такое соглашеніе не состоялось не по ихъ винѣ,—биржевой комитетъ уполномочивался министромъ, на основаніи биржеваго закона, лишить такихъ лицъ на долгій срокъ биржевой правоспособности; при-этомъ вѣнскому биржевому комитету вмѣнялось въ обязанность извѣстить о таковомъ исключеніи даннаго лица всѣ биржевые комитеты монархіи. Кромѣ того, министромъ было предписано, чтобы имена несостоятельныхъ должниковъ, которые, по окончаніи процедуры соглашенія, будутъ уличены въ злостномъ уклоненіи отъ исполненія своихъ обязательствъ, выставлялись въ залѣ биржи на особой черной доскѣ,—мѣра, которая, впрочемъ, еще ранѣе, была введена въ Прагѣ относительно тамошнихъ несостоятельныхъ должниковъ.

Около этого же времени состоялся въ Вѣнѣ съѣздъ депутатовъ отъ австрійскихъ торговыхъ палатъ и принялъ рядъ рѣшеній, главная сущность которыхъ заключалась въ слѣдующемъ: должно позаботиться о предоставленіи болѣе значительныхъ суммъ въ распоряженіе провинціальныхъ отраслей національнаго банка. Національный банкъ долженъ впредь принимать подъ залогъ также акціи промышленныхъ предпріятій, если при-этомъ двѣ благонадежныя фирмы представляютъ свое поручательство; поручательство этого рода предъявляется въ формѣ акцептовъ и не зачитается поручителю въ счетъ его кредита. При учетѣ векселей, и, въ особенности, при учетѣ мѣстныхъ векселей вводятся возможныя облегченія; такъ, напримѣръ, для простыхъ векселей признается достаточной подпись двухъ фирмъ, при учетѣ мѣстныхъ не требуется, чтобы обѣ фирмы принадлежали къ одному и тому же округу. Слѣдуетъ обратиться къ національному банку съ ходатайствомъ о томъ, чтобы

питалѣ въ 213,320,000 фл. потери на курсахъ простирались до 135,837,000 фл.; на банковыхъ акціяхъ, которыхъ всего насчитывалось до 3,307,000, и представлявшихъ капиталъ въ 510,850,000 фл., курсовыя потери простирались до 366,682,500 фл. Итого, въ общей сложности, потери на курсахъ 10,241,006 бумагъ, которыя представляли капиталъ въ 1,663,030,195 фл., дали разность въ 607,618,235. Въ этотъ разсчетъ не включены ренты, пріоритеты и закладныя. Число бумагъ, курсъ которыхъ съ 8 мая по 1874 г. не понизился или понизился лишь незначительно, было крайне ограничено. Повышеніе курсовъ оказалось лишь на акціяхъ національнаго банка (числомъ около 300,000), которыя въ началѣ мая 1873 г. представляли приблизительно стоимость въ 40,000,000, а въ 1874 продавались на биржѣ съ надбавкой отъ 3 до 10 фл. на акцію противъ цѣны, по которой онѣ ходили передъ наступленіемъ кризиса.

Если мы вздумаемъ, говоритъ одна вѣнская газета, обозрѣть число предпріятій, павшихъ жертвами кризиса, то мы получимъ слѣдующій списокъ существованій, которымъ „крахъ положилъ конецъ, вслѣдствіе чего самыя имена этихъ „цѣнностей“ должны будутъ вскорѣ исчезнуть изъ биржевыхъ списковъ:

Совершенно погибли уже въ настоящее время—22 банка. Тяжело пострадали отъ послѣдствій кризиса и близки къ паденію до 17 банковъ, большею частью, возникшихъ въ недавнее время.

„Изъ промышленныхъ обществъ, правда, ни одно еще до сихъ поръ не погибло окончательно; но весьма почтенное число ихъ утратило право на дальнѣйшее существованіе и поставлено кризисомъ въ такое опасное положеніе, что до 23 предпріятій (большею частью строительныхъ обществъ), крайне расшатанныхъ уже и въ настоящее время, по всѣмъ вѣроятіямъ, вскорѣ совсѣмъ рухнутъ.

„Кромѣ того насчитываютъ еще нѣсколько промышленныхъ предпріятій, дѣла которыхъ обстоятъ очень плохо. Каждый человѣкъ, знакомый съ нашимъ финансовымъ положеніемъ, и самъ узнаетъ имена этихъ предпріятій на таблицахъ биржевыхъ курсовъ“.

Общія цифры паденія курсовъ, испытаннаго австрійскими бумагами, уже были указаны нами выше. Одни строительные банки съ 1 мая 1873 г. понесли черезъ это потерь на 123,440,000.

Сумма потерь на курсахъ, понесенныхъ бумагами девятнадцати сѣверогерманскихъ предпріятій, составляетъ, съ 15 апрѣля по 4 октября—95,271,000. (Общій капиталъ, представляемый акціями этихъ предпріятій, простирался до 126,050,000).

Для пополненія этого обзора и для выясненія частнымъ комитетамъ нѣкоторыхъ особенностей, свойственныхъ вообще движенію бумажныхъ цѣнностей, мы заимствуемъ изъ отчетовъ гамбургской биржи нѣкоторыя данныя,

вытекающія изъ сопоставленія курсовъ бумагъ, пользовавшихся до сихъ поръ особеннымъ вниманіемъ на берлинской биржѣ. Данныя эти обнимаютъ періодъ отъ начала сентября 1869 по 1873 г.

Изъ обозрѣнія курсовъ на бумаги прусскаго государственнаго $4^1/_2$ процентнаго займа, австрійскаго національнаго пяти-процентнаго займа и русскаго пятаго пяти-процентнаго займа оказывается, что бумаги всѣхъ этихъ займовъ въ теченіе означеннаго періода постоянно повышались. Правда, въ 1870 г. бумаги прусскаго займа испытали въ теченіе нѣсколькихъ недѣль (съ конца іюля до начала августа) пониженіе и пали съ $93^1/_2$ до $8^1/_2$, но это очень просто объясняется внезапнымъ объявленіемъ войны; тотчасъ же послѣ первыхъ побѣдъ, одержанныхъ нѣмецкимъ оружіемъ, курсы эти снова показываютъ быстрое повышеніе и въ 1873 г. доходятъ до $100^1/_2$.

Закладныя нѣмецкаго земскаго кредита (landständische Pfandbriefe) и пріоритеты желѣзныхъ дорогъ испытали за эти три года сравнительно крайне незначительныя колебанія курсовъ. Что касается стоимости желѣзнодорожныхъ акцій, то бумаги эти, по самой сущности дѣла, подвержены значительнымъ колебаніямъ; сравнительная доходность какъ различныхъ желѣзныхъ дорогъ, такъ и одной и той же дороги, въ теченіе извѣстнаго періода времени, опредѣляется подъ вліяніемъ измѣняющихся условій сообщенія, стоимости эксплуатаціи, конкурренціи, и т. п. множествомъ факторовъ, не допускающихъ разсчета напередъ.

Акціи всѣхъ банковъ вообще до 1872 г. постоянно идутъ въ гору; въ теченіе же 1873 г., напротивъ, замѣчается общее пониженіе акцій этого рода; но размѣры пониженія для различныхъ акцій весьма различны. На многихъ банкахъ и кредитныхъ учрежденіяхъ реакція отозвалась чрезвычайно сильно. Акціи прусскаго банка, не взирая на постепенное расширеніе дѣятельности этого учрежденія и на его несомнѣнную прочность, въ 1873 г. стояли ниже, чѣмъ въ 1871 и 1872 гг. Но это объясняется тѣмъ, что съ 1871 г. могло каждую минуту быть рѣшено ликвидированье этого банка, быть можетъ, съ цѣлью замѣнить его германскимъ имперскимъ банкомъ; въ такомъ случаѣ правительство обязывалось только за годъ впередъ предупредить банкъ о предстоящей ему ликвидаціи; при такомъ оборотѣ дѣла акціонеры могли разсчитывать лишь на возвращеніе первоначально сдѣланнаго взноса и на соотвѣтствующую долю въ резервномъ фондѣ.

Длинный рядъ цифръ, взятыхъ наудачу изъ данныхъ о промышленныхъ и горнозаводскихъ предпріятіяхъ, свидѣтельствуетъ, что акціи такихъ предпріятій подвержены необычайно сильнымъ колебаніямъ, и служитъ разительнымъ подтвержденіемъ того правила, что поступать въ акціонеры этихъ предпріятій и, въ особенности, покупать акціи ихъ по высокой цѣнѣ слѣдуетъ

ніи ему этого права было достаточно, чтобы выманить деньги изъ тѣхъ марокъ, въ которыя онѣ попрятались, и возстановить довѣріе.

Разъ мы распознали зло, не трудно отыскать и средства къ его устраненію. Всѣ усилія въ этомъ отношеніи должны ограничиваться возникновеніемъ функцій, присущихъ орудіямъ обращенія (—т. е. деньгамъ, банковымъ билетамъ и государственнымъ бумажнымъ деньгамъ). Усилія эти отнюдь не должны обращаться и на замѣну недостающаго капитала посредствомъ новыхъ долговъ, усиленнаго печатанья бумажныхъ денегъ или поощренія вексельныхъ злоупотребленій, потому что капиталъ создать нельзя однимъ взмахомъ руки.

Словомъ, выражая нашу мысль въ болѣе сжатой формѣ — поддержка, явится ли она со стороны національнаго банка, или со стороны самопомощи, не должна захватывать сферу спекуляціи и поощрять послѣднюю; — она должна исключительно облегчать ликвидацію.

Выпускъ билетовъ можетъ быть усиленъ въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ наиболѣе настоятельной потребности, и выдача ссудъ подъ залогъ бумагъ, а также учетъ надежныхъ векселей—могутъ быть значительно облегчены исключительными мѣропріятіями въ такой моментъ, когда обычные органы коммерческихъ оборотовъ, болѣе или менѣе озабоченные собственной безопасностью, отказываются служить свою службу; но никогда общественныя учрежденія, основываемыя съ цѣлью оказывать помощь въ этихъ случаяхъ, не служатъ для задержанія хода ликвидаціи и для поддержки падающихъ курсовъ посредствомъ закупки бумагъ.

Если мы изложенныя здѣсь правила примемъ за мѣрило при обсужденіи мѣръ, принятыхъ въ Вѣнѣ, то мы можемъ лишь одобрить расширеніе полномочій, данныхъ національному банку.

Былъ поднятъ вопросъ о томъ, не была ли эта мѣра принята слишкомъ рано?—Мы не имѣемъ возможности судить о томъ, усилился ли бы кризисъ и не распространился ли бы онъ и на дальнѣйшія сферы въ томъ случаѣ, если бы сказанная мѣра была отсрочена на нѣкоторое время. Мы, во всякомъ случаѣ, полагаемъ, что она пресѣкла лихорадку и положила конецъ *денежному* кризису, въ тѣсномъ значеніи этого слова.

Въ случаѣ, еслибы наше предположеніе оказалось въ то время ошибочнымъ, то оставались еще два средства, на которыя мы тогда и указывали: устройство кассы для ссудъ подъ залогъ товаровъ и, какъ послѣднее крайнее средство, помощь извнѣ (заемъ).

Что же касается самой болѣзни, т. е. кризиса капитала, или биржеваго кризиса, то ее можно было только предоставить естественному ея теченію.

Обстоятельства вынудили обратиться и къ послѣднимъ, указаннымъ нами, средствамъ. Но первое изъ нихъ было примѣнено въ слишкомъ ограниченныхъ размѣрахъ, а второе—слишкомъ поздно. Главное затрудненіе на биржѣ послѣ

того, какъ былъ образованъ капиталъ вспомоществованія, заключалось еще въ устройствѣ соглашенія между кредиторами и должниками; изъ послѣднихъ многіе были совершенно несостоятельны, но многіе были несостоятельны лишь отчасти, или только временно. Послѣ долгихъ совѣщаній, биржа наконецъ пришла къ рѣшенію произвести соглашенія по той же системѣ, какая, нѣсколько времени тому назадъ, была принята во Франкфуртѣ, и передать завѣдыванье ими за соотвѣтствующее вознагражденіе, союзу кассовыхъ и переводныхъ операцій (Giround Cassenverein). Соглашенія должны были производиться три раза въ недѣлю; союзъ, для вящаго удобства процедуры, обязался устроить для нея особую контору при самомъ помѣщеніи биржи. Соглашенія по новой системѣ должны были начаться въ концѣ іюля. Кромѣ того, биржевой комитетъ рѣшилъ опубликовать въ наискорѣйшемъ времени постановленіе о соглашеніяхъ; въ то же время состоялось и было утверждено министромъ другое постановленіе относительно „упорствующихъ" должниковъ. Постановленіе это, сообщенное биржевому комитету 14 іюня, состояло въ слѣдующемъ: относительно тѣхъ несостоятельныхъ должниковъ, которые, по истеченіи извѣстнаго срока, не въ состояніи будутъ сослаться на состоявшееся между ними и кредиторами ихъ соглашеніе, или доказать, что такое соглашеніе не состоялось не по ихъ винѣ,— биржевой комитетъ уполномочивался министромъ, на основаніи биржеваго закона, лишить такихъ лицъ на долгій срокъ биржевой правоспособности; при-этомъ вѣнскому биржевому комитету вмѣнялось въ обязанность извѣстить о таковомъ исключеніи даннаго лица всѣ биржевые комитеты монархіи. Кромѣ того, министромъ было предписано, чтобы имена несостоятельныхъ должниковъ, которые, по окончаніи процедуры соглашенія, будутъ уличены въ злостномъ уклоненіи отъ исполненія своихъ обязательствъ, выставлялись въ залѣ биржи на особой черной доскѣ,—мѣра, которая, впрочемъ, еще ранѣе, была введена въ Прагѣ относительно тамошнихъ несостоятельныхъ должниковъ.

Около этого же времени состоялся въ Вѣнѣ съѣздъ депутатовъ отъ австрійскихъ торговыхъ палатъ и принялъ рядъ рѣшеній, главная сущность которыхъ заключалась въ слѣдующемъ: должно позаботиться о предоставленіи болѣе значительныхъ суммъ въ распоряженіе провинціальныхъ отраслей національнаго банка. Національный банкъ долженъ впредь принимать подъ залогъ также акціи промышленныхъ предпріятій, если при-этомъ двѣ благонадежныя фирмы представляютъ свое поручательство; поручательство этого рода предъявляется въ формѣ акцептовъ и не зачитается поручителю въ счетъ его кредита. При учетѣ векселей, и, въ особенности, при учетѣ мѣстныхъ векселей вводятся возможныя облегченія; такъ, напримѣръ, для простыхъ векселей признается достаточной подпись двухъ фирмъ, при учетѣ мѣстныхъ не требуется, чтобы обѣ фирмы принадлежали къ одному и тому же округу. Слѣдуетъ обратиться къ національному банку съ ходатайствомъ о томъ, чтобы

онъ открылъ въ обширныхъ размѣрахъ переучетъ векселей солиднымъ провинціальнымъ банкамъ, ремесленнымъ кассамъ вспомоществованія и ссуднымъ товариществамъ. Сберегательнымъ кассамъ должно быть предоставлено право образовать кредитныя товарищества за взаимнымъ поручительствомъ, а всѣмъ кредитнымъ товариществамъ національный банкъ долженъ открыть кредитъ на условіяхъ, которыя имѣютъ быть опредѣлены позднѣйшей разработкой этого вопроса. Къ правительству слѣдуетъ обратиться съ ходатайствомъ о расширеніи полномочій политическихъ учрежденій касательно выдачи разрѣшеній на образованіе кредитныхъ ассоссіацій.

Эти предложенія, при осуществленіи которыхъ центральный ассигнаціонный банкъ непремѣнно долженъ бы былъ идти на встрѣчу собственному банкротству, поддерживались во время преній еще болѣе непрактическими мотивами, свидѣтельствовавшими о значительной степени незрѣлости многихъ представителей этихъ вліятельныхъ корпорацій [1]). Поэтому предложенія эти не безъ основанія подвергались весьма строгой критикѣ въ наиболѣе вліятельной газетѣ, „Neue freie Presse". Сами мы въ то время воспользовались случаемъ напомнить еще разъ, что деньги не могутъ быть умножаемы по произволу, что необходимо имѣть также въ виду свойство денегъ, какъ мѣрила цѣнности,— что запасъ цѣнностей не увеличивается оттого, что увеличиваютъ мѣрила, которымъ цѣнности опредѣляются. Мы снова настаивали на томъ принципѣ, который былъ подробно изложенъ нами въ другомъ мѣстѣ настоящаго сочиненія, именно, что количество средствъ обращенія должно сообразоваться съ размѣромъ оборотовъ.

Произвольное увеличенье средствъ обращенія въ Австріи, при господствующемъ тамъ принудительномъ курсѣ, и безъ того могло бы произойти не иначе,

[1]) Въ то время мы писали по этому поводу въ «*Schlisische Presse*»: хотя давнишній опытъ учитъ насъ, что неотвѣтственныя собранія всегда требуютъ гораздо болѣе того, что могутъ исполнить отвѣтственныя правительственныя учрежденія, тѣмъ не менѣе, когда торговое сословіе проявляетъ такого рода требовательность, тутъ присоединяется одно особенное обстоятельство, придающее дѣлу весьма странный характеръ. Не странно ли, что сословіе, которое, по самой профессіональной дѣятельности своей, должно бы было обладать даромъ быстраго соображенія, здравостью и принципіальностью сужденія, а также обширною опытностью, сословіе, которое долженствовало бы быть практическимъ представителемъ здравыхъ экономическихъ понятій,—не странно ли, говоримъ мы, что это сословіе, какъ только ходъ дѣлъ выскакиваетъ изъ обычной колеи, находитъ въ средѣ своей такъ много коноводовъ, для которыхъ уроки исторіи не существуютъ, которыхъ ни французскія ассигнаціи, ни американскіе «*гринбани*» ничему не научили и которые не понимаютъ, что общая стоимость поземельной собственности и товаровъ не можетъ быть вычеканена и представлена въ металлической монетѣ или въ бумажныхъ деньгахъ.

какъ въ ущербъ владѣльцамъ старыхъ билетовъ. Помощь была бы оказана лишь отдѣльнымъ личностямъ ко вреду большинства. Такое пожертвованье интересами общественнаго цѣлаго не можетъ быть оправдываемо. Правда, можетъ представиться необходимость мѣры этого рода, когда, во время финансоваго кризиса, грозитъ опасность паники, вслѣдствіе которой деньги попрячутся и наступитъ дѣйствительный недостатокъ въ средствахъ обращенія, или же существуетъ основаніе опасаться всеобщаго застоя въ работѣ. Но въ этихъ случаяхъ подобная мѣра оправдывается соображеніями общаго блага; тутъ устанавливается строгая граница для государственной помощи: послѣдняя прекращается тамъ, гдѣ начинается частный интересъ, хотя бы то былъ интересъ цѣлыхъ отдѣльныхъ отраслей торговли. Государство безусловно не имѣетъ права предоставлять отдѣльнымъ личностямъ какихъ-либо преимуществъ въ ущербъ общественнаго цѣлаго. Оно можетъ предоставить имъ лишь такія выгоды, которыя идутъ на пользу всѣмъ, или же для которыхъ не требуется пожертвованья общими интересами; но заставлять всѣхъ платиться за выгоды немногихъ—оно не имѣетъ права. Между тѣмъ, именно такого рода комбинація произошла бы въ случаѣ, еслибы австрійское правительство разрѣшило національному банку увеличить еще болѣе выпускъ билетовъ, единственно съ цѣлью выручить изъ бѣды спекулянтовъ и спекуляціонные банки, рискуя при этомъ возвысить лажъ на серебро въ ущербъ владѣльцевъ прежнихъ билетовъ. Пріостановка дѣйствія банковаго закона оправдывалась лишь пока и насколько она служила предохранительною мѣрою противъ недостатка въ средствахъ обращенія и противъ распространенія кризиса на торговую, промышленную и сельскохозяйственную дѣятельность. Далѣе этого не могло идти государство, не могъ идти и національный банкъ.

Съ точки зрѣнія этихъ неопровержимыхъ положеній, многія изъ резолюцій съѣзда австрійскихъ торговыхъ палатъ подлежатъ безусловному осужденію,— а именно тѣ изъ нихъ, которыя хотятъ навязать національному банку прямое вмѣшательство въ затрудненія, вызванныя кризисомъ, и требуютъ увеличенья количества банковыхъ билетовъ и нарушенія правилъ, предписываемыхъ здравымъ пониманіемъ банковаго дѣла. Такова, напр., мѣра, требующая произвольнаго умноженія провинціальныхъ отраслей національнаго банка и учрежденія таковыхъ въ каждомъ городѣ, гдѣ существуетъ торговая палата, безъ соображенія о томъ, имѣетъ ли данная мѣстность достатоточно развитую торговую и ро мышленную дѣятельность. Таково также требованье о принятіи къ учету шестимѣсячныхъ векселей и о выдачѣ ссудъ подъ залогъ промышленныхъ акцій.

Гораздо полезнѣе было бы, еслибы австрійскія торговыя палаты озаботились предостеречь провинціальную публику объ опасности операцій на разность, потому что именно провинціальная публика всегда бываетъ въ этихъ

операціяхъ проигрывающею стороною. Не мѣшало бы также торговымъ палатамъ указать на опасность участія въ маклерскихъ банкахъ, берущихъ на себя тотъ рискъ, который безъ нихъ вынуждены бы были нести сами банкиры и банки. Еслибы, наконецъ, торговая палата рѣшила издать популярную книгу, въ которой общепонятнымъ образомъ были бы изложены начала политической экономіи и указаны опасности биржевой игры, то для такого предпріятія мы признали бы, даже, умѣстной государственную помощь.

Но въ томъ видѣ, въ какомъ были сформированы рѣшенія съѣзда, они представляли мало вѣроятій успѣха,—и мы тогда же предсказывали, что руководящіе кружки финансистовъ въ Австріи окажутся слишкомъ проницательными, чтобы имъ послѣдовать. Наше предсказаніе оправдалось вполнѣ.

Впрочемъ, національный банкъ старался въ предѣлахъ возможности удовлетворить потребности публики посредствомъ болѣе щедраго дисконтированья векселей; банкъ сдѣлалъ бы еще болѣе въ этомъ отношеніи, еслибы обезпеченья, представляемыя биржевою публикою, болѣе соотвѣтствовали тому, чѣмъ должны быть обезпеченья, принимаемыя банкомъ. Для выдачи ссудъ подъ залогъ биржевыхъ бумагъ существовали комитеты вспомоществованія, но средства ихъ вскорѣ оказались недостаточными для удовлетворенія всѣхъ, обращавшихся къ ихъ помощи. Отчеты банка показываютъ за всѣ три весенніе мѣсяца постоянное увеличенье дисконтныхъ операцій; но, не взирая на это, банкъ не приступилъ къ повышенію дисконта, между тѣмъ, какъ мелкіе ассигнаціонные банки обыкновенно въ такіе моменты ограничиваютъ свой портфель и повышаютъ процентъ за учетъ векселей.

Между тѣмъ, въ сознаніе публики, при посредствѣ прессы, все болѣе и болѣе проникло убѣжденіе, что кризисъ можетъ быть осиленъ, „правильный ходъ дѣлъ упроченъ и равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ возстановлено лишь однимъ путемъ: что всѣ гнилыя предпріятія, или такія, для которыхъ не хватаетъ капитала, должны быть брошены, что капиталъ, вынутый изъ этихъ предпріятій, долженъ вернуться къ прежнимъ своимъ надежнымъ помѣщеніямъ,—что, словомъ, необходимы ликвидація, ограниченье и сліяніе многихъ акціонерныхъ обществъ. Правительство, съ своей стороны, поспѣшило оказать поддержку движенію, сказывавшемуся въ этомъ направленіи, и 21 іюня было издано императорское повелѣніе, вводившее разныя облегчающія правила для закрытія акціонерныхъ обществъ. Главнѣйшія постановленія этого повелѣнія были слѣдующія:

Статья 1-я.

„Когда акціонерное общество, по вступленіи въ дѣйствіе настоящаго императорскаго повелѣнія, закроется не въ конкурсномъ порядкѣ, распредѣленіе общественнаго имущества, какое окажется по удовлетвореніи кредиторовъ об-

Вдругъ торговый міръ былъ поверженъ въ смятеніе неожиданнымъ извѣстіемъ, которое транзатлантическій телеграфъ принесъ 20 сентября о кризисѣ, разразившемся въ Нью-Іоркѣ; оказалось, что банкротство крупной банкирской фирмы Джей, Кукъ и К° повлекло за собою паденіе торговаго дома Фискъ, Гатчь и К° и въ то же время грозило гибельными послѣдствіями лондонскому торговому дому—Мэкъ-Келлохъ, стоявшему съ первой изъ вышеназванныхъ фирмъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ; эти банкротства подняли цѣлую бурю въ банкахъ, изъ которыхъ многіе вынуждены были закрыть свои двери; дѣло дошло до того, что сберегательныя кассы потребовали установленія всеобщей отсрочки по предстоявшимъ имъ платежамъ и даже биржа была на короткое время закрыта. Такъ какъ многіе въ то время опасались всеобщаго, международнаго крушенія, то вся задача была въ томъ, чтобы воспрепятствовать искусственному усиленью зла; слѣдовало обсудить положеніе дѣлъ хладнокровно и трезво, причемъ оно оказалось бы далеко не въ такой степени безнадежнымъ. Мы напечатали статью въ этомъ смыслѣ вѣ „Schlesishe Presse"; статья появилась 25 сентября, за восемь дней до полученія пароходныхъ извѣстій о кризисѣ изъ Америки,—и такъ какъ послѣдствія оправдали нашъ тогдашній взглядъ, то мы и приводимъ здѣсь извлеченіе изъ этой статьи.

„Не взирая на то, что первая паника, повидимому, устранена закупкою союзныхъ облигацій правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, закупкою, которая снабдила денежный рынокъ наличными средствами и дала возможность снова открыть на биржѣ операціи на золото,—все же опасность еще не миновалась и для европейскаго денежнаго рынка, который, въ особенности за послѣднее десятилѣтіе, помѣстилъ значительные капиталы въ американскихъ бумагахъ и близко заинтересованъ въ финансовыхъ судьбахъ этой страны, въ высшей степени важно составить себѣ правильное понятіе о данномъ положеніи дѣлъ. Правда, мы до сихъ поръ вынуждены довольствоваться телеграфическими извѣстіями, которыя всегда бываютъ слишкомъ афористичны, а нерѣдко и темны, и противурѣчивы, тѣмъ не менѣе, мы полагаемъ, что имѣемъ достаточно основаній предостеречь публику отъ слишкомъ мрачнаго взгляда на послѣдствія, которыми нью-іоркскій кризисъ грозитъ отозваться на Европѣ и, въ особенности, на Германіи".

Три обстоятельства даютъ намъ право на этотъ менѣе пессимистическій взглядъ на положеніе дѣлъ: во-первыхъ, тотъ фактъ, что главный центръ торговли американскими бумагами, Франкфуртъ, не принималъ участія въ предпріятіи сѣверной желѣзной дороги къ Тихому Океану—предпріятіи, которое и было причиною паденія дома Джей, Кукъ и К°, а также, что и въ Сѣверной Германіи было пріобрѣтено лишь весьма незначительное число облигацій этой дороги; во-вторыхъ, самая организація нью-іоркскихъ банковъ и способъ веденія дѣлъ въ нихъ таковы, что всякое затрудненіе легко переходитъ тамъ въ

питалѣ въ 213,320,000 фл. потери на курсахъ простирались до 135,837,000 фл.; на банковыхъ акціяхъ, которыхъ всего насчитывалось до 3,307,000, и представлявшихъ капиталъ въ 510,850,000 фл., курсовыя потери простирались до 366,682,500 фл. Итого, въ общей сложности, потери на курсахъ 10,241,006 бумагъ, которыя представляли капиталъ въ 1,663,030,195 фл., дали разность въ 607,618,235. Въ этотъ разсчетъ не включены ренты, пріоритеты и закладныя. Число бумагъ, курсъ которыхъ съ 8 мая по 1874 г. не понизился или понизился лишь незначительно, было крайне ограничено. Повышеніе курсовъ оказалось лишь на акціяхъ національнаго банка (числомъ около 300,000), которыя въ началѣ мая 1873 г. представляли приблизительно стоимость въ 40,000,000, а въ 1874 продавались на биржѣ съ надбавкой отъ 3 до 10 фл. на акцію противъ цѣны, по которой онѣ ходили передъ наступленіемъ кризиса.

Если мы вздумаемъ, говоритъ одна вѣнская газета, обозрѣть число предпріятій, павшихъ жертвами кризиса, то мы получимъ слѣдующій списокъ существованій, которымъ „крахъ положилъ конецъ, вслѣдствіе чего самыя имена этихъ „цѣнностей" должны будутъ вскорѣ исчезнуть изъ биржевыхъ списковъ:

Совершенно погибли уже въ настоящее время—22 банка. Тяжело пострадали отъ послѣдствій кризиса и близки къ паденію до 17 банковъ, большею частью, возникшихъ въ недавнее время.

„Изъ промышленныхъ обществъ, правда, ни одно еще до сихъ поръ не погибло окончательно; но весьма почтенное число ихъ утратило право на дальнѣйшее существованіе и поставлено кризисомъ въ такое опасное положеніе, что до 23 предпріятій (большею частью строительныхъ обществъ), крайне расшатанныхъ уже и въ настоящее время, по всѣмъ вѣроятіямъ, вскорѣ совсѣмъ рухнутъ.

„Кромѣ того насчитываютъ еще нѣсколько промышленныхъ предпріятій, дѣла которыхъ обстоятъ очень плохо. Каждый человѣкъ, знакомый съ нашимъ финансовымъ положеніемъ, и самъ узнаетъ имена этихъ предпріятій на таблицахъ биржевыхъ курсовъ".

Общія цифры паденія курсовъ, испытаннаго австрійскими бумагами, уже были указаны нами выше. Одни строительные банки съ 1 мая 1873 г. понесли черезъ это потерь на 123,440,000.

Сумма потерь на курсахъ, понесенныхъ бумагами девятнадцати сѣверогерманскихъ предпріятій, составляетъ, съ 15 апрѣля по 4 октября—95,271,000. (Общій капиталъ, представляемый акціями этихъ предпріятій, простирался до 126,050,000).

Для пополненія этого обзора и для выясненія частнымъ комитетамъ нѣкоторыхъ особенностей, свойственныхъ вообще движенію бумажныхъ цѣнностей, мы заимствуемъ изъ отчетовъ гамбургской биржи нѣкоторыя данныя,

вытекающія изъ сопоставленія курсовъ бумагъ, пользовавшихся до сихъ поръ особеннымъ вниманіемъ на берлинской биржѣ. Данныя эти обнимаютъ періодъ отъ начала сентября 1869 по 1873 г.

Изъ обозрѣнія курсовъ на бумаги прусскаго государственнаго $4^1/_2$ процентнаго займа, австрійскаго національнаго пяти-процентнаго займа и русскаго пятаго пяти-процентнаго займа оказывается, что бумаги всѣхъ этихъ займовъ въ теченіе означеннаго періода постоянно повышались. Правда, въ 1870 г. бумаги прусскаго займа испытали въ теченіе нѣсколькихъ недѣль (съ конца іюля до начала августа) пониженіе и пали съ $93^1/_2$ до $8^1/_2$, но это очень просто объясняется внезапнымъ объявленіемъ войны; тотчасъ же послѣ первыхъ побѣдъ, одержанныхъ нѣмецкимъ оружіемъ, курсы эти снова показываютъ быстрое повышеніе и въ 1873 г. доходятъ до $100^1/_2$.

Закладныя нѣмецкаго земскаго кредита (landständische Pfandbriefe) и пріоритеты желѣзныхъ дорогъ испытали за эти три года сравнительно крайне незначительныя колебанія курсовъ. Что касается стоимости желѣзнодорожныхъ акцій, то бумаги эти, по самой сущности дѣла, подвержены значительнымъ колебаніямъ; сравнительная доходность какъ различныхъ желѣзныхъ дорогъ, такъ и одной и той же дороги, въ теченіе извѣстнаго періода времени, опредѣляется подъ вліяніемъ измѣняющихся условій сообщенія, стоимости эксплуатаціи, конкурренціи, и т. п. множествомъ факторовъ, не допускающихъ разсчета напередъ.

Акціи всѣхъ банковъ вообще до 1872 г. постоянно идутъ въ гору; въ теченіе же 1873 г., напротивъ, замѣчается общее пониженіе акцій этого рода; но размѣры пониженія для различныхъ акцій весьма различны. На многихъ банкахъ и кредитныхъ учрежденіяхъ реакція отозвалась чрезвычайно сильно. Акціи прусскаго банка, не взирая на постепенное расширеніе дѣятельности этого учрежденія и на его несомнѣнную прочность, въ 1873 г. стояли ниже, чѣмъ въ 1871 и 1872 гг. Но это объясняется тѣмъ, что съ 1871 г. могло каждую минуту быть рѣшено ликвидированье этого банка, быть можетъ, съ цѣлью замѣнить его германскимъ имперскимъ банкомъ; въ такомъ случаѣ правительство обязывалось только за годъ впередъ предупредить банкъ о предстоящей ему ликвидаціи; при такомъ оборотѣ дѣла акціонеры могли разсчитывать лишь на возвращеніе первоначально сдѣланнаго взноса и на соотвѣтствующую долю въ резервномъ фондѣ.

Длинный рядъ цифръ, взятыхъ наудачу изъ данныхъ о промышленныхъ и горнозаводскихъ предпріятіяхъ, свидѣтельствуетъ, что акціи такихъ предпріятій подвержены необычайно сильнымъ колебаніямъ, и служитъ разительнымъ подтвержденіемъ того правила, что поступать въ акціонеры этихъ предпріятій и, въ особенности, покупать акціи ихъ по высокой цѣнѣ слѣдуетъ

лишь тѣмъ людямъ, которые хорошо знаютъ руководителей предпріятій и знакомы съ положеніемъ даннаго дѣла.

Сличеніе курсовъ различныхъ выигрышныхъ займовъ явственно показываетъ намъ, какъ часто предсказанія, даже людей свѣдущихъ и опытныхъ въ денежныхъ дѣлахъ, о томъ, какъ въ будущемъ сложатся биржевыя цѣны бумагъ, расходятся съ позднѣйшей дѣйствительностью, по крайней мѣрѣ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени, и это — не взирая на то, что соображенія, на которыхъ основывались предсказанія, были, повидимому, вполнѣ раціональны и практичны. Когда въ рейхстагѣ обсуждался законъ о запрещеніи новыхъ лоттерейныхъ займовъ, оппозиція главнымъ образомъ выставляла на видъ, что такой законъ создастъ въ высшей степени привиллегированное положеніе для существующихъ уже выигрышныхъ займовъ, за которыми такимъ образомъ будетъ упрочена монополія. Предсказывали, что курсы этихъ займовъ сильно поднимутся. Между тѣмъ, дѣйствительныя послѣдствія закона оказались совсѣмъ иныя. Предсказанія оппозиціи не только не сбылись, но на одной, весьма важной бумагѣ этого рода оказалось какъ разъ обратное. Когда въ 1871 г. компанія кельнско-минденской желѣзной дороги рѣшила заключить пріоритетный заемъ по $4^1/_2$ процента, она вступила съ нѣкоторыми банками въ такого рода соглашеніе, по которому $3^1/_2$% этого займа выплачивались въ видѣ постояннаго процента, а 1% отчислялся для образованія суммы, которая ежегодно распредѣлялась въ формѣ выигрыша по жребію. Предполагалось, что страсть къ игрѣ побудитъ публику охотнѣе разбирать облигаціи въ этой смѣшанной формѣ, которая на прусскомъ государственномъ выигрышномъ займѣ дала такіе блистательные результаты, и что такимъ образомъ курсъ облигацій поднимется. Но что же оказалось въ дѣйствительности? Отвѣтомъ на это служитъ таблица биржевыхъ курсовъ, изъ которой видно, что въ 1874 г. пріоритеты кельнско-минденской дороги, приносившіе $4^1/_2$ постоянныхъ процента, стояли на $99^1/_2$, между тѣмъ, какъ облигаціи выигрышнаго займа той же компаніи, дававшія $3^1/_2$ постоянныхъ процента, съ отчисленіемъ одного процента на выигрыши, стояли лишь на $91^1/_2$.

Европейскій денежный рынокъ начиналъ успокоиваться. Хотя въ Берлинѣ и чувствовалась нѣкоторая тревога, но, за то, въ другихъ мѣстностяхъ не было замѣтно никакихъ безпокоящихъ признаковъ—и курсы, послѣ перваго своего паденья въ маѣ и въ іюнѣ, въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ трехъ мѣсяцевъ, успѣли установиться довольно постоянно. Такъ обстояло дѣло въ Австріи и въ Пруссіи. Послѣдняя, правда, пострадала очень сильно; а также удары вѣнскаго кризиса, по причинѣ международной солидарности денежнаго рынка, не прошли безслѣдно для Англіи, Франціи, Италіи и Россіи, но что касается острыхъ проявленій болѣзни, то до нихъ или дѣло еще не дошло, или же они не доходили до общаго свѣдѣнья.

Вдругъ торговый міръ былъ поверженъ въ смятеніе неожиданнымъ извѣстіемъ, которое транзатлантическій телеграфъ принесъ 20 сентября о кризисѣ, разразившемся въ Нью-Іоркѣ; оказалось, что банкротство крупной банкирской фирмы Джей, Кукъ и К° повлекло за собою паденіе торговаго дома Фискъ, Гатчь и К° и въ то же время грозило гибельными послѣдствіями лондонскому торговому дому—Мэкъ-Келлохъ, стоявшему съ первой изъ вышеназванныхъ фирмъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ; эти банкротства подняли цѣлую бурю въ банкахъ, изъ которыхъ многіе вынуждены были закрыть свои двери; дѣло дошло до того, что сберегательныя кассы потребовали установленія всеобщей отсрочки по предстоявшимъ имъ платежамъ и даже биржа была на короткое время закрыта. Такъ какъ многіе въ то время опасались всеобщаго, международнаго крушенія, то вся задача была въ томъ, чтобы воспрепятствовать искусственному усиленью зла; слѣдовало обсудить положеніе дѣлъ хладнокровно и трезво, причемъ оно оказалось бы далеко не въ такой степени безнадежнымъ. Мы напечатали статью въ этомъ смыслѣ вѣ „Schlesishe Presse"; статья появилась 25 сентября, за восемь дней до полученія пароходныхъ извѣстій о кризисѣ изъ Америки,—и такъ какъ послѣдствія оправдали нашъ тогдашній взглядъ, то мы и приводимъ здѣсь извлеченіе изъ этой статьи.

„Не взирая на то, что первая паника, повидимому, устранена закупкою союзныхъ облигацій правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, закупкою, которая снабдила денежный рынокъ наличными средствами и дала возможность снова открыть на биржѣ операціи на золото,—все же опасность еще не миновалась и для европейскаго денежнаго рынка, который, въ особенности за послѣднее десятилѣтіе, помѣстилъ значительные капиталы въ американскихъ бумагахъ и близко заинтересованъ въ финансовыхъ судьбахъ этой страны, въ высшей степени важно составить себѣ правильное понятіе о данномъ положеніи дѣлъ. Правда, мы до сихъ поръ вынуждены довольствоваться телеграфическими извѣстіями, которыя всегда бываютъ слишкомъ афористичны, а нерѣдко и темны, и противурѣчивы, тѣмъ не менѣе, мы полагаемъ, что имѣемъ достаточно основаній предостеречь публику отъ слишкомъ мрачнаго взгляда на послѣдствія, которыми нью-іоркскій кризисъ грозитъ отозваться на Европѣ и, въ особенности, на Германіи".

Три обстоятельства даютъ намъ право на этотъ менѣе пессимистическій взглядъ на положеніе дѣлъ: во-первыхъ, тотъ фактъ, что главный центръ торговли американскими бумагами, Франкфуртъ, не принималъ участія въ предпріятіи сѣверной желѣзной дороги къ Тихому Океану—предпріятіи, которое и было причиною паденія дома Джей, Кукъ и К°, а также, что и въ Сѣверной Германіи было пріобрѣтено лишь весьма незначительное число облигацій этой дороги; во-вторыхъ, самая организація нью-іоркскихъ банковъ и способъ веденія дѣлъ въ нихъ таковы, что всякое затрудненіе легко переходитъ тамъ въ

панику; наконецъ, втретьихъ, не надо забывать того обстоятельства, что товарная торговля почти совсѣмъ не затронута кризисомъ, такъ что о приравненіи настоящаго положенія дѣлъ къ кризису 1857 г. не можетъ быть и рѣчи".

Затѣмъ слѣдовало описаніе того способа, которымъ въ Америкѣ производятся спекуляціи желѣзными дорогами и пристраиваются облигаціи этого рода предпріятій; такъ какъ описаніе это уже было дано нами выше, то мы его опускаемъ. Мы высказывали мнѣніе, что лишь немногіе нѣмецкіе капиталисты дали соблазнить себя на покупку этихъ облигацій и, и затѣмъ, мы продолжали:

„Вторая причина, на которой мы основываемъ свой менѣе пессимистическій взглядъ на положеніе дѣлъ, заключается въ организаціи и обычаяхъ нью-іоркскихъ банковъ. Правда, билеты, выпускаемые, какъ этими послѣдними, такъ и національными банками, основываемыми по образцу ихъ во всемъ союзѣ, обезпечиваются въ полномъ своемъ размѣрѣ залогомъ, состоящимъ изъ союзныхъ облигацій (—наивысшій курсъ, по которому при-этомъ могутъ цѣниться послѣднія, опредѣленъ въ 90); но это обезпеченье по самому характеру своему не таково, чтобы посредствомъ его можно было гарантировать торговлѣ во всякое время необходимыя средства обращенія; между тѣмъ банки, по сравненію съ размѣрами своихъ обязательствъ, держатъ слишкомъ мало наличныхъ средствъ. Подъ этими послѣдними въ настоящее время подразумѣваются не только золото и серебро, но и государственныя бумажныя деньги (—такъ называемые legal Tender и гринбаки), для которыхъ, какъ извѣстно, существуетъ принудительный курсъ и которые употребляются банками въ ихъ кассахъ наравнѣ со звонкою монетою.

Банки обыкновенно держатъ недостаточно сильный резервъ звонкою монетою—и поэтому, мѣра предосторожности, установленная закономъ, не достигаетъ своей цѣли. Мѣра эта состоитъ въ томъ, что, по требованью закона, запасъ наличныхъ денегъ въ кассахъ банковъ въ 17 главнѣйшихъ городахъ союза, въ томъ числѣ и Нью-Іорка, долженъ быть никакъ не меньше 25°/₀ всего количества обращающихся билетовъ и принятыхъ банкомъ депозитовъ. Для національныхъ банковъ другихъ мѣстностей этотъ обязательный резервъ наличныхъ денегъ низведенъ, даже, до 15°/₀, причемъ на усмотрѣніе банковъ предоставляется держать три пятыхъ и этой суммы у корреспондирующихъ съ ними банковъ главныхъ 17 городовъ. Каждый національный банкъ въ этихъ 17 городахъ, съ своей стороны, обязанъ производить уплату по своимъ билетамъ alpari въ одномъ изъ нью-іоркскихъ банковъ, и потому можетъ держать половину своихъ наличныхъ средствъ въ Нью-Іоркѣ.

„Для европейскихъ банковъ, которые въ отношеніи депозитовъ дѣйствуютъ очень осторожно и принимаютъ процентные вклады лишь на опредѣленные и болѣе продолжительные сроки, такое ограниченье можетъ быть достаточно; но нью-іоркскіе банки нетолько принимаютъ процентные вклады на короткій

срокъ, но еще допускаютъ у себя пріемъ безсрочныхъ депозитовъ на текущій счетъ. Къ этому надо прибавить, что они, какъ и вообще весь американскій торговый міръ, гораздо менѣе осторожны въ дѣлѣ кредита. Они нерѣдко пристраиваютъ значительную часть ввѣренныхъ имъ денегъ въ долгосрочные векселя, для того только, чтобы имѣть возможность поднять проценты, выплачиваемые ими самими на депозиты. Вслѣдствіе этого, какъ скоро случается крупное банкротство или другое обстоятельство, вредно отзывающееся на кредитѣ, и публика, вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, пошатнувшихъ общественное довѣріе, устремляется въ банки за своими вкладами, наличныя средства банковъ оказываются недостаточными и это ставитъ послѣдніе гораздо чаще, чѣмъ европейскіе банки, въ необходимость пріостанавливать свои платежи, т. е. выкупъ своихъ билетовъ наличными деньгами, всѣ свои дисконтныя операціи и, даже, иногда выдачу вкладовъ. Поэтому нью-іоркская публика, которую такая необезпеченность дѣлаетъ болѣе склонною къ недовѣрію, гораздо легче устремляется въ банки и осаждаетъ ихъ своими требованіями.

„Такъ, напр., въ тотъ день, когда разразился кризисъ 1857 г., сумма ссудъ и дисконтовъ въ нью-іоркскихъ банкахъ превосходила на 12 милліоновъ общій запасъ ихъ въ драгоцѣнныхъ металлахъ, билетахъ и депозитахъ.

„Вмѣсто того, чтобы при наступленіи кризиса, когда публика начинаетъ припрятывать свои деньги, поспѣшить на помощь торговому сословію, американскіе банки, напротивъ, видѣли себя вынужденными ограничивать свои кредиты и даже предупреждать о скорѣйшемъ возвращеніи выданныхъ ими ссудъ,— точь въ точь, какъ наши частныя банкирскія конторы. Черезъ это они увеличивали затруднительность положенія и тревогу публики, такъ что дисконтъ уже къ концу августа, т. е. въ какіе-нибудь 8 дней, возросъ до 24% и буря разразилась надъ банками съ такою силою, что они вынуждены были пріостановить какъ платежи наличными деньгами, такъ и выдачу депозитовъ, и наступило нѣчто въ родѣ общей формально признанной отсрочки платежей.

„Въ настоящее время положеніе нью-іоркскихъ банковъ далеко не такъ худо. По послѣднему отчету, отъ 16 августа, состояніе счетовъ ихъ сравнительно съ 1872 г. было слѣдующее:

	16-е августа 1872 г.	17-е августа 1872 г.
Портфель и ссуды	292,614,100	295,802,800
Металлическій запасъ	27,644,100	20,309,300
Государств. бумажныя деньги .	47,540,100	52,533,400
Билеты, наход. въ обращеніи .	27,222,700	27,290,600
Депозиты	234,857,300	235,757,600

Изъ этого явствуетъ, что положеніе банковъ въ настоящее время скорѣе нѣсколько лучше, чѣмъ хуже, по сравненію съ прошлымъ годомъ, когда оно,

однако, не возбуждало никакихъ опасеній и стѣсненія на денежномъ рынкѣ не замѣчалось. Поэтому, мы вправѣ надѣяться, что союзное правительство будетъ въ состояніи оказать надлежащую помощь и предотвратить пагубныя послѣдствія кризиса, если только оно по мѣрѣ возможности постарается скорѣе снабдить денежный рынокъ наличными средствами посредствомъ выкупа своихъ облигацій. Только что состоявшаяся въ настоящее время уплата вознагражденія англійскимъ правительствомъ по дѣлу Алабамы, хотя уплата эта и была произведена цѣнными бумагами, пришлась для американскаго правительства какъ нельзя болѣе кстати".

Два дня спустя мы привели болѣе подробныя доказательства въ защиту нашего мнѣнія, что этотъ кризисъ не будетъ столь бѣдственъ, какъ кризисъ 1857 г. Мы прежде всего остановились на томъ фактѣ, что товарная торговля на этотъ разъ не участвовала въ излишествахъ спекуляціи. „До сихъ поръ всѣ банкротства, о которыхъ до насъ дошли свѣдѣнья, ограничиваются только такими фирмами, которыя запутали свои дѣла участіемъ въ колоссальныхъ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ, или выдачею ссудъ подъ залогъ желѣзнодорожныхъ бумагъ. Торговый домъ Джей, Кукъ и К° разорился на сѣверной желѣзной дорогѣ къ Тихому Океану, фирма Фискъ и Гатчь пала по милости Чизапикско-Огайской желѣзной дороги, банкъ, дѣйствовавшій подъ фирмою Union-tustr Bank, повидимому, выдалъ значительныя суммы подъ залогъ облигаціи тѣхъ же будущихъ желѣзныхъ дорогъ. До сихъ поръ не слыхать ни объ одной пріостановкѣ платежей со стороны товарныхъ фирмъ.

„Не взирая на то, что размѣры торговой дѣятельности Соединенныхъ Штатовъ за послѣдніе 20 лѣтъ значительно расширились [1]), все же кризису 1857 года предшествовало болѣе значительное развитіе спекуляціи во всѣхъ сферахъ коммерческой дѣятельности. Правда, и тогда было предпринято черезъ чуръ много желѣзнодорожныхъ построекъ, такъ что, во время кризиса, обанкротилось до 14 большихъ желѣзныхъ дорогъ, съ общимъ капиталомъ въ 190 милліоновъ долларовъ,—но, тѣмъ не менѣе, затрудненія, которыя произошли отъ этой спеціальной причины, были ничтожны сравнительно съ общею запутанностью дѣлъ.

Въ 1855 и 1856 гг. (какъ мы уже упоминали выше, при описаніи кризиса 1857 г.), было продано не менѣе 17,600,000 акровъ государственныхъ земель. Кромѣ того, конгрессъ уступилъ въ пользу желѣзныхъ дорогъ или тѣхъ штатовъ, которые захотятъ строить желѣзныя дороги, 21,700,000 акровъ, что въ общей сложности составляетъ 39,000,000 акровъ, или треть

---

[1]) Годовой оборотъ нью-іоркскаго Clearing-House'а составлялъ въ 1857 г.— 8,330 милліоновъ долларовъ; въ 1867 г. онъ простирался безъ малаго до 25, 743 мил. долларовъ; въ 1872 г. — до 34,681 мил. дол., а въ 1873 г. — до 26,451 мил. дол.

Франціи. Изъ этого весьма понятнымъ образомъ возникли различныя спекуляціи. Желѣзныя дороги, которыя въ 1855 г. составляли длину 21,000 англ. миль, въ одинъ годъ возрасли до 24,000 миль; въ западныхъ территоріяхъ было настроено множество новыхъ городовъ, пооткрывалось множество новыхъ фабричныхъ и рудокопныхъ предпріятій".

Сельскохозяйственная и ремесленная производительность простиралась по отчетамъ въ 1856 г. до 2,600 милліоновъ долларовъ, другими словами, она въ 15-тилѣтній промежутокъ времени утроилась. Бумагопрядильни чрезвычайно расширились. Колоссальныхъ размѣровъ достигали спекуляціи на хлопокъ, сахаръ, кофе, зерновой хлѣбъ; при этихъ спекуляціяхъ нерѣдко наживалось до 50% и болѣе. Одинъ ввозъ сахара въ 1856 — 1857 г. составилъ до 776,868,842 фунтовъ стоимостью на 42,770,330 долларовъ. Ввозъ предметовъ роскоши въ этомъ году увеличился на 60 милліоновъ долларовъ. Любопытенъ при этомъ тотъ фактъ, что предметы роскоши для дамскаго употребленія ввозили въ количествѣ, втрое превышавшемъ ввозъ предметовъ роскоши для мущинъ, а именно было привезено на 40,828,844 долларовъ шелковыхъ товаровъ, вышитыхъ нарядовъ, кружевъ, шалей, перчатокъ, ювелирныхъ издѣлій, и только на 13,818,487 дол. спиртныхъ напитковъ, винъ и табаку. Эта лихорадка роскоши, такъ же какъ и излишества спекуляціи, ознаменовавшія годы, которые предшествовали кризису 1851 г., были порождены болѣе отдаленною причиною: открытіемъ золотыхъ разсыпей въ Калифорніи.

Когда карточное зданіе, воздвигнутое посредствомъ вексельныхъ злоупотребленій, рухнуло, оказалось, что дѣйствительный капиталъ, которымъ можно было располагать, былъ гораздо ниже суммы, представляемой затѣянными предпріятіями, и что потому всѣ тѣ, которые зарвались за предѣлы своихъ дѣйствительныхъ средствъ, должны разориться."

„Число банкротствъ, происшедшихъ въ то время въ Канадѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ, опредѣляли въ 5,123; съ общею суммою пассива въ 299,801,000 долларовъ.

„Но до такой высоты, повидимому, не доходятъ въ Америкѣ въ настоящее время ни эксуессы спекуляціи, ни размѣры порождаемаго ею бѣдствія. Въ подтвержденіе этого мы уже указывали въ предшествующей нашей статьѣ на положеніе банковъ, которое теперь представляется несравненно благопріятнѣе, чѣмъ въ 1857 г. Другимъ успокоительнымъ признакомъ является тотъ фактъ, что товарная торговля до сихъ поръ еще не пострадала; хотя положенія ея и нельзя считать несомнѣннымъ и гарантированнымъ отъ всякой опасности, и намъ все еще слѣдуетъ имѣть въ виду неблагопріятныя извѣстія, которыя могутъ прійти изъ Нью-Іорка,—тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, всѣ извѣстія, получаемыя изъ Америки, Лондона, Франкфурта и другихъ германскихъ торговыхъ центровъ, подтверждаютъ наше воззрѣніе. Впрочемъ, уже

одинъ тотъ фактъ говоритъ въ нашу пользу, что ввозъ въ Соединенные Штаты за послѣдній годъ уменьшился. Такъ какъ, одновременно съ этимъ, вывозъ увеличился, то торговый балансъ долженъ былъ сложиться благопріятнѣе для Америки: въ нее должно было прибывать за этотъ годъ больше денегъ, чѣмъ прежде, а вывозиться изъ нея меньше, чѣмъ прежде. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Вывозъ золота за первые восемь мѣсяцевъ 1873 г. составлялъ не болѣе 40 милліоновъ долларовъ, тогда какъ въ 1872 г. его было вывезено на 56 милліоновъ, въ 1871 г.—на 53 милліона и въ 1868 г.—на 65 милліоновъ. Къ этому надо еще прибавить благопріятный результатъ, который далъ сборъ хлопка; сборъ этотъ, по разсчетамъ, простирался до 4 милліоновъ тюковъ; наконецъ, и хлѣбная жатва была чрезвычайно обильна и собранный хлѣбъ имѣетъ тѣмъ болѣе вѣроятій на выгодный сбытъ, что большинство государствъ Европы, вслѣдствіе плохаго урожая, будетъ вынуждено произвести закупки хлѣба. Изо всего этого явствуетъ, что Соединеннымъ Штатамъ предстоитъ еще усиленье вывоза, а съ нимъ и новый притокъ наличныхъ денегъ въ страну,— и это тѣмъ вѣроятнѣе, что значительная часть излишка европейскаго вывоза въ Америку надъ привозомъ оттуда покрывается бумажными цѣнностями (Союзными и желѣзнодорожными облигаціями).

„Такимъ образомъ, если, съ одной стороны, положеніе товарной торговли не даетъ повода опасаться, что и оно пострадаетъ отъ кризиса, то, съ другой стороны—самый кризисъ въ достаточной степени объясняется размѣрами, которыхъ достигли желѣзнодорожныя спекуляціи".

Извѣстія, которыя, вслѣдъ затѣмъ, стали приходить съ пароходами, вполнѣ подтвердили наши предсказанія. Первыя подробныя свѣдѣнья были, наконецъ, получены 20 октября. Мы переводимъ эти извѣстія въ хронологическомъ порядкѣ, по весьма тщательно составленнымъ отчетамъ нью-іоркской торговой газеты, которая вполнѣ раздѣляетъ наши мнѣнія о пагубности финансовой политики союзнаго правительства въ дѣлѣ валюты.

Въ своемъ финансовомъ обозрѣніи за 1873 г. упомянутая газета приписываетъ главную причину кризиса принудительному курсу, введенному съ 1862 г., и близорукости союзнаго правительства, ничего не сдѣлавшаго со времени окончанія междоусобной войны для выкупа государственныхъ бумажныхъ денегъ (гринбаковъ), — хотя, конечно, и постройка большихъ и дорого стоющихъ желѣзныхъ дорогъ, а также страшные пожары, какъ, напр., пожары Бостона и Чикаго, съ своей стороны не мало способствовали подготовленію кризиса.

Въ январѣ 1873 г., Джей-Куку удалось добиться отъ конгресса, который до сихъ поръ не принималъ никакихъ мѣръ противъ финансовой политики президента, чтобы ему, Джей-Куку, были поручены переговоры по заключенію займа въ 300 милліоновъ, по которому долженствовали быть выпущены 6-ти про-

центныя облигаціи на ту же сумму. Не взирая на то, что къ синдикату, образовавшемуся съ цѣлью заключенія этого займа, примкнулъ и домъ Ротшильда, предпріятіе это не имѣло успѣха; вначалѣ удалось пристроить облигацій не болѣе какъ на 35 милліоновъ, и лишь 10 мѣсяцевъ спустя набралось 100 милліоновъ. Операція эта показала, что европейскій капиталъ, который давно уже высказалъ равнодушіе къ желѣзнодорожнымъ пріоритетамъ, не такъ-то легко снова накинется на американскія бумаги. Тѣмъ не менѣе, желѣзнодорожныя общества сдѣлали новую попытку добыть себѣ, хотя бы косвеннымъ путемъ, средства для дальнѣйшей постройки начатыхъ ими дорогъ. Они сдѣлали у различныхъ банкирскихъ домовъ займы подъ залогъ своихъ облигацій и такъ какъ они при-этомъ давали сравнительно высокіе проценты, то и заграничный капиталъ, въ особенности англійскій, черезъ посредство своихъ представителей въ Нью-Іоркѣ, принялъ участіе въ этихъ сдѣлкахъ почти въ равной мѣрѣ съ американскимъ капиталомъ. При истеченіи срока этимъ ссудамъ, онѣ, большею частью, возобновлялись, а тамъ, гдѣ въ такомъ возобновленіи отказывали, не состояло затрудненія пріискать другія фирмы, которыя соглашались на подобныя же операціи. Такимъ образомъ, нью-іоркскій денежный рынокъ былъ запруженъ желѣзнодорожными облигаціями, не находившими покупщиковъ, и первый же толчекъ долженъ былъ разрушить зданіе, построенное на такомъ шаткомъ основаніи. Какъ только одна изъ желѣзнодорожныхъ компаній увидѣла себя въ невозможности возобновить свой заемъ, по истеченію ему срока, недовѣріе тотчасъ же проснулось; съ той же поспѣшностью, съ которою прежде навязывали свои капиталы компаніямъ, теперь спѣшили высвободить отъ нихъ свои деньги. При такихъ обстоятельствахъ крушеніе было неизбѣжно. Началось оно съ пріостановки платежей компаній „New-Iork-Warehause and Lecurity Company“, которая выдала значительныя ссуды подъ залогъ миссурійскихъ, техасскихъ и канзасскихъ облигацій. Тѣми же причинами было обусловлено и банкротство фирмы Кеньонъ, Коксъ и К°, дѣйствовавшей въ качествѣ маклера за Даньэля-Дрью, поступившаго съ 1870 г. на правахъ участника фирмы, на мѣсто умершаго г. Робинзона; эта фирма исполняла также роль финансоваго агента южно-канадской желѣзно-дорожной компаніи. Поводомъ къ пріостановкѣ платежей выставлялось то обстоятельство, что фирмою были сдѣланы значительныя ссуды южно-канадской желѣзно-дорожной компаніи. Фирмою было выдано своихъ собственныхъ бумагъ на 2,000,000 долларовъ для доставленія средствъ на дальнѣйшую постройку дороги, и напрасно ожидала она возможности пристроить въ Лондонѣ достаточное число канадскихъ желѣзнодорожныхъ облигацій, чтобы покрыть этимъ свои собственные акцепты, когда имъ истечетъ срокъ.

Затѣмъ, новымъ звеномъ въ цѣпи этихъ банкротствъ явилось назначеніе конкурснаго управленія надъ компаніей нью-іоркско-осуэгской желѣзной до-

роги, которая оказалась не въ состояніи покрыть въ срокъ свои акцепты. По заявленію предсѣдателя, сумма протестированныхъ акцептовъ компаніи простиралась до 1,000,000 долларовъ, а общая сумма ея текущаго долга — до 3,000,000 долларовъ.

За этими, быстро слѣдовавшими одна за другою, роковыми вѣстями послѣдовала 18 сентября пріостановка платежей фирмою Джей-Кукъ и К°. Смятеніе, которое это извѣстіе вызвало въ Ульстритѣ, было чрезвычайно. Джей-Кукъ и К°, — банкиры правительства, творцы синдиката, фирма, которой, справедливо или нѣтъ, приписывалось самое непосредственное вліяніе на операціи государственнаго казначейства, строители сѣверной дороги къ Тихому Океану, чуть не полные собственники перваго національнаго банка въ Вашингтонѣ, неограниченные распорядители надъ финансами Колумбіи—и обанкротились, или хотя бы только пріостановили платежи! Этому извѣстію не хотѣли вѣрить, пока, наконецъ, дальнѣйшее сомнѣніе сдѣлалось невозможнымъ, такъ какъ и на фондовой, и на металлической биржахъ президентами обоихъ биржевыхъ отдѣленій было оффиціально сообщено, что Джей-Кукъ и К° временно не въ состояніи исполнить своихъ обязательствъ. Толпѣ людей, которая тотчасъ же послѣ этого устремилась въ помѣщеніе, занимаемое конторой фирмы, одинъ изъ компаньоновъ послѣдней, г. Фэнстокъ, сообщилъ слѣдующее: „Непосредственною причиною пріостановки платежей фирмою Джей-Кукъ и К°, въ Нью-Іоркѣ, послужило то обстоятельство, что въ Филадельфіи и отъ здѣшнихъ владѣльцевъ депозитовъ за послѣднія двѣ недѣли поступали въ весьма значительномъ количествѣ требованья о возвращеніи имъ вкладовъ: оба отдѣленія фирмы весьма сильно пострадали отъ такого внезапнаго уменьшенія депозитовъ, которому въ большей или меньшей степени, подвергались всѣ торговые дома, имѣвшіе связи съ новыми желѣзнодорожными предпріятіями. Филадельфійское отдѣленіе фирмы еще ранѣе того было ослаблено значительными ссудами, которыя, взявъ на себя финансовую агентуру компаній сѣверной желѣзной дороги къ Тихому Океану, сдѣлало этой компаніи, и поэтому, также, какъ и вашингтонское отдѣленіе, вынуждено было пріостановить свои платежи".

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что связь фирмы съ Компаніей сѣверной дороги къ Тихому Океану пагубила этотъ торговый домъ, стоявшій, въ другихъ отношеніяхъ, въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ. Глава фирмы, Джей-Кукъ, до такой степени увлекся этимъ предпріятіемъ, что предоставилъ въ полное его распоряженіе денежныя средства своего дома. Успѣхъ, которымъ во время войны увѣнчалось его посредничество по заключенію союзнаго займа, не только окружилъ его фирму извѣстнымъ ореоломъ, но и доставилъ ей, какъ агенту правительства, привизіонное вознагражденіе, простиравшееся до нѣсколькихъ милліоновъ. Когда возникъ проэктъ сооруженія сѣверной дороги къ Тихому Океану, Джей-Кукъ немедленно принялъ дѣятельное участіе въ осуществленіи

этого плана. Остальные компаньоны фирмы лишь неохотно дали свое согласіе,— и одинъ изъ нихъ, незадолго до катастрофы, заявлялъ, что предпріятіе есть не болѣе, какъ личная спекуляція (privale job) Джей-Кука. Финансовая ,сторона дѣла съ самаго начала была поставлена неудачно; всѣ попытки доставить облигаціямъ ходъ въ Европѣ остались безуспѣшны и американскіе капиталисты тоже неохотно на нихъ шли. Не взирая на то, что реклама была пущена въ ходъ въ невиданныхъ еще дотолѣ размѣрахъ, болѣе мелкая публика въ Нью-Іоркѣ не достаточно разбирала облигаціи, чтобы изъ продажи ихъ могъ образоваться съ тою быстротою, съ какою требовалось, фондъ, необходимый до окончанія постройки новой дороги. Съ января 1871 г., когда облигаціи впервые появились на рынкѣ, и по 1874 г. было, по увѣреніямъ заинтересованныхъ лицъ, продано на 25,000,000 долларовъ, но дѣйствительный размѣръ продажъ оказывается гораздо меньше. Значительная часть проданныхъ облигацій была принята подрядчиками въ счетъ уплаты слѣдуемыхъ имъ суммъ. Остальная часть находилась по преимуществу въ рукахъ мелкаго люда, рѣшившагося, подъ обаяніемъ имени Джей-Кука, обмѣнять свои союзныя облигаціи на бумаги сѣверной желѣзной дороги къ Тихому Океану. Но самымъ крупнымъ покупщикомъ этихъ облигацій была сама фирма Джей-Кука, такъ какъ ссуды, сдѣланныя ею компаніи желѣзной дороги, простирались до 5,000,000 долларовъ. Такія обязательства не могли, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, не превысить средствъ самой сильной фирмы. Происшедшая за двѣ недѣли передъ тѣмъ отставка г. Д. Кука, главы вашингтонскаго отдѣленія фирмы, отъ должности губернатора Колумбіи, была первымъ обстоятельствомъ, пробудившимъ недовѣріе лицъ, посвященныхъ въ дѣло; отъ фирмы потребовали возвращенія къ извѣстному сроку нѣкоторыхъ, сдѣланныхъ ей, болѣе крупныхъ ссудъ,—и публика уже начала мало по малу брать назадъ свои вклады изъ филадельфійскаго отдѣленія. 19 сентября произошелъ первый большой натискъ публики за своими деньгами; изъ Филадельфіи телеграфировали въ Нью-Іоркъ о немедленной присылкѣ всѣхъ свободныхъ денегъ, что и было исполнено. 20 числа, рано утромъ, пришла вторая депеша, требовавшая новыхъ римессовъ, но этому требованью оказалось невозможнымъ удовлетворить и главная контора фирмы, вмѣстѣ съ своими отдѣленіями въ Нью-Іоркѣ и Вашингтонѣ, нашлась вынужденной пріостановить свои платежи.

Тѣсная связь, въ которой фирма съ давнихъ поръ находилась съ правительствомъ, заставляла опасаться, что и государственное казначейство понесло черезъ эту пріостановку платежей значительныя потери. Но министръ финансовъ объявилъ, что на операціи синдиката пріостановка платежей фирмою Джей-Кука и К° не будетъ имѣть вліянія и что государственное казначейство состоитъ даже должнымъ гг. Джей-Кукъ и К° небольшую сумму, такъ какъ ими было выдано золото на большую сумму, чѣмъ та, на которую правительство

выдало имъ союзныхъ облигацій. Требованье, предъявленное 20 числа въ государственное казначейство отъ морскаго министерства объ уплатѣ гг. Джей-Кукъ, Мэкъ-Келлохъ и К° 1,000,000 долларовъ золотомъ, которые долженствовали пойти на уплату жалованья европейской эскадрѣ, было остановлено своевременно.

Трудно описать паническій испугъ, охватившій биржу. Курсы пали на 2—10 процентовъ и для игроковъ на пониженіе былъ настоящій праздникъ. Одна только фирма Вандербильтъ-Девизенъ держалась твердо, и отъ того, на сколько она въ состояніи будетъ устоять и при дальнѣйшемъ теченіи кризиса, зависѣла участь всего денежнаго рынка. Тѣмъ разрушительнѣе было дѣйствіе, произведенное извѣстіемъ о пріостановкѣ платежей Ричардомъ Шеллемъ, однимъ изъ самыхъ близкихъ друзей Вандербильта, имѣвшемъ большія дѣла въ той же спеціальности, какъ и послѣдній. Публика приняла это за доказательство, что Вандербильту теперь только въ пору самого себя отстаивать и не до того, чтобъ оказывать поддержку своимъ друзьямъ. Акціи общества Western-Union пали въ нѣсколько минутъ на 8% и биржа закрылась въ отчаянномъ настроеніи.

Слѣдующему дню было суждено принести еще болѣе грозныя вѣсти. Вскорѣ послѣ открытія биржи, банкирскій домъ Фискъ и Гатчь нашелся вынужденнымъ пріостановить свои платежи. Извѣстіе это поразило весь городъ громовымъ ударомъ, такъ какъ про эту фирму можно было безъ преувеличенья сказать, что по солидности ей не было другой равной во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ. Во время войны она принимала дѣятельное участіе въ заключеніи союзнаго займа, позднѣе она была посредницей при введеніи облигацій центральной желѣзной дороги къ Тихому океану на американскія и европейскія биржи, а въ послѣднее время содѣйствовала оконченной уже въ настоящее время продажѣ облигацій чизамикско-огайской желѣзной дороги. Всѣ эти цѣнности представляли гарантію, стоявшую внѣ всякихъ сомнѣній, и бѣдствіе, постигшее временно въ эту минуту всѣ желѣзнодорожныя бумаги, могло отозваться на фирмѣ скоропреходящими затрудненіями. Но недовѣріе и паника были такъ велики, что фирма Фискъ и Гатчь, отъ которой потребовали возвращенія значительныхъ ссудъ, не въ состояніи была достать сколько-нибудь денегъ, не взирая на то, что активъ ея былъ весьма значителенъ. Предвидя неизбѣжный натискъ со стороны многочисленныхъ владѣльцевъ ввѣренныхъ ей депозитовъ, она рѣшилась, скрѣпя сердце, чтобы не нанести ущерба никому изъ своихъ многочисленныхъ кліентовъ, временно пріостановить свои платежи. Количество друзей, поспѣшившихъ въ помѣщеніи фирмы Фискъ и Гатчь, чтобы выразить свое соболѣзнованье, служило явнымъ доказательствомъ всеобщаго сочувствія къ этому торговому дому, попавшему во временное затрудненіе; со

всѣхъ сторонъ выражалась надежда, что фирма въ скоромъ времени будетъ въ состояніи возобновить свои платежи.

Биржа, не успѣвшая еще оправиться отъ ударовъ предшествующихъ дней, была повержена этимъ непредвидѣннымъ несчастіемъ съ фирмой, считавшейся до сихъ поръ за недоступную твердыню, въ полнѣйшее отчаянье. Курсы падали съ каждой минутой на нѣсколько процентовъ и число домовъ, пріостанавливавшихъ свои платежи, было весьма значительно.

Послѣ одного изъ самыхъ злополучныхъ дней, какіе только можно найти въ лѣтописяхъ нью-іоркской биржи въ Уольстритѣ, лѣтописяхъ, столь богатыхъ катастрофами,—въ субботу 20 числа при открытіи биржи настроеніе казалось нѣсколько улучшившимся. Министръ финансовъ отдалъ приказаніе подъ-отдѣленію государственнаго казначейства скупить государственныхъ облигацій на 10,000,000 долларовъ. Эту мѣру считали достаточной для противодѣйствія паникѣ, если только при этомъ банки сохранятъ свою состоятельность. Фондовая биржа открылась при довольно твердомъ настроеніи; курсы, въ большинствѣ случаевъ, были даже значительно выше, чѣмъ при заключительной котировкѣ предшествующаго дня. Но улучшенію этому не суждено было долго продержаться. Не прошло и получаса по открытіи фондовой биржи, какъ пришло извѣстіе о пріостановкѣ платежей компаніей „Union Trust Company". Не успѣла обезумѣвшая отъ испуга толпа маклеровъ оправиться отъ этого удара, какъ распространилась роковая вѣсть о томъ, что банкъ „of Commonwealth" пріостановилъ свои платежи, и въ числѣ слуховъ, возникающихъ въ изобиліи въ подобные дни, сталъ носиться слухъ о банкротствѣ фирмы Вандербильтъ. Тутъ, казалось, настали послѣдніе дни биржи; ни о какихъ курсахъ не было болѣе и рѣчи. Люди, которые въ обыкновенныя, спокойныя времена торговались по цѣлымъ часамъ прежде, чѣмъ рѣшались продать свои бумаги на $^1/_4$ процента выше или ниже, теперь старались перекричать своихъ конкуррентовъ, сбавляя противъ цѣны, запрашиваемой послѣдними, по 10—20 процентовъ. Довѣріе совершенно исчезло; за цѣнность признавалось лишь то, чтó было семью столбами въ землю врыто. На многочисленныя пріостановки платежей маклерскими фирмами, о которыхъ возвѣщалось съ президентской эстрады, никто уже болѣе не обращалъ и вниманія; въ помѣщеніи биржи стоялъ ревъ и гулъ, и всякое подобіе порядка исчезло.

При такихъ обстоятельствахъ предсѣдатель биржи счелъ своимъ долгомъ созвать биржевой комитетъ для немедленнаго совѣщанія, и послѣ непродолжительныхъ преній рѣшено было закрыть фондовую биржу на нѣкоторое время. Рѣшеніе это было безпримѣрнымъ событіемъ въ лѣтописяхъ нью-іоркской биржи, но неумолимая необходимость требовала подобныхъ принудительныхъ мѣръ. Останься фондовая биржа еще нѣкоторое время открытой,—всѣ торговые дома, имѣвшіе какія бы то ни было связи съ биржей, были бы поставлены на край

погибели. Маклера безпрекословно покорились рѣшенію комитета, такъ какъ игроки на пониженіе были столько же и, быть можетъ, еще болѣе заинтересованы въ томъ, чтобы безграничному пониженію бумагъ былъ постановленъ какой нибудь предѣлъ.

Золотая биржа оставалась въ субботу, 20 сентября, открытою, по обыкновенію, до 3 часовъ, и на ней дѣла шли весьма бойко. Лажъ на золото поднялся съ $11^{1}/_{8}$ до $12^{5}/_{8}$ и при заключеніи биржи стоялъ на $11^{7}/_{8}$. Тѣмъ не менѣе, ликвидаціи при посредствѣ Gold Exchange Bank пріостановились, такъ какъ многіе маклера не могли добиться засвидѣтельствованья банками чековъ, необходимыхъ для регулированія разностей. Поэтому, пришлось отложить ликвидаціи до понедѣльника. Въ понедѣльникъ золотая биржа рѣшила послѣдовать примѣру фондовой биржи и совершенно прекратить всякія новыя дѣла, и заняться лишь заключеніемъ еще не оконченныхъ сдѣлокъ. Для сведенія счетовъ былъ установленъ лажъ на золото въ 12, и регулированіе произошло безъ всякихъ затрудненій, такъ что ни одна фирма не обанкротилась при этомъ. Во вторникъ золотая биржа снова открылась и съ этого дня хо̂дъ дѣлъ на ней продолжался безъ всякихъ перерывовъ. Далѣе нью-іоркская торговая газета приводитъ подробности банкротства Union Trust Bank'a, отъ котораго пострадало много вдовъ и сиротъ, а также банкротства національнаго банка Cammowealth и общества National Trust Company; затѣмъ упомянутая газета переходитъ къ обсужденію мѣръ, принятыхъ нью-іоркскими банками. Предсѣдатели банковъ, вполнѣ сознавая опасность положенія, еще 19 числа рѣшили собраться на слѣдующій день на общее совѣщаніе. Совѣщаніе это произошло въ помѣщеніи коммерческаго банка, и комитетъ, который передъ этимъ былъ избранъ для пріисканія средствъ предотвратить опасность, представилъ докладъ, главные пункты котораго клонились къ тому, чтобы каждому банку, принадлежащему къ Clearing House Association, было предоставлено представлять для залога въ особый комитетъ, который будетъ избранъ съ этою цѣлью, аппробованные этимъ комитетомъ дисконты и другія обезпеченія. Въ размѣрахъ 75 процентовъ такого залога каждый банкъ пользуется правомъ получать свидѣтельства, оплачиваемыя 7 процентами. Эти свидѣтельства могли до 1 ноября употребляться для регулированія ежедневныхъ счетовъ, и всѣ банки, имѣвшіе на комъ-нибудь долги, обязывались принимать сказанныя свидѣтельства въ уплату, въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ собственнымъ ихъ обязательствамъ. Комитету слѣдовало предоставить право выпуска такихъ свидѣтельствъ на 10,000,000 долларовъ. Легальныя бумажныя деньги, принадлежащія банкамъ, которые образуютъ сказанную ассосіацію, разсматриваются какъ общій фондъ, который хранится для обоюдной помощи и защиты, и комитету долженствовало быть предоставлено право равномѣрно распредѣлять этотъ фондъ дѣлежемъ или инымъ какимъ способомъ.

Докладъ этотъ былъ единогласно одобренъ и рѣшили произвести выпускъ предлагаемыхъ свидѣтельствъ, въ первое время, на сумму 10,000,000 долларовъ. Практическое дѣйствіе этой мѣры состояло въ томъ, что оно увеличивало количество государственныхъ бумажныхъ денегъ, находящихся въ распоряженіи банковъ, такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ до сихъ поръ для регулированія обоюдныхъ счетовъ приходилось употреблять государственныя бумажныя деньги, теперь на мѣсто ихъ выступали упомянутыя свидѣтельства. Этою мѣрою, правда, фактически обходилось требованіе закона, чтобы каждый національный банкъ города Нью-Іорка держалъ 25% резерва въ государственныхъ бумажныхъ деньгахъ, но это былъ единственный доступный банкамъ видъ самопомощи, которымъ они могли выпутать себя и остальной коммерческій міръ изъ бѣды.

Между тѣмъ, къ чести торговаго сословія, надо замѣтить, что оно, за весьма немногими исключеніями, держало себя весьма хорошо относительно банковъ. Какъ скоро сдѣлалось ясно, что общее крушеніе всего торговаго міра можетъ быть предотвращено лишь тѣмъ, что банки останутся состоятельными, — не взирая на многочисленные тревожные слухи, лишь немногіе стали обращаться въ банки съ требованіемъ назадъ своихъ вкладовъ. Всѣ предъявляемые съ этою цѣлью чеки, на суммы не свыше 500 долларовъ, оплачивались банками бумажными деньгами. Требованія, превышавшія эту сумму, засвидѣтельствовались ими и въ этомъ видѣ должны были пройти для своего удовлетворенія черезъ процедуру Clearing House'а.

На собраніи, происходившемъ въ среду 24 сентября, были приняты слѣдующія рѣшенія: 1) послѣ того, какъ до четверга вечеромъ будетъ выпущено на 10 милліоновъ долларовъ свидѣтельствъ, разрѣшается выпускъ новыхъ 10 милліоновъ свидѣтельствъ, а затѣмъ, когда и эти будутъ истощены, — новый выпускъ въ десять милліоновъ; 2) банки заключаютъ между собою соглашеніе поддерживать другъ друга, общими усиліями противодѣйствовать всякой паникѣ и всевозможнымъ случайностямъ. Они условливаются между собою засвидѣтельствовать чеки, только подъ условіемъ, чтобы уплата по послѣднимъ производилась черезъ Clearing House, другими словами, принять такой способъ уплаты, при которомъ каждый банкъ могъ, по своему усмотрѣнію, оплачивать свои обязательства или свидѣтельствами Clearing House'а, или государственными бумажными деньгами. Въ случаѣ какой-нибудь банкъ нуждается въ государственныхъ бумажныхъ деньгахъ, для ежедневнаго своего обихода, онъ вступаетъ по этому предмету въ соглашеніе съ тѣмъ банкомъ, который состоитъ ему долженъ. Но для того, чтобы увеличить запасъ государственныхъ бумажныхъ денегъ, банки, образующіе ассоссіацію, соглашаются между собою добыть куплею или займомъ отъ страховыхъ обществъ и другихъ корпорацій, какія окажутся нерасположенными къ продажѣ, запасъ 25 долларныхъ облигацій казначейства на 10,000,000 и обмѣнять этотъ запасъ въ казначействѣ на

государственныя бумажныя деньги. Расходы и разность, которые произойдутъ при этой операціи, распредѣляются между банками, заключавшими ассоссіацію, соотвѣтственно съ ихъ капиталомъ. Всѣ гринбаки, поступившіе въ распоряженіе банковъ, разсматриваются какъ общій фондъ, въ которомъ каждый банкъ, въ размѣрахъ пропорціональныхъ своему капиталу, имѣетъ свою долю участія. 3) Банки, составившіе ассоссіацію, постановляютъ, что всякій банкъ, который откажется примкнуть по всѣмъ пунктамъ къ заключенному въ настоящее время соглашенію, будетъ считаться исключеннымъ изъ ассоссіаціи, и что всякій чекъ, предъявляемый на такой банкъ, будетъ представляемъ къ немедленной уплатѣ. Наконецъ, банки рѣшили обратиться къ правительству съ ходатайствомъ о томъ, чтобы 5 процентныя облигаціи 1858 г., срокъ которымъ истекалъ 1 января 1871 г., были оплачены золотомъ.

Государственное казначейство, какъ мы уже упоминали выше, ограничилось тѣмъ, что отдало своему подъ-отдѣленію приказаніе скупить на 10,000,000 облигацій казначейства, достоинствомъ въ 25 долларовъ, оплачивая ихъ гринбаками. Но настроеніе было до такой степени отчаянное, что лишь немногіе домà воспользовались этою помощью; всякій, кто имѣлъ въ рукахъ государственныя бумаги, держался за нихъ какъ за послѣдній якорь спасенія, и количество государственныхъ облигацій, представленныхъ въ субботу въ государственное казначейство для продажи, едва составляло 2,500,000 долларовъ. Между тѣмъ, какъ президентъ, такъ и министръ финансовъ изо всѣхъ частей государства получали депеши, умолявшія ихъ положить конецъ паникѣ предоставленіемъ въ обращеніе такъ называемаго резервнаго фонда гринбаковъ, составлявшаго 44 милліона. Въ отвѣтъ на это было объявлено, что президентъ Грантъ и министръ Ричардсонъ въ воскресенье пріѣдутъ въ Нью-Іоркъ для совѣщанія съ наиболѣе выдающимися представителями финансоваго и торговаго міра о тѣхъ мѣрахъ, которыя могутъ быть приняты правительствомъ съ своей стороны.

Въ воскресенье президентъ Грантъ съѣхался съ канцлеромъ казначейства въ Нью-Іоркѣ. Послѣ десятичасоваго совѣщанія былъ принятъ нижеслѣдующій ультиматумъ: отдѣленію государственнаго казначейства въ Нью-Іоркѣ разрѣшается покупать на гринбаки *al pari* по оцѣнкѣ на золото, со включеніемъ и наросшихъ процентовъ, любое количество государственныхъ облигацій, достоинствомъ въ двадцать пять долларовъ, какое будетъ въ него представлено. Послѣ того, какъ это рѣшеніе было сообщено тревожно дожидавшейся толпѣ, президентъ и министръ финансовъ уѣхали обратно въ Вашингтонъ.

Въ понедѣльникъ, 22 сентября, улица Уольстритъ все еще находилась въ тревогѣ и неизвѣстности относительно того, что̀ принесетъ ей ближайшее будущее. Мѣры, принятыя правительствомъ, по общему убѣжденію, были недостаточны для того, чтобы остановить панику; при этомъ никто не хотѣлъ принять

въ соображеніе, что всякая непосредственная помощь правительства банкамъ была бы нарушеніемъ существующихъ законовъ. При такомъ возбужденномъ настроеніи коммерческаго міра было большимъ счастьемъ, что фондовая биржа оставалась закрытою. Горючій матеріалъ, успѣвшій накопиться отовсюду, навѣрное тамъ вспыхнулъ бы и это повлекло бы за собою неисчислимыя бѣдствія. Но, благодаря закрытію фондовой биржи, биржевыя фирмы вынуждены были бездѣйствовать и дѣла ограничивались небольшими оборотами, которые производились биржевыми зайцами на улицѣ и подъ условіемъ немедленной оплаты купленныхъ бумагъ гринбаками. Банки удержались твердо и о новыхъ пріостановкахъ платежей не было слышно. Правда, нѣкоторымъ сберегательнымъ кассамъ въ верхней части города пришлось выдержать натискъ со стороны своихъ вкладчиковъ, но при этомъ оказалось возможнымъ удовлетворить всѣ предъявленныя требованія. Тѣмъ не менѣе, для огражденія себя отъ возможныхъ случайностей, большинство упомянутыхъ учрежденій рѣшилось воспользоваться предоставленной имъ привилегіей и установить на будущее время для возврата болѣе крупныхъ суммъ срокъ предварительнаго предувѣдомленія, въ 30—90 дней. Эта мѣра была обусловлена не столько необходимостью, сколько осторожностью. Суммы въ сто долларовъ и ниже возвращались немедленно. Вкладчики убѣдились, что въ настоящее время капиталы ихъ нигдѣ не могутъ быть безопаснѣе, какъ въ этихъ сберегательныхъ кассахъ, и натискъ вскорѣ прекратился.

Во вторникъ, 22 сентября, дѣла имѣли такой видъ, что, казалось, наихудшій разгаръ кризиса уже пережитъ, по крайней мѣрѣ въ томъ, чтó касалось Нью-Іорка. Хотя фондовая биржа все еще оставалась закрытою, но между отдѣльными маклерами происходило много соглашеній и ликвидацій. Банки сводили свои счеты помощью свидѣтельствъ разсчетной палаты и ближайшее будущее представлялось въ нѣсколько менѣе безнадежномъ свѣтѣ. Но паника еще не окончила всѣхъ своихъ опустошеній, и не задолго до 3-хъ часовъ сдѣлалось извѣстно, что банкирскій домъ Генри Клькэсъ и К° пріостановилъ свои платежи.

Домъ этотъ имѣлъ свою контору въ Лондонѣ, подъ фирмою Клькэсъ, Габихтъ и К°, которые исполняли роль фискальныхъ агентовъ государственнаго отдѣленія банка для Европы. Въ теченіе длиннаго ряда годовъ правительство Соединенныхъ Штатовъ поручало всѣ свои европейскія финансовыя дѣла фирмѣ „Братья Бэрингъ"; лишь по вступленіи въ президентскую должность Гранта, часть заграничныхъ финансовыхъ операцій правительства была передана Генри Клькэсу, личному другу президента и выдающемуся представителю республиканской партіи; это въ свое время возбудило не мало раздраженія. Какъ скоро лондонскій домъ получилъ извѣстіе о пріостановкѣ платежей нью-іоркской фирмой, онъ рѣшилъ и съ своей стороны послѣдовать ея примѣру. Обязательства лондонской фирмы за счетъ нью-іоркскаго дома Генри Клькэсъ и К° простирались до 240,000 ф. ст., а за свой собственный счетъ—до 64,000 ф. ст.

Для закрытія этихъ послѣднихъ имѣлось достаточное количество актива, но этого актива не хватало для покрытія обязательствъ гг. Генри Клькюсъ и К°. Лондонская фирма утверждала впослѣдствіи, что на своихъ собственныхъ операціяхъ она не потеряла ни одного цента.

Государственное отдѣленіе банка въ Вашингтонѣ не понесло убытковъ черезъ пріостановку платежей сказанной фирмой, но менѣе счастливо отдѣлалось государственное казначейство. Лондонская фирма состояла должной послѣднему 180,000 долларовъ, которые она еще не доплатила изъ консульскихъ пошлинъ, внесенныхъ черезъ нее; кромѣ того, былъ еще счетъ въ 12,000 долларовъ, которые оставались у фирмы въ рукахъ изъ суммъ, предназначенныхъ на расходы по женевскому третейскому суду.

Въ среду послѣдовала пріостановка платежей фирмы Гансъ и Мхеи, пользовавшейся наилучшей репутаціей и ограничивавшей свои дѣла банкирскими операціями внутри страны. Между тѣмъ какъ товарная торговля вообще до сихъ поръ сравнительно мало пострадала отъ финансоваго кризиса, на торговлѣ земледѣльческими продуктами онъ отозвался очень тяжело. Западъ отправлялъ хлѣбъ въ громадныхъ количествахъ въ Нью-Іоркъ; хлопокъ начиналъ прибывать съ юга. Эти и многіе другіе продукты складывались въ Нью-Іоркѣ, въ ожиданіи отправки въ Европу. Между тѣмъ, главнѣйшая отрасль торговли Соединенныхъ Штатовъ—вывозъ заграницу, находилась въ эту минуту въ состояніи полнаго бездѣйствія, такъ какъ за послѣднюю недѣлю коммерческіе переводные векселя совсѣмъ не шли съ рукъ въ продажѣ. Поэтому 25 сентября состоялось совѣщаніе представителей товарной биржи, и на этомъ собраніи, которое было очень многочисленно, были приняты слѣдующія резолюціи, сообщенныя потомъ президенту и министру финансовъ.

1) Къ правительству обращаются съ ходатайствомъ о томъ, чтобы оно немедленно снабжало банки и банкировъ бумажными деньгами, какъ скоро послѣдніе представятъ доказательство, что ихъ лондонскими корреспондентами положена въ англійскій національный банкъ соотвѣтствующая сумма золотомъ для перевода въ Соединенные Штаты. Эти бумажныя деньги должны исключительно употребляться на покупку торговыхъ трассированныхъ векселей.

2) Передъ правительствомъ ходатайствуютъ о томъ, чтобы оно распорядилось о немедленномъ выкупѣ облигацій Союзнаго займа, срокъ которымъ истекаетъ 1 января 1874 г.

Въ то самое время, когда принимались эти рѣшенія, министръ финансовъ телеграфировалъ отдѣленію нью-іоркскаго казначейства, чтобы оно пріостановило закупку союзныхъ двадцати-пяти долларныхъ облигацій. Всего этихъ облигацій было закуплено съ субботы до среды безъ малаго на 12 милліоновъ, по среднему курсу въ $110{,}72^{40}/_{64}$ на бумажныя деньги. Запасъ бумажныхъ денегъ въ казначействѣ былъ почти истощенъ, — его оставалось всего

лишь нѣсколько милліоновъ, — а министръ финансовъ между тѣмъ упорствовалъ въ своемъ рѣшеніи не трогать такъ-называемаго резерва въ 44 милліона.

27 сентября, — то былъ самый роковой день кризиса, пришла вѣсть о томъ, что правительство не приметъ никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ для поддержанія банковъ. Одновременно съ этимъ, стали приходить роковыя вѣсти изъ разныхъ мѣстностей внутри страны. Многіе провинціальные банки пріостановили свои платежи. Они послѣдовали примѣру нью-іоркскихъ банковъ и, уплачивая немедленно деньги лишь по чекамъ, предъявляемымъ на небольшія суммы, болѣе крупныя требованія отсылали въ Clearing-House. Весь этотъ день банковый комитетъ засѣдалъ непрерывно. Послѣ того, какъ было выдано на 20 милліоновъ свидѣтельствъ, комитетъ рѣшилъ произвести дальнѣйшій выпускъ этихъ свидѣтельствъ. Въ Clearing-House'а платежи тоже производились вмѣсто гринбаковъ свидѣтельствами.

30 сентября биржа была снова открыта; при этомъ, въ предупрежденіе паники, которая могла бы быть вызвана принудительными мѣрами, биржевымъ синдикатомъ были приняты слѣдующія рѣшенія: ни одна мѣра, принимаемая биржевымъ синдикатомъ, не должна быть истолковываема въ смыслѣ освобожденія котораго-либо изъ членовъ корпораціи отъ исполненія обязательствъ, налагаемыхъ правилами фондовой биржи; всѣ тѣ члены корпораціи, которые имѣютъ неисполненныя еще обязательства по заключеннымъ ими сдѣлкамъ и которые, продержавшись состоятельными до окончанія биржи, откажутся указать такого отвѣтственнаго посредника, который будетъ признанъ достаточно надежнымъ другою стороною, или представить обезпеченье золотомъ или бумагами, объявляются несостоятельными; дѣйствіе параграфа 25-го биржеваго устава (тотъ, которымъ должностныя лица биржи уполномочиваются собственною властью регулировать обязательства лицъ, не исполнявшихъ своихъ обязательствъ по заключеннымъ ими сдѣлкамъ) пріостанавливается на первые три дня по открытіи биржи; предсѣдателемъ биржи назначается особый комитетъ, который устанавливаетъ курсъ, безобидный для обѣихъ сторонъ, и по этому курсу опредѣляется сумма обезпеченій бумагами, которыя должны быть представлены. Тотъ же комитетъ опредѣляетъ и курсъ, по которому регулируются обязательства лицъ, не исполнившихъ этихъ обязательствъ. Всѣ обязательства могутъ быть удовлетворяемы посредствомъ засвидѣтельствованныхъ чековъ, прошедшихъ черезъ Clearing-House. Но если при этомъ выдается чекъ, принадлежащій банку, который продавцу покажется недостаточно надежнымъ, то обѣ стороны должны вступить въ соглашеніе другъ съ другомъ; требовать однако уплаты непремѣнно гринбаками или звонкою монетою продавецъ не имѣетъ права.

Одновременно съ этимъ, министръ финансовъ оповѣстилъ, что онъ готовъ выплатить немедленно со скидкою 6% тѣ $13^1/_2$ милліоновъ золотомъ, изъ

процентовъ государственнаго долга, срокъ которымъ истекалъ 1 ноября. Эти мѣры, въ связи съ подоспѣвшими изъ Англіи посылками золота, возросшими мало по малу до 20 милліоновъ, не мало способствовали успокоенію умовъ. Денежное обращеніе стало возстановляться и трассированные векселя поднялись на цѣлый процентъ.

Биржа сразу открылась значительнымъ повышеніемъ, которое, однако, не удержалось. Въ среду, 1 октября, при дальнѣйшемъ теченіи дѣловой процедуры, возникли затрудненія: банки не безъ основанія отказывались засвидѣтельствовать чеки маклеровъ, — другими словами, превращать ихъ въ свидѣтельства, имѣвшія платежную силу, если при этихъ чекахъ не представлялось соотвѣтствующаго покрытія. Между тѣмъ, трехдневная отсрочка, данная маклерамъ для исполненія ихъ обязательствъ, имѣла благопріятное дѣйствіе для распутыванія дѣлъ, и всего только одна незначительная фирма, Альбертъ Коль, была вынуждена къ пріостановкѣ платежей.

Теперь насталъ поворотный пунктъ кризиса, и дѣла начали снова входить въ обычную свою колею.

Курсъ заграничныхъ векселей опять поднялся.

На денежномъ рынкѣ снова оказалась возможность получать ссуды за 7%, подъ залогъ облигацій государственнаго долга. Clearing-House приступилъ къ постепенному извлеченію выпущенныхъ имъ свидѣтельствъ изъ обращенія и обмѣнивалъ ихъ на гринбаки, причемъ платившаяся при этомъ разность не превышала $^1/_4$ процента, тогда какъ всего нѣсколько дней тому назадъ она составляла отъ 2 до 3%. Въ общей сложности такихъ свидѣтельствъ было пущено въ обращеніе не болѣе 22,000,000 долларовъ. Вклады въ банкахъ стали опять увеличиваться. Поземельные банки, которые, за недостаткомъ государственныхъ бумажныхъ денегъ — хотя послѣднихъ и находилось въ обращеніи около 370 милліоновъ долларовъ,—пріостановили свои платежи, теперь снова ихъ возобновили. Сберегательныя кассы, которыя продали имѣвшіяся у нихъ государственныя облигаціи, чтобы доставить себѣ гринбаки для удовлетворенія своихъ вкладчиковъ, теперь снова выступили въ качествѣ покупщиковъ облигацій. Все это показываетъ, что передъ этимъ деньги, вслѣдствіе паники, просто прятались изъ обращенія, — и это служитъ новымъ подтвержденіемъ нецѣлесообразности американской банковой системы, которая постоянно оказывается не въ состояніи подать помощь какъ разъ въ такія времена, когда банки должны бы были дѣйствовать. Впрочемъ, прошло еще нѣсколько недѣль прежде, чѣмъ исключительныя мѣры были постепенно отмѣнены. Еще 10 октября не болѣе 3-хъ милліоновъ свидѣтельствъ было изъято изъ обращенія и обмѣнено на гринбаки.

17 октября довѣріе было уже настолько возстановлено, что публика начала пользоваться низкимъ состояніемъ курсовъ для того, чтобы пристроивать

свои деньги въ прочныхъ помѣщеніяхъ. Между тѣмъ, теперь только начали сказываться послѣдствія кризиса на торговлѣ и на ремесленной дѣятельности. Фабриканты начали отпускать рабочихъ, а товарная торговля страдала отъ затрудненій, съ которыми было сопряжено полученіе слѣдующихъ платежей.

Процесъ очищенія биржи отъ накопившихся въ ней злоупотребленій затянулся дольше, чѣмъ надѣялись оптимисты. Такъ, въ послѣднихъ числахъ октября раздавались жалобы на пагубныя послѣдствія вексельныхъ злоупотребленій. Пріостановки платежей начали свирѣпствовать въ торговлѣ. Въ концѣ октября пріостановилъ свои платежи торговый домъ Гаотъ, Спрэгъ и К°, самый крупный изъ домовъ, ведшихъ торговлю американскими мануфактурными товарами съ заграницей; за этою пріостановкою платежей послѣдовало банкротство двухъ сберегательвыхъ кассъ въ Родъ-Эйлэндѣ. Тысячи рабочихъ лишились занятій. Еще мрачнѣе были извѣстія, ознаменовавшія первую недѣлю ноября. Рикошетъ того впечатлѣнія, которое произвелъ нью-іоркскій кризисъ въ Европѣ, и послѣдствія повышенія дисконта англійскимъ банкомъ давали себя знать. „Послѣдствія кризиса, говоритъ нью-іоркская торговая газета, относительно которыхъ можно было надѣяться вначалѣ, что они ограничутся одной биржей, теперь распространяются мало по малу на всѣ сферы торговли. Общее положеніе дѣлъ представляется все еще очень мрачнымъ, — ни одна отрасль торговли не была пощажена. Биржа такъ больна, что новаго ухудшенія ея состоянія едва ли можно ожидать. Опустошенія, произведенныя на ней финансовой бурей, по истинѣ колоссальны. Промышленность страны сильно пострадала. Всюду фабрики или совсѣмъ распускаютъ своихъ рабочихъ, или въ значительной степени сокращаютъ число ихъ, такъ какъ онѣ не могутъ ни найти покупщиковъ для своихъ товаровъ, ни пріискать средства для того, чтобы продолжать производить свои фабрикаты, дожидаясь покупщиковъ. Въ Нью-Іоркѣ и въ Штатахъ Новой Англіи ткацкіе станки гуляютъ; въ Пенсильваніи остановились работы на желѣзныхъ заводахъ, которые съ самаго своего основанія почти не знали, что такое остановка работъ. Желѣзныя дороги, какъ старыя, такъ и новыя, пріостановили свои постройки и даже необходимыя ремонтныя работы откладываются до болѣе благопріятнаго времени. Въ Восточныхъ штатахъ отъ половины до двухъ третей рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ въ обыкновенное время, распущены и число рабочихъ, лишенныхъ хлѣба насущнаго, возрастетъ предстоящею зимою до нѣсколькихъ сотъ тысячь человѣкъ.

„Немногимъ утѣшительнѣе положеніе дѣлъ и въ коммерческомъ мірѣ. Заграничная торговля, правда, идетъ попрежнему бойко, но для лицъ, участвующихъ въ ней, она не приноситъ почти никакой прибыли. Не только цѣны на большинство предметовъ значительно упали (хлопокъ со времени кризиса упалъ на 20°/₀ своей цѣны, пшеница—на 13 центовъ съ мѣры), но и тотъ ничтожный барышъ, который притомъ остается, значительно уменьшается, благодаря

деморализаціи, господствующей на денежномъ рынкѣ. При всемъ томъ, положеніе вывозящей торговли представляется еще сноснымъ и можетъ быть названо даже блестящимъ по сравненію съ тѣми условіями, въ которыя былъ поставленъ ввозъ товаровъ. Убытки, понесенные торговцами, которые ввозили чай, кофе и металлы, по истинѣ ужасны. Мануфактурные товары, привозные, также, какъ и туземные, нѣтъ возможности сбыть съ рукъ, даже съ уступкою 25% противъ сентябрскихъ цѣнъ, и владѣльцы ихъ охотно пошли бы еще на бо́льшія уступки, еслибы только они могли этимъ достигнуть продажи на наличныя деньги. Начиная съ фирмы Клеффинъ и К° и кончая послѣднимъ мелочнымъ торговцемъ, — всѣ требуютъ отсрочки платежей. Торговцы, занимающіеся ввозомъ, вынуждены принимать векселя съ истекающимъ срокомъ отъ посредниковъ, перепродающихъ свой товаръ въ другія руки, а эти послѣдніе, въ свою очередь, вынуждены давать отсрочку своимъ покупщикамъ, и портфели банковъ переполнены просроченными векселями, оставшимися неоплаченными. При такихъ обстоятельствахъ многія банкирскія фирмы, которыя въ началѣ кризиса пріостановили свои платежи и послѣ того вступили въ соглашеніе съ своими кредиторами, считаютъ неполитичнымъ принимать мѣры для возобновленія своихъ дѣлъ".

4 ноября техасско-калифорнская строительная компанія пріостановила свои платежи съ 7 милліонами пассива. Президентъ этой компаніи, Томасъ А. Скоттъ, самый интеллигентный изо всѣхъ предпринимателей желѣзныхъ дорогъ въ Соединенныхъ Штатахъ, хотѣлъ послѣ этого отказаться отъ вице-президентства пенсильванской дороги, но отставка его не была принята.

Гораздо худшія затрудненія принесло 15-е ноября, день, въ который истекалъ срокъ для выдачи процентовъ по многимъ желѣзнодорожнымъ бумагамъ. Около 15 желѣзнодорожныхъ обществъ оказались не въ состояніи произвести эту уплату.

Фирмѣ Спрэгъ и К° удалось, правда, заключить соглашеніе съ своими кредиторами, но такъ какъ фирма эта владѣетъ одной изъ самыхъ значительныхъ бумагопрядильныхъ и ситцевыхъ фабрикъ въ Соединенныхъ Штатахъ, то ея пріостановка платежей все-таки оставила до 10,000 рабочихъ временно безъ занятій; съ конца октября цѣлые столбцы газетъ переполнялись перечнями фабрикъ, которыя или совсѣмъ пріостанавливали свои работы, или вводили уменьшенную заработную плату. 8 ноября знаменитый Кэмбрійскій желѣзный заводъ въ Джонстоунѣ, въ штатѣ Пенсильванія, объявилъ своимъ рабочимъ, что не можетъ болѣе выдавать имъ заработную плату наличными деньгами; совершенно пріостановили свои работы слѣдующія фабрики: Гармонійская бумагопрядильня въ Когесѣ, шт. Нью-Іоркъ, одна изъ самыхъ значительныхъ мануфактуръ этого рода въ цѣломъ мірѣ; детчесская ситцевая фабрика Гарнера и К°, въ Уоппингеръ-Фольсѣ, шт. Нью-Іоркъ; фабрики той же фирмы въ

Ньюбергѣ, въ Геверстрау, въ Рочестерѣ и въ Плезантъ-Валли. На западной береговой желѣзной дорогѣ работы были оставлены вовсе; фабрика стильманской мануфактурной компаніи въ графствѣ Уэстерли, всѣ желѣзные заводы въ Тройѣ и Нью-Іоркѣ, фабрики Атлантической Делэнской компаніи, Кроустонская ситцевая фабрика въ Родъэйлэндѣ, и т. д.—все это стояло безъ дѣла. Совершенно однородныя извѣстія приходили и изъ среднихъ штатовъ, и съ Запада. Въ Дерси и Гобикенѣ было распущено до 5,000 рабочихъ, въ Филадельфіи — до 25,000. Въ Питсбургѣ владѣльцы желѣзодѣлательныхъ заводовъ рѣшили уменьшить заработную плату на 10°/₀; многія желѣзнодорожныя компаніи сбавили ее для своихъ рабочихъ тоже на 10, а иныя и на 20°/₀. Даже верфи въ Портсмоутѣ распустили своихъ рабочихъ. Смятеніе возросло еще болѣе, когда даже знаменитая фирма Клеффинъ и К°, активъ которой превышалъ пассивъ на 6,000,000 долларовъ, временно очутилась въ затруднительномъ положеніи. Въ Беффало, самомъ значительномъ складочномъ мѣстѣ для хлѣбной торговли, лежало до 1-го октября 49,000,000 мѣръ хлѣба, другими словами—на 7,000,000 мѣръ больше, чѣмъ въ ту же пору въ предшествующемъ году. Съ 1-го октября запасъ этотъ внезапно упалъ гораздо ниже соотвѣтствующей цифры предшествующаго года и многіе корабли, за недостаткомъ груза, ранѣе обыкновеннаго стали приготовляться къ зимовкѣ. Число рабочихъ, оставшихся безъ хлѣба, было по истинѣ ужасающее и всѣ со страхомъ взирали на нужду и страданія, которыми грозила наступающая зима. Требованія помощи, съ которыми обращались въ благотворительныя учрежденія, возростали въ необычайной пропорціи и со всѣхъ сторонъ обсуждались мѣры, которыми можно бы было удовлетворить ежедневно увеличивающіяся нужды рабочихъ семействъ.

Еще въ началѣ ноября рабочіе, повидимому, не вполнѣ сознавали всю громадность надвигавшагося на нихъ бѣдствія. Нью-іоркскіе подрядчики по постройкамъ рѣшили уменьшить плату, выдававшуюся ими рабочимъ—4 доллара каменьщикамъ и 2 долл. 50 центовъ чернорабочимъ за восьмичасовую работу, на 50 процентовъ, такъ какъ громадная дороговизна построекъ значительно охладила строительную предпріимчивость и капиталъ устремлялся въ другія помѣщенія. Вслѣдствіе этого, значительная часть ремесленниковъ и рабочихъ, занятыхъ по строительному дѣлу—около 5,000 человѣкъ,—отказалась работать, не желая подчиниться уменьшенію заработной платы.

Злою иронією судьбы разразилась вслѣдъ за этимъ нужда на фабрикахъ, рабочіе которыхъ были или совсѣмъ распущены, или же могли быть заняты лишь ограниченное число часовъ; многіе хозяева ремесленныхъ заведеній и многія желѣзнодорожныя общества тоже рѣшили, чтобы не останавливать работъ совсѣмъ, отчасти уменьшить число рабочихъ часовъ, отчасти же уменьшить заработную плату; послѣднее было произведено въ размѣрахъ отъ 10 до 30°/₀. Многія фирмы нашли болѣе выгоднымъ для себя заставлять работать

государственныя бумажныя деньги. Расходы и разность, которые произойдутъ при этой операціи, распредѣляются между банками, заключавшими ассоссіацію, соотвѣтственно съ ихъ капиталомъ. Всѣ гринбаки, поступившіе въ распоряженіе банковъ, разсматриваются какъ общій фондъ, въ которомъ каждый банкъ, въ размѣрахъ пропорціональныхъ своему капиталу, имѣетъ свою долю участія. 3) Банки, составившіе ассоссіацію, постановляютъ, что всякій банкъ, который откажется примкнуть по всѣмъ пунктамъ къ заключенному въ настоящее время соглашенію, будетъ считаться исключеннымъ изъ ассоссіаціи, и что всякій чекъ, предъявляемый на такой банкъ, будетъ представляемъ къ немедленной уплатѣ. Наконецъ, банки рѣшили обратиться къ правительству съ ходатайствомъ о томъ, чтобы 5 процентныя облигаціи 1858 г., срокъ которымъ истекалъ 1 января 1871 г., были оплачены золотомъ.

Государственное казначейство, какъ мы уже упоминали выше, ограничилось тѣмъ, что отдало своему подъ-отдѣленію приказаніе скупить на 10,000,000 облигацій казначейства, достоинствомъ въ 25 долларовъ, оплачивая ихъ гринбаками. Но настроеніе было до такой степени отчаянное, что лишь немногіе домà воспользовались этою помощью; всякій, кто имѣлъ въ рукахъ государственныя бумаги, держался за нихъ какъ за послѣдній якорь спасенія, и количество государственныхъ облигацій, представленныхъ въ субботу въ государственное казначейство для продажи, едва составляло 2,500,000 долларовъ. Между тѣмъ, какъ президентъ, такъ и министръ финансовъ изо всѣхъ частей государства получали депеши, умолявшія ихъ положить конецъ паникѣ предоставленіемъ въ обращеніе такъ называемаго резервнаго фонда гринбаковъ, составлявшаго 44 милліона. Въ отвѣтъ на это было объявлено, что президентъ Грантъ и министръ Ричардсонъ въ воскресенье пріѣдутъ въ Нью-Іоркъ для совѣщанія съ наиболѣе выдающимися представителями финансоваго и торговаго міра о тѣхъ мѣрахъ, которыя могутъ быть приняты правительствомъ съ своей стороны.

Въ воскресенье президентъ Грантъ съѣхался съ канцлеромъ казначейства въ Нью-Іоркѣ. Послѣ десятичасоваго совѣщанія былъ принятъ нижеслѣдующій ультиматумъ: отдѣленію государственнаго казначейства въ Нью-Іоркѣ разрѣшается покупать на гринбаки *al pari* по оцѣнкѣ на золото, со включеніемъ и наросшихъ процентовъ, любое количество государственныхъ облигацій, достоинствомъ въ двадцать пять долларовъ, какое будетъ въ него представлено. Послѣ того, какъ это рѣшеніе было сообщено тревожно дожидавшейся толпѣ, президентъ и министръ финансовъ уѣхали обратно въ Вашингтонъ.

Въ понедѣльникъ, 22 сентября, улица Ульстритъ все еще находилась въ тревогѣ и неизвѣстности относительно того, чтó принесетъ ей ближайшее будущее. Мѣры, принятыя правительствомъ, по общему убѣжденію, были недостаточны для того, чтобы остановить панику; при этомъ никто не хотѣлъ принять

17 милліоновъ союзнымъ правительствомъ положили конецъ паники, явственно говоритъ въ пользу того предположенія, что учрежденіе, способное, по эластичности своей организаціи, доставлять торговлѣ усиленное облегченіе путемъ нормальныхъ средствъ, не пугая предварительно публику чрезвычайными мѣрами, оказало бы ту же помощь раньше и потому дѣйствительнѣе.

Тѣ, кому вредныя послѣдствія принудительнаго курса не сказались достаточно ясно во время „черной пятницы", должны были наконецъ раскрыть глаза послѣ кризиса 1873 г. И дѣйствительно, въ американской прессѣ стали теперь раздаваться все болѣе и болѣе авторитетные голоса, требовавшіе отъ президента и конгресса возстановленія валюты. Къ сожалѣнію, президентъ выказалъ по этому поводу такой низкій уровень политико-экономическаго образованія, что, каковы бы ни были его заслуги какъ полководца въ дѣлѣ окончанія междоусобной войны, все болѣе и болѣе приходится признавать его неспособнымъ къ исполненію обязанностей его высокаго поста. Въ самомъ конгрессѣ, даже по настоящее время, раздается такъ много голосовъ, которые,—кто изъ непониманія, а кто и изъ корыстныхъ разсчетовъ,—возстаютъ противъ единственнаго правильнаго способа разрѣшить вопросъ, т. е., противъ изъятія всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, значительной части гринбаковъ изъ обращенія, что во всей исторіи Соединенныхъ Штатовъ едва ли можно указать періодъ, въ которомъ парламентъ этого великаго народа игралъ бы болѣе жалкую роль, чѣмъ въ настоящемъ вопросѣ. Въ виду такого положенія дѣлъ у себя дома, американцы могли бы вылѣчиться отъ своей привычки смотрѣть свысока на все европейское; въ Европѣ нѣтъ ни одного государства, которое вернулось бы къ уплатѣ звонкою монетою, еслибы оно находилось въ положеніи Соединенныхъ Штатовъ.

Въ доказательство того, что мы нисколько не преувеличиваемъ, намъ достаточно будетъ привести собственноручное письмо, которое президентъ Грантъ написалъ предсѣдателю „континентальнаго національнаго банка", г. Коудри, въ Нью-Іоркѣ. Вотъ наиболѣе существенныя мѣста этого письма.

„Я не думаю, чтобы вредъ, который теперешняя паника причинитъ отдѣльнымъ личностямъ, могъ по размѣрамъ своимъ сравняться съ тою пользою, которую она принесетъ всему государству. Наша денежная система создана необходимостью. Ей не достаетъ эластичности; но, за то, въ другихъ отношеніяхъ, она—наилучшая изо всѣхъ системъ, какія-либо были придуманы. Никто теперь не относится съ недовѣріемъ къ цѣнности бумажныхъ долларовъ; напротивъ, эти послѣдніе копятся и откладываются такъ же жадностью, какъ въ прежнія времена, при подобныхъ же бѣдственныхъ обстоятельствахъ, копились и откладывались золотые доллары. Паника обратитъ общее вниманіе на недостатки нашей денежной системы и, безъ сомнѣнія, вызоветъ законодательныя мѣры, которыми этой системѣ будетъ придана недостающая ей эла-

Для закрытія этихъ послѣднихъ имѣлось достаточное количество актива, но этого актива не хватало для покрытія обязательствъ гг. Генри Клькюсъ и К°. Лондонская фирма утверждала впослѣдствіи, что на своихъ собственныхъ операціяхъ она не потеряла ни одного цента.

Государственное отдѣленіе банка въ Вашингтонѣ не понесло убытковъ черезъ пріостановку платежей сказанной фирмой, но менѣе счастливо отдѣлалось государственное казначейство. Лондонская фирма состояла должной послѣднему 180,000 долларовъ, которые она еще не доплатила изъ консульскихъ пошлинъ, внесенныхъ черезъ нее; кромѣ того, былъ еще счетъ въ 12,000 долларовъ, которые оставались у фирмы въ рукахъ изъ суммъ, предназначенныхъ на расходы по женевскому третейскому суду.

Въ среду послѣдовала пріостановка платежей фирмы Гансъ и Мхеи, пользовавшейся наилучшей репутаціей и ограничивавшей свои дѣла банкирскими операціями внутри страны. Между тѣмъ какъ товарная торговля вообще до сихъ поръ сравнительно мало пострадала отъ финансоваго кризиса, на торговлѣ земледѣльческими продуктами онъ отозвался очень тяжело. Западъ отправлялъ хлѣбъ въ громадныхъ количествахъ въ Нью-Іоркъ; хлопокъ начиналъ прибывать съ юга. Эти и многіе другіе продукты складывались въ Нью-Іоркѣ, въ ожиданіи отправки въ Европу. Между тѣмъ, главнѣйшая отрасль торговли Соединенныхъ Штатовъ—вывозъ заграницу, находилась въ эту минуту въ состояніи полнаго бездѣйствія, такъ какъ за послѣднюю недѣлю коммерческіе переводные векселя совсѣмъ не шли съ рукъ въ продажѣ. Поэтому 25 сентября состоялось совѣщаніе представителей товарной биржи, и на этомъ собраніи, которое было очень многочисленно, были приняты слѣдующія резолюціи, сообщенныя потомъ президенту и министру финансовъ.

1) Къ правительству обращаются съ ходатайствомъ о томъ, чтобы оно немедленно снабжало банки и банкировъ бумажными деньгами, какъ скоро послѣдніе представятъ доказательство, что ихъ лондонскими корреспондентами положена въ англійскій національный банкъ соотвѣтствующая сумма золотомъ для перевода въ Соединенные Штаты. Эти бумажныя деньги должны исключительно употребляться на покупку торговыхъ трассированныхъ векселей.

2) Передъ правительствомъ ходатайствуютъ о томъ, чтобы оно распорядилось о немедленномъ выкупѣ облигацій Союзнаго займа, срокъ которымъ истекаетъ 1 января 1874 г.

Въ то самое время, когда принимались эти рѣшенія, министръ финансовъ телеграфировалъ отдѣленію нью-іоркскаго казначейства, чтобы оно пріостановило закупку союзныхъ двадцати-пяти долларныхъ облигацій. Всего этихъ облигацій было закуплено съ субботы до среды безъ малаго на 12 милліоновъ, по среднему курсу въ $110{,}72^{40}/_{64}$ на бумажныя деньги. Запасъ бумажныхъ денегъ въ казначействѣ былъ почти истощенъ, — его оставалось всего

лишь нѣсколько милліоновъ,—а министръ финансовъ между тѣмъ упорствовалъ въ своемъ рѣшеніи не трогать такъ-называемаго резерва въ 44 милліона.

27 сентября, — то былъ самый роковой день кризиса, пришла вѣсть о томъ, что правительство не приметъ никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ для поддержанія банковъ. Одновременно съ этимъ, стали приходить роковыя вѣсти изъ разныхъ мѣстностей внутри страны. Многіе провинціальные банки пріостановили свои платежи. Они послѣдовали примѣру нью-іоркскихъ банковъ и, уплачивая немедленно деньги лишь по чекамъ, предъявляемымъ на небольшія суммы, болѣе крупныя требованія отсылали въ Clearing-House. Весь этотъ день банковый комитетъ засѣдалъ непрерывно. Послѣ того, какъ было выдано на 20 милліоновъ свидѣтельствъ, комитетъ рѣшилъ произвести дальнѣйшій выпускъ этихъ свидѣтельствъ. Въ Clearing-House'а платежи тоже производились вмѣсто гринбаковъ свидѣтельствами.

30 сентября биржа была снова открыта; при этомъ, въ предупрежденіе паники, которая могла бы быть вызвана принудительными мѣрами, биржевымъ синдикатомъ были приняты слѣдующія рѣшенія: ни одна мѣра, принимаемая биржевымъ синдикатомъ, не должна быть истолковываема въ смыслѣ освобожденія котораго-либо изъ членовъ корпораціи отъ исполненія обязательствъ, налагаемыхъ правилами фондовой биржи; всѣ тѣ члены корпораціи, которые имѣютъ неисполненныя еще обязательства по заключеннымъ ими сдѣлкамъ и которые, продержавшись состоятельными до окончанія биржи, откажутся указать такого отвѣтственнаго посредника, который будетъ признанъ достаточно надежнымъ другою стороною, или представить обезпеченье золотомъ или бумагами, объявляются несостоятельными; дѣйствіе параграфа 25-го биржеваго устава (тотъ, которымъ должностныя лица биржи уполномочиваются собственною властью регулировать обязательства лицъ, не исполнявшихъ своихъ обязательствъ по заключеннымъ ими сдѣлкамъ) пріостанавливается на первые три дня по открытіи биржи; предсѣдателемъ биржи назначается особый комитетъ, который устанавливаетъ курсъ, безобидный для обѣихъ сторонъ, и по этому курсу опредѣляется сумма обезпеченій бумагами, которыя должны быть представлены. Тотъ же комитетъ опредѣляетъ и курсъ, по которому регулируются обязательства лицъ, не исполнившихъ этихъ обязательствъ. Всѣ обязательства могутъ быть удовлетворяемы посредствомъ засвидѣтельствованныхъ чековъ, прошедшихъ черезъ Clearing-House. Но если при этомъ выдается чекъ, принадлежащій банку, который продавцу покажется недостаточно надежнымъ, то обѣ стороны должны вступить въ соглашеніе другъ съ другомъ; требовать однако уплаты непремѣнно гринбаками или звонкою монетою продавецъ не имѣетъ права.

Одновременно съ этимъ, министръ финансовъ оповѣстилъ, что онъ готовъ выплатить немедленно со скидкою 6% тѣ $13^1/_2$ милліоновъ золотомъ, изъ

процентовъ государственнаго долга, срокъ которымъ истекалъ 1 ноября. Эти мѣры, въ связи съ подоспѣвшими изъ Англіи посылками золота, возросшими мало по малу до 20 милліоновъ, не мало способствовали успокоенію умовъ. Денежное обращеніе стало возстановляться и трассированные векселя поднялись на цѣлый процентъ.

Биржа сразу открылась значительнымъ повышеніемъ, которое, однако, не удержалось. Въ среду, 1 октября, при дальнѣйшемъ теченіи дѣловой процедуры, возникли затрудненія: банки не безъ основанія отказывались засвидѣтельствовать чеки маклеровъ, — другими словами, превращать ихъ въ свидѣтельства, имѣвшія платежную силу, если при этихъ чекахъ не представлялось соотвѣтствующаго покрытія. Между тѣмъ, трехдневная отсрочка, данная маклерамъ для исполненія ихъ обязательствъ, имѣла благопріятное дѣйствіе для распутыванія дѣлъ, и всего только одна незначительная фирма, Альбертъ Коль, была вынуждена къ пріостановкѣ платежей.

Теперь насталъ поворотный пунктъ кризиса, и дѣла начали снова входить въ обычную свою колею.

Курсъ заграничныхъ векселей опять поднялся.

На денежномъ рынкѣ снова оказалась возможность получать ссуды за 7%, подъ залогъ облигацій государственнаго долга. Clearing-House приступилъ къ постепенному извлеченію выпущенныхъ имъ свидѣтельствъ изъ обращенія и обмѣнивалъ ихъ на гринбаки, причемъ платившаяся при этомъ разность не превышала 1/4 процента, тогда какъ всего нѣсколько дней тому назадъ она составляла отъ 2 до 3%. Въ общей сложности такихъ свидѣтельствъ было пущено въ обращеніе не болѣе 22,000,000 долларовъ. Вклады въ банкахъ стали опять увеличиваться. Поземельные банки, которые, за недостаткомъ государственныхъ бумажныхъ денегъ — хотя послѣднихъ и находилось въ обращеніи около 370 милліоновъ долларовъ,—пріостановили свои платежи, теперь снова ихъ возобновили. Сберегательныя кассы, которыя продали имѣвшіяся у нихъ государственныя облигаціи, чтобы доставить себѣ гринбаки для удовлетворенія своихъ вкладчиковъ, теперь снова выступили въ качествѣ покупщиковъ облигацій. Все это показываетъ, что передъ этимъ деньги, вслѣдствіе паники, просто прятались изъ обращенія, — и это служитъ новымъ подтвержденіемъ нецѣлесообразности американской банковой системы, которая постоянно оказывается не въ состояніи подать помощь какъ разъ въ такія времена, когда банки должны бы были дѣйствовать. Впрочемъ, прошло еще нѣсколько недѣль прежде, чѣмъ исключительныя мѣры были постепенно отмѣнены. Еще 10 октября не болѣе 3-хъ милліоновъ свидѣтельствъ было изъято изъ обращенія и обмѣнено на гринбаки.

17 октября довѣріе было уже настолько возстановлено, что публика начала пользоваться низкимъ состояніемъ курсовъ для того, чтобы пристроивать

контрибуціи попала въ обращеніе, а, съ другой стороны, сумма вновь учрежденныхъ предпріятій въ значительной мѣрѣ превзошла сумму сбереженій.

Пятисотъ милліоновъ талеровъ Пруссія не могла накопить въ одинъ годъ, а если бы даже это и могло быть, то за это должны бы были поплатиться старыя предпріятія, находящіяся въ эксплуатаціи единичныхъ личностей, обществъ или государства. Дѣло въ томъ, что всю производительную машину государства, обнимающую земледѣліе, ремесла, торговлю, средства сообщенія и образованія, орудія обороны и т. п. мало ремонтировать такъ, чтобы она оставалась въ первоначальномъ своемъ видѣ; надо еще, чтобы дѣятельность ея приспособлялась къ размѣрамъ постоянно возрастающаго населенія. Кромѣ того, гораздо важнѣе поддерживать въ надлежащемъ видѣ и расширять старыя предпріятія, чѣмъ основывать новыя, такъ какъ первыя не поглощаютъ такихъ значительныхъ суммъ на ошибки и промахи, неразлучные съ каждымъ ученичествомъ, а потому производительность, двигающаяся въ ихъ, уже готовой, колеѣ, въ общей сложности, оказывается прибыльнѣе.

Новыя предпріятія, правда, бываютъ иногда полезны, даже необходимы, они даютъ производительной дѣятельности новый толчокъ, такъ что производительная сила увеличивается, какъ то было при введеніи желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, телеграфовъ, машино-строительныхъ фабрикъ; но учредительская манія биржи, которая въ самой себѣ, т. е., попросту говоря, въ ажіотажѣ, замыкала свою цѣль, имѣетъ весьма мало общаго съ этими великими экономическими переворотами.

Самымъ типичнымъ образчикомъ этого грюндерства, основывающаго предпріятія зря и ради того только, чтобы что-нибудь основывать, былъ Квистропскій союзный банкъ въ Берлинѣ, который своей пріостановкой платежей подалъ въ началѣ октября сигналъ къ наступленію кризиса и на берлинской биржѣ. Мы готовы допустить, что, при своемъ основаніи, банкъ этомъ имѣлъ благую цѣль пособить цѣлымъ рядомъ предпріятій ощущавшемуся недостатку въ жилищахъ; но, съ теченіемъ времени, онъ все-таки превратился въ чисто спекулятивный банкъ, который, такъ же, какъ и учрежденія, основанныя по образцу Crédit Mobilier, и учрежденія новыхъ предпріятій, дѣлалъ аферу и при этомъ занимался на биржѣ коммиссіонными, а можетъ быть и репортными операціями. Что такого рода операціи для „обществъ" оказываются, въ концѣ концовъ, дѣломъ совсѣмъ неподходящимъ—это уже давно доказано и теоріей, и практикой.

Квистропскій союзный банкъ, благодаря массѣ основанныхъ имъ и группировавшихся вокругъ него промышленныхъ обществъ, превратился подконецъ въ настоящаго крысинаго короля; онъ являлся представителемъ всевозможныхъ отраслей промышленности, о потребностяхъ которыхъ руководители банка, само собою разумѣется, не могли имѣть никакого самостоятельно выработаннаго по-

деморализаціи, господствующей на денежномъ рынкѣ. При всемъ томъ, положеніе вывозящей торговли представляется еще сноснымъ и можетъ быть названо даже блестящимъ по сравненію съ тѣми условіями, въ которыя былъ поставленъ ввозъ товаровъ. Убытки, понесенные торговцами, которые ввозили чай, кофе и металлы, по истинѣ ужасны. Мануфактурные товары, привозные, также, какъ и туземные, нѣтъ возможности сбыть съ рукъ, даже съ уступкою 25°/₀ противъ сентябрскихъ цѣнъ, и владѣльцы ихъ охотно пошли бы еще на бóльшія уступки, еслибы только они могли этимъ достигнуть продажи на наличныя деньги. Начиная съ фирмы Клеффинъ и К° и кончая послѣднимъ мелочнымъ торговцемъ, — всѣ требуютъ отсрочки платежей. Торговцы, занимающіеся ввозомъ, вынуждены принимать векселя съ истекающимъ срокомъ отъ посредниковъ, перепродающихъ свой товаръ въ другія руки, а эти послѣдніе, въ свою очередь, вынуждены давать отсрочку своимъ покупщикамъ, и портфели банковъ переполнены просроченными векселями, оставшимися неоплаченными. При такихъ обстоятельствахъ многія банкирскія фирмы, которыя въ началѣ кризиса пріостановили свои платежи и послѣ того вступили въ соглашеніе съ своими кредиторами, считаютъ неполитичнымъ принимать мѣры для возобновленія своихъ дѣлъ".

4 ноября техасско-калифорнская строительная компанія пріостановила свои платежи съ 7 милліонами пассива. Президентъ этой компаніи, Томасъ А. Скоттъ, самый интеллигентный изо всѣхъ предпринимателей желѣзныхъ дорогъ въ Соединенныхъ Штатахъ, хотѣлъ послѣ этого отказаться отъ вице-президентства пенсильванской дороги, но отставка его не была принята.

Гораздо худшія затрудненія принесло 15-е ноября, день, въ который истекалъ срокъ для выдачи процентовъ по многимъ желѣзнодорожнымъ бумагамъ. Около 15 желѣзнодорожныхъ обществъ оказались не въ состояніи произвести эту уплату.

Фирмѣ Спрэгъ и К° удалось, правда, заключить соглашеніе съ своими кредиторами, но такъ какъ фирма эта владѣетъ одной изъ самыхъ значительныхъ бумагопрядильныхъ и ситцевыхъ фабрикъ въ Соединенныхъ Штатахъ, то ея пріостановка платежей все-таки оставила до 10,000 рабочихъ временно безъ занятій; съ конца октября цѣлые столбцы газетъ переполнялись перечнями фабрикъ, которыя или совсѣмъ пріостанавливали свои работы, или вводили уменьшенную заработную плату. 8 ноября знаменитый Кэмбрійскій желѣзный заводъ въ Джонстоунѣ, въ штатѣ Пенсильванія, объявилъ своимъ рабочимъ, что не можетъ болѣе выдавать имъ заработную плату наличными деньгами; совершенно пріостановили свои работы слѣдующія фабрики: Гармонійская бумагопрядильня въ Когесѣ, шт. Нью-Іоркъ, одна изъ самыхъ значительныхъ мануфактуръ этого рода въ цѣломъ мірѣ; детчесская ситцевая фабрика Гарнера и К°, въ Уоппингеръ-Фольсѣ, шт. Нью-Іоркъ; фабрики той же фирмы въ

Тутъ тоже мы видимъ такіе скачки курсовъ внизъ, какъ, напримѣръ: съ 167 до $62^1/_2$, съ 74 до 36, съ 78 до 30, съ 115 до 54 и т. д. Въ общей сложности стоимость этихъ бумагъ въ продажѣ, составлявшая 1 апрѣля 35,470,000 талеровъ, пала къ 10 октября до 15,466,500 талеровъ — другими словами, составляла не болѣе $43^1/_2\%$ прежней цифры.

Сначала были пущены въ ходъ всевозможныя усилія, чтобы поддержать Квистропскій банкъ, въ которомъ многія высокопоставленныя личности помѣстили свой капиталъ, помощію прусскаго національнаго банка или союза крупныхъ фирмъ. Но переговоры, начатые по этому поводу, не удались, главнымъ образомъ вслѣдствіе сильной оппозиціи общественнаго мнѣнія противъ государственной помощи,—и ликвидація этого учрежденія судебнымъ порядкомъ была рѣшена. Эта катастрофа, распространившая недовѣріе по всей Германіи, повлекла за собою паденіе множества другихъ учрежденій въ различныхъ городахъ сѣверной Германіи, хотя ликвидація собственно Квистропскаго банка въ конечномъ своемъ результатѣ имѣла почти полное удовлетвореніе всѣхъ кредиторовъ банка.

Два мѣсяца послѣ этого продолжалось крушеніе однихъ предпріятій за другими: трещали не только желѣзнодорожныя общества, банки и строительныя компаніи, но и большія фабрики, на которыхъ кризисъ отзывался еще пагубнѣе, нежели на какихъ-либо другихъ предпріятіяхъ; не были пощажены ни товарищества съ неограниченною отвѣтственностью, на анонимныя акціонерныя общества.

Вслѣдъ за Берлиномъ дошла очередь до Мемеля, Гёрлица, Познани, Кёнигсберга, Бреславля, Глогау, Грюнберга, Дрездена, Хемница, Пирны, Лейпцига, Магдебурга, Штетина; въ Гамбургѣ, Эссенѣ, Кельнѣ, Мюльгаузенѣ (Тюрингенскомъ), Мюнхенѣ, Эрфуртѣ и другихъ мѣстахъ происходили банкротства—и дѣйствіе кризиса было ощутительно даже въ Эльзасѣ.

Въ Познани застрѣлился одинъ директоръ банка; одинъ адъютантъ герцога мейнингенскаго, вслѣдствіе потерь, понесенныхъ имъ на биржѣ, сдѣлалъ подлогъ; въ Кёнигсбергѣ одинъ негоціантъ, безупречный въ другихъ отношеніяхъ, былъ приговоренъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію за противузаконныя услуги, оказанныя имъ одному банкроту.

Въ ряду конкурсовъ, которые кризисъ повлекъ за собою, особенно достоенъ замѣчанія конкурсъ, назначенный надъ центральной померанской желѣзной дорогой, въ основаніи которой участвовалъ позорно знаменитый тайный совѣтникъ Вагнеръ, и съ именемъ которой связаны вышеупомянутыя разоблаченія Ласкера; затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о банкротствѣ пирнейскаго банка и тюрингенскаго банковаго союза; при первой изъ этихъ катастрофъ, такъ же, какъ и при банкротствѣ общества „Скала" въ Вѣнѣ, пострадало много мелкаго люда, а при второмъ, которому предшествовало такое быстрое паденіе акцій обще-

только восемь часовъ въ день, другія — только четыре дня въ недѣлю, а третьи и совсѣмъ пріостановили работы. Въ половинѣ ноября слышались жалобы, что со всѣхъ сторонъ умножаются признаки, свидѣтельствующіе, что рабочимъ предстоитъ крайне тяжелая зима.

Подобныя же извѣстія приходили изо всѣхъ городовъ Востока и Запада. Извѣстіе, распространившееся въ началѣ недѣли о томъ, будто правительство Соединенныхъ Штатовъ тоже, съ своей стороны, распустило рабочихъ на верфи въ Вашингтонѣ, не подтвердилось; въ Вашингтонѣ были распущены лишь рабочіе, занятые на общественныхъ постройкахъ и у частныхъ предпринимателей.

Въ декабрѣ союзъ рабочихъ имѣлъ съѣздъ въ Нью-Іоркѣ и на этомъ собраніи были сообщены слѣдующія статистическія данныя о рабочихъ, лишившихся хлѣба: въ Нью-Іоркѣ бродили по улицамъ безъ дѣла до 10,000 рабочихъ, не имѣвшихъ никакихъ другихъ средствъ существованія, кромѣ той помощи, которую оказывали имъ благотворительныя учрежденія; затѣмъ, внѣ рабочаго дома находилось до 1,200 такъ называемыхъ бродягъ. Одиннадцать фабрикъ, которыя въ обыкновенныя времена занимали до 26,200 рабочихъ, теперь давали работу лишь 5,950 человѣкамъ. Въ нью-іоркскомъ штатѣ насчитывалось всего до 182,000 членовъ рабочихъ союзовъ бывшихъ безъ дѣла.

Собраніе отвергло предложеніе устроить учрежденія для раздачи супа— предложеніе, которымъ иные думали пособить бѣдѣ, и приняло за то другія рѣшенія, вынужденныя крайностью, и имѣвшія цѣлью понудить магистратъ къ обезпеченію занятій рабочимъ.

По счастію, значительная часть опасеній оказалась преувеличенной, — и торговля, благодаря быстрому окончанію биржеваго кризиса, вернулась, скорѣе чѣмъ ожидали, въ свое обычное русло. Зиму удалось пережить гораздо благо-получнѣе, чѣмъ предполагали.

Помимо тѣхъ фактовъ, которые повторяются при всѣхъ кризисахъ, и помимо новаго подтвержденія вредности принудительнаго курса, въ этотъ кризисъ окончательно выяснился тотъ фактъ, что американскіе банки, при теперешней своей организаціи, не годятся для критическихъ минутъ. Они были вынуждены пріостановить платежи даже государственными бумажными деньгами и изворачиваться помощію процентныхъ свидѣтельствъ, чтобы только какъ-нибудь пособить недостатку въ деньгахъ, который, при наступленіи кризиса, обыкновенно доводитъ затруднительное положеніе до паники, такъ какъ публика, опасаясь за будущее, начинаетъ прятать свои деньги.

Центральный ассигнаціонный банкъ, устроенный по образцу французскаго или прусскаго національнаго банка, не попалъ бы въ такое затрудненіе и смогъ бы, не прибѣгая къ экстреннымъ средствамъ, помочь нуждамъ торговли, насколько онѣ обусловливались законными потребностями. Тотъ фактъ, что выпускъ свидѣтельствъ на 22 милліона долларовъ и закупка облигацій на

17 милліоновъ союзнымъ правительствомъ положили конецъ паники, явственно говоритъ въ пользу того предположенія, что учрежденіе, способное, по эластичности своей организаціи, доставлять торговлѣ усиленное облегченіе путемъ нормальныхъ средствъ, не пугая предварительно публику чрезвычайными мѣрами, оказало бы ту же помощь раньше и потому дѣйствительнѣе.

Тѣ, кому вредныя послѣдствія принудительнаго курса не сказались достаточно ясно во время „черной пятницы", должны были наконецъ раскрыть глаза послѣ кризиса 1873 г. И дѣйствительно, въ американской прессѣ стали теперь раздаваться все болѣе и болѣе авторитетные голоса, требовавшіе отъ президента и конгресса возстановленія валюты. Къ сожалѣнію, президентъ выказалъ по этому поводу такой низкій уровень политико-экономическаго образованія, что, каковы бы ни были его заслуги какъ полководца въ дѣлѣ окончанія междоусобной войны, все болѣе и болѣе приходится признавать его неспособнымъ къ исполненію обязанностей его высокаго поста. Въ самомъ конгрессѣ, даже по настоящее время, раздается такъ много голосовъ, которые,—кто изъ непониманія, а кто и изъ корыстныхъ разсчетовъ,—возстаютъ противъ единственнаго правильнаго способа разрѣшить вопросъ, т. е., противъ изъятія всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, значительной части гринбаковъ изъ обращенія, что во всей исторіи Соединенныхъ Штатовъ едва ли можно указать періодъ, въ которомъ парламентъ этого великаго народа игралъ бы болѣе жалкую роль, чѣмъ въ настоящемъ вопросѣ. Въ виду такого положенія дѣлъ у себя дома, американцы могли бы вылѣчиться отъ своей привычки смотрѣть свысока на все европейское; въ Европѣ нѣтъ ни одного государства, которое вернулось бы къ уплатѣ звонкою монетою, еслибы оно находилось въ положеніи Соединенныхъ Штатовъ.

Въ доказательство того, что мы нисколько не преувеличиваемъ, намъ достаточно будетъ привести собственноручное письмо, которое президентъ Грантъ написалъ предсѣдателю „континентальнаго національнаго банка", г. Коудри, въ Нью-Іоркѣ. Вотъ наиболѣе существенныя мѣста этого письма.

„Я не думаю, чтобы вредъ, который теперешняя паника причинитъ отдѣльнымъ личностямъ, могъ по размѣрамъ своимъ сравняться съ тою пользою, которую она принесетъ всему государству. Наша денежная система создана необходимостью. Ей не достаетъ эластичности; но, за то, въ другихъ отношеніяхъ, она—наилучшая изо всѣхъ системъ, какія-либо были придуманы. Никто теперь не относится съ недовѣріемъ къ цѣнности бумажныхъ долларовъ; напротивъ, эти послѣдніе копятся и откладываются такъ же жадностью, какъ въ прежнія времена, при подобныхъ же бѣдственныхъ обстоятельствахъ, копились и откладывались золотые доллары. Паника обратитъ общее вниманіе на недостатки нашей денежной системы и, безъ сомнѣнія, вызоветъ законодательныя мѣры, которыми этой системѣ будетъ придана недостающая ей эла-

стичность. Я удивляюсь, что серебро и теперь не притекаетъ на рынокъ, для восполненія недостающихъ средствъ обмѣна. Когда оно явится,—а я предсказываю, что оно явится скоро,—то это уже значительно приблизитъ насъ къ возобновленію платежей звонкой монетой. Съ этой минуты бумажныя деньги никогда уже не падутъ ниже серебра. Введеніе серебра въ обращеніе будетъ имѣть и другія благодѣтельныя послѣдствія. Опытъ показалъ, что требуется около 40 милліоновъ долларовъ мелкихъ бумажныхъ денегъ (fractional currency), чтобы снабдить торговлю страны необходимой размѣнной монетой. Серебо мало-по-малу займетъ мѣсто этихъ бумажныхъ денегъ и сдѣлается мѣриломъ цѣнности; тогда оно начнетъ въ малыхъ размѣрахъ накопляться и откладываться въ сторону. Я того мнѣнія, что этимъ способомъ современемъ будетъ поглощено изъ обращенія отъ 200 до 300 милліоновъ долларовъ этого рода средствъ обмѣна. Черезъ это бумажныя деньги освободятся и получатъ возможность исполнять свою правильную функцію въ торговлѣ, и мы такимъ образомъ приблизимся къ той цѣли, къ которой, въ концѣ концовъ, должны придти—къ возобновленію платежей звонкой монетой. Я сознаютъ, что желалъ бы, чтобы звонкая монета, въ извѣстныхъ ограниченныхъ размѣрахъ, накоплялась и удерживалась въ народѣ,—это обезпечиваетъ намъ надежную точку опоры въ случаѣ нужды. Но я желалъ бы, чтобы это накопленіе имѣло своимъ предметомъ нѣчто, представляющее постоянную цѣнность, одинаковую во всѣхъ странахъ земнаго шара. Именно серебро обладаетъ этимъ свойствомъ и какъ скоро мы вернемся къ употребленію серебра въ обращеніи, цѣна бумажныхъ денегъ еще быстрѣе пойдетъ въ гору. Наши руды въ настоящее время производятъ серебро почти въ неограниченномъ количествѣ и намъ представляется вопросъ: что мы будемъ дѣлать съ этимъ металломъ? Въ настоящемъ письмѣ я намекнулъ на такой способъ разрѣшенія этого вопроса, который окажется достаточнымъ на многіе годы, и я предлагаю банкирамъ обсудить, не слѣдуетъ ли имъ послѣдовать этому предложенію—пустить серебро въ обращеніе и продержать его тамъ до тѣхъ поръ, пока оно не пріобрѣтетъ въ обращеніи права гражданства; позднѣе мы можемъ пріискать для серебра другіе рынки. Государства центральной и южной Америки уже приглашали насъ чеканить для нихъ монету. До сихъ поръ мы не уполномочены на это закономъ, но слѣдуетъ ожидать, что полномочіе это скоро будетъ намъ дано. Какъ скоро мы его получимъ, это будетъ имѣть такое же значеніе, какъ еслибы мы сдѣлались экспортерами такихъ фабрикантовъ, которые были до сихъ поръ предметомъ ввоза внутрь страны. Мы будемъ получать большіе заказы на монету. Эти заказы будутъ всецѣло оцѣниваться на серебро, между тѣмъ какъ платежи по нимъ вовсе не необходимо должны производиться серебряною монетою. Мы сдѣлаемся фабрикантами этихъ монетъ, будемъ извлекать изъ этого барыши и, вѣроятно, будемъ получать часть слѣдующихъ намъ платежей благородными металлами".

Чтобы оцѣнить эти словоизверженія по достоинству, необходимо припомнить, что въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1853 г. введенъ счетъ на чистое золото, что серебро, которое чеканится по болѣе низкой пробѣ, признается законнымъ платежнымъ средствомъ лишь до 8 долларовъ, а съ 1872 г.—даже до 5 долларовъ только. Чрезмѣрный выпускъ бумажныхъ денегъ, который дошелъ до 356 милліоновъ долларовъ и, вмѣстѣ съ банковыми билетами, составляетъ болѣе 700 милліоновъ долларовъ, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что даже серебряная размѣнная монета, такъ же, какъ и въ Италіи, исчезла изъ обращенія и мѣсто ея заступили около 40 милліоновъ бумажекъ мелкаго достоинства съ принудительнымъ курсомъ. Эти 40 милліоновъ бумажекъ можно было, конечно, и слѣдовало какъ можно скорѣе замѣнить серебромъ, но попытка, которую, по вышеупомянутому почину президента Гранта, сдѣлалъ министръ финансовъ Ричардсонъ, съ цѣлью обмѣнить на серебро мелкія бумажныя деньги, дала самые жалкіе результаты, такъ какъ министръ финансовъ не былъ снабженъ достаточными средствами. Но, предположивъ даже, что попытка эта удалась бы, все-таки, отъ замѣны 40 милліоновъ долларовъ мелкихъ бумажныхъ денегъ серебряною монетою и до возстановленія цѣнности гринбаковъ al pari еще очень далеко; и этотъ послѣдній результатъ не можетъ быть осуществленъ посредствомъ серебра, а долженъ быть осуществленъ посредствомъ золота, если только исключительный счетъ на золото не будетъ снова отмѣненъ новымъ закономъ. Но первый шагъ, который надлежитъ сдѣлать правительству Соединенныхъ Штатовъ, это—образумиться и понять, наконецъ, что государственныя бумажныя деньги съ принудительнымъ курсомъ—тотъ же государственный долгъ, какъ и облигаціи, и что для союзнаго правительства, даже независимо отъ тѣхъ доводовъ, которые со всѣхъ сторонъ приводятся въ пользу возстановленія валюты, какъ дѣла необходимаго въ интересахъ торговли, составляетъ долгъ чести озаботиться прежде всего уплатою этого долга, такъ какъ онъ безпроцентный.

Но, къ сожалѣнію, даже событія послѣдняго времени не навели конгресса на сознаніе необходимости этой мѣры; въ сенатѣ, такъ же какъ и въ палатѣ депутатовъ, не далѣе, какъ въ концѣ марта 1874 г., было принято предложеніе даже повысить законный *maximum* государственныхъ бумажныхъ денегъ и банковыхъ билетовъ, которые могутъ быть выпускаемы на каждые 400 милліоновъ долларовъ; кромѣ того, сенатъ отклонилъ предложеніе возобновить платежи звонкою монетою съ 1 января 1876 г.

Вслѣдствіе этого рѣшенія, которое является или доказательствомъ полнѣйшей неспособности, или позорнымъ пятномъ на правительствѣ страны, количество государственныхъ бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ, вмѣсто того, чтобы быть уменьшено, можетъ еще быть увеличено на 44 милліона долларовъ. По счастью, президентъ Грантъ, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ энер-

тическаго протеста со стороны губернатора нью-iоркскаго штата, наложилъ на это послѣднее рѣшеніе свое Veto.

Къ концу 1873 г. можно было считать кризисъ въ Соединенныхъ Штатахъ миновавшимъ. Вѣрнымъ признакомъ окончанія кризиса было то, что въ концѣ марта 1874 г. позорно знаменитый Джей Гульдъ снова всплылъ на поверхность: ему удалось получить должность главнаго инспектора Союзной желѣзной дороги къ Тихому Океану—обстоятельство, которое должно повергнуть европейскихъ акціонеровъ этого предпріятія въ немалое смятеніе.

Болѣе подробное описаніе всѣхъ плутень, которыя вышли наружу во время кризиса, заняло бы гораздо болѣе мѣста, чѣмъ то, которымъ мы здѣсь располагаемъ. Опустошенія кризиса всего явственнѣе выступаютъ передъ нами изъ сравненія между цифрами банкротствъ, происшедшихъ въ этомъ году, съ банкротствами предшествующихъ годовъ:

	Число банкротствъ.	Размѣры пассива.
1873	5,183	228,199,000 долларовъ.
1872	4,069	121,056,000 „
1871	2,915	85,252,000 „

Приращеніе 1873 г. падаетъ главнымъ образомъ на Нью-Iоркъ, гдѣ произошло банкротствъ на 92,635,000 долларовъ, между тѣмъ какъ въ предшествующемъ году цифра эта не превышала 20,684,000 долларовъ, такъ что въ 1873 г. оказывается для Нью-Iорка приращеніе суммы банкротствъ на 72 милліона долларовъ. Приэтомъ, впрочемъ, надо принять въ разсчетъ, что число торговыхъ фирмъ возрасло за три года съ 431,000, на которыхъ оно стояло въ 1870 г., до 603,904; этимъ увеличеніемъ торговыхъ фирмъ и объясняется значительная часть излишествъ спекуляціи, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что было основано черезъ-чуръ много новыхъ соперничествующихъ предпріятій людьми, которые прежде были заняты въ старыхъ предпріятіяхъ.

* * *

Кризисъ, разразившійся въ Соединенныхъ Штатахъ, вовлекъ таки подконецъ въ бѣдственное положеніе и нѣмецкіе торговые центры, которые долгое время съ изумительною стойкостью выдерживали бурю. Мы уже упоминали выше, что учредительская горячка достигала въ Германіи и, въ особенности, въ Пруссіи и Берлинѣ, еще бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ въ Австріи, такъ какъ тамъ разсчитывали, что потокъ французскихъ милліардовъ повлечетъ за собою уплату значительнаго числа государственныхъ займовъ, вслѣдствіе чего освободившійся капиталъ будетъ искать новыхъ помѣщеній. Но спекуляція ошиблась въ своихъ разсчетахъ, такъ какъ, съ одной стороны, потребовалось больше времени, чѣмъ предполагали вначалѣ, для того, чтобы часть военной

контрибуціи попала въ обращеніе, а, съ другой стороны, сумма вновь учрежденныхъ предпріятій въ значительной мѣрѣ превзошла сумму сбереженій.

Пятисотъ милліоновъ талеровъ Пруссія не могла накопить въ одинъ годъ, а если бы даже это и могло быть, то за это должны бы были поплатиться старыя предпріятія, находящіяся въ эксплуатаціи единичныхъ личностей, обществъ или государства. Дѣло въ томъ, что всю производительную машину государства, обнимающую земледѣліе, ремесла, торговлю, средства сообщенія и образованія, орудія обороны и т. п. мало ремонтировать такъ, чтобы она оставалась въ первоначальномъ своемъ видѣ; надо еще, чтобы дѣятельность ея приспособлялась къ размѣрамъ постоянно возрастающаго населенія. Кромѣ того, гораздо важнѣе поддерживать въ надлежащемъ видѣ и расширять старыя предпріятія, чѣмъ основывать новыя, такъ какъ первыя не поглощаютъ такихъ значительныхъ суммъ на ошибки и промахи, неразлучные съ каждымъ ученичествомъ, а потому производительность, двигающаяся въ ихъ, уже готовой, колеѣ, въ общей сложности, оказывается прибыльнѣе.

Новыя предпріятія, правда, бываютъ иногда полезны, даже необходимы, они даютъ производительной дѣятельности новый толчокъ, такъ что производительная сила увеличивается, какъ то было при введеніи желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, телеграфовъ, машино-строительныхъ фабрикъ; но учредительская манія биржи, которая въ самой себѣ, т. е., попросту говоря, въ ажіотажѣ, замыкала свою цѣль, имѣетъ весьма мало общаго съ этими великими экономическими переворотами.

Самымъ типичнымъ образчикомъ этого грюндерства, основывающаго предпріятія зря и ради того только, чтобы что-нибудь основывать, былъ Квистропскій союзный банкъ въ Берлинѣ, который своей пріостановкой платежей подалъ въ началѣ октября сигналъ къ наступленію кризиса и на берлинской биржѣ. Мы готовы допустить, что, при своемъ основаніи, банкъ этомъ имѣлъ благую цѣль пособить цѣлымъ рядомъ предпріятій ощущавшемуся недостатку въ жилищахъ; но, съ теченіемъ времени, онъ все-таки превратился въ чисто спекулятивный банкъ, который, такъ же, какъ и учрежденія, основанныя по образцу Credit Mobilier, и учрежденія новыхъ предпріятій, дѣлалъ афферу и при-этомъ занимался на биржѣ коммиссіонными, а можетъ быть и репортными операціями. Что такого рода операціи для „обществъ“ оказываются, въ концѣ концовъ, дѣломъ совсѣмъ неподходящимъ—это уже давно доказано и теоріей, и практикой.

Квистропскій союзный банкъ, благодаря массѣ основанныхъ имъ и группировавшихся вокругъ него промышленныхъ обществъ, превратился подконецъ въ настоящаго крысинаго короля; онъ являлся представителемъ всевозможныхъ отраслей промышленности, о потребностяхъ которыхъ руководители банка, само собою разумѣется, не могли имѣть никакого сомостоятельно выработаннаго по-

нятія. Изъ каждаго вновь основываемаго общества банкъ извлекалъ прибыль въ видѣ премій на акціи этого общества, такъ что въ 1871 г. онъ могъ выплатить своимъ акціонерамъ не менѣе 15% дивиденда, а въ 1872 году—даже 19%.

Изъ новоосновашныхъ строительныхъ обществъ одно довело свои дивиденды въ 1872 году до 17%, другое — до $16^{1}/_{2}$. Такой высокій дивидендъ объясняется возростаніемъ цѣнъ на участки земли въ чертѣ города, возростаніемъ, которое теперь смѣнилось такимъ же быстрымъ паденіемъ цѣнъ. Но какимъ образомъ общество Балтійскій Ллойдъ, основанное въ 1870 году, могло уже въ 1871 году выплатить 10% дивиденда—остается для насъ загадкой, въ виду тѣхъ трудностей, съ которыми до сихъ поръ приходилось постоянно бороться обществамъ морскаго пароходства.

Самый поверхностный взглядъ на факты, успѣвшіе сдѣлаться извѣстными, приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что вся эта масса новыхъ предпріятій ставила на первомъ планѣ биржевую спекуляцію: дѣло неслыханное, чтобы вновь возникающія предпріятія могли въ первомъ же году оплачивать такіе высокіе дивиденды, какіе выдавались Квистропскимъ банкомъ. Въ Берлинѣ были того мнѣнія, что изъ 27 предпріятій, представителемъ которыхъ былъ квистропскій банкъ и изъ которыхъ 21 было введено имъ на биржу, — не болѣе 14 были хоть до нѣкоторой степени жизнеспособны, такъ какъ акціи ихъ, хотя и по пониженному курсу, еще можно было кое какъ продать.

Кромѣ Квистропскихъ обществъ, еще двѣ группы предпріятій стояли на краю погибели; изъ этихъ двухъ группъ одна обязана своимъ происхожденіемъ Маиротовскому центральному строительному банку, а другая состояла въ связи съ прусскимъ банкомъ поземельнаго кредита. По таблицѣ, приведенной вѣнской биржевой газетой, первая изъ этихъ двухъ группъ испытала съ 1-го апрѣля по 10-е октября 1873 года пониженіе курсовъ, о размѣрахъ котораго могутъ дать понятіе слѣдующія цифры: между акціями различныхъ предпріятій, входившихъ въ составъ этой группы, были такія, курсы которыхъ въ сказанный промежутокъ времени пали съ 380 до 78, съ 110 до 41, съ $123^{1}/_{2}$ до 37, съ $216^{3}/_{4}$ до 32, съ 89 до $16^{1}/_{2}$ и т. д. Общій выводъ изъ этихъ цифръ тотъ, что акціонерный капиталъ, представлявшій, по суммѣ сдѣланныхъ взносовъ, номинальную стоимость въ 7,750,000 талеровъ, 1-го апрѣля имѣлъ продажную стоимость въ 20,000,050 талеровъ, а 10 октября стоилъ въ продажѣ не болѣе 4,186,250 талеровъ, — и это еще при самой высокой оцѣнкѣ, такъ какъ въ дѣйствительности какъ старыя, такъ и новыя акціи нѣкоторыхъ обществъ, включенныхъ въ этотъ разсчетъ, не могли быть проданы по той цѣнѣ, которая показана въ таблицѣ курсовъ. Такимъ образомъ, цѣнность всѣхъ этихъ бумагъ въ продажѣ составляла 10 апрѣля не болѣе 20% той цѣны, которую онѣ имѣли 1-го апрѣля.

Немногимъ лучше было 10-го октября положеніе дѣлъ и второй группы.

Тутъ тоже мы видимъ такіе скачки курсовъ внизъ, какъ, напримѣръ: съ 167 до $62^1/_2$, съ 74 до 36, съ 78 до 30, съ 115 до 54 и т. д. Въ общей сложности стоимость этихъ бумагъ въ продажѣ, составлявшая 1 апрѣля 35,470,000 талеровъ, пала къ 10 октября до 15,466,500 талеровъ — другими словами, составляла не болѣе $43^1/_2\%$ прежней цифры.

Сначала были пущены въ ходъ всевозможныя усилія, чтобы поддержать Квистропскій банкъ, въ которомъ многія высокопоставленныя личности помѣстили свой капиталъ, помощію прусскаго національнаго банка или союза крупныхъ фирмъ. Но переговоры, начатые по этому поводу, не удались, главнымъ образомъ вслѣдствіе сильной оппозиціи общественнаго мнѣнія противъ государственной помощи,—и ликвидація этого учрежденія судебнымъ порядкомъ была рѣшена. Эта катастрофа, распространившая недовѣріе по всей Германіи, повлекла за собою паденіе множества другихъ учрежденій въ различныхъ городахъ сѣверной Германіи, хотя ликвидація собственно Квистропскаго банка въ конечномъ своемъ результатѣ имѣла почти полное удовлетвореніе всѣхъ кредиторовъ банка.

Два мѣсяца послѣ этого продолжалось крушеніе однихъ предпріятій за другими: трещали не только желѣзнодорожныя общества, банки и строительныя компаніи, но и большія фабрики, на которыхъ кризисъ отзывался еще пагубнѣе, нежели на какихъ-либо другихъ предпріятіяхъ; не были пощажены ни товарищества съ неограниченною отвѣтственностью, на анонимныя акціонерныя общества.

Вслѣдъ за Берлиномъ дошла очередь до Мемеля, Гёрлица, Познани, Кёнигсберга, Бреславля, Глогау, Грюнберга, Дрездена, Хемница, Пирны, Лейпцига, Магдебурга, Штетина; въ Гамбургѣ, Эссенѣ, Кельнѣ, Мюльгаузенѣ (Тюрингенскомъ), Мюнхенѣ, Эрфуртѣ и другихъ мѣстахъ происходили банкротства—и дѣйствіе кризиса было ощутительно даже въ Эльзасѣ.

Въ Познани застрѣлился одинъ директоръ банка; одинъ адъютантъ герцога мейнингенскаго, вслѣдствіе потерь, понесенныхъ имъ на биржѣ, сдѣлалъ подлогъ; въ Кёнигсбергѣ одинъ негоціантъ, безупречный въ другихъ отношеніяхъ, былъ приговоренъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію за противузаконныя услуги, оказанныя имъ одному банкроту.

Въ ряду конкурсовъ, которые кризисъ повлекъ за собою, особенно достоенъ замѣчанія конкурсъ, назначенный надъ центральной померанской желѣзной дорогой, въ основаніи которой участвовалъ позорно знаменитый тайный совѣтникъ Вагнеръ, и съ именемъ которой связаны вышеупомянутыя разоблаченія Ласкера; затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о банкротствѣ пирнейскаго банка и тюрингенскаго банковаго союза; при первой изъ этихъ катастрофъ, такъ же, какъ и при банкротствѣ общества „Скала“ въ Вѣнѣ, пострадало много мелкаго люда, а при второмъ, которому предшествовало такое быстрое паденіе акцій обще-

ства, что онѣ въ нѣсколько недѣль съ 260 понизились до 92, были открыты расхищенія суммъ, такъ что судебная власть должна была вмѣшаться. Въ Берлинѣ, Познани, Эрфуртѣ, Кёнигсбергѣ были произведены аресты за злостныя банкротства, за поддѣлки въ книгахъ и векселяхъ. Берлинскій городской судъ приговорилъ бухгалтера прусскаго банка поземельнаго кредита, М. Фюрстенберга, за расхищеніе 48,000 талеровъ, къ шестилѣтнему тюремному заключенію и къ лишенію чести на пять лѣтъ; директоръ и бухгалтеръ народнаго банка въ Эссенѣ были приговорены къ четырехмѣсячному заключенію въ рабочемъ домѣ за подлогъ векселей на сумму 166,000 талеровъ.

Многіе другіе кассиры и служащіе въ банкахъ были подвергнуты болѣе легкимъ наказаніямъ;—не мало было и такихъ, которые спаслись бѣгствомъ отъ возмездія за свои проделки.

Особенною дерзостью, въ ряду разныхъ мошенническихъ предпріятій, отличилось мюнхенское общество взаимнаго страхованія отъ градобитій. Нѣкій господинъ, выгнанный изъ другаго общества, при которомъ онъ служилъ, съумѣлъ безо всякаго капитала, помощью разныхъ блестящихъ посуловъ, заручиться именами личностей уважаемыхъ въ торговомъ мірѣ и разослать за ихъ подписями циркуляръ, возвѣщавшій о предполагаемомъ основаніи новаго общества; съ помощью этого циркуляра онъ смастерилъ правленіе и наблюдательный совѣтъ; члены того и другаго, по уставу общества, утвержденіе котораго предполагалось въ будущемъ, должны были обладать извѣстнымъ числомъ акцій, по которымъ обязывались взнести часть суммъ впередъ. На деньги, собранныя этимъ путемъ,—причемъ дѣло не обошлось безъ нѣкотораго понужденія—господинъ этотъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ свое удовольствіе, не взирая на то, что еще въ маѣ 1871 года образъ дѣйствій совѣта правленія успѣлъ достаточно выясниться.

Но мы не кончили бы, если-бъ захотѣли перечислять всѣ противузаконные поступки и преступленія, которые были совершены въ Германіи ничуть не въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ во Франціи [1]), въ Австріи, въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ.

Всюду страсть къ азартной игрѣ всего болѣе возбуждалась биржевыми спекуляціями на разности, спекуляціями, которыя, по случайности своихъ результатовъ, всего болѣе раззадоривали этого рода страсти. Въ Пруссіи обанкротилось еще болѣе крупныхъ фабрикъ, чѣмъ въ Австріи; такъ какъ владѣльцы этихъ фабрикъ передъ кризисомъ бросились очертя голову въ водово-

---

[1]) Въ 1874 году былъ арестованъ бывшій министръ Дювернуа, который въ 1870 году завѣдывалъ снабженіемъ Парижа продовольствіемъ и затѣмъ попался, въ качествѣ директора испанскаго территоріальнаго банка, въ которомъ были произведены такія же мошенничества, какъ и въ Credit Foncier Suisse.

ротъ биржевыхъ дѣлъ—ни дать, ни взять, какъ самые отчаянные спекулянты.

Особенными опасностями грозилъ конкурсъ надъ грюнбергскими суконными фабриками въ Силезіи, такъ какъ при этомъ многимъ тысячамъ рабочихъ предстояло лишиться занятія.

Удары кризиса отозвались бы на Германіи еще тяжелѣе, если бы германскимъ биржамъ не послужилъ предостереженіемъ кризисъ, разразившійся въ Вѣнѣ, и то обстоятельство, что на берлинской биржѣ уже съ давнихъ поръ дѣятельно работала контръ-мина, очевидно, имѣвшая свои основанія разсчитывать на пониженіе. Прусскій банкъ, въ которомъ постоянно имѣлось болѣе 100 милліоновъ талеровъ государственныхъ депозитовъ, имѣлъ такимъ образомъ возможность удовлетворить, насколько то позволялъ его уставъ, всѣмъ законнымъ потребностямъ торговли. Правда, потери, понесенныя вслѣдствіе вѣнскаго кризиса, германскими городами, были громадны и многіе негоціанты лишились значительной части своего состоянія; но возможность постепеннаго сведенія счетовъ дозволила многимъ устоять, не прибѣгая къ временной пріостановкѣ своихъ платежей, хотя такой результатъ былъ достигнутъ и не безъ большихъ жертвъ.

Въ числѣ городовъ, обратившихъ на себя вниманіе размѣрами своихъ потерь и, въ то же время, твердостью, съ которой они держались, особенно отличился Бреславль, который имѣлъ большія дѣла не только съ Берлиномъ, но и съ Вѣною. Другою причиною, обусловившею сравнительно менѣе тяжкія послѣдствія кризиса въ Германіи, не взирая на то, что грюндерство тутъ свирѣпствовало еще болѣе, чѣмъ въ Австріи, слѣдуетъ признать болѣе обезпеченное положеніе валюты: въ Австріи и въ Соединенныхъ Штатахъ принудительный курсъ не мало способствовалъ ухудшенію положенія дѣлъ.

Но и въ Германіи, не взирая на то, что на денежный рынокъ притекла часть французской военной контрибуціи, опасность все таки была на столько велика, что и тутъ стали раздаваться голоса, требовавшіе государственной помощи.

Въ особенности громко и настоятельно требовало торговое сословіе нѣкоторыхъ провинцій возстановленія правительственныхъ ссудныхъ кассъ, по образцу тѣхъ, которыя были введены во время войны.

Бѣда, главнымъ образомъ, и здѣсь также, какъ и въ Австріи, состояла въ томъ, что не только капиталъ биржевыхъ спекулянтовъ, но и всѣ свободныя средства фабрикантовъ, хозяевъ ремесленныхъ заведеній и частныхъ лицъ были помѣщены спекулятивными бумагами и акціями ненадежныхъ предпріятій, курсы которыхъ, со времени наступленія кризиса въ Вѣнѣ, такъ пали и до сихъ поръ подвергались такимъ сильнымъ колебаніямъ, что не было возможности сбыть эти бумаги съ рукъ. Такъ какъ, кромѣ того, бумаги этого

рода не принимаются въ обезпеченье прусскимъ банкомъ, и крупнымъ фирмамъ приходилось такимъ образомъ вести дѣла исключительно между собою, то ссудъ подъ эти бумаги не было возможности получить; при недовѣріи, господствовавшемъ на всѣхъ биржахъ, о репортныхъ операціяхъ, хотя бы и съ наибольшими издержками, тоже нечего было и думать. Владѣльцы спекулятивныхъ бумагъ попали такимъ образомъ въ тиски, изъ которыхъ они нѣкоторое время не знали какъ выпутаться.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, даже спекулянты въ Германіи поняли, что единственный способъ заставить дѣла прійти въ нормальное положеніе состоитъ въ томъ, чтобы возстановить равновѣсіе между запасомъ капитала и количествомъ предпріятій, — что, слѣдовательно, многія предпріятія должны быть или совсѣмъ оставлены, или ограничены въ своихъ размѣрахъ, такъ какъ капитала на нихъ не хватало. Всѣ тѣ новыя предпріятія, которыя еще не успѣли поглотить слишкомъ много капитала, слѣдовало совсѣмъ бросить, остальныя же надо было по возможности ограничить. Ликвидація, ограниченье и сліяніе новыхъ предпріятій—таковъ былъ девизъ этихъ дней.

Но такому способу лѣченія, съ одной стороны, мѣшалъ имперскій законъ объ акціонерныхъ обществахъ, запрещающій послѣднимъ скупать свои собственныя акціи; это препятствіе еще быть можетъ и удалось бы обойти посредствомъ болѣе эластичнаго толкованія закона, такъ какъ судебная власть могла признать, что скупанье акцій съ цѣлью ограниченья акціонернаго капитала не подходитъ подъ смыслъ законодательнаго запрещенія. Но, даже и въ этомъ случаѣ, оставалось другое препятствіе, состоявшее въ требованьи закона, чтобы о каждой ликвидаціи дѣлъ акціонернаго общества было объявлено за годъ впередъ, для того, чтобы кредитора общества имѣли время предъявить свои права. Между тѣмъ, пока прошелъ бы этотъ срокъ, кризисъ успѣлъ бы такъ или иначе окончиться. Для избѣжанія этихъ затрудненій, мы въ то время сдѣлали въ газетѣ Schlesische Presse предложеніе слѣдующаго рода: „Намъ ничего болѣе не остается, какъ пріискать такое средство, помощью котораго результаты ликвидаціи или ограниченья размѣровъ предпріятія могли быть дисконтированы впередъ. Такимъ средствомъ можетъ быть только кредитъ. Между тѣмъ, общества, о которыхъ идетъ рѣчь, пользуются въ настоящее время лишь весьма ограниченнымъ кредитомъ; курсы на ихъ акціи страшно пали и вообще не принимаются подъ залогъ въ главномъ источникѣ кредита—въ прусскомъ банкѣ.

„Вопросъ, слѣдовательно, сводится, главнымъ образомъ, на то, чтобы основать учрежденіе, которое дало бы возможность получать ссуды подъ залогъ бумагъ обществъ, находящихся въ затруднительномъ положеніи, причемъ ссуды эти, по истеченіи законнаго срока, установленнаго для ликвидаціи или ограниченья капитала, покрывались бы изъ имѣющаго освободиться къ этому времени акціонернаго капитала. Нельзя ли бы было, напр., устроить такъ, чтобы

первоклассные германскіе торговые дома и банки образовали изъ себя родъ гарантирующаго союза, который, подъ залогъ бумагъ, не принимаемыхъ въ прусскомъ банкѣ, снабжалъ бы своею подписью векселя для учета ихъ въ прусскомъ банкѣ. Что при этомъ о государственной помощи не могло бы быть и рѣчи, это явствуетъ само собою, такъ какъ банкъ операціями этого рода не подвергался бы никакой опасности и не отвлекалъ бы средствъ отъ солиднаго производства; вѣдь въ настоящее время банкъ задыхается, такъ сказать, въ собственномъ жиру,—и можно скорѣе поставить вопросъ, совмѣстимо ли съ общественной пользой, чтобы милліоны за милліонами накоплялись безъ пользы въ кладовыхъ, между тѣмъ, какъ съ противуположной стороны грозятъ потери національнаго богатства и безработица, а то и другое могло бы быть предотвращено безо всякой опасности для той доли дивиденда, которою государство участвуетъ въ прибыляхъ банка. Поэтому мы считаемъ неосновательными всякія возраженія, которыя могли бы быть направлены противъ предлагаемаго нами средства, какъ противъ косвенной государственной помощи, и полагаемъ, что, напротивъ, на обязаности прусскаго банка лежитъ—употребить свои богатыя средства на разрѣшеніе настоящихъ затрудненій, на сколько то можетъ быть сдѣлано безъ риска для государственной казны.

„Организацію такого рода помощи мы представляемъ себѣ въ слѣдующемъ видѣ: Образуется союзъ крупныхъ торговыхъ фирмъ и банковъ всей Германіи; союзъ этотъ имѣетъ свои отрасли или комитеты во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ есть биржа. Этимъ комитетамъ поручается изслѣдовать положеніе дѣлъ всѣхъ тѣхъ обществъ, которыя намѣреваются приступить къ ликвидаціи или къ ограниченью своего основнаго капитала. Комитеты удостовѣряются въ чистомъ активѣ этихъ обществъ, какой можетъ оказаться за вычетомъ пассива и всѣхъ сомнительныхъ платежей, и по этому чистому активу высчитываютъ, сколько можетъ очиститься при ликвидаціи, или до какихъ размѣровъ долженъ быть сокращенъ капиталъ; нормальный курсъ акцій устанавливается сообразно съ дѣйствительной ихъ стоимостью. Послѣ того, какъ цѣна акцій ликвидирующихся обществъ опредѣлена, такимъ образомъ, на основаніи книгъ этихъ обществъ, союзъ выдаетъ ссуды подъ залогъ акцій, въ размѣрахъ до 80% той суммы, въ которую онѣ оцѣнены, или же полный размѣръ суммы, на которую общество хочетъ сократить свой капиталъ.

„Что касается денежныхъ средствъ, необходимыхъ для комбинаціи этого рода, то пріисканіе ихъ не можетъ составить затрудненія для союза, къ услугамъ котораго готовы средства прусскаго банка. Такое эскронтированіе предстоящей ликвидаціи или сокращенія капитала не только способствовало бы установленію большей равномѣрности въ теченіи денежнаго потока, который тутъ застоялся не въ мѣру, а тамъ совсѣмъ обмѣлѣлъ, но и возстановило бы довѣріе. Многіе, подобно кормчему, который среди ночной темноты увидѣлъ маякъ, обод-

рились бы при одной мысли, что для нихъ возможенъ практическій выходъ изъ затрудненія; публика, копящая деньги, также смѣлѣе стала бы довѣрять свои сбереженья денежному рынку. Въ Лондонѣ мы уже не разъ были свидѣтелями того, какъ одно разрѣшеніе правительствомъ банку переступить за предѣлы дисконта, установленные закономъ, возстановляло довѣріе такъ успѣшно, что не оказывалось даже надобности пользоваться даннымъ разрѣшеніемъ.

„Мы желали бы, чтобы на наше предложеніе посмотрѣли лишь какъ на указаніе, которое, быть можетъ, побудитъ другихъ развить ту же мысль далѣе и приведетъ, такимъ образомъ, къ надежному выходу изъ теперешняго запутаннаго положенія дѣлъ".

Наше предложеніе, правда, не привело къ указанной нами организаціи самопомощи, но, тѣмъ не менѣе, крупными фирмами были, повидимому, сдѣланы негласно очень энергичныя усилія съ цѣлью остановить опустошенія урагана;— во всякомъ случаѣ, этимъ опустошеніямъ былъ положенъ предѣлъ, не взирая на то, что государство, согласно съ желаніемъ большинства общества, не приняло никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ для вспомоществованія лицамъ, пострадавшимъ отъ кризиса. Впрочемъ, оба государственныя учрежденія, которыя располагали частью милліардовъ, полученныхъ отъ Франціи, все же играли, повидимому, немалую роль при спасеніи погибавшихъ среди всеобщаго крушенія; фактъ тотъ, что ликвидація значительнаго числа банковъ, въ особенности маклерскихъ банковъ, и другихъ спекулятивныхъ обществъ совершилась безъ всякихъ катастрофъ.

Заключеніе счетовъ прусскаго банка за 1873 г. дало такіе поразительно благопріятные результаты, что учрежденіе это, при ничтожности своихъ потерь, могло бы быть гораздо щедрѣе на кредитъ, чѣмъ оно было, нисколько не нанося ущерба законной долѣ государства въ его прибыляхъ; дивидендъ въ 20 процентовъ составляетъ въ сущности черезъ-чуръ уже большую прибыль для акціонеровъ привиллегированнаго учрежденія въ такую эпоху, когда многія фирмы пали отъ недостатка въ кредитѣ и тысячи рабочихъ остались безъ хлѣба. Общая сумма оборотовъ прусскаго банка простиралась до 8 милліардовъ талеровъ—другими словами, болѣе, чѣмъ въ пять разъ превышала всю сумму французской контрибуціи; общая сумма оборотовъ французскаго банка за тотъ же періодъ времени составляла лишь немногимъ болѣе половины этой цифры, а именно: 16,7 милліардовъ франковъ, не взирая на то, что этотъ банкъ, благодаря значительному количеству билетовъ, выпущенныхъ имъ въ обращеніе, оказался въ состояніи выдать еще болѣе крупный дивидендъ, — а именно: 19%. Общая сумма прибыли прусскаго банка достигла колоссальной цифры 11,005,937 талеровъ, изъ которыхъ надо вычесть 3,263,614 талеровъ, поглощенныхъ расходами и потерями на золотѣ и серебрѣ. Въ этой послѣдней цифрѣ, 480,489 талеровъ занесены какъ убытки, причиненные па-

деніемъ курсовъ на серебро. Изъ чистой прибыли, составившей 7,741,783 талера, государство получило всего 3,788,346 талеровъ, или почти вдвое болѣе всего капитала, даннаго имъ въ ссуду банку—капитала, составлявшаго лишь 1,906,800 талеровъ. Другими словами, прибыль государства равнялась почти 200 процентамъ съ капитала.

Не взирая однако на отсутствіе непосредственной государственной помощи и на осторожную сдержанность прусскаго банка, затрудненія кризиса удалось превозмочь лучше, чѣмъ то казалось возможнымъ вначалѣ, и дѣла въ Германіи начинали уже возвращаться въ обычную свою колею въ такое время, когда въ Соединенныхъ Штатахъ крупная промышленность и сотни тысячъ рабочихъ еще несли на себѣ тяжкія послѣдствія кризиса.

* * *

Въ то время когда наступленіе кризиса въ Америкѣ и Германіи вызвало въ Австріи новый приступъ болѣзни, потребовавшій таки подконецъ помощи государства (о чемъ еще будетъ разсказано подробнѣе ниже) — значительныя посылки золота изъ Лондона, вызванныя этимъ событіемъ, вовлекли наконецъ и Англію въ общее бѣдствіе. Какъ ударъ молніи изъ яснаго неба, поразило всѣхъ 19 ноября извѣстіе о паникѣ, разразившейся въ Лондонѣ; къ этому времени мы уже совсѣмъ было сжились съ мыслью, что Джонъ Буль недосягаемо для кризиса возсѣдаетъ на своихъ мѣшкахъ съ золотомъ и лишь отъ времени до времени бросаетъ пригоршню золотыхъ монетъ своему брату Джанатану, бьющемуся въ нуждѣ.

Англіи не коснулись тѣ четыре войны, которыя съ 1859 г. посѣтили различныя государства континента. Въ 1866 г. она пострадала исключительно отъ собственныхъ излишествъ въ спекуляціи, и всѣ думали, что англійскій торговый міръ, умудренный опытомъ, не такъ то скоро снова попадетъ въ бѣду. Промышленность и торговля Великобританіи наслаждались съ тѣхъ поръ необычайнымъ процвѣтаніемъ и при этомъ не замѣчалось никакихъ признаковъ, которые указывали бы на существованіе излишествъ спекуляціи. Внѣшняя торговля Англіи непрерывно развивалась и лишь въ послѣдніе годы въ ней сталъ замѣтенъ нѣкоторый регрессъ. Хотя англійскіе капиталисты и приняли сильное участіе во французскомъ пятимилліардномъ займѣ, — но французская рента представляетъ солидное помѣщеніе и была выпущена по такой дешевой цѣнѣ, что отъ этого одного еще нечего было опасаться вредныхъ послѣдствій. Полная неудача послѣдняго турецкаго займа доказывала, что лондонскій денежный рынокъ, обыкновенно выказывавшій такую удивительную прыткость по сравненію съ континентальными государствами, теперь успѣлъ сдѣлаться осторожнѣе.

Въ теченіе недѣли, предшествовавшей 6 ноября, извѣстія, приходившія

съ лондонской биржи, единогласно подтверждали, что дѣла въ банкѣ стоятъ, потому что къ нему почти совсѣмъ не обращаются за дисконтомъ векселей. Правда, еженедѣльный отчетъ банка, изъ котораго оказывалось, что общая сумма резерва уменьшилась на 384,000 ф. ст., производилъ не совсѣмъ-то благопріятное впечатлѣніе, однако, послѣдовавшее затѣмъ повышеніе дисконта до 9%, еще не наводила на мысль о близости кризиса, хотя и странно намъ показалось такое повышеніе, къ которому англійскій банкъ прибѣгалъ не иначе, какъ во времена кризиса.

Какъ же велико было наше удивленіе, когда извѣстія изъ Сити отъ четверга вечеромъ сообщили намъ о паникѣ, разразившейся на лондонской биржѣ, и „Times“ свою биржевую хронику отъ 7 числа вечеромъ началъ слѣдующими словами: „На фондовой биржѣ вчерашняя паника продолжалась съ удвоенной силой и общественное мнѣніе во всемъ, что касается стоимости всевозможныхъ бумагъ, было приведено въ такое настроеніе, при которомъ всякое обращеніе къ разсудку безполезно“.

Изъ частныхъ свѣдѣній, полученныхъ нами отъ главы одного лондонскаго дома, также оказывалось, что еще за недѣлю передъ тѣмъ въ кружкахъ, посвященныхъ во всѣ тайны финансоваго міра, замѣчалось появленіе того недовѣрія, которое сопровождаетъ всякій кризисъ, и банки начали ограничивать свой кредитъ и отказывать въ немъ—мѣра, которая неизбѣжно должна была отозваться еще большимъ усиленьемъ общей тревоги.

Но такъ какъ уже 8 ноября паденіе курсовъ было менѣе значительно, чѣмъ въ предшествующіе дни, то мы не задумались утверждать, что положеніе дѣлъ не представляетъ опасности. И одного взгляда на данное положеніе было достаточно, чтобы убѣдиться, что оно такъ. Стѣсненіе денежнаго рынка происходило не отъ какой-либо опрометчивости англійскихъ капиталистовъ, а отъ того обстоятельства, что Франція, Германія и Америка одновременно бросились запасаться деньгами въ Англіи.

Послѣ того, какъ въ англійскомъ банкѣ нѣкоторое время совсѣмъ пріостановились операціи по дисконту, изъ Америки вдругъ пришли неблагопріятныя извѣстія. Новое значительное паденіе курсовъ различныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій произошло послѣ того, какъ 15 желѣзнодорожныхъ компаній объявили, что онѣ не выдадутъ процентовъ, для уплаты которыхъ истекалъ срокъ.

Кризисъ въ Америкѣ уже не ограничивался однѣми желѣзными дорогами, но уже начиналъ распространяться на торговлю и промышленность.

Въ то же время правительство Соединенныхъ Штатовъ увеличило необезпеченность положенія дѣлъ и потребность въ золотѣ нѣкоторыми нецѣлесообразными мѣрами. Года три или четыре тому назадъ, 45 милліоновъ бумажныхъ денегъ были изъяты изъ обращенія по постановленію конгресса,—и прези-

дентъ, по мнѣнію свѣдущихъ юристовъ, не въ правѣ былъ снова пускать эти деньги въ обращеніе. Тѣмъ не менѣе, въ 1872 г. тогдашній министръ финансовъ, Бутуэль, противузаконно выпустилъ снова на три милліона этихъ бумажекъ, подъ предлогомъ содѣйствія продажѣ хлѣба, собраннаго въ жатву этого года. На возраженія, поднятыя въ конгрессѣ, что правительство не имѣетъ неограниченнаго полномочія ронять цѣнность денежныхъ знаковъ, Бутуэль отвѣчалъ, что финансы не наука и что дѣло это до конгресса не касается. Послѣ того, какъ Бутуэль былъ вынужденъ уступить свой портфель Ричардсону, этотъ послѣдній точно также выпустилъ еще на два милліона старыхъ бумажныхъ денегъ, а теперь президентъ дошелъ до того, что обѣщалъ даже выпускать по мѣрѣ надобности гринбаки изъ того запаса въ 44 милліона, который хранился въ кассѣ Союза. Такъ какъ эти 44 милліона государственныхъ бумажныхъ денегъ, по смыслу закона, вовсе не составляютъ резерва, а суть ничто иное, какъ гринбаки, предназначенные для уничтоженія, то президентъ такимъ обѣщаніемъ переступилъ за предѣлъ своихъ полномочій—и повышеніе лажа на золото, вслѣдствіе этой мѣры, было тѣмъ неизбѣжнѣе, что многіе опасались, что эта произвольная мѣра повлечетъ за собой и другія; опасеніе это, какъ показали послѣдствія, было ненапрасное.

Англійскій банкъ вначалѣ былъ, повидимому, расположенъ мужественно встрѣтить какъ это извѣстіе, такъ и первое внезапное уменьшеніе своего резерва на 384,000 ф. ст. Но послѣ того, какъ проявилось сильное стремленіе къ продажѣ многихъ другихъ заграничныхъ бумагъ, послѣ того, какъ курсъ на векселя сильно палъ въ Нью-Іоркѣ и черезъ это опасность стала грозить непосредственно и лондонскому денежному рынку, наконецъ, послѣ того, какъ изъ англійскаго банка былъ взятъ кушъ въ 150,000 ф. ст. для отсылки въ Америку, правленіе банка увидѣло себя вынужденнымъ приступить къ повышенію дисконта.

Мѣра эта произвела въ томъ смыслѣ хорошее дѣйствіе, что въ Парижѣ вексельный курсъ на Лондонъ сталъ лучше; но въ Сити были того мнѣнія, что необходимо будетъ еще дальнѣйшее повышеніе дисконта, если въ другихъ мѣстахъ вексельный курсъ на Англію не поправится. Между тѣмъ, французскій банкъ уже приступилъ къ мѣрамъ для противодѣйствія кризису. Теченіе американскаго кризиса, какъ о томъ писалъ въ биржевомъ отчетѣ „Daily Telegraph“, также обмануло всѣ разсчеты. Правда, было весьма вѣроятно, что ни одна крупная англійская фирма, стоящая въ сношеніяхъ съ Америкой, не пошлетъ туда золота, безъ крайней надобности, — и это на томъ основаніи, что никакой барышъ, какъ бы высокъ онъ ни былъ, не могъ служить вознагражденіемъ за рискъ, съ которымъ были сопряжены такія ссуды Америкѣ, при такомъ сильномъ паденіи цѣнъ на тамошнія бумаги. Но, съ другой стороны, дурная жатва побудила англійскія фирмы, занимавшіяся ввозомъ продуктовъ изъ

заграницы, сколотить какъ можно больше наличныхъ денегъ, съ цѣлью пристроить ихъ въ американскихъ продуктахъ; такимъ образомъ золото, не взирая на опасность, непрерывно отправлялось въ Америку.

Что касается паденія курсовъ на лондонской фондовой биржѣ, то оно само по себѣ еще не означало ничего особеннаго, такъ какъ въ другое время оно могло бы быть вызвано политическимъ событіемъ. Но при-этомъ не надо было упускать изъ виду, что уже и прежнее теченіе кризиса, происходившее на европейскомъ континентѣ и въ Америкѣ, не прошло безслѣдно для курсовъ англійской биржи.

Мы предостерегали публику отъ преувеличеннаго взгляда на опасность положенія; мы указывали на то, что состояніе счетовъ въ англійскомъ банкѣ и вообще все положеніе коммерческихъ дѣлъ въ Великобританіи представляются гораздо благопріятнѣе, чѣмъ въ который-либо изъ предшествующихъ кризисовъ. Сравненіе счетовъ англійскаго банка, при началѣ трехъ послѣднихъ кризисовъ вполнѣ подтверждаетъ этотъ взглядъ. Въ 1847, 1857 и 1866 годахъ банкъ, вслѣдствіе совершеннаго истощенія своихъ учетныхъ средствъ—истощенія, которое не могло быть остановлено даже повышеніемъ дисконта до 8, 9 и 10%,— былъ вынужденъ обратиться къ правительству съ ходатайствомъ о пріостановкѣ дѣйствія банковаго закона. Но въ 1873 году общій резервъ банка былъ далекъ отъ того печальнаго положенія, въ которомъ онъ находился въ эти критическія минуты.

Запасъ билетовъ, при дисконтѣ въ 8—10 процентовъ достигалъ въ теченіе недѣль, послѣднія числа которыхъ обозначены ниже, слѣдующихъ размѣровъ:

30-е октября 1847 года. . .	1,176,740	8% дисконтъ.
14-е ноября 1857 года . . .	957,710	10 „ „
16-е мая 1866 года	730,830	10 „ „
6-е ноября 1873 года . . .	7,451,965	9 „ „

Вплоть до 25 сентября 1873 года запасъ билетовъ въ англійскомъ банкѣ составлялъ 12,639,905 ф. ст. и быстрое спаденіе его въ теченіе одной недѣли до 9,458,740, а въ теченіе трехъ недѣль до 7,348,050 побудило банкъ повысить дисконтъ съ 20 октября до 5%, а съ 16 октября—до 6%. Но съ этого числа запасъ билетовъ въ банкѣ не испытывалъ дальнѣйшаго уменьшенія, обращеніе въ банкъ за кредитомъ значительно уменьшилось и подконецъ почти совсѣмъ прекратилось.

Недовѣрчивость правленія банка, повидимому, была порождена тѣмъ обстоятельствомъ, что заграничный вексельный курсъ все еще медлилъ принять болѣе благопріятный для Англіи оборотъ. Поэтому то, не взирая на то, что положеніе дѣлъ самого банка не давало къ тому никакого повода, 23 октября дисконтъ былъ повышенъ до 7%, а 30 октября до 8%.

Эта своевременная предосторожность имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что англійскій банкъ получилъ возможность безъ опасеній за самого себя ожидать дальнѣйшаго хода событій и явиться надежною опорою торговаго міра, хотя послѣднему и приходилось, вслѣдствіе высокаго дисконта, платиться за это временными жертвами.

„Быть можетъ даже, именно неопредѣленное положеніе, въ которомъ до сихъ поръ находился лондонскій рынокъ, и которое давило всѣхъ какъ кошмаръ,—быть можетъ, именно это положеніе и было причиною, мѣшавшею всякому энергическому усилію, которое дало бы возможность выпутаться изъ кризиса. Быть можетъ, теперь мы вправѣ надѣяться на болѣе быстрое разрѣшеніе этой экономической загадки".

Послѣдующій ходъ событій вполнѣ подтвердилъ это предположеніе.

Высокій дисконтъ не замедлилъ подѣйствовать какъ насосъ для накачиванія золота, такъ что резервъ билетовъ въ банкѣ уже къ концу декабря снова стоялъ на 11,190,660 фунт. стерлин. и дисконтъ могъ быть пониженъ съ 9 до $4^1/_2$%

До пріостановки дѣйствія банковаго закона на этотъ разъ не дошло дѣло, благодаря тому, что банкъ своевременно подтянулъ возжи, и вообще благодаря тому, что англійскій торговый міръ, хорошо помня 1866 годъ, не слишкомъ зарвался въ своихъ спекуляціяхъ.

* * *

Кратковременныя послѣдствія, которыми кризисъ отразился на Лондонѣ и которыя какъ разъ совпали съ тѣмъ моментомъ, когда въ хронической болѣзни, съ давнихъ поръ томившей вѣнскую биржу, произошло значительное ухудшеніе—неизбѣжно должны были произвести въ Австріи впечатлѣніе такого рода, что обращеніе къ государственной помощи должно было показаться вполнѣ умѣстнымъ при данныхъ обстоятельствахъ. Къ тому же, самъ императоръ, еще за нѣсколько дней передъ этимъ, при открытіи рейхстага, подалъ надежду на помощь со стороны государства; тронная рѣчь заключала въ себѣ, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: „Вслѣдъ за періодомъ усиленнаго экономическаго развитія, наступила одна изъ тѣхъ реакцій, которыя обыкновенно являются отъ времени до времени въ экономической жизни народа и свирѣпствуютъ съ чисто стихійною силою вслѣдствіе того, что сила капитала перецѣнивается и капиталъ чрезмѣрно напрягается. Мое правительство старалось, въ предѣлахъ, указанныхъ ему закономъ и отвѣтственностью его передъ страною, оградить по возможности область промышленности и торговли отъ пагубныхъ послѣдствій этого потрясенія довѣрія. Распоряженія, которыя были сдѣланы съ этою цѣлью, на основаніи § 14 органическаго закона, будутъ немедленно сообщены на ваше усмотрѣніе, какъ того требуетъ конституція. Въ то же время правительство

мое предложить вамъ мѣры, представляющіяся наиболѣе желаемыми для возстановленія пошатнувшагося довѣрія, для предохраненія экономической дѣятельности отъ послѣдствій, могущихъ на долгое время нарушить ея отправленія, и для возвращенія торговли на путь здороваго, нормальнаго развитія. Въ правительственномъ проэктѣ бюджета, который будетъ представленъ на ваше усмотрѣніе, вы найдете тѣ принципы бережливости, которые должны быть проводимы неуклонно, съ цѣлью поддержать государственные финансы въ настоящемъ ихъ благопріятномъ положеніи. Въ видахъ осуществленія реформы въ системѣ прямыхъ налоговъ, реформы, которой настоятельно требуютъ обстоятельства,—вамъ будетъ вскорѣ предложенъ цѣлый рядъ законопроэктовъ; въ дѣлѣ преобразованія косвенныхъ налоговъ потребуется тоже ваше содѣйствіе для изданія законовъ, проэкты которыхъ уже выработаны. Предстоящее истеченіе срока для привилегіи, дарованной національному банку, дѣлаетъ необходимымъ регулированіе задачи и положенія этого учрежденія въ будущемъ; въ связи съ этимъ должны быть приняты и мѣры для возстановленія валюты, представляющагося столь необходимымъ. Въ видахъ приспособленія экономическаго законодательства къ потребностямъ настоящаго времени, правительство мое готовитъ законопроэкты, имѣющіе своимъ предметомъ реформу акціонернаго и биржеваго законодательствъ, а также установленіе болѣе правильнаго хода дѣлъ въ ремесленныхъ и желѣзно-дорожныхъ предпріятіяхъ и производствѣ сырыхъ матеріаловъ.

„Rari nantes in gurgite Vasto!“ подобно товарищамъ Энея послѣ кораблекрушенія, появлялись уже въ теченіе полугода цифры котировки на таблицѣ вѣнскихъ биржевыхъ курсовъ. На $^9/_{10}$ всего количества бумагъ все еще не было спроса. Торговля и промышленность-таки кончили тѣмъ, что были вовлечены кризисомъ въ общее бѣдствіе. Средства комитета вспомоществованія были истощены. Въ потребленіи замѣчалось постепенное уменьшеніе, такъ какъ всякій старался ограничить свои потребности лишь самымъ необходимымъ, такъ что и съ этой стороны производство должно было пострадать и значительное число рабочихъ было отпущено. Въ придачу ко всѣмъ прочимъ бѣдствіямъ, надежда на хорошую жатву, въ виду которой установилось было нѣчто въ родѣ всеобщаго соглашенія отсрочить на нѣкоторое время платежи, была такъ жестоко обманута, что правительство Австро-Венгріи нашлось вынужденнымъ на нѣкоторое время отмѣнить взиманіе пошлинъ за ввозъ хлѣба.

Критическое положеніе этой минуты вызвало множество предположеній, изъ которыхъ лишь немногія заслуживали вниманія государственныхъ людей. Между авторами различныхъ проэктовъ особено отличился одинъ сотрудникъ вѣнской Presse, проэктъ котораго совершенно напоминалъ эпоху ассигнацій. По его мнѣнію корень зла заключался въ недостаткѣ денежныхъ знаковъ; поэтому онъ предложилъ усилить выпускъ банковыхъ билетовъ на 300 милліоновъ гуль-

деновъ, другими словами, увеличить количество бумажныхъ денегъ на цѣлую треть, и это въ такое время, когда лажъ на серебро стоялъ на 12 процентахъ, явный знакъ, что наличное количество бумажныхъ денегъ болѣе чѣмъ на 12% превышало дѣйствительную въ нихъ потребность! Хотя въ средѣ австрійскаго правительства и рейхстага находится слишкомъ много представителей здравыхъ экономическихъ понятій, чтобы такое предложеніе могло когда-либо быть обсуждаемо серьезно, тѣмъ не менѣе, его нельзя было оставить вовсе безъ возраженій, такъ какъ въ средѣ публики весьма часто еще самыя странныя идеи находятъ себѣ сочувствіе. Такъ, въ февралѣ 1874 года предложеніе, еще болѣе напоминавшее систему ассигнацій, нашло въ средѣ рейхстага до 92 подписей и затѣмъ, даже при голосованіи, оказалось болѣе двадцати голосовъ, высказавшихся за это предложеніе.

Въ концѣ октября мы указывали на то, что существуетъ одинъ только моментъ, когда усиленіе денежныхъ знаковъ можетъ на короткое время оказать благодѣтельное дѣйствіе,—а именно, когда, при наступленіи кризиса, распространяется паническій страхъ и, вслѣдствіе того, что деньги начинаютъ прятаться, настаетъ, въ дѣйствительности, недостатокъ въ средствахъ обращенія. Но если кризисъ затягивается на нѣсколько мѣсяцевъ, то это явный знакъ, что дѣло не въ недостаткѣ средствъ обращенія, а въ недостаткѣ капитала; въ этихъ случаяхъ простымъ умноженіемъ средствъ обращенія нельзя пособить бѣдѣ; тутъ даже, вообще говоря, и звонкая монета не можетъ выручить, а усиленный выпускъ бумажныхъ денегъ и подавно. Въ этихъ случаяхъ единственное средство спасенія состоитъ въ томъ, чтобы предпріятія были снова приведены въ надлежащее соотвѣтствіе съ наличнымъ запасомъ капитала — (разумѣя подъ капиталомъ не только деньги, но и другіе запасы, и другія производства)— другими словами, чтобы извѣстное количество предпріятій ликвидировалось или ограничивалось въ размѣрахъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ снова достигнутъ уровень имѣющагося запаса капитала. Государственная помощь можетъ быть призываема лишь для облегченія ликвидаціи и ограниченія размѣровъ предпріятій, но и тутъ къ ней не слѣдуетъ прибѣгать безъ разбора, а лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда грозитъ опасность, что ликвидація, предоставленная самой себѣ, затянется слишкомъ надолго, повлечетъ за собою общій застой въ дѣлахъ и оставитъ массы рабочихъ безъ хлѣба. Даже и въ такомъ случаѣ, правительство, рѣшающееся на помощь, должно бы было оказывать ее или посредствомъ готовыхъ суммъ, или посредствомъ займа заграницею.

Въ Австріи, правда, указывали на успѣхъ, которымъ дважды увѣнчалось въ Пруссіи учрежденіе ссудныхъ кассъ; но при этомъ необходимо было принять во вниманіе то обстоятельство, что въ Пруссіи не существовало и не существуетъ принудительнаго курса. Обращеніе кредитныхъ денежныхъ знаковъ допускало еще нѣкоторое растяженіе безъ риска причинить такимъ прину-

дительнымъ займомъ вредъ владѣльцамъ этихъ знаковъ. Между тѣмъ, такого рода вредъ неизбѣжно причиняется, какъ скоро вводится принудительный курсъ, который отзывается двоякимъ образомъ: повышеніемъ цѣны на благородные металлы, причемъ на бумажныя деньги лажъ, платимый за первые, и соотвѣтственнымъ повышеніемъ цѣнъ на товары, которые, кромѣ того, подвергаются постояннымъ колебаніямъ.

Въ Австріи существуетъ принудительный курсъ; это ясный признакъ того, что количество бумажныхъ денегъ превышаетъ потребности денежнаго обращенія. Одновременно съ этимъ, продолжительность кризиса доказываетъ, что онъ былъ вызванъ излишествами спекуляціи, создавшими слишкомъ большое количество предпріятій и бумагъ, представляющихъ эти предпріятія.

Спрашивается, какже можно было пособить злу мѣрою, которая еще болѣе увеличила бы зло, т. е., новымъ выпускомъ государственныхъ бумажныхъ денегъ или банковыхъ билетовъ на 300 мил. гульденовъ?

Неужели составители подобныхъ проэктовъ въ рейхстагѣ или въ печати ни разу не подумали о томъ, что сумма денежныхъ знаковъ сообразуется съ количествомъ денежныхъ оборотовъ и съ большею или меньшею легкостью процедуры этихъ оборотовъ (посредствомъ учрежденій вродѣ Clearing-Houses). Неужели отъ нихъ ускользнулъ тотъ фактъ, что нѣтъ надобности имѣть столько же денежныхъ знаковъ, сколько производится оборотовъ, такъ какъ часть компенсаціи производится вексельнымъ обращеніемъ? Неужели они не поняли, что и общая сумма оборотовъ представляетъ лишь незначительную часть всего имѣющагося въ странѣ капитала, и что нечего и думать о томъ, чтобы стоимость биржевыхъ бумагъ, которая, къ тому же, представляетъ лишь незначительную часть неподвижнаго и обращающагося капитала,—перевести на денежные знаки (—т. е. звонкую монету, государственныя бумажныя деньги или банковые билеты) — такъ какъ деньги, независимо отъ присущей имъ цѣнности, какъ товаръ, имѣютъ и сохраняютъ цѣнность лишь настолько, на сколько онѣ могутъ служить для торговыхъ оборотовъ. Въ Австріи за эту границу уже переступили—и какъ далеко за нее переступили, этому можетъ служить мѣриломъ лажъ на серебро.

Если масса бумажныхъ денегъ будетъ еще увеличена, то это будетъ равняться принудительному займу у владѣльцевъ государственныхъ бумажныхъ денегъ и банковыхъ билетовъ; тѣ и другіе, при такомъ увеличеніи, должны неизбѣжно пасть въ цѣнѣ, такъ какъ лажъ на золото и цѣны на товары поднимутся въ соотвѣтствующихъ размѣрахъ. Предположивъ, что количество денежныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи, будетъ увеличено вдвое, нѣсколько времени спустя два гульдена потребуются для того же количества оборотовъ, для котораго въ настоящее время достаточно одного гульдена. Мѣра эта послужила бы, правда, на пользу фирмамъ несостоятельнымъ или нуждающимся

въ помощи въ настоящее время, но это было бы достигнуто лишь цѣною ущерба тѣмъ лицамъ, въ рукахъ которыхъ до сихъ поръ находились билеты. За что же, спрашивается, эти лица должны платить такой штрафъ въ пользу легкомысленныхъ спекулянтовъ?

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что увеличенье массы бумажныхъ денегъ въ Австріи было бы незаслуженнымъ благодѣяніемъ отдѣльнымъ личностямъ, въ ущербъ большинству, а между тѣмъ противъ главнаго зла такая мѣра оказалась бы безсильной.

Мы уже выше оговорились, что могутъ случиться такія обстоятельства, при которыхъ правительство, въ качествѣ учрежденія, обязаннаго печься объ общемъ благѣ, можетъ счесть своимъ долгомъ оказать активную помощь для предупрежденія общаго застоя дѣлъ и лишенія рабочихъ куска хлѣба; но мы повторяемъ, что, по нашему непоколебимому убѣжденію, оно можетъ это сдѣлать лишь въ такой формѣ, которая поразила бы зло въ самомъ корнѣ его, т. е. въ видѣ облегченія ликвидаціи, ограниченія и слиянія предпріятій, причемъ, если для такого облегченія потребуются отъ правительства денежныя средства, которыхъ оно не имѣетъ на лицо, оно можетъ прибѣгнуть къ заграничному займу, но отнюдь не къ умноженію бумажныхъ денегъ.

Тѣснимое раздававшимися со всѣхъ сторонъ жалобами, австрійское правительство, какъ мы уже замѣтили выше, сочло своимъ долгомъ оставить свое нерасположеніе къ государственной помощи и уступило, наконецъ, общему требованью, представивъ въ рейхстагѣ проэктъ закона объ учрежденіи государственныхъ ссудныхъ кассъ во всѣхъ провинціяхъ, подвластныхъ австрійской коронѣ, и объ оказаніи нѣкоторымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ правительственной поддержки, съ цѣлью дать имъ возможность продолжать начатыя постройки. Денежныя средства для этой цѣли предположено было достать посредствомъ заграничнаго займа въ 80 милліоновъ гульденовъ серебромъ, причемъ сумма эта долженствовала стекаться въ національный банкъ, выпускавшій въ обмѣнъ на неё соотвѣтствующее количество билетовъ.

Мѣра эта подверглась нападкамъ различныхъ сторонъ. Изъ возраженій, приводившихся противъ нея, тѣ, которыя заслуживаютъ сколько-нибудь серьезнаго вниманія, можно раздѣлить на двѣ категоріи. Одни возставали вообще противъ государственной помощи въ частныхъ торговыхъ дѣлахъ; другіе же были направлены противъ самаго способа примѣненія этой мѣры. Упреки послѣдняго рода были совершенно справедливы; мѣра эта, дѣйствительно, носила характеръ половинчатости и нерѣшительности; принята она была слишкомъ поздно, приведена въ исполненіе слишкомъ медленно и обставлена такими стѣснительными условіями, что люди съ щепетильномъ чувствомъ чести не могли рѣшиться прибѣгнуть къ помощи этихъ ссудныхъ кассъ.

Что касается возраженій первой категоріи, т. е. тѣхъ, которыя были на-

правлены противъ государственной помощи вообще, то мы, конечно, готовы примкнуть къ тому воззрѣнію, что государство должно повозможности предоставить экономическую дѣятельность самой себѣ, т. е. ограничиваться содѣйствіемъ ей посредствомъ цѣлесообразнаго законодательства, затѣмъ какъ можно больше воздерживаться отъ предохраняющаго или репрессивнаго, запрещающаго, или поощряющаго вмѣшательства,—пока общему благосостоянію не грозитъ опасность. Но затѣмъ мы отнюдь не можемъ раздѣлять того взгляда, по которому государство должно скорѣе погибнуть, чѣмъ рѣшиться, напримѣръ, на введеніе курса банковыхъ билетовъ, какъ то было однажды заявлено на конгрессѣ нѣмецкихъ экономистовъ. Мы держимся того мнѣнія, что государство обязано вмѣшиваться активно при такихъ общественныхъ бѣдствіяхъ, когда зло, по собственной ли винѣ публики или безъ ея участія, грозитъ принять размѣры, опасные для общаго благосостоянія, и поразить не однихъ только виновныхъ, но и невинныхъ. Такіе случаи бываютъ во время эпидемій, скотскихъ падежей, наводненій, всеобщихъ неурожаевъ или войнъ. При экономическихъ кризисахъ, съ перваго взгляда, противъ умѣстности государственной помощи говоритъ то обстоятельство, что тутъ большею частью зло возникаетъ по собственной винѣ пострадавшихъ. Но если даже и предоставить первоначальнымъ виновникамъ расплачиваться какъ знаютъ за послѣдствія своихъ грѣховъ, то все же между всѣми частями экономическаго организма, между требованіемъ и производствомъ, между торговлей и кредитомъ, существуетъ такая солидарность, что кризисъ почти никогда не ограничивается тѣмъ кружкомъ, представители котораго накликали его своими ошибками и въ средѣ котораго онъ первоначально разразился.

Кризисъ 1873 г. былъ по происхожденію своему чисто биржевымъ кризисомъ или, выражаясь точнѣе, онъ былъ острою экономическою болѣзнью, вызванною чрезмѣрнымъ усердіемъ учредительства по части всякихъ акціонерныхъ обществъ; болѣзнь эта обусловила перемѣщеніе извѣстной части капитала и переманила какъ средства производства, такъ и рабочихъ, изъ старыхъ, прочно установившихся отраслей производительной дѣятельности, какъ, напр., земледѣльческая и ремесленная дѣятельность, въ новооснованныя предпріятія, изъ которыхъ извѣстная часть, вслѣдствіе перецѣнки свободныхъ средствъ денежнаго рынка, вынуждена была прекратиться. Для банковъ, которые производятъ свои операціи лишь посредствомъ оборотнаго капитала и не имѣютъ подвижныхъ помѣщеній, кризисъ не грозилъ всеобщей опасности, такъ какъ средства банковъ пристраиваются къ другаго рода предпріятіямъ, а также потому, что они легко могутъ ликвидировать свои дѣла. Но начатая постройка желѣзной дороги или фабрики не можетъ быть остановлена безъ громадныхъ потерь, а если обстоятельства и вынуждаютъ къ такой остановкѣ, то это лишаетъ занятій массы рабочихъ и пагубно отзывается на многихъ отрасляхъ

торговли и промышлённости, такъ, напр., при остановкѣ желѣзно-дорожныхъ построекъ страдаетъ желѣзное производство. Правда, въ виду общаго положенія дѣлъ, близость зимы пришлась кстати, такъ какъ въ это время года, по крайней мѣрѣ для строительныхъ рабочихъ, застой въ дѣлахъ по ихъ спеціальности составляетъ явленіе обычное, которое не могло застигнуть ихъ врасплохъ; но, съ другой стороны, какъ уже было замѣчено выше, положеніе дѣлъ въ Австріи ухудшалось неурожаемъ.

Кризисъ, протянувшись долѣе, чѣмъ какой-нибудь другой кризисъ, занесенный въ лѣтописи исторіи, началъ переходить въ торговый кризисъ и грозилъ отозваться общимъ застоемъ въ дѣлахъ. Какъ ни мало мы расположены имѣть состраданіе къ биржевымъ спекулянтамъ, тѣмъ не менѣе, мы считаемъ, что правительство правильно поняло свою задачу, рѣшившись въ этотъ критическій моментъ попытаться, по мѣрѣ силъ и возможности, предотвратить бѣдствіе отъ невинныхъ и предупредить опасность, грозившую всему государству.

Съ этой точки зрѣнія мы считаемъ, что проэктъ австрійскаго министра финансовъ заслуживалъ сочувствія, тѣмъ болѣе, что онъ стремился поддержать государственною помощью не непосредственно биржу, а, прежде всего, товарную торговлю и промышленность, которымъ грозила опасность. Мѣра эта тѣмъ менѣе заслуживаетъ порицанія, что она, собственно говоря, не влекла за собою никакихъ пожертвованій со стороны государства и оказывала помощь не иначе, какъ подъ условіемъ надлежащихъ гарантій, причемъ всѣ затраты, дѣлаемыя государствомъ, окупались ему въ концѣ концовъ. Мало того, предложеніе министра финансовъ, чтобы суммы, которыя освободятся по возвращеніи ссудъ, сдѣланныхъ изъ заграничнаго займа, были употребляемы на возстановленіе валюты, придавало этой мѣрѣ, въ конечной ея цѣли, характеръ такого государственнаго акта, скорѣйшаго совершенія котораго не можетъ не желать самый ревностный манчестеріанецъ.

Что касается источника, къ которому предполагалось обратиться за необходимыми средствами, то, по нашему мнѣнію, министръ финансовъ весьма удачно обошелъ тѣ западни, которыя ставили ему разные прожектеры. Согласно съ наиболѣе просвѣщенными представителями общественнаго мнѣнія, онъ отвергъ какъ умноженіе государственныхъ бумажныхъ денегъ новымъ выпускомъ, такъ и созданіе особыхъ свидѣтельствъ ссудныхъ кассъ, и предпочелъ заемъ серебромъ заграницей, при взносѣ котораго въ банкъ въ обыкновенномъ установленномъ порядкѣ дѣловой процедуры банкомъ выдавались билеты на соотвѣтствующую сумму,—вслѣдствіе чего положеніе банка не только не ухудшилось но скорѣе еще улучшилось.

Предложеніе правительства, хотя ему и ставили въ упрекъ, что оно недостаточно продумано и что вся организація практическаго исполненія предостав-

*

лена въ существеннѣйшихъ своихъ частяхъ разработкѣ самого парламента, было все-таки принято обѣими палатами.

При этомъ нелишенъ былъ значенія тотъ фактъ, что пріемъ въ залогъ промышленныхъ бумагъ, отвергнутый палатою депутатовъ, подъ запугивающимъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, былъ утвержденъ верхней палатой, которая поступила въ этомъ отношеніи спокойнѣе и обдуманнѣе: дѣйствительно, безъ этого разрѣшенія вся мѣра утратила бы свой смыслъ, такъ какъ подъ залогъ фондовъ всегда можно было получить деньги. Вообще, палата господъ, въ отличіе отъ прусскихъ и англійскихъ перовъ, выказала гораздо болѣе высокую степень политико-экономическаго развитія, нежели палата депутатовъ.

Проэктъ министерства въ главныхъ своихъ чертахъ вышелъ въ удовлетворительномъ видѣ изъ парламентскихъ преній. Необходимыя средства на первыхъ порахъ были взяты изъ запасовъ государственной кассы, затѣмъ ихъ доставилъ заемъ серебромъ, заключенный при посредствѣ національнаго банка.

Но организація ссудныхъ кассъ и предписанное изслѣдованіе положенія нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ шли такъ медленно и, въ то же время, полученіе кредита въ вышеназванныхъ учрежденіяхъ было обставлено такими обременительными условіями, что значительная часть благихъ результатовъ, которыхъ ожидали отъ этой мѣры, не осуществилась. Требованіе, чтобы въ обезпеченіе ссуды представлялось двойное обезпеченіе—въ видѣ цѣнныхъ бумагъ и въ видѣ векселя,—а также, чтобы дѣйствительная потребность заемщика въ помощи была удостовѣрена свидѣтельствомъ посторонняго лица, требованіе это, говоримъ мы, было такъ тягостно, что люди съ щекотливымъ чувствомъ чести предпочитали вовсе отказаться отъ помощи этого рода и ограничить свои дѣла. Послѣдствіемъ этого было, съ одной стороны, то, что къ марту 1874 г. размѣръ выданныхъ ссудъ не превышалъ 15 милліоновъ, а съ другой стороны—то, что отпускъ рабочихъ съ фабрикъ достигъ колоссальныхъ размѣровъ. По свидѣтельству газеты Wiener Tageblatt въ теченіе двухъ только мѣсяцевъ — декабря и января—до 14,000 рабочихъ покинули Вѣну добровольно и, кромѣ того, до 800 человѣкъ, не имѣвшихъ средствъ къ существованію, были выпровожены за черту города. Въ началѣ февраля къ этимъ цифрамъ прибавилось въ Вѣнѣ и ея предмѣстьяхъ еще 18,000 человѣкъ, которые, безъ всякой вины съ своей стороны, остались безъ работы.

Даже обороты втораго вѣнскаго комитета вспомоществованія къ концу марта превышали на 10 милліоновъ гульденовъ обороты государственной ссудной кассы.

Въ заключеніе намъ остается еще упомянуть, что въ концѣ ноября былъ выработанъ проэктъ новаго биржеваго закона особою, съ этою цѣлью назначенною, комиссіею. Комиссія эта указывала на необходимость введенія на фондовой биржѣ парижскаго учрежденія agents de change, т. е., чтобы однимъ

присяжнымъ биржевымъ маклерамъ было предоставлено исключительное право посредничества въ биржевыхъ операціяхъ, причемъ имъ предоставлялось бы имѣть помощниковъ (remissiers), которые могли бы принимать заказы, но отнюдь не производить самыя операціи по покупкѣ и продажѣ бумагъ. Далѣе, рѣшенія биржеваго третейскаго суда объявлялись обязательными для всѣхъ заключаемыхъ на биржѣ сдѣлокъ, а также объявлялись подлежащими аппелляціи сдѣлки, по операціямъ на премію или по твердымъ оборотамъ. Въ случаяхъ несостоятельности, о томъ должно быть немедленно заявляемо предсѣдателю биржеваго комитета. Синдикатъ маклеровъ уполномочивается биржевымъ комитетомъ производить описи имущества, и всякій можетъ, подъ своей собственной отвѣтственностью, потребовать производства такой описи. Въ случаѣ несостоятельности, о фактѣ этомъ должно быть немедленно публикуемо во всеобщее свѣдѣніе; съ этой минуты сроки по всѣмъ обязательствамъ обанкротившагося лица считаются истекшими и обязательства эти должны быть удовлетворены при ликвидаціи. Кредиторы, желающіе заявить биржевому суду свои требованія на обанкротившуюся фирму, должны сдѣлать это заявленіе въ самый день публикаціи о несостоятельности и потребовать описи съ соблюденіемъ установленной для этого процедуры. Требованія, не заявленныя такимъ образомъ, могутъ быть удовлетворены лишь путемъ обыкновенной судебной процедуры. Третейскій судъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: изъ отдѣленія фондовой биржи и изъ отдѣленія товарной биржи. Члены его по обоимъ отдѣленіямъ избираются всѣми посѣтителями биржи, имѣющими избирательный голосъ. Процедура третейскаго суда опредѣляется особымъ регламентомъ, который имѣетъ быть составленъ биржевымъ комитетомъ и долженъ быть утвержденъ правительствомъ. Третейскій судъ можетъ также приглашать экспертовъ; его приговоры безаппелляціонны и должны быть немедленно приводимы въ исполненіе.

Общее управленіе дѣлами биржи ввѣряется комитету, состоящему изъ 18 лицъ и избираемому на три года; одна треть членовъ этого комитета выбываетъ ежегодно. Правомъ голоса на выборахъ пользуются всѣ тѣ неопороченныя личности, которыя посѣщали биржу въ теченіе трехъ лѣтъ, или же хотя начали посѣщать и въ недавнее время, но имѣютъ оффиціально заявленную торговую фирму. Лица, объявленныя несостоятельными, или же бывшія несостоятельными въ періодъ послѣдняго трехлѣтія, а также такія, которымъ временно запрещенъ доступъ на биржу, не имѣютъ права голоса на выборахъ. Правомъ быть избираемыми въ члены биржеваго комитета пользуются личности, владѣющія въ теченіе трехъ лѣтъ оффиціально заявленной торговой фирмой въ Вѣнѣ и имѣющія избирательный голосъ; не могутъ быть избираемы въ биржевой комитетъ присяжные маклера и, вообще, лица, служащія при биржѣ.

Фондовая и товарная биржа помѣщаются въ одномъ и томъ же зданіи и

бываютъ открыты въ одни и тѣ-же часы; входная плата для посѣтителей той или другой-одинакова. Входные билеты выдаются для каждаго отдѣленія биржи особо; впрочемъ, билетъ, выданный на посѣщеніе одного отдѣленія, можетъ быть обмѣненъ на билетъ другаго отдѣленія.

Торговые центры Венгріи, которые, равнымъ образомъ, пострадали отъ кризиса, приняли тоже участіе въ организованіи различныхъ мѣръ вспомоществованія, за исключеніемъ однѣхъ только государственныхъ ссудныхъ кассъ. Въ Пештѣ, Темесварѣ и другихъ мѣстностяхъ были учреждены комитеты вспомоществованія, и австрійскій національный банкъ не только усилилъ противъ обыкновеннаго отпускъ суммъ въ свое пештское отдѣленіе, но и снабдилъ денежными средствами мѣстные комитеты, образовавшіеся въ столицѣ Венгріи.

Въ связи съ кризисомъ слѣдуетъ также упомянуть о новомъ венгерскомъ займѣ въ 76,000,000 гульденовъ, который 18 декабря былъ покрытъ сполна подпискою на европейскихъ биржахъ; заемъ этотъ былъ выпущенъ по курсу въ $87^1/_2{}^0/_0$; венгерскому правительству онъ обходится, со включеніемъ коммиссіоннаго процента, въ $10^1/_8{}^0/_0$, а кредиторамъ даетъ около $9^1/_2$ процентовъ.

Если мы захотимъ окинуть взглядомъ опустошенія, произведенныя бурею, между различными обществами, то вотъ картина этихъ опустошеній, представленная газетою „Tresor“ въ началѣ марта 1874 г. Въ Австріи 8 банковъ, съ капиталомъ въ 15,2 милліоновъ гульденовъ, подверглись конкурсу; той же участи подверглись 2 страховыя общества съ капиталомъ въ 3,8 милліона, одно желѣзно-дорожное общество, съ капиталомъ въ 600,000, и 7 промышленныхъ предпріятій съ капиталомъ въ 3 милліона. Къ ликвидаціи были вынуждены: 40 банковъ, представлявшіе капиталъ въ 139,4 милліоновъ гульденовъ, шесть страховыхъ обществъ, представлявшихъ 5,2 милліоновъ капитала, одно торговое заведеніе, съ капиталомъ въ 1,6 милліона, и 18 строительныхъ обществъ, съ капиталомъ въ 64,6 милліона.

Въ Венгріи лопнуло 10 банковъ съ капиталомъ въ 3,3 милліона, и 2 промышленныя предпріятія, съ капиталомъ въ 800,000 гульденовъ. Ликвидировали свои дѣла: 13 банковъ съ капиталомъ въ 11,3 милліоновъ, 2 страховыхъ общества, съ капиталомъ въ 800,000, одна торговая фирма, съ капиталомъ въ 4,8 милліона, одно строительное общество, съ капиталомъ въ 200,000, и 10 промышленныхъ компаній, съ капиталомъ въ 5,3 милліона гульденовъ; но этими предпріятіями еще не закончился рядъ ликвидацій.

Изъ состоявшихся слияній до свѣдѣнія нашего пока дошли нижеслѣдующія: въ Австріи—сліяніе 9 банковъ съ капиталомъ въ 36,2 милліоновъ гульденовъ, и въ Венгріи—сліяніе 3 банковъ съ капиталомъ 1,2 милліона гульденовъ.

Акціонерныя общества, подвергшіяся конкурсу въ Австро-Венгріи, представляли въ общей сложности въ началѣ марта 1874 г. уплоченный капиталъ въ 26,7 милліоновъ гульденовъ, а ликвидирующіяся общества—капиталъ въ

29,5 милліоновъ гульденовъ. Приэтомъ, необходимо замѣтить, что относительно цѣлаго ряда акціонерныхъ обществъ, которыя не дожили даже до представленія перваго своего баланса, нѣтъ возможности въ точности опредѣлить размѣръ уплаченнаго акціонернаго капитала, а потому въ вышеприведенномъ разсчетѣ принималась въ соображеніе, съ одной стороны, цифра акцій, предназначенныхъ для перваго выпуска, а съ другой стороны — размѣръ суммы, опредѣленной для перваго взноса на каждую акцію.

Немногимъ меньше, чѣмъ въ Австро-Венгріи, были опустошенія, произведенныя кризисомъ въ Германіи; и тамъ тоже, какъ желѣзно-дорожныя общества, такъ и банки, фабрики и промышленныя компаніи подпадали конкурсу одни за другими.

Заключительнымъ эпизодомъ кризиса въ Австріи можно до извѣстной степени счесть сведеніе разсчетовъ кредитнаго учрежденія, акціи котораго также, какъ и акціи союзнаго банка, играли на биржѣ роль главной спекуляціонной международной бумаги. Первое изъ этихъ учрежденій завершило свои счеты потерями въ 3 милліона гульденовъ, т. е., на 900,000 гульденовъ болѣе тѣхъ потерь, которыя правленіе общества предполагало въ концѣ перваго семестра; второе учрежденіе закончило свои счеты 6-ю милліонами потерь.

Барыши кредитнаго учрежденія были на 6,3 милліоновъ гульденовъ меньше, чѣмъ въ 1872 г. Хотя, приэтомъ, капиталъ въ 40,000,000 гульденовъ давалъ все-таки изрядный процентъ, тѣмъ не менѣе, паденіе курсовъ, послѣдовавшее вслѣдъ за упомянутымъ сведеніемъ счетовъ, было весьма понятно, такъ какъ акціи этого учрежденія послѣ этого гораздо труднѣе стали сбываться съ рукъ, чѣмъ прежде. Кромѣ того, кредитному учрежденію грозили большія затрудненія при помѣщеніи его 80-милліоннаго займа, и мало было вѣроятій, чтобы оно успѣло довести эту операцію до благополучнаго окончанія, безъ значительныхъ уступокъ другимъ фирмамъ, которыя возьмутъ на себя посредничество по займу.

Уже въ концѣ 1873 г. сумма непристроенныхъ облигацій по займамъ и текущихъ долговъ была весьма значительна. Большая часть бумагъ этого рода находилась въ рукахъ крупныхъ банкирскихъ фирмъ. Журналъ „Economist" представлялъ нижеслѣдующій разсчетъ этихъ суммъ:

Франція.	70,000,000	ф. ст.
Турція	21,000,000	„ „
Египетъ	30,000,000	„ „
Перу	7,000,000	„ „
Италія	10,000,000	„ „
Испанія.	20,000,000	„ „
Россія	12,000,000	„ „
Австро-Венгрія	10,000,000	„ „
Итого . . .	180,000,000	ф. ст.

Между остальными государствами всего болѣе пострадала отъ кризиса Италія. Уже въ іюлѣ вѣнскій „крахъ" началъ отзываться на торговыхъ центрахъ сѣверной Италіи. Въ Болоньи, около половины іюля, разразилось столько банкротствъ, что въ банкахъ и среди торговаго сословія началась паника. Одинъ хлѣбный торговецъ разорился и остался съ 800,000 франковъ долга. Во Франціи нѣсколько первоклассныхъ банкировъ бѣжало, повергнувъ этимъ въ нищету много негоціантовъ и частныхъ лицъ. Одинъ изъ служащихъ при римскихъ желѣзныхъ дорогахъ скрылся, похитивъ 50,000 ф. ст. Курсы на биржахъ Турина и Генуи падали непрерывно и въ громадныхъ размѣрахъ. Также какъ и въ Римѣ, тамъ безпрестанно происходили банкротства. Уже отъ 20 сентября извѣстія изъ Генуи гласили: „Нужда въ деньгахъ и кризисъ на биржѣ являются у насъ въ Италіи девизомъ дня; обѣ эти болѣзни, представляющія вообще хроническій характеръ, въ настоящую минуту обострились и даютъ себя знать черезвычайно ощутительнымъ образомъ. Нужда въ деньгахъ существуетъ еще съ прошлой осени и очень стѣснительно отзывается на торговыхъ дѣлахъ, хотя на послѣднія и падаетъ значительная доля отвѣтственности за это зло. Наши портовые города запружены товарами, которые не находятъ себѣ сбыта; шелкъ покупается лишь въ весьма ограниченномъ количествѣ; биржа поглощаетъ много денегъ, а національный банкъ отказываетъ въ дисконтѣ. Послѣдній уже съ давнихъ поръ старается добиться усиленнаго выпуска билетовъ, но правительство противится этому, боясь увеличеньемъ количества обращающихся билетовъ вызвать ухудшеніе валюты. Вслѣдствіе этого, обращеніе банковыхъ билетовъ стоитъ на минимумѣ и впереди не предвидится измѣненія этого положенія дѣла. Напротивъ, банкъ состоитъ въ долгу у правительства на 30 милліоновъ, которые должны быть уплочены до декабря, слѣдовательно, будутъ еще изъяты изъ торговаго обращенія. Банкъ производитъ дисконты лишь въ незначительныхъ размѣрахъ, такъ что стѣсненное положеніе денежнаго рынка превратилось у насъ въ хроническое зло. Это, по всѣмъ вѣроятіямъ, и составляетъ главную причину страшнаго пониженія курсовъ, испытаннаго биржей въ сентябрѣ и вслѣдствіе котораго акціи движимаго кредита съ 1-го сентября пали 1152 до 970, акціи національнаго банка—съ 2410 до 2225. Безъ сомнѣнія, въ этомъ паденіи курсовъ участвовала и спекуляція, которая вела свои дѣла уже слишкомъ широко. Акціи движимаго кредита еще въ іюлѣ были доведены подобнымъ же кризисомъ до 840 и съ тѣхъ поръ гнались въ гору искусственными средствами, такъ что въ концѣ августа бумага эта дошла до 1152 и всѣ ожидали въ сентбрѣ дальнѣйшаго ея повышенія. Всѣ средства пускались въ ходъ, чтобы обморочить публику; еще въ концѣ августа поѣздкою короля въ Берлинъ воспользовались для того, чтобы вызвать новое повышеніе курсовъ. Насталъ срокъ ликвидаціи и далъ репорты въ 20, 30 и болѣе процентовъ. Спекулянты на повышеніе и

спекулянты на пониженіе равно правильно оцѣнили положеніе дѣлъ и начали усердно продавать. Курсы стали падать со стремительной быстротой. Когда они дошли до 1000, между спекулянтами на пониженіе и синдикатомъ игроковъ на повышеніе завязалась оживленная борьба, такъ какъ послѣдніе, по слухамъ, снова успѣли закупить значительныя количества акцій движимаго кредита и черезъ это истощили свои средства. Такимъ образомъ, клика, спекулирующая на повышеніе, оказывается совершенно безсильной, денегъ совсѣмъ нѣтъ на рынкѣ,—и намъ предстоитъ новая тяжкая ликвидація. Эта безумная игра требуетъ, конечно, многихъ жертвъ. Одною изъ этихъ жертвъ сталъ Banca Commerciale Chiavarese, капиталъ котораго, въ $1^1/_2$ милліона, пропалъ и кредитора котораго получатъ лишь весьма немного. Обстоятельство это нисколько не удивительно, если принять въ соображеніе, что такое маленькое мѣстечко, какъ Chiavari, имѣетъ 5 банковъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ три совершенно излишни и поэтому вынуждены существовать только при помощи биржевой игры. Учредительская горячка тоже не миновала Италіи и ей за это въ ближайшемъ времени предстоитъ неизбѣжная расплата. Италіянская рента еще въ августѣ, когда она стояла на 70, находила очень мало покупщиковъ; съ тѣхъ поръ національный банкъ старался изо всѣхъ силъ поддержать ее, въ надеждѣ реализировать свои собственные капиталы, помѣщенные въ этой рентѣ; но паденіе курсовъ застигло банкъ врасплохъ и бумаги, которыя онъ купилъ, въ концѣ концовъ останутся у него, по всѣмъ вѣроятіямъ, на рукахъ, за невозможностью продать ихъ. Рента съ 72, 75 постепенно понижалась и въ настоящее время предлагается по наивысшей цѣнѣ въ 71, 40. Лажъ на золото стоитъ почти безъ измѣненій на 115".

Самыя крупныя банкирскія фирмы въ Туринѣ обратились къ министерству съ адресомъ, въ которомъ онѣ ходатайствовали передъ правительствомъ о разрѣшеніи національному банку выпустить больше бумажныхъ денегъ, чѣмъ сколько ему до сихъ поръ было дозволено выпускать. „Мы переживаемъ, пишетъ Gazetta Piemontese, настоящій кризисъ, благодаря тому, что національный банкъ не въ состояніи дисконтировать. Бываютъ дни, когда въ его распоряженіи находится не болѣе какихъ-нибудь 100.000 лиръ".

Министръ на ходатайство банковъ отвѣчалъ отказомъ, такъ какъ онъ и безъ того намѣревался представить въ парламентъ проэктъ финансовой реформы, что̀ было сдѣлано имъ въ ноябрѣ. По этой же причинѣ не было уважено и другое ходатайство — депутаціи Флорентинской торговой палаты, которая обращалась къ министру финансовъ и къ главѣ кабинета, Мингети, въ Римѣ.

Въ половинѣ ноября министръ-президентъ внесъ въ парламентъ новыя предложенія, касавшіяся финансовъ и имѣвшія цѣлью постепенное погашеніе дефицита. Предложенія эти распадались на два отдѣла—на предложеніе о новой системѣ налоговъ и на проэктъ о регулированьи обращенія бумажныхъ денегъ

за все время, пока будетъ продолжаться принудительный курсъ. Первое предложеніе устанавливало шесть новыхъ видовъ налоговъ, въ томъ числѣ пошлину за торговлю биржевыми бумагами, и изъ существующихъ налоговъ пять получили большее расширеніе. Что касается втораго проэкта, который въ мартѣ въ 1874 г. получилъ силу закона, то онъ лишилъ мелкіе народные банки права выпускать билеты и оставлялъ лишь 6 ассигнаціонныхъ банковъ. Для уплаты государственнаго долга національному банку (около 800 милліоновъ лиръ) и для покрытія дефицита за два предстоящіе года, впредь до того времени, когда вступятъ въ полную силу новые законы о налогахъ, выпускалось на 1000 милліоновъ бумажныхъ денегъ, гарантію которыхъ принимали на себя сообща какъ вышеупомянутые ассигнаціонные банки, такъ и государство. Количество билетовъ, которое банки имѣли право выпускать отъ себя, ограничивалось 450 милліонами и лишь въ крайнемъ случаѣ могло быть увеличено еще на одну четверть. Оба разряда билетовъ отличаются между собою формою и цвѣтомъ: государственные кредитные билеты печатаются на бѣлой бумагѣ, а банковые билеты—на цвѣтной. Этою мѣрою общее количество обращающихся бумажныхъ денегъ низводилось съ 1800 на 1450 милліоновъ лиръ. Частью благодаря этимъ проэктамъ реформъ, свидѣтельствовавшимъ, что финансовое управленіе Италіи снова становится болѣе правильнымъ, частью же благодаря естественному теченію вещей, къ концу года худшая пора кризиса миновала. Какъ о куріёзномъ обстоятельствѣ, сопровождавшемъ этотъ кризисъ, слѣдуетъ упомянуть о томъ, что многія дамы попали въ затруднительное положеніе,—такъ какъ онѣ, съ цѣлью добыть деньги для уплаты своихъ частныхъ долговъ, поручали друзьямъ своимъ покупать бумаги на биржѣ. Даже Ватиканъ, какъ говорятъ, понесъ, вслѣдствіе американскаго кризиса, значительныя потери на американскихъ бумагахъ, въ которыя онъ помѣстилъ денарій св. Петра. Вскорѣ послѣ того, какъ кризисъ разразился въ Нью-Іоркѣ, въ Аугсбургскую газету писали: „Въ Ватиканѣ, какъ слышно, господствуетъ большое смятеніе. Значительныя суммы изъ денарія св. Петра пропали, повидимому, безвозвратно. Понятно, что отказаться отъ полученія процентовъ на эти суммы не желали и, въ то же время, не хотѣли довѣрить италіянскимъ кредитнымъ учрежденіямъ или банкирамъ, которые всѣ болѣе или менѣе имѣютъ связи съ существующимъ правительствомъ. Поэтому-то имѣли обыкновеніе обращаться къ американскимъ банкирамъ, принадлежность которыхъ къ еретическимъ ученіямъ охотно забывали, пока они платили хорошіе проценты. Преимущественно сосредоточивались въ Нью-Іоркѣ всѣ приношенія, идущія изъ южной, средней и сѣверной Америки; но и европейскіе сборы тоже пристраивались тамъ. Теперешній денежный кризисъ въ Нью-Іоркѣ поглотилъ, повидимому, всѣ эти капиталы, и въ Ватиканѣ, гдѣ до сихъ поръ привыкли, каждый разъ, когда наставала надобность въ деньгахъ, посылать, какъ то дѣлаютъ и простые смертные, просто напросто къ банкиру,—

предвидятъ въ настоящее время день, когда либо касса банкира окажется запертою, либо доступъ въ нее для куріи закроется, за истощеніемъ актива послѣдней.

Послѣдствія кризиса дали себя чувствовать даже въ Россіи. Въ это время на тамошнихъ рѣкахъ, вслѣдствіе низкаго уровня водъ, торговля лѣсомъ совершенно стала, одновременно съ этимъ, какъ приморскіе, такъ и внутренніе города пострадали отъ общей неурядицы въ промышленномъ мірѣ. Прежде всего банкротства разразились въ метрополіи русской торговли — въ Нижнемъ Новгородѣ. Уже въ концѣ августа сдѣлалось извѣстнымъ, что трое купцовъ оказываются несостоятельными на сумму въ 1,700,000 рублей; между ними былъ одинъ татаринъ, сумма долговъ котораго простиралась до 700,000 рублей, и одинъ сибирскій купецъ, обанкротившійся на 500,000 рублей; этотъ послѣдній уже за два года передъ тѣмъ объявилъ себя несостоятельнымъ и теперь вступилъ въ новое соглашеніе, по которому уплачивалъ своимъ кредиторамъ 40 коп. съ рубля немедленно и 40 коп. въ теченіе года. Ожидали также, что одна московская фирма, на которую имѣлось требованій въ размѣрѣ 500,000 рублей, тоже предложитъ своимъ кредиторамъ вступить въ соглашеніе. Торговцевъ, оказавшихся несостоятельными на болѣе мелкія суммы, было очень много и у нѣкоторыхъ изъ нихъ лавки были опечатаны; другіе вступали съ своими кредиторами въ соглашеніе и уплачивали менѣе пятидесяти коп. съ рубля. Весьма вѣроятно, что иные пользовались этимъ положеніемъ дѣлъ, чтобы ловить въ мутной водѣ рыбу.

Въ Москвѣ торговый домъ Леопольда Каца, имѣвшій значительные склады товаровъ, въ качествѣ комиссіонера сѣверо-германскихъ фирмъ, объявилъ себя несостоятельнымъ; на товары, находившіеся въ его складѣ, было наложено запрещеніе по требованію мѣстнаго генеральнаго консула.

Изъ Одессы извѣщали о многихъ крупныхъ и мелкихъ банкротствахъ, вызвавшихъ среди тамошнихъ коммерсантовъ настоящую панику, такъ что деньги совсѣмъ исчезли изъ обращенія. Въ числѣ фирмъ, обанкротившихся въ Одессѣ, была одна, пассивъ которой простирался до $1^1/_2$ милліона рублей серебромъ; другая оказывалась несостоятельной на 1,200,000 рублей сер. Въ остальныхъ банкротствахъ пассивы колебались между 100,000 и 1 милліономъ рублей. Перепуганные кредитные банки, которые передъ этимъ щедро расточали направо и налѣво свой кредитъ, стали усиленно стягивать обратно выданныя ими ссуды и этимъ только усилили общее смятеніе.

Швецію тоже не миновала учредительская горячка.

Въ 1870 г. въ Швеціи было выдано 97 концессій на учрежденіе акціонерныхъ обществъ, въ 1871—148 концессій и въ 1872 г.—200 концессій. Эти 200 обществъ представляли акціонерный капиталъ, по самой нисшей оцѣнкѣ, въ 65,058,208, а по наивысшей оцѣнкѣ—въ 184,247,158 шведскихъ рикс-

далеровъ. Само собою разумѣется, послѣдствія такого черезмѣрнаго размноженія предпріятій не заставили себя долго ждать.

На Нидерландскомъ денежномъ рынкѣ особенно тяжело отразились послѣдствія нью-іорскаго кризиса, такъ что и въ Амстердамѣ насталъ биржевой кризисъ. Послѣ того, какъ голландскіе капиталисты въ большей или меньшей степени охладѣли къ австрійскимъ фондамъ, они сильно накинулись на американскія желѣзнодорожныя облигаціи. Послѣ Нью-Іоркскаго кризиса курсы и на Амстердамской биржѣ пали такъ низко, что потери оцѣнивались въ сотни милліоновъ и многія семейства лишились части или и всего своего состоянія. И здѣсь также главною жертвою были частныя лица, не принадлежавшія къ торговому сословію и слѣпо довѣрявшіяся нѣкоторымъ коммиссіонерскимъ фирмамъ; отчаянье этихъ лицъ выражалось въ громкихъ жалобахъ.

Даже Александрія въ Египтѣ впервые ознакомилась съ кризисомъ. До 25 фирмъ пріостановили свои платежи. Но затрудненіе, какъ писали Times'у, было лишь временное.

Многіе второстепенные спекулянты, съ помощью краткосрочныхъ займовъ, сильно спекулировали на египетскіе фонды займа. Когда насталъ срокъ уплаты по сдѣланнымъ ими займамъ, они очутились въ очень затруднительномъ положеніи; такъ, требованіе этой уплаты было предъявлено какъ разъ въ то время, когда министръ финансовъ былъ озабоченъ отправкою 500.000 ф. ст. золотомъ въ Англію, для покрытія нѣкоторыхъ обязательствъ, да и нѣкоторымъ изъ банковъ предстоялъ взносъ платежей по послѣднему займу. Произошелъ кризисъ, — и въ концѣ концовъ были заключены соглашенія, по которымъ рѣшено было отправить для продажи въ Лондонъ на 300.000 ф. ст. облигацій египетскаго займа. Коммерческія фирмы въ Египтѣ вовсе не пострадали отъ этихъ затрудненій и между ними не было банкротствъ. Даже относительно компрометировавшихся спекулянтовъ была надежда, что они окажутся въ состояніи покрыть разности по своимъ операціямъ.

Безумная страсть къ предпріятіямъ успѣла проникнуть даже въ Южную Америку. Въ Буэносъ-Айресѣ особенно неистовствовали спекуляціи на земельную собственность. Участки земли, которые до этого имѣли лишь ничтожную стоимость, возросли, подъ вліяніемъ спекуляціи, поощряемой развитіемъ торговли и притокомъ эмигрантовъ, въ 30 и въ 40 разъ противъ дѣйствительной своей цѣны. Кромѣ того, во всѣхъ направленіяхъ прокладывались желѣзныя, конныя и шоссейныя дороги. Излишества спекуляціи и здѣсь повлекли за собою неизбѣжную реакцію, которая, прежде всего, выразилась въ недостаткѣ денегъ и, вслѣдствіе этого, породила многочисленныя банкротства и общій застой въ дѣлахъ вплоть до Монтевидео.

Франція еще въ 1870 г. представляла арену, на которой процвѣтала спекуляція; особенно благопріятствовалъ этому новый законъ, открывавшій много

простора для дѣятельности акціонерныхъ обществъ и— даже для такихъ, мѣстопребываніе которыхъ было заграницей; (какъ на образчикъ таковыхъ, достаточно будетъ указать на Credit des Communes, печатавшій свои объявленія въ оффиціальномъ Moniteur'ѣ и прибивавшій ихъ на углахъ улицъ во всѣхъ общинахъ, а также на Credit foncier Suisse и на испанскій поземельный банкъ, которые всѣ покончили свое существованіе на скамьѣ подсудимыхъ). Парижская биржа, къ тому же, была такимъ очагомъ свѣта, который имѣлъ особенную силу для мелкихъ мошекъ изъ сосѣднихъ странъ, любившихъ обжигать себѣ крылья. Но собственно въ тѣхъ излишествахъ спекуляціи, которыя въ данномъ случаѣ были причиною кризиса, разразившагося по обѣ стороны океана, Франція не участвовала. Да и не удивительно! Въ послѣдніе годы ей приходилось расплачиваться за одну изъ самыхъ безумныхъ спекуляцій, когда либо виданныхъ въ мірѣ—за политическую ошибку объявленія войны Германіи. Но экономическія послѣдствія этой ошибки падали своимъ бременемъ на весь народъ и потому они проявлялись не столько въ банкротствахъ отдѣльныхъ фирмъ, какъ то бываетъ во время торговыхъ кризисовъ, сколько фактами, свидѣтельствующими о пониженіи благосостоянія массы. На первыхъ порахъ удалось свалить главнѣйшую часть платежей по контрибуціи на заграничные денежные рынки,—и послѣдствія этой уплаты дадутъ себя знать лишь позднѣе и растянутся на болѣе продолжительный періодъ времени.

По бюджетной смѣтѣ министра финансовъ Маня, война взвалила на Францію добавочное ежегодное бремя въ 764 милліона франковъ, вслѣдствіе чего бюджетъ 1874 г. возросъ до 2,526 милліоновъ. Громадная сумма эта образовалась слѣдующимъ образомъ: для покрытія военныхъ издержекъ требовалось 3,739 милліоновъ франковъ, для уплаты контрибуціи Германіи — 5000 милліоновъ. Въ дѣйствительности, займами удалось реализировать 9,287 милліоновъ, слѣдовательно, отъ займа, заключеннаго по случаю войны, остался излишекъ въ 548 милліоновъ, который предназначался для покрытія разныхъ чрезвычайныхъ расходовъ, для реорганизаціи арміи и т. п.

Любопытны данныя относительно процентовъ, по которымъ удалось реализировать суммы различныхъ займовъ. Такъ, заемъ 23 августа 1870 обошелся въ 4,99%, двухмилліардный заемъ—въ 6,29%, Моргановскій заемъ—въ 7,42%, трехмилліардный заемъ—въ 6,06%. Ежегодное бремя процентовъ по государственному долгу увеличилось, благодаря этимъ займамъ, на 396,7 милліоновъ; одному національному банку правительство обязано ежегодно уплачивать 200 милліоновъ франковъ и 1% процентнаго вознагражденія. Мань придавалъ большую важность быстрому исполненію обязательствъ относительно банка и особенно напиралъ на то, что довѣріе къ валютѣ можетъ быть сохранено въ томъ случаѣ, если циркуляція банковыхъ билетовъ будетъ удержана въ ограниченныхъ размѣрахъ.

Совѣтъ этотъ былъ добросовѣстно исполненъ. Количество образующихся билетовъ банка, которое къ концу 1873 г. успѣло уже было возрасти до 3 милліардовъ, къ концу марта 1874 г. пало до 2600 милліоновъ; въ то же время запасъ наличныхъ денегъ возросъ съ 776 до 1150 милліоновъ. Стоимость банковыхъ билетовъ, которая было упала на $2^1/_2$ тысячныхъ, сравнительно со звонкою монетою, поднялась и удерживалась нѣкоторое время почти безъ колебаній на $^1/_2$ per mille, а позднѣе и совсѣмъ стала al pari, такъ что представлялась возможность снова возстановить платежи звонкой монетой, какъ только будетъ уплачена половина государственнаго долга банку,—долга, составлявшаго къ концу Марта 1874 г.—960 милліоновъ.

Но, не взирая на это удовлетворительное положеніе дѣлъ во французскомъ банкѣ, странѣ еще многіе годы придется страдать отъ болѣзни, которую можно бы было назвать тоской по родинѣ со стороны ренты, пристроенной заграницей. Какъ извѣстно, облигаціи государственныхъ займовъ, помѣщаемыя въ чужихъ странахъ, имѣютъ неудержимое стремленіе постепенно возвращаться домой. Эта же самая участь предстоитъ и большей части тѣхъ 9,287 милліоновъ, которые были доставлены Франціи заграничными займами. Уже къ концу 1873 г. стали раздаваться въ Парижѣ и изъ южныхъ французскихъ городовъ жалобы на застой въ дѣлахъ и на то, что рабочихъ распускаютъ съ фабрикъ и изъ мастерскихъ. Такъ, отъ 20-го марта писали изъ Парижа: „Число рабочихъ, оставшихся безъ хлѣба, съ каждымъ днемъ увеличивается и никто не скрываетъ отъ себя, что отсылка рабочихъ массами, къ которой вынуждены прибѣгать многіе фабриканты, грозитъ серьезною опасностью для общественнаго порядка. Поэтому къ фабрикантамъ Парижа и его окрестностей было разослано приглашеніе: какъ можно менѣе ограничивать составъ рабочихъ, занятыхъ на ихъ заведеніяхъ; имъ даже были обѣщаны нѣкоторые заказы со стороны государства, если они, не взирая на временный кризисъ, будутъ продолжать работы и не доставятъ новаго контингента „арміи безпорядка“.

Съ начала 1874 г. положеніе дѣлъ скорѣе ухудшилось, чѣмъ улучшилось, такъ что бонапартистскіе органы нашли достаточно матеріала для набрасыванья мрачныхъ, ужасающихъ картинъ, которыя они, конечно, освѣщали сообразно съ собственной тенденціей.

„Лучшіе работники, писали они, эмигрировали въ Англію или Америку. Въ строительныхъ спеціальностяхъ занятія низведены до minimum'a, такъ что каменьщики Крезы и Карезы вынуждены отправляться въ Мецъ и тамъ, за счетъ прусскаго короля, работать надъ постройкою мѣстныхъ укрѣпленій. Первоклассныя мастерскія распускаютъ своихъ рабочихъ сотнями или сажаютъ ихъ на половинное число часовъ рабочихъ. Достаточно бросить одинъ только взглядъ на самые бойкіе когда-то торговые кварталы Парижа: въ Galerie Vivienne пять магазиновъ стоятъ пустыми, въ Chaussée d'Antin — тридцать магазиновъ: они

скажутъ вамъ, что имъ больше приходится починять старыя, чѣмъ изготовлять новыхъ платьевъ. Спросите булочниковъ: тѣ, которые занимаются печеньемъ простыхъ хлѣбовъ, расходуютъ вдвое меньше муки, чѣмъ прежде; тѣ же, которые занимались изготовленіемъ дорогихъ печеній, вынуждены теперь попреимуществу изготовлять простой хлѣбъ. Спросите овощныхъ лавочниковъ: они продаютъ теперь самыя необходимыя пряности, а изъ колоніяльныхъ товаровъ, которые въ этомъ родѣ торговли даютъ наибольшіе барыши, у нихъ идетъ съ рукъ очень мало. Спросите мелочныхъ торговцевъ:—они потеряли всѣ свои небольшія сбереженія. Три тысячи банкротствъ стоятъ наочереди и не объявляются только потому, что кредитора продполагаютъ давать отсрочку по векселямъ, въ которыхъ и сами они нуждаются.

Но характеристичнѣе, быть можетъ, всѣхъ остальныхъ признаковъ—размѣры, которые приняло производство сальныхъ свѣчь. Во время имперіи сальныя свѣчи употреблялись развѣ только въ подвальныхъ этажахъ, у бочаровъ; теперь сальная свѣча во многихъ хозяйствахъ вытѣсняетъ стеариновую, которая стала слишкомъ дорога для людей, употребляющихъ вмѣсто вина смѣшанные напитки, вмѣсто сахара — патоку и иногда, вмѣсто хлѣба — картофель" Съ юга Франціи приходили подобныя же извѣстія. Тамъ тоже многія мастерскія пустовали, потому что не было денегъ и не было заказовъ. Многія фабрики шелковыхъ матерій въ Нимѣ закрылись, что составляло весьма ощутительный ударъ для вывозной торговли. Равнымъ образомъ, производство стало и въ долинѣ Роны. Въ Ліонѣ, Сентъ-Этьенѣ и Тарарѣ положеніе фабрикантовъ было очень незавидное. Въ Вогезахъ прядильныя и ткацкія фабрики страдали отъ накопленія продуктовъ, которые не шли съ рукъ. Большинство прядилень въ горахъ Божоле стояли или же занимали рабочихъ лишь половину дня. Не лучше шли дѣла и на Сѣверѣ. Передъ 24 мая желѣзно-плавильные заводы въ Лонгви вырабатывали ежемѣсячно до 15 милліоновъ килограммовъ чугуна. "Въ настоящее время, писали оттуда, количество это уже уменьшилось на одну пятую и цѣны на чугунъ стоятъ очень низкія. Въ Монъ-Сенъ-Мартенѣ, въ Ремѣ и въ сосѣднихъ съ ними мѣстностяхъ двѣ трети желѣзныхъ заводовъ стоятъ праздно. Монъ-Сенъ-Мартенское горнозаводское общество изъ 300 рабочихъ, которыхъ оно занимало, оставило у себя лишь 35 человѣкъ; въ нѣкогда цвѣтущемъ маленькомъ городкѣ Монъ-Сенъ-Мартенѣ пять крупныхъ фирмъ обанкротилось и въ ближайшемъ будущемъ ожидаютъ еще новыхъ катастрофъ. Въ Бургундіи винодѣліе почти совсѣмъ стало. Новыя провинціи страдаютъ столько же, сколько и старыя. Въ Аннеси, въ Савойѣ до 732 семействъ, при населеніи въ 12,000 душъ, содержатся на счетъ общественной благотворительности. 9 апрѣля правительство назначило даже комиссію для изслѣдованья средствъ улучшить условія сбыта для внѣшней торговли Франціи, причемъ, какъ на

бываютъ открыты въ одни и тѣ-же часы; входная плата для посѣтителей той или другой-одинакова. Входные билеты выдаются для каждаго отдѣленія биржи особо; впрочемъ, билетъ, выданный на посѣщеніе одного отдѣленія, можетъ быть обмѣненъ на билетъ другаго отдѣленія.

Торговые центры Венгріи, которые, равнымъ образомъ, пострадали отъ кризиса, приняли тоже участіе въ организованіи различныхъ мѣръ вспомоществованія, за исключеніемъ однѣхъ только государственныхъ ссудныхъ кассъ. Въ Пештѣ, Темесварѣ и другихъ мѣстностяхъ были учреждены комитеты вспомоществованія, и австрійскій національный банкъ не только усилилъ противъ обыкновеннаго отпускъ суммъ въ свое пештское отдѣленіе, но и снабдилъ денежными средствами мѣстные комитеты, образовавшіеся въ столицѣ Венгріи.

Въ связи съ кризисомъ слѣдуетъ также упомянуть о новомъ венгерскомъ займѣ въ 76,000,000 гульденовъ, который 18 декабря былъ покрытъ сполна подпискою на европейскихъ биржахъ; заемъ этотъ былъ выпущенъ по курсу въ $87^1/_2$%; венгерскому правительству онъ обходится, со включеніемъ комиссіоннаго процента, въ $10^1/_8$%, а кредиторамъ даетъ около $9^1/_2$ процентовъ.

Если мы захотимъ окинуть взглядомъ опустошенія, произведенныя бурею, между различными обществами, то вотъ картина этихъ опустошеній, представленная газетою „Tresor" въ началѣ марта 1874 г. Въ Австріи 8 банковъ, съ капиталомъ въ 15,2 милліоновъ гульденовъ, подверглись конкурсу; той же участи подверглись 2 страховыя общества съ капиталомъ въ 3,8 милліона, одно желѣзно-дорожное общество, съ капиталомъ въ 600,000, и 7 промышленныхъ предпріятій съ капиталомъ въ 3 милліона. Къ ликвидаціи были вынуждены: 40 банковъ, представлявшіе капиталъ въ 139,4 милліоновъ гульденовъ, шесть страховыхъ обществъ, представлявшихъ 5,2 милліоновъ капитала, одно торговое заведеніе, съ капиталомъ въ 1,6 милліона, и 18 строительныхъ обществъ, съ капиталомъ въ 64,6 милліона.

Въ Венгріи лопнуло 10 банковъ съ капиталомъ въ 3,3 милліона, и 2 промышленныя предпріятія, съ капиталомъ въ 800,000 гульденовъ. Ликвидировали свои дѣла: 13 банковъ съ капиталомъ въ 11,3 милліоновъ, 2 страховыхъ общества, съ капиталомъ въ 800,000, одна торговая фирма, съ капиталомъ въ 4,8 милліона, одно строительное общество, съ капиталомъ въ 200,000, и 10 промышленныхъ компаній, съ капиталомъ въ 5,3 милліона гульденовъ; но этими предпріятіями еще не закончился рядъ ликвидацій.

Изъ состоявшихся сліяній до свѣдѣнія нашего пока дошли нижеслѣдующія: въ Австріи—сліяніе 9 банковъ съ капиталомъ въ 36,2 милліоновъ гульденовъ, и въ Венгріи—сліяніе 3 банковъ съ капиталомъ 1,2 милліона гульденовъ.

Акціонерныя общества, подвергшіяся конкурсу въ Австро-Венгріи, представляли въ общей сложности въ началѣ марта 1874 г. уплоченный капиталъ въ 26,7 милліоновъ гульденовъ, а ликвидирующіяся общества—капиталъ въ

29,5 милліоновъ гульденовъ. Приэтомъ, необходимо замѣтить, что относительно цѣлаго ряда акціонерныхъ обществъ, которыя не дожили даже до представленія перваго своего баланса, нѣтъ возможности въ точности опредѣлить размѣръ уплаченнаго акціонернаго капитала, а потому въ вышеприведенномъ разсчетѣ принималась въ соображеніе, съ одной стороны, цифра акцій, предназначенныхъ для перваго выпуска, а съ другой стороны — размѣръ суммы, опредѣленной для перваго взноса на каждую акцію.

Немногимъ меньше, чѣмъ въ Австро-Венгріи, были опустошенія, произведенныя кризисомъ въ Германіи; и тамъ тоже, какъ желѣзно-дорожныя общества, такъ и банки, фабрики и промышленныя компаніи подпадали конкурсу одни за другими.

Заключительнымъ эпизодомъ кризиса въ Австріи можно до извѣстной степени счесть сведеніе разсчетовъ кредитнаго учрежденія, акціи котораго также, какъ и акціи союзнаго банка, играли на биржѣ роль главной спекуляціонной международной бумаги. Первое изъ этихъ учрежденій завершило свои счеты потерями въ 3 милліона гульденовъ, т. е., на 900,000 гульденовъ болѣе тѣхъ потерь, которыя правленіе общества предполагало въ концѣ перваго семестра; второе учрежденіе закончило свои счеты 6-ю милліонами потерь.

Барыши кредитнаго учрежденія были на 6,3 милліоновъ гульденовъ меньше, чѣмъ въ 1872 г. Хотя, приэтомъ, капиталъ въ 40,000,000 гульденовъ давалъ все-таки изрядный процентъ, тѣмъ не менѣе, паденіе курсовъ, послѣдовавшее вслѣдъ за упомянутымъ сведеніемъ счетовъ, было весьма понятно, такъ какъ акціи этого учрежденія послѣ этого гораздо труднѣе стали сбываться съ рукъ, чѣмъ прежде. Кромѣ того, кредитному учрежденію грозили большія затрудненія при помѣщеніи его 80-милліоннаго займа, и мало было вѣроятій, чтобы оно успѣло довести эту операцію до благополучнаго окончанія, безъ значительныхъ уступокъ другимъ фирмамъ, которыя возьмутъ на себя посредничество по займу.

Уже въ концѣ 1873 г. сумма непристроенныхъ облигацій по займамъ и текущихъ долговъ была весьма значительна. Большая часть бумагъ этого рода находилась въ рукахъ крупныхъ банкирскихъ фирмъ. Журналъ „Economist“ представлялъ нижеслѣдующій разсчетъ этихъ суммъ:

Франція.	70,000,000	ф. ст.
Турція	21,000,000	„ „
Египетъ	30,000,000	„ „
Перу	7,000,000	„ „
Италія	10,000,000	„ „
Испанія.	20,000,000	„ „
Россія	12,000,000	„ „
Австро-Венгрія	10,000,000	„ „
Итого . . .	180,000,000	ф. ст.

бывшія времена и какъ онъ еще не совсѣмъ разучился дѣлать и до сего дня; напротивъ, они должны въ такія эпохи подтягивать дисконтъ и накоплять запасъ съ тѣмъ, чтобы въ моментъ, когда разразится нужда, имѣть возможность оказать щедрую помощь. Равнымъ образомъ въ Австріи отъ пріостановки дѣйствія банковаго закона можно бы было ожидать болѣе ощутительныхъ результатовъ, если бы рука объ руку съ этою мѣрою было введено повышеніе дисконта, которое является самымъ естественнымъ средствомъ для привлеченія на рынокъ частныхъ капиталовъ, боязливо держащихся въ сторонѣ.

Снова подтвердилось воззрѣніе, что свобода или многочисленность ассигнаціонныхъ банковъ невыгодна для публики. Изъ доводовъ, которые были нами приведены въ другомъ мѣстѣ въ пользу этаго положенія [1]), мы приведемъ лишь три: 1) для руководства этими учрежденіями не имѣется на лицо достаточное количество компетентныхъ умственныхъ силъ. 2) Они нуждаются въ болѣе значительномъ количествѣ металлическихъ денегъ для выкупа своихъ билетовъ; 3) въ періоды разгара коммерческой дѣятельности они поощряютъ спекуляцію, съ цѣлью доставить усиленное обращеніе своимъ билетамъ и увеличить свои доходы отъ получаемыхъ процентовъ; когда же кризисъ приближается, они оттягиваютъ свои средства, отказываютъ въ кредитѣ и, вмѣсто того, чтобы служить опорою въ критическую минуту, только усиливаютъ общее затрудненіе. Свобода же неассигнаціонныхъ банковъ, напротивъ, оказалась дѣломъ желательнымъ, такъ какъ концессіи, даруемыя правительствомъ, только уменьшаютъ собственный контроль публики надъ собою и усиливаютъ ея безпечность.

Относительно биржи кризисъ показалъ, что изъятіе операцій на разность — изъ вѣдѣнія суда лишь усиливаетъ страсть къ биржевой игрѣ и что эта азартная игра обуздывается введеніемъ такихъ порядковъ, при которыхъ должникъ можетъ быть понуждаемъ судомъ къ уплатѣ разностей, которыя имъ состоитъ долженъ.

Въ отношеніи акціонерныхъ обществъ, новые законы, которыми отмѣнялась выдача концессій на таковыя общества, за исключеніемъ желѣзно-дорожныхъ компаній и ассигнаціонныхъ банковъ, оказались вполнѣ цѣлесообразными. Въ странахъ, гдѣ концессіи были отмѣнены, какъ, напримѣръ, въ Германской имперіи, кризисъ отнюдь не навлекъ за собой худшихъ послѣдствій, чѣмъ въ Австріи, гдѣ концессіи продолжали существовать [1]); въ Пруссіи главнѣйшія изъ

[1]) См. мое «Руководство банковаго дѣла», а также 3-й томъ основъ политической экономіи. 2-е изданіе, Кёльнъ, книжная торговля Дюмонъ-Шауберга.

[2]) Изъ другихъ невыгодъ, сопряженныхъ съ системою концессій, мы укажемъ только на одну, которая особенно ощутительна сказалась въ Вѣнѣ, именно, на торговлю концессіями. Лишь за нѣсколько недѣль до начала кризиса продавались за 100,000 гульд. такія концессіи, которыя продавцы,

шихся злоупотребленій происходили именно въ желѣзно-дорожныхъ обще-, для которыхъ концессіи оставались обязательными. Въ пятидесятыхъ въ Германіи, а также, позднѣе, въ Швейцаріи, какъ разъ въ конце-ованныхъ акціонерныхъ банкахъ, всего болѣе свирѣпствовалъ ажіотажъ. оизведенное въ Пруссіи изслѣдованіе о дѣйствіи имперскаго закона объ ерныхъ обществахъ показало, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ пара-ъ, требующихъ пересмотра, сохраненіе этого закона представляется во-желательнымъ. Въ Австріи опытъ, вынесенный изъ кризиса утвердилъ ельство еще болѣе въ принятомъ имъ до этого рѣшеніи представить рейх-проэктъ преобразованія законодательства объ акціонерныхъ обществахъ; эктъ этотъ были включены и тѣ улучшенія, которыхъ еще недоставало скому закону и которыя, принимая во вниманіе главнѣйшія изъ жалобъ, щихся на эксплуатацію публики, въ тоже время, не парализуютъ духъ іимчивости. Изъ этихъ улучшеній въ особенности заслуживаютъ вниманія

ственному ихъ сознанію, готовы бы были уступить и за 5000 гульд. отвѣтственности за это падаетъ на австрійское правительство, такъ оно, въ виду дохода, приносимаго государственному казначейству, эльной пошлиной на акціи и другими налогами этого рода, выдавало омъ много концессій.

участіе правительства въ созданію причинъ, обусловившихъ кризисъ, ко на него и обязанность ослабить дѣйствіе краха своего поддерж-ъ особенности, по скольку дѣйствіе это отзывалось на невинныхъ ихъ, т. е. на рабочихъ. Со стороны правительства было ошибкою, омощь, которую оно въ концѣ концовъ оказало, была оказана щедро ро.

ючемъ воззрѣніе тѣхъ доктринеровъ, которые требуютъ, чтобы пра-ство ни при какихъ обстоятельствахъ не выступало съ своею помощью хи кризиса, даже тамъ, гдѣ это не сопряжено ни съ какимъ рискомъ го, оказалось на многихъ примѣрахъ ошибочнымъ и вреднымъ. Какъ олинѣ, такъ и въ Вѣнѣ оказалось, что при взаимной зависимости ыхъ и вексельныхъ операцій, — зависимости, создающей нѣчто въ арточнаго зданія и при которой одно паденіе влечетъ за собою мно-другихъ, — поддержка одной фирмы можетъ предупредить распростра-бѣдствія на обширный раіонъ, при чемъ правительству, оказываю-эту поддержку, не грозятъ никакіе убытки, такъ какъ рѣчь идетъ займообразной помощи. Такъ, напримѣръ, при сведеніи счетовъ іскимъ банкомъ поземельнаго кредита, которому помогло въ этой іи правительства, государственное казначейство не понесло никакихъ овъ. Въ Берлинѣ ликвидація Квисторпскаго банка дала нѣкоторый экъ. Слѣдовательно, поддержкою этого учрежденія правительство, отерь для себя, могло бы предупредить возникновеніе значительныхъ неній въ обширномъ раіонѣ торговаго міра и временное закрытіе ъ промышленныхъ заведеній, лишившее множество рабочихъ куска

слѣдующія: 1) Обязательное для учредителей трехгодичное пребываніе при учреждаемомъ имъ новомъ предпріятіи; 2) предоставленіе каждому акціонеру обращаться къ содѣйствію суда въ случаѣ рѣшеній, противныхъ уставу общества; 3) запрещеніе коммисіямъ торговать собственными акціями (или раздавать ихъ взаймы) за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда это представляется необходимымъ въ видахъ ограниченія акціонернаго капитала.

Кризисъ 1873 г. имѣлъ болѣе значительныя размѣры и повлекъ за собою большія потери, чѣмъ какой либо изъ предшествующихъ. Не взирая на то, что онъ вначалѣ былъ лишь чисто биржевымъ кризисомъ, онъ втянулъ въ свои послѣдствія торговлю и промышленность, и это произошло на такомъ обширномъ районѣ, какого еще ни разу не испытывали прежніе кризисы. Никогда еще при подобныхъ экономическихъ катастрофахъ не оставалось безъ работы такого значительнаго числа лицъ, служащихъ при коммерческихъ предпріятіяхъ, и рабочихъ. Въ Берлинѣ и Вѣнѣ служащіе при банкахъ бродили цѣлыми тысячами безъ дѣла, и еще въ мартѣ 1874 одинъ изъ этихъ несчастныхъ упалъ безъ чувствъ на улицѣ, потому что, какъ оказалось, онъ уже восемь дней ничего не ѣлъ. Ни въ одну изъ предшествующихъ эпохъ этого рода не было такъ велико число самоубійствъ, начиная отъ директора банка и кончая простымъ рабочимъ, отъ биржеваго спекулянта и до генерала, увѣнчаннаго лаврами, никогда еще столько жениховъ и невѣстъ, у которыхъ катастрофа похитила завѣтныя ихъ надежды, не искали утѣшенія въ смерти. А между тѣмъ, ни въ одинъ изъ предшествующихъ кризисовъ не было такъ распространено ясное пониманіе положенія дѣлъ и не оказалось столько лицъ, успѣвшихъ припрятать свое добро вовремя и спастись отъ всеобщаго разоренія.

Цѣна 2 руб. 50 коп.